

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
Коленкоровые переплеты
ДЛЯ ЖУРНАЛА
„БЫЛОЕ“,

изготовленные изъ англійскаго коленкора съ тисненіемъ.

шесть переплетовъ
на двѣнадцать книгъ
(по одной крышкѣ на двѣ книги).

Цѣна одной крышки 25 к.,
всѣхъ ШЕСТИ крышекъ 1 р. 50 к.

Пересылка за 5 фунтовъ.

Выписывать и получать можно исключительно изъ конторы
Типо-литографіи „ЭНЕРГІЯ“,

С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 17.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 1 ЯНВАРЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

PRESERVATION
COPY ACQUISITION
2/25/88

NEW
PLACEMENT
DATE

USE

April

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія „Енергія“, Загородный, 17.

1906.

131

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW 10/84

DK1
B94
V. 1-3
MA111

СОДЕРЖАНИЕ.

СТР

Отъ редакціи.

1. **Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.** (Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).—
В. И. Семевскаю. I—II. 1
2. **Шлиссельбургская тюрьма за 20 лѣтъ, отъ 1884—1904 г.** Воспоминанія *М. Ю. Ашенбреннера.* 54
3. **„Узница“,** — стихотвореніе (въ неизданной редакціи) *Я. П. Полонскаго.* 94
4. **Дѣло М. И. Михайлова, 1861 г.** (По неизданнымъ матеріаламъ). *М. К. Лемке.* 96
5. **Петръ Григорьевичъ Наховскій.** Историкопсихологическій этюдъ. *П. Е. Щеголева* I. 129
6. **Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому.** 167
7. **Сѣверно-русскій рабочій союзъ.** Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. *В. Л. Бурцева.* 170
8. **Засѣданіе Государственнаго совѣта 8 Марта 1881 года.** Изъ дневника одного государственнаго дѣятеля . 189
9. **Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.** *Л. Я. Гуревичъ.* 195
10. **За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго?** (письмо А. И. Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу). Сообщ. *М. К. Лемке.* 224

	стр.
11. Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.	227
12. Воззвание группы русскихъ конституціоналистовъ 1883 года	302
13. Историческая библиографія. (Записки декабриста Д. И. Завалишина. <i>В. Богучарскаго</i> ; Путешествіе изъ Петер- бурга въ Москву А. Н. Радищева А. Б.; Тюрьмы въ Россіи. Очеркъ Д. Кеннана. <i>Ник. Аш.</i> ; 13 л. въ Шлис- сельбургской крѣпости. Записки Людмилы Волкенштейнъ).	304
14. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета	315
15. Къ читателямъ	316

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ не для чего долго останавливаться на задачахъ, которыя ставятъ себѣ „Былое“. Онѣ понятны сами собою. „Журналъ вѣдѣній и посвященный исторіи освободительнаго движенія“,—этими словами, какъ намъ кажется, исчерпывается все, что могли бы мы сказать о задачахъ нашего изданія.

Познаніе настоящаго немислимо безъ познанія прошлаго,—„былого“,—а велики ли въ нашемъ обществѣ матеріалы для такого познанія? Развѣ самодержавно-полицейскій строй не напрягалъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы лишить общество этого познанія, развѣ доступны и въ настоящее время даже для специалистовъ многочисленные правительственные тайники, въ которыхъ хранятся сокровища прошлаго нашего освободительнаго движенія ¹⁾, и развѣ, благодаря все тѣмъ же условіямъ, все тому же отсутствію свободы и неприкосновенности личности, много у насъ найдется лицъ, которыя вели бы дневники и записки о тѣхъ событіяхъ, участниками или свидѣтелями которыхъ сдѣлала ихъ судьба?

Да, познаніе прошлаго нашего освободительнаго движенія—дѣло нелегкое. Нелегкое, но не невозможное. Коллективными усиліями можно и должно побѣдить препятствія, и къ этой-то совместной работѣ и зоветъ „Былое“ всѣхъ участниковъ движенія, всѣхъ владѣльцевъ цѣнныхъ документовъ, всѣ, посвященные этому дѣлу, научныя силы, всѣхъ, кому есть о чемъ повѣдать родной странѣ.

¹⁾ Лишь въ самые послѣдніе годы стали доступны для историковъ-специалистовъ подлинное дѣло декабристовъ и др. дѣла, относящіяся къ царствованію Николая I. Дѣла поздняго времени (и то не позже начала царствованія Александра II) бывають доступны лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Этими строками мы могли бы и ограничиться, но просимъ позволенія читателя сказать еще два слова касательно настоящей книжки „Былого“.

Январьскій № появляется безъ отдѣла „Современная Лѣтопись“. Сдѣлали это мы умышленно, дабы начать „регистрацію главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія“ не съ декабря прошлаго, а съ января текущаго года, а для этого упомянутый отдѣлъ можетъ быть начатъ только съ февральской книжки.

Только на дняхъ телеграфъ принесъ скорбную вѣсть о послѣдовавшей кончинѣ **Людмилы Александровны Волкенштейнъ**, сраженной пулями въ Владивостокѣ во время происходившей тамъ 10 января народной демонстраціи.

Пережившая приговоръ къ смертной казни, тринадцатилѣтнее заточеніе въ Шлиссельбургъ и многіе годы подневольной жизни на Сахалинѣ, Людмила Александровна окончила свое жизненное поприще, стоя на посту...

Помѣщая въ этой книжкѣ портретъ одной изъ героинь русскаго освободительнаго движенія, мы надѣемся дать читателямъ въ непродолжительномъ будущемъ біографію и характеристику покойной Людмилы Александровны.

Вѣчная ей память!

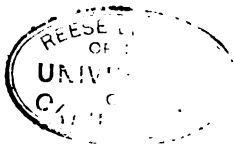

Людмила Александровна
ВОЛКЕНШТЕЙНЪ.

**Михаиль Юльевич
АШЕНБРЕННЕРЪ**

(съ карточки, снятой около 1875 года).

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей) ¹⁾.

Самодержавная власть при Петрѣ В. чувствовала себя настолько сильною, что не считала нужнымъ обращаться къ содѣйствію народа созваніемъ земскихъ соборовъ, какъ это было прежде, для осуществленія своихъ предположеній; но среди болѣе развитыхъ людей даже изъ низшихъ классовъ проявлялось иногда сознание необходимости участія представителей народа въ законодательствѣ. Такъ, Посошковъ, который въ первые годы XVIII вѣка считалъ полезною диктатуру, въ концѣ царствованія Петра В. высказывалъ глубокое убѣжденіе, что безъ содѣйствія общенароднаго совѣта верховная власть не можетъ составить хорошаго новаго уложенія. На высшіе классы общества, вслѣдствіе сближенія съ просвѣщеннымъ западомъ, начинаютъ вліять и западно-европейская политическая литература, и западные примѣры. Даже изъ «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича, разосланной при Екатеринѣ I въ количествѣ около 20.000 экземпляровъ, русскіе читатели могли узнать объ ученіи представителей школы естественнаго права относительно того, что государство основывается на первоначальномъ договорѣ. Развитію политическихъ идеаловъ русскаго общества содѣйствовало и непосредственное знакомство наиболѣе развитыхъ его членовъ съ произведеніями знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ, переводы которыхъ начали появляться въ печати (какъ, напр., сочиненія Гуго

---

¹⁾ Совершающееся преобразование государственнаго строя Россіи вызываетъ потребность ознакомиться съ тѣмъ, какіе проекты преобразованій составлялись прежде въ правительственныхъ сферахъ, въ обществѣ и литературѣ, какія предположенія высказывались по этому предмету. Работая надъ болѣе обширнымъ трудомъ по этому вопросу, я предлагаю изъ него читателямъ „Былого“ извлеченіе, обнимающее указанную въ заглавіи эпоху. Кромѣ печатныхъ источниковъ этотъ очеркъ составленъ на основаніи документовъ Государственнаго Архива, Архива Государственнаго Совѣта и отдѣленія рукописей Публичной Библиотеки.

Гроція и Пуфендорфа), а также распространялись въ рукописяхъ. Кромѣ того пребываніе русскихъ за границую давало имъ возможность знакомиться съ различными формами государственнаго устройства. Такъ, кн. Б. И. Куракинъ, будучи въ 1706 году въ Голландіи, собралъ свѣдѣнія объ англійскомъ государственномъ устройствѣ, о двухъ палатахъ парламента, или о двухъ «парламентахъ», какъ онъ выражается, и записалъ въ своемъ дневникѣ, что нижній парламентъ сильнѣе верхняго и что постановленное парламентами должно предложить королю «только ему *во свидѣтельство*, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать»¹⁾. Нѣсколько позднѣе узнали и русскіе люди, что Ульрика Элеонера, провозгласившая себя шведскою королевою въ 1718 году, въ слѣдующемъ году была избрана сеймомъ и утверждена королевою, при чемъ отказалась отъ самодержавія, а когда въ 1720 году, по ея желанію, королемъ былъ провозглашенъ ея мужъ, то для достиженія этого пришлось сдѣлать новыя уступки: король былъ поставленъ въ совершенную зависимость отъ совѣта, который, въ свою очередь, былъ только исполнителемъ воли сословнаго сейма, гдѣ преобладало вліяніе мелкаго дворянства.

Послѣ смерти Петра В. немедленно обнаружилось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вліяніе шведскаго и англійскаго государственнаго устройства, и учрежденіе въ 1726 году верховнаго тайнаго совѣта было отмѣчено наблюдательнымъ иностранцемъ, какъ «первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія».

Смерть Петра II дала возможность верховному тайному совѣту поставить Аннѣ Іоанновнѣ извѣстныя условія, которыя были заимствованы изъ шведскихъ государственныхъ актовъ: «формы правленія» 1720 г. и «королевской присяги» Фридриха I того же года, но верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій лишь то, что опредѣляло участіе совѣта въ верховной власти, участіе же государственныхъ сословій (которое проявлялось въ Швеціи при посредствѣ риксдага) было совершенно устранено. Въ русскомъ шляхетствѣ также стали уже распространяться либеральныя идеи и слышались разсужденія о томъ, что не безопасно предоставить одному человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ; если даже онъ будетъ мудръ, кротокъ, справедливъ и трудолюбивъ, онъ не можетъ быть непогрѣшимымъ, и силъ его одного не можетъ хватить на все; если же онъ дастъ волю своимъ страстямъ, то произойдутъ всевозможныя насилія и гибель невинныхъ. Но ограниченію самодержавія въ пользу одного верховнаго тайнаго совѣта шляхетство вовсе не сочувствовало. Правда, наиболѣе образованный изъ верховниковъ, кн. Д. М. Голицынъ, знакомый съ трудами Макіавелли, Гуго Гроція, Локка, Пуфендорфа, Томазія и др., пред-

---

¹⁾ Однако, въ 1707 году королева Анна воспользовалась въ послѣдній разъ правомъ отказать въ своемъ согласіи на постановленіе, принятое обѣими палатами парламента

полагалъ, кромѣ верховнаго совѣта и сената, образовать еще двѣ палаты: 1) представителей дворянства—изъ 200 человекъ и 2) городскихъ депутатовъ, по два отъ каждаго города. Другой членъ совѣта, Вас. Лук. Долгорукой, соглашался на увеличеніе числа членовъ совѣта, при чемъ выборъ ихъ предлагалъ произвести по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ, а также на то, чтобы общественныя нужды разсматривались выборными отъ дворянства. Но въ дѣйствительности такихъ уступокъ верховный совѣтъ сдѣлать не успѣлъ.

Въ противовѣсъ притязаніямъ совѣта составлено было 12 проектовъ и мнѣній шляхетства (подъ которыми подписались 1091 чел.), но во всѣхъ нижѣ политическія права предоставлялись только дворянству.

Составитель одного изъ этихъ проектовъ, извѣстный историкъ Татищевъ, говоритъ, что «по закону естественному» избраніе государя должно было быть произведено не четырьмя или пятью человеками, а съ согласія всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ лично, «другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утверждёнъ». Когда государя нѣтъ, то перемѣнить законъ или порядокъ можетъ только «общенародное соизволеніе», но въ примѣненіи къ Россіи Татищевъ подѣ «народомъ» разумѣлъ только дворянство ¹⁾.

Имп. Екатерина II, рѣшивъ собрать депутатовъ отъ народа въ комиссію для составленія новаго уложенія, въ Наказѣ, для нея написанномъ, высказалась за необходимость самодержавія въ Россіи ²⁾. Заимствуя въ этомъ трудѣ очень многое изъ сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ», она не согласилась, однако, съ его мыслью о томъ, что привилегіи аристократіи, дворянства, духовенства и городовъ должны составлять противовѣсъ власти государя, и что только при соблюденіи этого условія монархія не превращается въ народное правленіе (демократію) или въ деспотію. Напротивъ, имп. Екатерина полагала, что отличительнымъ признакомъ монархіи отъ деспотіи является существованіе основныхъ законовъ, за соблюденіемъ которыхъ должны наблюдать сенатъ и другія чиновническія учрежденія, которыя могутъ дѣлать представленія о противозаконности и вредѣ новаго указа и даже отказываться заносить ихъ въ число принятыхъ, но нужно замѣтить, что такъ какъ члены этихъ учреждений не выбирались народомъ, а вполнѣ зависѣли отъ власти государя, то ихъ представленіе могло быть оставлено безъ вниманія, какъ это и случилось однажды съ протестомъ сената въ началѣ царствованія имп. Александра I.

Депутаты въ Екатерининскую законодательную комиссію выби-

¹⁾ Подробноости объ этихъ любопытныхъ событіяхъ 1730 г. см. въ очеркѣ П. И. Милокова «Верховники и шляхетство» (въ его книгѣ «Очерки русской интеллигенціи»); изданъ также отдѣльно фирмою «Донская Рѣчь».

²⁾ Та же мысль еще ранѣе, въ 1764 г., была высказана ею въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому при назначеніи его генераль-прокуроромъ.

рались дворянствомъ (по одному отъ каждого уѣзда), по одному депутату отъ жителей каждаго города, по одному депутату отъ государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ, инородцевъ крещеныхъ и некрещеныхъ, отъ каждой провинціи (состоящей изъ нѣсколькихъ уѣздовъ) и, наконецъ, отъ казацкихъ войскъ. Не посылали депутатовъ духовенство (кромя одного депутата отъ синода), крестьяне крѣпостные, дворцоваго вѣдомства и, такъ называемые, экономическіе (т.-е. отобранные въ 1764 г. отъ духовныхъ учреждений— синода, архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей). Выборы отъ дворянъ были прямыя и тайныя и производились баллотированіемъ шарами, при чемъ участвовать въ нихъ могъ каждый, владѣющій имѣніемъ въ уѣздѣ, а женщины-помѣщицы могли подавать свой голосъ письменно. Большимъ городамъ разрѣшалось устраивать двустепенныя выборы, избирая «повѣренныхъ» (выборщиковъ) отъ каждой части города для выбора депутата. Участвовать въ городскихъ выборахъ могъ всякій, имѣющій собственный домъ, кромя женщинъ. Выборы отъ крестьянъ были трехстепенныя: каждый, владѣющій въ волости домомъ и землею, могъ участвовать въ выборѣ повѣреннаго; волостныя повѣренныя, собравшись въ уѣздномъ городѣ, выбирали уѣзднаго повѣреннаго, а уѣздныя въ провинціальному городѣ депутата отъ провинціи. Въ депутаты отъ дворянъ могли быть выбраны лица, владѣющія въ уѣздѣ деревнею; представители дворянъ и городовъ должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ. Повѣренными и депутатами отъ крестьянъ могли быть лишь женатыя, имѣющіе дѣтей и въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ.

Всѣхъ депутатовъ въ комиссіи было 564, въ томъ числѣ: отъ правительственныхъ учреждений 28 (5%), отъ дворянъ 161 (менѣе 30%), представителей отъ городовъ 208 (менѣе 37%, почти все купцы), отъ государственныхъ крестьянъ, со включеніемъ новокрещеныхъ иновѣрцевъ, 79 (14%), казаковъ 54 (9%), отъ „иновѣрцевъ“, т.-е. инородцевъ,—34 (6%)¹⁾.

Выборъ депутатовъ въ Малороссіи и составленіе наказовъ подали поводъ для проявленія стремленій къ мѣстному самоуправленію посредствомъ возстановленія гетманскаго достоинства, которое было уничтожено въ 1764 г., но малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцевъ вмѣшивался въ выборы и составленіе наказовъ, приказалъ уничтожить нѣкоторыя указы, не соотвѣтствующіе намѣреніямъ правительства, и замѣнить ихъ новыми и, наконецъ, по его представленію, отдавались подъ судъ тѣ выборщики, которые не оказывали ему повиновенія.

Когда комиссія собралась, она, по свидѣтельству сочувствовавшаго созыву новгородскаго губернатора Сиверса, вызвала ревнивое отношеніе къ себѣ и интриги чиновниковъ, которые говорили, что «эти господа», т.-е. депутаты, «пожалуй, захотятъ послать насъ въ школу». Ширлей, управлявшій тогда англійскимъ посоль-

¹⁾ *Летамъ Державинъ.* „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи“. т. I, СПБ., 1887 г., стр. 250.

ствомъ, утверждаетъ, что, какъ только депутаты «затронуть вопросъ, неприятный для императрицы или несогласный съ ея видами, Вяземскій... проситъ ихъ не касаться этой струны». Стремленіе депутатовъ малороссійскихъ, эстляндскихъ, лифляндскихъ и др. къ сохраненію ихъ мѣстныхъ особенностей вызвало (9 сент. 1768 г.) слѣдующее заявленіе предсѣдателя комиссіи Бибикова: комиссія не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, «кромя того, для чего она учреждена», и «не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія, а между тѣмъ депутаты отъ малороссійскаго и смоленскаго шляхетства и отъ эстляндскаго, лифляндскаго и финляндскаго дворянства заявили въ комиссіи желаніе сохранить ихъ особая привилегіи; это должно зависѣть только отъ власти государыни, почему всѣ такія «предохраненія» и требованія дворянства не только не могутъ быть внесены въ проэктъ будущаго законодательства о правахъ благородныхъ, но даже не могутъ быть приняты въ комиссію, и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратитъ ихъ депутатамъ. Мы не разсматриваемъ здѣсь вопроса о томъ, насколько желанія этихъ дворянскихъ депутатовъ соотвѣтствовали интересамъ народа, но указываемъ лишь на то, что дѣятельности комиссіи были поставлены извѣстныя границы: она не могла разсматривать то, что касалось до «правленія». Понятно, что англичанинъ Ширлей нашель право депутатовъ въ комиссіи, которой былъ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ, очень ничтожными: по его словамъ, «этимъ людямъ даны лишь такія привилегіи, которыми не захотѣлъ бы воспользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства».

Просуществовавъ полтора года (съ 31 іюля 1867 г. по 12 января 1769 г.), комиссія была распушена въ виду войны съ турками и болѣе собираема не была, хотя она и не выполнила поставленной ей задачи ¹⁾.

Въ 1767 г., въ томъ самомъ году, когда была собрана законодательная комиссія, возвратился въ Россію, послѣ ученія въ шотландскомъ университетѣ въ Глазго, талантливый молодой человекъ, Сем. Ефим. Десницкій, слушавшій тамъ лекціи Адама Смита о нравственной философіи. Десницкій скоро сдѣлался профессоромъ московскаго университета по юридическому факультету. Онъ былъ слишкомъ живой человекъ, чтобы ограничиться преподаваніемъ римскаго права (хотя бы и «съ примѣненіемъ его къ русскому»), и потому почувствовалъ потребность отозваться на обращеніе правительства къ содѣйствию народа въ дѣлѣ законодательства. Въ концѣ февраля 1768 г. онъ закончилъ составленіе проекта государственныхъ преобразованій и представилъ его императрицѣ.

---

¹⁾ Извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ въ одномъ своемъ сочиненіи (1789 г.), въ свое время неизданномъ, говоритъ, что «собраніе депутатовъ для сочиненія уложенія... не съ тѣми мыслями было учинено, чтобы вольность тутъ владычествовала и чтобы твердое намѣреніе было до конца сію комиссію довести».

Десницкій полагалъ, что законодательной власти въ Россіи «въ полномъ значеніи» никто, кромѣ государя, имѣть не можетъ, но такъ какъ и теперь сенатъ участвуетъ въ законодательствѣ, то онъ предлагалъ составить его изъ выборныхъ со всей имперіи и указывалъ широкую программу для его дѣятельности ¹⁾).

Десницкій полагалъ, что, въ виду обширности Россіи, сенатъ долженъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ 600—800 чел. Онъ предлагалъ выбирать ихъ изъ землевладѣльцевъ, изъ купцовъ, «изъ художественныхъ» людей (ремесленниковъ) и, наконецъ, «изъ духовныхъ и училищныхъ мѣстъ такъ, чтобы всякая губернія, провинція и корпусы» (военно-учебныя заведенія) имѣли своего представителя «въ законодательной власти». По мнѣнію Десницкаго, слѣдуетъ предоставить право голоса при избраніи сенаторовъ помѣщикамъ, однодворцамъ и живущимъ въ губерніяхъ и провинціяхъ землевладѣльцамъ, но только тѣмъ, которыя платятъ въ казну подушныя подати за свою землю и за крѣпостныхъ 50 руб. ²⁾). Подобно тому, какъ въ Англіи посылали депутатовъ въ нижнюю палату парламента жители не только графствъ, но и городовъ, Десницкій предлагалъ предоставить право голоса купцамъ и «рукомышленнымъ людямъ», которые платятъ въ казну пошлины до 50 рублей. Изъ духовныхъ лицъ онъ считалъ полезнымъ дозволить быть сенаторами всѣмъ архіереямъ. Въ Англіи университеты имѣли право посылать въ палату общинъ по два депутата; подобно этому и Десницкій предлагалъ позволить университетамъ, корпусамъ и училищамъ наукъ и художествъ выбирать членовъ сената.

Что касается права быть выбираемымъ въ сенатъ, то такъ какъ Десницкій, по примѣру англійскаго парламента, не назначалъ сенаторамъ никакого жалованья, то онъ, кромѣ требованія указаннаго, выше податного ценза, предлагалъ дозволить выставлять свою кандидатуру лишь тѣмъ, кто въ состояніи «жить при такой должности на свой счетъ. По его мнѣнію, выбирать сенаторовъ слѣдуетъ на 5 лѣтъ, послѣ чего государь можетъ приказать произвести новые выборы. При этомъ разрѣшается избирать вновь и выбранныхъ прежде, но быть сенаторомъ три трехлѣтія сразу дозволять не слѣдуетъ, такъ какъ при такомъ ограниченіи большее количество людей будетъ имѣть случай оказать услуги отечеству, научиться искусству управлять и будетъ знать законы.

Всѣ выбранные должны имѣть въ сенатѣ равный «свободный голосъ»; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, но всякое рѣшеніе утверждается государемъ, и безъ его согласія сенатъ не мо-

¹⁾ Обязанность сената, по мнѣнію Десницкаго, должна была состоять въ томъ, чтобы, съ согласія монарха, издавать указы, налагать пошлины, продолжать войну и наблюдать, чтобы договоры, заключаемые съ сосѣдними государствами, не были вредны для отечества, окончательно рѣшать всѣ дѣла, вносимыя по апелляціи изъ нижнихъ судовъ; наконецъ, сенату можетъ быть предоставлено государемъ право разсматривать отчеты «всѣхъ коллегій корпусовъ и университетовъ» въ расходованіи государственной казны.

²⁾ Часть однодворцевъ также владѣла въ то время крѣпостными.

жетъ издавать никакихъ узаконеній. Ему можно дозволить ежегодно выбирать изъ среды президента, который обязанъ представлять дѣла на утверждение государя. Преобразование сената по предложенному имъ плану Десницкій считалъ полезнымъ, такъ какъ «одинъ пастырь, при такомъ множествѣ стада, не можетъ столь обстоятельно присмотрѣть» за всѣмъ, какъ 600 или 800 человекъ въ сенатѣ.

Относительно «судительной» власти въ проектѣ Десницкаго отмѣтимъ, что онъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ, которыхъ онъ называлъ «свидѣтелями», а также предлагалъ установить гласность судопроизводства посредствомъ печатанія и изданія «во всенародное извѣстіе» всѣхъ рѣшеній по уголовнымъ и тяжбымъ дѣламъ. Онъ считалъ необходимымъ введеніе составительнаго процесса, такъ какъ съ учрежденіемъ адвокатовъ дѣла рѣшаются «съ великою осторожностью и справедливостью» и во многихъ государствахъ опытъ показалъ что безъ споровъ въ судѣ нѣтъ средствъ достигнуть справедливости ¹⁾. Наконецъ, онъ предлагаетъ установить несмѣняемость судей съ отвѣтственностью за незаконное рѣшеніе по апелляціи въ сенатъ ²⁾.

Записка Десницкаго была навѣяна собраніемъ комиссіи для составленія новаго уложенія; ею же были вызваны и тѣ мысли о государственномъ преобразованіи Россіи, которыя высказалъ знаменитый французскій писатель Дидро во время своего прѣзда въ Петербургъ и бесѣдъ съ имп. Екатериною II въ октябрѣ и ноябрѣ 1773 г.

Подобно тому, какъ Десницкій предлагалъ Екатеринѣ составить сенатъ изъ выборныхъ членовъ, Дидро совѣтовалъ ей обратиться комиссію для составленія новаго уложенія въ постоянное учрежденіе, чтобы положить преграду деспотизму, отнять у своихъ преемниковъ право уничтожить эту комиссію и предоставить провинціямъ право оставлять въ ней своихъ представителей или отзывать ихъ ³⁾.

¹⁾ Въ рѣчи, произнесенной въ томъ же 1768 г., Десницкій говоритъ: „Дозволь ходатайствующимъ съ обѣихъ сторонъ имѣть свободный и публичный голосъ предъ судомъ за судимыхъ, дабы ничто втайнѣ, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило бы въ свѣтъ для наученія“.

²⁾ За сообщеніе неизданной записки Десницкаго, нынѣ печатающейся въ „Запискахъ 1-го и III-го Отд. Наукъ“, приносимъ благодарность А. С. Лаппо-Данялевскому.

³⁾ „Всякое самовластное правительство“, говоритъ Дидро, „дурно не исключая и самовластнаго правительства государя добраго, твердаго, справедливаго и просвѣщеннаго. Такой государь приучаетъ почитать и любить государя, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ отнимаетъ у народа право обсуждать, хотѣтъ или не хотѣтъ, сопротивляться, сопротивляться даже благу. Право сопротивленія кажется мнѣ“, продолжаетъ Дидро, „правомъ естественнымъ, неотчуждаемымъ и священнымъ. Деспотъ, если бы онъ даже былъ наилучшимъ изъ людей, правя по своему усмотрѣнію, совершаетъ преступленіе. Это—добрый пастырь, который доводитъ своихъ подданныхъ до состоянія животныхъ; заставляя ихъ забыть чувство свободы, чувство, которое столь трудно возстановить, когда оно потеряно, онъ даетъ имъ десятокъ лѣтъ счастья, за которыя они поплатятся двадцатью столѣтіями бѣдствія. Однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій для свободной націи были бы два

Чтобы легче достигнуть осуществленія своей мысли, Дидро готовъ согласиться на установленіе весьма тѣсныхъ рамокъ для дѣятельности проектируемаго имъ представительнаго учрежденія. «Оно не должно будетъ вмѣшиваться ни въ военныя дѣла, ни во внѣшнюю политику, ни въ дѣла финансовыя. Его задача будетъ состоять исключительно въ томъ, чтобы охранялись существующіе законы и обсуждать то, какіе законы нужно издать, какіе отмѣнить, какія учрежденія ввести». Нужно опредѣлить время и продолжительность засѣданія этого собранія съ тѣмъ, чтобы власть не могла ее сокращать. Если бы даже случилось, что это собраніе очень усилилось, то оно «почти ни въ какомъ случаѣ не могло бы повредить имперіи; не тѣ государства несчастны, въ которыхъ власть народа возрастаетъ, а напротивъ, тѣ, гдѣ власть государя дѣлается неограниченною». Дидро предлагалъ также Екатеринѣ, чтобы собраніе представителей установило порядокъ престолонаслѣдія и въ случаѣ прекращенія династіи могло бы распорядиться престоломъ.

Пребываніе Дидро въ Петербургѣ продолжалось до 5 марта 1774 г. Изъ Россіи онъ проѣхалъ въ Гаагу, чтобы прожить нѣсколько мѣсяцевъ у своего пріятели, тамошняго русскаго посланника, кн. Дм. Алексѣев. Голицына. Въ одномъ изъ писемъ оттуда къ императрицѣ Дидро упоминаетъ, что перечиталъ ея Наказъ «съ перомъ въ рукѣ». Екатерина не обратила вниманія на эти слова и, только получивъ въ 1785 г. библіотеку Дидро, которую пріобрѣла еще при жизни философа (Дидро умеръ въ 1784 г.), она нашла въ ней его «Замѣчанія на Наказъ комиссіи для составленія новаго уложенія», написанныя въ болѣе рѣшителномъ тонѣ, чѣмъ его замѣтки, оставленныя императрицѣ въ Петербургѣ.

«Нѣтъ истиннаго монарха, не можетъ быть истиннаго законодателя, кромѣ народа», писалъ Дидро... «Народъ будетъ любить, почитать законы, повиноваться имъ и защищать ихъ» лишь въ томъ случаѣ, если самъ будетъ ихъ составителемъ. «Первая строка хороша составленнаго кодекса должна связать монарха» постановленіемъ, что присягу долженъ приносить не только народъ, но и государь, и что если государь нарушитъ ее, то народъ освобождается отъ клятвы вѣрности и можетъ не только низложить государя, но даже осудить его на смерть. «Второй законъ состоитъ въ томъ, что представители народа должны собираться каждая пять лѣтъ, чтобы обсуждать, соблюдалъ ли государь законъ согласно своей присягѣ, постановить наказаніе, которое онъ заслужилъ, если нарушилъ ее, рѣшить, оставить ли государя въ прежнемъ званіи или низложить его, и вновь принести присягу законамъ...

«Русская императрица», продолжаетъ Дидро, «конечно, государыня деспотическая. Намѣрена ли она сохранить деспотизмъ, передать его наслѣдникамъ или отречься отъ него? Если она его сохра-

или три царствованія, одно за другимъ, справедливыхъ и просвѣщенныхъ деспотовъ... Несчастливъ народъ, у котораго не остается и тѣни свободы, хотя бы и дурно обоснованной*.

няетъ, пусть составляетъ свое уложеніе, какъ хочетъ; она не нуждается въ согласіи націи. Если она отрекается отъ него, пусть она позаботится вмѣстѣ со всѣмъ народомъ о принятіи самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы помѣшать возрожденію деспотизма, и чтобы въ первой главѣ уложенія было сказано о неминувшей гибели того, кто впослѣдствіи будетъ стремиться къ самовластию, отъ котораго она отказывается. Вотъ первый шагъ при составленіи Наказа предложеннаго народу государынею искреннею»...

Въ концѣ записки Дидро говоритъ: «Почему Россія хуже управляется, чѣмъ Франція? Потому, что личная свобода сведена въ ней къ нулю, а власть государя еще слишкомъ велика, естественная свобода еще слишкомъ въ ней ограничена». Екатерина, по словамъ Дидро, вывела изъ его замѣчаній заключеніе, что, по его мнѣнію, ей «слѣдовало бы имѣть парламентъ по образцу Англіи».

Понятно, что это произведеніе Дидро весьма не понравилось Екатеринѣ, и она такъ отзывается о немъ въ письмѣ къ Гримму: «Эта статья просто болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни благоразумія, ни предусмотрительности; если бы мой Наказъ былъ составленъ во вкусѣ Дидро, онъ могъ бы опрокинуть все вверхъ дномъ». Съ этихъ поръ императрица стала рѣже упоминать имя Дидро въ своей перепискѣ.

Высказано было предположеніе, что, подѣ влияніемъ совѣта Дидро, императрица хотѣла сдѣлать комиссію для составленія новаго уложенія постояннымъ учрежденіемъ при сенатѣ ¹⁾. Предложеніе это основывается на слѣдующемъ мѣстѣ письма Екатерины II къ московскому главнокомандующему (генераль-губернатору) кн. Волконскому во время составленія проекта губернскихъ учреждений, обнародованныхъ въ 1775 г.: «Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ, гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату обратитъ я намѣрена комиссію уложенія, а ея частная комиссія по матеріямъ служить будутъ для разбора ненужныхъ». Что понимать тутъ подѣ «комиссіею уложенія»? Общее собраніе всѣхъ депутатовъ было распущено еще въ 1769 г., но отъ времени до времени собиралось общее собраніе частныхъ комиссій, выбранныхъ большею законодательною комиссіею ²⁾. Вотъ это-то общее собраніе частныхъ комиссій императрица, повидимому, предполагала сдѣлать постояннымъ учрежденіемъ. Нужно замѣтить, что и самъ Дидро готовъ былъ допустить «уменьшеніе числа представителей». Вѣроятно, въ отвѣтъ на замѣчаніе императрицы, что депутаты не могли дожидаться распущенія комиссії, Дидро предлагалъ, при обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, устроить такъ, чтобы всѣ представители, входящіе въ ея составъ, были бы изъ числа столичныхъ жителей и служащихъ въ разныхъ комиссіяхъ съ тѣмъ,

¹⁾ *Миллюковъ*. „Очерки по ист. рус. культуры“, ч. III, вып. 2, 1903 г., стр. 150.

²⁾ Послѣ того, какъ большое собраніе комиссії было распущено, при малыхъ комиссіяхъ оставалась еще канцелярія въ 153 чел.

чтобы они являлись представителями провинцій, голоса которыхъ были бы равномерно распредѣлены между ними. Но только Дидро предлагалъ, чтобы каждой провинціи было предоставлено право лишать голоса своего представителя, обязывать его спрашивать мнѣніе провинціи, предоставить ей право присылать въ столицу избраннаго на мѣстѣ депутата, въ присутствіи котораго служащій въ столицѣ представитель ея лишается своего голоса, наконецъ, предоставить всѣмъ провинціямъ право одновременно присылать своихъ депутатовъ. Предположеніе Екатерины объ устройствѣ «палаты» при сенатѣ не было осуществлено, и даже члены частныхъ комиссій были распущены 4 декабря 1774 года ¹⁾).

О государственныхъ преобразованіяхъ, соединенныхъ съ введеніемъ дворянскаго представительства, мечталъ Н. И. Панинъ. Занимая 12 лѣтъ мѣсто посланника въ Швеціи (съ 1748 по 1760 г.), при чемъ его главная задача состояла въ томъ, чтобы препятствовать шведамъ возстановить самодержавіе, онъ былъ хорошо знакомъ съ ихъ государственнымъ устройствомъ. Въ царствованіе Петра III, въ бесѣдахъ съ его племянницею, Екатериною Романовою Дашковой, онъ высказалъ мысль, что его воспитанникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, будетъ царствовать согласно законамъ и формамъ шведской монархіи ²⁾. Въ 1762 г. Панинъ представилъ Екатеринѣ проектъ учрежденія императорскаго совѣта, посредствомъ котораго, видимо, стремился ограничить произволъ верховной власти въ Россіи и вліяніе фаворитовъ, или, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, «случайныхъ» людей. Императрица уже подписала докладъ Панина, но, ознакомившись съ мнѣніями нѣкоторыхъ сановниковъ, что осуществленіе проекта можетъ повести къ умаленію самодержавной власти, она надорвала свою подпись на докладѣ Панина, и проектъ остался неосуществленнымъ ³⁾).

Подобныхъ же взглядовъ Панинъ держался и позднѣе, въ началѣ 1780-хъ гг. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ такъ излагаетъ основныя черты проекта государственнаго преобразованія, который былъ составленъ его дядею, знаменитымъ писателемъ Д. И. Фонъ-

---

¹⁾ Послѣ этого подъ управленіемъ генераль-прокурора Продолжала существовать до смерти государыни лишь канцелярія комиссіи, но мало-по-малу она пришла въ совершенное бездѣйствіе. Есть указаніе Сиверса, что осенью 1775 г. Екатерина составила проектъ преобразованія сената.

²⁾ Въ первомъ разговорѣ съ нею о государственномъ переворотѣ онъ высказалъ желаніе, чтобы государемъ былъ провозглашенъ Павелъ Петровичъ, а императрица была бы только регентшею. Въ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера кн. Дашкова свидѣтельствуетъ, что также желала для Екатерины лишь званія регентши до совершеннолѣтія ея сына.

³⁾ Въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому въ 1764 г., при назначеніи его на должность генераль-прокурора, императрица, характеризуя партіи въ сенатѣ, говоритъ: «въ другой (партіи) думали, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оны полезны». Иной думаетъ (по всей вѣроятности, намекъ на Н. И. Панина) «для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то *вездѣ по политикѣ той ея любимой земли все учреждаютъ должно*, а все другое безъ изыятія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи основываются».

Визинимъ, подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина. Въ немъ предполагалось установить: «политическую свободу *сначала* для одного дворянства», учредивъ верховный сенатъ, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ долженъ былъ входить въ составъ общаго собранія сената. Дворянскимъ собраніямъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ, какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, долженъ былъ производиться въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ полною законодательною властью, но императору предоставлялось право утверждать принятыя сенатомъ законы и обнародовать ихъ; ему же принадлежала власть исполнительная. Предположеніе относительно предоставленія на первое время политическихъ правъ одному дворянству могло быть внушено Панину наблюденіемъ того властнаго положенія, какое оно занимало въ шведскомъ сеймѣ, и большею образованностью дворянства сравнительно съ другими сословіями въ Россіи. Какъ видно изъ свидѣтельства М. А. Фонъ-Визина, Панинъ предполагалъ со временемъ предоставить политическія права и другимъ сословіямъ.

Сохранилось «разсужденіе», составленное Д. И. Фонъ-Визинимъ и служившее какъ бы введеніемъ къ проекту основныхъ законовъ, въ которомъ авторъ доказываетъ опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», безъ которыхъ «непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя». Признавая договорное начало происхожденія государства, авторъ находитъ, что подданные имѣютъ право низвергнуть власть, дурно исполняющую свое назначеніе ¹⁾.

Изъ біографическаго очерка Н. И. Панина (составленнаго Д. И. Фонъ-Визинимъ) видно, что онъ стоялъ за гласность въ государственныхъ финансовыхъ дѣлахъ и былъ противъ какихъ-либо исключительныхъ судовъ, учреждаемыхъ съ отступленіемъ отъ общаго порядка.

Д. И. Фонъ-Визинъ въ одной статьѣ, назначенной къ помѣщенію въ журналѣ, который онъ предполагалъ издавать въ 1788 г., по возвращеніи изъ своей второй заграничной поѣздки, выражалъ желаніе, чтобы и у насъ было «народное собраніе», въ которомъ обсуждались бы законы и устанавливались налоги, и которое судило бы о поведеніи министровъ. Но изданіе журнала не было дозволено Фонъ-Визину.

Кн. М. М. Щербатовъ, историкъ и дѣятельный участникъ въ комиссіи для составленія новаго уложенія, одинъ изъ образован-

---

¹⁾ См. мою статью о М. А. Фонъ-Визинѣ въ сборникѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, т. I, Декабристы, СПб. 1905 г., изд. Пирожкова стр. 6—13.

нѣйшихъ людей своего времени, составившій себѣ библіотеку, въ которой было до 15.000 томовъ, при своихъ аристократическихъ воззрѣніяхъ, естественно оказался въ числѣ лицъ, сочувствовавшихъ ограниченію самодержавной власти. Воззрѣнія свои онъ высказалъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ работъ, которыя въ свое время не были, а частью и не могли быть (по причинамъ цензурнымъ) напечатаны.

Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ обществъ Щербатовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія естественнаго права и ученія о первоначальномъ договорѣ. Однако, онъ несогласенъ съ Гоббсомъ и Теофаномъ Прокоповичемъ, сочиненіе котораго «Правда воли монаршей» онъ называетъ «памятникомъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому». Онъ думаетъ, напротивъ, что «народы, избирая себѣ начальниковъ, не иной имѣли предметъ, какъ пожертвовать часть вольности своей, дабы другую... сохранить». Онъ ненавидитъ «самовластное правленіе», существующее, по его словамъ, въ Россіи. Онъ утверждаетъ, что «деспотичество» не можетъ быть въ просвѣщенномъ народѣ, если же оно и появится, то «не можетъ быть продолжительно». Если какія-либо постороннія обстоятельства и обусловливаютъ болѣе длительное его существованіе, то это только готовится ему «жесточайшій конецъ», такъ какъ «долгъ и благосостояніе» каждаго влекутъ «его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго». Такимъ образомъ, Щербатовъ выражаетъ сочувствіе даже насильственному низверженію деспотической власти.

Изъ существовавшихъ въ Западной Европѣ, въ половинѣ 1780-хъ гг., формъ правленія наибольшимъ сочувствіемъ Щербатова пользовалось англійское государственное устройство. «Нигдѣ столь не цвѣтетъ народная вольность подѣ тѣнью монаршескія власти», говоритъ онъ въ своихъ «Размышленіяхъ о законодательствѣ вообще», «какъ въ Англіи; тамъ высшую власть, ограниченную законами, имѣетъ король, верхняя камора парламента вельможную власть представляетъ, а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную, и всѣ сіи три власти, въ безпрестанныхъ преніяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ». Но въ другомъ сочиненіи («Размышленія о дворянствѣ») авторъ указываетъ на существованіе въ Англіи подкуповъ при выборахъ и на крайнее обремененіе народа налогами.

Щербатовъ порицалъ наши законы, такъ какъ они составляются не только не «съ согласія народнаго», но даже не «съ согласія главнаго правительства». Главнымъ же правительствомъ онъ считалъ сенатъ, но сенатъ преобразованный, который, по мнѣнію Щербатова, нужно не только «снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить такими людьми въ силу же основательныхъ» (т.-е. основныхъ)

«правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять».

Свои мнѣнія о томъ, какое желательно государственное устройство, Щербатовъ высказалъ въ сочиненіи «Путешествіе въ землю Офирскую» (написанномъ въ 1783—84 г.), представляющемъ частью обличеніе посредствомъ различныхъ намековъ, недостатковъ современной Россіи, частью изображеніе, въ формѣ описанія выдуманной страны, симпатичнаго для автора государственнаго устройства.

Во главѣ государства Офирскаго стоитъ наследственный императоръ, которому принадлежитъ власть исполнительная, но который имѣетъ возможность вліять на законодательство, хотя сами цари «неудобны» для сочиненія законовъ. Однако, наследственность верховной власти не помѣшала тому, что два императора земли Офирской были свергнуты съ престола и окончили свою жизнь въ темницѣ. Для того, чтобы начать наступательную войну, государь долженъ собрать совѣтъ, въ составъ котораго входятъ не только члены хранилища законовъ, но и всѣ находящіеся въ столицѣ люди первыхъ четырехъ степеней.

«Вышнее правительство» земли Офирской вѣдало и законодательство, и дѣла судебныя, и высшую администрацію, и раздѣлялось на шесть департаментовъ; кромѣ 6 членовъ «вышняго правительства» и имѣющихъ право присутствовать членовъ государственнаго совѣта, въ каждомъ департаментѣ засѣдали еще по 9 депутатовъ, избранныхъ въ губерніяхъ дворянами (всего было 15 дворянскихъ депутатовъ), а въ департаментѣ, вѣдающемъ «домостроительство», государственные доходы и торговлю, присутствовало еще 15 депутатовъ отъ купечества и, кромѣ того, столько же депутатовъ этого сословія засѣдали въ «государственномъ купеческомъ правленіи». Дозволялось въ депутаты отъ купечества выбирать не только купцовъ, но и мѣщанъ и ученыхъ. Вакансіи въ «вышнемъ правительствѣ» должны были замѣщаться слѣдующимъ образомъ. Дворянскіе и купеческіе депутаты, собравшись отдѣльно, кладутъ въ запечатанный сосудъ записки съ именами достойнѣйшихъ кандидатовъ, и на основаніи этихъ записокъ общее собраніе «вышняго правительства» отмѣчаетъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; затѣмъ оно, съ своей стороны, выбираетъ трехъ депутатовъ и, наконецъ, выбравъ изъ этихъ 6 троихъ, представляетъ ихъ имена императору, который и назначаетъ изъ нихъ одного въ вышнее правительство.

Проекты новыхъ законовъ составляются комиссіею, избранною общимъ собраніемъ вышняго правительства. Проектъ обнародуется, и каждый можетъ высказать о немъ свое мнѣніе. Если проектъ не будетъ принятъ въ общемъ собраніи вышняго правительства, то онъ передѣлывается до трехъ разъ, при чемъ всегда, насколько возможно, принимаются во вниманіе «народныя мнѣнія». Если и въ четвертый разъ проектъ не будетъ принятъ, то онъ отлагается

до выборныхъ собраній, которыя бываютъ одинъ разъ въ три года, и тогда подвергается баллотировкѣ во всѣхъ губерніяхъ, послѣ чего высшее правительство утверждаетъ рѣшеніе, принятое большинствомъ; но случаи подобнаго обращенія къ выборнымъ собраніямъ крайне рѣдки.

Такимъ образомъ, Политическія права Щербатовъ предоставляетъ дворянству и купечеству. Отмѣтимъ еще, что онъ высказывается за публичность и гласность судопроизводства.

«Путешествіе въ землю Офирскую» было написано въ 1783—84 гг. Въ другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи, «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», написанномъ въ 1786—89 г. Щербатовъ уже не довольствуется тѣмъ государственнымъ строемъ, который онъ изобразилъ въ землѣ Офирской. Описывая событіе 1730 г., нашъ историкъ-публицистъ говоритъ: «Собиравшіеся вельможи предупредѣли *великое намѣреніе*, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т. е. учинить основательные» (основные) «законы государству и *власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить*. Но засѣданіе въ сенатѣ» (т. е. въ верховномъ совѣтѣ) «токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее... вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли». Слѣдовательно, осуждая олигархическія стремленія верховниковъ, Щербатовъ вполне сочувствовалъ дѣйствительному ограниченію власти государя сенатомъ или парламентомъ.

Такимъ образомъ, Десницкій и Панинъ считали необходимымъ преобразование сената въ учрежденіе, составленное частью изъ выборныхъ лицъ, при чемъ Панинъ предлагалъ на первое время допустить въ него депутатовъ только отъ дворянъ, а Десницкій, на основаніе податнаго ценза, отъ помѣщиковъ, однодворцевъ и вообще землевладѣльцевъ въ провинціяхъ и отъ купцовъ, ремесленниковъ и нѣкоторыхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ городахъ. Кн. Щербатовъ желалъ видѣть въ сенатѣ депутатовъ отъ дворянства и купечества. Было указано, что у имп. Екатерины II также мелькнула, въ половинѣ 1770-хъ гг., мысль обратиться въ палату при сенатѣ общее собраніе членовъ частныхъ комиссій, выбранныхъ комиссіею для составленія новаго уложенія.

Когда Екатерина II работала надъ Наказомъ, она просила до-стать ей чрезъ англійскаго посла Букингама хорошій французскій переводъ англійской «великой хартіи». Во время составленія учрежденій о губерніяхъ она изучала извѣстную книгу Блэкстона «Комментаріи на англійскіе законы». Послѣдствіемъ этого изученія является то, что въ главѣ о совѣстномъ судѣ учреждений для управленія губерніями (1775 г.) есть такое постановленіе: если кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, и въ это время ему не объявлено, за что онъ содержится, или онъ не былъ допрошенъ, то совѣстный судъ, по полученіи прошенія, долженъ, не выходя изъ присутствія,

послать повелѣніе, чтобы этотъ заключенный, если онъ обвиняется не въ оскорбленіи Величества, не въ измѣнѣ, не въ убійствѣ, не воровствѣ или разбоѣ, былъ присланъ и представленъ въ совѣстный судъ ¹⁾ вмѣстѣ съ объясненіемъ причинъ, почему онъ содержится подѣ стражею и не допрошенъ. Повелѣнія совѣстнаго суда должны были немедленно исполняться подѣ угрозой большого штрафа. По представленіи содержащагося въ тюрьмѣ, если совѣстный судъ найдетъ, что онъ обвиняется не въ причисленныхъ выше преступленіяхъ, то, не выходя изъ присутствія, онъ долженъ приказать освободить его на поруки и отослать дѣло его въ судъ той губерніи, которую онъ самъ изберетъ. До рѣшенія дѣла никто не можетъ посадить освобожденнаго въ тюрьму въ другой разъ по тому же дѣлу. Изъ этого видно, что англійскій законъ Habeas corpus (о приводѣ обвиняемаго въ судъ) произвелъ на Екатерину впечатлѣніе, но у насъ изложенное постановленіе осталось мертвою буквою.

Съ конца 1786 г. Екатерина вновь принимается за выписки изъ Блэкстона для работы о сенатѣ, которой она придавала очень большее значеніе: «тутъ всѣ интересованы», сказала она своему секретарю, Храповицкому, «и законъ останется на вѣки». При этомъ она говорила объ «утверженіи самодержавства, о расправной палатѣ» (быть можетъ, возобновленіе мысли о палатѣ при сенатѣ) и «генеральскомъ судѣ».

Въ 1787 г. была, повидимому, уже готова первая, болѣе краткая редакція проекта сената (въ 97 статей), судя по тому, что въ этомъ году былъ заготовленъ проектъ манифеста по этому поводу. Перечисливъ правила, которыя императрица, по ея словамъ, положила «въ основаніе» своего царствованія и которыя заключались въ охраненіи православной вѣры, законовъ и безопасности жизни и имѣнія подданныхъ, утвержденіи правосудія, покровительствѣ торговлѣ и ремесламъ, возможно меньшемъ отягощеніи народа поборами и охраненіи безопасности имперіи, она съ гордостью говоритъ объ учреженіяхъ для управленія губерній 1775 г., объ отдѣленіи въ нихъ «мѣстъ правленія и исполненія» отъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ и о томъ, что не смѣшаны съ ними и «дѣла казенныя».

Въ проектѣ 1788 г. сенатъ названъ «хранилищемъ» законовъ. Предсѣдательствуетъ въ немъ государь. Сенатъ раздѣляется на 4 департамента ²⁾; ему дозволялось «единогласно дѣлать представленія» о неудобствѣ закона, но въ случаѣ подтвержденія его са-

---

¹⁾ Въ этомъ судѣ, подѣ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи намѣстничества, засѣдали по дворянскимъ дѣламъ два члена, выбранные на три года дворянами, по городскимъ дѣламъ два члена, выбранные городами по очереди, и по «расправнымъ дѣламъ» два члена, выбранные селеніями.

²⁾ Первый долженъ былъ вѣдать дѣла государственныхъ и исполнительныхъ и скорого приказанія требующія, второй—уголовныя и слѣдственные въ преступленіяхъ по должности, третій—по апелляціи на коллегіи или палаты относительно гражданского суда, четвертый—«домостроительныя» и казенныя

модержавною властью законъ долженъ быть непрекословно исполненъ.

Однако, въ 1788 г. прое́ктъ остался необнародованнымъ, вѣроятно, потому, что, въ виду начавшейся войны съ Турціею и Швеціею, Екатерина нашла, что «не время теперь дѣлать реформы». Въ 1794—95 гг. она вновь возвратилась къ проекту о сенатѣ, который, значительно разросшись, не измѣнилъ своего бюрократическаго характера. Въ этой второй редакціи, въ параграфѣ, опредѣляющемъ назначеніе второго департамента, императрица собственноручно напоминала о необходимости упомянуть и о состоящей при этомъ департаментѣ «тайной экспедиціи». Это та знаменитая экспедиція, служа въ которой «кнутабойничаль» извѣстный слѣдователь Шешковскій, съ которою имѣли дѣло Радищевъ и Новиковъ. Одно сохраненіе этого учрежденія достаточно, чтобы показать истинный характеръ предполагаемой реформы ¹⁾.

Между тѣмъ, какъ императрица не только сохраняла прежнюю позицію самодержавія и даже стала успокаиваться на мысли, что «не время дѣлать реформы», русское общество постепенно росло подъ вліяніемъ науки, литературы и западно-европейскаго примѣра. Вліяніе Монтеस्कѣ и Вольтера смѣняется среди болѣе молодого поколѣнія радикальными вліяніями Руссо, Мабли, Райналя. Русская молодежь, учащаяся въ западно-европейскихъ университетахъ, съ жадностью поглощаетъ произведенія передовыхъ западныхъ писателей; переводная литература, не исключая и серьезныхъ произведеній политической мысли, сильно разрастается; кромѣ того, западъ въ числѣ домашнихъ наставниковъ поставляетъ намъ иногда лицъ съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ ²⁾. Наконецъ, очень сильное впечатлѣніе на наше общество производитъ французская революція.

Въ виду совокупности всѣхъ этихъ вліяній, нечего удивляться довольно значительному распространенію въ русскомъ обществѣ радикальныхъ идей въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II. Въ началѣ 1790 г. наставникъ вел. кн. Александра Павловича, священникъ Самборскій, писалъ гр. Н. И. Салтыкову: «Вольногла-

---

¹⁾ Въ проектѣ 1795 г. подробно разработаны постановленія о генеральномъ судѣ, который составлялся изъ сената, синода, чиновъ первыхъ четырехъ классовъ и изъ предсѣдателей государственныхъ и прочихъ судебныхъ палатъ или коллегій, находящихся въ мѣстѣ засѣданія суда, при чемъ подсудимымъ дозволялось „отрѣшить“ $\frac{2}{3}$ засѣдающихъ членовъ. По дѣлу дворянина въ генеральный судъ предполагалось призывать сверхъ палаты уголовнаго суда суды дворянскіе—верхній земскій судъ, уѣздный судъ, по дѣлу мѣщанина—мѣщанскіе суды—губернскій и городской магистраты, по дѣлу подлежащихъ суду расправы—расправы верхнюю и нижнюю. Генеральный судъ избираетъ въ судьи $\frac{1}{3}$ своего состава.

²⁾ Таковы Ж. Роммъ, воспитатель гр. П. А. Строганова, впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ дѣятелей французской революціи, Сеже въ домѣ гр. П. А. Толстого, позднѣе секретарь женеваго революціоннаго комитета, пруссакъ Брюкнеръ, „истый вольтеріанецъ“, содѣйствовавшій въ домѣ кн. Куракина развитію либеральныхъ взглядовъ Сперанскаго, и др.

голаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству наиужаснѣйшее кровопролитіе». До этого дѣло пока не дошло, но все же весьма характерно, что два князя Голицына, съ ружьями въ рукахъ, принимаютъ участіе во взятіи Бастиліи, что Роммъ не только ведетъ своего питомца въ засѣданія національнаго собранія, но и побуждаетъ его записаться въ число членовъ двухъ радикальныхъ парижскихъ клубовъ. Сегюръ свидѣтельствуетъ о большомъ энтузіазмѣ въ Петербургѣ при вѣсти о взятіи Бастиліи среди негоцантовъ, купцовъ, горожанъ и нѣкоторыхъ молодыхъ людей болѣе высокаго общественнаго положенія: французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане обнимались и поздравляли другъ друга на улицѣ. Приподнятое общественное настроеніе сказывается и въ томъ, что семидѣтняя дочь Соймонова (вышедшая впоследствии замужъ за Свѣчина) осенью 1789 г. иллюминировала въ Петербургѣ галерею въ домѣ отца, чтобы отпраздновать 14 іюля, когда была взята Бастилія, и освобожденіе ея узниковъ. Нѣкоторые русскіе плакали отъ радости, узнавъ, что французскій король принялъ въ 1791 г. конституцію, и затѣмъ многіе сдѣлали визитъ представителю Франціи для выраженія горячей симпатіи его возродившейся родинѣ. Быстрый ходъ событій вызвалъ сильный интересъ къ чтенію газетъ и журналовъ; директоръ корпуса гр. Ангальтъ нашелъ даже нужнымъ, для ознакомленія кадетъ съ текущими событіями, завести особый столъ съ заграничными повременными изданіями. Въ 1794 г., со смертью гр. Ангальта, они были убраны, но въ это время мѣсто учителя французскаго языка въ корпусѣ занялъ одинъ швейцарецъ, который и сталъ передавать вѣсти о французской революціи. Кадетъ Сергѣй Николаевичъ Глинка получилъ отъ него марсельезу, которую тогда же и перевелъ. Если, такимъ образомъ, воспитанники корпуса могли узнавать изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ о ходѣ революціи, то не удивительно, что зимою 1791—92 гг. офицеры аплодировали въ театрѣ тому мѣсту въ «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше, гдѣ есть намекъ на глупость солдатъ, дозволяющихъ себя убивать, неизвѣстно за что. В. П. Кочубей, будущій министръ при Александрѣ I, впоследствии признавался, что въ началѣ революціи былъ ея ревностнымъ сторонникомъ, М. А. Салтыковъ перевозосилъ во время революціи жирондистовъ. Сынъ французскаго эмигранта Эстергази пѣвалъ въ эрмитажѣ революціонныя пѣсни: «Ça ira» и др. Интересъ къ событіямъ во Франціи былъ такъ великъ и въ провинціи, что извѣстный агрономъ Болотовъ, жившій въ г. Богородицкѣ (Тульской губ.), перевелъ изъ иностранныхъ газетъ статьи, относящіяся къ казни Людовика XVI, такъ что изъ нихъ составила рукописная книжка, которую брали у него многіе. Тульскій намѣстникъ Кашкинъ давалъ въ 1794 г. Болотову читать «Революціонный Альманахъ». Изъ Москвы доносились слухи о броженіи въ дворянскихъ сферахъ въ аристократическомъ смыслѣ

и мечтахъ о государственномъ устройствѣ по образцу Польши ¹⁾. Наконецъ, по свидѣтельству В. Н. Каразина, вліяніе французской революціи на молодые умы обнаружилось не только въ отдаленныхъ отъ столицъ губерніяхъ Европейской Россіи, но даже и въ глубинѣ Сибири.

Весьма замѣчательнымъ представителемъ радикальныхъ теченій въ русскомъ обществѣ, мало отразившихся въ литературѣ вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій, является А. Н. Радищевъ (1742—1802) ²⁾. Воспитывавшійся въ Москвѣ подъ надзоромъ француза, бывшаго совѣтника руанскаго парламента, который покинулъ отечество по политическимъ причинамъ, Радищевъ, послѣ обученія въ пажемскомъ корпусѣ, закончилъ свое образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи 5 лѣтъ. Черезъ два года, по возвращеніи въ Россію, онъ перевелъ сочиненіе Мабли «Размышленія о греческой исторіи». Передавъ здѣсь слово «деспотизмъ» терминомъ «самодержавство», онъ пояснилъ, что «самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣеть другого права наказывать преступниковъ, oprичъ права собственности сохранности... Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и наша природная власти, то дабы она употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный договоръ*. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества*» ³⁾. Здѣсь въ сжатомъ видѣ Радищевъ намѣтилъ идеи, которыя онъ развилъ въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Въ 1789 г. Радищевъ напечаталъ книжку «Житіе Ѳ. В. Ушакова», своего товарища по лейпцигскому университету, въ которой, между прочимъ, высказываетъ такое наблюденіе: «всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ». Самодержавное правленіе неудобно, по мнѣнію Радищева, даже въ томъ случаѣ, если самодержецъ отличается большими достоинствами; хотя бы онъ былъ совершенно безпристрастенъ, другіе начальствующіе его именемъ не будутъ таковыми. Кромѣ того, самодержавный государь знаетъ истинныя заслуги лишь малаго числа служащихъ ему или отечеству, другихъ же «судить по слуху»,

¹⁾ Гр. А. Р. Воронцовъ рассказывалъ послѣдствіи, что, проѣзжая въ молодости черезъ Варшаву при Августѣ III, онъ думалъ, что для него было бы высшимъ счастьемъ быть польскимъ вельможею съ такими же правами и привилегіями.

²⁾ См. о немъ статью В. А. Мякотина (въ его книгѣ: «Изъ исторіи рускаго общества»), которая издана и отдѣльно фирмою «Донская Рѣчь».

³⁾ Курсивы принадлежатъ Радищеву. Нужно замѣтить, что имя его, какъ переводчика, упомянуто въ книгѣ не было. какъ не упоминалось при изданіи имъ и оригинальныхъ произведеній.

награждаетъ по указанію вельможъ, наказываетъ нерѣдко того, кто имъ не нравится. Радищевъ обвиняетъ государей въ крайней близорукости и упрекаетъ ихъ въ томъ, что, нерѣдко подавляя одушевленіе на пользу родины, волнуящее сердца молодежи, они вредятъ тѣмъ пользѣ общественной, а самихъ юношей «нерѣдко навѣки» дѣлаютъ калѣками. Радищевъ указываетъ на то, какъ мало считаются государи съ мнѣніемъ о нихъ современниковъ и потомства. «Не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воиновъ». Такимъ образомъ, уже въ этой небольшой книжкѣ Радищева мы встрѣчаемъ протестъ противъ войны, который въ главномъ его сочиненіи такъ раздражилъ имп. Екатерину. Самовластные государи слишкомъ рассчитываютъ на выносливость народа, и это ослѣпленіе представителей власти Радищевъ считаетъ залогомъ будущей политической свободы. Онъ высказываетъ горячее сочувствіе англичанамъ за то, что они умѣютъ стойко вести легальную борьбу, но не отступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ и предъ такими крайними мѣрами, какъ казнь своего государя. Здѣсь мы видимъ уже зародышъ нѣкоторыхъ строфъ оды «Вольность»¹⁾.

Въ 1790 г. Радищевъ издалъ маленькую книжку: «Письмо къ другу, жителствующему въ Tobольскѣ по долгу званія своего», которая была написана еще въ 1782 г. по поводу открытія памятника Петру Великому въ Петербургѣ. При сочувственномъ вообще отношеніи къ этому государю, авторъ дѣлаетъ, однако, слѣдующее замѣчаніе: «Могъ бы Петръ славнѣе быть..., утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана», то «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ своей власти, сѣдай на престолѣ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Радищевъ оговаривается, что «если бы сіе было писано въ 1790 г., то примѣръ Лудвига XVI далъ бы сочинителю другія мысли». Обвиненіе Петра Великаго въ томъ, что онъ не утверждалъ «вольность частную», вѣроятно, навѣяно сочиненіемъ Мабли «Объ изученіи исторіи». Во время слѣдствія по дѣлу Радищева императрица прочитала его «Письмо къ другу» и сдѣлала по поводу его слѣдующее замѣчаніе: «видно..., что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ».

Но всего полнѣе раскрываются взгляды Радищева въ его знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву»²⁾. Въ противо-

¹⁾ Въ приложенныхъ къ этой книжкѣ наброскахъ *Э. В. Ушакова* отмѣтимъ подробное доказательство ненужности смертной казни.

²⁾ Оно теперь вышло въ свѣтъ въ двухъ изданіяхъ подъ редакцію: 1) *Н. П. Сильванскаго* и *П. Е. Щеголева* и 2) *П. А. Ефремова*. Спб. 1905 г.

положность тогдашнему состоянію Россіи вотъ что онъ желалъ бы видѣть въ ней: процвѣтаніе наукъ, искусствъ и ремесль, свободу разума и его господство въ дѣлѣ общественнаго устроенія, религіозную свободу, «равновѣсіе властей», «равенство имуществъ», признаніе права собственности гражданъ на землю, умѣренность наказаній, воспитаніе народа, «внутреннюю тишину», отсутствіе внѣшнихъ враговъ. Подъ вліяніемъ Руссо Радищевъ собственно полагалъ, что признаніе права собственности на землю привело въ извѣстномъ отношеніи къ вреднымъ послѣдствіямъ. Это видно изъ того, что въ своемъ позднѣйшемъ философскомъ трудѣ «О чловѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» онъ, подражая словамъ Руссо, говоритъ: «Какъ скоро сказалъ чловѣкъ: «сія пядень земли моя!» онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному самовластію, когда чловѣкъ повелѣваетъ чловѣкомъ». Но, считаясь съ существующими общественными условіями, онъ высказываетъ убѣжденіе, что крестьяне, при своемъ освобожденіи отъ крѣпостного права, «удѣль въ землѣ, ими обрабатываемой, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Въ этомъ случаѣ онъ, быть можетъ, отчасти слѣдовалъ примѣру Мабли, который, будучи защитникомъ общности имуществъ, высказался, когда ему пришлось говорить о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ, хотя и недостаточно рѣзко и опредѣленно, за надѣленіе крестьянъ землею. Райналь, сочиненіе котораго ¹⁾ хорошо зналъ Радищевъ, признаетъ собственность источникомъ и добра, и зла, но все же считаетъ необходимымъ законы, охраняющіе земельную собственность.

Освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ ждетъ отъ ихъ собственнаго активнаго протеста.

Какъ извѣстно, Радищевъ посвящаетъ въ своей книгѣ большое разсужденіе доказательству вреда цензуры, которая, по его словамъ, «сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго...; чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствіе ея пагубнѣе». Далѣе онъ приводитъ мнѣніе Гердера, которое, какъ оказывается, заимствовано Радищевымъ изъ его сочиненія «О вліяніи правительства на науки и наукъ на правительство» (1799), но подобно тому, какъ въ вопросѣ объ уничтоженіи рабства Радищевъ предъявляетъ гораздо болѣе радикальныя требованія, чѣмъ отчасти вліявшій на него Райналь, ²⁾ такъ и въ вопросѣ о цензурѣ авторъ «Путешествія» гораздо послѣдовательнѣе Гердера. Гердеръ полагаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность не допускать нѣкоторыя науки (*gewisse Wissenschaften*), онъ требуетъ безусловнаго запрещенія богохульныхъ и безнравственныхъ сочиненій, онъ настаиваетъ на

---

¹⁾ „Histoire philosophique des etablissements et du commerce des Européens dans les deux Indes“.

²⁾ Объ отношеніи Радищева къ крестьянскому вопросу см. въ моей книгѣ: „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I.

томъ, чтобы издатели, если отъ нихъ этого потребуютъ, были обязаны называть имена писателей, и даже желаетъ, чтобы было запрещено печатаніе критическихъ статей безъ подписи автора. Радищевъ думаетъ иначе: онъ говоритъ, что „одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ“. По его мнѣнію, „пускай печатаютъ все, кому что на умъ взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ“. Вопреки Гердеру, Радищевъ настаиваетъ на полной свободѣ печати въ дѣлѣ религіи. Считая невозможнымъ оскорбленіе Бога, онъ прибавляетъ: „но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли, благочинія можетъ быть за него истецъ?.. Для чего не позволять всякому заблужденію быть явнымъ. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится“. Защищая полную свободу обсуждения религіозныхъ вопросовъ въ печати, Радищевъ замѣчаетъ: „запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей“. Общій выводъ его состоитъ въ томъ, что „цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно дастъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обертки“. Признавая бесполезность цензуры „или паче ея вредъ въ царствѣ науки“, Радищевъ считаетъ ненужными доказательства необходимости „обширной и безпредѣльной вольности печатанія“.

Для полнаго пониманія политическихъ воззрѣній Радищева необходимо внимательное изученіе въ полномъ видѣ его оды „Вольность“, изъ которой онъ напечаталъ нѣкоторые отрывки въ своемъ „Путешествіи“, кратко изложивъ другія мѣста ¹⁾.

Авторъ обращается къ вольности, которую онъ называетъ благословеннымъ, безцѣннымъ даромъ небесъ, источникомъ всѣхъ великихъ дѣлъ, и проситъ дать ему силу воспѣть ее такъ, чтобы проснулись Брутъ и Телль, и чтобы отъ ея гласа пришли въ смятеніе цари. Человѣкъ рождается совершенно свободнымъ, но его свобода ограничена общею властью народа, частью которой является власть отдѣльнаго лица, такъ что каждый, творя волю всѣхъ, творитъ свою волю. Далѣе, авторъ изображаетъ въ видѣ ужаснаго, стоголоваго чудовища „священное“ (т.-е. религіозное) суевѣріе, которое всѣмъ велитъ вѣрить слѣпо, велитъ бояться истины, говорить о божественномъ происхожденіи власти. По словамъ царя, это „Законъ Божій“, а мудрецъ, изобрѣвшій народное угнетеніе, утверждаетъ, что это „святой обманъ“. Такое суевѣріе было, есть и будетъ источникомъ оковъ рабства. Возможно ли всесильному Богу унизиться до того, чтобы вѣщать намъ при посредствѣ чужого голоса.

Вотъ среди обширныхъ областей стоитъ тронъ рабства. Градскія власти видятъ тамъ въ царѣ образъ Божества. Царская власть охраняетъ вѣру, вѣра утверждаетъ царскую власть. Такъ „священ-

---

¹⁾ Выражаемъ глубочайшую признательность П. А. Ефремову за сообщеніе полнаго текста оды „Вольность“.

ное и политическое суевѣріе“, подкрѣпляя другъ друга, угнетаютъ общество: одно старается сковать разсудокъ, другое стремится стереть волю, увѣряя, что дѣлаеть это ради общей пользы. Подъ сѣнью рабскаго покоя не возрастуть золотые плоды; тамъ, гдѣ все противодѣйствуетъ стремленію ума, тамъ невозможно величіе, тамъ является лѣность, безпечность, голодь, коварство, тамъ храмъ Минервы приходитъ въ ветхость. Тамъ царь, вознеся надменное чело, схвативъ желѣзный скипетръ, властно сѣвъ на огромный тронъ, видитъ въ народѣ лишь подлую тварь и, располагая жизнью и смертью, говорить: по своей волѣ я щажу злодѣя, я могу надѣлять властью; пользуется жизнью лишь тотъ, кому я велю жить. И мы спокойно слушаемъ, какъ алчный змѣй, надругаясь надъ всѣми, отравляетъ дни веселья. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ, преклонивъ колѣни, трепещи, такъ какъ идетъ мститель: онъ объявитъ вольность, и вѣсть о томъ распространится отъ края до края, провозглашая свободу. Начнется возстаніе, надежда вооружить всѣхъ, всѣ спѣшатъ „омыть свой стыдъ“ въ крови вѣнчаннаго мучителя. Вездѣ сверкаетъ острый мечъ, летаетъ смерть, паритъ надъ гордой головой. Ликуйте, скованные народы; это природное право мести возвело царя на плаху; оно, мощно разодравъ завѣсу лживой ночи, поправъ огромный истуканъ кичливой и строптивой власти, сковавъ сторукаго исполина, влечетъ его, какъ простаго гражданина, къ престолу, на которомъ возсѣлъ народъ. Онъ сказалъ ему:

„Преступникъ власти, мною данной!
Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный“,

какъ смѣлъ возстать противъ меня? Я облекъ тебя въ порфиру, чтобы блюсти „равенство въ обществѣ“, быть непримиримымъ мстителемъ пороку, лжи и клеветѣ, предупреждать зло, хранить въ чистотѣ нравы, желалъ, чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникомъ на своей нивѣ и благословилъ бы тебя. Не щадя свой крови, я воздвигнулъ грозную рать, чтобы карать внѣшнихъ враговъ, я велѣлъ повиноваться тебѣ и устремляться съ тобою къ славѣ.—„для пользы всѣхъ мнѣ можно все“. Но ты, забывъ данную мнѣ клятву, забывъ, что я избралъ тебя, возомнилъ, что ты—господинъ, а не я, расторгъ мечомъ мои „уставы“, лишилъ силы всѣ права, расчистилъ дорогу мерзостямъ, сталъ взывать „не ко мнѣ, а къ Богу“, а мною сталъ гнушаться. Доставая кровавымъ потомъ плоды, посаженные для пропитанія, я раздѣлялъ съ тобою крохи и не щадилъ своего труда. Но тебѣ мало всѣхъ сокровищъ. Скажи, для чего тебѣ не достало ихъ, что ты сорвалъ съ меня рубище? Чтобы одарить льстиваго любимца? Мечъ, изощренный противъ злодѣя, ты сталъ сулить невинности. Полки, собранные для защиты, ведешь ли ты на войну за челоуѣчество? Злодѣй, болѣе лютый, чѣмъ всѣ злодѣи, преступникъ первый изъ всѣхъ, я зову тебя на судъ,—пусть не минуетъ тебя ни одна изъ казней. Ты устремилъ противъ меня свое жало, „умри, умри же ты стократы!“ Обращаясь затѣмъ къ

Кромвелю, авторъ называетъ его злодѣемъ за то, что имѣя въ своихъ рукахъ власть, онъ сокрушилъ твердыню свободы, но въ то же время считаетъ его великимъ мужемъ, такъ какъ онъ показалъ народамъ, какъ они могутъ мстить за себя: «ты Карла на судѣ казнилъ». Гремятъ голоса свободы, народъ собирается на вѣче и разрушаетъ чугунный престолъ. «Великъ, великъ ты, духъ свободы, зиждигителень», какъ самъ Богъ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе царства свободы и ея послѣдствій: тутъ поле, не поливаемое слезами, становится плодороднѣе, всякій сѣетъ и жнетъ для себя. Свободный человѣкъ, исполнивъ дневную работу, спѣшитъ домой и беззаботно спитъ въ объятіяхъ жены, выбранной имъ самимъ по любви, а не данной ему въ наказаніе надменною рукою господина для размноженія «невинныхъ жертвъ». Тутъ войско—не скотъ, согнанный поневолѣ, тутъ каждый имѣетъ видъ вождя, ищетъ славной смерти. О, Вашингтонъ, непобѣдимый воинъ, твой вождь—свобода! Не видно грознаго владыки, тутъ царство свободы: «награда ей едина слава, во храмъ безсмертья что ведетъ». Опять господствуетъ «естественный уставъ». Возвысить, «восхитить вѣнецъ» могутъ только личныя заслуги. Духъ, взлетая на крыльяхъ разума, «возможетъ» все.

Но страсти возбуждаютъ междоусобія и вызываютъ всѣ послѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать. Марій, Сулла возмущаютъ шаткое спокойствіе римлянъ. Наконецъ, Августъ,

«Тревожну вольность усыпивъ,
Чугунный скиптръ обвилъ цвѣтами;
Народы мнили—правятъ сами,
Но Августъ выю ихъ давилъ».

Таковъ законъ природы: изъ мучительства рождается вольность, изъ вольности рабство.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блудите даръ благой природы
Въ сердцахъ, что Вѣчный начерталъ.

Затѣмъ авторъ обращается къ знаменитой странѣ (Франціи), гдѣ согбенная вольность лежала попрунная гнетомъ,

«Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ,
Того жъ, того жъ и мы всѣ жаждемъ».

Къ этой странѣ стремится душа поэта, у него мелькаетъ желаніе быть похороненнымъ на ея берегу, но онъ предпочитаетъ умереть на родинѣ, чтобы юноша, жаждущій славы, сказалъ у его гроба: онъ первый предсказалъ намъ вольность. Поэтъ предвидитъ распространеніе предѣловъ родины, ослабленіе связи ея частей и даже ея распаденіе, тѣмъ болѣе скорое, чѣмъ она будетъ обшир-

нѣе, но это не пугаетъ его: онъ вѣритъ, что изъ нѣдръ этой огромной развалины, среди рѣкъ крови возникнутъ малыя свѣтила; они украсятъ «свои кормила» вѣнцомъ «дружества» и направятъ ладью на пользу всѣхъ. Часъ еще не насталъ, судьбы не совершились, еще далеко окончаніе всѣхъ бѣдъ. Власть «при послѣднемъ издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы», чтобы раздавить возникающую вольность. Но человѣчество, руководимое надеждою на освобожденіе и «неистребимымъ правомъ природы», возстанетъ, и власть будетъ «приведена въ трепетъ» и развѣется въ одно мгновеніе. Уже трясутся своды вѣчнаго мрака и появляется «яркій свѣтъ» свободы.

Сочувствіе федеративному строю, выраженное Радищевымъ въ концѣ его оды, объясняется, вѣроятно, вліяніемъ Мабли, который, въ своемъ сочиненіи «О законодательствѣ или основныя начала законовъ», называетъ федеративную республику «высшею степенью совершенства, до которой можетъ возвыситься политика».

Несмотря на истребленіе книги Радищева, нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея уцѣлѣло, а на возвратномъ пути изъ ссылки въ Восточную Сибирь авторъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и рукописную копию своей книги. Юный С. Н. Глинка, вступая въ жизнь въ 1795 г., единственнымъ своимъ сокровищемъ считалъ три книги, одною изъ которыхъ было «Путешествіе» Радищева.

II.

Въ то самое время, когда Радищевъ пострадалъ за свои радикальныя убѣжденія, Лагарпъ, воспитатель вел. кн. Александра Павловича, внушалъ своему питомцу взгляды, во многомъ сходные съ тѣми, что высказывалъ авторъ «Путешествія».

«Читая исторію», говорилъ Лагарпъ своему ученику, «вы увидите, что вездѣ, гдѣ тронъ покоился на основныхъ законахъ, свято соблюдаемыхъ, онъ сохранилъ прочность, что вездѣ, гдѣ государь считалъ себя лишь первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ гораздо лучше, чѣмъ крѣпостями и солдатами». Лагарпъ приводитъ изъ исторіи Англій два примѣра того, къ чему ведетъ нарушеніе правъ народа: казнь Карла I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ монархіи и низложеніе Іакова II.

Можно думать, что, подъ вліяніемъ сильнаго протеста Лагарпа противъ самовластия и произвола, вел. кн. Александръ Павловичъ, 13-лѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно, въ 1790 г., какъ разъ въ годъ ссылки и осужденія Радищева, далъ обѣтъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ», о чемъ Лагарпъ письменно напомнилъ ему за нѣсколько дней до коронованія. Этотъ обѣтъ былъ тогда извѣстенъ, вѣроятно, только Лагарпу. Но взгляды, привитые старшему внуку Екатерины II, не могли не высказываться имъ и въ присутствіи другихъ. Протасовъ, помощникъ гр. Салты-

кова по воспитанію Александра Павловича, сообщаетъ, что однажды, въ 1791 г., его питомецъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, по поводу чтенія газетъ, выражалъ сочувствіе «объявленію равенства людей» (вѣроятно, деклараціи правъ). Французскій повѣренный въ дѣлахъ, Жене, въ своемъ донесеніи отъ 3 января 1792 г., сообщалъ, что великіе князья разсуждали о злоупотребленіяхъ при феодальномъ режимѣ или напѣвали во дворцѣ революціонныя пѣсни и, въ присутствіи испуганныхъ или озадаченныхъ придворныхъ, вытаскивали изъ кармановъ трехцвѣтныя кокарды. Въ другой депешѣ, отъ 8 іюня 1792 г., тотъ же Жене сообщаетъ, что «нѣсколько дней тому назадъ вел. князь началъ споръ о правахъ человѣка и другихъ частяхъ нашего національнаго договора» и на вопросы удивленныхъ придворныхъ о томъ, кто могъ столь хорошо освѣдомить о немъ вел. князя, отвѣчалъ, «что бабушка заставила его прочесть французскую конституцію, что она объяснила ему всѣ ея статьи, объяснила причины французской революціи 1789 г. и дала по этому поводу совѣты съ тѣмъ, чтобы онъ запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, но никому не сообщалъ ихъ».

Въ послѣдній годъ жизни Екатерины II Александръ Павловичъ, подъ вліяніемъ презрѣнія, которое возбуждала въ немъ придворная грязь, и чувства отвѣтственности за управление огромною имперіею, которое выше силъ одного человѣка, выражалъ въ письмахъ къ Лагарпу и Кочубею намѣреніе со временемъ отказаться отъ престола и поселиться съ женою на берегахъ Рейна. Гораздо важнѣе этихъ мечтаній были тѣ задушевныя мысли, которыя высказывалъ вел. князь Александръ весною 1796 г. въ откровенной бесѣдѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ сказалъ, что нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ порицаетъ основныя начала политики своей бабки, что все его сочувствіе было на сторонѣ Польши, столь славно борющейся, что онъ оплакивалъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ человѣкъ великій по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости». Александръ Павловичъ сказалъ, что «ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею, что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ». Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ со своимъ другомъ вел. князь заявилъ, что «желалъ бы всюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія единственною соответственно съ правами человечества... Между прочимъ, онъ утверждалъ, что наследственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наиболѣе способнаго къ управленію государствомъ».

Князь Чарторыйскій старался внушить Александру Павловичу мужество, необходимое для предстоящихъ ему обязанностей и его убѣжденія, повидимому, производили нѣкоторое дѣйствіе. По край-

ней мѣрѣ, сдѣлавшись, съ началомъ новаго парствования, наслѣдникомъ престола, Александръ Павловичъ сталъ задумываться надъ вопросами о государственныхъ реформахъ, хотя еще не покидалъ мысли объ отреченіи отъ престола, откладывая только это отреченіе до окончанія преобразованій, которыя онъ полагалъ со временемъ произвести. Въ этомъ духѣ кн. Чарторыйскій даже составилъ, по просьбѣ великаго князя, во время коронаціи императора Павла (совершившейся въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.), проектъ манифеста, въ которомъ указывалось на неудобства существовавшей до того времени въ Россіи формы правленія, на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей даровать, на благодѣянія будущей свободы и введенія правосудія, и заявлялось о его рѣшеніи, исполнить эту священную для него обязанность, отказаться отъ власти для того, чтобы признанный наиболѣе достойнымъ ея носить могъ упрочить и усовершенствовать дѣло, основаніе котораго онъ положилъ.

Великій князь вполнѣ оцѣнилъ всю прелесть порядка, установившагося со вступленіемъ на престоль его отца. Въ письмѣ къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г. онъ, между прочимъ, писалъ: «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь ни при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены... Несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто оставленія родины, я сдѣлаю несравненно лучше, поработаю надъ дарованіемъ странѣ свободы... Мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена и нація избрала бы своихъ *представителей*... Когда придетъ мой чередъ, нужно будетъ стараться образовать, само собою разумѣется, постепенно народное представительство, которое, надлежащимъ образомъ руководимое, составило бы конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы».

Сознавая всю невозможность существующаго порядка и задумываясь надъ необходимостью иного, лучшаго государственнаго строя, молодой великій князь естественно дѣлился своими мыслями съ людьми, ему близкими. Такъ какъ онъ нерѣдко выражалъ Кочубею желаніе, чтобы «правительство было устроено согласно съ принципами здраваго разума», то Кочубей попробовалъ узнать относительно этого мнѣніе его дяди, кн. Безбородко. Въ первый разъ князь уклонился отъ обсужденія этого вопроса, но черезъ

нѣсколько дней сказалъ, что набросалъ нѣкоторыя мысли по этому предмету.

Не удивительно, что Безбородко, надѣленный въ теченіе двухъ царствованій самодержавныхъ государей громадными богатствами, высказался за необходимость самодержавія, но порядки, существовавшіе при Павлѣ, оказывались столь невыносимыми, что даже этотъ гибкій царедворецъ счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «безпредѣльная власть» дается самодержавному государю «не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы содержать въ почтеніи и исполненіи законы» и самому прежде всѣхъ имъ повиноваться. Безбородко предлагаетъ установить, чтобы государь, при его коронованіи, присягалъ «царствовать во славу имперіи и во благо общественное». Придавая большое значеніе сенату, онъ дѣлитъ его на 4 департамента такъ же, какъ предполагалось въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 г. Кромѣ того, онъ считалъ полезнымъ учредить два департамента сената въ Москвѣ и два въ Кіевѣ. «Для вершенія дѣлъ», выходящихъ изъ общаго порядка, и гдѣ «уваженіе по челоуѣчеству требуетъ смягченія законовъ», Безбородко предлагаетъ учредить высшій совѣстный судъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ высшаго совѣстнаго судьи, должны были присутствовать два депутата отъ дворянъ, два — отъ «мѣщанъ» (т. е. отъ городовъ) и два — отъ поселянъ. Вмѣсто сенаторскихъ ревизій онъ считалъ полезнымъ установить такой порядокъ, чтобы каждая губернія была разъ въ три года подробно осматрѣна лицами, уполномоченными на то государемъ (черезъ «довѣренныхъ его особъ»), а именно, однимъ сенаторомъ и депутатами — двумя отъ дворянъ, двумя отъ «мѣщанъ» и двумя отъ крестьянъ. Подъ вѣдѣніемъ сената учреждается генеральный уголовный судъ, но составъ его иной, чѣмъ въ екатерининскомъ проектѣ реформы сената 1795 г., а именно, кромѣ трехъ лицъ, состоящихъ на коронной службѣ, присутствуютъ два депутата, отъ дворянъ, мѣщанъ и поселянъ; въ немъ судятся тѣ дѣла и лица, которыя не подлежатъ судамъ губернскимъ. Далѣе сказано слѣдующее: «*все собраніе депутатово*, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ»; въ немъ кромѣ того присутствуютъ 4 лица, состоящія на государственной службѣ. «Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властью». Какъ понимать слова «*все собраніе депутатово*»? Передъ этимъ «*депутаты*» упоминались, какъ члены высшаго совѣстнаго суда, какъ участники въ ревизіи губерній и какъ члены генеральнаго уголовного суда. Члены губернскихъ совѣстныхъ судовъ выбирались по учрежденіямъ о губерніяхъ дворянами, городами и крестьянами, но кто долженъ былъ выбирать, по проекту Безбородка, трехъ сословныхъ представителей высшаго совѣстнаго и генеральнаго уголовного судовъ? Для ревизіи губерній могли выбираться депутаты на мѣстѣ, которые ревизовали бы вмѣстѣ съ «до-

вѣренными особами» государя. Депутатовъ въ верхній совѣстный и генеральный уголовный суды Безбородко, вѣроятно, предполагалъ избирать, по примѣру екатерининскаго проекта 1795 г., также въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ засѣдать эти суды. Какъ бы то ни было записка Безбородка въ извѣстной степени связана съ предположеніями Екатерины, что подтверждается и свидѣтельствомъ Кочубея: по его словамъ, вручая ему свою записку, кн. Безбородко сказалъ, что у имп. Екатерины II была постоянно эта идея до тѣхъ поръ, пока французская революція не заставила ее перемѣнить принципы. Упомянувъ о ея грамотахъ дворянству и городамъ, кн. Безбородко прибавилъ, что она оставила связку собственноручныхъ бумагъ о сенатѣ, но нужно замѣтить, что Безбородко дѣлаетъ новыя предложенія относительно участія представителей сословій въ дѣлѣ законодательства и надзора надъ мѣстными судами и администраціею, которыхъ нѣтъ въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 гг. Подобно этимъ проектамъ, онъ предлагалъ дать сенату право представленія о «вредѣ» отъ даннаго указа и также требовалъ исполненія его въ случаѣ подтвержденія указа государемъ. Но въ екатерининскомъ проектѣ не только нѣтъ требованія уничтожить «всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя»¹⁾, но, какъ мы видѣли, напротивъ, собственноручно написала на проектѣ, что нужно упомянуть въ немъ о существованіи при второмъ департаментѣ сената тайной экспедиціи. Въ его запискѣ были и другія предположенія, о которыхъ она и не думала въ послѣдніе годы жизни, какъ, напримѣръ, рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права, повидимому, навѣянныхъ книгою Радищева. Нѣкоторыя же другія идеи, вѣроятно, были внушены Безбородко изученіемъ классическаго произведенія Монтескье, которое, по словамъ Кочубея, онъ зналъ наизусть. По восшествіи на престоль Александра I, гр. П. А. Строгановъ не разъ напоминалъ ему о запискѣ кн. Безбородко, но государь не былъ, видимо, ею удовлетворенъ.

Уже въ первой бесѣдѣ о предстоящихъ реформахъ съ гр. Строгановымъ (23 апрѣля 1801 г.) государь сказалъ, что необходимо «опредѣленіе столь знаменитыхъ правъ человѣка»: мысль объ этомъ, очевидно, была навѣяна французскою декларациею правъ и англійскими основными законами. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы внимательно ознакомились «со всѣми конституціями». Составленъ былъ Трошинскимъ, при нѣкоторомъ участіи Сперанскаго, проектъ «всемилоствѣйшей грамоты россійскому народу». Въ ней, между прочимъ, обвиняемому въ преступленіи или находящемуся подъ судомъ предлагалось избрать защитника. Затѣмъ, дозволялось каждому, посаженному въ заключеніе или насильственно задержанному, если ему не объявлено о причинѣ задержанія и въ теченіе трехъ

¹⁾ Въ царствованіе Павла тайная экспедиція была завалена дѣлами и подвергла допрашиваемыхъ истязаніямъ.

дней онъ не былъ представленъ въ судъ къ допросу, требовать своего освобожденія, при чемъ онъ долженъ немедленно получить свободу съ правомъ начать искъ противъ задержаннаго его лица «въ оскорбленіи личной безопасности и убыткахъ». Взятый подъ стражу и представившій установленное закономъ поручительство въ томъ, что явится на судъ, долженъ быть освобожденъ, кромѣ случаевъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, притомъ вполнѣ доказанныхъ и совершенныхъ умышленно. Предполагалось также постановить, что согласно XX-ой главѣ Наказа, можно считать оскорбленіемъ величества только извѣстныя дѣйствія ¹⁾, а отнюдь не слова и сочиненія. «Каждый россійскій гражданинъ», сказано было также въ грамотѣ, «да пользуется невозбранно свободою мысли, вѣры или исповѣданія, богослуженія, слова или рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны». Предполагалось обнародовать эту грамоту во время коронаціи въ Москвѣ, но намѣреніе это исполнено не было ²⁾.

5 іюня 1801 г. данъ былъ сенату именной указъ о томъ, чтобы онъ составилъ доклады о своихъ правахъ и обязанностяхъ, при чемъ государь выражалъ намѣреніе поставить права и преимущества сената на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ. Государю приходило въ голову, чтобы въ губерніяхъ (вѣроятно, въ дворянскихъ собраніяхъ) избиралось по два кандидата, изъ числа которыхъ назначались бы сенаторы, но одинъ изъ членовъ неофіціального комитета, въ которомъ государь обсуждалъ проекты преобразованій, возразилъ, что назначаемыя такимъ образомъ лица могутъ не имѣть познаній, необходимыхъ для занятій столь важнаго мѣста.

Не останавливаясь на различныхъ проектахъ преобразованія сената, отмѣтимъ только мнѣніе по этому предмету Н. С. Мордвинова, прочитанное имъ въ засѣданіи Совѣта 1 мая 1802 г. «Желательно», писалъ Мордвиновъ, «чтобы сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на знат-

---

¹⁾ А именно, заговоръ для ниспроверженія высшей власти, произведеніе явнаго и умышленнаго бунта въ народѣ, которымъ будетъ нарушено спокойствіе государства, и измѣну.

²⁾ Была еще попытка опредѣлить общія политическія права въ неизданномъ проектѣ Новосильцова, но онъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій. Любопытно сопоставить эти блужданія окружающихъ государя лицъ въ вопросахъ объ общихъ правахъ русскихъ гражданъ съ весьма опредѣленною программою Радищева, служившаго въ то время въ комиссіи составленія законовъ. По его мнѣнію, необходимо поставить, что 1) всѣ состоянія равны передъ закономъ, и потому тѣлесное наказаніе должно отмѣнить; 2) табель о рангахъ уничтожить; 3) въ уголовныхъ дѣлахъ отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ; 4) вѣротерпимость должна быть совершенная, и устранено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти; 5) ввести свободу книгопечатанія съ ограниченіями и точными постановленіями о степени отвѣтственности; 6) освободить крѣпостныхъ крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ.

номъ сословіи, весьма уважаемомъ». Мордвиновъ предлагаетъ, чтобы каждая губернія присылала въ сенатъ по два депутата, выбираемыхъ на томъ же основаніи, какъ губернскіе предводители, т.-е. однимъ дворянствомъ, и также на три года. Выбранные не получаютъ жалованья, но пользуются всѣми преимуществами наравнѣ съ назначенными государемъ и также называются сенаторами. «Существенная» ихъ обязанность должна была состоять въ попеченіи о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны. Мнѣніе Мордвинова имѣетъ нѣкоторое сходство съ предположеніями кн. Щербатова въ его «Путешествіи въ землю Офирскую», но только Щербатовъ давалъ право представительства не одному дворянству, а также и купечеству, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ, затрагивающимъ его интересы. Когда, въ концѣ того же мѣсяца, на совѣщаніи съ нашимъ посланникомъ въ Англии, гр. С. Р. Воронцовымъ, гр. Строгановъ, сближая сенатъ съ верхнею палатою англійскаго парламента, возбудилъ вопросъ о наслѣдственности сенаторскаго званія и высказался за нее, то Воронцовъ возражалъ противъ этого, считая у насъ такое учрежденіе опаснымъ.

Указомъ 8 сентября 1802 г. о сенатѣ за нимъ не сохранилась уже прежняя власть, такъ какъ органами активнаго управленія и непосредственными докладчиками верховной власти, на основаніи изданнаго въ тотъ же день указа, являлись министры. Но они обязаны были ежегодно представлять чрезъ сенатъ письменные отчеты государю; разсмотрѣвъ ихъ и выслушавъ объясненія министровъ, сенатъ докладывалъ императору свое мнѣніе. Однако, это правило не создало дѣйствительной отвѣтственности министровъ. Сенату дозволялось также дѣлать представленія государю о неудобноисполнимыхъ указахъ по общимъ государственнымъ дѣламъ или несогласныхъ съ законами и неясныхъ по дѣламъ суднымъ; но когда сенатъ попробовалъ въ слѣдующемъ году воспользоваться этимъ правомъ по поводу одного указа, ограничивающаго права дворянства, то было разъяснено, что сенатъ можетъ дѣлать представленія лишь о тѣхъ законахъ и указахъ, которые были изданы до 8 сентября 1802 г. С. Р. Воронцовъ находилъ, что, по новымъ законамъ, сенатъ униженъ, а министры получили слишкомъ большую власть; сравнивая министровъ-фаворитовъ XVIII вѣка съ новыми министрами, онъ находилъ, что то было зло незаконное, а теперь оно основывается на законѣ.

Въ 1803 г. имп. Александръ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, поручилъ Сперанскому составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Наиболѣе важный пунктъ этой записки состоитъ въ выясненіи истиннаго значенія отвѣтственности исполнительной власти предъ законодательною. Установленіе такой отвѣтственности, говоритъ Сперанскій, «естъ первый шагъ рѣшительнаго приближенія, какой можно сдѣлать въ государствѣ деспотическомъ къ правильной монархіи, ибо, установляя ее, государь самодержавный отступаетъ отъ безотчетнаго управленія и въ лицѣ министровъ чокоряетъ собственную свою

власть закону». Сперанскій считаетъ нужнымъ при этомъ пояснить, что «отвѣтственность сія не учреждается однимъ словомъ или велѣніемъ; она перемѣняетъ конституцію государства и, слѣдовательно, не можетъ быть нигдѣ безъ важныхъ превращеній» (революцій). «Она предполагаетъ законъ, утвержденный печатью общаго принятія, и извѣстную гарантію сего закона въ вещественныхъ установленіяхъ государства или въ твердомъ и общемъ мнѣніи народномъ. *Безъ всею все будетъ состоять только въ словахъ*». Тутъ ясно критическое отношеніе Сперанскаго къ тѣмъ разговорамъ объ ограниченіи самовласти, которыми имп. Александръ и его приближенные усердно занимались въ первые годы царствованія и которые ни на шагъ не подвигали дѣла впередъ.

Въ «правильномъ монархическомъ государствѣ» (въ отличіе отъ Россіи, правленіе которой Сперанскій считалъ деспотическимъ) «государственный законъ» рисовался Сперанскому въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Всѣ «состоянія» государства свободны и участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ въ законодательной власти. 2) Власть исполнительная принадлежитъ одному лицу, участвующему въ законодательномъ дѣйствіи и утверждающему его. 3) Есть общественное мнѣніе, оберегающее законъ въ его исполненіи. 4) Есть «независимое сословіе народа» (т.-е. законодательное учрежденіе, основанное на народномъ избраніи), предъ которымъ „исполнители“ отвѣтственны. 5) Существуетъ система гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, принятая народомъ. 6) Судъ производится не отъ лица государя, но лицами, избранными народомъ и имъ утвержденными, которая сами могутъ быть преданы суду. 7) Судопроизводство публично, исключая нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ. 8) Существуетъ свобода печати въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ границахъ.

Къ сожалѣнію, записка Сперанскаго 1803 г. найдена до сихъ поръ лишь въ черновомъ оригиналѣ, и въ немъ только что изложенное мѣсто зачеркнуто. Правда, многія характерныя черты государственнаго закона указаны Сперанскимъ отдѣльно въ другихъ мѣстахъ, но, во-первыхъ, далеко не всѣ, а, во-вторыхъ, здѣсь онѣ были собраны воедино, и исключеніе вышеизложеннаго мѣста несомнѣнно уменьшало значеніе записки. Можно предполагать, что это исключеніе было сдѣлано по требованію тогдашняго начальника Сперанскаго, Кочубея, который, вѣроятно, нашелъ нужнымъ охладить либеральный пылъ своего подчиненнаго. Недаромъ Сперанскій сказалъ другу и популяризатору Бентама, Дюмону, посѣтившему въ это время Петербургъ, что «не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи». Упомянемъ еще, что Сперанскій, какъ видно изъ другого зачеркнутаго мѣста записки, колебался еще тогда, слѣдуетъ ли основать законодательное учрежденіе на «системѣ представленія» ¹⁾, т.-е. представительства,

¹⁾ Въ проектѣ 1809 г. (см. ниже) Сперанскій употребляетъ выраженіе: «народное представленіе».

или на системѣ первородства. Во всякомъ случаѣ, въ этой запискѣ онъ вынужденъ былъ составлять планъ устройства правительственныхъ и судебныхъ учреждений при сохраненіи самодержавія¹⁾.

Этотъ трудъ Сперанскаго практическихъ послѣдствій не имѣлъ, но такъ какъ онъ, повидимому, былъ представленъ имп. Александру, то могъ обратить вниманіе государя на его составителя. Александръ I въ дѣлѣ преобразованія государственнаго строя Россіи, какъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, очевидно, желалъ накоплять различные проекты, чтобы выбрать изъ нихъ лучшій. Въ іюнѣ 1804 г. министръ юстиціи, кн. Лопухинъ, управлявшій и комиссією составленія законовъ, призвалъ къ себѣ секретаря и перваго докладчика этой комиссіи, бар. Розенкамфа, не знавшаго тогда русскаго языка, и объявилъ ему повелѣніе государя заняться составленіемъ проекта конституціи для Россіи. Правда, ранѣе этого, по порученію русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ составилъ проектъ конституціи для Іоническихъ острововъ, которые состояли съ 1799 по 1807 г. подъ покровительствомъ Россіи, но даже самъ Розенкампфъ признавалъ эту работу неудачною. Поэтому онъ былъ крайне пораженъ, услышавъ повелѣніе государя. Розенкампфъ указалъ Лопухину на то, что «комиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный выводъ изъ нихъ, конституцію»; онъ напомнилъ, что еще не собраны многіе законы о сословіяхъ, не разсмотрѣны національныя и мѣстныя особенности. Однако, онъ долженъ былъ повиноваться и составилъ общій очеркъ конституціи, который, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ множество пробѣловъ, такъ какъ вовсе не касался крестьянскаго сословія. Трудъ этотъ пока не найденъ, и мы не знаемъ, были ли въ этомъ проектѣ постановленія, дѣйствительно ограничивающія самодержавную власть²⁾. Онъ былъ переданъ Новосильцеву и кн. Черторыйскому, которые выработали полный проектъ, но онъ остался безъ движенія вслѣдствіе внѣшнихъ усложненій, вызвавшихъ кровопролитныя войны 1805—7 гг., и паденія вліянія Строганова, кн. Чарторыйскаго и Новосильцева. По возвращеніи изъ Эрфурта въ 1808 г. государь передалъ этотъ проектъ Сперанскому, который его не одобрилъ.

Въ 1808 г. Сперанскій находился въ свѣтѣ государя во время его свиданія съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на Сперанскаго и говорилъ о немъ, что это «единственная свѣтлая голова въ Россіи». По возвращеніи въ Петербургъ, государь проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, относившихся къ вопросу о государственныхъ преобразованіяхъ. Работою надъ общимъ планомъ реформъ Сперанскій

¹⁾ Записка 1803 г. была впервые напечатана Н. А. Бычковымъ въ „Историческомъ Обозрѣніи“. т. XI.

²⁾ Въ 1803—4 гг. Карамзинъ носился съ такою мыслью, что государь долженъ дѣйствовать неограниченно (?), но „охранительный сенатъ“ по постановленію, принятому $\frac{2}{3}$ голосовъ, можетъ посылать ему свои замѣчанія, большинствомъ же $\frac{2}{4}$ голосовъ *остановить его дѣйствія* обнародованіемъ

былъ занятъ большою частью 1809 г.¹⁾ Октябрь и ноябрь мѣсяцы прошли въ томъ, что почти ежедневно государь разсматривалъ проектъ Сперанскаго, дѣлалъ перемѣны, дополненія и поправки и, наконецъ, рѣшилъ приводить его въ дѣйствіе²⁾.

Приступая къ ознакомленію съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., носящимъ въ черновомъ оригиналѣ заглавіе «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», отмѣтимъ изъ того, что онъ говоритъ о прошломъ Россіи, рѣшительное осужденіе имъ закона Петра Великаго о правѣ первородства: «сіе установленіе, совершенно феодальное, могло бы», по мнѣнію Сперанскаго, «уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути». Такимъ образомъ, въ эту болѣе демократическую эпоху своего міросозерцанія Сперанскій высказался противъ права первородства; позднѣе же, онъ круто измѣнилъ свой взглядъ. Современная ему Россія находится, по его мнѣнію, «въ эпохѣ самодержавія», но «безъ сомнѣнія, имѣетъ прямое (*forte, mais régulière*)³⁾ направленіе къ свободѣ». Въ доказательство того, что «настоящая система (*la forme*) правленія не свойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новый вещей порядокъ», Сперанскій указываетъ нѣсколько признаковъ. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, ослабленіе власти: «Если физическая власть», говоритъ онъ, «осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія,

---

своихъ замѣчаній. Присяга воиновъ должна быть не безусловная, а въ нее слѣдуетъ внести обязательство, полагающее предѣлы повинновенію.

¹⁾ При этомъ онъ изучилъ «всѣ извѣстныя конституціи».

²⁾ Слѣдуетъ упомянуть, что Финляндія, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., сохранила свое государственное устройство. 15 марта было подписано государемъ «обнадеживаніе всѣмъ жителямъ Финляндіи», въ которомъ сказано: «Признали мы за благо... утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особености и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Сперанскій сопровождалъ государя на сеймъ въ Борго, и имъ были написаны рѣчи императора при открытіи и закрытіи сейма. Взглядъ имп. Александра на юридическое положеніе Финляндіи всего опредѣленнѣе выраженъ въ манифестѣ отъ 15 марта 1810 г. «Съ той минуты, когда providѣніе отдало въ наши руки судьбы Финляндіи, мы рѣшили управлять этою страню, какъ націею свободною и пользующеюся правами, которыя гарантировала ей ея конституція... Всѣ акты, изданные до сихъ поръ для внутренняго управленія этою страню, составляютъ слѣдствіе и приложеніе этого основнаго начала; сохраненіе религіи и законовъ, созваніе сейма, образованіе правительственнаго совѣта среди націи, неприкосновенное сохраненіе судебнаго и административнаго порядка служатъ тому доказательствами, которыя должны обезпечить финскому народу (*nation*) права его политическаго существованія». Въ отчетѣ за 1810 г. Сперанскій указалъ на то, что «Финляндія есть государство, а не губернія». Несмотря, однако, на либеральное настроеніе имп. Александра относительно Финляндіи, финляндскій сеймъ при немъ, послѣ 1809 г., ни разу не былъ созванъ.

³⁾ Для поясненія мысли Сперанскаго мы сопоставляемъ нѣкоторыя выраженія русскаго его проекта съ соотвѣтственными мѣстами сокращеннаго и иногда нѣсколько смягченнаго французскаго перевода.

весьма ослабѣла. Какая мѣра правительства не подвержена нынѣ осужденію?.. Съ достовѣрностью можно сказать, что всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія... Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія». Далѣе авторъ указываетъ на невозможность частныхъ исправленій и, наконецъ, на всеобщее неудовольствие: «Духъ народный страдаетъ въ безпокойствіи. Какъ можно объяснить сіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но самымъ сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка».

Доказавъ необходимость коренныхъ реформъ, Сперанскій утверждаетъ, что преобразование должно состоять въ томъ, чтобы «правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣнномъ законѣ». Но онъ желалъ не облеченія самодержавнаго правленія только «внѣшними формами закона» (*formes constitutionnelles apparentes*), при чемъ оставались бы въ сущности «та же сила и то же пространство самодержавія», какъ это было въ тогдашней наполеоновской Франціи и какъ это ему самому приходилось проектировать въ запискѣ 1803 г., а дѣйствительнаго ограниченія самодержавія ¹⁾, при которомъ: 1) законодательное «сословіе» ²⁾ было бы такъ устроено, чтобы его постановленія нуждались въ утвержденіи державной власти, «но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное» (*voeux de la nation*). 2) Сословіе судебное должно составляться по свободному выбору *choix libre de la nation*), и только надзоръ за судебными формами принадлежалъ бы правительству. 3) Власть исполнительная должна быть ввѣрена правительству, но такъ какъ она могла бы своими распоряженіями, подъ видомъ исполненія законовъ, совсѣмъ уничтожить ихъ, то необходимо сдѣлать ее отвѣтственною предъ властью законодательною.

Предложеніе закона должно быть предоставлено правительству. Изъ этого правила Сперанскій допускаетъ только два исключенія: 1) когда правительство какою-либо мѣрою явно нарушаетъ законъ и 2) когда оно въ установленное время не представитъ требуемыхъ закономъ отчетовъ. Тогда законодательное «собраніе» можетъ возбудить слѣдствіе противъ министра, подписавшаго эту мѣру ³⁾, и

¹⁾ „Ограничить его“ (самодержавіе) „внутреннею и существенною силою установлений“ (*par des institutions, investies d'une force interieure et réelle*) „и учредить державную власть на законѣ“ (*loi fondamentale*), „не словами, но самымъ дѣломъ“.

²⁾ Такъ переводилъ Сперанскій слово „corps“, „законодательное сословіе“ — „corps législatif“.

³⁾ Однако, такое постановленіе законодательнаго „сословія“ должно быть утверждено державною властью. Въ Англии, когда нижняя палата предавала министровъ суду верхней палаты, король ни въ какомъ случаѣ не могъ ихъ помиловать. Дозволяя возбужденіе слѣдствія противъ министра только съ утвержденія государя, Сперанскій подрывалъ значеніе министерской отвѣтственности, такъ какъ при такомъ порядкѣ министры могли ссылаться на повелѣніе государя, и слова проекта, что „подписаніе актовъ“ (министрами)

вмѣстѣ съ тѣмъ «просить ея отмѣны». «Уваженіе» закона ¹⁾, т.-е. обсужденіе его, должно принадлежать законодательному сословію при участіи министровъ ²⁾. Наконецъ, утвержденіе закона принадлежитъ державной власти.

Политическія права, по проекту Сперанскаго, основываются на обладаніи собственностью, имущественнымъ цензомъ, при чемъ, теоретически обсуждая этотъ вопросъ, онъ допускаетъ для ценза не только недвижимую собственность, но и «капиталы промышленности въ извѣстномъ количествѣ». Однако, далѣе сказано, что «волостная дума», производящая выборы въ первой степени, составляется «изъ всѣхъ представителей *недвижимой собственности*» съ присоединеніемъ къ нимъ представителей отъ казенныхъ крестьянъ. И дворяне могутъ участвовать въ выборахъ и быть избираемыми «не иначе, какъ на основаніи собственности». Лица «средняго состоянія» имѣютъ также права политическія по ихъ собственности. «Среднее состояніе» составляется изъ купцовъ, мѣшанъ» (во французскомъ переводѣ прибавлено: ремесленниковъ), «однородцевъ и всѣхъ» (некрѣпостныхъ) «поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность («*certaine quantité de terrain*») въ извѣстномъ количествѣ» (однако, размѣръ ея не указанъ) ³⁾. Такъ какъ возрастъ, необходимый для обладанія политическими правами, не опредѣленъ, то, вѣроятно, ими пользовались совершеннолѣтніе. Наконецъ, третье «состояніе», «рабочій народъ», имѣетъ общія гражданскія права, но не имѣетъ правъ политическихъ. Переходъ изъ этого класса въ среднее состояніе былъ открытъ всѣмъ, кто приобрѣлъ недвижимую собственность (*propriété foncière*) въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, которыми былъ обязанъ по прежнему состоянію. Къ этому классу причисляются всѣ помѣщичьи крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги.

Сперанскій устанавливаетъ четыре степени порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго: 1) въ волостныхъ городахъ, а гдѣ нѣтъ города, къ которому съ удобствомъ могли бы быть приписаны волости, то въ селеніи; 2) въ окружномъ городѣ; 3) въ губернскомъ и 4) въ столицѣ.

«Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главному волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ *недвижимой* собственности составляется собраніе подъ названіемъ волостной *думы*. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину». Волостная дума выбираетъ членовъ волостнаго правленія, депутатовъ въ окружную думу (число ихъ не

«всегда предполагается совершенно свободнымъ», могли бы утратить всякое значеніе.

1) *Délibération de la loi, formation de la loi.*

2) При этомъ Сперанскій различаетъ законъ и уставы, или учрежденія; послѣдніе «относятся къ дѣйствию власти исполнительной», при чемъ она можетъ сложить съ себя отвѣтственность, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе.

3) Духовенству, очевидно, не предоставлялось политическихъ правъ, такъ какъ о немъ вовсе не упоминается въ проектѣ Сперанскаго.

можетъ превышать $\frac{2}{3}$ всего числа владѣльцевъ) и составляетъ списокъ 20 отличнѣйшихъ обывателей, населяющихъ волость, и представленіе окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Въ собраніяхъ волостной думы участвовали имѣющіе собственность дворяне, купцы и мѣщане (по французскому переводу—и ремесленники), однодворцы и некрѣпостные крестьяне, имѣющіе недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ; кромѣ того въ волостной думѣ участвовали старшины отъ казенныхъ крестьянъ по одному отъ 500 душъ. Нельзя сдѣлать даже приблизительный подсчетъ тѣхъ, кто могъ участвовать въ этихъ собраніяхъ въ виду того, что размѣръ имущественнаго ценза не установленъ, но если допускались мѣщане и крестьяне, имѣющіе недвижимую собственность, и представители казенныхъ крестьянъ, то нужно думать, что этотъ цензъ предполагалось установить въ небольшомъ размѣрѣ. Несомнѣнно, что для своего времени политическія права были предоставлены Сперанскимъ значительно ослабляется многостепенностью выборовъ (которые для казенныхъ крестьянъ—четырехстепенные, а для членовъ средняго сословія и для дворянства—трехстепенные).

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ *окружной думы*. Она выбираетъ членовъ окружнаго совѣта и окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу изъ представленныхъ отъ волостныхъ думъ списковъ, составляетъ списокъ 20 «отличнѣйшихъ» обывателей округа, беретъ отчетъ съ окружнаго начальства въ суммахъ, собираемыхъ на общественные расходы, и составляетъ представленіе губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ на основаніи представлений волостныхъ думъ.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ каждые три года составляется въ губернскомъ городѣ собраніе подъ именемъ *губернской думы*. Она выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и членовъ государственной думы (изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права), число которыхъ опредѣляется въ каждой губерніи закономъ. При этомъ въ проектѣ не сказано, какъ великъ долженъ быть цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ государственную думу. Хотя ранѣе Сперанскій утверждаетъ, что цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, «во всѣхъ государствахъ» выше, чѣмъ для того, чтобы участвовать въ выборахъ, но неупоминаніе объ этомъ здѣсь заставляетъ думать, что для права быть выбираемымъ Сперанскій не предполагалъ требовать большаго ценза, чѣмъ для активнаго. Далѣе, губернская дума, подобно волостной и окружной, выбираетъ 20 «отличнѣйшихъ» въ губерніи обывателей, рассматриваетъ отчетъ губернскаго правленія въ деньгахъ, собираемыхъ на общественные расходы, составляетъ представленіе въ общественныхъ нуждахъ сообразно ходатайствамъ окружныхъ думъ и, подобно губернской думѣ, устраиваетъ изъ своихъ членовъ особая комиссія для разсмотрѣнія отчетовъ и представленія о нуждахъ.

По окончаніи этихъ занятій предсѣдатель препровождаетъ въ государственный совѣтъ, на имя канцлера юстиціи, списки всѣхъ членовъ, избранныхъ въ волостныя правленія и суды окружныя и губернской; на имя канцлера государственной думы списки: 1) членовъ, избранныхъ въ совѣты окружныя и губернской, 2) членовъ, избранныхъ въ законодательное «сословіе», 3) отличнѣйшихъ обывателей губерніи и 4) представленіе о нуждахъ губерніи. Такимъ образомъ, Сперанскій не упоминаетъ о правѣ петиціи для отдѣльныхъ гражданъ, а устанавливаетъ лишь коллективныя ходатайства чрезъ волостныя, окружныя и губернскія думы.

Губерніи для производства выборовъ раздѣляются на 5 классовъ, и ежегодно выборы производятся въ 10 несмежныхъ одна съ другою губерніяхъ. Выборы должны производиться каждые три года. Такъ какъ губерній Европейской Россіи, на которыя Сперанскій предполагалъ распространить дѣйствія своего проекта, было 39¹⁾, то, слѣдовательно, въ каждой губерніи выборы производились бы рѣже, чѣмъ разъ въ три года, и нельзя было бы раздѣлить губерніи на 5 классовъ, если ежегодно производить выборы въ 10, а не въ меньшемъ числѣ губерній.

Относительно государственной думы въ проектѣ Сперанскаго заключаются слѣдующія постановленія. «Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе подъ именемъ *государственной думы*». Сперанскій не даромъ употребляетъ выраженіе «представленныхъ отъ губернской думы», а не говорить, что депутаты, выбранные губернской думою, составляютъ государственную думу; мы сейчасъ увидимъ, чѣмъ это объясняется. Очень важно то, что дума собирается не по повелѣнію императора, а „по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ“. Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ. Дѣйствіе государственной думы прекращается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою до будущаго года и 2) совершеннымъ увольненіемъ всѣхъ ея членовъ. Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ. Увольненіе производится такимъ же актомъ, но съ обозначеніемъ въ немъ новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ. Отсюда слѣдуетъ, что, хотя выборы членовъ государственной думы предполагалось производить каждые три года, но не всегда выбранные попадали въ государственную думу. Если бы Государь не распускалъ всѣхъ членовъ думы и пожелалъ бы сохранить ея прежній составъ долѣе 4 лѣтъ²⁾, то

¹⁾ Сравни: *Арсењевъ*. „Очерки Европ. Россіи“, СПб., 1848 г. стр. 138—142 и „Историч. Обзорѣніе“, т. X, 38.

²⁾ Предположеніе проф. Шимана („Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I.“ Bd. I, 359), что этими комиссіями должна была и ограничиться дѣятельность государственной думы и что общихъ собраній ея вовсе не должно было быть, ни на чемъ не основано. Это ясно изъ сравненія съ постановленіями объ окружныхъ и губернскихъ думахъ, которыя также устраиваютъ комиссіи изъ своихъ членовъ.

выбранные губернскими думами въ члены государственной думы въ теченіе этихъ лѣтъ не вошли бы въ нее въ полномъ составѣ, а членами ея сдѣлались бы только тѣ, которые поступаютъ въ нее для замѣщенія открывшихся вакансій (см. ниже). Съ другой стороны, если бы Государь пожелалъ распускать государственную думу чаще, чѣмъ одинъ разъ въ 4 года, то пришлось бы и выборы производить въ большемъ количествѣ губерній, чѣмъ устанавливалось проектомъ; а если бы онъ вовсе не сталъ распускать всѣхъ членовъ государственной думы, то они оставались бы въ ней пожизненно. «Кромѣ общаго увольненія», сказано далѣе въ проектѣ, «члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто» иначе, какъ по постановленію верховнаго суда (а въ окончательной редакціи прибавлено: «или опредѣленіемъ въ совѣтъ, сенатъ и министерство»). «Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаютъ непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ списокѣ послѣдняго выбора означенныхъ». Тутъ уже выбранные въ члены государственной думы называются лишь «кандидатами», что и соотвѣтствовало вышеприведеннымъ правиламъ проекта, такъ какъ выбранные губернскими думами въ государственную думу могли и вовсе не попасть въ нее въ томъ случаѣ, если бы Государь долго не пользовался своимъ правомъ распускать думу. «Предсѣдатель государственной думы», сказано въ черновомъ собственноручномъ оригиналѣ проекта, «есть ея канцлеръ по самому своему званію». Въ окончательной же редакціи это измѣнено такъ: «Предсѣдатель государственной думы избирается изъ членовъ ея и утверждается державною властію». Въ первыхъ засѣданіяхъ дума образуетъ 6 законодательныхъ комиссій ¹⁾.

Дѣла предлагаются государственной думѣ отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Но государственная дума можетъ сама вносить представленія: 1) о государственныхъ нуждахъ, 2) объ уклоненіи отъ отвѣтственности и 3) о мѣрахъ, нарушающихъ государственные законы. Болѣе подробныя постановленія относительно государственной думы предполагалось внести въ коренные законы, а въ проектѣ Сперанскаго сказано, что ни одинъ законъ *не можетъ имѣть силы, если «не будетъ составленъ въ законодательномъ словѣніи»*, и что въ нее должны быть вносимы судебный уставъ, общія правительственныя «учрежденія», постановленія о налогахъ и общенародныхъ повинностяхъ, о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ и объ исключительныхъ на нихъ привилегіяхъ, и о вознагражденіи частныхъ людей за отчужденіе имуществъ, необходимыхъ для общей пользы.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этомъ проектѣ Сперанскій явился защитникомъ, по примѣру французскихъ конституцій 1791 и 1793 г., однопалатной системы. Позднѣе, онъ измѣнилъ свои взгляды въ этомъ отношеніи.

¹⁾ Губерній 39, ежегодно производятся выборы въ 10 губернійхъ.

Сравнительно съ законодательнымъ корпусомъ наполеоновской Франціи государственная дума, по проекту Сперанскаго, конечно, должна была имѣть большое значеніе. Но мы указывали уже на то, что отвѣтственность министровъ могла бы быть сведена къ нулю, если бы того пожелала верховная власть; государь могъ также не обновлять состава государственной думы, если бы онъ оказался соотвѣтственнымъ видамъ правительства ¹⁾. Такимъ образомъ, многое зависѣло бы отъ настроенія Государя, и если бы оно оказалось не либеральнымъ, то значеніе государственной думы могло бы сильно уменьшиться. Нужно, однако, не забывать, что если государь могъ не утвердить проекта закона, одобреннаго государственной думою, то, съ другой стороны, ни одинъ законъ, и въ томъ числѣ объ устанавленіи новыхъ налоговъ, не могъ быть изданъ безъ согласія думы, которая, слѣдовательно, является законодательнымъ, а не совѣщательнымъ только учрежденіемъ. Каковы бы ни были недостатки проекта Сперанскаго, нельзя не признать, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и если сравнить тѣ уступки, которыя ему, хотя на бумагѣ, удалось вырвать отъ Имп. Александра, съ движеніемъ вопроса о государственныхъ преобразованіяхъ въ неофициальныхъ совѣщаніяхъ государя съ его друзьями, гр. Строгановымъ, Новосильцевымъ и кн. Чарторыйскимъ, то нельзя не удивляться тому, какъ велико было вліяніе Сперанскаго. Чтобъ еще болѣе оцѣнить положительныя стороны его проекта, стоитъ только сравнить его съ либеральными планами Мордвинова, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Проектъ Сперанскаго имѣетъ большое значеніе уже потому, что онъ порвалъ, наконецъ, съ преданіемъ нѣсколькихъ десятилѣтій, связывавшихъ съ сенатомъ всѣ проекты государственныхъ преобразованій, основанные на выборахъ депутатовъ отъ одного дворянства, а иногда и купечества, и установилъ выборы отъ весьма значительной части населенія не по сословіямъ, а территориально, впрочемъ, не прямые и основанные на имущественномъ цензѣ.

Что касается сената, то Сперанскій оставлялъ за нимъ лишь значеніе высшаго суда для всей имперіи. «По смерти или увольненіи его членовъ ²⁾ мѣста ихъ, съ утвержденія державной власти, замѣщаются лицами, избранными въ губернскихъ думахъ и внесенными въ государственный избирательный списокъ» ³⁾. Президенты департаментовъ сената утверждаются державною властью изъ числа 3 кандидатовъ, выбираемыхъ департаментами изъ среды

¹⁾ По французской конституціи 1791 г. законодательное собраніе не могло быть распущено королемъ (гл. I, п. 5), и обновленіе собранія совершается каждые два года посредствомъ новыхъ выборовъ (гл. I, п. 2. 4). Но эта конституція была результатомъ революціи, а Сперанскій опирался лишь на соизволеніе верховной власти. Жизнь показала ему, какъ шатка была эта опора.

²⁾ Во французской редакціи объ увольненіи не упоминается и сказано, что сенаторы занимаютъ свое мѣсто пожизненно.

³⁾ Въ одномъ краткомъ наброскѣ государственныхъ преобразованій Сперанскій предоставлялъ назначеніе сенаторовъ государственной думѣ.

своихъ членовъ. Сенатъ рѣшаетъ дѣла «при открытыхъ дверяхъ, публично», рѣшенія его печатаются съ изложеніемъ дѣла, выдаются обѣимъ сторонамъ и посылаются въ надлежащія мѣста для исполненія.

При разсмотрѣніи порядка исполнительнаго, Сперанскій подвергаетъ строгой критикѣ учрежденіе министерствъ 1802 года и, прежде всего, недостатокъ отвѣтственности министровъ. Указавъ на то, что сенатъ не сумѣлъ поддержать своихъ правъ контроля надъ министрами, онъ говоритъ, что «жалѣть о семъ нельзя», такъ какъ, въ случаѣ усиленія значенія сената, образовалось бы «сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное». Въ этомъ отношеніи взгляды Сперанскаго въ послѣдствіи рѣзко измѣнились.

Проектъ завершается постановленіями о государственномъ совѣтѣ¹⁾.

Сперанскій свидѣтельствуетъ, что составленный имъ общій планъ преобразованій, «обсужденный и одобренный людьми съ умомъ самымъ здравымъ, самымъ холоднымъ²⁾, былъ, наконецъ, принятъ, какъ руководящее начало дѣйствія и какъ неизмѣнная норма всѣхъ предстоящихъ и желательныхъ преобразованій». Составитель его надѣялся, что къ 1811 г. преобразованія будутъ закончены. 1 января 1810 г. былъ открытъ въ новомъ видѣ государственный совѣтъ, но, къ концу этого года, Сперанскій уже почувствовалъ, что исполненіе принятаго Государемъ плана реформъ откладывается въ дальній ящикъ.

Въ виду этого Сперанскій измѣнилъ предположенія относительно преобразованія сената, включенныя имъ въ проектъ 1809 г., и въ обширномъ проектѣ, оконченномъ въ 1811 году, предлагалъ образовать правительствующій сенатъ одинъ для всей имперіи (изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія) и сенатъ судебный изъ сенаторовъ, частью назначаемыхъ государемъ, совершенно по его усмотрѣнію, частью утверждаемыхъ имъ изъ кандидатовъ по выбору отъ дворянства. Судебный сенатъ долженъ былъ размѣститься по 4 судебнымъ округамъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Киевѣ). При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, кн. А. Н. Голицынъ высказалъ мнѣніе, что опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ умалитъ преимущества самодержавной власти. Напротивъ, Мордвиновъ, Саблуковъ и Алексѣевъ допускали опредѣленіе по выборамъ³⁾. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ засѣданіяхъ 17, 24, 31 іюля и 7 августа, и утвержденъ имп. Александромъ, но осуществленъ не былъ. Въ 1812 г. Сперанскій, какъ

¹⁾ Проектъ Сперанскаго былъ впервые напечатанъ въ „Историч. обзорѣни“, т. X.

²⁾ Можно предполагать, что въ ихъ числѣ былъ Кочубей.

³⁾ При окончательномъ голосованіи по этому вопросу 15 членовъ полагаютъ допустить опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ, согласно проекту, а 7 были противъ этого. Государь утвердилъ мнѣніе большинства.

извѣстно, былъ отправленъ въ ссылку. Въ письмѣ къ императору, написанномъ изъ Нижняго-Новгорода въ тотъ же день, когда его привезли туда, Сперанскій высказалъ увѣренность, что рано или поздно Государь вернется къ основному началу проекта 1809 г.

Ссылка имѣла то вліяніе на политическое міросозерцаніе Сперанскаго, что вмѣсто отвращенія къ преобладанію аристократіи, которое онъ такъ рѣшительно высказалъ въ своемъ трудѣ 1809 г. онъ сталъ искать орудія для ограниченія произвола именно въ ея усиленіи. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ раздѣлить населеніе Россіи на два класса. Въ составъ высшаго должны войти 3 или 4 первыхъ класса дворянской іерархіи, которымъ слѣдуетъ предоставить право первородства и которые, при созваніи національнаго конгресса, образуютъ верхнюю палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа. Сперанскій выражаетъ надежду, что, съ открытіемъ конгресса, верхняя палата сама возстановитъ законъ Петра В. о первородствѣ только для высшихъ классовъ дворянства, но надежда эта могла бы и не оправдаться, такъ какъ законъ Петра В. былъ отмѣненъ въ 1730 г., согласно желанію самого дворянства. Такимъ образомъ, то грубое насиліе, которому Сперанскій совершенно незаслуженно подвергся, и предательское поведеніе относительно него Александра I, вмѣсто благодарности за неустанные труды, привели нашего талантливаго государственнаго дѣятеля къ ошибочной мысли о необходимости искать въ искусствственномъ созданіи аристократіи опору для ограниченія самовласти, которое такъ легко могло взять назадъ то, что было обѣщано. Но если въ своемъ новомъ проектѣ, не представленномъ, впрочемъ, Государю, но не оставшемся неизвѣстнымъ нѣкоторымъ членамъ образованнаго общества, Сперанскій пытался вновь ввести чуждое русской жизни начало первородства, то, по крайней мѣрѣ, онъ требовалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, въ отличіе въ этомъ отношеніи отъ другого защитника ограниченія самодержавія, Н. С. Мордвинова, соглашавшагося только на дозволенія крѣпостнымъ выкупаться на свободу за очень большія суммы.

Сохранился набросокъ Мордвинова съ проектомъ учрежденія двухъ государственныхъ палатъ, по которому, для составленія верхней палаты, дворяне каждой губерніи выбираютъ одного или двухъ представителей. Избранные въ это званіе сохраняютъ его пожизненно и лишаются его не иначе, какъ по судебному приговору. Избранные члены верхней палаты получаютъ ежегодно содержаніе по 50.000 рублей. Освободившіяся вакансіи пополняются посредствомъ новыхъ выборовъ. Нижняя государственная палата составляется изъ народныхъ представителей, избираемыхъ дворянствомъ, купечествомъ, фабрикантами и заводчиками, получающими *чистаго дохода* болѣе 10.000 руб., и вольными владѣльцами, имѣющими не менѣе 1000 дес. земли ¹⁾. Они избираются на 3 года

¹⁾ Для того, чтобы яснѣе понять всю чрезмѣрность ценза, предложеннаго Мордвиновымъ, упомянемъ, что по польской конституціи 1815 года

или на 5 лѣтъ. Члены нижней палаты жалованья не получаютъ. Губернскіе города, главные торговые центры и университеты ¹⁾ избираютъ отъ себя особо по одному представителю или по два, смотря по своей величинѣ, а Петербургъ и Москва по три представителя. Такъ какъ въ Россіи считалось тогда до 40 милліоновъ душъ обоого пола, то, полагая по одному представителю на 100.000 душъ, число членовъ нижней палаты будетъ 400. Обѣ палаты засѣдаютъ съ 1 октября по 1 марта и на остальные семь мѣсяцевъ въ году распускаются, чтобы каждый членъ ихъ, возвратившись въ свою губернію, могъ узнать о народныхъ нуждахъ, о томъ, какіе новые законы необходимы, какіе старые непригодны.

Сравнивая этотъ проектъ Мордвинова съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., мы видимъ, что они не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія. По проекту Сперанскаго, государственная дума состоитъ изъ одной палаты, Мордвиновъ предлагаетъ учредить ихъ двѣ. Что касается состава нижней палаты, соотвѣтствующей государственной думѣ Сперанскаго, то выгодное отличие проекта Мордвинова состоитъ въ системѣ прямыхъ выборовъ, а не трехстепенныхъ, какъ у Сперанскаго. Но зато, хотя въ основу тѣхъ и другихъ выборовъ положенъ имущественный цензъ, по мысли Сперанскаго цензъ этотъ, очевидно, долженъ быть гораздо ниже, чѣмъ въ проектѣ Мордвинова. Мордвиновъ не назначаетъ депутатамъ нижней палаты никакого содержанія, между тѣмъ какъ членовъ верхней палаты надѣляетъ огромнымъ жалованьемъ. Онъ, вѣроятно, желалъ, чтобы, вмѣстѣ съ пожизненностью, званіе это сдѣлало болѣе независимыми отъ вліянія правительства членовъ верхней палаты, въ которой онъ видѣлъ главный оплотъ противъ самодержавія. Депутаты нижней палаты избираются по проекту Мордвинова на опредѣленное время (3—5 лѣтъ). Сперанскій также колеблется между этими сроками выборовъ, но, какъ уже было указано, при желаніи Государя, члены государственной думы могли, по проекту Сперанскаго, сдѣлаться въ дѣйствительности пожизненными, и тогда огромное большинство выбранныхъ губернскими думами депутатовъ вовсе не попадало бы въ государственную думу. Такимъ образомъ, и вслѣдствіе принятой Мордвиновымъ двухпалатной системы, при чемъ выборы въ верхнюю палату производятся одними дворянами, и вслѣдствіе предположеннаго имъ крайне высокаго имущественнаго ценза для выбора въ нижнюю палату, его проектъ отличается гораздо болѣе аристократическимъ характеромъ, чѣмъ проектъ Сперанскаго 1809 г.

Что касается второго, позднѣйшаго, какъ мы думаемъ, проекта

участвовать въ выборахъ депутата въ сеймъ могъ всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равнялась 10,000 золотыхъ (1500 р. сер.), и всякій собственникъ земли не изъ дворянъ, платящій съ нея какой-нибудь налогъ.

¹⁾ Представительство университетовъ было, очевидно, заимствовано Мордвиновымъ изъ англійской конституціи.

Сперанскаго, то онъ имѣтъ сходство съ изложеннымъ проектомъ Мордвинова въ томъ отношеніи, что также принимаетъ двухпалатную систему, но верхняя палата по этому проекту Мордвинова составляется не изъ первыхъ четырехъ классовъ дворянства, какъ во второмъ проектѣ Сперанскаго, а такъ же, какъ и нижняя, основывается на выборахъ, производимыхъ однимъ дворянствомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что Мордвиновъ, несмотря на всѣ свои англоманскія симпатіи, не предлагаетъ еще на этотъ разъ установить наследственность званія членовъ верхней палаты по праву первородства. Мы видѣли, что въ 1802 г. даже такой англоманъ, какъ гр. С. Р. Воронцовъ, находилъ принципъ наследственности званія сенаторовъ несоотвѣтствующимъ условіямъ русской жизни. Весьма вѣроятно, что Мордвиновъ набросалъ изложенный проектъ до паденія Сперанскаго, а послѣ его ссылки составилъ второй проектъ устройства верхней палаты, которая, какъ и во второмъ проектѣ Сперанскаго, основана ужъ на наследственности званія по праву первородства. Этотъ второй проектъ Мордвинова состоитъ съ слѣдующемъ.

Государь жалуетъ въ званіе члена «государственной думы» (или «думы вельможъ», «верховой палаты», какъ первоначально хотѣлъ назвать ее Мордвиновъ), а потомъ это званіе дѣлается наследственнымъ и переходитъ всегда къ старшему сыну. Каждый «вельможа», при пожалованіи его въ это званіе, получаетъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ (м. п.); ихъ наследуетъ старшій сынъ, который по смерти отца занимаетъ его мѣсто, если достигъ совершеннолѣтія; но получить голосъ въ думѣ можно только въ возрастѣ 24 лѣтъ. Имѣнія, составляющія принадлежность достоинства вельможи, не могутъ быть ни проданы, ни подарены, ни заложены, доходы съ нихъ также не могутъ быть «упрочены» ни за кѣмъ другимъ: они всегда переходятъ по наследству къ старшему сыну, а если сына нѣтъ, то возвращаются въ казну.

Государственная дума, по этому плану Мордвинова, должна была состоять изъ 50 членовъ, слѣдовательно, для ихъ надѣленія потребовалось бы 500.000 душъ крестьянъ (м. п.). Проектъ этотъ составленъ не ранѣе 1814 г. ¹⁾ Повидимому, онъ являлся замѣною постановленій о верхней палатѣ въ изложенномъ выше проектѣ Мордвинова о двухъ государственныхъ палатахъ, въ которомъ

¹⁾ Въ такъ называемой сенатской конституціи, данной во Франціи 6—9 Апрѣля 1814 г. (п. 6). было сказано: „Сенаторы несмѣняемы, и ихъ званіе передается по наследству въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства. Они назначаются королемъ. Нынѣшнія имущества, предназначенныя для сената и сенатскихъ должностей, принадлежать имъ. Доходы дѣлятся между ними поровну, и это право переходитъ къ ихъ наследникамъ. Если случится, что умретъ кто-либо изъ сенаторовъ безъ прямого мужского потомства, его доля возвращается въ казну“. Ясно, что основная мысль проекта Мордвинова заимствована отсюда, нѣкоторыя же черты, а именно установленіе различнаго возраста для вступленія въ думу и для полученія въ ней права голоса могло быть заимствовано изъ хартіи 1814 г. Людовика XVIII (постановленіе о палатѣ пэровъ, п. 28).

верхняя основывалась на другомъ началѣ,—избраніи дворянствомъ своихъ представителей. Вѣроятно, послѣ паденія Сперанскаго, Мордвиновъ возвратился къ мысли, бѣгло высказанной имъ еще въ 1802 г. по поводу преобразования сената, о необходимости созданія «знатнаго сословія», въ которомъ онъ теперь видѣлъ единственное средство для ограниченія самодержавія. Мысль Мордвинова несимпатична уже потому, что онъ посягалъ на передачу во владѣніе «вельможѣ» огромнаго количества казенныхъ крестьянъ. Это напоминаетъ намъ, что при Екатеринѣ II кн. М. М. Щербатовъ, другой представитель аристократическихъ воззрѣній, также мечтавшій объ ограниченіи политическаго произвола, сначала находилъ полезнымъ отобранныя отъ духовенства населенныя имѣнія отдавать дворянамъ въ аренду, а позднѣе предлагалъ и эти имѣнія и государственныхъ крестьянъ продавать по невысокой цѣнѣ, и при этомъ даже не требовать отъ покупателей денегъ, а только взыскивать проценты, взявъ въ залогъ эти самыя деревни.

Но если въ социально-политическихъ взглядахъ Мордвинова много несимпатичнаго, то все же за свой политическій либерализмъ онъ пользовался сочувствіемъ декабристовъ Сѣвернаго общества, и Н. И. Тургеневъ передаетъ его полный глубокаго убѣжденія вопросъ: «кто мететъ лѣстницу снизу?» Извѣстно, что декабристы намѣчали Мордвинова вмѣстѣ со Сперанскимъ и Ермоловымъ въ члены временнаго правительства. Любопытно и то, что Н. И. Тургеневу были извѣстны оба проекта Сперанскаго.

Въ исторіи политическихъ идей въ Россіи нельзя обойти польскую конституціонную хартію 1815 г., такъ какъ она послужила главнымъ источникомъ при составленіи Новосильцевымъ проекта предназначенной для Россіи конституціи. Говоря о роли императора Александра относительно Польши, не нужно забывать, что какъ бы не былъ неудовлетворителенъ конституціонный статутъ герцогства Варшавскаго 1807 г., все же поляки, при присоединеніи къ Россіи земель, вошедшихъ въ составъ царства польскаго, уже имѣли свою конституцію, и потому, желая привлечь ихъ на свою сторону, нельзя было соблазнить ихъ прелестями русскаго самодержавія, а нужно было предложить что-нибудь лучшее.

По польской конституціонной хартіи «свобода печати гарантирована», но законъ долженъ былъ установить мѣры, чтобы «обуздывать злоупотребленія ею». Никто не могъ быть арестованъ иначе, какъ согласно формамъ и въ случаяхъ, установленныхъ закономъ. Арестованному должно немедленно письменно объявить о причинахъ его ареста. Всякій арестованный, не позже 3 дней, долженъ быть представленъ въ соответственный трибуналь для производства допроса или суда, согласно установленнымъ формамъ. Если послѣ первыхъ допросовъ онъ будетъ признанъ невиновнымъ, то тотчасъ освобождается. Никто не можетъ быть высланъ за предѣлы королевства, за исключеніемъ случаевъ изгнанія (это постановленіе было направлено противъ ссылки въ Сибирь и различныя губерніи европейской Россіи). Конфискація имущества уничтожается

и не можетъ быть восстановлена. Важнымъ ограниченіемъ политическихъ правъ населенія является то, что мѣста пословъ, депутатовъ и сенаторовъ, а также и служащихъ въ нѣкоторыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ могли занимать *только поземельные собственники*. (ст. 29).

Национальнымъ представителемъ Царства Польскаго служить сеймъ, составленный изъ короля и двухъ палатъ: сената и палаты пословъ и депутатовъ отъ городовъ.

Исполнительная власть исходитъ отъ короля, всѣ указы и декреты котораго скрѣпляются соотвѣтственными министрами.

Обыкновенный сеймъ собирается въ Варшавѣ разъ въ два года и созывается королемъ; онъ засѣдаетъ 30 дней. Только король можетъ продлить или отсрочить засѣданія сейма и распустить его. Въ продолженіе дѣятельности сейма члены его могутъ быть арестованы и судимы уголовнымъ судомъ только съ согласія той палаты, къ которой они принадлежатъ. Сеймъ обсуждаетъ всѣ проекты гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ законовъ, которые король передаетъ ему черезъ государственный совѣтъ, а также всѣ внесенные по приказанію короля проекты измѣненія конституціонныхъ властей, т.-е. сейма, государственнаго совѣта, судебныхъ учрежденій и правительственныхъ комиссій. Разсмотрѣнію сейма подлежатъ также, на основаніи сообщеній государя, увеличеніе или уменьшеніе налоговъ, податей и повинностей, составленіе бюджета, монетная система, наборъ рекрутъ. Наконецъ, сеймъ принимаетъ сообщенія, представленія и ходатайства, предъявленные послами и депутатами общинъ въ пользу ихъ довѣрителей. Онъ передаетъ ихъ государственному совѣту для представленія государю, и если король прикажетъ отослать ихъ въ сеймъ, то послѣдній обсуждаетъ проекты законовъ, вызванные этими ходатайствами. Если сеймъ не утвердитъ новаго бюджета, прежній сохраняетъ силу до будущей сессіи. Однако, бюджетъ считается дѣйствительнымъ лишь до истеченія 4 лѣтъ, если сеймъ не будетъ созданъ въ это время. Засѣданія обѣихъ палатъ публичны. Проекты законовъ, составленные въ государственномъ совѣтѣ, вносятся въ сеймъ по приказанію короля членами этого совѣта, при чемъ отъ короля зависитъ внести проектъ въ сенатъ или въ палату пословъ и депутатовъ, кромѣ финансовыхъ проектовъ, которые должны быть представлены сначала непременно въ палату пословъ и депутатовъ. Проектъ, принятый одною палатою, переходитъ въ другую, которая не можетъ его измѣнить, а только принять или отвергнуть. Проектъ, принятый обѣими палатами, представляется на утвержденіе короля, который можетъ въ немъ и отказать.

Сенатъ состоитъ изъ принцевъ крови, епископовъ (извѣстнаго числа католическихъ и одного уніатскаго), воеводъ и кастеляновъ. Сенаторы назначаются королемъ пожизненно изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ ему сенатомъ.

Палата пословъ составляется изъ: 1) 77 пословъ, избранныхъ въ уѣздныхъ собраніяхъ дворянъ и 2) изъ 51 депутата отъ город-

скихъ обществъ ¹⁾. Такимъ образомъ, представители дворянства составляли въ сеймѣ большинство, и, слѣдовательно, законодательство было отдано въ сущности въ руки дворянства. Члены палаты пословъ исполняютъ свои обязанности въ теченіе 6 лѣтъ, при чемъ въ каждые два года палата обновляется по жребію на $\frac{1}{3}$. Чтобы быть выбраннымъ въ члены палаты пословъ, надо имѣть 30-лѣтній возрастъ и платить подать въ 100 злотыхъ (15 руб. сер.). Если король распуститъ палату, то въ теченіе двухъ мѣсяцевъ производятся новые выборы пословъ и депутатовъ. Дворяне-землевладельцы каждаго уѣзда, собравшись на сеймикъ, избираютъ одного посла; собраніе каждаго городского округа избираетъ также одного депутата. На городскія собранія допускаются: 1) всякій собственникъ не изъ дворянъ, платящій съ своей земельной собственности какой-нибудь налогъ; 2) всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равняется 10.000 злотыхъ; 3) всѣ священники и викаріи; 4) профессора, настоятели и др. лица, занимающіяся народнымъ просвѣщеніемъ; 5) всякій художникъ, отличившійся своими талантами, познаніями или услугами, оказанными торговлѣ и ремесламъ.

Если мы сравнимъ польскую хартію 1815 г. съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., то найдемъ, что положительную ея сторону прежде всего составляетъ установленіе извѣстныхъ общихъ «гарантій»: свободы печати, охраненія личныхъ правъ въ случаѣ ареста и отдачи подъ судъ,—обо всемъ этомъ въ проектѣ Сперанскаго 1809 г. не упоминается, хотя въ запискѣ 1803 г. онъ говоритъ о необходимости свободы печати «въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ». Польская хартія устанавливаетъ присягу конституціи со стороны государя; Сперанскій объ этомъ не упоминаетъ. Отрицательную сторону польской хартіи составляетъ принятіе двухпалатной системы, при которой къ тому же верхняя палата (сенатъ) составляется изъ членовъ не по выбору, а по назначенію, и только изъ лицъ (если они свѣтскаго званія), владѣющихъ землею и уплачивающихъ значительное количество налоговъ. Напротивъ, Сперанскій въ проектѣ 1809 г. является защитникомъ однопалатной системы. Государственная дума на основахъ, предложенныхъ Сперанскимъ, имѣла бы тѣ преимущества предъ польскимъ сеймомъ, что она должна была собираться ежегодно по коренному закону въ опредѣленное время и что продолжительность ея сессіи обуславливалась количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ, а не извѣстнымъ числомъ дней; но въ проектѣ Сперанскаго нѣтъ установленной польскою хартіею обязательной смѣны состава собранія по третямъ, и если бы государь не распускалъ всей думы, на что онъ имѣлъ право, то дума могла бы обновляться только путемъ смерти ея членовъ, занятіемъ или другой должностію или опредѣленіемъ верховнаго суда относительно того или другого

---

¹⁾ На сеймѣ 1818 г. было всего 126 пословъ и депутатовъ. Siarczynski. Diète du royaume de Pologne. 1818. Varsovie, p. 273—279.

изъ ея членовъ. У Сперанскаго не упоминается о публичности засѣданій государственной думы, между тѣмъ какъ на основаніи польской хартіи засѣданія обѣихъ палатъ сейма публичны; впрочемъ, относительно государственной думы Сперанскій считалъ необходимымъ изданіе болѣе подробнаго закона. Къ числу недостатковъ польской хартіи принадлежитъ то, что правительство въ теченіе 4 лѣтъ можетъ пользоваться старымъ бюджетомъ; Сперанскій возлагаетъ разсмотрѣніе бюджета на государственный совѣтъ, но для всѣхъ постановленій о налогахъ и повинностяхъ необходимо согласіе государственной думы. По польской хартіи, представленныя на сеймъ ходатайства могутъ быть имъ разсматриваемы, если того пожелаетъ государь, между тѣмъ какъ по проекту Сперанскаго «представленія о государственныхъ нуждахъ» принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя разсматриваются думою не по инициативѣ державной власти, а по собственному желанію думы. Что касается выбораго права, то трудно произвести точное сравненіе между проектомъ Сперанскаго и польскою хартіею, такъ какъ Сперанскій не даетъ точныхъ цифръ имущественнаго ценза. Напомнимъ только, что въ то время, какъ въ русскомъ проектѣ 1809 г. лица «средняго состоянія» имѣютъ политическія права лишь на основаніи владѣнія недвижимою собственностью, въ польской хартіи основанія участвовать въ выборахъ для депутатовъ отъ городовъ были шире: и уплата «какого-нибудь налога» съ земельной собственности, и обладаніе фабрикою и мастерскою, а также магазиномъ извѣстной цѣнности, и званіе священника или викарія, и занятіе просвѣщеніемъ народа, и отличіе въ области художествъ; но зато Сперанскій привлекалъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ чрезъ ихъ уполномоченныхъ къ участию въ выборахъ. По польской хартіи выборы были прямые, по проекту же Сперанскаго—трехстепенные, а для казенныхъ крестьянъ даже четырехстепенные. И польская хартія, и проектъ Сперанскаго устанавливаютъ отвѣтственность министровъ, но первая предоставляетъ намѣстнику право рѣшать дѣла въ административномъ отдѣленіи государственнаго совѣта по своему усмотрѣнію, лишь посовѣтовавшись съ министрами.

Н. С. Мордвиновъ очень сочувственно отнесся къ дарованію Польшѣ конституціи. Въ замѣткѣ, написанной въ 1816 г. по-французски, онъ говоритъ: «Россія съ своимъ самодержавіемъ долго останется бѣдною и слабою, и ея просвѣщеніе не будетъ дѣлать такихъ успѣховъ, какъ въ конституціонныхъ странахъ. Польша—маленькая страна, но будучи представительной монархіей, можетъ стать даже болѣе могущественною, чѣмъ рабская Россія».

Быть можетъ, въ виду дарованія конституціи Польшѣ, Мордвиновъ составилъ въ 1816 г. проектъ привлеченія областныхъ представителей къ участию въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената, но съ сохраненіемъ, однако, самодержавія; они «могли быть» призываемы (какъ по дѣламъ своей области, такъ и по общимъ государственнымъ дѣламъ) въ засѣданія департаментовъ совѣта и сената и въ общія ихъ собранія. Проектъ этотъ, написанный въ

1816 г., былъ оставленъ Мордвиновымъ (при его отъѣздѣ въ 1818 г. на два года за границу) для представленія имп. Александру. Въ первоначальной редакціи и при возстановленіи по памяти для сообщенія въ Лондонѣ Бентаму, этотъ проектъ имѣлъ нѣсколько болѣе опредѣленный характеръ, но мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе разныхъ его редакцій, довольствуясь тою, которую авторъ предназначалъ для представленія имп. Александру I.

15/27 марта польскій сеймъ былъ открытъ рѣчью, произнесенною государемъ на французскомъ языкѣ, въ которой онъ, между прочимъ, сказалъ, что надѣется распространить вліяніе «законно-свободныхъ учреждений» на всѣ страны, вѣренныя провидѣніемъ его попеченію. „Вы мнѣ подали средство“, заявилъ имп. Александръ, „явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приготавливаю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости“. Варшавская рѣчь импер. Александра произвела въ Россіи очень сильное впечатлѣніе.

Нужно замѣтить, однако, что имп. Александръ I нарушилъ присягу соблюдать польскую конституціонную хартію. Вопреки ея постановленію, провозглашающему свободу печати, 22 мая 1819 г., вмѣсто изданія закона, устанавлиющаго отвѣтственность печати въ извѣстныхъ случаяхъ, были подчинены предварительной цензурѣ всѣ повременныя изданія, а 16 іюля того же года эта мѣра распространена и на книги. Въ 1820 г. сеймъ былъ созванъ, но затѣмъ онъ не собирался 5 лѣтъ, хотя долженъ былъ засѣдать каждые два года. На сеймѣ 1820 г. депутатъ калишскаго воеводства Нѣмоевскій былъ не только лишенъ за рѣзкость рѣчи возможности участвовать въ засѣданіяхъ, но ему запрещено было даже пребываніе въ Варшавѣ, во время присутствія тамъ государя. Когда, несмотря на это, въ Калишѣ были избраны послами братья Нѣмоевскіе, то выборы были признаны незаконными, и сеймикъ былъ распущенъ. Наконецъ, указомъ имп. Александра I, 3 февраля 1823 г., обычныя засѣданія сейма были объявлены закрытыми, публичными же были оставлены лишь засѣданія при открытіи и закрытіи сейма и для обнародованія королевскаго утвержденія принятыхъ проектовъ законовъ. Въ этомъ же году государь приказалъ, при печатаніи протоколовъ сейма, сообщать только результаты обсужденія и число поданныхъ голосовъ при принятіи или отверженіи проекта закона, не сообщая именъ ораторовъ. Братья Нѣмоевскіе не были допущены на сеймъ 1825 г. Все это показываетъ, что имп. Александръ не стѣнялся нарушать утвержденную имъ конституцію.

Въ 1818 г. государь поручилъ составить проектъ „уставной грамоты“ для Россіи Новосильцеву, который, будучи русскимъ комиссаромъ въ Польшѣ, игралъ тамъ роль самую реакціонную. Въ октябрѣ 1819 г. прусскій консулъ въ Варшавѣ, Шмидтъ, сообщилъ своему министру, что имп. Александръ только что передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, послѣ совѣщанія съ Новосильцевымъ, принялъ основныя начала Россіи.

Въ этой основѣ должно было разработать весь проектъ и представить государю не позже, какъ черезъ 2 мѣсяца. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ въ февралѣ 1820 г. извѣстилъ свое правительство, что проектъ конституціонной хартіи существуетъ, но что государь скрываетъ его даже отъ своихъ министровъ; посланникъ высказывалъ мнѣніе, что никакой конституціи не дадутъ. Дѣйствительно, хотя проектъ государственной грамоты былъ окончательно составленъ, но обнародованъ не былъ.

Изъ 191 статьи проекта «Уставной грамоты» 122, какъ указано въ рукописи, заимствованы изъ польской конституціонной хартіи, а относительно 47 отмѣчено, что это новыя статьи.

Въ «Уставной Грамотѣ» постановлено, что «законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный сеймъ»¹⁾; между тѣмъ въ польской хартіи сказано, что «законодательная власть заключается (résidence) въ лицѣ короля и въ двухъ палатахъ сейма» (ст. 86). Мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи сеймовъ намѣстничествъ, учрежденіе которыхъ (т.-е. этихъ сеймовъ) составляетъ особенность Уставной Грамоты. Какъ законы, такъ и уставы, учрежденія, указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія скрѣпляются тѣмъ или другимъ министромъ, который и отвѣчаетъ за все, противное въ нихъ «правиламъ уставной грамоты» (principes constitutifs de l'Empire)²⁾ и законамъ (ст. 34).

Въ «Уставной Грамотѣ», какъ и въ польской хартіи, устанавливаются общія гарантіи: «ручательства верховной власти» (dispositions générales, garanties par la souveraineté)³⁾. Почти всѣ они соотвѣтствуютъ постановленіямъ польской хартіи съ нѣкоторыми отмѣнами. Такъ, представленіе задержаннаго къ допросу или суду должно также производиться въ теченіе 3 сутокъ, но прибавлено «въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ разысканіе требовало бы отсрочки, не позже 6 сутокъ» (ст. 85, польск. харт. ст. 21). Прибавлена слѣдующая новая статья: «Всякое самопроизвольное задержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію, означенному въ уголовномъ правѣ» (ст. 83). О свободѣ печати говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ польской хартіи (ст. 89, польск. харт. ст. 16).

Государственный сеймъ, или государственная дума, созывается каждыя 5 лѣтъ, а частныя сеймы намѣстническихъ областей—каждыя 3 года⁴⁾.

Сеймы намѣстническихъ областей состоятъ изъ государя и двухъ палатъ: высшая палата образуется изъ одного департамента сената, присутствующаго въ главномъ городѣ намѣстничества; земская посольская палата составляется изъ $\frac{2}{3}$ избраннаго

¹⁾ Во французской редакціи «Уставной Грамоты»: „le pouvoir législatif s'exerce par le souverain concurrement avec la diète de l'Empire“ (ст. 13).

²⁾ Въ польской хартіи: «à la constitution».

³⁾ Въ польской хартіи: «garanties générales».

⁴⁾ Въ обѣихъ столицахъ, Петербургѣ и Москвѣ, созываются столичные сеймы, дѣйствующіе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ намѣстническіе сеймы.

въ намѣстничествѣ числа пословъ и депутатовъ, *утвержденныхъ юсударемъ* (ст. 102).

Въ отличіе отъ польской хартіи выборы по «Уставной Грамотѣ» двухстепенные. При закрытіи сейма палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждого намѣстничества приступаетъ къ выбору изъ своей среды земскихъ пословъ и депутатовъ, изъ которыхъ составляется вторая палата общаго государственнаго сейма. Число избранныхъ должно составлять четверть состоящихъ на лицо пословъ и депутатовъ намѣстническаго сейма.

Высшую палату общаго государственнаго сейма образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ прибавленіемъ къ нему, по назначенію государя, на время засѣданій сейма, извѣстнаго числа сенаторовъ изъ другихъ департаментовъ. Палата земскихъ пословъ составляется *по назначенію юсударя* изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ каждой намѣстнической области, *избранныхъ* посольскою палатою. Какъ и въ польской хартіи, никто изъ членовъ сейма, во время его засѣданій, не можетъ быть задержанъ и судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, къ которой онъ принадлежитъ; какъ и въ польской хартіи, проекты финансовыхъ законовъ сначала должны быть вносимы въ палату земскихъ пословъ. Проекты, вносимые на сеймъ, по волѣ государя, не считаются ни одобренными, ни утвержденными, почему сеймамъ предоставляется полная свобода высказывать относительно ихъ свое мнѣніе ¹⁾. Какъ и въ польской хартіи, засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по предложенію $\frac{1}{10}$ части наличныхъ членовъ, засѣданіе можетъ быть сдѣлано закрытымъ. Какъ и въ польской хартіи, проектъ, принятый одною палатою, или принимается или отвергается другою, принятый же обѣими, утверждается или отвергается государемъ.

Въ сенатѣ, въ отличіе отъ польской конституціи, духовныя лица не присутствуютъ; сенаторы назначаются государемъ, но не изъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ (ст. 136, ср. польск. харт. ст. 110). Одно изъ условій, необходимыхъ для того, чтобы быть сенаторомъ, составляетъ полученіе ежегоднаго *дохода* съ принадлежащаго ему недвижимаго имѣнія не менѣе 1000 руб. сер. ²⁾.

Половинное число членовъ польской палаты возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Въ числѣ условій для того, чтобы быть избраннымъ въ эту палату, были 30-лѣтній возрастъ и уплата поземельной и всякой другой подати не менѣе той суммы, которая будетъ опредѣлена во всякой намѣстнической области, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Дворяне каждого уѣзда, владѣющіе недвижимымъ имѣніемъ и достигшіе 25-лѣтняго возраста, избираютъ на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ 3 земскихъ пословъ, изъ которыхъ $\frac{2}{8}$, какъ уже

¹⁾ Новая статья.

²⁾ По польской конституціи уплата ежегодно налога въ 300 р. с.

было упомянуто, назначаются государемъ въ посольскую палату намѣстническаго сейма.

Городскія общества собираются каждые три года для производства выборовъ. „Къ выбору депутатовъ отъ окружного городского общества допускаются: 1) настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣста или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ, къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семь уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ-то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники 3-хъ главныхъ художествъ—архитектуры, живописи и скульптуры, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій и 4) цѣховые мастера“ (ст. 166). „Всѣ евреи, не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участія въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ“ (ст. 167). Этой статьи въ польской конституціи нѣтъ, но въ ней сказано, что „различіе *христіанскихъ* исповѣданій не обусловливаетъ никакого различія въ пользованіи гражданскими и политическими правами“ (ст. 11), слѣдовательно, евреямъ не было дано и въ Польшѣ политическаго равноправія съ христіанскимъ населеніемъ ¹⁾. Въ городахъ съ населеніемъ болѣе 8,000 жителей, исключая столицъ, выборы въ намѣстнической сеймъ двухстепенные: избирательныя собранія устраиваются въ каждой части города; въ каждомъ изъ нихъ выбираютъ 3 гласныхъ въ общее гражданское собраніе, а это послѣднее выбираетъ 3 депутатовъ въ намѣстнической сеймъ (ст. 168); но такъ какъ депутаты въ общій государственный сеймъ выбираются намѣстническими сеймами, то выборы въ такихъ городахъ будутъ, слѣдовательно, трехстепенными. Въ столицахъ же, Петербургѣ и Москвѣ, каждая городская часть избираетъ одного депутата (или, собственно говоря, кандидата въ депутаты) въ столичный сеймъ (ст. 170), который соотвѣтствуетъ намѣстническимъ сеймамъ (ст. 125). Чтобы участвовать въ собраніи городского общества, нужно имѣть 25 лѣтъ (171) ²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что проектъ, составленный Новосильцевымъ, является сколкомъ съ польской конституціонной хартіи, но только въ значительно ухудшенномъ видѣ: весьма серьезными ухудшеніями были введеніе двухстепенныхъ выборовъ вмѣсто прямыхъ и назначеніе государемъ пословъ и депутатовъ изъ числа выбранныхъ въ намѣстническіе сеймы, а также выбранныхъ намѣстническими и столичными сеймами въ общую государственную думу. Если бы проектъ Новосильцева былъ осуществленъ, то такая конституція еще менѣе оградила бы Россію отъ правитель-

¹⁾ Напротивъ, въ хартіи Людовика XVIII 1814 г. (4—10 іюня), многими статьями которой воспользовались составители польской конституціи, нѣтъ лишенія лицъ, принадлежащихъ къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ, политическаго и гражданскаго равноправія.

²⁾ Статей 125, 168, 170 и 171 нѣтъ въ польской хартіи.

ственного произвола, чѣмъ была ограждена Польша конституціонною хартією 1815 г.

Конституціонныя теченія проявились не только въ высшихъ сферахъ, но и въ обществѣ, литературѣ и наукѣ, при чемъ большую роль сыграла западно-европейская политическая литература. Въ 1806 г. былъ напечатанъ, по повелѣнію государя, переводъ вышедшаго въ 1771 г. по-французски сочиненія Де-Лольма объ англійской конституціи. Переводъ книги Монтескье „О духѣ законовъ“ вышелъ въ 2 изданіяхъ. Появился также переводъ сочиненій Бентама. Книги эти проникали въ самые глухіе провинціальныя города. Такъ, въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губ., въ половинѣ десятихъ годовъ, у многихъ жителей, даже купцовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, въ томъ числѣ сочиненія Де-Лольма, Монтескье, Беккариа и др. на русскомъ языкѣ. Въ обществѣ этого маленькаго городка живо обсуждались вопросы внѣшней и внутренней политики; иные восхищались представительными формами правленія. Послѣ этого нисколько не удивительно, что купцы гостиннаго двора въ Петербургѣ открыто собирались (въ началѣ 1820-хъ гг.) группами и разсуждали о необходимости конституціи.

Новыя либеральныя теченія охватили и нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Таковы: профессоръ царскосельскаго лицея, а затѣмъ и петербургскаго университета, Куницынъ (авторъ изданнаго въ 1818—20 гг. сочиненія „Право естественное“, признаннаго главнымъ правленіемъ училищъ „клонящимся къ испроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“), который былъ удаленъ изъ университета и лицея, и профессора Германъ и Арсеньевъ, обвинявшіеся въ 1821 г. въ непризнаніи законности верховной власти вслѣдствіе того, что въ своихъ лекціяхъ они обнаружили нѣкоторое сочувствіе конституціонному образу правленія; они лишились мѣста и ихъ сочиненія было не дозволено употреблять въ качествѣ руководствъ въ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾.

Вольнолюбивыя идеи, бродившія въ обществѣ, и особенно среди молодежи, нашли выраженіе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, каковы, напр., посланіе «Къ Чаадаеву» (1818 г.), «Сказки» (1818 г.), гдѣ авторъ скептически относится къ предположенію, высказанному имп. Александромъ въ Варшавѣ относительно дарованія Россіи конституціи, «Вольность» (1820 г.), которая была одною изъ причинъ его ссылки, «Кинжалъ» (1821 г.), «Андрей Шенье» (1825 г.) и нѣкоторые др. Произведенія Пушкина настолько извѣстны, что мы приведемъ лишь немногія мѣста изъ «Вольности», ко-

¹⁾ Въ 1818 г. въ «Сынѣ Отечества» появилась статья Куницына «О конституціи», гдѣ онъ въ своемъ сочувствіи къ представительному образу правленія опирался на рѣчь государя, произнесенную въ томъ же году на варшавскомъ сеймѣ. Вслѣдъ затѣмъ «обо всемъ, касающемся правительства», было дозволено писать «только по волѣ самого правительства», «частнымъ же лицамъ» не разрѣшалось говорить въ печати о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ.

торая, быть можетъ, была навѣяна соотвѣтственнымъ произведеніемъ Радищева.

.....Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы грозная пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порока.

.....
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.
И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно»...

Стихотвореніе оканчивается описаніемъ того, что пѣвецъ въ полуночный часъ, глядя на заброшенный дворецъ, «пустынный памятникъ тирана», Михайловскій замокъ, видитъ, какъ въ него идутъ убійцы имп. Павла. Въ заключеніе поэтъ говоритъ:

... «Погибъ увѣнчанный злодѣй.
Внемлите истинѣ, цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари,
Ни вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главою
Подъ сѣнь надежную закона—
И стануть стражею у трона
Народовъ вольность и покой».

Отмѣчу еще четверостишіе, посвященное декабристу Пестелю (1821 г.), съ которымъ Пушкинъ сблизился въ Кишиневѣ и котораго онъ считалъ «однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ»:

«Снесемъ иль нѣтъ главу свою,
Изъ полновѣснаго стакана
Твое здоровье, Пестель, пью
И рвусь и злюся на тирана».

Гражданскіе мотивы были, какъ извѣстно, неотъемлемою принадлежностью поэзіи Рылѣева. Таковы, напр., его стихотвореніе «Къ временщику», напечатанное въ 1820 г., «Гражданинъ» (1825 г.), написанное незадолго до 14 декабря. «Исповѣдь Наливайки» (напечатанное въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г.). Въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ высказывается преобладающее настроеніе поэта за послѣднее время его жизни—готовность пасть въ борьбѣ за свободу родины.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шлиссельбургская тюрьма

за 20 лѣтъ, отъ 1884 по 1904 ¹⁾.

(Воспоминанія).

ГЛАВА I.

Вотъ главные моменты тюремной жизни. Жизнь наша была полна контрастовъ. Притока живыхъ, внѣшнихъ впечатлѣній не существовало и матеріала для нормальной душевной жизни извнѣ не поступало. Проходили годы, не принося съ собою ничего новаго со стороны, потому что мы жили въ общей могилѣ, отдѣленные отъ міра живыхъ непроходимой пропастью. Ни книгъ, ни свиданій, ни вѣсти о родныхъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ. Библія, соч. Дмитрія Ростовскаго, 2—3 церковныхъ журнала за старыя годы и десятка три старинныхъ книгъ на лубочной бумагѣ, написанныхъ до-Пушкинскимъ языкомъ—вотъ и вся наша библіотека. Сношенія черезъ стѣнку стукомъ не удовлетворяли, а только раздражали, потому что невозможно было не только обмѣниваться возраженіями, но и высказаться. Повидимому, наша жизнь была безцвѣтна, пуста, безсодержательна; но недостатокъ внѣшнихъ впечатлѣній съ избыткомъ пополнялся испытаніями и переживаніями того матеріала, который давала тюрьма. Мы жили интенсивно, находясь въ состояніи кипѣнія, прерываемаго только изнеможеніемъ. Въ этомъ и состоялъ трагизмъ нашего положенія. Въ минуту же отдыха оставалось жить воспоминаніями, чисто созерцательной жизнью, одурманиваться мечтаніями, или, спасая свою душу отъ безумія, взять на себя большую работу и погрузиться въ нее; создать себѣ особый идеальный, теоретически построенный міръ—выдѣлить изъ себя защитительную оболочку—и переживать умозрѣнія, теоріи, гипотезы, какъ единственное содержаніе жизни. Но уйти въ этотъ міръ было невозможно. Каждый день страшная дѣйствительность разрушала эту иллюзію. Постоянныя столкновенія, неприятыя объясненія, неизбѣжное участіе всѣхъ въ схваткѣ, гдѣ бы она ни возникла, такъ какъ насъ связывало товарищество, общій врагъ и

¹⁾ Статья эта принадлежитъ Михаилу Юльевичу Ашенбреннеру, приговоренному къ смерти черезъ повѣшеніе по процессу В. Н. Фигнеръ въ 1884 году и послѣ „смягченія“ приговора проведенному въ застѣнкахъ Шлиссельбурга двадцать лѣтъ.

Ред.

общая доля, вѣчное тревожное состояніе, невыносимыя стѣсненія и невозможность помириться съ порядками—вотъ какой матеріаль для жизни давала тюрьма. Послѣ напряженнаго состоянія слѣдовала усталость, хотѣлось отдохнуть и позабыться; но взволнованная душа приходила въ равновѣсіе медленно. Являлось невольное желаніе не растрчивать по мелочамъ свои слабѣющія силы и терпѣть молча, отвѣчая презрѣніемъ. Это удавалось иногда 10, 15 разъ, но негодованіе нарастало и взрывъ становился все неизбѣжнѣе. Такъ что подобный планъ едва ли приводилъ къ лучшему: столкновения и волненія случались рѣже, но гораздо яростнѣе, да и отвѣтное дѣйствіе при этомъ не всегда было эквивалентно поводу; а успокоеніе наступало медленнѣе и безсонница мучительнѣе. У многихъ стала выясняться мысль, что въ такой мелочной и жестокой борьбѣ и самъ мельчаешь и что влачить такое существованіе не стоитъ. Можетъ быть, такое настроеніе и послужило однимъ изъ поводовъ къ самоубійству. А ежедневная борьба, подавленное негодованіе, сознаніе своего безсилія и безвыходности положенія, невозможность успокоенія для разстроеннаго, измученнаго человѣка, напряженное состояніе даже тогда, когда уклоняешься отъ столкновеній, и особенно смѣна возбужденія и пристраціи—все это вело къ помѣшательству. Долго тянулась отчаянная борьба за жизнь, за спокойствіе, за болѣе разумное существованіе, и уступки мы добились цѣною великихъ жертвъ. Прошло 10 лѣтъ. Въ первые годы погибло около 50%, въ томъ числѣ двое были разстрѣляны за оскорбленіе дѣйствіемъ. Потомъ началось почти повальное сумасшествіе ¹⁾. Мышкинъ и Минаковъ стучали сосѣдямъ, что жить далѣе они не желаютъ, но хотятъ умереть не бесполезно для товарищей и будутъ требовать книгъ, журналовъ, свиданій съ товарищами, переписки съ родными, мастерскихъ. Какими-то невѣдомыми путями проникли въ заграничную печать кой-какія вѣсти о Шлиссельбургѣ, напр., объ ужасной смерти Грачевскаго, который сжегъ себя, обливъ керосиномъ. Въ расчеты начальства не входило превращеніе политической тюрьмы въ сумасшедшій домъ, а между тѣмъ дѣло къ тому клонилось; да и сумасшедшіе были для нихъ лично слишкомъ опасны и страшно увеличивали работу надзора и обузданія. Быстрое же вымираніе являлось вопіющимъ скандаломъ: безъ сомнѣнія, протестъ въ такой формѣ портилъ ихъ планы. Вотъ почему начальство мало-по-малу склонилось къ уступкамъ, и всѣ эти уступки и льготы были куплены цѣною крови. Главныя льготы, которыя имѣли спасительное значеніе, были: книги и журналы, ощеніе и прогулка. Всѣ эти льготы стали обозначаться въ минимальной степени въ концѣ царствованія Александра III-го, и, наконецъ, въ 95—97 гг. наступилъ для насъ «золотой вѣкъ», который тянулся нѣсколько лѣтъ (до осени 1901 года). Уже при Сипягинѣ начались стѣсненія и насту-

---

¹⁾ Игнатій Ивановъ, Похитоновъ—умерли. Шебалинъ, Ювачевъ—попылись. Самоубійства: Тихановичъ, Грачевскій, Софья Гинсбургъ и нѣсколько попытокъ. Мышкинъ и Минаковъ разстрѣляны.

пилъ возвратъ къ старымъ порядкамъ, а при Плева, когда насъ оставалось только 13 чел. изъ 51, когда мы потеряли молодость, силы здоровье, выносливость, насъ вернули къ старому режиму. Таково было наше душевное состояніе отъ начала до самаго конца пребыванія въ тюрьмѣ, съ незначительными уклоненіями къ лучшему въ лучшія времена.

ГЛАВА II.

Вскорѣ послѣ смерти Мышкина и Минакова¹⁾ намъ выдали небольшія грифельныя доски (изъ кардона) и по тетради въ 3 листа въ четвертушку, съ пронумерованными страницами и скрѣпленныя подписью зрителя; дали по карандашу и спросили, какіе учебники желалъ бы имѣть каждый для занятій. Подавая мнѣ карандашъ, Соколовъ-Иродъ сказалъ: «Если карандашъ спортится, сказать: починимъ; когда тетрадка спишется: сдать, дадимъ чистую». Одни пожелали заниматься математикой, другіе изученіемъ языковъ, естествознанія, прикладными знаніями, для чего и были указаны книги, учебники, словари. Когда роздали купленныя книги, мы были очень разочарованы: кто желалъ изучать высшую математику, получилъ ариѳметику и краткую геометрію для начальныхъ училищъ. Для изученія иностранныхъ языковъ выдали руководства для младшаго возраста въ 40, 50 страничекъ съ глупѣйшими вопросами и отвѣтами. Вѣроятно, такъ было сдѣлано по невѣжеству или по экономическимъ расчетамъ. На наше заявленіе о негодности подобныхъ учебниковъ и послѣ неоднократныхъ заявленій ближайшему начальству и ревизорамъ, мы получили, наконецъ, учебники по своему желанію, а также и словари, отобранные при арестѣ. Я просилъ министра Дурново, при посѣщеніи имъ тюрьмы, продать отобранные у меня вмѣстѣ съ другими вещами мои ордена²⁾ и купить на вырученныя деньги 3 словаря. Министръ отвѣтилъ: «словари будутъ». На другой день комендантъ мнѣ сказалъ, что министръ былъ обиженъ моимъ заявленіемъ, считая его демонстративно выраженнымъ пренебреженіемъ къ наградамъ за отличіе. Какъ бы то ни было, мнѣ выдали 3 словаря и объявили, что ордена будутъ отправлены къ роднымъ; однако, по возвращеніи на родину, оказалось, что родныя этихъ орденовъ не получали. Черезъ нѣсколько лѣтъ генераль Петровъ выслалъ намъ, по нашему заявленію, полное собраніе сочиненій Спенсера на русскомъ языкѣ и собраніе сочиненій Маколея на англійскомъ языкѣ, а потомъ Исторію Россіи Соловьева и собраніе сочиненій Костомарова. А вскорѣ, по нашей просьбѣ, были выданы отобранныя при арестѣ книги, за нѣкоторымъ, впрочемъ, исключеніемъ (мнѣ не выдали сбор-

¹⁾ По разсказу Л. А. Волкенштейнъ, Минаковъ разстрѣлянъ 6 сентября 1884 г., а Мышкинъ въ началѣ января 1885 г. («13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости». Спб. 1905 г., стр. 3). Ped.

²⁾ М. Ю. Ашенбреннеръ осужденъ въ чинѣ подполковника. Ped.

ника статей проф. Зиберы объ экономической теоріи Маркса, а Лопатину, кажется, 1-ый томъ «Капитала»). Но вскорѣ эти книги были отобраны потому, что у кого-то ревизоръ увидѣлъ на столѣ Исторію революціи Кинэ или Минье. За конфискаціей книгъ послѣдовало сначала прекращеніе гулянья, а потомъ голодовка. Для переговоровъ тогда «впервые» воспользовались ватерклозетомъ и его трубами, для чего параша тщательно мылась, а потомъ вычерпывалась изъ нея вода и так. обр. ватерклозетъ превращался въ «телефонъ». Въ этихъ телефонныхъ клубкахъ обмѣнивались мнѣніями о вѣрнѣйшихъ способахъ самоубійства. Голодовка была достаточно продолжительна и разстроила здоровье многихъ. Начальство могло считать себя побѣдителемъ, но община потерпѣла не полное поражение, такъ какъ большая часть книгъ была возвращена ¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ пристроили подъ прямымъ угломъ къ старымъ миниатюрнымъ клѣткамъ для прогулки еще 8 болѣе обширныхъ клѣтокъ; привезли туда земли, и так. обр. возникли наши будущіе цвѣтники и огороды, и стали сводить насъ парами на прогулкѣ. Мнѣ назначали М. П. Шебалина ²⁾, съ которымъ я видѣлся сначала черезъ день, а потомъ каждый день. Черезъ 1½ года начальство, по своимъ соображеніямъ, дало мнѣ вмѣсто Шебалина Ф. Н. Юрковскаго ³⁾, съ которымъ свиданія продолжались тоже больше года. Третьимъ былъ назначенъ М. Ф. Фроленко ⁴⁾. Затѣмъ намъ предоставили самимъ выбирать товарищей по прогулкѣ и мѣнять ихъ черезъ краткіе промежутки времени и, наконецъ, установился такой порядокъ назначенія на прогулки: мы выбрали товарища «променадмейстера», который по нашему назначенію расписывалъ насъ ежедневно попарно и подавалъ утромъ распisanіе вахмистру. Въ концѣ же концовъ, когда прогулки были продолжены до обѣда, т.-е. отъ 8 до 12 часовъ, перемѣна партнеровъ по прогулкѣ совершалась по нашимъ личнымъ заявленіямъ дежурному на вышкѣ унтеръ-офицеру, такъ что можно было повидаваться со всѣми по очереди. При этомъ жандармы наблюдали только, чтобъ въ одной клѣткѣ не было болѣе двухъ человекъ. Тогда должность променадмейстера, какъ лишняя, была упразднена.

Кажется, въ 1890 г. намъ сказали, что проектированы уже мастерскія, а пока предложили заняться желающимъ ажурными

¹⁾ Возвращено: Всемирн. Исторія Шлоссера; Рибо: Наслѣдственность, Болѣзни воли, Болѣзни памяти; Физиологія ума Карпентера; Тэнъ—Объ умѣ и познаніи; Логика Милля, Маудсли The Will and Body; Уоллеса Islands Life.

²⁾ Находится нынѣ въ Якутской области

³⁾ Умеръ въ Шлиссельбургѣ.

⁴⁾ Амнистированъ въ 1905 году.

Ред.

Ред.

Ред.

работами. Желаніе изъявили многіе. Потомъ въ старой тюрьмѣ, которая находилась въ цитадели, т.-е. на ближайшемъ сосѣднемъ дворѣ, устроены были въ камерахъ, которыя прежде служили карцерами, столярныя, токарная, переплетная и сапожныя мастерскія. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ стали отпускать, кажется, 180 руб. въ годъ на садовые, огородные инструменты, на сѣмена, удобреніе и на матеріалы для мастерства. Мастерствомъ пожелали заниматься всѣ, но знающихъ мастерство было очень немного, а начальство не хотѣло сводить насъ парами въ мастерскихъ и предлагало начинающимъ въ наставники жандармскихъ унтеровъ. Отъ такихъ менторовъ мы отказались. Выходила такая нелѣпость: мастерскія были разрѣшены, устроены и пустовали при нашемъ общемъ желаніи учиться и работать. Мало-по-малу начальство уступило, и насъ стали водить туда парами. Такъ многіе изъ насъ научились мастерствамъ, но хорошихъ мастеровъ вышло немного. Мы производили изящныя, художественныя вещи, но работали надъ ними такъ долго, что при обычной рыночной расцѣнкѣ не могли бы заработать болѣе 20 коп. въ день. Вообще и въ мастерствахъ и въ книжныхъ занятіяхъ мы не достигли большого успѣха: въ невольный трудъ не продуктивенъ, да и сбыта наши произведенія не имѣли. Правда, многіе изъ насъ достигли значительныхъ успѣховъ, но на это потрачено было такъ много труда и времени, что успѣхи наши при иныхъ обстоятельствахъ были бы во много разъ больше. Когда построили огородные заборы и поставили вышку для дежурныхъ, насъ распредѣлили по огородамъ. По наличному составу приходилось въ малыхъ огородикахъ по 2, въ большихъ по 3 и 4 хозяина. Выдали сѣмена овощей, провели въ каждый изъ 8 огородиковъ воду, выдали огородные инструменты. Каждому приходилось по грядкѣ. Наши жильныя камеры были очень невелики: можно было сдѣлать 5—6 шаговъ отъ двери до окна; углы были заняты и ходить по діагонали не приходилось. Мы страдали отъ недостатка движенія и пассивная гимнастика не вознаграждала этого недостатка, да и приводила, по крайней мѣрѣ, въ первые годы, къ недоразумѣніямъ, вызывая недоумѣніе и безпокойство дежурныхъ по коридору; поэтому въ каждомъ огородѣ мы сдѣлали по широкой дорожкѣ для движенія вдвоемъ, вымостивъ ее старымъ поломаннымъ плитнякомъ. По этой дорожкѣ мы прохаживались, ведя бесѣды; а когда случалось оставаться въ огородѣ одному, то ходили съ книгой: читали и ходили въ одно время, соединяя моціонъ съ интереснымъ чтеніемъ. Ходили мы на прогулкѣ очень много: это было необходимо и спасительно для здоровья. Одинъ изъ товарищей вычислилъ, что за 20 лѣтъ пребыванія въ тюрьмѣ онъ 12 разъ обошелъ землю по экватору. Оставляя мѣсто для прогулки, приходилось сузить грядки; каждый вершокъ земли былъ дорогъ, а потому нужно было выгадать мѣсто между грядками, и мы рѣшили бока грядокъ обложить досками. На дворѣ у старой тюрьмы былъ складъ дровъ, и тамъ мы видѣли длинныя и толстыя полѣнья. Мы просили отдать эти полѣнья намъ и изъ нихъ, дѣйствуя топоромъ,

клиньяи и шерхебелемъ, подѣлали доски. Это была первая большая работа. Посѣяли редиску, рѣдку, брюкву, рѣпу, морковь, свеклу, лукъ, укропъ, петрушку, горохъ, чеснокъ, капусту и цвѣтную капусту—всего понемногу. Лучше всего вышла брюква, хуже рѣпа и цвѣтная капуста: слишкомъ было тѣсно. Крѣпостныя стѣны, тюрьма и высокіе заборы огородиковъ закрывали большую часть дня солнце. На хорошо освѣщенномъ мѣстѣ посѣяли цвѣты, а вдоль заборовъ кусты малины, черной и красной смородины и крыжовника. Затѣмъ посадили нѣскольکو яблонь. Въ 8-мъ огородѣ теперь есть небольшая яблоня, выращенная изъ сѣмячка и привитая М. Ф. Фроленко, и вишневое деревцо, выращенное изъ косточки.

Когда открылись мастерскія и возникли дѣловые разговоры съ смотрителемъ, комендантомъ и офицеромъ, завѣдующимъ мастерскими, явилась необходимость въ выборномъ, говорившемъ отъ лица всѣхъ. Этотъ выборный назывался старостой и служилъ сначала, кажется, годъ, а потомъ полгода. Мѣстное начальство на это охотно согласилось, потому что ему было выгоднѣе вести переговоры съ уполномоченнымъ отъ всей общины, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые товарищи прямо таки не могли равнодушно говорить съ тюремщиками. Староста обязанъ былъ слѣдить за исправностью инструментовъ, выпиской и расходомъ матеріаловъ и сводить счета по расходу суммы, отпущенной на мастерскія и огороды. Эта сумма дѣлилась на 2 части: одна на общія надобности, другая дѣлилась на равные пай по наличному числу и расходовалась каждымъ на покупку матеріаловъ по личному усмотрѣнію. Не слѣдуетъ думать, что деньги выдавались на руки. Всѣ расчеты велись на бумагѣ.

Въ теченіе первыхъ 6 лѣтъ намъ на довольствіе отпускалось по 11 коп. въ день, въ томъ числѣ и черный хлѣбъ. Хлѣба давали по 2 $\frac{1}{2}$ фунта. Хлѣбъ всегда былъ дурного качества, сырой и съ закаломъ. На обѣдъ полагалось 2 блюда: супъ, щи, борщъ или жидкая гороховая похлебка; на второе каша гречневая, пшенная, или размазня. На ужинъ давали подогрѣтое жидкое блюдо, оставшееся отъ обѣда. Въ посты и по средамъ и по пятницамъ давалась постная пища. Это дѣлалось, конечно, не изъ благочестія, а для укрощенія, потому что по средамъ и пятницамъ давали постное даже на Святой недѣлѣ и на Рождествѣ. Пища была недоброкачественная: горячее безъ навара, со слѣдами мяса; каши и масла чуть-чуть, постная похлебка изъ гнилыхъ снятковъ, грибные щи на минимальномъ количествѣ капусты и грибовъ, жидкій горохъ съ плавающими червями. По воскресеньямъ давали на второе нѣскольکو нарѣзанныхъ маленькихъ кусочковъ жареной говядины съ картофелемъ и фасолью и на третье пирогъ съ брусничнымъ вареньемъ. На пасху выдавали небольшую булку въ видѣ кудича и маленькую, глотка на три, пасху изъ подслащеннаго творогу и нѣскольکو крашенныхъ яицъ. Въ 1889 году нашу лазаретную порцію обратили въ ординарную: на довольствіе полагалось 23 к. въ день

съ хлѣбомъ и разрѣшили замѣнить черный хлѣбъ бѣлымъ и ситнымъ въ половинномъ количествѣ, т.-е. вмѣсто $2\frac{1}{2}$ фун. черного— $1\frac{1}{4}$ бѣлаго. Съ этихъ поръ пища была удовлетворительна и разнообразнѣе, чѣмъ прежде. Кромѣ того, намъ было предоставлено самимъ составлять меню, на условіи не выходить за предѣлы 23 коп. Для составления меню мы стали выбирать «менюмейстера», которому выпадала неблагодарная и трудная роль угодить всѣмъ и каждому, не выходя изъ раскладки. Для такого безнадѣжнаго дѣла понадобилось нашимъ менюейстерамъ много остроумія и усердія и, наконецъ, они стали дѣлать время отъ времени оригинальные плебисциты: каждое кушанье повторялось за 2, 3, 4 недѣли пропорціонально поданнымъ голосамъ. Мы получали 2, 3 раза въ недѣлю молочные супы, котлеты, рисовую кашу, макароны, сырники, вареники, тѣ же праздничные пироги съ брусникой или пироги съ капустой и мясомъ; по субботамъ на ужинъ селедку съ картофелемъ, а въ воскресенье на ужинъ около $\frac{1}{4}$ ф. сыру. Эта пища была бы хороша, но на жаркое мы получали всегда вываренное мясо, потому что при нашихъ средствахъ дѣлать жаркое изъ хорошаго мяска было невозможно. Масла отпускалось очень мало, а между тѣмъ въ тѣхъ широтахъ, гдѣ мы проживали, потребность въ жирахъ и углеводахъ была настоятельнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Нашему горю пришелъ на помощь докторъ Николай Сергѣевичъ Безродновъ, который сдѣлалъ намъ много добра. Онъ сталъ выдавать намъ на всю братію изъ лазаретныхъ суммъ по 10 фун. въ мѣсяцъ подсолнечнаго масла. Сначала мы примѣшивали это масло къ кашѣ, картофелю и т. д. съ неудовольствіемъ, но потомъ привыкли къ нему, и оно намъ стало приятно. Сначала намъ выдавали 2 раза въ день по кружкѣ чаю и по куску пиленнаго сахара. Много лѣтъ спустя при комендантѣ Гангартѣ, выдали каждому по 2 чайника; одинъ для кипятку, другой для заварки чая, и стали отпускать по $\frac{1}{2}$ ф. чаю и 3 фун. сахару на мѣсяцъ. Чай былъ удовлетворительнаго качества по 90 к. за $\frac{1}{2}$ фун., а сахаръ оцѣнивался очень дорого, по 18 коп. фун. При гуртовой покупкѣ и съ уступкою постоянному покупателю $\frac{1}{2}$ фун. чаю обходилось по 77 коп., такъ что чайное довольствіе 1 человѣка обходилось въ мѣсяцъ 1 р. 31 к. Впослѣдствіи было разрѣшено на эти деньги выписывать не только чай, но кофе, какао, лимоны, монпасье, клюкву. Многіе брали только $\frac{1}{4}$ ф. чаю, а на остальныя деньги покупали чего-нибудь другого; нѣкоторые не брали вовсе чаю, а пили ячменный кофе.

Сначала мы стучали очень неискусно и плохо понимали другъ друга, такъ что разговоръ стукомъ насъ не удовлетворялъ, а скорѣе раздражалъ за невозможностью высказаться. Потомъ мало-по-малу мы стали стучать очень быстро и отчетливо и понимали другъ друга настолько хорошо, что не приходилось постукивать слово до конца; часто употребительныя слова замѣнялись одной буквой, или условнымъ знакомъ. Сначала перестукивались только съ сосѣдями и сту-

чали безъ всякой надобности слишкомъ громко, но, познакомившись съ тюремной акустикой, стали стучать очень тихо для того, чтобы не беспокоить другихъ товарищей и не вводить въ бесѣду нежелательнаго свидѣтеля, дежурнаго жандарма. Громкій же стукъ былъ слышенъ черезъ 2 камеры и наверху и внизу и потому у насъ бывали общія бесѣды по разнымъ угламъ. Начальство преслѣдовало за стукъ, наказывало, перебивало стукъ всячески, между прочимъ, пуская въ незанятой камерѣ струю воды изъ крана: журчаніе воды заглушало стукъ, да и страшно раздражало нервы. Но потребность въ сношеніяхъ съ другими была такъ велика, что начальству пришлось уступить. Потомъ для сношенія съ противоположной стороною стучали въ желѣзный калориферъ (паровое отопленіе), или въ дверь. Такой стукъ былъ слышенъ всѣми и невольно привлекалъ къ себѣ общее вниманіе, поэтому въ дверь и калориферъ стучали только въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужно было обмѣняться мыслию или вѣстью со всѣми, стараясь не беспокоить занятыхъ или отдыхающихъ товарищей безъ нужды. Когда же мы стали видѣться часто другъ съ другомъ, то стукотня мало-по-малу вывелась изъ обихода, а начальство само приглашало старосту въ нѣкоторыхъ случаяхъ постучать въ дверь для оповѣщенія публики, напр., такъ: «Постучите, пожалуйста, что сегодня прогулка начнется въ 9 час., потому что на дворѣ будутъ производиться работы». Общій неистовый стукъ въ двери и печи, при чемъ стучали чѣмъ попало, подымался въ видѣ протеста.

Кромѣ обычныхъ наказаній, въ родѣ лишенія чая, книгъ, прогулки, работы въ мастерскихъ, темнаго карцера безъ постели, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, примѣнялись еще: продолжительное заключеніе въ карцерѣ съ наложеніемъ оковъ и смирительная рубашка. Заключеніе съ наложеніемъ оковъ было примѣнено только разъ къ К. Ф. Мартынову ¹⁾ за то, что плюнулъ смотрителю Федорову въ фізіономію. Перемищеніе въ карцеръ сопровождалось иногда побоями. На протесты противъ насилія грубый бурбонъ Соколовъ, по прозванію Иродъ, онъ же Церберъ, отвѣчалъ съ видимымъ сокрушеніемъ: «Эхъ! да развѣ такъ бы слѣдовало по инструкции», намекая на § инструкции, гдѣ говорилось о 50 ударахъ розгами. Общіе же протесты, принимавшіе видъ маленькаго погрома, оставались безъ наказанія: начальство было слишкомъ озабочено тѣмъ, чтобы инцидентъ не разрѣшился громкимъ скандаломъ, и прибѣгало къ увѣщаніямъ и обѣщаніямъ для успокоенія. Второе десятилѣтіе наказанія примѣнялись рѣже, хотя поводовъ было не меньше, такъ какъ мы стали очень раздражительны: каждый изъ насъ походилъ на бомбу, начиненную пироксилиномъ, и мы нерѣдко отъ обороны переходили въ наступленіе. Наши тяжеловѣсныя

¹⁾ По выходѣ изъ Шлиссельбурга застрѣлился въ Якутской области.
Ред.

железные кровати вместе с постелью утром при раздаче кипятка подымались, прислонялись к стене и запирались на замок, а вечером в 7 часов опускались; такой порядок существовал долго; потом кровати уже не подымались.

Первый смотритель, Соколовъ, сначала пытался обращаться к намъ на ты и, когда ему отвѣчали тѣмъ же, онъ очень обижался: «Да вѣдь ты лишенъ всѣхъ правъ; такъ по инструкціи, а мнѣ что: прикажутъ говорить вамъ ваше сѣтельство, и буду говорить!» Потомъ къ намъ обращались въ третьемъ лицѣ, напр: первый комендантъ Покрошинскій на 4-мъ годѣ заключенія спросилъ меня: «Здоровье заключеннаго?»—Хорошо, отвѣтилъ я—«И все это время заключенный ни разу не болѣлъ?»—Ни разу.—«И здоровье заключеннаго нисколько не пошатнулось?»—Не пошатнулось.—«Удивительно!» заключилъ онъ.

Высокое расположеніе окна въ камерѣ, густая железная рѣшетка, двойныя рамы и лѣтомъ и зимой отнимали много свѣта, а матовыя стекла создавали вѣчныя сумерки въ камерахъ. Это тянулось долго, достаточно долго, чтобы испортить зрѣніе у всѣхъ, кому удалось остаться въ живыхъ. Наши настоятельныя заявленія оставались безъ отвѣта, или намъ предлагали замѣнить матовыя стекла струйчатами, не менѣе зловредными. Лѣтъ черезъ 10 или 12, когда у насъ началось острое страданіе глазъ, намъ вставили прозрачныя стекла, и мы увидѣли, наконецъ, луну и звѣздное небо. Когда было позволено имѣть въ камерахъ самодѣльныя табуретки, нѣкоторые читали стоя на табуреткѣ у окна. Начальство, неспособное войти въ наше положеніе, признавало это за нарушеніе порядка, тогда какъ подобный способъ чтенія у окна былъ единственнымъ возможнымъ для людей съ разстроеннымъ зрѣніемъ. Читали мы очень много, не жалѣя своихъ больныхъ глазъ: иначе было невозможно, потому что намъ ставилась альтернатива: или береги глаза, не читай и сходи съ ума отъ тоски, или слѣпни, спасая себя отъ безумія. Поэтому и на прогулкѣ мы читали много. Для освѣженія же глазъ, приходилось ежедневно, цѣлые годы, примачивать ихъ утромъ и вечеромъ борной примочкой.

20 лѣтъ мы жили какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ. Когда вели на прогулку, въ мастерскія и обратно въ камеру, заключеннаго провожали два унтеръ-офицера, а со стороны наблюдали еще смотритель или вахмистръ. При этомъ передній жандармъ поворачивалъ голову то направо, то налево. Вдоль клѣтокъ и огородовъ была построена галлерейя съ навѣсомъ, откуда неотступно слѣдили за гуляющими дежурные унтера, прислушиваясь къ нашимъ разговорамъ. На этой-то вышкѣ безсмѣнно дежурилъ и первый смотритель, который самъ затворялъ и отворялъ камеры. Въ камерахъ и мастерскихъ слѣдили черезъ стеклышко въ двери, которое закрывалось снаружи железной занавѣской. Вдоль камеръ лежалъ полковикъ и дежурные ходили въ мягкихъ башмакахъ лѣтомъ и въ

валенкахъ зимою. Къ этому стеклышку они подкрадывались каж- дья 5 или 10 минутъ. Маневры дежурныхъ, чтобы приблизиться неслышно и поднять занавѣску неожиданно, были нелѣпы потому, что они подглядывали черезъ правильные промежутки и ясно, что ихъ предосторожности были напрасны. Шорохъ, когда жандармъ крадется вдоль стѣны, вытирая ее спиною, мѣшалъ занятіямъ, за- ставляя слѣдить за этими продѣлками и поджидать ихъ. Эти продѣлки возмущали, какъ безмысленное дѣло, за которымъ приходи- тся невольно слѣдить, безмысленное потому, что безчисленные попытки поймать заключеннаго на мѣстѣ воображаемаго преступленія ни къ чему не приводили. Дѣлая cadaго изъ насъ объектомъ многочисленныхъ ежедневныхъ наблюденій, они отлично впередъ знали, кто и въ какую минуту чѣмъ занятъ, потому что и у насъ за годы сложились свои привычки и свой неизмѣнный домашній обиходъ. А между тѣмъ, при всемъ сознаниі безполезности, нелѣ- пости и неумѣстности наблюденій дежурнаго, заключенный, вмѣсто того, чтобы спокойно продолжать свои занятія, застываетъ въ на- пряженномъ ожиданіи, иногда опасаясь перемѣнить положеніе тѣла подъ этими подозрительными взглядами. И когда придѣтся, такимъ образомъ, проходить многіе годы сквозь строй «недреманаго ока», которое тебя точить какъ червь неумирающій, спрашиваешь себя, къ чему имъ понадобилась такая утонченная пытка надъ людьми занятыми или больными?.. Да и накрыть насъ на мѣстѣ престу- пленія было трудно: мы всегда были насторожѣ, когда это было нужно, и умѣли дѣлать свои выводы изъ безчисленныхъ наблю- деній; а нашъ слухъ до того обострила тюрьма, что мы, по повадкѣ дежурнаго, по множеству мелкихъ признаковъ, отлично знали, кто дежуритъ и что дѣлается за дверью въ коридорѣ. Вообще мы дѣй- ствовали и говорили прямо и открыто, прибѣгая къ конспираціи въ рѣдкихъ случаяхъ, и это всего лучше сбивало ихъ съ толку. И не только говорили открыто, но умышленно подымали, напр., для того, чтобы отвадить любопытныхъ, такіе разговоры, которые слушать жандармамъ было неудобно, и это помогло. Весьма понятно, что это проклятое стеклышко возмущало многихъ, и унтеровъ гнали отъ дверей грубой бранью. Это помогало на время, а потомъ опять начиналась та же исторія снова, словно мы имѣли дѣло съ неумо- лимой стихіей, противъ которой безполезны заклинанія. Однако, зтотъ неусыпный надзоръ былъ совсѣмъ не дѣйствителенъ въ видахъ предупрежденія и пресѣченія: онъ, напр., не мѣшалъ самоубійству, но онъ былъ очень чувствителенъ какъ средство истязанія (Тихо- новичъ повѣсился, Грачевскій сжегъ себя, Софья Гинсбургъ зарѣ- залась, Похитоновъ былъ захваченъ и спасенъ не жандармами, а Л. А. Волкенштейнъ).

Долго мы не могли допроситься лучшей вентиляціи камеръ, въ которыхъ отравляла воздухъ параша. Оконная форточка откидыва- лась внизъ и давала слишкомъ мало свѣжаго воздуха, потому что была связана желѣзными полосами съ другой форточкой въ наруж- ной рамѣ и открывалась на небольшую щелку; и эта форточка сна-

чала открывалась только 2 раза въ день на $\frac{1}{4}$ часа. Лѣтъ черезъ 10—12 окно передѣлали такъ, чтобы откидывалась внизъ верхняя часть рамы. Теперь мы сами могли открывать и закрывать форточку по своему усмотрѣнію, приспособивши для этого двѣ веревки.

Широко примѣняя къ дѣлу инструкцію, въ которой говорилось о кандалахъ, сумасшедшихъ рубашкахъ и разстрѣляніи, начальство вывѣшивало въ камерахъ эту инструкцію, очевидно, потому, что тамъ былъ § о позорномъ наказаніи, чтобы добиться покорности и смиренія. Слишкомъ опасно было примѣнить этотъ § потому, что это повело бы къ покушеніямъ на жизнь исполнителей и къ головному самоубійству, а унижить и уязвить насъ все же хотѣлось. Эти писанныя или печатныя инструкціи такъ или иначе заключенные устранили. Вывѣшивали новые экземпляры, которые опять устранились, и кончилось тѣмъ, что онѣ исчезли. Кромѣ инструкціи комендантъ несомнѣнно получалъ и негласныя наставленія о примѣненіи ея съ обширными полномочіями въ крайнихъ случаяхъ; а такая крайность опредѣлялась его усмотрѣніемъ. Лучшій изъ комендантовъ говорилъ намъ: «Повѣрьте, еслибъ я примѣнялъ инструкцію со всею строгостію, ни одного изъ васъ не было бы въ живыхъ черезъ $\frac{1}{2}$ года!» Тюремная администрація состояла изъ людей опытныхъ, преданныхъ, рѣшительныхъ, я даже думаю, неподкупныхъ и, пожалуй, служившихъ по призванію. Какъ же спрашивается, дѣйствовала на ихъ душу эта вѣчная малая, но жестокая война съ заключенными? На это отвѣчаетъ исторія нашихъ комендантовъ и зрителей за 20 лѣтъ: 1-ый комендантъ, Покрошинскій, помѣшался и вскорѣ умеръ, 1-го зрителя, знаменитаго Ирода-Соколова, разбилъ параличъ послѣ смерти Грачевскаго, 2-ой комендантъ, Добродѣевъ, сошелъ съ ума; 2-ой зритель, Федоровъ,пилъ горькую, строчилъ доносы на всѣхъ и, въ заключеніе, по ошибкѣ написалъ доносъ на себя и былъ уволенъ въ отставку, но съ большимъ пенсіономъ. 3-ій комендантъ, Корневъ, добрый, совершенно неудачно попавшій на мѣсто, пробылъ у насъ мѣсяца четыре, или около того, и переведенъ въ Архангельскъ; 3-й зритель Дубровинъ, неглупый, строгій, но тактичный и самостоятельный и 4-ый зритель, интеллигентный офицеръ Провоторовъ, попавшіе къ намъ въ лучшія времена, не долго пробыли: первый ушелъ потому, что не хотѣлъ служить на этомъ мѣстѣ, а второй ушелъ, по его словамъ, опасаясь помѣшательства. Лучшій комендантъ, Гангартъ—реформаторъ, человекъ умный, деликатный и съ большимъ тактомъ,—ладилъ съ нами довольно удачно. При немъ введены были наиболѣе существенныя реформы. Сипягинъ нашелъ его слабымъ, и онъ былъ переведенъ, а вскорѣ вышелъ въ отставку. 5-ый зритель, Гузь, и 5-ый комендантъ, Обуховъ, при Сипягинѣ были уступчивы и, хотя при нихъ уже стали обозначаться поворотъ къ старому режиму, они сначала старались

смягчить его; но съ назначеніемъ Плеве, они круто повернули курсъ, открывъ кампанію противъ насъ безсмысленнымъ, жестокимъ и ничѣмъ не вызваннымъ насилиемъ надъ больнымъ товарищемъ, за что младшій изъ нихъ получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ, а старшій избѣжалъ того же возмездія потому, что спрятался. Обуховъ былъ уволенъ въ отставку за то, что распустилъ тюрьму; а Гузь тоже, но выпросилъ потомъ себѣ какое-то мѣсто на Кавказѣ. Не ясно ли, что варварская система гоненія была губительна и, по меньшей мѣрѣ, не безвредна для самихъ тюремщиковъ. Тутъ осуществлялось не только длившееся безъ срока возмездіе за содѣянное, по мнѣнію властей, преступленіе, а на заключенныхъ смотрѣли какъ на заложниковъ, которымъ мстила безсильная злоба за всякую свою неудачу

Газговоры съ начальствомъ были очень непріятны, а для нѣкоторыхъ просто невыносимы, и мирное настроеніе измѣняло рѣзкій тонъ ихъ обычнаго обращенія въ сатирической или иронической. Другіе же, напротивъ, находились, такъ сказать, въ состояніи непрерывнаго единоборства съ ближайшимъ начальствомъ, не пропуская ни одного случая безъ контрольных разъясненій, заявленій и протестовъ. А между тѣмъ намъ нужны были должностныя лица, которымъ приходилось имѣть ежедневныя дѣловыя объясненія съ тюремной администраціей. Учрежденіе должностей отчасти мотивировалось предположеніемъ, что голосъ старосты или библіотекаря отъ лица всей общины будетъ имѣть больше вѣса и въ то же время избавитъ товарищей отъ непріятныхъ и тягостныхъ разговоровъ съ тюремщиками. Тѣмъ выше была заслуга тѣхъ товарищей, которые всегда безъ отказа соглашались на служеніе обществу. Одинъ изъ товарищей С. А. Ивановъ былъ почти безсмѣннымъ старостой (отдыхая 6 мѣсяцевъ въ году). На смѣну ему охотно выходилъ М. Р. Поповъ ¹⁾, хотя начальству очень не нравились эти наши избранники. Должность старосты, какъ болѣе сложная, была особенно тягостна потому, что наши личныя сношенія были стѣснены, отсюда вытекало много лишней работы. Наказы, которые можно было, при нормальныхъ условіяхъ, сдѣлать очень скоро и просто на словахъ, приходилось выстукивать въ дверь, или передавать запиской черезъ вахмистра съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ недомолвками, умолчаніями, иносказаніями; а бумажныя сношенія создавали недоразумѣнія. Такъ полицейская бюрократія, своимъ соприкосновеніемъ, заражала и насъ бюрократизмомъ. Понятно, что на эти должности соглашались неохотно, и у насъ подымался не разъ вопросъ объ ихъ упраздненіи. Однако, эти должности все же облегчали общинѣ дѣловыя сношенія, да и начальство относилось къ выборному съ большимъ вниманіемъ, зная, что община

¹⁾ С. А. Ивановъ и М. Р. Поповъ—оба амнистированы въ 1905 году.

Ред.

единодушно и энергично его поддерживаетъ; поэтому эти должности уцѣлѣли, только служба перестала быть обязательной и обусловливалась согласіемъ избранныхъ.

Г Л А В А III.

Мрачныя тучи, давившія на тюрьму, не разрѣшались освѣжительнымъ дождемъ при появленіи громовержцевъ: совѣмъ наоборотъ. Посѣщеніе властей приносило намъ новое безпокойство. Желая показать посѣтителю тюрьму во всемъ блескѣ ея совершенства, ближайшее начальство дѣйствовало такъ, какъ будто бы стыдилось явиться въ глазахъ высокаго гостя слишкомъ либеральнымъ или боялось оскорбить его взоры тѣми маленькими отступленіями отъ инструкціи, которыя у насъ назывались «льготами». Книги прятались: оставялась только одна, съ наиболѣе невиннымъ заглавіемъ. Столовый приборъ, перочинные ножи (это все явилось у насъ очень не скоро), инструменты для работы въ камерахъ—отбирались. Замѣчательно, что заплатанное, дырявое, истертое рубище, которое мы носили (куртки, штаны, бѣлье) оставалось какъ бы на показъ.

Сановники были очень вѣжливы, за исключеніемъ генерала Шебеко, который кричалъ, правда, въ коридорѣ, такъ что не многіе его поняли, что насъ «слѣдуетъ бить плетьюми»..., да генерала Оржевскаго, державшаго себя вѣжливо, но странно. Одинъ изъ товарищей заявилъ ему, что матовыя стекла разстроили наше зрѣніе и если не будутъ замѣнены прозрачными, то мы ослѣпнемъ. На это Оржевскій объявилъ, что замѣна стеколъ зависитъ вполнѣ отъ его воли, и не замѣнилъ эти матовыя стекла; правда, онъ и не общалъ это сдѣлать. Въ тюрьмѣ тогда находился штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговскій, посаженный туда безъ суда, административно, и положеніе котораго отличалось отъ нашего не въ его пользу, хотя мы были осуждены на каторгу, а онъ оставался все же офицеромъ. Присланъ онъ былъ на 5 лѣтъ, и 5 лѣтъ уже прошло. Лаговскій спросилъ Оржевскаго: «Почему меня не увозятъ?» Оржевскій отвѣтилъ:—«Отсюда не увозятъ, а выносятъ!» Затѣмъ черезъ нѣсколько дней Лаговскому прочитали бумагу изъ департамента полиціи о продолженіи срока его наказанія еще на 5 лѣтъ. Изъ высокопоставленныхъ посѣтителей у насъ бывали аккуратно и ежегодно только начальники корпуса жандармовъ. Директора департамента полиціи Дурново и Зволянскій были по 2 раза; министры Дурново и Горемыкинъ по разу; да еще пріѣзжали изъ деп. полиц. ревизоры или слѣдователи по разнымъ случаямъ для дознанія. Мы же неизмѣнно и почти безуспѣшно заявляли о книгахъ, журналахъ, газетахъ, свиданіяхъ съ товарищами, мастерскихъ, перепискѣ съ родными, и эти льготы, черезъ годъ по чайной ложкѣ, намъ прописывались, при чемъ насъ всегда предупреждали, что льготы даются на время и могутъ быть отмѣнены по усмотрѣнію безъ всякаго повода съ нашей стороны.

Самое явленіе заключеннымъ высшаго начальства совершалось такимъ образомъ: смотритель открывалъ двери; входили 2 жандармскихъ унтеръ-офицера и становились по сторонамъ и бокомъ къ заключенному. Они не спускали съ него глазъ и находились въ совершенной готовности схватить его за горло или за руки при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи. Затѣмъ входили смотритель и комендантъ и становились между посѣтителемъ и узникомъ. Домашнее начальство выдалось съ нами съ тѣми же предосторожностями въ первые годы; потомъ, когда и у насъ наступила эпоха «довѣрія», они входили въ камеру или съ вахмистромъ или съ однимъ дежурнымъ. Для неважныхъ же объясненій просто откидывалась форточка въ двери. Докторъ безъ смотрителя ни къ здоровымъ, ни къ больнымъ не допускался. Одинъ только докторъ Безродновъ настоятельно потребовалъ, чтобы ему не сопутствовали жандармы. Крѣпостной священникъ посѣщалъ насъ сначала также вмѣстѣ съ смотрителемъ; но священникъ скоро прекратилъ свои визиты, такъ какъ мы не понравились другъ другу. Въ первое свое посѣщеніе Юрковского онъ, усмотрѣвъ на столѣ нѣсколько свѣтскихъ книгъ, сталъ ихъ швырять съ пренебреженіемъ: «Зачѣмъ вы читаете это? Читайте біблію: книгъ слишкомъ много, всѣхъ не прочитаешь!» На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Да вѣдь и хлѣба много: всего хлѣба не съѣшь, а безъ хлѣба умрешь!»

Жгучій вопросъ о разрѣшеніи нашихъ сношеній нужно было разрѣшить во что бы то ни стало. Прогулка вдвоемъ насъ не удовлетворяла даже тогда, когда мы сходились не по назначенію, а по своему выбору; она походила скорѣе на бракъ по расчету, на принудительную связь, а не на союзъ по склонности. Монологи и діалоги были пріятны до поры до времени; а жажда болѣе широкаго общенія у тюремнаго обитателя такая естественная потребность, которую не искоренить никакое гоненіе. Долго и напрасно мы просили о прогулкѣ втроемъ. Начальство признало всю силу нашихъ доводовъ, но категорически отказалось подымать этотъ бесполезный вопросъ, считая наше желаніе утопичнымъ; и всѣ дальнѣйшіе переговоры и попытки показали, что департаментъ полиціи въ этомъ пунктѣ, на основаніи неизвѣстныхъ соображеній, не сдѣлаетъ послабленія. Долго такъ мы томились и, наконецъ, обходными путями нашли выходъ. Заборы, раздѣлявшіе клѣтки и огороды, упирались въ крѣпостную стѣну и мѣсто встрѣчи забора со стѣной было забито вертикально поставленной доской. Одинъ изъ товарищей сообразилъ, что такое положеніе доски указываетъ на щель въ этомъ мѣстѣ. Изслѣдованіе подтвердило догадку. Эти доски были оторваны съ помощью заступовъ и кольевъ. Конечно, вышелъ большой переполохъ. Доски опять были прибиты въ наше отсутствіе на мѣсто; но ихъ снова оторвали, и такъ намъ удавалось черезъ щелку въ вершокъ ширины отчасти видѣться и переговариваться съ сосѣдними парами. Но такая игра не стоила

свѣчь: слишкомъ мало было видно и не особенно удобно было говорить. Однако, мы попали на вѣрную дорогу, и мысль продолжала работать въ этомъ же направленіи. Наша тюремная общественная жизнь на каждомъ шагу подтверждала социологическіе взгляды Тарда на исключительное значеніе факторовъ изобрѣтенія и подражанія. Усложненіе нашей общественности обозначалось всегда такъ: является изобрѣтатель, который, впрочемъ, не всегда былъ вожакомъ: изобрѣтателями были часто болѣе пылкіе и даже импульсивные люди, а даровитые являлись подражателями, и это, можетъ быть, зависѣло оттого, что наши изобрѣтенія имѣли чисто практической характеръ. Цѣлесообразное же приспособленіе было дѣломъ наиболѣе даровитыхъ, подхватывавшихъ и разрабатывавшихъ сырую идею изобрѣтателя.

И тутъ не было «безсознательнаго и мимовольнаго подражанія» (Н. К. Михайловскій). Затѣмъ уже наступало повальное подражаніе, въ данномъ случаѣ принявшее форму объединеннаго дѣйствія. Въ другихъ случаяхъ, о которыхъ будетъ сказано, подражаніе принимало характеръ «психического зараженія» (Михайловскій) и объяснялось, можетъ быть, нашей психической разстроенностью. Въ данномъ же случаѣ было такъ: одна и та же мысль заботила всѣхъ. Однажды, Богъ вѣсть по какому наитію, одинъ изъ товарищей бросился изъ огородика въ мастерскую и возвратился оттуда съ коловоротомъ и ножевкой (ручная маленькая пила). Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ своему партнеру, что нужно дѣлать. Одинъ вертѣлъ коловоротомъ сквозныя дырки въ заборѣ, другой пропиливалъ ножевкой доску между дырками. Они выбирали такое время, когда дежурный жандармъ начиналъ прохаживаться, и въ заборѣ очень скоро была продѣлана форточка въ сосѣдній огородъ приблизительно въ 6 вершковъ по обоимъ измѣреніямъ, и сосѣднія пары обмѣнялись рукопожатіемъ. Тогда только набѣжали жандармы во главѣ со смотрителемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ распространилась вѣсть о томъ, что между двумя огородами NN „прорубилъ окно“, и въ ту минуту, когда тамъ происходило разбирательство и препирательство, другіе бѣжали въ мастерскія, и по всей линіи закипѣла работа. Когда стали разводить по камерамъ, такихъ форточекъ оказалось уже нѣсколько. На другой день эти форточки были заколочены; но отломать доски, ихъ закрывавшія, было очень не трудно. Однако, такіе pro и contra продолжались не долго и форточки были завоеваны. Въ каждой тюрьмѣ порядокъ нарушается неизбѣжно, но также неизбѣжно онъ восстанавливается. Но то, что теперь случилось, можно назвать потрясеніемъ основъ тюрьмы: это было завоеваніемъ новаго права. Какъ же объяснить такую уступчивость властей? Комендантъ своею властію не могъ узаконить такой переворотъ. Очевидно, онъ настойчиво ходатайствовалъ за насъ потому, что были на лицо слишкомъ уважительныя причины. Въ тюрьмѣ только что пріостановилась повальная смертность; но ни одинъ пророкъ не могъ бы предсказать, что будетъ далѣе. Чахотка и цынга

перестали косить, но гибель приняла болѣе ужасную форму—форму помѣшательства. Помѣшанные жили съ нами, превращая наше обиталище въ преисподнюю. Глядя на сумасшедшихъ, здоровые видѣли воочию свою страшную судьбу и оцѣнили вполнѣ, какой это коварный даръ: безсрочное пребываніе въ тюрьмѣ взамѣнъ смертной казни. Въ такомъ положеніи добровольная смерть будетъ лучшимъ выходомъ. Какія же мѣры могло принять начальство для возстановленія порядка? Отобрать инструменты? Закрыть мастерскія? Но мы могли бы, по образу и подобию пещерныхъ людей, дѣйствовать и первобытными способами, безъ коловорота и ножовки. Мы стали бы, наконецъ, прыгать другъ къ другу черезъ заборъ. Слѣдовательно, нужно было запереть насъ всѣхъ въ камерахъ и лишить прогулки навсегда, другими словами, уморить; а на это власти не рѣшались и предложили намъ компромиссъ: насъ просили сдѣлать къ форточкамъ подвижныя занавѣски изъ доски, чтобы эти четырехугольныя отверстія не зіяли въ наше отсутствіе, и просили не пользоваться форточками при высокихъ посѣтителяхъ.

Другая сторона нашей дѣятельности, т.-е. наши занятія, развлеченія и увлеченія, тоже складывалась своеобразно. Иначе и быть не могло, такъ какъ наша жизнь протекала при необычайныхъ обстоятельствахъ. Въ этихъ именно случаяхъ очевиднѣе сказалось «безсознательное подраженіе», которое и объясняется отчасти бѣдностью и безсодержательностью существованія, а отчасти нервной разстроенностью. Можетъ быть, случайное обстоятельство или особенное настроеніе натолкнуло изобрѣтателя на его затѣю; но стоило ему сдѣлать первый шагъ или показать примѣръ, какъ начиналось повальное увлеченіе, и такое увлеченіе продолжалось иногда очень долго, а потомъ неожиданно смѣнялось новымъ увлеченіемъ, которому предавались съ не меньшей страстностью.

Посторонній наблюдатель не предсказалъ бы, какой видъ приметъ наше новое увлеченіе; но ему было бы виднѣе со стороны, что этотъ жаръ, съ которымъ предавались люди модному занятію или развлеченію—жаръ напускной, искусственный; что эти люди себя обманываютъ для того, чтобы забыться или чтобы наполнить чѣмъ-нибудь свое существованіе. Рано или поздно охлажденіе къ излюбленному занятію наступало; но при этомъ происходилъ интересный отборъ. Одни отставали безповоротно, другіе же оставались при этихъ занятіяхъ до конца, такъ какъ они отвѣчали ихъ дѣйствительной, а не фиктивной склонности, т.-е. они находили свое любимое занятіе.

Шахматное повѣтріе одолѣло насъ въ самую глухую пору, когда не было порядочныхъ книгъ; мастерскія и огороды только проектировались, а прогулки были коротенькія. До сихъ поръ никто, за исключеніемъ Буцинскаго ¹⁾ и Шебалина, не зналъ этой игры и ни мало не интересовался ею. И вотъ Буцинскій и Шебалинъ объяснили черезъ стѣнку своимъ сосѣдямъ правило игры, а

¹⁾ Умеръ въ Шлиссельбургѣ.

вскорѣ повсюду открылись шахматныя турниры. Трудъ обученія черезъ стѣнку былъ, конечно, нешуточный; но этому не слѣдуетъ удивляться: и самыя маленькія задачи въ тюрьмѣ не легко поддаются разрѣшенію. И можетъ быть, упорная энергія для достиженія какой бы то ни было цѣли оживляла насъ и спасала отъ гибели. М. П. Шебалинъ, математикъ и отличный преподаватель, прочиталъ въ оконную форточку своему сосѣду, рабочему К. Ф. Мартынову, курсъ геометріи, при чемъ онъ, какъ стрижъ, цѣплялся за оконную стѣнку, стоя на крутомъ подоконникѣ, а пальцами изображалъ чертежи. Шахматныя фигуры лѣпили изъ хлѣба, доску чертили на столѣ или на бумагѣ; и по всей тюрьмѣ раздавался стукъ въ такомъ родѣ е 2 на е 4., в 1 на с 3 и т. д. Когда открылись мастерскія, у всѣхъ явились точеныя фигуры и шахматныя доски, а когда стали давать въ переплетъ «Литературное прибавленіе» къ Нивѣ за истекшій годъ, то стали рѣшать задачи и слѣдить за партіями знаменитыхъ игроковъ и выпускали Руководство къ шахматной игрѣ. Затѣмъ, мало-по-малу игра эта потеряла свою привлекательность для большинства. Зато два товарища сдѣлались записными игроками и состязались, вѣроятно, до своего выпуска. Когда я уѣзжалъ, они сыграли уже другъ съ другомъ болѣе 10 тысячъ партій.

Однако, шахматное навожденіе оставляло достаточно простора и для другихъ увлеченій, напр., для увлеченія стихотворствомъ. Первое стихотвореніе, если не ошибаюсь, было опубликовано Юріемъ Богдановичемъ, а затѣмъ каждый день приносилъ новое стихотвореніе и новаго поэта, пока вся тюрьма не превратилась въ Парнасъ, на который, не по своей волѣ, попалъ и авторъ этихъ записокъ, у котораго не оказалось ни малѣйшей способности не только къ поэтическому творчеству, но даже и къ версификаціи. Однажды появилось въ свѣтъ, совершенно для меня неожиданно, стихотвореніе за моей подписью. Оказалось, что мой сосѣдъ Г. А. Лопатинъ писалъ а la Чаттертонъ, поддѣльныя стихотворенія. Больше всего у насъ процвѣтала лирика и, въ этомъ родѣ, по общему признанію, встрѣчалось нѣсколько дѣйствительно поэтическихъ стихотвореній В. Н. Фигнеръ, Н. А. Морозова и П. С. Поливанова ¹⁾. Писали элегіи, думы, пѣсни, посланія, эпиграммы, поэмы и даже большіе романы въ стихахъ. Въ 900-хъ годахъ, когда опять начались притѣсненія, я разбиралъ съ М. Ф. Фроленко его бумаги, предназначенныя имъ къ истребленію. и нашелъ тамъ прекрасное стихотвореніе и по своей музыкальной формѣ, и по силѣ просто и трогательно выраженнаго чувства. Фроленко, по своей феноменальной скромности, не рѣшался его показать товарищамъ. Онъ остался вѣренъ себѣ и въ этомъ случаѣ: дѣлать молча больше другихъ—та-

¹⁾ Богдановичъ умеръ въ Шлиссельбургѣ; Г. А. Лопатинъ и Н. А. Морозовъ амнистированы въ 1905 г., В. Н. Фигнеръ вышла изъ Шлиссельбурга осенью 1904 года, П. С. Поливановъ былъ сосланъ на поселенье въ Сибирь, откуда бѣжалъ и въ 1905 году застрѣлился за границей. *Ред.*

ковымъ онъ былъ всегда: молчалъ и работалъ за десятерыхъ. Стихотворная горячка, однако, тянулась не долго. Публика отъ поэзии перешла къ прозаическому творчеству, и остался только одинъ пѣвецъ, котораго можно назвать нашимъ лауреатомъ, хотя онъ и писалъ въ особомъ родѣ. Г. А. Лопатинъ отзывался ни каждое малое и большое событіе въ нашемъ мірѣ эпиграммой или сатирой, такъ что по его поэтической лѣтописи можно было бы возстановить всю нашу жизнь. Всегда блестящія и остроумныя, его стихотворенія напоминали нѣсколько стиховъ Гейне. Они бывали часто очень злы, и бичъ его сатиры хлесталъ немилосердно и по своимъ и по чужимъ. Наши прозаическія писанія были очень разнообразны. Въ нихъ мы нашли разумное и любимое дѣло, которое отвѣчало настоятельной потребности въ осмысленномъ трудѣ, въ обмѣнѣ мыслями и свободномъ выраженіи убѣжденія. Каждый изъ заключенныхъ задумывалъ вести дневникъ, но это, къ сожалѣнію, было невозможно, такъ какъ насъ тщательно обыскивали приблизительно до 96 года, да и потомъ шарили въ бумагахъ; а изливать свою душу на глазахъ у гонителей мы не хотѣли. Дневники показали бы живую картину трагической жизни, въ которой погибло такъ много персонажей, или, по меньшей мѣрѣ, дали бы фотографическіе снимки съ этой жизни. Настоящія записки есть только блѣдная схема, лишенная яркости, живости и патетизма. Но если каждый изъ освобожденныхъ напишетъ свои записки о тюремѣ, то нашъ коллективный трудъ дастъ, можетъ быть, нѣчто значительное ¹⁾.

Съ самаго начала мы занимались много переводами и для практики, и для того, чтобы познакомить товарищей, не читавшихъ на иностранныхъ языкахъ, съ интересными книгами или статьями. Въ концѣ-концовъ, мы почти всѣ стали читать свободно на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, а нѣкоторые кромѣ того изучали, напр.: Вѣра Николаевна Фигнеръ еще итальянскій; Поливановъ—итальянскій, испанскій и польскій; а Лопатинъ—латинскій и греческій. Очень хорошіе переводы на прекрасный русскій языкъ, съ нѣмецкаго и англійскаго, сдѣланы Вѣрой Николаевной. Она отлично переводила труднѣйшіе остъ-индскіе рассказы Киплинга. Послѣднимъ ея трудомъ въ тюрьмѣ былъ переводъ романа Киплинга «Кимъ». Сочиненіе Маудсли «The Will and Body» было переведено дважды—Похионовымъ и Шебалинымъ, и кромѣ того эта книга была переведена въ сокращенномъ изложеніи. Затѣмъ переведены три тома исторіи Англій Маколея, 1-ый томъ романа Текеря «The vanily fair» и три драматическихъ хроники Шекспира: Генрихъ IV и Генрихъ V. Послѣдніе три автора далѣе не переводились, такъ какъ мы получили полное собраніе ихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Съ французскаго переведена Панкратовымъ книга Тэна «Происхожденіе современной Франціи». Поливановъ перевелъ нѣсколько стихотвореній своего любимаго поэта Аккермана. Затѣмъ переводились инте-

---

¹⁾ Редакція «Былого» горячо присоединяется къ этимъ словамъ глубоковажаемаго Михаила Юльевича.

ресныя статьи изъ журналовъ: Review of Reviews и Times Weekly. Наша оригинальная прозаическая литература была довольно обширна: было написано нѣсколько романовъ. Въ неоконченномъ романѣ Юрковского изображены картинно и увлекательно сцены изъ жизни революціонеровъ; его разсказъ о побѣгѣ изъ Карійской тюрьмы очень интересенъ. Романы изъ фабричнаго міра другого очень наблюдательнаго автора правдиво рисуютъ типы и черты рабочей жизни. Несомнѣнно талантливыми, хотя и очень неплодовитыми беллетристами, по моему мнѣнію, были В. Н. Фигнеръ, Поливановъ (разсказъ «Кажись, кончился») и С. А. Ивановъ. В. Н. Фигнеръ писала прелестныя сказочки и поэтическія воспоминанія изъ своей ранней жизни; С. А. Ивановъ талантливо изображалъ жизнь политическихъ ссыльныхъ въ Западной Сибири и на сѣверѣ Россіи, а бѣство оттуда ссыльнаго и его мытарства, пока бѣглець не нашель успокоенія и пристанище въ нелегальномъ кружкѣ, описаны были съ немалымъ юморомъ. О беллетристикѣ другихъ авторовъ я писать не стану, потому что говорю о томъ, что мнѣ кажется выдающимся и наиболѣе характернымъ. Упомяну только объ остроумныхъ фантазіяхъ Н. А. Морозова, написанныхъ для популяризаціи нѣкоторыхъ естественно-научныхъ положеній. Своимъ остроуміемъ и наглядностью онѣ напоминаютъ нѣсколько тѣ страницы Дюринга, гдѣ онъ говоритъ объ абсолютномъ различіи между понятіями о безконечно большемъ и безконечномъ¹⁾. Кромѣ того писали очень задорные бойкіе памфлеты о представительномъ правленіи, о правахъ меньшинства и большинства, о пропорціональномъ представительствѣ. Писались рефераты, монографіи и трактаты объ общинѣ, капитализмѣ, народничествѣ, о марксизмѣ. Здѣсь состязались главнымъ образомъ Н. П. Стародворскій—на одной сторонѣ и І. Д. Лукашевичъ—на другой. Почти всѣ дѣлали выписки, извлеченія, компіляціи изъ книгъ, а Морозовъ и Лукашевичъ написали обширныя изслѣдованія: первый «о строеніи вещества», а второй создалъ цѣлую систему философіи. Подъ философіей онъ разумѣлъ не теорію самой науки, не теорію познанія, а общій сводъ частныхъ научныхъ обобщеній, т. е. энциклопедію знанія. Введеніемъ въ систему служить ученіе объ абсолютныхъ единицахъ. Затѣмъ слѣдовало изложеніе данныхъ и обобщеній физики, химіи, минералогіи, геологіи, біологіи, психологіи, какъ отдѣла біологіи, соціологіи и послѣдніе выводы. Соціологія и послѣдніе выводы были еще не окончены. Интересны его психологическія воззрѣнія. Рѣшительно отрицающаго психологическій параллелизмъ, онъ говоритъ, однако, о функциональныхъ отношеніяхъ между явленіями сознанія и протяженными. Явленія сознанія онъ называетъ «психической энергіей», которая является въ организованныхъ тѣлахъ, какъ новая форма превращенной физической энергіи, при чемъ, конечно, превращеніе одной формы въ другую совершается на основаніи эквивалентности. Разъясненія и возраженія

¹⁾ Прыжокъ въ бездну при переходѣ отъ понятія количественнаго къ качественному.

на подобныя теоріи Паульсена и Вундта онъ не признаетъ доказательными и считаетъ ихъ метафизиками. Я слушалъ лекціи Лукашевича: онъ блестящій лекторъ съ очень большими знаніями и владѣющій даромъ прекраснаго, яснаго и точнаго изложенія. Его лекціи возбуждали (т.-е. только психологія, теорія познанія и социологія) большія состязанія. Многотомное изслѣдованіе Морозова «О строеніи вещества» не совсѣмъ доступно не специалисту: слишкомъ много тамъ математики. Зная его способность популяризировать самыя запутанныя вопросы, мы, профаны, просили его изложить для насъ свою книгу въ болѣе доступной формѣ, и онъ мастерски справился съ такой нележкой задачей. Судьба его сочиненія такова: онъ просилъ одного изъ высокопоставленныхъ посѣтителей передать на разсмотрѣніе свою книгу проф. Менделѣву. Разрѣшеніе долго не выходило; наконецъ, послѣ неоднократныхъ его заявленій, ему разрѣшили отдать свое сочиненіе на разсмотрѣніе не Менделѣву, а проф. Коновалову. Коноваловъ возвратилъ рукопись съ весьма лестной рецензіей. Онъ признавалъ за авторомъ большую эрудицію, большое остроуміе, но нашелъ, что гипотезы Морозова при настоящемъ состояніи знанія не всегда допускаютъ экспериментальную повѣрку. Послѣ этого Морозовъ просилъ объ отсылкѣ своей книги къ матери для напечатанія, но въ этомъ ему отказали наотрѣзъ.

Журналы, или, лучше сказать, періодически выпускаемые сборники разнообразныхъ статей у насъ не принялись. Въ первомъ сборникѣ «Винигреть» съ иллюстраціями и карикатурами, поставляемыми Лукашевичемъ, участвовало большинство. Ежемѣсячную хронику составлялъ Лопатинъ. Другая, меньшая группа выпускала журналъ «Разсвѣтъ» подѣ редакціей Лаговскаго. «Винигреть» и «Разсвѣтъ» немедленно вступили въ ожесточенную полемику. Опытный и ядовитый полемистъ «Винигрета» слишкомъ допекалъ противниковъ своими сарказмами, а другой сотрудникъ злыми карикатурами. Противная сторона, люди боевые, отвѣчали рѣзкостями. Нѣкоторая часть сотрудниковъ «Винигрета», считая такое положеніе нежелательнымъ, вышла изъ состава редакціи и стала выпускать третій журналъ «Паутинка»—сборникъ безъ полемики. Вскорѣ всѣ три журнала прекратили свое существованіе.

Рядомъ съ занятіемъ поэзіей и писательствомъ многіе увлеклись прирученіемъ птицъ, сначала голубей и воробьевъ, потомъ ласточекъ и даже синичекъ. Это увлеченіе явилось прямо таки съ вѣтру, или со двора. Поливановъ сначала кормилъ птицъ на дворѣ; потомъ надумалъ заманить ихъ черезъ форточку въ камеру и это удалось, но голуби были довѣрчивѣе воробьевъ. Въ камерахъ, выше дверей, были двѣ отдушины, которыя почему-то назывались вентиляторами; тамъ голуби и стали плодиться. Родоначальникомъ обширной стаи былъ общій любимецъ «Жарь», который вскорѣ послѣ отъѣзда Поливанова умеръ въ глубокой старости. Глядя на Поливанова, стали подражать и другіе; но скоро это стало невыно-

симо: во всѣ открытыя форточки налетали незванные голуби и располагались въ камерахъ какъ дома; пришлось поставить передъ форточкой сѣтку. Такъ и окончилась эта затѣя, только Поливановъ разводилъ голубей до своего отъѣзда, да еще одинъ товарищъ подбиралъ выброшенныхъ бурей изъ гнѣзда молодыхъ ласточекъ и выкармливалъ ихъ насѣкомыми до осенняго отлета.

Любовь къ цвѣтамъ была какая-то неровная, порывистая: то исчезала, то являлась. Глазъ, утомленный мрачнымъ фономъ нашей жизни, на которомъ мелькали сѣрыя шинели да синіе мундиры, отдыхалъ въ яркихъ и душистыхъ цвѣтникахъ. Цвѣтники были у всѣхъ. Тамъ были розы, душистый горошекъ, ландышъ, сирень, воздушный жасминъ, незабудки и многія однолѣтнія и многолѣтнія растенія. Полюбилась намъ никтеринія, а такъ какъ она благоухаетъ по вечерамъ, то мы сажали ее въ горшки и брали вечеромъ съ собою въ камеру. Настоящими же цвѣтоводами были С. А. Ивановъ и особенно І. Д. Лукашевичъ. У С. А. Иванова клумбы были всегда красивы: когда одни цвѣты отцвѣтали, другіе распускались—фіалки, превосходный левкой, душистая вербена, красивая цинія и пышный ароматный піонъ; а потомъ флоксъ многолѣтній, роскошныя астры, дельфиніумъ, шпажникъ и барская спесь. Лукашевичъ превратилъ весь свой огородъ въ цвѣтникъ. Онъ разводилъ луковичныя и оранжерейныя растенія, для чего устроилъ двѣ теплички. Кромѣ гіацинтовъ, лакъ-фіола, нарцисовъ, лалій, тюльпановъ, ирисовъ у него бывали: бегонія, азалеа, китайская роза, глоксинія, пеларгоніумъ и много рѣдкихъ цвѣтовъ. Цвѣтовъ было такъ много у насъ, что въ наши праздники вся клѣтка, гдѣ гуляли В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ была украшена вѣнками, гирляндами и букетами, а ихъ камеры утопали въ цвѣтахъ. Оригинальная пестрая цвѣточная грядка была у Поливанова; онъ посѣялъ густо одинъ только махровый макъ. Въ каждомъ огородѣ и клѣткѣ были бесѣдки, по которымъ вились хмѣль, или въюнокъ, или ипомеа.

Огородное дѣло не только укрѣпилось, но и постоянно совершенствовалось отчасти потому, что у насъ были опытные руководители: бывшій петровецъ М. Ф. Фроленко и М. Р. Поповъ, которые огородничали съ великимъ увлеченіемъ отчасти потому, что огородничество, поставленное на большую ногу, требовало общаго труда, а также потому, что приносило намъ видимую пользу, улучшая наше питаніе и внося въ него такую зелень, которая была нужна для страдавшихъ цынгою. Когда у насъ завелись парники, еще зимою начиналась подготовительная работа въ мастерскихъ: дѣлались вновь или ремонтировались подрамники и рамы, щиты для закрыванія парниковъ, вязались соломенные маты. Осенью занимались посадкой молодыхъ ягодныхъ кустовъ и выкорчевываніемъ старыхъ, посадкой фруктовыхъ деревьевъ, для чего рыли глубокія

ямы. Земля съ грядокъ сбрасывалась въ одну кучу и просѣивалась, для чего мы сдѣлали нѣсколько грохотовъ. На мѣстѣ бывшей грядки копали глубокія, иногда аршина въ $1\frac{1}{2}$, ямы до подпочвы и выносили на носилкахъ камни и плитнякъ; затѣмъ переносили изъ парниковъ перегной и смѣшивали его съ огородной землей. Въ началѣ весны таскали на носилкахъ навозъ въ парники и въ ямы для будущихъ грядокъ. Отъ такой работы упаришься, и по возвращеніи въ камеру приходилось мѣнять рубашку, у когo былъ второй экземпляръ; а у кого не было, тотъ надѣвалъ вмѣсто мокрой рубашки лѣтнюю холщевую куртку. Когда у насъ явилось много парниковъ, то приходилось помогать огороднику снимать рамы и накрывать парники, а также поливать. Огороды давали намъ достаточно всякихъ овощей. Брюкву и кольраби мы пекли или варили и ѣли съ постнымъ масломъ. Рѣдьку, лукъ, салатъ ѣли все лѣто. Луку, чесноку, огурцовъ хватало до новаго года въ урожайные годы. Огурцы солили. Рѣдьку ѣли зимою въ тертомъ видѣ съ постнымъ масломъ. Лукъ-поррей фаршировался въ осенній нашъ праздникъ. Цвѣтную капусту получалъ каждый раза 4 въ лѣто. Свеклу мариновали. Зеленый укропъ сушили на солнцѣ и сохраняли въ видѣ порошка. Въ удачные годы парники давали много помидоровъ, такъ что раза 2—3 въ недѣлю одинъ товарищъ по очереди варилъ въ кухнѣ при мастерскихъ изъ помидоръ съ постнымъ масломъ и стручковымъ перцемъ соусъ. Этотъ соусъ примѣшивался къ шамъ и кашамъ. Выращивали еще немного картофеля и кочанной капусты. С. А. Ивановъ и М. Р. Поповъ выращивали еще 2—3 дыни и 2—3 тыквы. С. А. Ивановъ пробовалъ разводить японскіе огурцы, жидовскую вишню, алданскій (якутскій) виноградъ, шампиньоны и кукурузу. Онъ и Фроленко кормили всю братію отличной клубникой (Лакстонъ, Кохъ). Малины, смородины было очень много, крыжовнику мало. Яблони долго ничего не давали. Потомъ уже въ лучшіе годы вѣтеръ обивалъ цвѣтъ и сбивалъ плоды; вырѣвала иногда боровинка настолько, что можно было ѣсть; антоновка, апортъ и др. не дозрѣвали, и мы ѣли ихъ въ печеномъ видѣ, или въ пирогахъ.

Послѣ смерти Грачевскаго ¹⁾ керосиновыя лампы, освѣщавшія камеры, вставлялись въ кольцо, на нихъ накладывалось нѣчто въ родѣ намордника, который вахмистръ затворялъ замкомъ; на лампы были наложены оковы. На стекло лампы мы надѣвали легкій таганчикъ изъ жести, на который можно было поставить эмалированную кружку и даже небольшой эмалированный чайникъ. Такъ мы варили варенье изъ клюквы и дѣлали конфеты изъ молока съ сахаромъ. При полковникѣ Гангартѣ купили три небольшія керосиновыя печи въ сапожную, столярную и переплетную мастерскія для варенья клея, приготовленья клейстера и т. д. Эти керосинки не возбранялось уносить, когда это было нужно, въ камеры. Мы по-

¹⁾ Грачевскій покончилъ съ собою въ Шлиссельбургѣ посредствомъ самосожженія, облившись для этого керосиномъ.

дѣлали себѣ жестяныя сковородки, формочки и духовыя печи. Нашъ духовой шкафъ видомъ и размѣрами былъ похожъ на гарнецъ. Такой шкафъ ставился на керосинку, въ него вкладывалась формочка, наполненная тѣстомъ на взбитыхъ бѣлкахъ и желткахъ съ сахаромъ. Все это покрывалось крышкой, и въ $\frac{1}{4}$ часа маленький тортикъ былъ готовъ. Нѣсколько такихъ тортиковъ, поставленныхъ одинъ на другой, переложенныхъ клюквеннымъ вареньемъ посылали имениннику. Именинникъ, получившій со всѣхъ сторонъ такія подношенія, дѣлилъ ихъ и разсылалъ, такъ что и въ пиршествѣ принимали равное участіе всѣ. Такъ зародилось пирожное и кондитерское искусство; но оно получило широкое развитіе въ послѣдствіи, когда для насъ открыта была кухня съ плитою и настоящимъ духовымъ шкафомъ при мастерскихъ въ старой тюрьмѣ. Варенье изъ своихъ ягодъ варили на плитѣ въ эмалированной посудѣ. Въ духовомъ шкафу выпекались разнообразныя большіе торты, пирожныя, пряники, пироги, сдобныя и простыя булки, калачи, баранки, а на Пасху куличи. Въ масленицу пеклись блины. Настоящими кондитерами и булочниками были С. А. Ивановъ и П. Л. Антоновъ. Необходимый для тортовъ матеріалъ получался такъ: мука для тортовъ часто замѣнялась толчеными сухарями изъ бѣлаго хлѣба; молоко оставалось отъ обѣда; масло давали къ кашѣ и селедкѣ и его можно было накопить, а пара сырыхъ яицъ выдавалась, по желанію, взаменъ ужина. Корицу, гвоздику, миндаль, какао, ваниль можно было получить вмѣсто чаю.

Г Л А В А IV.

Цвѣты, птицы, шахматы, торты, огороды въ сущности намъ не были нужны. Намъ нужна была свобода; мы боролись за поправное челоѣческое достоинство, за разумную жизнь, за естественныя права. Конечно, огороды были полезны намъ; но они были не менѣе полезны нашему начальству. Начальство дѣлало изъ нихъ эффектную смотровую выставку. Вельможамъ, посѣщавшимъ тюрьму, показывали наши цвѣтники, парники, столярныя издѣлія, музей, когда онъ былъ устроенъ. Посѣтители любовались и благодарили коменданта. Намъ хотѣли изолировать, чтобы молодая Россія забыла наши имена; хотѣли нашего безшумнаго удаленія со сцены; но мы удалялись изъ жизни и удалялись со скандальной быстротой и оглаской. Эти люди, читавшіе вѣчно въ сердцахъ, не знали вовсе психологіи заключеннаго. Сначала они хотѣли насъ сломить; но насъ можно было убить, а не согнуть. Тогда они задумали довести насъ до покорности и смиренія ласкою, т.-е. задумали купить нашу душу за двугривенный; самъ дьяволъ цѣнилъ челоѣческую душу несравненно дорожѣ: онъ платилъ за нее всемогуществомъ. Когда уже рѣшено было реформировать тюремныя порядки, лучшій и разумный комендантъ говорилъ, что «дѣлать намъ облегченія нужно съ большой осторожностью потому, что если намъ протянуть па-

лецъ, то мы сядемъ на шею!» Тутъ какъ бы сказывалась общая тенденція нашей внутренней политики: одной рукой насаждать, а другой искоренять. И дѣйствительно, каждый новый комендантъ считалъ своимъ долгомъ выдумывать какое-нибудь новое стѣсненіе. Даже въ либеральныя времена насъ лишили $\frac{1}{2}$ кубической сажени воздуха въ камерахъ: углы камеры, прилежащіе къ двери, заложили такъ, что четырехугольная маленькая камера стала шестиугольной. При объясненіяхъ съ комендантомъ оказалось, что это сдѣлано для нашей пользы: «Видите ли въ чемъ дѣло? Когда вы заходите въ эти углы, дежурные теряютъ васъ изъ вида, а потому беспокоятся, нервничаютъ и васъ же раздражаютъ!» Затѣмъ наши ватерклозеты для того, чтобы дежурные не нервничали, вынесли чуть ли не на середину камеры, такъ что куда не пойдешь, ватерклозетъ оказывался на носу. Такъ какъ большихъ облегченій намъ сдѣлать не хотѣли или не могли, то принята была поистинѣ адская система: давали льготу, потомъ начинались стѣсненія, отмѣнявшія эту льготу а затѣмъ она же намъ даровалась послѣ какого-нибудь высокочественнаго дня, какъ новая льгота. Такимъ образомъ, единая льгота размножалась, какъ неразмѣнный рубль; а намъ приходилось испытывать муки тантала и раздраженіе, доходившее до бѣшенства. «Видите ли, объяснялъ одинъ смотритель, мы хотимъ довести нашу систему до идеальнаго совершенства!» Слѣдовательно, они такъ дѣйствовали не случайно, а по расчету. Затѣмъ давая льготы, начальство не предусмотрѣло тѣхъ послѣдствій, которыя необходимо вытекали изъ нихъ. Эти послѣдствія были тѣсно связаны съ самими льготами, а для начальства они являлись, повидимому, неожиданнымъ сюрпризомъ, который приходилось признать или не признать.

Непризнаніе лишало льготу всякаго смысла и значенія, превращая ее въ звукъ пустой; слѣдовательно, признаніе всѣхъ послѣдствій льготы было неизбѣжно. Начальство же томительно его оттягивало, какъ бы дразнило насъ, наводило на мысли о томъ, что насъ обманываютъ, надъ нами издѣваются, что насъ хотятъ извести мелочами. А при этомъ насъ увѣряли, что льготы страшно усложняются трудъ наблюденія и всю службу надзирателей, что они сбились съ ногъ, что приходится ходатайствовать объ увеличеніи состава надзирателей—все это было неосновательно потому, что теперь составъ надзирателей оставался тотъ же, а насъ стало вдвое менѣе, слѣдовательно, служба жандармовъ стала легче. Немного ниже я покажу, по сколько человѣкъ стражи приходилось на каждого изъ насъ; теперь же сдѣлаю нѣкоторыя объясненія къ предыдущему. Намъ разрѣшили пользоваться въ камерахъ 3-мя керосинками для варки клея и клейстера, потому что ажурныя работы производились въ камерахъ и тамъ же склеивались. Керосинки также допускались въ переплетныхъ и другихъ мастерскихъ, находившихся въ жилой тюрьмѣ, гдѣ не было кухни. Изъ этого вышло кондитерское и пирожное производство—осложненіе, на которое не рассчитывало начальство. Въ старой тюрьмѣ было 10 камеръ и

кухня съ плитою. Клей разогрѣвался въ кухнѣ. Одну камеру занималъ унтеръ-офицеръ, завѣдующій мастерскими, другая была слишкомъ сыра, и мы изъ нея сдѣлали кладовую для овощей на зиму и для нашихъ солений, варений и т. д. Изъ 8 мастерскихъ, двѣ камеры, № 1 и № 10, выходили на дворъ съ парниками и цвѣтниками, и туда чаще заглядывало солнце, поэтому мы отвели эти мастерскія для В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ. Въ остальныхъ 6-ти мастерскихъ, обращенныхъ въ другую сторону, гдѣ солнца никогда не бывало (окна выходили на дворъ при тюремѣ Іоанна Антоновича), было 5 столярныхъ и одна токарня. Такъ какъ столяровъ было больше, чѣмъ столяренъ, то приходилось въ старой тюрьмѣ на одну столярню по 2 хозяина. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ себѣ верстакъ. Камеры были очень малы и тамъ трудно было повернуться. Изъ этого выходило, что много необходимыхъ для работы предметовъ пришлось держать внѣ камеры, не говоря уже о томъ, что лѣсъ для работы можно было сложить только въ коридорѣ передъ мастерскими. Тамъ же помѣщалось и точило для точенія топоровъ, рѣзцовъ, стамесокъ и пр. Кругляки для токарной работы тоже невозможно было держать въ рабочей камерѣ, а козлы для большой пилы стояли внѣ тюрьмы на дворѣ. Какъ только начиналась работа (отъ 10 до 3-хъ час.), дежурному поминутно приходилось отворять камеры: одному нужно было выбрать себѣ доску и отпилить кусокъ ея; другому выбрать круглякъ и распилить его на части на козлахъ; третьему нуженъ былъ клей или тиски для склеиванія досокъ (тиски лежали около кухни); четвертому нужно было наточить топоръ или другой инструментъ, и т. д. И такъ этотъ круговоротъ совершался непрерывно въ течение 5 часовъ. Такой порядокъ дѣйствительно былъ неудобенъ для жандармовъ, и кончилось тѣмъ, что насъ перестали запираеть въ мастерскихъ, предоставивъ каждому выходить куда ему нужно по дѣламъ. И установился такой порядокъ: офицера и дежурные наблюдали только затѣмъ, чтобы не находилось одновременно болѣе 2-хъ человекъ въ коридорѣ, 2-хъ въ кухнѣ и 2-хъ на дворѣ, да еще чтобы наши дамы не встрѣчались съ нами ни на коридорѣ, ни на дворѣ, ни въ кухнѣ. Зато въ мастерскихъ у дамъ была всегда открыта форточка и около нея, по приглашенію В. Н. Фигнеръ и Л. А. Волкенштейнъ стояли 2 человекъ, занимаемая бесѣдою, чаепитіемъ, чтеніемъ. А въ 1895 г. перестали запираеть и самую тюрьму, гдѣ были мастерскія, и установилось болѣе широкое общеніе: въ коридорѣ, кухнѣ и мастерскихъ собирались безъ счета и только при посѣщеніи коменданта насъ просили разойтись по камерамъ. При этомъ и дежурнымъ стало несравненно легче; они перестали себя изводить ненужнымъ надзоромъ. Какъ несостоятельны были увѣренія властей, что льготы увеличиваютъ трудъ надзора, видно изъ слѣдующаго расчета, не говоря уже о логической нелѣпости такого утвержденія, потому что льгота есть освобожденіе отъ надзора. За нами надзирало: комендантъ, два его старшихъ помощника (одинъ изъ нихъ смотритель), младшій помощникъ или завѣдующій мастерскими и кухней, начальникъ

строевой команды и его помощникъ. Итого, 2 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицера, 30 унтеръ-офицеровъ съ вахмистромъ и завѣдующимъ кухней, строевая команда въ 75 рядовыхъ при нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ и 30 человекъ нестроевыхъ. Итого, 105 рядовыхъ, т.-е. на каждого изъ насъ приходилось по 5 рядовыхъ, по 1½ унтеръ-офицера и 1 офицеръ на 3-заклученныхъ. Такой надзоръ обходился государству 80,000 руб. въ годъ; такъ что въ 1904 году, когда въ крѣпости оставалось 12 человекъ, содержаніе каждого стоило по 6666 рублей въ годъ. При этомъ, конечно, на заключенныхъ собственно выходило очень немного. Когда насъ было 20 человекъ, то наше довольствіе стоило 1656 руб.; чай 212 руб.; на мастерскія около 200 руб.; потомъ стали давать на книги 140 руб. и по 10 руб. на рождество и пасху на всю тюрьму. Итого, 2228 р. на всю братію. Отопленія на нашу долю приходилось немного: всегда было холодно. Освѣщенія слишкомъ много потому, что не позволяли тушить лампы ночью ¹⁾; одежда, бѣлье и обувь стоили весьма недорого.

Изъ сказаннаго о льготахъ, данныхъ начальствомъ, и о расширеніи ихъ нашими личными силами не слѣдуетъ заключать объ устойчивости этихъ облегченій. По моему мнѣнію, въ послѣднемъ счетѣ все тутъ зависѣло въ вѣяніи, которыя существовали въ высшихъ россійскихъ сферахъ. И намъ казалось, что по отношенію къ намъ и нашимъ дѣламъ ближайшаго начальства мы могли составить представленіе, конечно, довольно туманное, о существовавшихъ настроеніяхъ правительства. Въ зависимости отъ этихъ настроеній и вѣяній успѣхи развитія нашего общенія въ тюрьмѣ походили на шестіе правовѣрнаго мусульманина въ Мекку: въ болѣе счастливыя времена мы дѣлали 2 шага впередъ и шагъ назадъ, въ менѣе счастливыя времена 2 шага назадъ и шагъ впередъ.

Послѣ опубликованія коронаціоннаго манифеста насъ посѣтилъ министръ Горемыкинъ. Это было важнымъ для насъ событіемъ по своимъ послѣдствіямъ. До этого времени шлиссельбургскихъ заключенныхъ обходили не только всѣ манифесты, но на нихъ не распространялись и общія льготныя постановленія для каторжанъ уголовныхъ и политическихъ. Годъ нашего каторжнаго пребыванія состоялъ полностью изъ 12 мѣсяцевъ; раздѣленія на разряды испытуемыхъ и исправляющихся не существовало: всѣ были испытуемымы; перевода въ вольныя команды не полагалось. Насъ неоднократно оповѣщали, что шлиссельбургская тюрьма особая тюрьма, что она внѣ закона, что безсрочные останутся въ заключеніи до смерти, а срочные по окончаніи срока, день въ день, будутъ высланы на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста. Мы просили министра о дозволеніи получать русскіе и иностранныя журналы и газеты, о перепискѣ съ родными и о разрѣшеніи получать отъ род-

¹⁾ Потомъ у насъ было электрическое освѣщеніе. и лампочки можно было тушить.

ныхъ книги и деньги, и свиданія съ товарищами въ камерахъ, о прогулкѣ втроемъ, о замѣнѣ трехъ верхнихъ досокъ въ заборахъ, что вокругъ нашихъ огородовъ, деревянными рѣшетками, чтобы на дѣлѣ было возможно огородничество и садоводство и чтобы видѣться съ сосѣдями хоть черезъ рѣшетку, и объ увозѣ душевно-больныхъ въ психіатрическія лечебницы. Наши просьбы были уважены отчасти: было разрѣшено обмѣниваться письмами съ родными (мать отецъ, братъ, сестра, мужъ, жена, сынъ, дочь) два раза въ годъ но съ подчиненіемъ переписки тюремной и департаментской цензурѣ, съ обязательствомъ ничего не писать о тюрьмѣ и тюремныхъ порядкахъ. Денегъ, книгъ или какихъ-нибудь посылокъ отъ родныхъ получать не разрѣшалось, на книги и журналы дано было, кажется, 140 или 130 руб. въ годъ. Русскія газеты не допускались къ выпискѣ, иностранныя же даже за текущій годъ были дозволены, Русскіе журналы можно было получать только за прошлый годъ, иностранные за текущій. Свиданія втроемъ воспрещались. Рѣшетки въ огородахъ были сдѣланы, и, наконецъ, постепенно стали переводить больныхъ въ психіатрическія лечебницы. Еще раньше изъ департамента прислали старую «Ниву» за 83, 84, 85 и, кажется, за 86 г-г. Желаніе знать о томъ, что дѣлается въ Россіи, что переживаетъ теперь родина было такъ велико, что мы дорожили всякой печатной бумагой. Мы дорожили каждымъ замараннымъ клочкомъ газеты, занесеннымъ вѣтромъ на нашъ дворъ. Жандармы давали намъ въ переплетъ свои книги, и мы ихъ подвергали тщательному изслѣдованію въ надеждѣ встрѣтить тамъ, если не прямое указаніе на событія, то хоть какую-нибудь опору для заключенія о событіяхъ. Но всѣ наши поиски были напрасны: не таковы были эти книги, а мы занимались этимъ безнадежнымъ дѣломъ съ упорствомъ маниака. Слово «новости» для насъ имѣло очень большое значеніе. Это было первое слово, которымъ мы обмѣнивались утромъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

За неимѣніемъ лучшаго, мы жадно подхватывали и передавали далѣе наши домашнія новости. Отсюда видно, какимъ событіемъ для нашей личной и общей жизни было полученіе журналовъ даже за прошлый годъ. Деньги были ассигнованы, и мы выписали «Русское Богатство», Миръ Божій», Review of Reviews, Times Weekly, Revue des Revues. Съ какимъ мучительнымъ и радостнымъ чувствомъ мы переживали послѣдніе дни, послѣдніе часы ожиданія! Для чтенія русскихъ журналовъ мы раздѣлились на двѣ равныя группы. Книжка давалась на четыре дня, и къ ней прилагался маршрутъ, по которому слѣдовали отъ одного къ другому книжки въ группѣ. По прочтеніи 12-го № послѣднимъ, происходилъ обмѣнъ журналовъ между группами. Потомъ, чтобы дать возможность каждому поскорѣе познакомиться съособенно интересными отдѣлами журнала этотъ порядокъ былъ реформированъ: книги выдавались не на 4 дня, а иногда на день, или на 2, а потомъ каждая книжка съ тою же послѣдовательностію выдавалась второй разъ еще на 2 дня. Потомъ мы выписали «Научное Обозрѣніе» и «Хозяинъ». Иностранные жур-

налы читались безъ срока, но не задерживались Иллюстрированный журналъ Стэда *Rewiew of Reviews* намъ нравился потому, что за 7 шиллинговъ давалъ много интереснаго матеріала, конечно, въ сокращенномъ изложеніи, изъ англійскихъ, американскихъ, австралійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ журналовъ. Кромѣ передовыхъ статей съ обзоромъ событій за мѣсяць въ каждомъ № помѣщалась біографія какой-нибудь знаменитости, напримѣръ: Гладстона, Гавелока (другъ и ученикъ Роберта Оуэна, интервью по поводу 100-лѣтней годовщины его жизни) Бернса, Рескина, Викторіи, Макъ-Кинлея и т. д. и, въ концѣ книги романъ какого-нибудь знаменитаго автора въ сокращенной передачѣ. Въ *Times Weekly* помѣщались всѣ передовыя и важнѣйшія статьи за недѣлю изъ ежедневнаго *Times'a* парламентскія засѣданія и пр. Одинъ годъ, по недоразумѣнію, мы получили *The Idler*, иллюстрированное ежемѣсячное изданіе, оказавшееся сборникомъ разсказовъ, гдѣ самыми интересными являлись похождения сыщика Шерлока Гольмса, Конанъ Дойля, и французскую націоналистическую газету *Echo de Paris*—мы были наказаны за то, что польстились на дешевку. Морозовъ выписывалъ для себя журналъ Крукса *The Chemical News*.

Наконецъ, дружнымъ натискомъ на коменданта Обухова мы добились разрѣшенія получать «Сынъ Отечества» Шеллера за текущій годъ и дешевую газету Молчанова «Петербургъ». «Сынъ Отечества» получали менѣе года, а «Петербургъ», кажется, два года. Но это завоеваніе принесло намъ много огорченія. «Сынъ Отечества» выдавался очень неаккуратно: одни №№ задерживались, другіе попадали къ намъ съ вырѣзками. Въ этомъ же году «Сынъ Отечества» прекратилъ свое существованіе. Начальство этимъ поспѣшило воспользоваться и другой газеты выписать не позволило. Люди каются въ дурныхъ дѣлахъ, наши опекуны каялись въ добромъ дѣлѣ: газеты были запрещены и запрещены «для нашего блага»: «Всѣ газеты слишкомъ волнуютъ!» Департаментъ безповоротно запретилъ газеты. А вскорѣ изъяли съ тою же благодѣтельною цѣлью «Хозяина» и «Книжныя Извѣстія» Вольфа. Я думаю, что издатель Книжныхъ Извѣстій будетъ очень изумленъ, узнавши, что есть такіе люди, которыхъ волнуютъ его каталоги.

Полковникъ Гангартъ давалъ намъ «Русскую Мысль», «Историческій Вѣстникъ» за прошлый годъ и «Ниву» съ приложеніями за текущій годъ. Слѣдующій комендантъ давалъ только «Вѣстникъ Иностранной Литературы». Всѣ покупаемые журналы отъ тюремнаго начальства мы возвращали въ переплетахъ или сброшюрованными и, хотя намъ предлагали за это плату, но мы отъ нея отказались, такъ что переплетной работы у насъ было очень много, и потому она стала обязательной. Каждый долженъ былъ въ годъ переплестъ 12 средней величины книгъ или сброшюровать 24 книги. Одна большая книга, напримѣръ, «Нива», считалась за двѣ. За выпиской журналовъ и газетъ, на книги оставалось около 50 рублей

въ годъ; да еще М. Н. Тригони ¹⁾ отдалъ на книги уцѣлѣвшіе какимъ-то чудомъ и высланные ему департаментомъ 100 рублей, отобранные при арестѣ. Нашъ докторъ Н. С. Безродновъ, который, къ сожалѣнію, пробылъ у насъ не долго, оказалъ намъ большую услугу: онъ сталъ намъ доставлять изъ Музея при соляномъ городкѣ коллекціи, новыя книги и новыя журналы: «Русское Богатство», «Миръ Божій», «Вѣстникъ Европы», «Жизнь», «Новое Слово», *Revue de deux Mondes*. Въ уплату за разсмотрѣніе коллекцій мы переплетали музейскія книги и журналы и отправляли въ Музей свои коллекціи, очень изящныя работы по органографіи на стеклянныхъ пластинкахъ (В. Н. Фигнеръ, М. В. Новорусскій, І. Д. Лукашевичъ, В. Г. Ивановъ), гербаріи и исполняли по заказу другія работы для школь, на примѣръ: вычерчивали и раскрашивали въ увеличенномъ масштабѣ таблицы и діаграммы изъ иностранныхъ статистическихъ временниковъ. Вторые экземпляры всего этого оставались для нашего Музея. Кромѣ этого мы получили отъ своего начальства два большіихъ заказа; сдѣлать ограду изъ точеныхъ колонокъ къ памятнику павшихъ на штурмѣ Шлиссельбурга воиновъ и парты со школьными досками для школы, которая открылась въ крѣпости для жандармскихъ дѣтей. Деньги за эти работы пошли на покупку книгъ. Такимъ образомъ, до 1904 г. у насъ составила порядочная библіотека въ 2000 съ лишнимъ томовъ. Если исключить оттуда совѣмъ негодныя и ненужныя книги прежней библіотеки, затѣмъ обширный отдѣлъ изящной словесности, все же остается нѣсколько сотъ хорошихъ книгъ.

Мы жадно глотали книги, особенно журналы, читая и днемъ и ночью. Нѣкоторые поглощали по 300 страницъ въ день и нельзя сказать, что такое чтеніе было бесполезно. Мы очень отстали отъ текущей жизни; въ журналистикѣ мы встрѣчали новыя имена, «новыя слова», новыя мысли, новую постановку вопроса, новыя формулы и сначала должны были узнать эти незнакомыя явленія лично, не довѣряя пересказу товарищей; поэтому нужно было читать все сплошь, сначала «начерно», чтобы охватить сразу всю картину, а потомъ уже остановиться на деталяхъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, т.-е. читали «на-чисто», вторично все замѣчательное. Всѣ мы были трудолюбивы. Въ первое время, когда не было порядочныхъ книгъ и когда насъ охватила филологическая и огородная горячка, одинъ заключенный переписалъ для себя словарь Александрова, а другой Руководство Ботаники. Но такое трудолюбіе, можетъ быть, объясняется пустотой и безсодержательностью тюремной жизни. Но трудоспособность иныхъ товарищей удивительнѣе потому, что вмѣстѣ съ нею проявлялась благотворная, цѣлебная сила труда. С. А. Ивановъ и Н. А. Морозовъ, видимо, таяли и умирали на нашихъ глазахъ, но никогда не валялись на кровати, а переносили страданія на ногахъ и въ трудахъ, выхаживались. На примѣръ, С. А. Ивановъ: у него кровотеченіе, онъ еле дышетъ, а бѣ-

¹⁾ Послѣ двадцатилѣтняго заключенія былъ сосланъ на Сахалинъ.

жить не выславшись въ огородъ и тамъ копаетъ, таскаетъ носилки, дѣлаетъ нелегкую, но привычную ему работу, оттуда несется въ столярную, рубить, стругаетъ; затѣмъ спѣшитъ на кухню, варить, маринуетъ или печетъ пирожки, которые посылаетъ къ обѣду товарищамъ. Послѣ обѣда онъ ужъ въ сапожной шьетъ башмаки для В. Н. Фигнеръ или Л. А. Волкенштейнъ. На вечерней прогулкѣ слушаетъ лекцію или принимаетъ живѣйшее участіе въ дебатахъ. А если среди этого водоворота интересующихъ его занятій, кто-нибудь изъ товарищей призоветъ его на помощь, онъ бросаетъ свое дѣло и съ тѣмъ же увлеченіемъ помогаетъ. При всемъ этомъ несетъ общественную службу старосты или бібліотекаря и находить время читать и дѣлать обширныя выписки, компіляціи и писать оригинальные и прекрасныя рассказы. Такъ забывалъ въ трудахъ онъ о себѣ и о своихъ недугахъ и недуги тоже его забывали. Совершенно то же слѣдуетъ сказать о М. Ф. Фроленко, прибывшемъ къ намъ изъ Алексѣевского равелина еле живымъ: его могло спасти только чудо и этимъ чудомъ являлся неустанный трудъ. Фроленко принадлежалъ къ симпатичнѣйшему типу вѣчнаго искателя правды, забывшаго о себѣ и на кострѣ. Рѣчи этого человѣка, искавшаго чистую и свѣтлую правду, имѣя всегда передъ собою одну кривду, были очень трогательны. Тоже Н. А. Морозовъ до того былъ поглощенъ своими идеями и научными трудами, что ему некогда было думать о своей болѣзни, и это его спасло. А между тѣмъ въ тюрьмѣ легко развивается мнительность и склонность давать слишкомъ много мѣста самонаблюденію.

Рѣшетки были сдѣланы и огороды стали освѣщаться лучше: но намъ нужны были свиданія. 1-й, самый обширный огородъ имѣлъ съ одной стороны общій заборъ съ V и VI клѣтками, и въ этомъ мѣстѣ могли видѣться три пары; но такъ какъ заборы были очень высоки, то для свиданія черезъ рѣшетку нужно было сдѣлать платформы со ступеньками. Закипѣла дружная работа, и не успѣло начальство опомниться, какъ вездѣ возникли крытыя бесѣдки и открылись свиданія. Начальство, повидимому, искало приличнаго предлога, чтобы уступить, а приличный предлогъ былъ подъ рукою: намъ нужно было гдѣ-нибудь укрываться отъ постоянного лѣтняго дождя. При 1-мъ огородѣ, гдѣ сходились три пары, при чемъ въ V клѣткѣ обыкновенно бывали дамы, открылись аудиторія, клубъ и собирались митинги. Тамъ Лукашевичъ читалъ нѣсколько лѣтъ свои лекціи, тамъ демонстрировались чужія и свои коллекціи, читались рефераты, происходило общее чтеніе нѣкоторыхъ журнальныхъ статей и книгъ, велись дебаты по нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ, которые волновали Россію; тамъ происходило общее пиришествво въ наши праздники: одни уходили, другіе приходили на ихъ мѣсто, такъ что всѣ успѣвали принять участіе въ общемъ веселіи, или высказать свое мнѣніе на митингѣ. Тутъ велись пренія съ книгами въ рукахъ. Эти пренія протекали чисто по-русски: плохо выслушивали другъ друга, говорили вмѣстѣ,

разъясняли вопросъ не по существу, прибѣгали къ утонченному схоластическому толкованію мелочей, вносили слишкомъ много жару и нетерпимости въ возраженія. Зато возраженія и замѣчанія на лекціи и рефераты подавались съ парламентской правильностью. Горячность въ преніяхъ нужно скорѣе отнести къ нашей болѣзненной раздражительности, чѣмъ къ теоретическому разногласію, а въ практическихъ дѣлахъ мы всегда были единодушны. Вспомните, какъ наши великіе дѣды расходились на многія недѣли изъ-за феноменологіи Гегеля (см. Былое и Думы), или изъ-за различнаго постиженія таинственнаго процесса «преобразования и проступленія духа»! И тогда станетъ понятно, что различное пониманіе даже несущественныхъ вопросовъ можетъ послужить поводомъ для ссоры обитателей за рѣшеткой. Наша практика насъ мирила и соединяла; наши же ссоры, пожалуй, служили показателемъ, что со стороны внѣшняго на насъ давленія было благополучно. Мы ссорились и умѣли мириться; но по мѣрѣ того, какъ нашъ кружокъ рѣдѣлъ, мы сходились тѣснѣе и дружнѣе и, когда насъ осталось 13, всякія ссоры отошли въ область преданій. Замѣчательно, что въ первыя свиданія черезъ рѣшетку мы не соразмѣряли силу голоса съ разстояніемъ, раздѣлявшимъ пары: мы кричали словно переговаривались черезъ рѣку, а между тѣмъ тюрьма обострила нашъ слухъ. Потомъ это мало-по-малу прошло.

При содѣйствіи Н. С. Безроднова мы приобрѣли недорогой микроскопъ и подъ руководствомъ Лукашевича дѣлали несложныя наблюденія, а Морозовъ устроилъ небольшую химическую лабораторію, гдѣ и читалъ лекціи по химіи.

Всѣ наши льготы, въ сущности, состояли въ позволеніи снимать пѣнки со снятаго и разбавленнаго молока, такъ, напр.: намъ разрѣшили съѣдать только одну часть своего хлѣбнаго пайка, а за другую долю покупать сласти, молоко, масло, муку, изюмъ, кофе, какао и т. д. Я бралъ ежедневно $\frac{1}{4}$ фунта чернаго хлѣба, так. обр. у меня въ мѣсяць составлялась экономія отъ 1 р. 50 до 1 р. 55 к. Не могу сказать, кто подалъ сигналъ къ новому почти всеобщему увлеченію: мы занялись винокурениемъ. Наши рабочіе, искусные мастера сдѣлали изъ жести нѣсколько кубковъ съ змѣевиками. Сахарный сиропъ съ изюмомъ въ суповой чашкѣ ставился около калорифера. Когда броженіе достигало извѣстной силы, забродившая жидкость сливалась въ кубъ; кубъ замазывался по швамъ и ставился на керосинку; а змѣвикъ укладывался въ умывальную раковину подъ кранъ, изъ котораго пускалась вода, охлаждавшая спиртовые пары. Зимой охлаждали снѣгомъ, который таскали со двора въ наволочкѣ. Затѣмъ перегоняли вторично черезъ толченый уголь, и получалась крѣпкая и чистая водка, но обходилась страшно дорого. Изъ водки дѣлали ликеры, подбавляя ягоднаго сока. Замѣчательно, что дежурные видѣли все это и молчали. Такое потворство было непостижимо. Во время броженія и перегонки около камеры носился тяжелый кабацкій духъ, а они и вида не

подавали. Кромѣ того, готовая водка хранилась въ камерѣ, и въ наше отсутствіе они ее видѣли. Комендантъ о винокурении ничего не зналъ; смотритель же Федоровъ молчалъ до поры до времени, чтобы подсадить коменданта. Потомъ, съ цѣлью ссадить коменданта, онъ написалъ доносъ, не сообразивши, что онъ доносить и на себя. Приѣхалъ ревизоръ. Насъ успѣли предупредить, и все было спрятано: ревизоръ нашелъ только шлемъ къ кубу. Смотритель былъ уволенъ, а насъ просили ликвидировать винокурение, а чтобы не было соблазну, запретили покупать изюмъ.

Одинъ изъ товарищей курилъ капустные листы; а въ цвѣтникахъ между другими цвѣтами попадались никоціана. Таково было, повидимому, начало нашихъ табачныхъ плантацій. Кому-то пришло въ голову выписать табачныя сѣмена и руководство къ разведенію и приготовленію табака. По нашей написанной хартіи списокъ книгъ, которыя мы желали купить, подвергался строгой, многостепенной цензурѣ; выписка же огородныхъ и цвѣточныхъ сѣмянъ была свободна отъ цензуры. Так. обр., мы получили и посѣяли Гаванну, Огайо, Гунди Виргинскій, выносливый сортъ и Амерсфортъ, т.-е. голландскую махорку. Въ первый разъ урожай вышелъ хорошій, особенно Виргинскаго и махорки. Гаванна не удалась, но и Виргинскій приходилось для куренья смѣшивать съ махоркой. На 2-й годъ лѣто удалось сухое и солнечное. Сборъ былъ большой и приготовленіе табака было удачнѣе. Табачныя грядки очень украшали огороды и начальство любовалось ими, ничего не подозревая. Дежурные недоумѣвали, когда мы складывали въ камерахъ листы въ папуши, заворачивая кучу простынею и халатомъ, разбирали и сортировали папушу, а потомъ, нанизавъ листы на шпагатъ, развѣшивали въ мастерскихъ и огородахъ для просушки. Староста добылъ кремни, мастера сдѣлали стальныя кресала, а трутъ каждый дѣлалъ изъ старыхъ портянокъ. Наши загадочныя манипуляціи стали понятны, когда мы закурили свои папиросы и сигаретки. Унтера пришли въ восхищеніе отъ огненной махорки, а старшее начальство дивилось нашей изобрѣтательности. Кажется, на третій годъ д-ръ Безродновъ сталъ убѣждать насъ бросить куренье доморощеннаго табаку, признавая его вреднымъ и отравляющимъ воздухъ, особенно во время броженія въ папушахъ, и общалъ хлопотать о снабженіи насъ настоящимъ табакомъ въ виду того, что въ тюрьмѣ цынга никогда не прекращалась. Дѣйствительно, послѣдовало разрѣшеніе и была ассигнована небольшая сумма, и каждый курящій могъ получать 1 фунтъ табаку въ 1 руб., папиросную бумагу и нѣсколько коробокъ спичекъ. Тогда мы ликвидировали разведеніе табаку.

Въ ноябрѣ 1896 года комендантъ прочиталъ бумагу тѣмъ, до кого это касалось, о примѣненіи къ нимъ коронаціоннаго манифе-

ста. Срочнымъ сбавляли отъ 1 до 3-хъ лѣтъ, и они отправлялись на поселеніе, Л. А. Волкенштейнъ и Манучаровъ на Сахалинъ, Шибалинъ и Мартыновъ—въ Вилюйскъ; Суровцевъ и Яновичъ—въ Средне-Колымскъ. Пѣндратову былъ сокращенъ срокъ, но онъ долженъ былъ сидѣть до 1898 года. Три безсрочныхъ—Поливановъ, Стародворскій и я, переводились въ 20-тилѣтній разрядъ. Остальныхъ манифестъ не коснулся.

Г Л А В А V.

Дорогіе товарищи уѣхали; наша жизнь стала еще бѣднѣе, и мы углубились въ книги. Наступила пора спеціализаціи по разнымъ научнымъ областямъ. Въ этомъ періодѣ процвѣтали лекціи. Кромѣ правильныхъ курсовъ Лукашевича и чтеній Морозова были и случайныя лекціи. Одинъ товарищъ, по желанію В. Н. Фигнеръ, которое для него, какъ и для многихъ другихъ, было закономъ—иначе онъ бы не дерзнулъ выступать лекторомъ,—читалъ или, скорѣе, передавалъ своими словами превосходное сочиненіе Рилы: «Теорія науки и метафизики», которое у насъ имѣлось въ невозможномъ переводѣ, изобиловавшемъ дикими терминами: напр., «Затреба», «Помѣта», «Видозводъ», «Винословныя отношенія», «Мань» и т. д. Соціологіей интересовались всѣ. Наиболѣе популярными авторами были: Гиддинсъ, Арнольди, Штамлеръ; Энгельсъ и Каутскій имѣли у насъ своихъ сторонниковъ. Вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ и мы заинтересовались философіей, или собственно теоріей познанія. Популярными авторами были: Риль, Авенаріусъ, Гефдингъ, Махъ, Оствальдтъ. Читали съ большимъ вниманіемъ книги и статьи—Михайловскаго, Чернова, Струве, Бельтова, Ильина, Туганъ-Барановскаго, С. Булгакова, Бердяева. Беллетристы: Короленко, Чеховъ, Горькій, Вересаевъ имѣли для насъ особенное значеніе. Кто-то сказалъ, что писатель—это пророкъ новаго времени. Намъ нуженъ былъ пророкъ обличитель, указующій выходъ изъ безплодной, безводной, безмолвной пустыни. Струя свѣжей поэзіи, если и не напоила новое. То же, по-моему, слѣдуетъ сказать о публицистикѣ послѣдняго времени. Книги, которыя мы выписывали, подвергались необъяснимой цензурѣ, словно рукою цензора водила прихоть. Комендантъ намъ объяснилъ: «Я знаю, что васъ не испортитъ никакая книга (читай: «горбатаго могила исправить»); но департаментъ руководится своими соображеніями..» Департаментъ же позволялъ къ чтенію 2-й и 3-й т. т. «Капитала», а «Свободу торговли» Янжула запрещалъ, сочиненія Достоевскаго находилъ опасными для нервно-разстроенныхъ заключенныхъ, а несравненно болѣе опасное пребываніе между нами помѣшанныхъ игнорировалъ, пока они не стали разбивать головы жандармамъ.

Въ это время мы стали разводять кроликовъ. Они слишкомъ плодились и портили огороды и кустарники, поэтому было рѣшено

распродать ихъ, но покупателей не находилось, а сами ѣсть свои выводки мы не хотѣли, и пришлось раздать ихъ жандармамъ.

Всякій разъ, когда подобныя увлеченія проходили, мы спрашивали себя, какое же новое увлеченіе явится на смѣну. Кто-то въ данномъ случаѣ предложилъ премію за предсказаніе, и предсказателя не нашлось, а черезъ нѣсколько дней въ одной клѣткѣ явились пѣтухъ съ курицею и возникло куроводство. Увлеченіе было такъ серьезно, что построили въ двухъ клѣткахъ по избушкѣ для куръ. Куроводство намъ приносило существенную пользу; мы ѣли цыплятъ и свѣжія яйца. Куроводство было запрещено во время погрома, о которомъ будетъ сказано.

Въ 1898 г. вывезли В. С. Панкратова въ Вилюйскъ; въ 1901 г. М. Н. Тригопи, отбывшаго полностью свои 20 лѣтъ, отправили на Сахалинъ; а въ 1902 г. Поливанова въ Степной край. Намъ осталось 12 чел. старыхъ и 1 вновь прибывшій: П. В. Карповичъ. Съ 1887 г. до 1901 г. къ намъ не прибывало новыхъ товарищей. О прибытіи и трагической смерти Софьи Гинсбургъ мы ничего не подозрѣвали. Много времени спустя одинъ жандармъ рассказывалъ, что она провела въ старой тюрьмѣ нѣсколько дней, что по ея заявленію ей дали швейную работу, иголки, ножницы. Ночью она вскрыла себѣ артерію, и утромъ дежурные нашли ее мертвой. Карповичъ прибылъ въ іюнь, когда у насъ цвѣли розы, и мы привѣтствовали его цвѣтами и дарами, т.-е. послали ему все то, чего онъ не могъ получить отъ жандармовъ, а долженъ былъ заводить постепенно: полотенце, платки, гребенку, зеркало, стулъ, кофейникъ, варенье, кофе, масло, яйца, торты, бумагу, карандашъ, перочинный ножъ. Познакомились съ нимъ въ тотъ же день. Пере-стукиваться съ нимъ было невозможно: онъ не зналъ нашей системы, да и потомъ не научился; но мы прямо подходили къ двери его камеры и разговаривали съ нимъ минутой-другую. Онъ принесъ намъ добрыя вѣсти о пробужденіи Россіи. Первыми его словами были: «Гг.! черезъ 3—4 года въ Россіи будетъ революція и падутъ русскія Бастиліи!» Для гулянья ему назначили крайнюю 1-ю клѣтку, которая отдѣлялась отъ сосѣдней 2-й клѣтки заборомъ безъ рѣшетокъ. Разговаривали съ нимъ около двери, ведущей въ его 1-ю клѣтку.

Можно сказать, что въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ у насъ издавалась свободная политическая газета, давшая обстоятельный отчетъ о недавнихъ событіяхъ. Карповичъ, одаренный удивительной памятью, передавалъ программы партій, резолюціи съѣздовъ, воспроизводилъ содержаніе нелегальныхъ изданій и знакомилъ съ интересными литературными произведеніями, напр., съ романомъ Степняка «Андрей Кожуховъ», въ сокращенномъ изложеніи. Мы, съ своей стороны, знакомили его съ нашей жизнью и порядками, и съ нашей прошлой дѣятельностью.

Начальство стало стѣснять наши сношенія съ нимъ, тогда одинъ изъ товарищей прыгнулъ къ Карповичу черезъ заборъ. На другой день, когда мы собрались на дворъ у парниковъ, Карповичъ тѣмъ

же путемъ отдалъ намъ визитъ. Комендантъ вступилъ въ переговоры. Мы потребовали, чтобы Карповичу дали свиданія. Комендантъ клялся, что это внѣ его власти. Разговоры у дверей продолжались. Черезъ 3 мѣсяца Карповичъ потребовалъ, чтобы ему дали работу подъ руководствомъ товарища въ столярной. Мы поддержали его требованія. Начальство увѣряло, что раньше года на это рассчитывать невозможно. Карповичъ сталъ голодать, а мы перестали выходить на прогулку и работу. Карповичъ голодалъ 9 дней: Въ тюрьмѣ ежедневно происходили бурныя объясненія съ начальствомъ, которыя при нашей раздражительности могли ежеминутно завершиться рукопашной. Изъ Петербурга прїѣхалъ докторъ для дипломатическихъ переговоровъ. Карповичу объявили, что ему разрѣшатъ работу въ мастерскихъ въ скоромъ времени, если онъ перестанетъ голодать. Онъ не шелъ ни на какіе компромиссы и объявилъ, что до сихъ поръ онъ пилъ воду, а теперь для ускоренія развязки не будетъ пить. Такъ прошло еще два дня. На 11-ый день ему объявили, что его желаніе будетъ исполнено немедленно. Въ непродолжительномъ времени его стали сводить съ нами на прогулкѣ. Первыя встрѣчи съ нимъ лицомъ къ лицу въ нашемъ клубѣ были замѣчательнымъ моментомъ въ тюремной жизни. Онъ насъ словно омолодилъ, заразилъ насъ своей бодростью, энергіей, неистощимою веселостью и твердой увѣренностью. Около него одинъ товарищъ смѣнялъ другого и тамъ не умолкали шумные разговоры, оживленныя рѣчи, общіе возгласы.

У насъ было присвоено каждому какое-нибудь прозвище. Зашла рѣчь, какъ окрестить Карповича? Кто-то предложилъ назвать его: «Счастье ревушаго станалъ» (см. рассказъ Бретъ-Гарта за такимъ же заглавіемъ). Это было очень удачное, но длинное названіе, и его называли «Веніаминомъ». Карповичъ очень даровитый человѣкъ: руки у него поистинѣ золотыя. Менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ сталъ прекраснымъ столяромъ, хорошимъ переплетчикомъ, шилъ товарищамъ башмаки, сталъ слесаремъ и кузнецомъ, огородникомъ, цвѣтоводомъ и прекраснымъ рисовальщикомъ. Онъ срисовалъ съ небольшихъ рисунковъ, взятыхъ изъ Всеобщей Энциклопедіи ¹⁾ и изъ учебниковъ, 25 или болѣе ботаническихъ таблицъ большого размѣра, изящно отдѣлавъ ихъ красками. По случаю моего отъѣзда, онъ взялъ 2 или 3 урока у В. Н. Фигнеръ и связалъ мнѣ плотную шерстяную фуфайку. Не научился онъ только перестукиваться.

Оданъ мыслитель говоритъ, что опасно все то, что случается неожиданно или приходитъ съ неизвѣстной стороны. Сущность нашего заключенія состояла въ томъ, что мы были оглушены, ослѣплены и разъединены для того, чтобы парализовать самооборону, чтобы соединиться. Понятно, что невѣдомая опасность есть глав-

¹⁾ У насъ не хватало денегъ на покупку Энциклопедіи. Н. В. отдалъ возвращенныя ему 60 руб. и тогда Энциклопедія была выписана.

ная стихія тюремной жизни, и обитатели тюрьмы всякую минуту пребываютъ какъ бы на вулканѣ.

Мы воображали, что наши вольности укоренились въ то время, когда надвигалась гроза, которая унесла ихъ. Сначала отобрали старую тюрьму съ кухнею, которая для насъ была такъ необходима. Это было равносильно упраздненію 8 мастерскихъ. Мастерскія предложили перенести въ общую тюрьму, но это было неисполнимо, даже если бъ тамъ и нашлось достаточно мѣста, такъ какъ шумная работа въ жилой тюрьмѣ раздражала больныхъ и мѣшала здоровымъ отдыхать и заниматься. Старую тюрьму на нашихъ глазахъ передѣляли для помѣщенія тамъ новыхъ заключенныхъ. Двѣ камеры № 2 и № 6 были спѣшно отдѣланы и ежедневно отоплялись; отсюда мы справедливо заключили, что надняхъ привезутъ новыхъ плѣнниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы лишились и большого двора, при старой тюрьмѣ. Такимъ образомъ, упразднилось наше парниковое хозяйство, цвѣтники, теплички; пропадали для насъ ягодные кусты и 15 или 20 яблонь и грушъ, которая только что стали приносить плоды. Мы лишились ледника устроеннаго нами на этомъ дворѣ, и потеряли возможность пользоваться круглой пилой, потому что некуда было перенести длинный сарай для этой пилы. Кузницу пришлось перенести въ одинъ изъ огородовъ. Затѣмъ стали стѣснять переписку съ родными. Запрещено было писать о своихъ занятіяхъ и о своемъ здоровьѣ, такъ что оставалось писать только о погодѣ, и, наконецъ, намъ объявили, что получение журналовъ русскихъ и иностранныхъ запрещено, и перестали выдавать для переплета жандармскую Ниву и единственную русскую газету, которую мы получали: «Хозяинъ». Запретили даже Книжныя Извѣстія Вольфа и календарь Гатцука. Все это указывало на какія-то важныя событія въ Россіи. Въ этотъ моментъ къ намъ въ огородъ занесло вѣтромъ отрывокъ газеты, въ которомъ сообщалось о смерти Сипягина. Мы насторожились. Изъ крайней камеры № 4-ой въ верхнемъ этажѣ видна была та часть крѣпостнаго двора, гдѣ расположены офицерскіе флигеля, канцелярія, домъ коменданта и крѣпостныя ворота. Въ нашу и старую тюрьму съ жандармскаго двора проходили черезъ караульный домъ, который стоялъ шагахъ въ 15 противъ общей тюрьмы. Въ ворота около караульнаго дома проносили только нашихъ покойниковъ, да провозили дрова, песокъ, навозъ и громоздкіе предметы. Однажды въ сумерки квартирантъ № 4-го замѣтилъ на крѣпостномъ дворѣ особенное движеніе. Пронесли въ канцелярію тюфякъ и подушку. Потомъ комендантъ, офицеры и вооруженная команда прошли черезъ крѣпостныя ворота на пристань. Скоро оттуда возвратилась толпа; остановилась на минуту около канцеляріи и разошлась по домамъ. П. Л. Антоновъ говорилъ, что видѣлъ въ толпѣ высокаго блондина—больше ничего не было видно, такъ какъ стало темно. Поздно вечеромъ заскрипѣли желѣзныя ворота возлѣ караулки, и солдаты пронесли нѣсколько бревенъ къ старой тюрьмѣ, за которой находился дворъ (у башни Іоанна Антоновича), гдѣ казнили.

А глубокой ночью черезъ дверь караулки прослѣдовала большая толпа къ старой тюрьмѣ. Когда разсвѣло, оттуда прошли назадъ группами: комендантъ съ офицерами, священникъ, за нимъ солдатъ съ сложенной ризой подъ рукой, докторъ, команда; а потомъ уже днемъ обратно пронесли бревна, рабочіе инструменты и пустое ведро, въ которомъ, очевидно, была извѣсть. Эти наблюденія указывали, что тамъ совершилась въ это утро казнь. Впослѣдствіи я узналъ, что тогда казнили Балмашева. Но какъ и когда провели въ старую тюрьму Сазонова (№ 2?) и Качуру (№ 6), мы не замѣтили. И узнали-то, что тамъ есть новички, когда туда стали носить въ судкахъ обѣдъ и ужинъ.

Наконецъ, чтобы завершить поворотъ къ старому порядку, комендантъ Обуховъ и смотритель Гузь учинили, безъ всякаго вызова съ нашей стороны, насиліе надъ больнымъ товарищемъ. Дѣло было такъ: въ нестроевой командѣ, которая убирала коридоры, выметала стружки изъ мастерскихъ, носила обѣдъ и кипятокъ и пр. былъ одинъ очень услужливый, добродушный и словоохотливый солдатикъ. Сообщить намъ что-нибудь интересное онъ не могъ, потому что не интересовался тѣмъ, что для насъ важно. М. Р. Поповъ, возмущенный послѣдними стѣсненіями въ перепискѣ съ родными, склонилъ этого солдатика бросить написанное Поповымъ письмо къ матери въ почтовый ящикъ въ городѣ. Такъ Поповъ думалъ избѣжать жестокій цензуры. Солдатикъ взялся за это дѣло. Адреса нашихъ родныхъ и нашъ почеркъ были извѣстны начальству, и Поповъ изъ предосторожности просилъ солдатика написать адресъ своею рукою. Солдатикъ писать не умѣлъ и обратился за помощію къ своему товарищу, а потомъ бросилъ письмо въ почтовый ящикъ, прибитый у дверей коменданта. Поповъ не подозрѣвалъ существованія такого почтоваго ящика въ крѣпости, а солдатикъ по наивности не догадался, что вся крѣпостная корреспонденція, даже идущая отъ офицеровъ, просматривается комендантомъ. На другой день Обуховъ, разбирая письма къ отправленію въ шлиссельбургскую почтовую контору, замѣтилъ письмо съ адресомъ матери Попова. Къ дознанію былъ привлеченъ надписавшій адресъ на конвертѣ солдатикъ и оговорилъ своего товарища, а тотъ признался. Обуховъ объявилъ Попову, что донесетъ о его поступкѣ. Въ тотъ же вечеръ Обуховъ, Гузь и толпа надзирателей внезапно ворвались въ камеру С. А. Иванова, повалили его, надѣли на него смирительную рубашку и завязали ему ротъ. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ, послышались заглушенные звуки и возня. Въ тюрьмѣ поднялся адскій шумъ; раздались бранныя выраженія, требованія объясненія. На успокоительныя заявленія Обухова и Гузя протестовали оскорбительными словами и требованіемъ открыть камеры и показать намъ С. А. Иванова. Одного товарища отвели къ С. А. Иванову, на которомъ смирительной рубашки уже не было. Насиліе надъ больнымъ въ объясненіи Обухова приняло видъ совершенно вѣроятнаго у насъ наказанія за перестукиваніе съ сосѣдомъ. Такая крутая мѣра никогда и прежде не примѣнялась за стукъ; да и по инструкціи на-

казанія за маловажные поступки назначались въ извѣстной постепенности. Но коменданту нуженъ былъ первый подвернувшійся предлогъ, чтобы открыть новую эру. На другой день В. Н. Фигнеръ потребовала къ себѣ коменданта: тотъ не пошелъ, а послалъ Гузя. Вѣра Николаевна, со словами: «за насиліе отвѣчаю насиліемъ» сорвала съ него оба погона и прокричала намъ объ этомъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа къ ней вошелъ вахмистръ и вѣжливо проговорилъ: «Извините пожалуйста, можетъ быть, я васъ обезпокоилъ? Но смотрите просить, не можете ли вы дать ему черныхъ нитокъ пришить погоны: у насъ есть только бѣлая!..» В. Н. просила насъ, изъ уваженія и любви къ ней не мстить за предстоящее ей наказаніе, не подходить къ ея двери, не разспрашивать ее и, если ее уведутъ, чтобы изолировать, то отнестись къ этому съ возможной сдержанностью. Лучшій, любимый, самоотверженный товарищъ, нравственное вліяніе котораго было такъ спасительно для изнемогающихъ, попалъ въ когти къ злему врагу—это было поражение; а между тѣмъ, имѣя въ рукахъ такую заложницу и не ожидая отпора съ нашей стороны, власти продолжали оципывать наши вольности: намъ объявили, что рѣшетки въ заборахъ будутъ задѣланы досками, и предложили сдать всѣ книги якобы для ревизіи. Моментъ былъ выбранъ удачно: теперь было не до рѣшетокъ, когда въ ихъ власти оставалась такая драгоценная заложница. Мы исполнили желаніе В. Н. и не безпокоили ее, но каждый рѣшилъ, безъ всякаго соглашенія съ другими, отвѣчать на насиліе надъ Вѣрой Николаевной насиліями до конца. Это и было выражено однимъ товарищемъ коменданту. Послѣ такого заявленія докторъ, присланный изъ Петербурга замѣнить Н. Е. Безроднова впредъ до назначенія штатнаго доктора, обратился къ намъ съ успокоительными увѣреніями, что «все окончится благополучно!» Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ департамента полиціи чиновникъ для разслѣдованія, а вскорѣ вышла резолюція: Поповъ за недозволенную переписку, кажется, лишился на двѣ недѣли прогулки; а В. Н., кажется, лишилась переписки съ родными и оставалась, если не ошибаюсь, мѣсяцъ безъ прогулки.

По дѣламъ видно было мастера: такъ возвратилъ насъ Плеве въ первобытное состояніе. Вскорѣ явились къ намъ фонъ-Валь и завершилъ погромъ, отобравъ керосинки, на которыхъ мы варили себѣ кофе. Теперь намъ, какъ Сизифу, приходилось снова подымать скатившійся камень. Изъ всѣхъ льготъ удалось удержать за собой книги, да между 5-мъ и 6-мъ огородами временно была оставлена рѣшетка (6-й огородикъ В. Н.), такъ что тамъ продолжались свиданія съ В. Н. и лекціи. Намъ разрѣшили получать только одинъ ежемѣсячный англійскій естественно научный журналъ The Knowledge. Приблизительно черезъ $\frac{1}{2}$ года послѣ описанныхъ событій, В. Н. получила бумагу о переводѣ ея въ разрядъ 20-ти лѣтнихъ.

Въ этотъ глухой періодъ мы поглотили страшное множество романовъ. Мы купили, кажется, 12 томовъ in folio Dicks Edition;

тамъ за 10 руб. давалось 60 полныхъ романовъ: Теккерея, Диккенса, Смолетта, Фильдинга, Купера, Стерна. Томаса Гуда, Еженя Сю, Дюма отца и сына, наконецъ, Поль-де-Кока. Интересно, что намъ приходилось читать французскихъ авторовъ на англійскомъ языкѣ, а Вальтеръ-Скотта, напр., на французскомъ.

Въ 1904 году, по разнымъ неуловимымъ признакамъ, по отношенію къ нашимъ заявленіямъ, по готовности выслушивать насъ и сравнительной предупредительности, мы убѣдились, что наступили новыя вѣянія. Тогда мы заявили о выискѣ журналовъ русскихъ и иностранныхъ за прошлый годъ. Новый комендантъ, полковникъ Яковлевъ, отвѣтилъ: «что же, времена мѣняются: можетъ быть, и дамъ русскіе журналы; но только впередъ говорю: «обкарнаю!» И дѣйствительно намъ выдали «Русское Богатство» и «Міръ Божій» за 1903 годъ безъ хроники, политики, научнаго отдѣла и безъ библиографіи; не пощадил даже беллетристики: въ повѣсти Вересаева «На поворотѣ» была вырвана середина, а Горькаго совѣзмъ не дали, при чемъ комендантъ пояснилъ: «видите-ли, г.л! Горькаго не любятъ въ департаментѣ!»

Наконецъ, наступилъ день нашего отъѣзда. Мы простились: товарищи радовались нашему освобожденію; отъѣзжающимъ было тяжело и совѣстно покидать ихъ... Я и В. Г. Ивановъ были перевезены въ домъ предварительнаго заключенія, а В. Н. Фигнеръ въ Петропавловку. Первые ночи мы провели безъ сна: насъ мучили галлюцинаціи: едва закроешь глаза, въ полѣ зрѣнія начинали двигаться оживленныя лица покинутыхъ товарищей, слышались ихъ голоса, голоса сливались въ общій шумъ, и шумъ возрасталъ до грохота, подобнаго морскому прибою. Бромистый натрій успокоилъ нервное раздраженіе и прогналъ галлюцинаціи.

Первыя вѣсти, полученныя нами по освобожденію, были очень печальны: мы узнали о гибели многихъ, вышедшихъ раньше изъ крѣпости, товарищей: Яновичъ, Мартыновъ, Поливановъ застрѣлились; Тригоны слѣпнутъ! И я скоро на себѣ замѣтилъ, какъ трудно переживается послѣ долгой неволи такая благодѣтельная перемена, какъ освобожденіе. Сначала я былъ ошеломленъ, испытывалъ боязнь широкаго простора, открытаго мѣста, уличнаго движенія и шума. Я избѣгалъ людей потому, что чувствовалъ себя одичавшимъ, избѣгалъ большого собранія потому, что не потерялъ еще, какъ говоритъ В. Н. Фигнеръ, «вкуса къ одиночеству». Затѣмъ я замѣтилъ, что я не правильно реагирую на воспринятое. Крупныя событія и факты меня не удивляли, а мелкіе оцѣнивались непропорціонально своей маловажности. Это указывало на разстройство координаціи. На меня сразу нахлынула такая масса живыхъ, свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній, что подавленный этимъ мозгъ не могъ правильно ассоціировать, и такая ненормальность проходила очень медленно. Я не знаю, какъ переживаютъ крутую перемену отъ тяжелой неволи къ вольной жизни мои высокоодаренные и надѣленные исключительными силами товарищи. Болѣе совершенная и нервная орга-

низация ихъ отличается и большей устойчивостью; но высокое развитіе и дарованія не спасаютъ человѣка отъ цынги или иныхъ нажитыхъ въ тюрьмѣ болѣзней. Кромѣ того, исключительные люди и занимаютъ въ жизни исключительное положеніе, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Напримѣръ, Г. А. Лопатинъ, блестящій страстный, въ высшей степени общительный человѣкъ, всегда чувствовалъ себя одинокимъ—вѣдь такова грустная привилегія высокаго развитія. Или В. Н. Фигнеръ, душа которой, душа апостола, прикованнаго къ скалѣ, томилась жестоко. Ей недоставало широкой арены, а она, подавляя страданія, забывая себя и болѣя за другихъ, великодушно снимала долю тяжелой ноши съ нихъ и несла ее на себѣ. Энергичная, отважная, самоотверженная, она всегда была впереди; и неудивительно, что въ большихъ и малыхъ дѣлахъ всѣ взоры невольно обращались къ ней, ожидая отъ нея слова, знака или примѣра. Я думаю, что такая интенсивная и щедрая жизнь не оскудѣетъ въ силу своего богатства, своей глубины и полноты.

Заключительныя слова въ дневникѣ коммунара Мейера (кажется), бѣжавшаго изъ Каенны: «во всякомъ случаѣ я вышелъ на волю больше человѣкомъ, меньше моллюскомъ», я могу повторить только съ оговоркой: да! и послѣ 22-лѣтняго плѣна мы остались людьми, но вышли изъ плѣна людьми израненными.

М. Ашенбреннеръ.

„Узница“, — стихотвореніе Я. П. Полонскаго.

Общеизвѣстно прекрасное стихотвореніе Я. П. Полонскаго:

Что мнѣ она! — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!
Спать не даетъ оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душевной тюрьмѣ;
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатая къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...
Что мнѣ она — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея образъ страдальческой
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!»

Существуетъ иная редакція этого стихотворенія, сохранившаяся въ рукописи, написанной рукою самого Я. П. Полонскаго и нынѣ любезно предоставленной въ распоряженіе редакціи «Былого» Л. Ф. Пантелѣевымъ. Рукопись датирована 1877 годомъ. Воспроизводя съ буквальной точностью текстъ стихотворенія по рукописи, отмѣтимъ, что оно значительно отличается отъ только что приведеннаго. Въ послѣднемъ не хватаетъ цѣлой половины, которая подчеркиваетъ радикальное настроеніе поэта. Въ первой же половинѣ, соответствующей печатному тексту, находимъ не мало измѣненій, вызванныхъ требованіями формы.

Что мнѣ она — не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходитъ за мною день и ночь?
Словно зоветъ меня, въ злѣ неповиннаго,

Въ судъ отвѣчать за нее—
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперъ мнѣ какъ будто мерещется
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами,
Мертвая тишь полутьмы.
Изъ полутьмы этой смотрятъ два знойные
Глаза безъ мысли и слезъ,
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелится ни локоть, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижатая къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди.—
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать неужели?
Правда ли,—мнѣ говорятъ,—
Что это дѣвушка, въ счастья не жившая,
Что ей не вѣрятъ и мстятъ,—
Мстятъ ей за бѣдность ея безъ смиренія,
Мстятъ за свободу рѣчей,
Мстятъ ей за страстный порывъ нетерпѣнія,
Мстятъ за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ какъ будто не вѣрится,
Что такъ тяжель приговоръ
Свѣта, въ которомъ кишатъ лицемѣрные
Плуты—развратникъ иль воръ.
Скоро ли будетъ бѣдняжка оправдана
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванѣ вынесутъ
Тѣло ея отвѣдать?
О, что-нибудь! или жизни придавленной
Дайте вздохнуть иль расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть.

1877 г.

Я. П. Полонскій.

Дѣло М. И. Михайлова.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Михаилъ Илларионовичъ Михайловъ, извѣстный въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія русскій писатель, — одинъ изъ тѣхъ, которые, по странной случайности и не безъ вліянія цензуры ¹⁾, почти совершенно незнакомы нашему времени. Бѣдность литературы о немъ поразительна ²⁾; его беллетристическія произведенія теперь уже не читаются, переводы изъ Гейне, Лонгфелло, Гуда и другихъ довольно общезвѣстны, но мы вообще не помнимъ именъ переводчиковъ; наконецъ, публицистическія статьи Михайлова, преимущественно по женскому вопросу, тоже основательно забыты за массою позднѣйшей литературы по этому поводу ³⁾.

Между тѣмъ Михайловъ вполне заслуживаетъ реставраціи его въ нашей памяти еще и потому, что онъ, будучи однимъ изъ первыхъ авторовъ русской прокламаціонной литературы, былъ первымъ политическимъ ссыльнымъ въ царствованіе Александра II, когда, казалось, началась заря новой политической жизни... Въ ней такъ скоро разочаровались...

¹⁾ Она такъ тщательно хранила его имя въ своихъ темныхъ инквизиціонныхъ подвалахъ, что, напримѣръ, въ числѣ мѣстъ, подлежащихъ исключенію въ моей книгѣ—„Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ, напечатанной въ концѣ 1903 года безъ предварительной цензуры и, по постановленію главнаго управленія по дѣламъ печати, перепечатанной въ 1904 г. со многими сокращеніями и измѣненіями,—была такая строка, помѣщенная въ концѣ обзора русской общественной жизни за 1861 годъ (стр. 41): „14 декабря Михайловъ сосланъ въ каторгу“. Всѣ мои доказательства противъ ея исключенія самимъ начальникомъ управленія, сенаторомъ и бывшимъ профессоромъ Звѣревимъ, были отвергнуты.

²⁾ Лучше всего фигура этого выдающагося шестидесятника очерчена въ тѣхъ мѣстахъ воспоминаній Шелгунова, которые были вырваны цензурой изъ павленковскаго изданія его сочиненій въ 1891 году. Только специалисты имѣютъ возможность ознакомиться съ ними по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ экземплярамъ. Затѣмъ надо указать на статью г. Бѣлозерскаго (Порошина)—„отъ Петербурга до Нерчинска“ въ декабрьской книгѣ „Русской мысли“ 1902 г., замѣтку г. Мельшана (Якубовича) въ № 54 „Степного Края“ 1896 г., на выпускъ XXV „Международной библиотекѣ“, №№ 80 и 81 „Голоса“ 1866 г. и на отрывки изъ записокъ самого Михайлова, напечатанные во второмъ приложеніи къ сборнику „Государственныя преступленія въ Россіи“ подъ ред. В. Базилевскаго (г. Богучарскаго). Если сюда прибавить маленькую замѣтку въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Ефрона, то получится, кажется, все.

³⁾ Вотъ главнѣйшія изданія работъ Михайлова. „Пѣсни Гейне въ переводѣ М. И. Михайлова“. Спб., 1858 г.: „Въ провинціи“. Спб. ч. I—1859 г. ч. II—1860 г.; „Собраніе стихотвореній М. Михайлова“, Спб. 1890 г.; „Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе въ семьѣ и обществѣ“, Спб., 1903 г.

Въ моемъ распоряженіи имѣется копія съ дѣла о Михайловѣ, хранящагося въ сенатскомъ архивѣ. Въ немъ заключается все, что можетъ служить матеріаломъ для основательнаго ознакомленія съ самымъ процессомъ Михайлова, въ свое время достаточно шумѣвшимъ.

I.

Въ концѣ 1860 года въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Москвы корнетъ Всеволодъ Дмитриевичъ Костомаровъ, племянникъ извѣстнаго историка, вскорѣ „прославившійся“ нѣсколькими „исторіями“ на почвѣ, до сихъ поръ еще не вполне выясненной близости къ III-му Отдѣленію... Имѣя письмо отъ А. Н. Плещеева, онъ явился къ Михайлову просить содѣйствія въ своихъ литературныхъ работахъ по части самостоятельной и переводной поэзіи. Разговорившись съ Михаиломъ Илларионовичемъ, жившимъ съ супругами Шелгуновыми, онъ настолько разоткровенничался, что показалъ имъ напечатанное на отдѣльныхъ листкахъ свое стихотвореніе, поражавшее нецензурностью и подписанное полною его фамиліей. Знакомство такимъ образомъ завязалось.

Лѣтомъ слѣдующаго, 1861-го года, Л. П. Шелгуновой надо было ѣхать за границу лѣчить параличъ своихъ ногъ; ее сопровождалъ мужъ и Михайловъ. Сначала они прожили въ Наугеймѣ, на водахъ, затѣмъ Шелгуновы поѣхали въ Парижъ, а Михайловъ— въ Лондонъ, къ хорошо знакомымъ Герцену и Огареву, съ которыми онъ видѣлся уже въ первую свою поѣздку, въ 1857 году. Тамъ Михайловъ составилъ, а Герценъ напечаталъ прокламацію „Къ молодому поколѣнію“, которая въ срединѣ іюля и была привезена первымъ въ Петербургъ.

Здѣсь Михайловъ въ теченіе августа нѣсколько разъ видѣлся съ Костомаровымъ, зачѣмъ-то пріѣзжавшимъ изъ Москвы, показалъ ему прокламацію и даже просилъ распространить ее въ Москвѣ, на что получилъ отказъ.

Проходитъ немного времени, и Костомаровъ арестовывается по доносу якобы своего тоже арестованнаго брата...

1-го сентября раннимъ утромъ къ незнавшему объ этомъ Михайлову являются полицеймейстеръ Золотницкій, жандармскій полковникъ Ракѣевъ и квартальный и производятъ обыскъ. Послѣ очень тщательныхъ поисковъ найдено было: портретъ Герцена съ его автографомъ, изданная имъ въ 1854 г. брошюра „27 февраля 1854 г. Народный сходъ въ память переворота 1848 г. St Mar-

tin Halle Long Aige, въ Лондонѣ“ и напечатанныя за границей стихотворенія Пушкина, не вошедшія въ русскія изданія. Михайловъ не растерялся и почти вслѣдъ за удаленіемъ обыскивавшихъ отправился за объясненіемъ въ III Отдѣленіе. Гр. Шуваловъ объяснилъ, что онъ подозрѣвается въ участіи въ дѣлѣ о тайной типографіи московскихъ студентовъ, и что ориентировать его могутъ въ близкомъ будущемъ, но уже не въ III Отдѣленіи, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, куда передано это дѣло. Только на слѣдующій день Михайловъ узналъ объ арестѣ Костомарова.

Вернувшись изъ III отдѣленія, онъ рѣшилъ спѣшить съ распространеніемъ лежавшей на квартирѣ прокламаціи и случайно не найденной при обыскѣ: она лежала на печкѣ, задвинутой кресломъ.

4-го сентября самъ Шуваловъ получилъ одинъ экземпляръ „Къ молодому поколѣнію“. Началась суматоха и розыски. Тутъ какъ разъ попало въ руки перлюстрированное письмо Костомарова къ молодому графу Ростовцеву, сыну извѣстнаго Якова Ивановича, въ которомъ Костомаровъ извѣщалъ, что на него сдѣланъ доносъ его братомъ, и просилъ разыскать адресъ „М. Мих.“ и предупредить его, чтобы принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію „М. П.“ Этого было достаточно, чтобы догадались, что подъ первымъ сокращеніемъ скрывается Михайловъ, а подъ вторымъ— „Къ молодому поколѣнію“.

14-го сентября, ночью, у Михайлова былъ сдѣланъ вторичный обыскъ, который, кромѣ двухъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, Щербачаго и Житкова, производилъ извѣстный тогда сыщикъ Путилинъ, взявшій на помощь еще около десятка жандармовъ и полицейскихъ, «бабу Аграфену», четырехъ сыщиковъ и двухъ понятыхъ. Вотъ какую важность придавали возможности обнаружить автора и распространителя одной изъ первыхъ прокламацій. Но, кромѣ альбома, въ которомъ были автографы Герцена и Огарева, ничего не нашли. Тогда Путилинъ послалъ куда-то записку; прошло съ полчаса общаго ожиданія, прерваннаго явившимся жандармомъ... Михайловъ былъ одѣтъ и увезенъ въ домъ III Отдѣленія, что и нынѣ занять департаментомъ полиціи, на Фонтанкѣ, у Лѣтняго сада.

Въ тотъ же день, когда былъ арестованъ Михайловъ, объ этомъ стало извѣстно въ литературномъ мірѣ и обществѣ: налицо былъ рассказчикъ-очевидецъ, Н. В. Шелгуновъ, комнаты котораго также были подвергнуты внимательному обыску. Впечатленіе этого, тогда очень рѣдкаго, случая были велико. Многіе, не подозрѣвая въ Михайловѣ автора и распространителя прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, искренно удивлялись, нѣкоторые недоумѣвали, но всѣ такъ

или иначе возмущались. Ужъ слишкомъ арестъ не вязался съ атмосферой того времени... По словамъ Шелгунова, дня черезъ два или три у издателя „Русскаго Слова“, гр. Кушелева-Безбородко, собрались почти все петербургскіе литераторы, чтобы обсудить это дѣло, посовѣтоваться и предпринять что-нибудь въ пользу арестованнаго товарища. Было чловѣкъ до ста. Послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ рѣшено было подать петицію министру народнаго просвѣщенія, вѣдавшему цензурой, а, слѣдовательно, болѣе другихъ прикосновенному къ литературѣ, — въ которой просить его принять участіе въ судьбѣ Михайлова, а если въ дѣйствіяхъ его есть что-нибудь несомнѣнно подвергающее его отвѣтственности, то допустить къ слѣдствію депутата отъ литераторовъ. По любопытной для того времени дружности всехъ прогрессивныхъ элементовъ, еще не дифференцировавшихся въ партіи, составленіе петиціи было поручено... отставному жандармскому подполковнику, С. С. Громеку, уже заявившему себя въ широкомъ кругу статьями въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“, а въ болѣе интимномъ — корреспонденціями въ „Колоколѣ“... Представленіе петиціи было поручено депутации изъ гр. Кушелева, Красвскаго и Громскаго.

Путятинъ, разумѣется, не соизволилъ принять депутацію въ полномъ составѣ, допустивъ лишь передъ свои свѣтлыя очи Кушелева. Когда послѣдній заявилъ, что онъ пришелъ отъ сословія литераторовъ не одинъ, то филаретовскій ставленникъ отвѣтилъ, что такого сословія въ Россіи не знаетъ, но петицію принялъ. Разумѣется, она была препровождена въ III Отдѣленіе — и дерзкихъ смѣльчаковъ приказано было посадить на гаупвахту; потомъ государь отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Такимъ образомъ, это, по тогдашнимъ временамъ, смѣлое заступничество за товарища не имѣло никакихъ практическихъ для Михайлова результатовъ ¹⁾.

Ему было предъявлено указанное письмо Костомарова и послѣ нѣкоторыхъ запирательствъ и очной ставки съ Костомаровымъ, на которой послѣдній съ наглостью сказалъ, что, разумѣется, Михайловъ привезъ прокламацію не для того, чтобы оклентъ ею стѣны своего кабинета, — Михайловъ написалъ очень пространное сознаніе.

Привожу его полностью.

¹⁾ Въ виду того, что, по другой версіи, литераторы просили допустить къ слѣдствію дворянина, такъ какъ дворянскомъ сылѣ Михайловъ, я обратился за разъясненіемъ къ М. А. Антоновичу. Уважаемый писатель категорически опровергъ подобныя раскази и заявилъ, что хорошо знаетъ и помнитъ, что дѣло происходило именно такъ, какъ разсказываетъ Шелгуновъ.

„Понятное чувство самосохраненія заставляло меня сначала стараться по возможности отклонить отъ себя хоть часть падавшихъ на меня обвиненій въ привозѣ изъ-за границы и распространеніи здѣсь печатнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“; но видя тяжкое нравственное состояніе г. Всеволода Костомарова, перехваченное письмо котораго выдало меня, видя, какъ его мучить невозможность выгородить меня изъ этого несчастнаго дѣла, я считаю противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину.

„Вотъ какъ было дѣло.

„Весною нынѣшняго года я отправился за границу съ единственною цѣлью—отдохнуть хоть немного отъ постоянныхъ усиленныхъ литературныхъ занятій. Я поѣхалъ съ семействомъ Шелгуновыхъ, съ которыми жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ; но въ Германіи простился съ ними и посѣтилъ уже одинъ сначала Голландію, потомъ Англію. Здѣсь, въ Лондонѣ, я видѣлся довольно часто съ Герценомъ и Огаревымъ, съ которыми давно уже знакомъ ¹⁾.

„Однажды, въ разговорѣ съ ними по поводу цензурныхъ стѣсненій, я выразилъ мысль, что смягченію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ самой Россіи. Разговоръ невольно перешелъ къ возможности печатать за границей изданія, съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Петербургѣ. Тогда Герцень предложилъ мнѣ написать для опыта статью съ этою цѣлью.

„Такъ какъ въ теченіе всей моей почти пятнадцатилѣтней литературной дѣятельности это былъ первый опытъ написать что-либо политическаго содержанія, то опытъ вышелъ крайне неудаченъ, и изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ мною, не осталось и половины въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“,—такъ что я не могъ бы по совѣсти никакъ выставить подъ нимъ своего имени, если бы оно, по содержанію своему, могло быть напечатано въ Россіи явно.

„Листъ „Къ молодому поколѣнію“ тогда же былъ напечатанъ—сколько мнѣ извѣстно, въ очень незначительномъ количествѣ экзем-

---

¹⁾ 31 октября, отвѣчая на вопросъ сенаторовъ — объясните, когда именно вы прибыли въ Лондонъ, долго ли тамъ пробыли, когда приступили къ совѣщанію съ Герценомъ насчетъ сочиненія воззванія „Къ молодому поколѣнію“, когда написали черновой проектъ воззванія, когда получили отпечатанные листы и когда выехали изъ Лондона?—Михайловъ написалъ: „Въ Лондонъ прибылъ въ юнѣ мѣсяцѣ, пробылъ тамъ двѣ недѣли съ небольшимъ. Съ Герценомъ я говорилъ вскорѣ по пріѣздѣ, но разговора этого, такъ какъ онъ не имѣлъ главною цѣлью печатанія сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, совѣщаніемъ я назвать не могу. Черновой проектъ написанъ мною вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, а отпечатанные листы я получилъ накануне отъѣзда“.

пляровъ, но въ какомъ именно — не знаю. Знаю лишь то, что я не могъ и этого количества взять съ собою вполнѣ, какъ потому, что мнѣ нельзя бы было провезти его на себѣ, не возбуждая подозрѣнія въ таможенѣ, такъ — еще болѣе — потому, что мнѣ не было бы возможности распространить его безъ чьей-либо помощи; а я твердо рѣшился не втягивать никого въ это опасное дѣло. Такимъ образомъ, я взялъ съ собою двѣсти пятьдесятъ экземпляровъ.

„Срочныя работы по изданію „Энциклопедическаго словаря“, въ коемъ я участвую какъ одинъ изъ редакторовъ, заставили меня вернуться въ Россію ранѣе, чѣмъ я думалъ, — и изъ Лондона я, почти не останавливаясь, протѣхалъ, чрезъ Парижъ и Штетинъ, въ Петербургъ ¹⁾).

„Тотчасъ же по пріѣздѣ сюда занялся я приготовленіемъ къ распространенію листа „Къ молодому поколѣнію“. не говоря о томъ никому ни слова. Лучшимъ средствомъ, казалось мнѣ, сначала отправить все по городской почтѣ; но такъ какъ я боялся обратить вниманіе необычнымъ количествомъ писемъ и не могъ бы разнести всего самъ, не возбуждая подозрѣнія, то этой мѣрой и рѣшился воспользоваться только въ самой незначительной степени.

„Будучи совершенно одинъ въ домѣ, я могъ очень удобно приготовить все къ сентябрю, какъ было мною рѣшено ²⁾). Небольшую долю экземпляровъ — сколько помню, никакъ не болѣе тридцати пятишести, я разложилъ по одному въ пакеты, и сдѣлалъ адреса наудачу, по адресъ-календарю, измѣняя по возможности свой почеркъ и разнообразя его. Затѣмъ около двухсотъ экземпляровъ разложилъ въ двадцать пакетовъ большого размѣра, — по три, по пяти, по десяти и по пятнадцати на пакетъ (ихъ лишь впоследствии надписалъ

---

¹⁾ 23 октября, на вопросъ сенаторовъ: „въ своей запискѣ Вы упоминаете, что изъ Лондона, гдѣ напечатано было воззваніе, Вы возвратились въ Петербургъ чрезъ Парижъ и Штетинъ. Объясните, на какихъ именно томожняхъ Вы подвергались досмотру, гдѣ Вы скрывали, какъ во время путешествія за границей, такъ и по пріѣздіи въ Россію, тукъ съ 250 экземплярами воззванія, и какимъ образомъ досмотрщики пропустили безпрепятственно означенный тукъ, а также, когда именно Вы возвратились въ Петербургъ? — Михайловъ отвѣчалъ: „По возвращеніи изъ-за границы я былъ осмотрѣнъ на петербургской таможенѣ; за границей я везъ свертокъ съ листомъ „Къ молодому поколѣнію“ просто въ чемоданѣ, а отправляясь изъ Штетина моремъ, надѣлъ на себя тукъ, въ которомъ были зашиты экземпляры, а незначительная часть ихъ была у меня разложена по карманамъ. Замѣтить на мнѣ ничего было нельзя, потому что одѣтъ я былъ съ ловкостью; при томъ же осматривали только мои чемоданы, а меня не осматривали. Возвратился я въ Петербургъ въ среднѣхъ числахъ іюля мѣсяца“.

²⁾ Рѣшено это было еще въ Лондонѣ, потому что Михайловъ не рассчитывалъ вернуться въ Петербургъ раньше конца августа. Поэтому и въ прокламаціи, послѣ заглавія, значилось: „напечатано безъ цензуры въ Петербургѣ, въ сентябрѣ 1861 г.“. Между тѣмъ онъ пріѣхалъ сюда на мѣсяцъ раньше.

я карандашемъ), съ тѣмъ, чтобы разнести ихъ по редакціямъ разныхъ журналовъ и по нѣкоторымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ мнѣ лицамъ, коихъ квартиры я зналъ.

„Мнѣ хотѣлось сначала послать часть въ Москву; но я не зналъ, какъ это сдѣлать, не отправляя по почтѣ. Случайный прїездъ въ Петербургъ г. Костомарова далъ мнѣ мысль, что онъ могъ бы отвезти туда какую-нибудь долю экземпляровъ. Я, вполне полагаясь на его скромность, рѣшился предложить ему это. Онъ, однако, не согласился и ни одного экземпляра отъ меня не взялъ.

„1-го сентября былъ у меня произведенъ полицейскій обыскъ, во время котораго свертокъ съ воззваніемъ лежалъ въ печи въ моемъ кабинетѣ, подъ золой и ненужными рваными бумагами. Такъ какъ воззваніе напечатано на весьма тонкой бумагѣ и было хорошо спрессовано, то спрятать его было не трудно. Къ печкѣ было придвинуто кресло. Послѣ обыска я думалъ было съжечь все и, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, если бъ зналъ, что арестованъ Костомаровъ, единственный человѣкъ, слышавшій отъ меня, что у меня есть экземпляры листа „Къ молодому поколѣнію“.

„На другой же день вечеромъ я отправилъ по городской почтѣ пакеты, ходя большею частью пѣшкомъ, и отдавая по два и по три въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ принимается городская корреспонденція. Это взяло у меня не особенно много времени“.

„Такъ же немного понадобилось мнѣ времени и въ два студующіе вечера для развозки большихъ пакетовъ по разнымъ редакціямъ и другимъ лицамъ. Такъ какъ адреса были у меня для разныхъ частей города, то я соображался съ мѣстностью, чтобы не разѣзжать много. Гдѣ было можно, проходилъ пѣшкомъ; но вообще ѣздилъ на извозчикахъ, всякій разъ ихъ мѣняя. Я громко звонилъ у дверей, клалъ пакетъ рядомъ на полъ (или отпускалъ въ ящикъ для писемъ, гдѣ такіе были) и быстро сходилъ съ лѣстницы. Такъ какъ у меня за раскладкою въ пакеты оставалось экземпляровъ двадцать или нѣсколько болѣе, то я, имѣя ихъ при себѣ въ карманѣ, разбросалъ ихъ по два и по три на лѣстницахъ, уже не звоня. Я бралъ съ собою по десяти пакетовъ въ вечеръ. Чтобы отвлечь подозрѣніе дома, я точно также подкинулъ пакетъ съ нѣсколькими экземплярами у своей квартиры, общей съ квартирою г. Шелгунова“.

Въ провинцію не посылаю я ни одного экземпляра; но по окончаніи распространенія отправилъ послѣдніе четыре экземпляра въ

штемпельныхъ конвертахъ по городской почтѣ къ нѣкоторымъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ ¹⁾).

„Такимъ образомъ, все было кончено мною въ первые четыре дня сентября: такъ именно совѣтовалъ мнѣ сдѣлать Герценъ, и такъ я общалъ ему ²⁾).

«14-го сентября былъ у меня произведенъ новый обыскъ и меня арестовали.

«Вотъ полное и чистосердечное признаніе мое во всемъ, касающемся привоза и распространенія листовъ «Къ молодому поколѣнію». Что сдѣлано въ Лондонѣ съ остальвыми экземплярами, которыхъ я не могъ съ собою взять: уничтожены ли они тамъ, или послѣ меня даны еще кому-нибудь для распространенія, я не знаю.

«Мнѣ остается теперь объяснить побужденія, которыя заставили меня такъ дѣйствовать.

«При распространеніи листовъ «Къ молодому поколѣнію» мною руководила, какъ я уже упоминалъ выше, мысль, что усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно непремѣнно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры. «Такимъ путемъ», думалъ я: «начиналась свобода слова вездѣ; а эта свобода составляетъ теперь всеобщее желаніе. Та горечь, то ожесточеніе, которыя невольно проявляются въ вѣщахъ, печатаемыхъ тайно, которыя проявились и въ листѣ «Къ молодому поколѣнію» (хотя—повторяю—въ большей части независимо отъ меня), становятся уже невозможны, когда допущено свободное гласное обсужденіе вѣсхъ вопросовъ; но пока его нѣтъ, они нужны, какъ болѣе сильное средство». Въ этомъ убѣжденіи я думалъ, что распространеніе листа «Къ молодому поколѣнію», даже и въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, приблизитъ хотя немного возмож-

---

¹⁾ На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ показалъ: „Четыре экземпляра были посланы мною къ слѣдующимъ правительственнымъ лицамъ: начальнику III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, графу Шувалову, и министрамъ: Муравьеву, Валуеву и Путятину. Последнему съ надписью на верку листа: „Плоды цензуры“. — Муравьевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ, Валуевъ—внутреннихъ дѣлъ, и Путятинъ—народнаго просвѣщенія.

²⁾ На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ пояснилъ такъ это мѣсто своей записки: „Я употребилъ неточное выраженіе: „общая“. Дѣло было просто въ разговорѣ, а не въ договорѣ, какъ, повидимому, истолковываются мои слова. Не въ первые четыре дня сентября рассчитывалъ я распространить листы „Къ молодому поколѣнію“, а вообще въ началѣ сентября, такъ какъ только къ этому времени думалъ прибыть въ Петербургъ. Кто именно поправлялъ написанный мною проектъ сочиненія „Къ молодому поколѣнію“, я не знаю, ибо поправокъ и дополненій въ рукописи не видалъ; свою же рукопись я отдалъ Герцену, а напечатанные листы получалъ изъ типографіи, отъ одного изъ находящихся при ней лицъ, фамиліи котораго не знаю“.

ность говорить въ печати съ большею свободою, чего, какъ писатель, я не могу не желать пламенно.

«Не скрою, что выйти изъ сферы моей обычной скромной дѣятельности заставила меня горькая боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силою и опасенія, что эти случаи могутъ долго еще повторяться въ будущемъ. Невозможность прочнаго примиренія враждебныхъ партій и интересовъ безъ печатной гласности поддерживаешь во мнѣ и теперь эти печальныя опасенія. Они тѣмъ сильнѣе, что въ нихъ участвуетъ не одна моя мысль, но и самое сердце. Покойный отецъ мой происходилъ изъ крѣпостного состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село, гдѣ онъ родился, было въ началѣ нынѣшняго столѣтія подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разказы о нихъ пугали меня еще въ дѣтствѣ. Гроза прошла не даромъ и надъ моими родными. Дѣдъ мой былъ тоже жертвою несправедливости: онъ умеръ, не вынеся позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія не истребляются изъ сердца.

«Я высказалъ все.

«Глубоко чувствуя всю свою виновность, вполнѣ сознавая преступность моего образа дѣйствій передъ лицомъ закона, я не могу ни надѣяться, ни ждать отъ него пощады, или даже смягченія заслуженнаго мною наказанія. Но милосердію Государя не поставлено предѣловъ, взывать къ нему не воспрещено и законѣлымъ преступникамъ. Ему ввѣряю я свою участь, съ твердымъ упованіемъ, что, какое бы тяжкое наказаніе ни постигло меня, незлобивое и кроткое сердце Государя не допуститъ, чтобы тѣнь моихъ поступковъ отразилась на счастіи и спокойствіи неучастнаго къ нимъ семейства, съ которымъ я жилъ подъ одною кровлей¹⁾.

Отставной губернской секретарь Михайлъ Михайловъ».

Въ извлеченіяхъ изъ записокъ Михайлова, напечатанныхъ, какъ уже указывалось, въ приложеніи къ изданію г. Богучарскаго, приведены, по позднѣйшимъ воспоминаніямъ самого Михайлова, тѣ его

¹⁾ На допросѣ 31 октября, на вопросъ сенаторовъ, что это за семейство и не получало ли оно отъ Михайлова содержанія и пропитанія, онъ отвѣчалъ: „Семейство, о которомъ я говорилъ, состоитъ со мною только въ отношеніяхъ хозяина квартиры къ постояльцу, хотя я пользовался отъ него очень дорогимъ для меня вниманіемъ. Это подполковникъ корпуса лѣсничихъ Шелгуновъ и его жена, у нихъ есть маленькій сынъ. Содержанія и пропитанія оно отъ меня не получало, а только платилъ за квартиру, которую нанималъ у нихъ“.

показанія, которыя онъ дѣлалъ сначала. Изъ нихъ видно, какъ будто не все написанное въ только что приведенной запискѣ есть безусловная истина. Тамъ даже находимъ такое замѣчаніе: „онъ сожалѣлъ о томъ, что слишкомъ поддался минутному настроенію, принявъ на себя много лишняго“. За незнакомствомъ съ дѣломъ III Отдѣленія, конечно, очень трудно судить, насколько все это справедливо, но мнѣ кажется, что врядъ ли Михайловъ взялъ на себя больше, чѣмъ слѣдовало: ужъ слишкомъ довѣрчиво и ясно все его показаніе и дальнѣйшее поведеніе, чтобы можно было съ этимъ согласиться. Шелгуновъ, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не указываетъ, что Михайловъ не былъ авторомъ и распространителемъ прокламаціи, наоборотъ, онъ только склоненъ обвинять Костомарова въ излишней откровенности.

Мнѣ кажется, что выраженіе: „принялъ на себя много лишняго“ — было просто по невниманію написано вмѣсто: „показалъ много лишняго“ или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Дѣло въ томъ, что Костомаровъ, повидимому, зналъ о прокламаціи къ солдатамъ, приписываемой Шелгунову. Дорожа покоемъ послѣдняго и его жены, Михайловъ ужасно боялся, чтобъ Костомаровъ на очныхъ ставкахъ не наболталъ чего-нибудь лишняго, и, чтобъ сдѣлать эти ставки совершенно больше ненужными, взялъ на себя больше того, что могъ бы взять, если бы исключительно думалъ о самомъ себѣ. На такое толкованіе сомнительныхъ словъ есть указаніе и въ запискахъ Михайлова.

Съ другой стороны, г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что „Къ молодому поколѣнію“ написано Шелгуновымъ ¹⁾. За отсутствіемъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ противнаго, трудно спорить съ такимъ утвержденіемъ. Но мнѣ кажется, что ужъ если Михайловъ рѣшился не вмѣшивать въ дѣло своего друга, то зачѣмъ было принимать на себя хоть часть прокламаціи, отчего было не сказать, что авторъ неизвѣстенъ ему, желавшему быть лишь распространителемъ; зачѣмъ было сочинять передѣлку къ-то своей рукописи; почему, наконецъ, Шелгунову не написать быдо въ воспоминаніяхъ, что авторомъ прокламаціи былъ не его другъ. Не говорю уже о томъ, что при этомъ г. Пантелѣевъ сообщаетъ подробности перевоза прокламаціи изъ Лондона въ Россію, говоря, что Михайловъ провезъ 600 экземпляровъ заклеенными Шелгуновымъ въ дно чемодана. Невѣрность этого свѣдѣнія подвергаетъ сомнѣнію и первое.

Впрочемъ, повторяю, все это все-таки предположенія, болѣе или менѣе основательныя догадки.

¹⁾ „Изъ воспоминаній прошлаго“. Спб. 1905 г., 330.

Первая ночь, проведенная имъ въ казематѣ III Отдѣленія, разумѣется, прошла безъ сна. Затѣмъ потянулись скучные, однообразные, тяжелые дни... Въ запискахъ Михайлова есть разсказъ о томъ, какъ у него обманомъ было взято какое-то письмо къ государю для того, якобы, чтобъ документально закрѣпить его показанія; но мнѣ кажется, что здѣсь, какъ и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣхъ же записокъ, кака-я-то неточность. Зачѣмъ было закрѣплять уже достаточно закрѣпленное только что приведеннымъ пространнымъ сознаниемъ?.. Архивъ III Отдѣленія, можетъ быть, помогъ бы выяснитъ эту деталь.

7 октября у великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній происходило особое совѣщаніе, на которомъ гр. Шуваловъ подробно ознакомилъ присутствовавшихъ со всеми матеріалами по дѣлу Михайлова. Послѣ непродолжительнаго обсужденія было постановлено: испросить высочайшее разрѣшеніе немедленно предать его суду, по указанію министра юстиціи, какую именно форму послѣдняго онъ считалъ бы наиболѣе цѣлесобразной. Государь одобрилъ это рѣшеніе и приказалъ сообщить министру юстиціи, Замятину, чтобы тотъ сдѣлалъ распоряженіе о „самоскорѣйшемъ производствѣ сего дѣла, такъ какъ преступленіе Михайлова выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ преступленій“.

11 октября Замятинъ былъ увѣдомленъ объ этомъ Шуваловымъ, сообщавшимъ, что, кромѣ дѣла по прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, Михайловъ прикосновененъ и къ дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, по которому Валуевымъ учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ состоявшаго при немъ д. ст. сов. Собѣщанскаго. ¹⁾

---

¹⁾ Членами ея были Стороженко, Фонъ-Визинъ и Любимовъ. На допросѣ сенаторами 23 октября Михайловъ показалъ по этому поводу: „Прикосновенность моя къ указанному дѣлу заключается въ томъ, что при арестѣ въ Москвѣ г. Всеволода Костомарова найдены у него два рукописныя сочиненія: „Къ крестьянамъ“ и „Къ солдатамъ“. Какъ то, такъ и другое были у меня въ рукахъ и оба получены Костомаровымъ отъ меня, одно (послѣднее) лично, а другое черезъ студента Сороко. Въ сочиненіи ихъ я не принималъ участія и получалъ ихъ, не помню отъ кого, какъ ходившія будто бы въ рукописи по рукамъ. (Одна изъ этихъ статей, написанная неразборчиво и съ пропусками, повидимому, была мною переписана нѣсколько измѣненнымъ почеркомъ, и при перепискѣ я только прибавилъ съ чисто литературной точки зрѣнія нѣсколько строкъ, самаго содержанія которыхъ не помню. Даны мною были поминутныя сочиненія Костомарову лишь для его личнаго прочтенія и затѣмъ уничтоженія. Другихъ запрещенныхъ сочиненій я не распространялъ. Когда именно даны мною Костомарову и Сороко поминутныя рукописи, я въ точности не помню, но около весны нынѣшняго года или въ концѣ зимы“. Потомъ дѣло это было выдѣлено, и Михайловъ специально за него не пострадалъ.

II.

Замятинъ призналъ за лучшее судить Михайлова въ сенатѣ по I отдѣленію 5 департамента, получилъ на это высочайшее согласіе и предписалъ сенату немедленно выполнить волю государя. Общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сдѣлало соотвѣтствующее сообщеніе въ отдѣленіе. Послѣднее состояло изъ сенаторовъ: Г. П. Митусова, Н. М. Корнѣева, К. Б. фонъ-Венцеля, А. П. Бутурлина, А. А. Волоцкаго, М. М. Корніолинъ-Пинскаго, оберъ-прокурора Н. А. Буковскаго и оберъ-секретаря Кузнецова.

Въ это время, 14 октября, Михайловъ былъ переведенъ уже въ Петропавловскую крѣпость. По дорогѣ отъ провожавшаго жандарма онъ узналъ, что туда посажена масса студентовъ за только что разыгравшіеся беспорядки въ петербургскомъ университетѣ. По словамъ Шелгунова, „Михайловъ во всю жизнь не ѣлъ столько рябчиковъ и всякихъ родовъ варенья, сколько ему теперь посыла-лось“. Разрѣшалось посылать книги, съѣтное, папирсы...

Какъ только молодежь прослышала, что въ невскую куртину перевезенъ ея любимый поэтъ, такъ ему очень окоро былъ присланъ слѣдующій привѣтъ, по словамъ г. Пантелѣева, принадлежащій перу Н. И. Утина:

У з н и к у .

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ.
Пусть облегчатъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять
И дань любви и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя расскажемъ все,
Расскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщай ты слово правды намъ,
Вѣрь—плодъ взойдетъ, и наше время
Отмститъ сторицею врагамъ.

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

Этотъ теплый и энергичный привѣтъ очень тронулъ Михайлова. Онъ поспѣшилъ отвѣтить своимъ сосѣдямъ:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятыя
Съ вами, братья, раздѣлилъ,
* * *

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Говить въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.
* * *

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохранию.
* * *

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:
* * *

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣтъ въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!...

Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай Богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ и не суждено воротиться“...

Михайловъ оказался правъ въ своихъ предчувствіяхъ: его, дѣйствительно, сослали въ Сибирь, и онъ умеръ тамъ черезъ четыре года...

17 октября I отдѣленіе 5 департамента сената имѣло первое свое собраніе. Заслушавъ всѣ бывшіе къ тому дню документы, оно опредѣлило: вытребовать Михайлова изъ крѣпости въ зданіе сената на слѣдующій день, къ 1 часу дня, подъ надлежащимъ карауломъ: собрать свѣдѣнія о роли его въ дѣлѣ, переданномъ комиссіи Собѣщанскаго, а также о прежней службѣ и поведеніи и навести справку о судимости.

На слѣдующій день Михайловъ, подъ конвоемъ плацъ-адъютанта и двухъ жандармовъ, былъ доставленъ въ сенатъ.

Прежде всего ему были прочитаны высочайшее повелѣніе и опредѣленіе общаго собранія сената, затѣмъ сдѣлано обычное въ тѣ времена „духовное увѣщаніе“, потомъ взята подписка, что ни противъ сенаторовъ, ни противъ оберъ-прокурора и оберъ-секретаря

онъ не имѣеть подозрѣній, и наконецъ, прочтено его собственное подробное признаніе, уже извѣстное читателю.

Когда Михайловъ вполнѣ подтвердилъ все раньше имъ написанное, ему были предъявлены допросные пункты, на которые слѣдовало тогда же дать письменные отвѣты.

Вотъ они.

„*Вопр.* Ваше имя, отчество, фамилію, лѣта, жительство, какой вѣры, бывали ли на исповѣди и гдѣ именно, если находились на службѣ, то не имѣли ли на оной какихъ-либо отличныхъ заслугъ или пороковъ?

„*Отв.* Михаилъ Ларионовъ Михайловъ, 32-хъ лѣтъ, въ Петербургѣ, по Екатерингофскому проспекту, въ домѣ Валуева, вѣроисповѣданія православнаго, на исповѣди былъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, въ церкви Вознесенія; по службѣ не имѣлъ никакихъ отличныхъ заслугъ, ни пороковъ.

„*Вопр.* Признаете ли Вы предъявленную вамъ при семъ записку, съ изложеніемъ объясненій по вышеозначенному дѣлу, за собственноручно вами написанную и подписанную?

„*Отв.* Признаю.

„*Вопр.* Въ запискѣ сей Вы пишете, между прочимъ, что изъ нѣсколькихъ страницъ, *набросанныхъ Вами*, не осталось и половины въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“.—Посему имѣете объяснить: что именно признаете Вы въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“ принадлежащимъ собственно Вамъ, и что участникамъ вашимъ—Герцену и Огареву? и если можете, то означьте это на предъявленномъ Вамъ экземплярѣ воззванія „Къ молодому поколѣнію“?

„*Отв.* Отчеркнутое въ предъявленномъ мнѣ экземплярѣ признаю за писанное мною. Остального я не признаю, такъ какъ оно не согласно съ рукописью, которая была дана мною для напечатанія, и я получилъ воззваніе уже напечатаннымъ.

„*Вопр.* Въ запискѣ сей Вы пишете, что при распространеніи листовъ „Къ молодому поколѣнію“ Вами руководила мысль, будто бы усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры, и такимъ путемъ, думали Вы, начнется свобода слова, тогда какъ по естественному порядку вещей, въ случаѣ усиленія тайнаго книгопечатанія, должны были усилиться и мѣры цензуры и правительства противъ тайнаго книгопечатанія. Не можете ли точнѣе объяснить видимое противорѣчіе такого мнѣнія съ существомъ дѣла?

„*Отв.* Мнѣ казалось именно на основаніи историческихъ примѣ-

ровъ, что попытки тайной печати, выказывая недовольство, заставляють для смягченія его постепенно уменьшать строгость цензуры и тѣмъ позволять высказываться болѣе спокойно и умѣренно.

„*Вопр.* Высказанная Вами цѣль распространенія воззванія „Къ молодому поколѣнью“ совершенно не согласна и съ содержаніемъ этого сочиненія, которое, очевидно, было направлено къ возбужденію неуваженія къ Верховной власти, личнымъ качествамъ Государя и управленія его государствомъ, къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной власти, къ оспариванію неприкосновенности правъ ея, къ порицанію установленнаго государственнымъ законами образа правленія, а также къ возбужденію неуваженія и противодѣйствія властямъ, отъ правительства установленнымъ, съ разрушеніемъ всякаго порядка и ввѣщенію взаимовраждебныхъ чувствъ между сословіями. съ угрозою прибѣгнуть къ кровопролитію.— Объясните откровенно и чистосердечно цѣль распространенія Вами воззванія „Къ молодому поколѣнью“?”

„*Отв.* Цѣли, кромѣ вышеупомянутой о вліяніи на ослабленіе цензуры, у меня не было. Съ этимъ именно и означено было въ заглавіи: „печатано безъ цензуры“. Что касается до выраженій. особенно возмутительныхъ, мнѣ въ воззваніи не принадлежащихъ, я думалъ, что рѣзкость ихъ будетъ именно служить поводомъ къ принятію законныхъ мѣръ для уменьшенія строгости цензуры.

„*Вопр.* Не можете ли Вы указать какія-либо обстоятельства. уменьшающія виновность Вашу въ столь тяжкомъ преступленіи кромѣ впечатлѣнія, произведеннаго на Васъ въ дѣтствѣ усмиреніемъ крестьянъ, въ числѣ коихъ находились Ваши отецъ и дѣдъ, такъ какъ побужденіе это слишкомъ отдалено отъ настоящаго событія?”

„*Отв.* Кромѣ причинъ, объясненныхъ въ моей запискѣ, другихъ не нахожу.

„*Вопр.* Когда именно Вы познакомились съ Герцеюмъ и Огаревымъ, поддерживали ли Вы съ ними связи, по выbitіи ихъ изъ Россіи, и какимъ образомъ; не было ли другихъ участниковъ въ вашемъ преступленіи и не сдѣлали ли Вы сами какихъ-либо другихъ преступленій?”

„*Отв.* Въ 1856 или 57 году; связей съ ними никакихъ не имѣлъ, кромѣ посѣщенія ихъ во время поѣздокъ (двухъ) за границу; въ преступленіи моемъ другихъ участниковъ не было, и другихъ преступленій я никакихъ не дѣлалъ“.

Отобравъ эти всѣ отвѣты, первоприсутствовавшій, Митусовъ, распорядился объ удаленіи обвиняемаго въ крѣпость. Послѣ озна-

комленія съ допросомъ рѣшено было сдѣлать повторный, 23-го октября.

Ш.

Теперь намъ необходимо ознакомиться съ самой прокламаціей „Къ молодому поколѣнію“ и особенно съ той ея частью, которую Михайловъ призналъ за свое сочиненіе.

Насколько мнѣ извѣстно, это самая длинная прокламація изъ всѣхъ, печатавшихся въ шестидесятыхъ годахъ. Рѣзкость ея не была, однако, ея отличительнымъ свойствомъ. Напротивъ, сдѣлавъ характеристику тогдашняго правительства, указавъ на полное и всеобщее къ нему недовѣріе и частью презрѣніе, авторы призывали молодое, единственно жизнеспособное, поколѣніе объяснить все это народу и солдатамъ. Затѣмъ шла часть нѣсколько теоретическая, начинавшаяся такъ:

„Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что экономизмъ нищаетъ насъ въ духовномъ отношеніи, что онъ приучаетъ насъ только считать гроши, что разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придешь ли къ благосостоянію?—односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копеечные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т. е. то, чего намъ такъ хочется—деньги“.

Непосредственно послѣ этого идетъ продолженіе только что высказанной мысли, которое Михайловъ отчеркнулъ въ подлинникѣ, написавъ въ началѣ его: „Съ сихъ поръ признаю за свое“, а въ концѣ: — „до сихъ поръ признаю за свое“. Приведу все это мѣсто полностью, замѣтивъ лишь, что, повидимому, Михайловъ, принимая на себя наименѣе преступную часть прокламаціи, просто ошибся однимъ абзацомъ, потому что, какъ увидимъ сейчасъ, его часть начинается именно такъ, какъ начаться, разумѣется, не могла. Вѣроятно, онъ хотѣлъ приписать себѣ и только что приведенную выдержку.

„А эти, къ несчастью, плодящіеся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; они черствятъ чело-
вѣка, они ведутъ къ сословному разъединенію, къ привилегиро-

ваннымъ классамъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостью. Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общаго съ Англіей? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы ужъ довольно были обезьянами французовъ и нѣмцевъ, неужели намъ нужно сдѣлаться еще и обезьянами англичанъ? Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести...

„Пусть несетъ его Европа. Да и кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англии, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60-ти милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ, что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастью? Гдѣ та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такой науки, мы знаемъ только, что Гнейсты Бастія, Моли, Рау, Рошеры раскапываетъ навозныя кучи и гнилъ прошедшихъ вѣковъ хотятъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихнимъ закономъ, а мы для себя попытаемся поискать другой.

„Для невѣрующихъ мы дѣлаемъ слѣдующій примѣръ. Существуетъ Китай; ближайшіе сосѣди не знаютъ другой страны болѣе цивилизованной. Рошеры и Моли Китая утверждаютъ, что законъ, по которому развивалась жизнь въ Китаѣ и слагалась тамошняя цивилизація, есть именно тотъ законъ, по которому должны развиваться всѣ народы. Сосѣди вѣрятъ глубокомысленнымъ ученымъ и, не видя жизни и цивилизаціи выше китайской, лѣзутъ сами изъ всѣхъ силъ въ Китай. Но вдругъ оказывается, что есть другія страны, что у другихъ народовъ существуютъ стремленія, неизвѣстныя китайцамъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что стремленія эти вздоръ, что только китайская цивилизація и политическія убѣжденія китайцевъ одни истинны? Человѣкъ, видѣвшій только Европу, сотни нѣмецкихъ королевствъ съ ихъ кенигами, герцогами и принцами или Францію съ ея Наполеономъ, разумѣется, удивится, узнавъ, что въ Америкѣ порядки совсѣмъ другіе. Почему же Россіи не придти къ еще новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ? Мы не только можемъ, мы должны придти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе

неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учреждений и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ. Европа сложилась изъ остатковъ древняго міра: тысячу лѣтъ назадъ въ Европѣ была монархія; ужъ тогда Европа разбилась на могучихъ собственниковъ и на безсильныхъ рабовъ, не имѣвшихъ земельной собственности; ужъ тогда было положено въ ней начало того экономического и политическаго неравенства, которое привело и къ пролетариату и вызвало социализмъ.

„Европа попыталась было выйти изъ своего крайняго положенія, но партія привилегированныхъ людей была слишкомъ сильна; вѣковыя традиции были слишкомъ крѣпки и въ народѣ и въ тамошнемъ мѣщанствѣ, а социальныя теоріи настолько смутны и слабы своей организаціонной стороною, что 1848 годъ долженъ былъ привести къ неудачѣ. А этой-то неудачи струсили и наши западники и наши доморощенные политико-экономы.

„Припомните, какъ легко Рошеръ рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. И съ нѣмецкой точки зрѣнія дѣло не могло быть рѣшено иначе. Отчего же нашъ народъ недоволенъ царской милостью, недоволенъ тѣмъ, отъ чего нѣмцы пришли бы въ восторгъ? А недоволенъ народъ потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльческой общины. Ему нужно равенство правъ и владѣнія, онъ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ законность такого порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ. Въ Европѣ сидятъ еще до сихъ поръ остатки феодальнаго права, а мы его не знали и не знаемъ; наше дворянство, наши помѣщики—не европейская аристократія; наши—просто незаконнорожденная власть, вышедшая изъ того же народа, искусственно созданная императорскою властью и особенно расплывшаяся со временъ Екатерины II; она должна осѣсть въ народъ и осесть съ паденіемъ власти императорскою.

„Неудача 1848 года, если что-нибудь и доказываетъ, такъ доказываетъ только одно—неудачу попытки для Европы: но не говорить ничего противъ невозможности другихъ порядковъ у насъ въ Россіи. Развѣ экономическія, земельныя условія Европы тѣ же самыя, что и у насъ? Развѣ у нихъ существуетъ и возможна земле-

дѣльческая община? Развѣ у нихъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ? Нѣтъ. А у насъ можетъ. У насъ земли столько, что достанетъ ея намъ на десятки тысячъ лѣтъ.

„Мы народъ запоздалый и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастья, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти.

„До сихъ поръ народъ нашъ жилъ своею жизнью, не мѣшаясь въ дѣла правительства и не понимая ихъ, и онъ былъ правъ. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А между тѣмъ русская мысль зрѣла, мы изучали экономическое и политическое устройство Европы, мы увидѣли, что у нихъ неладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени.

„Мы похожи на новыхъ поселенцевъ; намъ ломать нечего. Оставьте наше народное поле въ покоѣ, какъ оно есть; но намъ нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла изъ сѣмянъ, налетѣвшихъ къ намъ съ нѣмецкими идеями объ экономизмѣ и государствѣ. Намъ не нужно ни того, ни другого въ той формѣ, какъ это проповѣдывали и проповѣдываютъ намъ нашъ профессоръ-правительство и разные послѣдователи Рошера и Гнейста ¹⁾).

„Европа не понимаетъ, да и не можетъ понять нашихъ социальныхъ стремленій; значить, она намъ не учитель въ экономическихъ вопросахъ. Никто не идетъ такъ далеко въ отрицаніи, какъ мы русскіе. А отчего это? Оттого, что у насъ нѣтъ политическаго прошлаго, мы не связаны никакими традиціями, мы стоимъ на новинѣ и, нисколько не плѣняясь нѣмецкими садиками и рощами, хотимъ раздѣлять свое поле не по нѣмецкой методѣ, не въ заграничномъ вкусѣ, а какъ дѣлилась земля встарь, когда еще людямъ не было тѣсно—и мы можемъ сдѣлать это. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха передъ будущимъ, какъ у западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что признаны внести въ исторію новое

¹⁾ Говоря о Гнейстѣ, Михайловъ имѣлъ въ виду „Русскій Вѣстникъ“, гдѣ Катковъ, прописывая Россіи рецепты конституціоннаго лѣченія, часто цитировалъ этого ученаго. Тогда, въ срединѣ 1861 года, Катковъ былъ еще приличень, и „Рус. Вѣстникъ“ пользовался хорошей репутацией.

начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Безъ вѣры нѣтъ спасенія; а вѣра наша въ наши силы велика“.

Далѣе шло развитіе мысли, что если бы для осуществленія всѣхъ этихъ стремленій понадобилось вырѣзать 100,000 помѣщиковъ, то останавливаться передъ такимъ рѣшеніемъ нечего: ихъ смерть явилась бы зарей новой, справедливой жизни. Наконецъ, прокламація точно отвѣчала на вопросъ, который предвидѣла со стороны читателя: „чего мы хотимъ?“ Мы хотимъ, говоритъ авторъ, выборной и ограниченной власти, свободы слова, всеобщаго самоуправления, равенства всѣхъ передъ закономъ и въ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, точнаго отчета въ расходованіи народныхъ денегъ, открытаго и устнаго суда, уничтоженія всякой полиціи и тѣлеснаго наказанія, общиннаго владѣнія землей, предоставленія оброчныхъ статей дворовымъ, пущеннымъ, по манифесту 19 февраля, по міру, немедленнаго выкупа всей личной земельной собственности, уничтоженія мѣщанства и надѣленія его землей, сокращенія расходовъ на армію, перевоспитанія кровожадной императорской арміи, сокращенія срока военной службы до 3—5 лѣтъ, сокращенія расходовъ на государственное управленіе и дворъ, амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ и совершеннаго измѣненія всѣхъ основныхъ законовъ. Всѣ эти требованія изложены гораздо пространнѣе и довольно ярко. Въ заключеніе прокламація повторяетъ свой призывъ къ молодежи, твердо вѣруя въ ея громадную созидательную и преобразовательную силу ¹⁾.

Такимъ образомъ, ясно, что „Къ молодому поколѣнію“ было исполнѣ законченной прокламаціей. Теперь она произведетъ впечатлѣніе несомнѣннаго эклектизма, но сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, когда политическое мышленіе еще не приняло современныхъ формъ, она была замѣтнымъ явленіемъ въ общественной жизни. О ней много говорили...

Конечно, возможно, что дѣло обстояло именно такъ, какъ показалъ Михайловъ: ему принадлежитъ въ прокламаціи едва ли пятая часть, а все остальное есть или значительно измѣненное кѣмъ-то его же сочиненіе, или просто прибавлено. Разумѣется, если и были сдѣланы измѣненія или прибавки, то не иначе, какъ Герценомъ или Огаревымъ, вѣрнѣе—даже обоими одновременно, но и то при непремѣнномъ согласіи Михайлова. Но тѣмъ не менѣе возможно, что Ми-

¹⁾ Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ прокламаціей отсылаю ко 2-му приложенію къ сборнику „Государств. преступленія въ Россіи“, Paris, 1905 г. Тамъ она приведена полностью, съ очень незначительными ошибками.

хайловъ просто поберегъ себя, что онъ написалъ все, а взялъ на себя лишь самую скромную часть. Странно было бы и ожидать, чтобы, кромѣ сознанія во всемъ остальномъ, онъ назвалъ бы Герцена и Огарева, или принялъ бы на себя всю прокламацію...

IV.

23 октября происходилъ второй допросъ. Къ этому собранію стало извѣстно высочайшее повелѣніе: разсматривать дѣло о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ отдѣльно отъ дѣла распространенія другихъ преступныхъ сочиненій, къ которому, какъ мы знаемъ, былъ прикосновененъ Михайловъ.

Кромѣ тѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые были мною приведены выше, въ выносахъ къ сознанію Михайлова, ему были предложены еще и другіе.

Вопр. „Въ отвѣтахъ, отобранныхъ отъ Васъ 18 октября, Вы повторили первоначальное Ваше показаніе, что при составленіи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ Вы имѣли единственною цѣлью понудить правительство къ смягченію строгости цензуры и руководились при этомъ историческими примѣрами прекращенія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной. Но если такова была цѣль Ваша, то для достиженія ея казалось бы достаточно, чтобы нѣсколько экземпляровъ дошло до правительства, для чего они и могли быть препровождены къ правительственнымъ лицамъ; а между тѣмъ изъ объясненія Вашего видно, что Вы старались распространить воззваніе между жителями всѣхъ частей г. С.-Петербурга и намѣревались даже сдѣлать то же самое и въ Москвѣ, а по окончаніи уже распространенія воззванія, отправили послѣдніе 4 экземпляра къ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Развѣ вы не предвидѣли, что съ распространеніемъ воззванія оно можетъ произвести на народъ то возмутительное дѣйствіе, къ которому было направлено; развѣ, принимая на себя распространеніе воззванія, имѣли вы преступную цѣль, Вы не желали достигнуть этой цѣли; развѣ можно употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе? Подумайте, что только откровенное признаніе и раскаяніе можетъ облегчить мѣру наказанія виновному, и, не уклоняясь отъ вопроса, откройте чистосердечно Ваши намѣренія“.

Отв. „Единственною цѣлью моею была именно та, которая указана мною въ первоначальномъ показаніи. Отправить лишь нѣсколько экземпляровъ къ правительственнымъ лицамъ казалось мнѣ для это

цѣли недостаточнымъ; я думалъ, что при большемъ распространеніи листа „Къ молодому поколѣнію“ правительство скорѣе обратитъ вниманіе на преобразование цензуры. Незначительное количество экземпляровъ сравнительно съ числомъ жителей Петербурга, казалось мнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ, что оно (т.-е. сочиненіе „Къ молодому поколѣнію“) не будетъ имѣть того дурного вліянія, которое можно бы отъ него ожидать. Цѣли, кромѣ указанной мною, повторяю, у меня не было. Что листъ „Къ молодому поколѣнію“ можетъ произвести дурное дѣйствіе на народъ—я это упустилъ изъ виду, думая только о своей исключительной цѣли—смягченіи цензуры, да притомъ количество экземпляровъ, какъ я уже упоминалъ, было слишкомъ для того ничтожно. Преступности содержанія я не имѣлъ, повторяю, въ виду“.

Вопр. „Гдѣ Вы воспитывались и когда окончили воспитаніе, когда поступили на службу и куда именно, откуда уволены отъ службы и гдѣ находится аттестатъ о Вашей службѣ?“

Отв. „Воспитывался дома и потомъ слушалъ приватно лекціи въ Петербургскомъ университетѣ очень непродолжительное время. На службу поступилъ приблизительно въ 1848 г. въ Нижегородское соляное правленіе, гдѣ, прослуживъ четыре года, вышелъ въ отставку. Аттестатъ о моей службѣ, по которому я проживалъ въ Петербургѣ, находится, вѣроятно, или въ III Отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества, или по бывшему мѣсту моего жительства, въ соотвѣтствующемъ кварталѣ“¹⁾.

На слѣдующій день, 24 октября, сенатъ былъ извѣщенъ генералъ-губернаторомъ, гр. Игнатьевымъ, что требуемаго „повального обыска о поведеніи“ Михайлова сдѣлать нельзя, потому что въ данное время въ Петербургѣ нѣтъ ни одного лица, которое бы знало его: всѣ, какъ нарочно, уѣхали кто за границу, кто въ другіе го-

¹⁾ Изъ аттестата Михайлова, потомъ доставленнаго въ сенатъ, видно, что, происходя изъ дворянъ (отецъ его, получивъ вольную отъ своихъ господъ—Аксаковыхъ, поступилъ на службу и умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, а ужъ чинъ коллежскаго ассесора давалъ потомственное дворянство), родился въ 1829 г., православный, холостъ. Въ службу вступилъ послѣ домашняго образованія 18 февраля 1848 г. въ Нижегородское соляное правленіе писцомъ I-го разряда, въ коллежскіе регистраторы произведенъ ровно черезъ два года: за болѣзнію столоначальника исправлялъ эту должность съ 26 сентября по 15 ноября 1851 г.; имѣнія никакого не имѣетъ, аттестовывался въ продолженіе всей службы „способнымъ и къ повышенію чиновъ достойнымъ“, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ. Въ отпуску былъ дважды: въ 1850 г. на 28 дней и въ 1852 г. на 4 мѣсяца съ 4 февраля, но пробывъ въ немъ только 2 мѣсяца и 18 дней, вошелъ въ правленіе 22 апрѣля съ прошеніемъ объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 26 іюля 1852 г. съ награжденіемъ чиномъ губернскаго секретаря.

рода. Палата же уголовного суда представила, что Михайловъ нигдѣ не судился и не судится.

Сенаторы считали, вѣроятно, что на этомъ допросѣ можно уже обосновать точное опредѣленіе, и взяли съ Михайлова подписку въ томъ, что „во время производства допроса и суда пристрастія ему дѣлаемо не было“¹⁾).

Однако, оказалось, что нужно было еще кое-что выяснить, и потому было приказано прислать Михайлова въ сенатъ къ 11 часамъ утра 31 декабря. На этотъ разъ допросъ состоялъ изъ мелочей, уже приведенныхъ мною раньше въ выноскахъ къ сознанию. Отвѣчая на послѣдній изъ заданныхъ вопросовъ, о семействѣ Шелгуновыхъ, Михайловъ прибавилъ въ самомъ концѣ: „Покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ при осужденіи обо мнѣ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное мое состояніе“. Дѣйствительно, онъ страдалъ сердечными болями и вообще былъ болѣзненъ.

Когда Михайловъ и на этотъ разъ былъ возвращенъ въ крѣпость, первоприсутствующій, Митусовъ, составилъ „вопросы по дѣлу объ отставномъ губернскомъ секретарѣ Михайловѣ, судимомъ за государственное преступленіе“.

Изъ его отвѣтовъ на нихъ слѣдовало:

1. Воззваніе „Къ молодому поколѣнію“, не направленное прямо противъ особы Государя Императора, имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти (ст. 283—286 Улож. о наказ.).

2. Оно оказывается слѣдствіемъ предумышленного умысла для потрясенія коренныхъ, основныхъ учрежденій государства (ст. 283).

3. Преступленіе Михайлова слѣдуетъ подвести подъ законъ, смягчающій наказаніе, во вниманіе къ тому, что злоумышленіе, своевременно открытое, не имѣло вредныхъ послѣдствій (ст. 284).

4. Сознаніе Михайлова и указаніе на то, что въ „Къ молодому поколѣнію“ онъ не все признаетъ за свое, не можетъ уменьшить мѣру наказанія.

5. Нельзя принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при составленіи прокламаціи онъ имѣлъ единственною цѣлью ослабленіе цензуры.

6. Слѣдуетъ назначить 12¹/₂ лѣтъ каторжныхъ работъ.

¹⁾ Въ № 131 „Колокола“ (1862 г.) Герценъ помѣстилъ свою статью: „Отвѣтъ М. И. Михайлова“, въ которой рассказалъ свой разговоръ съ однимъ изъ путешествовавшихъ за границею сенаторовъ. Послѣдній рассказалъ, какіе отвѣты давалъ Михайловъ... Теперь можно категорически утверждать, что сенаторъ рассказывалъ небывлицы.

7. Сообщить кому слѣдуетъ о передачѣ Михайловымъ Костомарову двухъ рукописей.

Это было одобрено и въ тотъ же день составлено подробное опредѣленіе. Привожу его полностью.

V.

„Отставной губернской секретарь, изъ дворянъ, Михаилъ Илларионовъ Михайловъ, преданъ суду правительствующаго сената, по высочайшему повелѣнію, за распространеніе въ Петербургѣ преступнаго сочиненія подъ названіемъ „Къ молодому поколѣнію“. Въ этомъ сочиненіи обращаютъ на себя вниманіе особенною дерзостью и важностью злоумышленія слѣдующіе предметы:

1) превратное истолкованіе и порицаніе дѣйствій правительства въ выраженіяхъ, составляющихъ оскорбленія Величества, съ намѣреніемъ возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ, и съ намеками или угрозами ниспровергнуть правительство и императорскую власть, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу;

2) возбужденіе свойственныхъ будто бы Россіи социальныхъ стремленій, для осуществленія которыхъ народная партія, по словамъ воззванія, не желаетъ аристократизма Европы, ея государственнаго начала и ея императорской власти и не только смѣло идетъ навстрѣчу революціи, но даже желаетъ ея;

3) внушеніе презрѣнія и ненависти къ служебной и природной аристократіи и ко всему дворянскому сословію и къ такъ называемой дворянской партіи, представленной скудоумною, своекорыстною и враждебною народу, съ намеками, что жалѣтъ эту партію нечего, какъ не жалѣютъ вредныя растенія при расчисткѣ огорода; что страна ничего не потеряла бы, если бы погибала вся аристократія, если бы для раздѣла земли между народомъ пришлось бы вырѣзать 100,000 помѣщиковъ;

4) наставленіе, какъ надлежитъ обольщать народъ и войско объясненіемъ имъ, что русская императорская власть происходитъ не отъ Бога, а отъ духа тьмы; что у народа и войска есть доброжелатели, которые желали бы улучшить ихъ бытъ, но что помѣхой всему царь и его министры; что войско должно быть не царскою, а народною стражей и потому не должно идти противъ народа; что у военныхъ офицеровъ не достаетъ любви къ отечеству и гражданскаго мужества и что если у нихъ нѣтъ столько силы, чтобы не

идти противъ народа, то пусть первый залпъ, который имъ велеть сдѣлать въ своихъ, сдѣлаютъ они въ тѣхъ, кто имъ велить его сдѣлать;

5) изъявленіе желанія совершеннаго измѣненія законовъ русской имперіи съ тѣмъ, чтобы верховная власть была выборная и ограниченная, чтобы дано было развитіе началу самоуправленія народа, чтобы не существовало привилегированныхъ сословій, а были бы все уравнены предъ закономъ, и чтобы земля принадлежала не лицамъ, а странѣ;

6) заключительное обращеніе къ молодому поколѣнію съ увѣщаніемъ, что довольно корчить либераловъ, что наступила пора дѣйствовать, что надо говорить чаще съ народомъ и съ солдатами; что если каждый убѣдитъ только 10 человекъ, то дѣло въ одинъ годъ подвинется далеко; что надо составлять кружки единомыслящихъ людей, увеличивать число кружковъ и искать вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все, дабы они могли повести на великое дѣло, а если нужно, то на славную смерть за спасеніе отчизны.

„Въ распространеніи этого преступнаго воззванія отставной губ. секретарь Михайловъ сознался еще до преданія его суду, не желая, какъ онъ объяснилъ, затруднять то лицо, по письму котораго пало подозрѣніе на него, Михайлова, и считая противнымъ совѣсти скрывать далѣе истину. На допросахъ въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи и въ правительствующемъ сенатѣ подсудимый Михайловъ показалъ, что воззваніе „Къ молодому поколѣнію“ было первоначально сочинено имъ, по совѣту изгнанника Герцена, которому былъ врученъ и черновой воззванію проектъ, но затѣмъ въ напечатанныхъ въ Лондонѣ листкахъ остались только тѣ мысли его, Михайлова, которыя относятся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, а все прочее было измѣнено, какъ именно, ему, Михайлову, неизвѣстно. При этомъ Михайловъ объяснилъ, что при распространеніи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ онъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ, единственно въ видахъ побужденія правительства къ смягченію строгости цензуры, руководствуясь историческими примѣрами, показывающими, что тайная печать вездѣ была устраняема посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, съ какою цѣлью имъ и отправлено было нѣсколько экземпляровъ воззванія къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, но онъ вовсе не представлялъ себѣ вредныхъ послѣдствій своего проступка, тѣмъ болѣе, что число экземпляровъ, имъ распространенныхъ, весьма незначительно въ сравненіи съ народонаселеніемъ С.-Петербурга. Въ заключеніе своихъ

отвѣтовъ Михайловъ просить при сужденіи о немъ обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное его состояніе.

„Разсматривая настоящее дѣло въ такомъ видѣ, правительствующій сенатъ признаетъ необходимымъ для опредѣленія по законамъ какъ рода и степени преступленія подсудимаго Михайлова, такъ и значенія сдѣланныхъ имъ показаній, обратиться къ постановленіямъ нашего законодательства о государственныхъ преступленіяхъ.

„Вникая въ смыслъ этихъ постановленій, правительствующій сенатъ находитъ, что въ посягательствѣ на права верховной власти есть два вида преступленій, имѣющіе много общаго, но остающіеся тѣмъ не менѣе различными по цѣли злого умысла. Эти два вида государственныхъ преступленій суть слѣдующія: 1. Злоумышленіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе (св. 1857 г. т. XV Улож. о наказ. ст. 275). 2. Злоумышленіе на бунтъ противъ власти верховной, т.-е. на возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, а равно на ниспроверженіе правительства, перемѣну образа правленія или установленнаго законами порядка наслѣдія престола (Улож. о наказ. ст. 283). Хотя эти два вида государственныхъ преступленій сходятся между собою тамъ, гдѣ злоумышленіе направлено въ одномъ изъ нихъ къ лишенію государя верховной власти или къ ограниченію правъ ея, а въ другомъ къ ниспроверженію правительства или къ перемѣнѣ образа правленія, но и въ этихъ точкахъ соприкосновенія посягательство на права верховной власти въ обоихъ видахъ различно, а различіе это явствуетъ изъ самаго названія главъ, изъ коихъ состоитъ раздѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ: въ главѣ первой, *о преступленіяхъ противъ священной особы государя императора и членовъ императорскаго дома*, злоумышленіе направлено прямо и непосредственно противъ верховныхъ правъ государя императора, съ посягательствомъ или безъ посягательства на личную безопасность или свободу его священной особы, а въ главѣ второй, отдѣленіи первомъ, *о бунтѣ противъ власти верховной*, злоумышленіе направлено преимущественно къ ниспроверженію государственнаго устройства и правительства вообще. Такъ какъ въ государствѣ самодержавномъ императоръ есть полный представитель государства и въ лицѣ его сосредоточивается всецѣло верховная власть, то всякое прямое посягательство на личную безопасность, свободу или права его священной

особы есть высшее изъ государственныхъ преступленій, подвергающее виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, независимо отъ степени развитія злого умысла, хотя бы о преступномъ предположеніи этого рода было сдѣлано только словесное или письменное изъявленіе мыслей (Ул. о наказ. ст. 276). Но въ посягательствѣ на бунтъ противъ верховной власти, съ цѣлью испровергнуть государственное устройство и правительство вообще, законъ принимаетъ въ соображеніе и степень развитія злого умысла и, опредѣляя лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь за преступленіе этого рода, уже приведенное въ исполненіе, или за непосредственное покушеніе къ совершенію его, смягчаетъ наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда приготовленія къ преступленію были заблаговременно остановлены правительствомъ и, вслѣдствіе этого, ни покушеній, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло. Въ сихъ случаяхъ виновные наказываются лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большому или меньшему въ ономъ участію и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 283 и 284). Равномѣрно и въ низшихъ степеняхъ виновности о томъ и другомъ изъ означенныхъ двухъ видовъ государственныхъ преступленій злоумышленіе противъ государя подвергается болѣе строгому наказанію, чѣмъ соотвѣтствующее злоумышленіе противъ установленнаго въ государствѣ порядка. Такимъ образомъ, избличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 279). Между тѣмъ, соотвѣтствующая степень во второмъ видѣ государственныхъ преступленій, а именно составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій и изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, подвергается менѣе строгому наказанію: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 235).

Руководствуясь этими законами, правительствующій сенатъ

не может не принять во внимание, что, хотя въ преступномъ воззваніи «Къ молодому поколѣнію» превратное толкованіе и порицаніе дѣйствій правительства и дерзкія оскорбленія Величества клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ верховной власти, къ личнымъ качествамъ государя и къ управленію его государствомъ и хотя въ воззваніи этомъ есть намеки или угрозы низложить правительство, если государь не сдѣлаетъ добровольно уступокъ народу, но при этомъ не обнаруживается положительнаго умысла насчетъ личной безопасности и свободы государя императора, ни какой-либо установившейся мысли, прямо и непосредственно направленной къ лишенію его величества верховной власти или ограниченію оной, а видны преимущественно революціонныя стремленія достигнуть какимъ бы то ни было путемъ, не исключая и кровопролитнаго пути бунта, преобразованій въ государственномъ устройствѣ. Поэтому дѣйствія распространителя преступнаго воззванія ближе подходятъ подъ законъ о бунтѣ противъ верховной власти, объемяющій и умыселъ испровергнуть правительство или переимѣнить образъ правленія, при чемъ, однако, должно быть принято въ соображеніе и усугубляющее вину преступника употребленіе въ воззваніи сужденій и выраженій, оскорбляющихъ Величество. Въ такомъ мѣстѣ правительствующій сенатъ убѣдился еще и тѣмъ соображеніемъ, что, какъ по общему правилу уголовного судопроизводства, гласящему: чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (зак. угол. судопр. ст. 310), такъ и по исключительному положенію настоящаго дѣла, въ которомъ многія обстоятельства не приведены въ ясность за невозможностью изслѣдованія на мѣстѣ, гдѣ преступленіе было умышлено между Михайловымъ и его сообщниками и гдѣ преступное воззваніе было сочинено и напечатано, неосторожно было бы признать Михайлова виновнымъ въ тягчайшемъ изъ государственныхъ преступленій, подвергающемъ во всякомъ случаѣ смертной казни— въ прямомъ посягательствѣ на священную особу государя императора—безъ признанія подсудимаго въ умыслѣ на такое злодѣяніе, по одному распространенному имъ воззванію, въ которомъ онъ не признаетъ своимъ сочиненіемъ намековъ и угрозъ, относящихся къ лицу государя императора. Но затѣмъ виновность Михайлова въ злоумышленіи на бунтъ противъ верховной власти не подлежитъ сомнѣнію, и злоумышленіе это представляется преступленіемъ первостепенной важности. Дѣйствительно, распространеніе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ не было внезапнымъ революціоннымъ стремленіемъ. По показанію Михайлова, воззваніе это сочинено въ бытность его въ

іюль сего года въ Лондонѣ, откуда онъ возвратился въ Петербургъ въ половинѣ іюля мѣсяца, а къ распространію воззванія, напечатаннаго въ Лондонѣ и привезеннаго имъ скрытно черезъ таможеню, приступилъ онъ въ началѣ сентября, изъ собственнаго его же показанія видно, что еще въ началѣ весны нынѣшняго года въ рукахъ его, Михайлова, были проекты воззванія къ крестьянамъ и солдатамъ, переданные имъ отставному корнету Костомарову. Обстоятельства эти представляютъ распространіе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ преступленіемъ заранѣе обдуманнымъ, а самое содержаніе этого преступнаго сочиненія показываетъ, что оно было не какимъ-либо случайнымъ подстрекательствомъ къ неповиновенію верховной власти, но слѣдствіемъ злоумышленія, направленнаго къ потрясенію коренныхъ или основныхъ учрежденій государства, для чего средствами должны были служить, съ одной стороны, обольщеніе народа и солдатъ, а съ другой—возбужденіе неуваженія къ верховной власти, ко всѣмъ правительственнымъ властямъ и къ высшему сословію въ государствѣ, со внушеніемъ при томъ, что страна не потеряла бы ничего, если бы пришлось вырѣзать 100,000 помѣщиковъ. Поэтому очевидно, что злоумышленіе въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ можетъ обнять только тотъ законъ, который заключаетъ въ себѣ опредѣленіе бунта перво-степенной важности (Улож. о наказ. ст. 283). Но такъ какъ распространіе воззванія „Къ молодому поколѣнію“ не сопровождалось какимъ-либо другимъ болѣе непосредственнымъ покушеніемъ на бунтъ и не произвело ни народныхъ смятеній, ни иныхъ безпорядковъ, то настоящій случай долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ посягательствъ на бунтъ, въ коихъ злоумышленіе, заблаговременно открытое правительствомъ, не имѣло вредныхъ послѣдствій (Улож. о наказ. ст. 284).

„Обращаясь засимъ къ обсужденію объясненій Михайлова, правительствующій сенатъ находитъ, что за собственнымъ признаніемъ подсудимаго въ принятіи участія въ составленіи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и въ распространеніи однимъ его лицомъ сего преступнаго сочиненія въ напечатанныхъ листахъ, выказываемое имъ обстоятельство, что черновой проектъ воззванія, врученный имъ изгнаннику Герцену, былъ кѣмъ-то измѣненъ, съ оставленіемъ только тѣхъ его, Михайлова, мыслей, которыя относятся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, не можетъ имѣть никакого вліянія на опредѣленіе виновности его, Михайлова, въ томъ, въ чемъ направленіе и цѣль воззванія очевидны. Если бы даже все воззваніе было составлено другимъ лицомъ, то и въ такомъ случаѣ Михайловъ, какъ при-

явившій на себя распространённое сего преступнаго сочиненія, въ чемъ и заключалось главное зло, представлялся бы главнымъ виновнымъ. Нельзя также принять въ уваженіе показаніе Михайлова, что при распространеніи воззванія „Къ молодому поколѣнію“ онъ имѣлъ единственною цѣлью побудить правительство къ смягченію строгости цензуры, для устраненія тайной печати посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, и не представлялъ будто бы себѣ, какое вліяніе можетъ имѣть преступное воззваніе на умы читателей. Дѣйствія Михайлова въ этомъ отношеніи говорятъ сами за себя. Очень можетъ быть, что самыя дерзкія сужденія, намѣренія и желанія не принадлежатъ лично Михайлову, признающему своимъ сочиненіемъ только одну часть воззванія, относящуюся къ социальнымъ стремленіямъ Россіи, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы онъ, пользуясь здравымъ разсудкомъ и свободною волею, могъ употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе, почему одно распространеніе имъ возмутительнаго сочиненія обнаруживаетъ въ дѣйствіяхъ его революціонную цѣль, которая выражается и въ сочиненной имъ части воззванія, гдѣ также призывается революція, какъ желанное событіе. При томъ, по закону, если по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ дѣяніе подсудимаго, онъ могъ и долженъ былъ предвидѣть, что послѣдствіемъ онаго должно быть не одно, а нѣсколько преступленій разной важности, то хотя бы онъ и не имѣлъ положительнаго намѣренія совершить именно важнѣйшее изъ сихъ преступленій, мѣра его наказанія опредѣляется всегда по сему важнѣйшему изъ преступленій, долженствовавшихъ быть послѣдствіемъ его дѣянія (Улож. о наказ. ст. 120).

„Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подсудимый Михайловъ оказывается виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи, а отчасти и въ самомъ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію бунта противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но что отвѣтственность его въ этомъ злоумышленіи облегчается тѣмъ, что оно было открыто заблаговременно, при самомъ онаго началѣ и потому не имѣло вредныхъ послѣдствій. По закону, въ подобныхъ случаяхъ, виновные, вмѣсто смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпости на время отъ 10 лѣтъ до 12, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большому или меньшему въ ономъ участію

и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (Улож. о наказ. ст. 284). Какъ по важности злоумышленія, имѣвшаго обширные размѣры, такъ и потому, что преступное воззваніе заключаетъ въ себѣ явныя оскорбленія Величества и другія самыя злостныя средства къ возбужденію бунта, подсудимому Михайлову должно быть опредѣлено строжайшее изъ вышеозначенныхъ наказаній; но во вниманіе къ добровольному сознанію Михайлова прежде преданія его суду, наказаніе это можетъ быть назначено въ мѣрѣ, близкой къ низшей.

„На сихъ основаніяхъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставнаго губ. секретаря изъ дворянъ Михаила Илларионовъ Михайлова, 32 лѣтъ, за распространеніе злоумышленного сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ послѣдствій, не подвергая смертной казни, опредѣленной за преступленіе этого рода, сопровождавшаго вредными послѣдствіями, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда; но предварительно исполненія сего приговора внести оный на Высочайше усмотрѣніе чрезъ государственный совѣтъ, на каковой конецъ и передать подлинное опредѣленіе сената въ министерство юстиціи установленнымъ порядкомъ (зак. суд. угол., ст. ст. 452, 457, 458 и 617). вмѣстѣ съ симъ предоставить тому же министерству предать къ производящемуся о распространеніи запрещенныхъ сочиненій слѣдствію показаніе Михайлова о бывшихъ въ рукахъ его рукописныхъ сочиненіяхъ „къ солдатамъ“ и „къ крестьянамъ“, переданныхъ имъ отставному корнету Всеволоду Костомарову: одно лично, а другое чрезъ студента Сороко“.

VI.

12 ноября министр юстиціи, гр. Павинъ, далъ разрѣшеніе оберъ-прокурору, Буцковскому, на пропускъ этого опредѣленія; на слѣдующій день оно было скрѣплено всеми слушавшими дѣло сенаторами и послано по назначенію.

21 ноября департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта, рассмотрѣвъ сенатское опредѣленіе и вспомагательную просьбу Михайлова о помилованіи (о которой въ сенат-

скомъ дѣлѣ нѣтъ больше никакихъ свѣдѣній), нашель, что опредѣленіе сената вполне правильно, а просьба подсудимаго не заключаетъ въ себѣ никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить основаніемъ къ ходатайству о смягченіи слѣдующаго ему по закону наказанія, и мнѣніемъ положилъ: „утвердить по настоящему дѣлу заключеніе правит. сената и вслѣдствіе сего отставнаго губ. секретаря Михаила Михайлова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи законовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ“. 23 ноября государь положилъ резолюцію: „Срокъ каторжной работы ограничиваю шестью годами, а въ прочемъ быть по сему“.

5 декабря общее собраніе петербургскихъ департаментовъ сената слушало списокъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта и приказало передать его въ I отдѣленіе 5 департамента. Послѣднее въ тотъ же день предписало генераль-губернатору доставить Михайлова въ сенатъ къ 1 часу дня 7 декабря для объявленія ему приговора.

Михайловъ какъ-то тогда же узналъ о содержаніи послѣдняго и потому 7-го не былъ удивленъ всѣмъ услышаннымъ. Достоинно замѣчанія, что собраніе сената въ этотъ день происходило публично, при открытыхъ дверяхъ; въ самую залу допускались, конечно, по билетамъ и бюрократическій beau monde спѣшилъ поглядѣть на интересное зрѣлище: невиданный преступникъ, авторъ той прокламации, которая ничего не имѣла противъ смерти всего русскаго высшаго чиновничества... Молодежь, студенты и обыкновенная публика удовольствовались Галерной улицей и площадью и тамъ ждали привоза и отвоза подсудимаго.

Но отправленіе въ Сибирь не было совершено быстро. Ровно черезъ недѣлю Михайлову предстояло еще испытать всю жалкую комедію краткаго публичнаго объявленія его преступленія и постигшаго за то наказанія. Раннимъ утромъ 14 декабря въ казематъ вошли палачъ съ ножницами и бритвой, кузнецъ съ кандалами и два крѣпостныхъ офицера. Михаила Илларионовича обрили по-арестантски, заковали въ кандалы и повезли на площадь передъ Сытнымъ рынкомъ (на Петербургской сторонѣ¹⁾). Тамъ на специально для этого построенномъ

¹⁾ Кн. Суворовъ-Рымникскій заявилъ, что получилъ приказаніе заковать Михайлова, несмотря на его дворянское званіе. Всѣ старанія друзей М. И. освободить его отъ этой муки не привели ни къ чему. Моментъ заковки и стрижки изображенъ художникомъ, имени котораго мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, очень вѣрно; Михайловъ поразительно похожъ. Офицеръ, сидящій слѣва—плацъ-адъютантъ, штабсъ-ка-

эшафотъ была разыграна позорная комедія, и только тогда Михайловъ, посаженный въ сани съ надежнымъ конвоемъ жандармовъ, проѣхалъ улицы города, выѣхалъ за городъ и... отправился въ Сибирь, принявшую его вскорѣ въ свои вѣдра ¹⁾).

Огаревъ напутствовалъ его изъ своего Лондонскаго далека симпатичнымъ стихотвореніемъ:

Закованъ въ желѣзы съ тяжелою цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, свѣжною степью,
Идешь въ рудокопы, на трудъ и печаль.
Иди безъ унынья, иди безъ роптанья:
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

И вѣр неослабно, мой мученикъ слыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ—
Незримый, поспѣшный, повсюдный, всеильный
Народной свободы таинственный духъ.
Иди безъ унынья, или безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.

Мих. Лемке.

капитанъ И. О. Пивкорнелли, а стоящій—поручикъ О. О. Руссовъ. За предоставленіе этой иллюстраціи приношу благодарность П. А. Ефремову.

¹⁾ О дѣлѣ Михайлова правительство не опубликовало рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Только въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи“ отъ 14 декабря 1861 г. за № 275 было помѣщено сообщеніе, что въ этотъ день „въ 8 ч утра назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губ. секр. Мих. Михайлову Высочайше утвержденнаго мнѣнія госуд. совѣта“. Далѣе приводится еще 6—7 строкъ о томъ, въ чемъ именно обвиненъ Михайловъ и какое наказаніе ему за это назначено. Сообщеніе „Полиц. Вѣдом.“ перепечатано въ 1 томѣ сборника Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“, стр. 199—200.

Ред.

Петръ Григорьевичъ Каховскій.

Историко-психологическій этюдъ.

I. Личность.—Міросозерцаіе.—Русскій Брутъ.—Въ тайномъ обществѣ.

Когда думаешь о декабристахъ, вниманіе мучительно и настойчиво тянется къ тѣмъ пяти, «кои, по жестокому выраженію протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, внѣ сравненія съ другими»; къ тѣмъ пяти, чья жизнь оборвалась 13 іюля 1826 года на висѣлицахъ Петропавловской крѣпости. Павелъ Пестель, Кондратій Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и Петръ Каховскій—вотъ кого смертный жребій выдѣляетъ изъ массы декабристовъ, но и до сихъ поръ мы не можемъ сказать, что мы знаемъ ихъ, умѣемъ нарисовать ихъ нравственный образъ, понимаемъ всю сложность психологическихъ мотивовъ ихъ жизни и дѣятельности. Правда, у насъ есть до извѣстной степени опредѣленное представленіе о крупнѣйшей личности политика и революціонера Пестеля, о поэтѣ и энтузіастѣ гражданинѣ Рылѣевѣ, о вождѣ военнаго возстанія Муравьевѣ, о его другѣ и помощникѣ, находящемся въ непрерывномъ нервномъ возбужденіи, Бестужевѣ-Рюминѣ; но одно имя изъ этихъ пяти не вызываетъ въ насъ никакихъ ассоціцій, никакого опредѣленнаго представленія. Это—Каховскій. И когда мы смотримъ на его портретъ, какимъ-то чудомъ дошедшій до насъ, мы видимъ чужое намъ лицо, и черты портрета не согрѣваются огнемъ интимнаго знакомства, не воскресаютъ. Къ Каховскому примѣнны тѣ французскіе стихи, которые написалъ о себѣ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль:

Je passerai sur cette terre
Toujours rêveur et solitaire
Sans que personne m'aie connu.

Странная судьба, странное молчаніе! О немъ, повѣшенномъ, декабристы, оставившіе свои воспоминанія, говорятъ одну, двѣ незначительныхъ фразы, а воспоминанія о Рылѣевѣ, С Муравьевѣ, Пестелѣ, они возвышаются иногда до настоящаго паѳоса. Каховскій—какой-то чужой, неизвѣстный имъ человекъ! Онъ чуждъ имъ и физически—до смѣшнаго. Они не знаютъ его настоящаго имени. Даже добросовѣстный Розень въ своихъ запискахъ послѣдовательно называетъ

его Петромъ Андреевичемъ Каховскимъ, а онъ былъ Пертъ Григорьевичъ.

Но у насъ есть драгоценные матеріалы для характеристики П. Г. Каховскаго—его собственноручныя признанія въ слѣдственной комиссіи, его замѣчательныя письма изъ крѣпости къ имп. Николаю I и, наконецъ, многочисленнѣйшія показанія о немъ, сдѣланныя его товарищами. На основаніи этихъ данныхъ мы попытаемся набросать обликъ революціонера-романтика и рассказать его судьбу ¹⁾).

I.

Скудны данныя о внѣшней жизни Петра Григорьевича Каховскаго.

По формулярному списку, составленному въ 1821 году, онъ «изъ дворянъ Московской губерніи, въ коей за нимъ состоитъ 230 душъ крестьянъ». Но самъ Каховскій сообщилъ комиссіи въ 1826 году о томъ, что «послѣ смерти родителей его ему съ братомъ досталось 30 душъ крестьянъ въ Смоленскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; это имѣніе въ казнѣ не заложено, а лежитъ на немъ партикулярный долгъ» ²⁾). Послѣ осужденія правительство собрало всѣ свѣдѣнія о родственникахъ, имѣніяхъ и капиталахъ осужденныхъ декабристовъ. О Каховскомъ въ его распоряженіи оказались слѣдующія данныя. «Родной братъ его отставной капитанъ-лейтенантъ Никаноръ Каховскій проживаетъ Велижскаго повѣта въ имѣніи генеральши Марковой и находится въ болѣзненномъ положеніи и хотя и имѣетъ во владѣніи своемъ Смоленской губерніи и уѣзда въ сельцѣ Тифиневскомъ имѣніе, состоящее въ 15 душахъ, но оно послѣ нашествія непріятели и по случаю неурожая хлѣбовъ въ совершенномъ разстройствѣ, черезъ что онъ задолжалъ разнымъ людямъ значительнымъ для него капиталомъ. Послѣ смерти брата Петра Каховскаго осталось имѣніе, заключающееся въ 13 душахъ крестьянъ, но оно подвержено залогу маіоромъ Гернгроссомъ, въ 6000 руб.; и сверхъ того съ онаго имѣнія взыскивается по заемному обязательству смоленскаго купца Дементія Нольчина 2300 руб.» ³⁾).

¹⁾ Настоящій очеркъ основанъ, главнымъ образомъ, на матеріалахъ, до сихъ поръ неизданныхъ и находящихся въ Государственномъ Архивѣ. Дѣлая вообще ссылки на архивныя дѣла, мы не дѣлаемъ детальныхъ ссылокъ на дѣло Каховскаго (Г. А. I. В. № 354) и на письма его (Г. А. I. В. № 11 и 470).

²⁾ Г. А. I. В. № 304, л. 124.

³⁾ Г. А. I. В. № 315, л. 140—141, 170, 174—175. Любопытно, что, получивъ отъ ген. губ. Хованскаго эти свѣдѣнія, военный министръ предложилъ генераль-губернатору развѣдать подъ рукой, не женился ли братъ Каховскаго, такъ какъ де по бумагамъ казеннаго Каховскаго (этихъ бумагъ въ Государственномъ Архивѣ въ дѣлахъ декабристовъ не сохранилось!) видно, что братъ собирался выгодной женитьбой поправить свои дѣла. По собран-

Немудрено что, обладая такимъ незначительнымъ состояніемъ и не состоя на службѣ, Каховскій нуждался въ деньгахъ и одолжался у Рылѣва. Въ 1825 году онъ не могъ даже заплатить портному за сшитое платье 295 рублей, и Рылѣвъ за него поручился ¹⁾.

Каховскій родился, по собственному своему показанію въ 1797 году. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о семейной обстановкѣ, его окружавшей, ни о его родителяхъ. Въ роковомъ для него году Каховскій уже не имѣлъ родителей. Изъ родственниковъ его мы знаемъ только объ одномъ его братѣ. Судя по тому, что за все время производства слѣдствія до самой казни Каховскій не получилъ ни одного письма отъ родныхъ, ни самъ не писалъ и не имѣлъ ни одного свиданія, можно думать, что его отношенія къ родственникамъ были совсѣмъ не родственны: въ то время, какъ чуть не за всѣхъ остальныхъ заключенныхъ хлопотали ближніе и дальніе родственники, родные Каховскаго не проявляли никакой заботливости. По крайней мѣрѣ, въ официальныхъ документахъ мы не нашли доказательствъ противнаго, а вѣдомость разрѣшеннымъ свиданіямъ и пропущеннымъ письмамъ велась весьма тщательно. *Каховскій не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей; онъ былъ совсѣмъ одинокъ.* Эта подробность имѣетъ важное біографическое значеніе, и для того, чтобы понять психологію Каховскаго, нужно помнить о его полнѣйшемъ одиночествѣ, о какой-то заброшенности.

нымъ подъ рукой свѣдѣніямъ оказалось, дѣйствительно, что Никаноръ Каховскій женился на дочери генерала Маркова и получилъ въ приданое 170 душъ крестьянъ.

Не являются ли результатомъ недоразумѣнія непріязненные строки автора, приславшаго богатую невѣсту самому Каховскому? „Смоленскій помѣщикъ, проигравшись и разорившись въ игрѣ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ надеждѣ жениться на богатой невѣстѣ; дѣло это ему не далось. Сойдясь съ Рылѣвымъ, онъ предался ему и обществу безусловно. Рылѣвъ и другіе товарищи содержали его въ Петербургѣ на свой счетъ“. Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что процессъ разоренія могъ быть лишь весьма непродолжительнымъ. Строки эти взяты изъ статьи «14 декабря», напечатанной Герценомъ въ «Запискахъ декабристовъ» (Вып. 2 и 3. Лонд. 1863 г. Стр. 134—162; перепечатана съ сокращеніями во «Всемирномъ Вѣстникѣ» 1904 г. № 6—7) и приписанной имъ И. И. Пущину. На самомъ дѣлѣ статья эта, какъ сообщалъ намъ покойный Е. И. Якушкинъ, написана И. Д. Якушкинымъ по рассказамъ Е. П. Оболенскаго, И. И. Пущина и нѣкоторыхъ другихъ его товарищей ссылки, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ 14 декабря. И. Д. Якушкинъ записывалъ эти рассказы спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ ихъ слышалъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя неточности.

¹⁾ Въ іюнѣ 1826 года портной Яухци черезъ комитетъ потребовалъ съ Каховскаго уплаты денегъ. Жена Рылѣва, уплативъ долгъ своего мужа, выразила готовность заплатить и за Каховскаго. Комитетъ сдѣлалъ запросъ Каховскому, можетъ ли онъ заплатить. Это было послѣ 18 іюня, Каховскій просилъ позволенія написать брату о высылкѣ денегъ для уплаты. Не отвѣтивъ на эту просьбу, военный министръ, предсѣдатель комитета, сообщилъ черезъ Спб. ген. губернатора, что Каховскій не имѣлъ средствъ для уплаты долга. Г. А. І. В. № 301, л. 47—48.

Онъ учился въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Быть можетъ, онъ былъ здѣсь одновременно съ Владиміромъ Ѳедосѣвичемъ Раевскимъ: послѣдній родился въ 1795 году, Каховскій въ 1797 году. Н. И. Гречъ передаетъ слѣдующій интересный разсказъ самого Каховскаго о приключеніяхъ дѣтства. «Онъ былъ въ какомъ-то пансіонѣ (должно быть, университетскомъ) въ Москвѣ, въ 1812 году, когда вступили туда французы. Пансіонъ разбѣжался, и Каховскій остался гдѣ-то на квартирѣ. Въ этомъ домѣ поселились французскіе офицеры и съ мальчикомъ ходили на добычу. Однажды пріобрѣли они нѣсколько склянокъ разнаго варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховскій, но какъ-то неосторожно засунулъ палецъ въ горлышко стклянки и не могъ его вытащить. Французы смѣялись и спрашивали, какъ онъ освободитъ свой палецъ. «А вотъ какъ!» сказалъ мальчикъ и, размахнувшись, разбилъ стклянку объ голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали». Къ этому разсказу Гречъ присоединяетъ свою сентенцію: «Это начало общало многое, и онъ сдержалъ обѣщанное»¹⁾. Эпизодъ съ французами, во всякомъ случаѣ, ярко иллюстрируетъ одну черту въ характерѣ Каховскаго—*безпредѣльную дерзость*. Онъ былъ не только дерзокъ въ бытовомъ, житейскомъ смыслѣ, но и дерзновененъ. Мы увидимъ дальше, что въ намѣреніяхъ онъ зашелъ гораздо дальше всѣхъ декабристовъ и, кромѣ того, онъ былъ и искреннѣе, и рѣшительнѣе ихъ. Вообще о немъ можно сказать, что онъ дѣйствовалъ безъ оглядки и удержу. И когда онъ переживалъ всю тоску тюремнаго заключенія, пытку допросовъ и признаній, забывая о предѣлахъ осторожности, онъ оставался вѣренъ своему характеру.

Итоги его образованія казенный языкъ формуляра опредѣляетъ такъ: «по-русски, по-нѣмецки и французски читать, писать и говорить умѣеть, исторіи, географіи и ариѳметикѣ знаетъ». Приходится думать, что образованіе Каховскій пріобрѣлъ не на школьной скамьѣ, а позже. Онъ побывалъ и за границей и внимательно приглядѣлся къ тамошнимъ порядкамъ. Въ письмахъ изъ крѣпости о недостаткахъ русской жизни и мѣрахъ ихъ исправленія Каховскій показалъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ, вполне на уровнѣ своего вѣка. Бросается въ глаза хорошее знакомство съ экономическими науками, государственнымъ правомъ и политической исторіей. Но самыя сильныя доказательства своихъ положеній онъ беретъ изъ матеріаловъ своего нагляднаго знакомства съ западно-европейскимъ бытомъ. На вопросъ комиссіи, какими науками онъ больше всего занимался, онъ отвѣчалъ: «политическими», а на вопросъ, откуда появился у него вольный образъ мыслей, Каховскій написалъ: «Мысли формируются лѣтами; опредѣлительно я не могу сказать, когда понятія мои развернулись. Съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, я былъ воспламененъ героями древности. Недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы сильно на меня дѣйствовали.— На-

¹⁾ Н. И. Гречъ. «Записки о моей жизни». Спб. 1886, стр. 382—383.

конецъ, чтеніе всего того, что было извѣстнымъ въ свѣтѣ по части политической, дало наклонность мыслямъ моимъ. Будучи въ 1823 и 1824 годахъ за границею, я имѣлъ много способовъ читать и учиться: уединеніе, наблюденіе и книги были мои учителя⁴.

Для пониманія психологіи Каховскаго необходимо отмѣтить въ этомъ показаніи свидѣтельство о вліяніи изученія древности. «*Воспламененъ героями древности*»—черта, свойственная не одному декабристу. «Въ это время,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Д. Якушкинъ—мы страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ. Тацитъ и другіе—были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами»¹⁾. Возрожденіе античности характеризуетъ романтическую эпоху и идетъ на встрѣчу свободолюбивому настроенію. Въ античности искали бодрящихъ мотивовъ, подъема революціонной энергіи.

Возвращаясь къ внѣшней исторіи Каховскаго, мы должны ограничиться данными формуляра. 24 марта 1816 года онъ вступилъ въ военную службу, въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ юнкеромъ. Изъ временъ его службы въ л. г. егерскомъ полку его товарищъ, Новикцій, сообщаетъ слѣдующій эпизодъ, который необходимо находится въ біографіяхъ всѣхъ роковыхъ лицъ. «По просьбѣ родныхъ Каховскаго, командиръ 1-го баталіона л.-гв. егерскаго полка, Свѣчинъ, приютилъ Каховскаго у себя на квартирѣ, въ одномъ изъ номеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ Великомъ посту. Тогда, къ Свѣтлому празднику, гвардейскіе офицеры, имѣвшіе по большей части, собственные экипажи, заказывали новые, покупали лошадей, сбруи... И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брюнетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату, мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ: онъ читалъ книгу, я былъ тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два-три человѣка постороннихъ. Каретникъ стоялъ нѣсколько времени недвижно, всматриваясь попеременно, то въ меня, то въ Каховскаго, и вдругъ произнесъ: «Вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, другой—пойдетъ своею дорогою»²⁾.

Но уже въ декабрѣ 1816 года Каховскій былъ разжалованъ въ рядовые и переведенъ изъ гвардіи въ армію; по сообщенію того же Новицкаго, былъ сосланъ на Кавказъ въ линейные баталіоны за какую-то шалость. Мы не могли документально установить причины разжалованія, но можно предполагать именно «дерзость» Каховскаго. По предписанію командира дивизіи, ген.-маіора Жемчужникова, 7 февраля 1817 года опредѣленъ на службу въ 7-ой егерскій полкъ и за отличіе по службѣ по высочайшему повелѣнію, въ ноябрѣ этого же года, вновь произведенъ юнкеромъ, а въ ян-

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. Стр. 19.

²⁾ См. «Русская старина» 1874 г. т. XI (февр.), стр. 177—178.

варѣ слѣдующаго года повышенъ въ портупей-юнкеры. Въ октябрѣ онъ былъ переведенъ въ Астраханскій кирасирскій полкъ и въ этомъ полку получилъ чинъ: въ маѣ 1819 года—корнета и въ ноябрѣ того же года—поручика. Въ походахъ Каховскому быть не пришлось, а въ штрафахъ онъ бывалъ «за разныя шалости въ арміи, по повелѣнію великаго князя Константина Павловича». Эти штрафы отличаютъ Каховскаго отъ другихъ декабристовъ, формуляры которыхъ безукоризненны.

24 апрѣля 1821 года Каховскій по болѣзни получилъ отставку. Изъ показаній его передъ генераломъ Левашовымъ мы знаемъ, что онъ дѣйствительно былъ боленъ и ѣздилъ лѣчиться на Кавказъ вмѣстѣ съ генераломъ Свѣчинымъ; по возвращеніи жилъ нѣкоторое время въ Смоленской губерніи, въ своемъ имѣніи. Въ 1823—1824 годахъ Каховскій путешествовалъ за границей и въ 1825 году онъ появился въ Петербургѣ. Въ это время онъ собирался ѣхать въ Грецію и принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе грековъ

2.

Каховскій былъ сыномъ своего вѣка. Если бы вдругъ исчезли тѣ немногія свидѣтельства современниковъ, тѣ показанія въ официальномъ дѣлѣ, по которымъ только мы и можемъ воссоздать образъ Каховскаго, то мы не потеряли бы Каховскаго. Стоило бы только обратиться къ литературѣ и поэзіи, вдохновлявшей декабристовъ, къ западно-европейскому романтизму, социальному и протестующему, къ античности, возродившейся въ романтическихъ формахъ, и мы могли бы нарисовать образъ героя, революціонера-романтика двадцатыхъ годовъ. Чтобы отчетливѣе представить себѣ духовную личность Каховскаго, необходимо исходить изъ гражданской поэзіи того времени, изъ романтизма 20-хъ годовъ.

Остановимся на произведеніяхъ Рылѣва и Пушкина. Пламенная любовь къ отечеству, благо родины, священнѣйшія права чело-вѣка, святая вольность, свобода, гнетъ власти, борьба съ самовластьемъ и тиранами—вотъ общія мѣста гражданской поэзіи и Рылѣва и Пушкина, терминами, которыми пестритъ чуть не каждая строка ихъ политическихъ стихотвореній.

„Подъ гнетомъ страсти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья;
Мы ждемъ съ томленьемъ уповаья
Минуты вольности святой“ и т. д.

Для блага родины должны жертвовать не только родными и близкими, но и честью.

„Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местию,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью“.

Намъ трудно теперь понять всю *дѣйственность* этой пламенной любви къ родинѣ, которой пылали декабристы. И слова „пылали“, «пламенный» отдають для насъ какимъ-то риторизмомъ, а въ то время они точно выражали переживанія декабристовъ. Чувство любви къ родинѣ, обостренное внѣшними войнами, было реальной движущей силой, оно переживалось интимно и необыкновенно сильно. Оно проникало и обнимало всю психику человѣка и было такимъ же мощно дѣйственнымъ, какъ у народниковъ—любовь къ народу, у искренно вѣрующихъ людей—любовь къ Богу. Сейчас мы готовы употребить прозаическій терминъ, говорить объ *экзальтированности* декабристовъ теперь, когда понятія любви къ Богу и любви къ родинѣ какъ-то опустѣли, выцвѣли, стали безжизненно вялыми.

Но благо родины требуетъ и высшаго самоотверженія: родина ждетъ своего Брута, своего Ріэго. Оживаютъ классическіе образцы, и имя Брута становится почти нарицательнымъ. И въ политической поэзіи раздаются пламенные призывы къ убійству тирана, поработорителя свободы.

„Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный“.

Или:

„Они (юноши) раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятяхъ празднои нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги“.

Русскій Брутъ или Ріэго долженъ былъ свергнуть тирана, уничтожить самовластительнаго злодѣя. Всѣмъ былъ вѣдомъ этотъ самовластительный злодѣй, и сверженіе его казалось подвигомъ высшей нравственности, необыкновеннымъ. Ненависть къ тирану вызывала стихи, полные какой-то кровожадности и въ то же время силы.

„И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ! достойный мужъ! Почто не можешь снова,
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лврѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавить!“

Еще ярче—у Пушкина:

„Самовластительный злодѣй!
Тебя, твой родъ я ненавижу.
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ свирѣпой радостью я вижу!
Читають на твоёмъ челѣ
Печать проклятiя народы;
Ты—ужасъ міра, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ!“

И, наконецъ,—«Кинжалъ», это поразительное по силѣ изображенія, яркости и прозрачности настроенія стихотвореніе Пушкина. «Свободы тайный стражникъ, карающій кинжалъ, послѣдній судія позора и обиды! Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона, свершитель ты проклятiй и надеждъ... Вышній судъ тебя послалъ». Кинжалъ, какъ оружіе вышняго суда возстановленія поправнаго права личности,—идея,—родившаяся еще въ античномъ мірѣ и воскресшая въ концѣ 18 вѣка въ Европѣ. Къ намъ она перешла тогда же, и у Радищева мы находимъ патетическія страницы о правѣ возстанія.

И Брутъ, и Ріэго, и Зандъ были героями, волновавшими людей двадцатыхъ годовъ. Пушкинъ воспѣвалъ Занда, убійцу Коцебу, въ увлекательной и дразнящей строфѣ:

„О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахъ;
Но добродѣтели святой
Остался слѣдъ въ казенномъ прахѣ“.

Рылѣевъ формулировалъ этическую оцѣнку:

„Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной нль за свободу,
Забывши все о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу,
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благоденъ“.

Литература и поэзія питала пылкій патріотизмъ, будила мечты о благѣ родины, о святой вольности, о сладкой свободѣ. Чудилась борьба съ тиранами и поработителями, открывалась возможность подвига, безпредѣльно дерзновеннаго. Когда друзья отговаривали Якушкина отъ цареубійства, онъ говорилъ: «если въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть счастливѣе Россіи, какъ прекращеніе царствованія императора Александра, то вы отнимаете у меня возможность совершать самое прекрасное дѣло ¹⁾. Чувствовалось какое-то безумное влеченіе къ дерзновенной безпредѣльности. Якубовичъ, вызывавшійся на цареубійство, впоследствии указывалъ на то, что побуждало его къ этому акту „желаніе казаться необы-

¹⁾ Записки декабристовъ, вып. 1-й. Записки И. Д. Якушкина. Лонд. 1862 г. стр. 19. Въ русскомъ изданіи 1905 г. эти строки цензурой не были пропущены.

кновеннымъ», а самый актъ представляется „*необыкновеннымъ романтическимъ*“ ¹⁾).

Русская литература и поэзія не успѣла воплотить всѣхъ этихъ чертъ въ одномъ героѣ, но пыталась создать его, воспользовавшись старой темой о Вадимѣ. Въ то время, какъ, по изображенію Екатерины II, Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолютизма,—Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Въ изображеніи Муравьева и Жуковскаго Вадимъ является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣева и его товарищей Вадимъ является желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стремленія къ самобытности и чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами *древнеславянской свободы* ²⁾. Тему о Вадимѣ пытались обработать Рылѣевъ, Пушкинъ и В. Ф. Раевскій. Въ «Думѣ» Рылѣева Вадимъ былъ мощнымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, съ крѣпкой вѣрой въ успѣхъ своего дѣла. Любопытенъ внѣшній обликъ героя:

„Страсти пылкия рисуются
На чель его младомъ;
Перси юныя волнуются
И глаза блестятъ огнемъ“.

Вадимъ думаетъ о борьбѣ съ поработителями родины, и конечный эффектъ борьбы—все тотъ же, сверженіе тирана:

„Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ мракъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой!“...

И по этимъ краткимъ литературнымъ свидѣтельствамъ можно представить себѣ образъ революціонера-романтика 20-хъ годовъ. Обратимся къ характеристикѣ Каховскаго на основаніи доступныхъ намъ матеріаловъ, и романтическія черты проступятъ яснѣе и красочнѣе.

Когда Каховскій въ своихъ письмахъ и признаніяхъ начинаетъ говорить о любви къ родинѣ и о свободѣ, рѣчь его становится жгучей и возбуждающей, трогательной и красивой, и въ то же время романтически эффектной. «Не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ, которое, пока не остановится біеніе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самаго неба... Я за первое благо считалъ не только жизнью—честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую

¹⁾ Г. А. I. В. № 362.

²⁾ См. П. Щеголевъ. „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій“. Спб. 1905 г. Стр. 60.

минуту наслажденія, не все ли равно. Но что можетъ быть страшнѣе, какъ умереть принеся пользу. Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собой не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творить добро для добра безъ возмездія. Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенною любовью къ родинѣ, страстію къ свободѣ, я не видалъ преступленія для блага общаго. Для блага отечества я готовъ бы былъ и отца моего принести въ жертву. Согрѣтъ пламенной любовью къ отечеству: одна мысль о пользѣ онаго питаетъ душу мою. Я прихожу къ раздраженію, когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество⁴.

Полны истиннаго паѳоса восклицанія Каховскаго о свободѣ. Чувство свободы—изначально. Человѣкъ рожденъ для свободы. «Народы, почувствовавъ сладость свободы и просвѣщенія, стремятся къ ней. Правительства же, огражденные милліонами штыковъ, силятся оттолкнуть народы въ тѣму невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученныя, никогда не изглаживаются. Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни, была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества. И мы не можемъ жить, подобно предкамъ нашимъ, ни варварами, ни рабами. Пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Свобода обольстительна: я, распаленный ею, увлекъ другихъ». Во имя чего звать къ возстанію? Во имя свободы, вѣдь чувство свободы прирождено человѣку. За свободу—вотъ лозунгъ, который съ восторгомъ подхватятъ всѣ. „Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: «да здравствуетъ конституція» и будто народъ спрашивалъ: «что такое конституція? Не жена ли его высочества?» Это забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина⁴.

Страстная любовь къ родинѣ, воодушевленіе свободы, естественно вызывали въ Каховскомъ ненависть къ поработителямъ родины и переходили въ жажду отмщенія, жажду самоотверженнаго подвига. Въ показаніяхъ и письмахъ Каховскій не договаривается до конца, но мы можемъ жажду строкъ читать о призваніи Каховскаго и знаемъ о немъ со словъ современниковъ. По общему признанію, онъ хотѣлъ и долженъ былъ быть Брутомъ, Зандомъ, кинжаломъ, орудіемъ пораженія тирана. Но на этомъ призваніи мы остановимся подробнѣе, когда будемъ говорить о роли Каховскаго въ тайномъ обществѣ.

Если собрать эпитеты, присвоенныя Каховскому, то со стороны слѣдователей они исчерпываются словами «дерзкій, отчаянный, неистовый»¹⁾, а со стороны товарищей по дѣлу—«пылкій и рѣшительный», «пылкая душа, второй Зандъ» (Оболенскій); «пылкій характеръ, готовый на самоотверженіе» (Рылѣвъ); «готовый на

¹⁾ Выраженія Боровкова въ его «Автобіогр. воспоминаніяхъ». «Рус. Ст.» 1898, т. ХСѢІ, ноябрь, стр. 339.

обреченіе“ (Штейнгель). Нечего говорить, что къ этимъ чертамъ духовной личности Каховскаго нужно присоединить и ту, которая въ то время называлась „истиннымъ благородствомъ духа“.

Всѣ эти душевныя особенности Каховскаго были на виду у всѣхъ, но есть еще и интимныя. При огромномъ самолюбіи, онъ былъ нѣсколько чувствителенъ, сентименталенъ; романтику 20-хъ годовъ нельзя было и быть безъ этого свойства. „Я, приговоренный къ каторгѣ, лишусь немногаго; если тягостна, то одна разлука съ милыми моему сердцу“. У Каховскаго неудачно сложилась жизнь; онъ былъ одинокъ, заброшенъ; съ извѣстной долей пренебреженія относился къ жизни, а разочарованіе, модное въ то время и вполнѣ понятное у Каховскаго, вызвало его и на рисовку: „жить и умереть, для меня одно и то же. Мы всѣ на землѣ невѣчны; на престолѣ и въ цѣпяхъ смерть равно беретъ свои жертвы. Человѣкъ съ возвышенной душой живетъ не роскошью, а мыслями—ихъ отнять никто не въ силахъ“... „Мнѣ не нужна и свобода: я и въ цѣпяхъ буду вѣчно свободенъ: тотъ силенъ, кто позналъ въ себѣ силу человѣчества“¹⁾.

И этотъ человѣкъ съ возвышенной душой, мечтавшій жить въ памяти потомства, какъ русскій Брутъ или Зандъ, былъ необыкновенно чутокъ ко всякому знаку вниманія. Разбивались цѣпи одиночества, и его замкнутая, гордая и самолюбивая душа вдругъ растворялась; онъ становился доврчивымъ и искреннимъ и платилъ взрывами благодарности. Эту черту подмѣтили Рылѣевъ и Николай Павловичъ. Въ свое время мы узнаемъ, какъ воспользовался ею послѣдній.

Таковъ былъ духовный человѣкъ въ Каховскомъ, но мы были бы неправы, если бы забыли въ немъ гражданина. При нашемъ трезвомъ отношеніи къ романтизму, мы, пожалуй, не прочь обвинить Каховскаго въ придуманности настроеній, поверхностности, но эти обвиненія были бы величайшей ошибкой. Каховскій оставилъ письма, адресованныя имъ изъ крѣпости къ царю и генералу Левашову, члену комиссіи. Въ этихъ письмахъ онъ излагаетъ свое политическое міросозерцаніе. Познакомившись съ ними, мы должны будемъ поставить его наряду съ самыми выдающимися декабристами; вдумчивость, наблюдательность и правильная оцѣнка положенія—вотъ отличительныя черты его взглядовъ. Для полноты характеристики Каховскаго необходимо очертить и его міросозерцаніе, хотя бы кратко изложивъ его. Выясненіе его имѣетъ и общее значеніе для исторіи идейной стороны въ движеніи декабристовъ.

3.

Основной пунктъ воззрѣній Каховскаго, конечно,—уничтоженіе самодержавной власти и введеніе народнаго правленія, введеніе конституціи, постановительныхъ законовъ. Ниже мы еще будемъ ци-

¹⁾ Цитаты взяты изъ писемъ Каховскаго, писанныхъ въ крѣпости.

тировать его горячія и страстныя мольбы передъ Николаемъ I о необходимости дать Россіи конституцію, а сейчасъ перейдемъ къ частностямъ въ міросозерцаніи Каховскаго. Нужно отмѣтить, что въ письмахъ Каховскаго къ царю и къ Левашову мы не найдемъ систематическаго изложенія общественныхъ и политическихъ взглядовъ Каховскаго: это—безсистемный рядъ мыслей и замѣчаній, касающихся, правда, весьма многихъ сторонъ нашей общественной жизни. Наблюденія, проекты и мысли Каховскаго по общественнымъ вопросамъ являются результатомъ не только теоретическаго, книжнаго изученія, но и непосредственнаго знакомства съ жизнью русскаго народа и съ жизнью Европы. Съ положеніемъ Россіи Каховскій имѣлъ возможность ознакомиться во время путешествія изъ Петербурга на Кавказъ. Всюду онъ слышалъ народный стонъ и ропотъ. Это—не стереотипная фраза, потому что Каховскій узнавалъ жизнь народа не изъ окна кибитки, а изъ живыхъ сближеній съ представителями народа. Вопросъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ ставился и въ обществѣ декабристовъ. Такъ, Митьковъ пробовалъ вести политическіе разговоры съ крестьянами и «замѣтилъ въ нихъ столько здравыхъ мыслей и истины въ сужденіяхъ, что если сообразоваться съ ихъ языкомъ, то они скоро и легко поймутъ какъ права, такъ и обязанности свободнаго крестьянства“ ¹⁾. Каховскій оставилъ любопытное свидѣтельство о своихъ сближеніяхъ съ русскимъ народомъ. Его впечатлѣнія проникнуты восторженнымъ сентиментализмомъ, предвозвѣщающимъ позднѣйшее увлеченіе народомъ. „Хитрость и обманъ—свойства рабовъ; самое тяжелое бремя, гнетущее земледѣльцевъ нашихъ, обрадовало ихъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, чтобы сохранить для себя что-нибудь отъ насилія помѣщиковъ, нужно прибѣгать къ изобрѣтеніямъ вымысла и хитрости. Во внутреннихъ губерніяхъ государства имѣнія, принадлежащія богатымъ помѣщикамъ, пользуются довольно свободою, хотя и зависятъ совершенно отъ владѣльцевъ своихъ, но образованное дворянство не гнетаетъ себѣ подобныхъ, и земледѣльцы управляются мірскими сходками. Я былъ на многихъ изъ сихъ совѣщаній маленькихъ республикъ. Сердце цвѣло во мнѣ, видя умъ и простое, убѣдительное краснорѣчіе добраго народа русскаго“.

„О, какъ хорошо они понимаютъ и обсуживаютъ нужды свои! На сихъ сходкахъ я въ первый разъ слышалъ изреченіе изъ Наказа Великой Екатерины. Пусть обуяные своекорыстіемъ, враги родной страны, враги добра смѣются съ неправильнаго выговора или съ неловкихъ оборотовъ въ обращеніи нашихъ добрыхъ земледѣльцевъ; но я, безъ пристрастія говорю, зная народъ Франціи и народъ Россіи, отдаю преимущество и во нравахъ и въ образованіи нашимъ. Пусть кто поспоритъ со мной: я уличу и готовъ доказать правду словъ на самомъ опытѣ. Не лепечутъ наши красно-

рѣчиваго вздора; но въ разсужденіяхъ умъ русскій ясенъ, гибокъ и твердъ».

Съ наибольшимъ вниманіемъ Каховскій останавливается на положеніи судебной части въ Россіи. Отсутствіе точнаго и яснаго законодательства, вопіющіе недостатки судопроизводства его просто разстраивали. «Постановительные непремѣнные законы прекращаютъ всё злоупотребленія въ судопроизводствѣ. Ясность и краткость оныхъ не допускаютъ запутывать дѣла; они легко запечатлѣваются въ памяти и дѣлаются извѣстными всѣмъ; черезъ нихъ каждый знаетъ свою обязанность, свои права,—и чему подвергается, не соблюдая предписанныхъ ими правилъ. Мы симъ похвалиться не можемъ; у насъ указъ на указѣ, одно разрушаетъ, другое возобновляетъ, и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими несогласныя. Сильные и сугтяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаютъ». Каховскій умоляетъ Николая улучшить законодательство: «Милосердный Государь! займитесь внутреннимъ устройствомъ государства. Отсутствіе закона—ужасный вредъ для насъ; вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугой, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца, и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ».

Образцомъ законодательства Каховскому казался кодексъ Наполеона. По мнѣнію Каховскаго, съ небольшими измѣненіями этотъ кодексъ годился бы для всѣхъ народовъ. Но въ немъ былъ существеннѣйшій недостатокъ, который Каховскій находилъ крайне вреднымъ: примѣненіе смертной казни. Любопытны мотивы, по которымъ онъ считалъ недопустимой смертную казнь. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, содѣйствуетъ ли эта мѣра наказанія прекращенію преступленій, онъ обращалъ вниманіе на самую природу смертной казни, какъ наказанія. «Можетъ ли смерть быть наказаніемъ, когда она есть необходимое условіе человѣческаго бытія, и не каждый ли изъ насъ при самомъ еще рожденіи приготовленъ къ оной?»—говорилъ Каховскій и подчеркивалъ то, что смертная казнь не удовлетворяетъ цѣлямъ исправленія, которыя преслѣдуетъ наказаніе. «Законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать, и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію». Въ этомъ смыслѣ Каховскій считалъ достигающей своихъ цѣлей американскую пенитенціарную систему и предлагалъ примѣнить ее въ Россіи: «Благодѣтельное устройство тюремное въ Соединенныхъ Штатахъ Америки можетъ служить и для насъ, и для всѣхъ народовъ Европы образцомъ. Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты; гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ душный зараженъ смрадомъ; гдѣ содержашіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, питаются мірскимъ лишь подавляемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками—преступники еще большіе; въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно. Для обра-

зованія тюремъ, подобно какъ существуютъ они въ Соединенныхъ Штатахъ, нужна значительная сумма денегъ: можно ли ихъ жалѣть въ такомъ случаѣ: и тѣмъ болѣе это единовременная издержка и зато на всегда содержаніе тюремное правительству ничего не будетъ стоить; да и самая истраченная сумма для образования временемъ изъ трудовъ содержащихся уплачена быть можетъ».

Процессъ судебный, по мнѣнію Каховскаго, долженъ быть гласнымъ и устнымъ, съ допущеніемъ присяжныхъ и адвокатовъ. Онъ предлагалъ уменьшить число судебныхъ инстанцій и ввести раздѣленіе суда, кассационнаго и апелляціоннаго. Въ уѣздныхъ городахъ должны бы быть учреждены два мѣста: слѣдственное и судебное; въ губернскихъ—уголовныя палаты по образцу палатъ французскихъ и англійскихъ, съ присяжными засѣдателями; и, наконецъ, главный судъ, кассационный, или какъ выражался Каховскій, палата разбирающая. «Палатѣ разбирающей—допустить право не рѣшать и не пересуживать дѣла, а лишь разбирать, законно ли производились оныя (при постановительныхъ законахъ отъ производства зависить дѣло, опредѣленіе законное каждому извѣстно, ибо оно непремѣнно), найдя упущенія, возвращать дѣла по предмету ихъ въ уѣздный судъ или уголовную палату, оштрафовавъ оныя и предписавъ имъ исполнить, изслѣдовать и перерѣшить». Въ случаѣ несправедливыхъ жалобъ Каховскій предлагалъ взыскивать съ просителей установленную пеню. Предвидя уменьшеніе гербоваго сбора при устномъ процессѣ, Каховскій проектировалъ введеніе судебныхъ издержекъ.

По вопросу о личной неприкосновенности взгляды Каховскаго не были подробно разработаны. Онъ пытался реставрировать и утвердить явно не отмѣненный законъ: «безъ суда никто да не накажется», возставалъ противъ нарушенія правъ гражданъ, освященныхъ вѣками. Съ особеннымъ краснорѣчіемъ онъ говорилъ о нарушеніи правъ личности генераль-губернаторами и гражданскими губернаторами. Онъ приводилъ въ примѣръ аресты дворянъ, производимые смоленскимъ генераль-губернаторомъ Хованскимъ. Генераль-губернаторскій институтъ вообще казался ему безцѣльнымъ и нелѣпымъ. Его соображенія остаются вѣрными и для нашего времени. Пользы отъ генераль-губернаторовъ нигдѣ не видно, они тяготятъ лишь населеніе лично собой, какъ лишней, бесполезной властью: «Если же генераль-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный девизіонный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генераль-губернаторомъ».

Юридическіе взгляды Каховскаго, лишь вкратцѣ нами изложенные, показываютъ, что онъ въ вопросахъ права далеко опередилъ своихъ современниковъ и во многомъ предвосхитилъ идеи судебной реформы пятидесятихъ годовъ.

Въ своихъ экономическихъ взглядахъ Каховскій былъ сыномъ времени. Онъ вѣрно оцѣнивалъ финансовое и экономическое положеніе Россіи: указывалъ на истощеніе страны, вызываемое непо-

сильными налогами, прямыми и косвенными, къ тому же взыскиваемыми иногда вдвойнѣ. Каховскій находилъ, что «балансъ поте-рянъ». Запретительная система, обиліе казенныхъ монополій явля-ются причиной отсутствія торговли, внѣшней и внутренней. Счита-ясь съ задачами фиска, правительство совершенно забываетъ о пользѣ народа. «Выгоды казны совершенно несогласны съ выгодами народа. Для казны можетъ быть полезна запретительная система, но для народа убійственна; ею онъ лишень столь необходимой ему внѣш-ней торговли. Всѣ откупы прибыльны казнѣ и очень, видимо, вредны народу. Всѣ налоги, возложенные казной, ей прибыльны и иссуша-ютъ источникъ богатства народнаго. Займы, казной сдѣланные въ иностранныхъ государствахъ, для нея выгодны; она не несетъ тя-гости долга; но для народа, уплачивающаго оныя—отяготительны. Скупъ въ портахъ нашихъ звонкой иностранной монеты для нея выгоденъ, но отнюдь не народу. Наконецъ, всѣ тарифы, таможи, гильдіи, цехи полезны казнѣ и обременительны народу. Казна все отымаеть у гражданъ, не оставляя имъ ничего, кромѣ тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, всѣ выгоды присваиваетъ себѣ и ни-чѣмъ не хочетъ подѣлиться. Можетъ ли такимъ образомъ суще-ствовать правительство, и могутъ ли подъ его тяжкимъ бременемъ народы благоденствовать? Правительство, удерживающее власть свою страхомъ, а не любовію подвластныхъ ему народовъ, не можетъ быть ни сильно, ни счастливо».

Не будемъ останавливаться на мнѣніяхъ Каховскаго по крестьянскому вопросу. Онъ очень хорошо зналъ экономическое поло-женіе крестьянъ и оставилъ по этому предмету въ наставленіе ге-нералу Левашову подробныя записки, но въ взглядахъ по крестьян-скому вопросу онъ не былъ оригиналенъ и раздѣлялъ убѣжденія, принятыя всѣми декабристами. Обстоятельное изложеніе ихъ взгля-довъ читатель найдетъ въ статьѣ В. И. Семевскаго ¹⁾.

Политическіе взгляды Каховскаго покоятся на слѣдующемъ по-ложеніи. Самодержавная власть враждебна истинной свободѣ и истинному просвѣщенію. «Народы, почувствовавъ слабость просвѣще-нія и свободы, стремятся къ нимъ, а правительства, огражденные штыками, селятся оттолкнуть народы въ тьму невѣжества». Вотъ смыслъ совершающагося историческаго процесса. Но вѣдь не на-роды существуютъ для правительства, а правительства для наро-довъ. Отсюда — непримиримая борьба, тѣмъ болѣе непримиримая, что при всѣхъ соглашеніяхъ народъ всякій разъ неукоснительно былъ обманываемъ царями. Нѣтъ договора съ царями. Такова схема политическихъ воззрѣній Каховскаго. Она создана ходомъ собы-тій въ Западной Европѣ, совершившихся передъ взорами Кахов-скаго и его современниковъ. Такіе взгляды свойственны и другимъ декабристамъ, но никто изъ нихъ — ни въ показаніяхъ, ни позд-нѣе—въ воспоминаніяхъ не выразилъ такъ ярко процесса оттор-

¹⁾ Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го и пер-вой половины XIX вѣка“ въ книгѣ „Крестьянскій строй“ Т. I. СПб. 1905.

женія власти отъ народа, какъ Каховскій, и не подчеркнуть съ такой силой вліяній западно-европейской исторіи на міросозерцаніе декабристовъ. Не нужно забывать и того, что Каховскій рассыпалъ свое краснорѣчіе передъ Николаемъ Павловичемъ и генераломъ Левашовымъ.

Не имѣя возможности приложить здѣсь цѣликомъ письма Каховскаго, позволяемъ себѣ привести наиболѣе яркую выдержку. Она дастъ представленіе о литературныхъ талантахъ Каховскаго и познакомитъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя вызывалъ въ декабристахъ ходъ событій западно-европейской исторіи. Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за длину цитаты.

«Предки наши, менѣе насъ просвѣщенные, пользовались болѣе свободою гражданственности. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще существовали въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ великіе Соборы, въ которыхъ участвовали различныя сословія государства. Въ царствованіе его ихъ было пять. Петромъ I, убившимъ въ отечествѣ все національное, убита и слабая свобода наша. Она сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ; медленны были успѣхи ея въ государствѣ нашемъ. Мудрая Екатерина II нѣсколько ее распространила. Ея величествомъ уже былъ заданъ вопросъ Петербургскому вольному экономическому обществу: о пользѣ и слѣдствіяхъ свободы крестьянъ въ Россіи. Великая благодѣтельная мысль обитала въ сердцѣ любимой народомъ государыни. И кто изъ русскихъ безъ умиленія прочтетъ наказъ, ею данный; онъ одинъ собой искупаетъ всѣ недостатки того времени и вѣку тому свойственные. Императоръ Александръ многое обѣщалъ намъ: онъ, можно сказать, исполниски двинулъ умы народа къ священнымъ правамъ, принадлежащимъ человѣчеству. Впослѣдствіи онъ перемѣнилъ свои правила и намѣренія. Народы ужаснулись, но уже сѣмена проросли и глубоко пустили корни. Послѣдняя половина прошлаго столѣтія и событія нашего вѣка столь богаты различными переворотами въ правленіяхъ, что мы не имѣемъ нужды ссылаться въ вѣка отдаленные. Мы свидѣтели великихъ происшествій. Образование новаго свѣта, сѣверо-американскіе Штаты своимъ устройствомъ подвинули Европу къ соревнованію. Они будутъ сіять въ примѣръ и отдаленному потомству. Имя Вашингтона, друга, благодѣтеля народнаго, пройдетъ изъ рода въ родъ; при воспоминаніи его закипитъ въ груди гражданъ любовь къ благу отечества.

«Революція Франціи, столь благодѣтельно начатая, къ несчастью, наконецъ, превратилась изъ законной въ преступную. Но не народъ былъ сему виною, а проницества дворовъ и политики. Революція Франціи сильно потрясла троны Европы и имѣла на правленіе и на народъ оный еще большее вліяніе, чѣмъ самое образованіе Соединенныхъ Штатовъ. Владычество Наполеона, война 1813 и 1814 годовъ, въ которую соединились всѣ народы Европы, призванные монархами, воспламененные воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію. Посредствомъ чего собраны несчетныя суммы съ гражданъ, чѣмъ руководились войска? Свободу

Петръ Григорьевичъ
КАХОВСКІЙ

(съ карточки изъ альбома Никиты Муравьева).

проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія и приказы! Намъ манили—и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имущества.—Наполеонъ низринуть! Бурбоны, призванные на престолъ Франціи, покоряясь обстоятельствамъ, дали конституцію народу храброму, великодушному! И присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились въ священный союзъ; составились конгрессы, возвѣстили народамъ, что они съѣзжаются для совѣщанія о уравновѣшеніи классовъ и водворенія политической свободы. Но скоро цѣль конгрессовъ открылась; скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали объ удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные народы потребовали обѣщаннаго, имъ принадлежащаго—и цѣпи и темницы стали ихъ достояніемъ!—Цари преступили клятвы свои; конституція Франціи нарушена въ самомъ своемъ основаніи: Мануэль, представитель народа, изъ палаты депутатовъ извлеченъ жандармами! Свобода книгопечатанія утѣснена; войска Франціи противъ желанія ея рѣзали законную вольность Испаніи. Карлъ X, забывъ присягу, данную Людовикомъ XVIII, вознаграждаетъ эмигрантовъ и обременяетъ для того народъ новыми налогами. Въ выборы депутатовъ вмѣшивается правительство, и въ послѣднемъ выборѣ, въ числѣ депутатовъ, только тридцать три человѣка не состоятъ на службѣ и жалованьи короля; всѣ прочіе принадлежатъ министрамъ. Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстоявшій кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принялъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягнулъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I-й еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи; въ послѣдствіи она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодѣянія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ народъ на клятвopреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрѣлъ признанное правленіе, сказалъ, что въ 1812 г. обстоятельства требовали, чтобы онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Ріего, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, выслать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и просить о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди бываютъ довѣрчивы. Ріего ручается кортесамъ за короля; его освобождаютъ. И что же? Какой первый шагъ Фердинанда? Ріего приказаніемъ его схваченъ, арестованъ, отравленъ и полумертвый, святой мученикъ, герой, отрекшійся отъ престола, ему предлагаемаго, другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, на позорной телѣгѣ, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ преступникъ! Какой поступокъ

Фердинанда! Чье сердце отъ него не содрогнется? Народы Европы вмѣсто обѣщанной свободы увидали себя утѣсненными, просвѣщеніе сжатымъ. Тюрьмы Пьемонта, Сардиніи, Неаполя, вообще всей Италіи, Германіи наполнились окованными гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона! — Вотъ случаи, въ которыхъ образовались умы и познали, что съ царями народамъ дѣлать договоръ невозможно. Противно разсудку винить націи предъ правительствомъ. *Правительство, не согласное съ желаніемъ народа, всегда виновно; ибо въ адровомъ смыслѣ законъ есть воля народная.* Цари не признаютъ сей воли, считаютъ ее буйствомъ, народы—своей вотчиной; стараются разорвать самыя священныя связи природы. Давно ли мы, русскіе, не смѣли написать и произнести слово «отечество»? Въ царствованіе императора Павла I-го оно было запрещено; слово «государство» замѣняло его, и полковникъ Тарасовъ, не вѣдая запрещенія, упомянувъ въ одномъ письмѣ къ императору отечество, сидѣлъ за то въ крѣпости. Я не думаю, чтобы и самыя цари въ глубинѣ сердца своего не сознали себя виновными! Отъ кого же зависить примириться имъ съ народами: пусть дадутъ свободу законную, чтобы народы не стремились буйно къ ней. Кровь братій драгоцѣнна для гражданъ добрыхъ; цари могутъ удержать потокъ ея, и народы благословятъ ихъ.

«Мы, русскіе, внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не такъ видятъ насъ; они видятъ, что силы наши есть резервъ деспотизму Священнаго союза. Пруссія нами возвеличена; но пруссаки не любятъ насъ. Они говорятъ: «Штыки ваши мѣшаютъ взять намъ обѣщанное, принадлежащее. Ваши военныя формы, ваши приемы, ваши маневры душатъ насъ». Въ послѣднемъ они не правы: Пруссіи обязаны мы и прочія государства Европы страстію монарховъ къ разводамъ и ученію солдатъ. Фридрихъ Великій, будучи великимъ государемъ, былъ страстнымъ капраломъ. Отъ него перешла страсть сія и распространилась.

«Силезія и часть Саксоніи, отторгнутая отъ добраго правленія короля Саксонскаго, ропщутъ и на насъ и на правительство прусское. Ограбленное королевство Саксонское можетъ ли быть довольно союзниками? Зарейнскія области Пруссіи ждуть лишь удобной минуты свергнуть иго, ихъ утѣсняющее. Дряхлая глыба Австріи столь надежна, что малѣйшій вѣтеръ способенъ разнести ее. Держава, составленная изъ клочковъ разноплеменныхъ народовъ, ненавидящихъ правленіе свое и нелюбящихъ другъ друга, можетъ ли быть прочной? Вѣнцы, варвары среди просвѣщенной Европы, гордятся своимъ мнимымъ преимуществомъ и старшинствомъ, равно ненавистны, какъ нѣмцамъ, такъ и иноплеменникамъ. Бѣдная, раздробленная, обнищавшая Италія оплакиваетъ горе свое и жаждетъ соединенія. Франція еще нѣсколько богата и счастлива, но честолюбіе ея обижено и тайное желаніе мщенія гнететъ ее. Несча-

стная Испанія! въ ней опять водворяются права святой, благодѣтельной инквизиціи; и изнеможенный народъ согбенно тащитъ бревна сооружать костеръ для своего сожженія.

«Гдѣ же, кого спасли мы, кому принесли пользу? За что кровь наша упала поля Европы? Можетъ быть, мы принесли пользу самовластію—но не благу народному. Націю ненавидѣть невозможно, и народы Европы не русскихъ не любятъ—но ихъ правительство, которое вмѣшивается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей утѣсняетъ народы.

«Университеты Германіи довольно чувствуютъ и помнятъ Коцебу и Стурзу. Коцебу постигло достодолжное возмездіе. Стурза ушелъ отъ онаго; онъ былъ вызываемъ къ оправданію университетами въ Германію и не устыдился объявить, что все, имъ писанное, было не отъ него, но по повелѣнію правительства нашего.

«Нѣкоторое время Императоръ Александръ казался народамъ Европы ихъ миротворцемъ и благодѣтелемъ; но дѣйствія открыли намѣренія и очарованіе исчезло! Сняты золотыя цѣпи, увитыя лаврами, и тяжкія, ржавыя, желѣзныя давятъ человѣчество.

«Обманутая Англія, истощившая свои гиней для уничтоженія запретительной системы, умильно смотритъ на святой союзъ!

«Единовѣрные намъ греки, нѣсколько разъ нашимъ правительствомъ возбуждаемые противъ тиранства магометанскаго, тонуть въ крови своей; цѣлая нація истребляется, и человѣколюбивый союзъ равнодушно смотритъ на гибель человѣчества! Сербы, вѣрные наши союзники, стонутъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго. Черногорцы, не дающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе во время кампаніи флота нашего въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы. Одинаковое чувство одушевляетъ всѣ народы Европы, и сколь ни утѣснено оно, но убить его невозможно. Сжатый порохъ сильнѣе дѣйствуетъ! и пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Нѣкая тишина лежитъ теперь на пространствѣ твердой земли просвѣщенной Европы; но кто знаетъ, чему она предвозвѣстница? Не гремитъ оружіе, но умы дѣйствуютъ! Народы не пошатнулись, твердо идутъ впередъ къ просвѣщенію; несмотря на всѣ заклепы, жажда свѣдѣній распространяется и находитъ источники къ утоленію. Строгая цензура со всѣми способами полиціи и таможни никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ, ни внутреннихъ сочиненій. И стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разойдется по рукамъ. Во Франціи запретится книга—и въ самомъ скоромъ времени въ Россіи она явится. Разумноженное шпіонство доказываетъ лишь слабость правительствъ, и что они сами чувствуютъ, сколь они неправы предъ народами. Посредствомъ шпіонства прекращаются ли толки сужденія? Мѣры берутся противъ мѣръ и утончаются способы скрывать желанія, дѣйствія и надежды».

Можно только удивляться поразительно вѣрной оцѣнкѣ событій историческихъ, первой четверти XIX вѣка. Вѣрность общихъ соображеній не подлежитъ сомнѣнiю и по сіе время.

4.

Міросозерцаніе Каховскаго сложилось раньше, чѣмъ онъ узналъ объ обществѣ. Но развѣ нужно принадлежать къ обществу, чтобы исповѣдывать его міросозерцаніе? «Мы не составлялись въ общество, но совершенно готовые въ него лишь соединились, писалъ генералу Левашову Каховскій 24 февр. 1826.—Начало и корень общества должно искать въ духѣ времени и положенія, въ которомъ мы находимся. Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ, и вообще, думаю, число ихъ невелико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ. И юноши, пламенія чистой, сильной любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами ¹⁾».

Съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ настроеніемъ появился Каховскій въ столицѣ. Онъ жаждалъ принести жертву за дѣло свободы. Изъ Петербурга онъ рассчитывалъ отправиться въ Грецію и, подобно Байрону, принять участіе въ борьбѣ за греческое освобожденіе. Появленіе его было замѣчено декабристами. «Незамѣтно протекалъ 1825 годъ,—пишетъ Е. П. Оболенскій въ своихъ запискахъ.—Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ душу пылкую, принялъ его въ члены общества. Лично я его мало зналъ, но, по отзыву Рылѣева, мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ второго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька» ²⁾.

¹⁾ Излагая дѣятельность Каховскаго по тайному обществу, мы руководимся немногочисленными указаніями, сдѣланными въ воспоминаніяхъ декабристовъ, но главнымъ образомъ основываемся на официальныхъ данныхъ слѣдствія. Слѣдственный матеріалъ всегда сомнителенъ и опираться на него можно только послѣ тщательнаго критическаго анализа всѣхъ данныхъ—за и противъ. Въ дѣлѣ Каховскаго нужно исходить изъ послѣдняго признанія, сдѣланнаго имъ послѣ продолжительнаго заперательства 11 и 14 мая. Исторія процесса Каховскаго будетъ изложена ниже, но теперь слѣдуетъ указать, что въ этомъ послѣднемъ признаніи Каховскій сжигалъ корабли, объявлялъ о своемъ заперательствѣ и дѣлалъ сознаніе. Это признаніе должно быть сопоставляемо съ свидѣтельствами мемуаровъ и, только послѣ этого, съ показаніями участниковъ въ дѣлѣ. При анализѣ всякихъ показаній нужно устанавливать основную тенденцію поведенія во время слѣдствія.

²⁾ „Общ. движ. въ первую половину XIX в.“, т. I, стр. 243. Оболенскій ошибается, утверждая, что онъ служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку.

Дѣйствительно, съ Рылѣвымъ Каховскій былъ знакомъ уже давно. Еще въ 1820 году между ними происходили разговоры объ общественномъ служеніи. Сохранились датированные 1820 годомъ стихи Рылѣва, посвященные Каховскому и написанные въ отвѣтъ на стихи послѣдняго, въ которыхъ онъ совѣтовалъ ему навсегда остаться въ Украинѣ. Рылѣвъ отвѣчалъ:

..Чтобъ я молодые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случится...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славою не плѣнится!
Кумиръ молодой души,
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы“¹⁾.

Въ первыхъ своихъ показаніяхъ Каховскій отрицался отъ продолжительнаго знакомства съ Рылѣвымъ, настаивая на томъ, что онъ познакомился съ нимъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ, въ домѣ Глинки; но въ послѣднемъ признаніи онъ заявилъ рѣшительно: «я не познакомился съ Рылѣвымъ у Глинки». Завязанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ отношенія упрочились на почвѣ политическихъ разговоровъ и предпріятій. «Скоро я съ нимъ—писалъ въ этомъ признаніи Каховскій—сошелся довольно коротко, бывалъ часто у него, онъ у меня, и всегда при свиданіяхъ разговоръ нашъ большею частью былъ о правительствѣ. Согласіе въ мнѣніяхъ насъ подружило. Онъ открылъ мнѣ о тайномъ обществѣ, принялъ меня въ оное и при самомъ принятіи открылъ мнѣ и цѣль онаго; истребленіе царствующей фамиліи и водвореніе правленія народнаго. Я съ нимъ во всемъ былъ согласенъ. Онъ просилъ меня распространять свѣдѣнія, стараться усиливать общество надежными и полезными людьми, сказавъ: «особливо старайся принимать офицеровъ гвардіи, но будь остороженъ въ выборѣ и не открывай цѣль настоящую, а лишь возбуждай ненависть къ правительству и стремленіе къ свободѣ; до прочаго каждый самъ дойдетъ. Рисковать намъ много не надо. Мнѣ съ тобой скрываться не нужно, ты самъ столько же готовъ, какъ и я; ты многое узнаешь, но, пожалуйста, при пріемѣ не открывай членовъ и береги общество». Я нимало не скрываюсь. Рылѣвъ мнѣ не сказалъ ничего новаго. Точно, я давно былъ готовъ. Онъ меня не составилъ—черезъ него я лишь соединился съ обществомъ. Насчетъ распространенія свѣдѣній, я ихъ и безъ него дѣлалъ».

Рылѣвъ о знакомствѣ съ Каховскимъ далъ 24 апрѣля нѣсколько различающееся показаніе. «Каховскій пріѣхалъ въ Петербургъ съ

¹⁾ Сочиненія К. Ѳ. Рылѣва, изд. М. Н. Мазаевымъ, Спб. 1893 г., стр. 82.

намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію и совершенно *случайно познакомился* со мной ¹⁾. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего: ни силъ, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими нескромными вопросами; но это самое было причиною, что я рѣшилъ навсегда оставить его въ невѣдѣніи ²⁾.

Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ съ самаго начала открылъ ему двѣ цѣли общества: водвореніе правленія народнаго и истребленіе царствующей фамиліи. Рылѣевъ отрицалъ это и стоялъ на томъ, что Каховскій самъ вызвался быть цареубійцей.

Различіе въ показаніяхъ Каховскаго и Рылѣева объясняется тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не посмѣли сказать всей правды до конца.

Каховскій долженъ былъ бы сказать, что онъ, дѣйствительно, обрекъ себя въ жертву родинѣ, бралъ на себя крайній эффектъ революціонной энергіи, обѣщалъ поразить тирана. А онъ до конца жизни не сказалъ этого: быть можетъ, потому, что сказать это значило бы обнажить свою душу, открыть сокровеннѣйшіе замыслы. Быть можетъ, также ему было чрезчуръ тяжело рассказать царю, отъ котораго онъ скрылъ это и расположеніе котораго (такъ казалось ему) онъ завоевалъ. Въ своихъ признаніяхъ онъ доходилъ до утвержденій, что онъ непременно выстрѣлилъ бы «по Государю», если бы тотъ подѣхалъ къ каре. Онъ даже иногда проговаривался: говоря о томъ, какъ наканунѣ 14 декабря заговорщики умоляли его рѣшиться на цареубійство, онъ высказывалъ удивленіе: «зачѣмъ было меня уговаривать, когда я самъ вызвался?» Онъ сознавался въ томъ, что когда ему открыли цѣль общества—истребленіе фамиліи, онъ былъ согласенъ; и все же онъ не рѣшался открытъ своей инициативы, оригинальности своего замысла.

Въ своихъ отвѣтахъ Каховскій не одинъ разъ повторяетъ о своемъ самоотверженіи, о своей готовности пожертвовать жизнью. ради блага отечества поразить родного отца, принести на алтарь любви къ родинѣ не только жизнь, а даже честь. «Для блага общаго я не видалъ преступленія». И во всѣхъ этихъ фразахъ есть недоговоренное: онъ умалчиваетъ о крайней цѣли, о конечномъ эффектѣ своего самоотреченія: истребленіи тирана. «Человѣкъ, чѣмъ-то огорченный, одинокій, мрачный, готовый на обреченіе; однимъ словомъ, Каховскій. Онъ самъ предложилъ себя на случай надобности въ режиссиды»—какъ характеризуетъ его наблюдательный Штейнгель.

¹⁾ Это показаніе Рылѣева опровергается приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Оболенскаго и словами Каховскаго.

²⁾ Г. А. I. В. № 334. Въ дальнѣйшемъ ссылокъ на это дѣло Рылѣева и дѣлаемъ.

Такъ онъ и остался въ памяти всѣхъ декабристовъ, какъ режиссера, какъ обреченнаго самъ себя на жертву.

Не сказалъ всей правды и Рылѣевъ. Онъ не посмѣлъ сказать того, что Каховскому съ самаго начала была открыта цѣль общества— истребленіе фамилии и водвореніе народнаго правленія. Впрочемъ, эта градація, пущенная въ ходъ Каховскимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; это не двѣ равнозначущія цѣли — истребленіе и водвореніе новаго строя; это соподчиненныя одна другой—переворотъ, необходимо связанный съ истребленіемъ. Каховскій не случайно употребилъ эту градацію: она-то и могла заинтересовать его и привлечь его вниманіе къ обществу. И нѣтъ сомнѣнія, что открывая ему о тайномъ обществѣ и зная его за человѣка, распаленнаго любовью къ отечеству, Рылѣевъ указалъ, что его «способности» найдутъ приложеніе въ обществѣ, а мечты воплотятся. А обществу были необходимы такіе люди, какъ Каховскій. Самъ Рылѣевъ, гражданскій поэтъ, звавшій къ борьбѣ съ самовластительнымъ тираномъ и воспѣвавшій Брута, понималъ необыкновенность самоотреченія; и его отношеніе къ подвигу, какъ поэта, шло на встрѣчу желаніямъ вождя и организатора тайнаго общества. Но онъ былъ слишкомъ мягкой и добрый человѣкъ, и при малѣйшей попыткѣ мысленно представить воплощеніе идеи онъ сейчасъ же отказывался отъ фактическаго осуществленія. Давая во время слѣдствія отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ царевубійству, Рылѣевъ по временамъ отказывался даже вѣрить, что въ его головѣ роились мысли о царевубійствѣ. Онъ все время провѣрялъ себя и мѣнялъ свои показанія. Его послѣднее признаніе: «дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Я полагалъ, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ»... У Рылѣева хватило силъ сознаться въ томъ, что онъ думалъ и соображалъ о царевубійствѣ, но не хватало смѣлости признать, что онъ высказывался по этому поводу въ разговорахъ съ другими. И тутъ же объ этихъ разговорахъ онъ самъ сообщаетъ!

Каховскій понималъ умерщвленіе тирана, какъ актъ высшей нравственности; Рылѣевъ, совершенно согласный съ такой точкой зрѣнія въ своей поэзіи, въ жизни не могъ даже представить себѣ убійства и, вынужденный своей ролью вождя тайнаго общества, смотрѣлъ на умерщвленіе тирана, какъ на актъ крайней необхо-

димости. Актъ высшей нравственности и актъ крайней необходимости—вотъ двѣ точки зрѣнія, исчерпывающія взгляды декабристовъ въ моментъ царевубійства. На первой стоятъ индивидуалисты (Якушкинъ, Якубовичъ, Каховскій), на второй—партийные люди, организаторы общества. Но послѣдніе не разработали своей точки зрѣнія въ приложеніи къ партийной организаціи: они много говорили по этому поводу, но въ программу своихъ дѣйствій не ввели. Поэтому-то съ положеніями «Донесенія слѣдственной комиссіи» объ отношеніи общества къ царевубійству никоимъ образомъ нельзя не согласиться.

Идея умерщвленія тирана отвѣчала романтическому строю души Каховскаго, ибо это обреченіе на смерть другого человѣка и самого себя представлялось высшимъ подвигомъ жизни. Этотъ подвигъ поднималъ на необыкновенную высоту свершителя въ его собственномъ сознаніи и въ мнѣніяхъ другихъ. Манило и въ тоже время оправдывало безкорыстіе подвига, полнѣйшее отсутствіе личныхъ мотивовъ. Однимъ лишь благомъ родины мотивировался этотъ подвигъ и возникало ревнивое отношеніе ко всякой возможности истолковать, использовать это дѣло какъ-нибудь иначе. Ревность была даже по отношенію къ обществу: «для отечества, но не для общества». Появилось чувство враждебнаго противоположенія себя обществу, и самая мысль, что общество, входя въ сношенія съ обреченнымъ, сознательно въ своихъ цѣляхъ воспользуется этимъ актомъ, сознательно готовить себѣ *орудіе*, казалось неизмѣримо обидной и тяжелой. Вѣдь идея самопожертвованія была украшеніемъ жизни Каховскаго. Онъ, такой «невзрачный съ виду, съ обыкновеннымъ лицомъ и оттопырившейся губой, придававшей ему видъ дерзости»; человѣкъ съ неудавшейся жизнью, пролетарій, не имѣвшій средствъ къ существованію, одинокій, безъ родственныхъ и дружескихъ связей, таить въ себѣ необыкновенныя богатства духа: онъ принесетъ себя въ жертву родинѣ, обнаружитъ неизмѣримую щедрость души, заходя въ своемъ дерзновеніи безпредѣльно далеко, дальше всѣхъ. Эти мечтанія создавали мистическое отношеніе къ идеѣ умерщвленія тирана и наполняли жизнь мистическими переживаніями. Не представлялось возможности совершить сейчасъ же сокровенный замыселъ, приходилось ждать, и длительность только обостряла эти переживанія.

Всѣ эти соображенія нужно имѣть въ виду для того, чтобы понять самый процессъ взаимодействія между Каховскимъ и Рылѣвымъ на почвѣ царевубійства.

Мысль о царевубійствѣ, объ истребленіи фамиліи страннымъ образомъ связывала Рылѣва и Каховскаго. Членъ тайнаго общества былъ нуженъ Каховскому, потому что при его содѣйствіи онъ легче могъ реализовать сокровенную мечту; русскій Зандъ былъ необходимъ Рылѣву, потому что въ распоряженіи общества оказывался человѣкъ, который сдѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что

такъ идетъ на встрѣчу цѣлямъ общества и о чемъ среднему члену страшно подумать. Къ мысли объ устраненіи фамиліи чаще всего направлялось ихъ соединенное вниманіе. Вокругъ ихъ разговоры о царевубійствѣ создавалась душная атмосфера. Ихъ нервы находились въ напряженномъ состояніи, и отношенія были порывисты, то улучшались, то ухудшались. Они сближались и расходились: то Каховскій начиналъ подозрѣвать Рылѣва въ нечистотѣ намѣреній и заявлялъ о своемъ выходѣ изъ общества, то Рылѣвъ, вдругъ уставая отъ его неистовства, начиналъ бояться, что несвоевременнымъ покушеніемъ онъ испортитъ дѣло общества, и удалялъ Каховскаго изъ числа членовъ. А потомъ они опять сходились и разсуждали все о томъ же. До Каховскаго доходили льстившіе ему, быть можетъ, слухи о томъ, что Рылѣвъ указываетъ на него, какъ на Занда, но онъ горѣлъ отъ негодованія, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ, какъ на орудіе Рылѣва. Его нѣсколько обижало отношеніе къ нему Рылѣва. Послѣдній — не прочь былъ разгласить о немъ, какъ объ обреченномъ, но не спѣшилъ сблизить его съ другими членами общества и посвятить въ тайны организациі. Кажется, Рылѣвъ немного мистифицировалъ молодыхъ членовъ «думой»: въ сущности, вся «дума» была въ немъ самомъ, а онъ выдавалъ ее за необыкновенно авторитетное учрежденіе, въ которомъ будто бы находились самые важные люди государства. Такая же игра была и съ диктаторомъ Трубецкимъ. Трубецкой только показывался, мало или совсѣмъ почти не разговаривалъ съ недавними членами, и для нихъ онъ дѣйствительно былъ диктаторомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбу общества и въ нужный моментъ диктующимъ дѣйствія. Каховскій очень тонко подмѣтилъ подкладку дѣйствій Рылѣва: «Рылѣвъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отрасли совѣщаній никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить; но онъ дѣлалъ все по своему; имъ выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора; а диктаторъ, я не знаю, едва ли не былъ игрушкой тщеславія Рылѣва». «Трубецкого — говоритъ Каховскій въ другомъ своемъ отвѣтѣ — я даже никогда не слыхалъ говорящимъ. Онъ, кн. Оболенскій, кн. Одоевскій, Николай Бестужевъ, Пущинъ всегда заирались. Сіе мнѣ разъ даже замѣтилъ Сутгофъ, сказавъ: «Насъ, братья, баранами считаютъ». И правда его. О чемъ они толковали, это имъ извѣстно; намъ не сдѣлали никакихъ распоряженій, сѣгнули на площадь, какъ барановъ, а сами спрятались». Какъ сильно въ этихъ отзывахъ, данныхъ много спустя послѣ роковыхъ событій (май 1826 г.), чувство обиды на незаслуженное имъ недовѣріе, невниманіе! Онъ — обреченный, а отъ него имѣютъ тайны. Все это настраивало крайне возбужденно.

Въ показаніяхъ декабристовъ переданы многочисленнѣйшіе разговоры ихъ о царевубійствѣ, отдѣльныя фразы. Противорѣчіе между ними очень значительно, каждый изъ нихъ утверждалъ, что онъ

не сказалъ тѣхъ словъ, которыя ему приписаны другимъ; Одинъ ссылается на другого. Одинъ говоритъ, что тотъ де говорилъ о цареубійствѣ и изобрѣлъ такой-то методъ истребленія фамиліи, а тотъ сваливалъ на перваго. Всѣ эти разговоры, разсѣянные въ различныхъ показаніяхъ, конечно, не имѣютъ никакого значенія для выясненія тактики декабристовъ въ вопросѣ о цареубійствѣ: вѣдь въ программу дѣйствій общества этотъ актъ введенъ не былъ. Самое большое—передъ 14 декабря предоставляли разрѣшеніе этого вопроса случаю или ждали дѣйствій отъ «обреченныхъ», какъ это было съ Каховскимъ. Но всѣ эти разговоры, не имѣющіе никакой юридической цѣны, важны для выясненія психологіи декабристовъ: они вскрываютъ ихъ душевное отношеніе къ этому акту. И ихъ нужно взять всѣ цѣликомъ, *во всей ихъ полнотѣ, со всеми противорѣчіями и взаимными отрицаніями*. Вотъ эти-то противорѣчія именно и характерны.

Пользуясь этими показаніями, мы нарисуемъ нѣсколько моментовъ изъ исторіи отношеній Каховскаго и Рылѣва на почвѣ главной идеи, ихъ соединявшей. Воображеніе воскреситъ нѣсколько сценъ, разыгравшихся въ Петербургѣ въ достопамятный годъ. Вотъ разсказъ Рылѣва (24 апрѣля 1826).

«Въ началѣ прошлаго года Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Послушай, Рылѣвъ, я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшилъ убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ. Пусть она назначитъ мнѣ срокъ.

«Я, въ смятеніи вскочивъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему:

— Что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить общество! И кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе? — За симъ старался я отклонить его отъ его намѣренія, доказывая, сколь оное можетъ быть пагубно для цѣли общества, но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я насчетъ общества не беспокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился и намѣреніе свое исполнитъ непремѣнно. Опасаясь дабы въ самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я, наконецъ, рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему:

— Любезный Каховскій! подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня, потому что ты у меня часто бывалъ. Я общества не открою, но вспомни, что я отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?

«Каховскій прослезился и сказалъ:

— Ну, дѣлать нечего. Ты убѣдилъ меня!

— Дай же мнѣ честное слово—продолжалъ я—что ты не исполнишь своего намѣренія.—Онъ мнѣ далъ оное. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться; я охладѣлъ къ нему; мы часто стали спорить другъ съ другомъ и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ

онъ снова обратился къ своему намѣренію и постоянно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что я жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга. За симъ узналъ я, что егѣ нѣсколько дней не было въ городѣ. Я спѣшилъ съ нимъ увидѣться, чтобы узнать, не ѣздилъ ли онъ въ Царское Село, боясь, что не тамъ ли онъ хочетъ исполнить свое предпріятіе, но подозрѣнія мои оказались ложными. Онъ ѣздилъ въ деревню, въ которой была расположена рота Сутгофа. Съ самаго того дня, какъ я узналъ о намѣреніи Каховскаго, я сталъ стараться о удаленіи его изъ Петербурга и, наконецъ, совѣтовалъ ему опять вступить на военную службу, представляя, что онъ въ мундирѣ полезнѣе будетъ обществу, нежели во фракѣ. Онъ согласился и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ какой-то пѣхотный полкъ, но ему отказали, потому что онъ служилъ въ кавалеріи. Я склонялъ его вступить въ прежній полкъ, но какъ уже онъ совершенно обмундировался въ пѣхоту, то и сталъ снова домогаться объ опредѣленіи въ оную. Между тѣмъ при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу Думу о его намѣреніи и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого, кромѣ его, не употребить къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора.

Зная пылкость и рѣшимость Каховскаго, его нетерпѣливое желаніе пожертвовать жизнью дѣлу свободы, мы можемъ не сомнѣваться, что рассказъ Рылѣва соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но въ то же время и кое-что замалчиваетъ. Мы понимаемъ положеніе Рылѣва, застигнутаго врасплохъ вызовомъ Каховскаго: какъ, покушеніе въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда общество было бы просто не въ состояніи использовать это покушеніе. Рылѣвъ-то вѣдь зналъ, что представляло то таинственное общество, которое Каховскому казалось могучимъ и властнымъ! Но Рылѣвъ умолчалъ о томъ, что, удерживая Каховскаго въ обществѣ, онъ непремѣнно долженъ былъ выставлять истребленіе фамиліи, какъ цѣль общества. Онъ и обнадежилъ Каховскаго, сообщивъ ему, что на маскарадѣ въ новый годъ или на петергофскомъ праздникѣ можно будетъ привести въ исполненіе ихъ взаимный замыселъ и истребить фамилію. Когда Каховскому были предъявлены показанія Рылѣва, онъ былъ крайне возмущенъ ими и, должно быть, въ особенности, отрицаніемъ своей собственной роли въ процессѣ обдумыванія цареубійства. Выходило такъ, что онъ напрашивался съ своимъ замысломъ, а общество собиралось только поумнѣ воспользоваться актомъ Каховскаго! Въ своихъ отвѣтахъ онъ не поощрилъ Рылѣва.

«Обстоятельства мои не позволили мнѣ надолго оставаться въ Петербургѣ; братъ мой уѣхалъ, и я вслѣдъ за нимъ хотѣлъ выѣхать. Переѣхалъ изъ трактира «Лондонъ», гдѣ я жилъ, въ домъ

Энгельгардта, въ Коломну, и въ продолженіе двухъ или болѣе недѣль не видался съ Рылѣевымъ. За день передъ отъѣздомъ моимъ я пошелъ къ нему проститься, и онъ о отъѣздѣ моемъ не зналъ; со мной вмѣстѣ изъ дому вышелъ и Энгельгардтъ, сколько я помню; кажется, онъ пошелъ къ графу обѣдать. Въ переулкѣ отъ Мойки въ Офицерскую улицу намъ встрѣтился Рылѣевъ съ Сомовымъ; я остановился съ нимъ и Энгельгардтъ тоже. Рылѣевъ сталъ мнѣ говорить, что мы давно не видались, и сказалъ:

— А мнѣ есть до тебя дѣло. — Я отвѣчалъ ему, что былъ у него нѣсколько разъ, но не заставалъ его и теперь шелъ къ нему.

— Да, хорошо ко мнѣ.

— Спроси Энгельгардта, что къ тебѣ шелъ. — Энгельгардтъ при семъ сказалъ: «точно, онъ шелъ къ вамъ проститься: онъ завтра ѣдетъ» и съ симъ поклонился и ушелъ. Рылѣевъ сталъ спрашивать, куда я ѣду и зачѣмъ? Я сказалъ ему, что ѣду домой, въ Смоленскъ. Онъ сталъ меня уговаривать остаться, но я сказалъ ему откровенно, что не могу остаться, не имѣя денегъ, чтобы жить въ Петербургѣ. Онъ возразилъ на сіе:

— Э, братецъ! какъ же тебѣ не стыдно, зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ? Возьми денегъ у меня, сколько тебѣ надо. — Пригласилъ меня идти вмѣстѣ къ нему обѣдать. Ввечеру просилъ меня зайти къ нему, говоря, что ему нужно со мной переговорить: «и я думаю, я успѣю уломать тебя остаться здѣсь». Ввечеру пришелъ къ нему; онъ сталъ мнѣ говорить, что я необходимо нуженъ, что общество скоро начнетъ свое дѣйствіе и упрашивалъ меня остаться, говоря, что черезъ меня соединяется лейбъ-гренадерскій полкъ. На слова мои, зачѣмъ я останусь; когда вы еще начнете дѣйствовать? онъ поклялся мнѣ, взглянувъ на образъ, что непременно въ 1826 году; что все почти готово, членовъ достаточно, что лишь остается приготовить солдатъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что положено истребить царствующую фамилію или въ маскарадѣ, на новый годъ, или на праздникѣ въ Петергофѣ. Онъ совѣтовалъ мнѣ вступить въ службу въ новгородское поселеніе, говоря, что обществу нужно тамъ имѣть людей надежныхъ и что въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣю тамъ приготовить нѣсколько къ возстанію и что мнѣ въ томъ тамъ будутъ помощники. Я согласился съ нимъ остаться въ Петербургѣ, но въ новгородское поселеніе идти служить не рѣшился. Онъ совѣтовалъ мнѣ подать въ какой-нибудь полкъ, говоря, что въ мундирѣ я буду виднѣе и болѣе буду въ силахъ дѣйствовать на солдатъ при возстаніи и что при опредѣленіи найдутъ средства оставить меня въ Петербургѣ. Совѣтовалъ мнѣ опредѣлиться въ учебный карабинерный полкъ; но я и на сіе не согласился. Подаль просбу въ елецкій пѣхотный полкъ, куда я и прежде сего думалъ опредѣлиться. Я занялъ у Рылѣева денегъ, и онъ поручился за меня портному (все сіе было въ началѣ прошлаго года). Въ принятіи меня въ пѣхоту мнѣ отказали. Я остался въ Петербургѣ ждать предполагаемаго возстанія . . . . . :

Рылѣвъ, видя во мнѣ страстную любовь къ родинѣ и свободѣ, пылкость и рѣшительность характера, сталъ дѣйствовать такъ, чтобы приготовить меня быть кинжаломъ въ рукахъ его. Но онъ умѣлъ себя хорошо вести и очень во мнѣ ошибся. Я не буду говорить всего, какъ онъ мнѣ представлялъ въ примѣры Брута, даже Соловьева, который убилъ Батурина. Просто, скажу вашему превосходительству, что Рылѣвъ потерялъ разсудокъ, склоняя меня. Онъ думалъ, что онъ очень тонокъ, но былъ такъ грубъ, что я не знаю, какой бы невѣжа его не понималъ. По пріѣздѣ Якубовича изъ Москвы, Рылѣвъ рассказывалъ мнѣ, что будто Якубовичъ рѣшался убить императора въ парадѣ на Царицыномъ Лугу. Вы изволили слышать, какъ онъ себя оправдывалъ; я расскажу вамъ весь о семъ разговоръ мой съ нимъ, чтобы вы могли судить, какъ онъ изворачивался. Онъ говорилъ:

— Не правда ли, Каховскій, славный бы поступокъ былъ Якубовича?

— Ничего, братъ Рылѣвъ, нѣтъ здѣсь славнаго: просто, мщеніе оскорбленнаго безумца; я разумѣю славнымъ то, что полезно.

— Да, я съ тобой согласенъ, потому и удержалъ Якубовича до время; но я говорю, что какой бы урокъ царямъ. Тиранъ палъ среди тысячи опричниковъ.

— Что же такое, что палъ, завтра будетъ другой. Хорошо, если можно поразить тиранство; а уроковъ — разверни исторію и найдешь ихъ много.

— Я тебя знаю, ты только чтобы спорить, а самъ защищаешь Занда.

— Да, Рылѣвъ, противъ безмысленныхъ невѣждъ.

— Ты такъ завистливъ, что вѣчно все то осуждаешь, чего самъ не можешь сдѣлать. Ну, а не говорилъ ли ты, что и Соловьевъ сдѣлалъ дѣло.

— Да, говорилъ, потому что Соловьевъ ничего не могъ болѣе сдѣлать; но намъ руководствоваться личнымъ мщеніемъ гадко и жертвовать собой надо знать для чего. Идти убить царя—мудренаго ничего нѣтъ—и всѣхъ зарѣзать не шутка; но, низвергнувъ правленіе, надо имѣть возможность возстановить другое; а иначе, братъ, безумно приступать. Завидовать, право, мнѣ нечему; я готовъ сейчасъ собой пожертвовать, но хочу, чтобы изъ того была польза.

— Однако, скажи, что можетъ ли положеніе Россіи, при какомъ бы то ни было переворотѣ, быть хуже, чѣмъ теперь?

— Потому я много не разсуждаю и соглашаюсь съ тобой».

Оцѣнивая этотъ рассказъ, мы должны принять во вниманіе, что это былъ, очевидно, одинъ изъ многихъ, душныхъ разговоровъ о цареубійствѣ, происходившій—надо полагать—сейчасъ же по возобновленіи ихъ сношеній, когда Рылѣвъ испытывалъ «чистоту» Каховскаго и нащупывалъ почву. Быть можетъ, раздраженный Каховскій обострилъ тутъ роль Рылѣва и исказилъ дѣйствительность, но мы останавливаемся лишь на мелькающихъ тутъ

аргументахъ цареубійства, несомнѣнно высказанныхъ по тому или иному поводу: тутъ и восхваленіе самоотверженія Якубовича, и выясненіе чистоты его намѣреній и осторожная (высказанная въ маѣ 1826) похвала Занда — какъ разъ вся характерная современная обстановка.

Приведемъ еще одинъ разговоръ, переданный Каховскимъ.

«Одинъ разъ осенью, зайдя къ Александру Бестужеву, нашель его собирающимся идти ходить. Онъ пригласилъ меня идти съ нимъ; дорогой говорили о дѣлахъ общества, и, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Представь, Рылѣвъ воображаетъ, что найдутся люди, которые не только рѣшатся собою пожертвовать для цѣли общества, но и самую честь принесуть для нея въ жертву. Я просилъ его истолковать мнѣ слова сіи. Онъ разсказалъ мнѣ предложеніе Рылѣва. Тѣмъ, которыя рѣшатся истребить царствующую фамилію, дадутъ всѣ средства бѣжать изъ Россіи, но если они попадутся, то должны показать, что не были въ обществѣ, потому что общество чрезъ то можетъ пострадать. Цареубійство для какой бы то цѣли ни было, всегда народу кажется преступленіемъ. Но сіе я говорилъ, и Бестужевъ былъ того же со мной мнѣнія, что если убить царя есть преступленіе и теперь, и во время свободы также будетъ видѣться (считаться), то лучше къ сему не приступать, и что вѣрно не найдутся на сіе люди Бестужевъ сказалъ мнѣ:

— А Рылѣвъ все толкуеть о тебѣ, что ты на все рѣшишься.— Я отвѣчалъ:

— Напрасно сіе говоритъ Рылѣвъ; если онъ разумѣетъ меня кинжаломъ, то пожалуйста скажи ему, чтобы онъ не укололся; я давно замѣчаю Рылѣва; онъ только меня склоняетъ, но обманется. Я готовъ собой жертвовать отечеству, но ступенькой ему, или кому другому, къ возвышенію не лягу.—На другой день я занемогъ, просилъ Рылѣва ко мнѣ придти, и когда пришелъ онъ, я ему разсказалъ мой разговоръ съ Александромъ Бестужевымъ. Онъ ужасно разсердился, наговорилъ мнѣ, что *я весь во фразахъ и что онъ во чистотѣ моей обманулся*, и что Бестужевъ лгалъ обо мнѣ и что и безъ меня есть много желающихъ и чище меня. Скоро потомъ пришелъ Бестужевъ, сказалъ мнѣ, что Рылѣвъ на меня сердится, затѣмъ онъ мнѣ сказалъ:

— Я не хочу обманывать и иду прямо.

«Послѣ всего мной узнаннаго я требовалъ настоятельно, чтобы было представлено Думѣ написанное къ членамъ оной письмо, но Рылѣвъ сжегъ его и отказалъ мнѣ представить меня въ оную, за что я съ нимъ поссорился и отказался отъ общества».

Александръ Бестужевъ даетъ слѣдующій комментарий къ этому разговору.

«Я уже и прежде сказалъ, что Рылѣвъ назначалъ Каховскаго для нанесенія удара, и говорилъ не однажды, что онъ чистъ, и что если тѣ, которые нанесутъ ударъ, не уйдутъ, то должно будетъ ихъ наказать. Желая какъ-нибудь удалить Каховскаго, ибо думалъ,

что онъ могъ бы на сіе рѣшиться, я старался подстрекать его любопытство и, наконецъ, имѣлъ точно разговоръ, показанный Каховскимъ, гдѣ тонко показалъ ему, что его хотягь употребить низкимъ орудіемъ убійства. Это средство подѣйствовало, Каховскій разсердился и просилъ меня сказать Рылѣву, что онъ не ступенька для ихъ умниковъ. Когда я рассказалъ Рылѣву, онъ взбѣсился на меня, говоря, что я для того только, чтобъ показать силу своего убѣжденія, порчу членовъ, и что я могъ бы беречь такія мнѣнія про себя. На что я и сказалъ, что я не обманщикъ и людей въ западню ловить не хочу; надо, чтобы всякій вполнѣ видѣлъ, что онъ дѣлаеть... Что же касается до ссоры нашей съ Рылѣвымъ, а его съ Каховскимъ, она дѣйствительно была и мнѣ казалось за то, что я (говорилъ) К. не такъ рѣзко. («Ты считаешь К. чистымъ,— говорилъ я Рылѣву—а онъ честолюбець, и когда я сказалъ ему, что ждетъ царевубійць—онъ твердитъ, что не ступенька для другихъ. Право, кажется, онъ мѣтитъ въ воеводы». Тутъ-то Рылѣвъ возразилъ, что «вѣрно я вселилъ въ него такія мысли, что порчу человѣка и проч., и вѣрно онъ забылъ этотъ случай, если противорѣчить»). Но статья можетъ, къ тому присоединились и другія причины, и Рылѣвъ, точно сердясь на Каховскаго, мнѣ говорилъ, что онъ любопытствомъ своимъ нарушаетъ законы общества. (Я говорилъ Каховскому: «Странно, празо, что Рылѣвъ съ вами таится, такому человѣку можно бы открыть и Думу» и проч. Вслѣдствіе чего онъ и надоѣлъ Рылѣву). Послѣ сего не разъ Каховскій говаривалъ шутя, что Якубовичъ у него отбиваетъ первое мѣсто».

Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ фразъ и не были сказаны, но онъ хорошо передаютъ нервную, напряженную атмосферу, окружавшую всѣ такіе разговоры, и какъ бы хранятъ еще слѣды тончайшихъ переживаній... Нельзя не остановить вниманія на единогласно подтверждаемомъ фактѣ непрерывныхъ ссоръ и споровъ, сходящихъ и расходящихъ. И на дому у Рылѣва, и въ залахъ трактира «Лондона» и гостиницы «Неаполь», идутъ нескончаемые, возбужденные разговоры все о томъ же. Приведемъ еще одинъ рассказъ Каховскаго, иллюстриующій сомнѣнія, обуревающія декабристовъ: «Рылѣвъ прежде разговора моего съ Бестужевымъ былъ со мной искрененъ и въ одно время сказалъ мнѣ, что Дума на нѣкоторое время должна будетъ удержатъ правленіе за собой, въ чемъ я съ нимъ не согласился и, напротивъ, представлялъ ему, что общество все должно сдѣлать для блага отечества, но ничего не брать на себя и по успѣхѣ въ предпріятіи стараться избрать людей, извѣстныхъ въ государствѣ, которые бы составляли временное правленіе, пока изберутся депутаты, и имъ представить конституцію, которую они въ правѣ принять или что въ ней переимѣнить, или совершенно отвергнуть. Рылѣвъ съ этого смѣялся, говоря:

— Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова, что ли, сдѣлать правителемъ? Пожалуйста, не мѣшайся, ты

ничего болѣз, какъ рядовой въ обществѣ, да и отъ меня немного зависить; какъ опредѣлить Дума, такъ и будетъ.—Много сему подобнаго, что дало мнѣ подозрѣвать Рылѣева, и я того не скрывалъ отъ него. Никогда я не вызывался убить покойнаго императора, но въ разговорѣ и самоотверженіи сказалъ Рылѣеву: «Для блага моего отечества я готовъ бы былъ и отцомъ моимъ пожертвовать». Я помню очень: сей разговоръ былъ лѣтомъ. Мимо окна шелъ князь Одоевкій, я зазвалъ его и при немъ говорили, что необходимо нужно, кто рѣшится собой жертвовать, знать, для чего онъ жертвуетъ, чтобы не пасть для тщеславія другихъ. Рылѣевъ и въ семь меня оспаривалъ и прозвалъ: «ходячая оппозиція». Онъ всегда ставилъ въ примѣръ мнѣ Якубовича, что онъ безъ дальнихъ разсужденій вѣрить чести людей и готовъ всячески собой жертвовать, и что будто Якубовичъ рѣшался убить покойнаго императора при бывшемъ парадѣ на Царицыномъ Лугу».

5.

Но споры прекратились по полученіи извѣстій о смерти Александра и смѣнились разнообразнѣйшими проектами дѣйствій. «По кончинѣ покойнаго императора общество стало сильнѣй дѣйствовать, я опять соединился съ нимъ, не будучи въ силахъ удержаться не участвовать въ дѣлѣ отечества».

Каховскій принялъ участіе и въ организаціонной работѣ: онъ долженъ былъ приготовить лейбъ-гренадерскій полкъ. Пропагандой идей тайнаго общества онъ занимался уже давно: по его объясненіямъ, еще лѣтомъ или ранней осенью 1825 года онъ принялъ поручика л.-гренадерскаго полка Сутгофа ¹⁾ и прапорщика Палицына ²⁾. Позднѣе осенью, быть можетъ, въ ноябрѣ онъ принялъ офицеровъ лейбъ-гренадерскаго полка поручика Панова ³⁾, под-

¹⁾ Сутгофъ на вопросъ о происхожденіи вольнаго образа мыслей отвѣчалъ: въ 1825 году въ февралѣ мѣсяцѣ г. Каховскій ежедневно посѣщалъ меня, во время м.-ей болѣзни, стараясь передавать мнѣ свои мысли и приглашая вступить въ тайное общество, о существованіи коего онъ открылъ мнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ другомъ показаніи Сутгофъ писалъ: «я поступилъ въ тайное общество въ сентябрѣ 1825 года. Принятъ былъ Каховскимъ, который увѣрялъ меня, что цѣль общества есть благо общее. Вѣря словамъ Каховскаго, я также началъ содѣйствовать къ благу общему». Г. А. I. В. № 344 Дѣло Сутгофа

²⁾ О принадлежности Палицына къ обществу Каховскій 17 февраля показалъ: «когда именно прапорщикъ Палицынъ принятъ мной въ члены тайнаго общества, я не помню; знаю, что за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря. О дѣлѣ общества и о намѣреніяхъ онаго онъ зналъ все то, что знали и всѣ прочіе члены. Обязанности особенной на него никакой не было возложено; общаніе далъ онъ, какъ и каждый изъ членовъ, способствовать къ успѣху цѣли общества». (Г. А. I. В. № 86, л. 11). Палицынъ настаивалъ на томъ, что онъ былъ принятъ въ общество въ на алѣ ноября, хотя не отрицалъ того, что въ апрѣлѣ или мартѣ онъ слышалъ отъ Каховскаго фразу: «есть люди, которые на тебя обращаютъ вниманіе». Но Палицынъ тогда не придавалъ значенія этой фразѣ. (Въ томъ же дѣлѣ).

³⁾ Пановъ показывалъ: «я былъ принятъ въ тайное общество въ моей квартирѣ, состоящей въ л.-гренад. казармахъ, г. Каховскимъ, около мѣ-

поручика Кожевникова ¹⁾ и прапорщика Жеребцова ²⁾). Наконецъ, накануне 14 декабря онъ посвятилъ въ замыслы общества и подпоручика Измайловскаго полка Фока, а немного раньше Глѣбова ³⁾). Можно повѣрить увѣреніямъ Каховскаго, что онъ открылъ имъ, какъ цѣль общества, введеніе конституціи, и совершенно умолчалъ объ истребленіи фамиліи. «Никому изъ нихъ не открылъ о убійствѣ царствующей фамиліи, но возбуждалъ ихъ сильно—признавался Каховскій генералу Левашову,—Ваше превосходительство, вамъ извѣстно, много ли надобно разгорячить воображеніе молодыхъ людей? Свобода сладка, и въ сердцѣ молодомъ любовь къ отечеству, какъ и всѣ чувства, живетъ сильнѣй. Мы въ молодости болѣе управляемся сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. Истинно говорю, я одинъ причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка» Любопытно отмѣтить совпаденіе показаній увлеченныхъ Каховскимъ въ вопросѣ о способахъ «обобщенія». *Къ общему благу* побуждалъ ихъ Каховскій. И всѣ они, за исключеніемъ Жеребцова, честно выполнили задачи, возложенныя на нихъ тайнымъ обществомъ. Сначала всѣ сношенія тайнаго общества съ офицерами лейбъ-гренадерскаго полка шли черезъ Каховскаго, и онъ правъ, считая себя причиною возстанія лейбъ-гренадерскаго полка. Потомъ къ концу движенія Рылѣевъ велъ сношенія непосредственно черезъ Сутгофа.

Каховскій присутствовалъ при многочисленнѣйшихъ совѣщаніяхъ у Рылѣева. «При мнѣ—показывалъ Трубецкой—Каховскій никогда ничего не говорилъ, и я съ нимъ никогда не разговаривалъ; боль-

сяца до 14 декабря... Цѣль, извѣстная мнѣ, благо общее». Г. А. І. В. № 343.

¹⁾ Въ чистосердечномъ признаніи Кожевниковъ разсказывалъ слѣдующее: «я сдѣлался сообщникомъ мятежниковъ въ началѣ прошедшаго ноября мѣсяца; бывъ однажды вмѣстѣ съ поручикомъ Сутгофомъ и отст. поруч. Каховскимъ, долго разсуждали о нашемъ правительствѣ; и сей послѣдній, исполненный краснорѣчія, убѣдительно доказывалъ, сколь велико благо народа вольнаго, сколь пріятно быть виновникомъ общаго счастья и сколь унижительно не стремиться къ пользѣ отечества!» Послѣ такихъ рѣчей Кожевниковъ былъ принятъ въ общество. Г. А. І. В. № 53.

²⁾ Жеребцову удалось избѣгнуть всякаго наказанія. Онъ показалъ, что вмѣстѣ съ государевой ротой л.-гренадерскаго полка пришелъ на Дворцовую площадь и что Сутгофъ, дѣйствительно, открылъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но онъ, не входя въ его виды, обозвалъ все пустой затѣей. По прочтеніи вопроса Жеребцова, Николай Павловичъ „изволилъ простить“ его. Г. А. І. В. № 214.

³⁾ 23 февраля Каховскій показывалъ о принадлежности Глѣбова къ обществу: „отъ Глѣбова я никогда и ничего не скрывалъ: отъ меня узналъ объ тайномъ обществѣ, о возстаніи 14 декабря, но членомъ онъ не былъ. И вотъ всегдашнія слова его ко мнѣ: „я люблю отечество, счастіемъ почту умереть для блага его; но игрушкой таинственной быть не могу; не могу войти въ общество, хорошо не зная ни намѣреній, ни силъ его“. Глѣбовъ, сначала отпиравшійся отъ всего, не допуская до очной ставки, сознался, что Каховскій открылъ ему объ обществѣ, цѣль котораго конституція, и что за недѣлю до 14 декабря онъ слышалъ отъ Каховскаго, что войска не будутъ присягать и нужно идти на площадь. Глѣбовъ жилъ вмѣстѣ съ Палицынымъ. Г. А. І. В. № 388.

шею частью, когда я бывалъ у Рылѣва, то онъ выходилъ въ дру- гую комнату, но во время нѣкоторыхъ совѣщаній я примѣтилъ, что онъ сиживалъ въ той комнатѣ, гдѣ они происходили, въ окошкѣ, въ углу; къ этому же, у котораго совѣщанія бывали, не подходилъ и въ разговоры не вмѣшивался» ¹⁾. Но когда Каховскій высказы- вался, то онъ говорилъ весьма рѣшительно. Сохранившіеся обрывки рѣчей опять касаются главнаго предмета — истребленія фамилии. Правда, среди возбужденныхъ и нервныхъ фразъ другихъ, слова Каховскаго не самыя жестокия. Штейнгель нарисовалъ въ своихъ показаніяхъ слѣдующую жизненную картинку: «Я замѣтилъ, что А. Бестужевъ и Каховскій, котораго я въ это время узналъ, были пламенными террористами. Помнится мнѣ, что именно 12 числа, пришедъ къ Рылѣву, я засталъ Каховскаго съ Николаемъ Бесту- жевымъ говорящими у окошка, и первый сказалъ: «съ этими фи- лантропами ничего не сдѣлаешь; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; иначе, если не согласятся, то я первый пойду и самъ на себя объявлю». Я въ тотъ же вечеръ сказалъ о семъ Рылѣву съ укоризною, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «не безпокойся, онъ такъ только говоритъ. Я его уйму; онъ у меня въ рукахъ»... Противу особы го- сударя примѣтно возстали опять кн. Оболенскій, Бестужевы, Кахов- скій, и потомъ князь Трубецкой требовалъ, какъ необходимости, чтобы принести его на жертву. Наконецъ, онъ, Трубецкой, именно полагалъ, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы его объявить императоромъ. Другіе говорили, что можно ограничиться арестомъ, а Рылѣвъ и Оболенскій твердили, чтобъ истребить всѣхъ. Князь же Одоевскій твердилъ только: «умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ!» ²⁾.

Каховскій въ послѣднемъ своемъ признаніи передаетъ самыя невозможные проекты, которые только возникали среди этихъ бесѣдъ. «Положено было, какъ я уже сказалъ, если при взятіи дворца въ

¹⁾ Г. А. I. В. № 335.

²⁾ Г. А. I. В. № 375. Дѣло Штейнгеля. Каховскій въ своемъ отвѣтѣ на показаніе Штейнгеля не отрицаетъ сущности разговора и крайности своихъ предложеній. Его только крайне возмутило то, какъ могъ Штейнгель отне- стись серьезно къ его заявленію о допросѣ на общество. „12 декабря я гово- рилъ не на совѣщаніи общества, а въ частномъ разговорѣ съ членами. Смыслъ словъ моихъ былъ, что крови бояться не должно. Но могъ ли я соглашаться рѣзать? и кого рѣзать? Народъ, для котораго мы возстали? Что я донесу на общество, было мной сказано совершенно въ шутку, что тогда же мнѣ и замѣтилъ Александръ Бестужевъ, сказавъ: „ты шутишь, а другіе примутъ за правду“. Говорилъ я на слова Николая Бестужева и Штейнгеля, которые были одного со мной мнѣнія, что члены общества лишь толкуютъ, а не рас- поряжаются къ дѣйствию“. По поводу этого факта Рылѣвъ объяснилъ, что онъ лично не слыхалъ подобныхъ словъ, но что Штейнгель говорилъ ему что-то подобное о Каховскомъ. Николай Бестужевъ заявилъ, что онъ не слыхалъ этого разговора, а Александръ Бестужевъ показалъ: „Каховскій говорилъ всегда подобный вздоръ, но его мало слушали и не обращали вни- манія на его слова. Я самъ не помню, сказалъ ли онъ точно слова сіи, хотя очень вѣрю, что они были произнесены“. См. Г. А. I. В. Дѣла всѣхъ этихъ лицъ.

замѣшательствѣ не истребить царствующую фамилію, заключить ее въ крѣпость и потомъ, убивъ цесаревича въ Варшавѣ, будто освобождая царскую фамилію, умертвить ее. Все сіе говорилъ Рылѣевъ. Такъ было и положено. Николай Бестужевъ спросилъ Рылѣева: «да кто же убьетъ цесаревича въ Варшавѣ?» Рылѣевъ отвѣчалъ: «Развѣ ты не знаешь, что наши тамъ есть», и назвалъ какого-то конной гвардіи артиллерійскаго офицера. Предполагалось въ первыхъ дняхъ по извѣстїи о кончинѣ Императора, если цесаревичъ не откажется отъ престола, или если здѣсь не успѣютъ, то истребить царствующую фамилію въ Москвѣ въ день коронаціи; сіе тоже говорилъ Рылѣевъ, а баронъ Штейнгель сказалъ:

— Лучше передъ тѣмъ днемъ захватить ихъ всѣхъ у всеночной въ церкви у Спаса за золотой рѣшеткой.—Рылѣевъ подхватилъ:

— Славно! опять народъ закричитъ: люблю, люблю! Въ Петербургѣ всѣ перевороты происходили тайно ночью.—Я на сіе сказалъ:

— Да я думаю и теперь, если начинать здѣсь, то лучше ночьюъ всѣми силами идти къ дворцу: а то смотрите, господа, пока мы соберемся на площадь, да вы знаете, и присяга не во всѣхъ полкахъ въ одно время бываетъ, а около дворца полкъ Павловскій, батальонъ Преображенскій; да и за конную гвардію не отвѣчаю; я не знаю, что тамъ успѣлъ Одоевскій, такъ, чтобъ насъ всѣхъ не передъ (?) ротами прежде чѣмъ мы соединимся.— Рылѣевъ на сіе сказалъ:

— Ты думаешь, солдаты выйдутъ прежде объявленія присяги? Надо ждать, когда имъ ее объявятъ. Также Рылѣевъ говорилъ мнѣ, что если цесаревичъ не откажется отъ престола, то убить его всенародно, и тотъ, кто на сіе рѣшится и когда его схватятъ, чтобы закричалъ, что онъ наученъ къ сему Николаемъ Павловичемъ; знаешь, братъ, какое это дѣйствіе сдѣлаетъ въ народѣ; тогда разорвутъ великаго князь» (теперешняго императора). Я сіе рассказывалъ Николаю Бестужеву, Александру Бестужеву и Штейнгелю (въ самое то время, когда Штейнгель показываетъ на меня, что будто я согласился рѣзать). Александръ Бестужевъ сказалъ ему на сіе:

— Ахъ ты, шукарь.—А я ему отвѣчалъ:—Нѣтъ, господа, я не беру этого на себя; это изобрѣтеніе Рылѣева».

Были запрошены по поводу «извѣтовъ» Каховскаго Рылѣевъ, Бестужевы, Александръ и Николай, и Штейнгель. Всѣ они, кромѣ Штейнгеля, рѣшительно отрицали истину всѣхъ сообщеній Каховскаго. Каховскій былъ въ послѣдней степени раздраженія, когда открывалъ суду эти слова и фразы. Очевидно, это были фразы, сказанныя и въ ту же минуту забытыя. Онѣ были такъ мимолетны, что потомъ сказавшіе ихъ совершенно искренно могли усомниться въ томъ, что онѣ были сказаны. Въ дѣлахъ есть много другихъ фразъ, доложенныхъ комитету, но мы не приводимъ ихъ отчасти потому, что считаемъ недостоверными, а главнымъ образомъ, потому, что и приведенныхъ нами совершенно достаточно для характеристики настроенія.

Повторяемъ, всё эти «извѣты» цѣнны только съ психологической точки зрѣнія и не имѣютъ никакого значенія при выясненіи дѣйствительныхъ плановъ общества. Реальнымъ могъ быть только одинъ планъ—самоотверженное согласіе Каховскаго нанести ударъ въ день 14 декабря.

Наканунѣ 14-го, вечеромъ 13-го, разыгралась поразительная сцена. По показаніямъ, диктованнымъ осторожностью, трудно представить тотъ восторженный подъемъ, который переживали въ этотъ моментъ заговорщики. «13-го декабря ввечеру—показывалъ 14-го марта Каховскій—Рылѣевъ сказалъ, когда я спрашивалъ его о распоряженіи, что надо видѣть прежде силы наши и что на Петровской площади всѣмъ распорядится Трубецкой. Предположено было занять Сенатъ, крѣпость, но кому именно, не было назначено. Мнѣ же сказалъ онъ, обнимая меня:

— Я знаю твое самоотверженіе; ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: истреби императора.

«Я совершенно не отказывался, возражалъ ему, что сего сдѣлать невозможно, какія я найду для сего средства; онъ представлялъ, чтобы я вошелъ во дворецъ рано поутру, прежде возстанія, въ офицерскомъ мундирѣ; или на площади, если выдетъ императоръ, убить его».

Объ этой сценѣ нѣсколько иначе рассказываетъ кн. Оболенскій въ своемъ показаніи отъ 14 марта: «При приѣздѣ моемъ я засталъ Пушина, Каховскаго и, кажется, Александра Бестужева. Я спросилъ у Рылѣева, какой же планъ дѣйствій? Онъ объявилъ мнѣ, что Трубецкой намъ сообщить, но что собраться должно на площади всѣмъ съ тою ротою, которая выдетъ первая. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора онъ и Пушинъ надѣли шинели, чтобы ѣхать. Я самъ уже прощался съ нимъ, когда Рылѣевъ при самомъ разставаніи нашемъ подошелъ къ Каховскому и, обнявъ его, сказалъ:

— Любезный другъ, ты сирѣ на сей землѣ; ты долженъ собою жертвовать для общества: убей завтра императора.

«Послѣ сего обняли Каховскаго Бестужева, Пушинъ и я. На сіе Каховскій спросилъ насъ, какимъ образомъ сіе сдѣлать ему. Тогда я подаль мысль ¹⁾ надѣть ему л.-гренадерскій мундиръ и во дворецъ сіе исполнить, но онъ нашелъ сіе невозможнымъ, ибо его въ то же мгновеніе узнаютъ. Послѣ сего предложилъ, не помню кто изъ предстоящихъ, на крыльцѣ дожидаться проѣзда Государя, но и сіе было отринуто, какъ невозможное»²⁾.

¹⁾ Каховскій приписалъ эту мысль Рылѣеву.

²⁾ Рылѣевъ призналъ, что онъ дѣйствительно предлагалъ Каховскому вечеромъ 13 декабря убить государя и говорилъ, что можно исполнить это на площади. „По утру того дня—добавилъ Рылѣевъ,—долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего страшился я, если государь не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ не премѣнно послѣдуетъ междуусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междуусобія должно

Восторгъ преклоненія предъ подвигомъ, послѣднія объятія, прощальныя поцѣлуи, данныя обреченному—впослѣдствіи казались декабристамъ какимъ-то видѣніемъ, отъ котораго нужно открещиваться, сномъ, который такъ нужно было бы забыть. Но несомнѣнно, если идея царевубійства была когда-нибудь близка къ реализаціи за все время жизни общества, такъ именно въ этотъ моментъ; и если когда-либо декабристы задумывались надъ фактическимъ осуществленіемъ своихъ замысловъ и предпринимали переходъ отъ словъ къ дѣлу, такъ именно теперь. Правда, кн. Оболенскій постарался ослабить впечатлѣніе этого порыва. «Мы всѣ опомнились отъ минутнаго энтузіазма и, сказавъ: «нельзя, и такъ нечего дѣлать». Вотъ единственная минута, въ которую я помню, чтобы упомянуто было нами объ августѣйшей особѣ государя. Я сознаюсь, что единая мысль о семъ есть уже преступленіе, но прошу комитетъ милостиво воззрѣть на людей, которые, разставаясь накануне того дня, который долженъ рѣшить судьбу отечества или повергнуть ихъ самихъ на послѣднюю степень бѣдствія, въ изступленіи чувства обращаютъ мысль къ поступку ужасному, но, опомнясь, оставляютъ оный»... Но никто другой не показываетъ, что мысль эта была оставлена заговорщиками. Можно считать достовернымъ, что заговорщики, давъ послѣднимъ поцѣлуемъ благословеніе Каховскому, разошлись съ твердою увѣренностью въ томъ, что судьба царя отнынѣ въ рукахъ Каховскаго. Что онъ слѣдуетъ, то и будетъ. И. Каховскій на допросѣ, какъ бы испугавшись нарисованной имъ картины послѣдняго прощанія, не имѣетъ смѣлости, давъ сознаніе, не суживать его и старается оправдать себя въ глазахъ Комитета: «Признаюсь откровенно, увлеченный бѣдствіями отечества и, можетъ быть, заблуждаясь въ цѣли и намѣреніяхъ, я для общей пользы не видалъ преступленія. Но соглашеніе Рылѣва на убійство мнѣ показалось гадкимъ, и притомъ я давно его подозревалъ въ нечистотѣ правилъ. Дружба его съ Александромъ Бестужевымъ, хотя и вовлеченнымъ въ преступленіе по некорыстности, не алчущимъ своей прибылью, и принятые мной люди въ члены общества удерживали меня въ ономъ». Опять та же двойственность: признавая себя принципиально не только способнымъ, но и желавшимъ выполнить актъ царевубійства, онъ не имѣлъ силы сознаться въ реальности своего намѣренія. Каховскій въ свое оправданіе показывалъ, что ночью на 14-е онъ заходилъ къ А. Бестужеву и заявилъ ему, будто онъ не рѣшается на предложеніе Рылѣва, и искавши случай нанести ударъ императору, онъ можетъ остаться

его принести на жертву, и эта мысль была причиной моего злодѣйскаго предложенія. Пущинъ далъ уклончивое показаніе: „но если показанныя лица показываютъ изъясненное въ семъ пунктѣ обстоятельство, котораго я истинно не припомню, то и оно утверждаю: только не могу достоверно сказать, далъ ли Каховскій рѣшительное обѣщаніе“... А Бестужевъ призналъ, что, входя къ Рылѣву, онъ встрѣтилъ нѣсколько членовъ, которые прощались съ Каховскимъ, и Рылѣвъ сообщилъ ему, что Каховскій назначается для нанесенія удара.

празднымъ, а не раздѣлить общей опасности онъ считаетъ преступленіемъ. А. Бестужевъ совсѣмъ иначе рассказываетъ объ этомъ посѣщеніи Каховскаго. По его объясненію, «оно было сдѣлано не поздно ночью, а рано утромъ, по его приглашенію, сейчасъ же послѣ сцены у Рылѣва. «Васъ Рылѣвъ посылаетъ на площадь дворцовскую?» сказалъ я. Онъ отвѣчалъ: «Да, но мнѣ что-то не хочется». «И не ходите, возразилъ я, это вовсе не нужно». «Но что скажетъ Рылѣвъ?» «Я беру это на себя; будьте со мной на Петровской площади». «Каховскій попросилъ еще разъ извинить его передъ Рылѣвымъ и ушелъ». Фальшь этого показанія чувствуется само собою. Бестужевъ рассказываетъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о неисполненіи ничтожнаго порученія: «Каховскій имѣетъ честь просить Рылѣва извинить его въ томъ, что онъ не можетъ исполнить даннаго ему порученія убить Его Императорское величество» ¹⁾). Скорѣе всего, въ разговорѣ Бестужевъ и Каховскій выяснили невозможность нападенія около дворца и предоставили это случаю. Если бы Николай Павловичъ показался на Сенатской площади и подъѣхалъ поближе къ возставшимъ, Каховскій сдѣлалъ бы свое дѣло. «Слава Богу—признался царю Каховскій 19 марта,— что ваше величество не повѣрили Якубовичу, не подъѣхали къ каре мятежному; можетъ быть, въ изступленіи, я бы первый готовъ по васъ выстрѣлить». Зная образъ дѣйствій Каховскаго на площади въ день 14 декабря, можно утвердительно сказать, что такъ бы оно и было.

П. Е. Щеголевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Нужно принять во вниманіе основную тенденцію показаній А. Бестужева. Онъ рассказывалъ судьямъ, что онъ, не раздѣляя ни взглядовъ, ни цѣлей общества и не выходя изъ него наружно, своими дѣйствіями старался разстроить его, привести къ естественному концу: такъ, на примѣръ, въ этомъ случаѣ онъ искусно отклонилъ попытку на царевубійство.

Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому.

Извѣстный историкъ и профессоръ Казанскаго университета А. П. Шаповъ, за свой горячій протестъ противъ разстрѣла крестьянъ въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, въ 1861 г. былъ арестованъ и подъ конвоемъ препровожденъ изъ Казани въ Петербургъ. Здѣсь, сидя въ тюрьмѣ, онъ написалъ письмо на имя императора Александра II, гдѣ требовалъ для Россіи полной политической свободы. Къ сожалѣнію, его письмо до сихъ поръ еще не опубликовано. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шаповъ, по личному распоряженію императора, былъ освобожденъ и дѣло его прекращено, но реакціонеры на этомъ не успокоились. Еще въ концѣ 1861-же года они добились новаго указа императора, которымъ проф. А. П. Шаповъ... ссылался въ монастырь!

Литераторы различныхъ лагерей начали агитировать въ защиту Шапова—они обратились, между прочимъ, къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Головнину. Шаповъ былъ спасенъ.

Въ 1863 г. реакціонерамъ, однако, отчасти удалось добиться своего: Шаповъ былъ снова арестованъ въ Петербургѣ и его сослали—«на родину»—въ Восточную Сибирь! Тамъ его въ 1865 г. привлекли къ дѣлу о «сибирскомъ сепаратизмѣ», долго держали въ тюрьмѣ, возили для разслѣдованія дѣла въ Омскъ и потомъ до самой смерти (въ 1876 г.) оставили въ Восточной Сибири.

Помѣщаемыя ниже, никогда не бывавшія еще въ печати и воспроизводимыя нынѣ нами съ оригиналовъ письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому (редактору «Отечественныхъ Записокъ», а впоследствии и «Голоса») и записка къ тому же Краевскому министра народнаго просвѣщенія Головнина, какъ проливающія нѣкоторый свѣтъ на попытку самодержавнаго правительства Александра II расправиться со Шаповымъ по-николаевски, имѣютъ несомнѣнно историческій интересъ.

Ред.

I.

При свиданіи я перескажу Вамъ, Андрей Александровичъ, какіе толки идутъ объ участіи Головнина въ развязкѣ дѣла Шапова, если Вы не услышите объ этомъ раньше отъ другихъ. Лица, занимающіяся собираніемъ подписей, просятъ Васъ сдѣлать нѣсколько спи-

сковъ съ прилагаемой окончательной редакціи записки, назначенной для передачи Головнину, и раздать эти списки тѣмъ изъ Вашихъ знакомыхъ, которые захотятъ также собирать подписи.

Подписи будутъ собираться на отдѣльныхъ листахъ, которые всѣ будутъ собраны и сшиты вмѣстѣ. Кто и когда займется этимъ шиваньемъ, будетъ сообщено дня черезъ два-три. Время для собранія подписей назначено до четверга 12 час. утра.

Вашъ Н. Чернышевскій.

II.

По порученію лицъ, сочувствующихъ г. Щапову, я заходилъ къ Вамъ, Андрей Александровичъ, просить Васъ участвовать въ депутаціи, которая должна отправиться къ Головнину для представленія прилагаемой мною записки. Къ запискѣ этой собираются подписи.

Прошу Васъ дать мнѣ отвѣтъ. Адресъ мой: у Владимірской, домъ Есауловой.

P. S. Въ депутацію предполагается назначить Васъ, г. Некрасова, г. Тиблена и меня.

Вашъ Н. Чернышевскій.

III.

Лица, подписи которыхъ находятся на прилагаемыхъ листахъ, поручаютъ Вамъ, милостивые государи, отправиться къ министру народнаго просвѣщенія и передать ему извѣстный Вамъ взглядъ ихъ на дѣло г. Щапова. Для точнѣйшаго руководства Вамъ при объясненіи съ г. министромъ здѣсь излагаются главныя черты этого взгляда.

Г. Щаповъ былъ перемѣщенъ съ профессорской каѳедры на гражданскую службу. Лишеніе каѳедры было очень тяжелымъ наказаніемъ для человѣка, думавшаго посвятить себя ученой и преимущественно профессорской обязанности. Оно разстраивало всю его жизнь. Но, сравнительно съ обыкновенными рѣшеніями дѣлъ подобнаго рода, такое рѣшеніе дѣла г. Щапова было еще гуманно и потому произвело на общество впечатлѣніе, выгодное для правительства.

Теперь это впечатлѣніе разрушается рѣшеніемъ послать г. Щапова въ монастырь. Дѣло, считавшееся конченнымъ, перевершается, одно Высочайшее распоряженіе уничтожается другимъ. Какое мнѣніе послѣ этого можно имѣть о вѣрности правительства самому себѣ? Одно наказаніе усугубляется другимъ;—какое понятіе надобно теперь имѣть о соблюденіи правительствомъ кореннаго принципа всего уголовного права, говорящаго, что одинъ преступникъ не можетъ подвергаться двумъ наказаніямъ.—Самый родъ второго наказанія,—ссылка въ монастырь,—показываетъ ли, что правительство чувствуетъ различіе между второю половиною XIX столѣтія и средними вѣками?

Это соображенія общія; переходя къ особеннымъ обстоятельствамъ наказываемаго лица, надобно сказать, что правительство не приняло во вниманіе послѣдствій, какія будетъ имѣть для него судьба, которой подвергаетъ оно г. Шапова. Онъ страдаетъ болѣзью, которая, по свидѣтельству врачей, неминуемо убьетъ его въ назначаемомъ для него мѣстѣ ссылки, гдѣ онъ будетъ лишень возможности лѣчиться надлежащимъ образомъ и соблюдать требуемыя лѣченіемъ гигиеническія предосторожности. Выгодно ли будетъ для правительства, когда общество станетъ говорить: съ Шаповымъ сдѣлали то, что онъ долженъ былъ умереть?

Эти причины должны, по нашему мнѣнію, заставить г. министра народнаго просвѣщенія, какъ министра, употребить всѣ возможныя настоянія для избавленія правительства отъ столь сильныхъ нареканій.

Есть обстоятельство, обязывающее его, какъ человѣка, сильнѣйшимъ образомъ позаботиться о томъ же самомъ. Передайте г. министру то, что говорятъ въ обществѣ объ его, конечно, непредназначенномъ участіи въ странной новой развязкѣ дѣла г. Шапова.

Вы передадите, милостивые государи, г. министру эти мысли съ надлежащими подробностями и оставьте у него эту данную Вамъ инструкцію съ надлежащими къ ней приложеніями.

Замѣчаніе для гг. собирающихъ подписи.

Подписи надобно требовать у всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Каждый желающій приглашается собирать эти подписи на особомъ листѣ.

Записка Головина Краевскому.

11-го февраля 1862 г.

Послѣ того, что Вы мнѣ сказали о письмѣ насчетъ Шапова, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, я ничего не слышалъ. Не знаете ли Вы чего-нибудь? Надобно поступить осторожно, чтобъ не испортить дѣло.

Покорн. слуга Головинъ.

СѢВЕРНЫЙ СОЮЗЪ РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ.

(Страница изъ исторіи рабочаго движенія въ Россіи):

Въ 1877—1879 гг., главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, организовался *Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ*. По задачамъ, которыя ставили себѣ его инициаторы, онъ долженъ былъ вылиться въ чисто рабочую организацію. Насколько осуществлена была эта цѣль и въ какихъ размѣрахъ,—объ этомъ мы будемъ увѣренно говорить только тогда, когда намъ удастся собрать о «Союзѣ» достаточно данныхъ, а пока намъ приходится довольствоваться о немъ очень скудными свѣдѣніями. Въ литературѣ о «Союзѣ» существуетъ очень немного—мы можемъ указать лишь на статьи въ 4 и въ 5 №№ «Земли и Воли» (см. перепечатку этихъ номеровъ въ изданіи Базилевскаго «Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ». Paris, 1905 г.), брошюры г. Плеханова «Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи». (Женева. 1903 г., 2-е изд.) и г. Мартова «Красное Знамя» и на 3 и 5 №№ журнала «Былое» (заграничное изданіе).

Несомнѣнно, «Союзъ» самымъ тѣснымъ образомъ связанъ со всей предыдущей исторіей революціоннаго движенія и развивался подъ непосредственнымъ вліяніемъ революціонеровъ изъ интеллигентной среды, которые въ 1872—74 гг. въ качествѣ пропагандистовъ и агитаторовъ отправились «въ народъ»—къ крестьянамъ и рабочимъ. Втянуть народныя массы въ борьбу за социалистическіе идеалы было всегда завѣтной мечтой всѣхъ русскихъ революціонеровъ. Это было центральной идеей и «чайковцевъ», и «впередовцевъ», и «бакунистовъ»,—надъ этимъ работали и «набатовцы». Кто читалъ воспоминанія Кропоткина, «подпольную Россію» Степяка, политическіе процессы того времени и т. д., тотъ знаетъ, сколько энергіи, любви, вѣры вносили пропагандисты въ это дѣло. Среди тѣхъ рабочихъ-социалистовъ, надъ которыми работали пропагандисты въ 1872—74 гг., были и будущіе основатели «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» и его главные члены. Кромѣ вліянія революціонеровъ на рабочихъ, на нихъ сильно сказывалась и пропаганда лицъ, къ революціонной средѣ собственно не принадлежавшихъ. Такъ, напр., лекціи полковника Аркадія Николаевича Фалецкаго, читавшаго въ Петербургѣ въ 1873—74 гг. лекціи о нѣмецкой социаль-демократіи, несомнѣнно, отразились на взглядахъ многихъ изъ рабочихъ, впоследствии вошедшихъ въ «Союзъ».

Пропаганда среди рабочихъ въ 70-хъ годахъ была въ значительной степени связана съ пропагандой революціонеровъ 60-хъ г., и среди тогдашнихъ распропагандированныхъ рабочихъ, по словамъ Л. Э. Шишко ¹⁾, можно было встрѣтить и рабочихъ 60-хъ гг., а на каторгѣ и въ Сибири въ то время было не мало пропагандистовъ 60-хъ годовъ. Такимъ образомъ, пропаганда «Сѣвернаго Союза» въ концѣ 70-хъ гг. была связана съ пропагандой 60-хъ гг., какъ въ послѣдствіи пропаганда среди рабочихъ 90-хъ годовъ тѣсно была связана съ таковой же пропагандой 80-хъ гг.

Самимъ основателямъ «Союза» ихъ дѣятельность представлялась иначе. Имъ казалось, что они начинаютъ совершенно новое дѣло и притомъ на совершенно новыхъ началахъ; преемственной связи съ прошлымъ они почти не видѣли. Такъ же на дѣло смотрѣли и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто въ послѣдствіи писалъ о «Союзѣ».

«Союзъ» рѣшилъ вести все дѣло усиліями однихъ рабочихъ и рѣзко отнестя къ революціонерамъ изъ интеллигенціи, какъ будто видѣлъ въ нихъ главныхъ виновниковъ слабаго развитія рабочихъ организацій въ Россіи. Рабочіе «Союза» хотѣли имѣть *свою* газету, но первымъ условіемъ ставили, чтобы она издавалась, составлялась и редактировалась самими рабочими. Глухая борьба была объявлена интеллигенціи на всѣхъ пунктахъ во имя самостоятельной рабочей пропаганды. Это привело «Союзъ», особенно въ началѣ, къ чисто экономической дѣятельности, а на практикѣ «Союзъ» почти никогда такъ и не выходилъ изъ рамокъ узкаго экономизма въ то время, когда внѣ его политическая борьба русскихъ революціонеровъ съ правительствомъ разгоралась съ каждымъ днемъ и потрясала его до основъ. Отрицательно взгляды членовъ «Союза» на интеллигенцію очень часто затрудняли дѣятельность «Союза», и его членамъ нерѣдко приходилось дѣлать отступленія отъ своихъ апіорныхъ рѣшеній и обращаться за содѣйствіемъ къ революціоннымъ организаціямъ.

«Союзъ» образовался еще въ концѣ 1877 г., когда въ Петербургѣ революціонная атмосфера была необыкновенно оживлена послѣ только окончившагося процесса 50-ти и во время происходившаго процесса 193-хъ. Просуществовалъ «Союзъ» до половины 1879 г. или даже, можно сказать, до весны 1880 г. Главными его основателями были Викторъ Обнорскій и Степанъ Халтуринъ. Тотъ и другой еще въ началѣ 77 г. успѣли побывать въ кружкахъ лучшихъ пропагандистовъ того времени, а Обнорскій кромѣ того долго жилъ за границей среди эмигрантовъ. Заграницей онъ былъ близокъ къ набатовцамъ, которые ярко подчеркивали необходимость политической борьбы съ правительствомъ, и ихъ вліяніе на Обнорскаго можно въ послѣдствіи прослѣдить во время его участія въ «Союзѣ». За границей же Обнорскій хорошо познакомился съ редакціей «Работника», издававшегося по инициативѣ пропагандистовъ, въ послѣд-

¹⁾ См. его статью о С. М. Кравчинскомъ въ „Вѣстникъ Русской Революціи“ и отд. изданіе.

ствіи судившихся по процессу 50-ти,—при немъ же набатовцы готовили свой спеціальный для рабочихъ органъ, который, впрочемъ, такъ и не появился. Въ Россію Обнорскій прїѣхалъ съ готовымъ планомъ организаціи «Союза», и здѣсь онъ вскорѣ вмѣстѣ со своимъ единомышленникомъ Халтуринымъ принялся за организацію рабочихъ. Въ эту свою работу Обнорскій и Халтуринъ сразу внесли очень многое, что они усвоили во время своихъ сношеній съ революціонерами,—отъ нихъ же они взяли дѣликомъ и то отрицательное отношеніе къ интеллигенціи и идеализированіе рабочаго, что составляло потомъ отличительную черту ихъ программы.

Въ Россіи Обнорскій скрывался нелегальнымъ около двухъ лѣтъ,—за это время онъ по дѣламъ Союза ѣздилъ за границу ¹⁾. Въ рабочихъ кругахъ онъ повсюду оставлялъ глубокое впечатлѣніе,—былъ арестованъ въ началѣ 1879 г., въ 1880 г. осужденъ на 10 л. каторжныхъ работъ. Въ настоящее время онъ живетъ еще въ Сибири, давно окончивши срокъ своей ссылки.

Халтуринъ и до ареста Обнорскаго и послѣ его ареста былъ душой «Союза». Когда же онъ усомнился въ возможности при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ организовать самостоятельную рабочую партію, онъ осенью 1897 г. примкнулъ къ партіи Народной Воли и выступилъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ террористовъ. Послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 г. ²⁾ Халтуринъ, какъ членъ партіи Народной Воли, велъ пропаганду среди рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, участвовалъ въ устройствѣ побѣговъ ссыльныхъ, принялъ участіе въ убійствѣ Стрѣльникова, за что судился и былъ повѣшенъ въ мартѣ 1882 г.

Среди рабочихъ, принадлежавшихъ къ «Союзу», мы можемъ указать Алек. Ник. Петерсона, Дмитр. Ник. Смирнова, Сер. Виноградова, Мясникова, Бачина, Бамбина, Игнатія Гусева, Павлова, Чуркина, Гаврилова, Волкова и др. Нѣкоторые изъ нихъ до вступленія въ «Союзъ» принадлежали къ кружкамъ пропагандистовъ 70-хъ гг., а потомъ въ 80—90-хъ гг. принимали участіе въ рабочемъ революціонномъ движеніи, а кой-кто изъ нихъ принимаетъ участіе еще до сихъ поръ. Петерсонъ въ первый разъ былъ арестованъ въ февралѣ 1878 г., сосланъ въ Архангельскую губ., бѣжалъ оттуда, тогда же снова арестованъ въ Петербургѣ, сосланъ въ Якутскую область, а въ 1902 г. былъ арестованъ по дѣлу социали-

---

¹⁾ Въ перепискѣ Степана Ширяева (извѣстнаго впоследствии народовольца) съ П. Л. Лавровымъ за 1878 г. мы встрѣтили два слѣдующихъ мѣста: „Вы, вѣроятно, знаете, что надняхъ сюда, въ Лондонъ, придетъ Обнорскій“ (письмо отъ 25 окт. н. ст. 78 г.) „Обнорскій въ понедѣльникъ уѣхалъ въ Парижъ и общалъ побывать у Васъ. Я говорилъ съ нимъ, при чемъ онъ излагалъ свои взгляды и планы очень подробно и серьезно. Такъ какъ времени теперь не имѣю, то сообщу все при свиданіи“ (письмо отъ 6 ноября н. ст.).

²⁾ См. описаніе пребыванія Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ въ „Календарѣ Народной Воли“ и въ 5 № „Былое“ (заграничное изданіе), а также въ „Календарѣ социаль-демократа“

стовъ-революціонеровъ и, послѣ долгаго тюремнаго заключенія, сосланъ въ Вологодскую губернію. Бачинъ въ началѣ 80-хъ гг. сосланъ былъ въ Восточную Сибирь, оттуда за участіе въ устройствѣ побѣга Южаковой его перевели въ Якутскую область,—тамъ онъ въ 1883 году покончилъ самоубійствомъ. Бамбинъ, Гусевъ, Павловъ въ 1881 г. были высланы въ Сибирь, гдѣ за отказъ отъ присяги Александру III снова подверглись преслѣдованію.

Въ продолженіи перваго года дѣла «Союза» развивались очень туго. Пришлось ограничиваться устройствомъ среди рабочихъ небольшихъ кружковъ самообразованія, организаціей кассъ взаимопомощи, агитаціонными собраніями въ 25—30 человекъ. «Союзъ» принималъ нѣкоторое участіе и въ общей политической жизни Петербурга, гдѣ въ то время революціонная и оппозиціонная борьба сильно развивалась: тогда раздался выстрѣлъ В. И. Засуличъ, произошли демонстраціи по ея дѣлу, былъ убитъ Мезенцовъ, были стихійныя стачки рабочихъ, студенческія волненія и т. д. Члены «Союза» съ самаго начала задались мыслью издавать газету, но осуществить эту свою старую мечту имъ пришлось — и то очень неуспѣшно — лишь въ 1880 г. Ихъ прокламаціонная дѣятельность была также неудачна, пока они не обратились къ редакціи «Земли и Воли». Участіе «Союза» въ стачкахъ и демонстраціяхъ постепенно усиливалось, но никогда не было доминирующимъ въ рабочей средѣ. Изъ частнаго письма Халтурина, помѣщеннаго въ 5 № заграничнаго «Былого», видно, что онъ очень внимательно слѣдилъ за студенческимъ движеніемъ осенью 1878 г. и мечталъ поддержать студентовъ уличной демонстраціей рабочихъ, которая почему-то, однако, не состоялась. Къ декабрю 1878 г. число членовъ «Союза» доходило до 200,—и 23 и 30-го декабря этого года они устроили два «генеральныхъ» собранія, послѣ чего «Союзъ» открыто заявилъ о своемъ существованіи.

Часто, ссылаясь на слова Халтурина, очень вѣроятно не разъ, дѣйствительно, объяснявшаго неудачи «Союза» тѣмъ, что красный терроръ революціонеровъ вызывалъ бѣлый терроръ правительства и тѣмъ разрушалъ рабочія организаціи, многие неудачи «Союза» приписывали начинавшему тогда развиваться террористическому движенію. Такое объясненіе неудачъ «Союза» очень поверхностное и невѣрное. Террористическое движеніе внесло тогда необыкновенное оживленіе во всѣ слои общества, и рабочіе въ этомъ отношеніи не могли быть исключеніемъ. Причины неудачъ въ дѣятельности «Союза» лежали въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его организаціи, а также въ томъ, что въ «Союзѣ» съ конца 1877 г. все время очень близкими людьми для Обнорскаго и Халтурина, принимавшими участіе въ дѣлахъ «Союза», были супруги Рейнштейнъ, провокаторы—агенты III Отдѣленія. Благодаря имъ жандармы знали очень многое о дѣлахъ «Союза», и когда имъ только хотѣлось, разрушали его планы и арестовывали его членовъ. Въ 20-хъ числахъ февраля 1879 г. Рейнштейнъ, по постановленію Исполнительнаго Комитета, былъ убитъ наканунѣ подготовленныхъ имъ мас-

совыхъ арестовъ. Обнорскаго жандармы арестовали сейчасъ же послѣ опубликованіи программы «Союза», а Халтуринъ скрывался нелегальнымъ ¹⁾.

Жандармы, такимъ образомъ, благодаря внутренней провокаціи, могли близко познакомиться со всей организаціей «Союза» и потомъ послѣ даже исчезновенія супруговъ Рейнштейновъ, они безъ особаго труда парализовывали дѣятельность «Союза» всякій разъ, когда это имъ нужно было, — напр., при постановкѣ рабочими типографіи, изданіи прокламацій, укрывательствѣ нелегальныхъ. Роль жандармской провокаціи за тѣ годы совершенно пока не выяснена, — но она болѣе значительна, чѣмъ это думалъ самъ Халтуринъ.

Рабочее движеніе въ 1877—79 гг. далеко не укладывалось въ рамки дѣятельности «Союза». Стачки по большей части устраивались помимо «Союза» и даже помимо инициативы революціонеровъ вообще и происходили нерѣдко неожиданно для нихъ самихъ. Такъ, были очень интересныя стачки въ 2000 чел. на бумагопрядильной фабрикѣ (по Обуховскому каналу) въ концѣ февраля 1878 г. ²⁾, въ концѣ 1878 г. на фабрикѣ Кенига ³⁾, въ январѣ 1879 г. на новой бумагопрядильнѣ и на фабрикѣ Шау, когда волненія охватили почти все фабричное населеніе Петербурга ⁴⁾. Когда происходили эти стачки, на нихъ принимали участіе и тогдашніе революціонеры: Гобстъ, повѣщенный въ 1879 г., Александръ Михайловъ, Осинскій, Плехановъ, Петръ Поповъ и многіе другіе. Горячее отношеніе къ этимъ стачкамъ всегда проявлялъ и «Союзъ».

Очень характерной, если не для всего «Союза», то, по крайней мѣрѣ, для его вожаковъ, Обнорскаго и Халтурина, была полемика между «Союзомъ» и редакціей журнала «Земля и Воля». Не имѣя своей типографіи, «Союзъ» обратился къ землевольцамъ съ просьбой напечатать въ «Петербургской вольной типографіи» ихъ программу и кромѣ того прокламацію «Рабочимъ». Землевольцы выполнили эту просьбу рабочихъ и въ ближайшемъ номерѣ своей газеты отвѣчали имъ. «Союзъ» въ свою очередь отвѣчалъ землевольцамъ въ 5 № ихъ же газеты. «Программа» «Союза» была воспроизведена только въ 5 № заграничнаго «Былого», а прокламація «Рабочимъ» и три другія прокламаціи рабочихъ, изданныя въ то же время, ни разу не были перепечатаны съ 1879 г., а поэтому мы ихъ воспроизводимъ цѣликомъ съ подлинниковъ. Далѣе въ извлеченіи даемъ статьи изъ «Земли и Воли», написанныя по поводу изданій «Союза».

¹⁾ См. книгу Л. Тихомірова „Conspireurs et Policiens“ Paris. 1886.

²⁾ См. газету „Начало“ 1878 г. № 1. — тоже „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“, подъ ред. Базилевскаго. Paris, 1905 года, стр. 33.

³⁾ См. 3-й № „Земли и Воли“ и „Револ. журналистика семид. годовъ“, стр. 289.

⁴⁾ См. 4-й № „Земли и Воли“ и „Револ. журналистика семид. годовъ“, стр. 344.

Вотъ программа «Союза»:

Къ русскимъ рабочимъ!

Программа «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціей духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли въ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія,—служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ социальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

Организація *Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ* должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

Въ члены этого Союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

Всякій рабочий, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью социальнаго ученія.

Всѣ члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію. Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, избличающее его въ измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы союза.

Собраніе уполномочиваетъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

Провинціальные фракціи Союза удерживаютъ за собою автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общей про-

граммой, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения плановъ Союза и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

Библиотека имѣетъ цѣлью бесплатно удовлетворять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, тѣсно примыкая по своимъ задачамъ къ социальнo-демократической партіи Запада, ставитъ своей программой:

1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣну ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Правильную ассоціаціонную организацію труда, предоставляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

Такъ какъ политическая свобода обеспечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обеспечивается рѣшеніе социальнаго вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ.

2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

4) Обязательное и бесплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправления.

7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дароваго кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться какою

поставило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинетъ и у насъ рабочее сословіе и заставитъ заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацию въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга эта не останется забытой потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

Рабочіе! васъ мы зовемъ теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанию обращаемся мы.

Великая социальная борьба уже началась — и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобожденія милліоновъ — и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними поидемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу.

На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло — дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши и истощающаго наши силы — и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшаго весь старый міръ? — простые поселяне... Мы тоже зовемъ къ проповѣди, мы тоже призываемъ быть апостолами новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не постыдимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ нравственнымъ величіемъ идей, въ борьбѣ съ той силою, какую мы представимъ собою.

«Вы развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію».

Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

Рабочіе! становитесь смѣло подъ наше знамя социальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную, братскую семью и опоясавшись духовнымъ мечемъ истины, идите проповѣдовать свое ученіе по городамъ и селамъ!

Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ. Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы — плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ

идеи, которой бы вы руководились, вѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необходимой для дружнаго отпора врагу. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ вамъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ ту организацію, въ какой нуждаетесь вы.

Итакъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи!

Эта программа «Союза» была написана и издана въ январѣ 1879 г., кажется, еще до ареста Обнорскаго, во всякомъ случаѣ, все сдѣлано было съ его согласія и согласія Халтурина. Она помѣчена 11-мъ января 1879 года.

Приблизительно въ то же время землевозьцы, по просьбѣ «Союза», напечатали слѣдующую прокламацію:

Рабочимъ отъ центральноаго комитета „Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ“.

Братья!

Вамъ уже извѣстно, что на дняхъ въ Петербургѣ были двѣ стачки рабочихъ: на фабрикѣ Шау и на Новой Бумагопрядильнѣ. Эти стачки были вызваны тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, которое испытываютъ рабочіе при ничтожномъ вознагражденіи за трудъ. Но одна стачка скоро должна была прекратиться, потому что всѣ рабочіе были объявлены бунтовщиками и расчитаны. 250 человекъ оказались совѣмъ безъ работы, пищи и крова. Стачка на Новой Бумагопрядильнѣ продолжаетъ держаться; но неизвѣстно, какъ долго продлится, если мы не употребимъ, съ своей стороны, всѣхъ усилий. Рабочіе ходили къ башибузуку Зурову ¹⁾ заявить о своихъ требованіяхъ, но по дорогѣ были разогнаны жандармами и жестоко избиты: 11 человекъ отправлены въ больницу; десятки нашихъ товарищей сидятъ по разнымъ частямъ и въ пересыльной тюрьмѣ.

Остается только надѣяться на себя и на своихъ братьевъ—рабочихъ.

Рабочіе! Наше одинаково бѣдственное положеніе требуетъ, чтобы мы стояли и, насколько можно, помогали другъ другу. Вы знаете, что у насъ, рабочихъ Сѣвернаго Союза, существуетъ касса, деньги изъ которой идутъ, главнымъ образомъ, на поддержку стачечниковъ. Наша цѣль—помогать всѣмъ безъ исключенія рабочимъ во время тяжелыхъ невзгодъ. Наши интересы есть ваши, и нашъ успѣхъ въ борьбѣ съ кровопійцами-хозяевами зависитъ отъ дружнаго дѣйствія.

Окажемъ же посильную поддержку своимъ братьямъ и будемъ жертвовать всѣмъ, чѣмъ только можемъ, для праваго дѣла. Поэтому мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ доставлять пожертвованія въ нашу кассу, откуда они пойдутъ немедленно по назначенію.

¹⁾ Петербургскій градоначальникъ того времени.

Еще остается сказать намъ братское слово къ бывшимъ рабочимъ Шау и рабочимъ Новой Бумагопрядильни.

Братья, боритесь и стойте за свое дѣло, насколько хватитъ вашихъ и нашихъ силъ. Этимъ вы покажете свою силу, и наши притѣснители побоятся потомъ поступать съ рабочими, какъ съ собаками.

Знайте, что мы, рабочіе Союза, готовы помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ можемъ, и до послѣдней крайности. Вы не одни—мы съ вами и всегда за васъ, а насъ здѣсь теперь цѣлыя сотни. Кликните только кличь, и мы всегда первые отзовемся на ваши слова и первые встанемъ на вашу защиту.

Полнаго успѣха желаемъ вамъ отъ всѣхъ нашихъ братскихъ сердецъ.

Печ. въ „Петербургской Вольной типографіи“ 24 января 1879 г.

Та же типографія «Земли и Воли» приблизительно въ то же время напечатала три слѣдующія любопытныя прокламаціи:—онѣ, кажется, не принадлежатъ «Союзу», и, по словамъ одного изъ самыхъ крупныхъ землевольцевъ, Дм. А. Клеменца,—о томъ же говорить и г. Плехановъ въ своей книжкѣ «Русскій рабочій»,—были написаны какими-то рабочими по собственной инициативѣ,—поэтому онѣ представляютъ еще большій интересъ для характеристики настроенія рабочихъ того времени.

I.

Отъ ткачей Новой Бумагопрядильни, что на Новой Канавѣ, къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ.

Братья!

У насъ, на Новой Канавѣ, назначили выгнать 44 человекъ.

Ихъ называютъ бунтовщиками, заводчиками ко всѣмъ стачкамъ.

А мы такъ понимаемъ, что они стояли за наши права, не хотѣли покоряться фабричнымъ шпикамъ.

Мы бросили работу и не пойдёмъ на фабрику, покуда не согласятся оставить ихъ на мѣстѣ.

Разсудите вы сами, справедливы ли наши требованія.

Разсудите вы также сами—по правдѣ ли мы поступаемъ, требуя:

1) Чтобы не работать больше по 14 часовъ въ день, а чтобы начиналась работа въ 6 ч. утра и кончалась въ 7 ч. вечера; чтобы изъ этого былъ часъ на обѣдъ и полчаса на завтракъ.

2) Чтобы намъ прибавили по 5 коп. на кусокъ.

3) Чтобы прогнали съ фабрики не нашихъ товарищей, а тѣхъ мастеровъ и подмастерьевъ, которые фискалятъ за нами. Имена ихъ намъ извѣстны, мы составимъ ихъ списки и подадимъ начальству; пусть выгоняютъ или дадутъ расчетъ всѣмъ намъ,—а мы съ ними работать не согласны.

4) Чтобы при браковщинѣ были выборные изъ нашихъ же рабочихъ, тогда нельзя будетъ мошенничать и вымогать магарычи.

5) Чтобы не было больше штрафовъ, а больше всего за поломку вилковъ въ машинѣ—вѣдь безъ поломки работать нельзя.

6) Чтобы, когда случится не работать по хозяйской винѣ—материалу нѣтъ или съ хозяиномъ неудовольствіе—намъ платили какъ за полное рабочее время. И теперь, сколько бы ни прогуляли, долженъ онъ заплатитъ, какъ будто мы все время работали—самъ онъ виноватъ, что довелъ насъ до стачки.

Братья!

У насъ, на Новой Канавѣ, стачка уже не первый разъ.

Недавно также стачка была у Кенига за Нарвской заставой—каждый разъ мы писали просьбы, обивали пороги у всякаго начальства—теперь мы видимъ, что начальство стоитъ за хозяевъ, а не за рабочихъ, и никогда хозяина на рабочихъ не смѣняеть.

Что же намъ дѣлать? Неужели же позволять хозяевамъ мудрить надъ нами, какъ имъ вздумается? Оттого надъ нами и брали верхъ, что не дружно мы стояли. Не только съ разныхъ мастерскихъ, а съ разныхъ фабрикъ должны помогать другъ другу.

Многіе изъ насъ есть семейныя: будетъ длиться долго стачка—не станутъ выдавать изъ лавокъ въ долгъ, имъ нельзя будетъ держаться.)

Поддержите насъ—соберите у себя сборъ, кто что можетъ; мы назначимъ у себя выборныхъ и дадимъ кому побѣднѣе.

Если всѣ мы будемъ дружно держаться—хозяева должны будутъ уважить наши требованія: вѣдь, они отъ нашихъ трудовъ только и живутъ, нашей кровью богатѣютъ, каждый день, что мы не работаемъ—имъ нѣсколько тысячъ убытку. Когда до васъ коннется, мы поддержимъ васъ—и ваши требованія будутъ уважены.

Такъ и будетъ всегда!

Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!

16 января 1879 года.

II.

Отъ рабочихъ фабрики Шау всѣмъ петербургскимъ рабочимъ.

Братья!

15 числа вышла забастовка на Новой Канавѣ.

Теперь мы, рабочіе отъ Шау, пристали къ нимъ и не поидемъ на фабрику, покуда хозяинъ не уважить всѣхъ нашихъ требованій. А требуемъ мы вотъ что:

1) Чтобы на каждый вытканый кусокъ прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

3) Чтобы основы выдавали хорошія, и чтобы матеріалъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

4) Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже наблюдали наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за поломъ инструмента, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни или надобности и пр.

6) Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ по получкѣ денегъ на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по $1\frac{1}{4}$ коп. съ рубля, какъ теперь, а по 10 коп. съ человѣка въ мѣсяцъ.

8) Чтобы за кипятокъ на фабрикѣ рабочіе не платили.

9) Чтобы утромъ давалось время отъ $8\frac{1}{2}$ до 9 час. на завтракъ.

10) Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась не въ 6 час. утра, какъ теперь, а въ 9 вечера.

11) Чтобы газовыя горѣлки расположить, какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣсто для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

12) Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсентьева, Нефедо Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ житья нѣтъ, и мы съ ними не хотимъ работать.

13) За время стачки денегъ отъ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

14) Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ, а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпускаютъ.

У каждаго много неудовольствій на хозяина; много разъ пытались мы дѣйствовать по-одиночкѣ. Рѣдко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы же кланялись хозяевамъ, чтобы опять приняли къ себѣ.

Да врозь намъ и тягаться нечего. У нихъ деньги, за нихъ начальство; каждый разъ, чуть что заговорятъ рабочіе—сейчасъ «вы бунтовщики, васъ за это туда, сюда!»

Теперь надо попробовать дѣйствовать дружно, вмѣстѣ!

Вѣрьте, братья, такъ лучше будетъ. Видъ насъ здѣсь однихъ фабричныхъ—сила, пусть-ка они попробуютъ одолѣть насъ всѣхъ.

Теперь мы такъ, и будемъ дѣлать. Какъ гдѣ бросили работу, другіе—чтобы помогать: самимъ нельзя пристать, такъ хоть деньгами помочь. Особенно теперь у насъ: лавочка хозяйская—не стаетъ давать въ долгъ, исхарчимъ деньги—что тутъ дѣлать?

Всѣхъ мы васъ просимъ: помогите намъ. Будетъ у васъ нужда—не оставимъ и мы васъ. Мы такъ съ новоканавскими и порѣшили: покуда будемъ вмѣстѣ страдать, а чей хозяинъ прежде уступить, тѣмъ помогать другимъ.

Поддержите насъ, не дайте въ обиду хозяевамъ.

Долго мы терпѣли всякія неправды, долго ждали, не заступится ли за насъ кто повыше. Теперь пускай отъ насъ потерпятъ: плохо придется имъ всѣмъ, когда мы возьмемъ за умъ, когда всѣ будемъ стоять другъ за друга и отвѣчать:

Всѣ за одного—одинъ за всѣхъ.

17 января 1879 г.

III.

Голосъ рабочаго народа, живущаго и работающаго у подлца Максея.

Полно намъ, друзья, спать: пора проснуться и за дѣло взяться!

Мы живемъ пятый годъ въ домѣ Максея. Обѣщаль намъ хозяинъ всякихъ милостей, да не дождался намъ отъ него ничего, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

Вогнали насъ жить въ домъ Максея, да заставили платить за уголь по 2 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ съ cadaго человѣка. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ болѣе 900 человѣкъ, значить, за четыре-то съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру болѣе 85 тысячъ. А онъ, свинья, не доволенъ нами, и если кто захочетъ по своей надобности выѣхать изъ этого проклятаго гнѣзда, такъ сейчасъ даетъ расчетъ и говорить:

— А! Такъ ты хочешь получать жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! Хозяинъ тебя кормить,—значить, ты ему и свой заработокъ отдай; а не хочешь—ступай на всѣ четыре стороны! А нешто, братцы, кормить насъ онъ? Вишь, бѣдный, самъ голодомъ сидитъ! — видно оттого у него и пузо-то лопнуть хочетъ! Нѣтъ, братцы! онъ отъ насъ только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу! Вспомните, братцы! когда онъ насъ насильно гналъ жить въ свой докъ, такъ говорилъ, что въ домѣ будетъ и училище, и родильная комната, и для свадебъ комната.

А теперь что есть?

Такъ будемъ, друзья, поумнѣй! Не будемъ больше платить по 2 р. 25 к. въ мѣсяцъ за квартиру, а будемъ давать только 1 р. 20 к. А то скоро, пожалуй, хозяинъ совсѣмъ разжирѣетъ,—сядетъ на насъ, да и поѣдетъ.

И безъ того мы ужъ вмѣсто 50 аршинъ работаемъ 55, а получаемъ всего 40 копѣекъ. Также и на мюльняхъ: вмѣсто 33-го номера, работаютъ на 35-мъ, а получаютъ за 33-ий.

Вотъ какъ намъ хозяинъ заработокъ отдаетъ!

Это, братцы, очень обидно!

Встанемъ же подружнѣй, надавимъ хозяина, подлца, посылнѣй, да будемъ говорить посмѣлнѣй.

Братцы! всѣ за одного, одинъ за всѣхъ.

8-го февраля 1879 г.

Въ отвѣтъ на программу «Союза», а также имѣя въ виду и всѣ прокламаціи, выше нами перепечатанныя, редакція «Земли и Воли» въ № 4, вышедшемъ 20-го февраля 1879 г., помѣстила двѣ передовыя статьи. Авторъ первой статьи, г. Плехановъ, признаетъ, что до тѣхъ поръ революціонеры не достаточно обрацали вниманіе на фабричныхъ рабочихъ, и говорить о крупной роли, которую рабочіе должны будутъ играть въ дѣлѣ созданія боевой народно-революціонной организаціи подъ знаменемъ «Земли и Воли». Онъ горячо привѣтствуетъ попытку организаціи рабочихъ въ «Сѣверный Союзъ».

Во второй статьѣ «Земли и Воли», принадлежащей Д. А. Клеменцу, находимъ обстоятельный разборъ программы «Союза». Авторъ статьи писалъ:

«Сдѣлается ли «Сѣверный Союзъ», какъ надѣются его основатели, «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ социально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготящихся къ нему окрестностей,— во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной социалистической организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплуататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ»—отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма не двусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ—все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣв. Союза»:—вы выступаете теперь на политическое поприще какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣв. Союзъ» не далъ намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ имъ),—передъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣв. Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе программъ различныхъ социалистическихъ партій.

«Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь социалистовъ-революционеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ «Сѣверн. Союза»,—а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ социаль-демократовъ.

«Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатированныхъ съ эксплуататорами посвящается слишкомъ много времени, и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ,—а положенія революціонной программы

о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ, даже не дебатируются.

«О возрѣвнiяхъ «Сѣв. Союза» на этотъ предметъ можно догадываться только потому, что онъ велючилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды.

«Статьи программы, касающіяся городскихъ рабочихъ, развиты весьма подробно (по программѣ нѣмецкихъ социаль-демократовъ); говорится и объ отмѣнѣ женскаго и дѣтскаго труда, и о нормальномъ рабочемъ днѣ—аграрные же вопросы оставлены втуне.

«Неизвѣстно, намѣренъ ли «Сѣв. Союзъ» требовать всеобщаго крестьянскаго передѣла земли или же онъ думаетъ подойти къ этому вопросу путемъ послѣдовательныхъ реформъ, въ родѣ отмѣны выкупныхъ платежей за землю, переразверстки надѣловъ и т. д.

«Впрочемъ, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что она—программа социалистовъ, активныхъ дѣятелей, а не пассивныхъ созерцателей гармоніи будущаго».

Далѣе авторъ находитъ ошибки «Союза» въ организаціонной части его программы, указываетъ на возможность провала, благодаря недостаточности конспиративности, говорить о недостаткахъ изложенія программы и т. д.

Свою статью авторъ кончаетъ такими словами:

«Обращаясь въ первый разъ къ братьямъ съ печатнымъ словомъ, «Сѣв. Союзу» не грѣхъ бы помянуть и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ рабочихъ, которые своими страданіями, жизнью и смертью положили первые камни социально-революціоннаго движенія на Руси. Мы говоримъ о Крыловѣ, Малиновскомъ, Петрѣ Алексѣевѣ, Зарубаевѣ и др.

«Кто же будетъ помнить ихъ, когда ихъ не вспомнятъ рабочіе?

«Сдѣлавъ эти замѣчанія, намъ остается только снова привѣтствовать нашихъ товарищей въ ихъ благомъ начинаніи.

«Товарищи, не смущайтесь ни промахами, ни неудачами, ни опасностями, которыя стоятъ на вашемъ пути! Вы развернули знамя—держите его смѣло и крѣпко, не смущайтесь ничѣмъ, даже влетой своихъ собратій, которые уже успѣли высунуть свое жало противъ васъ при самомъ началѣ вашей дѣятельности.

«Вы понимаете, о комъ и о чемъ мы говоримъ.

«Доведете ли вы свое дѣло до конца или сила злобы раздавитъ васъ на полпути, какъ раздавила вашихъ предшественниковъ—все равно: ваше дѣло, ваши жертвы не пропадутъ. Вамъ обезпечено почетное мѣсто на страницахъ исторіи и благодарная память потомства.

«Намъ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что столбцы «Земли и Воли» открыты для вашихъ заявленій и для вашего сотрудничества».

На статью въ № 4 «Земли и Воли» о «Союзѣ» члены «Союза» отвѣчали редакціи открытымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ 5 №

«Земли и Воли», перепечатаннымъ въ «Революціонной журналистикѣ семидесятихъ годовъ», изд. подъ ред. Базилевскаго (стр. 434—440). Письмо это такъ характерно, что всѣ, кто интересуется изученіемъ вопроса, поднятаго въ настоящей статьѣ, прочтутъ это письмо цѣликомъ.—Мы же только дадимъ нѣсколько слѣдующихъ любопытныхъ отрывковъ изъ «Письма въ редакцію отъ рабочихъ» «Сѣвернаго Союза».

«Съ выраженіемъ крайнаго сочувствія и одобренія прочли мы ваши краткія, немногословныя, но искреннія и честныя замѣчанія, помѣщенныя въ № 4 «Земли и Воли» по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта искренность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданны. Дѣйствительно, насъ называли выскочками, упрекали въ недомыслии, противорѣчяхъ, упрекали за слогъ, а многіе даже прямо относились съ недоувѣріемъ, види въ нашей программѣ произведеніе интеллигентныхъ рукъ, написанное больше для «острастки», и посему ничего не выражающее собою (до того еще не довѣряютъ нашимъ силамъ, до того еще привычка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную скотину, вкоренена во многихъ)...

«Мы сплываемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціального переворота и вступаемъ на путь борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволить намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды,—и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отміны различныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній». Такое требованіе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунамъ—этими дѣятелямъ будущей всероссійской говорилки, слѣдовательно, на осуществленіе его рассчитывать не такъ трудно. Да не подумаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенныя планы и расчеты, и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто, какъ и для основного нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ, что такъ бы лучше, что эта свобода все таки очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія соціального вопроса; а осмысленность въ движеніи, какъ и сами знаете, есть въ свою очередь опять весьма важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этими мы вовсе не хотимъ сказать, что ради осмысленности соціальной революціи мы желали бы ее оттянуть на безконечно-длинное время. Вовсе нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ».

«Гораздо важнѣе для насъ ваши замѣчанія относительно нашихъ недостатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже черезчуръ увлеклись разсмотрѣніемъ своего городского положенія, черезчуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада,

и вотъ оказалось, что для нашей деревни въ своей программѣ мы отвели очень немного мѣста. Но да извиняютъ насъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что забывать деревню не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ столько же дорогъ мужичекъ съ его родными лѣсами, какъ и фабричный, а улучшение быта перваго даже важнѣе потому, что тогда ни одинъ кулакъ не вызвалъ бы насъ съ своихъ полей служить своему ненасытному брюху...

«Увеличеніе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи, насчетъ незанятыхъ и помѣщичьихъ земель, узаконеніе только тѣхъ повинностей, которыя прямо идутъ на удовлетвореніе нуждъ и потребностей крестьянской общины и на устройство школъ и сельско-хозяйственныхъ училищъ,—вотъ что въ общихъ чертахъ можемъ добавить къ своей программѣ и выставить, съ своей стороны, необходимыми требованіями...

«При слабости еще организациі, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ пропаганды и мирной агитаціи въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открытая борьба, какъ активное участіе и агитація во время стачекъ, исключается пока изъ нашей программы дѣйствій. Напротивъ, мы должны пользоваться всѣми удобными моментами, всѣми случаями, гдѣ бы могли открыто заявить свою силу, какъ единичную, такъ и массовую. Если вы понимаете насъ и если сознаете всю важность правильной постановки и рѣшенія вопросовъ въ дѣлѣ нашей организациі, то и не будете слишкомъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многими»

Воззваніе «Союза» попало и въ Польшу. Какое оно произвело тамъ впечатлѣніе, мы объ этомъ можемъ отчасти судить по очень интересному имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи изданію, напечатанному всего въ 14 экз. въ типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа «исключительно для лицъ, наблюдающихъ за производствомъ дознаній». Это изданіе озаглавлено: «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ съ 1877 г. по 1885 г.» (4 тома) и представляетъ собою «итоги разслѣдованій прокурора Варшавской Судебной Палаты по дѣламъ о революціонномъ (патріотическомъ и социалистическомъ) движеніи въ Царствѣ Польскомъ».

Въ 1-мъ томѣ, на стр. 31—33, между прочимъ, говорится слѣдующее о социалистическомъ движеніи въ Польшѣ въ 1879 г.:

«Изъ обнаруженныхъ при обыскахъ документовъ, имѣющихъ характеристическое значеніе для опредѣленія направленія и дѣйствій пропаганды, обращаютъ на себя вниманіе двѣ рукописи, на польскомъ языкѣ, отобранныя у слесаря Бѣлицкаго; первая изъ нихъ носитъ названіе «Программа Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ». Составляя какъ бы результатъ какого-то постановленія Петербургскихъ рабочихъ на общемъ ихъ собраніи 23 и 30 дек. 1878 г., программа эта говоритъ объ образовавшемся общероссійскомъ союзѣ

рабочихъ, цѣли которыхъ тѣсно связаны съ цѣлями социальна-революціонной партіи Запада, и стремится:

Во-1-хъ, къ уничтоженію существующаго политическаго и экономическаго государственнаго устройства.

Во-2-хъ, къ образованію свободной федераціи народныхъ общинъ, основанныхъ на принципѣ полной политической равноправности и внутренняго самоуправленія, согласно принципамъ обычнаго русскаго права.

Въ-3-хъ, къ уничтоженію индивидуальной земельной собственности и замѣнѣ ея общиннымъ владѣніемъ.

Въ-4-хъ, къ правильной организаціи коллективной работы и правъ рабочихъ-производителей на продукты и орудія труда.

Далѣе идетъ разъясненіе въ подробностяхъ о способѣ достиженія этихъ цѣлей и воззваніе къ рабочимъ, приглашающее ихъ сплотиться для будущей борьбы»...

Изъ дознанія, по словамъ автора «Матеріаловъ», выяснилось, что программа эта была неоднократно читана на сходкахъ с.-р. молодежи и рабочихъ и «раздавалась на руки нѣкоторыхъ рабочихъ, которые заслуживали особаго довѣрія и были достаточно подготовлены, чтобы организовать самостоятельные кружки»... По этому дѣлу были заарестована преимущественно молодежь изъ бывшихъ и окончившихъ учениковъ Варш. III-ей гимназіи. Всего арестовали 14 интеллигентовъ и 9 рабочихъ. Инициаторами с.-р. кружковъ были студенты: Рогальскій, Каз. Плавинскій и Шпотанскій.

«На участниковъ дѣла сильное вліяніе оказала русская революціонная литература: «Земля и Воля», «Начало», «Впередъ», и др. «Программа Сѣвернаго Русскаго Рабочаго Союза» была доставлена въ Варшаву бывшимъ учениковъ Варшавской III-ей гимназіи Бушевичемъ».

Мы знаемъ, что на воззваніе «Союза» поляки отвѣчали тоже воззваніемъ, но его, къ сожалѣнію, мы пока не нашли.

Дѣятельность «Союза» съ весны 1879 г. намъ почти что совершенно неизвѣстна. Мы знаемъ, что Халтуринъ и послѣ ареста Обнорака упорно занятъ былъ организаціей рабочихъ и созданіемъ типографіи для органа, но неудачи его преслѣдовали. Въ концѣ концовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что обширныя и вліятельныя рабочія организаціи были невозможны при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, и потому на первый планъ поставилъ борьбу за политическую свободу, борьбу противъ самодержавія и непосредственно противъ Александра II. Когда ему удалось, какъ хорошему слесарю, получить работу въ Зимнемъ Дворцѣ, онъ предложилъ Исполнительному Комитету партіи Народной Воли собственный планъ террористическаго акта, — и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ на выполнение этой задачи.

Какъ шли дѣла «Союза», когда Халтуринъ работалъ надъ приготовленіемъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, мы не знаемъ. Кажется,

своихъ связей съ своими друзьями-рабочими онъ не прекращалъ и въ этотъ народовольческій періодъ своей дѣятельности, и во время пребыванія во дворцѣ,—подъ его руководствомъ продолжалась пропаганда и организація петербургскихъ рабочихъ и подготавливался рабочій органъ. Въ февралѣ 1880 г., чрезъ нѣсколько дней послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, друзьямъ Халтурина,—не знаю, выступали ли они тогда, какъ члены «Союза»,—удалось выпустить 1-й и единственный номеръ своего журнала «Заря Рабочаго». Этотъ № набирался, и печатался, и составлялся, и редактировался самими рабочими. Намъ не удавалось пока приобрести этого органа. Судя по двумъ краткимъ замѣткамъ въ 1 и 2 №№ «Листка Народной Воли», типографія «Зари Рабочаго» вмѣстѣ съ очень многими рабочими была взята въ концѣ февраля 1880 г.; вскорѣ послѣ отпечатанія 1-го №—полиціи удалось захватить почти цѣликомъ все изданіе, и спасено было очень небольшое число его экземпляровъ.

«Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» болѣе не возобновлялся. Какъ нѣчто аналогичное ¹⁾ ему, въ 1880 г. на югѣ возникъ «Южно-русскій рабочій союзъ» по инициативѣ Е. Н. Ковальской и Щедрина. На сѣверѣ дѣло пропаганды среди рабочихъ переходитъ въ руки народовольцевъ. Они еще въ 1880 г. сорганизовали рабочіе кружки въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ концѣ 1880 г., главнымъ образомъ, при участіи Желябова и Коковскаго (ум. въ 1881 г.), была выработана замѣчательная программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли и начала выходить «Рабочая Газета». Съ какой энергіей и съ какимъ увлеченіемъ велась народовольцами эта пропаганда, можно видѣть изъ воспоминаній о Коковскомъ («Вѣстникъ Народной Воли» 1885 г. № 4,—тоже перепечатано въ 5 № «Былого»—загран. изданіи), изъ статьи о пропагандѣ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882—1884 гг. (5 № «Былого») и т. д. Среди распропагандированныхъ рабочихъ той эпохи можно указать на просидѣвшихъ впоследствии по 15—20 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости Мартынова, Панкратова, Антонова,—на повѣшеннаго Тим. Михайлова, на Моисеенко,—организатора стачки на Морозовской фабрицѣ въ январѣ 1885 г., одной изъ лучшихъ историческихъ стачекъ,—на Коменко, сосланнаго на Сахалинъ, и на цѣлый рядъ именъ другихъ рабочихъ.

Соціалъ-демократическія организаціи, возникшія съ конца 80-хъ гг., а потомъ организаціи соціалистовъ-революціонеровъ въ половинѣ 90-хъ гг. нашли въ рабочей средѣ добрую почву, вспаханную ихъ предшественниками. Они взяли въ свои руки дѣло пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, начатое въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и продолженное въ началѣ 80-хъ гг. партіей Народной Воли.

Влад. Бурцевъ.

¹⁾ Объ этомъ Ю.-Р. Р. Союзѣ см. воспоминанія Е. Н. Ковальской въ № 6 „Былого“ (заграничнаго).

Засѣданіе Государственнаго Совѣта 8-го марта 1881 года.

Помѣщаемъ доставленные намъ въ высшей степени интересныя страницы изъ дневника виднаго государственнаго дѣятеля, относящіяся до знаменитаго засѣданія Государственнаго Совѣта, обсуждавшаго проектъ представительства—весьма скромнаго, — предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ. Авторъ дневника по наброскамъ, сдѣланнымъ имъ въ засѣданіи, воспроизвелъ затѣмъ многочисленныя рѣчи, тамъ произнесенныя.

«Когда всѣ заняли мѣста, Его величество Императоръ Александръ III, не безъ нѣкотораго смущенія, сказалъ:

«Господа! Я собралъ васъ сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тяжелое время, для обсужденія одного вопроса, въ высшей степени важнаго. Графъ Лорисъ-Меликовъ, озабочиваясь возможно всестороннимъ разсмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ выработаны послѣ окончанія сенаторскихъ ревизій, а также для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному Государю о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ. Мысль эта въ общихъ чертахъ была одобрена покойнымъ моимъ отцомъ, который приказалъ обсудить ее подробно въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, при участіи моемъ, великаго князя Константина Николаевича и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Журналъ совѣщанія, которое въ сущности согласилось съ проектомъ, былъ представленъ Его Величеству и имъ одобренъ. Покойный Государь сдѣлалъ, однако, нѣкоторыя замѣтки относительно частныхъ. Намъ предстоитъ обсудить эти замѣтки. Но прошу васъ быть вполне откровенными и говорить мнѣ ваше мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣняясь. Предваряю васъ, что вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ, такъ какъ покойный батюшка хотѣлъ, прежде окончательнаго утвержденія проекта, созвать для окончательнаго его разсмотрѣнія Совѣтъ Министровъ».

Слово было предоставлено членамъ засѣданія. За проектъ Лорисъ-Меликова высказывались Сольскій, Абаза, гр. Валуевъ, гр. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ и нѣкоторые др. Гр. Валуевъ не преминулъ сообщить, что онъ еще въ 1866 году входилъ съ подобнымъ же представленіемъ къ имп. Александру II, но тогда оно было отложено. Рѣчи говорившихъ за проектъ Лорисъ-Меликова были вялы и слабы: въ нихъ не чувствовалось увѣренности лицъ, твердо убѣжденныхъ. Исключеніемъ была лишь рѣчь графа Милютина.

Графъ Милютинъ сказалъ: «Предлагаемая мѣра Вашему Императорскому Величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима и необходима именно теперь. Въ началѣ каждаго царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный государь, по вступленіи на престоль, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всею душою, всѣ остальные преобразованія исполнялись вяло, съ недоувѣріемъ къ пользѣ ихъ, при чемъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за границу»...

Здѣсь графа Милютина прервалъ *Александръ III*:

«Да, но императоръ Вильгельмъ, до котораго дошли слухи о томъ, будто бы батюшка хочетъ дать Россіи конституцію, умоляя его въ собственноручномъ письмѣ—не дѣлать этого; на случай же, если бы дѣло зашло такъ далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе безъ народнаго предствительства, императоръ германскій совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ».

Графъ Милютинъ продолжаетъ:

«Ваше Величество, не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всакой разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были, для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ, люди практическіе, кото-

рые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ.

Теперь предстоятъ важныя законодательныя труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что, для успѣха дѣла, необходимо сообразить ихъ всесторонне, т.-е. не съ канцелярской только, или бюрократической, точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величество, я позволю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ-Меликова».

Гораздо ярче и опредѣленнѣе были рѣчи противъ проекта Лорисъ-Меликова.

Графъ Строгановъ сказалъ: «Ваше Величество, предлагаемая мѣра, по моему мнѣнію, не только не своевременная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ особой энергіи со стороны правительства, но и вредная.

Мѣра эта вредна потому, что съ принятіемъ ея власть перейдетъ изъ рукъ самодержавнаго монарха, который теперь безусловно необходимъ, въ руки разныхъ шалопаевъ, думающихъ не о пользѣ общей, а только о своей личной выгодѣ. Въ послѣднее время и безъ предлагаемой новой мѣры власть значительно ослабла, въ журналахъ пишутъ Богъ знаетъ что и проповѣдуютъ невозможныя доктрины. Дошло до того, что, какъ я слышалъ, самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ призвать къ себѣ журналистовъ, чтобы потребовать отъ нихъ нѣкоторой умѣренности. Но, Государь, подобная мѣра не будетъ уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь, Вамъ предлагаемый; путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для васъ, ни для Россіи».

Александръ III. «Я тоже опасаясь, что это первый шагъ къ конституціи».

Маковъ. «Ваше Императорское Величество, предложенія графа Лорисъ-Меликова мнѣ были вовсе неизвѣстны; я ознакомился съ ними въ 1-й разъ въ настоящемъ засѣданіи и потому не могъ еще сообразить ихъ какъ бы слѣдовало. Насколько я могъ постичь изъ записки, прочитанной министромъ внутреннихъ дѣлъ, основная ея мысль—ограниченіе самодержавія. Доложу откровенно, что я, съ моей стороны, всѣми силами моей души и моего разумія, рѣшительно отвергаю эту мысль. Осуществленіе ея привело бы Россію къ гибели. Таковъ мой взглядъ на этотъ вопросъ вообще. Но, кромѣ того, по долгу совѣсти я считаю себя обязаннымъ высказать, что не въ такія минуты, какъ тѣ, которыя, къ несчастью, переживаемъ мы,—возможно заниматься проектами объ ослабленіи власти и объ измѣненіи формы правленія, благодѣтельной для отечества. Въ смутное нынѣшнее время, по глубокому убѣжденію моему, нужно думать только о томъ, чтобы укрѣпить власть и искоренить врамолу. Воля Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, священна. Если Вамъ, Государь, благоугодно будетъ утвердить, одобренныя въ Бозѣ почившимъ императоромъ, предложенія графа Лорисъ-Меликова, то всѣ мы должны преклониться, и всѣ возраженія должны смолкнуть».

Тѣмъ не менѣе, я считаю священною обязанностью обратить все-милостивѣйшее вниманіе Вашего Величества на то, что при обнародованіи постановленія по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Нельзя говорить о важной этой мѣрѣ такъ, какъ будто бы она исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобный правительственный актъ можетъ исходить исключительно отъ Васъ, по завѣту покойнаго Государя и силою собственной державной воли Вашего Императорскаго Величества, а не по мысли и представленію министра внутреннихъ дѣлъ. О немъ въ публикациіи не должно быть и рѣчи!»

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ (блѣдный, какъ полотно, нервно волнуется).

«Ваше Величество, по долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать Вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена передъ гибелью Польши говорили—«Finis Poloniae!», такъ теперь едва ли не приходится сказать и намъ: «Finis Russiae!» При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе Ваше, сжимается сердце! Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: онъ дышетъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушать экспертовъ. Противъ этого я ничего не сказалъ бы, если бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституціи, тамъ существующія, есть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи охватившую все государство борьбу, имѣющую цѣлью не дѣйствительное благо народа или усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція! Намъ говорятъ, что нужно справиться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей. Но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды»...

Здѣсь прервалъ его *Александръ III*: «Я думаю тоже. Въ Даніи мнѣ не разъ говорили министры, что депутаты, засѣдающіе въ палатѣ, не-могутъ считаться выразителями дѣйствительныхъ народныхъ потребностей»...

«И эту фальшь,—продолжалъ Побѣдоносцевъ,—по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ, къ нашему несчастью, къ нашей гибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрью и тѣс-

ной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ, многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ, правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ французскихъ «*états généraux*». Мы и безъ того страдаемъ отъ говорилень, которыя, подъ влияніемъ негодныхъ, ничего не стоящихъ журналовъ разжигаютъ только народныя страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что стало съ высокими предназначеніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріавшаго подъ конецъ своего царствованія мученической вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія—говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнью говорящихъ. И кто же разлагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безразвѣтные, между которыми видное положеніе занимаютъ люди, не живущія съ своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія,—новыя говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посягаетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужасающаго злодѣянія, никогда не бывшаго на Руси, когда по ту сторону Нѣвы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго русскаго царя, который среди бѣлаго дня растерзанъ русскими же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы,

отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершившееся вокругъ насъ; всѣ мы виноваты въ томъ, что, несмотря на постоянно повторявшіяся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣятельности и апатіи нашей не сумѣли охранить праведника! На насъ всѣхъ лежитъ вѣчно несмываемаго позора, павшаго на русскую землю. Всѣ мы должны каяться!..

Александръ III. «Сущая правда, всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя».

«Государь, — закончилъ Побѣдоносцевъ, — въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ... Нужно дѣйствовать!»...

Въ заключеніе *графъ Лорисъ-Меликовъ* сказалъ: «Необходимо, чтобы на сторонѣ правительства были всѣ благомыслящіе люди. Предлагаемая теперь мѣра можетъ много этому способствовать. Въ настоящую минуту она вполне удовлетворитъ и успокоитъ общество; но если мы будемъ медлить, то упустимъ время— черезъ три мѣсяца нынѣшнія, въ сущности, весьма скромныя предположенія наши окажутся, по всей вѣроятности, уже запоздалыми».

Послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась вся внутренняя политика Александра III...

Народное движеніе въ Петербургѣ 9-го января 1905 г.

Прошелъ годъ съ того дня, но кажется, что онъ уже давно отошелъ въ исторію: столько было пережито за это время русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. Текуція событія, одно знаменательнѣе и ярче другого, захватываютъ общее вниманіе, и многимъ кажется, что теперь не время оглядываться на недавнее прошлое и разбираться въ наваливающимся историческихъ матеріалахъ. Русское общество, не только въ провинціи, но и въ С.-Петербургѣ, гдѣ разыгралась народная драма 9-го января, не ознакомлено вполне съ характерными и наиболѣе поучительными сторонами ея и не представляетъ себѣ всего ея значенія въ томъ историческомъ процессѣ, который перерабатываетъ старую Россію въ новую, будущую Россію. А между тѣмъ это значеніе событій 9-го января неизмѣримо велико. Въ этотъ день совершился мгновенный и великій переворотъ въ душѣ и понятіяхъ столичной рабочей массы. Съ этого дня не избранные борцы только, не вожаки, не партійные люди, но именно масса, до тѣхъ поръ наивная, поняла, что «добиться правды» въ Россіи можно только путемъ борьбы. Русская революція перестала быть достояніемъ сознательныхъ верховъ и стала разливаться по всей странѣ, переходя въ глубокое стихійное движеніе.

Предлагаемый очеркъ является попыткою передать событія 9-го января въ связи съ подготовившимъ ихъ безпартійнымъ «гапоновскимъ» движеніемъ петербургскихъ рабочихъ. Документъ, по которымъ написанъ этотъ очеркъ,—около 300 записей, по опроснымъ листкамъ, участниковъ и свидѣтелей январскихъ событій,—собраны были трудами возникшей послѣ 9 января «аукетной комиссіи»—изъ представителей разныхъ профессій, вошедшихъ позднѣе въ «Союзъ Союзовъ». Матеріалы эти были отчасти дополнены и провѣрены авторомъ настоящаго очерка посредствомъ личнаго опроса нѣсколькихъ десятковъ свидѣтелей изъ интеллигенціи, а также рабочихъ, стоявшихъ въ центрѣ движенія. Нечего и говорить о томъ, что очеркъ этотъ далеко не полонъ, но за то въ немъ нѣтъ ни одной сочиненной строчки: все, не исключая красочныхъ подробностей, почерпнуто изъ означенныхъ источниковъ.

Еще не пришло время говорить о сложной личности главнаго

героя и виновника январскихъ событій, Георгія Гапона, и разбираться въ планахъ и настроеніяхъ сплотившейся вокругъ него группы сознательныхъ рабочихъ. Но нѣкоторые факты, относящіеся къ подготовительному періоду движенія, твердо установлены и могутъ быть преданы гласности уже теперь. Священникъ Пересильной тюрьмы, Георгій Гапонъ, для начала своей дѣятельности воспользовался «зубатовскими» начинаніями русскаго правительства. Въ октябрѣ 1903 г. онъ былъ утвержденъ предсѣдателемъ только что основаннаго передъ тѣмъ «Общества русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ» и почти до конца поддерживалъ сношенія съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, вѣрившимъ ему судьбу петербургскихъ рабочихъ. Первоначальные сотрудники Гапона не имѣли опредѣленной политической окраски, а нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія могли считаться «зубатовцами». Дѣятельность первыхъ «отдѣловъ», открывавшихся въ разныхъ частяхъ города въ теченіе 1904 г., имѣла сначала вполне невинный характеръ: члены общества, допускавшіеся туда сначала по рекомендаціи двухъ членовъ, съ извѣстнымъ вступнымъ и затѣмъ ежемѣсячнымъ взносомъ, собирались въ «отдѣлы» для отдыха, для бесѣды о своихъ нуждахъ, для выясненія средствъ взаимопомощи. Въ отдѣлахъ были бібліотеки Тамъ же устраивались, время отъ времени, платные музыкальные и танцевальные вечера, привлекавшіе въ собранія и женщинъ. Дѣлами собраній завѣдывали выборные изъ рабочихъ. Рабочіе, находившіеся подъ большимъ или меньшимъ влияніемъ революціонныхъ партій, относились къ гапоновскимъ начинаніямъ недоувѣрчиво, и наименование «зубатовщины» примѣнялось къ нимъ даже среди мало-сознательной массы. Мало-по-малу Гапонъ сталъ сближаться съ наиболее сознательными рабочими изъ отдѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, прошедшіе партійную школу, но по тѣмъ или другимъ причинамъ не примкнувшіе къ партіямъ. Осторожно, но чрезвычайно настойчиво, не жалѣя времени и вниманія, Гапонъ подбиралъ себѣ кружокъ такого рода приближенныхъ и товарищей, составившихъ для него, въ концѣ концовъ, вполне надежную опору и самоотверженно работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ для осуществленія общаго плана.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы такъ или иначе расшевелить всю рабочую массу, не поддающуюся воздѣйствію конспиративныхъ дѣятелей, поднять ее на борьбу за свои человѣческія права, за свои экономическіе и политическіе интересы. Нѣкоторые изъ наиболее развитыхъ рабочихъ, приближенныхъ Гапона, почти до самаго конца не могли побѣдить въ себѣ какой-то опасливости, въ связи съ вопросомъ объ его отношеніи къ Охранному Отдѣленію, но онъ постепенно побуждалъ это недоувѣріе личнымъ обаяніемъ, искреннимъ товарищескимъ тономъ въ обращеніи и широко тѣхъ плановъ, которые онъ доувѣрялъ близкимъ и которые онъ выковывалъ совместно съ ними иногда въ долгихъ разговорахъ съ глазу на глазъ, иногда въ общихъ собраніяхъ кружка, разросшагося къ концу 1903 г. приблизительно до 80 человѣкъ. Среди

этого кружка были восторженные, страстно преданные ему люди готовые пойти за него въ огонь и въ воду.

Со второй половины 1904 г., когда, послѣ смерти Плеве, зашевелилось все русское общество, дѣятельность Гапона и его кружка въ отдѣлахъ приняла болѣе широкій характеръ. Руководители отдѣловъ стали затрогивать общіе политическіе вопросы, подходя къ нимъ со стороны, наиболѣе доступной для малосознательной массы. Одинъ изъ рабочихъ, участникъ январскаго движенія, пишетъ о характерѣ собраній за это время такъ: «Говорили все больше объ нуждахъ и интересахъ народа, еще говорили и о политической сторонѣ, какъ образованье и пр., но очень мало. Ежели же находились люди, которые, не вытерпѣвъ, начинали говорить все поголовно, такихъ людей черезъ два дня забирали и сажали въ казематку». Дѣйствительно, въ собраніяхъ присутствовали полицейскіе — иногда «переодѣтые», и весьма возможно, что партійнымъ или вообще наиболѣе рѣзко выступавшимъ ораторамъ приходилось потомъ расплачиваться за горячія рѣчи. Но такіе случаи были, несомнѣнно, исключеніями: полиція, присутствуя въ этихъ разрѣшенныхъ собраніяхъ и, въ общемъ, будучи сама склонна считать ихъ «зубатовскими», недоумѣвала и бездѣйствовала.

Въ общемъ, однако, какъ уже сказано, пропаганда велась въ собраніяхъ сначала чрезвычайно сдержанно и осторожно. Самъ Гапонъ и дѣятели отдѣловъ читали вслухъ и объясняли легальныя газеты, замѣтно оживившіяся въ то время,—главнымъ образомъ, «Наши Дни» и «Нашу Жизнь». Когда съ ноября начался періодъ общественныхъ резолюцій, въ собраніяхъ читались и обстоятельно истолковывались эти резолюціи. Собранія становились все болѣе популярны. «Рабочіе къ собранію относились съ любовью,—пишетъ одинъ изъ свидѣтелей—и говорили, что ежели они больше будутъ ходить и, наконецъ, соберется большая масса членовъ, то они могутъ что-нибудь сдѣлать въ свою пользу». О методѣ, какимъ руководители «отдѣловъ» подводили массу къ политическимъ вопросамъ, даютъ представленіе слѣдующія безхитростныя строки изъ анкетныхъ документовъ: «Многіе говорили раньше, что нужно сначала выхлопотать экономическую сторону, а ужъ потомъ и политическую; но когда имъ разъясняли, что имъ не дадутъ всего, а ежели дадутъ, то послѣ все равно отнимутъ, то всѣ болѣею частью соглашались на это. Гапонъ говорилъ все, что могъ, чтобы уговорить и показать рабочему правую сторону, и за это народъ называлъ его: одинъ нашъ батюшка такой, а то всѣ негодяи».

II.

Къ концу ноября дѣятельность Гапона и его помощниковъ пріобрѣла уже характеръ систематической пропаганды. Въ кружкѣ его исподволь вырабатывались резолюціи, обобщающія требованія рабочаго класса и связывающія ихъ съ обще-политическими требованіями,

выставленными земскимъ съѣздомъ 6—9 ноября и интеллигенціей. Въ это время Гапонъ, несомнѣнно, искалъ связей съ интеллигенціей, поддержки и помощи съ ея стороны, обращался за совѣтами даже къ нѣкоторымъ представителямъ литературы и открывалъ двери своихъ маленькихъ домашнихъ собраній для заслуживающихъ довѣрія лицъ. Вотъ запись, сдѣланная нами въ свое время со словъ одного такого лица: «Въ послѣднихъ числахъ ноября я, съ четырьмя другими лицами, заинтересовавшись дѣятельностью Гапона въ обществѣ русскихъ фабричныхъ рабочихъ, была у него на дому на собраніи депутатовъ имѣвшихся тогда пяти отдѣловъ. Онъ жилъ въ маленькой скромной квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Разсматривая уставъ общества, мы обратили вниманіе на сомнительные по духу параграфы его. Гапонъ сказалъ, что это только ширма, что настоящая программа общества иная, и попросилъ рабочаго принести выработанную ими резолюцію политическаго характера. Уже тогда было ясно, что эти резолюціи совпадаютъ съ резолюціями интеллигенціи. Гапонъ не только ничего не имѣлъ противъ участія въ его дѣлѣ интеллигенціи, но желалъ этого и подчеркивалъ тождественность требованій. Посѣтители говорили, что уже пришло время рабочимъ выступить съ резолюціей. Гапонъ былъ другого мнѣнія. Онъ говорилъ: время еще не пришло; я долженъ еще расширить свою дѣятельность и кромѣ того нужно ждать какого-нибудь внѣшняго событія; пусть падетъ Портъ Артуръ»¹⁾. Отмѣтимъ, что Гапонъ,—по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ-рабочихъ,—проявлялъ эту осторожность и сдержанность, желая какъ слѣдуетъ подготовить массу, до самыхъ послѣднихъ дней декабря, и только настойчивые совѣты приближенныхъ не упускать благоприятнаго момента побудили его перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Что касается сношеній его съ интеллигенціей, то нужно сказать, что они почти ни къ чему не приводили и за отдѣльными, очень немногими исключеніями, скоро обрывались: интеллигенція—и партійная и внѣ-партійная, не могла разгадать сложной личности священника Гапона и превозмочь своихъ сомнѣній. Слова «зубатовщина», «провокація» оставались у всѣхъ на устахъ—вплоть до 9-го января. Отношеніе къ Гапону и къ «Обществу русскихъ ф.-з. рабочихъ» со стороны власти давало пищу этимъ сомнѣніямъ. Дѣйствительно, власти продолжали довѣрять Гапону и «поддерживали» его. Такъ, въ началѣ декабря, на открытіи VI отдѣла Общества, на Шлиссельбургскомъ трактѣ, присутствовалъ градоначальникъ Фуллонъ, обратившійся къ рабочимъ съ сочувственною рѣчью. Рѣчь эта передается нами на основаніи нѣсколькихъ чрезвычайно сходныхъ между собою записей очевидцевъ—шлиссельбургскихъ рабочихъ. Одна изъ записей гласитъ такъ: «Первымъ долгомъ, какъ

¹⁾ Намъ извѣстно, что съ другими лицами изъ внѣпартійной интеллигенціи Гапонъ держалъ себя иначе: онъ не только соглашался выступить немедленно съ опредѣленной политической резолюціей, но назначилъ время для такого выступленія на 17-го декабря.

первое лицо, г. градоначальникъ сказалъ рѣчь, въ которой говорилъ такъ, что всегда радъ и будетъ помогать рабочимъ во всякое время и желаетъ, чтобы рабочіе могли бы всегда одерживать верхъ надъ капиталистами и всегда добиваться того, чего они желаютъ. А онъ всегда сторонникъ народа, всегда готовъ помочь имъ въ ихъ интересахъ и нуждахъ».

Съ начала декабря дѣятельность Гапона идетъ ускореннымъ темпомъ. Отдѣлы открываются въ разныхъ частяхъ города одинъ за другимъ. Послѣднимъ, въ самомъ концѣ декабря, открывается отдѣлъ въ Гавани. Къ началу января имѣется, такимъ образомъ, 11 отдѣловъ общества: 10 въ С.-Петербургѣ и одинъ въ Колпинѣ. Наряду съ мужскими и смѣшанными собраніями въ нихъ устраиваются и специально женскія собранія, имѣющія цѣлью дать нѣкоторую общественную и политическую подготовку женщинамъ, сильно отстающимъ отъ мужчинъ въ этомъ отношеніи. «Если женщины не будутъ вовлечены въ движеніе, не будутъ помогать, то онѣ будутъ мѣшать ему»,—такъ разсуждалъ Гапонъ и депутаты рабочіе. Гапонъ самъ открываетъ эти женскія собранія. Предсѣдательствуетъ на нихъ и ведетъ ихъ одна выдающаяся по уму и развитію женщина, К., жена рабочаго, бывшая ткачиха. Женскія собранія имѣютъ своихъ секретарей, тоже изъ женщинъ, которыя составляютъ протоколы бесѣдъ.

Однако, въ этотъ періодъ, предшествующій январьскому взрыву, Общество, со всѣми его отдѣлами, насчитываетъ лишь нѣсколько тысячъ членовъ и носитъ закрытый характеръ. Широкія массы судятъ о немъ по наслышкѣ, по перекрещивающимся отзывамъ людей, близкихъ къ дѣлу, увлеченныхъ имъ — съ одной стороны, и недобѣрчивыхъ, предостерегающихъ противъ Общества партійныхъ работниковъ, съ другой. Несомнѣнно, впрочемъ, что нѣкоторые рабочіе съ партійной окраской входили въ Общество, какъ члены, и содѣйствовали въ немъ политической пропагандѣ. Но общій характеръ движенія, развивающагося въ Обществѣ и постепенно переходящаго за его стѣны, былъ все-таки безпартійный. Широкая масса относилась къ представителямъ партій, и быть можетъ, даже вообще къ интеллигенціи, съ нѣкоторымъ недобѣріемъ. Вотъ характерная простодушная записка одного рабочаго съ Шлиссельбургскаго тракта въ отвѣтъ на вопросъ анкетнаго листа объ участіи въ движеніи интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ: «Они говорили, что всѣ стараются, что всѣ они помогаютъ намъ, они люди ученые, знаютъ, что дѣлаютъ. Но какъ-то враждебно смотрѣли на нихъ, сами не зная, за что».

III.

Есть всѣ основанія думать, что «Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ» сыграло очень существенную роль въ самомъ возникновеніи общей январьской забастовки: оно подготовило въ довольно широ-

кихъ кругахъ рабочаго класса сознательное недовольство существующимъ положеніемъ вещей, а съ самаго начала поддержало первыхъ протестантовъ и самую мысль о забастовкѣ. Одинъ изъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта говоритъ объ этомъ такъ: «Мысль о забастовкѣ явилась у рабочихъ благодаря рѣчамъ, которыя говорились въ Собраніи, гдѣ стали открыто высказывать про всѣ злодѣянія существующаго порядка»... Другой документъ анкеты, составленный на основаніи коллективнаго опроса 28 рабочихъ съ разныхъ фабрикъ и заводовъ Шлиссельбургскаго тракта, говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Толчекъ къ забастовкѣ былъ данъ Собраніемъ, послѣднимъ же поводомъ была забастовка на Путиловскомъ заводѣ. 28 декабря въ городѣ было собраніе представителей отъ всѣхъ отдѣленій (280 человекъ), и Гапонъ предложилъ выступить на болѣе широкую арену дѣятельности“. Какъ уже было сказано выше, рѣшимость эта созрѣла въ немъ благодаря настояніямъ кружка наиболѣе близкихъ ему рабочихъ.

29-го декабря къ директору Путиловскаго завода — Смирнову явилась депутація изъ 4 лицъ отъ „Собранія русскихъ ф.-з. рабочихъ“, съ цѣлью указать ему на дѣйствія одного мастера, несправедливо уволившаго съ завода нѣсколько рабочихъ. Такая же депутація и съ тою же самой цѣлью была отправлена „Собраніемъ“ къ градоначальнику и къ старшему фабричному инспектору. Ходатайства ихъ не имѣли успѣха, и 3-го января заводъ прекратилъ работу и приступилъ къ выработкѣ своихъ требованій. Требования эти, сводившіяся сначала къ приему неправильно уволенныхъ рабочихъ и удаленію ненавистнаго мастера, на слѣдующій день приняли уже обще-экономическій характеръ: въ нихъ говорилось уже о 8 ч. рабочемъ днѣ, о постоянной комиссіи изъ выборныхъ рабочихъ для разсмотрѣнія совмѣстно съ администраціей спорныхъ вопросовъ, объ отбѣивъ сверхурочныхъ работъ, объ установленіи нормальной заработной платы для мужчинъ и женщинъ, объ улучшеніи санитарныхъ условій и т. п. Движеніе въ пользу всеобщей забастовки быстро разлилось по всѣмъ главнымъ заводамъ и фабрикамъ С.-Петербурга. 4-го января было экстренное собраніе за Невскою заставой и постановлено было бастовать. Однимъ изъ первыхъ сталъ Семяниковскій заводъ, имѣвшій наибольшее количество членовъ среди „Собранія“, за нимъ стали другіе.

Группы наиболѣе энергичныхъ рабочихъ ходили по заводамъ и мастерскимъ, безъ труда снимая мастеровыхъ съ работы. Движеніе распространилось съ стихійной быстротой и въ три дня захватило до 140.000 рабочихъ. Къ нему примыкали сознательные и несознательные, подготовленные и неподготовленные элементы. Одинъ изъ свидѣтелей описываетъ приостановку работъ на своемъ заводѣ въ слѣдующихъ непосредственныхъ выраженіяхъ: „5-го января въ 7 ч. утра пришелъ въ мастерскую. Пропѣли смиренно молитву... Зажегъ свѣчу, зажалъ масленку въ тиски и началъ уже пилить. Черезъ минуты 2—3 прошелъ нѣкій токарь Н. и сказалъ: одѣвайтесь, товарищи! поидемъ съ путиловцами правды искать. Я выслу-

шалъ его и предполагалъ, что онъ смѣется, и, не обращая вниманія, принялся работать. Вдругъ слышу звонокъ, второй, и думаю: что-то не ладно. Посмотрѣлъ,—рабочіе одѣваются, въ томъ числѣ и я. Пошли въ слѣдующія мастерскія, предложили прикончить работу. Тамъ безъ всякихъ сопротивленій одѣлись и разошлись“...

Съ каждымъ днемъ агитація въ пользу забастовки встрѣчала все меньше сопротивленія даже въ консервативной части рабочихъ. „7-го января остановить работы было очень легко,—пишетъ другой рабочій... Въ этотъ день, чувствовали всѣ, должно что-нибудь случиться. Вышли на работу въ 7 ч., народъ сталъ сходиться группами и даже переговаривались со встрѣчными: „Что не работаешь?“ онъ говоритъ: „Не охота“.—„Если не хочешь, то ступай за ворота“. Двадцать минутъ 8-го послышался трескъ стекла въ окнѣ, закричали: „Бросайте, выходите, бросайте, работу!“ Рабочіе были моментально одѣты и пошли“...

„Собраніе русскихъ ф.-з. рабочихъ“ выступило съ дѣятельной поддержкой забастовочному движенію—не только моральной, но и матеріальной. Оно организовало стачечный комитетъ и фондъ. Нѣкоторые отдѣлы его, какъ, напр., Нарвскій и Шлиссельбургскій, вызвались немедленно помогать бѣднѣйшимъ забастовщикамъ, выдавая имъ съѣстные продукты. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первыхъ же дней забастовки двери отдѣловъ широко открылись для всѣхъ желающихъ членовъ и не членовъ, безъ всякой рекомендаціи. Помѣщенія отдѣловъ сразу сдѣлались притягательными центрами для всего взбужденнаго населенія рабочихъ окраинъ. Началась открытая горячая пропаганда, формулировка—передъ лицомъ нетронутыхъ еще массъ—не только экономическихъ, но и политическихъ требованій всего рабочаго класса, всего трудящагося люда Россіи. Гапонъ ѣздилъ изъ одного отдѣла въ другой, произносилъ рѣчи, овладѣвалъ аудиторіей, заставлялъ ее высказывать согласіе или несогласіе съ своими заключеніями, Гапона смѣняли его помощники рабочіе. Цѣлый рядъ ораторовъ, умѣющихъ говорить сердцу рабочей толпы и завладѣвать аудиторіей, выдвинулся въ эти дни. Работа шла въ отдѣлахъ съ ранняго утра до ночи. Помѣщеніе отдѣловъ, рассчитанныхъ на сотни посѣтителей, не могли вмѣстить всѣхъ стремящихся туда.

Огромныя толпы ждали очереди на улицѣ, одна аудиторія смѣняла другую. Въ эти первые дни, до выработки петиціи, въ толпѣ еще сталкивались противоположныя идеи, единство настроенія установилось не сразу. Вотъ страница изъ свидѣтельской записи, рисующая въ незамысловатыхъ выраженіяхъ тотъ идейный процессъ, черезъ который съ необычайной быстротой проходили неподготовленныя массы. „7-го января пошелъ я на собраніе. Рабочихъ было много... и я не нашелъ нужнымъ идти въ помѣщеніе, а остался около собравшейся толпы. Они говорили относительно требованій; рабочіе высказались такъ: что необходима намъ нужна политическая свобода потому—что она будетъ гарантировать неприкосновенность законовъ, и мы будемъ говорить, что для насъ полезно, а не

такъ—у насъ существуютъ законы, а полицеймейстеръ, приставъ издають свои постановленія, не касающіяся законовъ. А другой рабочей говорить, что мы тогда идемъ противъ Бога, Царя и воли его. На эту же тему говорятъ по нѣскольку разъ и другой разъ ругаются, а если растолкуешь имъ, въ какомъ положеніи находишься, какіе законы у насъ существуютъ и какіе въ Зап. Европѣ, понемногу начинаютъ сознавать; и такъ были привлечены на эти требованія. Были такіе случаи, что ораторъ говоритъ относительно управленія нашимъ государствомъ и показываетъ неправильность управленія,—рабочіе кричатъ: долой этого оратора; то же говорить св. Гапонъ, кричатъ: «браво»... Другая запись обрисовываетъ постепенную выработку петиціи: „Народъ приходилъ большими массами и вырабатывалъ свои условія насчетъ забастовки. Говорилъ о томъ, какъ они выражались, чтобы *была бы допущена правда*, т.-е. свобода печати, слова, сходокъ, стачекъ и т. п. Начиналъ кто-нибудь говорить, что нужно рабочимъ, и говорилъ, что провѣрить нужно: да или нѣтъ. Ежели нужно, то всѣ говорили—да; ежели нѣтъ, то подымался шумъ и всѣ кричали: не надо! Потомъ другой, третій и т. д. Говорилъ и св. Гапонъ и выяснилъ, что нужно, и ежели это было хорошо, то всѣ кричали: надо, пусть будетъ такъ, — и это отжѣчалось, и т. д.“

Такъ вырабатывались и провѣрялись—примѣнительно къ пониманію и требованіямъ массы—отдѣльные пункты петиціи, редактированной Гапономъ совмѣстно съ 22 депутатами отдѣловъ 6-го января, слегка видоизмѣненной и кое въ чемъ дополненной къ вечеру 8-го января. Въ основу ея легли резолюціи, исподволь вырабатываемыя кружкомъ близкихъ къ Гапону рабочихъ, и отчасти резолюція, составленная на Шлиссельбургскомъ трактѣ вечеромъ 5-го января при участіи социаль-демократовъ. Съ утра 7-го января повсюду въ отдѣлахъ произносятся рѣчи, призывающія рабочихъ идти въ воскресенье къ Зимнему Дворцу. Подъ петиціей тысячами, десятками тысячъ собираются подписи.

Въ это время на улицахъ предмѣстій появляются патрули... До приближенныхъ Гапона, несмотря на явное бездѣйствіе полиціи, присутствующей кое-гдѣ на собраніяхъ, доходятъ слухи объ угрожающей ему опасности со стороны властей. Руководители движенія и самъ Гапонъ не скрываютъ отъ себя и другихъ, что шествіе ко Дворцу можетъ принять трагическій оборотъ. Кое-гдѣ раздаются призывы къ оружію не противъ Царя,—на Царя возлагаются въ этотъ день всѣ надежды взволнованной, разгоряченной толпы, а противъ тѣхъ, которые не захотятъ допустить народъ до Царя. Но оружіе ни у кого не заготовлено, народъ пойдетъ къ Царю—черезъ всѣ опасности, безоружный и смиренный, на все готовый, чтобы „добыть правду Россіи“. Въ этомъ духѣ написана обращенная къ Царю петиція, въ этомъ же духѣ говорятъ ораторы передъ толпою. Быть можетъ, никогда и нигдѣ еще революціонный подъемъ огромныхъ народныхъ массъ—готовность умереть за свободу и обновленіе жизни—не соединялся съ такимъ торжественнымъ, можно

сказать, народно-религиознымъ настроеніемъ. Свидѣтели-рабочіе рассказывали намъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, когда собраніе балотировало поднятіемъ рукъ тотъ или другой пунктъ петиціи, эти руки поднимались со сложенными накрестъ пальцами: „дѣлали изъ пальцевъ крестики, чтобы показать, что эти требованія святы, и кто за нихъ говорить, тотъ все равно что присягаетъ постоять за правду».

IV.

7-го и 8-го января Гапонъ написалъ письмо Царю и Святополкъ-Мирскому съ предупреденіемъ о готовящемся шествіи народа, и лично видѣлся съ министромъ юстиціи Муравьевымъ, убѣждая его принять всѣ мѣры къ тому, чтобы шествіе это не окончилось трагически. Нечего и говорить о томъ, что онъ не нашелъ у министра ни малѣйшей отзывчивости. Въ эти же дни онъ лично объѣхалъ всѣ отдѣлы. Онъ говорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ и страстью,—все болѣе и болѣе поднимая настроеніе толпы. Онъ надорвалъ себѣ голосъ, еле держался на ногахъ, но продолжалъ ѣздить и говорить до послѣдняго часа—до поздняго вечера 8 января. Повидимому, рѣчи его не вездѣ были одинаковы по тону—быть можетъ, въ зависимости отъ степени подготовки толпы. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ говорилъ спокойно, сообщая толпѣ увѣренность въ успѣхѣ. Въ другихъ онъ уже забрасывалъ слова о возможности неуспѣха, о предстоящихъ опасностяхъ, о томъ, что Царь можетъ отказать принять и выслушать народъ свой. Эти рѣчи онъ кончаетъ словами: «и тогда нѣтъ у насъ царя»... «И тогда нѣтъ у насъ царя», какъ эхо откликалась толпа. «Всѣ умремъ. Клянемся стоять всѣ до одного. Батюшка, благословляемъ тебя на подвигъ, веди насъ». Всѣ были въ восторженномъ состояніи, рассказываютъ свидѣтели. «Многіе плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками въ стѣны и, поднимая руки вверхъ, клялись стоять до конца. На Шлиссельбургскомъ трактѣ, гдѣ Гапонъ говорилъ 8-го, онъ, повидимому, былъ сдержаннѣе и не высказывалъ опасеній, что Царь откажется выслушать народную петицію: быть можетъ, именно здѣсь, гдѣ было больше социаль-демократовъ, онъ боялся разбить сомнѣніями общее настроеніе и вызвать въ нѣкоторыхъ группахъ партійную постановку вопроса, которой онъ очень опасался въ эти дни. Здѣсь въ записяхъ свидѣтелей, даже прикосновенныхъ къ партіямъ, особенно бросается въ глаза восторженная, цѣльная вѣра въ Царя. Одинъ рабочій пишетъ: «Всѣ говорили: пойдемъ къ отцу и скажемъ ему, какъ мучаютъ насъ наши обидралы. Скажемъ ему: отецъ, прими насъ, мы пришли къ тебѣ, помоги намъ, т.-е. дѣтямъ твоимъ; мы знаемъ, ты радъ жизнь отдать за насъ и только живешь для насъ, но ты ничего не знаешь, какъ бьютъ и мучаютъ насъ, какъ мы голодаемъ, какъ всегда измучены

и притомъ невѣжественны, подобны скотамъ, почти что всѣ неграмотны. Ожидали всѣ получить это все, что говорили, и притомъ, говоря такъ: вѣдь и въ Евангеліи сказано, что отецъ принялъ блуднаго сына, а вѣдь мы не блудные, мы всѣ стараемся, убиваемся и притомъ сидимъ голодные». Двѣ записи говорятъ о томъ, какъ пріѣхалъ 8-го января Гапонъ въ Шлиссельбургскій отдѣлъ. Толпа, обступившая помѣщеніе отдѣла, просила его выйти къ ней. Было темно. Зажгли на дворѣ фонарь, и при свѣтѣ его предсѣдатель отдѣла, вставъ на бакъ, сталъ читать петицію, а Гапонъ, стоя подлѣ него, развѣснѣлъ петицію. Гапонъ «приводитъ характеристику настоящаго и будущаго и рисуеъ картину тѣхъ безправій, которыя у насъ существуютъ. Много было такихъ, что слезы катились по лицу отъ невольныхъ потрясеній, которыя у насъ на глазахъ происходятъ. И такъ разсказалъ это и приглашалъ идти на площадь... И раздавались отчаянные крики: «Помремъ на площади».

Но не одинъ Гапонъ возбуждалъ и поддерживалъ это настроеніе толпы. Онъ уѣзжалъ, на смѣну ему выступали руководители отдѣловъ, ораторы изъ рабочихъ, охваченные единымъ настроеніемъ, вдохновенные, измученные и неустойчивые. Къ отдѣламъ приливали новыя и новыя толпы. Вечеромъ, при свѣтѣ уходящихъ вдаль, тускло мерцающихъ фонарей, виднѣлось у помѣщенія отдѣловъ море человѣческихъ головъ. На улицѣ, въ отдѣльныхъ группахъ, слышались разговоры о войнѣ, о тягостныхъ послѣдствіяхъ ея для народа, о всеобщей забастовкѣ. Иногда какой-нибудь вопросъ, связанный съ петиціей и обсуждавшійся въ залѣ отдѣла, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, въ родѣ опрокинутой бочки, и говорили къ толпѣ. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ петиція читалась народу изъ открытаго окна собранія, и народъ слушалъ ее благоговѣйно, «какъ въ церкви». Многие, несмотря на морозъ, стояли безъ шапокъ. Недостаточно понятныя мѣста петиціи вновь и вновь толковались, каждый отдѣльный пунктъ ея вновь и вновь ставился на баллотировку. Толпа выражала свое сочувствіе криками и далеко уносящимся гуломъ голосовъ. Иногда она повторяла, въ знакъ сочувствія, послѣднія слова оратора, подхватывала ихъ, какъ хоръ подхватываетъ запѣвалу... «Всѣ недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими должны рѣшаться представителями отъ фабрикантовъ и отъ рабочихъ поровну», — говорилъ ораторъ, — и толпа откликается: «поровну, поровну». «Что такъ жить, не лучше ли намъ сойти въ могилу?» — заканчиваетъ свою рѣчь ораторъ, и толпа отвѣчаетъ ему: «Лучше въ могилу, въ могилу»... «Когда чтеніе петиціи было закончено, — пишетъ одинъ очевидецъ съ Василевскаго Острова, — предсѣдатель задалъ рабочимъ вопросъ: «А что, товарищи, если Государь насъ не приметъ и не захочетъ прочесть нашей петиціи, — чѣмъ мы отвѣтимъ на это? — Тогда точно изъ одной груди вырвался могучій, потрясающій крикъ: Нѣтъ тогда у насъ Царя!.. — И какъ вхо повторилось со всѣхъ концовъ: — Нѣтъ Царя... Нѣтъ Царя... Въ этотъ моментъ послышались возгласы: «Долой самодержавіе» — толпа не поддержала ихъ».

Это одно из многих указаний на то, что движение было чисто народнымъ и внепартийнымъ. Партийные ораторы, выступавшіе въ тѣ дни, имѣли успѣхъ только въ небольшихъ, захваченныхъ партией пропагандой, группахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Нарвскомъ отдѣлѣ, партийные возгласы и попытки призвать народъ подъ красные флаги вызывали бурный гнѣвъ толпы, и руководители движения, съ Гапономъ во главѣ, употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить партийныхъ ораторовъ и толпу до явныхъ столкновений и не разбить цѣльности народнаго настроенія. «Въ Василеостровскій отдѣлъ социаль-демократы проникли 6-го января, — пишетъ одинъ очевидецъ, — и одинъ изъ нихъ, послѣ рѣчи Гапона, сказалъ встрѣчную рѣчь, призывающую рабочихъ встать подъ знамя социаль-демократіи. Гапонъ сказалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «Господа социаль-демократы и социаль-революціонеры, я всегда васъ уважалъ и считалъ честными людьми. Низко кланяюсь вамъ, земно кланяюсь вамъ: не вносите раздора въ наше движеніе. Пойдемъ подъ однимъ знаменемъ, общимъ и мирнымъ, къ нашей святой цѣли». Социаль-демократы упорствовали, и нѣкоторая часть аудиторіи кричала: «Да здравствуетъ социаль-демократія». На другой день, въ томъ же отдѣлѣ, передъ началомъ собранія, ораторъ отдѣла сказалъ: «Господа члены партій социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ, присутствующіе на этомъ собраніи! Ваши товарищи на Петербургской сторонѣ дали честное слово не вносить ничего особаго въ наше движеніе, подчиниться волѣ народа и мирно идти вмѣстѣ съ нимъ. Даете ли вы такое слово? И изъ разныхъ концовъ послышался отвѣтъ: «Даемъ»».

Въ эти дни взволнованная народная стихія поглотила представителей партийной и внепартийной интеллигенціи и увлекла многихъ въ своемъ потокѣ. Нѣкоторые изъ партийныхъ людей, не имѣя въ душѣ ни капли наивной вѣры въ благополучный исходъ шествія ко дворцу, шли тѣмъ не менѣе съ толпою, въ первыхъ сомкнутыхъ рядахъ ея, мужественно подставляя себя вмѣстѣ съ нею подъ пули. Въ числѣ неслучайныхъ жертвъ 9-го января было и нѣсколько молодыхъ, полныхъ силы партийныхъ работниковъ.

Можно представить себѣ, что переживали эти люди наканунѣ кровавыхъ событий. Въ то время, какъ руководители движения готовились къ подвигу и вдохновленная ими толпа съ восторгомъ и трепетомъ ожидала торжественнаго шествія народа къ дворцу, городъ и окраины были полны тревожныхъ предвѣстій готовившагося кровопролитія. Въ городѣ ходили слухи о приказѣ, отданномъ войскамъ, о передвиженіяхъ воинскихъ отрядовъ въ полной боевой готовности. Но всѣ признаки опасности, угрожающей народу, были такъ сбивчивы и противорѣчивы. Съ одной стороны — войска, съ другой стороны, бездѣйствіе, а кое-гдѣ и благосклонное отношеніе къ собраніямъ полиціи. Казалось, что если власти хотятъ подавить движеніе, то онѣ должны прежде всего прекратить пропаганду, открыто ведущуюся передъ десятками тысячъ бастующихъ рабочихъ. Но ни въ одномъ отдѣлѣ не было сдѣлано ни малѣйшей попытки

воспрепятствовать стечению народа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція присутствовала на собраніяхъ и, повидимому, относилась къ нимъ вполне благосклонно. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленныя заявленія очевидцевъ. Одна изъ записей сообщаетъ слѣдующій характерный фактъ, относящійся къ вечеру 8-го января: «Въ толпѣ (на улицѣ, передъ раскрытымъ окномъ собранія) стоялъ городской и, разиня ротъ, слушалъ. Когда одна курсистка указала на несообразность такого явленія, рабочіе заступились за него: «пускай стоитъ. Тоже вѣдь человѣкъ,—понимаетъ». На Среднемъ проспектѣ городской самъ разсуждалъ, обращаясь къ толпѣ, и хотя словъ его не было слышно, но по одобреніямъ рабочихъ можно было догадаться, что онъ выражаетъ ей свое сочувствіе». Но не одно только поведеніе отдѣльныхъ чиновъ полиціи давало многимъ надежду на какія-то благоприятныя для народа возможности. Вотъ характерныя отрывки изъ подробнаго письменнаго показанія члена извѣстнаго своимъ реакціоннымъ направленіемъ «Русскаго Собранія», врача Алафузовской больницы Дьячкова, рисующія общее положеніе вещей 8-го и утромъ 9-го января ¹⁾: «Что 9-го января будетъ крестный ходъ къ Зимнему Дворцу изъ-за Нарвскихъ воротъ, не составляло ни для кого секрета. Объ этомъ открыто говорили всѣ... Не помню, за день или за два дня до 9-го января было расклеено на улицахъ города объявленіе отъ градоначальника, чтобы на улицахъ не происходило скопленія народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ будутъ приняты законныя мѣры. По дорогѣ въ больницу я видѣлъ нѣсколько такихъ экземпляровъ на заводахъ до Нарвскихъ воротъ и одинъ изъ нихъ прочелъ. За Нарвскими же воротами и до самой больницы Алафузовской я не встрѣтилъ ни одного расклееннаго на заборахъ объявленія отъ градоначальника, хотя старательно и нарочно искалъ глазами. Это меня удивило. Объявленіе не было расклеено тамъ, гдѣ наиболѣе его слѣдовало бы расклеить. Въ недоумѣніи остался я отъ этого объявленія также и въ томъ отношеніи, что въ немъ ни слова не было сказано о предстоящемъ крестномъ ходѣ, хотя, конечно, полиція была о немъ освѣдомлена, разъ о томъ говорила вся столица. Простыхъ и понятныхъ словъ для народа, что въ случаѣ скопленія народа будутъ стрѣлять, убивать, въ объявленіи сказано не было; въ объявленіи была приведена неопредѣленная фраза, что будутъ съ толпой поступать по закону»... Намъ приходилось разспрашивать рабочихъ изъ-за Нарвской заставы, какъ понимали они въ тѣ дни предупрежденіе градоначальника. Отвѣтъ былъ такой: «не всѣ и видѣли это объявленіе. А кто видѣлъ,—говорили, что неизвѣстно еще, правда ли оно отъ градоначальника. Подписи на немъ не было. Толковали, что, можетъ быть, такъ кто расклеилъ, нарочно, чтобы народъ смутить». Одинъ свидѣтель сообщилъ намъ, что за Нарвскую заставу дошли

¹⁾ Показаніе это почти полностью напечатано въ „Докладѣ комиссіи, избранной общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ 16-го января 1905 г. по поводу событій 9—11 января“.

8-го января слухи о передвиженіяхъ войскъ въ городѣ, но народъ и это истолковалъ по своему: говорили, что 9-го января готовится передъ Зимнимъ Дворцомъ большой парадъ и что это даже лучше: войска не помѣшаютъ народу предстать передъ Царемъ со своей петиціей. Другіе истолковывали передвиженіе войскъ иначе. Врачъ Дьячковъ, въ указанномъ уже показаніи, пишетъ на эту тему: «Основываясь на разныхъ слухахъ, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ разговорахъ, я вывелъ мнѣніе, что народъ думалъ, если будутъ вызваны войска, то это на всякій случай, если бы кто сталъ безобразничать, хулиганить, выкидывать красные флаги и т. п. Но върноподанному народу не приходило и на умъ заниматься такими преступными вещами и потому общее настроеніе, убѣжденіе, судя по слухамъ, у народа было таково, что стрѣлять не будутъ, къ Царю допустить. Я даже слыхалъ такую версію, будто бы идущую изъ народа, что для выборныхъ изъ народа Царемъ будетъ приготовлено въ Зимнемъ Дворцѣ парадное угощеніе на 40 или на 60 человекъ». Поведеніе полиціи въ этомъ районѣ, какъ увидимъ, до самаго конца, до послѣдней роковой минуты, подерживало въ народѣ надежду на благополучный исходъ. Г. Дьячковъ передаетъ слѣдующій разговоръ своего сослуживца, доктора К., съ помощникомъ пристава Жолткевичемъ, который, какой-нибудь часъ спустя, торжественно сопровождая крестный ходъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками рабочихъ. «К. потомъ рассказывалъ мнѣ и другимъ врачамъ, что въ это время онъ имѣлъ разговоръ съ Ж. по поводу происходящаго. Ж. говорилъ ему, что теперь для полиціи тяжелое время, такъ много работы, больше, чѣмъ врачамъ на холерѣ. К. сказалъ Ж-чу: «почему же вы не остановите движеніе народа? Вѣдь могутъ быть несчастія, можетъ быть, будутъ стрѣлять въ народъ у воротъ». Ж. отвѣтилъ: «Намъ не приказано препятствовать движенію народа»¹⁾.

Изъ всего рѣшительно явствуетъ, что полиціи не приказано было препятствовать движенію народа—одинаково во всѣхъ районахъ, во всѣхъ «отдѣлахъ» въ то самое время, какъ другое вѣдомство, военное, подготавливало приказами разстрѣлъ. Но нужно сказать, что руководители движенія и наиболѣе сознательные рабочіе не были такъ спокойны, какъ врачъ Дьячковъ. Не была вполне спокойна и толпа. Къ вечеру 8-го января неулловимая тревога проникла въ души, и рѣшимость побѣдить эту безотчетную тревогу принимала все болѣе возвышенный, героическій характеръ. Полиція ничему не препятствовала, патрули, разтѣзжавшіе по темнымъ улицамъ, и войска, поставленныя на заводы, хранили зага-

¹⁾ Подводя итогъ всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ и сообщеніямъ другихъ лицъ относительно условий, при которыхъ началось утромъ 9-го января шествіе народа съ петиціей, г. Дьячковъ говоритъ: «*Картина была такова, что у меня, какъ у человека православнаго, преданнаго Самодержавному Государю, любящаго родную исторію и преданія старины о единеніи Самодержавнаго Царя съ преданнымъ ему народомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что стрѣлять не будутъ, стрѣлять не посмѣютъ*».

дочное молчаніе, но уже вокруг Гапона увивались какія-то подозрительныя личности, и близкіе ему рабочіе за Нарвской заставой сплотились вокруг него, какъ вѣрная стража, укрывали его на ночь у себя въ домахъ и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ угрожающаго ему ареста. Въ 7 ч. вечера онъ долженъ былъ выступить въ послѣдній разъ въ Путиловскомъ отдѣлѣ. Кромѣ рабочихъ набралось не мало публики изъ города, пріѣхали нѣкоторые представители печати. Гапонъ не показывался, и близкіе ему заявили, что онъ не пріѣдетъ.

Въ душной жаркой залѣ, набитой народомъ, поднималась тревога, то тутъ, то тамъ высказывались предположенія: «не арестованъ ли ужъ нашъ защитникъ? не забрали ли его черныя вороны?» Народъ успокаиваютъ, говорятъ, что о. Гапонъ въ полной безопасности. Публика изъ города разѣзжается. Но народъ ждетъ и тревожится. Гапонъ появился передъ путиловцами только поздно вечеромъ, измученный, охрипшій и взволнованный. Въ послѣдней рѣчи своей онъ сравнилъ эту ночь съ ночью на Свѣтлый праздникъ: завтрашній день будетъ для народа пробужденіемъ изъ мертвыхъ, зарею новой жизни... Народъ просилъ у него благословенія на завтра, и матери приносили къ нему подъ благословеніе своихъ спящихъ дѣтей.

Ночь была лунная, тихая, жутко-тревожная. Многіе обратили вниманіе еще вечеромъ на огромную кроваво-красную луну надъ горизонтомъ. Мы спрашивали потомъ рабочихъ, участниковъ движенія, и мужчинъ и женщинъ: «что дѣлалось въ эту ночь въ вашихъ семьяхъ?»... Намъ отвѣчали: «Спали немного. Ждали утра... Кто вѣруеть, молился».

Въ эту ночь Петербургъ былъ сердцемъ Россіи.

V.

Круги петербургской интеллигенціи съ 6-го января волновались слухами о быстро разрастающемся, небываломъ рабочемъ движеніи, которое за какую-нибудь недѣлю до того никто не считалъ возможнымъ. Слухи были сначала неясные, тревожные, сужденія сбивчивыя. Многіе еще продолжали говорить о дѣятельности Гапона и его помощниковъ, какъ о страшной по своимъ послѣдствіямъ правительственной провокаціи. Передавались сообщенія о томъ, что градоначальникъ и другія власти по министерству внутреннихъ дѣлъ продолжаютъ считать Гапона «своимъ человѣкомъ». Между тѣмъ свидѣтели-очевидцы, побывшіе въ отдѣлахъ, рассказывали невѣроятныя вещи о политическомъ подѣемѣ народныхъ массъ. Казалось, на глазахъ у всѣхъ растетъ громадная, фантастическая и въ то же время чисто русская легенда.

8-го числа, когда характеръ движенія уже вполне опредѣлился

когда стало ясно, что народныя массы дѣйствительно пойдутъ ко Дворцу въ торжественномъ подъемѣ своихъ послѣднихъ упованій на Царя и въ рѣшимости принести самую жизнь «въ жертву для изстрадавшей Россіи», небольшіе, вполнѣ освѣдомленные круги интеллигенціи пришли въ неопишемое волненіе. Казалось необходимымъ что-то сдѣлать въ предупрежденіе кровопролитія, котораго всѣ ожидали, — хотя и не думали, что оно приметъ такіе размѣры.

Вечеромъ 8-го января представители литературы собрались въ редакціи «Сына Отечества». Среди мертвой тишины прочтена была петиція рабочихъ къ Царю, только что передъ тѣмъ доставленная сюда вмѣстѣ съ письмомъ Гапона къ Святополкъ-Мирскому. Нѣсколько литераторовъ съ безпокойствомъ спрашивали присутствовавшаго въ собраніи рабочаго, приближеннаго Гапона, каковы дѣйствительныя намѣренія рабочихъ. «Если Царь почему-нибудь не сможетъ принять васъ завтра, — рабочіе не предпримутъ чего-нибудь насильственнаго?» — спрашивали его. — «Нѣтъ, пусть только онъ выйдетъ сказать, чтобы мы пришли въ другой разъ». — А если онъ вообще не захочетъ говорить съ такой большой толпой?» — «Мы всѣ гарантировали ему неприкосновенность его личности. Объ этомъ сказано и въ письмѣ къ Святополкъ-Мирскому. Но въ крайнемъ случаѣ пусть онъ приметъ, хоть въ Царскомъ Селѣ, депутацію отъ насъ. Но только подлинную, нами избранную, съ отцомъ Гапономъ, — и чтобы мы могли говорить съ нимъ лично, а не черезъ чиновниковъ». — «Ну, а если онъ и этого не захочетъ?» — Тогда... тогда онъ не Царь»...

Для нѣкоторыхъ оставалась еще капля надежды, что можно достигнуть чего-то, поручившись передъ властями въ мирномъ характерѣ движенія. Несмотря на позднее время — былъ уже 12-ый часъ ночи, — собраніе отрядило депутацію изъ 9 заслуженныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей ¹⁾ къ кн. Святополкъ-Мирскому и Витте, чтобы откровенно указать имъ на ту огромную отвѣтственность, какую возьметъ на себя правительство, если встрѣтитъ мирное шествіе рабочихъ безпричиннымъ насиліемъ. Святополкъ-Мирскаго депутація не застала дома. Его товарищъ, генералъ Рыдзевскій, взялся только передать министру слова депутаціи, но сказалъ, что правительству извѣстны всѣ факты, и совѣтовалъ обратиться съ предупрежденіями не къ правительству, а къ рабочимъ. Витте принялъ депутацію, но отказался что-либо сдѣлать, говоря, что это дѣло «не его вѣдомства», и что лично онъ безсиленъ. Депутація вернулась поздно ночью въ собраніе, чтобы сообщить о результатахъ своихъ переговоровъ. Ничего нельзя было болѣе предпринять въ этотъ поздній часъ, въ виду неорганизованности интел-

¹⁾ К. К. Арсеньевъ, Н. В. Анненскій, А. В. Пѣшихоновъ, І. В. Гессенъ, В. А. Мякотинъ, В. И. Семевскій, М. Горькій, Е. И. Кедринъ и Н. И. Карѣвъ; къ этой депутаціи былъ присоединенъ и рабочій Д. В. Кузинъ. Черезъ 3 дня послѣ того всѣ эти лица, кромѣ К. К. Арсеньева, были заключены въ Петропавловскую крѣпость.

лигенціи не сформированы были, какъ слѣдуетъ, даже врачебные отряды. Вызваны были только охотники пойти въ рабочіе кварталы на развѣдку.

Ночью городъ былъ фактически поставленъ на военное положеніе. Повсюду были размѣщены войска. Въ отдѣльныхъ частяхъ города были устроены штабы съ походными кроватями, гдѣ офицеры, въ шинеляхъ, по военному, пили чай, курили, болтали, коротали ночь, какъ въ походѣ. Для военныхъ были снаряжены на всякій случай кареты Краснаго Креста. Гг. офицерамъ было предоставлено высшимъ военнымъ начальствомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. На всѣхъ мостахъ и переходахъ Невы съ ранняго утра расположились пикеты. Одинъ изъ развѣдчиковъ сообщалъ, какъ пьяные солдаты, грѣясь у костра, прыгали, хохотали, плясали польку. За нарвскими воротами расположены были войска, нарочно привезенныя въ эту ночь изъ Пскова. Ничего не подозрѣвающимъ солдатамъ этихъ ротъ заранѣе дано было предписаніе стрѣлать по сигнальному рожку.

VI.

Шествіе должно было открыться изъ всѣхъ одиннадцати отдѣловъ, не исключая и Колпинскаго, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 2 ч. дня всѣ собрались на «царской площади», какъ говорится въ нѣкоторыхъ записяхъ. Впереди должны были идти депутаты отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣлъ свой экземпляръ отпечатанной рабочими петиціи. Все это было выполнено съ изумительной строгостью, торжественностью и необыкновенно трогательной простотой.

Еще не наступилъ поздній январскій разсвѣтъ, а къ отдаленнымъ отъ центра отдѣламъ уже потянулись рабочіе. Колпинцы, которымъ предстояло пройти не мало верстъ, двинулись въ путь уже въ 6¹/₂ ч. утра. Другіе отдѣлы тоже открылись съ ранняго утра, но въ нихъ продолжалась подготовительная работа, велись тихіе, взволнованные разговоры, произносились рѣчи, вновь и вновь читалась и толковалась петиція—для тѣхъ, кто недостаточно усвоилъ ее, или для вновь прибывающихъ къ отдѣламъ толпъ. Надежда «дойти до Царя» повсюду сливалась съ предвидѣніемъ угрожающей опасности.

На Шлиссельбургскомъ трактѣ ободряли другъ друга сообщеніями, что одинъ рабочій изъ вожаконъ, посѣтившій вечеромъ своего родственника жандарма, былъ встрѣченъ и другими жандармами съ распростертыми объятіями: «жандармы все знаютъ и не будутъ мѣшать». Хотѣли сначала въ первый рядъ поставить дѣтей,—ибо шли къ царю дѣйствительно, какъ говорится въ петиціи, со своими женами, дѣтьми и стариками-родителями. Говорили, что если бы солдатъ и послали, то они не будутъ стрѣлать: «Мы возьмемъ ихъ за плечи, мы скажемъ: братцы, что вы! да развѣ можно въ своихъ?..» И, однако, одного изъ развѣдчиковъ попросили поѣхать

за перевязочными средствами, а когда, послѣ напутственной рѣчи предсѣдателя отдѣла, двинулись въ путь, въ первые ряды поставили самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ, которые двинулись, ведя за собою многочисленную толпу сомкнутымъ строемъ, крѣпко взявшись подъ руки.

Что происходило въ то утро въ отдѣлѣ на Васильевскомъ Островѣ, записано полностью, съ необычайной простотой и, — какъ показала проверка — съ великою правдивостью, — одной интеллигентной дѣвушкой. Мы приводимъ здѣсь этотъ документъ почти цѣликомъ:

«Въ воскресенье утромъ, въ 10-мъ часу, я отправилась на 4 линію В. О. На улицахъ еще было тихо. На одномъ углу стояла вучка дворниковъ или сыщиковъ, которые, когда я проходила, со смѣхомъ сказали: «ну, ихъ сегодня перебьютъ».. Толпа все прибывала. Къ 10 ч. двери собранія были открыты, и мы вошли. Настроеніе толпы было напряженно-спокойное, чувствовалась какая-то связь, какое-то дружеское взаимное отношеніе. Были и женщины, молодыя и старыя, хотя немного. Громадное помѣщеніе сплошь было заполнено народомъ. Стояли на скамьяхъ, на окнахъ. Разговора не слышно было... На эстрадѣ появился пожилой рабочій и обратился къ толпѣ: «товарищи! Вы знаете, зачѣмъ мы идемъ. Мы идемъ къ Царю за правдой. Невмоготу намъ стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился къ народу, чтобы спасти Русь. Но отъ кого? Отъ поляковъ. Теперь мы должны спасти Русь отъ чиновниковъ, подъ гнетомъ которыхъ мы страдаемъ. Изъ насъ выжимаютъ потъ и кровь. Вамъ ли описывать нашу жизнь рабочую. Мы живемъ въ одной комнатѣ по 10 семей, также и холостые. Такъ ли я говорю?» — «Вѣрно! Вѣрно!» раздалось со всѣхъ сторонъ... «И вотъ, товарищи, мы идемъ къ Царю. Если онъ намъ Царь, если онъ любитъ народъ свой, онъ долженъ насъ выслушать. Мы послали ему черезъ министра письмо, въ которомъ просили выйти къ намъ въ 2 ч. дня на Дворцовую площадь. Мы представимъ ему петицію, въ которой выражены всѣ наши требованія, извѣстныя вамъ. Не можетъ быть, чтобы онъ насъ не принялъ. Мы идемъ къ нему съ открытой душой. Мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. Онъ долженъ насъ выслушать, онъ это сдѣлаетъ. Товарищи! Такъ идемъ же всѣ къ Царю. Я первый пойду, въ первыхъ рядахъ, и когда мы падемъ, вторые ряды за нами. Но не можетъ быть, чтобы онъ велѣлъ въ насъ стрѣлять»... Гдѣ-то въ толпѣ поднялся студентъ и хотѣлъ говорить, но толпа крикнула: «Намъ студентовъ не надо, не надо». Тогда выступилъ на трибуну ораторъ и сказалъ: «Отъ гнета правительства терпимъ не только мы, рабочіе; терпятъ многіе и студенты. Есть студенты изъ среды рабочихъ; терпятъ и дворяне. Не отталкивайте ихъ, товарищи. Пусть всѣ идутъ, кто страдаетъ отъ гнета правительства, съ нами»... Затѣмъ на трибуну стала женщина, по виду интеллигентная ¹⁾, уже не молодая. Она обратилась

¹⁾ Это была упомянутая выше жена рабочаго, предсѣдательница женскихъ собраній въ отдѣлахъ, К.

Прим. авт.

къ женщинамъ съ рѣчью: «Матери и жены! Не отговаривайте вашихъ мужей и братьевъ идти за правое дѣло. Идите вмѣстѣ съ ними. Если на насъ нападутъ, или будутъ стрѣлять, не кричите, не визжите, явитесь сестрами милосердія. Вотъ вамъ перевязки съ краснымъ крестомъ. Обвяжите эту повязку вкругомъ рукава, но только тогда, не раньше, когда въ насъ начнутъ стрѣлять». «Идемъ! идемъ!» раздалось вокругъ меня, гдѣ стояло нѣсколько дѣвушекъ и нѣсколько пожилыхъ женщинъ. «Всѣ должны идти. Дайте кресты», потянулись со всѣхъ сторонъ женскія руки. А дѣвушка, стоявшая подлѣ меня, обратилась къ подругѣ въ сильномъ возбужденіи, говоря: «пойди, скажи мамѣ, я пойду. Все равно, убьютъ, такъ убьютъ. Что же это! Однихъ будутъ убивать, другіе воспользуются,—это нехорошо. Всѣ, всѣ должны идти». И опять, въ сильномъ возбужденіи, стала просить красный крестъ, такъ какъ на ея долю не хватило. Одна старуха съ заплаканными глазами сказала: «я только сбѣгаю домой, посмотрю, что тамъ дѣлается. Я приду. Я еще успѣю». И дѣйствительно, я ее потомъ видѣла въ толпѣ, направляющейся къ Дворцовой площади. Говорить еще одинъ молодой рабочій. Онъ указываетъ собранію, что тамъ, на улицѣ, мутятъ рабочихъ, говоря, что они идутъ просить царя окончить войну. «Мы идемъ просить не о войнѣ, мы идемъ просить собрать представителей народа, что бы они рѣшили всѣ вопросы. Мы ничего не рѣшаемъ». Затѣмъ сталъ на эстраду одинъ изъ депутатовъ, невысокаго роста, блондинъ, съ очень нервнымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Онъ прочелъ текстъ письма къ Мирскому и объяснилъ, что онъ одинъ изъ 11 рабочихъ, участвовавшихъ въ составленіи письма. Послѣ этого первый рабочій еще коснулся вопроса о церкви ¹⁾. «Чиновники не только поработили насъ,—они поработили и церковь. Теперь нельзя быть истинными христіанами. Если я молюсь не по казенному, то каждый, кто это увидитъ, можетъ донести. У насъ есть церковь, но нѣтъ свободы вѣры. Если я скажу, что я не вѣрю въ Бога, меня за это будутъ наказывать, будутъ насиловать мою совѣсть. Церковь наша порабощена правительствомъ. Нужно, чтобы она была свободна, чтобы каждый молился по своей совѣсти. Такъ ли я говорю?»—«Вѣрно! Такъ!..» Затѣмъ онъ сказалъ: «А теперь помолимся Богу, прочтемъ Отче Нашъ». Вся толпа благоговѣйно, съ напряженной душой въ глазахъ, стройно, однимъ хоромъ, пропѣла молитву, истово крестясь. Одинъ старикъ и многія женщины плакали...

«Вошло другое собраніе. Снова пропѣли «Отче Нашъ», съ тѣмъ же благоговѣйнымъ настроеніемъ, съ тайной душой о смерти. То и дѣло толпа заглядывала въ окна и съ сильнымъ возбужденіемъ говорила: «Мало народу, мало», боясь, что не соберется достаточное количество. Главный ораторъ снова выступилъ впередъ и сказалъ:

¹⁾ Въ петиціи имѣется пунктъ о „свободѣ совѣсти въ дѣлѣ религіи“, а въ послѣдней, менѣе извѣстной публикѣ, редакціи ея,—и пунктъ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

«Товарищи, знаете, зачѣмъ мы идемъ?»—«Знаемъ! знаемъ!» раздались юные голоса. «Пойдемъ же твердымъ, сомкнутымъ строемъ, не отступая, не отставая. Безъ криковъ и шуму. Не слушайте голосовъ изъ толпы. Слушайте только насъ, которые пойдемъ въ первомъ ряду... Знаменъ не надо. Но тѣхъ, кто носить знамена, не бить,—только знамя отнять. Мы не потому говоримъ, что не надо знаменъ, что въ нихъ есть что-нибудь дурное, а потому, что толпа привыкла, что полиція бросается на знамена, и можетъ приписать знаменамъ, въ случаѣ столкновенія, причину нападенія. Но помните, товарищи: тѣхъ, кто носить знамена, не бить! Листковъ не подбирать. Голосовъ изъ заднихъ рядовъ не слушайте. Идите мирно и благоговѣйно. Мы идемъ на великое дѣло и можемъ гордиться этимъ. Кто мы? Мы ничтожные рабочіе. Такъ зовите же всѣхъ, кто пойдетъ съ нами, никого не отталкивайте. Идемъ»!..

Всѣ вышли. На улицѣ дожидался уже Гаванскій отдѣлъ, пришедшій на соединеніе съ Василеостровскимъ. Образовалась громадная толпа, запрудившая всю линію отъ Малаго до Средняго. Она медленно двинулась впередъ, стараясь идти сомкнутымъ строемъ...

Путиловскій отдѣлъ оставался на попеченіи самого Гапона. Здѣсь рабочая толпа была менѣе сознательна, болѣе наивна, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. Здѣсь былъ источникъ и очагъ стачечнаго движенія, въ которомъ Гапонъ съ самаго начала игралъ роль заступника и руководителя.

Здѣсь онъ проводилъ послѣднія тревожныя ночи. Здѣсь окружала его «вѣрная стража», группа восторженно любившихъ его рабочихъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «8-го января, около 11 ч. вечера пришелъ ко мнѣ о. Георгій. Наружность его была измученная, голосъ хриплый, потерялъ его. Предложилъ я ему закусить, онъ отказался, только и было, что выпилъ полстакана чаю, но курилъ одну за другой папиросы. Говорить какъ будто ему не хотѣлось. Въ 12-мъ часу онъ легъ въ постели и спалъ очень крѣпко, ночью не просыпался. 9-го января проснулся въ 8 ч. утра и пилъ чай, но закусывать ничего не хотѣлъ»... Говорить передъ толпою въ это утро онъ уже не могъ или не хотѣлъ, сказавъ ей наканунѣ свое послѣднее напутственное слово. Какія-то подозрительныя личности навѣдывались въ квартиру, гдѣ онъ провелъ ночь... «...Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ нѣкто К.,—пишетъ хозяинъ этой квартиры,—и обращается къ о. Гапону со словами: «О. Георгій, васъ г. пристравъ просятъ къ себѣ въ петергофскій участокъ для переговоровъ по телефону съ г. градоначальникомъ по очень важному дѣлу». О. Георгій ему отвѣтилъ: «теперь, товарищъ, поздно и не время. Надо было раньше переговаривать. Подите сами къ телефону и скажите, что я, священникъ Гапонъ, г. градоначальникъ, что вамъ угодно, а мнѣ сейчасъ некогда, я долженъ сейчасъ отпраляться съ товарищами ко Дворцу». Возможно, какъ полагаетъ пишущій приведенныя строки, что это были уловки тайной полиціи, старавшейся выманить Гапона и, арестовавъ тайно отъ толпы, разстроить шествіе. По сообщеніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, Гапонъ былъ чрез-

вычайно взволнованъ предвидѣніемъ того, что должно было случиться. Нѣкоторымъ женщинамъ, матерямъ семейства, подходившимъ въ послѣднюю минуту просить его напутственнаго благословленія, онъ совѣтовалъ лучше идти домой, потому что, можетъ быть, будутъ стрѣлять. Приближенные Гапона достали большой портретъ Царя и два меньшихъ портрета Царя и Царицы и сдѣлали большой бѣлый флагъ, на которомъ написали крупными буквами: «Солдаты! Не стрѣляйте въ народъ».

Толпы уже стекались къ отдѣлу, заполняя весь дворъ и часть улицы. Утромъ въ помѣщеніи собранія раздавались пособія стачечникамъ и собирались послѣднія подписи подъ петиціей. «Въ 9 съ половиною часовъ утра, говорится въ цитированной уже записи, пришли нѣсколько человекъ съ предложеніемъ: О. Георгій! А можно намъ поднять иконы и крестъ, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ?» О. Георгій имъ на это отвѣтилъ:—У насъ нѣтъ иконъ и негдѣ взять.—Народъ говорилъ: «Мы, батюшка, можемъ достать, и намъ дадутъ».—«Если можете достать, тѣмъ лучше». Черезъ 40 минутъ Гапону сообщили, что хоругви, крестъ и иконы принесены. Ихъ взяли въ часовнѣ Болдыревской дачи. Около 11 ч. утра Гапонъ, въ священнической рясѣ, вышелъ во дворъ, гдѣ ожидалъ крестный ходъ и многотысячная толпа рабочихъ. Здѣсь же было нѣсколько человекъ полиціи съ помощникомъ пристава. Около воротъ, по шоссе проѣзжали конно-городовые и инженеръ Р. Онъ подошелъ къ Гапону и потомъ, обратившись къ толпѣ, сказалъ отъ имени напутственное слово дѣловаго характера. Шествіе стало строиться въ ряды. Впереди несли хоругви, иконы, крестъ, царскіе портреты и бѣлый флагъ. Въ первыхъ рядахъ, крѣпко взявшись подъ руки, шли, окружая Гапона, самые смѣлые, самые восторженные. Предшествуемый полиціей, крестный ходъ тронулся и растянулся по шоссе—чуть не на нѣсколько верстъ. На небѣ сіяло солнце. Запѣли «Спаси, Господи, люди Твоя». Всѣ шли съ обнаженными головами. Полицейскіе чины на пути снимали шапки.

Когда голова шествія приближалась уже къ Нарвскимъ воротамъ, изъ-за воротъ, прямо на толпу, карьеромъ понесся отрядъ конницы. Онъ прорвалъ шеренги первыхъ рядовъ, но быстро повернулъ назадъ и отъѣхалъ въ сторону, открывая стоявшую на мостикѣ—поперекъ его и по бокамъ—пѣхоту. Толпа пришла въ замѣшательство. Но первые ряды сейчасъ же сомкнулись, взяли съ руки и съ пѣніемъ мужественно двинулись впередъ, къ мостику. Раздался сигнальный рожокъ,—обезумѣвшіе, вичего не понимающіе псковскіе солдаты дали залпъ. Помощникъ пристава крикнулъ: «что вы дѣлаете! Какъ можно стрѣлять въ крестный ходъ и портретъ Царя!»—но черезъ минуту упалъ мертвымъ. Солдаты продолжали стрѣльбу пачками, бѣглымъ огнемъ. Невообразимое смятеніе произошло въ эту минуту, когда повалились люди въ первыхъ рядахъ, ровная образа и хоругви. Убиты были старики, несшіе царскіе портреты, и мальчикъ, несшій церковный фонарь. Ужасные крики неслись изъ толпы. Часть ея разбѣгалась, пряталась по сосѣднимъ

дворахъ. Шальные пули догоняли ее и тамъ. Другая часть, вѣрная клятвѣ не отступать, въ безумномъ порывѣ напирала впередъ. Подкошенные пулями, падая, сшибали другихъ. Гапонъ тоже упалъ, сбитый съ ногъ однимъ изъ убитыхъ первого ряда. «Вѣрная стража», среди общаго смятенія, подхватила его и быстро перебросила черезъ заборъ. Онъ скрылся, никѣмъ не замѣченный. Въ толпѣ пронесся слухъ, что онъ убитъ. Спереди напирала теперь на толпу конница, топтала портреты и хоругви, тѣснила людей, живыхъ, раненыхъ и убитыхъ. Здѣсь пало на мѣстѣ нѣсколько десятковъ, болѣе сотни было ранено. Часть убитыхъ была скрыта полиціей, но многіе выставлены были потомъ, для опознанія, въ больничныхъ мертвецкихъ. Мѣсяцъ спустя жена одного рабочаго, сама не потерявшая въ этомъ дѣлѣ никого изъ близкихъ, рассказывала намъ дрожащими губами, какія у этихъ покойниковъ были «страшныя и удивленныя лица».

Въ другихъ окраинныхъ частяхъ города, кромѣ Петербургской стороны, отвѣтственные офицеры дѣйствовали мягче и въ солдатахъ замѣтно было болѣе сознательности; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалась даже нѣкоторая нерѣшительность. Нѣкоторые отдѣлы, шедшіе не такими компактными массами, добрались до Дворцовой площади безъ столкновеній съ войсками. Колпинцы имѣли первое объясненіе съ войсками только на Мытнинской, подлѣ Невскаго. Офицеръ просилъ ихъ идти не толпою, а маленькими группами, что они и исполнили. Всѣ думали только о томъ, чтобы добраться до цѣли.

Толпа, шедшая изъ Невскаго отдѣла, безпрепятственно дошла до Шлиссельбургской части. Здѣсь путь былъ перерѣзанъ пѣхотой, за которой стояли казаки. Для объясненія съ толпою вышелъ приставъ и выѣхалъ казачій полковникъ. Толпа остановилась. Предсѣдатель отдѣла Петровъ, шедшій впереди съ другими депутатами, вступилъ въ переговоры съ полковникомъ. «Петровъ объясняетъ ему, — пишетъ одинъ рабочій, свидѣтель, — что мы идемъ смирно, не нарушая никакого порядка, намъ одна дорога — впередъ, назадъ намъ незачѣмъ идти. Послѣ недолгихъ разговоровъ слышимъ ружейный выстрѣлъ, но изъ холостыхъ, за нимъ другой, третій»... Задніе ряды пришли въ смятеніе, побѣжали. Раздались крики: «Товарищи!.. Стой!.. Не измѣняйте». Первые ряды не отступали, многіе изъ бѣжавшихъ возвратились назадъ. Между тѣмъ пѣхота отошла, оставивъ впереди уральскихъ казаковъ. «Толпа подвинулась впередъ, — продолжаетъ тотъ же свидѣтель. — Стали ихъ просить, чтобы пропустили. Офицеръ говоритъ: — пропустить я васъ не могу, вы идете противъ Царя. Рабочіе говорятъ: Нѣтъ, мы идемъ за Царя, мы только хотимъ вытащить его изъ сѣтей капиталистовъ и казнокрадовъ. — Сколько разъ онъ потомъ хотѣлъ разогнать толпу, но она крѣпко держалась своей заповѣди, которую далъ священникъ: «умремъ, товарищи! шагу нѣтъ назадъ». Казаки отчаянно махали шапками, нѣкоторыхъ били плашмя, а на другихъ замахивались остріемъ, даже ранили Петрова. Сколько разъ народъ становился

на колѣни, и слышны были раздирающіе крики: пощади! и озлобленные крики, съ укоромъ: «братоубійцы! опричники! креста на васъ нѣтъ!..» Казаки наѣзжали на толпу, которая продолжала рваться впередъ. Одинъ старикъ изъ первыхъ рядовъ бросился передъ ними на колѣни, умоляя пощадить народъ. Его смяли лошадьми и равили шашкой.. Но въ это время средняя часть толпы проломила ворота въ склады на Неву и, очищая дорогу, устремилась въ городъ по льду, небольшими кучками и вразсыпную, торопясь поспѣть на площадь къ условленному часу.

Съ Васильевского Острова почти никто не попалъ на площадь. Столкновение съ войскомъ произошло здѣсь скоро послѣ выхода изъ собранія. Неподалеку отъ набережной Невы 4—5 линія была пересѣчена войсками. Стройная длинная колонна шестива медленно двигалась навстрѣчу имъ и шагахъ въ 25—30 остановилась. Депутаты вышли впередъ и, махая бѣлыми платками, пытались объяснить что-то, кричали убѣждающимъ, умоляющимъ голосомъ. Отрядъ конницы поспекавалъ на толпу, отгѣсняя ее въ сторону. Пѣхотинцы уже взяли на прицѣль. Депутаты растегнули пальто, подставляя груди. Что-то дрогнуло въ ряду солдатъ, поднявшихъ ружья. Офицеръ быстро распорядился выпустить изъ пѣхоты новый отрядъ казаковъ съ обнаженными шашками. Толпа была смята, отброшена назадъ, оттиснута въ прилегающіе переулки. Пробраться впередъ было невозможно. Толпа разсѣивалась, уводя раненыхъ, часть пошла назадъ къ собранію, другая металась въ негодованіи по улицѣ между отрядами казаковъ. Раздались призывы къ оружію. Молодежь пошла громить оружейную мастерскую Шаффа. Группа рабочихъ подъ руководствомъ студента, завладѣла типографіей и стала наскоро печатать на ручномъ станкѣ здѣсь же составленную прокламацію. На углахъ ближайшихъ улицъ быстро собирались толпы народа. Въ одномъ мѣстѣ бросились на отрядъ полиціи и отобрали у нея шашки. Выступили ораторы изъ социаль-демократовъ. Ихъ слушали теперь: настроеніе необычайно рѣзко измѣнилось. Негодованіе кипѣло въ толпѣ, но руководители не знали, что дѣлать, какой выходъ дать этому негодованію. Послали развѣдчиковъ въ другія части города. На 4-ой линіи стали валить телефонные столбы и строить баррикады.

Выборгскій отдѣлъ шель къ Троицкому мосту на соединеніе съ отдѣломъ Петербургской стороны. На большой Дворянской онъ былъ встрѣченъ конницей, которая смяла его быстрымъ натискомъ съ шашками наголо. Три раза конница прорѣзала его взадъ и впередъ, сшибая и рубя людей. Толпа въ смятеніи разсѣивалась, подбирая раненыхъ, но передняя часть ея быстро шла впередъ на условленное соединеніе съ товарищами. Въ это время со стороны Троицкаго моста раздался сигнальный рожокъ и послышались выстрѣлы. Нѣкоторые побѣжали туда, на звукъ выстрѣловъ, и вновь попали подъ шашки. Другіе спѣшили обходными путями ко дворцу.

Шестива на Петербургской сторонѣ было чрезвычайно многолюдно и торжественно. Передніе ряды и здѣсь шли крѣпкими пѣ-

пами, взявшись подъ руки, мужчины и дѣвушки, рабочіе и среди нихъ, вмѣстѣ съ ними, взволнованные движеніемъ интеллигенты. Въ толпѣ было нѣсколько гимназистовъ. Шагахъ въ 300 отъ Троицкаго моста, подлѣ парка, толпа завидѣла передъ собою перерѣзанную ей дорогу пѣхоту. Командовавшій офицеръ пошелъ навстрѣчу и, крикнувъ что-то, замахалъ рукой. Отъ толпы отдѣлились депутаты со свиткомъ петиціи. Они уже подходили къ нему, показывая знаками, что они безоружны, но вдругъ офицеръ повернулъ назадъ, отбѣжалъ въ сторону на тротуаръ и сдѣлалъ знакъ солдатамъ. Раздался рожокъ, и вслѣдъ за нимъ, быстро одинъ за другимъ, три залпа. Многіе изъ бывшихъ въ толпѣ не сразу поняли, что такое произошло. Падали окровавленные люди. Молодая дѣвушка,—рабочая, шедшая недалеко отъ стараго отца, истекая кровью, ползала по землѣ и кричала «папа»... Нѣсколько десятковъ человѣкъ были убиты на повалъ. Удѣлѣвшіе подбирали раненыхъ, усаживая ихъ на извозчичьи сани. Суетились, помогая, гимназисты. Публика останавливала для перевозки раненыхъ частные экипажи. Одну женщину повезли въ больницу съ прострѣленнымъ на смерть у нея на рукахъ годовалымъ ребенкомъ. Шули летѣли здѣсь очень далеко и настигли не мало, случайныхъ жертвъ. Народъ въ ужасѣ сходилъ со всѣхъ сторонъ на звуки залповъ, а вслѣдъ убѣгающимъ изъ разстрѣлянной колонны неслась подвигшаяся съ Дворянской улицы конница, настигала ихъ шашечными ударами и наносила удары даже лежащимъ.

Отсюда, какъ и изъ-за Нарвскихъ воротъ, тоже почти никто не дошелъ до Дворца.

VII.

Во второмъ часу дня по тротуарамъ Невскаго, какъ это бываетъ обыкновенно въ ясные праздничные дни, двигалась огромная толпа народа. Но среди обычной городской публики сейчасъ же бросалась въ глаза масса рабочихъ. Они торопливо шли, кучками и вереницами, въ одномъ направленіи, къ площади Зимняго Дворца. По улицѣ разѣзжали отряды казаковъ. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ гуще были толпы и тѣмъ больше было казаковъ. Въ концѣ Невскаго движеніе коновъ было прекращено. Улица была перерѣзана отрядомъ конницы. По Адмиралтейскому проспекту быстро разѣзжали, тѣсня народъ къ панелямъ, такіе же отряды и группы жандармовъ. На Дворцовой площади была масса войскъ, конницы и пѣхоты. Дворецъ былъ окруженъ пушками. Толпы народа тѣснились здѣсь къ рѣшеткѣ Александровскаго сада, съ одной стороны, къ зданію Генеральнаго Штаба, вплоть до Арки, съ другой. Народъ все прибывалъ, размѣщаясь по обѣимъ сторонамъ Адмиралтейскаго проспекта, и по угламъ Невскаго. Многіе вошли въ садъ и изнутри тѣснились къ его рѣшеткѣ. На вѣткахъ деревьевъ сидѣли взиравшіеся туда уличные мальчуганы. Въ саду, пользуясь рѣдкимъ сол-

нечнымъ днемъ, играли дѣти, каталась на конькахъ безпечная молодежь. Городской людъ шелъ по своимъ надобностямъ во всѣхъ направленіяхъ и задерживался въ саду или на площади необычнымъ зрѣлищемъ. Учащаяся молодежь, интеллигенція, кое-кто изъ случайной публики смѣшивались съ рабочими.

Настроеніе было сдержанно-возбужденное. Народъ терпѣливо ждалъ появленія Царя. Между рабочими шли тихіе разговоры. Тутъ были лучшіе, самые мужественные изъ нихъ, добравшіеся сюда черезъ всѣ преграды. Иногда эскадронъ конницы пронесся съ шашками наголо по Адмиралтейскому проспекту или начиналъ напирать на публику, тѣснившуюся у стѣнъ и рѣшетокъ сада. Тогда въ толпѣ раздался громкій негодующій ропотъ, крики, похожіе издали на перекатывающееся «ура». Около 2 часовъ жандармерія прошла по Александровскому саду и, небрежно приказавъ нѣкоторымъ группамъ расходиться, заперла всѣ входы и выходы сада, оставивъ тамъ публику. Толпа начинала между тѣмъ волноваться: съ окраинъ приходили извѣстія о разстрѣлахъ. Но рабочіе упорно ждали Царя. Кто-то сказалъ, что Царя нѣтъ въ С.-Петербургѣ. Большинство не повѣрило. Изрѣдка въ толпѣ раздавались крики: «уберите войско! Вѣдь мы ничего дурного не дѣлаемъ». Въ одномъ мѣстѣ толстый офицеръ съ краснымъ лицомъ подошелъ къ толпѣ и сказалъ: «расходитесь! Будутъ стрѣлять». Слышавшіе это не повѣрили ему и продолжали говорить между собой: «за что же стрѣлять»?

Къ рабочимъ, стоявшимъ у Штаба,—это была группа колпинскихъ,—тоже подошелъ офицеръ съ предупрежденіемъ, что будутъ стрѣлять. Ему отвѣтили: «стрѣляйте! мы пришли искать правду». Векорѣ изъ группы пѣшихъ войскъ, занимавшихъ середину площади, выдѣлилась рота Преображенскаго полка съ офицеромъ и выстроилась въ двѣ шеренги противъ Александровскаго сада. Публика смотрѣла съ недоумѣніемъ. Заигралъ горнисть. Наступила тишина. Всѣ переглядывались. Раздались ободряющіе голоса: «Это такъ... Не можетъ быть»... Горнисть проигралъ еще разъ, и послышалась команда: «цѣлся». Первый рядъ преображенцевъ опустился на колѣни и взялъ на прицѣлъ. Никто не тронулся съ мѣста, но лица поблѣднѣли, многіе стали креститься. Раздался залпъ—въ народъ, стоявшій у сада, и прямо въ садъ, въ любопытныхъ и въ играющихъ дѣтей. Толпа замерла. Нѣкоторые подумали, что залпъ холостой. Но кругомъ на площади и за рѣшеткой сада валились убитые и раненые. Съ деревьевъ, какъ подстрѣленные воробы, посыпались мальчуганы. Кто-то громко застоналъ. Часть толпы вдругъ скорчилась, согнулась и побѣжала въ сторону. Солдаты сдѣлали полуоборотъ вправо и дали залпъ по направленію къ Адмиралтейству и къ Дворцовому мосту. Потомъ полуоборотъ влѣво—и залпъ по направленію къ Штабу, въ убѣгающую толпу.

Народъ закричалъ, заволновался. Громкій ропотъ понесся по площади, по Адмиралтейскому проспекту, по Невскому. Шальные пули сваливали прохожихъ у самой набережной и за Александровскимъ садомъ у Исаакіевскаго собора.

Съ необычайной быстротой распространился повсюду слухъ о происшедшемъ, и холодная толпа петербургскихъ улицъ вдругъ закипѣла гнѣвомъ, забыла всякій страхъ, забушевала. Въ то время, какъ на Дворцовой площади и по близости отъ нея подбирали, уносили въ сосѣдніе дворы и увозили раненыхъ, а по Гороховой тянулись, одни за другими, извозчики сани съ трупами неизвѣстныхъ убитыхъ, народъ съ бѣшенствомъ набрасывался на случайно проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицѣ офицеровъ, стаскивалъ ихъ съ извозчиковъ, рвалъ эполеты, вырывалъ шапки. Повсюду раздавались крики: „Убийцы! Кровопійцы! Палачи! отъ японцевъ бѣжите, а въ своихъ стрѣляете“. По Невскому, по улицѣ Гоголя, по Морской, по Гороховой сновали толпы народа, разгоняемыя озвѣрѣвшей конницей съ шашками наголо. Народъ бросался бѣжать, прижимался къ стѣнамъ, но сейчасъ же снова смыкался. На всѣхъ перекресткахъ образовались кучки, среди которыхъ говорили случайные ораторы или раздавался громкій ропоть, слышались озлобленные голоса: „Пулями угостили!...“

По Невскому и Гороховой все еще везутъ раненыхъ и убитыхъ. Толпа отнимаетъ покойниковъ у полиціи и переноситъ ихъ къ Казанскому Собору съ криками: „Шапки долой“, „На колѣни передъ мучениками!“ Въ одномъ мѣстѣ Невскаго толпа, отнявъ три трупа у полицейскихъ, владеть ихъ на свѣгъ и, опустившись на колѣни, поетъ „Со святыми упокой“. Конница карьеромъ несется на поущихъ и разбрасываетъ ихъ въ стороны, но они сейчасъ же опять собираются. Въ другомъ мѣстѣ несутъ трупъ рабочаго съ пѣніемъ молитвы, смѣняющейся революціонной пѣсней. Два студента съ обнаженными головами везутъ убитаго товарища... А въ это время пѣхота уже даетъ залпъ по толпѣ у Полицейскаго моста. Окопанный на Гороховой, видя, какъ народъ избиваетъ офицера, стрѣляетъ куда попало изъ револьвера. На Морской, у Арки, и на Пѣвчевскомъ мосту кавалерія бросается впередъ и рубитъ народъ шашками, раскраиваетъ черепа, не щадя ни женщинъ, ни случайныхъ прохожихъ. Стрѣляютъ недалеко отъ Думы...

Небывалое, невиданное зрѣлище представляетъ собою въ это время Петербургъ. И какъ бы въ довершеніе фантастической картины бунтующаго города, на затянувшемся бѣлесоватой мглой небѣ мутно-красное солнце давало въ туманѣ два отраженія около себя, и глазамъ казалось, что на небѣ три солнца. Потомъ, въ 3-мъ часу дня, необычная зимою яркая радуга засвѣтилась въ небѣ, а когда она потускнѣла и скрылась, поднялась снѣжная буря. И народъ, и войска были въ это время въ какомъ-то неистовствѣ. На Полицейскомъ мосту вновь и вновь раздавались залпы пѣхоты: вдоль по Невскому, въ ту и другую сторону, въ обѣ стороны по набережной Мойки и даже на ледъ ея, куда прыгали спасаясь отъ пуль, обезумѣвшіе люди. Стрѣляли и въ моментъ затишья, въ небольшую кучку людей, прижавшуюся къ дому Строгонова, и въ толпу, бросающую камни вслѣдъ проѣзжающему офицеру. Народъ находился здѣсь въ это время въ состояніи какого-то трагическаго разгула.

Шиканье, гоготанье, свистки, яростныя ругательства войскамъ неслись со всѣхъ сторонъ. На льду Мойки плясало нѣсколько подростковъ. Мальчишки кричали „Урра побѣдители!.. Урра!..“ и съ хохотомъ бѣжали вслѣдъ за проѣзжавшимъ въ это время коннымъ отрядомъ, осыпая его насмѣшками. Даже выстрѣлы встрѣчались теперь смѣхомъ, руганью и издѣвательствами. Нѣкоторые, распахивая пальто, подставляли грудь подъ дула ружей. „Я никогда не видѣлъ подобнаго настроенія толпы и не думалъ, что при такихъ условіяхъ оно возможно, но въ то время я не находилъ въ этомъ ничего страннаго“, пишетъ одинъ свидѣтель.

Становилось уже темно. Буйство толпы сосредоточилось въ центрѣ города. На окраинахъ было тихо, и кучки казаковъ и уланъ, шпионовъ и городскихъ набрасывались на студентовъ, избивали и топтали ихъ ногами; хватали, колотили шашками и тащили въ участокъ рабочихъ. На Васильевскомъ Островѣ, по Малому проспекту, сооружались неискusstvenныя баррикады. На 4-ой линіи баррикады были уже разобраны: отрядъ пѣхоты безъ труда справился съ ихъ защитниками, сбросивъ однимъ залпомъ оратора, говорившаго рѣчь къ солдатамъ, и знаменосца, высоко поднимавшаго красный флагъ социаль-демократіи. Борьба была здѣсь слишкомъ неравная. Маленькія кучки рабочихъ восторженно кричали: „товарищи! умремъ за свободу!“ и мужественно подставляли себя подъ пули.

Положеніе наиболѣе сознательныхъ и, особенно, партійныхъ рабочихъ, такъ же какъ и интеллигенціи, не сливавшейся съ бунтующей народной стихіей, было въ это время поистинѣ трагическимъ. Въ редакціи „Сына Отечества“, куда словно по стовору, ежеминутно притекала съ Невскаго все новая публика и приходили изъ разныхъ частей города рабочіе за справками о томъ, что гдѣ происходитъ, видѣлись со всѣхъ сторонъ воспаленныя, измученныя лица, и всѣ говорили вполголоса. Вошедшій съ улицы хорошо одѣтый рабочій молча озирался пѣкоторое время, потомъ обратился къ группѣ литераторовъ: „Позвольте попросить у васъ совѣта — сказалъ онъ, что дѣлать интеллигенціи?“ — „Интеллигенціи? какъ?“ — „Да, да, рабочей интеллигенціи, намъ. Всѣ измучились. По домамъ, что ли, расходиться!“ — Литераторы смутились и не нашли подходящаго отвѣта.

Вечеромъ было большое шумное собраніе интеллигенціи въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества. Читалось вслухъ воззваніе „къ офицерамъ, не принимавшимъ участіе въ бойнѣ 9-го января“ и собирались подписи подъ нимъ. Читалось первое письмо Гапона къ рабочимъ. Говорили о вооруженіи, о митингахъ, послали людей въ театры съ требованіемъ закрыть ихъ. Но и здѣсь чувствовалось душевное смятеніе, растерянность, отсутствіе объединяющаго лозунга, оторванность отъ толпы.

А толпа не спрашивала, что ей дѣлать. Рабочіе, пережившіе страшный день, уже разбредались по своимъ окраинамъ, но на Невскомъ до поздняго вечера шумѣла городская толпа. Въ одномъ мѣстѣ зажгли кіоски, въ другомъ ломали фонари. Кое-гдѣ слышались революціонныя пѣсни. Во дворцѣ Сергѣя Александровича били кам-

нами стекла. Каваллерія помчалась опять разгонять толпу,—карьеромъ взадъ и впередъ. Толпы ремесленниковъ, мастеровыхъ, мальчишекъ встрѣчали и провожали ее дружнымъ ревомъ, вылетающимъ словно изъ одной груди: „Братоубійцы! Братоубійцы!“ Подростки гнались за ней и безстрашно шныряли подъ самыми лошадьми.

На Петербургской сторонѣ и Васильевскомъ Островѣ хулиганы безпрепятственно громили магазины. Разъѣзды гонялись на Островѣ за маленькими кучками народа и одиноко идущими людьми, рубили пашками; стрѣляли въ спину бѣгущимъ, избивали дѣтей, врывались въ частныя квартиры.

Ночью городъ производилъ впечатлѣніе завоеваннаго непріателемъ. На площадяхъ расположились пикеты. Пылали яркіе костры. На улицахъ царил мертвая тишина.

VIII.

Три дня продолжались въ городѣ безчинства казачьихъ и вообще каваллерійскихъ разъѣздовъ. Но на всѣхъ перекресткахъ, несмотря на постоянныя атаки каваллеріи, продолжали собираться толпы. Повсюду слышалась откровенная критика властей и порядковъ, юмористическія замѣчанія по адресу пробѣжающихъ войскъ: „Что, храбрый народъ! Хорошо съ безоружными сражаетесь!“ „Эй, псковичи! бейте москвичей“. На Невскомъ, недалеко отъ Думы, подлѣ колониальнаго магазина Романова, гдѣ на стѣнѣ и панели видѣлась еще залякшая кровь, слышались злыя народныя шутки: «Вчера на этомъ мѣстѣ тутъ живой кровью торговали»... Въ пятомъ часу дня, 10-го, на Невскомъ и многихъ другихъ улицахъ внезапно потухло электричество и произошла паника. Прошелъ слухъ, что скоро закроютъ водопроводъ. Слухи — правдоподобные и неправдоподобные, совершенно фантастическіе,—продолжали расти, волну воображеніе. Магазины были закрыты, многіе забиты досками. Болѣе робкіе обыватели не рѣшались выходить изъ дому. Но улица и во мракѣ продолжала жить необычайною, возбужденною жизнью, впервые взволнованная, словно пробужденная отъ вѣковой внутренней спячки. Во мракѣ словно еще громче, еще сильнѣе раздавались человѣческіе голоса. Приказчики, ремесленники, извозчики производили уже не тѣ слова, съ которыми еще наканунѣ рабочіе двигались изъ отдѣловъ. Въ городѣ было шумно и жутко. Только передъ больницами, гдѣ съ утра до ночи толпился народъ, стояла гробовая тишина: люди пришли искать своихъ—ранеными или убитыми, но не могли ихъ доискаться. Часть труновъ тщательно скрывалась администраціей въ какихъ-то больничныхъ сараяхъ, куда можно проникнуть только за подкупъ. Многимъ бѣднякамъ не удалось увидѣть своихъ покойниковъ: полиція вывезла и похоронила ихъ въ братскихъ могилахъ Преображенскаго и Успенскаго кладбища въ 3 час. ночи, обманувъ публику, допытывавшуюся о времени похоронъ. На Смоленскомъ кладбищѣ приказано было похоронить

убитыхъ до обѣдни. Только на Митрофаньевскомъ кладбищѣ похороны убитыхъ за Нарвской заставой происходили открыто, при стеченіи десяти тысячной рабочей толпы, въ присутствіи полиціи и войскъ. Ораторы произносятъ надъ могилами рѣчи, призывая къ мести за невинно пролитую кровь. Изъ толпы кричатъ солдатамъ: «Шапки долой, палачи!» и угрюмые солдаты, въ присутствіи своего начальства, покорно исполняютъ это требованіе толпы. Многие рабочіе просили писать на могильныхъ крестахъ родственниковъ: «невинно убиенный 9-го января». Администрація приказывала стирать эти надписи.

Внѣшняя жизнь въ городѣ скоро стала входить въ обычную колею. Обыватели пережили бурю, въ нѣкоторыхъ душахъ остался слѣдъ отъ нея, но эта буря не затронула ихъ интересовъ. Тревоги интеллигенціи, аресты, производившіеся среди нея, не касались толпы и не волновали ея. Но на рабочихъ окраинахъ, создавшихъ движеніе, разыгрывалась въ тѣ дни настоящая глубокая драма. Гапона больше не было. Предсѣдатель отдѣловъ, молодой, всѣми любимый рабочій Васильевъ былъ убитъ. Другіе руководители отдѣловъ были арестованы. Массовые аресты производились по всѣмъ фабричнымъ районамъ. Не только тюрьмы, но и помѣщенія при полицейскихъ частяхъ были переполнены арестованными. Самые отдѣлы были закрыты, запечатаны; кассовыя книги, кое-гдѣ самыя кассы, бібліотеки отдѣловъ, куда рабочіе жертвовали свои годами собранныя книжки, были унесены полиціей. Рабочей массѣ негдѣ было больше собираться, не у кого спросить совѣта и разъясненія по многимъ вопросамъ, вставшимъ въ умѣ. Старыя вѣрованія были разбиты, и темнымъ, полусознательнымъ людямъ некуда было съ надеждою обратиться взоры. Забастовка продолжалась еще нѣсколько дней, но становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Многія тысячи, собранныя въ эти дни интеллигенціей, раздробляясь на десятки тысячъ нуждающихся, превращались въ гроши. Въ семьяхъ начинался голодъ и гналъ на работу, на ненавистныя фабрики и заводы, гдѣ все еще стояли войска.

Негодование и злоба мучили всѣхъ, обращаясь временами, у болѣе темныхъ людей, не туда, куда слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ готовы были обвинять во всемъ студентовъ, интеллигенцію, которой и раньше не довѣряли, или вожаковъ движенія, «показателей пути истинной», какъ они называются въ одной записи. Другіе съ первыхъ же дней затаили въ душѣ великое возмущеніе противъ правителей, жажду мести и борьбы. Въ болѣе мягкихъ и вдумчивыхъ людяхъ происходитъ глубокой психологической и умственной процессъ, заново пересматривались всѣ представленія о жизни. вмѣстѣ съ чувствомъ горечи, разочарованія, обиды, главное—обиды, о которой говорятъ многія записи, въ душѣ шевелилась мысль о значеніи рабочей массы, сознание совершеннаго ея подвига, ея приобщенія къ мировой исторической борьбѣ. «Въ больницѣ, когда очнулся, душа кипѣла обидой, и была даже гордость, что мы значу-

шіе люди, и думается мнѣ, что это только начало значенія», сообщаетъ одинъ рабочій. Другой пишетъ о настроеніяхъ массы нѣсколько дней спустя, уже послѣ объявленія отъ С. Синода: «Правительство насильно заставило отцовъ смиренныхъ принять въ дѣлѣ участіе съ прибавленіемъ, что Японія прислала 18 милліоновъ на забастовки. Отпечатаны книжки подѣ изданіемъ Богдановича «Русскимъ рабочимъ», но книжки вызвали смѣхъ и отвращеніе... Рабочіе твердо убѣждены, что все это не зря пройдетъ; хотя требованія не всѣ удовлетворять, но день 9 января останется у всѣхъ въ памяти, даже будетъ историческимъ событіемъ». У многихъ была мысль, что нужно еще разъ «идти»: «сначала опять мирно, а потомъ ужъ на-проломъ». Никѣмъ не избранная депутація къ Царю тоже заставила рабочую массу о многомъ передумать. «Вотъ раздался всѣмъ неизвѣстный слухъ, что будто Царь потребовалъ какую-то депутацію,—пишетъ простодушнымъ языкомъ одинъ свидѣтель,—и они пошли, а когда пришли, то стали рассказывать, что видѣли и что слышали, и народъ удивляется и говоритъ: а можетъ, и будетъ что! Но черезъ нѣсколько времени они стали говорить: а кто выбиралъ и ихъ, не знаемъ! Такъ это не наши рабочіе, и мы знать не хотимъ, что они... Тутъ многіе разругались и не признавали ничего—ни депутатовъ, ни правительства». Болѣе того, рабочіе не признали помощью пожертвованныя свыше въ пользу семей пострадавшихъ 50.000 р. Они называли ихъ «цѣною за кровь» и считали грѣхомъ пользоваться ими. «И вотъ опять начинается являться озлобленіе противъ правительства,—пишетъ одинъ свидѣтель въ заключеніе своихъ замѣтокъ.—И услышавъ, что многіе опять забастовали, всѣ готовы снова забастовать и настроены такъ: лишь бы только пойти. Сказать «идемъ»! и всѣ бы пошли».

Таково было настроеніе петербургской рабочей массы въ половинѣ февраля. Она была уже безконечно далека отъ тѣхъ трогательныхъ и наивныхъ чувствъ, которыя привели ее на площадь Зимняго Дворца. Въ ней быстро крѣпло самосознаніе, развивалось критическое отношеніе ко всему происходящему и созрѣвала идея «идти на-проломъ».

Л. Гуревичъ.

За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго.

Въ концѣ іюня 1862 года въ Россію возвращался изъ-за границы мѣщанинъ Павелъ Ветошниковъ, о которомъ III Отдѣленіе знало, что онъ нѣсколько разъ былъ у Герцена, жившаго тогда въ Лондонѣ. Какой-то доносчикъ сообщалъ, что имѣеть вѣрныя свѣдѣнія, что Ветошниковъ везетъ съ собой письма Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсіева къ разнымъ лицамъ. Разумѣется, было от дано распоряженіе о задержаніи Ветошникова на границѣ и о препровожденіи его подъ сильнымъ конвоемъ въ III Отдѣленіе.

Такъ и было сдѣлано.

Дѣйствительно, при Ветошниковѣ были найдены письма заграничныхъ публицистовъ къ своимъ русскимъ друзьямъ и пріятелямъ. Между прочимъ, оказался конвертъ съ надписью: «Н. А. Серно-Соловьевичу», въ которой были вложены два слѣдующихъ письма Герцена ¹⁾.

I.

«Милостивый Государь,

Николай Александровичъ».

«На письмо ваше, въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи,—честь имѣю увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше предложеніе. Слѣдующія деньги, т.е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы предоставляю моимъ дочерямъ».

«Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть вашимъ покорнымъ слугою *Александръ Герценъ*».

8/20 іюня 1862. Лондонъ. Орсетъ Гаусъ. Вестборнъ Террасъ. М. Г. Николаю Александровичу Серно-Соловьевичу въ С.-Петербургъ».

II.

Давно не удавалось побесѣдовать съ вами, дорогой другъ. Въ минуту жизни трудную—мы какъ-то разобщены и коротенькія вѣсти не достаточно даютъ пищи для людей, жаждущихъ подробностей. Но ми-

¹⁾ Привожу ихъ съ буквальной точностью.

нута жизни трудная, покачаваясь изъ стороны въ сторону, пройдетъ къ осени. Чуть ли даже не такъ досконально пройдетъ, что и во-все заглохнетъ безъ слѣда. Что же останется? Останется общій фонъ—не минуты, а години трудной. Мнѣ кажется, что уяснить необходимость земскаго собора становится дѣломъ обязательнымъ. Губернскія земскія думы, о которыхъ пророчать къ тысячелѣттю ¹⁾, успокоивъ умы на полгода, дадутъ новый элементъ удобства въ выборахъ и опять приведутъ къ необходимости земскаго собора. Состоится ли онъ? Будетъ ли онъ самъ чѣмъ-то переходнымъ или дѣйствительно организуетъ—вакъ знать! Но я думаю, что изъ всѣхъ послѣднихъ событій вы убѣдитесь, что мое озлобленіе на литературную дрязгу не было слишкомъ пусто; мое озлобленіе шло къ тому, что я вообще въ Петербургской суетѣ не вижу исхода. Тутъ нѣтъ живой жизни, нѣтъ построения будущаго и нѣтъ мѣста для коренного движенія и преобразования. Опять прихожу къ моей темѣ, пенчу и кричу ее вамъ въ уши, чтобъ она неотступно васъ преслѣдовала: живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ—ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Я даже радъ, что Петербургъ не въ силахъ ничего сдѣлать, потому что все, что онъ ни сдѣлаетъ, будетъ имѣть результатъ только тотъ же—отместку провинціи. Уясните же ²⁾ провинціямъ, ищите друзей въ провинціяхъ. Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль—земской земли ³⁾.

«Мнѣ жаль молодежи, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это физиолого-патологическое явленіе, которое быстро проходитъ. Мнѣ жаль и вашихъ мѣщанъ-извозчиковъ—они не виноваты.

«Разнь верхушекъ ужъ слишкомъ велика, чтобъ понять другъ друга и сближеніе ихъ всего меньше возможно на невской набережной и марсовомъ полѣ, оно возможно только при рѣкахъ черно-морско-каспійскихъ.

«Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ. Работайте въ провинціяхъ.

«Крѣпко обнимаю ваше общество. Вѣстей побольше—ради бога. N ⁴⁾—золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до

¹⁾ Одно слово не могло быть прочтено, потому что испорчено шнуромъ, скрѣпляющимъ дѣло.

²⁾ Намекъ на столичныхъ реформаторовъ, изучавшихъ народъ по петербургскимъ извозчикамъ.

³⁾ Рѣчь идетъ, конечно, объ обществѣ „Земля и Воля“, которое было основано, между прочимъ, и Серно-Соловьевичемъ. Подробности изъ дѣятельности его можно найти въ книгѣ Л. Ф. Пантелѣва—„Изъ воспоминаній прошлаго“ СПб., 1905 г., въ которой, однако, мнѣ кажется, общее освѣщеніе общества не совсѣмъ вѣрно. Герценъ и потомъ очень симпатизировалъ „Землѣ и Волѣ“. Любопытно, что слѣдственная коммиссія, да еще подъ предсѣдательствомъ такого оберъ-гофъ-сыщика, какимъ былъ кн. Голицынъ, не обратила вниманія на это мѣсто письма Герцена.

⁴⁾ Кто скрытъ подъ этой буквой—неизвѣстно.

святости. Кажется, рѣчь о нашемъ сбѣжавшемъ восточномъ пріятель¹⁾. Поклонитесь ему—это преблагороднѣйшій человекъ—скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

«Прилагаю официальное письмо—если оно не такъ написано—готовъ написать и другое. 10⁰/₀ я поставилъ зря—уменьшайте и увеличивайте—дѣлайте какъ знаете.

Чтобъ не забыть—прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя—любезный другъ,—самимъ пріѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобъ можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый и то не поняли. Въмѣсто воскресныхъ школъ я становлюсь²⁾).

«Да вы не сердитесь.

«А какова Современ. лѣтоц.? Вотъ я вамъ выдунилъ хризеиды Кат. и Леонт.³⁾).

«Если скоро будетъ оказія, напишите. Знаете ли вы Г. Перетца⁴⁾, онъ, кажется, очень хорошей и образованный человекъ.

«Дайте вашу руку. У меня очень болитъ голова—и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

«Мы готовы издавать Совр.⁵⁾ здѣсь съ Черныш.⁶⁾ или въ Жевнѣ—печатать предложеніе объ этомъ.

«Какъ вы думаете?»

«Какъ видитъ читатель, имя Чернышевскаго упомянуто лишь одинъ разъ. По тогдашнимъ порядкамъ этого было вполне достаточно, чтобы на другой же день послѣ ознакомленія съ корреспонденціей, взятой у Ветошникова, а именно 7 іюля арестовать и Серно-Соловьевича, и Чернышевскаго. Изъ отношенія главноуправляющаго III Отдѣленіемъ къ предсѣдателю экстренно высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, отъ 9 іюля, видно, что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста перваго, а не анонимное письмо, о которомъ говорили потомъ и даже упоминалось въ сенатскомъ опредѣленіи.

Арестъ Чернышевскаго произошелъ совершенно для него неожиданно, въ присутствіи бывшихъ у него въ это время М. А. Антоновича и доктора Бокова.

Мих. Лемке.

1) «Сбѣжавшимъ восточнымъ пріятелемъ» можно было назвать Бакунина, но врядъ ли о немъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, онъ прибылъ въ Лондонъ еще 27 декабря 1861 года, о чемъ уже въ январѣ русское общество узнало изъ „Колокола“, во-вторыхъ, какъ могъ Герценъ передавать ему поклонъ черезъ Серно-Соловьевича?

2) Одно слово не разобрано по указанной выше причинѣ.

3) Рѣчь идетъ о „Современной Лѣтописи“ Каткова и Леонтьева.

4) Перетцъ былъ однимъ изъ русскихъ, довольно часто посѣщавшихъ Герцена лѣтомъ 1862 г.

5) Рѣчь идетъ о „Современникѣ“ Панаева и Некрасова, въ которомъ главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 іюня, по высочайшему повелѣнію, были приостановлены на 8 мѣсяцевъ „Современникъ“ и „Русское Слово“, 8-го же Герценъ уже имѣлъ свѣдѣнія о возможности такой кары и потому сдѣлалъ свое предложеніе. Не получивъ отвѣта отъ Серно-Соловьевича, онъ печатно предложилъ издавать у себя „Современникъ“.

6) Конечно, Чернышевскій.

Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.

Этотъ процессъ принадлежитъ къ числу самыхъ малоизвѣстныхъ, чтобы не сказать совсѣмъ неизвѣстныхъ, широкимъ слоямъ русскаго общества. Если въ царствованіе Александра II (послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ) политическіе процессы, даже въ то время, когда дѣла этого рода разбирались преимущественно военно-окружными судами, все же печатались въ газетахъ, то въ слѣдующее царствованіе и такое правительственное «попустительство» было найдено совершенно излишнимъ. Обществу предоставлено было доволствоваться краткими по этому поводу «правительственными сообщеніями» да и то не всегда: бывали случаи (дѣло повѣшеннаго въ Варшавѣ рабочаго Ковалевскаго, дѣло приговореннаго къ повѣшенію и затѣмъ заключеннаго въ Шлиссельбургъ Манучарова, дѣло сосланнаго на Сахалинъ офицера Перлашкевича и мн. др.), когда не только судебныхъ отчетовъ, но даже хотя бы сообщеній о приговорахъ,—приговорахъ даже къ смерти—въ правительственныхъ изданіяхъ совсѣмъ не появлялось.

Относительно нижепечатаемаго процесса 20-ти народовольцевъ, несмотря на его огромное общественное значеніе и несомнѣнный историческій интересъ или, можетъ быть, правильнѣе, именно *всѣдствіе* этихъ причинъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 21-го февраля 1882 года появились лишь самыя краткія выдержки изъ обвинительнаго акта, да приговоръ суда. И ничего больше!

Между тѣмъ, процессъ этотъ, повторяемъ, на ряду съ процессами Квятковскаго (1880 г.), Желябова (1881), Богдановича (1883), Фигнеръ (1884) и Лопатина (1887), составляя одно изъ крупнѣйшихъ общественно-политическихъ явленій своего времени, представляютъ для изученія исторіи партіи «Народной Воли» документъ первостепенной важности.

Нижепомѣщаемый обвинительный актъ по процессу 20-ти *ни разу еще не появлялся въ печати ни въ Россіи, ни за границей*. Краткія свѣдѣнія о ходѣ процесса были напечатаны въ приложеніи къ № 8—9 «Народной Воли», откуда мы ихъ и воспроизводимъ. Затѣмъ мы даемъ еще приговоръ суда и нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ участниковъ процесса.

Судъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената происходилъ съ 9-го по 16-е февраля. Предсѣдательствовала сенаторъ Дрейеръ. Членами суда были гг. Газенвинкель, Лего, Синицынъ,

Манасеинъ и Бѣлостоцкій. Сословными представителями: Моск. губ. пред. двор. гр. Бобринскій, уѣзд. пред. двор. Самаринъ, Яросл. гор. голова Вахрамѣевъ и волост. старшина Шалберовъ. Обвиняли: прокуроръ судебной палаты, въ послѣдствіи министръ юстиціи, извѣстный Муравьевъ и г. Островскій. Защищали подсудимыхъ гг. Шнеуръ, Кедринъ, Рычковъ, Королевъ, Кишенскій, Чичаговъ, Спасовичъ, Соколовъ, Рихтеръ, Михайловъ, Граціанскій, Александровъ, Буйми-стровъ, вн. Кейкуатовъ, Турчаниновъ, Герардъ и Нечаевъ.

Ред.

Обвинительный актъ,

которымъ предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25-ти лѣтъ, Николай Николаевъ Колодкевичъ, 31-го года, Михайлъ Николаевъ Тригопи, 30-ти лѣтъ, Александръ Ивановъ Бараниковъ, 23-хъ лѣтъ, отставной флота Лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29-ти лѣтъ, отставной Прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, 27-ми лѣтъ, отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34-хъ лѣтъ, сынъ фельдфебеля Михайлъ Федоровъ Фроленко, 33-хъ лѣтъ, сынъ почтальона Григорій Прокофьевъ Исавевъ, 24-хъ лѣтъ, сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20-ти лѣтъ, сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычипинъ, 26-ти лѣтъ, купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26-ти лѣтъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21-го года, мѣщане: Левъ Содомоновъ Златопольскій, 33-хъ лѣтъ, Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22-хъ лѣтъ, Маваръ Васильевъ Тетерва, 28-ми лѣтъ, Николай Александровъ Морозовъ, 26-ти лѣтъ, Прусскій подданный Мартынъ Рудольфовъ Лангансъ, 29-ти лѣтъ, дворянка Елизавета Николаевна Оловеникова, 23-хъ лѣтъ, дочь Титулярнаго Совѣтника Людмила Дементьева Терентьева, 20-ти лѣтъ, дочь Коллежскаго Совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29-ти лѣтъ, и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

Въ концѣ ноября 1880 г. въ С.-Петербургѣ возникло дознаніе о лицахъ, принадлежавшихъ къ такъ называемой террористической фракціи тайнаго сообщества, именующаго себя «русской социальнореволюціонной партіей». Дознаніе это, оконченное въ октябрѣ 1881 года, обнаружило главнѣйшихъ преступныхъ дѣятелей означенной фракціи, не вошедшихъ въ число ея участниковъ, осужденныхъ въ октябрѣ 1880 года С.-Петербургскимъ Военно-Обружнымъ

Судомъ о 16-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и въ мартѣ 1881 года по дѣлу о злодѣяніи 1 марта, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ разслѣдованіемъ была выяснена виновность привлеченныхъ къ дознанію *двадцати двухъ* нижепоименованныхъ лицъ въ совершеніи, для достиженія цѣлей названнаго преступнаго сообщества, ряда посягательствъ на жизнь Священной Особы почившаго Монарха и другихъ преступленій революціоннаго характера, уже бывшихъ предметомъ судебного разсмотрѣнія по вышеупомянутымъ дѣламъ, а также и нѣкоторыхъ вновь раскрытыхъ преступныхъ дѣяній того же значенія.

Обстоятельства преступленій, совершенныхъ обвиняемыми, и данныя, служація къ ихъ изобличенію, распредѣляются, по своему содержанию, въ нижеслѣдующихъ четырнадцати отдѣлахъ настоящаго обвинительнаго акта.

I.

Предметы обвиненій.—Послѣдовательное обнаруженіе обвиняемыхъ.

При изслѣдованіи названнаго выше дѣла о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и дѣла о злодѣяніи 1 марта 1881 года, оказалось, что до происходившаго лѣтомъ 1879 г. въ гор. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, общаго съѣзда членовъ такъ называемой «соціально-революціонной партіи», непосредственная политическая борьба съ правительствомъ, а въ частности покушенія на цареубійство и террористическія дѣяствія, не составляли прямой и опредѣленной задачи означеннаго сообщества, которое, усвоивъ въ то время такъ называемую «народническую» организацію, поставило себѣ задачею постепенно готовить народъ къ соціальному и, главнымъ образомъ, экономическому перевороту. Тѣмъ не менѣе, послѣдній періодъ преступной дѣятельности «народниковъ», относящійся къ 1878 году и первой половинѣ 1879 года, былъ отмѣченъ нѣкоторыми террористическими фактами, которые, однако же, явились лишь результатомъ единичной рѣшимости отдѣльныхъ лицъ или кружковъ, принадлежащихъ къ «городской» (въ отличіе отъ «деревенской») группѣ агитаторовъ, назвавшей себя «исполнительнымъ комитетомъ». Такое значеніе имѣли, между прочимъ, убійство 4-го августа 1878 года Шефа жандармовъ генераль-адъютанта Мезенцова и совершенное 2 апрѣля 1879 года нынѣ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Александромъ Соловьевымъ покушеніе на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Появленіе въ средѣ членовъ преступнаго сообщества указаннаго террористическаго направленія, выдвигавшаго на первый планъ вопросъ о необходимости политической борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ, привело послѣ Липецкаго съѣзда къ выдѣленію изъ сообщества, т.-е. изъ презней «народ-

нической» его организациі, особой «террористической» фракціи участники которой, принявъ впоследствии наименование «партіи, народной воли», согласились между собою стремиться къ совершенію въ ближайшемъ будущемъ насильственнаго переворота. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этой цѣли присутствовавшими на съѣздѣ злоумышленниками было признано систематическое повтореніе, съ помощью взрывчатыхъ веществъ, посягательства на царевубійство, до тѣхъ поръ, пока этотъ злодѣйскій умыселъ не будетъ удачно приведенъ въ исполненіе.

Изъ объясненій нынѣ умершаго обвиняемаго Гольденберга, а отчасти и изъ показаній государственныхъ преступниковъ Степана Ширяева и нынѣ казненнаго Александра Квятковскаго видно, что на Липецкомъ съѣздѣ была проектирована и опредѣленная организациія террористической фракціи или «партіи народной воли». Во главѣ этой организациі должны были стоять «распорядительная комиссія» и «исполнительный комитетъ». При нѣкоторомъ первенствѣ первой изъ этихъ двухъ группъ, между ними не предполагалось ни отношенія прямой подчиненности, ни строгаго разграниченія функций. «Распорядительная комиссія», имѣвшая значеніе центрального революціоннаго бюро, съ мѣстопробываніемъ въ С.-Петербургѣ, должна была знать все происходящее въ партіи и завѣдывать всѣми средствами для исполненія революціонныхъ предпріятій, которыя могли совершаться не иначе, какъ съ ея вѣдома и преимущественно по ея инициативѣ. Самое же совершеніе этихъ предпріятій и вообще вся активная политическая борьба возлагалась на обязанность «исполнительнаго комитета», члены котораго должны были проживать тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Кромѣ «комиссіи» и «комитета» въ организациі состояла еще редакція издаваемаго сообществомъ органа тайной печати подъ заглавіемъ «Народная Воля» и агенты для исполненія отдѣльныхъ порученій, раздѣлявшіеся на агентовъ 1 степени, съ «большимъ», и агентовъ 2 степени, съ «меньшимъ довѣріемъ». По словамъ Гольденберга на Липецкомъ съѣздѣ были избраны, между прочимъ, въ число трехъ членовъ «распорядительной комиссіи» Александръ Михайловъ и Михаилъ Фроленко, редакторъ періодическаго органа Николай Морозовъ, а въ составъ 30 членовъ «исполнительнаго комитета» вошли, между прочимъ: Николай Морозовъ, Николай Колодкевичъ и Анна Якимова, изъ которыхъ послѣдняя применила къ «комитету» уже послѣ Липецкаго съѣзда.

По даннымъ, обнаруженнымъ разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Липецкѣ, въ томъ числѣ и допросами обывателей этого города, оказывается, что въ іюнѣ 1879 г. въ Липецкѣ одновременно находились, между прочимъ, Желябовъ, подъ фамилію Черныявскаго, проживавшій вмѣстѣ съ нимъ на одномъ постояломъ дворѣ Александръ Михайловъ, подъ фамилію Безмѣнова, и Баранниковъ, подъ фамилію Кошурникова.

Лѣтомъ того же 1879 года, нѣсколько раньше происходившаго въ Липецкѣ съѣзда многихъ членовъ сообщества, другіе члены

его, съ цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ для преступной дѣятельности сообщества денегъ, похитили изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства, посредствомъ подкупа, около 1½ милліона рублей, большая часть которыхъ была вскорѣ разыскана, а главные виновники кражи осуждены Кіевскимъ и Одесскимъ Военно-Окружными Судиами.

Осенью 1879 года, во исполненіе соглашенія, состоявшагося на Липецкомъ съѣздѣ, злоумышленники, въ виду ожидавшагося проѣзда въ Бозѣ почившаго Государя Императора съ Южнаго берега Крыма въ Петербургъ, предпріяли приготовленія къ совершенію царевубійства на линіи Одесской желѣзной дороги, близъ гор. Одессы, а затѣмъ совершили, при слѣдованіи Государя Императора, неудавшіяся покушенія на Священную жизнь Его Императорскаго Величества 18-го ноября, на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, и 19-го того же ноября, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ гор. Москвы. 5-го февраля 1880 года такое же покушеніе было совершено въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ.—По надлежащемъ выясненіи упомянутыхъ событій, преимущественно съ помощью подробныхъ разоблаченій, сдѣланныхъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, одни изъ участниковъ этихъ преступленій были осуждены, въ числѣ 16-ти лицъ, С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, другіе же до конца 1880 и начала 1881 гг. оставались не разысканными.

При возникновеніи въ ноябрѣ 1880 года настоящаго дѣла по поводу задержанія въ С.-Петербургѣ Александра Михайлова, обстоятельства этого задержанія указали на продолжающіяся, преимущественно среди лицъ уже извѣстныхъ и разыскиваемыхъ по прежнимъ дѣламъ, приготовленія къ совершенію вновь посягательства на царевубійство. Приготовленія эти завершились злодѣяніемъ 1-го марта 1881 года, изслѣдованіе котораго обнаружило указанія на виновность въ означенномъ злодѣяніи, кромѣ ближайшихъ виновниковъ его, осужденныхъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, еще другихъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ нѣкоторые, участвовавшіе въ предварительномъ соглашеніи на злодѣяніе и въ приготовленіяхъ къ нему, были задержаны не задолго до 1-го марта, а остальные арестованы и изобличены впоследствии. Кромѣ того, разслѣдованіе преступной дѣятельности тѣхъ и другихъ выяснило такія ея проявленія, которыя еще не были раскрыты до этого времени, а именно приготовленія къ царевубійству, совершенныя: въ Одессѣ весной 1880 года и въ С.-Петербургѣ лѣтомъ того же года и относящея къ концу 1880 года и началу 1881 года покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства. Въмѣстѣ съ тѣмъ, то же разслѣдованіе обнаружило дѣятельное и, для цѣлей преступнаго революціоннаго сообщества, весьма существенное содѣйствіе его предпріятіямъ, оказанное лицами, хотя въ нихъ прямо не участвовавшими, но достаточно изобличенными въ принадлеж-

ности къ упомянутому сообществу. Такими лицами были обвиняемые Николай Клѣточниковъ и Фердинандъ Люстигъ во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ въ 1879 и 1880 годахъ.

Обнаруженіе и задержаніе привлеченныхъ къ настоящему дѣлу обвиняемыхъ послѣдовало при изложенныхъ ниже обстоятельствахъ:

28-го ноября 1880 года, въ С.-Петербургѣ, былъ задержанъ дворянинъ Александръ Дмитріевъ Михайловъ по выходѣ изъ фотографіи Александровскаго на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фотографіяхъ, заказывалъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ фотографическіе снимки 16-ти государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. По обыску у Михайлова, проживавшаго по подложному виду на имя отставнаго поручика Подиванова, было найдено около 2 пудовъ динамита, а также разныя революціонныя изданія тайнаго общества, называющаго себя «партіей народной воли».

Въ концѣ января 1881 года полицейскіе розыски обнаружили, что участниками этого общества были наняты въ С.-Петербургѣ двѣ такъ называемыя «конспиративныя» квартиры, изъ которыхъ въ одной, на Большой Подъяческой улицѣ, домъ № 37, кв. 27, происходило приготовленіе динамита для задуманнаго членами общества злодѣянія, а въ другой, на Подольской улицѣ, домъ № 11, кв. № 21, помѣщалась тайная типографія революціоннаго изданія «Народная Воля». При открытіи и осмотрѣ означенныхъ квартиръ оказалось, что онѣ уже оставлены своими жильцами.

24-го января 1881 года тѣми же розысками обнаружено, что по Казанской улицѣ, въ домѣ № 38, кв. № 18, проживаетъ неизвѣстное лицо, подъ тою же фамиліею Агаческулова, подъ которою былъ записанъ жилецъ вышеупомянутой «конспиративной» квартиры № 21, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ. По задержаніи этого неизвѣстнаго, съ производствомъ у него обыска, по которому найдены разныя противоправительственныя изданія, онъ оказался купеческимъ сыномъ Григоріемъ Михайловымъ Фриденсономъ.

Посредствомъ учрежденнаго за его квартирою особаго секретнаго наблюденія 25-го января былъ арестованъ пришедшій къ Фриденсону неизвѣстный человекъ, назвавшій себя при задержаніи Алафузовымъ, а въ дѣйствительности оказавшійся дворяниномъ Александромъ Ивановымъ Баранниковымъ, который разыскивался по обвиненію въ участіи въ убійствѣ генераль-адъютанта Мезенцова и другихъ преступленіяхъ.

Посредствомъ такого же секретнаго наблюденія за квартирою Баранникова, а затѣмъ и за всѣми другими квартирами, въ которыхъ производились послѣдовательные обыски и аресты, были задержаны: 26-го января, въ квартирѣ Баранникова, дворянинъ Николай Николаевъ Колодкевичъ, а въ квартирѣ этого послѣдняго, 28-го января—чиновникъ Департамента Государственной Полиціи Николай Василевъ Клѣточниковъ и 29-го января мѣщанинъ Левъ Соломоновъ Златопольскій.

При производствѣ дальнѣйшихъ розысковъ были получены свѣдѣнія о томъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся руководителей преступной дѣятельности общества является нынѣ казенный государственный преступникъ Андрей Желябовъ, въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ которымъ находится лицо, пользующееся большимъ влияніемъ среди революціонеровъ, которое носить прозвища «Милорда» и «Намѣстника» и проживаетъ «легально», подъ своею настоящею фамиліею.

Означенные розыски, направленные къ задержанію Желябова и «Милорода», имѣли первоначальнымъ результатомъ арестъ 28-го января лица, котораго Желябовъ и его сообщники снабдили прибрѣтенными на средства общества лошадью и санями и которое должно было въ качествѣ легковаго извозчика содѣйствовать исполненію ихъ преступнаго замысла; лицомъ этимъ оказался проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Веселовскаго (онъ же Березовъ) мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка.

27-го февраля розыски «Милорда» и Желябова увѣнчались успѣхомъ. Первый, оказавшійся дворяниномъ Михаиломъ Николаевымъ Тригономъ, былъ арестованъ въ своей квартирѣ по Невскому проспекту, домъ № 66, кв. № 12, а въ тотъ же день задержанъ явившійся въ квартиру Тригона Андрей Желябовъ.

Того же 27-го февраля въ квартирѣ Тетерки былъ задержанъ пришедшій къ нему его соучастникъ, солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ подъ фамиліею Яковенко.

Что же касается до задержанія остальныхъ обвиняемыхъ, то такое послѣдовало уже послѣ 1-го марта, преимущественно по указаніямъ, сдѣланнымъ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Рысаковымъ въ его подробныхъ и согласныхъ съ обстоятельствами дѣла объясненіяхъ.

Такъ, показаніе Рысакова о томъ, что для успѣшнаго совершенія царевубійства въ С.-Петербургѣ былъ сформированъ небольшой кружокъ лицъ, которыя, подъ ближайшимъ руководствомъ казенной нынѣ государственной преступницы Софьи Перовской, постоянно наблюдали за выѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Зимняго Дворца, имѣло послѣдствіемъ розыски и задержание означенныхъ лицъ, которыми оказались сынъ діакона Петръ Васильевъ Тычининъ, дворянка Елизавета Николаева Оловенникова и дворянинъ Аркадій Владиміровъ Тырковъ.

Затѣмъ основаніемъ для розысковъ послужили объясненія Рысакова о томъ, что между организаторами злодѣянія 1-го марта онъ встрѣчалъ человѣка, извѣстнаго ему подъ именемъ «Григорія», въ которомъ всегда предполагалъ техника и помощника казеннаго нынѣ государственнаго преступника Кибальчича по изготовленію метательныхъ снарядовъ. По словамъ Рысакова, онъ, по порученію этого «Григорія», въ декабрѣ 1880 года, перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ указанную ему квартиру на Большой Садовой ул., въ д. № 69.—По разысканіи

и задержаніи «Григорія» и хозяина упомянутой квартиры, оказалось, что первый изъ нихъ—проживавшій подъ фамиліей Кохановскаго, сынъ почталыона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, а второй—отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ.

На ряду съ вышеуказанными результатами розысковъ было установлено, что неизвѣстный человѣкъ, задержанный подъ фамиліей Лакіера въ январѣ 1881 года въ Сувальской губерніи—по переходѣ границы, есть принадлежащій къ террористической фракціи мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ.

Далѣе, въ періодъ времени съ марта по іюнь 1881 года тѣ же розыски привели къ послѣдовательному задержанію участниковъ вышеозначенной фракціи: въ С.-Петербургѣ—сына псаломщика Ивана Павтелеймонова Емельянова, флота лейтенанта Николая Евгеньева Суханова и дворянки Людмилы Дементьевой Терентьевой, и въ Кіевѣ—дочери священника Анны Васильевой Якимовой и Прусскаго подданнаго Мартына Рудольфова Ланганса.

Наконецъ, 3-го сентября 1881 года, рядъ обвиняемыхъ по востоящему дѣлу закончился арестомъ, на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги, намѣревавшейся уѣхать въ Москву съ отходившимъ поѣздомъ дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, которая разыскивалась по обвиненію въ принадлежности къ террористической фракціи.

Изслѣдованіе обвиненій, предъявляемыхъ къ обнаруженнымъ, такимъ образомъ, обвиняемымъ, установило, что обвиненія эти, сверхъ факта принадлежности обвиняемыхъ къ террористическому сообществу, имѣютъ предметомъ еще отдѣльныя, совершенныя для достиженія цѣлей означеннаго сообщества преступленія, событія которыхъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, относятся, какъ изложено ниже, къ періоду времени съ 4-го августа 1878 года по 1-е марта 1881 года.

II.

Убіство Шефа Жандармовъ. Генераль-Адъютанта Мезенцова, 4-го августа 1878 года.

4-го августа 1878 года, въ 9 часовъ 10 минутъ утра, бывшій Шефъ Жандармовъ, генераль-адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь съ утренней прогулки, въ сопровожденіи подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвѣстнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, генераль Мезенцевъ былъ приведенъ домой и въ 5 часовъ 10 минутъ пополудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникавшею черезъ печень и заднюю стѣнку желудка.

При преслѣдованіи подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро скрывшагося за угломъ площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, другой неизвѣстный выстрѣлилъ въ подполковника Ма-

карова изъ револьвера и хотя промахнулся, но вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить въ ожидавшуюся ихъ у кондитерской Кочурова пролетку на лежачихъ рессорахъ, запряженную вороною лошадью, и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, при чемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догнавъ уѣзжавшихъ, прослѣдилъ ихъ до памятника Императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй Самойловъ видѣлъ, какъ неизвѣстные повернули за Александровскій театръ.

Скрывшіеся такимъ образомъ отъ преслѣдованія упомянутыхъ свидѣтелей убійцы генерала Мезенцова не остались, однако, необнаруженными.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, въ Новомъ переулкѣ, въ русскомъ татарсалѣ, были разысканы вороная лошадь «Варваръ», дрожки на лежачихъ рессорахъ и кучерское платье, а затѣмъ задержанъ и кучеръ этой лошади, Андрианъ Михайловъ, проживавшій подъ не принадлежащею ему фамилію Тугаринова. При этомъ было установлено, что «Варваръ» и дрожки, значившіеся въ татарсалѣ принадлежащими дворянину Тюрикову, имѣютъ полное сходство съ лошадью и экипажемъ, стоявшимъ 4 августа у кондитерской Кочурова, а Михайловъ признанъ за выдававшего себя кучеромъ Тюрикова, единственнымъ лицомъ, вызвавшимъ послѣ 14-го іюля на означенной лошади и имѣющимъ сходство съ кучеромъ, увозившимъ неизвѣстныхъ послѣ совершеннаго ими убійства генераль-адъютанта Мезенцова.

По показанію Баварскаго подданнаго Краха, «Варваръ» былъ помѣщенъ въ татарсалѣ 29 января 1878 года самимъ Тюриковымъ, при участіи кучера, признаваемаго имъ въ задержанномъ Михайловѣ, и оставался до 7 мая, а затѣмъ былъ взятъ Тюриковымъ и вновь приведенъ его кучеромъ, т.-е. тѣмъ же Михайловымъ, 14 іюля, уже съ дрожками. Такимъ образомъ, время первоначальнаго помѣщенія «Варвара» въ татарсалѣ относится къ періоду проживания Тюрикова и называвшагося его кучеромъ, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Адриана Михайлова, въ номерахъ Штутцера и при томъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, по подложнымъ документамъ. Рядомъ произведенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій выяснено, что лицо, именовавшееся дворяниномъ Тюриковымъ, въ январѣ 1878 г. поселилось въ меблированныхъ комнатахъ Штутцера, на углу Малой Подъяческой и Екатерининскаго канала, предупредивъ хозяйку, что ждетъ товарища, съ которымъ и будетъ жить вмѣстѣ. Спустя нѣсколько времени къ Тюрикову дѣйствительно прибылъ неизвѣстный человекъ и далъ для прописки паспортъ на имя дворянина Поплавскаго. На другой день вновь прибывшій унесъ неизвѣстно куда полушубокъ, въ которомъ пріѣхалъ, и сталъ ходить въ пальто, а черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, Тюриковъ и Поплавскій оставили квартиру, при чемъ первый объяснилъ, что получилъ мѣсто въ Новгородѣ, куда полагаетъ пристроить и Поплавскаго. Документы Тюрикова и Поплавскаго оказались под-

ложными, а по предъявленіи названнаго при задержаніи Тугариновымъ, Адриана Михайлова, содержательницѣ означенныхъ меблированныхъ комнатъ Штуперъ и ея служанкѣ Тимофеевой, онѣ признали его за проживавшаго у нихъ въ одной комнатѣ съ Тюриковымъ подъ именемъ Поплавскаго.

Впослѣдствіи на лицо, тождественное съ Тюриковымъ, были сдѣланы указанія умершимъ обвиняемымъ Гольденбергомъ, изъ объясненій котораго видно, что въ іюнѣ 1878 года, на Липецкомъ сѣздѣ, онъ встрѣтился съ Ипполитомъ Кошурниковымъ, настоящая фамилія котораго ему не была извѣстна, и изъ разговоровъ съ нимъ пришелъ къ заключенію объ участіи его въ убійствѣ Мезенцова. Такое заключеніе, по удостовѣренію Гольденберга, вполнѣ подтвердилось, когда съ тѣмъ же Кошурниковымъ ему пришлось встрѣтиться, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подъ Москвою, въ домѣ именовавшаго себя мѣщаниномъ Сухуровымъ. При проведеніи подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги съ цѣлю посягнуть на жизнь почившаго Государя Императора, между участниками этого подкопа, какъ-то былъ возбужденъ вопросъ, кому слѣдуетъ сомнѣть цѣль для взрыва, при чемъ Кошурниковъ предлагалъ свои услуги, говоря, что ему всего удобнѣе взять это на себя, какъ участнику въ убійствѣ генерала Мезенцова, и, слѣдовательно, какъ лицу, которому уже угрожаетъ тяжкое наказаніе. Обвиняемый Александръ Баранниковъ призналъ себя виновнымъ въ участіи, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, въ убійствѣ генерала Мезенцова и объяснилъ, что, проживая въ 1878 году въ С.-Петербургѣ по Малой Подъяческой, у мѣщанки Штуперъ, подъ именемъ Тюрикова, онъ, согласившись на убійство генерала Мезенцова, сперва выѣзжалъ лошадь, находившуюся вмѣстѣ съ дрожками въ русскомъ татарсалѣ, а затѣмъ 4 августа, прибывъ на Михайловскую площадь на означенныхъ дрожкахъ, вмѣстѣ съ своими соучастниками, онъ, въ моментъ нанесенія генералу Мезенцову раны, находился тутъ же возлѣ и, по собственному его выраженію, „прикрывалъ убійцу“. Когда же послѣдняго хотѣлъ задержать сопровождавшій генерала Мезенцова подполковникъ Макаровъ, то онъ, Баранниковъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера, чѣмъ и открылъ возможность какъ себѣ, такъ и убійцѣ, скрыться отъ преслѣдованія.

По предъявленіи Баранникова свидѣтельницамъ Штуперъ и Христинѣ Ритовской онѣ положительно признали въ немъ лицо, проживавшее у Штуперъ въ январѣ 1878 года, подъ фамиліею дворянина Тюрикова.

III.

Покушеніе на цареубійство въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля 1879 года.

При производствѣ слѣдствія о покушеніи 2-го апрѣля 1879 года на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора непосредствен-

ный виновникъ этого преступленія, казненный нынѣ государствен-
ный преступникъ Соловьевъ, между прочимъ, объяснилъ, что о
замыслѣ своемъ онъ, Соловьевъ, никому не сообщалъ и сообщни-
ковъ не имѣлъ. Но, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной
дѣятельности „соціально-революціонной партіи“ въ 1879 и 1880-хъ
годахъ, это объясненіе было опровергнуто задержаніемъ нѣсколькихъ
лицъ, участвовавшихъ въ сношеніяхъ и совѣщаніяхъ съ Соловье-
вымъ по предмету преступнаго покушенія.

Обнаруженныя такимъ образомъ данныя указали, какъ на со-
участниковъ Соловьева, еще на пять лицъ, изъ которыхъ государ-
ственные преступники Зунделевичъ, Квятковскій и Кобылянскій
уже осуждены, Григорій Гольденбергъ умеръ, а Александръ Ми-
хайловъ до конца 1880 года оставался неразысканнымъ.

Задержанный 28 ноября 1880 года обвиняемый Александръ Ми-
хайловъ, заявляя о своей принадлежности къ тайному сообществу,
поставившему себѣ ближайшею задачею насильственное низпровер-
женіе Правительства путемъ посягательства на жизнь Государя
Императора, призналъ, между прочимъ, и свое участіе въ преступ-
номъ покушеніи 2 апрѣля, выразившееся въ совѣщаніяхъ объ этомъ
покушеніи съ другими лицами, какъ съ теоретической точки зрѣнія,
такъ и со стороны практической, т.-е. по поводу выбора лица,
времени и мѣста приведенія обдуманнаго замысла въ исполненіе.

Всѣ приведенныя обстоятельства, обнаруженныя дознаніемъ, на-
ходятъ себѣ полное подтвержденіе въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ
по этому поводу вышеупомянутымъ умершимъ обвиняемымъ Григо-
ріемъ Гольденбергомъ. По показанію его, съ 1878 года, подъ влія-
ніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ и другихъ событій, мысли
о царубійствѣ, какъ средствѣ для достиженія цѣлей „соціально-
революціонной партіи“, лица, принадлежавшія къ этой послѣдней,
стали придавать особенное значеніе. Подъ вліяніемъ означенной
мысли, въ мартѣ 1879 года, отправившись съ юга въ С.-Петербургъ,
для возбужденія между революціонерами вопроса о царубійствѣ,
онъ встрѣтился съ своими знакомыми Зунделевичемъ и Алексан-
дромъ Михайловымъ и, послѣ неудавшагося 13 марта покушенія на
жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна, нашелъ въ нихъ полное со-
чувствіе. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія осуществить свой
планъ въ ближайшемъ будущемъ, они обсуждали этотъ вопросъ
сперва втроемъ, а затѣмъ къ нимъ присоединились еще прибывшій
тогда въ С.-Петербургъ Соловьевъ, Кобылянскій и Квятковскій. Для
такого обсужденія они вшестеромъ имѣли нѣсколько совѣщаній въ
трактирахъ, одинъ разъ въ „Сѣверномъ“ на Офицерской улицѣ,
другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то
въ трактирахъ, но гдѣ именно не помнитъ. При этомъ они гово-
рили очень много и больше другихъ онъ, Гольденбергъ, Михайловъ
и Соловьевъ, но вопросъ обсуждался только теоретически, т.-е. съ
точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей.
Результатомъ всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на
царубійство, при чемъ совершить его долженъ былъ кто-нибудь

изъ числа шести совѣщавшихся. Послѣ теоретическаго рѣшенія перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т.-е. къ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія, почему и полагали, что преступленіе долженъ совершить непременно природный русскій. По такимъ же соображеніямъ не было принято и даже не обсуждалось предложеніе поляка Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить влодѣніе. Затѣмъ заявилъ о своей готовности Соловьевъ и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ нужныя для дѣла условія. Послѣ этого было рѣшено совершить посягательство какъ можно скорѣе и 31-го марта стали предупреждать всѣхъ „нелегальных“, чтобы они спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31 марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный, и выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ.

Осужденные Кобылянскій и Квятковскій, также признали существованіе сходовъ, описанныхъ Гольденбергомъ, а Зунделевичъ въ общихъ чертахъ далъ показаніе, вполне согласное съ вышеизложеннымъ.

IV.

Кража изъ Херсонскаго Губернскаго Казначейства.

3-го іюня 1879 года изъ херсонскаго губернскаго казначейства, чрезъ вломъ заповорь у сундуковъ, стоявшихъ въ денежной кладовой, была совершена кража 1.579,688 руб. 75 коп., принадлежащихъ Государственному Банку, а также пачки бланковъ паспортовъ и патентовъ. По осмотру мѣстности оказалось, что для означенной кражи былъ произведенъ подкопъ изъ сосѣдняго съ казначействомъ дома Камсина, начинавшійся отверстіемъ въ полу одной изъ комнатъ этого дома, а затѣмъ проходившій подъ землею подъ фундаментъ казначейства и кончавшійся пробойною, въ аршинъ діаметромъ, въ полу денежной кладовой. Въ двухъ комнатахъ дома Камсина и на чердакѣ оказалось 25 возовъ свѣжей глины, вынутаю изъ упомянутой подземной галлерей, имѣвшей въ длину 9 сажень, а въ ширину и въ высоту по 1-му аршину. Въ галлерей были найдены 1.000 р. кредитными билетами, разсыпанная мѣдная монета, желѣзный ломъ, буравъ, двѣ кирки, желѣзная лопата, жестяной ящикъ съ двумя веревками, ножъ и кусокъ свѣчи. Въ самой кладовой казначейства, какъ орудія влома замковъ, остались ломъ и сломанный напильникъ.

Произведеннымъ по поводу этой кражи слѣдствіемъ обнаружено, что квартиру въ домѣ Камсина, изъ которой произведенъ подкопъ, наняла передъ кражею неизвѣстная женщина, назвавшаяся женою

доктора Никитиной, и прислала въ эту квартиру, какъ бы для ея отдѣлки, неизвѣстнаго человѣка подъ видомъ штукатура. Дней за 10 до кражи Никитина сама переѣхала въ квартиру, а затѣмъ туда же прибыла женщина подъ именемъ Марьи, исполнявшая обязанности кухарки. 29-го мая, черезъ два дня послѣ этого, въ квартиру пріѣхала еще молодая дѣвушка подъ именемъ «Соньки» и приняла на себя роль горничной.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія и обнаруженіи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ, съ одной стороны, установлено, что означенная кража совершена лицами, принадлежащими къ тайному обществу; стремящемуся къ виспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, съ цѣлью доставленія означенному обществу средствъ для достиженія его преступныхъ стремленій, а съ другой стороны—опредѣлены лица, проживавшія въ домѣ Камсина передъ кражею и скрывшіяся во времени ея обнаруженія.

Называвшая себя женою доктора Никитиной и отказавшаяся объявить о своемъ званіи и имени оказалась дворянкою Еленою Россиковою, неизвѣстный, занимавшійся у нея штукатурными работами,—лишеннымъ за кражи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ Яковомъ Погорѣловымъ, а проживавшая у Россиковой подъ видомъ кухарки Марьи — одесскою мѣщанкою Татьяною Морозовою.

Поименованныя лица, въ числѣ другихъ, осуждены Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ 10 января 1880 года.

Что же касается до обвиняемой, проживавшей у Россиковой въ качествѣ горничной подъ видомъ «Соньки», то хотя она первоначально и не была обнаружена, но участіе ея въ этой кражѣ было выяснено съ достаточною опредѣленностью.

По показанію Погорѣлова, дѣвушка подъ именемъ «Соньки» окazyвала ему весьма дѣятельное пособіе въ подземной работѣ, вытаскивая изъ подкопа жестянымъ ящичкомъ глину, а когда проломъ въ самой кладовой былъ сдѣланъ и кража совершена, то «Сонька», получивъ изъ украденныхъ денегъ 10,000 руб., уѣхала изъ квартиры первая, еще въ то время, когда мѣшки съ деньгами не были увезены.

Подтверждая въ этихъ частяхъ объясненіе Погорѣлова, Татьяна Морозова дополнила, что дѣвушка, выносившая изъ подкопа землю въ другую комнату и на чердакъ, была лѣтъ 16, блондинка низенькаго роста и называлась «Нилкой».

2-го мая 1881 года, задержанная въ С.-Петербургѣ подъ фамиліей Трифионовой, дочь титулярнаго совѣтника Людмила Терентьева, объясняя, что она занимается «революціонными дѣлами», а средства къ жизни получаетъ изъ фонда партіи, признала свое участіе въ кражѣ изъ Херсонскаго казначейства, совершенной 3 іюня 1879 г., и показала, что работала въ самомъ подкопѣ, а затѣмъ увезла изъ Херсона изъ числа украденныхъ изъ казначейства денегъ 10,000

рублей, каковыя и были употреблены „на борьбу за народное освобожденіе“.

Впослѣдствіи Терентьева добавила, что въ квартирѣ Россиковой ее называли иногда „Соней“, а иногда „Лилей“.

По предъявленіи Терентьевой вышеупомянутымъ Погорѣлову и Морозовой, они признали въ ней ту самую женщину, о которой показали, какъ о горничной Россиковой, извѣстной имъ подъ именами „Соньки“ и „Нилки“.

V.

Приготовленіе къ царевубійству близъ гор. Одессы осенью 1879 года.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ двадцатыхъ числахъ сентября 1879 года, когда онъ, Гольденбергъ, и Николай Колодкевичъ находились въ Харьковѣ и принимали участіе въ происходившихъ тамъ сходкахъ революціонеровъ и сочувствующихъ имъ лицъ, при чемъ на этихъ сходкахъ обсуждался, при участіи Желябова, планъ царевубійства, въ Харьковѣ пріѣхалъ Кошурниковъ (Баранниковъ), вмѣстѣ съ нимъ казненнымъ государственнымъ преступникомъ Прѣсняковымъ, и привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита. Тогда же было рѣшено предпринять приготовленіе къ царевубійству, между прочимъ, въ Одессѣ, на линіи Одесской желѣзной дороги, при обратномъ слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Для этой цѣли Колодкевичъ отправился изъ Харькова въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко, который и долженъ былъ принять на себя приведеніе означеннаго замысла въ исполненіе. Съ тою же цѣлью Гольденбергъ отдѣлил изъ динамита, привезеннаго Кошурниковымъ и Прѣсняковымъ, около полутора пудовъ и послалъ его въ Одессу съ Татьяною Лебедевою, которая должна была остаться тамъ и помогать Фроленко. Затѣмъ онъ, Гольденбергъ, принялъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, производимыхъ близъ Москвы на линіи Московско-Курской желѣзной дороги изъ дома Сухорукова (Гартмана). Въ ноябрѣ, собравшіеся здѣсь участники упомянутыхъ приготовленій, получивъ свѣдѣнія о томъ, что Государь Императоръ изволитъ на пути изъ Крыма прослѣдовать черезъ Москву, и въ то же время предположивъ, что вслѣдствіе дурной погоды поѣзда Его Императорскаго Величества въ Одессу моремъ не состоится, пришли къ рѣшенію о томъ, что начатыя въ Одессѣ приготовленія должны быть оставлены, а находящійся тамъ динамитъ перевезенъ въ Москву. За этимъ динамитовъ Гольденбергъ 9 ноября отправился въ Одессу и дорогой, въ Елисаветградѣ, встрѣтилъ нимъ казненнаго государственнымъ преступникомъ Николаемъ Кибальчича, который, сказавъ ему, что онъ везетъ изъ Одессы проволоку въ Александровскъ къ Желябову, добавилъ, что въ Одессѣ уже, быть можетъ, успѣли заложить

динамитъ подъ рельсы желѣзной дороги. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ, по соглашенію съ Кибальчичемъ, послалъ въ Одессу Колодкевичу телеграмму съ подписью „Максимовъ“, предупреждающую о прибытіи его, Гольденберга. Подѣзжая къ Одессѣ, онъ видѣлъ Татьяну Лебедеву, стоявшую на линіи желѣзной дороги около одной изъ сторожевыхъ будокъ, изъ чего заключилъ, что сторожемъ въ этой будкѣ состоитъ Фроленко. Въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся съ этимъ послѣднимъ и съ Колодкевичемъ и, несмотря на видимое нежеланіе Фроленко оставлять начатая въ Одессѣ приготовленія, истребовалъ отъ нихъ динамитъ для доставленія въ Москву. Кромѣ названныхъ лицъ, Гольденбергъ видѣлъ еще въ Одессѣ Златопольскаго и какого-то молодого человѣка по имени Василя, который вмѣстѣ съ Колодкевичемъ, долженъ былъ перевезти динамитъ изъ будки Фроленко къ Гольденбергу. Этотъ послѣдній, получивъ динамитъ и взявъ его съ собою, 13 ноября выѣхалъ изъ Одессы, а 14-го ноября въ Елисаветградѣ былъ арестованъ.

Въ подтвержденіе приведеннаго показанія Гольденберга: 1) разслѣдованіемъ, произведеннымъ въ гор. Одессѣ, удостовѣрено, что съ 18 октября и до 8 декабря 1879 г. Фроленко, подъ именемъ курскаго мѣщанина Семена Александрова, дѣйствительно служилъ сторожемъ на 14 верстѣ Одесской желѣзной дороги, при чемъ проживалъ въ сторожевой будкѣ на 12 верстѣ вмѣстѣ съ Татьяною Лебедевою, которую выдавалъ за свою жену. Въ декабрѣ 1879 года Фроленко оставилъ желѣзнодорожную службу и, не дождавшись расчета, выѣхалъ изъ Одессы (показанія свидѣтелей: инженера Щегельскаго, дорожнаго мастера Корабельникова, жены сторожа Ивановой, Ковриги и проч.); 2) такимъ же разслѣдованіемъ обнаружено, что съ октября и до половины декабря 1879 года Колодкевичъ проживалъ въ г. Одессѣ подъ фамилію Сидоренко, на которую и была адресована телеграмма, посланная ему изъ Елисаветграда Гольденбергомъ и Кибальчичемъ.

Обвиняемые Николай Колодкевичъ, Михаилъ Фроленко, Василій Меркуловъ и Татьяна Лебедева признали всѣ вышеприведенныя обстоятельства и участіе свое въ предпріятыяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда, каковой взрывъ предполагалось произвести посредствомъ проведенія гальваническаго тока къ динамитному заряду, заложенному подъ полотно желѣзной дороги. При этомъ Меркуловъ показалъ, что по порученію Колодкевича онъ перевозилъ мебель изъ Одессы въ сторожевую будку на 12 верстѣ, гдѣ поселился Фроленко вмѣстѣ съ Лебедевою, которая, въ свою очередь, объяснила, что по распредѣленію участія въ предположенномъ преступленіи она должна была для производства взрыва Императорскаго поѣзда сомкнуть токъ гальванической батареи.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Александровска, Екатеринославской губ., 18 ноября 1879 года.

По показанію Григорія Гольденберга, на вышеупомянутыхъ революціонныхъ сходкахъ, происходившихъ въ гор. Харьковѣ въ сентябрѣ 1879 года, было, между прочимъ, рѣшено произвести взрывъ Императорскаго поѣзда на линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Для совершенія этого преступленія были избраны государственные преступники, вынѣ казенные Желябовъ и Прѣсняковъ, осужденные Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій и обвиняемая Анна Якимова (она же Баска). Въ октябрѣ Желябовъ, подѣ фамилію Ярославскаго купца Черемисова, вмѣстѣ съ Якимовой, которую онъ выдавалъ за свою жену, поселился въ гор. Александровскѣ, въ домѣ мѣщанъ Бовенко, при чемъ появленіе свое въ этомъ городѣ объяснилъ намѣреніемъ устроить кожевенный заводъ на отведенномъ ему мѣстною думою участіи городской земли, а затѣмъ занялся приготвленіями къ производству взрыва.

Изъ объясненій Прѣснякова, Тихонова и Окладскаго, подтвержденныхъ показаніями свидѣтелей Тимофея и Маріи Бовенко, а также результатами мѣстнаго осмотра и технической экспертизы, произведенной надъ найденными, по указанію Тихонова, вещественными доказательствами, оказывается, что во время проживанія Желябова и Якимовой въ домѣ Бовенко у нихъ жили или появлялись лишь на короткое время и другіе ихъ сообщники, принимавшіе участіе въ упомянутыхъ приготовленіяхъ. Во исполненіе общаго ихъ преступнаго дѣла, подѣ полотномъ желѣзной дороги, на 4-ой верстѣ, произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ магnezіальнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 ноября отъ Прѣснякова, пріѣхавшаго изъ Семферополя, свѣдѣній о предстоящемъ 18-го ноября проѣздѣ Государя Императора, Желябовъ, Тихоновъ, Окладскій и Прѣсняковъ въ означенный день отправились въ телѣгѣ, въ которой помѣщалась гальваническая батарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина; здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли спрятанные концы проводниковъ, идущихъ отъ заряда, передалъ ихъ Желябову, который, какъ только Императорскій поѣздъ сталъ проходить надѣ миною, по сигналу Окладскаго „жарь“ сожмулъ цѣпь. По неизвѣстной причинѣ взрыва, однако же, не произошло, и Императорскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ, которые вскорѣ послѣ этого разъѣхались изъ Александровска.

По предъявленіи свидѣтелямъ Тимофею и Маріи Бовенко обвиняемыхъ Якимовой и Макара Тетерки, они признали: въ первой — женщину, проживавшую у нихъ въ домѣ, подѣ именемъ жены Желябова-Черемисова, а въ послѣднемъ — человека, который въ то же самое время проживалъ у Черемисовыхъ подѣ именемъ „Дмитрича“.

Обвиняемый Макарь Тетерка показалъ, что въ 1879 году, въ гор. Клевѣ, онъ познакомился съ Желябовымъ, который послѣ того, какъ лицо, доставлявшее ему, Тетергѣ, столярную работу, было арестовано по обвиненію въ государственномъ преступленіи, сказалъ обвиняемому, что и его могутъ арестовать, и, снабдивъ его паспортомъ, убѣдилъ не проживать подъ своею настоящею фамиліею. Осенью 1879 года Тетерка, по приглашенію Желябова, отправился въ гор. Александровскъ, гдѣ и прожилъ у Желябова около мѣсяца, исполняя по его приказанію разныя столярныя и хозяйственныя работы.

Обвиняемая Анна Якимова созналась въ вышеуказанномъ участіи своемъ при покушеніи на цареубійство 18-го ноября 1879 года.

Обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года онъ работалъ въ подкопѣ изъ дома Сухорукова въ Москвѣ, откуда ѣздилъ на одинъ день съ проволокою для мины въ Желябову въ гор. Александровскъ, гдѣ при немъ были заложены подъ полотно желѣзной дороги проволоки и одинъ изъ цилиндровъ съ динамитомъ, при чемъ онъ, Исаевъ, принималъ участіе въ работахъ.

Приведенное показаніе Исаева подтвердилъ и Гольденбергъ, объяснивъ, что Исаевъ, работавшій подъ именемъ «Гришки» въ подкопѣ подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, былъ посланъ изъ Москвы въ Александровскъ съ проволокою, въ видѣ отдыха, такъ какъ онъ болѣе другихъ участниковъ московскаго подкопа былъ утомленъ работой.

VII.

Покушеніе на цареубійство близъ гор. Москвы 9-го ноября 1879 года.

19-го ноября 1879 года, въ 11-мъ часу вечера, на 3-й верстѣ отъ Московской стаяціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. При взрывѣ нието изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ, не пострадалъ.

По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложеной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго нездолго передъ тѣмъ личностію, именовавшеюся Саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галлерей, обшитая внутри досками и оканчивавшаяся миной, заложеной на глубинѣ около 2 саж. подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукѣ, стоявшемъ

въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго близъ батареи имѣлось отверстіе, повидимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Показаніями допрошенныхъ при дознаніи свидѣтелей Анны Трофимовой, Василя Кононова, Екатерины Григорьевой, Ирины Съдковой и другихъ удостовѣряется, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ началѣ сентября 1879 г. съ женщиною, называвшеюся его женою; приобрѣтя покупкою у мѣщанина Кононова вышеупомянутый домъ, онъ 19-го сентября переѣхалъ въ него и, удаливъ оттуда жильцовъ подъ предлогомъ необходимыхъ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Затѣмъ окна нижняго этажа были заколочены, двери заперты, а въ домъ доставлены доски и желѣзныя трубы, найденныя впоследствии въ минной галлерей. Послѣ взрыва 19-го ноября всѣ обитатели купленнаго Сухоруквымъ дома скрылись.

Исслѣдованіемъ описаннаго покушенія на цереубійство выяснено, что, изъ числа виновниковъ этого преступленія, фамилію Сухорукова назывался Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывшійся за границу, а съ нимъ, подъ именемъ его жены, проживала нынѣ казненная государственная преступница Софья Перовская.

Умершій обвиняемый Гольденбергъ, излагая въ подробности всѣ обстоятельства своего участія въ устройствѣ подкопа подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу, показалъ, что осенью 1879 г., въ бытность его въ Харьковѣ, туда 16-го октября пріѣхалъ Степанъ Ширяевъ и сообщилъ, что въ Москвѣ уже купленъ домъ и изъ него ведется подкопъ, надъ которымъ работаютъ Гартманъ, подъ фамилію Сухорукова (по прозванію «Алхимикъ»), Перовская, подъ именемъ жены Сухорукова Марины Семеновы, Александръ Михайловъ, Арончикъ и студентъ медико-хирургической академіи «Гришка», оказавшійся впоследствии Исаевымъ. При этомъ Ширяевъ заявилъ, что московскіе работники уже утомились, почему имъ нужны свѣжія силы. По соглашенію съ Желябовымъ и Ширяевымъ, Гольденбергъ, взявъ съ собою оставшіяся у него 1½ пуда динамита, 18-го октября выѣхалъ въ Москву, гдѣ засталъ Александра Михайлова, жившаго подъ чужимъ именемъ на В. Лубянкѣ въ меблированныхъ комнатахъ Кузовлева, Арончика, занимавшаго вмѣстѣ съ Галиной Чернявской, подъ именемъ супруговъ Силантьевыхъ, конспиративную квартиру въ д. Карениной, на собачьей площадкѣ, а Гартмана, Перовскую и Гришку—проживавшими въ д. Сухорукова. Здѣсь же, разыскавъ этотъ домъ по указанію Михайлова, поселился и онъ, Гольденбергъ, и до самаго своего отъѣзда въ Одессу 9-го ноября работалъ въ подкопѣ, который при пріѣздѣ нашелъ уже доведеннымъ до половины. Черезъ недѣлю послѣ прибытія Гольденберга, къ участникамъ подкопа присоединился Баранниковъ, подъ именемъ Кошур-

никова, и Шириевъ. До прїѣзда Гольденберга, въ числѣ работающихъ въ теченіе 3 дней былъ и Морозовъ, который уѣхалъ, потому что, по болѣзни, работать не могъ, и при отъѣздѣ захватилъ съ собою «на память» камень, вынутый изъ подкопа. Усерднѣе и успѣшнѣе всѣхъ работалъ Исаевъ, а хуже всѣхъ Арончикъ, котораго за лѣность даже устранили отъ работъ. При распредѣленіи участія въ самомъ производствѣ взрыва возникъ вопросъ о томъ, кому именно сомкнуть гальваническую цѣпь для взрыва. По мнѣнію Гольденберга, эту обязанность слѣдовало поручить ему или Кошурникову, такъ какъ за ними и безъ того уже были прежде совершенныя ими тяжкія преступленія: за Гольденбергомъ—убійство харьковскаго губернатора, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора князя Крапоткина, а за Кошурниковымъ (Баранниковымъ)—убійство шефа жандармовъ, генераль-адъютанта Мезенцова. Но такъ какъ они—ни тотъ, ни другой не умѣли обращаться съ гальваническимъ аппаратомъ, то и рѣшено было, что цѣпь сомкнетъ Шириевъ, а Перовская будетъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда и подастъ Шириеву сигналъ. Наканунѣ взрыва всѣ должны были разѣхаться, кромѣ Шириева и Перовской, изъ которыхъ послѣдняя имѣла скрыться въ конспиративной квартирѣ Арончика и Чернавской.

По осмотру домовой книги дома Бѣляева, въ Москвѣ, на Б. Лубянкѣ, гдѣ находились вышеупомянутые номера Кузовлева, и по предъявленіи Александра Михайлова свидѣтелямъ Петру Николаеву и Василю Егорову оказалось, что Михайловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 г. проживалъ въ означенныхъ номерахъ подъ именемъ крестьянина Плошкина.

Обвиняемые Александръ Михайловъ и Александръ Баранниковъ признали вышеуказанное участіе свое въ устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу. При этомъ Михайловъ показалъ, что, получивъ порученіе «исполнительнаго комитета» осмотрѣть и выбрать мѣсто на линіи Николаевской и Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ, наиболѣе удобное для производства взрыва Императорскаго поѣзда, онъ осмотрѣлъ указанныя ему мѣстности и собранныя имъ свѣдѣнія передалъ «комитету», который и остановился вслѣдствіе этого на домѣ, впоследствии купленномъ на имя Сухорукова. Что же касается до самого проведенія подкопа, то Михайловъ, съ большою подробностью и согласно съ объясненіями Гольденберга, описалъ весь ходъ работъ и всѣ вообще относящіяся сюда обстоятельства преступленія, Баранниковъ же, независимо отъ упомянутаго своего сознанія, показалъ, что онъ прїѣхалъ въ Москву изъ Харькова, куда въ сентябрѣ вмѣстѣ съ Прѣсняковымъ перевозилъ динамитъ.

Обвиняемый Григорій Исаевъ, также сознаваясь въ участіи при устройствѣ подкопа изъ дома Сухорукова, объяснилъ, что въ работахъ по этому подкопу онъ, въ качествѣ техника, долженъ былъ замѣнять собою, въ случаѣ надобности, нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Степана Шириева. По словамъ Исаева, въ озна-

ченныхъ работахъ принималъ участіе и Николай Морозовъ, но лишь въ теченіе одного дня; Арончикъ же вовсе не работалъ въ подкочѣ, а вмѣстѣ съ Чернявской содержалъ конспиративную квартиру.

Обвиняемый Николай Морозовъ, признавая себя «террористомъ», показалъ, что не считаетъ возможнымъ дать какія-либо объясненія по поводу обвиненія его въ участіи при покушеніи на цареубійство 19 ноября 1879 г., какъ и вообще по существу всѣхъ предъявленныхъ къ нему обвиненій, такъ какъ его объясненія могли бы повредить его друзьямъ и знакомымъ.

Обвиняемый Айзикъ Арончикъ, отрицая, какъ принадлежность свою къ революціонной партіи, такъ и свое участіе въ покушеніи 19 ноября 1879 г., показалъ, что онъ въ это время въ Москвѣ вовсе не былъ. По объясненію Арончика, онъ, услыхавъ о томъ, что его товарищъ Колтановскій высланъ изъ Одессы административнымъ порядкомъ, отправился въ іюль 1879 г. его разыскивать въ Вологодскую и Архангельскую губерніи, но тамъ его не нашелъ, а въ августъ того же года узналъ, что Колтановскій былъ осужденъ Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. Возвратившись затѣмъ въ С.-Петербургъ и проживъ здѣсь весь сентябрь подъ чужою фамиліею и паспортомъ Щербакова, онъ отправился въ началѣ октября въ Мценскъ для того, чтобы передать денежное пособіе Колтановскому, содержащемуся въ мѣстной тюрьмѣ. Дорогой онъ останавливался въ Москвѣ подъ именемъ Щербакова, а въ концѣ октября жилъ въ Орлѣ подъ именемъ Сахарова. Въ концѣ ноября онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ поселился подъ именемъ Бѣликова.

При провѣркѣ приведенныхъ объясненій Арончика оказалось, что хотя въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Орлѣ, приблизительно въ указанное Арончикомъ время, и были прописаны паспорта на имя Щербакова, Сахарова и Бѣликова, но никто изъ допрошенныхъ по этому поводу свидѣтелей не призналъ въ Арончикѣ лицо, проживавшее подъ означенными паспортами и именами.

Независимо отъ этого по сопоставленіи изложенныхъ данныхъ съ показаніями Гольденберга и Исаева о томъ, что Арончикъ не принималъ дѣятельнаго участія въ проведеніи подкоча и не жилъ въ домѣ Сухорукова, а былъ лишь хозяиномъ конспиративной квартиры въ Москвѣ подъ именемъ Силантьева, слѣдуетъ признать, что проживание его подъ вышеуказанными именами и при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, по времени, къ которому оно относится, отнюдь не исключаетъ приводимаго Гольденбергомъ и Исаевымъ содержанія Арончикомъ вмѣстѣ съ Чернявской конспиративной квартиры въ Москвѣ, какъ убѣжища для участниковъ покушенія 19 ноября 1879 года.

Въ подтвержденіе этого произведеннымъ въ Москвѣ дознаніемъ выяснено, что супруги Силантьевы проживали съ 23 октября по 10 декабря на Собачьей Площади, въ домѣ Корепиной, а по предъявленіи Арончика проживающей въ означенномъ домѣ свидѣтельницѣ Прасковѣ Никифоровой, она признала въ обвиняемомъ сходство съ Силантьевымъ.

VIII.

Покушеніе на цареубійство въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года.

5-го февраля 1880 г., въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ Дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ Его высочества Принца Александра Гессенскаго, въ покоряхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ Императорскаго Дома, а Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, изволилъ выдти на встрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршальскій залъ, изъ подвального этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ части зданія, а также нѣсколько повредившій полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка, находившихся въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ десять человекъ. Кромѣ того 33 человекъ тѣхъ же чиновъ и нѣкоторые лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсюля съ гремучкислою ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

По изслѣдованіи описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казненнаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столяровъ при Зимнемъ Дворцѣ, проживая въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго былъ произведенъ взрывъ, и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до сего времени неразысканнымъ. Квятковскій же былъ задержанъ въ С.-Петербургѣ, 24-го ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева, въ домѣ № 13, по Лештукову переулку, при чемъ по обыску у него было, между прочимъ, найдено $\frac{1}{2}$ пуда магnezіальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго Дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5-го февраля 1880 года. Приговоромъ С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомянутому посягательству на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Привлеченный къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго Григорій Исаевъ показалъ, между прочимъ, что зимою 1879—1880

годовъ и весной 1880 онъ, подъ именемъ Еремѣва, проживалъ въ С.-Петербургѣ, по Большой Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37, кв. № 27, вмѣстѣ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна называлась Анною Давыдовою, а другая Поликарповою, и занимался приготовленіемъ динамита для разныхъ террористическихъ предпріятій своей «партіи». При этомъ Исаевъ сознался въ томъ, что онъ же готовилъ динамитъ и запалы, употребленные при взрывѣ 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ.

Свидѣтель Николай Казиміровъ, дворникъ дома № 37, по Большой Подъяческой, призналъ въ обвиняемой Аннѣ Якимовой Анну Давыдову, проживавшую въ означенномъ домѣ вмѣстѣ съ Еремѣвымъ-Исаевымъ, каковое обстоятельство не отвергается и обвиняемыми Исаевымъ и Якимовой.

Изъ показанія обвиняемой Татьяны Лебедевой видно, что она проживала съ Исаевымъ и Якимовой подъ именемъ Поликарповой въ домѣ № 37, по Большой Подъяческой улицѣ.

XI.

Приготовленія къ цареубійству въ гор. Одессѣ весной 1880 года.

Изъ показаній обвиняемаго Василія Меркулова, между прочимъ, видно, что въ гор. Одессѣ, весной 1880 года, готовилось посягательство на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, посредствомъ мины, которую предполагалось подвести подъ Итальянскую улицу на пути слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала желѣзной дороги къ парходной пристани.

Обстоятельства означеннаго преступленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ началѣ 1880 года, въ гор. Одессѣ, Меркуловъ, при посредствѣ неразысканной до настоящаго времени Вѣры Филипповой, урожденной Фигнеръ, сошелся съ казненной государственной преступницей Софьей Перовской и съ обвиняемымъ по настоящему дѣлу Львомъ Златопольскимъ, а затѣмъ познакомился съ Григоріемъ Исаевымъ, извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Григорія», съ проживавшей съ нимъ, подъ видомъ жены, Анной Якимовой и съ лишившимъ себя жизни 3-го марта 1881 года въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, Николаемъ Саблинымъ. Весною того же года Перовская и Саблинъ, подъ именемъ уманскихъ мѣщанъ Петра и Маріи Прохоровскихъ, наняли въ домѣ № 47, по Итальянской улицѣ, лавку, въ которой и открыли торговлю бакалейнымъ товаромъ. Изъ этой лавки, при участіи посѣщавшихъ Саблина и Перовскую: Меркулова, Исаева, Златопольскаго, Якимовой и Филипповой, предполагалось было провести подкопъ подъ полотно Итальянской улицы, съ каковою цѣлью въ своемъ помѣщеніи, гдѣ произво-

дилась торговля, въ лѣвомъ углу, за прилавкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ветхія половицы, зачиненныя новыми досками, могли быть подняты безъ поврежденія пола, была выкопана яма, изъ которой участники преступленія намѣревались, съ помощью бурава, просверлить самый каналъ для мины. На этомъ, однако, и остановилось осуществленіе злодѣйскаго умысла, такъ какъ полученное извѣстіе о прибытіи Государя Императора въ Одессу черезъ три дня заставило злоумышленниковъ прекратить работы, которыя не могли быть доведены до конца въ столь короткое время. Вслѣдствіе этого вырытый уже вертикальный колодезь былъ засыпанъ и затѣмъ 24-го мая Прохоровскіе оставили нанятое ими помѣщеніе, отмѣтившись выбывшими въ гор. Полтаву.

Между тѣмъ, по объясненію Меркулова, всѣ приспособленія для земляныхъ работъ были уже заготовлены. Такъ, Златопольскій, извѣстный въ лавкѣ Прохоровскихъ подъ именемъ «Механика», приобрѣлъ земляной буравъ и, для приданія діаметру кавала достаточныхъ размѣровъ, самъ придѣлалъ къ этому бураву рѣзцы, а для удлиненія его новыми колѣнами, по мѣрѣ хода работы, купилъ нѣсколько водопроводныхъ трубъ, разрѣзалъ ихъ на части, а затѣмъ отдалъ въ водопроводную мастерскую Винниа для нарѣзки на концахъ ихъ винтовъ, при посредствѣ которыхъ эти отдѣльные куски могли бы скрѣпляться между собой. Далѣе Меркуловъ, указавъ домъ, въ которомъ во время работъ по подкопу проживали Исаевъ и Якимовъ подъ именемъ супруговъ Потаповыхъ, объяснилъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ эта квартира сдѣлалась ему извѣстна, а именно: во время производства Исаевымъ какихъ-то химическихъ работъ взрывомъ гремучаго вещества ему оторвало три пальца на рукѣ. Опасаясь, чтобы этотъ взрывъ не обратилъ вниманія сосѣдей и не повлекъ бы за собой полицейскаго осмотра квартиры, Якимовъ, удалившись въ лавку Прохоровскихъ, послала Меркулова удостовѣриться, не произвелъ ли взрывъ какого-либо волненія въ домѣ, объяснивъ ему при этомъ адресъ квартиры.

Сознаваясь въ приписываемомъ ему преступленіи, обвиняемый Григорій Исаевъ показалъ, что, проживая въ Одессѣ весною 1880 г., подъ именемъ Потапова, съ женщиной, именованной его женой Варварой, онъ предполагалъ принять участіе въ готовившемся посягателствѣ на жизнь Священной Особы Государя Императора въ качествѣ техника по подкопу и взрыву. Для исполненія этого намѣренія были приготовлены: буравъ, динамитъ, цилиндры, батарея и прочія принадлежности взрыва, которыя и хранились частью въ лавкѣ Прохоровскихъ, частью же въ его, Исаева, квартирѣ.

По предъявленіи Исаеву фотографическаго снимка обвиняемаго Льва Златопольскаго онъ призналъ въ немъ изображеніе одного изъ участниковъ преступленія, извѣстнаго ему подъ именемъ «Льва», и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подтвердилъ изложенныя Меркуловымъ обстоятельства потери имъ пальцевъ, добавивъ, что за медицинскою помощію онъ обращался въ Одесскую городскую больницу.

Осмотромъ книгъ на записъ жильцовъ въ домахъ № 47 по Итальянской улицѣ и № 3 по Троицкой удостовѣрено, что въ первомъ изъ означенныхъ домовъ, съ 4-го апрѣля по 24-е мая 1880 года, занимали торговое помѣщеніе уманскіе мѣщане Петръ и Марья Прохоровскіе, при чемъ паспортъ, по которому они жили, оказался подложнымъ, а во второмъ домѣ, съ 23-го апрѣля и по 14-е юля, проживали московскіе мѣщане Сергѣй и Варвара Потаповы.

Хозяинъ дома № 47 по Итальянской улицѣ Вильгельмъ Галка призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Саблина нѣкоторое сходство съ Прохоровскимъ, открывшимъ въ его домѣ торговлю бакалейнымъ товаромъ.

По осмотрѣ помѣщенія подъ № 7 въ вышеозначенномъ домѣ Галка, № 47, по Итальянской улицѣ, которое по удостовѣренію домохозяина было занято весной 1880 года бакалейной торговлей Прохоровскихъ, оказалось, что въ лѣвомъ углу лавки старья половицы, по распоряженію домохозяина, починены мѣстами новыми досками, каковая починка, по заявленію того же Галка, была произведена по его распоряженію.

Бывшій весной 1880 года дворникомъ дома № 3 по Троицкой улицѣ, отставной рядовой Костинъ призналъ въ фотографическомъ снимкѣ Анны Якимовой лицо, похожее на жену Потапова.

По предъявленіи служащимъ въ Одесской городской больницѣ: надзирателю Михайлову, фельдшерницѣ Симборской и служителю Малаховскому фотографическихъ карточекъ Исаева и Якимовой, первый изъ нихъ призналъ большое сходство Исаева съ большимъ, лежавшимъ въ больницѣ лѣтомъ 1880 г., вторая—положительно признала въ Исаевѣ лежавшаго въ больницѣ весной 1880 года Сергѣя Потапова, у котораго были оторваны три пальца на одной изъ рукъ и къ которому ходила женщина, именованная его женой, а третій—найдя въ карточкѣ Исаева большое сходство съ челоукомъ, лежавшимъ въ апрѣлѣ или маѣ 1880 г., съ тремя оторванными пальцами на рукѣ, положительно призналъ въ карточкѣ Якимовой женщину, посѣщавшую означеннаго больного и именовавшуюся его женой.

Осмотромъ книги дома № 81 по Старо-Портофранкской улицѣ удостовѣрено, что съ октября 1879 года по июль 1880 года въ означенномъ домѣ проживали Елисаветградскіе мѣщане Левъ Югановъ и Сарра Соломонова Златопольскіе.

Мастеръ водопроводной мастерской Виника мѣщанинъ Лихтенштейнъ удостовѣрилъ, что лѣтомъ 1880 г., но въ какомъ мѣсяцѣ не помнитъ, въ мастерскую Виника были принесены неизвѣстнымъ лицомъ 12 свѣже-наръзанныхъ водопроводныхъ трубъ, которыя приказано было наръзать по концамъ винтами такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ могъ ввинчиваться въ другой. Впослѣдствіи, какъ свидѣтель слышалъ отъ рабочихъ, заказчикъ, придя вторично, осматривалъ наръзы и просилъ ихъ удлинить и, наконецъ, взялъ трубы, оставшіеся доволенъ исполненіемъ работы. Лихтенштейнъ, присутствовавшій при полученіи заказчикомъ трубъ, въ предъявленной ему карточкѣ Льва Златопольскаго призналъ сходство съ выше-

упомянутымъ заказчикомъ, описавъ при этомъ примѣты его согласно съ дѣйствительными примѣтами Златопольскаго.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго Левъ Златопольскій, отрицающій всякое свое участіе въ какомъ-либо революціонномъ предпріятіи, а равно и знакомство съ Исаевымъ и Меркуловымъ, объяснилъ, что въ Одессѣ, весною 1880 года, онъ былъ раза два или три въ лавкѣ Перовской, съ которой познакомился въ С.-Петербургѣ въ 1878 году, во время производства въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената дѣла о преступной пропагандѣ въ Имперіи, и предполагалъ, что Перовская скрывается отъ преслѣдованія правительства, но ни о какихъ преступныхъ ея замыслахъ не зналъ и въ нихъ участія не принималъ.

Обвиняемая Анна Якимова отказалась дать какія-либо объясненія.

Х.

Приготовленія къ цареубійству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій обвиняемаго Василія Меркулова получены были нижеслѣдующія свѣдѣнія о приготовлявшемся въ г. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года, посягательствѣ на жизнь нынѣ почившаго Государя Императора.

Катаясь, однажды, въ началѣ лѣта на лодкѣ вмѣстѣ съ Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Грачевскимъ, Баранниковымъ (извѣстнымъ ему въ то время подъ именемъ «Порфирія»), Александромъ Михайловымъ, именованнымъ тогда «Иваномъ Петровымъ», и Тетеркой, Меркуловъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью достигнуть на жизнь Государя Императора, при чемъ «Порфирій» (Баранниковъ) предлагалъ одновременно съ взрывомъ моста примѣнить и метательный снарядъ. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже Государя Императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близъ Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкоего «Мартына», оказавшагося впоследствии Лангансомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ, вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, при чемъ послѣдній отдалъ Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапныхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ-подъ какого-то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ впоследствии своему квартирному хо-

зяину, въ домѣ № 15/2 по Забалканскому проспекту, Никифору Дмитріеву.

Обвиняемый Макаръ Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ заявленіе Меркулова о готовившемся лѣтомъ 1880 г. посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ на пути обычнаго слѣдованія Его Императорскаго Величества отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему Дворцу, объяснилъ, что покушеніе это было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ-то трактирѣ, въ которой принимали участіе кромѣ него самого: Желябовъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется, еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, прѣхалъ въ квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ, близъ Троицкаго переулка, и тамъ, спросивъ «подушку», получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка, вѣсомъ около двухъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровскій паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Прѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проволоки соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками, а затѣмъ Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ проѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подъ Каменнымъ мостомъ, и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ концы веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время проѣзда Государя Императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому была прикрѣплены проводники, гдѣ, подъ видомъ перемычки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся принести Желябовъ. Въ назначенное, однако, время Тетерка, по неимѣнію часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившій Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, ночью, тѣ же лица поѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ.

Свидѣтель, кузнечнаго цеха мастеръ Никифоръ Дмитріевъ, представилъ къ дѣлу двѣ кошки, подаренныя ему Меркуловымъ, нанимавшимъ у него комнату подъ именемъ мѣщанина Сергѣя Лапина, по паспорту, данному ему въ Одессѣ Златопольскимъ.

По тщательномъ изслѣдованіи дна Екатерининскаго канала, подъ Каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 іюня 1881 года были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ 7 пудовъ. Первые двѣ подушки, лежавшія

рядомъ, саженьхъ въ 10 отъ моста, ниже по теченію, не имѣли при себѣ ни запальныхъ зарядовъ, ни проводниковъ, вторыя же, найденныя впоследствии нѣсколько далѣ первыхъ, были спутаны проволоками и содержали въ себѣ запальные стаканы съ пропущенными въ нихъ проводниками, заряженные крашеннымъ пироксилиномъ, смоченнымъ нитроглицериномъ.

Эксперты, производившіе осмотръ и химическое изслѣдованіе вышеозначенныхъ минъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) внѣшній видъ гуттаперчевыхъ оболочекъ указываетъ на весьма продолжительное пребываніе ихъ въ водѣ, при чемъ, по имѣющимся на нихъ крестообразнымъ впадинамъ, можно заключить, что подушки эти были связаны между собой;

2) заключающійся въ подушкахъ черный динамитъ, частью подмоченный, по химическому своему составу близко подходит къ динамиту, вынутому изъ мины, подведенной подъ М. Садовую улицу изъ лавки Кобозева, и

3) система запаловъ не представляетъ ничего новаго, укупорка же ихъ настолько удовлетворительна, что весь зарядъ сохранился сухимъ.

Указаніе обвиняемаго Тетерки на неизвѣстное лицо, передавшее ему подушку съ динамитомъ, повлекло за собой привлеченіе къ настоящему дѣлу Григорія Исаева, который, признавая свое участіе въ вышеизложенномъ преступномъ замыслѣ на жизнь въ Божѣ почивнаго Государя Императора, объяснилъ, что заключавшіеся въ подушкахъ динамитъ и запальные заряды приготовлены имъ съ цѣлю покушенія на царубійство, при чемъ онъ принималъ и непосредственное участіе въ самомъ заложеніи мины подъ мостомъ.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что лѣтомъ 1880 года, съ цѣлю произвести взрывъ при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, принималъ участіе въ заложеніи динамита подъ мостомъ на Гороховой улицѣ, а затѣмъ, по отъѣздѣ Государя Императора въ Ливадію, пытался, вмѣстѣ съ другими лицами, вытащить заложенный динамитъ, но безуспѣшно.

Обвиняемый Александръ Михайловъ заявилъ, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о готовившемся покушеніи на царубійство вышеописаннымъ способомъ.

XI.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрѣ 1880 года, въ городѣ Кишиневѣ, по Варфоломеевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостиницы, во флигелѣ, рядомъ съ губернскимъ казначействомъ, поселились неизвѣстные мужчина и женщина подъ именемъ супруговъ Мироненко.

Вскорѣ по пріѣздѣ они, своею крайне уединеною жизнью, обра-

тили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорта ихъ были подробно осмотрѣны, они немедленно, въ январѣ 1881 года, выѣхали изъ Кишенева, несмотря на то, что квартира была наята ими на годъ.

Впослѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорѣзанъ полъ и въ образовавшемся отверстіи въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиною и $\frac{3}{4}$ аршина шириною, начаты подкопъ подъ казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, а самое отверстие въ полу заложено отрѣзками половыхъ досокъ, при чемъ образовавшіяся при этой работѣ щели оказались замазанными и окрашенными.

Задержанный въ С.-Петербургѣ, 27 февраля 1881 года, обвиняемый Василій Меркуловъ, признавая себя принадлежащимъ къ «соціально-революціонной партіи», между прочимъ, показалъ, что въ декабрѣ 1880 года, получивъ отъ обвиняемаго Колодкевича деньги, онъ, по порученію казеннаго государственнаго преступника Желябова, отправился вмѣстѣ съ обвиняемыми Фроленко, Фриденсономъ и Лебедевою въ Кишиневъ для совершенія кражи изъ мѣстнаго казначейства и принималъ участіе въ подкопѣ, веденомъ изъ квартиры Фроленко и Лебедевой, проживавшихъ подлѣ именемъ супруговъ Мироненко, а затѣмъ ѣздилъ по порученію Фроленко въ Одессу, гдѣ черезъ рабочаго Попова вошелъ въ сношеніе съ обвиняемымъ Тригономъ и просилъ его приготовить въ Одессѣ квартиру, въ которой можно было бы скрыться въ случаѣ удачной кражи изъ казначейства. По объясненію Меркулова, Фриденсонъ оставался въ Кишиневѣ не долго и оттуда уѣхалъ, по порученію Фроленко, для того, чтобы найти другое казначейство, изъ котораго можно было бы удобнѣе совершить кражу.

Приведенное показаніе Меркулова въ соответствующихъ частяхъ вполне подтвердилось какъ отиѣткою въ книгѣ лицъ, пріѣзжающихъ въ гор. Кишиневъ, о прибывшихъ въ концѣ 1880 года чиновникъ Иванъ Мироненко съ женою Елизаветою Александровою, такъ равно и показаніемъ свидѣтеля Берки Кровецъ, признавашаго въ Меркуловѣ лицо, бывшее въ Кишиневѣ зимою 1880 г.

Что же касается до упоминаемаго въ показаніи Меркулова— Попова, то послѣдній объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 г. Меркуловъ дѣйствительно пріѣзжалъ изъ Кишинева въ Одессу для переговоровъ чрезъ его посредство съ Тригономъ.

Тригономъ въ свою очередь, отрицая всякое отношеніе свое къ покушенію на кражу изъ кишиневскаго казначейства, вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что въ концѣ 1880 года онъ видѣлся въ Одессѣ съ пріѣзжавшимъ изъ Кишинева Меркуловымъ, который говорилъ ему, что въ Одессѣ нужна будетъ для кого-то квартира, но для чего и для кого именно, ему Меркуловъ не передавалъ, а онъ, Тригономъ, въ виду отсутствія этихъ указаній, не пожелалъ оказать Меркулову содѣйствія.

По задержаніи Фриденсона 25-го января 1881 года подлѣ фамиліи Агаческулова, при обыскѣ въ его квартирѣ, между прочимъ,

былъ найденъ аттестатъ на имя служившаго въ Канцеляріи Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, Андрея Иванова Коморскаго, оказавшійся, какъ и видъ на имя Агаческулова, подложнымъ.

Отвергая справедливость оговора Меркулова, обвиняемый Фриденсонъ тѣмъ не менѣе призналъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ дѣйствительно былъ въ Кишиневѣ, но съ какою цѣлью объяснить не желаетъ.

Осмотримъ книгъ прїѣзжающихъ въ «Швейцарскую гостиницу» гор. Кишинева установлено, что въ декабрѣ 1880 года Фриденсонъ проживалъ въ означенной гостиницѣ по отобранному у него при обыскѣ подложному виду на имя Коморскаго.

По предъявленіи обвиняемаго Михаила Фроленко содержателю Швейцарской гостиницы въ гор. Кишиневѣ—Карлу Симодини, послѣдній призналъ въ немъ того самаго человека, который въ концѣ 1880 года нанялъ у него во флигелѣ, съ неизвѣстною женщиною, подъ именемъ супруговъ Мироненко, квартиру, изъ которой впоследствии былъ обнаруженъ начатый и затѣмъ оставленный подкопъ подъ казначейство.

Обвиняемый Фроленко, уклоняясь отъ подробныхъ объясненій, призналъ свое участіе въ покушеніи на кражу изъ Кишиневскаго казначейства, заявивъ, что показаніе Симодини онъ признаетъ справедливымъ.

По заарестованіи затѣмъ 4-го сентября 1881 года обвиняемой Татьяны Лебедевой, она, признавая принадлежность свою къ террористической фракціи «соціально-революціонной партіи», показала, что съ конца 1880 года и до половины января 1881 года она проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ квартирной хозяйки, подъ именемъ Елизаветы Александровы Мироненко, съ цѣлью совершить посредствомъ подкупа похищеніе денегъ изъ казначейства.

Свидѣтель Симодини призналъ въ Лебедевой лицо, проживавшее въ Кишиневѣ съ Мироненко въ качествѣ его жены.

ХІІ.

Злодѣяніе 1-го марта 1881 года.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ 3-мъ часу пополудни въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

При изслѣдованіи этого горестнаго событія выяснилось и приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о виновникахъ злодѣянія признано, что планъ его былъ составленъ злоумышленниками еще въ концѣ 1880 года, когда начаты были и всѣ приготовленія къ приведенію злодѣйскаго умысла въ исполненіе. Сущность означеннаго плана заключалась въ томъ, чтобы, изучивъ

предварительно обычное направление и время проѣздовъ Государя Императора по улицамъ столицы, совершить затѣмъ посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества, смотря по обстоятельствамъ, однимъ изъ слѣдующихъ двухъ, заранѣе подготовленныхъ, способовъ: посредствомъ взрыва мины, заложенной въ подкопѣ, проведенномъ изъ сырой лавки Кобозева, въ домѣ графа Менгдена, подъ М. Садовую улицу, или же посредствомъ метательныхъ снарядовъ, брошенныхъ во время проѣзда Государя Императора. Изъ этихъ двухъ способовъ первый оказался неисполнимымъ, такъ какъ въ день, избранный для совершения злодѣянія, Государь Императоръ не изволилъ прослѣдовать по Малой Садовой, вслѣдствіе чего былъ примѣненъ второй способъ,—дѣйствіе метательными снарядами, взрывъ которыхъ 1-го марта, на Екатерининскомъ каналѣ, причинилъ Его Императорскому Величеству тяжкія пораненія, повлекшія за собою того же числа мученическую кончину незабвеннаго Монарха и, сверхъ того, имѣлъ послѣдствіемъ причиненіе болѣе или менѣе опасныхъ поврежденій 9-ти лицамъ Императорской свиты и 10-ти постороннимъ, случайно находившимся на мѣстѣ злодѣянія.

Вышеупомянутымъ приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената за злодѣяніе это осуждены и понесли наказаніе шесть лицъ, изъ числа которыхъ, какъ установлено приговоромъ, государственные преступники Андрей Желябовъ и Софья Перовская руководили преступнымъ замысломъ, а послѣдняя, кромѣ того, и его исполненіемъ, Николай Рысаковъ бросилъ первый метательный снарядъ подъ карету Государя Императора, Николай Кибальчичъ приготавливалъ въ качествѣ техника метательные снаряды, Тимофей Михайловъ былъ однимъ изъ участниковъ заговора и его осуществленія, а Гезя Гельфманъ была хозяйкой конспиративной квартиры злоумышленниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при томъ же изслѣдованіи, а впоследствии и при судебномъ разсмотрѣніи дѣла о злодѣяніи 1-го марта, обнаружены указанія на виновность еще другихъ, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, изъ числа которыхъ 13 привлечено къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, а именно: Григорій Исаевъ, Николай Колодкевичъ, Александръ Баранниковъ, Михаилъ Фроленко, Михаилъ Тригони, Николай Сухановъ, Иванъ Емельяновъ, Василій Меркуловъ, Петръ Тычининъ, Мартынъ Лангансъ, Анна Якимова, Татьяна Лебедева и Елизавета Оловенникова.

Первоначальными поводами къ обвиненію названныхъ лицъ въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта послужили подробныя показанія нынѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Рысакова и обвиняемаго Василія Меркулова, имѣющія значеніе полного признанія по отношенію къ нимъ самимъ и согласнаго съ обстоятельствами для оговора другихъ обвиняемыхъ.

По объясненію Рысакова, сойдясь, съ осени 1880 г., съ Желябовымъ и вступивъ подъ его вліяніемъ въ революціонную организацію рабочихъ, онъ сталъ встрѣчаться и съ другими революціонными дѣятелями, находившимися съ Желябовымъ въ болѣе или менѣе

частых сношеніяхъ. Такъ, онъ зналъ Баранникова подъ прозвищемъ «Порфирія», который однажды при немъ приходилъ на свиданіе съ Желябовымъ на Конногвардейскій бульваръ; Колодкевича подъ прозваніемъ «Коть-Мурлыка», который вмѣстѣ съ Баранниковымъ слѣдилъ за нимъ, Рысаковымъ, когда онъ, по порученію Исаева, перевозилъ типографскій станокъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги, и Меркулова (онъ же Яковенко), называвшагося «Василіемъ», котораго онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ конспиративной квартирѣ Саблина и Геси Гельфманъ, въ Телѣжной улицѣ, гдѣ Меркуловъ, повидимому, даже проживалъ. Во время приготовленій къ совершенію новаго посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, онъ, Рысаковъ, принималъ участіе въ устроенныхъ подъ руководствомъ Перовской наблюденіяхъ за выѣздами Его Величества. Наблюденія эти производили, кромѣ его, Рысакова, Аркадій Тирковъ, Петръ Тычининъ и Елизавета Оловенникова, которые обо всемъ, ими узнанномъ сообщали Перовской въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, въ квартирѣ, хозяйкой которой была Оловенникова, извѣстная Рысакову подъ именемъ «Лизы», а также и въ квартирѣ Тычинина. Въ декабрѣ 1880 года Рысаковъ познакомился съ членомъ общества, который назывался «Григоріемъ», и руки котораго, при встрѣчѣхъ его съ Рысаковымъ, были всегда выпачканы во что-то черное, вслѣдствіе чего Рысаковъ первоначально предположилъ, что онъ занимается типографской работой, а впоследствии пришелъ къ заключенію, что «Григорій» приготовляетъ динамитъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Кибальчича—техника, завѣдывавшаго изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ, «Григорій» долженъ былъ 28-го февраля придти на конспиративную квартиру на Телѣжной улицѣ, извѣстную лишь немногимъ и при томъ главнѣйшимъ участникамъ преступныхъ приготовленій. Утромъ 1-го марта Рысаковъ видѣлъ «Григорія» въ числѣ своихъ знакомыхъ на Невскомъ проспектѣ, ожидающихъ проѣзда Государя Императора. На призывъ Желябова совершить царубійство отозвались кромѣ его, Рысакова, Тимофея Михайлова, «Михаила Ивановича» по прозванію «Котикъ», убитаго при взрывѣ, еще человекъ, называвшійся «Михаиломъ», съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его, Рысакова, познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Человекъ этотъ, носившій также прозвище «Сугубаго», жилъ легально и имѣлъ знакомства въ обществѣ. Зная хорошо системы револьверовъ, онъ, по выраженію Желябова, былъ оружейникомъ участниковъ преступленія. Рысаковъ видѣлъ его въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, откуда «Михаиль», или «Сугубый» получилъ 1-го марта метательный снарядъ и въ числѣ четырехъ метальщиковъ отправился ожидать проѣзда Государя Императора, при чемъ долженъ былъ стоять на назначенномъ ему мѣстѣ, на углу Невского проспекта и М. Садовой. Въ случаѣ же неудачи предполагаемаго взрыва на М. Садовой, «Сугубый» долженъ былъ, вмѣстѣ съ другими метальщиками, спѣшить на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ.

Обвиняемый Меркуловъ, сознаваясь въ участіи при приготовленіяхъ къ злодѣянію 1-го марта, показалъ, что въ 20 числахъ января 1881 года, по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ изъ Кишинева послѣ неудавшагося тамъ покушенія на кражу изъ мѣстнаго казначейства, онъ узналъ отъ Исаева, что ему, Меркулову, нужно поступить въ сырную лавку Кобозева на М. Садовой «за молодца». Исполнивъ это требованіе Исаева, обвиняемый, однако же, прослужилъ у Кобозева не болѣе 3 дней, такъ какъ по росту оказался негоднымъ въ «молодцы», да къ тому же не умѣлъ рѣзать сыръ. Продолжая и послѣ того посѣщать лавку Кобозева, отъ котораго ему случалось получать деньги и сыръ, онъ, Меркуловъ, видѣлъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ эту лавку. Женою Кобозева была Якимова; къ нимъ приходили Желябовъ, Кибальчичъ, Саблинъ, «Котикъ», или «Михаилъ Ивановичъ», Тригони, котораго онъ, Меркуловъ, зналъ подъ именемъ «Михаила Николаевича», Лангансъ, подъ именемъ «Мартына», или «нѣмца», недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ-за границы, Фроленко—подъ именемъ Александра и, наконецъ, флотскій лейтенантъ, оказавшійся впоследствии Сухановымъ. Изъ поименованныхъ лицъ, какъ извѣстно обвиняемому, Тригони, Лангансъ, Сухановъ и Фроленко работали въ подкопѣ, проведенномъ изъ лавки подъ улицу М. Садовую. Обвиняемый полагаетъ, что кромѣ этихъ лицъ въ томъ же подкопѣ работалъ и Баранниковъ, подъ именемъ «Порфирія», о чемъ онъ, Меркуловъ, заключаетъ изъ сожалѣнія, высказаннаго по поводу ареста Баранникова Кобозевымъ, который, назвавъ при этомъ «Порфирія» хорошимъ работникомъ, добавилъ, что они вмѣстѣ съ нимъ ломали для подкopa стѣну, а предварительно, для размягченія цемента и кирпичей, обливали ее какою-то кислотой. 25-го февраля Меркуловъ засталъ въ лавкѣ Кобозева Фроленко, Ланганса и Суханова, которые при немъ переодѣлись въ рабочее платье, очевидно, намѣреваясь идти въ подкопъ; затѣмъ Сухановъ подошелъ къ окну, въ жиломъ помѣщеніи, и отодвинулъ доску, закрывавшую отверстіе подкopa, которое обвиняемый тогда увидѣлъ въ первый разъ. 26-го февраля Меркуловъ былъ у Желябова, гдѣ засталъ Суханова, и по порученію Желябова отвезъ въ лавку Кобозева нѣсколько пустыхъ холщевыхъ мѣшковъ. 27-го февраля, въ день своего ареста, приѣдъ вночь къ Желябову, нашелъ у него Тригони, съ которымъ они пили чай. Тригони говорилъ Желябову, что въ подкопѣ работа чѣмъ-то затрудняется и прибавилъ: «пожалуй, еще не успѣемъ». Въ это же послѣднее свое посѣщеніе Меркуловъ получилъ отъ Желябова для доставленія Кобозеву большую бутылъ, фунтовъ 10 вѣсомъ, завязанную въ мѣшокъ. Еще ранѣе этого, недѣли за двѣ до своего ареста, Меркуловъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, «Котикомъ», Рысаковымъ, Тимофеемъ Михайловымъ и «Сугубымъ» пробовать метательные снаряды. Вышеозначеннаго «Михаила», или «Сугубаго», котораго Меркуловъ видѣлъ въ конспиративной квартирѣ по Тельжной улицѣ, обвиняемый признавалъ въ Емельяновѣ.

Дознаніємъ выяснено, что упоминаемый обвиняемыми Рысаковымъ и Меркуловымъ „Михаилъ Ивановичъ“, онъ же „Котикъ“, бросившій 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ второй, смертоносный для почившаго Монарха, снарядъ, проживалъ въ С.-Петербургѣ подь именемъ Ельникова, а въ дѣйствительности былъ — бывший студентъ С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, дворянинъ Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Игнатій Іоахимовъ Гриневецкій.

На основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ „Михаила“ или „Сугубаго“, этотъ послѣдній былъ разысканъ и 14-го апрѣля 1881 г. задержанъ въ С.-Петербургѣ въ своей квартирѣ, при чемъ оказался сыномъ псаломщика Иваномъ Пантелеймоновымъ Емельяновымъ, проживавшимъ подь своими собственными фамилією и видомъ на жительство.

Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго, Емельяновъ показалъ, что, поступивъ въ концѣ 1880 г. въ число членовъ „соціально-революціонной партіи“, онъ, несмотря на свои усердныя занятія науками и литературой, находилъ время принимать активное участіе въ дѣлахъ „партіи“, главнымъ же образомъ, въ злодѣяніи 1 марта. Означенное участіе свое Емельяновъ изложилъ въ нижеслѣдующихъ собственноручно имъ написанныхъ словахъ: „въ качествѣ метальщика, вооруженнаго разрывнымъ снарядомъ, стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой, а затѣмъ у Театральнаго моста. Въ самый моментъ послѣдовавшихъ взрывовъ отъ снарядовъ, брошенныхъ Рысаковымъ и личною, мнѣ извѣстною подь именемъ Михаила Ивановича, я находился шагахъ въ 20 отъ покойнаго Императора, и когда Государь Императоръ упалъ, то я совершенно инстинктивно, имѣя подь лѣвой мышкой завернутый въ газетную бумагу снарядъ, бросился вмѣстѣ съ другими къ Государю Императору, чтобы подать ему помощь“. Изъ дальнѣйшихъ затѣмъ объясненій Емельянова видно, что за недѣлю до 1 марта онъ ѣздилъ въ Парголово вмѣстѣ съ другими лицами для испытанія снарядовъ. О подкопѣ въ Малой Садовой онъ узналъ впервые лишь утромъ 1-го марта, въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, отъ Перовской, которая сообщила, что на Малой Садовой и долженъ сначала послѣдовать, какъ она выразилась, центральный ударъ. Кромѣ обвиняемаго, метальщиками были еще Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимофей Михайловъ. Послѣ злодѣянія онъ, Емельяновъ, отнесъ свой снарядъ обратно на Телѣжную улицу на конспиративную квартиру.

По обыску, произведенному въ означенной квартирѣ 3-го марта 1881 года, были, между прочимъ, найдены два вполне заряженные метательные снаряда.

При задержаніи 1 апрѣля въ С.-Петербургѣ обвиняемаго Григорія Исаева у него найдены были по обыску 2 экземпляра рукописи о приготовленіи динамита, нитроглицерина, гремучей ртути и о способахъ взрыва.

Признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, обвиняемый

Исаевъ показалъ, что послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ покушеній на царубійство „исполнительный комитетъ“ сформировалъ группу техниковъ и предложилъ имъ выработать наилучшіе способы для достиженія цѣли. Въ исполненіе такого порученія упомянутые техники предложили нѣсколько способовъ, изъ которыхъ „комитетъ“ выбралъ два: мину на Малой Садовой и метательные снаряды. По отношенію къ этимъ послѣднимъ вопросъ сводился къ тому, чтобы изобрѣсти такой способъ воспламененія, при которомъ взрывъ происходилъ бы моментально. Послѣ того, какъ было признано неудобство нѣсколькихъ послѣдовательно проектированныхъ системъ, онъ, Исаевъ, предложилъ ту систему трубокъ, которая и была примѣнена въ метательныхъ снарядахъ, послужившихъ орудіями злодѣянія 1 марта. Означенная система была одобрена, провѣрена на опытахъ, объяснена участникамъ и затѣмъ приложена къ дѣлу. Бывая въ лавкѣ Кобозева, обвиняемый принималъ участіе въ земляныхъ работахъ по подкопу и присутствовалъ при окончательной закладкѣ заряда, наблюдая въ качествѣ техника, чтобы все было въ исправности. Здѣсь онъ видѣлъ, между прочимъ, Якимову и Ланганса. Что же касается до найденной у него рукописи о взрывчатыхъ веществахъ, то одинъ экземпляръ ея писанъ рукою Кибальчича.

Изъ послѣднихъ показаній нынѣ казеннаго государственнаго преступника Кибальчича видно, что при изготовленіи метательныхъ снарядовъ, посредствомъ которыхъ было совершено злодѣяніе 1-го марта, ему помогали два техника, участвовавшіе наравнѣ съ нимъ, какъ въ изобрѣтеніи упомянутыхъ снарядовъ, такъ и въ самомъ устройствѣ ихъ.

По предъявленіи обвиняемому Меркулову задержаннаго по розыскнымъ даннымъ обвиняемаго Николая Суханова, Меркуловъ призналъ въ немъ того самаго флотскаго офицера, котораго онъ видѣлъ въ квартирѣ Желябова, а затѣмъ въ лавкѣ Кобозева, готовившимся работать въ подкопѣ. По объясненію Меркулова, Сухановъ являлся въ лавку Кобозева въ статскомъ черномъ пальто и круглой шляпѣ.

Это послѣднее указаніе подтвердилось результатомъ произведеннаго у Суханова обыска, при которомъ были найдены статское черное пальто и круглая поярковая шляпа.

Обвиняемый Сухановъ, признавая свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, показалъ, что, будучи знакомъ съ Желябовымъ, Перовскою, Кибальчичемъ и Колодкевичемъ еще съ зимы 1879 г., онъ лишь въ февралѣ 1881 г. приступилъ къ активной революціонной дѣятельности. По приглашенію и указаніямъ Желябова, въ 20 числа февраля обвиняемый явился въ лавку Кобозева, гдѣ и принялъ участіе въ работахъ по проведенію подкопа, который засталъ уже доведеннымъ до водосточной трубы. Затѣмъ на квартирѣ Желябова онъ снарядилъ мину для подкопа и, кромѣ того, на другой квартирѣ, указать которую не желаетъ, участвовалъ въ теоретической разработкѣ метательныхъ снарядовъ. Кромѣ того, 28-го февраля

онъ помогать другому лицу чинить и собирать части этихъ снарядовъ. Изъ числа обвиняемыхъ, онъ, Сухановъ, зналъ Исаева, у котораго бывалъ на квартирѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ Исаевъ жилъ съ Вѣрой Филипповой; Якимову, которую видѣлъ въ лавкѣ Кобозева въ качествѣ его жены, и Ланганса, котораго встрѣчалъ у Желябова.

Обвиняемая Анна Якимова, сознавшаяся въ злодѣяніи 1 марта, была признана дворниками дома графа Менгдена, по Малой Садовой, Никифоромъ Самойловымъ и Никифоромъ Ульяновымъ за женщину, проживавшую вмѣстѣ съ Кобозевымъ подъ видомъ его жены.

Обвиняемый Михаилъ Тригони, признавая свое знакомство съ Желябовымъ, Меркуловымъ, Кобозевымъ и Сухановымъ, первоначально объяснилъ, что о подкопѣ на Малой Садовой онъ узналъ отъ своего университетскаго товарища Желябова, который 24 февраля привелъ его въ лавку Кобозева, гдѣ онъ, Тригони, въ теченіе одного вечера работалъ въ подкопѣ. Впослѣдствіи же, въ нѣкоторое измѣненіе своего вышеприведеннаго объясненія, Тригони показалъ, что хотя онъ и зналъ отъ Желябова о подкопѣ на Малой Садовой, но въ лавкѣ Кобозева былъ случайно и участія въ работахъ по подкопу не принималъ.

Обвиняемый Николай Колодкевичъ сознался въ томъ, что въ половинѣ января 1881 года, незадолго до своего ареста, бывалъ въ лавкѣ Кобозева и принималъ участіе въ работахъ по разобранію стѣны, чрезъ которую предполагалось вести подкопъ для совершения новаго покушенія на цареубійство. При этомъ Колодкевичъ призналъ свое знакомство какъ съ лицами, уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ обвиняемыми по настоящему дѣлу: Фроленко, Тригони, Оловениковой и Аропчиковъ.

По разсмотрѣніи, при участіи эксперта, миннаго офицера лейтенанта Смирнова, записей, сдѣланныхъ Колодкевичемъ въ записной книжкѣ, найденной у него по обыску при задержаніи его 26 января, оказалось, что въ записяхъ этихъ заключаются свѣдѣнія объ изготовленіи разныхъ веществъ для стопина, гремучаго студня, гремучей ртути, а также таблица удѣльнаго вѣса динамитовъ разнаго состава.

Обвиняемый Александръ Баранниковъ сознался въ томъ, что въ январѣ 1881 г., въ лавкѣ Кобозева, вмѣстѣ съ другими лицами, ломалъ наружную стѣну для проведенія подквона подъ М. Садовую, при чемъ объяснилъ, что до его ареста (25 января), успѣли только разобрать стѣну, самый же подкопъ еще начать не былъ.

Обвиняемый Михаилъ Фроленко, не отрицая вообще своего участія въ террористическихъ предпріятіяхъ, уклонился отъ всякихъ объясненій по поводу отношенія своего къ злодѣянію 1 марта.

Обвиняемый Мартынъ Лангансъ, признавая себя принадлежащимъ „къ русской соціально-революціонной партіи“, не сознался въ причисляемомъ ему участіи въ устройствѣ подквона изъ лавки Кобозева.

Обвиняемая Татьяна Лебедева показала, что, пріѣхавъ въ С.-Пе-

тербургъ въ январѣ 1881 г. и пребывая большею частью на квартирѣ Желябова и Перовской (по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, домъ № 37/18), она знала о томъ, что готовится покушеніе на цареубійство посредствомъ подкупа изъ лавки Кобозева и метательныхъ снарядовъ, вполнѣ сочувствовала цѣли этихъ приготовленій и принимала участіе въ наполненіи динамитомъ цилиндра, который имѣлъ быть заложенъ въ минѣ на Малой Садовой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняемая признала свое знакомство какъ съ государственными преступниками, уже осужденными за злодѣяніе 1 марта, такъ и съ лицами, и нынѣ въ этомъ злодѣяніи обвиняемыми, при чемъ объяснила, что съ нѣкоторыми изъ нихъ она была близка, какъ съ товарищами по дѣлу.

Обвиняемый Петръ Тычининъ показалъ, что, принадлежа къ партіи «народной воли» и сочувствуя цареубійству, онъ въ декабрѣ 1880 г. и январѣ 1881 года наблюдалъ, вмѣстѣ съ другими лицами, за проѣздами въ гор. С.-Петербургѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Кромѣ того, тѣми же наблюденіями занимались Перовская, Рысаковъ, Оловенникова и Тырковъ, всего же наблюдающихъ было шесть человекъ. Всѣ они собирались въ квартирѣ обвиняемаго, по Б. Дворянской улицѣ, и здѣсь сообщали Перовской о результатахъ своихъ наблюденій.

Обвиняемая Елизавета Оловенника объяснила, что съ ноября 1880 года и до конца января 1881 года она, вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Тычининымъ, слѣдила за проѣздами въ Бозѣ почившаго Государя Императора, зная, что наблюденіе это имѣетъ отношеніе къ готовившемуся покушенію на жизнь Священной Особы Его Величества. Тычининъ принялъ участіе въ означенномъ наблюденіи по приглашенію обвиняемой, познакомившей его съ Перовской, которой всѣ они отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Самое наблюденіе производилось по Дворцовой набережной, Невскому проспекту, Екатерининскому каналу, Малой Садовой и около манежа.

Что же касается до Аркадія Тыркова, то, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, у него обнаружались признаки разстройства умственныхъ способностей, вслѣдствіе чего дальнѣйшее производство дѣла о немъ было приостановлено.

ХІІІ.

Вспомогательная преступная дѣятельность обвиняемыхъ Люстига и Клѣточникова.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяній, дознаніемъ была обнаружена необходимая для ихъ совершенія вспомогательная преступная дѣятельность принадлежавшихъ также къ «партіи народной воли» обвиняемыхъ Фердинанда Люстига и Николая Клѣточникова, изъ которыхъ первый устраивалъ въ своей квартирѣ собранія членовъ означенной «партіи» и былъ посредникомъ при полученіи ими денежныхъ средствъ, а послѣдній доставлялъ руководителямъ «партіи» свѣдѣнія о предупредительныхъ мѣропріятіяхъ правительства

и тѣмъ давалъ возможность своевременно уклониться отъ ихъ дѣйствія. Собранныя при дознаніи данныя къ изобличенію Люстига и Кляточникова представляются въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ.

I.

Государственный преступникъ Рысаковъ, какъ уже было упомянуто выше, между прочимъ, объяснилъ, что въ декабрѣ 1880 года онъ, по порученію „Григорія“, т.-е. Исаева, перевозилъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги на ломовомъ извозчикѣ два ящика съ типографскимъ станкомъ, который, по указанію того же Исаева, доставилъ на Большую Садовую, гдѣ его встрѣтилъ самъ Исаевъ и передалъ ящики какой-то неизвѣстной Рысакову барышнѣ. Въ виду приведеннаго объясненія Рысакова и на основаніи указаній разыскавшаго вслѣдствіе этого объясненія вышеупомянутаго ломового извозчика, крестьянина Филиппа Тимошкина, была разыскана и квартира лица, принявшаго къ себѣ привезенные Рысаковымъ ящики. Лицомъ этимъ оказался обвиняемый Фердинандъ Люстигъ, жившій по Большой Садовой, въ домѣ № 69, вмѣстѣ съ мѣщанкою Татьяною Кузьминой, которая объяснила при дознаніи, что по доставленіи упомянутыхъ ящиковъ въ квартиру Люстига они были здѣсь раскупорены Исаевымъ и Кибальчичемъ. Принявъ лично эти ящики, Кузьмина затѣмъ видѣла, что въ нихъ находятся принадлежности типографскаго станка.

Обвиняемый Люстигъ, признавая себя принадлежащимъ къ числу лицъ, желающихъ социальнаго-революціоннаго переворота, показавъ, что его революціонная дѣятельность выражалась въ тѣхъ услугахъ, которыя онъ оказывалъ „социально-революціонной“ партіи; съ участниками ея онъ познакомился въ апрѣлѣ 1879 года, при чемъ первымъ его знакомымъ былъ Александръ Михайловъ, а впослѣдствіи онъ, Люстигъ, вступилъ въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Желябовымъ. Съ августа 1880 года и до января 1881, когда обвиняемый сталъ замѣчать наблюденія за собою полиціи, квартира его служила мѣстомъ сходокъ революціонныхъ дѣятелей, которые собирались у него для свиданія другъ съ другомъ и для переговоровъ о своихъ дѣлахъ. Въ этихъ переговорахъ обвиняемый участія не принималъ и о готовившихся террористическихъ событіяхъ, въ томъ числѣ и о злодѣяніи 1 марта, не зналъ; расположеніе его квартиры, состоявшей изъ 3 комнатъ, давало ему возможность не присутствовать при происходившихъ у него собраніяхъ, или участвовать лишь въ разговорахъ революціонеровъ объ общихъ вопросахъ. Изъ числа собиравшихся у него лицъ, обвиняемый, кромѣ Михайлова и Желябова, указавъ Перовскую, Кибальчича, Гельфманъ, Саблина, Исаева, Колодкевича, Фриденсона, Морозова, Суханова, Тригоны и другихъ, еще не разысканныхъ участниковъ сообщества. По просьбѣ Желябова онъ, Люстигъ, получалъ по почтѣ и переводами черезъ государственныя и международныя банки деньги, жертвуемыя разными лицами на усиленіе революціоннаго фонда, при чемъ передавалъ

эти пожертвованія, составившія въ общей сложности до 3000 руб., частью Желябову, а частью Кибальчичу. Въ декабрь 1880 года, также по просьбѣ Желябова, обвиняемый принялъ къ себѣ на короткое время типографскій станокъ въ 2-хъ ящикахъ, которые затѣмъ были увезены изъ его квартиры, но куда именно — ему неизвѣстно. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ на упомянутыхъ сходкахъ въ его, Люстига, квартирѣ бывалъ Николай Богородскій, сынъ смотрителя Трубецкого бастиона Петербургской крѣпости.

Привлекавшіеся къ настоящему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ и нынѣ высланные на жительство въ Сибирь, съ разрѣшеніемъ дѣла въ отношеніи ихъ, въ административномъ порядкѣ, мѣщанка Татьяна Кузьмина и оберъ-офицерскій сынъ Николай Богородскій, подтверждая въ общихъ чертахъ приведенное показаніе Люстига, объяснили: Кузьмина—что, проживая вмѣстѣ съ Люстигомъ, она не присутствовала при сходкахъ, происходившихъ въ его квартирѣ, но слышала отъ Люстига, что на этихъ сходкахъ разсуждали о пареубійствѣ; при этомъ Кузьмина указала тѣхъ вышепоименованныхъ участниковъ сходокъ, которые были названы и Люстигомъ; Богородскій—что, познакомившись въ половинѣ 1880 г. съ Люстигомъ, онъ сталъ посѣщать его квартиру и здѣсь встрѣчалъ многихъ революціонныхъ дѣятелей, изъ числа которыхъ помнитъ Кибальчича, Александра Михайлова, Колодкевича, Исаева, Тригоны и женщину, извѣстную ему подъ именемъ Елизаветы Александровны. По просьбѣ этой послѣдней, онъ принялъ на себя посредничество въ сношеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ преступному сообществу и находящихся на свободѣ, съ тѣми изъ нихъ, которыя въ то время содержались въ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ Богородскій проживалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Означенныя сношенія производились при помощи книгъ крѣпостной библіотеки, которыя онъ, Богородскій, приносилъ на квартиру Люстига и здѣсь передавалъ вышеупомянутой Елизаветѣ, возвращавшей ему эти книги съ отиѣтками подъ бузвами, для передачи, черезъ библіотеку, заключеннымъ въ крѣпости. Зная имена этихъ послѣднихъ, онъ сообщалъ о нихъ Елизаветѣ Александровнѣ и ея единомышленникамъ.

Осмотрами подлежащихъ книгъ С.-Петербургскаго Почтамта, а также банковъ государственнаго и коммерческаго международнаго установлено: 1) что въ 1880 г. на имя Фердинанда Люстига было прислано по почтѣ изъ Старой Руссы 25 руб., изъ Москвы 100 руб. и изъ Одессы 50 руб.; 2) что на его же имя было переведено: а) черезъ государственный банкъ, изъ Воронежа отъ Яковлева—600 р. и отъ Самойлова—400 руб. и б) черезъ международный банкъ изъ Москвы отъ Капустина 500 руб. и отъ Петрова 300 руб.

Названныя фамиліи оказались при дознаніи вымышленными, а личности отправителей денегъ на имя Люстига остались необнаруженными.

II.

28-го января 1881 г. въ квартирѣ обвиняемаго Колодкевича, проживавшаго по подложному паспорту на имя Петрова, былъ задержанъ, какъ упомянуто выше, младшій помощникъ дѣлопроизводителя Департамента Государственной Полиціи, прежде служившій въ нынѣ упраздненномъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Николай Васильевъ Клѣточниковъ, который первоначально объяснилъ свой приходъ къ Колодкевичу простою случайностью и не призналъ своего участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ.

По заключеніи Клѣточникова подъ стражу, онъ представилъ подробныя объясненія по поводу своихъ сношеній съ членами «соціально-революціонной партіи». Изъ этихъ объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1878 г. для присканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился у одного изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, известнымъ ему тогда подъ именемъ Петра Ивановича, и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился. Сначала Михайловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ социалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ государственному и соціальному перевороту, что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпіоновъ, и что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекавшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщаль пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность въ случаѣ какой-либо опасности скрыться за-границу. Убѣждая такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ, по словамъ Михайлова, проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для цѣлей «партіи». Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, „раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпіонамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ Петра Ивановича, который, кромѣ того, за это время успѣлъ привязать его къ себѣ“. Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ комнату у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, при чемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проигрываніемъ въ карты успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впоследствии завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія, г. Кириллову, который въ январѣ

1879 г. принялъ Клѣточникова въ секретные агенты, съ жалованьемъ по 30 руб. въ мѣсяць. Въ мартѣ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое „агентурное отдѣленіе“ при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ Департаментъ Государственной Полиціи на ту же должность, которую и занималъ до самаго своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ ко всѣмъ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифровалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ С. - Петербургской крѣпости и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическія розыски, производившіеся не только въ С. - Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученные такимъ образомъ свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ именно учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предположенныхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія. Не переставая въ теченіе всего этого 2-хъ лѣтняго періода времени (1879 и 1880 года) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя неаккуратно и въ небольшомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же этотъ послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Арончикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колодзевичемъ и еще однимъ, до настоящаго времени не разысканнымъ лицомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, носившимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ сообщалъ нужныя имъ свѣдѣнія по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходился въ разныхъ трактирахъ и гостиницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры; Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованныя лица принадлежать къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались ему извѣстными по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однакоже, съ нимъ откровенны и, видимо, ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ тер-

рористической фракціи и прямою участію въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ, онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію «Народной Воли». Отъ Алафузова—Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное сообщество и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ лица, привлеченнаго къ дознаніямъ, а составляло не болѣе 5—6 пудовъ. Послѣ ареста Михайлова, обвиняемый продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя, съ передачею розыскной части по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ въ вѣдѣніе С.-Петербургскаго Градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній, и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человѣка, или подкупить кого-либо въ новомъ розыскомъ вѣдомствѣ. Что же касается до побудительныхъ причинъ сближенія своего съ членами революціонной «партіи» и того содѣянія, которое обвиняемый имъ оказывалъ сообщеніемъ разныхъ нужныхъ имъ свѣдѣній, то въ объясненіе этихъ причинъ Клѣточниковъ, отрицая свою принадлежность къ означенной «партіи», въ собственноручно написанныхъ имъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ слѣдующее: «не сдѣлавшись социалистомъ, я не могу не сознаться, что началъ сочувствовать нѣкоторымъ ихъ идеямъ и сталъ считать ихъ дѣломъ своимъ», и далѣе... «я руководился, главнымъ образомъ, корыстными цѣлями и желаніемъ болѣе разнообразной жизни въ столицѣ, а также сочувствіемъ къ высказаннымъ Александромъ Михайловымъ идеямъ о развитіи и обогащеніи народа, къ идеямъ, которымъ будто бы служить онъ и его сподвижники». Когда же онъ, Клѣточниковъ, узналъ изъ показаній Гольденберга объ истинныхъ цѣляхъ дѣятельности знакомыхъ ему социалистовъ, то уже не могъ оставить сношеній съ ними и продолжалъ служить ихъ интересамъ, такъ какъ боялся, въ противномъ случаѣ, быть убитымъ.

Вдова полковника Анна Кутузова подтвердила фактъ поступленія Клѣточникова на службу къ завѣдывавшему 3-й экспедиціей III Отдѣленія, Кириллову, по ея, Кутузовой, рекомендаціи.

Изъ показаній свидѣтелей, начальниковъ и сослуживцевъ Клѣточникова по службѣ его въ бывшемъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, статскихъ совѣтниковъ Кириллова и Гусева, коллежскаго совѣтника Вольфа, Коллежскаго ассесора Цвѣткова и титулярнаго совѣтника Чернышева, оказывается, что Клѣточниковъ въ продолженіе всей своей службы отличался особеннымъ усердіемъ и пользовался полнымъ довѣріемъ начальства. Черезъ его руки проходили всѣ секретныя свѣдѣнія о политическихъ розыскахъ, и онъ всегда имѣлъ возможность заранѣе знать о всѣхъ предположенныхъ въ этомъ отношеніи мѣропріятіяхъ. Въ мартѣ 1879 года, при производствѣ обыска у лицъ, проживавшихъ въ домѣ князя Мурузи, по Литейному проспекту, кв. № 54, обнаружилось, что объ этомъ обыскѣ хозяева квартиры были свое-

временно предупреждены. По поводу возникшаго вследствие этого подозрѣнія противъ служащихъ въ 3-й экспедиціи Ш Отдѣленія, коллежскому ассесору Цвѣткову было поручено произвести негласное дознаніе, по которому, однако же, виновный остался не обнаруженнымъ.

По осмотру относящейся къ означенному дознанію переписки оказалось и обвиняемымъ Клѣточниковымъ было признано, что составленная въ агентурномъ отдѣленіи при 3 экспедиціи записка о лицахъ, у которыхъ предполагалось произвести обыскъ, между прочимъ, и о проживавшихъ въ кв. № 54, въ домѣ князя Мурузи, написана рукою Клѣточникова. По его объясненію онъ, составивъ упомянутую записку, сообщилъ о содержаніи ея Александру Михайлову, который и предупредилъ кого слѣдовало.

29 января 1881 года, т.-е. на другой день послѣ ареста Клѣточникова, въ квартиру его было доставлено по городской почтѣ письмо отъ 28 января, въ которомъ Клѣточниковъ приглашался въ 5 часовъ пополудни на Невскій проспектъ для свиданія съ анонимнымъ авторомъ письма. По сличеніи почерка этого письма съ почеркомъ казеннаго государственнаго преступника Желябова, знакомство и сношенія съ которымъ Клѣточниковымъ отрицаются, экспертъ пришелъ къ заключенію, что упомянутое письмо написано Желябовымъ.

XIV.

Принадлежность обвиняемыхъ къ преступному сообществу. Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.

Независимо отъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ принадлежность обвиняемыхъ къ тайному сообществу, поставившему себѣ задачей стремиться къ ниспроверженію въ ближайшемъ будущемъ, посредствомъ ряда насильственныхъ дѣйствій и насильственнаго переворота; существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, доказывается еще нижеслѣдующими обстоятельствами, частью имѣющими общій характеръ и значеніе, а частью относящимися до каждаго изъ обвиняемыхъ въ отдѣльности.

1.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, многочисленныхъ печатныхъ изданій преступнаго содержанія, которыя были составлены, напечатаны и выпущены въ обращеніе тайнымъ сообществомъ, именующимъ себя «русскою соціально-революціонной партіей», въ періодъ времени съ 1878 г. по мартъ 1881 года вѣлчительно, причемъ почти всѣ эти изданія найдены по обыскамъ у обвиняемыхъ и, главнымъ образомъ, въ обнаруженной 5-го мая 1881 г. конспиративной квартирѣ по Подольской улицѣ въ домѣ № 14/42, кв. № 31, гдѣ, повидимому, по-

мѣщалась въ послѣднее время тайная типографія газеты «Народная Воля», оказывается, что до послѣдовавшаго лѣтомъ 1879 г. выдѣленія террористической фракціи изъ прежней организаціи революціонеровъ «народниковъ», органомъ тайной печати у этихъ послѣднихъ была газета «Земля и Воля» и дополнявшій или замѣнявшій ее «Листокъ Земли и Воли». Кромѣ этихъ изданій, послѣ каждаго совершеннаго революціонерами преступнаго дѣянія террористическаго характера, появлялись печатныя прокламаціи, въ которыхъ заявлялось о совершеніи означенныхъ дѣяній отъ имени и въ интересахъ «соціально-революціонной партіи». Такия прокламаціи появились, между прочимъ, и послѣ убійства генераль-адъютанта Мезенцева и покушенія на царубійство 2 апрѣля 1879 года. Упомянутыя періодическія изданія и прокламаціи издавались за подписью «исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи» — наименованіе, которое, какъ видно изъ показаній Гольденберга и другихъ обвиняемыхъ, присвоила себѣ городская группа членовъ «партіи». Послѣ Липецкаго сѣзда произошло раздѣленіе «партіи» и ея органа: „народники“, оставшіяся при прежнихъ своихъ взглядахъ и задачахъ, предприняли изданіе газеты подъ заглавіемъ «Черный Передѣлъ», террористы же, выдѣлившіеся въ особую фракцію, основали изданіе «Народной Воли» и, въ видѣ прибавленія къ ней, «Листка Народной Воли». Съ осени 1879 и до февраля 1881 года, появилось пять №№ «Народной Воли» и нѣсколько №№ „Листка“; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательное совершеніе посягательствъ на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора 19-го ноября 1879 года, 5-го февраля 1880 года и злодѣянія 1-го марта 1881 г. сопровождалось, подобно прежнему времени, появленіемъ воззваній отъ имени „исполнительнаго комитета“, въ составъ котораго вошли наиболѣе выдающіеся дѣятели преступнаго сообщества, принимавшіе болѣе или менѣе непосредственное участіе въ послѣдующихъ террористическихъ предпріятіяхъ. Въ № 3 „Народной Воли“, отъ 1-го января 1880 г., помѣщена, между прочимъ, „программа исполнительнаго комитета“, которая ставитъ ближайшею цѣлью „комитета“ отнятіе власти у существующаго правительства и передачу ея народу (п. А—В) для декретированія новаго государственнаго и общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ (п. Г); къ достиженію означенныхъ цѣлей предполагается стремиться посредствомъ: 1) дѣятельности пропагаторской и агитаціонной; 2) дѣятельности разрушительной и террористической, состоящей „въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства“; 3) организаціи тайныхъ обществъ и сплоченія ихъ вокругъ одного центра; 4) приобрѣтенія вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществахъ и народѣ; 5) организаціи и совершенія переворота и 6) послѣдующей затѣмъ избирательной агитаціи (п. Д). При этомъ руководящимъ принципомъ дѣйствія „исполнительнаго комитета“ признается положеніе о томъ, что по отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т.-е. всякое средство, ведущее къ цѣли, считается дозволеннымъ, а лица и обществен-

ныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ борьбѣ съ „соціально-революціонной партіей“, какъ вышедшія изъ нейтралитета, принимаются за врага“ (п. Е). Въ такомъ же приблизительно смыслѣ составлена „программа рабочихъ членовъ партіи народной воли“, изданная въ концѣ 1880 г. и, какъ сказано въ ней, редакціей „Народной Воли“. Тѣ же преступные взгляды въ примѣненіи къ пониманію простолюдиновъ проводятся и въ „Рабочей Газетѣ“, которую члены „партіи“ стали издавать съ декабря 1880 г. для распространенія въ рабочей средѣ. Далѣе въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ тайной печати и, кромѣ того, въ изданной за границей брошюрѣ обвиняемаго Морозова, подъ заглавіемъ „Террористическая борьба“, доказывается необходимость направить всѣ усилія „соціально-революціонной партіи“ на совершеніе систематическаго ряда террористическихъ дѣяній и, какъ высшаго выраженія такого образа дѣйствій, царубійства. Наконецъ, въ появившихся по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 г. листкахъ отъ имени „партіи народной воли“ подъ заглавіемъ: 1) „отъ исполнительнаго комитета“ 1 марта 1881 г.; 2) „отъ рабочихъ членовъ партіи народной воли“ отъ 2 марта 1881 г.; 3) „Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому объявленіе“ отъ 2 марта 1881 г.; 4) „Исполнительный Комитетъ Императору Александру III“ отъ 12 марта 1881 г.; и 5) „отъ Исполнительнаго Комитета“ отъ 4 апрѣля 1881 г., по поводу казни государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ за злодѣянія 1 марта,—заявляется, что злодѣяніе это совершено лицами, принадлежащими къ „партіи народной воли“, для достиженія ближайшихъ цѣлей этого преступнаго сообщества и, согласно съ общими, поставленными имъ для себя задачами.

2.

По задержаніи въ С.-Петербургѣ, 28 ноября 1880 года, обвиняемаго Александра Дмитріева Михайлова, у него произведенъ былъ обыскъ, по которому въ его квартирѣ, по Орловскому переулку, въ д. № 2, найденъ былъ динамитъ въ двухъ жестянкахъ, разныя прокламаціи отъ «исполнительнаго комитета», въ значительномъ числѣ экземпляровъ, палка съ сокрытымъ въ ней кинжаломъ, мѣдный кастетъ, большое число фотографическихъ снимковъ 16 государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ С.-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, въ ноябрѣ 1880 г., и разныя замѣтки загадочнаго или условнаго содержанія.

По изслѣдованіи динамита, найденнаго у Михайлова въ количествѣ около пуда, экспертъ, генералъ-майоръ Федоровъ, нашель, что динамитъ этотъ весьма неоднороденъ и, вѣроятно, не фабричнаго приготовленія.

Изъ показаній Александра Михайлова и другихъ данныхъ, собранныхъ при дознаніи, видно, что онъ дворянинъ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, обучался въ Новгородъ-Сѣверской гимна-

зіи, а затѣмъ держалъ окончательный экзамень при Немировской гимназіи (Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи); въ концѣ 1875 г. онъ, будучи уволенъ изъ технологическаго института по поводу беспорядковъ между студентами, отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился, по его словамъ, съ «радикалами» и съ этого времени сталъ заниматься революціонной пропагандой. Съ марта 1877 г. и до половины 1878 г. онъ прожилъ въ приволжскихъ губерніяхъ, не переставая распространять революціонныя идеи, преимущественно среди старообрядцевъ. Лѣтомъ 1878 г. и затѣмъ въ 1879 г. онъ велъ дѣятельные переговоры съ управляющимъ имѣніями казеннаго государственнаго преступника Лизогуба, дворяниномъ Дриго (осужденнымъ по дѣлу о 16 лицахъ), о мѣрахъ къ переводу имущества Лизогуба въ собственность лицъ, принадлежащихъ къ «соціально-революціонной партіи». Возвратившись въ С.-Петербургъ и, по временамъ, уѣзжая изъ него по дѣламъ «революціонной партіи», онъ занимался такъ называемою «конспиративною дѣятельностью» и принималъ участіе въ разныхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія. Проживая въ теченіе 1880 года въ С.-Петербургѣ подъ именемъ и по подложному паспорту отставнаго поручика Поливанова, сначала въ гостиницѣ «Москва», затѣмъ по Троицкому переулку, въ домѣ Лихачева и, наконецъ, по Орловскому переулку, въ домѣ № 2, Михайловъ въ октябрѣ 1880 г. сталъ заказывать въ фотографіяхъ Таубе, Александровскаго и Кошулько многочисленные снимки государственныхъ преступниковъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе полиціи.

Обвиняемый дворянинъ Черниговской губерніи Николай Николаевъ Колодкевичъ, по окончаніи курска въ Черниговской гимназіи, поступилъ сначала въ Нѣжинскій лицей, а затѣмъ былъ студентомъ университетовъ Новороссійскаго и Св. Владиміра, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ оставить вслѣдствіе привлеченія къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Таковыя дознанія возбуждались противъ Колодкевича: въ 1875 г.—въ Черниговской губерніи; въ 1876 г.—за распространеніе революціонныхъ изданій въ гор. Харьковѣ; въ 1877 г.—за организацію тайнаго общества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи; въ 1878 г.—за участіе въ освобожденіи изъ Харьковскаго тюремнаго замка арестанта Фомина и въ 1879 г.—за участіе въ революціонномъ кружкѣ, образовавшемся въ Харьковѣ, при чемъ всѣ эти дознанія были пріостановлены въ отношеніи Колодкевича за нерозыскомъ его. По задержаніи Колодкевича, 26 января 1881 г., по обыску, произведенному въ его квартиру по Фонтанкѣ, въ д. № 47, гдѣ онъ проживалъ подъ именемъ и по подложному паспорту на имя Петрова, были найдены разные изданія и рукописи преступнаго содержанія. Колодкевичъ призналъ себя принадлежащимъ къ революціонной партіи «народной воли».

Обвиняемый дворянинъ Таврической губерніи Михаилъ Николаевъ Тригопи, по окончаніи въ 1874 г. курса юридическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго сту-

дента, определенных занятій не имѣлъ и проживалъ то въ южныхъ губерніяхъ, то въ С.-Петербургѣ. Здѣсь въ 1879 г. онъ, по его объясненію, встрѣтился съ Желябовымъ и, при его посредствѣ, сошелся со многими лицами, принадлежащими къ «соціально-революціонной партіи народной воли», программу которой и онъ, Тригони, вполне раздѣляетъ.

По обыску, произведенному въ квартирѣ Тригони 27 февраля 1881 г., между прочимъ, найдено: 1) 168 экземпляровъ № 5 «Народная Воля» отъ 5 февраля 1881 г., еще влажныхъ и, повидимому, только что отпечатанныхъ, съ приложенными къ нимъ отчетами о суммахъ, поступившихъ, какъ сказано въ заглавіи, на борьбу «за народное освобожденіе съ 1 по 20 января 1881 г.»; 2) анонимное рекомендательное письмо къ неизвѣстному лицу, предлагающее относиться къ Тригони съ полнымъ довѣріемъ, и 3) программы организаціи революціонныхъ кружковъ и дѣятельности таковыхъ же центральныхъ.

Привлекавшійся къ дознанію по настоящему дѣлу и нынѣ подлежащій высылкѣ въ административномъ порядкѣ въ Сибирь, турецкій подданный Моисей Поповъ показалъ, что въ 1879 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ Колодкевичемъ, Фроленко и Тригони, изъ которыхъ послѣдніе двое снабжали его запрещенными изданіями для распространенія среди рабочихъ. Въ декабрь 1880 г. Поповъ, по просьбѣ Меркулова, прѣзжавшаго въ Одессу изъ Кишинева, познакомилъ его съ Тригони, съ которымъ Меркуловъ и вступилъ въ каіе-то переговоры.

Обвиняемый дворянинъ Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда, Александръ Ивановъ Баранниковъ, по окончаніи курса въ Орловской Бахтина военной гимназіи, поступилъ въ 1-е военное Павловское училище, которое оставилъ въ 1876 г. Въ слѣдующемъ 1877 г., рѣшившись заняться революціонной пропагандой среди народа, онъ появился подъ именемъ Семена Яковлева въ с. Хрипуновѣ, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ кузницѣ, открытой тамъ для цѣлей преступной пропаганды дворяниномъ Линевымъ, проживавшимъ подъ именемъ Американскаго гражданина Филиппа. При возникновеніи по этому поводу дознанія въ мѣстномъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, Баранниковъ скрылся и продолжалъ жить «нелегально», начавъ съ весны 1879 г. именоваться Ипполитомъ Кошурниковымъ, и вступилъ подъ этимъ именемъ въ бракъ съ сестрой обвиняемой Оловенниковой, вдовой Марьей Опаниной.

Обвиняемый отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, сынъ лекаря, уроженецъ гор. Риги, сначала воспитывался въ частномъ пансіонѣ и реальномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ морское училище, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. съ производствомъ въ гардемарины. Произведенный въ 1873 г. въ мичманы, а въ 1879 г. въ лейтенанты, Сухановъ былъ слушателемъ миннаго офицерскаго класса, а затѣмъ состоялъ миннымъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и Сибирской фло-

тиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ маѣ 1881 г. уволенъ отъ службы вслѣдствіе привлеченія къ настоящему дѣлу.

Обвиняемый отставной прапорщикъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, сынъ колониста Таврической губерніи, уроженецъ гор. Симферополя, по окончаніи курса въ Симферопольской гимназіи, поступилъ въ Технологическій институтъ, гдѣ курса не окончилъ, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, откуда вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика, и въ послѣднее время состоялъ кассиромъ на фабрикѣ «Товарищества русской-американской паровой пекарни» въ С.-Петербургѣ.

Обвиняемый отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, какъ видно изъ собственныхъ его объясненій, уроженецъ гор. Пензы, по окончаніи курса въ Пензенской гимназіи, сначала слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, а затѣмъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета, который оставилъ по разстроенному здоровью, и уѣхалъ на родину въ гор. Пензу. Въ 1870 г., прибывъ въ Крымъ для леченія, онъ остался тамъ на службѣ и занималъ должности писмоводителя Ялтинскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и секретаря Ялтинскаго Съѣзда Мирowychъ Судей. Въ 1873 г. Клѣточниковъ, получивъ небольшое наслѣдство отъ родителей, ѣздилъ за границу, на Вѣнскую всемірную выставку. Въ 1876 г., соскучившись, по его словамъ, въ гор. Ялтѣ, онъ перешелъ въ Симферополь на должность кассира мѣстнаго общества взаимнаго кредита съ жалованьемъ 1000 руб. въ годъ. Въ сентябрѣ 1877 г., желая снова пожить столичною жизнью и окончить курсъ высшаго учебнаго заведенія, онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ вольнослушателемъ въ Медико-Хирургическую Академію, но, отвыкнувъ отъ учебныхъ занятій, долженъ былъ оставить Академію и отправился въ Пензу къ роднымъ, откуда снова возвратился въ С.-Петербургъ въ октябрѣ 1878 г. для присканія себѣ мѣста, каковое и нашель, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, въ агентурномъ отдѣленіи при 3-й экспедиціи нынѣ упраздненнаго III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Обвиняемый сынъ фельдфебеля Михаилъ Федоровъ Фроленко, уроженецъ гор. Ставрополя Кавказскаго, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ въ Петровскую Земледѣльческую Академію, но въ 1874 г. скрылся изъ Москвы, вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію о тайномъ революціонномъ сообществѣ.

При разслѣдованіи прежней революціонной дѣятельности Фроленко выяснилось—и самимъ обвиняемымъ не отрицается—что въ январѣ 1878 г., во время содержанія въ Киевскомъ тюремномъ замкѣ обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко, подъ именемъ Екатеринбургскаго

мѣщанина Сергѣя Тихонова, поступилъ въ означенный тюремный замокъ ключникомъ на мѣсто отставного фейерверкера Пономарева, котораго единомышленники Фроленко предварительно переманили съ должности ключника подъ вымышленнымъ предлогомъ доставленія ему должности приказчика на винокуренномъ заводѣ въ гор. Брацлавѣ, Подольской губерніи. Воспользовавшись положеніемъ ключника и успѣвъ своимъ усердіемъ къ службѣ пріобрѣсти довѣріе начальства, Фроленко, 26-го мая, вывелъ арестантовъ Дейча, Стефановича и Бохановскаго изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ ними скрылся.

17-го марта 1881 г. Фроленко былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, черезъ нѣсколько часовъ по задержаніи проживавшаго въ томъ же домѣ казеннаго государственнаго преступника Кибальчича, въ квартиру котораго явился Фроленко. Назвавъ себя сначала мѣщаниномъ Капустинимъ и предъявивъ подложный паспортъ на это имя, обвиняемый отказался указать свою квартиру, которая и осталась не обнаруженною.

Обвиняемый сынъ почталыона Григорій Прокофьевъ Исаевъ, уроженецъ гор. Могилева, въ 1875 г. былъ исключенъ изъ 5 класса мѣстной гимназіи за распространеніе запрещенныхъ изданій среди своихъ товарищей, съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія. По окончаніи гимназическаго курса Исаевъ поступилъ сначала въ С.-Петербургскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ 1877 г., во время временнаго нахожденія его въ Горецкомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи, на него пало обвиненіе въ распространеніи преступной пропаганды, вслѣдствіе чего онъ подлежалъ привлеченію къ дознанію, но скрылся и оставался неразысканнымъ до самаго задержанія своего въ С.-Петербургѣ 1-го апрѣля 1881 года.

Въ началѣ 1880 года Исаевъ, какъ уже было упомянуто выше, проживалъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ Еремѣева, вмѣстѣ съ Якимовой и Лебедевой и занимался приготовленіемъ динамита. Съ февраля же 1881 года и по день ареста онъ проживалъ по Вознесенскому проспекту, въ домѣ № 25/78, вмѣстѣ съ Вѣрой Филипповой, по подложному паспорту на имя губернскаго секретаря Кохановскаго. При задержаніи его на улицѣ, 1-го апрѣля, у него были, между прочимъ, найдены рукописи подъ заглавіемъ «Подготовительная работа партіи», трактующая о средствахъ подготовленія въ Россіи всеобщаго возстанія, и рукописный же проектъ организаціи революціонныхъ кружковъ. Что касается до его квартиры, обнаруженной 3-го апрѣля и, повидимому, незадолго передъ тѣмъ оставленной скрывшеюся Вѣрою Филипповой, то въ квартирѣ этой оказались склянки, мѣдная трубка, ножницы для рѣзки листового желѣза и другія тому подобныя техническія принадлежности.

Обвиняемый сынъ псаломщика Иванъ Павтелеймоновъ Емельяновъ, уроженецъ Измайловскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, представилъ относительно своего прошедшаго слѣдующее объясненіе: въ 9 ти-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ изъ дома своихъ весьма не-

достаточныхъ родителей и помѣщенъ къ своему дядѣ, служившему тогда при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Константинополь. Здѣсь и впослѣдствіи при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, онъ, очутившись въ совершенно новой и чуждой ему обстановкѣ, среди людей высшаго круга, сталъ съ свойственною ему, по его словамъ, любознательностью и впечатлительностью, присматриваться къ окружающему и въ результатѣ этихъ наблюдений, уже 11—12 лѣтъ отъ роду, «совершенно самостоятельно напалъ на мысль и идею, которая принята теперь называть социализмомъ». Такого рода мысли въ немъ незамѣтно развивались и окрѣпли, когда, по приѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ проходилъ учебный курсъ сначала въ 1-мъ реальномъ училищѣ, а затѣмъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Принявшись за чтеніе, онъ убѣдился, что социализмъ есть «плодъ не однихъ его размышлений». Слѣдя за періодической прессой, онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на рядѣ политическихъ процессовъ и пришелъ къ заключенію, что его взгляды и убѣжденія въ значительной степени солидарны съ социально-революціонными тенденціями, съ которыми онъ могъ еще ближе познакомиться изъ чтенія выходившей тогда «Земли и Воли». Далѣе, во время поѣздокъ по внутренней и южной Россіи, онъ былъ, по его объясненію, пораженъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянина. Когда же, послѣ весьма успѣшнаго окончанія курса въ ремесленномъ училищѣ онъ, Емельяновъ былъ посланъ на казенный счетъ за границу, то увидѣлъ «превосходство экономическаго и культурнаго положенія западно-европейскаго крестьянина и рабочаго передъ положеніемъ русскаго простолюдина». За границей обвиняемый слѣдилъ за процессомъ 16 лицъ въ С.-Петербургскомъ Военно-Окружномъ Судѣ и нашелъ, что программа «Наподной Воли» согласна съ его убѣжденіями, почему, по возвращеніи въ Россію, онъ не счелъ себя въ правѣ остаться индифферентнымъ и вступилъ въ число членовъ «соціально-революціонной партіи».

Обвиняемые: сынъ дьякона Петръ Васильевичъ Тычининъ и дворянка Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, дочь губернскаго секретаря Елизавета Николаевна Оловеникова состояли, какъ видно изъ дѣла, первый—студентомъ 3 курса Медико-Хирургической Академіи, а послѣдняя—слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ при Покровской общинѣ.

По обыску, произведенному въ ночь на 25-ое января 1881 года въ квартирѣ задержаннаго, подъ именемъ Агаческулова, обвиняемаго Григорія Михайлова Фриденсона (Казанская улица, домъ № 38), у него найдено два экземпляра № 4 «Народная Воля» за 1880 г., не бывшіе еще, судя по ихъ наружному виду, въ обращеніи, рукопись, представляющая, видимому, революціонную программу, аттестать на имя чиновника Коморскаго.

Изъ дознанія о государственномъ преступникѣ Кибальчичѣ видно, что лѣтомъ 1880 г. онъ проживалъ по тому же паспорту на

имя Агаческулова, по которому проживалъ Фриденсонъ при его задержаніи и который, по провѣркѣ, оказался подложнымъ.

Отрицая свое участіе въ преступныхъ дѣяніяхъ террористическаго характера, Фриденсонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ какъ принадлежность свою къ партіи «народной воли», такъ и знакомство свое съ Желябовымъ, отъ котораго онъ получалъ газету «Народная Воля», необходимую ему для революціонной пропаганды среди С.-Петербургской молодежи въ духѣ означенной партіи.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Фриденсонѣ и собственныхъ его объясненій видно, что онъ, по происхожденію Бѣлостокскій купеческій сынъ, по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ былъ вольнослушателемъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, откуда уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дознанію, возникшему въ Москвѣ по поводу убійства мѣщанина Рейнштейна: дознаніе это въ отношеніи Фриденсона было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

Обвиняемый солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, оставшись, по его объясненію, съ дѣтства безъ всякаго призорія и надзора, 9-ти лѣтъ отъ роду былъ отданъ матерью въ столярную мастерскую въ Одессѣ и, изучивъ столярное ремесло, сталъ добывать имъ себѣ средства къ жизни. На 18 году онъ встрѣтился въ Одессѣ съ Иваномъ Ивичевичемъ, убитымъ впоследствии, въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г., въ гор. Кіевѣ при вооруженномъ сопротивленіи полиціи, черезъ него познакомился съ Желябовымъ и вошелъ въ кружокъ лицъ, занимавшихся революціонной пропагандой среди рабочихъ.

Изъ дѣла видно, что, по возвращеніи изъ Одессы лѣтомъ 1880 года, Меркуловъ проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту на имя мѣщанина Сергѣя Лапина, по которому впоследствии проживалъ въ Петербургѣ государственный преступникъ Тимофей Михайловъ.

При обыскѣ, произведенномъ у Меркулова при задержаніи его въ Петербургѣ 27-го февраля 1881 года, подъ именемъ Яковенко, въ то время, когда онъ явился къ обвиняемому Тетеркѣ, у него, Меркулова, и затѣмъ въ квартирѣ его были найдены экземпляры газеты «Народной Воли», разныя революціонныя воззванія, оттиски печатей разныхъ правительственныхъ учрежденій, нѣсколько такихъ же печатей, вырѣзанныхъ на грифельной доскѣ, столярный инструментъ и, такъ называемый, финскій матросскій ножъ, подобный тому, который былъ при государственномъ преступникѣ Рысаковѣ во время совершенія злодѣянія 1-го марта.

При обыскѣ у обвиняемаго Льва Соломонова Златопольскаго, арестованнаго въ г. Петербургѣ 29-го января 1881 года, въ квартирѣ Колодзевича, у него, Златопольскаго, были найдены разныя орудія и приспособленія для механическихъ работъ.

Не сознаваясь во взводимомъ на него преступленіи и отрицая всякое участіе свое въ революціонной дѣятельности, Златопольскій объяснилъ, что, занимаясь механикой и въ частности изобрѣтені-

емъ аппарата для нефтяного отопленія, онъ нуждался въ денежныхъ средствахъ для осуществленія означеннаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ искалъ знакомства съ лицами, которыя могли бы оказать ему такого рода помощь, и, познакомившись случайно съ Колодевичемъ, рассчитывалъ получить отъ него содѣйствіе въ указанномъ отношеніи. По объясненію обвиняемаго, всѣ предметы, найденные при обыскѣ, составляютъ принадлежности устраиваемой имъ нефтяной печи.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о Златопольскомъ, видно, что онъ сынъ Елисаветградскаго мѣщанина, воспитывался въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, изъ котораго вышелъ въ 1875 году, не окончивъ курса.

Въ 1876 г. онъ появился въ с. Щепцовѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи у проживавшаго тамъ и привлекавшагося къ дознанію о государственномъ преступленіи Соломона Желѣзняка, а затѣмъ въ с. Мартыановѣ, Вологодскаго уѣзда. Вслѣдствіе полученныхъ мѣстными властями свѣдѣній о томъ, что Златопольскій прибылъ въ вышеозначенную мѣстность для преступной пропаганды, по этому поводу было возбуждено дознаніе, при возникновеніи котораго обвиняемый скрылся.

Обвиняемый Гомельскій мѣщанинъ Айзикъ Борисовъ Арончикъ, по окончаніи Одесскаго реальнаго училища, поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ не окончивъ курса въ 1879 году.

Изъ показанія Григорія Гольденберга, между прочимъ, видно, что когда на Липецкомъ съѣздѣ возникъ вопросъ о посылкѣ кого-либо въ гор. Повѣнецъ для освобожденія находившихся тамъ въ административной ссылкѣ Самарской и Воскресенской и онъ, Гольденбергъ, предложилъ для этого свои услуги, то участники съезда, признавъ его присутствіе необходимымъ для болѣе серьезныхъ дѣлъ, рѣшили поручить освобожденіе Самарской и Воскресенской Арончику, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ Кіевѣ еще въ 1878 г.

По задержаніи Арончика въ С.-Петербургѣ 17-го марта 1881 г., по подложному паспорту Золотницкаго, у него былъ, между прочимъ, найденъ печатный листокъ подъ заглавіемъ «Отъ исполнительнаго комитета Императору Александру III» отъ 3-го марта 1881 года.

Осмотрѣвъ надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Кузьмы Стуликова и Семена Михайлова удостовѣряется, что Арончикъ, подъ именемъ Золотницкаго, проживалъ съ 13 по 26 февраля 1881 г. въ гостиницѣ «Москва», на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, при чемъ въ той же гостиницѣ въ одинъ день съ Арончикомъ поселился и въ одинъ день съ нимъ выбылъ Николай Саблинъ, проживавшій подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившійся 3-го марта въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ. Затѣмъ съ 3-го марта и по день ареста Арончикъ проживалъ подъ тѣмъ же именемъ Золотницкаго по

М. Итальянской улицѣ, въ д. № 32, кв. 11, и значился прибывшимъ въ эту квартиру изъ Царскаго Села.

Обвиняемый Одесскій мѣщанинъ Макаръ Васильевъ Тетерка, по ремеслу столяръ, не получившій никакого образованія, еще въ 1877 г. принималъ участіе въ происходившихъ въ Одессѣ противозаконныхъ сходкахъ рабочихъ; въ 1879 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ, при чемъ по обыску, произведенному 6 мая того же года у сожителей его по квартирѣ, Предтеченскаго и Красовскаго, найдены были пироксилины и разрывные снаряды. Здѣсь же въ Кіевѣ Тетерка встрѣтился съ Желябовымъ, который и побудилъ его принять непосредственное участіе въ революціонной дѣятельности.

Дознаніемъ по настоящему дѣлу обнаружено и обвиняемымъ Тетеркой не отвергается, что въ теченіе 1880 года и въ январѣ 1881 г. Тетерка проживалъ въ С.-Петербургѣ, послѣдовательно подъ фамиліями Березина, Николаева и Веселовскаго. При этомъ, называясь Николаевымъ, съ сентября 1880 г. по январь 1881 года, онъ жилъ вмѣстѣ съ государственною преступницею Гесею Гельфманъ по Троицкому переулку, въ д. № 27, въ нанятой имъ, по указанію Желябова, конспиративной квартирѣ, гдѣ помѣщалась типографія «Рабочей Газеты». Отсюда Гельфманъ переѣхала, вмѣстѣ съ Саблиннымъ, на конспиративную квартиру въ Телѣжной улицѣ, а Тетерка, приобрѣтя лошадей и сани для занятія извознымъ промысломъ, поселился у мѣщанина Якова Михайлова, на Васильевскомъ Островѣ, д. № 46.

Обвиняемый прусскій подданный Мартинъ Рудольфовъ Лангансъ, уроженецъ гор. Херсона, по окончаніи курса въ Херсонской гимназіи, поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, изъ котораго, не окончивъ курса, вышелъ въ 1872 г., а въ 1874 году былъ привлеченъ къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но по суду оправданъ; въ 1879 г. онъ былъ задержанъ въ гор. Кіевѣ, подъ именемъ Петрова, въ квартирѣ, гдѣ, по обыску, были найдены разные запрещенныя изданія; высланный послѣ этого за границу, онъ по его собственному объясненію, лѣтомъ 1880 г. вернулся въ Россію и съ тѣхъ поръ жилъ подъ разными фамиліями.

21 апрѣля 1881 г. Лангансъ былъ задержанъ въ Кіевѣ послѣ того, какъ, вмѣстѣ съ обвиняемой Якимовой, явился въ квартиру разыскиваемой по обвиненію въ государственномъ преступленіи мѣщанки Фейги Морейнисъ, при чемъ назвался при арестѣ однодворцемъ Кишиневскаго уѣзда Матвѣемъ Гужо.

Обвиняемый Николай Александровъ Морозовъ, незаконнорожденный сынъ помѣщика Ярославской губерніи, воспитывался на счетъ своего отца во 2-й Московской гимназіи, изъ 6-го класса которой былъ уволенъ вслѣдствіе привлеченія его къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, по каковому дѣлу былъ судимъ Особимъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената, въ числѣ 193 подсудимыхъ, и признанъ виновнымъ въ принадлежности къ противоправительственному тайному сообществу, но въ виду смягчающихъ его

вину обстоятельств, ему, по Высочайшему соизволенію, было вмѣнено въ наказаніе содержаніе подъ стражею до суда. Въ ноябрѣ 1879 года Морозовъ проживалъ въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ государственной преступницей Ольгой Любатовичъ, бѣжавшей съ мѣста ссылки, подъ именемъ супруговъ Хитрово. Заподозрѣнные полиціей, они были, впредь до обнаруженія ихъ личности, подвергнуты домашнему аресту, но, въ ночь на 26 ноября успѣли скрыться, причемъ, по объясненію Морозова, отправились за границу.

Въ январѣ 1881 г. Морозовъ, подъ именемъ Лакіера, былъ задержанъ въ дер. Стошки, Сувалкской губерніи, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другими лицами, такъ же какъ и Морозовъ, разыскивавшимися по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ. По обыску въ помѣщеніи, гдѣ проживалъ Морозовъ, были найдены въ значительномъ количествѣ экземпляровъ заграничныя изданія противоправительственнаго содержанія, въ томъ числѣ и написанныя самимъ Морозовымъ брошюра подъ заглавіемъ «Террористическая борьба» и революціонныя стихотворенія.

Обвиняемая дочь титулярнаго совѣтника (учителя народнаго училища) Людмила Дементьева Терентьева, уроженка Херсонской губерніи, воспитывалась на казенный счетъ въ Одесской Маріинской женской гимназіи и по окончаніи въ 1878 г. курса, 16 лѣтъ отъ роду, по собственному ея объясненію, вступила въ «соціально-революціонную партію», отдѣльныя порученія членовъ которой она исполняла, еще обучаясь въ гимназіи. Признавая свою принадлежность къ террористической фракціи, обвиняемая заявила, что занятія ея—работа въ тайной типографіи и средства къ жизни—революціонный фондъ.

Осмотрами надлежащихъ домовыхъ книгъ и показаніями свидѣтелей Андрея Якимова, Елизаветы Фохтъ и Прокофія Яковлева, а также показаніями самой Терентьевой удостовѣрено, что она жила въ Петербургѣ: а) съ 11 апрѣля по 3 мая 1880 г.— по Малой Итальянской, д. № 33, подъ именемъ Евгениі Климовичъ; б) оттуда перѣехала въ д. № 11, кв. 21, по Подольской улицѣ, гдѣ подъ тѣмъ же именемъ проживала вмѣстѣ съ Кибальчичемъ, который назывался Агаческуловымъ, и в) затѣмъ съ 6 ноября 1880 г. до дня своего ареста, 2 мая 1881 г., Терентьева подъ именемъ Авдотьи Трифоновой жила на углу Подольской ул. и Мал. Царско-сельскаго проспекта, д. № 14/42, кв. 31, въ квартирѣ супруговъ Пришибинныхъ.

Послѣ того, какъ 2 мая 1881 г., Терентьева была арестована на улицѣ подъ именемъ Маріи Кастецкой, 5 мая послѣдовало обнаруженіе вышеупомянутой квартиры, на углу Подольской ул., въ д. № 14/42, изъ которой хозяева ея, проживавшіе подъ именемъ Верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибинныхъ, успѣли скрыться и до настоящаго времени остались неразысканными. Квартира оказалась, такъ называемою, конспиративною и, повидимому, представляла собою помѣщеніе тайной типографіи

«Народной Воли» и сборный пунктъ участниковъ преступнаго общества, послѣ злодѣянія 1 марта. Поводомъ къ обнаруженію означенной квартиры послужило то обстоятельство, что Прокофій Яковлевъ, дворникъ дома № 14/42 на углу Подольской улицы, вызванный въ секретное отдѣленіе при управленіи С.-Петербургскаго градоначальства для предъявленія ему, въ числѣ другихъ дворниковъ, арестованной наканунѣ Кастецкой-Герентьевой, заподозрилъ въ ней сожигательницу Пришибинныхъ, Трифонову, вслѣдствіе чего полицейскіе розыски и были направлены на упомянутую квартиру.

По осмотру квартиры Пришибинныхъ въ ней оказалась вся обстановка типографскихъ работъ, типографскія принадлежности въ полномъ составѣ, разныя изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, носящія слѣды свѣжей отпечатки, и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ числа которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ, количествомъ всего до 4 пудовъ 15 фунтовъ, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, который былъ заложенъ въ минѣ, выведенной изъ лавки Кобозева; 2) готовый металлическій снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣяніи 1 марта; 3) граната, заряженная порохомъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стоциномъ; 4) яды—опій, стрихнинъ и ціанистый кали; 5) два кинжала, четырехугольный стилетъ и 9, такъ называемыхъ, финскихъ матросскихъ ножей; 6) два револьвера, револьверные патроны и большое количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разныя цифровыя письма и записки.

Изъ показанія свидѣтельницы Маріи Миссюро, между прочимъ, видно, что Герентьева приходила къ Тригони, проживавшему, до своего ареста, въ содержимыхъ свидѣтельницею меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 66, по Невскому проспекту, и при этомъ принесла съ собою какой-то узелъ.

По заключенію экспертовъ вышеупомянутыя найденныя у обвиняемаго Исаева записки о приготовленіи нитроглицерина и динамита писаны Герентьевою.

Обвиняемая дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, уроженка гор. Богородска, Московской губерніи, окончила курсъ въ Московскомъ Николаевскомъ Институтѣ, гдѣ воспитывалась на казенный счетъ; была осуждена по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, но, въ виду смягчающихъ вину ея обстоятельствъ, ей, съ Высочайшаго соизволенія, вмѣнено было въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражею. По объясненію Лебедевой, находясь въ Москвѣ, въ мартѣ 1879 года, и вращаясь среди революціонныхъ дѣятелей, она знала о замыслѣ ихъ совершить убійство сыскаго агента Рейнштейна. Обвиняемая начала проживать нелегально со времени своего двухдневнаго содержанія подъ стражею при розыскахъ, производившихся въ Петербургѣ въ августѣ 1887 года послѣ убійства генераль-адъютанта Мезенцова.

По осмотру подлежащихъ домовыхъ книгъ оказалось, что Лебедева съ 17-го юня 1881 г. и до дня ареста (3-го сентября) проживала въ С.-Петербургѣ на разныхъ квартирахъ подъ именемъ Лидіи Роциной. При задержаніи же ея у нея, кромѣ паспорта на имя Роциной, оказался еще и другой видъ на жительство на имя Софьи Котоминой.

Обвиняемая дочь священника Анна Васильева Якимова, уроженка Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, по окончаніи курса въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, была учительницей сельской школы въ селѣ Камышинцевѣ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, послѣ чего была привлечена, судима и оправдана по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи.

21 марта 1881 года Якимова была задержана вмѣстѣ съ обвиняемымъ Лангансомъ въ г. Кіевѣ, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ въ квартирѣ Фейги Морейнисъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I. Дворяне: Александръ Дмитріевъ Михайловъ, 25 лѣтъ; Николай Николаевъ Колодевичъ, 31 года; Михайлъ Николаевъ Тригопи, 30 лѣтъ; Александръ Ивановъ Баранниковъ, 23 лѣтъ; отставной флота лейтенантъ Николай Евгеньевъ Сухановъ, 29 лѣтъ; отставной прапорщикъ Фердинандъ Осиповъ Люстигъ, 27 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, 34 лѣтъ; сынъ фельдфебеля Михайлъ Ѳедоровъ Ѳроленко, 33 лѣтъ; сынъ почтальона Григорій Прокovieвъ Исаевъ, 24 лѣтъ; сынъ псаломщика Иванъ Пантелеймоновъ Емельяновъ, 20 лѣтъ; сынъ дьякона Петръ Васильевъ Тычининъ, 26 лѣтъ; купеческій сынъ Григорій Михайловъ Фриденсонъ, 26 лѣтъ; солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, 21 года; мѣщане: Левъ Соломоновъ Златопольскій, 33 лѣтъ; Айзикъ Борисовъ Арончикъ, 22 лѣтъ; Макаръ Васильевъ Тетерка, 28 лѣтъ; Николай Александровъ Морозовъ, 26 лѣтъ; прусскій подданный Мартынъ Рудольфъ Лангансъ, 29 лѣтъ; дворянка Елизавета Николаева Оловенникова, 23 лѣтъ; дочь титулярнаго совѣтника Людмила Дементьева Терентьева, 20 лѣтъ; дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, 29 лѣтъ, и дочь священника Анна Васильева Якимова, 26 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именуемое себя «русской соціально-революціонной партіею», имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленіяхъ властямъ.

II. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ нижеслѣдующія обвиняются въ томъ, что, дѣйствуя для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) Михайловъ — въ мартѣ 1879 года, въ С.-Петербургѣ, участво-

валъ съ другими лицами въ соглашеніи посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора и въ обсужденіи плана означеннаго злодѣянія, во исполненіе какового плана, 2 апрѣля 1879 года, послѣдовало, завѣдомо для Михайлова, покушеніе на царубійство, совершенное нынѣ казеннымъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ.

2) Фроленко, Лебедева, Колодкевичъ и Меркуловъ—въ октябрѣ и ноябрѣ 1879 года, намѣреваясь, съ цѣлю посягательства на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, заложить мину на 14-й верстѣ Одесской желѣзной дороги для взрыва динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать Его Императорское Величество, сдѣлали всѣ необходимыя къ тому приготовленія.

3) Якимова, Тетерка и Исаевъ—въ ноябрѣ 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, съ тою же преступной цѣлю, вмѣстѣ съ другими лицами, заложили подъ полотномъ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ имѣлъ слѣдовать въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, послѣ чего, 18-го того же ноября, при проходѣ означеннаго поѣзда, соучастниками ихъ была соменута проведенная къ минѣ гальваническая цѣпь, при чемъ, однако же, по обстоятельствамъ, отъ нихъ не зависѣвшимъ, взрыва не послѣдовало.

4) Михайловъ, Арончикъ, Исаевъ, Баранниковъ и Морозовъ—съ тою же преступною цѣлю, принимали, вмѣстѣ съ другими лицами, участіе въ устройствѣ подкопа и мины, для взорванія динамитомъ полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при слѣдованіи императорскаго поѣзда, во время какового слѣдованія, 19 ноября 1879 года, и былъ произведенъ предположенный взрывъ, не причинившій, однако, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемыхъ не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ упомянутомъ поѣздѣ.

5) Исаевъ—съ тою же преступною цѣлю изготовилъ мину, которою, завѣдомо для него, 5-го февраля 1880 года, былъ произведенъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ въ то время пребывалъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, каковой взрывъ не достигъ, однако же, по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ обвиняемаго, вышеуказанной цѣли.

6) Исаевъ, Якимова, Златопольскій и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, весной 1880 года, въ гор. Одессѣ, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, произвести взрывъ при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора, по Итальянской улицѣ, сдѣлали всѣ необходимыя къ этому приготовленія.

7) Исаевъ, Михайловъ, Баранниковъ, Тетерка и Меркуловъ—для той же преступной цѣли, лѣтомъ 1880 года, въ гор. С.-Петербургѣ, заложили подъ каменнымъ мостомъ, въ Екатерининскомъ каналѣ, мину, для производства динамитомъ взрыва при слѣдованіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора чрезъ означенный мостъ.

8) Исаевъ, Колодкевичъ, Баранниковъ, Фроленко, Тригопи, Сухановъ, Емельяновъ, Меркуловъ, Лангансъ, Тычининъ, Якимова и Оловенникова—согласившись между собою и съ другими лицами посягнуть на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе такового умысла, въ 2-й половинѣ 1880 и въ 1-й половинѣ 1881 года: а) учредили постоянное наблюдение за проѣздами Его Императорскаго Величества по улицамъ города С.-Петербурга, послѣ чего: б) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой, былъ проведенъ подкопъ подѣ означенную улицу, съ устроенною въ немъ миною, для производства взрыва при слѣдованіи Его Величества, и в) 1 марта 1881 года при проѣздѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора по набережной Екатерининскаго канала были брошены два метательныхъ взрывчатыхъ снаряда, изъ которыхъ взрывъ второго причинилъ Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собой кончину Его Императорскаго Величества, при чемъ изъ поименованныхъ обвиняемыхъ:

Тычининъ и Оловенникова участвовали, подѣ руководствомъ нынѣ казненной государственной преступницы Софіи Перовской, въ вышеупомянутомъ наблюденіи за проѣздами Его Величества;

Якимова, подѣ именемъ Кобозевой, была хозяйкой сырной лавки, изъ которой былъ проведенъ вышеозначенный подкопъ подѣ улицу Малую Садовую;

Меркуловъ—служилъ въ этой лавкѣ въ качествѣ приказчика, а также переносилъ въ нее разныя приспособленія для проведенія подкopa и устройства мины;

Колодкевичъ, Баранниковъ, Тригопи, Фроленко, Сухановъ и Лангансъ работали при проведеніи означеннаго подкopa, а Сухановъ, кромѣ того, изготовилъ зарядъ для взрыва устроенной въ томъ подкopa мины;

Лебедева участвовала въ снаряженіи упомянутаго заряда;

Сухановъ и Исаевъ участвовали въ изготовленіи вышеупомянутыхъ метательныхъ снарядовъ, послужившихъ орудіями цареубійства, и, наконецъ,

Емельяновъ, вооруженный однимъ изъ такихъ метательныхъ снарядовъ, находился на Екатерининскомъ каналѣ, на мѣстѣ совершенія этого злодѣянія, для принятія въ немъ непосредственнаго участія.

Означенныя преступленія предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1866 года.

III. Сверхъ перечисленныхъ обвиненій, нижепоименованныя лица обвиняются еще въ томъ, что, для способствованія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго общества, именующаго себя «русской соціально-революціонной партіей»:

1) Баранниковъ—по предварительному соглашенію съ другими лицами, участвовалъ 4 августа 1878 года въ лишеніи жизни Шефа Жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева, при чемъ, находясь на мѣстѣ совершенія этого преступленія, произвелъ изъ револьвера

выстрѣлъ въ сопровождавшаго покойнаго генерала Мезенцева отставнаго подполковника Макарова;

2) Терентьева—для доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, въ июнѣ 1879 года, въ городѣ Херсонѣ, принимала участіе, вмѣстѣ съ другими лицами, въ тайномъ похищеніи изъ Херсонскаго губернскаго казначейства казенныхъ денегъ на сумму болѣе полутора милліона рублей, при чемъ, для совершенія означенной кражи, были произведены проломъ каменной стѣны, подкопъ подъ зданіе казначейства и взломъ запоровъ у сундуковъ, въ которыхъ хранились деньги, и, наконецъ,

3) Фроленко, Лебедева, Фриденсонъ и Меркуловъ—для той же указанной въ предыдущемъ пунктѣ цѣли, умысливъ, вмѣстѣ съ другими лицами, похитить казенныя деньги изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства, въ декабрѣ 1880 и въ январѣ 1881 г. начали проводить подкопъ подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего, по независѣвшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, не успѣли привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмтрѣны ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак. угол. и испр. изд. 1866 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 9-й день декабря 1881 г., и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд. 2-й ч. XV т. Св. Зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше: Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Михаилъ Тригопи, Александръ Баранниковъ, Николай Сухановъ, Фердинандъ Люстигъ, Николай Клёточниковъ, Михаилъ Фроленко, Григорій Исаевъ, Иванъ Емельяновъ, Петръ Тычининъ, Григорій Фриденсонъ, Василій Меркуловъ, Левъ Златопольскій, Айзикъ Арончикъ, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ, Мартынъ Лангансъ, Елизавета Оловенникова, Людмила Терентьева, Татьяна Лебедева и Анна Якимова предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ словенныхъ представителей.

Составленъ декабря 30-го дня 1881 года, въ городѣ С.-Петербурѣ.

Подлинный подписалъ: Исполняющій обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ *Н. Муришевъ*.

Замѣтки о процессахъ двадцати ¹⁾.

Вводятъ подсудимыхъ, каждаго между двумя жандармами. Кромѣ того, въ залѣ ихъ ожидаетъ еще внушительный караулъ, полиція, жандармы, даже казаки! Недостаетъ только артиллеріи. Стражи больше, чѣмъ публики. Такъ и вѣжется, что она приготовлена для какихъ-то страшныхъ силачей—разбойниковъ, которые, того и гляди,

¹⁾ Изъ приложенія къ 8—9 № „Н. В.“

растерзають гг. сенаторовъ. Что касается публики, то она вся состоитъ изъ чиновниковъ М. В. Д. и военныхъ. Изъ судебного вѣдомства никого. Члены и даже предсѣдатели судовъ настолько заражены крамолой, что ихъ нежелательно вовсе видѣть въ залѣ. Нечего и говорить объ адвокатахъ: они, какъ люди независимые, не получающіе жалованія отъ начальства, а работающіе по личному найму, настолько пропитаны зловредными идеями, что о допущеніи ихъ въ засѣданіе не можетъ быть и рѣчи. Положимъ, по закону имъ болѣе другихъ слѣдовало бы быть, чтобы знакомиться съ судебными порядками, но, вѣдь, по времени и закону перемена бываетъ. Ходъ на хоры Муравьевъ собственноручно заперъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и поставилъ тутъ же городского, но, впрочемъ, не забылъ спрятать на хоры, за колонну, свою супругу. Она, вѣроятно, какъ жена прокурора, лицо официальное и можетъ присутствовать въ засѣданіи, происходящемъ при закрытыхъ дверяхъ. Разсаживаютъ подсудимыхъ въ два ряда. Въ 1-мъ—7 человекъ, ближе всѣхъ къ судьямъ услужливый предатель Меркуловъ. Говорятъ, когда онъ былъ взятъ, то ему обѣщали прощеніе, если онъ выдастъ своихъ. Онъ на это согласился и ходилъ по улицамъ, незамѣтно сопровождаемый шпионами. Встрѣчаясь съ тѣми, кого могъ выдать, онъ только раскланивался съ ними, и отъ него каждый разъ отдѣлялся шпионъ, который и слѣдилъ за послѣднимъ. По размѣщеніи подсудимые встаютъ и объявляютъ, что имѣютъ сдѣлать заявленіе суду «Послѣ!» кричитъ Дрейеръ: «теперь не время!»— «Мы относительно самого суда», заявляютъ подсудимые. «Никакихъ заявленій относительно суда», кричитъ Дрейеръ. *Этотъ Дрейеръ тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ Москвѣ на процессѣ Нечаева и въ заключительномъ словѣ къ присяжнымъ произнесъ обвинительную рѣчь.* Михайловъ, во избѣжаніе шума, хочетъ сдѣлать заявленіе одинъ отъ имени всѣхъ. *Предсѣдатель.* Вы не уполномоченный, не имѣете права заявлять отъ имени всѣхъ! *Михайловъ.* Я отъ себя желаю заявить. *Предсѣдатель.* И отъ себя нельзя. Еще разъ повторяю, никакихъ заявленій. Подсудимые протестуютъ противъ такого обращенія. Стража брацаетъ оружіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая отъ предсѣдателя знака, чтобы ринуться въ атаку противъ злодѣевъ, горя благороднымъ желаніемъ сразиться съ неприятели. Наконецъ, все нѣсколько успокоилось, подсудимые, едва сдерживая негодованіе, рѣшили выказать болѣе самообладанія, чѣмъ самъ безпристрастный судъ, и прекратили перепалку. По опросѣ ихъ о званіи и проч., началось чтеніе обвинительнаго акта. Оно прошло бы совершенно спокойно, но тутъ предсѣдатель опять сталъ безобразничать. Подсудимые, которыми содержаніе акта давно ужъ хорошо извѣстно, долго не выдержавъ другъ съ другомъ, стали очень тихо разговаривать между собою и передавать далеко сидящимъ записки. Все это нѣсколько не могло помѣшать чтенію, такъ какъ шума почти не было. Но тутъ предсѣдатель сталъ кричать, и такъ какъ подсудимые все не переставали, то чтеніе все время прерывалось криками предсѣдателя,

по минутно сыпались такіе возгласы: «Молчать! Не умѣете себя держать! Вы не дома!» Угрозамъ удалить изъ залы не было конца. Баранниковъ получилъ нагоняй даже за то, что, сидя далеко отъ защитника, сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ передалъ ему обвинительный актъ.— „Подсудимый“! закричалъ предсѣдатель: „никакихъ знаковъ дѣлать я не позволю! Если это еще разъ повторится, то вы будете удалены изъ залы!“ Итакъ, значитъ, относиться со вниманіемъ къ чтенію акта (что гораздо удобнѣе, если онъ предъ глазами) тоже нельзя. Наконецъ, кончилось чтеніе злополучнаго акта. Перерывъ. Подсудимыхъ уводятъ въ тюрьму, и послѣ перерыва вводятъ по одиночкѣ или группами для предложенія вопроса о виновности. Опредѣленіе объ этомъ предсѣдатель не позаботился объявить въ засѣданіи. Вообще нарушеніе формъ судопроизводства на каждомъ шагѣ. Такъ, прежде всего, предсѣдатель не объявилъ, что засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ, на всякую просьбу Муравьева предсѣдатель, даже для виду не посовѣтовавшись съ членами, предупредительно отвѣчаетъ: «Особое присутствіе находитъ вполнѣ возможнымъ согласиться на просьбу прокурора». Но это все еще пустяки. Нарушеніе закона доведено было до поразительной наглости въ первый день вечеромъ. Дѣло было такъ: когда послѣ чтенія акта, подсудимыхъ стали вводить по одиночкѣ, то защитники тѣхъ изъ нихъ, которые оставались пока въ тюрьмѣ, извѣщали ихъ и, по всей вѣроятности, рассказывали, что происходило на судѣ въ ихъ отсутствіе. Вдругъ во время одного перерыва состоялось распоряженіе предсѣдателя, запрещающее защитникамъ видаться съ ихъ кліентами во время судебного слѣдствія. По открытіи засѣданія защитники заявляютъ объ этомъ предсѣдателю. Тотъ вооружается судебными уставами и провозглашаетъ: «Да, я сдѣлалъ это распоряженіе (прибавимъ, *необъявленное въ засѣданіи*), основываясь на 569 ст. уст. уг. судопр.». *Чтобы лучше видѣть всю логику предсѣдателя, выпишемъ эту статью дословно: „Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей, предсѣдатель суда разрѣшаетъ имъ объясняться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражей“.* Такъ какъ эта статья помѣщена въ главѣ, говорящей о пріготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ», говоритъ далѣе предсѣдатель: «то тѣмъ самымъ она допускаетъ свиданіе защитника съ подсудимыми во время только такихъ распоряженій и отнюдь не во время судебного слѣдствія. Наша практика толковала до сихъ поръ эту статью такъ, что она допускаетъ свиданіе и во время судебного слѣдствія. Но Особ. Присут., въ данномъ случаѣ, нашло необходимымъ толковать ее именно такъ, какъ я толковалъ выше. Если же гг. защитники желаютъ знать мотивы, вызвавшіе мое распоряженіе, то вотъ они: я руководствовался желаніемъ поддержать честь адвокатуры, такъ какъ до свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые гг. защитники (имена я не называю) позволили себѣ, во время свиданій съ подсудимыми, сообщать имъ то, что происходитъ въ ихъ отсутствіе“.

Герардъ. Что касается поддержанія чести адвокатуры, то мы просили бы позволенія намъ самимъ заботиться объ этомъ. Что же касается до того, что мы сообщаемъ подсудимымъ, то прежде всего я позволю себѣ выразить удивленіе, какимъ образомъ г. первоприс. стало извѣстно содержаніе нашихъ разговоровъ съ подсудимыми, происходившихъ съ глазу на глазъ.—*Предсѣдатель.* Это все равно, откуда я узналъ. Этого могло и не быть. Я только говорю, что это не желательно. *Герардъ.* Затѣмъ, я позволю себѣ обратить вниманіе г. первоприсутствующаго на то, что законъ обязываетъ самого г. предсѣдателя суда сообщать подсудимому все, что произошло въ его отсутствіе. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на защитникѣ, и если мы это дѣлали, то только исполняли законъ. *Предсѣдатель* что-то сталъ бормотать въ отвѣтъ на это, но невозможно было уловить ни одной мысли (вѣрнѣе, мысли и не было). Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всякомъ случаѣ распоряженіе, основанное на 569 ст. Уст. Уг. Судопр., остается въ силѣ». *Спасовичъ.* Въ такомъ случаѣ я просилъ бы позволенія видѣться съ моимъ кліентомъ по поводу вещественныхъ доказательствъ, иначе я не буду въ состояніи поставить, какъ должно, свою защиту. *Предсѣдатель.* Я вамъ разрѣшаю.

Затѣмъ еще нѣсколько защитниковъ высказали мотивированныя требованія свиданій. Предсѣдатель ихъ удовлетворилъ, такъ что распоряженіе стало падать само собою. На другой день распоряженіе было отмѣнено, такъ какъ наканунѣ большинство защитниковъ дѣлали намереніе на то, что они откажутся отъ защиты въ виду такихъ стѣсненій ея. Муравьевъ при этомъ слиберальничалъ, что онъ противъ всякихъ стѣсненій защиты. Муравьевъ вообще царить. Предсѣдатель передъ нимъ—какъ почтительная дочка передъ строгой маменькой, наблюдающей за поведеніемъ и усльхами ея въ свѣтѣ. Самъ Набоковъ ¹⁾ сидитъ очень близко къ нему и смотритъ на него, какъ на божество, обѣщающее разразить крамольниковъ; онъ своей позой и благоговѣйными взглядами на Муравьева очень непоминаетъ бабу, которая наняла въ мировомъ судѣ „аблакату“ и все время съ надеждой и упованіемъ смотритъ на его ротъ, вполне увѣренная, что изъ него посыплются неопровержимые доводы въ ея пользу. Набоковъ вообще внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла и волнуется: онъ очень боится скандала, и вотъ почему: всякій разъ, какъ возникалъ политическій процессъ, передъ царемъ старались восторжествовать одно передъ другимъ два мнѣнія: одни доказывали, что слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, потому что онъ скорый и строгій, и скандала никакого не будетъ; Набоковъ же старался поддержать «достоинство» гражданскаго суда, доказывая, что онъ упечетъ еще строже, чѣмъ военный, а скандала на немъ скорѣе не будетъ, такъ какъ военные люди своею рѣзкостью болѣе способны раздражить подсудимыхъ. Вотъ почему онъ на каждомъ процессѣ боится, чтобы чего не про-

¹⁾ Министръ Юстиціи.

изошло. На процессѣ по дѣлу 1 марта во время рѣчи Желябова онъ побѣжалъ сзади къ предсѣдателю и сталъ ему что-то напентывать. Выходило просто неприлично. Но, однако, довольно по этому; перейдемъ къ подсудимымъ. Начинаются вопросы о виновности. Для полноты впечатлѣнія, производимаго отвѣтами подсудимыхъ, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ объ ихъ внѣшности. Одѣты они всѣ прилично, Баранниковъ даже изысканно. Держать себя съ достоинствомъ и тактомъ (изъ подсудимыхъ только Меркуловъ отличается отвратительною наглостью и развязностью); отвѣчаютъ о себѣ откровенно, о другихъ отказываются говорить (разумѣется, исключая Меркулова, который выдаетъ всѣхъ; кого можетъ и не можетъ). Самое выразительное лицо у Колодкевича. Ему, очевидно, трудно сдерживать негодование, но сила воли одолеваетъ: онъ сдержанъ, спокоенъ. Самообладаніе въ немъ замѣчательное. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Баранниковъ; слова его дышатъ такой правдивостью, что кажется дерзостью усомниться въ нихъ. Онъ просто объясняетъ свою роль, говоритъ, что дѣлалъ, чего не дѣлалъ, и все это такъ убѣдительно, что только изогавшійся человекъ могъ бы потребовать доказательствъ. Но, разумѣется, на судѣ ему приходится все доказывать. На вопросы же, могущіе служить противъ другихъ, онъ прямо отказывается отвѣчать. Что касается Михайлова, то это основательный теоретикъ: все у него выходитъ такъ логично, что просто подавляетъ противника или человека предубѣжденнаго; замѣчательенъ отвѣтъ его на вопросъ о виновности. Въ немъ онъ выяснялъ причины, приведшія ихъ къ террору. Мысли его, собственно говоря, ничего новаго не представляли, но все было такъ обосновано, такъ логично вытекало одно изъ другого, выводы дѣлались такъ строго, что даже всякій предубѣжденный человекъ какъ-то невольно чувствовалъ всю ихъ неизбѣжность, неотразимость. Даже самъ Дрейеръ до того былъ ошеломленъ, что не только не прерывалъ Михайлова, но, напротивъ, утвердительно кивалъ головой. Только въ концѣ рѣчи предсѣдатель остановилъ его, а именно, когда онъ сталъ говорить о частностяхъ, приведшихъ ихъ къ царубійству. Изъ такихъ частностей Михайловъ успѣлъ упомянуть о двухъ: 1) „Приговоръ по дѣлу 193“, сказалъ онъ, „былъ довольно мягокъ; многихъ даже оправдали. Но по Высочайшему повелѣнію оправданные ссылались административно, а для остальныхъ приговоръ былъ усиленъ. 2) Когда мы затѣмъ стали преслѣдовать должностныхъ лицъ, то увидѣли, что убійство ихъ не оказывало существеннаго вліянія на перемѣну политики, а лица, на которыхъ дѣлались неудачныя покушенія, возвышались по службѣ опять по Высочайшему повелѣнію“... Тутъ предсѣдатель остановилъ его. Что касается до отвѣтовъ другихъ, то я особенно останавлиюсь на Сухановѣ и Клѣточниковѣ. Въ Сухановѣ сразу виденъ честный, добрый, прямудушный морякъ. „Я никогда бы не сталъ террористомъ“, сказалъ онъ, „если бы самыя условія русской жизни не вынудили меня къ этому. Прежде всего ненормальное положеніе народа, доведеннаго тяжкими побо-

**Николай Евгеньевич
СУХАНОВЪ.**

рами до самаго ужаснаго состоянія, фактическая недоступность для него какого бы то ни было образованія, безправіе слабыхъ привело меня къ той мысли, что такъ жить далѣе невозможно, что такой порядокъ вещей непремѣнно долженъ быть измѣненъ. Я-то лично не могу пожаловаться на судьбу, мнѣ по службѣ везло, и, будь я карьеристъ, я остался бы вполне доволенъ существующимъ. Но на каждомъ шагу я видѣлъ, что порядочный человѣкъ не можетъ только спокойно служить, хотя бы и безъ взятокъ, и не обращать вниманія на злоупотребленія другихъ. Когда я служилъ во флотѣ, то однажды начальство обратило мое вниманіе на мелкія воровства подчиненныхъ мнѣ матросовъ и требовало строгаго преслѣдованія. Горько мнѣ было выслушивать подобныя приказанія и тяжело ихъ исполнять. Дѣйствительные воры, беззастѣнчиво расхищавшіе громадныя суммы и до того свыкшіеся съ этимъ, что считали себя вполне честными людьми, оставались вполне безнаказанными и пользовались почетомъ, а мелкій ворюшка, укравшій на какой-нибудь грошъ, и то по нуждѣ, сейчасъ же получалъ возмездіе. Мысль эта производила на меня удручающее впечатлѣніе. Во время моихъ поѣздокъ по Сибири видѣлъ я, кого у насъ наказываютъ; особенно поразили меня административно ссыльные. Я видѣлъ этихъ оборванныхъ, голодныхъ и холодныхъ, тяжело переносящихъ отсутствіе всякой умственной дѣятельности людей. Каждый разъ я спрашивалъ себя: за что? Разбойники это, воры, казнокрады, убійцы? Нѣтъ, все это большею частью участники разныхъ студенческихъ исторій, люди, не умѣвшіе дѣлать карьеру, люди, въ которыхъ билась стремленія къ лучшему!.. Пробовалъ я бороться съ злоупотребленіями, но только заслужилъ репутацію безпокойнаго человѣка. Это ужъ окончательно убило во мнѣ вѣру въ легальный путь, гг. судьи! Я чувствовалъ, что дышать нечѣмъ, что воздуху нѣтъ! Я сталъ искать выхода изъ такого положенія, сталъ искать пути къ борьбѣ и, отыскавши его, весь отдался ему».

Вотъ въ блѣдныхъ чертахъ рѣчь Суханова. Въ ней вылилась вся душа честнаго человѣка, искренняго патріота. Нельзя было безъ волненія слышать эти слова, вылившіеся прямо изъ сердца. Камень— и тотъ не выдержалъ бы. Самъ Дрейеръ прослезился. Островскій, видимо, былъ смущенъ. Одинъ Муравьевъ остался неуязвимымъ: онъ все время смѣялся.

Скажу теперь о Клѣточниковѣ. Онъ съ виду производитъ впечатлѣніе самаго обыкновеннаго мелкаго чиновника, говорить онъ тихо, едва слышно, потому что находится въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Предсѣдатель обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими. О причинахъ, побудившихъ его совершить преступленіе, онъ разсказалъ такъ: «До 30 лѣтъ я жилъ въ глухой провинціи, среди чиновниковъ, занимавшихся дрязгами, попойками, вообще ведшихъ самую пустую, безсодержательную жизнь. Среди такой жизни я чувствовалъ какую-то неудовлетворенность, мнѣ хотѣлось чего-то лучшаго. Наконецъ, я попалъ въ Петербургъ, но и здѣсь

нравственный уровень общества не был выше. Я стал искать причины такого нравственного упадка и нашел, что есть одно отвратительное учреждение, которое развращает общество, которое заглушает все лучшие стороны человеческой природы и вызывает в жизни все ее пошлые, темные черты. Таким учреждением было III Отделение. Тогда, гг. судьбы, я решился проникнуть в это отвратительное учреждение, чтобы парализовать его деятельность. Наконец, мне удалось поступить туда на службу». *Председатель* (с иронией). Кому же вы служили? Этому отвратительному учреждению? (Набокову в волнении встает), т.-е., по вашим словам, отвратительному, или кому-нибудь другому?—*Клычковъ*. Я служил обществу. *Председатель* (с иронией). Какому же такому обществу? Тайному или явному? *Клычковъ*. Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России. *Председатель*. Вы получали жалованье в III Отделении?—*Клычковъ*. Да, получалъ. *Председатель* (с иронией). И вы находили возможным брать деньги из этого отвратительнаго учреждения, как вы его называете? *Клычковъ*. Если бы я не бралъ, то это показалось бы страннымъ, и я навлекъ бы на себя подозрѣніе.—Итакъ, я очутился в III Отделении, среди шпионовъ. Вы не можете себя представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать доносъ и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложныхъ доносовъ. Я возьму громадный процентъ, если скажу, что изъ ста доносовъ одинъ оказывается вѣрнымъ. А между тѣмъ почти все эти доносы влекли за собою аресты, а потомъ и ссылку. Такъ, напримеръ, однажды былъ сдѣланъ доносъ на двухъ студентокъ, живущихъ въ домѣ Мурузи. Хозяйка квартирная была предупреждена, и когда пришли съ обыскомъ, то она прямо сказала, что она уже предупреждена и не понимаетъ, зачѣмъ къ ней пришли. У студентокъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, и хотя ничего не нашли, обѣ онѣ были высланы. Такихъ случаевъ была масса. Я возненавидѣлъ это отвратительное учреждение и сталъ подрывать его деятельность: предупреждалъ, кого только могъ, обѣ обыскъ, а потомъ, когда познакомился съ революціонерами, то передавалъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія. *Председатель*. Сколько Вамъ платили за это?—*Клычковъ*. Нисколько. *Председатель*. На дознаніи вы показали, что брали отъ революціонеровъ деньги.—*Клычковъ*. На дознаніи я находился совсѣмъ въ исключительныхъ условіяхъ, не такихъ, въ какихъ обыкновенно находятся обвиняемые, хотя бы и въ политическихъ преступленіяхъ. Я находился подъ тяжелымъ давленіемъ. Я былъ весь въ рукахъ своего начальства, всемогущаго, озлобленнаго за то, что я такъ жестоко его обманулъ. Въ такомъ положеніи можно было и не то наговорить, на самомъ же дѣлѣ я дѣйствовалъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что все общество, вся благомыслящая Россія будутъ мне благодарны за то, что я подрывалъ дѣятельность III Отделения. Я былъ увѣренъ, что само правительство будетъ мне благодарно впоследствии и,

кажется, я не ошибся, потому что само правительство сознало, наконецъ, вредъ этого отвратительнаго учрежденія и упразднило его. *Предсѣдатель*. Ну, положимъ, вы не можете сказать, что оно сознало.

Затѣмъ на слѣдствіи о Клѣточниковѣ стали провѣрять то, что онъ говорилъ. Между прочимъ, свидѣтелями вызваны бывшій управляющій экспедиціи III Отдѣленія Кирилловъ и жена жандармскаго полковника Кутузова. Кириллова спросили о фактѣ, бывшемъ въ домѣ Мурузи. Тотъ подтвердилъ, что студентки были высланы. *Предсѣдатель*. Хотя я ничего не нашли? *Кирилловъ*. Да, но доносъ былъ такъ важенъ, что никакъ нельзя было оставить его безъ послѣдствій. Но зато потомъ, когда возникъ вопросъ о возвращеніи лицъ административно-ссылныхъ, онѣ въ числѣ первыхъ были возвращены. Полковница Кутузова показала, что Клѣточниковъ жилъ у нея въ комнатѣ, и что она рекомендовала его Кириллову.

Прибавлю еще нѣсколько словъ для характеристики суда. Исаевъ, между прочимъ, сказалъ, что его у градоначальника били. Прокуроръ смѣется. Предсѣдатель отвѣчаетъ Исаеву, что до этого суду дѣла нѣтъ.—Тетерка, на вопросъ о его занятіяхъ, сказалъ, что онъ былъ рабочій. *Предсѣдатель*. Какой же работой ты занимался?—*Тетерка*. Всякой работой, какой придется. *Предсѣдатель*. А убивать можешь?—Затѣмъ предсѣдатель сталъ разспрашивать его о террорѣ. Тетерка, разумѣется, не могъ дать дѣльныхъ отвѣтовъ, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ не интеллигентный. Якимова, рассказывая о своей дѣятельности, между прочимъ, сказала, что тогда-то она поѣхала къ родителямъ. *Предсѣдатель* (съ удивленіемъ). Къ родителямъ? зачѣмъ?—*Якимова*. Какъ зачѣмъ? Чтобы повидаться.—*Предсѣдатель* (съ ироніей). Повидаться? И вы сохранили къ нимъ чувства?..

Объясненія Александра Михайлова.

Прежде объясненіями по дѣлу 2-го апрѣля, Михайловъ заявилъ, что защищаться не намѣренъ, такъ какъ судъ лишень гласности, а приметъ участіе въ судебномъ слѣдствіи лишь для того, чтобы по мѣрѣ силъ способствовать возстановленію исторической истины. Прежде объясненія потребовалъ прочтенія уличающихъ оговоровъ Гольденберга и другихъ уже осужденныхъ въ процессѣ 16-ти лицъ. Ему сначала отказали, предложивъ изложить, какъ было дѣло, довольствуясь выдержками изъ показаній, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Но Михайловъ дать объясненія отказался, прибавивъ, что извѣченія каждый дѣлаетъ съ своей точки зрѣнія и соответственно съ своими интересами. Такъ какъ передъ этимъ Терентьева совсѣмъ отказалась давать показанія въ отсутствіе товарищей и Михайловъ склоненъ былъ къ тому же, то судьи, поговоривъ между собою, уступили и прочли для него одного всѣ показанія, относящіяся къ дѣлу 2-го апрѣля. Михайловъ не отказался участвовать по группамъ въ судебномъ слѣдствіи по слѣдующимъ причинамъ:

во-1-хъ, Баранниковъ раньше, по дѣлу 4-го августа, тоже одинъ давалъ объясненія, во 2-хъ, судебное слѣдствіе по группамъ начато было совершенно неожиданно, и не было никакой возможности регулировать общаго поведенія. По прочтеніи Михайлову показаній, онъ спросилъ судъ, не было ли сдѣлано относительно веденія судебного слѣдствія какихъ-либо постановленій, и, получивъ отрицательный отвѣтъ: «Не было никакихъ» (судъ имѣетъ право, по закону, дѣлить на группы), началъ свой разсказъ о Соловьевскомъ дѣлѣ. Сущность состояла въ слѣдующемъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 г. онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, возвратившимся изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую жертву. Онъ задумалъ царевубійство. До 79 г. Соціалъ-Революціонная Партія стремилась проводить свои идеи въ народъ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ даже и тогда, когда встрѣчала его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессалии правительства обостряли враждебность отношенія къ нему партіи и довели, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла погибель 70 человѣкъ въ тюрьмахъ, во время дознанія по дѣлу 193, по которому было арестовано болѣе 700 человѣкъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человѣкъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцовъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ, преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, отсюда партія черпаетъ новыя силы, побудила послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая, въ силу централизованности правительственной машины и единого санкціонирующаго начала—неограниченной власти царя—неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ, въ 79 г. революціонная мысль единиць уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ—натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, дѣла, которое заразъ подвинуло бы значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ въ царевубійствѣ. По пріѣздѣ, не найдя въ С.-Петербургѣ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи «Земля и Воля», онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду, кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно! Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды Александръ Константиновичъ ¹⁾ попросилъ достать ему яду, я обѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить

¹⁾ Соловьевъ.

покушеніе Соловьевъ въ то время не приурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца: совершилось удачное Крапоткинское дѣло ¹⁾ и неудачное покушеніе на Дрентельна, и страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія. Въ срединѣ марта пріѣхалъ въ С.-Петербургъ Гольденбергъ, нашель меня и Зунделевича ²⁾ и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также идти на единоборство съ Александромъ П. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно ажитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но что несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о дѣли пріѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій ³⁾ сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними, своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать наши мнѣнія, которыя были далеко не безынтересны тому и другому. И, дѣйствительно, вскорѣ состоялось нѣсколько сходовъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные, теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами; но мы — посредники — старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это было вопросомъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную возможность принять участіе въ выборѣ того или другого. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію. Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безотчетно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія, необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессіями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно правительство послѣ такихъ событій ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ еврея и поляка перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести.

Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятными словами: „Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ

¹⁾ Т.-е. убійство Харьковскаго губернатора кн. Крапоткина. *Ред.*

²⁾ Зунделевичъ въ это время уже былъ осужденъ за участіе въ Соловьевскомъ покушеніи и др. дѣла въ безсрочныя каторжныя работы (по процессу 16-ти 1880 г.). *Ред.*

³⁾ Квятковскій былъ повѣшенъ въ 1880 году. *Ред.*

необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II мой, и я его никому не уступлю". И Гольденбергъ и мы не сказали ни слова; Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія, единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудили Александра Константиновича отвергнуть это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной нашей помощи.

По дѣлу 19 ноября Михайловъ, признавъ свое участіе, далъ объясненія, мало разнявшася отъ показаній Гольденберга и другихъ, но указалъ признаки субъективности и забывчивости перваго. Такъ, Гольденбергъ говоритъ, что онъ привезъ полтора пуда динамита изъ Харькова въ Москву, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этого не было: въ Москву былъ доставленъ динамитъ изъ С.-Петербурга. Далѣе, Гольденбергъ утверждаетъ, что предполагали провести кромѣ перпендикулярной галлерей еще параллельную рельсамъ подъ полотномъ дороги. Это, очевидно, его собственное предположеніе, такъ какъ проведеніе такой галлерей было немислимо: при 20 саженяхъ длины первой галлерей, во вторую, расположенную подъ прямымъ угломъ къ первой, не могъ бы свободно проникать воздухъ, даже при существованіи вентиляціи. Такое обстоятельство легко предвидѣть заранѣе всякому, сколько-нибудь знакомому съ техникой работы. Михайловъ заявилъ, что онъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ по распоряженію Исполнительнаго Комитета, какъ о томъ сказано въ актѣ.

17 февраля.—О мостовомъ предпріятіи Михайловъ сдѣлалъ объясненіе въ такомъ смыслѣ, что непосредственнаго участія въ закладкѣ мины и техническихъ работахъ не принималъ. Далѣе опровергалъ показанія Меркулова допросомъ Тетерки и другихъ товарищей и сопоставленіемъ противорѣчивыхъ объясненій самого Меркулова. Въ концѣ слѣдствія по этому дѣлу, когда первоприсутствующій хотѣлъ уже удалить подсудимыхъ, Михайловъ заявилъ, что онъ опровергалъ Меркулова, не желая приписывать себѣ чужого риска и чужихъ усилій, но считаетъ долгомъ объявить, что о приготовленіи покушенія онъ зналъ. Несмотря на такое заявленіе, судъ по этому дѣлу его оправдалъ.

Судебное слѣдствіе о сообществѣ началось съ Михайлова, такъ что его объясненія невольно дали тонъ остальнымъ подсудимымъ. Михайловъ полагаетъ, что очертилъ вѣрно съ программой цѣли, задачи и средства партіи и организаціи «Народной Воли». Вообще онъ говорилъ, руководясь предварительно намѣченнымъ планомъ.

О сообществѣ онъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

Я членъ партіи и организаціи «Н. В.». Формулу, въ которую заключилъ г. обвинитель нашу партію, считаю невѣрной, что и стараюсь доказать своими объясненіями.

Къ лѣту 79 г. многіе отдѣльные члены русской соц.-революціон-

ной партіи, подъ влияніемъ условій русской жизни и репрессивнаго давленія правительства, приведены были къ мысли о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ, до того времени руководившихъ практической дѣятельностью партіи. Вліяніе дѣйствительности было такъ характерно и однообразно, что скоро стала чувствоваться потребность объединенія выдвигаемаго жизнью новаго направленія. Единомысліе отдѣльныхъ членовъ различныхъ кружковъ, разбросанныхъ по всей Россіи, вслѣдствіе ихъ постояннаго общенія между собою, тотчасъ же обнаружилось и привело въ іюнѣ 97 г. многихъ изъ нихъ въ Липецкъ, гдѣ и состоялся такимъ образомъ съѣздъ извѣстнаго числа членовъ соціально-революціонной партіи. Его нельзя считать общимъ съѣздомъ всей партіи, какъ-то дѣлаетъ обвинительный актъ. Результаты его были также не тѣ, которые приводитъ обвинитель, основываясь на показаніяхъ Гольденберга. На засѣданіяхъ Липецкаго съѣзда, продолжавшихся отъ 17-го до 21-го іюня, была выработана, во-первыхъ, программа новаго направленія; во-вторыхъ, были установлены принципы и средства дѣятельности; въ третьихъ, самый фактъ съѣзда санкціонировалъ первый моментъ существованія партіи «Н. В.» и выдѣленіе ея изъ соц.-рев. партіи. Программа, начертанная здѣсь, опредѣляла слѣдующее: общая цѣль была поставлена—Народоправленіе, переходъ верховной власти въ руки народа. Задача партіи—способствовать переходу и упроченію верховной власти въ рукахъ народа. Что касается средствъ, то всѣ собравшіеся единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы; но тщетно напругали они свои умственные силы, чтобы найти при существующемъ строѣ какую-либо возможность легальной дѣятельности, направленной къ вышеозначенной цѣли. Такихъ путей не оказалось. Тогда, въ силу неизбежной необходимости, избранъ былъ революціонный путь, намѣчены революціонныя средства. Рѣшено было начать борьбу съ правительствомъ, отрицающимъ идею Народоправленія безусловно и всецѣло. Борьба должна была вестись силами партіи «Н. В.» и ея организаціи, при желательномъ содѣйствіи народа и общества. Въ главные средства включено было и царубійство, но не какъ личная месть тому или другому императору, а непременно въ связи съ другими главными средствами. Другія главные средства опредѣлены слѣдующія: (перечислены по пунктамъ всѣ средства прогр. И. К.); революціонный путь постановлено было оставить, какъ только откроется возможность приблизиться къ цѣли посредствомъ свободной проповѣди, свободныхъ собраній, свободной печати. Практически вопросъ о царубійствѣ, какъ то утверждаетъ Гольденбергъ, на Липецкомъ съѣздѣ не обсуждался, а также не было общихъ разговоровъ о ближайшихъ предпріятіяхъ противъ Александра II. Гольденбергъ придалъ совершенно невѣрную окраску всему съѣзду. Онъ выдвигаетъ на первый планъ царубійство. На обсужденіи практическихъ средствъ, ведущихъ къ нему, по его показаніямъ, сосредоточивалось все вниманіе собравшихся. Причина этой характеристики опять же постоянный субъективизмъ этого умершаго свидѣтеля, усиленный въ дан-

номъ случаѣ еще тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела на него неудача 2-го апрѣля и смерть Соловьева. Онъ былъ поглощенъ мыслью о необходимости послѣдовательнаго повторенія покушеній, для него не было другихъ цѣлей, другихъ средствъ. Вообще надо имѣть въ виду, что мы всѣ смотрѣли на Гольденберга, какъ на преданнаго дѣлу человѣка и хорошаго исполнителя, но считали его недостаточно образованнымъ и подготовленнымъ для обсужденія общихъ программныхъ вопросовъ. Попалъ онъ на съѣздъ случайно, по ошибкѣ, столь возможной при первыхъ шагахъ выдѣляющейся партіи.

Какъ доказательство, могу привести слѣдующій фактъ. Послѣ Липецкаго съѣзда, какъ вамъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней въ Воронежѣ было общее собраніе членовъ общества «Земля и Воля». Организационныя правила этого Общества дали возможность землевольцамъ, присутствовавшимъ въ Липецкѣ, провести многихъ изъ бывшихъ съ ними тамъ въ члены Общества и на Воронежскій съѣздъ, гдѣ также долженъ былъ обсуждаться дальнѣйшій путь дѣятельности Общества. Былъ проведенъ Желябовъ, Ширяевъ ¹⁾ и др., но по отношенію къ Гольденбергу не считали нужнымъ этого сдѣлать и такимъ образомъ спасли десятки людей отъ его оговоровъ. Переданный Гольденбергомъ такъ подробно организационный проектъ есть отчасти его собственные соображенія, а съ другой стороны—соображенія кого-либо изъ бывшихъ на съѣздѣ, высказанныя ему въ частныхъ, личныхъ съ нимъ объясненіяхъ. На самомъ же дѣлѣ организація «Н. В.» была результатомъ дѣятельности конца 79 и начала 80 годовъ. Объ Исполнительномъ Комитетѣ же, руководителѣ и центрѣ организаціи «Народной Воли», я не могу ничего сказать, кромѣ того, что это учрежденіе *неуловимое, недостижимое*.

Первоприсутствующій. «Значитъ, вы отрицаете то, что вы были избраны въ распорядительную комиссію?»

Михайловъ. «Безусловно отрицаю и утверждаю, что я только агентъ И. К. Такимъ образомъ, послѣдствіемъ Липецкаго съѣзда было выдѣленіе изъ соціально-революціонной партіи—какъ совокупности всѣхъ соціалистическихъ группъ—«Народной Воли»,—съ определенной практической программой.

Понятіе о соціально-революціонной партіи невозможно смѣшивать, какъ то дѣлаетъ г. прокуроръ въ своей формулѣ сообщества, съ партией, а, тѣмъ болѣе, съ организаціей «Н. В.». На соціально-революціонную партію ни въ какомъ случаѣ не могутъ падать преступительственные обвиненія въ стремленіи ея къ царубійству, такъ какъ оно допускается, какъ средство, партией «Народной Воли», въ которую, долженъ, впрочемъ, замѣтить, вошла большая часть соціально-революціонной партіи. Поэтому ко всей соціально-революціонной партіи въ широкомъ смыслѣ нѣтъ никакихъ основаній примѣнять

¹⁾ Приговоренъ къ смерти въ 1880 г., затѣмъ былъ заточенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и скончался.

241 и 242 ст. ул. о нак. Кроме того, необходимо различать понятие о партіи отъ понятія объ организаціи. Партія — это неопредѣленная группа людей единомыслящихъ, не связанныхъ между собою никакими взаимными обязательствами. Организація же, кроме непрѣмѣннаго условія единомыслія, предполагаетъ уже извѣстную замкнутость, тѣсную сплоченность и полную обязательность отношеній. Партія заключаетъ въ себѣ организацію, но послѣдняя опредѣленно ограничена въ себѣ самой.

Партія—это солидарность мысли, организація—солидарность дѣйствія. Я утверждаю, что формулу сообщества, приведенную въ обвинительномъ актѣ и соответствующія ей статьи о смертной казни можно примѣнить только къ тѣмъ, по отношенію въ которымъ будетъ доказана или ими самими признана принадлежность къ организаціи «Народной Воли». Вотъ все, что я могу сказать вамъ, г.г. судьи, о партіи и организаціи, къ которой принадлежу съ 18 февраля. Я считаю нужнымъ возстановить истину относительно послѣдствій задержанія меня 28 ноября 1880 г. и дознанія по этому поводу. Обвинительный актъ говоритъ, что уже это дознаніе обнаружало приготовленіе къ новому покушенію, выразившемуся потомъ въ дѣлѣ 1-го марта. Это совершенно невѣрно. Ни обыскъ, ни мои показанія не дали такихъ указаній. Правда, у меня былъ найденъ динамитъ, но динамитъ организація имѣетъ постоянно, какъ одно изъ орудій оборонительной и наступательной борьбы, точно такъ же, какъ револьверы и другое оружіе. Притомъ же динамитъ найденъ у меня въ свободной формѣ, въ банкахъ, а не въ какихъ-либо нужныхъ техническихъ приспособленіяхъ. Что же касается моихъ показаній, то какъ теперь передъ вами, такъ и при дознаніи,—я давалъ объясненія о себѣ лично и о партіи вообще, личность же товарищей и организаціонныя тайны я обходилъ глубокимъ молчаніемъ. Между прочимъ, замѣчу, что товарищъ прокурора Добржинскій въ личныхъ бесѣдахъ со мною очень интересовался вопросомъ, приготовляетъ ли партія что-либо противъ Александра II и въ какихъ формахъ. Но я могъ удовлетворить его любопытству ужъ въ слишкомъ общемъ смыслѣ. Я ему отвѣтилъ, что погибель отдѣльныхъ лицъ не можетъ измѣнить направленія партіи. Только новыя условія государственной и общественной жизни создадутъ и новое направленіе ея. А приемы и способы борьбы неисчерпаемы въ той же мѣрѣ, какъ и безгранична изобрѣтательность человѣческаго ума».

Далѣе, на вопросъ первоприсутствующаго о сношеніяхъ съ Дриго ¹⁾ Михайловъ разсказалъ слѣдующее:

«Дмитрій Андреевичъ Лизогубъ ²⁾ былъ членомъ общества «Земля и Воля», въ которомъ съ конца 76 г. до лѣта 79 г. дѣйствовалъ и я. Лизогубъ имѣлъ большое состояніе, простиравшееся до 150 тысячъ. Оно сосояло изъ различныхъ цѣнностей: земли, лѣ-

¹⁾ Осужденъ по процессу 16-ти 1880 г.

²⁾ Повѣшенъ въ Одессѣ въ 1879 г.

Ред.

Ред.

совъ, крѣпостныхъ на братьевъ актовъ, векселей и другихъ бумагъ. Свободныхъ же денегъ у Лизогуба почти не было. Будучи принятъ въ члены дѣйствующаго революціоннаго общества и желая лично участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ, онъ, чтобы освободиться отъ связывающаго его состоянія, совершилъ рядъ операцій, долженствующихъ все перевести на наличныя деньги, но такое большое и разнообразное состояніе сразу ликвидировать было невозможно. Самый короткій срокъ, необходимый для этого, растягивался на 4 года, отъ 78 до 81 г. включительно. Первый годъ поступления чистыхъ суммъ имѣли быть небольшія, приблизительно тысячъ 20, но съ каждымъ годомъ они увеличивались, и въ послѣдній 81 г. должно было получиться 50 тысячъ. Но судьба погубила Лизогуба. Въ сентябрѣ 78 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ. На него палъ оговоръ Веледницкаго, состоящій въ томъ, что Лизогубъ даетъ деньги на революціонныя предпріятія и, кромѣ того, взялъ отъ Веледницкаго вексель въ 3 тысячи, который послѣдній обѣщаль пожертвовать на дѣло соціально-революціонной партіи. Находясь въ заключеніи, Лизогубъ далъ полную довѣренность преданному ему человѣку, знающему вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе хозяйственныхъ дѣлъ Лизогуба, съ тѣмъ, чтобы повѣренный посѣщилъ ликвидировать его состояніе. Этотъ повѣренный былъ Дриго. Весной 79 г., когда надо было спѣшить приведеніемъ къ концу, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченіемъ денежныхъ операцій, я встрѣтился съ Дриго, какъ рекомендованный самимъ Лизогубомъ и Зунделевичемъ представитель общества «Земля и Воля». Я видѣлъ, что онъ совершенно игнорируетъ наши интересы, и его самого мало беспокоитъ положеніе Лизогуба, тогда уже грозившее серьезными послѣдствіями. Онъ на словахъ старался меня успокоить, говоря, что все, сообразно завѣту Лизогуба, будетъ сдѣлано черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣлъ же и мѣропріятій его я не видѣлъ, и онъ ихъ старался скрыть. Я его посѣтилъ въ продолженіе мая и іюня нѣсколько разъ, но никакого движенія операцій не замѣчалъ и денегъ отъ него не могъ добиться, кромѣ ничтожныхъ сотенъ. А между тѣмъ, свѣдѣнія, собранныя мною въ Черниговской губерніи отъ постороннихъ лицъ, разоблачали, то, что онъ тщательно скрывалъ. Я узналъ, что Дриго вошелъ въ стачку съ старшимъ братомъ Лизогуба, враждебно къ послѣднему настроеннымъ, и обращаетъ вмѣстѣ съ нимъ состояніе Дмитрія Андреевича въ личную ихъ собственность. Такъ, Дриго купилъ на свое имя у старшаго брата имѣніе Довжикъ, стоимостью въ 40 тысячъ, не заплативъ ни копейки, но уничтоживъ многіе акты Дмитрія Лизогуба на брата. Я немедленно отправился въ Одессу, свесся съ заключеннымъ Лизогубомъ и получилъ отъ него письмо къ Дриго, уполномочивающее меня получить все состояніе. Въ письмѣ Лизогубъ настойчиво требовалъ отъ Дриго передачи мнѣ всѣхъ денежныхъ суммъ и, кромѣ того, обязывалъ его неуклонно дѣйствовать по моимъ указаніямъ. «Въ противномъ случаѣ,—писалъ онъ,—я сочту васъ вѣроломно злоупотребившимъ моею дружбой и присвоившимъ чужую собственность, на которую вы не имѣли никакого права». Съ этимъ письмомъ я

отправился въ послѣдній разъ къ Дриго, но на этотъ разъ онъ понималъ, что для его собственнаго обезпеченія ему нужно отдѣлаться отъ меня. Съ послѣднимъ моимъ къ нему прїѣздомъ совпала (20 июня 79 г.) какая-то не вполне разъясненная исторія. На слѣдующій день моего прїѣзда въ Черниговъ, послѣ того, какъ я побывалъ въ городской квартирѣ Дриго и не засталъ его тамъ, онъ былъ арестованъ въ своемъ новомъ имѣнїи Довжикѣ, привезенъ въ городъ и сейчасъ же выпущенъ. Съ нѣкоторыми предосторожностями я успѣлъ съ нимъ увидаться, передать ему на словахъ содержаніе письма Лизогуба, а онъ мнѣ рассказалъ, что поводомъ къ его аресту послужила телеграмма Тотлебена ¹⁾ о выясненїи отношеній Лизогуба къ повѣренному Дриго. При этой встрѣчѣ на улицѣ мы не могли долго бесѣдовать, а потому онъ назначилъ мнѣ вечеромъ придти къ его одному знакомому, что я и исполнилъ. Мнѣ пришлось ждать его тамъ долго. Наконецъ, явился Дриго, взволнованный, и объявилъ, что къ нему прїѣзжалъ полицеймейстеръ и, войдя въ комнату, прямо обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто у Васъ былъ сейчасъ?» На что онъ отвѣтилъ: «Никто!» Передавъ мнѣ этотъ случай, Дриго прибавилъ, что вопросъ относился, очевидно, ко мнѣ, и что я долженъ убраться. Я согласился, но попросилъ Дриго предварительно придти вечеромъ на площадь противъ почтовой станціи, гдѣ я остановился, для окончательныхъ объясненій. Назначеніе этого свиданія спасло меня отъ предательства: въ то время, когда я подъ покровомъ прекрасной лѣтней ночи, незамѣтно для постороннихъ, гулялъ на пустынной загородной площади, мое вниманіе было привлечено неожиданнымъ прїѣздомъ на станцію многочисленной полицейской своры. Черезъ нѣсколько минутъ все скрылось въ зданїи, и экипажи были спрятаны въ отдаленїи, въ сумракѣ ночи. Это быстро пронесшееся видѣніе открыло мнѣ глаза: я видѣлъ, что я преданъ и обнаруженъ. Оставшись среди ночи безъ квартиры и знакомыхъ, въ мало извѣстномъ мнѣ городѣ, я успѣлъ разыскать одного еврея-извозчика и выѣхалъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Предательство Дриго на этотъ разъ не удалось. Онъ пошелъ дальше. Онъ заключилъ, какъ я узналъ впоследствии, съ III Отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать розысканію извѣстныхъ ему соціалистовъ, а III Отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лизогуба. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство, какъ агентъ III Отдѣленія, но III Отдѣленіе измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ измѣнилъ Лизогубу, и отдало его, по минованїи въ немъ надобности, въ руки всеннаго суда, продержавъ предварительно болѣе полугода подъ арестомъ».

Отъ защитительной рѣчи Михайловъ воздержался и ограничился заявленіемъ Особому Присутствію, гдѣ объясняетъ мотивы, дѣлающіе, по его мнѣнію, бесполезною всякую защиту. Вотъ это заявленіе:

«Мы—члены партїи и организаціи «Народной Воли». Дѣятель-

¹⁾ Одесскій генераль-губернаторъ того времени.

ность нашу—вы, гг. судьи, призваны рассмотреть. Борьба сдѣлала насъ личными врагами Государя Императора. Воля Государя, воля оскорбленнаго сына, вручила своимъ довѣреннымъ слугамъ, вамъ, гг. сенаторы,—мечъ Немезиды. Гдѣ же залогъ безпристрастнаго правосудія? Гдѣ посредникъ, къ которому мы могли бы апеллировать? Гдѣ общество, гдѣ гласность, которая могла бы выяснить отношенія враждующихъ? Ихъ нѣтъ, и двери закрыты!! И мы съ вами, гг. судьи, наединѣ!! Какъ бы почтительно я ни относился къ вамъ, гг. сенаторы, но передъ судомъ Особаго Присутствія я чувствую себя плѣнникомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ».

Приговоръ суда: Сухановъ, Михайловъ, Колодкевичъ, Исаевъ, Фроленко, Емельяновъ, Тетерка, Клѣточниковъ, Лебедева и Якимова—къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Морозовъ, Баранниковъ. Арончикъ, Лангансъ и Меркуловъ—въ каторжныя работы безъ срока, Тригопи, Терентьева, Люстигъ, Златопольскій и Фриденсонъ—въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи для Фриденсона—на 10 л., для Люстига—на 4 г.

Александръ III, уваживши ходатайство суда относительно Фриденсона и Люстига, замѣнилъ смертную казнь для всѣхъ, въ ней приговоренныхъ, за исключеніемъ Суханова, ссылкой въ каторжныя работы безъ срока. Суханову повѣшеніе было замѣнено разстрѣляніемъ, и 19 марта онъ былъ разстрѣлянъ въ Кропштадтѣ. Михайловъ, Колодкевичъ, Исаевъ, Фроленко, Тетерка, Клѣточниковъ, Морозовъ, Баранниковъ, Арончикъ и Лангансъ, вмѣсто каторжныхъ работъ, были заточены въ казематы сначала Алексѣевского рavelина, а потомъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ, за исключеніемъ М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозова и М. Н. Тригопи, *всѣ они* и окончили дни свои. М. Н. Тригопи, послѣ 20-лѣтняго заключенія въ Шлиссельбургѣ, былъ сосланъ на Сахалинъ; М. Ф. Фроленко и Н. А. Морозовъ освобождены изъ Шлиссельбурга лишь послѣ 17 октября 1905 года. Емельяновъ, Лебедева, Якимова, Златопольскій, Люстигъ и Фриденсонъ были отправлены въ карійскую каторгу, гдѣ Лебедева умерла, а остальные переведены въ разное время на поселеніе въ Сибирь. Люстигъ потомъ возвратился въ Россію. Терентьева скончалась въ тюрьмѣ еще до отправленія ея въ каторгу.

Меркуловъ... этотъ, конечно, не пошелъ на каторгу... Будучи освобожденъ отъ всякаго наказанія (если не считать пощечины, полученной имъ во время суда отъ М. В. Тетерки), онъ сталъ «вѣрою и правдою» служить... департаменту полиціи.

По этому же дѣлу суду должны были быть преданы П. Е. Тычининъ и Е. Н. Оловенникова, но незадалго до суда Тычининъ покончилъ самоубійствомъ, бросившись съ верхней галереи Дома предварительнаго заключенія, а Оловенникова впала въ Петропавловской крѣпости въ душевное разстройство, была переведена въ Казанскую лечебницу для психическихъ больныхъ, тамъ пробыла

много лѣтъ и въ безнадежномъ состояніи была отдана роднымъ въ Орловской губерніи.

Наконецъ, упоминаемый въ обвинительномъ актѣ, какъ тоже впавшій въ душевное разстройство, А. В. Тырковъ былъ, по выздоровленіи, *сосланъ административно въ Восточную Сибирь безъ срока*, прожилъ тамъ 20 лѣтъ и лишь два года тому назадъ возвратился въ Россію.

Ред.

Отъ группы русскихъ конституціоналистовъ.

Воззваніе ¹⁾).

Въ виду того, что цѣли и способы дѣйствія нынѣшняго правительства вполнѣ выяснились, и не остается никакихъ сомнѣній въ крайне пагубномъ значеніи для общественнаго развитія этихъ цѣлей и этихъ способовъ, группа русскихъ конституціоналистовъ считаетъ своею обязанностью обратиться съ воззваніемъ къ тому значительному числу людей, которые стремятся, или, по крайней мѣрѣ, сочувствуютъ уничтоженію у насъ политическаго крѣпостнаго права. До настоящаго времени была организована и систематически боролась съ деспотическимъ правительствомъ только соціально-революціонная партія.

По нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ мы не раздѣляемъ воззрѣній, которыя такъ настойчиво, съ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ защищаетъ эта партія. Но мы не изъявляемъ никакихъ притязаній на непогрѣшимость, допускаемъ возможность ошибки и съ нашей стороны и потому требуемъ для соціалистической партіи такого же права на существованіе, какъ и для себя. При свободномъ обсужденіи вопросовъ и нуждъ, которыми изболѣлся русскій народъ, возможно устраненіе крайностей и свороспѣлыхъ требованій, возможно соглашеніе всѣхъ людей, на самомъ дѣлѣ любящихъ родину и посылно работающихъ ради торжества справедливости.

Мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской соціально-революціонной партіи, и выступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій; но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій, вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобы отстоять свое существованіе, чтобы задушить свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабежѣ народнаго имущества. А террористы совершаютъ преступленія ради излюбленной

¹⁾ Въ своей дѣятельности въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ русскіе конституціоналисты рѣдко прибѣгали къ тайнымъ типографіямъ, но все-таки прибѣгали. Помѣщаемое воззваніе воспроизводится нами съ ставшаго чрезвычайною библиографическою рѣдкостью печатнаго подлинника. Воззваніе это выпущено конституціоналистами въ 1883 году. *Ред.*

идеи и при этомъ гибнуть сами. Отъ глубины души мы желаемъ наступленія такого порядка вещей, когда убѣжденія не будутъ преслѣдоваться, когда за ихъ распространеніе не будутъ ссылать на каторгу или сажать въ вѣчную кѣтку, въ свинцовые погреба Петропавловской крѣпости. И до сихъ поръ у насъ не поднимается рука бросить камень въ людей, преступленіемъ добивающихся свободы для совѣсти, простора для ума и блага для народа. Къ измѣненію государственнаго строя, которое положило бы предѣлъ полицейскому произволу нашего правительства, и должны стремиться русскіе конституціоналисты, а для этого намъ необходима организація.

Правительство стѣснило печать до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Оно запретило намъ говорить о малоземельи, о переселенческомъ движеніи, объ измѣненіи политическаго строя, о воровствѣ и незаконіи министровъ, оно зажимаетъ ротъ каждому честному человѣку.

Мы вынуждены поэтому прибѣгнуть къ подпольному печатанію, къ тайной пропагандѣ своихъ убѣжденій и не откажемся отъ борьбы съ ненавистнымъ и бессмысленнымъ правительствомъ, покуда не рухнетъ эта развратная система, покуда не вздохнетъ свободно русское общество.

Правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позорище и позорище держать себя и въ вопросахъ международной политики, падая ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія испытаннаго врага свободы и просвѣщенія—папскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ было пролито столько русской крови, потрачено столько русскихъ средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго «священныя основы» деспотизма, хищничества и «тихаго и безмолвнаго житія».

Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уродуя нашихъ дѣтей, сызмала заглушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердаго убѣжденія.

Наша программа проста и ясна. Она заключается въ слѣдующемъ:

1)—Созваніе представителей русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, въ которомъ должны гласно обсуждаться всѣ законы, проекты и ежегодная смѣта приходовъ и расходовъ.

Императоръ можетъ согласиться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства, выбранное имъ мнѣніе получаетъ силу закона.

2)—Свобода вѣроисповѣданія и уничтоженіе предварительной и карательной цензуры.

Преступленія и проступки, совершенные путемъ печати, должны судиться присяжными.

3)—Амнистія по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ.

Мы считаемъ названныя три задачи самыми неотложными, и на ихъ благоприятное разрѣшеніе будутъ направлены всѣ наши усилія.

Мы признаемъ необходимость и широкихъ экономическихъ преобразованій въ интересахъ рабочихъ массъ, и реформы мѣстнаго самоуправленія въ смыслѣ расширенія крестьянскаго представительства, но эти сложныя и великой важности задачи могутъ быть разрѣшены удовлетворительнымъ образомъ лишь при участіи общества, то-есть послѣ того, какъ будетъ осуществлено преобразование нашего политическаго строя.

Историческая библиографія.

Записки декабриста Д. И. Завалишина. München 1904. Verlag Dr. Marchelewsky & Co. 2 тома.

Эта книга, изданная за границей, появилась въ настоящее время и на книжномъ рынкѣ въ самой Россіи. Мы тогда же (въ 1904 г.) отмѣтили появленіе записокъ Завалишина рецензіей, напечатанной подъ псевдонимомъ «Любитель» во второй книжкѣ издававшегося въ Парижѣ неперіодическаго журнала «Освобожденіе». Такъ какъ съ того времени нашъ взглядъ на «Записки» нисколько не измѣнился, то мы позволяемъ себѣ привести свою рецензію на нихъ почти дословно и на страницахъ «Былого».

А писали мы вотъ что:

Въ литературѣ, касающейся общественнаго движенія въ царствованіи императора Александра I, имя Д. И. Завалишина встрѣчается нерѣдко, но въ большинствѣ случаевъ въ весьма непривлекательной окраскѣ. Мы давно составили себѣ представленіе о Завалишинѣ, какъ человѣкѣ безусловно способномъ и даровитомъ; но несомнѣнно ненормальномъ. Большой степени самовлюбленности, переходящей въ ту форму психической болѣзни, которая называется *mania grandiosa*, трудно себѣ даже представить. Этотъ взглядъ на Завалишина, по прочтеніи двухъ томовъ его собственныхъ записокъ, у насъ окончательно укрѣпился. Его записки могли бы быть названы даже цѣнными, если бы не тотъ болѣзненный субъективизмъ, черезъ который переломились всѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ былъ Завалишинъ въ теченіе своей почти 90-лѣтней жизни, и если бы, благодаря именно этой причинѣ, у читателя не оставалось постоянно сомнѣнія въ объективной вѣрности рассказываемыхъ Завалишинымъ событій. Мы отнюдь не заподозрѣваемъ искренности Завалишина, совсѣмъ нѣтъ, мы лишь указываемъ на то обстоятельство, что примѣшивающійся къ описанію всѣхъ событій чрезмѣрный субъективизмъ автора крайне обезцѣниваетъ ихъ историческое значеніе. Вездѣ и всюду Завалишинъ становится на неомнѣрно высокія ходули, съ высоты которыхъ и повѣствуетъ о мно-

гихъ и многихъ революціонныхъ дѣятеляхъ двадцатыхъ годовъ, какъ о такихъ маленькихъ, такихъ ничтожныхъ... Именно это обстоятельство повлекло за собою превращеніе покойнымъ М. И. Семевскимъ печатанія статьи Завалишина: «Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ», начало которой появилось въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1881 годъ. Послѣ этого Завалишинъ и укрѣпился подъ сѣнь Катковскаго «Русскаго Вѣстника», гдѣ и появилась его статья «Декабристы» (1884 года, февраль).

Вотъ какъ, напримѣръ, рассказываетъ Завалишинъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между нимъ и директорами Сѣвернаго Общества.

«И Пестель и Рылѣевъ, стоявшіе во главѣ Общества Южнаго и Сѣвернаго, были слишкомъ властолюбивы, чтобы не только согласиться подчиниться одинъ другому, но и сносить соперничество каждый—въ своемъ обществѣ. Поэтому и тотъ, и другой старались на мѣсто другихъ директоровъ поставить людей себѣ сподручныхъ, уступавшихъ имъ по способностямъ или по характеру, и никакъ не допустить людей, въ которыхъ боялись найти себѣ соперниковъ. И если Пестель, не имѣя возможности не допустить выбора Сергѣя Муравьева-Апостола, согласился на выборъ его въ директоры потому только, что тотъ, не находясь въ центрѣ дѣйствія, поневолѣ былъ номинальнымъ только директоромъ, то Рылѣевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе, какъ удаленіемъ меня, хотя подъ почетнымъ предлогомъ, изъ центра дѣйствій, такъ и захватомъ въ свое распоряженіе во время моего отсутствія тѣхъ членовъ общества, которые были приготовлены мною.

«Принявъ либеральное и революціонное начало, я былъ искрененъ въ исполненіи его, и ни страхъ, ни эгоистическіе расчеты не удерживали меня. Я былъ неутомимъ и отваженъ, дѣйствовалъ всесторонне, по всѣмъ направленіямъ, во всѣхъ сферахъ, дѣйствовалъ настойчиво, дѣйствовалъ для самого дѣла, мало заботясь о себѣ ни со стороны опасности, ни со стороны похвалъ. Но какъ ни мало искалъ я высказать свои дѣйствія и добиваться, подобно инымъ, сознательнаго (?) освидѣтельствованія моихъ дѣйствій членами общества, вліяніе мое быстро возрастало. Но не однѣ дѣятельность и энергія мои, которыя называли безпримѣрными и грозили людямъ, имѣвшимъ въ рукахъ своихъ власть, что она перейдетъ ко мнѣ, возбуждали зависть. Было нѣчто такое, что внушало еще большій страхъ имъ. Явилось у многихъ какъ бы предчувствіе, что именно во мнѣ зарождались и готовы были проявиться тѣ начала, которыя способны уничтожить противорѣчіе и борьбу не только между отдѣльными тайными обществами, но и вообще между властью и свободой,—а тогда люди, завидовавшіе мнѣ, должны были лишиться не только распорядительной власти дѣлами общества, но и нравственной,—какъ представители извѣстнаго рода идей, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать монополію себѣ, а такая потеря была неминуемо сопряжена съ лишеніемъ значенія самихъ

: идей, по ихъ односторонности и ошибочности ихъ основаній, въ случаѣ проявленія идеи высшей и всесторонней. Грустно сказать, до чего увлекло людей желаніе «сбить меня съ поля», какъ выражались они. Вѣрные люди, изъ числа членовъ, негодующихъ на подобный образъ дѣйствій, сообщили мнѣ, что Рылѣвъ предлагалъ даже донести на меня Милорадовичу съ тѣмъ, чтобы меня куда-нибудь «запрятали», а донесшіи пріобрѣлъ бы въ глазахъ правительства болѣе довѣрія. Они рассчитывали прямо на благородство мое, что я ничего не открою; а если бы даже и открылъ что, то согласились утверждать, что они, видя мою пылкость и увлеченіе, просто мистифицировали меня, что никакихъ обществъ, кромѣ того, которое я самъ утверждалъ, не существуетъ и пр. Думали также сдѣлать доносъ на меня анонимный или, наконецъ, просто, заставить меня удалиться изъ общества, возбуждая противъ меня неприятности»¹⁾.

Этотъ разсказъ Завалишина слѣдуетъ сравнить съ его же показаніемъ на допросѣ, опубликованномъ въ извѣстномъ „Донесеніи слѣдственной комиссіи“.

Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его проступковъ и словъ была, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, не что иное, какъ благонамѣренная хитрость; что онъ, еще въ малолѣтствѣ, читая священное писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. „Сперва,—говоритъ онъ,—я полагалъ цѣлью одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе: хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ въ Европѣ, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній. Написанные мною статуты Ордена, на подобіе Мальтійскихъ, я представлялъ Императору Александру. Онъ похвалилъ мое усердіе, но не принялъ плана, что крайне меня огорчило. Вслѣдъ за тѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связь съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣвымъ, и узнавъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было донести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ черезъ другихъ и для сего дозволилъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившіяся нынѣ къ моей гибели“ и т. д.²⁾.

Такъ писалъ Завалишинъ въ своихъ показаніяхъ, но не такъ разсказывалъ онъ о своемъ поведеніи на допросахъ въ лежащихъ передъ нами его «Запискахъ».

«Надо сказать,—пишетъ онъ,—что я обращался съ членами

¹⁾ Томъ I, стр. 249—250.

²⁾ См. „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.“ Сборникъ подъ редакціей В. Базилевскаго Т. I, стр. 57—58.

слѣдственнаго комитета вовсе не такъ, какъ человекъ, ищущій своего спасенія. Я не могъ скрывать своего презрѣнія къ нимъ и высказалъ имъ такія горькія истины, какихъ, конечно, имъ ни прежде, ни послѣ не приходилось слышать. Я говорилъ «грубо и дерзко», какъ выражались они, называлъ вещи и дѣла своими именами и беспощадно разбивалъ ихъ софизмы. Я доказывалъ имъ прямо, что они-то и есть главные виновники революціи и что поступаютъ совершенно по тѣмъ же правиламъ, въ которыхъ насъ обвиняютъ, съ тою разницею, что мы допускали эти правила для блага общаго и жертвуя собою и своимъ, а они допускаютъ ихъ для личныхъ цѣлей, жертвуя не собою, а общимъ благомъ; что въ этомъ отношеніи смерти Петра Ш и Павла такія улики противъ нихъ, которыхъ никакими софизмами ни устранить, ни смягчить имъ нельзя, потому что они дѣйствовали тутъ противъ лицъ, признаваемыхъ ими за царей, и съ совѣстью, признающей значеніе царскаго достоинства, тогда какъ тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ революціонерами, видятъ въ нихъ простыхъ людей и хотя, положимъ, по заблужденію, но видѣли притомъ и людей, враждебныхъ отечеству. Въ одной изъ подобныхъ сценъ дѣло дошло до того, что многіе вскочили, другіе заткнули свои уши; предсѣдатель комитета, военный министръ Татищевъ, испугался и схватилъ меня за руку, увлекъ въ другую комнату. «Что ты дѣлаешь, другъ,— вскричалъ онъ, поднявъ руки кверху,—зачѣмъ ты такъ раздражаешь ихъ, зачѣмъ ты говоришь съ ними съ такою запальчивостью?»— «Напротивъ, вы сами видѣли, что я говорилъ очень хладнокровно и спокойно, я даже не возвышалъ тона противъ обыкновенной рѣчи»— «Да развѣ ты не видишь, что это-то спокойствіе и увѣренность бѣситъ ихъ. Запальчивость твоя не въ тонѣ, а въ содержаніи твоихъ словъ. Ты, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ говоришь такъ, какъ будто ты надъ ними производишь слѣдствіе, а не они надъ тобой; какъ будто ты ихъ обвинитель, а не они». Можетъ быть, исторія такъ и скажетъ?»¹⁾

Къ сожалѣнію, «исторія» про Завалишина именно этого-то сказать и не можетъ. Она уже воздала должное и тѣмъ залечныхъ дѣлъ мастерамъ, которые составляли «слѣдственный комитетъ» подѣлу декабристовъ, и тѣмъ великимъ борцамъ за свободу, которые, поднявши знамя возстанія противъ деспотизма, понесли и на эшафотъ и на каторгу свои безупречно-чистыя имена, но имя Завалишина не въ ихъ числѣ... Герой «Записокъ» не былъ героемъ въ «слѣдственномъ комитетѣ». О томъ неизгладимо начертано въ его собственныхъ показаніяхъ. Такъ зачѣмъ же было и писать про то, чего, видимо, не было? Но такова уже психика всѣхъ маняковъ. Мы вислоько не сомнѣваемся, что въ ту минуту, когда Завалишинъ разрисовывалъ въ своихъ «Запискахъ» собственное поведеніе столь героическими чертами, онъ былъ глубочайшимъ образомъ убѣжденъ, что все происходило именно такъ, какъ онъ описываетъ въ

¹⁾ Завалишинъ, т. II. стр. 37—38.

«Запискахъ». Тутъ не столько вина его, сколько бѣда его. Надо думать, что, конечно, не изъ «зависти» къ Завалишину, а именно изъ убѣжденія, что имѣютъ дѣло съ большимъ человекомъ, и хотѣли директора Сѣвернаго Общества какъ-нибудь отъ него отдѣлаться и съ этою цѣлью, «подъ почетнымъ предлогомъ» излѣдованія состоянія умовъ въ провинціи, выпроводили его незадолго до роковыхъ событій 14-го декабря въ приволжскія губерніи. Прѣздомъ туда, Завалишинъ побывалъ въ Москвѣ, пребываніе въ которой, по обыкновенію, расписываетъ необыкновенными чертами.

«Хотя графъ Остерманъ-Толстой, у котораго въ домѣ я жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ Голицынымъ и другими племянниками его, и который особенно любилъ меня, и находился въ то время въ Москвѣ, однако, и не остановился у него, чтобы не быть стѣсненнымъ въ приѣмѣ пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и помѣстился въ домѣ Тютчевыхъ, въ Армянскомъ переулкѣ. Я занималъ тамъ почти весь верхній этажъ и ко мнѣ былъ особый ходъ, такъ что члены общества могли безпрепятственно посѣщать меня. Ноября 22-го я былъ на балу у Остермана и проходилъ черезъ гостиную; князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, сидѣвшій въ ней съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитриевымъ, поэтомъ и бывшимъ министромъ юстиціи, и Евгениемъ Ивановичемъ Марковымъ, бывшимъ посланникомъ нашимъ въ Царигѣ, сказалъ мнѣ: «садись-ка съ нами, молодой человекъ, послушай насъ, стариковъ, поучись-ка уму разуму». Остерманъ, который шелъ за мною, сказалъ Голицыну шутя: «Вотъ ужъ нашли кого учить. Да у него въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ нашихъ головахъ». Разумѣется, Завалишинъ былъ героемъ бала и т. д. и т. д. Черезъ два дня, возвратясь снова съ бала, Завалишинъ поздно ночью сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ онъ слышитъ бряцаніе сабелъ и шумъ многихъ шаговъ. «Рука истинственно схватила только что написанное важное письмо; я зажегъ его и бросилъ въ каминъ, а самъ бросился навстрѣчу идущимъ, чтобы не дать имъ войти въ кабинетъ и увидать горящее письмо; но едва только я приподнялъ портьеру, какъ Алексѣй Шереметевъ, шедшій впереди, увидавъ меня, закричалъ: «Государь умеръ! Скажи, что должны мы дѣлать». Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали дѣти гр. Толстого, Бахметьевъ и Ладыженскій, адъютанты его, Раичъ и другіе». На другой день Завалишинъ отправился къ Остерману, къ которому скоро пріѣхалъ главнокомандующій князь Голицынъ. Съ первыхъ же словъ Голицынъ сказалъ: «Вообрази себѣ, что всѣ прапорщики взбѣленились и задумали скакать въ Петербургъ. Что бы это значило? Я велѣлъ не выдавать безъ меня никому подорожныхъ. Жаль только, что мнѣ поздно сказали, а то кое-кто успѣлъ уже улизнуть въ Петербургъ». Остерманъ отвѣчалъ: «Вотъ и мои племянники бросились было туда же, только я позволилъ вмѣшаться въ ихъ дѣла, а сейчасъ о томъ и хлопоталъ, чтобы вотъ этого будущаго адмирала и министра (т.-е. Завалишина) отправить понадежѣе въ Казань»...

Голицынъ улыбнулся и посмотрѣлъ на меня внимательно. «А

знаешь ли. Остерманъ,—сказалъ онъ,—право, мнѣ какъ-то кажется, что будущій министръ лучше всѣхъ могъ бы, если бы захотѣлъ, объяснить, отчего прапорщики хотятъ скакать въ Петербургъ. Право, я очень боюсь за такія горячія головы» и пр. и пр.

Все это было бы не лишено извѣстнаго интереса, такъ какъ характеризуетъ настроеніе военныхъ сферъ и въ Москвѣ въ тѣ историческіе дни, когда въ Петербургѣ и на Югѣ Россіи члены тайныхъ обществъ рѣшили приступить къ совершенію государственнаго переворота, но завалишинская манера изображать изъ себя вездѣ и всюду чуть не центръ мірозданія, сильно ослабляетъ достовѣрность всего имъ рассказываемаго. Читаешь эти, какъ и многія другія, строки его «Записокъ» съ интересомъ, но тутъ же шевелится мысль: да такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и не стоитъ ли передъ нами одинъ изъ яркихъ прототиповъ безсмертнаго Ивана Александровича Хлестакова?

А жалъ! Ибо нѣкоторыя изъ сообщеній Завалишина, будь они написаны кѣмъ-либо изъ болѣе достовѣрныхъ свидѣтелей той эпохи, представляли бы несомнѣнный историческій интересъ.

Такъ, онъ рассказываетъ, что утромъ 14-го декабря члены Тайнаго Общества послали къ Сперанскому Корниловича сообщить ему о предстоящемъ переворотѣ и спросить его согласіе на назначеніе его въ число членовъ временнаго правительства и что Сперанскій будто бы на это отвѣтилъ посланному:

«Съ ума вы сошли! Развѣ дѣлають такія предложенія прежде-временно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ».

Это сообщеніе появляется въ литературѣ въ первый разъ и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, едва ли достовѣрно.

Поведеніе Императора Николая по отношенію къ обезоруженнымъ врагамъ, какъ это засвидѣтельствовано очень многими декабристами, было въ высшей степени неприлично. Ни слѣда благородства, ни тѣни великодушія къ побѣжденному врагу. Достаточно всломнить, что многихъ арестованныхъ декабристовъ приводили къ Николаю, по его приказанію, не иначе, какъ со связанными назадъ руками, а онъ, самодержецъ всероссійскій, осыпалъ ихъ при этомъ самыми площадными ругательствами... Характерную въ этомъ отношеніи сцену рассказываетъ и Завалишинъ.

«Василій Сергѣевичъ Норовъ, братъ Норова (Авраама), бывшаго впоследствии министромъ просвѣщенія, былъ извѣстенъ, какъ храбрѣйшій офицеръ. У него была неприятная исторія съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, когда онъ былъ еще въ полку, а великій князь командовалъ бригадою. Разъ великій князь, разгорячась, забылся до того, что взялъ Норова за пуговку. Норовъ оттолкнулъ руку, сказавъ: «Не трогайте, Ваше Высочество, я очень щекотливъ». Поэтому, когда Норова послѣ 14-го декабря арестовали и привезли во дворецъ, то Николай Павловичъ до того разгорячился, что сказалъ: «Я зналъ напередъ, что ты, разбойникъ, тутъ будешь», и началъ осыпать его бранью... Когда же у него

отъ ругательства пересѣлся голосъ, а Норовъ сказалъ: «Прекрасно, что же вы стали? Ну-ка еще!» то Николай закричалъ: «Веревокъ! Связать его!» Сцена дошла, наконецъ, до того неприличія, что присутствовавшей при ней командиръ гвардейскаго корпуса, Войновъ, не выдержалъ и вскричалъ: «Помилуйте, да вѣдь здѣсь не съѣзжая»...

И много другихъ любопытныхъ эпизодовъ, характеризующихъ властителей Россіи, приведено въ книгѣ Завалишина.

Второй томъ «Записокъ» Завалишина посвященъ, главнымъ образомъ, исторіи пребыванія декабристовъ въ Читѣ и Петровскѣ, но этотъ эпилогъ политическихъ замысловъ дѣятелей 20-хъ годовъ XIX вѣка представляетъ въ значительной степени повтореніе того, что уже извѣстно читателямъ изъ многочисленныхъ воспоминаній другихъ декабристовъ. На послѣднихъ страницахъ «Записокъ» читатель найдетъ нѣсколько новыхъ подробностей объ отношеніяхъ между авторомъ «Записокъ» и генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, но, цѣнные сами по себѣ, и эти подробности сильно обезцѣнены тѣмъ «завалишинскимъ» соусомъ, подъ которымъ они поднесены читателю.

Итогъ: книга Завалишина войдетъ, конечно, въ число пособій для изученія заговора декабристовъ, но пособіе это явится далеко не изъ первоклассныхъ. Поэтому и привѣтствовать появленіе «Записокъ» Завалишина на книжномъ рынкѣ особенно не приходится.

Къ книгѣ приложено четыре портрета Завалишина въ разныя эпохи его жизни.

Кстати: въ Россіи ходитъ по рукамъ во многихъ экземплярахъ коллекція фотографическихъ снимковъ съ нѣсколькихъ декабристовъ, домовъ, въ которыхъ они жили въ Сибири, ихъ могилъ и т. д. Въ числѣ такихъ портретовъ (вмѣстѣ съ Лунинымъ, Волконскимъ, Трубецкимъ, Вобрищевымъ-Пушкинымъ и др.) находится портретъ съ подписью: «Теребенева». Между тѣмъ, таковаго декабриста никогда не существовало. Не бесполезно будетъ разъяснить, въ чемъ тутъ очевидное недоразумѣніе. Портретъ этотъ, въ дѣйствительности, не Теребенева, а Завалишина въ молодости. Онъ и приложенъ теперь въ числѣ другихъ къ «Запискамъ» Завалишина. Переснять же онъ съ портрета Завалишина, написаннаго съ натуры художникомъ Теребеневымъ. На портретѣ сохранилась подпись художника—и вотъ въ чемъ ключъ къ недоразумѣнію, благодаря которому сталъ гулять по Россіи портретъ никогда не существовавшаго декабриста.

В. Богучарскій.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. А. Н. Радищева. Изданіе П. Е. Щеголева и Н. П. Павлова-Сильванскаго. Спб. 1905. То же. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. Наконецъ-то, послѣ 115 лѣтъ запрета, знаменитая многострадальная книга А. Н. Радищева появилась въ свѣтъ почти одновременно въ двухъ изданіяхъ: г. Суворинъ ограничился только перепечаткой текста изда-

ніа 1790 года и по внѣшности даль очень недурную книжку для широкихъ слоевъ публики, гг. Павловъ-Сильванскій и Щеголевъ поставили себѣ цѣлью научное изданіе сочиненія Радищева, могущее имѣть цѣнность и для специалистовъ, изучающихъ исторію нашей литературы. Въ этомъ послѣднемъ изданіи воспроизведенъ также первопечатный текстъ 1790 года, но указаны въ примѣчаніяхъ всѣ особенности (весьма любопытныя) текста сочиненія по рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ. Кромѣ того, въ началѣ книги помѣщены двѣ вступительныя статьи редакторовъ, представляющія собою весьма цѣнный вкладъ въ обширную, хотя качественно и не особенно богатую, литературу о Радищевѣ: въ первой, принадлежащей Н. П. Павлову-Сильванскому, весьма обстоятельно изложена біографія Радищева и исторія тѣхъ мытарствъ, которымъ подвергалась его книга до нашего времени, при чемъ г. Сильванскій выдвигаетъ новую точку зрѣнія на значеніе литературной дѣятельности Радищева; во второй статьѣ, написанной П. Е. Щеголевымъ, въ связи съ обзоромъ рукописи выяснена исторія текста книги; наконецъ, весьма полезной представляется и полная бібліографія статей и книгъ, такъ или иначе затрогивающихъ Радищева, помѣщенная послѣ текста «Путешествія». По внѣшности изданіе выполнено прекрасно, къ нему приложены портретъ Радищева (геліография съ портрета, находящагося въ Радищевскомъ музеѣ въ Саратовѣ) и фототипическое воспроизведеніе заглавнаго листа и первыхъ страницъ изданія 1790 года. Всѣ эти особенности изданія гг. Сильванскаго и Щеголева, конечно, весьма цѣнны для людей, изучающихъ нашу литературную старину; однако, нельзя сказать, чтобы онѣ были излишними и для широкой публики; чтобы понять писателя, работавшаго болѣе ста лѣтъ тому назадъ, еще мало ознакомиться съ текстомъ его произведенія, а нужно и перенестись въ ту эпоху и къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ явилось произведеніе. Біографія Радищева уясняетъ читателю связь знаменитаго «Путешествія» съ энциклопедизмомъ XVIII вѣка и съ сентиментальнымъ направленіемъ въ литературѣ. Исторія процесса, возбужденнаго противъ книги и ея автора, цензурныя гоненія, которымъ подвергалась книга до настоящаго времени, раскрываютъ общественное значеніе, которое состояло не только въ томъ, что Радищевъ протестовалъ противъ крѣпостного права, а главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ обнаружилъ коренныя причины нашего общественно-политическаго нестроенія, указалъ на зло, причиняемое всему русскому народу безправіемъ и произволомъ, проникавшимъ всѣ наши гражданскія отношенія сверху до низу. Въ рабствѣ находились не только крестьяне, но и всѣ русскіе обыватели, и понятно, почему книга Радищева оказалась запретною и послѣ 19 февраля 1861 года: вѣдь это было только началомъ раскрѣпощенія русскаго общества, и полицейско-бюрократическій произволъ ничего еще не уступалъ тогда изъ своихъ прерогативъ. Теперь, когда старый порядокъ находитя уже при послѣднемъ издыханіи, «Путешествіе» могло появиться въ свѣтъ и стать достояніемъ всѣхъ грамотныхъ людей.

Знакомясь съ этой книгой впервые, современные борцы за свободу встрѣчаютъ въ авторѣ ея своего могучаго союзника, который въ мрачную пору гнета осмѣлился, по выраженію Пушкина, «возславить свободу».

А. Б.

Тюрьмы въ Россіи. Очеркъ Д. Кенана. «Общедоступная бібліотека для всѣхъ». № 1. Цѣна 20 коп. С.-Петербургъ. 1906 г.

Историкъ революціоннаго движенія въ Россіи съ благодарностью вспомнить имя Джоржа Кенана, блестящая и правдивая книга котораго «Сибирь и ссылка» произвела въ началѣ 90-хъ годовъ потрясающее впечатлѣніе во всемъ культурномъ мірѣ. Она появилась въ моментъ полного расцвѣта у насъ правительственной реакціи, когда, казалось, и русская революція и русская оппозиція были безслѣдно и окончательно раздавлены. И когда первыя впечатлѣнія ужаса, навѣянные этой книгой, прошли, прежде всего стало ясно для европейскаго общества, что въ странѣ, гдѣ царятъ описанные Кенаномъ порядки, гдѣ жили, работали и страдали истинные герои и борцы за свободу, гдѣ нечеловѣческія муки не уничтожили твердыхъ и беззавѣтныхъ стремленій къ обновленію родины, въ такой странѣ не могъ быть умерщвленъ духъ свободы и не могло умереть великое къ ней тяготѣніе. Офіціальная ложь о всеобщемъ благополучіи въ Россіи получила тогда первый рѣзкій ударъ, а ближайшія событія уже готовили новую эру возрожденія революціоннаго движенія.

Брошюра «Тюрьмы въ Россіи», изданная «Библіотеккой для всѣхъ», включаетъ четыре хорошо переведенныхъ отрывка изъ упомянутой книги Кенана. Въ этихъ отрывкахъ характеризуется «жизнь русскихъ революціонеровъ въ тюрьмахъ», среди которыхъ авторъ удѣляетъ особое вниманіе Петропавловской крѣпости и провинціальнымъ тюрьмамъ. Въ послѣдней главѣ дается общая характеристика «государственныхъ преступниковъ» въ Россіи.

Даже въ этихъ небольшихъ отрывкахъ выступаютъ ярко достоинства мастерскаго кенановскаго изложенія. Сжато, мѣтко, то съ художественной простотой и изяществомъ, то академически-объективно, съ научными и статистическими аргументами, авторъ раскрываетъ предъ нами всю подноготную правительственной борьбы съ политическими «преступниками», все безуміе этой системы гоненій и нравственныхъ пытокъ, весь произволъ казеннаго механизма, развивающаго свою энергію въ сторону одного сплошнаго беззаконія. Серьезный и осторожный изслѣдователь, Кенанъ щепетильно относился къ правдѣ и, не допуская никакихъ уклоненій или преувеличеній, стремился воспроизвести картины русской дѣйствительности исключительно реальными красками, что дѣлаетъ его изслѣдованія особенно цѣнными. Взгляды Кенана, его субъективная оцѣнка и выводы не всегда вѣрны. Въ отмѣченныхъ и вошедшихъ въ брошюру четырехъ главахъ можно отмѣтить, напримѣръ, его

совершенно невѣрное объясненіе системы террора партіи «Народной Воли»—одною мествю за тюремный режимъ и жестокость жандармскихъ дознаній. Но независимо отъ этого Кенанъ собралъ массу такого цѣннаго матеріала, особенно путемъ непосредственнаго опроса политическихъ «преступниковъ», который, можно почти съ увѣренностью сказать,—почти погибъ бы для исторіи, за смертью участниковъ движенія или по другимъ причинамъ, и въ этомъ его главнѣйшая заслуга. Какъ матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія, книга Кенана, обѣщаннаго полного перевода которой мы будемъ ждать съ нетерпѣніемъ,—имѣетъ громадную цѣну. Теперь мы вступили въ другой періодъ революціонной жизни, который несетъ намъ новый крутой переломъ, но все же страницы книги Кенана полны еще современности. То, что было двадцать лѣтъ назадъ, повторяется и теперь. Декабрьская и январьская реакція 1906 года только сгущаютъ кенановскія краски въ картишѣ политическаго режима настоящей минуты. Тюремный строй и жандармщина вмѣсто суда царятъ и теперь въ ихъ старой неприкосновенности, и многія страницы книги Кенана точно выхвачены изъ текущей газетной прессы и текущихъ событий. И устарѣвшая будто бы книга друга русской свободы опять оживаетъ, напоминая о суровомъ долгѣ продолжать борьбу...

Ник. Аш.

13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки Людмилы Александровны Волкенштейнъ. Спб. Изданіе Балашева, 1906 г. Цѣна 20 коп.

Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ впервые были изданы въ Лондонѣ въ 1900 г. Чертковымъ съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Это были одни изъ первыхъ извѣстій о томъ, что цѣлыхъ 15 лѣтъ до того происходило за стѣнами той страшной крѣпости, въ которой было замуровано столько дорогихъ для русскаго общества политическихъ дѣятелей. Впослѣдствіи появились воспоминанія и нѣкоторыхъ другихъ шлиссельбуржцевъ. Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ будутъ всегда занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ и исторіи Шлиссельбургской крѣпости, какъ талантливый яркій рассказъ лица, переживавшаго всѣ ужасы долгой, мучительной тюремной жизни.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. А. Волкенштейнъ говоритъ, между прочимъ, что многихъ сторонъ жизни въ тюрьмѣ «она не считала удобнымъ касаться, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ причинамъ». Ея воспоминанія писались и печатались во времена Сипягина и Плеве. Въ настоящее время эти затрудненія въ значительной степени, кажется, устранены, и русскіе читатели будутъ ждать отъ Л. А. Волкенштейнъ въ новыхъ изданіяхъ ея воспоминаній рассказовъ о томъ, что раньше она вынуждена была выпустить. Надѣмся, что, кромѣ описанія своего пребыванія въ Шлис-

сельбургской крѣпости, она расскажетъ также о своемъ участіи въ дѣлѣ Крапоткина въ 1879 г., послѣ чего ей пришлось эмигрировать до 1883 г., объ арестѣ въ 1883 г., судѣ, и защитѣ все, что ея память сохранила о встрѣчахъ съ различными замѣчательными дѣятелями русскаго освободительнаго движенія ¹⁾. Такимъ революціоннымъ дѣятелямъ, какъ шлиссельбуржцамъ, слѣдуетъ подробно записать свои воспоминанія:

*„Молодымъ людямъ—на поученіе,
Старымъ людямъ—на послушаніе“.*

Не можемъ не отмѣтить, къ сожалѣнію, той небрежности—если не сказать болѣе,—съ какою нѣкоторые издатели относятся даже и къ такимъ произведеніямъ, какъ воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ. Редакція «Всемирнаго Вѣстника», а за ней и г. Балашевъ, не только не потрудились снестись съ авторомъ воспоминаній относительно ихъ изданія, но даже не сочли обязательнымъ для себя внимательно отнестись къ самой перепечаткѣ этихъ воспоминаній и издали ихъ не по лондонскому изданію, а по изданію берлинскихъ спекулянтовъ-книгопродавцевъ.

Редакція журнала «Былое» проситъ г. книгоиздателей присылать ей для рецензій выходящія новыя книги историческаго содержанія.

---

¹⁾ Увы, эти строки обращены уже къ мертвой, но тѣмъ большую обязанность налагаетъ это обстоятельство на лицъ, знавшихъ коротко покойную, рассказать подробно объ ея жизни, борьбѣ и страданіяхъ. *Ред.*

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходить, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ тѣмъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластия.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы, какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казни лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почтитъ *всѣхъ* своихъ героев-мучениковъ, страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 23 человекъ¹⁾), не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находятъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ же дать ему сильное выраженіе. Въдъ это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Теперь уже только 22...

оградить этихъ изстрадавшихся людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—озаботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постоянного шлиссельбургскаго фонда. Съ этой цѣлью Комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участие самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально «Союзомъ Союзовъ» Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдателя—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ, Ст. Удѣльная, Финл. ж. д.).

Секретарь — В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (Ямская ул., д. 25, кв. 8).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурдѣвъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, В. И. Засуличъ, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Л. П. Купріянова, П. Н. Милюковъ, Б. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы — посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности *всѣхъ* лицъ, когда-либо томившихся въ шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ и др.), но недостаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. (Грачевскій, Арончикъ, Исаевъ, Савелій Златопольскій, Милавскій, Щедринъ,

Кобылянский, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій, Манучаровъ, Игнатъ Ивановъ, Вас. Ивановъ, Ларовской, Ник. Рогачевъ, Осипановъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Ченегинъ, Васильевъ и Гершковичъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему биографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—при чемъ чѣмъ полнѣе—тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: *Петербургъ, Редакція журнала «Былое», Спаская ул., 25, кв. 20, Василію Яковлевичу Яковлеву-Богучарскому (Просятъ посылать заказными)*. Само собой разумѣется, что весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступитъ всецѣло въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета В. Селевскій.

Секретарь В. Богучарскій.

Въ № 328 газеты «Наша Жизнь» за 1905 г. помѣщена статья В. Я. Богучарскаго „Къ увѣковѣченію памяти славныхъ“, которую мы воспроизводимъ здѣсь полностью:

„Въ № 313 „Нашей Жизни“ помѣщено письмо въ редакцію подполковника Маркова, которое съ величайшимъ удовольствіемъ мы процитируемъ полностью еще разъ, дабы тѣ изъ читателей газеты, которые, по какой-либо случайности, его не прочли, имѣли бы возможность ознакомиться съ идеей почтеннаго г. Маркова. Письмо его гласитъ:

„Я вѣрно не ошибусь, сказавъ, что ни одна страна не дала столько мучениковъ за политическое освобожденіе своего народа, какъ наша многострадальная Россія.

„Теперь, когда свобода уже не уйдетъ отъ насъ, — священный долгъ освобожденныхъ увѣковѣчить память освободителей. Можетъ быть, самымъ достойнымъ памятникомъ былъ бы обширный мавзолей, увѣчаный статуей свободы, внутри котораго были бы сосредоточены всѣ предметы, говорящіе объ этихъ народныхъ герояхъ: портреты, вещи, вся литература о нихъ, а стѣны были бы увѣшаны мраморными досками съ золотыми именами погибшихъ. Пусть грядущія поколѣнія черпаютъ здѣсь примѣры истинной любви къ родинѣ и гражданского долга.

„Какъ починъ въ дѣлѣ, прилагаю скромную ленту въ 25 р.“.

„Мы глубоко вѣримъ, что идея г. Маркова будетъ осуществлена, и обновленная Россія созиждетъ достойный памятникъ борцамъ за

ея свободу, но это дѣло, во всякомъ случаѣ, хотя и близкаго, но все-таки будущаго, а необходимо было бы предпринять что-либо для увѣковѣченія памяти погибшихъ въ борьбѣ за свободу въ настоящее же время. Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи могло бы явиться изданіе всѣхъ политическихъ процессовъ, начиная съ процесса декабристовъ, а можетъ быть, и ранѣе. Подобное многотомное изданіе, въ особенности, если его снабдить надлежащими комментаріями и указаніями, явилось бы однимъ изъ первоисточниковъ для изученія исторіи русскаго освободительнаго движенія и тѣмъ положило бы начало «увѣковѣченію памяти славныхъ». Разумѣется, одними политическими процессами дѣло не могло бы быть исчерпано. Параллельно съ такимъ основнымъ изданіемъ слѣдовало бы издавать и сборники относящихся къ соотвѣтствующимъ періодамъ освободительнаго движенія всякаго рода матеріаловъ, документовъ и проч., а можетъ быть, и создать специальный историческій журналъ. Тутъ же могъ бы образоваться и такой складъ подлинныхъ мемуаровъ, писемъ, документовъ, фотографій, автографовъ, разнаго рода вещей и проч., который современемъ и долженъ былъ бы поступить—непремѣнно, какъ собственностью всего народа, — во всенародный памятникъ-музей русскої революціи. Я пишу эти строки не для того только, чтобы бросить предлагаемую идею въ общество, какъ нѣчто такое, къ чему совершенно еще не приступлено, а имѣя въ виду и указать по этому поводу на одно обстоятельство конкретнаго характера. Дѣло въ томъ, что излагаемая мною здѣсь идея уже возникла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ небольшомъ кружкѣ лицъ, который, собравъ для этой цѣли нѣкоторыя пожертванія, приступилъ тогда же къ ея осуществленію. Было рѣшено начать выпускать въ хронологическомъ порядкѣ рядъ сборниковъ политическихъ процессовъ подъ скромнымъ названіемъ «Государственные преступления въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Собираніе и концентрація для этой цѣли матеріаловъ, составленіе самихъ сборниковъ, ихъ редактированіе, снабженіе вступительными статьями и примѣчаніями было поручено мнѣ, что я и началъ исполнять подъ псевдонимомъ *В. Базилевскаго*. Присканіе издателя взяло на себя другое лицо. Времена стояли тяжелыя, и о такого рода изданіи въ самой Россіи нечего было и думать. Для перваго тома испробованъ былъ поэтому такой приемъ: этотъ томъ былъ изданъ за границею, но въ него включены матеріалы по исторіи «Государственныхъ преступленій въ Россіи» исключительно лишь официальные, опубликованные во всеобщее свѣдѣніе въ собственныхъ изданіяхъ самимъ русскимъ правительствомъ. Такихъ матеріаловъ, обнимающихъ царствованіе Николая Перваго, а также 60-ые и первую половину 70-хъ годовъ истекшаго вѣка, набралось на книгу въ *сорокъ* печатныхъ листовъ мелкаго шрифта. Кое-кому казалось, что составленная такимъ способомъ книга могла свободно быть допущена въ Россію, но это, какъ вскорѣ и доказалъ сдѣланный опытъ, могло казаться лишь тѣмъ, кто наблюдалъ за дѣйствіями русскаго правительства изъ того или иного «прекраснаго далека», а не инициато-

рамъ изданія, слишкомъ близко знакомымъ съ тѣмъ безграничнымъ произволомъ, который составлялъ самое существо русскаго самодержавнаго строя. Экспериментъ рѣшено было произвести въ такой формѣ: нѣмецкій издатель перваго тома, извѣстный социаль-демократъ и депутатъ германскаго рейхстага Дитцъ подалъ *отъ себя* Главному управленію по дѣламъ печати прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на то, что книга содержитъ въ себѣ *исключительно* материалы, опубликованные самими правительствомъ, просилъ о разрѣшеніи свободнаго пропуска ея въ Россію для продажи въ магазинахъ. На это Дитцъ получилъ слѣдующій, опубликованный въ № 59 «Освобожденія», отвѣтъ:

«М. в. д. Центральный комитетъ иностранной цензуры. С.-Петербургъ, 9 октября 1904 года. № 3392. Въ книгоиздательское Товарищество І. Г. В. Дитца въ Штутгардѣ. Вслѣдствіе представленнаго 8 іюня н. ст. сего года въ Главное управление по дѣламъ печати прошенія о допущеніи къ распространенію въ Россіи изданной книгоиздательскимъ Товариществомъ І. Г. В. Дитца книги: «Государственные преступления въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщений. Составленъ подъ редакціей В. Базилевскаго. Томъ первый. 1825—1876 годъ. Stuttgart 1903 года»,—центральный комитетъ иностранной цензуры имѣетъ честь увѣдомить Товарищество, что означенная книга, постановленіемъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета 30 сентября сего года, признана подлежащей *запрещенію* ко ввозу въ Россію. Предсѣдатель центр. ком. иностр. цензуры *вр. А. Муравьевъ*. Завѣдывающій канцеляріею старшій цензоръ (фамилія написана неразборчиво).

«Русское правительство расписалось... въ чемъ,—для каждаго ясно, а ультралегальная книга, представлявшая къ тому же продуктъ громаднаго труда (нужно было пересмотрѣть въ Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, начиная съ 1825 г. изъ номера въ номеръ всѣ «Сенатскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Сѣверную Почту» (официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1862 по 1868 г.) и проч., дабы гомеопатическими дозами добывать и списывать оттуда все относящееся къ «государственнымъ преступлениямъ») стала появляться въ Россіи лишь путемъ нелегальныхъ «транспортовъ». Само собою разумѣется, что убѣдившись окончательно въ томъ, въ чемъ нашъ кружокъ былъ, въ сущности, убѣжденъ и безъ того, и опубликовавши о такомъ подвигѣ русскаго правительства въ иностранной прессѣ, мы принялись за изданіе слѣдующихъ томовъ нашихъ сборниковъ, уже рѣшительно не имѣя въ виду надежды на легальный пропускъ ихъ въ Россію, и потому я сталъ помѣщать въ сборникахъ рядомъ съ официальными сообщениями о государственныхъ преступленияхъ» и все то, къ нимъ дополнительное, о чемъ правительство умалчивало, но что, тѣмъ не менѣе, появлялось въ русской нелегальной печати. Задача значительно расширилась и вскорѣ пришлось подумать о томъ, чтобы, наряду съ основными томами, которые продолжали выходить подѣ

прежнимъ названіемъ «Государственныя преступленія въ Россіи», издавать томы, къ нимъ дополнительные, заключающіе въ себѣ сборники документовъ, характеризующихъ революціонное и оппозиціонное движеніе разныхъ эпохъ. Для полноты такихъ дополнительныхъ томовъ потребовалось исполнить новую задачу: необходимо стало заняться розыскомъ множества ставшихъ чрезвычайно библиографической рѣдкостью журналовъ, листовъ, прокламацій и проч., относящихся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, и хотя въ этомъ дѣлѣ мнѣ оказалъ цѣнную помощь извѣстный эмигрантъ-библиографъ В. Л. Бурцевъ, хотя для этой цѣли и были пересмотрѣны мною многія русскія бібліотеки за границею, русскій отдѣлъ Британскаго Музея въ Лондонѣ и, съ любезнаго разрѣшенія многихъ извѣстныхъ русскихъ эмигрантовъ, ихъ личные архивы, тѣмъ не менѣе, многого, очень многого не хватало. Но тутъ помогли двѣ замѣчательныя случайности, благодаря которымъ въ мое распоряженіе были переданы двѣ очень цѣнныя коллекціи старыхъ нелегальныхъ изданій,—одна П. Н. Милюковымъ, другая—А. В. Пѣшеховымъ. Въ этихъ коллекціяхъ оказалось многое изъ того, что тщетно разыскивалъ я до того времени и въ Россіи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и во Франціи, и въ Англии. Изъ совокупности такихъ-то матеріаловъ мною, на ряду съ тремя томами «Государственныхъ преступленій въ Россіи» (доведено до знаменитаго процесса 193-хъ включительно), и издано еще три дополнительныхъ къ нимъ тома («Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ» и «Литература партіи Народной Воли»), всего, слѣдовательно, пока шесть томовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе двухсотъ печатныхъ листовъ. Томъ 7-й начатъ печатаніемъ за границею, но теперь приостановленъ. Въ настоящее время я намѣренъ при первой возможности переиздавать всѣ эти тома въ Россіи и затѣмъ продолжать ихъ дальнѣйшіе выпуски, для чего у меня собрано весьма значительное количество матеріаловъ. Лицъ, интересующихся этимъ дѣломъ и желающихъ войти со мною по этому поводу въ сношенія, я прошу писать мнѣ по такому адресу: *Петербургъ. Редакція газеты „Наша Жизнь“, В. Я. Богучарскому.* Что же касается собранныхъ мною разнаго рода изданій и документовъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, между которыми находятся и чрезвычайно рѣдкіе, то, само собою разумѣется, что я сочту своимъ долгомъ передать ихъ всѣ въ общественную собственность, какъ только возникнетъ такое или подобное такому учрежденіе, создать которое въ память борцовъ за свободу призываетъ русское общество г. Марковъ».

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 2 ФЕВРАЛЬ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Незданная статья А. И. Герцена	1
2. Милость (<i>изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равенствѣ</i>). М. Ф. Фроленко	5
3. Дѣло Д. И. Писарева (<i>по неизданнымъ источникамъ</i>) М. К. Лемке	21
4. Изъ исторіи „Общества св. Кирилла и Меѳодія“ (I. <i>Уставъ и правила</i> . II. <i>Прокламаціи</i>).	73
5. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. (<i>Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей</i>). Продолженіе. В. И. Семевскаго	76
6. Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ (<i>5 стихотвореній</i>) Н. А. Морозова	121
7. Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ (<i>по неизданнымъ источникамъ</i>). Н. П. Сильванскаго	124
8. Александръ Дмитріевичъ Михайловъ (I. <i>Автобіографическія замѣтки</i> . II. <i>По прочтеніи автобіографіи</i> . А. П. Корбы . III <i>Завѣщаніе А. Д. Михайлова</i>)	158
9. Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 г. Н. Волкова	176
10. Петръ Григорьевичъ Каховскій (<i>историко-психологическій этюдъ</i>). Окончаніе. П. Е. Щеголева	184
11. Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.	213
12. Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ (<i>процессъ И. М. Ковальскаго</i>). Н. А. Виташевскаго	219
13. Къ исторіи дѣла Петрашевскаго.	244
14. Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому (<i>общимъ М. К. Лемке</i>).	248
15. Къ біографіи Ипполита Никитича Мышкина (<i>изъ воспоминаній</i>). М. Р. Попова	250

16. Размолвка съ міромъ (неизданное стихотвореніе) Н. П. Огарева	269
17. Отрывки изъ писемъ бывшаго шлиссельбуржца. П. С. Поливанова	272
18. Кошмаръ (<i>стихотвореніе</i>) П. С. Поливанова	278
19. Памяти Л. А. Волкенштейнъ. В. Панкратова	280
20. Рѣчь Н. Ф. Бунакова, произнесенная имъ 26 августа 1902 г. въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности.	283
21. Нелишнее разъясненіе Л. Ф. Пантелѣва	286
22. Изъ Гейне (стих. въ неискаженной цензурою редакціи). М. И. Михайлова	287
23. Историческая библиографія (<i>Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова.—С. Ф. Русовой. Дѣла собственной Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ.—П. Щ. Убійство 3-хъ министровъ.—В. В-ва. Собраніе стихотвореній декабристовъ. Изд. Фомина.—П. Щ. Собраніе сочиненій и переписка К. Ф. Рыльева. Изд. Балашова.—Э. Королева</i>).	288
24. Отъ Шлиссельбургскаго Комитета	302
25. Современная лѣтопись.	305

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: А. Д. Михайлова, С. Н. Халтурина, П. И. Пестеля, М. В. Буташевича-Петрашевскаго и И. Н. Мышкина.

Въ январьской кн. были помѣщены портреты: Л. А. Волкенштейнъ, М. Ю. Ашенбреннера, П. Г. Каховскаго, Н. Е. Суханова и рисунокъ, изображающій заковку въ кандалы М. И. Михайлова передъ отправленіемъ его въ каторгу.

Въ этой книгѣ должны были быть набечатаны воспоминаія о Л. А. Волкенштейнѣ В. Н. Фигнеръ, но, по болѣзни автора, онѣ не могли быть своевременно присланы и потому будутъ помѣщены въ слѣдующей книгѣ.

Александръ Дмитріевичъ
МИХАЙЛОВЪ.

Неизданная статья А. И. Герцена ¹⁾.

(Посвящено сестрѣ Ольгѣ)

День былъ душный, солнце жгло всея іюньской силою, потоки огня лились на дома и улицы, и разгорѣвшаяся Москва едва дышала воздухомъ, зараженнымъ міазмами, перемѣшанными съ густою пылью. Въ это время съ другомъ дѣтства посѣтилъ я Воробьевы горы. Тамъ алтарь нашей дружбы, тамъ нѣкогда мы, еще дѣти, еще чужіе, впервые раскрыли наши души „и Рафаилъ нашель столь близкаго родного въ Юліи“. Молча взошли мы на гору, молча стояли на платформѣ. Есть минуты, въ которыя вполне чувствуешь недостатокъ земного языка, хотѣлъ бы высказаться какой-то гармонією, музыкой. Музыка—невещественная дочь вещественныхъ звуковъ, она одна можетъ перенести трепеть одной души въ другую, перелить сладостное, безотчетное томленіе...

30 верстъ Москвы, этого іероглифа всей Россіи, опоясанной узкой рѣкою, стелились передъ нами, индѣ—облитая полосою свѣта, индѣ—затемненная облакомъ, съ своими минаретами-колокольнями, домами, Кремлемъ, Иваномъ Великимъ, съ своей готической вольной неправильностью. Долго смѣтрѣли мы. Наконецъ, удрученные, бросились на ступеньку, окружающую надгробный памятникъ великому намѣренію монументально увѣковѣчить славу 1812 года, подѣлиться

¹⁾ Печатаемая статья Герцена—одно изъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ его юношескихъ произведеній, въ которыхъ такъ много матеріала для характеристики его идеалистическаго періода. На эту именно статью указывалъ Герценъ въ письмѣ отъ 6 іюля 1833 года къ Натальѣ Александровнѣ Захарьиной, когда писалъ ей такія строки: „у меня есть статья о Воробьевыхъ горахъ, я ее прочту вамъ и Эм. Мих., я о ней, кажется, уже говорилъ вамъ. Дивно дѣйствіе нагорнаго воздуха!“ и т. д. Последующія нѣсколько строкъ почти дословно повторяютъ двѣ-три фразы изъ печатаемой здѣсь статьи. Это позволяетъ болѣе или менѣе точно опредѣлить время написанія статьи: іюнь 1833 года, т. е. время наиболѣе напряженнаго увлеченія первой любовью къ Людмиль Петровнѣ Пассекъ. Сестрѣ ея, Ольгѣ, способствовавшей частымъ свиданіямъ обѣихъ сторонъ, Герценъ и посвятилъ статью, не давъ послѣдней никакого заглавія. Статья печатается съ подлиннаго автографа, съ разрѣшенія сына А. И. Герцена—профессора Лозанскаго университета, А. А. Герцена, за что и приношу ему искреннюю благодарность. *Мих. Лемке.*

ею съ самимъ Богомъ. Тогда былое, подобно туману, покрыло пеленою своей городъ родины и самыя горы. Мы вспомнили, какъ тутъ, при переходѣ изъ младенчества въ юношество, насъ поразила мысль высокая; какъ наши души бросились въ ея объятія, какъ онѣ въ нихъ потонули, какъ я ее самъ обнялъ. Я боялся высказать ему мысль свою... и нынѣ нашелъ въ немъ товарища на весь тернистый путь, и нынѣ бытіе наше судорожно обвилось около этой мысли, и съ нею мы выше толпы, а безъ нея мы ничтожны.

Немного времени прошло послѣ того,—какіе-нибудь 8 лѣтъ; но какая въ насъ перемѣна. Менѣе самоотверженія, болѣе славолубія; менѣе энтузіазма, болѣе фанатизма; менѣе вѣры, болѣе разочарованія; менѣе поэзіи, болѣе прозы. Даже лицо наше было не то юношеское, чистое; кое-гдѣ виднѣлись колеи страстей жгучихъ и смердящіяся признаки встрѣчи съ людьми. Истомленное лицо было въ пыли городской, и въ глазахъ менѣе свѣта яснаго, болѣе огня порывистаго. Но въ эту священную минуту мы очистились; какаят-то высшая поэзія смыла съ насъ все земное, мы опять погрузились въ нѣмую созерцательность и тогда не думали ни о чемъ,—только чувствовали. Полнота чувствъ исключаетъ умъ. Дивно вліяніе воздуха нагорнаго! Поэты великіе описывали его, но какъ недостаточно. Поэтъ можетъ только съ успѣхомъ описать порывы души своей: но тутъ, кромѣ души, есть еще природа живая, и горе, ежели дерзкое перо вздумаетъ ее описывать: тутъ всегда останется ужасное разстояніе между твореніемъ чловѣка и твореніемъ Бога, между отторженными частями природы Вернетовой и всею дѣлостью природы настоящей.

Я вынулъ Шиллера и Рылѣва. Какъ ясны и свѣтлы въ ту минуту казались намъ эти великіе поэты. Мы читали одного и понимали глубокую, мечтательную поэзію его; читали другого—и понимали его самоотверженную, страдальческую душу. Звучный, сильный языкъ Шиллера подавлялъ насъ. „Какъ ярящійся потокъ изъ разсѣлинъ, скалъ, льющійся съ грохотомъ грома, подмывая горы и унося дубы“, пѣвецъ Войнаровскаго смотрѣлъ на меня и мнѣ говорилъ:

Ты все поймешь, ты все оцѣнишь.

Наконецъ . . . . . Наконецъ, подошелъ къ намъ солдатъ, который бережетъ отъ русскихъ плиту, свидѣтельствующую о невыполненномъ обѣщаніи памятника русской славы, и механическимъ голосомъ, который такъ симпатизируетъ съ механическимъ шагомъ, съ механическимъ мундиромъ, съ механической силою нашего солдата, нѣчто въ родѣ шомпола при ружьѣ, сказалъ: „Смѣна! Извольте идти“. Да, ты правъ, смѣна, смѣна съ твоими словами взошла въ душу мою; пропало небо, опять земля съ душными испареніями своими. Паденіе было ужасное, и я, Клодъ Фролло, бѣжалъ съ своимъ другомъ, взглянувъ еще разъ на видъ, который былъ тотъ же, но производилъ совсѣмъ другое дѣйствіе. Эта толпа строеній, эта огромная тюрьма,—все казалось страшнымъ, и солнце жгло со всей юньской силою. Такъ взоры дѣвы красоты живутъ, льютъ нѣгу и восторгъ; они же жгутъ, уничтожаютъ, ежели въ нихъ любовь къ другому; они же мертвятъ, ежели въ нихъ равнодушіе!

„Какъ природа хороша, выходя изъ рукъ Творца; какъ она гнусна, выходя изъ рукъ человѣка“—сказалъ Руссо. „Гдѣ остался слѣдъ человѣка, тамъ погибъ слѣдъ Бога—прибавилъ Шиллеръ.

Великіе, вы правы, вы правы.

Смерклось. Трещать дрожки по скверной мостовой; мы въ Москвѣ. Опять 300,000 жителей, отравленный воздухъ, опять толпа развратная, безчувственная. Тамъ священникъ идетъ съ дарами продавать рай, не вѣря во Христа; тамъ судья продаетъ совѣсть и законы; тамъ солдатъ продаетъ свою кровь за палочные удары; тамъ будочникъ, угнетенный квартальнымъ, притѣсняетъ мужика; тамъ купецъ обманываетъ покупателя, который желалъ бы обмануть купца; тамъ блѣдныя толпы полуодѣтыхъ выходятъ на минуты изъ сырыхъ подваловъ, куда ихъ бросила блѣдность. Но глядите выше, въ окна. Тамъ еще лучше человѣкъ, тамъ онъ дома, безъ покрывала. Здѣсь юноша приучается къ разврату въ трактирѣ; тамъ другой убиваетъ свою поэтическую душу школьными бреднями невѣждъ-учителей; тамъ дѣти желаютъ смерти добраго отца; тамъ отецъ гнететъ дѣтей; тамъ жена, лаская мужа, обдумываетъ измѣну; тамъ блѣдная стая игро-

ковъ съ яростью грабить другъ друга; тамъ ростовщикъ съ металлическимъ лицомъ, съ запахомъ серебра разоряетъ отца семейства; тамъ, наконецъ, гдѣ окна полузавѣшаны, гдѣ штора съ пренебреженіемъ отвергають свѣтъ, тамъ... отвернитесь... тамъ любовь продается цѣною злата.

Люди, люди! Гдѣ вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздухъ, васъ окружающій, и вода текущая, и земля, по которой ходите. Но небо, небо! Оно чисто, оно таково, какъ въ первый день творенія, дыханіе пресмыкающихся не достигаетъ его. Туда! Туда!

Тотъ міръ открытъ для наслажденья:
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски и нѣтъ мученья,
И страсти не волнуютъ кровь!

Ал. Герценъ.

Милость.

(Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ).

... О нашемъ судѣ (о' процессѣ 20-ти 1882 г.) ¹⁾ много говорить не буду. Упомяну лишь про одинъ случай, указывающій, какъ иногда сбиваютъ съ толку неопытныхъ людей.

Разбиралось мое дѣло. Предсѣдатель попросилъ докладчика (я не знаю, какъ онъ, собственно, назывался) прочесть обо мнѣ показанія Гольденберга. Эти показанія раньше мнѣ не предъявлялись. Докладчикъ встаетъ и смѣло, увѣренно начинаетъ читать, почти наизусть. Слышу отчетливо мою фамилію... „Быть не можетъ, чтобы тамъ была моя фамилія!“ — вскакивая, громко сказала я. Докладчикъ отбѣшилъ, уткнулся въ книгу... — «Виновать! тутъ написано Фоменко!» — замѣчаетъ онъ сконфуженно и уже безъ всякой увѣренности продолжаетъ читать. Къ тому же и примѣты, оказалось, не подходятъ: Гольденбергъ сдѣлалъ меня рыжимъ, а судьи видятъ темно-русаго человѣка... Въ нашемъ судѣ эта ошибка, конечно, не могла имѣть серьезнаго значенія, но при другихъ обстоятельствахъ и человѣка могла погубить.

Кончился судъ. Разъ прочли намъ приговоръ; чрезъ нѣсколько дней еще разъ. Проходя изъ залы суда въ камеры, мы немного задержались въ корридорѣ предварилки. О приговорѣ, о тѣхъ ужасахъ, что ожидаютъ насъ впереди, какъ-то не думалось; не было яснаго представленія въ головахъ. Прощались будто на время. Никому и въ голову не приходило, что это было послѣднее прости и, только придя въ камеру, каждый изъ насъ невольно былъ охваченъ какой-то неопредѣленной тоской, предчувствіемъ... Явился Муравьевъ ²⁾, спросилъ о заявленіяхъ и сталъ уговаривать подать прошеніе о помилованіи, сказавъ, что наше дѣло пойдетъ еще на разсмотрѣніе государя и пробудетъ тамъ недѣли двѣ. Я отказался. Онъ ушелъ. У дверной форточки скоро показался начальникъ предварилки и тоже

¹⁾ См. Процессъ 20-ти народовольцевъ въ январской книгѣ „Взглядъ“. Ред.

²⁾ Прокуроръ С.-Петербург. Суд. Палаты, впоследствии — министръ юстиціи.

стать толковать о подачѣ прошенія, но, получивъ отказъ, выпросилъ себѣ нашъ обвинительный актъ. Зачѣмъ ему это понадобилось—не знаю.

На другой день насъ перевели въ Петропавловку—въ Трубечкой бастионъ. На этотъ разъ мнѣ попалась свѣтлая, теплая камера № 47 или 48.

Первое, чѣмъ я занялся тутъ,—было леченіе желудка. Въ предварилкѣ доктора отъ меня совершенно отступились; теперь я самъ придумалъ себѣ супъ изъ курицы съ черносливомъ и финиками. Помогло. Полагаю, что этому способствовала и камера, и еще болѣе душевное состояніе, замѣчательно спокойное и ясное. Вскорѣ попалась мнѣ въ руки „Технологія“ Вагнера. Книга эта сильно заинтересовала меня, и я весь ушелъ въ чтеніе. Раньше мнѣ не приходилось читать техническихъ книгъ. Онѣ казались мнѣ очень мудреными. Простота и удобопонятность изложенія Вагнера удивили меня теперь и увлекли. Помню, такъ читалъ я только въ дѣтствѣ „Робинзона“. Незамѣтно прошла недѣля, еще нѣсколько дней; что-то напомнило мнѣ о двухъ-недѣльномъ срокѣ... Успѣю! Отмахнулся было я и снова принялся за чтеніе, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, рѣшилъ остановиться и обдумать, какъ поступать предъ смертію. Вѣдь не завтра, такъ послѣ завтра надо было ждать окончательнаго рѣшенія... Призвалъ на помощь память... Требуя перо, чернилъ, бумагу и пишутъ прощальныя письма,—вспоминается изъ прочитаннаго и слышаннаго въ разное время,—затѣмъ покупаютъ вина, закусокъ, фруктовъ и, подкрѣпивъ себя, идутъ умирать. Отлично!... такъ и сдѣлаю! рѣшаю вопросъ и, порѣшивъ, снова принимаюсь за технологію.

Былъ веселый, свѣтлый день; съ книгой въ рукахъ шагаль я вдоль окна, ничего еще не ожидая. Вдругъ загромыхало за дверью, и въ камеру вошли какой-то генераль, Лѣсникъ (смотритель) и двое штатскихъ. Генераль, съ веселымъ, ободряющимъ лицомъ, направился ко мнѣ... „Ну, молитесь Богу и благодарите Государя! Вы помилованы!“ радостно, на ходу говорилъ онъ, приближаясь. Я остановился, едва наклонивъ голову и не выражая на лицѣ ни радости, ни благодарности. Холодность моего приѣма, видимо, его нѣсколько удивила. Улыбка исчезла на лицѣ: что, молъ, сей сонъ означаетъ... Но это продолжалось не долго; взглянувъ еще разъ и рѣшивъ, что человекъ отъ радости, видно, рехнулся, онъ круто повернулъ назадъ, и вся компанія исчезла. Я остался стоять на мѣстѣ. „Еще неизвѣстно, во что обернется эта милость“—промелькнуло у меня въ головѣ, и радости на душѣ никакой не было.

— Дайте перо, чернила и бумаги!—потребовалъ я вскорѣ.

Когда это желаніе мое было исполнено, я написалъ письмо и прошеніе о позволеніи обвѣнчаться съ моей невѣстой; тутъ же для чего-то прибавилъ, что согласенъ ѣхать на Сахалинъ, для отбыванія каторги... Кто-то, когда-то втолковалъ мнѣ, что на Сахалинъ посылають лишь съ согласія самихъ каторжанъ... Увы! На просьбу о вѣнчаніи отвѣтили отказомъ; о Сахалинѣ совсѣмъ промолчали...

Въ день помилованія или на другой пришла и моя матушка на свиданіе. Она уже знала о фактѣ помилованія и въ простотѣ сердечной полагала, что это помилованіе полное. Кто-то, должно быть, сказалъ ей, что черезъ годъ насъ пошлютъ въ Сибирь, и что мы увидимся, а она, бѣдняга, поняла, что черезъ годъ мы можемъ зажить съ ней вмѣстѣ, и теперь на свиданіи мечтала объ этомъ вслухъ, подбадривая меня. Вообще старушка крѣпилась и не подавала виду, что ей тяжело. Разувѣрять ее и растолковывать настоящее положеніе вещей я, конечно, не хотѣлъ, и свиданіе прошло безъ слезъ, спокойно. Я просилъ мать не смущаться, если отъ меня временно не будетъ писемъ: „Вы же пишете чаще!“ просилъ я въ надеждѣ, что письма будутъ передаваться... Наивная надежда!.. Прошло незамѣтно полчаса—я и матушка тянемся черезъ окно поцѣловаться на прощаніе...

— Нельзя!—кричитъ и быстро вскакиваетъ между нашими головами Соколовъ— „иродъ“.

Этого уже не смогла вынести матушка, стойкость ея была сломлена, и она разрыдалась... Бѣдная! еще хорошо, что она не догадывалась, что это было послѣднее прощаніе, что мы такъ и не увидимся больше. Она умерла въ 1899 г., ускоривъ смерть попыткой самоубійства. Ее спасли, но черезъ годъ она все-таки умерла.

Я выскочилъ со свиданія, какъ полупомѣшанный и, только очутившись у своей камеры, замѣтилъ, что издаю какіе-то странные звуки, точно захлебываюсь отъ вливаемой мнѣ въ горло воды, и точно кто-то сдавилъ его тисками... Такъ-то началась „милость“!

Намъ объявили 20-го или 21-го марта о помилованіи.

Въ пятницу 15-го марта, ночью, слышу сквозь сонъ, громыхаеть дверь, кто-то вошелъ. Не успѣлъ я раскрыть глаза, какъ слышу обычное: „Въ комиссію“! Поднимаюсь; у кровати стоятъ унтера, кладутъ одежду. Первое, что мнѣ пришло въ голову со сна,—не выпросила ли матушка новое свиданіе, чтобы попрощаться, какъ слѣдуетъ. Спѣшу одѣться и, не запажнувшись, бѣгу скорѣй въ комиссію, которая была внѣ Трубецкой тюрьмы. Темнота у входа, мракъ на лѣстницѣ вызываютъ во мнѣ смутное недоумѣніе... Поднимаюсь на

верхъ; тамъ стоитъ на площадкѣ Соколовъ; дверь въ комнату допросовъ и свиданій заперта... „За мной!“—слышу вдругъ рѣзкое шипѣнье Соколова, какъ только поднялся я на верхнюю площадку. Налѣво оказалась дверь, а за ней спускъ на улицу. Лампа-коптилка бросала тусклый свѣтъ. Дверь на улицу была открыта, и тамъ видѣлась мрачная питерская ночь... Можно было подумать, что спускаешься въ подземелье. Соколовъ былъ впереди одинъ. Выйдя на улицу, охваченный темнотою, я слегка задержалъ шаги,—и въ тотъ же моментъ двѣ невидимыя руки подхватили меня подъ руки, и мы повернули налѣво. Соколовъ даже не оглянулся, такъ былъ увѣренъ въ ловкости своихъ агентовъ. Жандармы стояли, вѣрно, у выходныхъ дверей, но я ихъ не замѣтилъ... Мы пошли между монетнымъ дворомъ и Трубецкимъ бастиономъ. Далѣе дорогу перегородила стѣна съ воротами; за нимъ чернѣли налѣво другія ворота въ Алексѣевскій рavelинъ. Здѣсь насъ, какъ будто, не ожидали. Открылась калитка, и мы вошли подъ своды крѣпостной стѣны; вдали видѣлась вода, ближе что-то темное, точно берегъ, и на немъ мерцалъ огонекъ. „Топить ведутъ!“ мелькнуло инстинктивно въ головѣ... Но съ этой перспективой я, помню, какъ-то удивительно скоро примирился. Ну, что жъ, пускай и топятъ! И въ то же самое время, почувствовавъ, что при выходѣ изъ воротъ, на меня пахнулъ холодный, сырой вѣтеръ съ Невы, я убоялся простудиться. Торопясь на свиданіе, я не успѣлъ, какъ слѣдуетъ застѣнуться. Когда жандармы подхватили меня подъ руки, они еще болѣе распахнули мнѣ грудь, но въ глухой улочкѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ стѣнами, это не чувствовалось: тамъ не было вѣтра... „Да закройте же мнѣ хоть грудь!“ взмолился я къ своимъ провожатымъ. Жандармы и безъ того бывшіе, очевидно, въ нервномъ состояніи (они пыхѣли, точно везли тяжесть), услыжавъ среди мертвой ночной тишины человѣческой голосъ, совсѣмъ потерялись и, вмѣсто того, чтобы спокойно застѣгнуть куртку, сопя и трясясь отъ страха, бросились зажимать мнѣ ротъ. Темнота и нервы мѣшали имъ схватить его сразу; я слышалъ, какъ по лицу ерзало что-то мягкое... Шествіе невольнo остановилось. „Что такое?“ спросилъ Соколовъ въ тревогѣ. Тутъ только я размѣялся про себя надъ своимъ опасеніемъ простуды и покорно пошелъ дальше. Вошли на мостъ. Отсюда очертанія какихъ-то зданій впереди стали яснѣй. Видно было, что огонь горитъ въ окнѣ, а не на берегу. Скоро весь фасадъ съ воротами, по срединѣ и окнами засвѣрѣлъ передъ нами. Черезъ калитку вошли подъ своды зданія, сдѣлали нѣсколько шаговъ и повернули направо въ узкій корридоръ. Это и былъ Алексѣевскій ра-

великъ, — замкнутое треугольное зданіе съ маленькимъ садикомъ внутри. Корридоръ, не прерываясь, тянулся вдоль всёхъ трехъ сторонъ равелина, начиная съ половины первой. У конца второй половины онъ упирался въ глухую стѣну. Благодаря такому расположенію, лѣвая половина передней стороны равелина была совершенно изолирована отъ прочихъ частей. Тамъ была, кажется, кухня и двѣ камеры, но кто сидѣлъ тамъ — мы въ то время не знали. Позже только выяснилось (по надписи), что въ одной камерѣ заключенъ былъ Александръ Михайловъ; куда и когда именно онъ исчезъ, я до сихъ поръ точно не знаю. Кромѣ Михайлова былъ тамъ еще кто-то: на это указывали лекарства, которыя долго выставлялись на окно корридора, и гуляя во внутреннемъ садикѣ, мы видѣли ихъ. По этой выставкѣ лекарствъ на окнахъ заключенные вообще судили, кто изъ товарищей живъ, кто умеръ... ¹⁾).

Меня завели въ самый послѣдній или предпослѣдній номеръ (18 или 19). Это была довольно просторная камера, съ плоскимъ потолкомъ, съ изразцовой печью, съ большимъ окномъ. По серединѣ стояла деревянная кровать съ волосянымъ матрасомъ, покрытымъ тонкой простыней и одѣяломъ, съ подушкой въ бѣлой наволочкѣ; подлѣ — деревянный столъ съ маленькой лампочкой, деревянный со спинкой стулъ, въ углу стульчакъ, — все такъ обычно; ничего страшнаго. Къ тому же все бѣлье дали чистое, тонкое; халатъ изъ чернаго не очень толстаго сукна, съ широкимъ поясомъ, точно по мѣркѣ сшить; маленькіе башмаки пришили, какъ нельзя лучше. Отъ волненія, а можетъ быть, и утара разболѣлась голова, но на душѣ было спокойно. Одно только показалось немного страннымъ, черезъ окно не видно было неба. Ну, вѣрно, какъ и въ Петропавловкѣ, близко крѣпостная стѣна! рѣшилъ я и, не подходя къ окну, поспѣшилъ завалиться спать. Наступило утро; проснулся я и первымъ дѣломъ глянулъ въ окно. Вотъ тебѣ и стѣны! — неволью вырвалось замѣчаніе... Въмѣсто стѣнъ придумали забѣлить совершенно всё стекла наружной рамы. Въ окнахъ видѣлись двѣ рамы. Встаю, одѣваюсь, подхожу къ окну. Ни черточки, ни точки не осталось прозрачной; что тамъ за окномъ, нельзя и разобрать. При этомъ форточки нѣтъ, а есть только въ верхней части окна небольшого діаметра жестяная трубка съ густымъ ситечкомъ на вѣншнемъ концѣ. Это ситечко очень скоро затянуло паутиной, прочистить его было нечѣмъ, и доступъ свѣжаго воздуха прекратился,

---

¹⁾ Вотъ фамиліи 11 человекъ, попавшихъ по нашему процессу въ Алексѣевскій равелинъ: Михайловъ, Кляточниковъ, Исаевъ, Лангансъ, Тригопи, Морозовъ, Баранниковъ, Тетерва, Колодзевичъ, Арончикъ и я.

но Соколовъ не обращалъ на это никакого вниманія. Позже, свернувъ въ трубку простыню, я пытался очистить вентиляторъ, но безуспѣшно: нужна была спица, а не простыня. Но въ первые дни я мало придавалъ, конечно, значенія отсутствію форточки. Явились жандармы съ Соколовымъ, принесли тазъ, мыло, воду... Надо было спѣшить умываться, чтобы не задерживать другихъ. Умывшись, поварачиваюсь къ столу. Поданъ чай, черный хлѣбъ, булка. Отлично! Постепенно совсѣмъ разсвѣло, и я принялся за болѣе внимательный осмотръ камеры. Утѣшительнаго было мало... Ремонтъ, какъ видно, производился очень давно. Потолокъ, стѣны, когда-то выкрашенные въ желтоватый цвѣтъ, покрылись свѣтловатымъ налетомъ пыли и паутины. Паутина виднѣлась также во всѣхъ углахъ. Нижняя часть стѣны аршина на полтора облѣзла: штукатурка отъ сырости превращалась постепенно, какъ видно, въ известковый пухъ. Такой пухъ виднѣлся теперь вдоль всей стѣны до высоты 1¹/₂ аршинъ. Выше, гдѣ штукатурка не смогла превратиться въ пухъ, она затвердѣла и почему-то стала почти черной. Полъ, когда-то крашенный, сохранилъ слѣды окраски лишь по окраинамъ. Впрочемъ, относительно сырости, долженъ оговориться, что настоящую равелинскую сырость я узналъ только позднѣе, въ другой камерѣ...

Насъ перевели въ пятницу ночью, теперь была суббота страстной недѣли. Несмотря на это, къ обѣду, смотрю, принесли щи съ мясомъ, жаркое и, если не путаю, что-то еще сладкое. При этомъ дали салфетку и серебряную ложку. Совсѣмъ хорошо! Пищи такъ много, что одинъ изъ насъ, не въ силахъ одолѣть ея, обратился къ Соколову съ просьбой сохранить для него жаркое на ужинъ. „Хорошо, хорошо, будемъ давать на ужинъ!“ отвѣтилъ Соколовъ самымъ серьезнымъ тономъ. Соколовъ приходилъ вмѣстѣ съ жандармами всякій разъ, когда они что-либо приносили въ камеру. День прошелъ незамѣтно въ уборкѣ, очисткѣ новаго помещенія. Вечеромъ дали чай, на ужинъ—щи. Никакихъ ужасовъ не оказывалось... Запущенность камеры, послѣ приборки, меньше бросалась въ глаза, не такъ коробила. Будущее не пугало. Предчувствіе не потревожило даже сна, и ночь подъ Пасху прошла безъ кошмаровъ...

Бодро встрѣтилъ я утро перваго дня Пасхи. Чай, пасхи, яйца рисовались впереди. Интриговалъ вопросъ, дадутъ ли еще что. Загрѣмѣлъ замокъ, внесли воду для умыванія. Я живо, торопливо бросился къ тазу и совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что принесли жандармы,—такова была увѣренность въ томъ, что режимъ субботы установился на всегда. Умылся, не успѣлъ хорошо утереться, вдругъ слышу

рѣзкое: „Раздѣться!“ Оглядываюсь и вижу, на кровати лежитъ куча стараго, сѣраго хлама, а у кровати на полу стоятъ большіе неуклюжіе коты и рваныя суконныя овучи... „Нашли же чѣмъ огорчить!“ невольно, съ улыбкой, прошла мысль въ головѣ. Раздѣлся... Жандармы подхватили снятую одежду и ушли. Я принялся осматривать новое приданое. Это было уже настоящее катаржанское одѣяніе. Старая, плохо вымытая дерюга-рубаха и нижніе порты, старые изъ очень потертаго сѣраго сукна, съ разрѣзами для кандаловъ, штаны и старая, сѣрая куртка. Но вотъ облаченіе кончилось, иду къ столу... Гдѣ же чай? На столѣ кружка чистой воды, кусокъ плохого ржаного хлѣба и маленькая творожная пасочка на блюдцѣ... Вотъ такъ угостили!

Но почему же было не начать этого режима съ перваго же дня, т. е. съ субботы? Тогда бы на все смотрѣлось, какъ на обычное явленіе, а теперь невольно закрадывалась въ голову мысль о преднамѣренности, о сознательномъ издѣвательствѣ... Сталь ждать обѣда. Какъ-то онъ будетъ? Вижу, не несутъ салфетки; вмѣсто серебряной ложки держать одинъ жандармъ деревянную. На столѣ поставили оловянную миску съ чѣмъ-то мутнымъ, подъ цвѣтъ миски, а въ тарелкѣ размазную-кашу. Ушли жандармы съ Соколовымъ. Съѣлъ я обѣдать. Въ мискѣ оказались знаменитыя солдатскія щи николаевскихъ временъ: вода, клочки рубленой кислой капусты и пять кусочковъ пузыристыхъ пленокъ; гречневая жидкая каша съ каплей масла въ центрѣ вполнѣ соответствовала щамъ. На ужинъ дали уже одни щи, но безъ пленокъ. Такъ отпраздновали мы первый день Пасхи!.. Эта же пища пошла и дальше, съ той лишь разницей, что въ постные дни щи дѣлались, якобы, со свѣтками, а въ кашу лили чайную ложечку постнаго масла вмѣсто скоромнаго. Гуляній не было (и это при отсутствіи форточекъ). Свѣтъ плохой, блѣдный. По утрамъ, при очисткѣ стульчаковъ, зловоніе наполняло камеру и, конечно, не успѣвало проходить за время умыванья. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ куплены были умывальныя приборы и, значить, время, когда была отворена дверь, уменьшилось... Мы оказались буквально замурованными... Заболѣли зубы. „Нельзя ли позвать доктора?“ обращаюсь я къ Соколову, при какой-то раздачѣ пищи. „Въ Петербургѣ теперь зубы болятъ у всѣхъ, и лекарства отъ нихъ нѣтъ; доктора звать незачѣмъ!“ — отрѣзалъ онъ. „Вотъ какъ, даже доктора нельзя позвать!“ — замѣчаю обычнымъ голосомъ... „Молчать!“ — какъ-то особенно рѣзко, искусственно выкрикнулъ Соколовъ... „Ну, и шутъ съ нимъ, съ вашимъ лекарствомъ! Въ другой разъ уже не обращаюсь!“ неожиданно сорвалось у меня съ

языка. Соколовъ злобно метнулъ глазами, но молча вышелъ поспѣшно за жандармами.

Пищу давали намъ не черезъ форточку въ дверяхъ, а заносили въ камеру. Соколовъ шелъ впереди двухъ или трехъ солдатъ и становился всегда рядомъ со мной за столомъ, внимательно слѣдя и за мной и за жандармами, и за поломъ.

Чуть замѣчалась гдѣ щепочка, соринка, онъ быстро нагибался, хваталъ ихъ и уносилъ. Книгъ не было. Сосѣдей тоже. Времени свободнаго цѣлый день. Какъ убить время? Вотъ тутъ-то мнѣ и сослужили большую службу Соловьевъ (Русская исторія), Спенсеръ и Вагнеръ. Соловьева и Спенсера я прочелъ еще до суда, сидя въ крѣпости. Все это помнилось, все давало богатый матерьялъ и для мысли, и для фантазій. Много дней прошло въ разныхъ заоблачныхъ мечтаніяхъ; шагая изъ угла въ уголъ почти отъ утра до ночи, я покрывалъ всю Россію школами, политехникумами, заводами, фабриками, кооперативными деревнями, селами и городами... Жилось не дурно! Жаль не долго... Скоро фантазія начала изсыхать, повторяться...

— „Да дайте хоть Евангеліе!“ — не выдержалъ я, наконецъ... „Хорошо! спрошу!“ отозвался Соколовъ. Проходитъ день, другой, третій, а книги нѣтъ, какъ нѣтъ. Напоминаю. „Да, я знаю: Спасителя-то вы почитаете, только Богомъ-то природу считаете!..“ — Не знаю, почему пустился вдругъ Соколовъ въ разговоръ. Я промолчалъ. Черезъ нѣсколько дней явилось Евангеліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ скоро перевели меня въ другой корридоръ, гдѣ оказался и сосѣдъ. Однако, разсмотрѣвъ новую камеру и поживъ въ ней немного, не особенно-то я порадовался переводу. Прежде были хороши сырость и грязь, но то, что теперь увидалъ и узналъ я, трудно было бы и придумать. Не говоря о стѣнахъ, сырость сказывалась на всемъ. Просыпаюсь какъ-то вначалѣ, смотрю на полъ и диву даюсь: весь онъ серебрянымъ налетомъ покрытъ. А полъ я ежедневно вытиралъ тряпкой. Всталъ, потрогалъ, стирается легко. Вытеръ. На другой день то же и т. д. Днемъ, ходя по камерѣ, я, видно, не давалъ налету образоваться: но за ночь грибки успѣвали выростать настолько, что получалась сплошная бѣловатая корка. Сырость увеличилась съ наступленіемъ теплой и дождливой погоды. Краска на полу у стѣнъ, гдѣ еще сохранилась, легко размазывалась теперь. Соль нельзя было держать на столѣ: въ солонкѣ получался разсолъ. Ее пришлось ставить на вьюшки въ трубу печки. Печка, по счастью, закрывалась изъ камеры (топлась она изъ корридора). Тамъ же, т. е. въ трубѣ, пряталъ я и спички; носилъ ихъ также и въ пазухѣ. Матрасы, набитые волосомъ,

и тѣ въ концѣ прогнили снизу. Къ этому въ маѣ отобрали теплыя куртки и дали лѣтнія, едва доходящія до пояса. Холодно! А прогулокъ все нѣтъ и нѣтъ! Наступили, помню, ясные дни, особенно по утрамъ. При утренней уборкѣ отворялась дверь, и черезъ корридорное окно видѣлась яркая зеленая листва, освѣщенная солнцемъ. Такъ и манило, такъ и тянуло туда, на волю... Тамъ, за окномъ, рисовался настоящій рай, красота необыкновенная, а тутъ... сиди! Ужасъ этого положенія, однако, сталъ ясенъ мнѣ гораздо позднѣе; пока, я относился ко всему довольно равнодушно. Какъ будто иначе и быть не могло... На то, молъ, и пошелъ. Не выдержи—самъ виноватъ: почему не запасся здоровьемъ!

Спокойствіе и бодрость поддерживало и еще одно обстоятельство. Скоро по заключеніи пришелъ какъ-то Соколовъ съ бумагой и прочелъ выдержку изъ какихъ-то законовъ. Тутъ были и розги, и шпицрутены, кажется, до 5000 или до 6000 за дурное поведеніе, но тутъ же говорилось, что въ крѣпостяхъ каторжане содержатся только $\frac{1}{4}$ срока, причемъ и этотъ срокъ, при хорошемъ поведеніи, уменьшается, считая 10 мѣсяцевъ за годъ. По нашему расчету выходило, что меньше 7 лѣтъ придется сидѣть. Къ этому необходимо добавить еще и русское авось. Авось измѣнятся обстоятельства, авось...

А время потихоньку шло, да шло; ядъ могилы потихоньку все глубже и глубже забирался въ наше тѣло. Сначала отъ ходьбы начала появляться скорая усталость, потомъ на подошвахъ стала ощущаться боль, точно образовались мозоли или нажало ногу отъ неровности подвертки. Много хожу! рѣшилъ я. Надо больше отдыхать! Сдѣлалъ такъ. Новая бѣда!.. Посидишь на стулѣ, глядь,—ноги отекаютъ. Лучше буду лежать... Легъ... Не помогаетъ: подъ лодыжками опухоль появилась. Малокровіе! рѣшаю я и, найдя ржавый гвоздикъ въ столѣ, вынимаю его, кладу на ночь въ воду и утромъ пью ржавую воду. Пошелъ пятый или шестой мѣсяцъ заключенія, когда впервые повели насъ гулять (на $\frac{1}{4}$ часа). Въ первую прогулку дурно сдѣлалось, голова закружилась отъ непривычки. На дворѣ, къ несчастью, было сыро, холодно, а насъ повели въ тѣхъ лѣтнихъ курточкахъ, что едва лишь закрывали животъ. Разрѣзы въ штанахъ свободно давали вѣтру гулять въ ногахъ. И многіе, если не сейчасъ, то позднѣе простуживались очень сильно. У меня же другое огорченіе вышло. Нашимъ выходомъ Соколовъ не преминулъ воспользоваться въ цѣляхъ обыска и нашелъ мой лекарственный гвоздь который, я на день пряталъ въ столъ. Прихожу съ прогулки, — гвоздя уже нѣтъ. Ноги стали болѣть все хуже и хуже; боль все сильнѣй и сильнѣй.

Въ это время привезли Поливанова, а немного позже, съ Кары— Попова, Игната Иванова, Щедрина. Попова посадили рядомъ со мной. Хотѣлъ узнать про бѣлый свѣтъ, но стоять на одномъ мѣстѣ у стѣны становилось все труднѣй и труднѣй: ощущалась невыносимая боль... Наконецъ, и Соколовъ замѣтилъ, что хожу я съ трудомъ. „Что, можетъ, доктора позвать? Набѣгался!“ замѣтилъ онъ, желая и тутъ чѣмъ-нибудь уязвить. Самъ я доктора не хотѣлъ еще звать, помня свой зарокъ. Въ это время, вѣроятно, уже у многихъ появилась цынга, и нашу прогулку только ею и можно объяснить. Впрочемъ, я не зналъ еще, что и самъ былъ уже во власти этой страшной болѣзни. О цынгѣ я имѣлъ смутное представленіе: десны кровоточатъ, зубы выпадаютъ—вотъ и все. Ничего этого у меня пока не было, и я былъ спокоенъ, приписывая боль въ ногахъ малокровію, утомленію. Ушелъ Соколовъ, легъ я на кровать отдохнуть послѣ прогулки. При этомъ вздумалъ отъ скуки ноги подбросить къверху. Подбросилъ разъ и чуть не закричалъ! Одна нога, поднявшись вверхъ, вдругъ опустилась, какъ плеть, со страшной, острой болью. Глянулъ подъ колѣно, а тамъ уже почернѣло. Плохо дѣло!.. Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ ноги и сдѣлалъ жестъ отчаянія.

— „Неужели нѣтъ надежды?“—спрашиваю его. „Ходи!.. больше ходи! Авось...“ вырвались у него отдѣльные возгласы. „Лекарство пришлю! Пей!.. Авось!“ еще разъ добавилъ онъ, уходя въ какомъ-то раздумьи.

Принесли желѣзо въ сахарномъ сиропѣ, уксусу, кружку молока. Принялся я ходить. Но болѣвъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалась. Въмѣсто небольшой опухоли у лодыжекъ, опухоль поднялась теперь до колѣнъ. Ноги превратились въ два точеныхъ, крѣпкихъ, упругихъ обрубка; цвѣтъ ихъ мѣнялся отъ краснаго къ сѣрому, синевато-черноватому. Боль въ икрахъ была ужасна, точно кто ихъ сжималъ очень туго желѣзнымъ обручемъ. При этомъ надо было ходить, и я ходилъ... Но чего это стоило! Походишь четверть часа и, какъ снопъ, валишься на кровать, и сейчасъ же не то бредъ, не то обморокъ. Сознаніе въ сущности не терялось, однако, стоило закрыть глаза, какъ начинало почему-то казаться, что болятъ не мои ноги, а страдаетъ сынъ злой самодурки-старухи изъ „Грозы“ Островскаго. При этомъ сама она стоитъ тутъ же у моей головы, какъ бы окружаетъ ее. Мои же ноги—не ноги, а этотъ мѣщанинъ сынъ, и я наблюдаю лишь со стороны, какъ злая старуха терзаетъ его. Минъ за него больно, а не за себя... Но вотъ на соборной колокольнѣ начинается перезвонъ колоколовъ, и я быстро открываю глаза, живо вспоминаю, что

больше $\frac{1}{4}$ часа мнѣ нельзя лежать: надо ходить!.. Я встаю, но начать ходить сразу не могу. Разъ, другой обойду вокругъ кровати, держась за нее, какъ ребенокъ, и только тогда рѣшаюсь пуститься въ путь. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа та же исторія; если не лежишь и не бродишь, то, сидя на кровати, мочишь укусомъ опухоль (укусу, впрочемъ, давали мало), разминаешь руками икры, дѣлаешь движеніе ступней; затѣмъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа встаешь, кружишься вокругъ кровати и снова ходишь.

Такъ проходилъ день. Къ вечеру, окончательно выбившись изъ силъ, я валялся на кровать, и тутъ уже никакое сознаніе, никакал боязнь не могли бы заставить продолжать ходьбу. Спать! Спать!.. Новая бѣда: отъ переутомленія и боли не было сна. Забудешься на минутку и проснешься... Прописалъ докторъ морфій. Сначала лекарство помогло, но скоро и оно перестало дѣйствовать. Періодъ усиленныхъ болей у меня продолжался болѣе мѣсяца, а потомъ мало-по-малу стало легче. Судя по лекарству, то же происходило и во всемъ равелинѣ. Сначала на окнѣ корридора появился небольшой пузырекъ съ желѣзомъ. Затѣмъ этотъ пузырекъ сталъ расти и выросъ въ большой; наконецъ, на окнѣ поставили цѣлую бутылъ, чуть не въ $\frac{1}{4}$ ведра. Однако, прогулокъ не увеличили. Пищу не улучшили. Къ этому многихъ простудили на смерть. Соколовъ, несмотря на погоду, строго держался правилъ. 15-го мая, когда было еще довольно прохладно, онъ отобралъ у насъ теплыя шапки и теплыя куртки, давъ короткія, легкія, сѣрыя, изобрѣтенныя Толстымъ курточки съ черными рукавами; онѣ не закрывали и живота. На голову дали лѣтнюю фуражку. Ни халата, ни шубенки. Коты ко времени прогулокъ протерлись насквозь. Въ такомъ то видѣ и повелъ онъ насъ гулять, и такъ гуляли мы до 1-го или 15-го октября, когда по правиламъ выдается теплая одежда. Даже лѣтомъ въ камерѣ было холодно въ такомъ костюмѣ! Вполнѣ понятно поэтому, что многіе очень серьезно простудились, а изъ простуды развилась, полагаю, у нѣкоторыхъ чахотка. Зато инструкція торжествовала!

Этотъ Соколовъ такую еще выкинулъ разъ штуку. Росли въ нашемъ садикѣ три или четыре яблони. Онѣ посажены были поляками, какъ намъ говорили. Въ этомъ году на нихъ были яблоки, небольшія, съ краснымъ бокомъ. Осенью, поспѣвая, а можетъ быть, и отъ вѣтра, они стали падать. Кто-то изъ насъ поднялъ одно изъ такихъ яблокъ и съѣлъ. Соколовъ замѣтилъ это, сказать ничего не сказалъ, но на другой же день всѣ яблоки исчезли. Это онъ приказалъ ихъ оборвать, дабы не пострадали инструкціи...

Изъ моихъ близкихъ сосѣдей въ это время хуже всѣхъ было

дѣло Ланганса. У него подѣ колѣнномъ образовалась такая же чернота, какъ и у меня, да кромѣ того онъ простудился, и показалась кровь горломъ. Силь ходить не было, а чернота на ногѣ стала загнивать.

Прошла осень. Зимой въ камерахъ меньше сырости, воздухъ чище; одѣли насъ въ шубки, дали книгъ духовнаго содержанія. Мнѣ попалась библія на нѣмецкомъ языкѣ, и я, при помощи русскаго Евангелія, принялся понемногу возобновлять въ памяти то, что училъ въ гимназій и успѣлъ уже забыть. Здоровье зимою пошло на улучшеніе, несмотря на то, что и пища и прогулка не измѣнились. Мы были всѣ въ возрастѣ около тридцати лѣтъ (одни моложе, другіе старше). Этому только и можно приписать, что организмъ при самой ничтожной поддержкѣ самъ одолевалъ цынгу. Къ веснѣ болѣзнь значительно ослабла, но Соколовъ не дремалъ. Улучшеніе онъ сейчасъ подмѣтилъ, и въ результатѣ у насъ отняли и желѣзо и молоко. Кто-то просилъ давать хоть нѣсколько ложекъ молока—отказали. Цынга, чахотка словно обрадовались и снова принялись за свою разрушительную работу. Тогда Клѣточниковъ рѣшилъ уморить себя голодомъ, чтобы добиться для товарищей лучшей доли. Сначала Соколовъ не обратилъ на это вниманія, но когда Клѣточниковъ обезсилѣлъ, явился къ нему и съ помощью жандармовъ заставилъ съѣсть нашъ обычный обѣдъ. На другой же день въ камерѣ Клѣточникова сдѣлалось подозрительно тихо. Дня два послѣ этого Соколовъ съ жандармами продѣлывалъ комедію заноса въ эту камеру, якобы, пища въ обѣдъ и ужинъ. Потомъ бросилъ. Одна камера опустѣла...

У меня къ этому времени появилась новая боль. Стоило встать на ноги или начать ходить, какъ въ подошву словно вонзались сотни гвоздей, точно кто набилъ ихъ въ подошву башмаковъ. Невольно вспоминались инквизиціонные сапоги для пытокъ... Выносить такую боль не хватало уже силъ и пришлось больше лежать. Лангансъ теперь окончательно слегъ; у него кровь шла цѣлыми кружками; гніеніе ногъ увеличилось... Дали опять молоко; желѣзо тоже бутылками появилось снова на окѣѣ. Но было уже поздно: съ другого корридора изъ ближайшей камеры стали доноситься подозрительныя фразы доктора и Соколова: „Еще живъ!.. Протянетъ!“ Начали слѣдить, чутко прислушиваться по ногамъ. Жандармы заходятъ въ сосѣднія камеры какъ-то подозрительно скоро и уходятъ. Ночной шорохъ еще болѣе пугаетъ и заставляетъ внимательнѣе слѣдить за уловками Соколова... „Пусто! Нѣтъ больше и Баранникова!“ — объявляетъ

вдругъ мой сосѣдъ, сидѣвшій ближе къ другому корридорю. — „Да, — отвѣчаю, — и мнѣ показалось, что къ нему уже не заходили сегодня!“ Съ тѣмъ корридоромъ, гдѣ сидѣлъ Баранниковъ, Тетерка и проч., у насъ не было сношеній: мѣшала большая ванная комната.

Догадкамъ по лекарству на окнѣ, по маневрамъ жандармовъ много помогала и та острая напряженность вниманія и слуха, которая развивается въ тюрьмѣ.

Вначалѣ, когда еще товарищи всѣ стояли живо предъ глазами въ томъ видѣ, какъ ихъ видалъ на судѣ, и въ голову не приходила мысль о чьей-либо скорой смерти. Живыми, бодрыми, здоровыми рисовались они въ памяти. О своемъ спокойствіи я уже говорилъ. Но вотъ умираетъ Клѣточниковъ. Для меня это было неожиданностью... Смерть эта вспугнула безпечность, повернула мысль въ другую крайность. Явилась особенная, обостренная боязнь за жизнь каждаго, особенно за тѣхъ, про которыхъ ничего нельзя было узнать. Лично о себѣ какъ-то не думалось; мнѣ почему-то всегда казалось, что я выживу еще годъ, какъ опредѣлил я разъ въ разговорѣ съ сосѣдомъ. Зато въ каждомъ шорохѣ, въ каждомъ необычномъ звукѣ чудилась мнѣ смерть другихъ, насиліе, ужасы. Являлось неодолимое, мучительное желаніе проникнуть туда, дать умирающему хоть минуту провести съ близкимъ человѣкомъ. Сама смерть тогда не казалась такой тяжелой, ужасной. Но такъ давила эта тишина, эта полная отчужденность отъ міра, отъ живыхъ людей. Завели человѣка въ пустыню, въ непроходимый лѣсъ и бросили... Напрасно всматривается онъ въ даль, кругомъ нѣтъ ни души! Жуть и страхъ невольнo охватываютъ душу...

А тутъ, однажды, еще такой случай. Среди гробовой тишины вдругъ раздался отчаянный крикъ погибающаго человѣка, за крикомъ послѣдовала короткая возня — борьба, и слышно было, какъ что-то тяжелое пронесли по корридорю. Что такое? Бьютъ кого? Или сошелъ кто съ ума? Ужась, отчаяніе, жалость охватили разомъ все существо... Отъ сознанія своего безсилія слезы заполнили глаза... Явилось желаніе ломать руки, кричать, неистовствовать, разбить себѣ голову... Но какая польза? — спрашивалъ разумъ. Это ужасное состояніе пойметъ хорошо тотъ, у кого на глазахъ тонуть, горѣть, вообще погибать близкій человѣкъ; самому же ему пришлось стоять, смотрѣть и въ безсиліи ломать лишь руки, безумно бѣгая по берегу рѣки или возлѣ горящаго дома. Соколовъ, видно, понялъ наше состояніе и не скрылъ: „Сошелъ одинъ съ ума, увезли въ больницу“, — отвѣтилъ онъ и, дѣйствительно, это былъ карійскій

Игнатій Ивановъ. Его возили въ Казань, потомъ, когда онъ немного тамъ оправился, возвратили, но уже въ Шлиссельбургъ, гдѣ его и ждала могила.

Смерть Баранникова нѣсколько всполошила начальство. Увеличили до $\frac{1}{2}$ часа прогулку, улучшили мясо въ щажъ, въ кашу наливали такъ много масла, что желудокъ не въ состояніи былъ его усвоить. Какъ бы въ отвѣтъ на это улучшеніе умеръ Тетерка. Начальство забило тревогу: этакъ и всѣ, пожалуй, сдѣлають; тогда и лавочку закрывай; чинамъ, жалованью, наградамъ придется сказать прости! Кто-то появился на корридоръ и долго смотрѣлъ въ дверное окно... Открыто приходилъ и самъ Оржевскій. Въмѣсто каши рѣшили давать котлеты, а въ воскресенье, сверхъ двухъ блюдь—пирогъ. Во время прогулки окна открывались, и камера, постель провѣтривались... Рябчиками буду кормить, если прикажутъ!“ заявилъ кому-то Соколовъ. А между тѣмъ, еще недавно тотъ же Соколовъ давалъ намъ хлѣбъ съ огромной примѣсью куколя, съ сороконожками, сухими личинками. У меня вошло въ привычку передъ ѣдой разламывать хлѣбъ на мелкіе куски, выбирать соръ и потомъ уже ѣсть. И вотъ, однажды, разломилъ, смотрю — бѣлѣтъ что-то. Присмотрѣлся еще—два или три бѣлыхъ хлѣбныхъ червя. Выбросилъ... Говорю на слѣдующій день Соколову. „Быть не можетъ! я самъ смотрю за печеніемъ хлѣба!“ отвѣчаетъ онъ. Не помню, почему я не сохранилъ червей. Пришлось промолчать. Разламываю послѣ его ухода хлѣбъ и, къ своему удовольствію, снова нахожу штуки три бѣлыхъ, налитыхъ червя. Сохранилъ ихъ. Является Соколовъ.—„Вотъ—говорю,—смотрите!“—и показываю свою находку. Соколовъ взглянулъ, покраснѣлъ и, взявъ, быстро спряталъ хлѣбъ въ карманъ, не говоря ни слова. Я заранѣе торжествовалъ, но, оказалось, рано. Въ слѣдующій приходъ Соколовъ смѣло, нахально сталъ увѣрять меня, что это были не черви, а разбухшія зерна ржи... Однако, съ этихъ поръ, видимо, хлѣбъ сталъ чище. Муку, должно быть, стали пересѣвать. Уже не попадались больше личинки, соръ, хотя куколъ и не уменьшился. И вотъ послѣ такого-то хлѣба—„рябчики“!.. Эти рябчики очень не многихъ, впрочемъ, спасли. Для большей части они продлили лишь время умиранія,—у Колоткевича до двухъ лѣтъ; у Ланганса болѣе двухъ; у неизвѣстнаго на отдѣльномъ корридорѣ лекарство видѣлось очень долго и исчезло лишь передъ нашимъ увозомъ. Исаевъ умеръ въ Шлиссельбургѣ; Арончикъ, полувисохшій и со страшными пролежнями, тоже очень долго мучился въ Шлиссельбургѣ. Онъ немного былъ кромѣ того помѣшанъ,

а Соколовъ не хотѣлъ этому вѣрить и смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что тотъ часто голодаетъ и не принимаетъ лекарство... Въ концѣ концовъ Арончикъ слегъ и больше не поднимался до самой смерти, превратившись въ живой скелетъ. Къ намъ прїѣзжалъ какъ-то въ Шлиссельбургъ чиновникъ изъ департамента. Я его просилъ, чтобы позволили мнѣ ухаживать за Арончикомъ. „Никакой уходъ ему теперь не поможетъ!“ сказалъ чиновникъ. Меня, конечно, не пустили. Арончикъ скоро и умеръ. Щедринъ, Ивановъ и Поливановъ пережили рavelинъ, но что изъ того? Поливановъ еще въ рavelинѣ пытался покончить съ собою—Соколовъ замѣтилъ и не допустилъ. Въ Шлиссельбургѣ онъ много страдалъ и тоже не рѣдко помышлялъ о самоубійствѣ. Ивановъ умеръ, психически разстроенный, въ Шлиссельбургѣ. Несчастный Щедринъ и до сего дня мучится въ Казани... И все это результатъ „рябчиковъ“!.. Про Александра Михайлова мы узнали позже. Онъ сидѣлъ въ изолированномъ корридорѣ. Отъ чего собственно погибъ онъ (и погибъ векоръ), неизвѣстно. Только Соколовъ разъ какъ-то проговорился: „Умереть-то онъ умеръ, но не отъ цыгги—особо!..“ Большаго отъ него нельзя было добиться.

Нѣсколько словъ еще о прогулкѣ.

Выводили въ садикъ по одному человѣку и сначала не позволяли тамъ ничего дѣлать: ходи, смотри и только. Дежурный унтеръ ходилъ вдоль одной стороны садика, у стѣнъ рavelина: часовой, съ шашкой наголо, ходилъ вдоль другой, а самъ Соколовъ помѣщался въ проходѣ со сводомъ, чрезъ который насъ вели въ рavelинъ. Тутъ была въ садикъ стеклянная дверь, и чрезъ нее-то Соколовъ наблюдалъ и за нами, и за жандармами. Нужно положительно удивляться его трудоспособности! Позже къ намъ перевели изъ Петропавловки еще нѣсколько человѣкъ, чтобы подготовить ихъ къ отправкѣ въ Шлиссельбургъ, и Соколову приходилось съ раняго утра и до поздняго вечера торчать въ подворотнѣ. И онъ торчалъ! И находилъ еще силы бродить по ночамъ по тюремному корридору и провѣрять, все ли благополучно... Шла зима второго года; въ садикѣ образовались большіе свѣжные сугробы, являлось сильное желаніе поразмяться, разбросать снѣгъ. Не тутъ-то было! лопать не даютъ. Но разъ какъ-то въ садикъ зашелъ докторъ, и я обратился къ нему съ просьбой о лопатѣ. Тотъ переговорилъ съ Соколовымъ, и на другой же день была дана небольшая лопатка. Съ жаромъ принялся я за работу, но живо и осѣкся: въ рукахъ, въ ногахъ появилась дрожь, все тѣло покрылось потомъ: въ головѣ помутнѣло... На другой день повторилось то же самое, но уже въ болѣе слабой степени, и скоро я

*

могъ вполнѣ насладиться работой. Къ сожалѣнію, снѣгу было мало. Зато приближалась весна. Можно было заняться уборкой садика, для чего дали песокъ и хорошія лопаты. (Въ это именно время привезли Мышкина, Богдановича, Златопольскаго). Съ пескомъ работа заключалась въ томъ, что я задавалъ себѣ задачу столько-то разъ перебросить кучу съ одного мѣста на другое и обратно; затѣмъ мѣнялъ руку: то бросалъ лѣвой десять лопать, то правой. Во время отдыховъ наблюдалъ за окнами корридора, стоятъ ли обычныя лекарства, не прибавилось ли чего, не исчезло ли совсѣмъ. За себя я и раньше не боялся, теперь и подавно. Но за другихъ сердце постоянно болѣло, такъ какъ я зналъ, что здоровье многихъ очень плохо. Выходишь на прогулку, и съ тоской и замираніемъ смотришь на окна. Если стоитъ лекарство,—успокоишься, начнешь быстро ходить, пересыпать песокъ, продолжая, все-таки, время отъ времени бросать тревожные взгляды на окно, на стоящіе тамъ чайники. Исчезло лекарство—не стало, значить, человѣка... Въ первую минуту не вѣришь глазамъ, провѣряешь себя наблюденіемъ сосѣда, съ которымъ перестукиваешься... Потомъ охватываетъ тоска, злоба... Начинаешь проклятыя посылать мучителямъ. Мнѣ кажется, легче самому умирать, чѣмъ выносить пытку горя отъ смерти близкихъ людей.

Съ переводомъ въ рavelинъ Мышкина, Богдановича и другихъ, у насъ установились, наконецъ, сношенія и съ ихъ корридоромъ. Радости намъ это, конечно, не принесло, но теперь хоть можно было точнѣе узнавать о ходѣ болѣзни и въ этой сторонѣ тюрьмы.

31-го іюля 1884 г. насъ заковали сначала въ ножные кандалы, потомъ уже ночью въ ручные и увезли въ Шлиссельбургъ. Привезли насъ въ Алексѣевскій рavelинъ 11 человѣкъ. Увезли въ Шлиссельбургъ пятерыхъ. Дождались свободы только трое...

Такова была „милость“!

М. Фроленко.

Дѣло Д. И. Писарева.

(По неизданнымъ источникамъ).

Врядъ ли можно знать меньше, чѣмъ извѣстно до сихъ поръ о причинахъ и обстоятельствахъ очень интереснаго политическаго процесса нашего знаменитаго критика и публициста, Д. И. Писарева. Бѣдность свѣдѣній по этому поводу прямо поразительна. Точно, все оно произошло не на глазахъ живыхъ людей и потому было кѣмъ-то вырвано изъ ихъ памяти.

Пополнить, и при томъ весьма содержательно, такой непростительный пробѣлъ мнѣ даетъ возможность очень обширное дѣло сенатскаго архива.

I.

13 июня 1862 г. къ наборщику типографіи комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, Горбановскому, явился студентъ Баллодъ ¹⁾ и просилъ напечатать съ принесеннаго имъ готоваго набора 360 экземпляровъ прокламаціи по адресу офицеровъ. Получивъ согласіе на исполненіе такого заказа, онъ сказалъ, что зайдетъ за нимъ утромъ 15-го, и удалился. Вечеромъ того же дня Горбановскій принесъ полученный наборъ экзекутору департамента и разсказалъ все, что зналъ, не скрывъ при томъ, что въ квартирѣ своей жены онъ открылъ небольшую типографію, еще не заявленную полиціи. Разузнется, сейчасъ же обо всемъ было сообщено по начальству, и раннимъ утромъ 15 июня у квартиры Горбановскаго дежурила полицейская засада. Дѣйствительно, къ 7 часамъ туда явился

¹⁾ Сынъ священника въ Лифляндской губерніи, Петръ Давидовичъ Баллодъ воспитывался въ рижской семинаріи; окончивъ ее, поступилъ въ Петербургъ въ Медико-Хирургическую академію, а въ 1858 г. перешелъ на естественный факультетъ университета.

слуга Баллода, Лисенковъ, и въ качествѣ удостовѣренія, что онъ присланъ именно за прокламаціей, предъявилъ одинъ ея экземпляръ. Его арестовали, сняли допросъ и отправили въ полицію; то же сдѣлано было съ Горбановскимъ.

Въ 11 часовъ утра нагрянули къ Баллоду, жившему въ меблированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ. Тамъ нашли всевозможныя прокламаціи, типографскія принадлежности и бумаги самого хозяина и уѣхавшаго товарища его, Еленина. Затѣмъ направились въ сосѣднюю комнату Н. И. Жуковского, которому тоже служилъ Лисенковъ. Тамъ, въ его отсутствіе, взяли кое-какія бумаги. Баллодъ былъ арестованъ при полиціи. Вечеромъ случайно обнаружили его вторую квартиру на Выборгской сторонѣ, произвели въ ней обыскъ, обнаруживъ много шрифта и типографскихъ принадлежностей и нѣсколько заграничныхъ изданій. 18-го привезли туда Баллода, удостовѣрившаго принадлежность себѣ всего найденнаго.

20 числа членъ особой Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи подъ предѣлательствомъ кн. А. Ѳ. Голицына, генерал-маіоръ Слѣпцовъ, объявилъ комиссіи, что Государь лично приказалъ ему передать ей свою непреклонную волю, «чтобы она обратила преимущественно и безотлагательно вниманіе на дѣйствія арестованнаго при полиціи студента Баллода». Немедленно были приняты мѣры, и уже 25 іюня д. ст. сов. Каменскому было поручено рассмотреть бумаги Баллода, Жуковского и Еленина. Вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-полицеймейстеру было предписано разыскать Жуковского, а III Отдѣленію сообщено о необходимости обратить вниманіе на Еленина и хозяйку второй квартиры Баллода—Максимовичеву.

27 числа, когда Каменскій ознакомилъ уже комиссію съ содержаніемъ переданныхъ ему бумагъ, послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ ¹⁾ допросила Баллода и Лисенкова. Первый былъ уже 21-го заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а второй отпущенъ на свободу.

Баллодъ съ самаго начала заявилъ комиссіи, что дастъ вполнѣ вѣрныя и подробныя показанія, которыя будутъ отличаться отъ

¹⁾ Кн. Голицынъ, оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ, командированный отъ петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-маіоръ Огаревъ, управляющій III Отдѣленіемъ—генералъ Потаповъ, командированный военнымъ министромъ, свита его величества ген. - маіоръ Слѣпцовъ, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ, д. ст. сов. Туруновъ, а потомъ Ждановъ, командированный министромъ юстиціи оберъ - прокуроръ 4 департамента сената, д. ст. сов. Гедда, и дѣлопроизводитель—д. ст. сов. Воляскій.

сдѣланныхъ раньше въ полиціи. «Къ показаніямъ, даннымъ мною на приложенныхъ листахъ, я не имѣю ничего прибавить», — написала онъ.

Относительно своей второй, по теперешней терминологіи — конспиративной, квартиры Баллодъ заявилъ, что не прописался тамъ только потому, что еще не вполне переѣхалъ, такъ какъ хозяйка ея, Максимовичева, уѣхала сама лишь 20 мая. Съ Николаемъ Жуковскимъ знакомъ около трехъ лѣтъ, узнавъ его черезъ брата его, Владиміра, судебного слѣдователя въ Уфѣ; Еленинъ — товарищъ по рижской духовной семинаріи, уѣхалъ на лѣто въ Ригу и, думая возвратиться осенью, оставилъ ему свои вещи. «Все участіе Николая Жуковского состояло въ томъ, что онъ мнѣ досталъ отъ Горбановскаго одинъ старый и одинъ новый валикъ и краски. Больше же никакого участія онъ не принималъ; онъ даже иногда смѣялся надъ бесполезностью моихъ трудовъ. Листки, напечатанные мною, я давалъ ему, но какіе именно и сколько, я не помню». Съ Горбановскимъ познакомился въ конторѣ Янова и К^о, которою управлялъ Н. Жуковский. До этого въ январѣ просилъ послѣдняго переговорить съ Горбановскимъ, не возьмется ли тотъ напечатать статью Огарева — «Что нужно народу», приложенную къ «Колоколу». Горбановскій далъ согласіе, началъ наборъ, но затѣмъ отказался, сказавъ, что она требуетъ много шрифту, а убыль его въ кассахъ казенной типографіи легко можетъ быть замѣчена. Краски и два валика отъ Горбановскаго ему доставилъ Жуковский ¹⁾.

Слѣдующіе вопросы комиссіи касались найденныхъ при обыскахъ у Баллода прокламацій и бумагъ.

Среди первыхъ особеннымъ вниманіемъ ея пользовалась прокламація «Молодая Россія». Интересующіеся найдутъ ее во второмъ приложеніи въ сборникѣ «Государственныя преступленія въ Россіи», изданнымъ за границею подъ редакціей г. Богучарскаго; тамъ она напечатана полностью, хотя и съ незначительными ошибками. Я же лишь вкратцѣ перечислю ея основные пункты.

«Молодая Россія» издана была Центральнымъ революціоннымъ комитетомъ (по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ текстѣ), какъ первый номеръ новаго журнала, и предназначалась для проведенія главнаго положенія программы: социальная и демократическая рус-

¹⁾ Баллодъ много работалъ и въ области естествознанія. Онъ велъ изданіе перевода извѣстной анатоміи Гиртля, который дѣлалъ вмѣстѣ съ академикомъ А. С. Фаминцинымъ, тогда студентомъ. По ходатайству послѣдняго, ему были виданы потомъ всѣ рукописи перевода, взятія у Баллода на обскѣ.

ская республика. Достиженію этой цѣли должно было служить все, и никакія препятствія не должны были мѣшать. Терроръ признавался надежнымъ средствомъ. Прокламація требовала республиканско-федеративнаго союза областей, состоявшихъ, въ свою очередь, изъ земледѣльческихъ общинъ, выборнаго суда, правильнаго распредѣленія налоговъ, заведенія общественныхъ фабрикъ, заводовъ и лавокъ, общественнаго воспитанія дѣтей, содержанія общиной стариковъ и больныхъ, полной эмансипаціи женщины, уничтоженія брака, семьи и монастырей, увеличенія содержанія солдата, уменьшенія срока его службы и замѣны арміи національною гвардіею, полной независимости Польши и Литвы. Достиженіе всей этой программы возлагалось, главнымъ образомъ, на молодежь, затѣмъ на войско, за которыми уже пошелъ бы народъ, особенно старообрядцы.

Распространена была «Молодая Россія», повидимому, въ массѣ экземпляровъ. Напримѣръ, изъ отношенія Валугева къ кн. Голицыну слѣдуетъ, что въ половинѣ мая въ Москвѣ ее разбрасывали на бульварахъ, площадяхъ и у подъѣздовъ, посылали по городской почтѣ, а нѣсколько экземпляровъ найдены были въ адресной книгѣ студентовъ университета.

Она очень взволновала правительство и умѣренную часть общества, а въ болѣе радикальной не вполне одобрялась, благодаря нѣкоторымъ своимъ пунктамъ, въ родѣ уничтоженія семьи и брака. Разразившіеся, вслѣдъ за ея появленіемъ, пожары въ Петербургѣ были приписаны Центральному революціонному комитету, и потому понятно, какъ хотѣлось комиссіи кн. Голицына узнать что-нибудь отъ Баллода.

Баллодъ не отрицалъ своихъ связей съ Центральнымъ комитетомъ и далъ слѣдующее показаніе о своемъ съ нимъ знакомствѣ, происшедшемъ, по особому приглашенію, въ Александровскомъ паркѣ.

«Въ Александровскій паркъ впервые, въ первой половинѣ мая, я приглашенъ былъ анонимной запиской по почтѣ, въ которой говорилось, что, придя во-время въ указанное мѣсто, я очень весело и разнообразно проведу время. На другой день, когда я пришелъ въ паркъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, обращенныхъ къ Тучкову мосту, подошли ко мнѣ какіхъ-то два господина и сказали:

— Здравствуйте, Баллодъ. Это мы васъ приглашали, но не для того, чтобъ провести пріятно время, а для того, чтобъ поговорить о дѣлѣ.

«Оба они были съ бородами, средняго роста, одинъ изъ нихъ былъ въ пальто Гарибальди сѣраго цвѣта и въ фуражкѣ; ему было около 40 лѣтъ, онъ былъ довольно плотный. Другому было лѣтъ около 27, одѣтъ онъ былъ въ пальто и въ шляпѣ. У перваго борода была съ просѣдью, у втораго—русая.

— Мы слышали, что вы честный и энергичный человѣкъ, вы можете намъ сильно помочь. Скажите, какъ вы смотрите на революцію?

«Я смѣшался. Въ это время подошелъ къ намъ одинъ господинъ высокаго роста, въ поярковой шляпѣ и въ суконномъ пальто, поклонился мнѣ, назвалъ мою фамилію. Разговаривавшіе со мной называли мнѣ его своимъ. Вида, что я смѣшался, они мнѣ сказали, что они члены революціоннаго комитета и что знаютъ меня, какъ разбрасывателя листовъ. Я сказалъ, что лучше желалъ бы остановить движеніе къ революціи, потому что считаю революцію сомнительной борьбой.

— Напрасно, — отвѣчали они. Ну, а какъ вы думаете, будетъ революція или нѣтъ?

«Я сказалъ, что инстинктъ, который у меня очень силенъ, говорить мнѣ, что революція будетъ.

— Ну, а если революція будетъ, то нельзя же сидѣть сложа руки, нужно что-нибудь дѣлать. Что же вы будете дѣлать?

— Не знаю,—сказалъ я,—что придется.

— Странно! Вы человѣкъ съ такимъ здоровымъ мозгомъ и таеъ разсуждаете. Вступили бы вы въ революціонный комитетъ, еслибъ вамъ предложили?

— Это зависитъ отъ программы комитета,—сказалъ я.

— Вотъ мы дадимъ вамъ программу, а вы скажите намъ ваше слово.

«Здѣсь они повели меня къ присѣвшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пяти человѣкамъ, отрекомендовали меня, взяли у одного изъ нихъ 9 экземпляровъ «Молодой Россіи», подали мнѣ и сказали:

— Вотъ наша программа.

«Послѣ этого мы отошли отъ нихъ. Тутъ они стали говорить о моемъ характерѣ, называли меня мягкимъ, женственнымъ; говорили, что я нормально энергиченъ тогда, когда дѣйствую одинъ, но что могу измѣниться очень скоро, попавъ въ общество людей съ другими убѣжденіями, и что одинъ изъ ихъ общества сказалъ даже, что меня нужно опасаться, какъ человѣка, который въ критическую

минуту, будучи разжалобленъ чѣмъ-нибудь, можетъ напавостить. При этомъ я вспомнилъ выходки Ноздрева и обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Что же, вы считаете меня за человѣка безъ убѣжденій?

— Нисколько, но вы мягки и чувствительны; увидѣвъ несчастнаго, вы можете забыться. Вспомните 8-е марта. Вы тутъ показали вашу энергію и вашу чувствительность ¹⁾.

«Послѣ этого мы скоро разстались, и они просили меня прійти черезъ недѣлю, въ это же время, въ Александровскій паркъ.

«Когда я пришелъ во второй разъ, то подошли ко мнѣ трое: одного изъ нихъ я видѣлъ первый разъ. Въ это свиданіе мы занялись разборомъ «Молодой Россіи». Я возражалъ, они отстаивали каждую строчку, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о Богѣ. Во время этого разговора подошелъ одинъ господинъ высокаго роста, худощавый, къ которому они обратились со словами:

— Отчего вы не были у насъ третьяго дня?

— Я не былъ въ городѣ эти дни,—отвѣтилъ онъ.

— Мы были у васъ часа два тому назадъ; вѣдь вамъ ѣхать.

— Знаю. Я былъ сейчасъ у..., тамъ узналъ, что вы будете сегодня здѣсь.

— Я вамъ привозилъ деньги; вотъ они и вотъ вамъ инструкція. Если вамъ этихъ шести тысячъ мало, то вы знаете куда обратиться?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ.

«Послѣ этого они сказали ему нѣсколько словъ шопотомъ, и онъ ушелъ, говоря, что ему нужно ѣхать за городъ сейчасъ.

«Потомъ они обратились ко мнѣ съ вопросомъ:

— Думаете ли вы вступить въ революціонный комитетъ?

«Я сказалъ, что еще не рѣшилъ, и спросилъ: «къ чему вы меня торопите?»

— Намъ бы хотѣлось васъ отправить въ вашъ край, къ литовцамъ. Тамъ у насъ почти никого еще нѣтъ. Если вы на это не согласитесь, то, вѣрно, не откажетесь завѣдывать полицейскою частью. У насъ этой частью завѣдуетъ одинъ господинъ, да ему, вѣроятно, придется скоро уѣхать.

«Я спросилъ, что это за должность.

---

¹⁾ На вопросъ комиссіи потомъ, что это значить, Баллодъ объяснилъ, что 8 марта 1862 г., на извѣстной „думской исторіи“ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ, Баллодъ, разстроенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ аудиторіей почтенному профессору, кричалъ, чтобы его выслушали, и добился своего.

— Слѣдить за всякимъ вновь вступающимъ членомъ и вообще за всякимъ, на котораго укажутъ Вамъ это легко: у васъ много знакомыхъ, да у васъ будутъ еще и компаньоны.

«Я сказалъ, что у меня не хватитъ средствъ на это. Они сказали, что мы за этимъ не стоимъ.

— Вотъ отправили господина, котораго вы видѣли, въ нѣкоторыя юго-западныя губерніи ревизовать комитеты и, если можно, то организовать, и дали ему шесть тысячъ рублей.

— На это, можетъ быть, и соглашусь.—сказалъ я.

«Потомъ они стали говорить о «карманной типографіи» и сказали:

— Вы, вѣроятно, въ сношеніи съ ней.

«Я сказалъ, что она моя.

— Неужели она у васъ тамъ, на Васильевскомъ островѣ?

«Я сказалъ, что у меня есть другая квартира, о которой никто не знаетъ.

— Если мы къ вамъ обратимся когда-нибудь, то вы не откажетесь напечатать?

— Если статья не будетъ имѣть характера «Молодой Россіи»,—сказалъ я, то, пожалуй.

«Вскорѣ послѣ этого мы разстались.

«Оба эти свиданія продолжались не болѣе полуторыхъ часовъ. Мы гуляли по аллеямъ парка, обращеннымъ къ Кронверскому проспекту.

«Въ началѣ іюня мнѣ было прислано на Выборгскую письмо, которымъ меня приглашали въ Петровскій паркъ. Когда я пришелъ въ паркъ, то подошли ко мнѣ двое. Это были тѣ, которые говорили со мной въ первый разъ. Прежде всего они сказали мнѣ:

— Какова наша полиція?

«Потомъ спросили, рѣшилъ ли я? Я сказалъ, что посмотрю, каковъ будетъ слѣдующій номеръ «Молодой Россіи», и тогда скажу.

— Хорошо. Онъ выйдетъ черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и позже. А теперь мы попросимъ васъ напечатать одну статейку; она самая невинная, чисто въ вашемъ духѣ.

— Если такъ, то хорошо.

«Здѣсь я сказалъ, что нельзя ли такъ сдѣлать, что я сдѣлаю наборъ, а чтобы они напечатали, такъ какъ имъ легко это, по-

тому что у нихъ есть станокъ, а у меня не выкупленъ еще заказанный мною станокъ ¹⁾.

— Нѣтъ,—сказали они,—это неудобно. Сколько вамъ нужно денегъ на выкупъ станка?

«Я сказалъ, что отъ 40—50 рублей. Одинъ изъ нихъ тотчасъ вынулъ изъ кармана 50 рублей и далъ мнѣ. Потомъ они повели меня къ двумъ другимъ, которые были отъ насъ въ шагахъ 50, взяли у нихъ бумагу, карандашъ, портфель и рукопись, съ которой мнѣ диктовали. Я просилъ дать мнѣ рукопись, но они сказали, что этого нельзя, и просили меня написать ²⁾. Когда я написалъ, то они сказали, чтобы я не измѣнялъ здѣсь ни одного слова и не подписывалъ бы «Карманная типографія». Я согласился ³⁾. Потомъ они спросили, когда я надѣюсь напечатать. Я сказалъ, что, быть можетъ, черезъ недѣлю. Они попросили меня назначить не только день, но и часъ. Я назначилъ воскресенье и 7 часовъ вечера. Потомъ они сказали, что дадутъ мнѣ знать, куда доставить.

«Это было въ 12 часу дня.

«Познакомиться съ ними я не имѣлъ особеннаго желанія, а говорилъ съ ними потому, что рассчитывалъ отклонить ихъ отъ этой уродливой программы».

Къ этому въ высшей степени характерному разсказу Баллодъ прибавилъ, что изъ полученныхъ экземпляровъ «Молодой Россіи» онъ 4 сжегъ, одинъ или два далъ Н. Жуковскому, а объ остальныхъ ничего не помнить.

II.

Упомянутая Баллодомъ прокламація, озаглавленная: «Предостереженіе», настолько важна и интересна, что я приведу ее полностью. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось указанія на то, что Центральный комитетъ самъ считалъ необходимымъ поправить сдѣланныя въ «Молодой Россіи» ошибки и извинить ее увлеченія. Между тѣмъ, это очень важно, какъ доказательство, насколько сильно было вліяніе реактивовъ на большое общество, съ которымъ хотѣли имѣть дѣло.

¹⁾ Станокъ, около 9 пуд. вѣсомъ, по особому чертежу былъ заказанъ Савъ-Гали, но и со времени обыска у Баллода еще не былъ имъ взятъ. Его взяла уже полиція, по указанію самого Баллода.

²⁾ Диктовалъ бывшій въ пальто à la Гарибальди.

³⁾ Въ дѣлѣ экземпляръ этой прокламація написанъ чернилами. Баллодъ объяснилъ, что, вернувшись домой, онъ сейчасъ же переписалъ ее чернилами. Печатать просили 700 экземпляровъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

«Правительство говорить, что революціонеры жгутъ Петербургъ. Установленъ во всей Россіи судъ по полевымъ военнымъ законамъ противъ злоумышленниковъ, потому что правительство полагаетъ, будто во всѣхъ провинціяхъ революціонные комететы возбуждаютъ къ бунту и поджогу. Петербургское общество само дало правительству возможность принять подобныя мѣры: оно дало эту возможность своими сплетнями и, читая повтореніе своихъ выдумокъ въ официальныхъ объявленіяхъ, совершенно убѣдилось, что сплетни эти справедливы.

«Мы достовѣрно знаемъ, что такихъ революціонеровъ нѣтъ и не было. Нѣсколько пылкихъ людей написали и напечатали публикацію, рѣзкія выраженія которой послужили предлогомъ для нелѣпныхъ обвиненій ¹⁾. Довольно прочесть эту публикацію со вниманіемъ, чтобы понять чувства ея издателей: эти люди экзальтированные и уже потому самому неспособные имѣть никакихъ низкихъ намѣреній. Они сказали нѣсколько опрометчивыхъ словъ, но, конечно, не придавали имъ того смысла, какой хочетъ въ нихъ видѣть правительство и находить петербургская публика. Изъ ихъ словъ для насъ ясно было ихъ желаніе сказать только, что правительство ведетъ народъ къ возстанію, и что они готовы стать въ ряды народа при наступленіи вооруженной борьбы. Но не отстать отъ народа, когда онъ поднимется, вовсе не то, что возбуждать его къ рѣзнѣ. Думать, что облегченіе судьбы простого народа не будетъ слишкомъ дорого куплено цѣною революціи,—вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бѣдняковъ. Эта разница очень ясна, но теперь публикѣ угодно было заняться сплетнями вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло. Исторія свидѣтельствуетъ, что демократы никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличила, что если много разъ вивили ихъ въ этомъ, то обвиненіе всегда было клеветой, которую порождало легковѣріе, и которую пользовались деспотическія правительства, всегда склонныя къ реакціоннымъ мѣрамъ.

«Такъ и теперь. Но мы хотимъ указать публикѣ на послѣдствія

---

¹⁾ Рѣчь, какъ уже сказано, идетъ о „Молодой Россіи“. Она умышленно не названа и сама печатаемая прокламація умышленно, очевидно, никѣмъ не подписана, чтобы сдѣлать „Предостереженіе“ якобы голосомъ стороннихъ лицъ (все же революціонеровъ), хотя и хорошо знающихъ Центральнй комитетъ.

ея легкомыслія, на злоупотребленія, которыя дѣлаетъ изъ него правительство, хотимъ предостеречь публику, чтобы она не повторяла подобныхъ шалостей, за которыя всегда приходилось ей же тяжело расчитываться.

«Революціонная партія никогда не бываетъ въ силахъ сама по себѣ совершить государственный переворотъ. Примѣръ тому многочисленныя попытки парижскихъ республиканцевъ и коммунистовъ, которыя всегда такъ легко подавлялись нѣсколькими баталіонами солдатъ. Перевороты совершаются народами.

«Еслибы начавшаяся теперь реакція ограничила свое вліяніе только преслѣдованіями свободномыслящихъ людей, — изъ этого не вышло бы ничего важнаго для празднои толпы, такъ называемаго, просвѣщеннаго общества. Но реакція отразится и на крестьянскомъ вопросѣ, она окончательно отниметъ у правительства всякую заботу объ удовлетвореніи требованій крѣпостныхъ крестьянъ, а это уже плохая шутка для всего образованнаго общества. Крестьяне уже начинаютъ готовиться къ возстанію и поднимутся, если не получатъ новой воли. Это уже рѣшено между крестьянами во всѣхъ губерніяхъ. Не вѣрьте слухамъ, отрицающимъ этотъ фактъ, — они лживы. Они распространяются или малодушными людьми, зажуривающими глаза отъ опасности, или правителями, обманывающими публику. *Народное* возстаніе близится. Пусть пойметъ это публика и пусть помнитъ. Пусть сообразитъ теперь, что реакція, порожденная ея же сплетнями, поддерживается ея легковѣріемъ, даетъ возстанію чернаго народа характеръ столь свирѣпый, что никакія усилія революціонеровъ не будутъ въ состояніи ни смягчить переворота, ни положить ему предѣловъ.

«Мы, революціонеры, т. е. люди, не производящіе переворота, а только любящіе народъ настолько, чтобы не покинуть его, когда онъ самъ безъ нашего возбужденія ринется въ борьбу, мы умоляемъ публику, чтобы она помогла намъ въ нашихъ заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстаніе. Намъ жаль образованныхъ классовъ; просимъ ихъ уменьшить гразящую имъ опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сдѣлалась болѣе хладнокровна и менѣе легкомысленна, чѣмъ какою выказала она себя въ сплетняхъ о пожарахъ. Перестаньте поощрять правительство въ его реакціонныхъ мѣрахъ.

«Обращаемся съ просьбою и къ правительству. Пусть оно хорошенько поищетъ насъ, пусть поищетъ получше, чѣмъ до сихъ поръ искало. Какъ намъ ни жалко несчастныхъ страдальцевъ, которыя

оно мучить и судить за насъ, какъ доходятъ до насъ слухи, но мы все же не объявимъ себя, чтобы снять съ этихъ людей ложное обвиненіе. И въ этомъ мы всегда и передъ всѣми останемся правы: мы не посылали этихъ людей на опасность; мы, наши люди, цѣлы и будутъ цѣлы. Мы считали бы себя слишкомъ слабыми, если бы могли попадаться. Насъ узнають только тогда, когда мы явимся въ рядахъ народа, открыто добывающаго себѣ человѣческія права».

III.

Затѣмъ комиссія поинтересовалась второй прокламаціей — «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-Ферроти».

Псевдонимъ «Шедо-Ферроти» принадлежалъ нашему бельгійскому агенту министерства финансовъ, барону Ф. И. Фирксу, назначенному на эту должность по личному повелѣнію государя, которому онъ былъ рекомендованъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ. Этотъ казеннокоштный публицистъ точно исполнялъ всѣ литературные заказы русскаго правительства, пропустившаго умышленно въ Россію двѣ его брошюры по адресу Герцена. Такимъ путемъ надѣялись ослабить вліяніе гениальнаго Искандера!.. Часть русскаго общества поддалась на удочку, какъ только въ мартѣ 1862 г. брошюры Шедо-Ферроти появились въ витринахъ книжныхъ магазиновъ... А когда реакціонное начало стало крѣпнуть, то апологетъ III Отдѣленія имѣлъ уже довольно замѣтный успѣхъ ¹⁾... Разумѣется, лучшіе люди не могли не презирать такую гнусную борьбу, и первымъ противъ нея публично высказался студентъ Павелъ Мошкаловъ, написавшій прокламацію:

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ШЕДО-ФЕРРОТИ ²⁾.

«Въ дѣйствіяхъ нашего правительства, подавляющаго всякое проявленіе жизни, замѣчается новая черта — трусливая подлость іезуита. Не переставая ссылать, засѣкать, пытаться, разстрѣливать,

¹⁾ Интересующіеся содержаніемъ этихъ брошюръ, обстоятельствами, при которыхъ онѣ появились на свѣтъ и продавались въ Россіи, и мѣрами русскаго правительства по борьбѣ съ Герценомъ здѣсь, дома, — найдутъ отвѣты на эти вопросы въ моей книгѣ — «Эпоха цезурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ». Спб., 1904 г.

²⁾ Отъ заглавія была сдѣлана слѣдующая выписка: «Интересно бы знать, во сколько обходится это покровительство?!»

оно употребляетъ скрытныя, подлыя, но вполне достойныя его мѣры тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать грубымъ насиліемъ. На дняхъ оно пустило въ продажу брошюру, написанную какимъ-то Шедо-Ферроти и направленную противъ Герцена (Искандера). Первоначально она была напечатана въ количествѣ 400 экземпляровъ, въ видѣ пробы; въ скоромъ же времени выйдетъ еще въ значительномъ количествѣ. Брошюра эта написана чрезвычайно хитро и на людей, мало читавшихъ изданія Герцена, можетъ произвести дѣйствіе, ожидаемое правительствомъ. Авторъ ея, стараясь подорвать довѣріе общества къ Герцену, выставляетъ его человѣкомъ, стремящимся захватить власть въ свои руки при будущемъ переворотѣ въ Россіи; въ видѣ подлой насмѣшки ставитъ его на одну доску съ коронованными особами и упрекаетъ его въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій.

«Оставляя подобное мнѣніе о Герценѣ при Шедо-Ферроти и нашемъ правительствѣ, мы спросимъ васъ, гнилые столбы деспотизма: неужели вы думаете подобными мѣрами ослабить огромное вліяніе, производимое изданіями Герцена на общество? Нѣтъ, вамъ остается одно — убить Герцена. Не предавайте смѣху подобную гнусную мысль!—она ваша. И, несмотря на ловкую діалектику Шедо-Ферроти, ему не вполне удалось замаскировать и предать оосмѣянію подобную мысль.

«Трудности, которыя пришлось намъ одолевать, прежде чѣмъ нашъ голосъ могъ раздаться въ печати, были такъ велики, и силы наши пока еще такъ мало организованы, что мы теперь не можемъ входить въ подробный разборъ этой брошюры, но, вѣроятно, Герценъ не приминетъ дать пощечину въ своемъ «Колоколѣ» какъ Шедо-Ферроти, такъ и нашему правительству.

«Печатано въ Петербургѣ, въ карманной типографіи».

Баллодъ сознался, что напечаталъ эту прокламацію, давъ ей заглавіе и снабдивъ ее примѣчаніемъ, сначала, въ мартѣ, въ 125—150 экземплярахъ, а затѣмъ, по выходѣ второго изданія брошюры, уже послѣ Пасхи, въ 300—400 экз. Наборъ сдѣлалъ самъ Мошкаловъ, учившій этому Баллода; онъ же и распространилъ большую часть экземпляровъ, оставивъ немного на долю Баллода.

IV.

На вопросъ комиссіи, кто авторъ взятой у Баллода рукописной статьи, направленной тоже противъ брошюры Шедо-Ферроти, Баллодъ отвѣтилъ:

«Я не хотѣлъ сказать фамиліи писавшаго статью противъ Шедо-Ферроти, потому что знаю автора этой статьи очень хорошо, какъ не-революціонера, но котораго будутъ, какъ я думалъ, судить, какъ революціонера, за высказанное имъ въ концѣ статьи мнѣніе въ пользу революціи. Причины, по которымъ онъ впалъ въ крайность, два несчастія, постигшія его одно за другимъ. Коренева, которую онъ сильно любилъ и которую давно считалъ своей невѣстой, вышла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ замужъ за другого. Второе несчастіе — закрытіе журнала «Русское Слово», отъ котораго онъ только и получалъ средства въ жизни. Содержанье статьи противъ Шедо-Ферроти я мало помню и потому не могу сказать, какихъ исправленій она требуетъ. Писалъ эту статью Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, кандидатъ петербургскаго университета. Однажды пришелъ ко мнѣ Писаревъ. Это было въ половинѣ мая. Мы говорили о брошюрѣ Шедо-Ферроти. Писаревъ сказалъ мнѣ, что онъ писалъ противъ него, но что цензура не пропустила; я просилъ у Писарева эту статью, но онъ сказалъ, что не стоитъ ее читать; я сказала: «такъ ты напиши такую, чтобъ стоило прочесть». — «Зачѣмъ тебѣ?» спросилъ Писаревъ. Я сказала, что, можетъ быть, мнѣ удастся устроить напечатаніе этой статьи. «Изволь», сказалъ Писаревъ. Въ началѣ іюня я зашелъ къ Писареву, и онъ далъ мнѣ 1½ листа этой статьи. За день до моего ареста Писаревъ принесъ мнѣ вторую половину этой статьи».

Статья Писарева, приложенная къ дѣлу въ подлинномъ автографѣ автора, до сихъ поръ никому неизвѣстна и потому приводится ниже съ полной точностью.

«Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себѣ вовсе не заслуживаетъ вниманія, но изъ-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживаетъ въ немъ и патріотическій жаръ, и литературный талантъ. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, какъ маневръ нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнѣе самого Шедо-Ферроти, но что дѣлать, мы куда отъ нихъ зависимъ, мы съ ними боремся, стало быть, надо же взглянуть изъ глаза нашимъ естественнымъ притѣснителямъ и врагамъ.

«Обскурантовъ теперь, какъ извѣстно, не существуетъ. Нѣтъ того квартальнаго надзирателя, нѣтъ того цензора, нѣтъ того академика, нѣтъ даже того великаго князя, который не считалъ бы себя умѣреннымъ либераломъ и сторонникомъ мирнаго прогресса. Считаю себя либераломъ, какъ-то неловко сажать людей подъ арестъ или высылать ихъ въ дальнія губерніи за печатно выраженное мнѣніе

или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоитъ изъ либераловъ, начинаетъ это чувствовать. . . . . совѣстно сослать Михайлова и Павлова ¹⁾); сослать-то онъ ихъ со- сладь, но, Боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Сту- денту Лебеву проломили голову, но правительству тутъ же сдѣ- лалось такъ прискорбно, что оно напечатало въ газетахъ объясненіе: такъ и такъ, дескать, это случилось по нечаянности, ножами жандармской сабли ²⁾. Словомъ, наше либеральное правительство уважаетъ общественное мнѣніе и для своихъ мирно-прогрессивныхъ цѣлей пускаетъ въ ходъ благородныя средства, какъ-то печатную гласность. Валуевъ и Никитенко сооружаютъ газету съ либераль- нымъ направлениемъ ³⁾, а при этомъ и продолжаютъ, все-таки, преслѣдовать честную журналистику доносами и цензурными тис- ками ⁴⁾. Публицистъ III Отдѣленія, баронъ Фирксъ, Шедо-Ферроти тожь, по порученію русскаго правительства, пишетъ и печатаетъ въ Берлинѣ брошюры безъ цензуры; великодушное правительство смѣрится сквозь пальцы на ввозъ этого заказаннаго, но официально запрещеннаго товара; его продаютъ открыто въ книжныхъ лавкахъ; не давая своего официального разрѣшенія, правительство уврочи- ваетъ за книжкою заманчивость запретнаго плода; допуская и поощряя изъ подъ руки продажу книжки, правительство обнаруживаетъ свое великодушіе. О, какъ все это тонко, остроумно и политично. А между тѣмъ журналамъ не позволялось разбирать книжонку; Шедо-Ферроти, какъ въ прошлую осень Борисъ Чичеринъ, объявляются личностями священными и неприкосновенными ⁵⁾. Горбатаго одна могила ис- править; наши умѣренные либералы ни при какихъ условіяхъ не сумѣютъ быть честными людьми; наше правительство никогда не отучится отъ николаевскихъ замашекъ. У него есть особенный

---

¹⁾ М. И. Михайловъ сосланъ въ 1862 году за сочиненіе и распространеніе про- кламаціи „Къ молодому поколѣнію“. О его дѣлѣ см. мою статью въ январской книжкѣ „Былого“. Профессоръ П. В. Павловъ высланъ въ Велугу въ мартѣ 1862 года за публичную рѣчь о тысячелѣтнемъ юбилей Россіи. Дѣло это тогда очень напуждало.

²⁾ Во время студенческой демонстраціи осенью 1861 года въ Петербургѣ.

³⁾ Валуевъ съ 1 января 1862 г. открылъ газету министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверную Почту“, редакторомъ которой первое время былъ А. В. Никитенко, а потомъ И. А. Гончаровъ.

⁴⁾ Намекъ на старанія Никитенка въ главномъ управленіи цензуры и на неистовства Валуева.

⁵⁾ 1 января 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія, Головиннымъ, было предписано по цензурѣ не допускать никакихъ рѣзкостей и оскорбленій по адресу публициста „Нашего Времени“ Б. Н. Чичерина.

талантъ оподлять всякую идею, какъ бы ни была эта идея благородна и сама по себѣ чиста.

«Напримѣръ, всѣ порядочные люди имѣютъ привычку на печатное обвиненіе отвѣчать также печатно и защищаться, такимъ образомъ, тѣмъ же оружіемъ, какимъ вооруженъ противникъ. Наше правительство захотѣло доказать, что оно тоже порядочный человѣкъ. Находя, что Герценъ несправедливо обвинилъ его, наше правительство высылаетъ своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведеніе Шедо-Ферроти ввучено въ Россію, а сочиненія Герцена остаются запрещенными. Публика видитъ, что Герцена отдѣлываютъ, а того она не видитъ, за что его отдѣлываютъ. Конечно, и «Полярная Звѣзда», и «Колоколъ», и «Голоса изъ Россіи», и грозное «Подъ Судъ» извѣстны нашей публикѣ, но вѣдь всѣ эти вещи провозятся и читаются вопреки воли правительства; стало быть, если оцѣнивать только намѣренія правительства, то надо будетъ убѣдиться въ томъ, что оно хочетъ чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять въ свою очередь. Чернить человѣка, котораго сочиненія строжайше запрещены! Подло, глупо и безполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герценѣ, правительство, очевидно, хочетъ продиктовать обществу мнѣнія на будущее время. Это видно по тому, что мнѣнія, противоположныя мысленкамъ Шедо-Ферроти, не допускаются въ печати. Правительство сражается двумя оружіями: печатною пропагандою и грубымъ насиліемъ, а у общества отнимается и то единственное средство, которымъ оно могло и хотѣло бы воспользоваться. Обществу остается или либеральничать съ разрѣшенія цензуры, или идти путемъ тайной пропаганды, тѣмъ путемъ, который повелъ на каторгу Михайлова и Обручева ¹⁾. Хорошо мы и на это согласны; это все отзовется въ день суда, того суда который, вѣроятно, случится гораздо пораньше второго пришествія Христа».

«Изъ чтенія брошюры Шедо-Ферроти мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе. Намъ порадовало то, что при всей своей щедрости правительство наше принуждено пробавляться такими плоскими посредственностями. Пріятно видѣть, что правительство не умѣетъ выбирать себѣ умныхъ палачей, сыщиковъ, доносчиковъ и клеветниковъ; еще пріятнѣе думать, что правительству не изъ чего выби-

---

¹⁾ В. А. Обручевъ, сотрудникъ „Современника“, въ 1861 году былъ сосланъ за составленіе и распространеніе „Великорусса“.

ратъ, потому что въ рядахъ его приверженцевъ остались только подонки общества, то, что пошло и подло, то, что неспособно по человѣчески мыслить и чувствовать.

«Брошюра Шедо-Ферроти имѣеть двѣ цѣли: 1) доказать, что петербургское правительство не имѣеть ни надобности, ни желанія убить Герцена, 2) осмѣять и обругать при семъ удобномъ случаѣ Герцена, какъ пустого самохвала и какъ загордившагося выскочку.

«Чтобы доказать первое положеніе, Шедо-Ферроти утверждаетъ, что Герценъ вовсе не опасенъ для русскаго правительства и что, слѣдовательно, даже III Отдѣленіе не рѣшится убить его. Процессъ доказательствъ идетъ такъ: убиваютъ только такихъ людей, отъ смерти которыхъ можетъ переимѣниться весь существующій порядокъ вещей въ одномъ или въ нѣсколькихъ государствахъ; если Герценъ, получая подметныя письма о намѣреніяхъ русскаго правительства, вѣрить этимъ письмамъ, тогда онъ считаетъ себя особою европейской важности и, слѣдовательно, обнаруживаетъ глупое тщеславіе; если же онъ, не вѣря этимъ письмамъ, поднимаетъ гвалтъ, тогда онъ пустой и вздорный крикунъ. Весь этотъ процессъ доказательствъ разсыпается, какъ карточный домикъ. Во-первыхъ, правительства ежегодно убиваютъ нѣсколько такихъ людей, которые могли бы оставаться въ живыхъ, вовсе не нарушая существующаго порядка. Дезертиръ, котораго запарываютъ шпицрутенами, вовсе не особа европейской важности. Бакунинъ, котораго захватили обманомъ, Михайловъ, Обручевъ, поручикъ Александровъ ¹⁾ вовсе не особы европейской важности, а между тѣмъ правительство заживо хоронитъ ихъ въ рудникахъ и въ крѣпостяхъ. Правительство вовсе не такъ дорожитъ жизнью отдѣльнаго человѣка, чтобъ казнить и миловать съ строгимъ разборомъ. Вѣдь, турецкій султанъ и персидскій шахъ вѣшаютъ зря, какъ вздумается, а, кажется, въ наше время только учебники географіи проводятъ различіе между деспотическимъ правленіемъ и правленіемъ монархическимъ неограниченнымъ. На основаніи какого закона повѣшено пять декабристовъ? А если прави-

¹⁾ Ошибка—капитанъ варшавской телеграфной станціи Александровъ. Онъ сосланъ въ вѣчную каторгу за то, что, получивъ изъ Петербурга телеграмму отъ Александра II на имя намѣстника Царства Польскаго, Лидерса, предписывавшую «разгонять толпу холоднымъ оружіемъ, а если нужно, то употребить картечь», и не желая подвергать разстрѣлу поляковъ, собиравшихся слушать поминки по убитымъ въ 1861 году на улицахъ Варшавы, Александровъ передалъ Лидерсу телеграмму иначе: «дѣйствовать увѣщаніемъ». Кровавое пролитіе было устранено, мистификація обнаружена, и честный офицеръ погибъ.

тельство казнить по своему произволу, то отчего же оно не можетъ, по тому же произволу, подослать убійцу? Гдѣ разница между казнью безъ суда и убійствомъ изъ-за угла? Въ наше время каждый неограниченный монархъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ можетъ держаться только непрерывнымъ рядомъ . . . . .

Чтобы подданные его не знали о своихъ естественныхъ человѣческихъ правахъ, надо держать ихъ въ невѣжествѣ—вотъ вамъ преступленіе противъ человѣческой мысли; чтобы случайно просвѣтившіеся подданные не нарушили субординаціи, надо дѣйствовать насиліемъ—вотъ еще преступленіе; чтобы имѣть въ рукахъ орудіе власти—войско, надо систематически уродовать и забивать нѣсколько тысячъ молодыхъ, сильныхъ, способныхъ людей—опять преступленіе. Идя по этой дорогѣ преступленій, нельзя отступать отъ убійства. Посмотрите на Александра II; въ его личномъ характерѣ нѣтъ ни подлости, ни злости, а сколько . . . . . лежитъ уже на его совѣсти. Кровь поляковъ, кровь мученика Антона Петрова ¹⁾, загубленная жизнь Михайлова, Обручева и другихъ, нелѣпое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, исторіи со студентами—на что ни погляди, вездѣ или грубое преступленіе, или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко дѣлаются злодѣями . . . . . на которое никогда не рѣшился бы Александръ II, какъ частный человѣкъ, будетъ непременно совершено имъ, какъ самодержцемъ всея Россіи. Тутъ мѣсто портить человѣка, а не человѣкъ—мѣсто. Если бы наше правительство потихоньку отправило Герцена на тотъ свѣтъ, то, вѣроятно, въ этомъ не нашли бы ничего удивительнаго тѣ люди, которые знаютъ, что дѣлалось въ Варшавѣ и Казанской губерніи. Но допустимъ даже, что наше правительство не намѣревалось убить Герцена; изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы III Отдѣленіе не могло написать къ нему нѣсколько писемъ, наполненныхъ глупыми угрозами и площадною бранью; судя по себѣ, Бруты и Касси нашей тайной полиціи могли надѣяться, что Герцена можно запугать; чтобы разомъ покончить всѣ эти нелѣпыя продѣлки, Герценъ написалъ и напечаталъ письмо къ представителю русскаго правительства. Этимъ письмомъ онъ заявилъ публично, что если бы за угрозами послѣдовали дѣйствія, то вся тяжесть подозрѣнія упала бы на Александра II. Агенты, подсылавшіе къ Герцену письма, должны были увидѣть, что Герценъ ихъ угрозъ не

---

¹⁾ Антонъ Петровъ организовалъ крестьянскія волненія въ селѣ Вездиѣ Казанской губерніи.

боятся. Слѣдовательно, имъ осталось или дѣйствовать, или замолчать. Дѣйствовать они не рѣшились — духу не хватило; замолчать тоже не хотѣлось; вѣдь, они думаютъ, что правъ тотъ, кто сказалъ послѣднее слово; вотъ они и выдумали пустить противъ Герцена книжонку Шедо-Ферроти; родственное сходство между Шедо-Ферроти и сочинителями подметныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію; не даромъ же Шедо-Ферроти на двухъ языкахъ отставиваетъ передъ Россією и передъ Европою нравственную чистоту III Отдѣленія: свой своему поневолѣ другъ.

«Шедо-Ферроти плохо защитилъ правительство; онъ ничѣмъ не доказалъ, что оно не могло имѣть намѣренія извести Герцена или, по крайней мѣрѣ, запугать его угрозами. Усилія его оклеветать и оплевать Герцена еще болѣе неудачны. Шедо-Ферроти, этотъ умственный пигмей, этотъ продажный памфлетистъ, силится доказать, что Герценъ самъ деспотъ, что онъ равняетъ себя съ коронованными особами, что онъ только изъ личнаго властолюбія враждуетъ съ теперешнимъ русскимъ правительствомъ. Доказательства очень забавны. Герценъ деспотъ потому, что не согласился напечатать въ «Колоколѣ» отвѣтъ Шедо-Ферроти на письмо Герцена къ русскому послу въ Лондонѣ. Да какой же порядочный редакторъ журнала пустить къ себѣ Шедо-Ферроти съ его остроуміемъ, съ его казеннымъ либерализмомъ и съ его пристрастіемъ къ III Отдѣленію. Герценъ не думаетъ запрещать писать кому бы то ни было, но и не думаетъ также открывать въ «Колоколѣ» богадѣльню для нравственныхъ уродовъ и умственныхъ паралитиковъ, подобныхъ Шедо-Ферроти. Панегеристъ III Отдѣленія требуетъ, чтобы его статьямъ было отведено мѣсто въ «Колоколѣ»; въ случаѣ отказа онъ грозитъ Герцену, что будетъ издавать свои произведенія отдѣльно съ надписью: «запрещено цензурою Колокола». Вотъ испугаль-то! Да всѣ статьи Булгарина, Аскоченскаго, Рафаила Зотова, Скарятина, Модеста Корфа ¹⁾ и многихъ другихъ достойныхъ представителей русской вицмундирной мысли запрещены цензурою здраваго смысла. Приступая къ изданію своего журнала, Герценъ вовсе не хотѣлъ сдѣлать изъ него клоаку всякихъ нечистотъ и нелѣпостей. Эпиграфомъ къ «Полярной Звѣздѣ» онъ взялъ стихъ Пушкина: «Да здравствуетъ разумъ». Этотъ эпиграфъ прямо и рѣшительно отвергаетъ всякое ханжество, всякое раболѣнство мысли, всякое преклоненіе передъ грубымъ насиліемъ и передъ нелѣпнымъ фактомъ. «Да здравствуетъ

¹⁾ Баронъ М. А. Корфъ, авторъ книги о Сперанскомъ, «Записокъ», директоръ Публичной библіотеки и т. д.

разумъ» и да падуть во имя разума дряхлый деспотизмъ, дряхлая религія, дряхлыя стропила современной официальной нравственности! Всякія попытки мирить разумъ съ нелѣпостью, всякое требованіе уступокъ со стороны нравственности противорѣчить основной идеѣ дѣятельности Герцена. Если бы даже Шедо-Ферроти былъ просто честный простачекъ, вѣрующій въ возможность помирить стремленія къ лучшему съ существованіемъ нашего средневѣковаго правительства, то и тогда Герценъ, какъ человекъ искренно и честно служащій своей идеѣ, не могъ бы помѣстить въ «Колоколъ» его старушечью болтовню. Но теперь, когда всѣ знаютъ, что онъ наемный агентъ III Отдѣленія, теперь его претензіи печатать свои литературные доносы въ «Колоколъ» кажутся намъ въ то же время смѣшными и возмутительными по своей безпримѣрной наглости.

«Шедо-Ферроти упрекаетъ Герцена въ томъ, что тотъ будто бы сравниваетъ себя съ коронованными особами. Въ этомъ упрекѣ выражается какъ нравственная низость, такъ и умственная малость Шедо-Ферроти. Какая же разница между простымъ человекомъ и помазанникомъ Божиимъ? И какая же охота честному дѣятелю мысли сравнивать себя съ царственными лежебоками, которые, пользуясь довѣрчивостью простого народа, поѣдаютъ вмѣстѣ съ своими придворными деньги, благосостояніе и рабочія силы этого народа? Если бы кто-нибудь вздумалъ провести параллель между Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и . . . . . то, вѣроятно, первый серьезно обидѣлся бы такому сравненію. Но посмотримъ, на чемъ же Шедо-Ферроти основываетъ свое обвиненіе? «Вы убѣждены»,—пишетъ онъ Герцену,—«что вы не только либераль, но и социалистъ-республиканецъ, врагъ монархическому началу, а поминутно у васъ выскакиваютъ выраженія, обнаруживающія несчастное расположеніе сравнивать себя съ царствующими особами. Въ письмѣ къ барону Бруннову, сказавъ, что вы не допускаете мысли, чтобы императоръ Александръ вооружилъ противъ васъ спадасиновъ, вы присовокупляете: «я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ». Въ томъ же письмѣ, говоря объ убійцахъ, разосланныхъ за моря и горы *den Dolh im Gewande*, и цитируя стихи Шиллера, вы опять сравниваете себя съ царствующимъ лицомъ, съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Наконецъ, самое оглавленіе (заглавіе) статей «Колокола», извѣщающихъ всю Европу о грозящей вамъ опасности: «Бруты и Кассій III Отдѣленія» — содержитъ сравненіе съ однимъ изъ колоссальнѣйшихъ историческихъ лицъ. Брутъ и Кассій были убійцами Юлія Кесаря».

«Шедо-Ферроти, какъ умственный пигмей и какъ сыщикъ III Отдѣленія, вполнѣ выражается въ этой тирадѣ. Онъ не можетъ, не умѣетъ опровергать Герцена въ его идеяхъ; поэтому онъ придирается къ случайнымъ выраженіямъ и выводитъ изъ нихъ невѣроятныя по своей нелѣпости заключенія; эта придирчивость къ словамъ составляетъ постоянное свойство мелкихъ умовъ; кромѣ того, она замѣчается особенно часто въ полицейскихъ чиновникахъ, допрашивающихъ подозрительныя личности и желающихъ изъ усердія къ начальству сбить допрашиваемую особу съ толку и запутать ее въ мелкихъ педоговоркахъ и противорѣчіяхъ. Вступая въ полемику съ Герценомъ, Шедо-Ферроти не могъ и не умѣлъ отстать отъ своихъ полицейскихъ замашекъ. Адвокатъ III Отдѣленія остался вѣрять какъ интересамъ, такъ и преданіямъ своего кліента.

«Вся остальная часть брошюры состоитъ голословныхъ сравненій между Шедо-Ферроти и Герценомъ. Шедо-Ферроти считаетъ себя истиннымъ либераломъ, разумнымъ прогрессистомъ, а Герцена признаетъ вреднымъ демагогомъ, сбивающимъ съ толку русское юношество и желающихъ возбудить въ Россіи возстаніе для того, чтобы возвратиться самому въ Россію и сдѣлаться диктаторомъ. Шедо-Ферроти, какъ адвокатъ III Отдѣленія, старается увѣрить почтенную публику, что наше правительство исполнено благими намѣреніями. и что отъ него должны исходить для великой, малой и бѣлой Россіи всевозможныя блага, матеріальныя и духовныя, вещественныя и невещественныя. Шедо-Ферроти, конечно, не предвидитъ возможности переворота или, по крайней мѣрѣ, старается увѣрить всѣхъ, что, во 1-хъ, такой переворотъ невозможенъ и что, во 2-хъ, онъ во всякомъ случаѣ повергнетъ Россію въ бездну несчастья. Одной этой мысли Шедо-Ферроти достаточно, чтобы внушить всѣмъ порядочнымъ людямъ отвращеніе и презрѣніе къ его личности и дѣятельности. Низверженіе . . . . .

и измѣненіе политическаго и общественнаго строя составляютъ единственную цѣль и надежду всѣхъ честныхъ гражданъ. Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла.

«Посмотрите, русскіе люди, что дѣлается вокругъ насъ, и подумайте, можемъ ли мы долше терпѣть насиліе, прикрывающееся устарѣлою формою божественнаго права. Посмотрите, гдѣ наша литература, гдѣ народное образованіе, гдѣ всѣ добрыя начинанія общества и молодежи. Придравшись къ двумъ-тремъ случайнымъ

пожарамъ, правительство все проглотило; оно будетъ глотать все—деньги, идеи, людей, будетъ глотать до тѣхъ поръ, пока масса проглоченнаго не разорветъ это безобразное чудовище. Воскресныя школы закрыты, народныя читальни закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народъ и идею, Петербургъ поставленъ на военное положеніе, правительство намѣрено дѣйствовать съ нами, какъ съ непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примиренія нѣтъ. На сторонѣ правительства стоятъ только негодяи, подкупленные тѣми деньгами, которые обманомъ и насиліемъ выжимаются изъ бѣднаго народа. На сторонѣ народа стоитъ все, что молодо и свѣжо, все, что способно мыслить и дѣйствовать.

и петербургская бюрократія должны погибнуть. Ихъ не спасутъ ни министры, подобные Валугеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

«То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться въ могилу. Намъ остается только дать имъ послѣдній толчекъ и забросать грязью ихъ смердящія трупы».

Вотъ та статья, которая повлекла за собой автора въ казематъ Алексѣевского рavelина Петропавловской крѣпости ¹⁾.

V.

На вопросъ комиссіи о прокламаціи къ офицерамъ Баллодъ сообщилъ, что ему принадлежитъ лишь второе ея изданіе, которое онъ сдѣлалъ, за неимѣніемъ подлинника, по «Колоколу», полученному изъ-за границы черезъ Мешкалова, во второй половинѣ мая, всего въ 70 или 80 экз.

При этомъ онъ указалъ на студента Алексѣя Яковлева, какъ на просившаго его посодѣйствовать напечатанію прокламаціи. Не показавъ ему виду, что онъ имѣетъ свою типографію, Баллодъ и исполнилъ его просьбу. Съ Яковлевымъ же онъ иногда мѣнялся изданіями Герцена. Ему же онъ далъ для распространенія 20 экземпляровъ прокламаціи о Шедо-Ферроти и 40 о капитанѣ Александровѣ.

¹⁾ Только Е. А. Соловьевъ упоминаетъ вполне вѣрно о причинѣ ареста Писарева (см. павленковское изданіе его биографіи Писарева, изд. 3-е). Г. Свабичевскій сообщилъ о причинѣ ареста невѣрно (см. его «Исторію новѣйшей русской литературы 1848—1892 гг.», изд. 3-е). Г. Ивановъ тоже сдѣлалъ ошибку (см. «Энциклопедическій словарь» Ефрона).

Относительно прокламаціи о капитанѣ Александровѣ Баллодъ показалъ, что тоже сдѣлалъ лишь второе ея изданіе, перепечатавъ съ перваго, выпущеннаго обществомъ «Великоруссь». Она была напечатана въ 400—500 экз. При этомъ онъ замѣтилъ: «Въ первомъ экземплярѣ этого вопроса я написалъ, что статью о капитанѣ Александровѣ напечаталъ мнѣ наборщикъ Горбановскій; я солгалъ тамъ — мнѣ было совѣстно смотрѣть на написанное мною, и я поспѣшилъ уничтожить тотъ экземпляръ вопроса».

Относительно способа распространенія своихъ изданій Баллодъ показалъ:

«Я разбрасывалъ отпечатанные мною листы преимущественно на Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, около Медико-Хирургической академіи, на Невскомъ проспектѣ и на Литейной. Это бывало обыкновенно вечеромъ. Въ кафе-ресторанахъ Еремѣева и Доминика я вкладывалъ ихъ въ газеты и клалъ иногда просто на столъ. У перваго я бывалъ между 3 — 5 часами, а у послѣдняго, кромѣ того, по вечерамъ».

На вопросъ: «Въ показаніи своемъ вы говорите, что распространеніе сихъ листковъ въ публикѣ находили полезнымъ по собственному убѣжденію. На чемъ основано это убѣжденіе, и какихъ послѣдствій вы желали достигнуть своими преступными дѣйствіями?» — Баллодъ отвѣчалъ: «На этотъ вопросъ, который я только теперь обдумалъ хорошо, я долженъ отвѣтить тѣмъ, что все это была шалость и увлеченье. Дѣйствительно, я иногда думалъ, что подобные листки склонять правительство на уступки, какъ, на примѣръ, на свободу книгопечатанія, но это было только между прочимъ».

Найденный у него «Колоколь» Баллодъ, по его словамъ, получилъ по почтѣ, благодаря студенту Лобанову, предложившему сначала мѣняться съ нимъ номерами, а потомъ устроившему ему и аккуратное полученіе герценовскаго журнала.

Ознакомившись съ отвѣтами Баллода, комиссія заинтересовалась, куда же дѣвался уничтоженный отвѣтъ на вопросъ о прокламаціи «Подвигъ капитана Александра». Баллодъ созналъ, что бросилъ клочки въ печку каземата. Тотчасъ туда былъ посланъ офицеръ; вернувшись, онъ представилъ комиссіи разорванный полулистъ. Въ концѣ его Баллодъ писалъ: «Государь, когда будете подписывать мнѣ приговоръ, то вспомните, что я жилъ среди воплей и стога, и трудно было мнѣ, отъ природы очень чувствительному, не сказать упрека тому, кто смотритъ на нихъ равнодушно». Къ слѣдующему разу привели этотъ листокъ въ порядокъ и сиропили Баллода, что

онъ хотѣлъ сказать своимъ обращеніемъ къ Государю. Онъ отвѣчалъ: «слова эти я относилъ къ правительству, которое я считалъ въ своихъ дѣйствіяхъ вялымъ и даже равнодушнымъ ко всѣмъ хорошимъ начинаніямъ».

Тогда же, въ замѣнъ разорваннаго, Баллодъ представилъ слѣдующее письмо къ Государю:

«Я напечаталъ три листка, которые называются возмутительными. Я не думаю, чтобы мои листки могли возмутить кого нибудь, потому что, какъ мнѣ кажется, они не могутъ перемѣнить убѣжденій ни въ комъ, а для того, чтобы возмутить кого-нибудь, необходимо перемѣнить въ немъ убѣжденія, т. е. довести до того, чтобы онъ соглашался съ такими листками. Попадись мнѣ мои же листки лѣтъ шесть тому назадъ, я попалъ бы на нихъ точно такъ же, какъ теперь попалъ на брошюру Шедо-Ферроти. Появленіе подобныхъ листовъ показываетъ то, что есть уже люди, которые понимаютъ ихъ. Въ прошломъ году въ это время вышелъ «Великоруссъ»; цѣль его, какъ мнѣ кажется, была зондировать общество. Когда зондированіе дало успѣшныя результаты, тогда Комитетъ «Великорусса» выпустилъ второй и третій номера.

«Потомъ вышло еще нѣсколько листовъ; объ нихъ говорили много, но никогда почти не говорили съ особенно дурной стороны.

«Нѣсколько человѣкъ, недовольныхъ этими листками, зашли въ кабинетъ, прочитали всѣхъ социалистовъ и демократовъ, вскочили, подумали, что строятъ памятникъ второму тысячелѣтію Россіи, и стали зондировать общество. Общество приняло ихъ за нѣмцевъ и сухо сказала, что оно по-нѣмецки не знаетъ.

«Очень естественно, Государь, что такое движеніе могло увлечь за собой человѣка неопытнаго. Теперь меня изолировали отъ общества и спрашиваютъ, зачѣмъ я печаталъ и какихъ послѣдствій ожидалъ я отъ распространенія этихъ листовъ?

«Печатавъ свои листки, я никогда не задавалъ себѣ вопроса, предложеннаго мнѣ комиссіею. Петропавловская крѣпость дала мнѣ возможность обдумать этотъ вопросъ серьезно. Серьезное размышленіе объ немъ привело меня къ несерьезному результату: я увлекся, отъ нечего дѣлать вздумалъ пошалить и сталъ печатать; когда я печаталъ, мнѣ было весело, я смѣялся и никогда не воображалъ, что эта шалость заведетъ меня такъ далеко.

«Я виноватъ, Государь, передъ Вами. Оправдаться я не могу.

«Въ концѣ своего письма, позвольте, Государь, обратиться къ Вамъ и просить Ваше Величество при подписаніи мнѣ приговора

вспомнить о моей молодости, которая была причиной моего увлеченія».

Горбановскій не призналъ показанія Баллода правильными и настаивалъ на томъ, что ровно ничего ему не печатали, красокъ и вальковъ не доставляли и шрифта не покупали. Потомъ и самъ Баллодъ сознался, что напрасно оговорилъ Горбановскаго, что всѣ типографскія принадлежности получалъ отъ Мошкалова.

Послѣ перваго допроса Баллода и Горбановскаго, комиссія поручила III Отдѣленію немедленно арестовать Мошкалова, Писарева и Лобанова и произвести у нихъ тщательный обыскъ.

VI.

2 іюля Писаревъ и Лобановъ были арестованы и заключены въ крѣпость, а Мошкаловъ оказался вполнѣ легально уѣхавшимъ за границу еще въ концѣ апрѣля. 3-го числа Писарева возили на квартиру штабсъ-капитана Попова, воспитателя 2 кадетскаго корпуса, у котораго онъ нанималъ комнату, опечатали всѣ его бумаги и вернули въ крѣпость. Шкапъ съ бумагами самого Попова былъ пока не тронуть, но все же запечатанъ..

Комиссія съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждала показаній Писарева. Кня. Голицынъ былъ увѣренъ, что во всея движеніи роль инспиратора принадлежитъ литературѣ и не столько даже ей, сколько отдѣльнымъ литераторамъ. Какъ и теперь, эти люди не понимали, что во главѣ всей оппозиціонной арміи шло нѣчто большее отдѣльныхъ лицъ и группъ, что шла сама жизнь. Искали лицъ и рады были каждой находкѣ. Конечно, Писаревъ, уже тогда бывшій крупной фигурой, казался комиссіи очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ, которымъ она была обязана Баллоду.

Впервые на допросъ Писаревъ былъ приведенъ 6 іюля. Ему сразу же предъявили статью, взятую у Баллода. Какъ же раздражена была комиссія, когда получила въ отвѣтъ: «Я, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, Дмитрій Писаревъ, предъявленной мнѣ статьи не писалъ и не сочинялъ»!.. Упорствовавшаго отправили обратно въ казематъ и рѣшили дать ему очную ставку съ Баллодомъ. Разсмотрѣніе бумагъ его было поручено Каменскому. Генералъ-губернатору сообщили, что необходимо имѣть и тѣ бумаги Попова, которыя оставлены запечатанными въ шкапу.

Когда все это было исполнено, 9-го іюля Писареву снова предъявили рукопись статьи и одно изъ его писемъ, взятыхъ на обыскѣ,

Дмитрій Ивановичъ написалъ: «Я, кандидатъ ~~Дмитрій~~ Писаревъ, дѣйствительно писалъ предъявленное мнѣ письмо, но статья, заключающая въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, написана не мною, хотя почеркъ поразительно похожъ на почеркъ, моей руки»... 11-го ему была дана очная ставка съ Баллодомъ. Писаревъ оставался твердъ: «Улики г. Баллода я не признаю и остаюсь при прежнемъ показаніи моемъ, данномъ въ комиссіи»... Послѣ этого его не беспокоили ровно мѣсяць. Очевидно, хотѣли показать, что могутъ рѣшить дѣло безъ его показаній, и тѣмъ напугать.

Но вотъ, разобравшись въ бумагахъ и въ показаніяхъ другихъ, 11 августа Писарева призвали на четвертый допросъ. Показанія его были очень обширны и довольно полно удовлетворили любопытство комиссіи, предложившей массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

«Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, 21 годъ отъ рожденія ¹⁾, православнаго вѣроисповѣданія, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно. Родители мои: отставной штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Писаревъ и Варвара Дмитриевна Писарева, урожденная Данилова, проживаютъ въ Тульской губ., въ Новосильскомъ у., въ сельцѣ Бутырки. У меня двѣ сестры ²⁾, братьевъ нѣтъ. Состояніе моего отца заключается въ деревнѣ или сельцѣ Бутыркахъ, около 600 дес. земли. Я окончилъ курсъ въ университетѣ въ маѣ 1861 г., а въ сентябрѣ того же года получилъ кандидатскій дипломъ; проживалъ послѣ того въ Петербургѣ, на квартирѣ штабсъ-капитана Василя Петровича Попова, занимался работами для журнала «Русское Слово» и содержалъ себя, какъ деньгами, получаемыми за статьи, такъ и жалованьемъ за исправленіе должности помощника редактора означеннаго журнала; получилъ я эту должность въ декабрѣ 1861 года. До настоящаго арестованія я былъ подѣ слѣдствіемъ въ началѣ мая 1862 г. за то, что въ вокзалѣ желѣзной дороги ударилъ отставнаго прапорщика Евгенія Николаевича Гарднера хлыстомъ по лицу. Слѣдствіе производилось въ Каретной ³⁾ части слѣдственнымъ приставомъ Ласовскимъ, и кончилось тѣмъ, что мы оба подали мировое прошеніе».

Какъ уже извѣстно, Гарднеръ женился, въ апрѣлѣ 1862 г., на Райсѣ Александровнѣ Кореновой, которую Писаревъ считалъ своей

¹⁾ Родился 2 октября 1840 года.

²⁾ Вѣра и Екатерина.

³⁾ Нынѣ Александр-Невской. Столкновеніе произошло на Николаевскомъ вокзалѣ.

невѣстой. Дмитрій Ивановичъ не могъ спокойно перенести этотъ тяжелый ударъ и написалъ своему сопернику еще до свадьбы очень характерное для него письмо. Привожу его съ писаревской копіи, имѣющей въ дѣлѣ.

«Милостивый Государь Евгений Николаевичъ! Какъ вы легко можете себѣ представить, я вовсе не радуюсь тому, что вы женились на моей двоюродной сестрѣ. Не питаю къ вамъ особенной симпатіи, не имѣя высокаго мнѣнія о вашемъ умѣ и характерѣ, я намѣренъ высказать вамъ нѣсколько горькихъ истинъ: я считаю васъ за . . . . .¹⁾ и за фата и съ свойственной мнѣ откровенностью выражаю это мнѣніе. Я выражалъ его другимъ людямъ, говоря по поводу вашей женитьбы слѣдующую русскую пословицу: «не въ коня кормъ» и варьируя ее иногда такъ: не въ . . . . .²⁾ кормъ».

«Вы удивитесь моему письму и не будете знать, что съ нимъ дѣлать. Я вамъ укажу три образа дѣйствій:

1. Вы можете разорвать это письмо, притвориться, какъ будто вы его не получали, продолжать со мною пріятельскія отношенія и даже при случаѣ порисоваться великодушіемъ и даже видѣть меня шаферомъ на вашей свадьбѣ.

2. Вы можете вызвать меня на дуэль, и я буду къ вашимъ услугамъ.

3. Вы можете представить это письмо III-му Отдѣленію, и меня тогда посадятъ подъ арестъ, какъ нарушителя общественнаго спокойствія.

«Въ первомъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы проглотили непозолоченную пилюлю. Во второмъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно сорвать зло на васъ или на самомъ себѣ. Въ третьемъ случаѣ мнѣ будетъ пріятно знать, что вы сдѣлали подлость. Во всякомъ случаѣ мнѣ пріятно подбавить капелюку горечи въ ваше незаслуженное счастье, которое достается вамъ на долю только потому, что теперь весна пробуждаетъ чувственность женщинъ и усыпляетъ мозговую дѣятельность. Если бы я васъ уважалъ, я бы не написалъ этого письма, а просто спокойно отошелъ бы въ сторону.

Готовый къ услугамъ Вашимъ

Дмитрій Писаревъ.

«P. S. Предупреждаю васъ, что я оставилъ у себя копію этого письма и что эту копію я, когда мнѣ вздумается, покажу кому

¹⁾ Опускаю ругательство.

²⁾ Тоже.

вздумается. Фактическихъ дерзостей я вамъ не сдѣлаю, потому что уважаю самого себя. Это письмо, въ сущности, не дерзость, это откровенно выраженное мнѣніе. Если вы съ нимъ согласны, проглотите пилюлю и смолчите; если, паче чаянія, не согласны, протестуйте. Можете даже затѣять диспутъ, въ которомъ я буду доказывать, что вы . . . . . ¹⁾ фатъ, а вы будете доказывать совершенно противное».

4 апрѣля 1862 г.»

Гарднеръ ничего, повидимому, не отвѣтилъ Писареву, зная его, какъ не только вспыльчиваго, но и больного человѣка. Писаревъ былъ еще болѣе возмущенъ... Въ первыхъ числахъ мая онъ отпра-вился на Николаевскій вокзалъ, дождался тамъ своего соперника, уже мужа Корепевой, и, подойдя къ нему въ упоръ, ударилъ хлы-стомъ по лицу. Завязалась борьба, въ результатъ которой послѣ-довалъ полицейскій протоколъ и возбужденіе дѣла о нарушеніи тишины и спокойствія въ публичномъ мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ этого Писаревъ получилъ отъ Гарднера слѣдую-щее письмо отъ 4 мая:

«Милостивый Государь! Вы хорошо понимаете, что, не устроивъ предварительно состоянія моей жены и не обезпечивъ по воз-можности ея спокойствія, я не могъ стрѣлиться съ вами. Обвиняя меня на желѣзной дорогѣ въ отказъ дать вамъ удовлетвореніе, вы только сдѣлали еще одну лишнюю и совершенно бесполезную для себя подлость. Г. Чужбинскій, а равно и братъ мой свидѣтели, что вы-зовъ вашъ былъ мною принятъ. Причина, по которой я назначалъ дуэль въ Москвѣ и требовалъ 10-дневнаго срока, послѣ всего ска-заннаго должна быть вамъ ясна. Я думаю, что вы не захотите по-кончить это дѣло побойщемъ на желѣзной дорогѣ, которое, впро-чемъ, оказалось совсѣмъ не въ вашу пользу, чему можетъ служить свидѣтельствомъ плачевное состояніе вашей фізіономіи. А потому повторяю, что по окончаніи полицейскаго дѣла я снова готовъ къ вашимъ услугамъ, но все же не иначе, какъ въ Москвѣ и по истече-ніи 10-дневнаго срока, считая со дня моего выѣзда изъ Петербурга.

Е. Гарднеръ.

Затѣмъ въ послѣдствіи отношенія между Писаревымъ и Гардне-ромъ вовсе не были недружелюбны ²⁾.

¹⁾ Опускаю обидный эпитетъ.

²⁾ Кое-что о Райсѣ Александровнѣ Корепевой интересующіеся найдутъ въ біо-графіи Писарева, написанной покойнымъ Е. А. Соловьевымъ.

VII.

На второй вопрос (тоже ясный, какъ и первый, изъ отвѣта) Писаревъ отвѣчалъ:

«Въ Петербургѣ я знакомъ съ графомъ Куселевымъ-Безбородко, съ г. Благосвѣтловымъ, съ г. Поповымъ, съ г. Минаевымъ ¹⁾, съ г. Крестовскимъ ²⁾ — составляющими ближайшій кругъ редакціи «Русскаго Слова». Сошелся я съ ними въ концѣ 1860 г., а съ гр. Куселевымъ-Безбородко весною 1861 г. Въ университетѣ я былъ знакомъ съ очень многими студентами; въ началѣ моего курса, отъ 1856 до 1859 года преимущественно съ студентами историко-филологическаго факультета: Трескинымъ, Майковымъ ³⁾, Ординымъ ⁴⁾, Полевымъ ⁵⁾, Замысловскимъ ⁶⁾, Скабичевскимъ ⁷⁾ и Макушевымъ ⁸⁾. Въ концѣ 1859 г. я сошелъ съ ума, и меня помѣстили въ психіатрическую лѣчебницу доктора Шейпа, гдѣ я пробылъ до половины апрѣля 1860 г., потомъ я уѣхалъ въ деревню къ моимъ родителямъ, для восстановленія силъ, и пробылъ тамъ до конца сентября. Приѣхавши въ Петербургъ, я переѣхалъ кругъ знакомства и, поселившись на Васильевскомъ островѣ въ домѣ Бѣлянина, въ квартирѣ кухмистерши Мазановой, сблизился съ моими сосѣдями студентами: тремя братьями Жуковскими, двумя Даниловыми, Баллодомъ, Сурковымъ и Федотовымъ. Потомъ, въ сентябрѣ 1861 г., сблизившись съ редакціею «Русскаго Слова», я, по приглашенію г. Попова, поселился у него на квартирѣ, гдѣ и былъ арестованъ. Встрѣчался я у гр. Куселева со многими литераторами и познакомился довольно коротко съ г. Аванасьевымъ-Чужбинскимъ ⁹⁾, Палаузовымъ ¹⁰⁾, Шишкинымъ, съ братьями Тибленами ¹¹⁾, съ Достоев-

¹⁾ Дмитрій Дмитріевичъ извѣстный поэтъ и переводчикъ. Писалъ политическіе фельетоны подъ псевдонимомъ „Темный человекъ“.

²⁾ Всеволодъ Владиміровичъ, потомъ спустившійся до своей печальной извѣстности.

³⁾ Леонидъ Николаевичъ, младшій братъ А. Н.

⁴⁾ Братъ извѣстнаго филолога К. Д. Ордина.

⁵⁾ Петръ Николаевичъ, старшій сынъ извѣстнаго въ первой половинѣ XIX ст. журналиста.

⁶⁾ Егоръ Егоровичъ, небезизвѣстный историкъ.

⁷⁾ Нынѣ здравствующій писатель.

⁸⁾ Викентій Васильевичъ, извѣстный славистъ.

⁹⁾ Извѣстный беллетристъ и этнографъ.

¹⁰⁾ Спиридонъ Николаевичъ, знатокъ исторіи балканскихъ государствъ.

¹¹⁾ Содержатели типографіи и издатели.

скими ¹⁾, съ Крепнинымъ, у котораго я еще прежде, въ 1859 г., работалъ въ журналѣ «Разсвѣтъ». Съ другими редакціями я не сходился и только два раза былъ, по дѣламъ журнала, у г. Чернышевскаго.

«Съ студентомъ Баллодомъ я познакомился, какъ сосѣдъ по квартирѣ и какъ товарищъ по университету. Видались мы съ нимъ осенью 1860 г. и весной 1861-го почти ежедневно, осенью 1861-го рѣже, разъ въ недѣлю или въ двѣ, а съ начала 1862 г., послѣ того, какъ пріятель мой, Владиміръ Жуковскій, уѣхалъ въ Уфу, я пересталъ бывать въ домѣ Бѣлянина и не видался съ Баллодомъ до мая. Въ маѣ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ; онъ упрекнулъ меня, зачѣмъ я его забылъ; я обѣщалъ зайти къ нему и звалъ его также къ себѣ; потомъ я былъ у него раза два или три, и онъ у меня раза два, но засталъ меня дома только одинъ разъ. Когда я бывалъ у Баллода ежедневно, то встрѣчалъ обыкновенно нашихъ сосѣдей по квартирѣ, игралъ съ ними въ карты; иногда мы пили вмѣстѣ и принимали женщинъ. О политической дѣятельности своей Баллодъ мнѣ ничего не говорилъ; иногда только, осенью 1861 г., сосѣди предупреждали меня, чтобы я не входилъ къ Баллоду, потому что у него собрался интимный кружокъ. Не желая мѣшать ихъ занятіямъ, я всегда пользовался этимъ предостереженіемъ и потому близкихъ и довѣренныхъ лицъ Баллода не знаю. Участія въ дѣйствіяхъ Баллода я не принималъ. Я догадывался, что кружокъ Баллода имѣетъ политическія стремленія, но такъ какъ самъ Баллодъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, то я и не разспрашивалъ, чтобы не показать любопытства и навязчивости.

«Я вообще говорилъ съ Баллодомъ о моихъ журнальныхъ работахъ, какъ о предметѣ, наиболѣе занимавшемъ меня; при этомъ я упомянулъ вскользь о статьѣ по поводу Шедо-Ферроти, пожаловался на строгость цензуры, которая даже такихъ пустяковъ не пропускаетъ, и когда Баллодъ просилъ показать ему запрещенную статью, я отвѣчалъ ему, что это ничтожная статья, которую не стоило ни читать, ни запрещать, ни отстаивать отъ цензуры. При этомъ я долженъ оговориться, что запрещенная статья моя не заключала въ себѣ возраженія на брошюру Шедо-Ферроти, а только группировку отзывовъ его о Герценѣ и Огаревѣ. Она никуда не пошла и, вѣроятно, не сохранилась ²⁾».

¹⁾ Федоръ и Михаилъ.

²⁾ Въ „Сборникѣ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году“, тогда же изданномъ секретно министерствомъ народнаго просвѣщенія, эта статья почему-то не напечатана. Поэтому врядъ ли теперь можно надѣяться найти ее.

Но вотъ, выслушавъ, вѣроятно, всевозможныя увѣщанія, увѣренія и пр. комиссіи, Писаревъ, наконецъ, даетъ такъ долго отъ него ожидавшееся сознаніе:

«Я вижу, что дальнѣйшее заперательство бесполезно и невозможно и потому рѣшаюсь разъяснить все дѣло. Разговоръ мой съ Баллодомъ происходилъ дѣйствительно такъ, какъ показываетъ Баллодъ. Я принялъ его предложеніе и исполнилъ данное ему обѣщаніе. Въ разговорѣ съ Баллодомъ, я выразилъ раздраженіе противъ цензурныхъ притѣвленій и вообще противъ отношеній правительства къ литературѣ. Баллодъ предлагалъ мнѣ выразить это раздраженіе, и я согласился, потому что, во 1-хъ, это предложеніе давало мнѣ возможность вылить накопившуюся желчь, во 2-хъ, оно льстило моему авторскому самолюбію, въ 3-хъ, оно было такъ поставлено, что не принять его значило бы обнаружить трусость. Вотъ побужденія, заставившія меня писать эту статью. Определенной цѣли у меня не было, потому что я не зналъ и не разспрашивалъ, какимъ образомъ Баллодъ намѣренъ распространить мою статью. Я слышалъ отъ него только, что онъ можетъ ее напечатать. Когда я сталъ писать, то уже увлекся за предѣлы всякой осторожности и благоразумія; я далъ полную волю моему раздраженію и обругалъ всѣхъ и все, что только попало мнѣ подъ руку. Статья эта, какъ и большая часть моихъ журнальныхъ статей, писана безъ черновой, прямо на бѣло, подъ впечатлѣніемъ минуты. А впечатлѣнія эти были: закрытіе воскресныхъ школъ и читаленъ, закрытіе Шахматнаго клуба ¹⁾, приостановленіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово» ²⁾, упраздненіе II отдѣленія Литературнаго Фонда. Все это волновало меня и отражалось на моей статьѣ. Поэтому она написана рѣзко, заносчиво и доходитъ до такихъ крайностей, которыя я въ спокойномъ расположеніи не одобряю.

«Что я дѣйствительно человѣкъ впечатлительный и сильно увлекающійся—это доказываетъ, во 1-хъ, моимъ упоминовеніемъ, о которомъ я упомянулъ въ отвѣтѣ на второй вопросный пунктъ, Свѣдѣнія о моемъ темпераментѣ могутъ быть получены отъ докто-

¹⁾ Шахматный клубъ былъ, собственно, литературнымъ клубомъ.

²⁾ И Баллодъ и Писаревъ сдѣлали, разумѣется, умнѣнно передержку: „Современникъ“ и „Русское Слово“ были приостановлены на восемь мѣсяцевъ фактически 12 іюня, и официально объ этомъ объявлено 19 го. Баллодъ же начало статьи получилъ отъ Писарева еще въ маѣ. Комиссія не замѣтила этой неточности въ показаніяхъ.

ровъ Штейна и Шульца, пользовавшихъ меня во время моей душевной болѣзни; во 2-хъ, мою исторію съ г. Гарднеромъ, о которой я упоминаю въ отвѣтъ на 1-й пунктъ; въ 3-хъ, моими карточными долгами, о которыхъ говорится въ 10 пунктѣ. Написавши свою отчаянно рѣзкую статью, я отдалъ ее Баллоду, который вскорѣ послѣ того былъ арестованъ. Когда меня арестовали и привели въ комиссію, я рѣшился не сознаваться. Главною побудительною причиною моею въ этомъ случаѣ было нежеланіе набросить тѣнь на ту часть журналистики, къ которой я принадлежалъ. Я не хотѣлъ подать повода думать, что литераторы замѣшаны въ тайныя агитаціи, тѣмъ болѣе, что нелѣпыя толки въ обществѣ и даже въ газетахъ (въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «Сынѣ Отечества») приводили эту агитацію въ связь съ петербургскими пожарами. Такъ какъ я самъ принималъ участіе въ агитаціи совершенно случайно, то я не хотѣлъ, чтобъ мое неосторожное поведеніе повредило въ какомъ бы то ни было отношеніи литераторамъ, съ которыми я работалъ.

«Объяснивши, такимъ образомъ, дѣло мое по чистой совѣсти, я совершенно предаю себя правосудію комиссіи. Находясь теперь въ спокойномъ состояніи духа, рѣшившись откровенно сознаться въ моемъ преступленіи, я осмѣливаюсь обратиться къ милосердію Монарха, хотя чувствую, что не имѣю на то ни малѣйшаго права. Я умоляю Его Величество не считать меня закоренѣлымъ преступникомъ и взглянуть на мою преступную статью, какъ на минутный порывъ, а не какъ на выраженіе обдуманнаго плана дѣйствій. Я такъ молодъ, такъ способенъ увлекаться и ошибаться, такъ мало знаю жизнь, что часто не умѣю взвѣснить свои слова и поступки. Все это нисколько не оправдываетъ меня, но я увѣренъ, что высочайше утвержденная комиссія повергнетъ эти обстоятельства на милостивое вниманіе Его Величества, и что милосердіе Монарха дастъ мнѣ возможность загладить послѣдующимъ моимъ поведеніемъ совершенное мною преступленіе»...

На вопросъ, насколько было близко знакомство съ Благосвѣтловымъ и Поповымъ, Дмитрій Ивановичъ отвѣчалъ:

«Съ гг. Поповымъ и Благосвѣтловымъ я познакомился въ октябрѣ 1860 года. Знакомство мое съ ними началось съ того, что я принесъ въ редакцію «Русское Слова» переводъ Гейне — «Атта Троль», который былъ помѣщенъ въ XII книжкѣ «Русскаго Слова» за 1860 г. Потомъ я сталъ получать заказы на каждый мѣсяцъ, сталъ часто бывать у Благосвѣтлова, въ сентябрѣ 1861 г. поселился у Попова, въ ноябрѣ того же года мы съ Благосвѣтловымъ стали говорить

другъ другу «ты», а въ декабрѣ онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ по редакціи. Я согласился и исправлялъ эту должность до приостановленія «Русскаго Слова», происшедшаго въ іюнь. Отношенія наши съ Благосвѣтловымъ были самыя дружескія; онъ принималъ даже участіе въ томъ, что касалось лично до меня и до моего семейства. Съ Поповымъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ».

VIII.

Затѣмъ были заданы вопросы по найденнымъ на обыскѣ бумагамъ.

Между прочимъ, въ письмѣ матери отъ 18 сентября 1861 г., обратило на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: «Въ Сѣверной Пчелѣ пишутъ, что устраивается подписка въ пользу бѣдныхъ студентовъ; вотъ бы ты подписался—неужели у тебя умерло чувство жалости—право, вѣдь это лучше, нежели пообѣдать у Дюссо въ честь какихъ то странныхъ убѣжденій». При этомъ приписка сестры: «Понимаю обѣдъ 5 сентября и отъ души сочувствую». На вопросъ, что за обѣдъ, Писаревъ отвѣчалъ: «Обѣдъ у Дюссо 5 сентября давался мною въ честь моей двоюродной сестры, Раисы Александровны Кореневой, съ которою я воспитывался и въ которую былъ влюбленъ. Въ этотъ день—ея именинъ, я хотѣлъ ихъ праздновать. На обѣдѣ присутствовали г. Баллодъ и Владиміръ Жуковскій; насъ было всего трое. Сестра моя сочувствовала любви моей, а мать моя смотрѣла на нее недоброжелательно, но почему она называетъ ее «странными убѣжденіями»—этого я не знаю.»

Затѣмъ въ другомъ письмѣ матери, отъ 13 января 1862 г., она, между прочимъ, писала сыну: «Ты упорно молчишь—ну, и Богъ съ тобой, слишкомъ занятъ соціальными вопросами, чтобъ къ матери написать: резонъ». Сестра въ припискѣ высказалась тоже противъ пути, по которому пошелъ братъ, и упрекнула его за охлажденіе къ матери. На вопросъ комиссіи, что все это значитъ, Писаревъ отвѣтилъ: «Моя мать была недовольна тѣмъ, что я рѣдко пишу къ ней, кромѣ того, ей не нравилось реальное направленіе мыслей, проявлявшееся въ моихъ статьяхъ для «Русскаго Слова», поэтому она и отзывается съ укоризною о соціальныхъ вопросахъ и о ложной дорогѣ».

Въ числѣ бумагъ былъ клочекъ слѣдующаго содержанія:

«Поповъ	927
Чужбинскій	650
Апухтинъ	344
Быковскій	224
Кушелевъ	463
Благосвѣтловъ	88
Новинскій	41
Баллодь	38
Нехлюдовъ	40
Козлова	30
Деляновъ	50

2,895.

105».

Писаревъ расхолодилъ комиссію, сказавъ, что это цифры его карточныхъ долговъ...

Заинтересовало слѣдственную комиссію и письмо къ Писареву Л. Тиблена, отъ 3 марта 1862 г., слѣдующаго содержанія: «Надобно достать, добрыйшій Дмитрій Ивановичъ, на полчаса отъ Павлова его статью, подписанную Бекетовымъ. Я буду сейчасъ у Рахманинова и увѣдомлю его, что статья процензурована. Павловъ не можетъ отдать совѣмъ подписаннаго Бекетовымъ экземпляра, потому что его, какъ слышно, сегодня же потянуть въ 3 отдѣленіе, и онъ долженъ имѣть подпись цензора для оправданія. А статью надо только показать Рахманинову, иначе онъ не выпуститъ книжки, въ особенности если будетъ скандалъ».

Писаревъ далъ такое объясненіе, встаети сказать, очень интересное и для насъ, потому что до сихъ поръ не было извѣстно: «Здѣсь идетъ дѣло о статьѣ профессора Павлова — «Тысячелѣтіе Россіи», читанной имъ 2 марта 1862 г. въ домѣ Руадзе. на публичномъ чтеніи. Статья эта была разрѣшена для чтенія цензоромъ Бекетовымъ и приобрѣтена редакціей «Русскаго Слова» для напечатанія въ февральской книжкѣ. Я былъ на чтеніи 2 марта и, взявъ у г. Павлова писанный экземпляръ его рѣчи, отвезъ въ типографію и приказалъ поскорѣе набрать ее, чтобъ успѣть выпустить февральскую книжку 3 или 4 марта. Г. Павловъ не далъ мнѣ того экземпляра, который былъ подписанъ г. Бекетовымъ, говоря, что онъ нуженъ ему, какъ доказательство, что статья дѣйствительно пропущена цензурою. Но такъ какъ нашимъ цензоромъ былъ г. Рахманиновъ, то ему надо было предъявить экземпляръ, подписанный

Бекетовымъ, иначе онъ могъ отказать въ выдачѣ билета на выпускъ книжки. Объ этомъ и пишетъ мнѣ Тибленъ, въ типографіи котораго печаталось «Русское Слово». Такъ какъ рѣчь Павлова произвела сильное впечатлѣніе на публику, то въ обществѣ стали ожидать, что Павлову достанется, и Тибленъ упоминаетъ объ этомъ словами: «если будетъ скандалъ». Я принималъ во всемъ дѣлѣ такое участіе: взялъ рѣчь Павлова и отвезъ ее въ типографію, хлопоталъ о разрѣшеніи ея, ѣздилъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета и къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ эти старанія оказались бесплодными, и рѣчь Павлова, несмотря на подпись цензора Бекетова осталась непечатанною».

Что касается маленькой фотографической группы — Герценъ и Огаревъ, взятой у Писарева, то онъ показалъ: «Фотографическіе портреты Герцена и Огарева продаются почти во всѣхъ бумажныхъ лавкахъ. Въ одной изъ нихъ я купилъ этотъ экземпляръ. Съ этими лицами я не знакомъ и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, ни личныхъ, ни письменныхъ; купилъ я ихъ миниатюрный портретъ изъ любопытства, какъ могъ бы купить портретъ Гарибальди, Кавура или Людовика-Наполеона».

Наконецъ, относительно нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ, считавшихся безусловно запрещенными, Писаревъ отвѣчалъ: «Сочиненіе Бюхнера «Physiologische Bilder», служило мнѣ для составленія статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Русскаго Слова». Въ этой статьѣ я прямо указываю на источникъ, а такъ какъ эта статья пропущена цензурой, то и книгу Бюхнера я считалъ незапрещенною. Всѣ указанныя сочиненія были куплены мною лично въ разныхъ магазинахъ иностранныхъ книгъ въ Петербургѣ въ теченіи 1861 и 1862 года».

IX.

Обратимся теперь къ знакомству съ другими лицами, замѣшанными въ дѣло.

Арестовавъ Лобанова, комиссія узнала, что взять не тотъ, котораго надо было. Въмѣсто Василя взяли Николая. 5 іюля ошибка была исправлена¹⁾.

¹⁾ 19-лѣтній студентъ петербургскаго университета, куда поступилъ въ 1859 г.; послѣ безпорядковъ 1861 г. вышелъ оттуда, былъ подъ слѣдствіемъ и сидѣлъ вмѣстѣ

Василій Лобановъ былъ опрошенъ 6 июля. Онъ отвѣчалъ, что ни одного номера «Колокола» не получалъ, а потому и не могъ снабжать имъ Баллода, котораго звалъ по университету ближе обыкновеннаго, потому что Баллодъ былъ редакторомъ студенческаго сборника отъ разряда естественныхъ наукъ, а Лобановъ — депутатомъ кассы для бѣдныхъ студентовъ, и они часто встрѣчались на дѣловыхъ сходкахъ и собраніяхъ. Но 9-го числа сознался, что дважды давалъ Баллоду «Колоколь», полученный еще два года назадъ отъ студента Печаткина. При этомъ онъ подтвердилъ, что Баллодъ выразилъ ему желаніе получить «Колоколь» аккуратно и что, возвращая полученный отъ него номеръ, онъ, Лобановъ, сообщилъ объ этомъ Печаткину. Послѣдній отвѣтилъ, что это можно устроить, и взялъ адресъ Баллода.

Разумѣется, ночью 11-го арестовали и Печаткина¹⁾. У него нашли, между прочимъ, слѣдующую записку отъ 26 апрѣля 1862 г.: «Евгеній Петровичъ, я васъ прошу достать мнѣ, по мѣрѣ силъ вашихъ, послѣднія прокламаціи и передать мнѣ ихъ лично; одинъ студентъ сегодня просилъ меня непременно добыть ихъ; одинъ его хорошій знакомый ѣдетъ въ провинцію и желаетъ распространить ихъ тамъ; такъ какъ онъ человѣкъ надежный, то мнѣ бы хотѣлось услужить ему, я ему пообѣщалась и до сихъ поръ ничего не могу исполнить своего обѣщанія. Прошу Васъ, Евгеній Петровичъ, исполнить мою просьбу, вы меня обяжете, и я вамъ очень благодарна. Прощайте. В. Доставьте мнѣ ихъ завтра, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

По сличеніи почерка съ письмами той же руки, комиссія признала, что записка эта писана нѣкоей Варварой Глушановской. Приказано было отыскать ее и арестовать.

14 июля Печаткинъ показалъ, что ни Лобанову, ни Баллоду «Колокола» не давалъ; въ 1861 г. самъ купилъ нѣсколько номе-

---

со многими товарищами въ Петропавловской крѣпости. Затѣмъ былъ привлеченъ по дѣлу „Великоруса“, отъ котораго отдѣлялся строгимъ внушеніемъ, а по суду получилъ высочайшее прощеніе. Л. Ф. Пантелѣевъ характеризуетъ его, какъ человѣка несерьезнаго (см. стр. 55—56 его книги — „Изъ воспоминаній прошлаго“).

¹⁾ Печаткинъ учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, въ университетъ поступилъ въ августѣ 1860 г. 12 октября слѣдующаго года былъ заключенъ въ крѣпость за безпорядки въ университетѣ; 6 декабря освобожденъ. Былъ тогда же депутатомъ отъ студенчества вмѣстѣ съ Гердомъ, Гайдебуровымъ, Магаровымъ, Ламацкимъ, Спасскимъ, Пантелѣевымъ, Гогоберидзе, Утинимъ и Некудовымъ. Братья Печаткина, Константинъ и Василій, занимались писчебумажнымъ производствомъ, а Вячеславъ — книжной торговлей.

ровъ у букиниста и, можетъ быть, тогда и давалъ Лобанову—не помнить. О конспиративной дѣятельности Баллода ничего не знаетъ; съ Глушановскою знакомъ поверхностно, по лекціямъ въ университетѣ, куда она ходила въ числѣ другихъ женщинъ. Позже, уже въ серединѣ ноября, когда Печаткину предъявили сознание Владимірова (привлеченнаго по другому дѣлу) въ передачѣ Печаткину «Колокола», онъ сознался, что дѣйствительно получилъ отъ Владимірова номеровъ восемь, но потомъ, по просьбѣ родителей, просилъ прекратить эти присылки.

28 августа Глушановская заявила, что выразила въ письмѣ не то, что было на самомъ дѣлѣ: она сама хотѣла прочесть прокламацію къ офицерамъ и для этого, зная любезность Печаткина, сочинила свою записку, но не была увѣрена, что онъ могъ исполнить ея просьбу. Она была отдана на поруки.

Арестованный студентъ Алексѣй Яковлевъ 5 іюля показавъ, что вовсе не обращался къ Баллоду съ просьбой посодѣйствовать напечатанію прокламаціи къ офицерамъ, будучи съ нимъ для этого слишкомъ мало знакомъ, равно и не получалъ отъ него никакихъ прокламацій. Черезъ мѣсяцъ онъ признался, что давалъ Баллоду «Полярную Звѣзду» и «Колоколь».

Съ большимъ вниманіемъ отнеслась комиссія ко всему, касавшемуся Николая Жуковскаго и Мошкалова. Отсюда вниманіе къ братьямъ перваго.

Въ числѣ взятыхъ у Николая бумагъ была, напримѣръ, такая записка его брата Василя: ...«Дядя посылаетъ тебѣ 4 № «Колокола», одинъ «Подъ Судъ» и одинъ номеръ «Будущности». Если успѣешь прочитать къ завтраму, то завтра получишь слѣдующіе номера съ Володей, а старые отдашь ему». Или письмо какой-то дамы къ вн. Е. А. Долгоруковой, въ Москву, въ которомъ сообщалось, что податель его, Николай Жуковскій, вполне заслуживаетъ довѣрія, и ему слѣдуетъ передать деньги, собранныя въ пользу Бакунина. Очевидно, готовился его отъѣздъ за границу...

3 августа комиссія постановила представить государю, что Николай Жуковскій и Мошкаловъ обвиняются въ злоумышленныхъ противъ правительства дѣйствіяхъ, и испросить, не угодно ли будетъ повелѣть распорядиться о вызовѣ ихъ для отвѣта въ Россію, а если не явятся въ положенный срокъ, то поступить съ ними по закону. 5-го государь изъявилъ на это согласіе.

Немедленно комиссія сообщила все министерству иностранныхъ дѣлъ.

Какъ разъ въ этомъ времени привезли изъ Уфы двухъ братьевъ Жуковскаго, Владиміра и Василія, и заключили въ крѣпость. Они были арестованы въ Уфѣ 26 іюля; при обыскѣ ровно ничего не найдено, кромѣ тетради, въ которой помѣщено одно длинное стихотвореніе «Быль о чудо-звѣрѣ». 17 августа допросили ихъ обоихъ. Владиміръ ¹⁾ показалъ, что жилъ одно время съ Баллодомъ въ меблированныхъ комнатахъ Мазановой, а потомъ поселился съ братомъ Николаемъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ въ 1860 г. Николай у него и познакомился съ Баллодомъ. О томъ, что они занимались какою бы то ни было политической дѣятельностью, онъ не знаетъ. Считаетъ Николая сейчасъ въ Петербургѣ. Насколько помнитъ, Василій не посылалъ Николаю черезъ него герценовскія изданія, а что Баллодъ получалъ по почтѣ «Колоколъ» аккуратно, это знаетъ точно. «Дядя» въ письмѣ Василія значилъ Баллодъ: такъ его прозвали товарищи.

Василій ²⁾ категорически утверждаетъ, что «съ 1860 г. сентября мѣсяца и до сентября 1861 г. Баллодъ велъ себя очень хорошо; кромѣ рѣзкихъ выраженій, касающихся правительства, ничего не было замѣтно. Съ сентября же было видно участіе въ сходкахъ, гдѣ онъ игралъ роль вожака»; сочиненія Герцена у него были всегда, и «я знаю, что онъ ихъ распространялъ». Онъ самъ иногда бралъ у него «Колоколъ». Гдѣ въ данное время Николай—не знаетъ.

Черезъ мѣсяцъ III Отдѣленіе сообщило комиссіи, что Владиміръ Жуковскій, будучи слѣдователемъ, внушилъ крестьянамъ Оренбургской губ. «вредныя понятія». Комиссія просила министра внутреннихъ дѣлъ навести по этому поводу соотвѣтствующія справки и не оставить ее увѣдомленіемъ обо всемъ, что станетъ извѣстно.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, непосредственно прикосновенныхъ къ дѣлу о распространеніи возмутительныхъ сочиненій, комиссія въ разное время привлекала еще двухъ: учителя Викторова и писателя Н. В. Альбертини. 2 іюня 1862 г., вслѣдъ за страшными пожарами въ Петербургѣ, вдругъ загорѣлось уѣздное училище въ Лугѣ. Ока-

¹⁾ Учился сначала въ петербургской, а потомъ въ оренбургской гимназіи, въ 1857 г. поступилъ въ казанскій университетъ, который кончилъ въ 1861 г. Въ январѣ 1862 г. уѣхалъ на мѣсто судебного слѣдователя въ Уфу, къ матери. Она сдавала въ аренду свои золотыя принскы на Уралѣ. Характеристика его сдѣлана г. Пантелѣевымъ на стр. 316—318 его книги.

²⁾ Воспитывался въ оренбургской гимназіи; окончилъ ее въ 1860 г., поѣхалъ въ петербургскій университетъ. Въ январѣ 1862 г. тоже поѣхалъ въ Уфу на службу.

залось, что поджегъ его умышленно одинъ изъ учителей, Викторъ, самъ потомъ сознавшійся въ преступленіи, совершенномъ въ нетрезвомъ состояніи. Начали добираться до его связей и знакомствъ и обнаружили, что онъ бывалъ иногда у Баллода, бралъ у него заграничныя изданія и вообще находился подъ его вліяніемъ. Открыто было и знакомство съ Альбертини, тоже снабжавшимъ его «герценовщиной» и давшимъ рекомендательное письмо къ Баллоду передъ своимъ отъѣздомъ за границу. Баллодъ отрицалъ сколько-нибудь близкое знакомство съ Викторовымъ, хотя не скрывалъ, что «Колоколъ» ему давалъ. Альбертини былъ вытребованъ изъ-за границы, но просилъ позволить докончить курсъ лѣченія. Потомъ, уже въ сенатѣ, въ маѣ 1863 г., онъ категорически отвергъ указаніе на снабженіе Викторова нелегальной литературой, сказавъ, что давалъ ему «Годъ на сѣверѣ» Максимова, а вовсе не «Полярную Звѣзду», и т. п. Онъ былъ отпущенъ безъ всякихъ неприяностей. Викторъ былъ затѣмъ судимъ военно-полевымъ судомъ, уже собственно за поджогъ, и попалъ на поселеніе въ Сибирь.

Когда, такимъ образомъ, были опрошены лица, указанныя самымъ ходомъ дѣла, Баллоду 11 сентября пришлось дать комиссіи вѣкторыя разъясненія ¹⁾. Онъ отрицалъ свое дѣятельное участіе въ студенческихъ беспорядкахъ 1861 г., сказавъ, что на демонстраціяхъ въ стѣнахъ университета не бывалъ, возжакомъ не держался. Съ товарищами по семинаріи совѣтовался объ устройствѣ коммуны, и эти-то собранія у него Василій Жуковскій считалъ конспиративными, предупреждая Писарева, желавшаго войти къ Баллоду, но о политикѣ не бесѣдовали.

Что касается Писарева, то послѣ допроса 11 августа его больше не беспокоили. Было рѣшено лишь, ознакомившись съ письмами Благосвѣтлова къ Попову, сообщить III Отдѣленію, что за ними обоими необходимо учредить секретное наблюденіе и о послѣдствіяхъ его просить освѣдомить комиссію.

¹⁾ Г. Пантелѣевъ говоритъ, что ему документально извѣстно, что однажды Баллодъ былъ вызванъ въ слѣдственную комиссію. „Тамъ оказался только одинъ членъ— Ждановъ.—Вы, пожалуй, меня не узнаете, началъ Ждановъ, ранѣ вы всегда меня видѣли при лентѣ и орденахъ; поговоримъ запросто о вашемъ дѣлѣ, оно очень серьезно, но я постараюсь помочь вамъ. И съ этими словами Ждановъ вынулъ изъ кармана № „Колокола“, гдѣ самъ Жуковскій сообщалъ о своемъ побѣгѣ за границу.—Но вы меня не забудьте, сказалъ Ждановъ,—когда ваша партія восторжествуетъ, вѣдь я уже старъ и опасенъ для васъ быть не могу“, (стр. 336) Случай этотъ очень характеренъ для иллюстраціи того, какъ, всетаки, наверху крѣпка была вѣра въ возможность коренного политическаго перелома.

17 сентября она имѣла удовольствіе прочесть въ 144 № «Колокола» слѣдующее письмо Николая Жуковского:

«Милостивые Государи!

«Преслѣдуемый правительствомъ по дѣлу одной изъ петербургскихъ типографій, я бѣжалъ за границу.

«Собраты наши—поляки избавили меня въ Польшѣ отъ непріятностей и помогли перебраться за границу.

«Не имѣя возможности писать прямо къ нимъ, я прибѣгаю въ посредству «Колокола». Прошу Васъ извѣстить моихъ друзей о томъ, что я въ Лондонѣ, и передать имъ мою искреннюю признательность за сочувствіе и помощь.

«Подробности моего бѣгства сообщу въ другое время, когда можно будетъ говорить о людяхъ, не подводя ихъ подъ *крѣпость* или *каторгу*, которыми доживающее свой вѣкъ императорство хочетъ натѣшиться вволю. Преданный Вамъ.

Николай Жуковский.

8 сентября 1862 г.»

Тогда же комиссія была увѣдомлена министромъ внутреннихъ дѣлъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу о томъ, что «въ настоящее время представляется неудобнымъ вызывать изъ-за границы политическихъ преступниковъ, тѣмъ болѣе, что самый порядокъ вызова ни законами, ни бывшими примѣрами не установленъ» повелѣно вызовъ Жуковского и Мошкалова приостановить.

26 ноября комиссія постановила просить соизволенія государя отдѣлить производство слѣдствія о Баллодѣ, Писаревѣ, Лобановѣ, Печаткинѣ, братьевъ Жуковскихъ и Мошкаловѣ отъ общаго дѣла о распространеніи возмутительныхъ воззваній и: первыхъ четырехъ предать суду сената, о Владимірѣ Жуковскомъ выждать отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ, Василія возвратитъ матери въ Уфу, а о Николаѣ и Мошкаловѣ произвести слѣдствіе по возвращеніи ихъ изъ-за границы, для чего слѣлать вызовъ.

Александръ II все утвердилъ.

X.

Сенатъ былъ освѣдомленъ объ этомъ въ послѣдній день 1862 г.

Дѣло перешло въ I отдѣленіе 5 департамента, гдѣ первоприсутствовавшимъ былъ М. М. Карніолинъ-Пинскій, а членами въ разное время: Н. М. Карнѣевъ, А. П. Бутурлинъ, А. В. Веневити-

новъ, Б. И. Беръ, К. Б. Венцель, Н. Е. Лукашъ, М. Н. Любощинскій и гр. Д. А. Толстой.

Въ концѣ ноября генераль-губернаторъ прислалъ въ сенатъ такъ называемые «повальные обыски» объ образѣ жизни и поведеніи Баллода, Лобанова и Печаткина, а о Писаревѣ сообщилъ, что обыскъ не былъ произведенъ, потому что «во время проживанія его здѣсь въ домѣ иностранца Дорна, онъ велъ себя такимъ образомъ, что о образѣ жизни этого подсудимаго зналъ только квартирный хозяинъ его», Поповъ, спрашивать же его, состоящаго подъ надзоромъ, конечно, неудобно. 31-го января Лобановъ и Печаткинъ были выпущены изъ крѣпости на поруки съ «приличнымъ внушеніемъ», чтобъ вели себя вполне безукоризненно.

Даже принимая во вниманіе, что кромѣ интересующихъ насъ подсудимыхъ, сенатъ имѣлъ дѣло еще съ семью другими, всетаки надо удивляться той медленности, съ какою велось все дѣло. Баллода впервые допросили лишь 16 и 18 апрѣля. Понявъ, что и Мошкаловъ, подобно Жуковскому, тоже эмигрировалъ, а можетъ быть, даже узнавъ и это отъ Жданова, онъ сознался, что многое приписалъ Горбановскому, не желая сразу назвать Мошкалова; послѣдній самъ написалъ прокламацію о Шедо-Ферроти.

Писарева допросили впервые 22 апрѣля. На вопросъ, ради чего онъ обратился къ милосердію государя, не ради ли желанія отдѣлаться меньшимъ наказаніемъ, онъ отвѣчалъ:

«Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что не имѣю никакого права обращаться къ милосердію Монарха; я сочту совершенно справедливымъ и безъ малѣйшаго ропота перенесу всякое наказаніе. Обращеніе мое къ милосердію Монарха было вызвано не расчетомъ на смягченіе моей участи, а желаніемъ выразить мое полное смиреніе и чистосердечное раскаяніе. Сознаніе мое было полное; въ немъ не было ни задней мысли, ни утайки. Сношенія мои съ Баллодомъ начались съ того, что мы встрѣчались съ нимъ у студента Шефнера и у братьевъ Жуковскихъ. Намъ случалось кутить вмѣстѣ; мы выпили съ нимъ брудершафтъ и стали говорить другъ другу «ты»; изъ этого не вышло особенной короткости, потому что во время моего студенчества я былъ на «ты» съ 20-ю или съ 30-ю человѣками. Мы съ Баллодомъ почти никогда не говорили серьезно, потому что встрѣчались за карточнымъ столомъ или за бутылкою вина; занятія науками не могли насъ сблизить: онъ былъ натуралистъ, а я—филологъ; мы никогда не довѣряли другъ другу никакихъ задушевныхъ мыслей; я не знаю ни семейныхъ, ни сердеч-

ныхъ дѣлъ Баллода; между нами была только дружеская безцѣремонность, безъ всякаго нравственнаго сближенія. Эти отношенія не измѣнились и тогда, когда я поселился въ одномъ домѣ съ Баллодомъ, потому что другомъ моимъ былъ только Владиміръ Жуковский. Куда ходилъ Баллодъ, съ кѣмъ онъ видѣлся, замышлялъ ли онъ что-нибудь—объ этомъ я рѣшительно ничего не зналъ и не догадывался. Одинъ разъ, когда я уже переѣхалъ на квартиру Попова, въ декабрѣ или въ концѣ ноября 1861 г., я зашелъ къ Жуковскимъ и, не заставши Владиміра, хотѣлъ зайти на минуту къ Баллоду. Тогда Василій сказалъ мнѣ: «не ходи, у него какое-то интимное собраніе, онъ не любитъ, чтобъ къ нему входили». Какое это было собраніе и дѣйствительно ли оно было, этого я не знаю. Василій, какъ мальчишъ недалежнаго ума и совершенно неразвитой, могъ принять за собраніе съ особымъ значеніемъ простую сходку студентовъ, ругавшихъ матрикулы. Я не сталъ его спрашивать, потому что не люблю вывѣдывать чужіе секреты. Я высказалъ въ своихъ показаніяхъ, что предполагаю политическій характеръ этого собранія только потому, что Баллодъ теперь арестованъ за агитацію. Объяснить, почему я, очертя голову, согласился, по предложенію Баллода, написать статью, я могу только указаніемъ на весь мой характеръ. Человѣкъ благоразумный не сдѣлалъ бы этого, а я сдѣлалъ это изъ мальчишескаго ухарства. Кромѣ того, я страдалъ тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замужъ за другого; я былъ разстроенъ закрытіемъ „Русскаго Слова“. Написать статью было недолго, и я не успѣлъ одуматься, когда Баллодъ былъ уже схваченъ съ моею статьею. Ни въ моемъ предыдущемъ поведеніи, ни въ моихъ бумагахъ, ни въ книгахъ, ни въ журнальныхъ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на обдуманное намѣреніе и установившіяся политическія убѣжденія. Баллодъ предложилъ мнѣ написать рѣзкую декламацію, я такъ и сдѣлалъ. Эти показанія вполнѣ истинны; я готовъ подтвердить ихъ даже присягою“.

Писаревъ просилъ освободить его на поруки ожидаемой въ Петербургъ матери, но сенатъ не нашелъ возможнымъ исполнить просьбу; противъ же свиданій съ нею ничего не имѣлъ. Въ маѣ пріѣхала мать, и съ этого времени начинаются довольно частыя свиданія ея съ сыномъ. По разсказу дяди, А. Д. Данилова, Писаревъ, имѣя въ своемъ распоряженіи очень ограниченное, вѣрнѣе, точно провѣряемое число листовъ писчей бумаги, но не стѣсненный въ количествѣ книгъ, отрывалъ въ послѣднихъ поляхъ и на этихъ

узеньких ленточкахъ микроскопическими буквами писалъ тѣ письма матери, Благосвѣтлову и другимъ лицамъ, которыя только частью напечатаны самимъ же дядею и Е. Соловьевымъ. Мать, приходя домой, немедленно садилась за переписываніе получаемыхъ черезъ одного изъ служащихъ въ крѣпости „шариковъ“ и въ такомъ уже видѣ посылала письма по назначенію¹⁾.

Съ дня своего ареста въ продолженіе почти года Писаревъ мучился невозможностью писать, особенно когда въ серединѣ февраля 1863 года „Русское Слово“, отбывъ свою восьмимѣсячную приостановку, снова стало издаваться... Въ началѣ іюня мать обратилась къ генералъ губернатору, кн. Суворову, за разрѣшеніемъ сыну заниматься литературной дѣятельностью, мотивируя свою просьбу необходимостью поддерживать гонораромъ существованіе не только самого арестанта, но и его семьи. Суворовъ запросилъ сенатъ. Послѣдній не встрѣтилъ препятствій въ удовлетвореніи ходатайства. Съ 10—12 іюня Писаревъ принялся за лихорадочное писаніе. Онъ просто засыпалъ своими статьями. Такъ, 30 іюля, Суворовъ представилъ сенату первую готовую работу—„Наша университетская наука“ и запрашивалъ, не встрѣчается ли по обстоятельствамъ дѣла препятствій къ ея напечатанію. Сенатъ препятствій не встрѣтилъ, статья была возвращена Суворову, а имъ направлена къ министру внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшему цензурой. Затѣмъ она прошла обычнымъ порядкомъ и появилась въ „Русскомъ Словѣ“.

Черезъ мѣсяцъ, 31 августа, Суворовъ прислалъ въ сенатъ „Очерки изъ исторіи труда“, а 8 октября—ихъ продолженіе и статью „Мысли о русскихъ романахъ“. Первая не встрѣтила препятствій и была затѣмъ напечатана, а относительно второй сенатъ 14 октября увѣдомилъ Суворова, что, ничего не имѣя противъ разрѣшенія ея общимъ порядкомъ, считаетъ, однако, нужнымъ сообщить, что „сочиненіе Писарева „Мысли о русскихъ романахъ“, заключающее по преимуществу разборъ романа содержащагося подъ стражею литератора Чернышевскаго, подъ заглавіемъ „Что дѣлать“, и преисполненное похвалъ сему сочиненію съ подробнымъ развитіемъ матеріалистическихъ и соціальныхъ идей, въ немъ заключающихся, по мнѣнію правит. сената, въ случаѣ напечатанія его, можетъ имѣть вредное вліяніе на молодое поколѣніе, провинутое этими идеями“. Кончался указъ очень ядовито: „впрочемъ, предметъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію цензуры“... Конечно, Суворовъ и не сталъ по-

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1893 г. I.

сылать статью дальше, а вернуть ее Писареву. Такъ до сихъ поръ она и неизвѣстна.

27 ноября Суворовъ прислалъ «Историческіе эскизы», окончаніе которыхъ дослалъ 11 января 1864 г. Статья была напечатана. 27 января присланы «Цвѣты невиннаго юмора», 11 февраля—«Мотивы русской драмы», 4 марта—начало «Прогресса въ мірѣ животныхъ и растений», 16 апрѣля—продолженіе, 20 іюля—окончаніе и еще два новыхъ произведенія: «Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби» и начало «Реалистовъ», конецъ которыхъ присланъ 8 августа. Все это было напечатано. 16 сентября была прислана статья «Картонные герои». 21-го сенатъ предписалъ Суворову, что «по соображеніямъ статьи съ политическими производствами сената, изъ которыхъ къ одному прикосновененъ сей авторъ, правит. сенатъ не находитъ удобнымъ допустить напечатаніе статьи». Что въ ней заключалось, о чемъ шла рѣчь — неизвѣстно. Статья была возвращена автору.

4 ноября прислана была послѣдняя статья — «Промахи незрѣлой мысли» и вскорѣ напечатана.

8 февраля 1863 г. генеральный консулъ въ Лондонѣ, Бергъ, прислалъ Жуковскому повѣстку. На другой день онъ получилъ отвѣтъ: «На повѣстку отъ 8 февраля 1863 г. Николай Жуковский увѣдомляетъ господина ген. консула въ Лондонѣ, что онъ въ консульство являться не считаетъ нужнымъ и проситъ г. консула сообщить Жуковскому письменно тѣ причины, по которымъ онъ желаетъ видѣть его лично». Не желая давать въ руки документовъ, которые Жуковский, слѣдуя примѣру Герцена, Огарева и другихъ эмигрантовъ, конечно, опубликовалъ бы, и точно слѣдуя мнѣнію кн. В. А. Долгорукова, признавашаго незадолго передъ тѣмъ лишнимъ писать въ подобныхъ случаяхъ, посолъ приказалъ консулу ограничиться вызовомъ Жуковского черезъ «Times».

Вслѣдъ за напечатаніемъ и своего вызова Мошкаловъ тоже обратился къ Бергу съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ ему письменно увѣдомить, для чего его вызываютъ. Такимъ образомъ, правительству оставалось снова черезъ «Times» назначить срокъ, къ которому Жуковский и Мошкаловъ должны были явиться въ сенатъ. Положено было остановиться на 1 іюня стараго стиля.

Разумѣется, они не явились.

25 мая 1864 года сенатъ имѣлъ послѣднее собраніе, закончившееся составленіемъ, наконецъ, опредѣленія, подписаннаго 2 іюня Корніолинъ-Пинскимъ, Венцелемъ, Лукашемъ и Веневитиновымъ.

Привожу его, разумѣется, только въ резолютивной части, потому что все остальное есть лишь воспроизведеніе уже извѣстнаго читателю.

ХІ.

«Настоящее дѣло имѣетъ предметомъ составленіе, печатаніе и распространеніе возмутительныхъ противу правительства воззваній. Подсудимые по роду обвиненія должны быть раздѣлены на три категоріи, не имѣющія между собою связи (исключая только одного Печаткина, о чемъ изложено будетъ ниже). Къ первой категоріи относятся бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Петръ Баллодъ, кандидатъ СПб. у. литераторъ Дмитрій Писаревъ, бывшій вольнослушатель того же университета Евгений Печатникъ. Ко второй: студентъ Медико-Хирургической академіи Сергій Рымаренко, типографчикъ купецъ Илья Марковъ, и студенты упомянутой академіи Помпей Мультановскій и Юлій Гюбнеръ. Наконецъ, къ третьей: бывшій студентъ Московскаго университета Леонидъ Ольшевскій, студенты СПб. у. Петръ Ткачевъ и Кемарскій и упомянутый въ I-й категоріи Печаткинъ».

Затѣмъ, послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, относящихся до каждаго изъ названныхъ лицъ, шла уже и самая резолюціонная часть опредѣленія:

«Разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства дѣла сего, правительствующій сенатъ находитъ, что изъ подсудимыхъ:

1. Бывшій студентъ СПб. университета Баллодъ виновенъ, по собственному сознанию, съ обстоятельствами дѣла совершенно согласному, а) въ принятіи участія въ заговорѣ противу правительства и въ заведеніи тайной типографіи для напечатанія возмутительныхъ противу онаго сочиненій, б) въ напечатаніи сихъ сочиненій и в) въ распространеніи ихъ посредствомъ подкидыванія. Первое изъ преступленій его составляетъ злоумышленіе противу правительства, предусмотрѣнное въ сводѣ законовъ уголовныхъ, въ главѣ о государственныхъ преступленіяхъ, въ статьѣ 283. Но какъ это злоумышленіе Баллода открыто правительствомъ при самомъ началѣ его, и посему никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ онаго не произошло, то, на основ. послѣдующей 284 статьи, онъ подлежитъ наказанію по 3 или 4 степени 21 ст. уложенія. Обращаясь къ выбору одной изъ сихъ двухъ степеней наказанія, сенатъ находитъ, что неискренность Баллода въ сознаніи, ибо онъ, пойманный

правительствомъ на самомъ преступленіи, не будучи въ состояніи скрыть этого, тщательно утаивалъ своихъ сообщниковъ, и нераскаянность въ его преступныхъ дѣйствіяхъ, ибо и при самыхъ послѣднихъ показаніяхъ своихъ онъ, вмѣсто подробнаго и точнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ требовалъ отъ него правит. сенатъ, дозволилъ себѣ иронически отзываться о своемъ преступленіи, сравнивая себя съ охотникомъ, идущимъ на медвѣдя, — приводятъ сенатъ къ тому убѣжденію, что онъ долженъ подвергнуться строжайшему изъ приведенныхъ наказаній, т. е. по 3 степени 21 статьи. За напечатаніе и распространеніе посредствомъ разбрасыванія возмутительныхъ противъ правительства воззваній Баллодъ, на основ. 285 ст., подлежитъ наказанію по 5 степени 21 статьи. По совокупности преступленій, на основ. 165 ст., онъ долженъ быть подвергнутъ строжайшему изъ вышеприведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, то есть лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторгу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселенъ въ Сибири навсегда.

2. Кандидатъ СПб. унив. Писаревъ виновенъ, также по собственному сознанію, съ обстоятельствами дѣла вполне согласному, въ составленіи возмутительной статьи, заключающей въ себѣ опроверженіе брошюры Шедо-Ферроти и неисполненной дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій и противъ правительства и противъ священной особы самого Государя Императора. Сочиненіе это написавъ, онъ отдалъ Баллоду, который сказалъ ему, что, можетъ быть, ему удастся его напечатать. При такомъ положеніи дѣла, обращаясь къ опредѣленію свойства преступленія Писарева, сенатъ находитъ, что полныхъ требуемыхъ закономъ юридическихъ доказательствъ къ признанію Писарева виновнымъ въ составленіи сочиненія его съ цѣлью распространенія въ дѣлѣ не содержится, ибо передача имъ статьи своей Баллоду не ведетъ еще къ заключенію, чтобы онъ непременно старался распространить ее, хотя по тѣмъ же обстоятельствамъ онъ въ преступленіи семъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе. Такимъ образомъ, не будучи признаваемъ вполне изобличеннымъ въ покушеніи распространить свое возмутительное сочиненіе, онъ положительно виновенъ въ составленіи его. Такое преступное дѣйствіе законъ называетъ приготовленіемъ и началомъ иокушенія къ возбужденію бунта и подвергаетъ виновнаго въ ономъ наказанію въ 3 ч. 285 ст. изложенному, т. е. заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. На основаніи указа 17 апрѣля 1863 г.

п. 7, заключеніе это должно быть сокращено на одну треть, а при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, оно можетъ быть уменьшено и на половину. Посему, обращаясь къ сужденію о мѣрѣ наказанія Писарева и сокращеніи онаго по указу 17 апрѣля, сенатъ находитъ, что первоначальное упорное закрятельство его въ преступленіи, а потомъ неискренность и въ самомъ сознаниі, несмотря на всѣ дѣлаемыя ему увѣщанія, ведутъ къ тому, что онъ долженъ понести наказаніе, ему слѣдующее, въ высшей онаго мѣрѣ, а сокращено должно быть оное на основаніи вышеприведеннаго указа сенату только на одну треть, т. е. онъ долженъ быть лишенъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и подвергнутъ заключенію въ крѣпости на 2 года и 8 мѣсяцевъ, а по предмету покушенія на распространеніе сочиненной имъ возмутительной статьи оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Писаревъ во время производства дѣла сего ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, оправдывая себя тѣмъ, что преступленіе его было плодомъ минутнаго увлеченія, и что онъ человѣкъ впечатлительный до такой степени, что даже подвергался умопомѣшательству, отъ коего и былъ пользуетъ. Такое ходатайство Писарева сенатъ признаетъ не заслуживающимъ уваженія, потому что статья, составленная имъ и заключающая два листа весьма мелкаго письма, написанная притомъ не въ одинъ разъ, а съ значительнымъ промежуткомъ времени, доказываетъ обдуманность преступнаго его дѣйствія.

3. Бывшій студентъ СПб. ун. Лобановъ, обвиняемый въ способствованіи Баллоду къ постоянному полученію имъ «Колокола», въ томъ не сознался, показавъ, что давалъ ему только нѣкоторые номера «Колокола», простая же передача для чтенія «Колокола» не составляетъ злоумышленнаго распространенія сего вреднаго изданія, посему, на точномъ основаніи 304 ст. 2 кн. XV т. онъ долженъ быть отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освобожденъ.

4. Бывшій вольнослушателемъ СПб. ун. Печаткинъ обвиняется, вслѣдствіе показанія Лобанова, въ томъ, будто бы онъ доставлялъ Баллоду «Колоколъ» изъ-за границы, но Печаткинъ въ семъ не сознался, и самъ Баллодъ въ томъ его не оговариваетъ. Кромѣ сего, Печаткинъ обвиняется въ знаніи о преступныхъ замыслахъ студента Ольшевскаго, сочинявшаго возмутительныя воззванія. Обвиненіе это основано единственно на запискѣ, найденной у Ольшевскаго отъ Печаткина, и на предостереженіи, выраженномъ Ольшевскимъ въ письмѣ къ Кемарскому, но Печаткинъ ни въ участіи съ

Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ, ни даже въ знаніи о нихъ не сознался, Ольшевскимъ не оговоренъ, и другихъ доказательствъ къ обвиненію его въ дѣлѣ нѣтъ. Но при обыскѣ, произведенномъ у него, найдена возмутительная статья подъ заглавіемъ «Къ русскому народу». Храненіе такового содержанія статьи безъ права на то подвергаетъ виновнаго, на основ. послѣдней части 285 ст., аресту отъ 7 дней до трехъ мѣсяцевъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на время отъ 1 года до 3 лѣтъ. Правительствующій сенатъ при первоначальномъ обсужденіи степени вины подсудимыхъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія для опредѣленія того, должны ли они быть содержимы въ крѣпости, или могутъ быть освобождены изъ оной, нашель, что Печаткинъ можетъ быть отданъ на поруки, но предварительно освобожденія призналъ полезнымъ сдѣлать ему, въ числѣ прочихъ, внушеніе, чтобы онъ велъ себя осторожнѣе и не позволялъ себѣ дѣйствій, законами воспрещенныхъ. Но несмотря на это, во время производства въ сенатѣ слѣдствія по доносу кол. рег. Кучинскаго, обнаружено, что когда Ольшевскій былъ на излѣченіи во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, то Печаткинъ, не имѣя права посѣщать его, видѣлся съ нимъ подъ предлогомъ навѣщанія бывшаго тамъ же на излѣченіи поручика Жукова, ему вовсе не знакомаго, и приносилъ Ольшевскому деньги. Хотя въ прочихъ выведенныхъ въ доносѣ Кучинскаго поступкахъ Печаткинъ не сознался и доказательствъ на сіе Кучинскимъ не представлено, но и посѣщеніе Ольшевскаго, котораго достигнулъ онъ черезъ обманъ больничнаго начальства, несмотря на сдѣланное ему въ присутствіи прав. сената внушеніе, чтобы велъ себя безукоризненно, доказываетъ крайнюю его легкомысленность, за что и слѣдуетъ сдѣлать ему выговоръ (примѣч. къ ст. 62). По совокупности проступковъ его онъ долженъ быть присужденъ къ строжайшему изъ приведенныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. его слѣдуетъ подвергнуть аресту на 3 мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

5 и 6. Бѣжавшій за границу губ. секретарь Николай Жуковскій и находившійся тамъ, съ разрѣшенія начальства, студентъ Мошкаловъ, прикосновенные къ дѣлу студента Баллода, о коихъ, по вызовѣ ихъ изъ-за границы высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а въ случаѣ неявки ихъ, поступить съ ними по законамъ, будучи вызываемы правительствомъ въ Россію, не явились, а по сему за такое ослушаніе, на основ. 368 ст. вн. I тома XV, должны

быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства.

7. Студентъ М.-Х. Академія Рымаренко и 8. типографщикъ купецъ Марковъ, бывшій также нѣкоторое время студентомъ М.-Х. академіи, избличаются: первый въ заказѣ столяру Вагнеру типографскихъ прессовъ для тайнаго печатанія и въ увояѣ съ неизвѣстными лицами одного изъ этихъ прессовъ, а Марковъ въ содѣйствіи Рымаренко по заказу означенныхъ прессовъ. По закону, приобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія признается лишь приготовленіемъ къ оному (10 ст. улож. о нак.). За приготовленіе къ совершенію преступленія виновный подвергается наказанію, смотря по тому, вопервыхъ, употребленныя имъ для сего средства были ли противозаконныя, во-вторыхъ, самое прибрѣтеніе сихъ средствъ не было ль соединено съ опасностью для какого-либо лица частнаго лица, или многихъ, или всего общества. Наказаніе за одно, безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приготовленіе къ преступленію опредѣляется лишь въ особыхъ именно означенныхъ законами случаяхъ (124 ст. улож.). Принимая за симъ на видъ, что одно прибрѣтеніе типографскихъ прессовъ само по себѣ не составляетъ противозаконнаго дѣйствія и не соединено съ опасностью ни для частныхъ лицъ, ни для общества, и что въ нашихъ уголовныхъ законахъ не постановлено наказанія за заказъ или прибрѣтеніе типографскихъ прессовъ, хотя бы это и было дѣлаемо съ цѣлью тайнаго печатанія, прав. сенатъ находитъ, что Рымаренко за заказъ двухъ типографскихъ прессовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ имъ полученъ, а Марковъ за принятіе участія въ этомъ заказѣ, на точномъ основаніи 124 ст. улож., не подлежатъ никакому наказанію. Но совпаденіе времени заказа студентомъ Рымаренко типографскихъ прессовъ со временемъ распространенія въ значительномъ количествѣ разныхъ возмутительныхъ и другихъ преступныхъ сочиненій, тайно печатаемыхъ, первоначальное запитательство Рымаренко и Маркова, а потомъ разнорѣчивыя и изворотливыя объясненія ихъ по предмету заказа прессовъ и противуправительственное направленіе Рымаренко, ясно видимое изъ найденныхъ у него при обыскѣ бумагъ, навлекаютъ подозрѣніе на Рымаренко въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, а на Маркова, по близкому знакомству съ Рымаренко, въ званіи сего. Сверхъ того, всѣ эти обстоятельства представляютъ достаточное основаніе къ принятію въ отношеніи Рымаренко и Маркова въ администра-

тивномъ порядкѣ одной изъ мѣръ, указанной въ примѣч. къ 62 ст. улож., а именно: Рымаренко, какъ личность, представляющуюся по дѣлу весьма упорною и вреднаго образа мыслей, надлежитъ выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, а Маркова отдать подѣ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненія Маркова въ заказѣ вдовѣ унтеръ-офицера Андреевой пальто и шапокъ съ особыми знаками, то по сему предмету онъ, какъ совершенно неизобличенный, долженъ быть отъ суда освобожденъ.

9. Студентъ М.-Х. академіи Мультановскій обвиняется въ участіи съ Рымаренко въ заказѣ станковъ. Основаніемъ къ обвиненію сему послужило токмо то, что онъ жилъ вмѣстѣ съ Рымаренко, что Марковъ писалъ къ нему записку о платежѣ денегъ за станокъ, и что, по показанію Маркова, онъ будто бы сказывалъ ему, что первый станокъ увезенъ студентомъ Губнеромъ. Но Мультановскій ни въ какомъ участіи съ Рымаренко и Марковымъ въ заказѣ станковъ, ни даже въ знаніи о томъ не сознался, и самими ими, кромѣ вышеизъясненнаго показанія Маркова, не оговоренъ, а посему по обвиненію этому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ, равно какъ и по обвиненію въ заказѣ Андреевой пальто и шапокъ, по непредставленію ею никакихъ противу него доказательствъ.

10. Сужденіе о студентѣ Губнерѣ должно быть отложено впредь до полученія окончательныхъ свѣдѣній отъ министра иностранныхъ дѣлъ насчетъ помѣщика Черкесова, вызываемаго изъ-за границы, отъ котораго слѣдуетъ отобрать по сему дѣлу показаніе.

11. Бывшій студентъ Москов. у. Ольшевскій виновенъ въ сочиненіи возмутительнаго возванія подѣ заглавіемъ «Разсказъ дяди Кузьмича», съ намѣреніемъ напечатать и распространить его, что доказывается тѣмъ, что на самомъ сочиненіи отмѣчено его рукою «отдать въ корректуру» и означено, сколько экземпляровъ этого сочиненія и куда слѣдуетъ ихъ разослать. Принимая во вниманіе, что одно намѣреніе напечатать и распространить сочиненіе возмутительнаго содержанія составляетъ лишь преступный умыселъ на это преступленіе и что за подобный умыселъ въ законахъ не определено какого-либо особаго наказанія (9 и 123 ст. улож.), правительствъ находить, что Ольшевскій долженъ быть подвергнутъ наказанію лишь за сочиненіе упомянутаго возмутительнаго возванія, а именно, на основ. 3 ч. 285 ст. улож. По этой статьѣ, виновные въ составленіи возмутительныхъ сочиненій, но не изобличенные въ зло-

умышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. При несовершеннолѣтіи Ольшевскаго наказаніе это, на основ. 5 п. 152 ст. улож. по прод. 1863 г., должно быть уменьшено для него одною степенью, по отсутствію уменьшающихъ вину его обстоятельствъ, и назначено въ средней мѣрѣ по неискренности его въ сознаніи (10 п. 145 ст.) съ сокращеніемъ на одну треть, согласно примѣчанію къ ст. 147 улож. по тому же продолженію (высоч. указъ 17 апрѣля 1863 г.). По симъ основаніямъ Ольшевскій подлежитъ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ (1 степень 39 ст. улож.), а по освобожденіи изъ крѣпости, согласно высоч. повелѣнію, послѣдовавшему въ отношеніи его по дѣлу о происходившихъ въ СПб. университетѣ безпорядкахъ, выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ. Что же касается обвиненій, взведенныхъ на него, Ольшевскаго, въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, то онъ долженъ быть по сему предмету отъ суда освобожденъ, такъ какъ доносъ сей произведеннымъ прав. сенатомъ слѣдствіемъ не подтверждается.

12 и 13. Студенты СПб. у. Кемарскій и Ткачевъ, обвиняемые въ знаніи и участіи съ Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ его, въ преступленіяхъ сихъ не сознались. Ольшевскимъ не оговорены и другихъ доказательствъ противъ нихъ въ дѣлѣ нѣтъ, а потому ихъ слѣдуетъ отъ суда освободить. Но изъ нихъ Ткачевъ виновенъ въ имѣннн у себя возмутительной статьи «Что нужно народу», полученной будто бы имъ отъ неизвѣстнаго, и недонесеніи о томъ вѣному слѣдуетъ. За таковой проступокъ онъ, на основ. 285 ст. и 138 ст. 1 ч. XV т. св. закон. угол., долженъ подлежать заключенію въ крѣпости въ теченіе года съ смягченіемъ наказанія сего по несовершеннолѣтію его, на основ. 152 ст. улож. по прод. 1863 г. и высоч. указа отъ 17 апрѣля 1863 г., т. е. онъ долженъ быть заключенъ въ крѣпость на три мѣсяца; по обвиненію же ихъ вслѣдствіе доноса кол. рег. Кучинскаго, какъ доносъ сей слѣдствіемъ не подтвердился, слѣдуетъ отъ суда освободить.

и 14. Обстоятельства дѣла, относящіяся до студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ слѣдствіемъ не подтвердившіяся, должны быть оставлены безъ послѣдствій.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правит. сенатъ полагаетъ:

1. Бывшаго студента Петра Баллода, 24 лѣтъ, за принятіе участія въ заговорѣ противу правительства, за заведеніе тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противу правительства воззваній, за печатаніе и распространеніе ихъ посредствомъ подкидыванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

2. Кандидата СПб. у. Дмитрія Писарева, нынѣ 23 лѣтъ, за составленіе противу правительства и Государя Императора сочиненія, лишить нѣкоторыхъ особенныхъ, по ст. 54, правъ и преимуществъ и заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, а по предмету покушенія распространить это сочиненіе оставить въ сильномъ подозрѣніи, ходатайство же его о смягченіи ему наказанія оставить безъ уваженія.

3. Бывшаго студента СПб. у. Евгенія Печаткина, 24 лѣтъ, по предмету участія съ студентомъ Баллодомъ и Ольшевскимъ въ преступныхъ замыслахъ отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительной статьи подъ заглавіемъ «Къ русскому народу» и за посѣщеніе студента Ольшевскаго посредствомъ обмана, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года.

4. Бывшаго за границу губ. секр. Николая Жуковскаго за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства.

5. Бывшаго студента Москов. у. Леонида Ольшевскаго, нынѣ 23 лѣтъ, за сочиненіе возмутительнаго воззванія заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать его на мѣсто родины съ отдачей тамъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненіямъ, взведеннымъ на него въ доносѣ кол. рег. Кучинскаго, отъ суда освободить и,

6. Бывшаго студента СПб. у. Петра Ткачева, 19 лѣтъ, по обвиненіямъ въ сообщничествѣ съ студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ и въ посѣщеніи Ольшевскаго во время нахождения его во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ съ преступною цѣлью отъ суда освободить, а за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подъ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ, заключить въ крѣпость на три мѣсяца.

«Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2 тома XV, пред-

ставить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣлилъ: а) находившагося за границею съ разрѣшенія начальства студента Павла Мошкалова за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ его въ Россію, несмотря на дѣлаемый ему вызовъ, лишить всѣхъ правъ состояніи и считать его изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ государства, б) бывшего студента М.-Х. академіи Сергѣя Рымаренко, 24 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ участіи въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, выслать на жительство въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Европейской Россіи, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, в) типографщика купца Илью Маркова, 26 лѣтъ, оставивъ въ подозрѣніи въ знаніи объ участіи бывшего студента Рымаренко въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, отдать подъ особый надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по обвиненію въ заваѣ пальто и шапокъ съ особыми знаками отъ суда освободить, г) студентовъ Лобанова, Мультановскаго и Кемарскаго отъ всякой отвѣтственности по сему дѣлу освободить, д) сужденіе о студентѣ Гюбнерѣ отложить до полученія окончательнаго увѣдомленія отъ г. министра иностранныхъ дѣлъ о помѣщикѣ Черкесовѣ и е) обстоятельства дѣла, относящіеся до бывшихъ студентовъ Никольскаго и Кудиновича по доносу кол. рег. Кучинскаго, какъ розыскомъ не подтвердившіеся, оставить безъ послѣдствій, а находящіеся при дѣлѣ станокъ типографскій, шрифтъ и прочее отослать для уничтоженія къ г. СПб. военному генералъ-губернатору».

28 октября опредѣленіе было возвращено въ сенатъ министромъ юстиціи вмѣстѣ съ предложеніемъ исполнить высочайшее повѣленіе, послѣдовавшее на мнѣніи государственнаго совѣта. Послѣдній вполне присоединился къ заключенію сената, и 16 октября, въ Ниццѣ, Государь положилъ резолюцію: „Быть по сему“, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами».

5 ноября въ 12 час. дня при открытыхъ дверяхъ въ собраніи I отдѣленія 5 департамента всѣмъ упомянутымъ въ опредѣленіи была объявлена высочайшая воля.

М. Лемке.

Къ исторіи „Общества св. Кирилла и Мееодія“.

(1847).

(I. Уставъ и правила. II. Прокламаціи) ¹⁾.

I.

Уставъ славянскаго общества св. Кирилла и Мееодія. Главныя идеи.

1) Принимаемъ, что духовное и политическое соединеніе славянъ есть истинное ихъ назначеніе, къ которому они должны стремиться.

2) Принимаемъ, что при соединеніи каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, а такими племенами признаемъ: южно-русовъ, сѣверно-русовъ съ бѣло-руссими, поляковъ, чеховъ съ словенцами, лужичанъ, иллиро-сербовъ съ хорутанами и болгарь.

3) Принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію.

4) Принимаемъ, что правленіе, законодательство, право собственности и просвѣщеніе у всѣхъ славянъ должно основываться на святой религіи Господа нашего Иисуса Христа.

5) Принимаемъ, что при такомъ равенствѣ образованность и чистая нравственность должны служить условіемъ участія въ правленіи.

6) Принимаемъ, что долженъ существовать общій славянскій соборъ изъ представителей всѣхъ племенъ.

Главныя правила общества.

1) Устанавливаемъ общество съ цѣлью распространенія вышеизложенныхъ идей, преимущественно посредствомъ воспитанія юношества, литературы и умноженія числа членовъ общества. Общество именуется своими покровителями святыхъ просвѣтителей Кирилла и Мееодія и принимаетъ своимъ знакомъ кольцо или икону съ именемъ или изображеніемъ сихъ святыхъ.

¹⁾ Обществомъ св. Кирилла и Мееодія называлось, какъ извѣстно, то „сообщество“, къ которому принадлежали Шевченко, Костомаровъ, Гулакъ, Бѣлозерскій и др. Уставъ и правила Общества были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ (1893 № 7), а прокламаціи въ печати еще не появлялись и воспроизводятся здѣсь съ подлинниковъ.
Ред.

2) Каждый членъ общества произноситъ присягу при поступленіи употреблять дарованія, труды, состоянія, общественныя свои связи для цѣлей общества, и ежели бы какой членъ претерпѣлъ гоненіе и даже мученіе за принятія обществомъ идеи, то, по давной присягѣ, онъ не выдаетъ никого изъ членовъ, своихъ братьевъ.

3) Въ случаѣ членъ попадетъ въ руки враговъ и оставитъ въ нуждѣ семейство, общество помогаетъ ему.

4) Каждый принятый членъ общества можетъ принять новаго члена безъ необходимости сообщать ему объ именахъ прочихъ членовъ.

5) Въ члены принимаются славяне всѣхъ племенъ и всѣхъ званий.

6) Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7) Такъ какъ въ настоящее время славянскія племена исповѣдуютъ различныя вѣроисповѣданія и имѣютъ предубѣжденія другъ противъ друга, то общество будетъ стараться объ уничтоженіи всякой племенной и религіозной вражды между ими и распространять идею о возможности примиренія разногласій въ христіанскихъ церквахъ.

8) Общество будетъ стараться заранѣе объ искорененіи рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ, равнымъ образомъ и о повсемѣстномъ распространеніи грамотности.

9) Какъ все общество въ совокупности, такъ и каждый членъ должны свои дѣйствія соображать съ евангельскими правилами любви, кротости и терпѣнія; правило же: цѣль освящаетъ средство—общество признаетъ безбожнымъ.

10) Нѣсколько членовъ общества, находясь въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, могутъ имѣть свои собранія и постановлять частныя правила для своихъ дѣйствій, но дабы они не противорѣчили главнымъ идеямъ и правиламъ общества.

11) Никто изъ членовъ не долженъ объявлять о существованіи и составѣ общества тѣмъ, которые не вступаютъ или не подаютъ надежды вступить въ него.

II.

Изъ рукописей, взятыхъ у членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, приводимъ двѣ прокламаціи, изъ которыхъ одна обращена къ украинцамъ, другая—къ великороссіянамъ и полякамъ. Въ связи съ уставомъ и правилами общества онѣ даютъ ясное представленіе о цѣляхъ общества.

1.

Братья украинцы!

Это разсужденіе предлагаемъ вамъ передъ глаза и даемъ на размышленіе: хорошо ли такъ будетъ, какъ эти пункты скажутъ:

1) Мы принимаемъ, что всѣ славяне должны между собою соединиться.

2) Но такъ, чтобъ каждый народъ составлялъ особенную Рѣчь Посполитую и управлялся не слитно съ другими, такъ чтобъ каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаемъ: великороссiанъ, украинцевъ, поляковъ, чеховъ, лутичанъ, хорутанъ, иллиро-сербовъ и болгаръ.

3) Чтобъ единствоваль сеймъ или славянское собранiе, гдѣ бы сходились депутаты отъ всѣхъ республикъ славянскихъ, и тамъ разсуждали бы и рѣшали дѣла, которыя относятся ко всему союзу славянскому.

4) Чтобъ въ каждой республикѣ былъ правитель, избранный на время, и надъ цѣлымъ союзомъ былъ такой же правитель, выбранный на время.

5) Чтобъ въ каждой республикѣ было всеобщее равенство и свобода и никакія различiя сословiй.

6) Чтобъ депутатами и чиновниками дѣлали не по происхожденiю и не по имуществу, а по уму и образованности, народнымъ выборомъ.

7) Чтобъ вѣра Христова была основанiемъ законодательства и общественаго порядка въ цѣломъ союзѣ и въ каждой республикѣ.

Вотъ, братья украинцы, жители Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, мы даемъ вамъ это на размышленiе; прочитайте со вниманiемъ и пусть каждый думаетъ, какъ достигнуть этого, и какъ бы лучше сдѣлать. Много головъ, много умовъ,—говорить пословица. Если вы объ этомъ станете прилежно думать, то когда придетъ пора вамъ заговорить объ этомъ, Господь даруетъ вамъ смыслъ и уразумѣнiе.

2.

Братья великороссiане и поляки!

Сiе глаголетъ къ вамъ Украина, нищая сестра ваша, которую вы распяли и растерзали и которая не помнитъ зла и соблазнуеть о вашихъ бѣдствiяхъ, и готова проливать кровь дѣтей своихъ за вашу свободу. Прочитайте посланiе это братское, обсудите важное дѣло вашего общаго спасенiа, возстаньте отъ сна и дремоты, истребите въ сердцахъ вашихъ безразсудную ненависть другъ къ другу, возженную царями и господами, на общую погибель нашей свободы, устыдитесь ярма, которое тяготитъ ваши плеча, устыдитесь собственной своей испорченности, предайте проклятiю святотатственныя имена земного царя и земного господина, изгоните изъ умовъ вашихъ духъ невѣрiя, занесенный отъ племевъ нѣмецкихъ и романскихъ, и духъ закоспѣлости, вдохнутый татарами, облекитесь въ свойственную славянамъ любовь къ человечеству, вспомните также о братьяхъ вашихъ, томящихся и въ шелковыхъ цѣпяхъ нѣмецкихъ, и въ когтяхъ турецкихъ, и да будетъ цѣлю жизни и дѣятельности каждаго изъ васъ: славянскiй союзъ, всеобщее равенство, братство, миръ и любовь Господа нашего Исуса Христа. Аминь.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Продолженіе.

III.

Извѣстно, какое громадное значеніе для развитія нашего общества имѣло пребываніе нашихъ войскъ за границей послѣ нашествія Наполеона на Россію. Наши офицеры побывали въ Англіи и Франціи и познакомились съ тамошнимъ образомъ правленія. «Каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ», говоритъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ. Русскіе офицеры, просвѣщенные западно-европейскими впечатлѣніями, съ болью въ сердцахъ наблюдали печальныя явленія русской дѣйствительности: крѣпостное право и тяжелое экономическое положеніе народа, строгости военной дисциплины, учрежденіе военныхъ поселеній, стѣсненіе печати цензурою, гоненіе на либеральныхъ профессоровъ. Все это возбуждало и поддерживало оппозиціонное настроеніе общества во вторую половину царствованія имп. Александра I, вызывало мысль о необходимости преобразованія государственнаго строя Россіи и составленіе и обсужденіе проектовъ такого преобразованія. Развитію политической мысли содѣйствовали чтеніе газетъ и сочиненій по государственному праву и знакомство съ польскою и западно-европейскими конституціями. Съ этою цѣлью въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ составились большія бібліотеки по вопросамъ государственнаго устройства. «Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба», говоритъ М. А. Фонъ-Визинъ, «съ страстію учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя, политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій разномыслившихъ въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуи нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ и навели нашихъ либераловъ на мысль

учредить тайное политическое общество въ Россіи съ цѣлью ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816 г. эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба условились составить тайное общество», которое носило названіе «Союза Спасенія», или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Въ числѣ основателей общества были Никита Мих. Муравьевъ, кн. Трубецкой, бр. Муравьевы-Апостолы и др. Скоро къ нимъ присоединились Пав. Ив. Пестель, Новиковъ, племянникъ извѣстнаго масона, Лупинъ и прочіе. Цѣлью общества, по словамъ Фонь-Визина, было осуществленіе «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народа, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ»¹⁾.

Въ началѣ января 1826 г. московскій военный губернаторъ кн. Голицынъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ сообщаетъ, что такъ какъ опекуны, назначенные надъ сумасшедшимъ гр. Дмитриевымъ-Мамоновымъ, приступили къ снятію печатей съ его дома и имущества, то онъ, Голицынъ, «имѣя причины подозрѣвать, что въ числѣ бумагъ гр. Дмитриева-Мамонова, по прежнему роду жизни его и репутаціи, найтятся могутъ достойныя по вышнимъ обстоятельствамъ вниманія правительства, почелъ обязанностью» потребовать отъ нихъ эти бумаги. Государь приказалъ выслать ихъ въ слѣдственный комитетъ о тайныхъ обществахъ, «гдѣ онѣ удобнѣе могутъ быть разобраны по извѣстной общей связи дѣла». Въ числѣ рукописей гр. Дмитриева-Мамонова оказалось не мало относящихся до масонскихъ ложъ: тутъ же нашелся шифръ для тайной переписки и «проектъ республиканской конституціи».

Гр. Матвѣй Александровичъ Дмитриевъ-Мамоновъ заболѣлъ психически въ 1817 г., но въ первое время иногда ему становилось лучше²⁾. Ранѣе болѣзни гр. Дмитриева-Мамонова М. Ѳ. Орловъ задумалъ вмѣстѣ съ нимъ и Н. И. Тургеневымъ завести общество «Русскихъ Рыцарей», но предположеніе это осуществлено не было.

Принадлежность къ масонству могла сблизить гр. Дмитриева-Мамонова съ другимъ масономъ, Николаемъ Новиковымъ, который сначала состоялъ въ Саксоніи при ген.-адъютантѣ Репнинѣ, а потомъ, когда послѣдній сдѣлался малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, былъ правителемъ его канцеляріи. Изъ показанія Пестеля видно, что Новиковъ завелъ въ Малороссіи масонскую ложу³⁾.

Этотъ Новиковъ, какъ было уже упомянуто, одинъ изъ первыхъ

¹⁾ О Союзѣ Спасенія см. въ моей статьѣ „М. А. Фонь-Визинъ“ въ сборникѣ „Обществен. движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I. Декабристы. Составили В. И. Семевскій, В. Я. Вогучарскій, П. Е. Щеголевъ“, Спб., 1901, стр. 16—22. Тамъ же напечатаны записки Фонь-Визина.

²⁾ Д. В. Давидовъ въ письмѣ къ П. Д. Киселеву (1819 г.) называетъ Мамонова „бѣшеннымъ“ и говоритъ о немъ и М. Ѳ. Орловъ, какъ о врагахъ абсолютизма въ Россіи. „Сочиненія Д. В. Давыдова“, 1895 г., т. III, 233—234.

³⁾ Съ Новиковымъ находился въ сношеніяхъ и М. Ѳ. Орловъ.

применуль въ «Союзу Спасенія», который окончателно образовался въ началѣ 1817 г. Въ своемъ показаніи Пестель говоритъ, что первую мысль о республиканскомъ правленіи возбудилъ въ немъ проектъ конституціи Новикова. Дѣлая очеркъ развитія своихъ политическихъ взглядовъ, Пестель сообщаетъ: «Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія припоминать и съ ними соглашаться». «Отличительная черта конституціи Новикова», по свидѣтельству Пестеля, «заключалась въ томъ, что она была республиканская, и верховная власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному... Много было сходства съ американскою конституціею. Новиковъ имѣлъ порученіе основать управу тайнаго общества въ Малороссіи, но это ему не удалось.

До сихъ поръ проектъ конституціи Новикова не былъ извѣстенъ. Мы полагаемъ, что та схема республиканской конституціи, которая сохранилась въ бумагахъ гр. Дмитріева-Мамонова и есть проектъ Новикова. Очень возможно, что онъ не былъ развитъ имъ подробнѣе. Пестель нигдѣ не говоритъ, чтобы Новиковъ давалъ ему читать свой проектъ; это объясняется вѣроятно тѣмъ, что дѣло не пошло далѣе черноваго наброска, который, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно интересенъ для исторіи развитія политическихъ идей того времени.

Подобно конституціи Никиты Муравьева, народное вѣче ¹⁾ дѣлится здѣсь на двѣ палаты, хотя и съ иными названіями—палату вельможъ и палату мѣщанъ. «Палата вельможъ состоитъ изъ 221 наслѣдственныхъ вельможъ государства, владѣющихъ удѣлами неприкосновенными, *inaliénables*, въ тѣхъ областяхъ, отъ коихъ они *наслѣдственными представителями и депутатами*» ²⁾. Далѣе, авторъ перечисляетъ сначала «наслѣдственныхъ представителей»: 150 вельможъ отъ Московскаго царства, 20—отъ Новгородскаго, 20—отъ Кіевскаго, 1—отъ Владимірскаго, 5—отъ Казанскаго, 5—отъ Астраханскаго, 10—отъ Сибирскаго и 10—отъ Херсонскаго ³⁾. Въ составъ «палаты наслѣдственныхъ представителей» входили еще 442 «простыхъ» дворянина, «не наслѣдственныхъ, но избранныхъ представителей, въ числѣ коихъ должны быть представители Польскаго царства *sous le patronat des raigrs de Kiof et de Wolhynie* ⁴⁾, депутаты лифляндскаго, курляндскаго и финляндскаго шляхетства подъ патронатомъ Новгородскаго царства, грузинскіе депутаты подъ протекторатомъ Астраханскаго царства. Сверхъ этого

¹⁾ Авторъ пишетъ „народная веча“.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ первоначально были иныя. Далѣе, зачеркнуто слѣдующее продолженіе списка: 5 вельможъ отъ Грузіи, 10—отъ вел. княжества Смоленскаго, 5—отъ государства Псковскаго, 5—отъ Малой Россіи, 5—отъ Бѣлой Россіи, 10—отъ Черной Россіи, или южной Польши, 20—отъ вел. княжества Нижегородскаго, 5—отъ вел. кн. Ярославскаго, 5—отъ вел. кн. Рязанскаго, 5—отъ вел. кн. Пермскаго.

⁴⁾ Подъ покровительствомъ кіевскихъ и волынскихъ вельможъ.

въ палатѣ вельможъ должны были засѣдать 10 депутатовъ русскаго рыцарства ¹⁾ и 6 депутатовъ отъ вольныхъ городовъ ²⁾, а всѣхъ членовъ 679». Въ проектѣ не объяснено, какъ образуются «неприкосновенные удѣлы» вельможъ,—будутъ ли это ихъ собственные наслѣдственные имѣнія, сдѣланныя неотчуждаемыми, или эти имѣнія будутъ пожалованы вельможамъ подобно тому, какъ Мордвиновъ предлагалъ надѣлить по 10.000 душъ крестьянъ 50 членовъ его «Государственной Думы», которую первоначально онъ предполагалъ назвать «Думою Вельможъ» или «Верховною Палатою». Возможно, что аристократическіе элементы разсматриваемаго проекта объясняются вліяніемъ Мордвинова или кн. Ник. Григ. Репнина (родного брата декабриста Волконскаго), который въ 1810—12 г. былъ посланникомъ въ Испаніи, а въ 1816 г.—военнымъ губернаторомъ (т. е. генераль-губернаторомъ) Малороссіи и правителемъ канцеляріи котораго служилъ Новиковъ. Хотя испанская конституція 1812 г. была основана на однопалатной системѣ, но на мысль объ учрежденіи «неприкосновенныхъ удѣловъ» могли навести кн. Репнина майораты испанскихъ грандовъ, а также и то, что онъ самъ сдѣлался владѣльцемъ крупныхъ имѣній своего дѣда Н. В. Репнина, фамилію котораго онъ и сталъ носить. Участіе депутатовъ отъ 6 вольныхъ городовъ, которое предлагалось въ изложенномъ проектѣ, напоминаетъ о предположеніи Н. С. Мордвинова относительно представительства отъ главныхъ портовыхъ городовъ.

Нижняя палата, по этому проекту, носить названіе «палаты мѣщанъ» (т. е. горожанъ, отъ польскаго «miasto»—городъ). Это названіе также подтверждаетъ наше предположеніе о составленіи разсматриваемаго проекта Новиковымъ: онъ, какъ житель Кіева, употребилъ тутъ слово «мѣщане» не въ великороссійскомъ смыслѣ низшаго класса городского населенія, а въ смыслѣ горожанъ вообще. «Такъ называемые мѣщане», сказано въ проектѣ, «должны составиться изъ депутатовъ городовъ», которые «могутъ быть избираемы» изъ дворянъ, духовныхъ лицъ, мѣщанъ, купцовъ всѣхъ гильдій, мастеровыхъ и «поселянъ». Каждый городъ долженъ избирать по три депутата: по одному дворянину, по одному купцу или духовному лицу и по одному ремесленнику или поселянину, а эти трое избираютъ четвертаго не изъ своей среды, все равно изъ какаго сословія, который и является «народнымъ представителемъ». Авторъ проекта полагалъ, что такихъ представителей будетъ около 3.000 чел. О цenzѣ для участія въ выборѣ народныхъ представителей и для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату мѣщанъ, не упоминается, но, какъ только что было указано, выборы предполагались не прямыя, а двухстепенныя, какъ это мы находимъ и въ «Русской Правдѣ» Пестеля. Есть еще слѣдующая оговорка на французскомъ языкѣ: «Духовенство не имѣетъ депутатовъ, такъ

¹⁾ Далѣе пояснено, что „русскіе рыцари“—„охранители конституціи“, „вѣчева стража“, „находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая отъ него“.

²⁾ Кіева, Астрахани, Казани, Одессы, Новгорода и Ярославля. Эти депутаты должны были засѣдать въ палатѣ вельможъ, хотя бы они были и не дворяне.

какъ это не государственное сословіе, а классъ служителей государства (*serviteurs de l'Etat*): они служатъ при алтаряхъ, какъ артиллеристъ при своей пушкѣ, какъ деревенскій мэръ наблюдаетъ за чистотою улицъ и безопасностью населенія». Такимъ образомъ, депутаты отъ духовенства не составляютъ особой палаты, какъ это было во французскихъ генеральныхъ штатахъ. Взгляды автора проекта на духовенство, какъ на служителей государства, напоминаютъ о такомъ же отношеніи Пестеля къ этому сословію.

Вельможи должны быть православнаго исповѣданія, такъ же какъ и депутаты рыцарства; но прочіе 400 дворянъ въ «камерѣ» вельможъ и народные представители въ нижней «камерѣ» могутъ быть католическаго, реформатскаго и лютеранскаго исповѣданія съ тѣмъ только, чтобы иновѣрцы были депутатами не отъ великороссійскихъ городовъ, а отъ тѣхъ, гдѣ ихъ исповѣданіе преобладаетъ: такимъ образомъ, отъ польскихъ городовъ можетъ быть депутатомъ католикъ или униатъ, а отъ остзейскихъ губерній—лютеранинъ.

Въ каждой палатѣ предсѣдательствуетъ избранный на одинъ годъ большинствомъ голосовъ посадникъ изъ числа вельможъ или «верховныхъ рыцарей». Одинъ изъ двухъ имперскихъ посадниковъ имѣетъ главное начальство надъ войсками, другой—судъ и расправу, подобно римскимъ консуламъ. Переизбраніе посадниковъ на слѣдующій годъ ни въ какомъ случаѣ не допускается. Терминъ «посадникъ» встрѣчается также въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля (см. ниже) ¹⁾.

Раздѣленіе Россіи по этому проекту на 8 царствъ, и кромѣ того царство Польское, Курляндію, Лифляндію, Финляндію и Грузію, нѣсколько напоминаетъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Авторъ наброска предлагаетъ также введеніе суда присяжныхъ. Войско, по его мнѣнію, должно быть трехъ родовъ: 1) «большая дѣйствующая армія», 2) «народная стража», или національная гвардія и 3) «вѣчевая стража», находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая непосредственно отъ него.

Послѣ изложенія устройства народнаго вѣча въ этомъ наброскѣ есть такая замѣтка, написанная частью по-русски, частью по-французски: «Конституція гишпанскихъ кортесовъ» (т. е. испанская конституція 1812 г.) «весьма мудро писана, но не вся годится для насъ!—и видите, любезный другъ, плачевный примѣръ того, что падить Т. (тирановъ) значитъ приготовить, ковать на себя оковы болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя хотятъ скинуть.—Что же кор-

---

¹⁾ Въ излагаемой схемѣ мы не находимъ одной черты, указанной Пестелемъ относительно конституціи Новикова, а именно, что предсѣдатель „особаго сословія“, которому принадлежала верховная власть, имѣетъ два голоса. Но такъ какъ Новиковъ на словахъ сообщалъ Пестелю содержаніе своей конституціи, то могъ и забыть объ этомъ; во всякомъ случаѣ, эта конституція—республиканская, какъ и конституція Новикова.

тесы! разосланы, распитаны, въ смерти приговариваемы, и ёзмъ же?—скотиною, которому они сохранили корону»¹⁾).

Время составленія этого наброска точно не извѣстно, но (въ виду начала тяжелой болѣзни Дмитріева-Мамонова въ 1817 г.) можно думать, что онъ былъ написанъ не позднѣе этого времени.

IV.

Мы не будемъ останавливаться на преобразованіи Союза Спасенія въ Союзъ Благоденствія²⁾, на объявленіи въ 1821 г. этого союза прекратившимъ свое существованіе³⁾ и на образованіи Сѣвѣрнаго и Южнаго обществъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, и приступимъ къ изложенію проекта конституціи, составленнаго однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Сѣвернаго общества, Никитою Мих. Муравьевымъ.

Н. М. Муравьевъ, сынъ преподавателя имп. Александра I и писателя Мих. Ник. Муравьева, родился въ 1796 г. и воспитывался первоначально дома, причемъ воспитателемъ его былъ, по свидѣтельству Вигеля, якобинецъ Магіеръ. «Добродѣтельный отецъ Муравьева», говоритъ Вигель, «былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; мать его была недовольна государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть»... Магіеръ съ младенчества старался якобинизировать его. Никита Муравьевъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ и приобрѣлъ степень кандидата. 1812-й годъ возбудилъ въ немъ такой пламенный патріотизмъ, что 16-ти лѣтъ онъ поступилъ на военную службу и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ за границую и во вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ⁴⁾. Въ 1820 г. онъ вышелъ въ отставку, но въ слѣдующемъ году возвратился въ военную службу и дослужился до чина штабъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба.

Въ своемъ показаніи онъ отмѣтилъ, что «прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 г., предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе вмѣсто награды за ихъ усилія», впервые обратили его вниманіе на этотъ предметъ, а утвердила его въ этомъ направленіи рѣчь государя къ варшавскому сейму (въ 1818 г.), въ которой онъ «объявлялъ свое намѣреніе ввести представительное правленіе» въ Россіи. Однако, еще ранѣе того, на 22-мъ году жизни, Н. Муравьевъ сдѣлался членомъ Союза Спасенія, который

¹⁾ Объ испанской конституціи 1812 г. и разогнаніи кортесовъ въ 1814 г. Фердинандомъ VII см. Ва u m g a r t e n „Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution“, Band. I—II; *Трачевскій* „Испанія XIX в.“, М., 1872 г., т. I.

²⁾ См. объ этомъ *Пытинъ* „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 3-е, Спб., 1900 г.

³⁾ См. объ этомъ въ моей статьѣ о М. А. Фонѣ Визинѣ, стр. 29—36.

⁴⁾ „Случай“, говоритъ Вигель, „свелъ его въ Парижъ съ Сіусомъ“ (составителемъ французской конституціи 1795 г.) „и съ Грегуаромъ“ (бывшій епископъ и депутатъ въ конвентъ, издавшій въ 1814 г. сочиненіе о „такъ называемой сенатской конституціи“ этого года: „De la constitution française de l'an 1814“). *Вигель* „Записки“, ч. V, М. 1892, стр. 50.

окончательно организованъ въ февралѣ 1817 г. Позднѣе онъ участвовалъ въ выработкѣ устава Союза Благоденствія, но составленная имъ часть оказалась несоотвѣтствующею другимъ частямъ, обработкою которыхъ занимались Мих. Ник. Муравьевъ и кн. Трубецкой, и трудъ Никиты Муравьева поручено было передѣлать Колошину.

Когда весной 1821 г. гвардія выступила въ походъ, Никита Мих. Муравьевъ былъ въ отставкѣ, но осенью онъ вновь вступилъ на службу и отправился въ главную квартиру гвардейскаго корпуса, находившуюся въ Минскѣ. Тамъ онъ началъ проектъ конституціи, но (какъ показалъ на слѣдствіи), не успѣлъ довести его до конца и принужденъ былъ уничтожить рукопись. Однако, въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого сохранилась списанная имъ копія этого первоначальнаго наброска, состоящая изъ 93 статей и замѣтокъ о томъ, что должно слѣдовать далѣе.

Вѣроятно послѣ того, какъ въ 1822 г. Никита Муравьевъ вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ и И. И. Пущинымъ составили думу Сѣвернаго общества, онъ вновь переработалъ свой проектъ, но также не успѣлъ довести его до конца. На слѣдствіи онъ показалъ, что сжегъ его въ 1825 г. Муравьевъ сообщилъ, что, будучи въ Москвѣ, отдалъ одинъ списокъ своей конституціи Пущину, а передъ отъѣздомъ изъ Петербурга далъ копію кн. Одоевскому: «конституція сія», поясняетъ Муравьевъ, «находилась нѣкоторое время у cadaго изъ главныхъ членовъ» общества (хотя и не была докончена). Пущинъ давалъ конституцію Муравьева Штейнгелю, а потомъ Кашкину, который показалъ, что сжегъ рукопись послѣ 14 декабря ¹⁾. Какъ бы то ни было, проектъ Никиты Муравьева во второй редакціи (которую слѣдственной комиссіи найти не удалось) сохранился и заключаетъ въ себѣ 134 статьи ²⁾. На допросѣ Никита Муравьевъ согласился изложить свой проектъ конституціи, причемъ особенно подробно сообщилъ свои предположенія объ устройствѣ судебной части, которыя не вошли ни въ первую, ни во вторую редакціи проекта.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность подробно изложить конституціонныя идеи Никиты Муравьева. Кромѣ того, на поляхъ первыхъ двухъ редакцій проекта сохранилось не мало замѣчаній, сдѣланныхъ безъ сомнѣнія различными членами тайнаго общества, и есть еще особая записка неизвѣстнаго съ замѣчаніями на этотъ проектъ.

Первая редакція проекта Н. Муравьева носитъ такое заглавіе: «Предположеніе дѣла начертанія устава положительнаго образова-

¹⁾ Николай Бестужевъ получалъ проектъ конституціи Рылѣва и сообщалъ его Торсону. По показанію Н. Бестужева, проектъ былъ «истребленъ потому, что (это) было только первое очертаніе главныхъ положеній, что дума, которая занимается сими предметомъ, не перестаетъ дѣлать перемѣнъ и поправокъ».

²⁾ За сообщеніе написанной рукой Рылѣва копіи этой редакціи проекта и особой записки съ замѣчаніями на него приношу глубочайшую признательность В. Е. Якушкяну.

нія, когда Его Имп. В—ву благоугодно будетъ съ помощью Все-вышняго учредить Славяно-Русскую имперію». Заглавіе это было написано, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы имѣть возможность, если бы проектъ попался въ руки правительства, сослаться на намѣреніе самого государя ввести въ Россіи представительное правленіе и указать на свое желаніе содѣйствовать ему въ осуществленіи этого предположенія. Въ первой редакціи проекта есть «вступленіе», которое во второй отсутствуетъ; приводимъ его цѣликомъ:

«Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ, что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка; нельзя допустить основаніемъ правительства—произволь одного человѣка; невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности—на другой. Слепое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостоинно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, внѣ человѣчества! что невозможно имъ ссылаться на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,—тогда къ чему же не хотять и сами подчиняться онѣмъ, или они не справедливы,—тогда зачѣмъ хотять они подчинять имъ другихъ. Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободъ. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ и то, и другое.

«Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостью¹⁾. Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостью, но обыкновенно страдаютъ отъ внутренняго угнетенія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ.

«Обширность земель, многочисленное войско препятствуютъ однимъ быть свободнымъ; тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ, страдаютъ отъ своего безсилія. *Федеральное* или *союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило *величіе народовъ и свободу гражданъ*.

«Подъ надзоромъ государя одно законодательное собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія, для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся до областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе *столичнаго*, и такимъ образомъ доставляется благостояніе цѣлаго и частей».

Вторая, наиболѣе обширная редакціа проекта Никиты Муравьева содержать въ себѣ 13 главъ: 1) о народѣ русскомъ и правленіи, 2), о гражданахъ, 3) о состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ, 4) о Россіи, 5) о внутреннемъ устройствѣ—

¹⁾ Такую же мысль мы встрѣчаемъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля.

волюстномъ и уѣздномъ, или повѣтовомъ, 6) о Народномъ Вѣчѣ, 7) о Палатѣ Представителей, о числѣ и выборѣ представителей, 8) о Думѣ верховной, 9) о власти и преимуществахъ Народнаго Вѣча и составленіи законовъ, 10) о верховной исполнительной власти, 11) о внутреннихъ властяхъ и правительствахъ державъ, 12) о правительствующей власти державъ, 13) объ исполнительной власти державъ¹⁾. Въ основу изложенія мы положимъ вторую редакцію проекта, отмѣчая лишь важнѣйшія разногласія съ нею первой редакціи.

Первая статья конституціи гласить: «Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семества». Въ первой редакціи на поляхъ есть отмѣтка: «изъ И. К.»; это означаетъ: изъ испанской конституціи. Дѣйствительно, во второмъ пунктѣ конституціи Испаніи 1812 г. сказано: «Испанскій народъ свободенъ и независимъ; онъ не есть и не можетъ быть собственностью какого-либо семейства или лица²⁾». Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестеля (§ 10) также сказано: «Народъ российский... составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею-либо собственностью или принадлежностью». Первая статья конституціи Н. Муравьева вызвала слѣдующее замѣчаніе на поляхъ первой редакціи: «не должно быть и предположенія принадлежности». «Источникъ верховной власти», сказано во второй статьѣ, «есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя». Статья эта также представляетъ буквальный переводъ третьяго пункта той же испанской конституціи³⁾, при чемъ содержаніе этого пункта навѣяно объявленіемъ правъ челоуѣка и гражданина во Франціи (п. 3)⁴⁾.

Вторая глава конституціи Н. Муравьева говоритъ о «гражданахъ». «Гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ Уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей; непосредственно, т. е. быть самому избираемымъ въ какое-либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти». Выборы въ палату народныхъ представителей прямыя, кромѣ крестьянъ, изъ числа которыхъ правами гражданства пользуются имѣющіе землю въ «общественномъ владѣніи», т. е. крестьяне «экономическіе» или государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и быв-

¹⁾ Въ первой редакціи первыя 5 главъ идутъ въ томъ же порядкѣ, а затѣмъ порядкомъ измѣненъ.

²⁾ *Baumgarten*, I, 521.

³⁾ *Baumgarten*, I, 529—530.

⁴⁾ *Еланинскъ*. «Декларация правъ челоуѣка и гражданина», М., 1905 г., стр. 20; *Доконшинъ* «Тексты конституцій», Сбор. I, стр. 27—28. Третья статья первой редакціи: «Правленіе Россіи есть уставное» (т. е. конституціонное) «и союзное» (т. е. федеральное), во второй редакціи исключена. Тексты французскихъ конституцій можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: L. Tripier, «Les constitutions françaises depuis 1789». P. 1848, Laferrière *Les constitutions d'Europe et d'Amérique*. P. 1869.

шіе военные поселяне. Для них установлены двухстепенные выборы.

Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія: 1) возрастъ не менѣе 21 года¹⁾, 2) «извѣстное и постоянное жительство»²⁾, 3) «здравіе ума», 4) «личная³⁾ независимость», 5) исправный платежъ общественныхъ повинностей, 6) «непорочность предъ лицомъ закона». Въ первой редакціи къ этому было прибавлено обладаніе имущественнымъ цензомъ: на 500 р. недвижимой собственности и 1000 р. сер. движимой. Во второй редакціи это было исключено, такъ какъ крестьяне, хотя и при двухстепенной системѣ, участвовали въ выборѣ народныхъ представителей безъ такого ценза. Для натурализаціи иностранца требуется жительство въ Россіи въ теченіе семи лѣтъ (по примѣру конституціи Соединенныхъ Штатовъ). Иностранецъ, не приобрѣвшій правъ гражданства, не могъ исполнять никакой «общественной» или военной должности, не могъ даже служить рядовымъ, не имѣлъ права приобретать землю. Н. Муравьевъ устанавливаетъ еще, хотя и черезъ извѣстное время, цензъ грамотности для пользованія правами гражданина: «Черезъ 20 лѣтъ по приведеніи въ исполненіе сего устава Россійской имперіи никто, не обучившійся русской грамотѣ, не можетъ быть признавъ гражданиномъ»⁴⁾. Въ числѣ причинъ, влекущихъ за собою временную утрату правъ гражданства, указано, по примѣру французской конституціи 1791 г., нахожденіе при комъ либо въ услуженіи. На основаніи этого далѣе постановлено, что придворные не могутъ ни избирать, ни быть избираемыми.

Глава третья проекта устанавливаетъ права и обязанности русскихъ людей. «Всѣ русскіе равны передъ закономъ»⁵⁾, при чемъ русскими считаются всѣ коренные жители Россіи и дѣти иностранцевъ, въ ней родившіяся и достигшія совершеннолѣтія, если они не заявятъ о нежеланіи быть русскими⁶⁾. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются⁷⁾.

Конституція Муравьева провозглашаетъ свободу устнаго и пе-

---

¹⁾ Французскія конституціи требовали: 1891 г. — 25-лѣтняго возраста (*Жюкошкинъ*, 31), 1793 г. — 21-го (п. 4), также и конституціи 1795 г. (п. 10); конституціи Соединенныхъ Штатовъ — 25 лѣтъ (*Брайса*, 1, 485).

²⁾ Не указано срока жительства, быть можетъ, потому, что во франц. конституціи 1791 г. сказано: «въ теченіе опредѣленнаго закономъ срока».

³⁾ Въ первой редакціи прибавлено: «и по имѣнію».

⁴⁾ Требованіе грамотности вѣроятно заимствовано изъ Французской конституціи 1795 г., по которой оно должно было войти въ силу черезъ 9 лѣтъ (п. 16).

⁵⁾ Вѣроятно навѣяна французскою деклараціею правъ (ст. 1). Однако, далѣе было сказано, что «кочующія племена не имѣютъ правъ гражданскихъ»; имъ предоставлялось только право участвовать въ выборахъ волостныхъ старшинъ. Но мы увидимъ, что далеко не одни кочующіе инородцы не пользовались полными правами гражданства.

⁶⁾ Вѣроятно взято изъ французской конституціи 1791 г. (тит. II, п. 2).

⁷⁾ О постановленіяхъ въ конституціи Н. Муравьева относительно крестьянскаго вопроса см. въ моей статьѣ: «Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» въ сборн. «Крестьянскій строй», 1905 г., т. I, стр. 219—223.

чатнаго слова. «Всякій имѣть право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ суду присяжныхъ»¹⁾.

По примѣру французскаго законодательства, въ конституціи Н. Муравьева постановлено, что гильдіи въ купечествѣ и цехи въ ремеслахъ уничтожаются, и всякій имѣть право заниматься тѣмъ промысломъ, который онъ считаетъ болѣе выгоднымъ.

Конституція Муравьева устанавливаетъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ первой редакціи это выражено менѣе опредѣленно: «въ судахъ безопасность, жизнь и собственность обезпечиваются присяжными», но во второй редакціи развито подробнѣе: «всякая тяжба, въ которой дѣло идетъ о цѣнности, превышающей фунтъ чистаго серебра (25²⁾ рублей), поступаетъ на судъ присяжныхъ; всякое уголовное дѣло производится съ присяжными» «Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа (подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія; въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается». «Заключенный, если онъ не обвиненъ по уголовному дѣлу, немедленно освобождается, если найдется за него порука»³⁾. Подземелья и крѣпостные казематы и вообще всё, такъ называемыя, государственныя темницы уничтожаются; никто не можетъ быть заключенъ иначе, какъ въ назначенныхъ для этого «общественныхъ темницахъ». Обвиняемые не должны подвергаться заключенію въ однихъ мѣстахъ съ осужденными, заключенные за долги или за легкіе проступки—съ преступниками и злодѣями». Муравьевъ требуетъ, чтобы тюремное начальство избиралось гражданами изъ «людей добросовѣстныхъ», которые отвѣчали бы за всякій противозаконный и безчеловѣчный поступокъ съ заключенными. «Нынешніе полицейскіе чиновники отрѣшаются и замѣняются по выборамъ жителей»⁴⁾

Конституція Муравьева объявляла «право собственности, заключающее въ себѣ однѣ вещи», священнымъ и неприкосновеннымъ. Постановленіе это навѣяно деклараціею правъ (п. 17) съ прибавкою оговорки, имѣющей тотъ смыслъ, что, въ виду уничтоженія крѣпостнаго права и рабства, право собственности не можетъ распространяться на людей⁵⁾.

1) Статья эта навѣяна французскою деклараціею правъ (п. 11) и французскою конституціею 1791 г. (тит. III, гл. V, п. 17 и 18).

2) Далѣе цѣна фунта серебра опредѣлена въ 20 рублей.

3) Три послѣднія статьи заимствованы вполнѣ или отчасти изъ французской конституціи 1891 г. (тит. III, гл. V, п. 9, 11, 12).

4) Четырехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

5) Въ первой редакціи было далѣе сказано, что, земли, принадлежащія церквамъ, остаются навсегда за ними, но во второй это было исключено.

Ненавистныя народу и обществу военныя поселенія по конституціи Н. Муравьева немедленно уничтожаются, причемъ «поселенныя батальоны и эскадроны» съ родственниками рядовыхъ поступаютъ въ званіе «общихъ владѣльцевъ», т. е. уравниваются съ государственными и удѣльными крестьянами.

На основаніи постановленія, что всѣ русскіе равны передъ закономъ, всѣ чины и сословія уничтожаются: «Раздѣленіе людей на 14 классовъ отмѣняется. Гражданскіе чины, заимствованныя у нѣмцевъ и ничѣмъ не отличающіеся между собою, уничтожаются сходственно съ древними постановленіями народа русскаго. Названія и сословія однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ замѣняются всѣ названіемъ гражданина или русскаго».

«Жалованье священно-служителямъ будетъ производиться и впредь»¹⁾; они освобождаются отъ постоянной и подводной повинностей²⁾. При изложеніи своей конституціи, по требованію слѣдственной комиссіи, Н. Муравьевъ упомянулъ, какъ объ общемъ правилѣ, что «въ мирное время безденежный постой войскъ и вниманіе подводъ возбраняются».

Гильдіи и цехи уничтожаются, и граждане получаютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія или утверженія, лишь бы только ихъ дѣйствія не были противозаконны.

Согласно принципамъ англійской конституціи постановлялось, что «никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва называется нарушитель закона, потомъ подписавшій противозаконное повелѣніе».

Конституція Н. Муравьева предоставляла гражданамъ и право петиціи: они «имѣютъ право обращаться со своими жалобами и желаніями къ народному вѣчу, къ императору и къ правительствующимъ сословіямъ державъ» (см. ниже)³⁾.

Устанавливалась также вѣротерпимость: «никто не можетъ быть беспокоиваемъ въ отправленіи своего богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушалъ законовъ природы и нравственности»⁴⁾.

Свобода и правильность выборовъ охранялись слѣдующею статьею конституціи: «Всякій гражданинъ, который бы насиліемъ или подкупомъ нарушилъ свободный выборъ народныхъ представителей, предается суду»⁵⁾.

Изъ введенія къ первой редакціи конституціи мы уже видѣли, что Муравьевъ желалъ обратить Россію въ федерацію. Въ четвертой главѣ онъ устанавливаетъ территоріальное раздѣленіе Россіи „въ

1) На этотъ пунктъ въ первой редакціи сдѣлано замѣчаніе: „жалованье получаютъ только городскіе, сельскіе же имѣютъ земли по 30 десятинъ на причтъ приходскій“.

2) На поляхъ второй редакціи прибавлено: „ого всѣхъ податей“.

3) Трехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи конституціи.

4) Статья эта названа французскою деклараціею правъ.

5) Двухъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ“. Въ первой редакціи такихъ державъ (въ число ихъ царство Польское не входило) предполагалось 14 и двѣ области — Донская и Славянская, въ которой находилась столица всего государства Нижній-Новгородъ¹⁾. Финляндія не составляла по первой редакціи отдѣльной державы. По второй редакціи Россія раздѣлялась на 13 державъ (причемъ Финляндія составляла отдѣльную Ботническую державу) и двѣ области. Державы и области дѣлились на 569 уѣздовъ, или повѣтовъ, а тѣ раздѣлялись на волости отъ 500 до 1500 жителей м. п. Въ судебномъ отношеніи державы дѣлились на округа, равныя тогдашнимъ губерніямъ. Столицею, по второй редакціи, являлась, повидимому, Москва; по крайней мѣрѣ, Муравьевъ называлъ ее столицею при изложеніи своего проекта во время слѣдствія. Остзейскій край составлялъ Балтійскую державу со „столицею“ Ригию, западный край — Западную державу со столицею Вильною, Кавказъ также образовалъ особую державу, Сибирь раздѣлялась на двѣ державы. На мысль о желательности введенія въ Россіи федеративнаго строя, безъ сомнѣнія, навела Н. Муравьева конституція Соединенныхъ Штатовъ, которую онъ вообще во многомъ руководился при составленіи своего проекта.

Административная власть въ уѣздѣ по конституціи Н. Муравьева принадлежитъ тысяцкому²⁾, который выбирается на одинъ годъ гражданами, имѣющими недвижимой собственности на 500 руб. или движимой на 1.000 руб. „Тѣ, которые пользуются землями въ общественномъ владѣніи“, т. е. перечисленные выше разряды крестьянъ, въ отличіе отъ лицъ, имѣющихъ права гражданства по имущественному цензу, пользуются не прямымъ избирательнымъ правомъ, а лишь двухстепеннымъ: не участвуя „каждый лично въ выборѣ тысяцкаго, *народныхъ представителей* и другихъ чиновниковъ“³⁾, они имѣютъ право всѣмъ обществомъ выбрать одного „избирателя“ отъ 500 жителей мужского пола; избиратели, какъ уполномоченные отъ общества, подаютъ голоса наравнѣ съ прочими гражданами⁴⁾. Впрочемъ, каждый изъ „общихъ владѣльцевъ“, имѣющей указанный выше имущественный цензъ, участвуетъ въ выборахъ непосредственно и зато не избираетъ уполномоченнаго отъ общества.

Чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ тысяцкіе, нужно обладать очень крупнымъ имущественнымъ цензомъ, а именно 30.000 руб. въ недвижимомъ имѣніи, или 60.000 руб. въ движимомъ⁵⁾. Въ число

¹⁾ Этотъ городъ и по „Русской Правдѣ“ Пестела дѣлался столицею Россіи.

²⁾ Въ своемъ показаніи во время слѣдствія Н. Муравьевъ пояснялъ, что тысяцкій — то же, что исправникъ.

³⁾ Слово „чиновникъ“ употреблялось тогда въ болѣе широкомъ смѣслѣ, чѣмъ теперь: чиновниками называли и офицеровъ.

⁴⁾ Въ первой редакціи не указанъ размѣръ ценза, необходимаго для участія въ выборахъ тысяцкаго, но пользующіеся землями „въ общественномъ владѣніи“ также устранены отъ прямого участія въ выборахъ тысяцкаго и народныхъ представителей. Это вызвало слѣдующее замѣчаніе: „неравенство правъ и, слѣдовательно, различіе состоянія“.

⁵⁾ Такъ какъ дѣлались указанія на слишкомъ высокой цензъ для тысяцкаго, то,

обязанностей тысяцкаго входить созывъ гражданъ для выбора народныхъ представителей, выборныхъ членовъ думъ державныхъ и проч. и предсѣдательство въ выборныхъ собраніяхъ.

Тысяцкій былъ также обязанъ составлять списки гражданъ, имѣющихъ движимое и недвижимое имущество извѣстной цѣнности. Относительно раздѣленія гражданъ на разряды, первая и вторая редакція проекта Н. Муравьева значительно различаются. Въ первой редакціи сказано, что тысяцкій «дѣляетъ исчисленіе всѣхъ тѣхъ; которые въ уѣздѣ пользуются правами гражданства и раздѣляетъ ихъ на четыре списка»: 1) Гражданъ, имѣющихъ на 500 руб. с. недвижимаго имущества или на 1.000 руб. движимаго; они могутъ быть присяжными и избирателями. 2) Имѣющихъ на 2.000 руб. с. недвижимаго или на 4.000 движимаго имущества; они могутъ кромѣ того быть *народными представителями и членами палаты выборныхъ державныхъ законодательныхъ собраній*. 3) Имѣющихъ на 15.000 руб. с. недвижимаго или на 30.000 движимаго имущества; они могли кромѣ того быть выбраны въ члены державныхъ думъ и въ члены судовъ. 4) Наконецъ, имѣющихъ на 30.000 руб. с. недвижимаго или на 60.000 движимаго имущества; они имѣли право быть выбранными кромѣ того въ члены верховной думы, въ правители державъ, въ *намѣстники правителей державъ*, въ совѣтники и тысяцкіе.

По второй редакціи проекта Н. Муравьева тысяцкій составляетъ два списка гражданъ уѣзда, которые владѣютъ имуществомъ слѣдующаго размѣра: 1) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ на 250 фунтовъ серебра (5.000 руб. с.) или движимымъ на 500 фунтовъ (10.000 руб. с.) могутъ быть присяжными и избирателями; 2) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ на 1.500 фунтовъ серебра (30.000 руб. с.) или движимымъ на 3.000 фун. (60.000 руб.) могутъ быть кромѣ того избраны въ члены верховной думы, правители державъ, *намѣстники державныхъ правителей*, тысяцкіе, члены державныхъ думъ и судовъ и члены совѣтовъ въ державахъ¹⁾. Это постановленіе второй редакціи вызвало замѣчаніе одного изъ читателей проекта: «почему богатство только опредѣляетъ достоинство правителей? Это несогласно съ законами нравственными». Во второй редакціи конституціи Н. Муравьева не установлено имущественнаго ценза для того, чтобы быть народнымъ представителемъ въ палатѣ представителей народнаго вѣча и въ державныхъ палатахъ выборныхъ. Имущественный цензъ для того, чтобы лично быть избирателемъ народнаго представителя, повышенъ сравнительно съ первою редакціею въ 10 разъ. И по второй ре-

---

при изложеніи своего проекта для слѣдственной комиссіи, Н. Муравьевъ понизилъ его вдвое.

¹⁾ Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было менѣе 20 лицъ, имѣющихъ недвижимаго имущества на 30.000 руб. и движимаго на 60.000, дозволялось выбирать на тѣ мѣста, для которыхъ требовался такой имущественный цензъ, и лицъ, приближающихся по своему имуществу къ требуемому состоянію. Всѣ списки должны были быть напечатаны и обнародованы.

дакціи его конституціи, даже въ двухстепенныхъ выборахъ, участвуютъ только крестьяне государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселане. Крѣпостное право, какъ мы знаемъ, уничтожается, однако, бывшіе крѣпостные участія въ выборахъ, хотя бы и чрезъ своихъ уполномоченныхъ, не имѣютъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что по второй редакціи конституціи крѣпостные получали при освобожденіи только дома и огороды и, слѣдовательно, не имѣли земли «въ общественномъ владѣніи»; лишь въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ по требованію слѣдственной комиссіи, Н. Муравьевъ предлагаетъ надѣленіе крестьянъ землею по 2 десятины на дворъ. Какъ бы то ни было, крестьянское население, хотя бы и въ полномъ составѣ, но болѣе половины его, привлекалось къ участию въ выборахъ народныхъ представителей¹⁾. Напротивъ, изъ городского населенія могли участвовать въ выборахъ лишь располагающіе имущественнымъ цензомъ въ указанномъ размѣрѣ, но зато эти выборы были прямые. Такимъ образомъ, по конституціи Н. Муравьева оставалась еще весьма значительная часть сельскаго и городского населенія, не пользовавшаяся правами гражданства.

«Народное вече, состоящее изъ верховной думы и палаты народныхъ представителей», сказано въ конституціи Н. Муравьева, «облечено всею законодательною властью»²⁾, однако, какъ мы увидимъ ниже, оно не могло издавать «конституціонныхъ законовъ», т. е. измѣнять конституцію, и кромѣ того всякое предложеніе, принятое верховною думою и палатою представителей, нуждалось въ одобреніи императора.

Члены палаты представителей избираются на два года³⁾ гражданами державъ изъ лицъ, живущихъ въ это время въ державѣ, по одному представителю на каждые 50.000 жителей муж. пола, не принимая въ расчетъ кочующихъ племенъ⁴⁾. На первые годы было опредѣлено избирать 450 представителей. Если «въ представительствѣ какой-либо державы откроются мѣста» (вакансіи), то исполнительная власть державы немедленно созываетъ избирателей для дополнительныхъ выборовъ. Палата представителей сама избираетъ своего предсѣдателя; она одна имѣетъ право предавать суду сановниковъ имперіи⁵⁾.

Верховная дума, т. е. верхняя палата народнаго вѣча, состоитъ изъ 3 гражданъ отъ каждой державы, 2 отъ Московской области

¹⁾ Ср. *Копенъ*. „Девятая ревизія. Исслѣдованіе о числѣ жителей Россіи въ 1851 г.“ СПб. 1857 г. стр. 215—216, ср 199—200.

²⁾ Вѣроятно, заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (*Брайсъ*, I, 485), „Народное вѣче“ конституціи Н. Муравьева вообще соотвѣтствуетъ конгрессу конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

³⁾ Такой же срокъ установленъ въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и во французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. I, п. 2).

⁴⁾ Въ 1810 г. при выборахъ въ кортеси въ Испаніи также выбирался одинъ депутатъ на 50.000 жит. (*Трачевскій*, I, 170), по конституціи Сѣв.-Америк. Штатовъ 1 на 80.000, по франц. конституціи 1793 г. 1 на 40.000 жителей.

⁵⁾ Статья эта буквально заимствована изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

и одного гражданина отъ Донской области—всего 42 члена¹⁾, которые выбираются не прямыми выборами, а «правительственными сословіями державъ и областей», т. е. палатою выборныхъ и державною думою въ соединенномъ засѣданіи²⁾. Немедленно по прибытіи въ столицу членовъ верховной думы они раздѣляются на 3 разряда, по возможности равные, и треть всей думы обновляется каждые два года новымъ избраніемъ. Если же въ продолженіе двухъ лѣтъ откроются «мѣста» смертью членовъ или ихъ увольненіемъ, то исполнительная власть державъ дѣлаетъ временное назначеніе (если бы это случилось въ такое время, когда «правительственное собраніе» державы распущено), пока это собраніе не сдѣлаетъ окончательнаго назначенія³⁾.

Для того, чтобы быть членомъ верховной думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ, 9 лѣтъ быть гражданиномъ Россіи и жить во время выборовъ въ соотвѣтственной державѣ. Эти условія, какъ и многое другое, заимствованы изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, причемъ «держава» вездѣ соотвѣтствуетъ штату. Дальнѣйшее условіе—требованіе имущественнаго ценза—прибавлено самимъ Н. Муравьевымъ; для избранія въ члены верховной думы нужно было имѣть недвижимаго имущества на 1.500 фунтовъ чистаго серебра (30.000 руб.) или движимаго на 3.000 фунтовъ (60.000 р.). Въ первой редакціи конституціи цензъ для избранія въ члены верховной думы предполагалось назначить четверо болѣе. «Дума избираетъ сама своего предсѣдателя, намѣстника предсѣдателя и прочихъ своихъ чиновниковъ. Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ разсужденій, но не имѣетъ голоса»... Какой-то читатель проекта выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе: «за что лишитъ силы ума достойнаго человѣка, избраннаго думою?» Это объясняется тѣмъ, что по сѣверо-американской конституціи вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ, который долженъ быть предсѣдателемъ сената, не имѣетъ права голоса, за исключеніемъ того случая, когда голоса сенаторовъ раздѣлятся поровну.

Верховной думѣ принадлежитъ право суда надъ министрами, верховными судьями и всѣми прочими сановниками имперіи по обвиненію, возбужденному народными представителями, причемъ обвиненіе должно быть постановлено большинствомъ не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ присутствующихъ членовъ. Дума не назначаетъ наказанія, а только объявляетъ подсудимаго виновнымъ и лишаетъ его занимаемаго имъ мѣста и званія. Судъ надъ виновнымъ совершается обыкновенно судебнымъ порядкомъ съ присяжными по

¹⁾ По конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ сенатъ состоитъ изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, выбранныхъ законодательными собраніями этихъ штатовъ.

²⁾ Въ показаніи во время слѣдствія Никита Муравьевъ говоритъ о 45 членахъ верховной думы, по 2 отъ каждой «области» (онъ, вѣроятно, не хотѣлъ употребить здѣсь слово «держава»).

³⁾ Статья эта буквально заимствована изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

письменному обвиненію, предъявленному верховнымъ бюстителемъ (генераль-прокуроромъ), который подвергается судебной отвѣтственности, если обвиненіе окажется несправедливымъ. «Изобличенный судомъ государственный сановникъ подвергается казни, опредѣленной законами».

«Дума участвуетъ вмѣстѣ съ императоромъ въ заключеніи мира, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и верховнаго бюстителя». Дѣла эти рѣшаются большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ¹⁾.

При составленіи той главы своего проекта, въ которой разсматриваются права и преимущества народнаго вѣча, Н. Муравьевъ сильно пользовался конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Народное вѣче собирается, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, въ первый вторникъ декабря мѣсяца, пока законъ не установитъ другого срока²⁾. Повѣрку правильности выборовъ производятъ сами палаты. Каждая изъ нихъ можетъ наказать своихъ членовъ за ихъ непристойное поведеніе и преступленія, но отнюдь не за ихъ мнѣнія; она можетъ исключить ихъ изъ своей среды лишь по постановленію не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ. «Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ измѣны, преступленія и нарушенія общественнаго порядка нельзя брать подъ стражу членовъ народнаго вѣча ни во время засѣданій, ни на пути ихъ въ столицу, ни во время возвращенія ихъ. Нигдѣ нельзя ихъ тревожить за то, что они говорили каждый въ своей палатѣ, и никто не въ правѣ требовать отъ нихъ объясненія рѣчей³⁾. Членъ палаты, уличенный въ преступленіи, до приговора судебного исключается своею палатою.

Засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по предложенію императора и извѣстнаго числа членовъ (въ палатѣ представителей—50, а въ верховной думѣ—5) засѣданіе объявляется закрытымъ⁴⁾. Женщины и несовершеннолѣтніе до 17-лѣтняго возраста на засѣданія обѣихъ палатъ не допускаются. Каждая палата ведетъ дневныя записки своихъ засѣданій и отъ времени до времени печатаетъ ихъ, исключивъ изъ нихъ то, что рѣшено оставить въ тайнѣ. Мнѣнія членовъ каждой палаты за или противъ какого либо предложенія должны быть записаны въ журналъ по требованію $\frac{1}{3}$ части присутствующихъ членовъ. Члены верховной думы и представители получаютъ за каждый день въ который они присутствовали въ засѣданіи, вознагражденіе, равное 21 золотнику чистаго серебра

¹⁾ Вся эта статья до извѣстной степени навѣяна конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. *Брайсъ*, I, 487, 493.

²⁾ Заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Америк. Штатовъ съ замѣною конгресса народнымъ вѣчемъ и понедѣльника вторникомъ, очевидно, для избѣжанія тягелаго дня.

³⁾ Прибавлено карандашомъ: „тамъ произнесенныхъ“. Все это заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

⁴⁾ Въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ во время слѣдствія, Н. Муравьевъ прибавилъ: „Когда дума разсуждаетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ и трактатахъ, то ея засѣданія всегда должны быть тайныя“.

(5. р. с.). За каждыя 100 верстъ, которыя они проѣзжали отъ своего мѣстожителства и обратно, они получаютъ вознагражденіе, равное 43 зол. сер. (10 р. с.). Опредѣленіе размѣра имущественнаго ценса и денежнаго вознагражденія серебромъ извѣстнаго вѣса объясняется большими измѣненіями курса нашихъ денегъ въ царствованіе Александра I.

Лица, находящіяся на общественной службѣ, не могутъ быть членами ни той, ни другой палаты, пока занимаютъ свою должность, а также въ продолженіи того времени, на которое они избраны, не могутъ быть назначены ни на какую гражданскую должность, которая была учреждена въ то время¹⁾.

Всякое измѣненіе налоговъ или наборъ ратниковъ обсуждается прежде въ палатѣ представителей, и тѣ измѣненія, которыя въ «предложеніяхъ» (т. е. билляхъ) по этому предмету сдѣлаетъ дума, должны быть допущены палатою представителей²⁾. Всякій проектъ закона³⁾ прочитывается три раза въ каждой палатѣ. Между двумя чтеніями должно пройти, по крайней мѣрѣ, 3 дня; послѣ каждаго чтенія происходятъ разсужденія. Послѣ перваго чтенія проектъ закона печатается и раздается всѣмъ присутствующимъ членамъ.

Всякое «предложеніе», принятое думою и палатою представителей, нуждается еще въ одобреніи императора, чтобы получить силу закона. Если императоръ не одобритъ его, то отсылаетъ со своими замѣчаніями въ ту палату, въ которую оно сначала поступило. Если обѣ палаты большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ вновь примутъ предложеніе, то оно становится закономъ. Если императоръ, по прошествіи 10 дней, не возвратитъ представленнаго ему проекта, то послѣдній получаетъ силу закона, за исключеніемъ того случая, когда вѣче въ это время отсрочить свои засѣданія⁴⁾. Проектъ, отвергнутый одною изъ палатъ, можетъ быть вновь представленъ только въ слѣдующій «сѣздъ» народнаго вѣча.

Права народнаго вѣча очень широки, оно можетъ постановлять слѣдующіе законы: 1) Издавать уложеніе гражданское, уголовное, торговое и военное, учрежденія по благотворности и правила судопроизводства и внутренняго управленія присутственныхъ мѣстъ. 2) Въ случаѣ нашествія непріятели или возмущенія объявлять ту или другую область на военномъ положеніи. 3) Обнародовать законъ о всепрощеніи. 4) Распускать правительственныя собранія державъ, если бы они превысили предѣлы своей власти, и назна-

¹⁾ Эти статьи заимствованы изъ Сѣверо-Американской конституціи.

²⁾ Постановленіе относительно предложеній (т. е. биллей) о налогахъ заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Америк. Штатовъ.

³⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи сказано: „Власть предлагать законы имѣютъ министры и члены обѣихъ палатъ. Законъ принимается или отвергается большинствомъ голосовъ“.

⁴⁾ Заимствовано изъ Сѣверо-Америк. конституціи съ замѣною правъ президента правами императора.

чать новые выборы. 5) Объявлять войну¹⁾. 6) Издавать законы относительно сухопутныхъ и морскихъ войскъ, укрѣпленія границъ, набора и внутренней стражи (т. е. милиціи). 7) Устанавливать налоги, дѣлать займы, повѣрять расходы, однимъ словомъ, принимать всѣ финансовыя мѣры. Бюджетъ не можетъ быть утвержденъ болѣе, чѣмъ на два года. 8) Принимать мѣры относительно промышленности и народнаго богатства, почтъ, путей сообщенія и учрежденія банковъ. 9) Покровительствовать наукамъ и искусствамъ, устанавливать право литературной собственности и привилегіи для изобрѣтателей²⁾. 10) Устанавливать порядокъ службъ гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ отрасляхъ управления. 11) Устанавливать регенство вслѣдствіе «тѣлесной или нравственной» болѣзни императора, его кончины или отреченія, или провозглашать совершеннолѣтняго наслѣдника престола императоромъ. 12) Избирать правителей державъ изъ списковъ кандидатовъ, составленныхъ правительствующими собраніями державъ.

Какъ и американскій конгрессъ, народное вѣче не имѣетъ права ни устанавливать «новые конституціонныя законы»³⁾, ни отмѣнять существующіе». «Право измѣнить Уставъ» (т. е. конституцію) «или избрать другое поколѣніе на царство принадлежитъ народному и державному соборамъ⁴⁾, а не народному вѣчу».

Народное вѣче опредѣляетъ общіе налоги и расходы, предоставляя изданіе распоряженій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей, правительствующимъ собраніямъ державъ. До будущихъ установленныхъ народнаго вѣча, подати остаются прежнія, за исключеніемъ того, что 1) мѣщане платятъ подушную подать въ размѣрѣ не болѣе, чѣмъ экономическіе и другіе крестьяне⁵⁾; 2) уплатѣ этой подати подлежатъ только имѣющіе отъ 17 до 60 лѣтъ; 3) подушная подать распространяется на всѣхъ гражданъ, такъ какъ всѣ равны передъ закономъ и обязаны нести однѣ и тѣ же повинности. Отъ времени до времени народное вѣче обнародываетъ подробный отчетъ о приходахъ и расходахъ.

Въ главѣ объ общихъ правахъ Н. Муравьевъ устанавливаетъ вѣротерпимость; въ отдѣлѣ о правахъ вѣча онъ говоритъ уже о полной свободѣ совѣсти: «Народное вѣче не имѣетъ власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо вѣроисповѣданіе или расколъ. Вѣра, совѣсть и мнѣнія гражданъ, пока оныя не обнаруживаются противозаконными дѣйствіями, не подлежатъ власти народнаго вѣча. Но расколъ, основанный на развратѣ или на дѣйствіяхъ противо-

¹⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи прибавлено: „по предложенію министровъ“.

²⁾ Пункты 5—9 навѣяны Сѣверо-Америк. конституціею. Конституція Н. Муравьева предоставляетъ народному вѣчу титулъ его величества.

³⁾ Курсивъ подлинника.

⁴⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи добавлено: „на сей единственно предметъ собираемныя“.

⁵⁾ Авторъ замѣчанія на поляхъ считаетъ болѣе уравнивающимъ обложеніе мѣщанъ промысловымъ налогомъ.

естественныхъ, преслѣдуется на основаніи общихъ постановленій». Свобода слова и печати также подтверждена правиломъ, что «народное вѣче не имѣть власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія». «Народное вѣче не разсуждаетъ въ присутствіи императора, и въ то время не собирають голосовъ ¹⁾. На рѣчи императора предсѣдатели должны отвѣчать, что народное вѣче займется предлагаемыми ему предметами».

Права императора, который «есть верховный чиновникъ Россійскаго правительства», опредѣлены въ главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: 1) Власть его наследственна по прямой линіи отъ отца къ сыну ²⁾. 2) «Онъ верховный начальникъ сухопутной и морской силы» ³⁾. 3) «Онъ верховный начальникъ всякаго отдѣленія земскихъ войскъ, поступающаго въ дѣйствительную службу имперіи». 4) Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами и заключаетъ мирные трактаты съ совѣта и согласія верховной думы, но не можетъ безъ согласія народнаго вѣча влючать въ нихъ условія о нападеніи на какую-либо страну и не можетъ уступить никакого участка земель, принадлежащихъ Россіи. 5) Назначаетъ посланниковъ и консуловъ, а также чиновниковъ, о которыхъ не упоминается въ этомъ Уставѣ. 6) Назначаетъ судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ съ совѣта и согласія верховной думы. 7) Временно, до окончанія ближайшаго сѣзда думы, замѣщаетъ всѣ мѣста, сдѣлавшіяся свободными въ то время, когда народное вѣче было распущено. 8) Назначаетъ главъ приказовъ (т. е. министерствъ)—казначейскаго (министерства финансовъ), сухопутныхъ силъ (военнаго), морскихъ силъ (морского) и внѣшнихъ сношеній. 9) Доставляетъ народному вѣчу свѣдѣнія о состояніи Россіи и предлагаетъ на его обсужденіе принятіе мѣръ, которыя считаетъ необходимыми. 10) Имѣетъ право созывать обѣ палаты. 11) «Не можетъ употреблять войска» внутри «Россіи въ случаѣ возмущенія, не сдѣлавъ о томъ предложенія народному вѣчу, которое немедленно обязано удостовѣрится посредствомъ слѣдствія въ необходимости военнаго положенія». 12) Если бы обѣ палаты не пришли къ согласенію относительно времени отсрочки ихъ засѣданій, то можетъ отложить ихъ,

¹⁾ Заимствовано изъ французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. III, отд. IV. п. 8).

²⁾ Далѣе, въ этомъ пунктѣ сказано: „но отъ тестя она переходитъ къ зятю“. Вѣроятно, тутъ описка и слѣдуетъ читать: „отъ тестя она не переходитъ къ зятю“, такъ какъ далѣе говорится, что „женщины не слѣдуютъ императорской власти“ (заимствовано изъ французской конституціи 1791 г.), „и не доставляютъ никому на одну права посредствомъ брака: общество людей свободныхъ не есть отчина и не можетъ служить вѣномъ. Императорское званіе учреждено наследственнымъ для удобства, а не потому, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достоинствомъ. Итакъ, по пресѣченіи мужскаго поколѣнія, народъ учреждаетъ видъ правленія или приступить къ избранію другого семейства. Право сіе было провозглашаемо и признано даже тѣми императорами Россійскими, которые почитали себя источниками всякой власти и, слѣдовательно, не предполагали никакой власти въ народѣ“.

³⁾ Противъ этого пункта написано карандашомъ, но потомъ зачеркнуто: „худо вѣрять такую силу такому человѣку, съ которымъ надобно быть въ безпрестанной борьбѣ“.

но не болѣе, какъ на 3 мѣсяца. 13) Имѣть титулъ его императорскаго величества, но выраженія: „именное повелѣніе, высочайшее соизволеніе, быть посему“ и т. п. уничтожаются, какъ „неприличныя и неимѣющія никакого значенія въ землѣ благоустроенной“. 14) При вступленіи въ правленіе приносить посреди народнаго вѣча присягу въ томъ, что будетъ сохранять и защищать конституцію ¹⁾.

„Кабинетъ ²⁾ уничтожается; ясакъ сибирскихъ инородцевъ и всѣ, такъ называемыя, регалии поступаютъ въ общественное казначейство, но императоръ получаетъ на содержаніе свое и своего семейства ежегодно изъ общественнаго казначейства сумму, равную 2.000.000 р. с., въ которой онъ никому не обязанъ давать отчета. Члены императорскаго семейства не отличаются отъ частныхъ лицъ и не пользуются никакими правами и преимуществами. „Такъ называемый, дворъ не можетъ имѣть существованія, признаннаго законами, въ землѣ, благоустроенной“. Поэтому императоръ можетъ имѣть лицъ, носящихъ придворное званіе, но они не считаются на общественной службѣ и не получаютъ никакого вознагражденія изъ общественнаго казначейства, а императоръ можетъ давать имъ жалованье изъ денегъ, ему отпускаемыхъ ³⁾. Сверхъ того придворные лишаются „правъ гражданства, т. е. права избирать и преимущества быть избраннымъ въ общественную должность“ на то время, пока они такимъ образомъ находятся въ „частномъ услуженіи“.

Русское общество сильно негодовало на частыя поѣздки императора Александра I за границу. Гр. С. Р. Воронцовъ еще въ 1802 г., по поводу путешествія государя въ Пруссію, въ бесѣдѣ съ гр. П. А. Строгановымъ, сказалъ: „Послѣдній изъ нашихъ подданныхъ знаетъ, что всѣ государи прѣзжали къ покойной императрицѣ, а теперь русскій императоръ ѣдетъ къ другимъ государямъ“. Затѣмъ Воронцовъ прибавилъ: „лучше, чѣмъ сказать по большимъ дорогамъ, онъ употребилъ бы свое время на изученіе тѣхъ полезныхъ преобразованій, какія нужно произвести“ ⁴⁾. Но „скачка“ императора Александра I по большимъ дорогамъ продолжалась во все его царствованіе, а мысль о вредѣ ея для государства проникла и въ средніе классы: на эту тему открыто разсуждали въ началѣ 1820-хъ годовъ купцы гостинаго двора. Поэтому Н. Муравьевъ, желая положить предѣлъ этимъ вѣчнымъ разѣздамъ, подробно мотивировалъ запрещеніе императору покидать свое отечество. Одною изъ причинъ этого запрещенія было то, что „въ

¹⁾ Многіе пункты относительно правъ и обязанностей императора составляютъ сколокъ съ постановленій о президентѣ Соединенныхъ Штатовъ.

²⁾ Учрежденіе, завѣдающее собственностью государя и принадлежащее теперь къ министерству двора.

³⁾ Это постановленіе, вѣроятно, навѣяно правиломъ французской конституціи 1791 г., что король можетъ имѣть наемную стражу, но „оплачиваемую изъ средствъ гражданскаго листа“. (Тит. III, гл. II, секд. I, п. 12).

⁴⁾ *Вел. Князь Николай Михайловичъ*. „Гр. П. А. Строгановъ“, II, 276.

отдаленіи изъ отечества императоръ можетъ слѣдовать внушеніямъ иностранныхъ завистниковъ и сдѣлаться орудіемъ ихъ злоумышленій“ (вѣроятно, намекъ на пагубное вліяніе Меттерниха на императора Александра I)¹⁾. Выздъ императора изъ Россіи долженъ былъ считаться оставленіемъ ея навсегда и отреченіемъ отъ своего званія²⁾.

Безуміе имп. Павла заставило Н. Муравьева установить въ своей конституціи правила о регентствѣ. Если министры объявятъ о тѣлесной или „нравственной неспособности“ императора и она будетъ признана народнымъ вѣчемъ, его наслѣдникъ, достигшій совершеннолѣтія (18 лѣтъ), занимаетъ мѣсто временнаго правителя (регента), если это временный недугъ, и мѣсто императора, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Если же наслѣдникъ несовершеннолѣтенъ, то мѣсто „правителя Россіи“ занимаетъ предсѣдатель верховной думы, уступая свое прежнее званіе намѣстнику. Затѣмъ, черезъ каждые 4 года, избирается новый правитель: первый разъ думою изъ палаты представителей, во второй—палатою представителей изъ среды верховной думы, и такъ до совершеннолѣтія наслѣдника. Если бы болѣзненный припадокъ или кончина императора случились въ такое время, когда народное вѣче распущено, то главы приказовъ обязаны, подъ своею отвѣтственностью, созвать немедленно обѣ палаты или, по крайней мѣрѣ, верховную думу.

Императоръ подписываетъ только мирные трактаты, отчеты о состояніи Россіи, представляемые народною вѣчу, предложенія законовъ, грамоты посланникамъ и чиновникамъ и законы, утвержденные народнымъ вѣчемъ. Всѣ остальные бумаги подписываютъ главы приказовъ, каждый по своей части, а иногда всѣ вмѣстѣ, когда дѣло идетъ о постановленіи общемъ для всѣхъ, или когда они подаютъ свое мнѣніе вѣчу. Всѣ гражданскіе чиновники, главы приказовъ, временный правитель и проч. могутъ быть лишены своихъ должностей, если, вслѣдствіе обвиненія палатою представителей, они будутъ уличены думою въ измѣнѣ, расхищеніи общественной казны или какомъ-нибудь преступленіи, или если окажутся неспособными къ исполненію своей должности³⁾. При изложеніи правъ и обязанностей русскихъ людей Муравьевъ уже установилъ правило, что никто не можетъ оправдываться приказаніемъ начальства: „сперва наказывается нарушитель закона, потомъ

¹⁾ Читатель, видимо, сочувствовавшій этому постановленію и безъ сомнѣнія имѣвшій въ виду то, что русскія арміи выходили при имп. Александрѣ I изъ предѣловъ Россіи, сдѣлалъ такой выходъ изъ приведеннаго постановленія: „слѣдственно, императоръ не можетъ быть главнымъ начальникомъ“ войска.

²⁾ Запрещеніе императору выѣзжать за предѣлы государства могло быть заимствовано изъ испанской конституціи. *Гервинусъ*, „Исторія XIX вѣка“, т. II, 1863 г., стр. 112. Во французской конституціи 1791 г сказано: „если бы король, выѣхавъ изъ королевства, не вернулся въ него послѣ приглашенія законодательнаго корпуса въ опредѣленный въ прокламаціи срокъ, который не можетъ быть менѣе 2 мѣсяцевъ, онъ считается отречшимся отъ престола“ (тит. III, гл. II, отд. I, п. 7).

³⁾ Въ изложеніи для слѣдственной комиссіи это выражено такимъ образомъ: „министры отвѣтствуютъ за всякое противозаконное велѣніе, ими подписанное“.

подписавшій противозаконное повелѣнiе“. Далѣе это общее правило примѣняется ко всѣмъ „чиновникамъ исполнительной власти“, такъ какъ „въ гражданскомъ быту слѣное повиновенiе не можетъ быть допущено“. „Императоръ не подлежитъ сужденiю; если же онъ лично совершилъ какое-либо преступленiе, за которое никто другой не подлежитъ отвѣтственности“, то народное вѣче приписываетъ это нравственному недугу и учреждаетъ посредствомъ особаго закона регентство.

Перехода къ установленiю «внутреннихъ властей» и «правительствъ» державъ, Н. Муравьевъ говоритъ, что «правительство каждой державы состоитъ изъ трехъ отдѣльных, независимыхъ другъ отъ друга властей, но содѣйствующихъ къ одной цѣли, а именно *правительствующей*, ¹⁾ исполнительной и судной».

Правительствующая власть каждой державы поручена правительствующему собранiю, которое, какъ и народное вѣче, состоитъ изъ двухъ палатъ: «палаты выборныхъ» и «думы» ²⁾. Правительственное собранiе засѣдаетъ въ столичномъ городѣ державы.

Палата выборныхъ составляется изъ членовъ, избираемыхъ гражданами на одинъ годъ.

Въ первой редакцiи конституцiи для того, чтобы быть «выборнымъ», т. е. членомъ палаты выборныхъ въ какой-либо державѣ, требовался имущественный цензъ: недвижимаго имущества на 2.000 р. или движимаго на 4.000 р. с. По второй редакцiи, — чтобы быть «выборнымъ» (также какъ и для того, чтобы быть членомъ палаты народныхъ представителей), имущественнаго ценза не требовалось. Одинъ «выборный» избирался на каждые 10.000 жителей, такъ что въ правительствующихъ собранiяхъ разныхъ державъ и областей (по второй редакцiи конституцiи) было отъ 15 до 350 выборныхъ.

Державная дума составляется изъ членовъ, избранныхъ на 4 года тѣми же избирателями, которые избираютъ и членовъ палаты выборныхъ этой державы, и на тѣхъ же избирательныхъ собранiяхъ. Ежегодно изъ состава думы выходитъ по жребiю четвертая часть членовъ, которая замѣщается выбранными вновь. Чтобы быть членомъ думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и владѣть недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 15.000 р. или движимымъ въ 30 000 р. с. Число членовъ державной думы приблизительно втрое меньше числа членовъ палаты выборныхъ.

Правительствующее собранiе ³⁾ собирается 2 раза въ годъ. За каждый день засѣданiя члены палатъ получаютъ по 8 золотниковъ серебра (2 р. с.). Къ правительствующимъ собранiямъ примѣняются многiя правила, установленныя для народнаго вѣча. Собранiя эти имѣютъ право: 1) Дѣлать постановленiя относительно внутренняго

¹⁾ Въ первой редакцiи вмѣсто слова „правительствующий“ употребляется терминъ „законодательный“.

²⁾ Напомнимъ, что нижняя палата народнаго вѣча должна была называться „палатою народныхъ представителей“, а верхняя палата — „верховною думою“.

³⁾ Иногда оно называется „правительнымъ“.

управленія державъ и вообще всякія «сообразныя съ симъ Уставомъ». 2) Устанавливать налоги «для собственнаго управленія каждой державы» и ея потребностей, какъ-то: дорогъ, каналовъ, строеній, издержекъ на правительствующее собраніе, плату чиновникамъ исполнительной власти, на судебную часть и проч. ¹⁾ 3) Учредить всякаго рода общественныя и учебныя заведенія и проч. Наконецъ, правительствующее собраніе имѣетъ право просить народное вѣче о созывѣ народнаго собора для измѣненія конституціоннаго устава ²⁾.

Исполнительная власть каждой державы поручается державному правителю, его намѣстнику и совѣту. Чтобы быть намѣстникомъ, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и имущество недвижимое на 30.000 р. или движимое на 60.000 р. с. Правители избираются народнымъ вѣчемъ на 3 года изъ списковъ кандидатовъ на это званіе, составленныхъ правительствующими собраніями державъ. Выборъ этотъ производится въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ народнаго вѣча и утверждается императоромъ. Въ число обязанностей правителя державъ входитъ: 1) Отсрочка засѣданія обѣихъ палатъ, если онѣ сами не придутъ относительно этого къ соглашенію, но не болѣе, какъ на 90 дней. 2) Начальствованіе надъ «земскимъ войскомъ своей державы». (Однако же, онъ не можетъ безъ согласія правительствующаго собранія посылать это войско за предѣлы державы и велѣть ему дѣйствовать противъ жителей, въ случаѣ ихъ возмущенія, пока правительствующее собраніе не издастъ закона объ объявленіи державы на военномъ положеніи). 3) Назначеніе,

¹⁾ „Общіе налоги для содержанія войска сухопутнаго и морского, крѣпостей, почты, связей съ иностранными государствами, вознагражденіе членовъ народнаго вѣча“, платя высшимъ чиновникамъ, проведенія сообщений, превышающихъ мѣстныя средства, „однимъ словомъ, для всѣхъ нуждъ и потребностей всей общины Россійской, назначаются народнымъ вѣчемъ“.

²⁾ Далѣе, въ первой редакціи слѣдовала статья, во второй исключенная: „Никакая держава не имѣетъ права: 1) заключать какой-либо союзъ, договоръ или трактатъ не только съ иностранными государствами, но даже и съ другою державою Россійскаго Союза; 2) заключать миръ или объявлять войну; 3) чеканить монеты; 4) раздавать титулы дворянства и учреждать знаки отличія; 5) налагать податей на ввозъ товаровъ безъ согласія и позволенія народнаго вѣча; 6) содержать въ мирное время войска или вооруженныхъ кораблей безъ позволенія верховнаго народнаго вѣча; 7) начинать войну, непріязненныя дѣйствія, развѣ въ случаѣ непріятельскаго нашествія и когда опасность такъ близка, что никакое медленіе не можетъ быть допущено; 8) отправлять пословъ и депутацій подъ какимъ бы то предлогомъ ни было и входить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными правительствами“. Почти вся эта статья была заимствована изъ конституціи Северо-Американскихъ Штатовъ. Исключены были еще двѣ статьи первой редакціи. Въ одной изъ нихъ было, между прочимъ, сказано: „Пользующійся званіемъ гражданина въ одной державѣ долженъ быть признанъ гражданиномъ и во всѣхъ прочихъ. Евреи могутъ пользоваться правами гражданъ въ мѣстахъ, нынѣ ими заселенныхъ, но свобода имъ селиться въ другихъ мѣстахъ будетъ зависѣть отъ особыхъ постановленій верховнаго народнаго вѣча“. Такимъ образомъ, евреямъ, въ отличіе отъ польской конституціи 1815 г. и проекта Новосильцова, предполагалось предоставить политическія права въ чертѣ ихъ осѣлости, но рѣшить, можно ли уничтожить эту черту и разрѣшить евреямъ право повсемѣстнаго жительства, могло только народное вѣче. Возможность такого ограниченія правъ евреевъ была исключена во второй редакціи.

по представленію своего совѣта, державнаго блюстителя законовъ, державныхъ судей и другихъ чиновниковъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ списокъ. Державный намѣстникъ и члены державнаго совѣта избираются на три года въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ державы большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ; условия выбора тѣ же, что и для правителя державы.

V.

Мы изложили все то изъ конституціи Н. Муравьева, что было имъ обработано. Впрочемъ, нѣкоторыя черты второй редакціи его проекта (напримѣръ, его взгляды на крестьянскій вопросъ) подверглись дальнѣйшему развитію. Возможно, что онъ набросалъ вчернѣ свои предположенія относительно устройства судебной части, по крайней мѣрѣ, онъ подробно изложилъ ихъ для слѣдственной комиссіи; но нужно замѣтить, что ни подлинника, ни копии этихъ предположеній (кромѣ того, что было рассказано составителемъ на допросѣ) не сохранилось (вѣроятно, эта часть проекта въ обращеніе не поступала) и что, по словамъ самого Муравьева, его конституція не была закончена. Нарышкинъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ: «Никита Муравьевъ писалъ тогда конституцію, но она не была принята положительно обществомъ»¹⁾.

Нѣкоторымъ членамъ тайнаго общества, и всего болѣе Пестелю, конституція Муравьева не нравилась тѣмъ, что устанавливала слишкомъ высокой цензъ. Самъ Н. Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «Конституцію мою я читалъ только старѣйшимъ членамъ Сѣвернаго общества, и мнѣ казалось, что она была согласна съ ихъ образомъ мыслей. Ее отвергало Южное общество и Пестель, находя, что она узаконяла аристократію».

Пестель въ одномъ изъ первыхъ показаній въ Петербургѣ заявилъ: «Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны, или предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была dokonчена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было, и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была, такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ. Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась», потому что не одобрили «два главные основанія» ея. Пестель, высказываясь за самостоятельное существованіе Польши съ присоединеніемъ къ ней части Западной Россіи, относительно остальной Россіи проявлялъ централистскія стремленія; поэтому, указавъ на то, что у Н. Муравьева «предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ

¹⁾ Александръ Бестужевъ въ письмѣ къ государю изъ крѣпости говоритъ, что конституція Н. Муравьева „была не что иное, какъ опытъ“.

областяхъ Америки», онъ замѣчаетъ, что «это походило на древнюю удѣльную систему ¹⁾ и потому пагубнымъ казалось». А между тѣмъ раздѣленіе Россіи по проекту Муравьева на 13 державъ и 2 области не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ удѣльною системою. Напротивъ, другое замѣчаніе Пестеля совершенно справедливо. «Второе основаніе» (конституціи Муравьева) «состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для высшихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляла многихъ, а въ томъ числѣ и меня, противу его конституціи сильно спорить». Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ показаній (13 января 1826 г.) Пестель говоритъ о Н. Муравьевѣ: «Онъ доставилъ ко мнѣ часть конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ не потому, чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 г. одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». Значительно позднѣе (1 апрѣля 1826 г.) Пестель далъ еще болѣе опредѣленное показаніе по этому предмету: онъ заявилъ, что кн. Волконскій привезъ ему конституцію, начатую Муравьевымъ, «о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ ради вновь вступающихъ членовъ: *comme un rideau derrière lequel nous fortons nos colonnes*, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 г.», продолжаетъ Пестель, «писалъ я съ Давидовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей». При свиданіи Пестеля съ Муравьевымъ во время пріѣзда перваго въ Петербургъ въ 1824 г. Никита Муравьевъ, по словамъ Пестеля, опять говорилъ, что придастъ монархическія формы своей конституціи «ради вновь вступающихъ членовъ». Рылѣевъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости этого заявленія Пестеля: «Не полагаю», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ показаній, «чтобы Никита Муравьевъ далъ своей конституціи формы монархическія единственно для вновь вступающихъ членовъ, ибо онъ всегда былъ того мнѣнія, что въ Россіи императоръ необходимъ». Однако, Н. Муравьевъ, по его словамъ, дѣйствительно заявлялъ своимъ товарищамъ въ думѣ Сѣвернаго общества, что въ Южномъ обществѣ «у Пестеля принята всѣми

---

¹⁾ Въ другомъ, поднѣйшемъ показаніи Пестель увѣряетъ, что «мѣстныя правительства» въ державахъ «такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховой власти посему почти ничего не оставалось». Последнее утвержденіе несправедливо: центральному законодательному учрежденію было предоставлено широкое поле дѣятельности.

республика», что «явное противорѣчіе Пестелю произведетъ отторженіе Южнаго общества» и что «должно успокоить Пестеля увѣреніемъ, что представительныя понятія служатъ намъ одною завѣсою».

По словамъ Рылѣва, кн. Трубецкой полагалъ, что главнымъ препятствіемъ къ соединенію Сѣвернаго и Южнаго обществъ была конституція Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю, потому что совершенно противорѣчила его образу мыслей. Рылѣвъ держался того мнѣнія, что тайныя общества въ правѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ «неудобнымъ для своего отечества, и потомъ тотъ государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обѣихъ обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Насильное же «введеніе» его Рылѣвъ почиталъ «нарушеніемъ правъ народа». Съ этимъ были согласны всѣ члены совѣщанія, собравшагося у Рылѣва во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, по вопросу о соединеніи обѣихъ обществъ; изъ нихъ Рылѣвъ называетъ Н. И. Тургенева, Митькова, Трубецкого, Муравьева и Оболенскаго. Въ письмѣ къ имп. Николаю 16 декабря 1825 г. Рылѣвъ также говоритъ: «Приговору Великаго Собора положено было беспрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить народному Собору, какъ проектъ». Очевидно, таково мнѣніе наиболѣе видныхъ членовъ Сѣвернаго общества. Рылѣвъ совѣтовалъ Н. Муравьеву сдѣлать въ его проектѣ нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь конституціи Соединенныхъ Штатовъ, сохранивъ однако же монархическое устройство.

Н. Муравьевъ показалъ, что во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г. у нихъ былъ споръ относительно конституціи. Н. Муравьевъ заявилъ ему, что, окончивъ эту работу, онъ намѣренъ распространять ее повсюду, какъ произведеніе неизвѣстнаго, и принимать въ общество всѣхъ тѣхъ, кто будетъ на нее соглашаться. Желательно, прибавилъ Муравьевъ, чтобы она обращалась и внѣ общества, такъ какъ «мы можемъ достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія».

По собственному показанію Н. Муравьева, его дальнѣйшія предположенія состояли въ слѣдующемъ. Онъ желалъ: 1) распространить «между всѣми состояніями людей» множество экземпляровъ своей конституціи, лишь только она имъ будетъ окончена. 2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и обнародовать ее. 3) «По мѣрѣ успѣховъ военныхъ» (т. е. распространенія возстанія) во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ созыву избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ правленій, учрежденію областныхъ (т. е. державныхъ) палатъ, а въ случаѣ «великихъ успѣховъ—и народнаго вѣча. 4) Если бы и тогда императорская фамилія не приняла

конституціи, то, какъ крайнее средство, онъ предполагалъ изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго правленія ¹⁾).

Извѣстно, что конституцію Муравьева читали кн. Трубецкой, Рыльевъ, И. И. Пущинъ, баронъ Штейнгель, Н. А. Бестужевъ, Торсонъ, кн. Одоевскій, Нарышкинъ, Кашкинъ и, конечно, многіе другіе: мы приводили выше показаніе автора проекта, что его конституція «находилась нѣкоторое время у каждаго изъ главныхъ членовъ» общества. Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ экземпляровъ двухъ сохранившихся ея редакцій, мы уже привели. Кроме того, есть еще особая записка съ замѣчаніями на проектъ конституціи Н. Муравьева, на которыхъ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ они представляютъ интересный матеріалъ для изученія политическихъ идей того времени.

Неизвѣстный авторъ замѣчаній—человѣкъ образованный, знакомый съ англійскою конституціею и съ французскимъ государственнымъ строемъ. Нельзя, однако, предполагать, что эта записка составлена Н. И. Тургеневымъ, такъ какъ и гораздо позднѣе, въ своей книгѣ «La Russie et les Russes», вышедшей въ свѣтъ въ 1847 г., онъ защищаетъ однопалатную систему, между тѣмъ какъ авторъ записки—сторонникъ учрежденія двухъ палатъ. Къ тому же Тургеневъ умѣлъ лучше, чѣмъ авторъ записки, излагать свои мысли.

Первое замѣчаніе въ упомянутой запискѣ направлено противъ устройства верховной думы. Мы видѣли, что по конституціи Н. Муравьева члены верховной думы избирались въ державахъ такимъ же образомъ, какъ и члены палаты представителей, съ тѣмъ только различіемъ, что для того, чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, по второй редакціи не было установлено никакого ценза, а чтобы сдѣлаться членомъ верховной думы, нужно было имѣть высокой имущественный цензъ, т. е. обладать недвижимымъ имуществомъ на 30.000 или движимымъ на 60.000 рублей. Авторъ записки начинаетъ съ указанія на то, что въ разсматриваемомъ имъ проектѣ нижней палаты предоставляется право обвинять министровъ, но разсматривать обвиненія должна верхняя палата, и въ случаѣ осужденія она одна имѣетъ право отрѣшить высшихъ государственныхъ чиновниковъ отъ должности и отдать ихъ подъ судъ. Предложеніе закона нижней палатою поступаетъ на разсмотрѣніе верхней. По этому поводу авторъ замѣчаній говоритъ:

„Предполагается, что члены верхней палаты должны имѣть болѣе свѣдѣній въ государственныхъ дѣлахъ, дабы могли судить поступки человѣка, исполняющаго столь важную государственную должность, какъ министръ, а сіе доказываетъ, что члены верхней палаты должны быть избраны изъ людей, извѣстныхъ по уму, опытности въ государственныхъ должностяхъ и любви къ отечеству... Но какъ выборъ членовъ въ обѣ палаты предоста-

---

¹⁾ По показанію А. Бестужева, Рыльевъ говорилъ ему, что „въ думѣ нѣкоторые члены предлагаютъ ввести республиканскую форму правленія въ Россіи, но что это еще одно предположеніе и не извѣстно, будетъ ли принято“. Торсону Рыльевъ говорилъ о вывозѣ императорской фамиліи за границу на корабляхъ, если она не согласится на введеніе конституціи, и о введеніи республиканскаго правленія.

влень обществомъ на державныхъ сходахъ (sic) ¹⁾, то предлежитъ вопросъ, какъ убѣдить гражданъ, чтобы они, справедливо оцѣня достоинства чело-вѣка, предназначили его по способностямъ засѣдать въ той или другой палатѣ, — какъ предупредить, чтобъ купецъ или мужикъ съ большимъ богатствомъ не вошелъ въ сонмъ верховныхъ судей, тогда какъ умнѣйшему, опытнѣйшему и посѣдѣвшему въ государственныхъ дѣлахъ чело-вѣку дверь въ палату останется закрытою (потому только, что онъ не имѣетъ доста-точного для сего капитала). Тогда и подрядчику ²⁾ возможно будетъ судить министра, не постигая истинъ правленія; какъ предупредить, что на вы-борахъ по пристрастію не исключили изъ членовъ высшей палаты чело-вѣка достойнаго и не вмѣстили бы невѣжду. Конечно, никто не можетъ доказать, чтобъ мужикъ не былъ способенъ разсуждать, но многие ли изъ нихъ мо-гутъ занять мѣсто столь важное, и что послѣдуетъ изъ верхней палаты, если въ оной половина членовъ будетъ собрана изъ людей только богатыхъ, а не такихъ, которые своимъ умомъ, добродѣтелями, опытностью и любовью къ отечеству должны представить собою римскій сенатъ во времена Пирра. Сравненіе гражданъ даетъ ³⁾ одинаковое право на засѣданіе въ обѣихъ палатахъ, и если въ члены высшей палаты не выбирать по сказаннымъ достоинствамъ, тогда въ чемъ будетъ разность между двухъ палатъ, по существу столь различныхъ; въ такомъ случаѣ оной не будетъ, и не должно давать преимущества членамъ одной судить другую. Для чего предоста-влять разсматривать одной здравость сужденія другой, когда члены ихъ равны, и, быть можетъ, еще глупѣйшему достанется судить благоразумнаго. Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ существованіи двухъ палатъ (ибо переносомъ дѣлъ въ верхнюю только увеличится продолжительность хода дѣлъ). Тогда всѣ сужденія могутъ производиться въ одной палатѣ⁴⁾.

Изъ дальнѣйшаго однако видно, что авторъ замѣчаній не про-тивъ двухпалатной системы, а только противъ предложеннаго Н. Муравьевымъ способа образованія верхней палаты:

„Всякая сила для равновѣсія требуетъ противувѣсія; посему существо-ваніе одной палаты было бы неудобно, и потому предполагаютъ противу-положить низшей палатѣ высшую, которая хладнокровно и основательно должна разсматривать иногда пылкія и не всегда справедливыя требованія низшей палаты; сіи разсужденія, рождая мысль, что члены высшей палаты должны состоять изъ людей отличныхъ по уму, заслугамъ, испытанныхъ подъ бременемъ государственныхъ должностей и преданныхъ своей отчизнѣ, заставляютъ предполагать, что не справедливѣ ли будетъ, если въ члены верховной палаты единожды, по общему выбору, назначить людей съ помя-нутыми качествами, помѣста въ оныя нѣкоторыхъ, хотя бѣдныхъ, но заслу-женныхъ, и, опредѣляя ихъ число, постановить закономъ, чтобъ впредъ числа сего безъ согласія обѣихъ палатъ не убавлять и не прибавлять; что императоръ и каждая палата можетъ предлагать въ члены на вышлыя мѣста, но, чтобъ быть избрану, должно согласіе трехъ властей. Палата сія составитъ изъ людей извѣстныхъ и будетъ лавровымъ вѣнкомъ для гра-

¹⁾ По конституціи Н. Муравьева, члены верхней палаты, т. е. верховной думы, выбираются въ соединенномъ засѣданіи державной думы и державной палаты выбор-ныхъ, а члены палаты народныхъ представителей прямыми выборами. Члены же обѣихъ державныхъ палатъ выбирались однако на державныхъ сходахъ.

²⁾ Лица, принявшія на себя подряды и поставки на общественныя нужды, до исполненія ихъ не могли быть, по конституціи Муравьева, представителями, относи-тельно же членовъ верхней думы этого ограниченія сдѣлано не было.

³⁾ То есть можно было бы давать, по конституціи же Н. Муравьева, чтобы по-пасть въ члены верхней палаты, полагалось имѣть высокой имущественный цензъ, а чтобы пользоваться правомъ быть выбраннымъ въ нижнюю палату, нужно было по первой редакціи конституціи имѣть низшій цензъ, а по второй—его вовсе не тре-бовалось.

жданъ отличныхъ добродѣтелей; она, не намѣняясь по волѣ богачей наемными голосами, не вмѣстить и не потерпѣть въ сонмѣ своемъ невѣждъ и тогда только будетъ твердымъ оплотомъ между деспотизма и своеволюства. Но если кто изъ членовъ ея сдѣлается подозрительнымъ, тогда члены нижней палаты должны его, подобно министрамъ, обвинять и требовать суда⁴.

Такимъ образомъ, авторъ замѣчаній предлагаетъ, вмѣсто того, чтобы выбирать членовъ верхней палаты на 6 лѣтъ изъ числа лицъ, обладающихъ высокимъ имущественнымъ цензомъ, не требовать при выборахъ ценса. Онъ желаетъ, чтобы, избравъ членовъ верхней палаты въ первый разъ «общими выборами», предоставить дальнѣйшій выборъ соответственной палатѣ, съ согласія другой и императора, изъ лицъ хотя бы и бѣдныхъ, и притомъ не увеличивать числа членовъ верхней палаты безъ согласія обѣихъ палатъ¹). Разъ избранные остаются членами палаты пожизненно, если не лишатся своего званія по приговору суда; отданы подъ судъ они могли быть по требованію нижней палаты.

Почти въ самомъ началѣ излагаемыхъ замѣчаній, послѣ указація на право верхней палаты судить министровъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ и обсуждать «предложенія законовъ» (т. е. билли), внесенныя на ея разсмотрѣніе нижней палатою, далѣе сказано: «Во время отсутствія депутатовъ должно оставаться въ столицѣ для совѣщаній по 3 депутата верхней палаты изъ каждой державы». Дѣлая это предложеніе, авторъ замѣчаній, очевидно, имѣлъ въ виду большой количественный составъ верхней палаты, такъ какъ по проекту Н. Муравьева предполагалось всего 42 члена верховной думы. Если бы авторъ замѣчаній желалъ оставить въ верховной думѣ такое же число членовъ, какъ въ проектѣ Н. Муравьева, а не предполагалъ увеличить его, то проще было бы сказать, что при распущеніи нижней палаты вся верхняя продолжаетъ засѣдать. А между тѣмъ онъ далѣе говоритъ: «Присутствіе въ столицѣ нѣкоторыхъ членовъ высшей палаты полезно еще и потому, что они могутъ надзирать за исполненіемъ правосудія, и имъ должно вмѣнить въ обязанность ходатайствовать по жалобамъ, изъ державъ подаваемымъ». Авторъ замѣчаній предлагаетъ также, чтобы въ столицѣ оставалось на время распущенія палатъ и нѣкоторое число членовъ нижней палаты; они, «получивъ какую-либо жалобу, должны настаивать у министровъ (при помощи членовъ высшей палаты) о удовлетвореніи притѣсненныхъ». Кроме того, онъ полагаетъ, что остающіеся въ столицѣ члены обѣихъ палатъ могутъ замѣнить сенатъ и «верховный» (т. е. государственный?) совѣтъ.

Не развивая этой мысли, авторъ замѣчаній дѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

„Имъ, т. е. членамъ верхней и нижней палаты, временно пребывающимъ въ столицѣ, должно дать право разрѣшать министровъ сдѣлать новый

¹) Извѣстно, что въ Англіи король имѣетъ возможность вліять на направленіе дѣятельности верхней палаты назначеніемъ въ нее членовъ по своему усмотрѣнію.

наборъ войскъ или наложить какую-либо подать, когда непредвидѣнные обстоятельства, не терпяція отсрочиванія до сѣзда палатъ, потребуютъ ихъ вспомошествованій; имъ дать право разрѣшать министровъ и тогда, если бы сіи потребовали помощи депутатовъ, не объявляя причинъ, которыя до времени должны быть въ секретѣ; но въ такомъ случаѣ по прошествіи срока (опредѣленнаго законами) депутаты должны потребовать у министровъ объясненія, и, по отобраніи оныхъ, на общемъ сѣздѣ или по возвращеніи въ державу отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ; тамъ, въ случаѣ употребленія во зло общей довѣренности, должны быть судимы министры или депутаты, допустившіе сдѣлать вредъ. Но если, по отобраніи объясненій отъ министровъ, окажется, что они съ намѣреніемъ зла требовали безмолвнаго повиновенія, и зло сіе большой важности (какъ-то разрушеніе конституціи или вольности гражданъ), тогда, чтобъ не дать таковымъ министрамъ времени усилиться до сѣзда депутатовъ (что могло бы отложить судъ на годъ и болѣе) и причинить большого вреда, временныя палаты должны немедленно извѣстить въ державу о опасности свободы гражданъ.“ (чтобы „державныя головы“, т. е., очевидно, правители державъ, приняли мѣры и приготовили милицію) „и въ то жъ время требовать отрѣшенія и суда министра, посягнувшаго на таковое злоупотребленіе власти“.

Авторъ замѣчаній предлагаетъ также опредѣлить постоянное мѣсто засѣданій палатъ и постановить, чтобы, когда онѣ созваны, ни одинъ вооруженный человѣкъ, хотя бы и по приказу самого императора, не могъ приближаться къ зданію, гдѣ засѣдаютъ палаты, подъ угрозой смертной казни.

Авторъ замѣчаній желаетъ въ промежутки между сессіями палатъ предоставить правительству полную власть нъ международныхъ сношеніяхъ, дѣлахъ военныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подъ условіемъ установленія дѣйствительной отвѣтственности министровъ.

„Императоръ долженъ быть представителемъ народа къ чужимъ державамъ, и потому онъ долженъ быть главою политической власти; онъ долженъ имѣть право мира и войны, есть главный повелитель войскъ сухопутныхъ и морскихъ, утверждаетъ провозводства въ чины, дѣлаетъ награжденія (но не денежныя... сіи должны утверждать палаты), и потому, чтобы императоръ (при помощи министровъ) могъ свободно дѣйствовать для выгоды и славы своего народа, то ему должно дать совершенно полную власть... требовать безмолвнаго повиновенія всей имперіи. Онъ и министры (которые должны составлять его совѣтъ) набавляются совѣщаній съ временною палатою, изъ депутатовъ составленною, дабы секретныя дѣла не выходили въ большой кругъ. Но такъ какъ особа императора для народа священна, слѣдовательно, полная власть въ его рукахъ можетъ быть опасна для народа, и какъ ему одному предлежитъ очень много занятій, то, чтобы предупредить всякое злоупотребленіе отъ большой власти или отъ недосмотрѣнія могущихъ пройти во множествѣ дѣлъ, которыя могутъ быть вредны для гражданъ, надлежитъ постановить, *что императоръ долженъ дѣйствовать только чрезъ своихъ министровъ, которые за всѣ дѣла народу должны отвѣчать своею головою*“¹⁾. Но чтобъ министры не могли ссылаться, что злоупотребленіе произошло отъ императорскаго повелѣнія, котораго они не выдали, и, такъ сказать, для народа обезпечить министерскую отвѣтственность со стороны императора, надлежитъ постановить, *что ни одно повелѣніе императора безъ подписи министра* (по части котораго дѣло идетъ) не должно быть выполняемо, министерское же безъ подписи императора принимать законнымъ. Если бы кто выполнилъ императорскій указъ безъ

¹⁾ Курсивъ подлинника.

подписи министра, того должно судить и наказать смертью. Симиъ закономъ императору и министрамъ дается полная воля дѣйствовать къ пользѣмъ и славы народа; но сдѣлать что-либо вредное или по деспотическимъ своимъ видамъ министры императору не позволять, ибо за сіе ихъ голова есть надежною порукою гражданамъ“.

Очень цѣнны тѣ предложенія, которыя дѣлаеть авторъ замѣчаній относительно постояннаго войска и милиціи:

Число войскъ должно опредѣляться палатами; увеличить или уменьшить оное безъ согласія обѣихъ палатъ позволять не должно. Чтобы войска не были обременительны государству, то число ихъ не должно быть очень велико, но дабы симъ не подвергнуть опасности цѣлость границъ, въ случаѣ непредвидѣнной войны и въ случаѣ оболщенія нѣкоторыхъ строевыхъ линейныхъ полковъ или гвардіи императоромъ, чтобы противупоставить имъ силу, то кажется необходимо учредить милицію въ каждой державѣ, которой голова есть главный начальникъ милиціи. Въ случаѣ внутреннихъ неурядицъ, когда голова долженъ оставаться въ державѣ, тогда на державномъ выборѣ назначается начальникомъ милиціи другой, который съ оною долженъ выступить, куда велѣно будетъ, но въ случаѣ обереженія границъ отъ чужихъ непріятелей начальникъ милиціи долженъ быть утверждёнъ императоромъ. Милиція сія должна обучаться извѣстное число дней въ году и получаетъ содержаніе отъ правительства только тогда, какъ соберется въ полеи и выступить съ своего мѣста. Милиція числомъ должна равняться войскамъ; когда депутаты обѣихъ палатъ объявятъ злоупотребленіе министровъ большой важности (какъ выше сказано), тогда державныя головы должны объявить, чтобы милиція безъ отлагательства была готова собраться и дѣйствовать.

«Офицеры милиціи должны быть изъ владѣльцевъ той же державы. Тогда милиція сія будетъ твердою опорою вольности гражданъ и, бывъ готова всегда поддерживать власть палатъ, даетъ имъ силу требовать отчетовъ отъ министровъ. Милиція сія тѣмъ нужнѣе, что линейныя войска часто бывають преклонены за ничтожныя награды на сторону короны и легко дѣйствуютъ противъ гражданъ, съ которыми они считаютъ себя раздѣленными; но милиціонные воины, по своей землѣ и хижинамъ, питають чувства гражданскія, считаютъ воиновъ и правительство своими угнетателями и потому всегда вступають за своихъ представителей, пекущихся о сохраненіи ихъ выгодъ (въ Англіи милиція есть мечъ парламента). Опредѣляя число войскъ, надлежитъ постановить, что ни одинъ солдатъ, ни отрядъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ силою входить въ дома гражданъ, или дѣйствовать противъ оныхъ (хотя бы то самъ императоръ или министръ приказалъ). Въ семъ случаѣ за убійство гражданина должно наказать смертію воина, оное сдѣлавшаго, а потомъ изслѣдовать начальную причину сего убійства и наказать виновныхъ. Но въ случаѣ возмущенія, когда должно употребить войска, тогда временная палата депутатовъ въ столицѣ

или отъ всего государства, или голова въ державѣ, или какое гражданское начальство потребуеть сей помощи, тогда войны безмолвно должны повиноваться, что приказано будетъ, тогда только за убійства гражданина воинъ не отвѣчаетъ. Сіи мѣры необходимы, потому что, если министръ, войдя въ замыслы императора, вознамѣрится дѣйствовать къ вреду государства или нарушенію постановленій и вольности гражданъ, тогда каждый начальникъ войскъ долженъ не исполнять повелѣнія, воспротивясь же онымъ, дать время депутатамъ обѣихъ палатъ, въ столицѣ временно пребывающимъ, потребовать отчета у министра въ подобныхъ поступкахъ, и, въ случаѣ обвиненія, его могутъ предать суду. Въ случаѣ же предательства войскъ депутаты найдутъ твердую помощь въ милиціи.

«Императоръ, какъ глава исполнительной власти, долженъ быть главнымъ начальникомъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ, но ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не долженъ лично командовать войсками, которыя повинуются его повелѣніямъ, только чрезъ министра къ нимъ дошедшимъ. Прочіе члены императорской фамилии, хотя могутъ засѣдать въ верхней палатѣ, имѣть названіе фельдмаршала, генераль-адмирала, но не должны имѣть никакой существенной власти; оную имѣютъ министры и, въ случаѣ злоупотребленія таковой довѣренности, отвѣчаютъ своею головою. Императоръ и его фамиліи члены могутъ смотрѣть парады войскъ, флота, но только, когда министръ при нихъ,—безъ онаго членамъ императорской фамиліи быть при войскахъ должно запретить. Тогда войска, не видя такъ часто передъ своимъ фронтомъ ни императора, ни его фамиліи членовъ, привыкнуть повиноваться своимъ начальникамъ, съ которыми вмѣстѣ стануть скорѣе выполнять законы, чѣмъ повиноваться прихотямъ деспота.

«Императоръ долженъ имѣть полное право мира и войны, взять на свое содержаніе чужія войска, дать помощь своимъ союзникамъ или по миру согласиться сдѣлать денежныя вознагражденія непріятелямъ, или обязатья платить подать чужой державѣ. Все сіе онъ можетъ сдѣлать, если польза и слава народа того требуетъ, и потому, чтобы таковой трактатъ или объявленіе войны сдѣлать для всего народа обязательнымъ, должно, чтобы оный подписанъ былъ министромъ, который отвѣчаетъ гражданамъ своею головою; ибо для таковыхъ издержекъ понадобятся деньги, которыхъ министры не имѣя, должны требовать отъ палатъ, а сіи, потребовавъ объясненія, если найдутъ, что таковой трактатъ вреденъ для пользы и славы народа, тотчасъ отдадутъ министра подъ судъ и откажутъ въ помощи. Когда жъ утвердятъ палаты, тогда вся нація должна выполнить (хотя бы депутатовъ на державныхъ сборахъ осудили и казнили). Такимъ образомъ, уполномочивая императора, дается ему полная власть дѣйствовать для пользы и славы своего народа, но употребить во зло такую неограниченную довѣренность министры его не допустятъ. Въ Англіи были примѣры, что король по своеволюству захотѣлъ объявить войну или оную продолжать вопреки

пользамъ народа; тогда министръ идетъ въ отставку и въ нижнемъ парламентѣ возстаетъ противъ злоупотребленій короля, и тогда нижній парламентъ отказываетъ въ нужныхъ для издержекъ деньгахъ, безъ которыхъ король долженъ отказаться отъ своихъ плановъ»¹⁾.

Такимъ образомъ, авторъ приведенныхъ замѣчаній возражаетъ противъ имущественнаго ценза, установленнаго для того, чтобы быть выбраннымъ въ члены верхней палаты, т. е. верховной думы, но не распространять этого замѣчанія на принципъ имущественнаго ценза вообще. Правда, чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, т. е. въ палату народныхъ представителей, а также чтобы быть членомъ палаты выборныхъ въ державѣ, во второй редакціи проекта Н. Муравьева имущественнаго ценза не требовалось, но, чтобы лично быть избирателемъ, необходимо было, по этой редакціи, обладать недвижимымъ имуществомъ въ 5000 руб. или движимымъ въ 10000 руб. с. Впрочемъ, отъ свободныхъ крестьянъ (при двухстепенныхъ выборахъ) опредѣленнаго имущественнаго ценза не требовалось. Но большинство лицъ свободныхъ профессій требованіемъ высокаго ценза лишались избирательныхъ правъ.

Какія вліянія побудили Н. Муравьева къ установленію высокаго ценза для права быть избирателемъ, а также быть выбраннымъ въ верхнюю думу и занимать указаннаго въ его конституціи должности?

По англійской конституціи, для пользованія избирательными правами при выборахъ въ нижнюю палату въ графствахъ, нужно было получать 40 шиллинговъ чистаго годового дохода *съ свободной поземельной собственности* (freehold). Тѣмъ не менѣе политическое господство въ Англій находилось всецѣло въ рукахъ аристократіи. Низкій цензъ выборщиковъ въ графствахъ, говоритъ проф. Виноградовъ, «обеспечивалъ нѣкоторое участіе людей средняго и даже малаго достатка, хотя архаическое ограниченіе, лежавшее въ понятіи свободнаго держанія» (т. е. предоставленіе политическихъ правъ въ графствахъ лишь поземельнымъ собственникамъ) «исключало большинство населенія, сидѣвшее на копиголдерской, или наемной землѣ. Главною же опорю аристократическихъ интересовъ являлись.... городскія поселенія, мѣстечки, такъ или иначе попавшія въ списокъ избирательныхъ бурговъ. Составъ избирателей въ этихъ мѣстностяхъ былъ очень ограниченъ тѣсными и произвольными рамками корпораціонной системы, а во множествѣ случаевъ дѣло сводилось на безцеремонную фіецію: ничтожныя кучки избирателей пользовались привилегіей продавать свои голоса за чистыя деньги или другія выгоды тому или другому вліятельному патрону. По расчету, сдѣланному въ XVIII вѣкѣ, 154 такихъ патрона, болѣею частью изъ лордовъ, ставили 356 членовъ палаты общинъ. Въ 1768 г. общее число избирателей въ Англій не превышало

---

¹⁾ И выше авторъ замѣчаній для подкрѣпленія своихъ мнѣній указываетъ на многія черты англійскаго государственнаго устройства.

16.000 человекъ... Преобладаніе олигархіи обезпечивалось и другими мѣрами. Появилась система цензовъ» (для того, чтобы быть выбраннымъ): «чтобы быть депутатомъ отъ графства, надо имѣть 600 фунтовъ стерлинговъ дохода, депутатомъ отъ города или мѣстечка—300 ф. Для должности мирового судьи обыкновенный цензъ былъ въ 100 ф. дохода. Чтобы быть присяжнымъ, надо было имѣть свободный участокъ, «привносящій 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или капиталъ, приносящій 20 фунтовъ»¹⁾. Очевидно, англійская выборная система до извѣстной степени повліяла на Муравьева. Правда, во второй редакціи своего проекта онъ отказался отъ установленія ценза, дающаго право быть выбраннымъ въ палату представителей и въ державныя палаты выборныхъ, но онъ сохранилъ имущественный цензъ, чтобы быть избирателями (непосредственно), присяжными, членами верховной думы, правителями державъ, наместниками державныхъ правителей, тысяцкими, членами державныхъ думъ, державныхъ судовъ и членами совѣтовъ въ державвахъ. Впрочемъ, Н. Муравьевъ нацѣль болѣе удобнымъ опредѣлить цензъ не суммою дохода, а размѣромъ имущества, причемъ сохранилъ тоже отношеніе цѣнности движимаго и недвижимаго имущества, какое было установлено въ Англии для ценза присяжныхъ. Въ пользу подражанія англійскимъ образцамъ могло склонять декабристовъ Сѣвернаго общества и знакомство нѣсколькихъ вліятельныхъ его членовъ съ Мордвиновымъ и Сперанскимъ.

Что касается устройства верховной думы, т. е. верхней палаты народного вѣча, то Н. Муравьевъ основалъ его на выборномъ началѣ, но предоставилъ выборъ членовъ думы не прямо избирателямъ, а соединенному собранію державныхъ палатъ, установивъ очень высокій имущественный цензъ для права быть выбраннымъ въ это учрежденіе. Въ Англии члены верхней палаты были или наследственные, по праву первородства, или по назначенію короля, или потому, что занимали извѣстныя архіепископскія или епископскія кафедры, а 16 шотландскихъ пэровъ—выборные, такъ какъ при присоединеніи Шотландіи къ Англии шотландскимъ баронамъ было предоставлено представительство въ верхней палатѣ чрезъ избираемыхъ ими членовъ.

Высокій имущественный цензъ, лишавшій избирательнаго права большую часть городскихъ жителей, и неучастіе въ гражданскихъ правахъ почти половины сельскаго населенія были главными недостатками конституціи Н. Муравьева. Затѣмъ, авторъ изложенныхъ нами замѣчаній на его проектъ основательно указалъ на то, что, принимая принципъ монархическаго правленія, онъ долженъ былъ подробно разработать постановленія объ отвѣтственности министровъ. Что же касается упрека Пестеля, что введеніе представительства не только центральнаго, но и по державамъ, возвращало

¹⁾ „Политическій строй современныхъ государствъ“. Сборникъ статей. Т. I, СПб., 1905 г. стр. 218—219. Ср. *G. Meyer. Das parlamentarische Wahlrecht.* 33, 346—347.

Россію къ удѣльной системѣ, то оно совершенно неосновательно. Мысль о федеративномъ устройствѣ Россіи была еще рѣшительнѣе высказана членами общества Соединенныхъ Славянъ, которые, впрочемъ, стояли, какъ и позднѣйшее Кирилло-Меодіевское братство, за республиканское устройство. Въ проектѣ проф. Драгоманова (1884 г.) федеративнаго устройства Россіи члены верхней палаты (союзной думы) выбирались областными думами, но, разумѣется, уже безъ всякаго имущественнаго ценза, а члены нижней палаты (государственной думы)—всеобщемъ подачею голосовъ.

VI.

5 января 1826 г., въ числѣ другихъ вопросовъ, слѣдственная коммисія спросила Н. Муравьева о составленномъ имъ проектѣ конституціи; онъ отвѣчалъ: „Моя память недостаточна, чтобы представить „конституцію“ въ такомъ точно видѣ, какъ она была написана, но что касается до духа“ ея „и содержанія“, то онъ обязался „сохранить ихъ“ въ своемъ изложеніи и въ непродолжительномъ времени представить его коммисіи. Дѣйствительно, 13 января онъ письменно изложилъ содержаніе своего „конституціоннаго устава“, при чемъ довольно сжато сообщилъ постановленія о раздѣленіи Россіи на 15 областей, обязанностяхъ и правахъ жителей, объ императорѣ, верховной думѣ, палатѣ представителей, составленіи законовъ, о мѣстномъ областномъ управленіи, объ „областныхъ палатахъ“ („областныхъ думахъ“ и „палатахъ выборныхъ“), но подробно изложилъ то, чего нѣтъ во второй редакціи его конституціи, т. е. устройство „судной власти“ и постановленія объ „измѣненіи Устава“ (т. е. конституціи).

Прежде всего Н. Муравьевъ считалъ необходимымъ установить „предѣлы“ судной власти. „Никакой судья“, говоритъ онъ, „и никакое судилище не имѣетъ права толковать законъ, ни рѣшать случаи, имъ не предвидѣнные, однимъ словомъ, не можетъ присвоить себѣ законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная совершенно отдѣлены также отъ судной. Равнымъ образомъ, судилище или судья не долженъ никого обвинять, но дѣйствуетъ только вслѣдствіе жалобы или обвиненія. Всякое судилище или судья, преступившій сіи предѣлы, подвергается взысканію. „Съ другой стороны“, продолжаетъ Н. Муравьевъ, „уставъ сей не признавалъ, такъ называемаго, полицейскаго суда за малые проступки и представлялъ полицію, уѣзднымъ, городовымъ и волостнымъ правленіямъ только право задерживать виновныхъ и передавать ихъ суду, отъ котораго уже зависѣли также и исправительныя наказанія. Каждая область (т. е. держава) «составляла въ судебномъ отношеніи отдѣльное цѣлое, подраздѣленное на присуды, равныя нынѣшнимъ губерніямъ».

Н. Муравьевъ предполагалъ учредить въ каждомъ уѣздѣ совѣст-

ныхъ судей, въ областяхъ—областныхъ, а въ столичномъ округѣ—верховныхъ.

Въ каждомъ уѣздѣ полагался на 4000 душъ одинъ совѣстный судья, избираемый «обыкновенными избирателями». Онъ остается въ своемъ званіи, если окажется «непорочнымъ», до 70-лѣтняго возраста (то же правило примѣняется и къ судьямъ областнымъ и верховнымъ). Совѣстный судья можетъ быть избранъ «изъ всякаго званія», подѣ условіемъ совершеннолѣтія, постоянного жительства въ уѣздѣ и владѣнія движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 2000 р. с., такъ какъ, объясняетъ Н. Муравьевъ, «умѣренная собственность, трудомъ, промышленностью и бережливостью приобрѣтенная», является «вѣрнѣйшимъ залогомъ честности и безкорыстія судьи»¹⁾.

Всѣ совѣстные судьи равны между собою и власть каждаго простирается на весь уѣздъ. «Всякій съ своею жалобою имѣетъ право идти къ тому изъ нихъ, къ которому имѣетъ болѣе довѣренности, но дѣло, поступившее къ одному изъ нихъ, не можетъ уже быть передано другому, и никто изъ нихъ не имѣетъ пересуда надъ рѣшеніемъ другого... Никто въ уѣздѣ не можетъ быть взятъ подѣ стражу безъ предписанія совѣстнаго судьи», кромѣ случаевъ буйства или насилія. «Чиновники благочинія²⁾, захвативъ буйныхъ, испрашиваютъ у совѣстнаго судьи предписанія о содержаніи ихъ подѣ стражею, что совѣстный судья обязанъ немедленно исполнить. Совѣстный судья судитъ гласно и явно при открытыхъ дверяхъ; посторонніе могутъ приходять во время его расправы. Судъ его словесный, сколько возможно; онъ имѣетъ право требовать явки свидѣтелей, которые обязаны повиноваться его позывамъ. Буде тяжущіяся стороны довольны его рѣшеніемъ, то оное становится окончательнымъ. Никакое третье лицо не въ правѣ опровергать оное. Никакая должность не совмѣстна съ званіемъ совмѣстнаго судьи. Онъ можетъ однако жъ быть избранъ въ представители, и тогда, по возвращеніи своемъ, вступаетъ опять въ прежнюю должность». Такимъ образомъ, совѣстные судьи Н. Муравьева являются предшественниками мировыхъ судей.

Каждые три мѣсяца въ уѣздномъ городѣ и въ главнѣйшихъ мѣстечкахъ уѣзда происходятъ сѣзды совѣстныхъ судей, въ которые поступаютъ дѣла по апелляціи на рѣшенія отдѣльныхъ судей. На сѣздѣ присутствуютъ тысяцкій (исправникъ) или его помощникъ, уѣздный блюститель (прокуроръ), уѣздный докладчикъ (стряпчій

¹⁾ Сравнительно небольшой имущественный цензъ, установленный Н. Муравьевымъ для совѣстныхъ судей въ его показаніи на слѣдствіи, показываетъ, что на него произвели извѣстное впечатлѣніе замѣчанія относительно чрезмѣрной высоты имущественнаго ценза во второй редакціи его проекта.

²⁾ Во всемъ уѣздѣ и уѣздномъ городѣ такимъ чиновникомъ является выборный тысяцкій; кромѣ того въ городахъ всѣ домовладѣльцы избирали изъ своей среды «чиновниковъ благочинія» разныхъ степеней, а по деревнямъ всѣ жители муж. пола избирали въ каждомъ десяткѣ дворовъ десятскаго, въ каждой сотнѣ—сотскаго, въ волости—волостного старшину. Названныя городскія и деревенскія власти были подчинены тысяцкому.

казенныхъ дѣлъ), присяжные адвокаты, или стряпчіе и свидѣтели. Жители, безъ различія пола, имѣютъ право посѣщать засѣданія сѣзда. Протоколы и «дѣйствія» его оглашаются, и всякій имѣетъ право «писать свои замѣчанія о правильности сужденія».

Составленіе списка присяжныхъ въ каждомъ уѣздѣ поручается тысяцкому. «Дѣла уголовныя и дѣла гражданскія (если оныя не основаны единственно на актахъ) происходятъ съ присяжными». Присяжные бываютъ двухъ родовъ: «предварительные» и «окончательные». «Первые рассматриваютъ въ уголовномъ дѣлѣ одно обвиненіе, а въ гражданскомъ—одну жалобу; они большинствомъ голосовъ отвергаютъ обвиненія нелѣпыя и тяжбы пустыя и не даютъ хода дѣлу. Вторые рѣшаютъ дѣло по прекращеніи всего пренія, и рѣшеніе ихъ должно быть единодушно».

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ областныхъ и въ столицѣ полагается особое сословіе адвокатовъ» (или стряпчихъ), въ которое поступаютъ люди, получившіе въ университетахъ аттестаты въ томъ, что они имѣютъ надлежащія свѣдѣнія въ юридическихъ и словесныхъ наукахъ. Они обязаны находиться при сѣздахъ совѣстныхъ судей, въ собраніяхъ областныхъ и верховныхъ судей и за извѣстную плату излагаютъ дѣла, вмѣсто тяжущихся, обвиняющихъ или обвиненныхъ... Адвокаты находятся въ вѣдѣніи блюстителей уѣздныхъ, областныхъ и верховныхъ. (Блюститель соединяетъ въ себѣ должность прокурорскую и должность стряпчаго уголовныхъ дѣлъ). Блюститель есть истецъ по дѣламъ правительства. Онъ обвиняетъ въ уголовныхъ дѣлахъ отъ лица правительства и отъ частныхъ лицъ, но не безъ возмездія. Кроме сего, полагались еще докладчики въ уѣздахъ, областяхъ и столицѣ (стряпчіе казенныхъ дѣлъ). Докладчикъ есть отвѣтчикъ правительства въ случаѣ частныхъ претензій; онъ же въ случаѣ, еслибъ кто обвиненный не имѣлъ адвоката, обязанъ взять его защиту, но безъ возмездія, яко чиновникъ правительства».

Въ каждой области полагается столько областныхъ судей, сколько въ ней находится «присудовъ» (губерній); они избираются областными палатами изъ списка лицъ, имѣющихъ имущества не менѣе, какъ на 15.000 р. с. Каждые 6 мѣсяцевъ областные судьи объѣзжаютъ свой присулъ и въ каждомъ уѣздномъ городѣ открываютъ засѣданія, на которыя приглашаютъ присяжныхъ. На эти засѣданія собираются совѣстные судьи того уѣзда и подъ предсѣдательствомъ областного судьи рѣшаютъ уголовныя дѣла. Слѣдствіе не производится отдѣльно отъ суда, но всѣ причастные къ дѣлу должны лично явиться въ засѣданіе. «Право обвинять предоставлено всякому, въ особенности же блюстителямъ». Свидѣтелей допрашиваютъ не только судьи, блюстители, присяжные и адвокаты, но, съ дозволенія и подъ надзоромъ судей, и постороннія лица. «Производство уѣздныхъ засѣданій печатается въ общенародное извѣстіе». Дѣло, разсмотрѣнное съ присяжными, рѣшается окончательно, и на него нѣтъ апелляціи или пересуда».

«Областное судилище» принимаетъ жалобы на рѣшенія уѣзд-

ных засѣданій въ томъ только случаѣ, когда, на основаніи приговора «окончательныхъ присяжныхъ», примѣнили въ дѣлу не тотъ законъ, какой слѣдовало. Никакое судебное дѣло не выходитъ за предѣлы области; виновные наказываются въ ней и не высылаются изъ нея. Кромѣ того, областные судьи, на общихъ своихъ собраніяхъ въ областномъ городѣ, судятъ чиновниковъ. Областное судилище судить при открытыхъ дверяхъ, и журналы его печатаются.

Всякій, считающій, что онъ неправильно подвергнутъ заключенію совѣстными судьями или лицами, не имѣющими на то права, или подвергающійся безчеловѣчному обращенію въ тюрьмѣ, имѣетъ право жаловаться областнымъ судьямъ, которые обязаны вытребовать его къ себѣ, если жалоба покажется имъ основательною, и удостовѣриться въ этомъ. Право просить у областныхъ судей защиты предоставляется также роднымъ, знакомымъ заключеннаго и, наконецъ, свидѣтелямъ насильственнаго или незаконнаго погрома.

Наконецъ, учреждается еще «верховное судилище», которое состоитъ изъ 5 или 7 верховныхъ судей, избранныхъ народнымъ вѣчемъ изъ числа лицъ, владѣющихъ имуществомъ не менѣе 15.000 р. Верховные судьи исполняютъ въ столичномъ округѣ тѣ же обязанности, что областные судьи въ своихъ областяхъ. Кромѣ того, верховное судилище судить высшихъ чиновниковъ, лишенныхъ ихъ званія верховною думою. Судопроизводство въ немъ и гласное (подобно низшимъ инстанціямъ) и съ присяжными; журналы его также печатаются. Оно получаетъ донесенія и отчеты всѣхъ областныхъ судилищъ и дѣлаетъ замѣчанія тѣмъ изъ нихъ, которыя неправильно толкуютъ законъ. Каждое четырехлѣтіе верховное судилище обязано представить императору и обѣимъ палатамъ систематическій отчетъ о всѣхъ законахъ и постановленіяхъ, вышедшихъ въ продолженіе этого времени, съ примѣчаніями о тѣхъ, которые кажутся ему излишними, темными или противорѣчащими Уставу (конституціи).

При составленіи Н. Муравьевымъ предположеній о судной части значительное вліяніе могла оказать записка Н. И. Тургенева 1822 г., въ основу которой были положены тѣ же основныя начала: словесное и гласное судопроизводство, оглашеніе въ печати производства дѣла и рѣшенія суда, отдѣленіе и независимость судебной части отъ административной, участіе въ судопроизводствѣ адвокатовъ или стряпчихъ, наконецъ, введеніе суда присяжныхъ ¹⁾.

Изложеніе Н. Муравьевымъ проекта его конституціи для слѣдственной комиссіи заканчивается предположеніями о томъ, какимъ образомъ должно было происходить измѣненіе конституціи или со-

¹⁾ Тургеневъ сообщалъ свою записку Н. С. Мордвинову, который сдѣлалъ изъ нея обширную выписку; она напечатана въ „Архивѣ гр. Мордвиновыхъ“ Спб. 1902 г., т. VI, стр. 299—312.

ставленіе совершенно новой. Если бы въ этомъ оказалась необходимость, народное вѣче особымъ закономъ созываетъ съ этой цѣлью «народный соборъ», въ которомъ должно быть столько же членовъ, сколько въ народномъ вѣчѣ, выбранныхъ тѣми же избирателями. Соборъ занимается исключительно этою работою и долженъ окончить ее не позже, какъ въ 6 мѣсяцевъ. Разсужденія его происходятъ гласно и печатаются; все рѣшается большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. По окончаніи работы народный Соборъ распускается, и предсѣдатель его представляетъ вѣчу составленный проектъ, который немедленно печатается. Затѣмъ, другимъ закономъ созываются областные соборы для обсужденія принятія или отверженія проекта устава, составленнаго народнымъ соборомъ. Каждая область избираетъ въ свой соборъ двойное число депутатовъ сравнительно съ тѣмъ, которое она имѣла въ народномъ соборѣ. Областные соборы созываются всѣ въ одинъ день, и имъ назначается срокъ, къ которому они должны принять или отвергнуть проектъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, не имѣя права дѣлать новыхъ предложеній. Такъ какъ численность народонаселенія областей весьма не одинакова, то для опредѣленія того, принять или отвергнуть новый уставъ, подсчитывается не число соборовъ, а « $\frac{2}{3}$ голосовъ» (большинство не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ?) «наличныхъ членовъ», въ нихъ засѣдавшихъ и принявшихъ то или иное рѣшеніе. Послѣ этого или вводится новый уставъ, или остается въ силѣ прежній. Правила объ измѣненіи Устава навѣяны конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Н. Муравьевъ, быть можетъ, потому особенно подробно изложилъ во время слѣдствія проектируемое имъ устройство судебной части, что, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ декабристовъ, рассчитывалъ на возможность осуществленія, при сохраненіи самодержавія, только этой части его проекта. На вопросъ о причинахъ, побудившихъ его вступить въ тайное общество, онъ отвѣчалъ, что былъ проникнутъ «пламеннымъ желаніемъ видѣть Россію на высочайшей степени благосостоянія посредствомъ учреждений, равно благотворительныхъ для всѣхъ состояній людей, въ оной находящихся, твердаго устройства судебной части въ нижнихъ инстанціяхъ и гласности во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства на подобіе англійскаго».

Сдѣланное Никитомъ Муравьевымъ изложеніе его проекта было прочитано имп. Николаемъ. На поляхъ его онъ не написалъ никакихъ замѣчаній, но позднѣе, читая предположенія о государственныхъ преобразованіяхъ, набросанныя въ крѣпости 29 марта 1826 г. другимъ декабристомъ — Батеньковымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло объ «обеспеченіи» (гарантіи) и, между прочимъ, упоминалось объ учрежденіи областныхъ палатъ, обращеніи нѣкоторыхъ портовыхъ городовъ въ вольные и особенныхъ правахъ Москвы, имп. Николай написалъ: «Все сіе виды и система Н. Муравьева о федеративномъ управленіи; съ симъ поздравляю тунгузцовъ». Послѣдняя острота совсѣмъ не соответствовала конституціи Н. Муравьева, такъ какъ кочующимъ народамъ не предоставлялось въ

ней правъ гражданства, т. е. участія въ выборахъ депутатовъ въ центральное и державныя представительныя учрежденія.

Кромѣ проекта конституціи, Н. Муравьевымъ было начато еще одно произведеніе съ цѣлью пропаганды въ высшихъ классахъ общества. Оно называется «Любопытный разговоръ» ¹⁾ и было написано не позже марта 1822 г., такъ какъ на сохранившемся экземпляръ есть надпись: «l'original a été remis à S. M. le 23 de Mars 1822», что, какъ видно изъ показаній Н. Муравьева, означаетъ передачу оригинала Сергѣю Муравьеву-Апостолу. Авторъ, очевидно, задавался цѣлью сдѣлать свое произведеніе доступнымъ народу. Приведемъ изъ него нѣкоторыя мѣста.

«*Вопросъ.* Всѣ ли люди свободны? *Отвѣтъ.* Нѣтъ, малое число людей поработило большее... Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ—подлая мысль отказать отъ природннхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ». Далѣе авторъ указываетъ на то, что нужно добывать свободу и для этого «утвердить постоянныя правила или законы, какъ бывало встарину на Руси», когда «не было самодержавныхъ государей... Государь самодержавный или самовластный», по опредѣленію автора, «тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ божіихъ и человѣческихъ; самъ отъ себя, т. е. безъ причины, по прихоти своей властвуетъ... Отцы наши говорили: *поищемъ себѣ князя, который бы рядилъ по праву*, а не самовластью, своевольству и прихотямъ. Но государи мало по малу всякимъ обманомъ присвоили себѣ власть безпредѣльную, подражая ханамъ татарскимъ и султану турецкому». На вопросъ: «Не самъ ли Богъ учредилъ самодержавіе?» авторъ отвѣчаетъ: «Богъ во благости своей никогда не учреждалъ зла... Злая власть не можетъ быть отъ Бога: всякое древо доброе добры плоды творить, всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огонь». На вопросъ: «есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ?» авторъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, вездѣ самодержавіе считаютъ безуміемъ, беззаконіемъ, вездѣ постановлены непремѣнныя правила, или законы. *В.* Не могутъ ли быть постоянныя законы при самодержавіи? *О.* Самодержавіе, или самовластіе ихъ не терпитъ; для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны. *В.* Почему же самодержавіе не терпитъ законовъ? *О.* Потому, что государь властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра—другое, а до пользы нашей ему дѣла мало»... На вопросъ о томъ, какое было на Руси управленіе безъ самодержавія, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о вѣчевомъ строѣ, который прекратился благодаря нашествію татаръ, научившихъ нашихъ предковъ безусловно покоряться ихъ тиранской власти. «Народъ, сносившій терпѣливо иго Батны..., сносилъ такимъ же образомъ и власть князей московскихъ, подражающихъ во всемъ симъ тиранамъ».

¹⁾ Иначе его называли: „Катехизисъ вольнаго человѣка“.

Прочтя этотъ набросокъ, имп. Николай I. написалъ: «quelle infamie!» Рылѣевъ, ознакомившись съ «Разговоромъ любопытнымъ» (какъ онъ заявилъ на слѣдствіи), сказалъ автору: «Напрасно вы не кончите. Такими сочиненіями удобнѣ всего дѣйствовать на умы народа». Но Муравьевъ отозвался недосугомъ и предлагалъ Рылѣеву дописать начатое имъ; тотъ общалъ, но не имѣлъ времени осуществить свое намѣреніе. Въ думѣ Сѣвернаго общества Н. Муравьевъ предлагалъ распространить въ народѣ это сочиненіе наряду съ другими произведеніями въ духѣ общества, но не окончилъ его, такъ какъ занялся своимъ проектомъ конституціи. Братъ Н. Муравьева, Александръ Михайловичъ, въ своей автобиографической запискѣ говорить, что начатый его братомъ «Катехизисъ вольнаго человека» былъ оконченъ Сергѣемъ Муравьевъ-Апостоломъ. Рукопись наброска Н. Муравьева, какъ мы видѣли, дѣйствительно была передана имъ С. Муравьеву-Апостолу и могла павести его на нѣкоторыя мысли при составленіи имъ его «Православнаго катехизиса»¹⁾, послужившаго орудіемъ пропаганды при восстаніи Черниговскаго полка.

VII.

Пестель, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что въ тайномъ обществѣ было начато составленіе нѣсколькихъ конституцій. Къ числу лицъ, высказывавшихъ свои предположенія о томъ, какова должна быть русская конституція, принадлежалъ служившій подъ начальствомъ Сперанскаго декабристъ Г. С. Батеньковъ, тотъ самый Батеньковъ, который былъ приговоренъ къ 20 годамъ каторжной работы, но вмѣсто того продержанъ все это время въ одиночномъ заключеніи и лишь въ 1846 г. отправленъ изъ Петропавловской крѣпости въ Сибирь. «Я никогда не писалъ конституціи для Россіи», показалъ онъ на слѣдствіи, «и не разсматривалъ даже сего важнаго предмета въ полной связи и подробностяхъ, тѣмъ не менѣе въ головѣ моей рождались въ разное время мысли, относящіяся съ сему предмету».

Батеньковъ полагаетъ, что Россія должна быть наследственной монархіею, но въ ней необходимо «сильное вельможество». Средній классъ, состоящій изъ землевладѣльцевъ, горожанъ и духовенства, можетъ дать еще одинъ элементъ законодательной власти. Законодательная власть, по его мнѣнію, должна состоять изъ: 1) императора, 2) палаты вельможъ (верхней) и 3) палаты по выборамъ отъ средняго сословія (нижней).

Верхнюю палату онъ предполагалъ составить изъ членовъ, большею частью наследственныхъ²⁾, но прибавивъ къ нимъ: 1) опре-

¹⁾ Онъ напечатанъ въ книгѣ проф. *Шимана*. «Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I. Новые матеріалы». Берл. 1902 г. стр. 409—412.

²⁾ Батеньковъ предполагалъ дать государю право возводить въ званіе родовыхъ вельможъ на мѣста тѣхъ, родъ которыхъ прекратится.

дѣленное число лицъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства по мѣстамъ, на которыя они назначаются государемъ; 2) лицъ, назначаемыхъ императоромъ позачинно.

Въ нижней палатѣ ¹⁾ должны быть депутаты: 1) отъ извѣстныхъ городовъ; 2) отъ владѣльцевъ земель; 3) отъ 3 университетовъ — московскаго, виленскаго и дерптскаго ²⁾ и 4) отъ 3 академій.

Палаты собираются въ Москвѣ по приглашенію государя, если же въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ онѣ не будутъ созваны, то по приглашенію вице-президента верхней палаты.

Полагая, что въ виду обширности государства и разнообразія его климата и нуждъ населенія вся Россія не можетъ быть управляема единообразно, Батеньковъ считалъ необходимыми «частныя палаты въ областяхъ», собираемыя губернаторами.

Исполнительную власть онъ считалъ нужнымъ предоставить: 1) безответственному государю; 2) установленію, подъ названіемъ верховнаго правительства, отвѣтственному предъ законодательною властью и особенно предъ государемъ и 3) министрамъ, отвѣтственнымъ предъ государемъ, верховнымъ правительствомъ и за указы, исполняемые ими, предъ законодательною властью. Батеньковъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ.

Онъ указывалъ также на необходимость обезпеченій (гарантій) «неизмѣнности установленнаго порядка», которыя онъ раздѣлялъ на «вещественныя» и «моральныя». Къ числу первыхъ онъ относилъ: 1) «обращеніе военныхъ поселеній въ народную стражу; 2) передачу въ вѣдѣніе города Петропавловской крѣпости; 3) ограниченіе государя въ личномъ командованіи... имъ арміею; 4) учрежденіе родового вельможества»; 5) право вице-президента верхней палаты собирать обѣ палаты, если въ извѣстный срокъ онѣ не будутъ созваны государемъ; 6) независимость трехъ университетовъ и трехъ академій ³⁾; 7) учрежденіе областныхъ палатъ; 8) обращеніе нѣкоторыхъ портовъ въ вольные города; 9) нѣкоторыя особенныя права города Москвы. Къ числу моральныхъ обезпеченій онъ относилъ: 1) свободу «тисненія», т. е. печати; 2) независимость судебной власти, 3) отвѣтственность министровъ и верховнаго правительства и нѣкоторыя другія.

Въ предположеніи Батенькова объ учрежденіи палаты вельможъ преимущественно изъ наслѣдственныхъ членовъ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть вліяніе идей Н. С. Мордвинова, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ.

Изъ записки, найденной въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого

¹⁾ „О палатѣ по выборамъ я не дѣлалъ никогда подробныхъ соображеній“, говорятъ Батеньковъ, „ибо звалъ, что для сего нужно имѣть предварительно множество мѣстныхъ свѣдѣній“. Противъ этихъ словъ имп. Николай написалъ: „А эти люди хотѣли быть законодателями!“

²⁾ Имп. Николаемъ написано: „Казанск.? Харьковск.?“

³⁾ Забѣчаніе имп. Николая: „отъ кого? отъ Бестуж(ева) или даже отъ Рыгѣва?“

видно, что предполагалось, чтобы возставшее войско потребовало объявленія от сената манифеста, который заключалъ бы въ себѣ: 1) Уничтоженіе бывшаго правленія. 2) Учрежденіе временнаго правленія до установленія постояннаго выборнаго. 3) Свободу «тисненія» и уничтоженія цензуры. 4) Предоставленіе лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій свободнаго отпращиванія богослуженія. 5) Уничтоженіе права собственности на людей. 6) Равенство всѣхъ сословій предъ закономъ и потому уничтоженіе военныхъ судовъ и всякаго рода особыхъ судебныхъ комиссій. 7) Предоставленіе всякому гражданину права заниматься, чѣмъ захочетъ: вступать въ военную и гражданскую службу и въ духовное званіе, торговать оптомъ и въ розницу съ уплатою извѣстныхъ пошлинъ, приобретать земли и дома въ деревняхъ и городахъ. 8) Сложеніе подушной подати ¹⁾ и недоимокъ по ней. 9) Уничтоженіе монополій на соль, вино и проч., разрѣшеніе свободнаго винокурения и добыванія соли съ уплатою пошлинъ съ получаемаго продукта. 10) Уничтоженіе рекрутскихъ наборовъ и военныхъ поселеній. 11) Сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, которое должно было послѣдовать по уравненіи воинской повинности между всѣми сословіями. 12) Увольненіе въ отставку всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ. 13) Введеніе выборнаго начала при замѣщеніи должностей въ волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленіяхъ. 14) Гласность суда. 15) Введеніе присяжныхъ въ суды уголовныя и гражданскія.

Должно было быть учреждено временное правленіе изъ 2 или 3 лицъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ министерствъ, государственнаго совѣта, комитета министровъ, арміи и флота. Ему предполагалось поручить введеніе въ исполненіе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше мѣръ и кромѣ того: 1) образованіе внутренней народной стражи; 2) «уравненіе (sic) рекрутской повинности между всѣми сословіями»; 3) уничтоженіе постоянной арміи; 4) установленіе «порядка избранія выборныхъ въ палату представителей народныхъ», которые должны «утвердить на будущее время имѣющій существовать порядокъ правленія и государственное законодательство» ²⁾.

Въ своихъ воспоминаніяхъ кн. С. П. Трубецкой говоритъ: предполагалось «полкамъ собраться на Петровской площади и заставить Сенатъ»: 1) издать манифестъ съ описаніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, и съ приглашеніемъ «въ назначенный срокъ выбранныхъ людей отъ всѣхъ сословій для утвержденія: 1) за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей». Общество

¹⁾ Въ конституціи Н. Муравьева предполагалось распространеніе подушной подати на всѣхъ.

²⁾ Въ своемъ показаніи Трубецкой говоритъ, что эта записка не считалась «опредѣлительно принятою; изъ оной возможнымъ полагалось многое устранить, исключая однако жъ собраніе депутатовъ изъ губерній по сословіямъ».

намѣревалось предложить войти въ составъ временнаго правительства Мордвинову, Сперанскому и Ермолову. На это правительство возлагалась обязанность «составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ вѣрстной зависимости».

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Семеновскій.

Изъ Шлиссельбургскихъ мотивовъ.

(Неизданныя стихотворенія Николая Александровича Морозова, посвященныя товарищамъ по заключенію).

I.

Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнерѣ.

(Передавленное стучомъ ко дню рожденія).

Пусть нашъ привѣтъ твои невзгоды,
О, милый другъ мой, облегчить,
Пусть пролетитъ сквозь эти своды
И свѣтлымъ ангеломъ свободы
Тебя въ темницѣ посѣтитъ!

* * *

И пусть за годы испытанья,
Какъ въ ясный вечеръ послѣ бурь,
Увидишь ты конецъ страданья
И въ блескѣ чуднаго сіянья
Въ грядущемъ вѣчную лазурь!

1886 г.

II.

В. А. Караулову.

Въ минуту тяжкаго недуга,
Въ темницѣ мрачной и глухой,
Въ тебѣ судьба дала мнѣ друга
И облегчила жребій мой.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошла пора ненастья,
И стала жизнь моя свѣтлѣй,
Ты для меня среди несчастья
Былъ первый вѣстникъ лучшихъ дней.

* * *

И время то мнѣ стало свято,
Съ тобой сроднился я душой,
И буду я любить, какъ брата,
Тебя, товарищъ дорогой.

1888 г.

III.

Людмилъ Александровнѣ Волкенштейнѣ.

(При возвращеніи ея изъ карцера въ старой тюрьмѣ).
Любовью и дружбой въ жилищѣ невагодъ
Привѣтствуемъ мы твой приходъ.
Пусть въ душномъ туманѣ нависнувшихъ тучъ
Блеснетъ тебѣ радости лучъ,
И прежнее горе потонетъ скорѣй
Въ сіяньи безоблачныхъ дней.
Пусть сумракъ, что въ сердцѣ такъ долго лежитъ,
Какъ лѣтняя ночь пролетитъ!
И жизнь, что въ безмолвьи мучительномъ шла,
Вновь будетъ легка и свѣтла!

1888 г.

IV.

З а в ѣ т ь .

(Посвящается П. С. Поливанову).

Когда овладѣетъ душою печаль,
Ты вспомни, что скрыта грядущаго даль,
Въ туманѣ отъ нашего взора.
Что жизнь наша часто мученій полна,
Но вдругъ озаряется счастьемъ она,
Какъ полночь огнемъ метеора.
Не надобно, другъ мой, излишнихъ веригъ!
Вѣдь каждый мучительно прожитый мигъ
На близкихъ тебѣ отзовется!
Всецѣло должны мы для ближняго жить,
Должны для него мы себя сохранить
И бодро съ невзгодой бороться!
Въ тяжелые дни испытаній и бѣдъ
Даетъ намъ Вселенная вѣчный завѣтъ,
Который гласитъ всѣмъ скорбящимъ:
„Во имя надежды! во имя любви
„Въ несчастьи грядущимъ и прошлымъ живи,
„А въ счастья живи настоящимъ!“

1900 г.

V.

П р о с т и !

(Посвящается Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ передъ ея отъѣздомъ изъ Шлиссельбургской крѣпости).

Пусть, мой другъ дорогой, будетъ счастливъ твой путь
И судьба твоя будетъ свѣтлѣй,
Пусть удастся тебѣ поскорѣе стряхнуть
Злая чары неволи твоей.
Скоро, милый мой другъ, вновь увидить твой взоръ
Лица близкихъ родныхъ и друзей;
Окружить тебя безпредѣльный просторъ
И раздолье луговъ и полей!
Ночью встрѣтятъ тебя и развѣютъ твой сонъ
Милліонами звѣздъ небеса,
И увидишь ты вновь голубой небосклонъ
И холмы, и ручья, и лѣса..
Все, чего столько лѣтъ ты была лишена,
Что въ мечтахъ обаянья полно,
Вдругъ воскреснетъ опять, и нахлынетъ волна
Прежнихъ чувствъ позабытыхъ давно!
Пусть же, милый мой другъ, будетъ счастливъ твой путь!
Скоро будешь ты снова вольна!
И успеешь уставшей душой отдохнуть
Отъ тяжелаго, долгаго сна!

Н. Морозовъ.

1 сент. 1904 г.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(По неизданнымъ источникамъ).

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу декабристовъ, по дѣлу 121-го, имя Пестеля стоитъ на первомъ мѣстѣ, на первомъ мѣстѣ среди тѣхъ пяти «преступниковъ вѣхъ разрядовъ», которыхъ Верховный Уголовный судъ нашель достойными четвертованія.

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе, если не менѣе, виновнымъ, чѣмъ нѣкоторые его товарищи по тайному обществу. Если онъ имѣлъ умыселъ на царубійство, то этотъ умыселъ раздѣляли съ нимъ очень многіе члены общества. Если онъ управлялъ Южнымъ Обществомъ, то и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ въ управленіи этимъ обществомъ имѣлъ не менѣе важное значеніе, а Рылѣевъ имѣлъ такое же значеніе въ управленіи Сѣвернымъ Обществомъ. Всѣ трое они одинаково были повинны въ составленіи плановъ дѣйствій. Если же Пестель писалъ «Русскую Правду», то Рылѣевъ писалъ революціонные стихи и манифестъ, а Муравьевъ-Апостолъ—свой революціонный «Катехизисъ».

Всѣ трое они были одинаково повинны по всѣмъ этимъ основнымъ пунктамъ обвиненія; но въ числѣ обвиненій, предъявленныхъ Пестелю, не хватало одного, очень важнаго,—непосредственнаго участія въ мятежѣ. Рылѣевъ былъ главнымъ дѣятелемъ возмущенія 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ главнымъ дѣятелемъ возмущенія на Югѣ въ первыхъ числахъ января 1826 года, онъ «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ» при Бѣлой Церкви (на югѣ отъ Кіева). Пестель же, выдвинутый обвинительнымъ актомъ на первое мѣсто, не принималъ участія ни въ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, ни въ непосредственной ихъ подготовкѣ. Онъ былъ арестованъ какъ разъ наканунѣ памятныхъ событій на Сенатской площади, а именно 13 декабря, далеко отъ Петербурга, въ мѣстечкѣ Линцахъ на югѣ Кіевской губерніи, гдѣ стоялъ подъ его командой Вятскій пѣхотный полкъ.

Чтобы возмѣстить недостатокъ важнаго обвиненія въ непосредственномъ участіи въ мятежѣ, Сперанскій, составляя обвинитель-

ный актъ, постарался отгнѣнить вѣщую виновность Пестеля по другимъ пунктамъ обвиненія. Онъ утверждалъ, что Пестель не только «умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи», но и «съ *хладнокровіемъ* исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ». Онъ утверждалъ, далѣе, что Пестель управлялъ южнымъ тайнымъ обществомъ «съ *неограниченною властію*». Это замѣчаніе о неограниченной власти надъ обществомъ было совершенно неосновательнымъ; оно рѣзко противорѣчитъ фактамъ самостоятельнаго активнаго участія въ южномъ обществѣ Сергѣя Муравьева-Апостола, который въ послѣдній годъ существованія этого общества имѣлъ даже болѣе важное значеніе, чѣмъ Пестель.

Другой обвинитель Пестеля, секретарь слѣдственнаго комитета, Боровковъ, правильно говоря, что онъ «безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества съ самаго вступленія въ оное», что онъ «господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ», вмѣстѣ съ тѣмъ крайне преувеличилъ значеніе Пестеля въ обществѣ, когда утверждалъ, что онъ «самовластно управлялъ Южнымъ обществомъ» и что онъ «былъ *главою общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій*». Этими словъ Боровкова Сперанскій не рѣшился повторить въ обвинительномъ актѣ, какъ ни хотѣлъ онъ ярче отгнѣнить преступность Пестеля.

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе виновнымъ, чѣмъ другіе виднѣйше декабристы. Но по существу дѣла ему, конечно, принадлежало среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по силѣ дарованій и по силѣ вліянія. Если онъ не принималъ непосредственнаго участія въ мятежѣ, то за то имѣлъ громадное значеніе въ устройствѣ и развитіи тайнаго общества. Онъ не былъ «самовластнымъ главою общества и тайною пружиною всѣхъ его дѣйствій», но несомнѣнно, что въ нѣкоторые важные моменты жизни общества его дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу заговора. Когда на московскомъ съѣздѣ 1821 года Союзъ Благоденствія былъ закрытъ, Пестель рѣшительно возсталъ противъ рѣшенія съѣзда и немедленно организовалъ изъ членовъ общества, жившихъ на югѣ, Южное Общество, въ видѣ отдѣла Союза Благоденствія, закрытія котораго онъ не признавалъ. Это устройство Южнаго Общества оказало сильное вліяніе на устройство въ Петербургѣ Сѣвернаго Общества также изъ членовъ Союза Благоденствія.

Пестель отнюдь не имѣлъ «неограниченной власти» надъ Южнымъ Обществомъ; онъ имѣлъ въ немъ даже очень незначительную власть, потому что настойчивыя старанія его объ образованіи сильнаго, сплоченнаго общества не увѣчились успѣхомъ. Но онъ имѣлъ вообще громадное значеніе въ исторіи тайныхъ обществъ, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго, не силою власти, которую онъ имѣлъ, какъ одинъ изъ директоровъ, а силою своихъ исключительныхъ дарованій, „силою примѣра“, какъ опредѣлилъ его значеніе Сперанскій.

Одно уже то, что онъ былъ членомъ тайнаго общества, придавало особое значеніе и вѣсь этому обществу, внушало многимъ увѣренность въ его силѣ и вліяніи. Сила его личности заставляла многихъ преувеличивать значеніе его, какъ главнаго дѣятеля тайнаго общества, держащаго въ рукахъ всѣ нити заговора. Въ Петербургѣ, среди главныхъ дѣятелей общества (какъ Никита Муравьевъ и князь Трубецкой), распространено было преувеличенное мнѣніе о вліяніи Пестеля и значеніи общества, имъ организованнаго на югѣ. Извѣстіе, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, произвело среди нихъ въ концѣ 1823 года тревогу и смущеніе. Они заранѣе насторожились, опасаясь вліянія Пестеля и его упрековъ въ бездѣятельности. Никита Муравьевъ говоритъ съ княземъ Трубецкимъ, что „для узнанія мыслей и состоянія общества Пестеля надобно показать ему, что-нибудь здѣсь образованное“, и спѣшно организуетъ „управу“ изъ трехъ членовъ. Пестель въ началѣ 1824 года пріѣзжаетъ въ Петербургъ, на другой же день по пріѣздѣ является къ князю Трубецкому и осмыкаетъ его упреками въ бездѣятельности Сѣвернаго Общества. Въ результатѣ многихъ продолжительныхъ совѣщаній съ петербургскими членами общества Пестелю не удается подчинить ихъ своему вліянію, но въ исторіи общества эти совѣщанія имѣли большое значеніе, заставивъ петербургскихъ членовъ сплотиться и точнѣе выяснить свою программу. Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ Пестель, не обладая той «неограниченной властью», которую ему приписывали наивные слѣдователи, тѣмъ не менѣе оказывалъ громадное вліяніе на дѣла общества силою своей личности, «силою примѣра».

Въ запискахъ современниковъ, въ томъ числѣ и не принадлежавшихъ къ тайному обществу, сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ отзывовъ о Пестелѣ. Всѣ, и даже враги его, говорятъ о немъ, какъ о личности съ исключительными дарованіями.

Во время невольнаго пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, сюда въ апрѣлѣ 1821 года пріѣхалъ Пестель проѣздомъ, по дѣламъ службы. Онъ навѣстилъ поэта и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. «Утро провелъ съ Пестелемъ—записалъ Пушкинъ въ дневникѣ. Умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Пушкинъ записалъ въ дневникѣ и поразившее его замѣчаніе Пестеля о материализмѣ: *Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse.*

Начальники второй арміи, въ которой служилъ Пестель, были о немъ самаго высокаго мнѣнія. Начальникъ штаба графъ П. Д. Киселевъ (извѣстный, между прочимъ, какъ сторонникъ освобожденія крестьянъ) не удалялъ отъ себя Пестеля, несмотря на неоднократные совѣты своихъ петербургскихъ друзей, и съ увлеченіемъ вспоминалъ послѣдствіи о вечерахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра и въ командованіи арміей.

Въ запискахъ протоіерея казанскаго собора, Мысловскаго, находимъ не только сочувственный, но прямо восторженный отзывъ о Пестелѣ: «Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокой, тактикъ военный превосходный... Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самоувѣніемъ».

Восторженностью характеристики Пестеля Мыловскій превзошелъ даже его товарищей, декабристовъ. Но записки декабристовъ подтверждаютъ отдѣльными штрихами вѣрность этой характеристики. Онѣ также согласно говорятъ о замѣчательномъ умѣ Пестеля, объ обширности его познаній, о его краснорѣчьи, о силѣ его характера. Князь Оболенскій говоритъ о «свѣтломъ умѣ», объ «убѣдительномъ дарѣ слова» Пестеля и признается, что ему «трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ». Съ записками декабристовъ сходятся и ихъ показанія въ слѣдственной комиссіи. Князь Барятинскій говорилъ здѣсь, что изъ членовъ общества Пестель «безъ сомнѣнія» былъ «всѣхъ болѣе уважаемъ, насчетъ ума и познаній политическихъ».

Это очевидное, бесспорное превосходство Пестеля надъ своими товарищами по обществу создало для него тяжелое положеніе въ судѣ. Многіе изъ нихъ, особенно изъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ нему по тульчинской управѣ, въ малодушномъ страхѣ предъ ожидавшимъ ихъ наказаніемъ, старались спасти себя, приписывая свое участіе въ обществѣ единственно гибельному влиянію Пестеля. Они не щадили его, изображая его коварнымъ злодѣемъ, прибѣгавшимъ для завлеченія членовъ къ обманамъ и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ.

Комитетъ ставилъ подсудимымъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній, и къ самому начатію дѣйствій общества совѣтами, сочиненіями и влияніемъ своимъ на другихъ?»

— «Какъ мнѣ извѣстно — отвѣтилъ на этотъ вопросъ поручикъ Крюковъ 2-й—*одинъ Пестель*».

— «Полковникъ Пестель — отвѣтилъ командиръ казанскаго пѣхотнаго полка П. В. Аврамовъ—надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ похвальную и, *можно сказать, одинъ дѣйствовалъ*».

Къ этому онъ прибавилъ еще слѣдующее гибельное для Пестеля размышленіе:

«Ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнуть въ оное не собственнымъ преступнымъ какимъ-либо желаніемъ, но чрезъ обманъ меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда-либо въ жизни моей».

Другіе обвиняемые объясняли комитету, какъ поддавались они Пестелю, соглашаясь противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоятъ его авторитету. Одинъ приписывалъ свое участіе въ обществѣ, главнымъ образомъ, его «настоятельству»; другой рассказывалъ, какъ «непримѣтно умы увлечены и приготовлены были вліяніемъ Пестеля».

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми—таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ чловека.

Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно яacobинцамъ и подобно родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста.

Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія Русской Правды, которыя, на первый взглядъ, кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На Русскую Правду Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неурядиства, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи. «Русская Правда—писалъ онъ—служить для Россіи ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ такой грамотѣ ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя предъ собою яснаго и полнаго наставленія... Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло».

Свойственная Пестелю непреклонная, фанатическая преданность идеѣ мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ декабриста Якушкина: «Пестель умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрилъ въ математическую истину. Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть, въ этомъ и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ до-

казавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе».

«Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался» — говоритъ Якушкинъ. Холодную безстрастность Пестеля отмѣчаютъ и другіе современники. Логическій умъ соединялся въ немъ съ сильно развитой волей, подавлявшей чувство. Сильная воля придавала смѣлость и рѣшительность его дѣйствіямъ. Въ тайномъ обществѣ онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, даже иногда слишкомъ рѣшительно, до неосторожности. Съ солдатами и офицерами своего полка онъ для поддержанія дисциплины обращался строго, иногда до жестокости, сознательной, по расчету. Въ 1821 году, когда его сдѣлали командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, который считался худшимъ во всей южной арміи, онъ успѣлъ въ короткое время ввести въ немъ желѣзную дисциплину. «Началь я — рассказывалъ онъ самъ — съ штабъ и оберъ-офицеровъ; строгость противъ нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многого требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты». Когда же, несмотря на всѣ старанія, солдаты, вслѣдствіе «закоренѣлой лѣности», сдѣлали недостаточные успѣхи, онъ послѣ одного смотра подвергнувъ всѣхъ передовыхъ строгому наказанію, по жестокимъ военнымъ правиламъ того времени.

Нескрываемое сознаніе своего превосходства вносило въ отношенія Пестеля къ людямъ черту надменной повелительности. Когда нужно, онъ умѣлъ быть любезнымъ и тонкимъ. Но обыкновенно онъ ждалъ и требовалъ подчиненія, упорно настаивая. Онъ не «обворожалъ» членовъ общества и не всегда ихъ убѣждалъ, но чаще подавлялъ ихъ своей логикой и своею настойчивостью. Въ повзаніяхъ декабристовъ, обвинявшихъ Пестеля въ томъ, что онъ подчинилъ ихъ своему вліянію, звучитъ иногда нота старой затаенной обиды.

«Помню — рассказываетъ одинъ изъ тульскихкихъ членовъ, Давыдовъ, — объ одномъ собраніи у князя Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ».

Также жаловался на Пестеля Басаргинъ: «Весьма часто, въ нѣкоторыхъ даже ничтожныхъ разговорахъ намъ казалось, что Пестель разсуждаетъ несправедливо, но, не рѣшаясь съ нимъ спорить, мы оставляли его при его мнѣніяхъ, и говорили безъ него о семъ между собою».

Властный характеръ Пестеля явился одной изъ причинъ того разлада между южнымъ и сѣвернымъ обществами, который проявился во время упоминавшихся уже выше переговоровъ его съ членами сѣвернаго общества въ Петербургѣ въ началѣ 1824 г. Главной причиной разлада было коренное различіе программъ: Петербургскіе члены сочувствовали проекту Никиты Муравьева — федеративной конституціонной монархіи. Пестель же настаивалъ

на своемъ проектѣ демократической республики. Соглашенію помѣшало крайнее недовѣріе петербургскихъ членовъ къ властолюбивому директору южнаго общества.

Въ ожиданіи пріѣзда Пестеля въ Петербургъ Никита Муравьевъ предостерегаетъ своихъ товарищей, что онъ «человѣкъ опасный и себялюбивый».

Князь Трубецкой изъ разговоровъ съ Пестелемъ выноситъ убѣжденіе, что онъ «человѣкъ вредный», что «не должно допускать его усиливаться, но стараться всевозможно его ослабить». Совѣщаніе ихъ оканчивается тѣмъ, что они «разстаются другъ другомъ недовольны». Князь Трубецкой далъ понять своему собесѣднику, что подозрѣваетъ его въ личныхъ видахъ, и Пестель, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— «Стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ!»

Въ разговорѣ съ третьимъ вліятельнымъ членомъ Сѣвернаго общества, Рылѣвымъ, Пестель, между прочимъ, отозвался о Наполеонѣ, что онъ истинно великій человѣкъ, отличавшій не знатностью, а дарованіемъ, и возвысившій Францію. Предубѣжденный Рылѣвъ тотчасъ увидѣлъ въ этихъ словахъ скрытый намекъ на то, что Пестель самъ мечтаетъ быть Наполеономъ, и послѣшилъ замѣтить ему наставительно:

— «Въ наши дни даже и честолюбецъ, если только онъ разуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, чѣмъ Наполеономъ».

Безуспѣшность переговоровъ съ членами петербургскаго общества, закончившихся лишь не вполне оформленнымъ соглашеніемъ о единодушномъ дѣйствіи въ случаѣ крайности, безуспѣшность стараній тѣсно объединить оба общества подъ общей директоріей и съ общей программой—была лишь одной изъ оруннхъ неудачъ Пестеля въ его конспиративной дѣятельности. Такихъ неудачъ у него было много. Всѣ силы его ума и воли, вся его настойчивая дѣятельность въ теченіе восьми лѣтъ въ разѣ принятомъ направленіи не дала ему того успѣха, въ которомъ онъ былъ такъ твердо увѣренъ долгое время до разочарованій послѣдняго 1825 года.

Говоря такъ, я разумѣю не успѣхъ послѣднихъ рѣшительныхъ дѣйствій тайнаго общества, не неудачу мятежа въ Петербургѣ. Эта неудача была случайной. Какъ ни слабы были силы заговорщиковъ, какъ ни малодушенъ былъ князь Трубецкой, котораго главный двигатель возстанія, Рылѣвъ, неудачно выдвинулъ въ роковой день 14 декабря, но неурядица междуцарствія была столь благоприятной для заговора, и новый императоръ проявилъ такую растерянность, несмотря на вишнюю помпу театральннхъ рѣшимости, что капризный случай едва-едва не далъ успѣха декабристамъ.

Говоря о успѣхѣ дѣятельности Пестеля, я имѣю въ виду не эту неудачу возстанія, а неуспѣшность его настойчивыхъ стараній

образовать сильное сплоченное тайное общество, неусиѣхъ его, какъ пропагандиста и организатора.

Ходившіе среди членовъ сѣвернаго общества слухи о вліяніи Пестеля и о силѣ организованнаго имъ южнаго общества были крайне преувеличены. Въ началѣ 1821 г., какъ мы говорили, тульчинскіе члены общества въ числѣ 9 человекъ, согласно рѣшили не признавать постановленія московскаго съѣзда объ уничтоженіи Союза Благоденствія и выбрали единогласно директорами Пестеля и Юшневскаго. Они «раздѣляли всѣ со мной—говорилъ Пестель—и цѣль, и способы достиженія ея безъ изыятія, и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили и то и другое. Въ отношеніи къ помянутому засѣданію начала 1821 г. эти слова Пестеля были совершенно вѣрны. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ, пытавшіеся отрицать справедливость этого обвиненія, тотчасъ же, какъ только слѣдственный комитетъ назначалъ имъ очную ставку съ Пестелемъ, сознавались въ своей винѣ, не допуская до очной ставки. Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, что названные тульчинскіе члены и послѣ 1821 г. были настроены такъ же единодушно и рѣшительно, что они составляли тѣсный кружокъ единомышленниковъ, вполне подчинявшихся вліянію избраннаго ими директора и дѣйствовавшихъ по его указаніямъ. Ничего подобнаго; только что «сплотившись, кружокъ началъ распадаться и во всякомъ случаѣ не дѣйствовалъ; единодушій и энергіи хватило только на два засѣданія. Участники Указаннаго собранія одобрили всѣ планы Пестеля о революціи и республикѣ, но это рѣшеніе для большинства было минутнымъ порывомъ. «Происходившее въ семъ совѣщаніи имъ представляется какъ неясный сонъ»—говорилъ впоследствии одинъ изъ нихъ, Ивашевъ. Самъ Пестель, преувеличивающій въ видахъ самозащиты значеніе организаціи общества, заявляетъ, что тульчинская управа съ самаго 1821 г. *опала въ бездѣйствіе*. Вѣрнѣе будетъ сказать, что тульчинской управы, какъ организованнаго общества, вовсе не существовало. Члены ея ни разу не собирались на совѣщанія. Часть ихъ скоро отстранилась отъ общества. Нѣкоторые же, вновь принятые члены, не только не дѣйствовали, но и такъ мало знали объ истинныхъ цѣляхъ и планахъ общества, что верховный уголовный судъ причислилъ ихъ къ VII разряду преступниковъ. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ Заикинъ, участвовалъ только въ сокрытіи Русской Правды въ моментъ арестованія Пестеля, но онъ такъ мало зналъ о ея содержаніи, что отнесенъ былъ къ VIII разряду преступниковъ. Подполковникъ П. И. Фаленбергъ, по замѣчанію слѣдственнаго комитета, былъ «столь недѣятельнымъ и уклонившимся членомъ, что даже самое имя его почти забыто въ обществѣ». Этотъ Фаленбергъ такъ мало зналъ о дѣлахъ общества, что держался слѣдующаго страннаго мнѣнія: «Предчувствіе не обманываетъ меня, что всѣ нѣмцы замѣшанные въ ихъ конституціонное общество, будутъ жертвы сего тайнаго общества, они, вѣрно, всего меньше знали о немъ, но были употреблены, какъ машины, для приведенія въ исполненіе тайныхъ

замысловъ». Старанія самого Пестеля по привлеченію новыхъ членовъ оказались очень неудачны: онъ принялъ въ общество одного только предателя Майбороду.

Помимо генераль-интенданта 2 армии, Алексѣя Юшневскаго, второго «директора» общества, у Пестеля было только два близкихъ къ нему единомышленника, вполне подчинившихся его вліянію,—отст. полк. Василии Давыдовъ и генераль-майоръ, князь Сергій Волконскій. Они всегда соглашались съ Пестелемъ на засѣданіяхъ общества, но поверхностно усвоенныя ими идеи Пестеля не составляли ихъ твердыхъ убѣжденій. Они относились къ дѣлу слишкомъ пассивно и также почти не дѣйствовали.

«Блжнусь—показывалъ Давыдовъ на слѣдствіи—что я и Волконскій не придавали никакой важности симъ рѣчамъ (рѣчамъ Пестеля о царевубійствѣ), и я думаю о Юшневскомъ тоже, почитая все сіе пустыми словами. Конечно, мудро мнѣ все сіе доказать, но если бы извѣстно было, какъ происходили такыя разговоры, какъ мало, вышедши изъ той комнаты, гдѣ ихъ слышали, о нихъ мы думали, оно бы понятно было... Къ несчастью моему, когда я услышалъ другія рѣчи и мнѣнія (болѣе рѣшительныя, о приступѣ къ дѣятельности), имѣлъ постыдную слабость не возражать, а потакать онымъ, боясь казаться слабымъ и безхарактернымъ, но не вѣрилъ никогда исполненію. Въ послѣдніе времена я началъ образумѣвать, и если бы не такъ скоро открыто было общество, ни меня, ни Волконскаго въ немъ бы не нашли». Это показаніе кажется искреннимъ и прекрасно характеризуетъ отношеніе къ обществу двухъ друзей Пестеля. Давыдовъ и кн. Волконскій были, говоритъ Пестель, руководителями второй управы, правой или каменской (по мѣсту ихъ жительства въ селѣ Каменкѣ), образованной вмѣстѣ съ двумя другими управами, тульчинской и васильковской въ 1823 г. «Каменская управа, признается Пестель, дѣйствовала вяло». Кн. Волконскій и Давыдовъ даже не старались привлекать новыхъ членовъ. Изъ членовъ каменской управы ревностнымъ дѣятелемъ былъ одинъ лишь отставной подполк. А. В. Поджіо, принятый въ 1823 г., «пламенный членъ, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ».

Наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Южнаго общества были, помимо Пестеля, Сергій Муравьевъ-Апостоль, подполковникъ черниговскаго пѣхотнаго полка, и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ полтавскаго пѣх. полка. Сергій Муравьевъ присоединился къ южному обществу въ 1822 г., а черезъ него въ 1823 г. принятъ былъ М. Бестужевъ. Они не сразу подчинились мнѣніямъ Пестеля. Сначала они, въ особенности С. Муравьевъ, горячо спорили противъ его программы установленія республики путемъ революціи и царевубійства. Но вскорѣ, въ ноябрѣ 1823 г., на съѣздѣ у Давыдова въ Каменкѣ объявили, что переѣмили мнѣнія и вполне принимаютъ программу Пестеля. Русская Правда, въ краткомъ изложеніи, составила ихъ политическій завѣтъ, который они затѣмъ дѣятельно распространяли среди другихъ членовъ. Въ 1823 г. С. Муравьевъ и М. Бестужевъ объявлены были руководителями василь-

ковской или дѣвой управы. Каменскіе и тульчинскіе члены были слишкомъ пассивны; Муравьевъ же и Бестужевъ слишкомъ рвались впередъ и, признавая авторитетъ Пестеля, въ то же время противъ его воли увлекали его за собой. Они, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ членовъ, присоединили къ васильковской управѣ открытое ими общество соединенныхъ славянъ; они же первые начали сношенія съ поляками. Руководимая ими Васильковская управа къ концу 1824 г. была по числу членовъ больше обѣихъ другихъ управъ вмѣстѣ. Она была гораздо дѣятельнѣе, но и гораздо независимѣе отъ директоріи и большей частью только сообщала къ свѣдѣнію директоріи о своихъ дѣйствіяхъ. Въ виду этого, съ цѣлью тѣснѣе сплотить общество и ослабить самостоятельность С. Муравьева, Пестель рѣшилъ раздѣлить съ нимъ высшую власть надъ обществомъ и въ ноябрѣ 1825 г. назвалъ его директоромъ общества, третьимъ членомъ директоріи.

Неуспѣхъ дѣятельности Пестеля отчасти былъ обусловленъ личными его качествами; онъ отталкивалъ многихъ своимъ характеромъ, слишкомъ властнымъ для дѣятеля тайнаго общества, съ выраженными слишкомъ ясно диктаторскими стремленіями. Но главныя причины неуспѣха заключались, конечно, въ неподготовленности той общественной среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Эта неподготовленность общества ярче всего выразилась въ немногочисленности и слабости тѣхъ лучшихъ его представителей, которые были захвачены потокомъ революціоннаго движенія, въ немногочисленности и слабости самихъ декабристовъ.

Всего осужденныхъ по дѣлу 14 декабря было 121 человекъ. Но если мы выдѣлимъ изъ нихъ нѣсколько главныхъ дѣятелей, то остальные рядовые декабристы оказываются по большей части стоящими не на высотѣ положенія. Наказаніе, назначенное имъ императоромъ Николаемъ, по большей части было непомерно суровымъ въ сравненіи съ ихъ виною. Они, какъ выяснилось на судѣ, или не знали объ истинной цѣли тайнаго общества, или знали, но были совершенно недѣятельными, или разочаровавшись въ успѣхѣ, рано вышли изъ общества. Въ числѣ такихъ разочаровавшихся было нѣсколько замѣчательныхъ личностей, какъ, напримѣръ, Фонъ-Визинъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, Бурцовъ, соперникъ Пестеля въ началѣ его дѣятельности въ Тульчинѣ, Лукинъ, выдѣляющійся своей твердостью, рѣшительностью и благородствомъ.

Въ ихъ время конфликтъ между старыми формами власти и обществомъ не достигъ еще той остроты, которая рождаетъ самоотверженность, превращая политику въ религію, которая силою ненависти дѣлаетъ стойкими и такихъ слабыхъ по натурѣ людей, какими были многіе декабристы.

Подъ вліяніемъ мгновеннаго порыва, вызваннаго стеченіемъ обстоятельствъ, декабристы могли перейти къ дѣйствіямъ, какъ то и доказали они въ Петербургѣ и подѣ Бѣлоу-Церковью. Но раньше, въ тайномъ обществѣ они долгое время ограничивались совѣщаніями, не переходя отъ словъ къ тому дѣлу, на которое постоянно ува-

зывалъ Пестель, къ дѣлу организаціи и широкаго развитія дѣятельности тайнаго общества.

Среди декабристовъ было два человѣка, которыхъ называли «обреченными», Каховскій и Якубовичъ. Эти «обреченные» являлись въ роли особыхъ героическихъ натуръ. Остальные рѣзко отличали себя отъ нихъ. Въ послѣдующее время, когда въ революціонномъ движеніи «мгновенный порывъ» замѣненъ былъ самоотреченіемъ, каждый революціонеръ смотрѣлъ на себя, какъ на обреченнаго человѣка.

Неподготовленность общественной среды проявилась также и въ отношеніи декабристовъ къ программѣ Пестеля, революціонной и республиканской. Программа эта для большинства казалась слишкомъ радикальной. Петербургскіе члены общества рѣшительно отказались ее принять; большинство же южныхъ членовъ соглашалось на нее лишь подъ вліяніемъ «мгновеннаго порыва», или по настояніямъ Пестеля.

Пестель, больше всѣхъ своихъ товарищей сдѣлавшій для организаціи и развитія общества, также не былъ преданъ своей республиканской идеѣ до самоотреченія, до самопожертвованія во имя общаго блага. Онъ дѣйствовалъ въ тайномъ обществѣ, потому что, по свойству своего ума, твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего плана военнаго переворота и военной диктатуры, для утвержденія республики. Онъ не былъ фанатикомъ въ собственномъ смыслѣ слова, но онъ былъ фанатически преданъ своей идеѣ, и эта преданность идеѣ заставила его сдѣлать для общества болѣе, чѣмъ сдѣлали всѣ его товарищи.

Верховный уголовный судъ, однако, все же присудилъ его къ смертной казни не столько за то, что онъ сдѣлалъ,—потому что онъ сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ могъ бы при другихъ условіяхъ,—сколько за то, чѣмъ онъ былъ. По силѣ характера и силѣ убѣжденія онъ былъ, безспорно, первымъ изъ декабристовъ.

Подробная біографія Пестеля дѣло будущаго. Онъ игралъ такую важную роль въ тайныхъ обществахъ съ перваго образованія въ январѣ 1817 года «Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», что подробная научная біографія его представитъ собою исторію этихъ тайныхъ обществъ во всѣхъ ея основныхъ чертахъ развитія идей и организаціи.

Мы печатаемъ здѣсь показанія Пестеля по его собственноручнымъ отвѣтамъ слѣдственному комитету, хранящимся въ дѣлѣ Государственнаго Архива. Для удобства чтенія мы располагаемъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ и опускаемъ лишь нѣкоторыя незначительныя замѣчанія, которые будутъ напечатаны впоследствии, въ отдѣльномъ изданіи. Эти показанія представляютъ собою въ цѣломъ подробный рассказъ, словами одного изъ главныхъ дѣятелей тайнаго общества, о всей жизни общества. Они содержатъ въ себѣ первосте-

ценный материалъ для исторіи общества, превосходящій по своему значенію извѣстныя доселѣ записки декабристовъ.

Эти показанія послужили, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ источниковъ извѣстнаго «Донесенія слѣдственной комиссіи», или «Всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ», составленнаго графомъ Блудовымъ. Многія мѣста показаній Пестеля дословно повторены въ этомъ докладѣ. Изъ нихъ въ особенности взяты были въ докладъ обстоятельныя разъясненія Пестеля объ организаци и планахъ общества. Въ цѣляхъ самозащиты отъ личныхъ обвиненій со стороны товарищей, не щадившихъ его въ своихъ отвѣтахъ, Пестель предъ слѣдственнымъ комитетомъ старался отбѣнить силу организаци общества, чтобы перенести отвѣтственность съ отдѣльныхъ лицъ на всѣхъ вмѣстѣ, на все общество. «Донесеніе» воспользовалось этимъ защитительнымъ маневромъ Пестеля, чтобы преувеличить, въ цѣляхъ обвиненія, организованность общества, и по справедливому замѣчанію Н. Тургенева, придало значеніе заговора даже нѣкоторымъ интимнымъ бесѣдамъ лицъ, ни къ чему ихъ не обязывавшимъ.

Пестель, какъ сказано выше, былъ арестованъ въ мѣстечкѣ Линцахъ Кіевской губерніи, въ штабъ-квартирѣ Вятскаго полка 13 декабря 1825 года. Онъ былъ перевезенъ въ Тульчинъ, гдѣ находился штабъ 2-й арміи. Здѣсь начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Киселевъ, связанный съ нимъ дружескими отношеніями, задалъ ему длинный рядъ вопросовъ, составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи доноса Майбороды. Пестель написалъ на нихъ отвѣты 22 декабря 1825 года, рѣшительно отрицая какую-либо причастность къ тайному обществу и не называя никого изъ его членовъ.

Въ первыхъ числахъ января онъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь по вопросамъ, заданнымъ ему генералъ-адъютантомъ Левашевымъ, онъ увидѣлъ, что изъ показаній членовъ общества, арестованныхъ послѣ 14 декабря, слѣдователи знаютъ уже всѣ секреты общества, и въ общихъ чертахъ подтвердилъ справедливость предъявленныхъ ему обвиненій, назвавъ также и имена своихъ товарищей, въ большей части уже арестованныхъ. Этотъ допросъ снятъ былъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, 4 января 1826 года. Въ дополненіе къ устнымъ отвѣтамъ онъ въ ближайшіе дни написалъ еще нѣсколько письменныхъ разъясненій общаго характера о замыслахъ и дѣятельности общества.

Подробныя показанія написаны были имъ позднѣе, въ отвѣтъ на обстоятельныя вопросы комитета, отъ 13 января 1826 года, числомъ 55, и отъ 1 апрѣля, числомъ 47. Большую тетрадь отвѣтовъ на вопросы отъ 1 апрѣля Пестель писалъ пять дней, какъ видно изъ даты, 6 апрѣля, обозначенной на ней, вмѣстѣ съ подписью. Въ теченіе апрѣля съ него еще нѣсколько разъ снимали допросъ по отдѣльнымъ вопросамъ процесса (9, 15, 20 апрѣля). Кромѣ того нѣсколько разъ ему дѣлались очныя ставки съ различными обвиняемыми. Печатавъ всѣ эти показанія, мы вездѣ указываемъ въ скобкахъ ихъ даты, гдѣ только онѣ обозначены.

Всѣ бумаги слѣдствія переданы были Верховному Уголовному Суду, учрежденному указомъ 1 іюня 1826 года и открывшему свои дѣйствія 3 іюня. Существо судебнаго разбирательства свелось къ опредѣленію разрядовъ подсудимыхъ по степени вины каждаго. Для этой работы Верховный Уголовный Судъ избралъ изъ своей среды «разрядную комиссію» подъ предсѣдательствомъ М. М. Сперанскаго, получившаго наибольшее число голосовъ при выборахъ членовъ этой комиссіи. Явившись, такимъ образомъ, главнымъ вершителемъ судьбы различныхъ декабристовъ, Сперанскій выработалъ основанія для сравнительнаго опредѣленія силы вины каждаго изъ нихъ. Эти основанія изложены имъ въ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда императору Николаю I, не разъ напечатанномъ ¹⁾. По указаніямъ Сперанскаго и частью имъ самимъ составлены были краткія записки о силѣ вины каждаго изъ обвиняемыхъ. Записку о винахъ Пестеля, доселѣ неизданную, мы печатаемъ здѣсь въ приложеніяхъ къ его показаніямъ ²⁾, а теперь перейдемъ къ отвѣтамъ, которые далъ самъ Пестель на предложенные ему вопросы.

---

¹⁾ См. этотъ докладъ: В. Базилевскій, „Госуд. преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, т. I, 1903 г. стр. 89.

²⁾ Въ книгѣ Н. Шильдера, „Императоръ Николай I“, напечатана другая записка о винѣ Пестеля, составленная секретаремъ слѣдственнаго комитета Боровковимъ, до учрежденія суда.

I. Біографическія свѣдѣнія.

Имя и отчество мои суть: Павелъ Ивановъ сынъ Пестель. Имѣю отъ роду 32 года, скоро минеть 33.

Я принадлежу къ лютеранскому исповѣданію и бывалъ у святаго причастія каждый разъ, что встрѣчалъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Петербургѣ, но не бывалъ, когда проводилъ оное въ арміи. Въ семь году я былъ у исповѣди и у святаго причастія, а передъ тѣмъ былъ въ 1820-мъ году. Во все же время пребывания моего при Второй арміи не былъ, за неимѣніемъ лютеранскаго священника. Въ 1824-мъ же году не былъ потому, что въ то время очень былъ боленъ и не выходилъ изъ горницы.

Нынѣ царствующему Государю Императору я не присягалъ на вѣрное подданство, ибо арестованъ былъ въ Тульчинѣ 13 декабря прошедшаго 1825 года, прежде полученія извѣстія о вступленіи Государя Императора на Всероссийскій престолъ.

До 12-ти лѣтъ возраста воспитывался я въ домѣ у родителей, а въ 1805 году отправился съ моимъ братомъ, что нынѣ полковникъ Кавалергардскаго полка, въ Гамбургъ, а оттуда въ Дрезденъ, изъ коего въ 1809 году возвратились въ родительскій домъ. Въ сіе время отсутствія изъ отечества управлялъ нашимъ воспитаніемъ нѣкто Зейдель, который, вступя въ Россійскую службу, находился въ 1820 году при генералѣ графѣ Милорадовичѣ. Въ 1810-мъ году былъ я опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда выпущенъ въ концѣ 1811 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

О политическихъ наукахъ не имѣлъ я ни малѣйшаго понятія до самаго того времени, когда сталъ готовиться ко вступленію въ Пажескій корпусъ, въ коемъ ихъ знаніе требовалось для поступленія въ верхній классъ. Я имъ тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшаго въ то время сіи науки въ Пажескомъ корпусѣ.

По выходѣ изъ Пажескаго корпуса занимался я наиболѣе военными и политическими науками и особенную имѣлъ склонность къ политическимъ, а потомъ къ военнымъ.

Зимой съ 1816 на 1817 годъ слушалъ я курсъ политическихъ наукъ у профессора и академика Германа въ его квартирѣ на Васильевскомъ острову. Но мало у него тогда почерпнулъ новыхъ

познаній, потому что онъ почти то же читаль въ лекціяхъ своихъ, что прежде я отъ него слышалъ въ Пажескомъ корпусѣ. Форма преподаванія была другая, но существо предметовъ то же самое.

Я вступилъ въ службу въ 1811 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, изъ Пажескаго корпуса въ лейбъ-гвардіи Литовскій, что нынѣ л.-г. Московскій полкъ. По открытіи кампаніи 1812 года находился я во фронтѣ при полку и былъ съ полкомъ въ сраженіи при селѣ Бородинѣ, гдѣ подъ самый уже вечеръ 26 августа раненъ былъ жестоко ружейною пулею въ ногу съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ жилъ, за что и получилъ золотую шпагу съ надписью за храбрость. Отъ сей раны пролежалъ я до мая мѣсяца 1813 года и, не будучи еще вылѣченъ, но имѣя рану открытою, изъ коей чрезъ весь 1813 годъ восточки выходили, отправился я къ арміи графа Витгенштейна, къ коему назначенъ былъ въ адъютанты. При немъ находился я всю кампанію 1813 и 1814 годовъ, и во всѣхъ былъ сраженіяхъ, гдѣ онъ самъ находился. За Лейпцигское сраженіе получилъ я орденъ святого Владимира четвертой степени съ бантомъ, а за всѣ предшествовавшія дѣла 1813 года, въ коихъ находился послѣ перемирія, былъ произведенъ за отличіе въ поручики. За кампанію 1814 года получилъ орденъ святыя Анны 2 класса. По окончаніи войны въ 1814 году былъ я переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ при прежней должности, въ коей пребывалъ до 1821 года, бывъ переведенъ въ началѣ 1820 года въ Мариупольскій гусарскій полкъ подполковникомъ. Въ 1821 году, когда открывался походъ въ Италію, тогда былъ я переведенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ, не оставаясь уже болѣе адъютантомъ. Въ полку, однако-же, я не былъ на лицо, потому что сказанный походъ въ Италію былъ отмѣненъ, а я между тѣмъ употребленъ былъ въ главной квартирѣ 2 арміи по дѣламъ о возмущеніи грековъ и по симъ же дѣламъ былъ трикратно посыланъ въ Бессарабію, представивъ тогда по начальству двѣ большія записки о дѣлахъ грековъ и турокъ, которыя и были отосланы къ министру иностранныхъ дѣлъ. Въ ноябрѣ 1821 года былъ я по старшинству произведенъ въ полковника и въ томъ же мѣсяцѣ назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, коимъ и продолжалъ командовать до 13 декабря 1825 года.—Я никогда не бывалъ передъ симъ ни подъ судомъ, ниже въ какихъ-либо штрафахъ и даже въ продолженіи всей моей службы ни единога разу не былъ арестованъ и выговора не получалъ; а неоднократно имѣлъ даже важныя порученія, за исполненіе коихъ такъ былъ счастливъ, что всегда отъ начальства одобреніе получалъ. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пункты 1—6, 8).

II. Революціонныя идеи.

Съ котораго времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческія и либеральныя мысли, т. е. отъ внушеній другихъ или отъ чтенія книгъ, и какимъ образомъ мнѣнія сего рода въ умѣ Вашемъ укоренились?

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я могъ именно приписать внушеніе мнѣ первыхъ вольнодумныхъ и либеральныхъ мыслей и точнаго времени мнѣ опредѣлить нельзя, когда онѣ начали во мнѣ возникать: ибо сіе не вдругъ сдѣбалось, а мало по малу и съ начала самымъ для самого себя непримѣтнымъ образомъ. Но слѣдующимъ образомъ честь имѣю Комитету о томъ доложить съ самою чистосердечнѣйшею и полнѣйшею откровенностью.—Когда я получилъ довольно основательныя понятія о политическихъ наукахъ, тогда я пристрастился къ нимъ. Я имѣлъ пламенное рвеніе и добра желалъ отъ всей души. Я видѣлъ, что Благоденствіе и Злополучіе Царствъ и Народовъ зависятъ по большей части отъ правительства, и сія увѣренность придавала мнѣ еще болѣе склонности къ тѣмъ наукамъ, которыя о сихъ предметахъ разсуждаютъ и путь къ онимъ показываютъ. Но я съ начала занимался какъ сими науками, такъ и вообще чтеніемъ политическихъ книгъ со всею кротостью и безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ желаніемъ быть когда-нибудь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ полезнымъ слугою Государю и Отечеству. Продолжая такимъ образомъ заниматься, началъ я потомъ уже разсуждать о томъ: соблюдены ли въ Устройствѣ Россійскаго Правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь, однако же, еще Верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобнымъ предметамъ. Я при семъ находилъ тогда много несообразностей по моимъ понятіямъ съ правилами политическихъ наукъ и началъ разные предметы обдумывать: какими постановленіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или усовершенствованы. Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, при чемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною; между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ въ протеченіи времени присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія по моимъ понятіямъ составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропоть противу правительства.—Возвращеніе Бурбонскаго Дома на французскій престолъ и соображенія мои въ послѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей: ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при ресторраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ

сего сужденія породилась мысль, что революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ какой-нибудь мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учреждений. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ; и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время Революціи, заставляли меня искать средство къ избѣжанію подобныхъ, и сіе-то произвело во мнѣ впоследствии мысль о Временномъ Правленіи и его необходимости, и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія.— Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканской, главнѣйше, слѣдующими предметами и соображеніями:—Сочиненіе Детю де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на меня. Онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ.—Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія.—Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться.—Я вспоминалъ блаженные времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ Императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрепятствующія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но за то и не можетъ такъ скоро и худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала.—Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе, самого монарха, какъ

то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ педовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей. Изъ сего изволить Комитетъ усмотрѣть, что я въ семъ образѣ мыслей укрѣпленъ былъ какъ чтеніемъ книгъ, такъ и толками о разныхъ событіяхъ, а также и раздѣленіемъ со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ, и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ Республиканскомъ Правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, можно сказать, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей: обращая при этомъ же большое вниманіе на устраненіе и предупрежденіе всякаго безначалія, беспорядка и междуусобія, коихъ я всегда показывалъ себя самымъ ревностнѣйшимъ врагомъ.—Объявивъ, такимъ образомъ, въ самомъ откровенномъ и признательномъ изложеніи весь ходъ либеральныхъ и вольнодумныхъ моихъ мыслей, справедливымъ будетъ прибавить къ сему, что въ теченіе всего 1825 года сталъ сей образъ мыслей во мнѣ уже ослабѣвать, и я предметы началъ видѣть нѣсколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская правда не писалась уже такъ ловко, какъ прежде. Отъ меня часто требовали ея посѣлшить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіе цѣлаго года, а только прежде написанное кое-гдѣ переправлялъ. Я начиналъ сильно опасаться междуусобій и внутреннихъ раздоровъ, и сей предметъ сильно меня къ цѣли нашей охладѣвалъ. Въ разговорахъ иногда, однако же, воспламенялся я еще, но не на долго, и все уже не то было, что прежде. Наконецъ, опасеніе, что общество наше открыто правительствомъ, привело меня опять нѣсколько въ движеніе, во и тутъ ничего положительнаго не дѣлалъ и даже по полку оставался на сей счетъ въ совершенномъ бездѣйствіи до самаго времени моего арестованія. (Показанія въ 8-ми пунктахъ. Пунктъ 7-й).

Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись въ умахъ? и кто, гдѣ, началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ Государствѣ?

На сей вопросъ весьма трудно отвѣчать, ибо отвѣтъ мой дол-

жёнъ будетъ уже выходить собственно изъ круга сужденій о тайномъ обществѣ; не менѣе того, во исполненіе приказанія Комитета постараюсь объяснить, какъ могу.

Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаеъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое.—Происшествія 1812, 13, 14 и 15 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и тоже, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единого государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразования заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы влокотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа преобразования по государству, то нельзя приписать сіе нашему обществу, ибо оно слишкомъ еще было малочисленно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, вышеизложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы точно такъ же, какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что въ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества (Показанія 13 января 1826 года, пунктъ 6).

Ш. Союзъ Благоденствія и Южное Общество.

Съ котораго времени и къ какой масонской ложѣ вы принадлежали, гдѣ были всегдашнія или постоянныя собранія ея членовъ и для чего вы сохранили у себя знаки и патенты общества масонскаго послѣ состоянія запретительнаго повелѣнія верховной власти и послѣ данной вами отрицательной подписки, которая обязывала васъ немедленно истребить ихъ?

Въ началѣ 1812 года вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ *Amis réunis*.—Въ 1816-мъ году перешелъ я въ ложу *Trois Diables*, потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой: французскій.—Въ концѣ сего же 1816 года или въ первыхъ числахъ 1817-го года оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданія происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ занимавшемся.

Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе.

Впрочемъ, остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видалъ ни цѣны, ни важности (Первый допросъ въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 года, п. 1).

Кто именно были первоначальные основатели и члены тайныхъ обществъ въ Россіи?

Первыя лица, которыя говорили со мною объ учрежденіи тайнаго общества въ Россіи, были: Новиковъ, Никита Муравьевъ, князь Сергѣй Трубецкой и Федоръ Глинка. Сіе было осенью 1816-го года. Въ генварѣ 1817 года составилось въ Петербургѣ общество *Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*. Предсѣдателемъ избранъ былъ князь Сергѣй Трубецкой; надзирателями и блюстителями: князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ; секретаремъ Никита Муравьевъ. Прочіе тогдашніе члены были, сколько припомнить могу: Сергѣй Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, князь Илья Долгоруковъ, князь Шаховской, Федоръ Глинка, Иванъ Шиповъ, Новиковъ, Лукинъ и я: а чрезъ нѣсколько времени Бурцовъ и Михайло Муравьевъ.

Въ скорости послѣ того уѣхалъ я въ своему мѣсту въ первый корпусъ. Послѣ отъѣзда моего узнало наше общество, что подобное составилось въ Москвѣ, въ коемъ были Фонъ-Визинъ, Калосинъ и Якушкинъ. Сей послѣдній пріѣзжалъ въ Петербургъ для соединенія обоихъ обществъ въ одно и имѣлъ о томъ пренія съ княземъ Лопухинымъ, какъ мнѣ потомъ пересказывали. Какимъ образомъ сіе соединеніе совершилось, я уже не знаю, но когда въ концѣ 1817 года пріѣзжалъ я въ Петербургъ, то уже было оное сдѣлано, и большая часть членовъ нашихъ находилась въ Москвѣ съ гвардіею. Тамъ преобразовали общество Сыновъ Отечества въ *военное* общество и раздѣлили членовъ на два отдѣленія. Въ одномъ былъ первенствующимъ членомъ Никита Муравьевъ, а въ другомъ Катенинъ. Сіе недолго продолжалось и учредили въ Москвѣ же *Союзъ Благоденствія съ Зеленою Книгою*, которую и въ намъ въ Петербургъ прислали. Мы ее приняли, и съ того времени началъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, а прежнее устройство съ его статутомъ было уничтожено (Показанія 13 января 1826 г., п. 1).

Первоначальное общество, составившееся въ Петербургѣ въ 1816 году, вы называете обществомъ Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, а капитанъ Муравьевъ—Союзомъ Спасенія, иные же, принадлежавшіе къ сему обществу, не даютъ оному никакого наименованія. Поясните: какъ общество сіе дѣйствительно называлось большею частію членовъ?

Я называлъ первоначальное общество, составившееся въ 1816 году: *Обществомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*, потому что Уставъ онаго общества, принятый въ началѣ 1817 года, сіе имѣлъ

заглавіе; о наименованіи же общества *Союзом Спасенія* никогда и не слыхалъ (Показанія 6 апрѣля 1826 г., п. 1).

Въ разсужденіи цѣли начальнаго общества члены говорятъ различно: одни, что оная была введеііе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, другіе освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости, вѣкоторыя же, просто введеііе новаго порядка вещей. Поясните: въ чемъ именно заключалась настоящая цѣль перваго общества?

Настоящая цѣль перваго общества была введеііе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время, но вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества принята и цѣль Конституціи, о которой говорилось, однако же, членамъ не прежде, какъ во второй степени, а въ первой при начальномъ принятіи говорилось только глухо о введеііи новаго порядка. (Тоже, п. 2).

Нѣкоторые члены показываютъ, что статутъ начальнаго общества отринуть или уничтоженъ по множеству формъ и клятвъ, въ ономъ предполагавшихся, и потому, что проповѣдывалъ насилие и слѣпое повиновеніе боярямъ. Поясните, въ какомъ точно духѣ былъ написанъ означенный статутъ и почему дѣйствительно былъ уничтоженъ?

Статутъ перваго общества имѣлъ много клятвъ и формъ, потому что составленъ былъ въ духѣ масонскихъ учрежденій, формъ и клятвъ. Въ скорости по принятіи обществомъ сего статута, разбѣхались члены, составлявшіе оный, то есть князь Трубцевоіі, князь Долгоруковъ и я; а по сему и находили остальные члены разныя въ немъ недоумѣнія. Вслѣдствіе чего и уничтожили оный въ Москвѣ, когда были тамъ въ 1817 году зимою (Тоже, п. 3).

По объявленіи мнимаго уничтоженія союза Благоденствія въ 1820 или 1821 году, кто именно изъ членовъ онаго на Югѣ остались соединенными, и рѣшились не прекращать своихъ дѣйствій и учредить свою думу? Что побуждало ихъ къ продолженію общества, предлагалъ ли Юшневскій объ опасности такого предпріятія, вы ли убѣдили прочіихъ членовъ къ удержанію общества на Югѣ и въ какомъ точно значеніи или духѣ?

Въ первомъ Союзѣ Благоденствія отличались отъ прочіихъ членовъ, такъ называемые, *коренные* члены, то есть тѣ члены, которые къ сему союзу принадлежали съ самаго начала его введеііа и образованія. Когда зимою съ 1820 на 1821 годъ назначался отъѣздъ въ Москву для совѣщанія о преобразованіи Союза, тогда были къ сему съѣзду приглашены всѣ коренные члены, а Думы должны были назначить депутатовъ. Отъ Тульчинской Думы посланъ былъ Комаровъ, какъ депутатъ, а Бурцовъ поѣхалъ, какъ коренной членъ. По возвращеніи Бурцова и Комарова изъ Москвы, узнали мы все тамъ происшедшее отъ Комарова, прежде нежели Бурцовъ по порученію о томъ въ Думѣ объявилъ. Посему прежде собранія Думы былъ у насъ о томъ разговоръ съ Юшневскимъ. Изъ неудовольствія всѣхъ членовъ нашей Думы о Московскомъ происшествіи видно уже было, что большая часть склонна не признать объявленнаго уничтоженія Союза. По сему обстоятельству говорилъ мнѣ Юшневскій

Павель Иванович
ПЕСТЕЛЬ.

прежде собранія думы, что онъ намѣренъ въ оной представить обо всѣхъ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія, дабы испытать членовъ и удалить всѣхъ слабосердыхъ, говоря, что лучше ихъ теперь отъ Союза при семъ удобномъ случаѣ удалить, нежели потомъ съ ними возиться. Когда Дума была собрана и Бурцовъ объявилъ о Московскомъ уничтоженіи Союза, а потомъ вышелъ, и за нимъ Комаровъ, тогда Юшневскій проговорилъ свою рѣчь, которая не только никого не удалила отъ союза, но, напротивъ того, самолюбие каждого подстрекнула, и полковникъ Аврамовъ первый сказалъ, что ежели всѣ члены оставятъ союзъ, то онъ будетъ его считать сохраненнымъ въ себѣ одномъ. Послѣ его всѣ члены объявили намѣреніе оставаться въ Союзѣ, и тутъ было замѣчено, что Московская чрезвычайная Дума имѣла порученіе переобразовать Союзъ и потому преступила границы своей власти, объявляя Союзъ уничтоженнымъ, а потому Тульчинская Дума признаетъ союзъ существующимъ съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи. То и другое было подтверждено, и притомъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ образованіи Союза. Всѣ, тогда присутствовавшіе, члены приняли названіе *Бояръ Союза* и выбрали въ предсѣдатели Юшневскаго, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что онъ, подобно намъ, не признаетъ уничтоженія Союза, ибо онъ не былъ въ Москвѣ. Вотъ самое вѣрнѣйшее и подробнѣйшее повѣствованіе всего сего происшествія. Вскорѣ послѣ того получили мы извѣстіе отъ Никиты Муравьева, что многіе члены въ Петербургѣ точно такъ же поступили, какъ Тульчинская Дума.

Вотъ начало Сѣвернаго и Южнаго округовъ того же самаго Союза Благоденствія, продолженнаго и притомъ исправленнаго. Членами Тульчинской Управы были тогда Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, адъютанты Крюковъ 1, князь Барятинской и Бассаргинъ, свитской Крюковъ 2, князь Волконскій, Василій Давыдовъ и я. Князь Волконскій и Давыдовъ, хотя и не присутствовали при семъ случаѣ, но узнавъ о происшедшемъ, объявили, что они во всемъ съ Думою согласны и остаются членами общества.

На контрактахъ 1822 года присоединился Сергѣй Муравьевъ къ Южному округу, а чрезъ него въ 1823 году на контрактахъ же былъ принятъ Бестужевъ-Рюминъ. На обоихъ контрактахъ находились Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и я.

Въ 1823 году раздѣлился Южный округъ на три управы: *Тульчинская* осталась въ прежнемъ составѣ. Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ съ ихъ членами составили *Васильковскую Управу*, которая называлась *лѣвою*; а Давыдовъ и князь Волконскій составили *Каменскую Управу*, которая называлась *правою*. Всѣ три находились подъ вѣдѣніемъ *Тульчинской Директоріи*.

Каменская управа приобрѣла только Лихарева, графа Полиньяка и отставнаго Поджіо. Подполковникъ Янтальцовъ былъ мною въ оную передавъ, а прежде того былъ онъ принятъ въ союзъ полковникомъ Аврамовымъ. По прибытіи маіора Поджіо, брата отставнаго, изъ Петербурга, гдѣ онъ принятъ былъ въ общество, поступилъ

онъ въ Каменскую управу и принялъ капитана Фохта. Лихаревъ принялъ Бошняка, а чрезъ сего послѣдняго начались сношенія съ графомъ Виттомъ. Князь Волконскій въ 1824 году ѣздилъ на Кавказъ и привезъ оттуда нѣкоторыя свѣдѣнія о кавказскомъ обществѣ.

Маіоръ Поджіо ѣздилъ въ томъ же году осенью въ Орелъ съ намѣреніемъ тамъ видѣться съ какими-то двумя князьями Голицыными, въ отставкѣ находящимися, и посредствомъ ихъ узнать о духѣ войскъ, тамъ расположенныхъ; но возвратясь, говорилъ, что онъ ихъ не засталъ, не видалъ и потому ничего не сдѣлалъ. Какіе же это князья Голицыны, я въ точности не знаю, но полагаю, что одинъ изъ нихъ служилъ прежде въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Генераль-маіоръ Кальмъ выбылъ съ полкомъ въ 1820 году изъ 2-й арміи въ 1-ю и въ Москвѣ узналъ объ объявленіи, что общество уничтожено. Возвратясь ко второй арміи въ 1821 году, имѣлъ я съ нимъ объ обществѣ разговоры, но онъ скоро заболѣлъ, ѣздилъ потомъ въ чужіе края и, такимъ образомъ, въ обществѣ съ того времени не участвовалъ.—Вотъ всѣ дѣйствія и происшествія по Каменской управѣ.

Тульчинская управа съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе, и съ того времени всѣ ея приобрѣтенія пяти лѣтъ состояли въ нѣкоторыхъ свитскихъ офицерахъ, а именно Фаленбергъ, Бобрищевы-Пушкины 1-й и 2-й, Черкасовъ, Загорѣцкій, Аврамовъ, Заикинъ и покойникъ Филиповичъ. Сверхъ того было еще принято въ общество маіоръ Мартыновъ 36-го егерскаго полка, который чрезвычайно боленъ и находится при своемъ братѣ, командирѣ Пермскаго полка. вмѣстѣ съ Лореромъ принялъ я полковника Лемана, а черезъ Майбороду Старосельскаго. Маіоръ Лореръ, принятый въ Петербургѣ княземъ Оболенскимъ и полковникомъ Нарышкинымъ, приобщенъ былъ къ Тульчинской же управѣ, равно какъ и Леманъ. Лореръ принялъ полковника Канчалова. Съ Непинымъ же и маіоромъ Раевскимъ никакихъ совершенно не было у насъ сношеній. Объ уничтоженіи общества въ Москвѣ было имъ сообщено покойнымъ капитаномъ Охотниковымъ, находившимся при генераль-маіорѣ Орловѣ въ Кишиневѣ. Вотъ всѣ дѣйствія и всѣ происшествія по Тульчинской управѣ.

Васильковская управа была гораздо дѣятельнѣе прочихъ двухъ и дѣйствовала гораздо независимѣе отъ директоріи, хотя и сообщала къ свѣдѣнію то, что у нея происходило; но сношенія директоріи съ сею управою были рѣже и затруднительнѣе. Сею управою были приняты полковники Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Враницкой, оберъ-квартирмейстеръ 3 корпуса, Фроловъ, капитанъ Норовъ, что нынѣ въ отставкѣ подполковникомъ, гусарскаго принца Оранскаго полка, ротмистръ Жуковъ, Пыхачевъ, да еще нѣсколько другихъ, о коихъ припомнить не могу, ибо ихъ имена не болѣе, какъ по одному разу слыхалъ. Сія управа приобщила къ своему составу открытыхъ ею членовъ общества соединенныхъ славянъ, человекъ до 15, какъ мнѣ Бестужевъ говорилъ. Сія управа, узнавши образъ мыслей Семеновскихъ солдатъ, имѣла

на нихъ надежду. Она первоначально открыла сношенія съ поляками. Князь Свргѣй Трубецкой, по прибытіи въ Кіевъ, дѣйствовала съ сею управою. Къ ней также принадлежалъ Матвѣй Муравьевъ. Вотъ что относится до Васильковской управы.

Въ прошедшемъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ предложилъ я Юшневскому приобщить Сергѣя Муравьева къ директоріи, ибо смѣшно, говорилъ я, что онъ въ числѣ предсѣдателей, когда его управа гораздо значительнѣе и сильнѣе обѣихъ другихъ вмѣстѣ, да и ради нашей отвѣтственности передъ союзомъ; ибо Васильковская управа гораздо независимѣе прочихъ двухъ дѣйствуетъ, надо, чтобы Сергѣй Муравьевъ принадлежалъ къ директоріи. Юшневскій согласился на то, и тогда былъ Сергѣй Муравьевъ къ директоріи приобщенъ (тоже п. 19).

Въ отвѣтъ на 19-й пунктъ вопросовъ (предыдущій) рѣшимость Тульчинскихъ членовъ продолжать дѣйствія общества вы относите къ неудовольствію ихъ, изъявленному по возвращеніи изъ Москвы Комарова и Бурцова, и къ впечатлѣнію, которое сдѣлала на нихъ рѣчь Юшневскаго; но полковникъ Бурцовъ и Юшневскій утверждаютъ, что когда Бурцовъ въ собраніи Тульчинскихъ членовъ объявилъ объ уничтоженіи союза, то въ первые, возвыся голосъ, доказывали, что Московскіе члены не имѣли права прекращать онаго, и что вы рѣшились продолжать его; по отзыву же прочихъ, тутъ присутствовавшихъ, ваши доказательства и вліяніе, и рѣчь Юшневскаго были главнымъ для нихъ убѣжденіемъ.

Комаровъ, прибывъ изъ Москвы, объявилъ намъ объ уничтоженіи союза прежде Бурцова, говоря притомъ, что отъ Московскаго засѣданія поручено Бурцову объявить о томъ думѣ. Посему знали о семъ всѣ члены прежде, нежели дума собралась для выслушанія отъ Бурцова объ объявленіи. Въ сіе время показывали всѣ члены неудовольствіе свое на счетъ уничтоженія союза Московскимъ засѣданіемъ, и изъ сего неудовольствія ихъ, изъявленнаго прежде объявленія Бурцовымъ о разрушеніи союза, видна была склонность ихъ не признавать уничтоженія общества. Когда Бурцовъ объявилъ о семъ думѣ, тогда я, какъ предсѣдатель, сказалъ, что дума будетъ о томъ имѣть свое сужденіе. Послѣ сего Бурцовъ вышелъ, и въ его присутствіи не было никакого сужденія.

Если бы я въ сіе время сталъ говорить въ пользу уничтоженія общества и притомъ бы объявилъ, что оное признаю и отъ общества удаляюсь и отстаю, да если бы къ тому же и Юшневскій меня въ томъ поддержалъ, то я точно полагаю, что мы успѣли бы прочихъ членовъ угговорить общество прекратитъ и я, конечно, долженъ всегда въ томъ себя упрекать, что сіе не сдѣлалъ. Однако же, прежде еще собранія думы для выслушанія Бурцова показывали уже всѣ члены свое неудовольствіе о томъ, что въ Москвѣ было рѣшено и въ то же время показывалъ и я свое о томъ неудовольствіе, а потому, ежели сіе на нихъ такъ сильно подѣйствовало, какъ они говорятъ, то тѣмъ сильнѣе дѣлается моя скорбь, что однимъ вліяніемъ своимъ вовлекъ ихъ въ несчастный путь тайнаго общества; но, какъ мнѣ кажется, то по ихъ тогдашнему расположенію

духа было достаточно на то рѣшимости въ нихъ самихъ (показанія 6 апрѣля, п. 8).

Въ семъ же пунктѣ (19) отвѣтовъ (см. выше) вы говорите, что Тульчинская дума рѣшилась продолжать Союзъ Благоденствія съ прежнею цѣлю и въ прежнемъ значеніи, но въ чемъ именно то и другое заключалось—не объясняете; полковникъ же Аврамовъ, князь Барятинской, ротмистръ Ивашевъ, штабъ-лѣкарь Вольфъ и другіе показываютъ, что при возобновленіи общества въ Тульчинѣ въ 1821 году принято было цѣлью его разрушеніе существующаго порядка вещей во что бы то ни стало, хотя бы послѣдствіемъ того было упраздненіе престола. Средства же къ достиженію сей цѣли предоставлены избраннымъ предсѣдателямъ (Вамъ и Юшневскому) съ полною надъ членами властію. Здѣсь поясните: а) Кто именно предложилъ цѣль сію и средство къ ея достиженію? б) Кромѣ избранія предсѣдателя и принятія цѣли общества, какія еще въ Тульчинѣ одобрены были предложенія? с) Кто изъ находившихся тамъ членовъ присутствовалъ въ собраніяхъ Думы?

Я въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ не объяснялъ въ подробности прежняго значенія и прежней цѣли, съ кою Тульчинская Управа рѣшилась продолжать Союзъ Благоденствія, потому что они уже были объяснены выше 19 пункта.

Прежнее значеніе было революціонный способъ дѣйствія, а прежняя цѣль была республиканское правленіе, принятое обществомъ въ 1820 году. Сверхъ того, пояснялъ я и то въ 19 пунктѣ, что при рѣшеніи Думы о продолженіи Союза были подтверждены, какъ республиканское правленіе, такъ и революціонный способъ дѣйствія. Симъ не новая цѣль вводилась, но старая, прежде уже принятая продолжалась.

Предсѣдателямъ была дана полная власть для управленія обществомъ до того времени, когда оно дойдетъ до готовности къ дѣйствію, но прежде начатія онаго должны были бояре быть собраны на общее окончательное совѣщаніе, имѣющее предшествовать началу дѣйствія. Я, какъ предсѣдатель, предлагалъ предметы на совѣщаніе, а мнѣнія заключались по общимъ сужденіямъ. Когда разсуждали о цѣли, тогда первый вопросъ былъ, измѣняетъ ли общество прежнему республиканскую цѣль или нѣтъ? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили продолженіе оной, при чемъ я самъ въ пользу оной говорилъ.

Кромѣ избранія предсѣдателя и принятія цѣли общества былъ еще одобренъ и рѣшительный способъ дѣйствія съ упраздненіемъ престола и, въ случаѣ крайности, съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, которыя представить въ себѣ непреодолимыя препоны. Члены Тульчинской Думы, бывшіе тогда на лицо, суть: Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, князь Барятинской, Бассаргинъ, Вольфъ и я (показаніе 6 апрѣля, п. 9).

Изъ показаній многихъ, принадлежавшихъ къ Союзу Благоденствія, членовъ извѣстно, что наружною цѣлью сего было распространеніе просвѣщенія въ смыслъ Союза, дабы общее мнѣніе, постепенно приготовленное, предшествовало мѣрамъ преобразованія въ государство, но что вы, Никита Муравьевъ, Сергій и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и нѣкоторые коренные члены, почтая способъ сей слишкомъ медлительнымъ и обширнымъ, желали ускорить исполненіе цѣли своею, и на сей конецъ въ 1821 году были

созваны въ Москву депутаты отъ всѣхъ управъ; увидѣвъ же несогласіе на то большей части прочихъ членовъ, рѣшились объявить уничтоженіе Союза Благоденствія, дабы, избавившись отъ противомыслящихъ членовъ, свободнѣе слѣдовать принятымъ ими началамъ. Объясните: справедливы ли такковыя показанія?

Сіе показаніе несправедливо: 1) Потому что изъ названныхъ здѣсь членовъ союза ни одинъ не былъ въ Москвѣ, а слѣдовательно, и не участвовалъ въ разрушеніи союза; 2) потому что назначеніе съѣзда въ Москвѣ было сдѣлано безъ всякаго участія съ моей стороны, и я о семъ назначеніи узналъ, когда Якушкинъ пріѣхалъ въ Тульчинъ для объявленія объ ономъ и приглашенія туда прибыть; 3) потому что мы не признали сего уничтоженія и укоряли имъ членовъ, оное сдѣлавшихъ, говоря, что они не имѣли на то права; 4) потому что ежели бы имѣли такую цѣль, то радовались бы уничтоженію союза на мѣсто того, что мы о томъ изъявили недовольство; 5) потому что наружная цѣль Союза Благоденствія была и безъ того за наружную извѣстна, и никакимъ дѣйствіямъ союза не мѣшала, чему служить доказательствомъ заключеніе Коренной Думы въ началѣ 1820 года о Республиканскомъ Правленіи.

Настоящая причина разрушенія союза въ концѣ 1820 года состоитъ въ томъ, что члены, тамъ бывшіе, не могли между собою согласиться, что генералъ Орловъ объявилъ свое отступленіе отъ союза, и что всѣ сіи несогласія и разногласія между членами, бывшими на Московскомъ съѣздѣ, ихъ самихъ побудили приступить къ разрушенію союза и объ ономъ объявить. Такъ, по крайней мѣрѣ, я полагаю; но ежели они имѣли сверхъ того еще какія-нибудь причины другія, то мнѣ такковыя остались неизвѣстными до сихъ поръ (показанія 6 апрѣля, п. 7).

Члены, отклонившіеся отъ Союза Благоденствія въ 1821 году, не составили ли особенныхъ отдѣльныхъ обществъ, кромѣ южнаго, гдѣ, въ какое время, и подъ какими наименованіями?

По объявленіи въ 1821-мъ году объ уничтоженіи въ Москвѣ Союза Благоденствія, продолжался оный союзъ въ Тульчинѣ и въ Петербургѣ. О продолженіи онаго въ Петербургѣ увѣдомилъ меня Никита Муравьевъ. Но что касается до членовъ, отклонившихся отъ союза въ Москвѣ, то ничего не могу сказать о томъ, составили ли они особое общество или нѣтъ. Сего не знаю. Наименованіе въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ осталось прежнее, но образованіе общества получило словесныя измѣненія; письменнаго же новаго статута не было (показанія 13 января 1826 г., п. 2).

Вы ли и полковникъ Бурцовъ были начальниками и основателями Союза Благоденствія на югѣ? И кто были первые члены онаго?

Я прежде полковника Бурцова находился въ Тульчинѣ и потому прежде его тамъ дѣйствовалъ. По прибытіи же Бурцова дѣйствовали мы вмѣстѣ. Первоначальные члены были: свитской подполковникъ Комаровъ, докторъ Вольфъ, полковникъ, что нынѣ

генераль-маіоръ,[†] Кальмъ, полковникъ, что нынѣ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Краснокупкой. А потомъ Юшневскій, полковникъ Аврамовъ и адъютантъ Ивашевъ. Черезъ генераль-маіора же Кальма полковникъ Неперинъ и подполковникъ Хотяинцовъ. Я сихъ членовъ называю первоначальными, потому что они приняты были въ продолженіе 1819 года (тоже, п. 18).

Сіе вновь составленное на Югѣ общество какую въ отношеніяхъ своихъ имѣло разность съ прежде существовавшимъ Союзомъ Благоденствія?

Вся разнида состояла въ нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ внутренняго образованія союза и въ томъ, что Южная Управа перестала отъ сего времени считать себя въ зависимости отъ Петербургской. Новаго же общества не составлялось, ибо нельзя принять за новое общество то, что было предложеніемъ и исправленіемъ прежняго Союза Благоденствія (показанія 13 января, п. 20).

Въ чемъ заключалось внутреннее образованіе Южнаго общества и степени, присвоенныя членамъ онаго, т. е. что значили званія *друга, брата, мужа и бояра*, какія имѣли они права, и кому изъ нихъ открывалась главнѣйшая цѣль и планъ общества?

Южный округъ Союза Благоденствія управлялся Главною Управою или Директоріею, члены раздѣлялись на братья, мужа и бояре. Братьями назывались члены, не имѣющіе права принимать другихъ членовъ. Мужья имѣли сіе право. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшенія важныхъ случаевъ. Друзьями назывались лица, въ союзъ не принятые, но на которыхъ имѣлись виды. Цѣль и планъ открывались сполна мужьямъ и боярамъ. Каждый членъ долженствовалъ передъ членомъ, имъ принятымъ, таить имена всѣхъ прочихъ ему извѣстныхъ членовъ. Вотъ главныя правила, которыя были постановлены, но ни одно изъ нихъ не было исполняемо (тоже, п. 21).

Вы ли съ Юшневскимъ, или еще кто, кромѣ васъ, составляли ту *несвидимую директорію* (directoire occulte), которая таинственно дѣйствовала на всѣхъ прочихъ, и какъ далеко простиралась власть ваша въ дѣлѣ общества?

Точно такъ и члены Директоріи Южнаго округа должны были быть извѣстными однимъ боярамъ, но между тѣмъ всѣмъ были извѣстны. Сія Директорія состояла, какъ уже сказано въ 19 пунктѣ, изъ Юшневскаго и меня. Власть наша состояла въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ обществомъ правилъ, въ сохраненіи связи между членами и Управами, въ назначеніи предсѣдателей по Управамъ, въ принятіи членовъ въ бояре и въ присоединеніи къ Директоріи новыхъ членовъ или предсѣдателей (тоже, п. 22).

Изъ показаній послѣ перваго допроса въ Петербургѣ:

Тульчинская Управа состояла изъ членовъ, коимъ остальныя

части союза почти вовсе не были извѣстны. Равнымъ образомъ, не было имъ сообщено положительно предполагаемые образъ дѣйствія и образъ правленія. Иногда между разговорами было кое что сказано о сихъ предметахъ, но всегда мелькомъ и безъ дальнихъ распространеній. Они находились въ союзѣ, большею частью ничего подробнаго и положительнаго о немъ не зная. Что же касается въ особенности г. Юшневскаго, то онъ все время своего бытія въ союзѣ въ совершенномъ находился бездѣйствіи, ни единого члена самъ не приобрѣлъ и ничего для общества никогда не сдѣлалъ. Изъ всего поведенія его видно было, что онъ самъ не радъ былъ, что въ обществѣ находился. Я все сіе объясняю здѣсь, потому что сіе извѣстіе считаю принадлежащимъ къ полному свѣдѣнію объ обществѣ.

Я здѣсь объяснилъ все то, что вспомнить могъ сверхъ показанія, третьяго дня сдѣланнаго. Остается еще только замѣтить, что сношенія между частями союза столь были рѣдки и затруднительны, что невозможно представить въ совокупности полное изложеніе всего состоянія и всѣхъ дѣйствій общества. Я даже увѣренъ, что ни единый членъ союза не имѣетъ полныхъ свѣдѣній о союзѣ. У насъ не было членовъ обязывающихъ, и пользовались мы только случайными переѣздами кого изъ членовъ; но таковые случайные переѣзды не всегда бывали своевременны и весьма недостаточны (показанія 7 января 1826 г.).

Отъ всѣхъ ли, вступавшихъ въ общество, требовалась клятва или честное слово въ сохраненіи тайны о существованіи онаго, и къ чему еще обязывала помянутая клятва?

Отъ каждаго новаго члена требовалась или клятва, или честное слово въ сохраненіи тайны и въ елико возможномъ содѣйствіи Союзу. Опредѣлительнаго ничего не говорилось, ибо принимался уже тотъ, коего образъ мыслей былъ сходенъ съ образомъ мыслей Союза. Обыкновенно довольствовались честнымъ словомъ (Показанія 13 января п. 23).

Полковникъ Леманъ показываетъ, что вы, принявъ его въ общество и обязавъ клятвою хранить тайну онаго, грозили ему, что малѣйшая измѣна или нескромность наказаны будутъ ядомъ или кинжаломъ. Нѣкоторые изъ членовъ общества точно такъ же увѣряли принимаемыхъ ими, что *ядъ и кинжалъ* вездѣ найдетъ измѣнника. Поясните: сія угроза была ли общимъ правиломъ для всѣхъ членовъ общества, или позволялась только нѣкоторымъ, и точно ли вы проанесли таковую Леману?

Сія угроза не входила въ правила общества съ самаго времени уничтоженія перваго союза въ 1817 году. Въ первомъ же обществѣ входилъ они въ правила устава, будучи приняты изъ масонскихъ статутовъ и формъ. Можетъ быть, что въ разговорахъ объ обществѣ и о цѣломъ ходѣ онаго съ самаго его начала я о сихъ угрозахъ рассказывалъ полковнику Леману, но при его принятіи и не думалъ ихъ произносить и не клятву съ него бралъ, а честное слово. (Показанія 6 апрѣля п. 27).

На очной ставкѣ 12 апрѣля 1826 года полковникъ Леманъ остался при своемъ показаніи. Полковникъ Пестель, утвердивъ свое показаніе, присовокупилъ, что онъ при приѣмѣ Лемана не дѣлалъ ему никакихъ угрозъ, чего не дѣлалъ онъ и другимъ, принятымъ имъ въ общество, но что въ разговорахъ съ нимъ, можетъ быть, разсказывалъ ему о бывшихъ въ прежнемъ обществѣ подобныхъ угрозахъ, но безъ всякаго примѣненія къ Леману.

Не имѣли ли сіи общества высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или тайнственно, и кто были таковыми?

Южный округъ Союза Благоденствія никакихъ не имѣлъ высшихъ надъ собою правителей, дѣйствовавшихъ сокровенно или тайнственно, и до отъѣзда моего изъ Петербурга въ 1824 году не имѣлъ также и сѣверный округъ таковыхъ, да и послѣ того не слыхалъ я, чтобы таковые появились или установились въ немъ (Показанія 13 января, п. 4),

Не считали ли общества своими покровителями кого-либо изъ высшихъ лицъ въ государственной службѣ, которыя или знали о существованіи оныхъ, или по правиламъ и образу мыслей подавали надежду на содѣйствіе, или же на одобреніе намѣреній общества?

Я никого не зналъ и теперь не знаю такого лица изъ высшихъ чиновъ въ государственной службѣ; а ежели Петербургскій округъ былъ съ кѣмъ-нибудь изъ таковыхъ лицъ въ сношеніи или получилъ на кого-либо надежду, то сіе должно было случиться незадолго передъ симъ: ибо намъ въ Южномъ округѣ не было ничего о томъ сообщено (Тоже, п. 5).

Нѣкоторымъ членамъ общества вы разсказывали, что многія изъ лицъ ближайшихъ къ Государю, думаютъ и желаютъ другого образованія въ государствѣ, хотя они и не члены общества; и Василию Давыдову говорили, что Петербургское общество намѣрено назначить членами временнаго правленія адмираловъ Мордвинова и Сивявина и что третьимъ членомъ, хотя и предполагаемъ былъ генераль Раевскій, но отринуть. Здѣсь поясните: 1. Кто именно изъ лицъ близкихъ къ Государю думалъ и желалъ другого образованія въ государствѣ и какимъ образомъ сдѣлался вамъ извѣстнымъ образъ мыслей ихъ? и 2. Кто сообщилъ вамъ о намѣреніи общества назначить Мордвинова и Сивявина членами временнаго правленія и на чемъ именно сіе предположеніе общества основывалось?

Я не знаю никого изъ лицъ близкихъ къ Государю и ничей образъ мыслей мнѣ не извѣстенъ. Я никогда никого изъ нихъ и не называлъ. А разсуждали не я одинъ, но многіе и почти всѣ, что когда революція возьметъ свой ходъ, тогда вѣрно много покажется людей, которые присоединятся къ революціи, особенно при хорошемъ успѣхѣ, а можетъ быть, и изъ высшихъ чиновниковъ. Сіе было одно только гадательное предположеніе, при коемъ никого не называли и никого не имѣли въ виду.

Бестужевъ-Рюминъ въ Кіевѣ съ кн. Трубецкимъ и полковникомъ Брыгинимъ пріѣзжалъ потомъ ко мнѣ въ Линцы и сказывалъ мнѣ,

что онъ отъ Трубецкого и Брыгина извѣстился о намѣреніи Сѣвернаго Общества назначить адмираловъ Мордвинова и Синявина членами временнаго правленія и что прежде хотѣли назначить и Раевского, но потомъ его отринули, а производителемъ дѣлъ при нихъ долженствовалъ быть Николай Тургеневъ. Какъ мнѣ сіе сказалъ Бестужевъ, такъ точно и я передалъ Давыдову (показанія 6 апрѣля, п. 24).

До какой степени общества успѣли умножить своихъ сообщниковъ во всѣхъ сословіяхъ и родахъ службы государственной?

Всѣ дѣйствія Союза Благоденствія ограничились до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, однимъ сословіемъ дворянства и службою военною. Ежели и приняты въ общество гражданскіе чиновники, то весьма мало (показаніе 13 января, п. 16).

До какой степени и въ какихъ наиболѣе войскахъ (не исключая и нижнихъ чиновъ) и въ прочихъ государственныхъ сословіяхъ распространенъ былъ преступный духъ преобразованія и безначалія?

Духъ преобразованія былъ духомъ Союза Благоденствія и потому былъ распространенъ тамъ, гдѣ общество имѣло своихъ членовъ и именно между сочленами. Слѣдовательно, наиболѣе въ гвардіи, потомъ въ 3 корпусѣ, потомъ во 2 арміи. Что же до нижнихъ чиновъ касается, то между ими духъ преобразованія не былъ распространенъ, а существовалъ духъ сильнаго недовольствія, изъясняемый особенно Семеновскими солдатами, служащими въ 3 корпусѣ, какъ о томъ я слышалъ отъ Бестужева-Рюмина (тоже, п. 17).

На чемъ именно основалась надежда Южнаго общества на содѣйствіе 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ, т. е. было ли въ предварительныхъ сношеніяхъ съ чинами оныхъ и имѣло ли какое либо удостовѣреніе о ихъ готовности къ произведенію революціи и вообще стремилось ли общество всѣхъ начальниковъ войскъ исподоволь обратиться къ своей цѣли?

Общество имѣло желаніе какъ можно болѣе начальниковъ войскъ обратиться къ своей цѣли и принять въ свой союзъ, особенно полковыхъ командировъ, предоставляя каждому изъ нихъ дѣйствовать въ своемъ полку, какъ самъ наилучше найдетъ. Желало также и прочихъ начальниковъ въ общество приобрести: генераловъ, штабсъ-офицеровъ, разныхъ командировъ. Надежда на 3-й корпусъ была двойная: во-первыхъ, на членовъ общества изъ штабсъ- и оберъ-офицеровъ, а во-вторыхъ, на Семеновскихъ солдатъ, которые своимъ жребіемъ весьма недовольны и притомъ вліаніе имѣютъ на другихъ солдатъ. О семъ узнали члены Васильковской Управы во время лагеря 1825 года. Они говорили съ Семеновскими солдатами о ихъ положеніи и замѣтили сильный между ими духъ недовольствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, о семъ мнѣ рассказывалъ Бестужевъ-Рюминъ. На 1 и 2 корпусъ надѣялись потому, что въ оныхъ находятся Семеновскіе солдаты, о коихъ полагали, что они вѣрны въ томъ же

духъ, какъ и солдаты 3 корпуса. Сношеній съ ними не имѣли, но изъ Семеновскаго происшествія видно было единодушiе прежнихъ солдатъ сего полка (тоже, 28 п.).

Въ позднѣйшихъ показанiяхъ 6 апрѣля 1826 года:

Сiе и нынѣ подтверждаю; другихъ же извѣстiй о сихъ солдатахъ я никакихъ не имѣлъ. Если же къ возмущенiю готовы были Семеновскiе солдаты 3 корпуса, то по единодушному поведенiю ихъ во время Семеновскаго происшествiя заключили мы, что надѣяться можно и на тѣхъ, которые находятся въ 1 и 2 корпусахъ. (п. 46).

Извѣстно, что вы со времени вступленiя въ командованiе Вятскимъ полкомъ были весьма снисходительны къ нижнимъ чинамъ; но послѣ смотра корпуснымъ командиромъ въ 1823 году въ лагерѣ при г. Барѣ вы вывели цѣлый полкъ за кухни для наказанiя тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои замѣчены были нерадивыми или въ ошибкахъ офицерами или унтеръ-офицерами; объясните: отчего произошла въ обращенiи вашемъ съ нижними чинами столь внезапная перемѣна?

Извѣстно начальству, что, когда я вступилъ въ командованiе Вятскимъ полкомъ, то былъ сей полкъ самымъ худшимъ во всей армii во всѣхъ возможныхъ отношенiяхъ. Въ приказѣ г-на главнокомандующаго въ семь году поставленъ Вятскiй полкъ въ числѣ тѣхъ 6-ти по всей армii, которые наиболѣе заслужили вниманiе начальства своими успѣхами, при чемъ сказано, что сiи 6 полковъ стали наравнѣ съ лучшими полками въ армii, Сiе доказываетъ, что средства, мною употребленныя для улучшенiя Вятскаго полка по всѣмъ статьямъ, самыя были дѣйствительныя и успѣшныя. Сiи средства состояли въ слѣдующемъ. Началь я съ штабсъ- и оберъ-офицеровъ; строгость противу нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко баталiонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многого требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты. Надобно было дать имъ способъ сдѣлаться въ службѣ свѣдующими, а потомъ уже требовать и взыскивать. Послѣ лагеря 1822 года занялся я особенно унтеръ-офицерами чрезъ всю зиму, собралъ ихъ въ удобныя команды и сдѣлалъ изъ нихъ учителей, а прежде были они сами неучи. Поставивъ такимъ образомъ на должный путь службы офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, оставалось мнѣ ожидать успѣховъ отъ самихъ солдатъ.

Успѣхи были сдѣланы, но недостаточныя, и закоренѣлая лѣньность все еще оставалась въ дѣйствии. Сiе понудило меня обратиться къ строгости: испытавъ всѣ средства терпѣнiя и поученiя и убѣдившись, что одна строгость можетъ искоренить давнишнюю лѣнь и сильное нерадѣнiе. Успѣхъ оправдалъ мое соображенiе. Вотъ причины, понудившия меня перемѣнить прежнее мое снисходительное обращенiе на строгое. Наказанiе же велѣлъ я произвести всѣмъ нерадивымъ послѣ осмотра г. корпуснаго командира для того, чтобы убѣдить солдатъ въ важности начальническихъ смотровъ и чтобы они участь

свою видѣли въ своемъ стараніи и въ мнѣніи начальниковъ о нихъ. (Показаніе въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 г., п. 17).

Говорили ли вы часто при офицерахъ своего полка, что если бы командиръ 16 дивизіи желалъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то лучше бы ему употребить офицеровъ, а не нижнихъ чиновъ, коихъ легко можно приготовить предъ самымъ уже дѣйствіемъ; желали ли вы узнавать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковъ духъ въ прочихъ товарищахъ ихъ, и въ разговорахъ вашихъ на счетъ правительства всегда ли открывались слишкомъ вольно и даже дерзко?

Обращеніе мое съ офицерами всегда было строгое, весьма серьезное и бесѣды съ ними я никогда не имѣлъ. Въ семъ ссылаюсь я на всѣхъ начальниковъ, коимъ образъ моего обращенія съ офицерами весьма извѣстенъ. Насчетъ правительства никогда ничего не говорил дурного; а напротивъ того, всегда вселялъ почтеніе и безприкословіе. Да и не могъ я вселять неуваженіе къ правительству и къ началству, когда съ большею строгостью самъ требовалъ отъ каждаго исполненія его обязанностей. Дисциплина въ Вятскомъ полку была, могу рѣшительно утверждать, примѣрная и безпрекословная, какъ и быть въ войскѣ должна. О духѣ офицеровъ я по долгу службы обязанъ былъ узнавать для пользы самой службы, и дѣлать сіе отчасти чрезъ баталіонныхъ командировъ, отчасти чрезъ капитана Майбороду, который мнѣ показывалъ большую преданность. Цѣль сихъ узнаваній касалась единственно предметовъ службы, ибо насчетъ либеральныхъ мыслей я совершенно увѣренъ былъ, что таковыхъ никто не имѣлъ.

О командирѣ 16 дивизіи я съ офицерами не говорилъ никогда и даже при всякомъ случаѣ рѣшительно порочилъ всякое отступление отъ должнаго порядка. А ежели съ кѣмъ и говорилъ изъ штабъ-офицеровъ или съ Майбородою объ немъ, то сказывалъ, что сей генералъ навѣрно никакого намѣренія зловреднаго не имѣлъ, но думалъ фалантропически обходиться съ солдатами, когда не могутъ они такового обращенія понять и перенести (тоже п. 18).

Въ начальныхъ отвѣтахъ, данныхъ въ Тульчинѣ (предыдущіе), вы отрицались, что на приготовленіе нижнихъ чиновъ къ возмутительнымъ дѣйствіямъ никого не соглашали, ни сами никакого направленія солдатамъ не давали; но по изысканнымъ открытіямъ извѣстно:

а., что по вступленіи въ командованіе Вятскимъ полкомъ вы оказывали явное послабленіе нижнимъ чинамъ, но во время ожиданія смотра при г. Барѣ, выведя весь полкъ, приказывали бить палками всѣхъ, замѣченныхъ въ ошибкахъ по фронту, и когда удивленные сею перемѣною нѣкоторые офицеры спросили о причинѣ, то вы сказали: „Я хочу дать солдатамъ чувствовать, что чѣмъ далѣе отъ нихъ Государь, тѣмъ начальники къ нимъ свисходительнѣе, но чѣмъ Онъ ближе, тѣмъ имъ хуже“.

б., Что послѣ маневровъ 1824 го года, когда вы съ Поджіо, Лореромъ, Фохтомъ и Майбородою разсуждали о средствахъ приготовленія солдатъ къ цѣли общества, и когда изъ нихъ Фохтъ предложилъ свое мнѣніе, чтобы, раздѣливъ солдатъ на гласныхъ и безгласныхъ, стараться привязывать къ себѣ первыхъ, а за ними уже не смѣютъ нейти послѣдніе; тогда вы, одобливъ мысль сію, совѣтовали Майбородѣ привести оную въ исполненіе и

в., Сему же Майбородѣ по лѣту 1825 г. вы настоятельно поручали на-

чать приготовленіе роты его и доносить вамъ ежедневно о успѣхѣ; но онъ уклонился отъ исполненія того. Обстоятельства сіи показываютъ, что вы точно имѣли намѣреніе развратить солдатъ своего полка, на который по словамъ князя Волконскаго вы много надѣялись.

Вступая въ командованіе Вятскимъ полкомъ, желалъ я довести полкъ кротостью до желаемаго состоянія, но потомъ убѣдился, что сего невозможно по причинѣ заворенѣлой лѣности, въ семъ полку бывшей. Сверхъ того не могъ я по справедливости сначала строгость употреблять, ибо не были солдаты выучены и не имѣли учителей. Посему и поступалъ я такъ, какъ въ Тульчинскихъ отвѣтахъ показалъ. Послѣ же смотра въ Барѣ корпуснымъ командиромъ рѣшился я свою манеру обращенія перемѣнить, удостовѣрся, что такъ какъ всѣ средства и способы даны были солдатамъ къ полнымъ познаніямъ по фронту, одна ихъ лѣность и нерадивость препятствовали желаемымъ успѣхамъ. Послѣдствія оправдали мое заключеніе. Приведенныя здѣсь слова могъ бы я говорить только члену общества; въ 1823 году не былъ принятъ ни Майборода, ни Старосельскій. Я, можетъ быть, впоследствии говорилъ, что нижніе члены взоромъ своихъ не распространяютъ далѣе полкового начальства и что строгость передъ Высочайшимъ смотромъ, усилившаяся во всѣхъ полкахъ отъ стремленія, чтобы все было хорошо, не возбудила мысли у солдатъ, что терпимая ими строгость есть послѣдствіе служебнаго направленія, исходящаго отъ Вышняго и Верховнаго начальства, но что они все приписываютъ полковому. Перемѣнилъ же я свое обращеніе потому, что къ оному служебными причинами принужденъ былъ, впоследствии оправдавшими сію перемѣну. Въ то же время, когда въ лагеряхъ ожидалъ Высочайшій смотръ, все мое вниманіе и стремленіе общества были единственно на то, чтобы успѣшно смотръ отбыть, и въ то время объ обществѣ мало я и думалъ.

Фохтъ объяснилъ упоминаемое здѣсь мнѣніе, и мы разсуждали, что солдаты послѣдуютъ за тѣмъ начальникомъ, кого лично любятъ, и что дабы на ихъ содѣйствіе и послѣдованіе надѣяться, достаточно ихъ къ себѣ лично привязать, особенно тѣхъ, коихъ Фохтъ называлъ главными. Майборода поѣхалъ въ Москву въ октябрѣ 1825 года и возвратился въ маѣ или началъ іюня 1825 г. Явившись ко мнѣ, отдалъ онъ мнѣ бумаги по службѣ и разсказалъ о Булгари; объ обществѣ же нашемъ мы тутъ ни слова не говорили. Послѣ того имѣлъ я свои причины быть имъ весьма недовольнымъ и съ того времени весьма сухо съ нимъ обходился, такъ что послѣ его возвращенія ни разу съ нимъ объ обществѣ не говорилъ. Сіе яснымъ служитъ доказательствомъ, сколь несправедливо сіе показаніе Майбороды.

Я въ полку ни солдатъ, ни офицеровъ не развращалъ и, за исключеніемъ Майбороды и Старосельскаго, обходился со всѣми прочими такъ, какъ будто бы самъ никогда къ тайному обществу не принадлежалъ и никакихъ намѣреній не имѣлъ. Я въ семъ ссылаюсь на всѣхъ начальниковъ, даже на Лорера и, наконецъ, на

самый полкъ, какъ о томъ объяснялъ въ Тульчинскихъ отвѣтахъ. Преемникъ мой въ Вятскомъ полку увидитъ на дѣлѣ справедливость сихъ словъ моихъ.—Лореръ можетъ также сказать, что я прямой надежды на полкъ не имѣлъ и имѣть не могъ, ибо не таково было мое обращеніе въ полку. Признательно же скажу, что ежели бы я видѣлъ основательное приближеніе времени къ началу дѣйствія, то, конечно бы, постарался увѣриться въ полкъ, но до самаго времени моего арестованія ничего мною по полку для дѣла общества предпринято не было (Показанія 6 апрѣля, п. 22).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. П.-Сильванскій.

Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

(Матеріалы для біографіи).

I.

Автобіографическія замѣтки ¹⁾.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ моей юности надъ моей головой блистала счастливая звѣзда. Дѣтство мое было одно изъ самыхъ счастливыхъ, которое выпадаетъ на долю человѣка. Не могу не сравнить его съ лучезарной весной, которая не знаетъ ни бурь, ни непогодъ, въ которой не встрѣчается почти пасмурныхъ дней. Я не подвергался ни ломкѣ, ни вреднымъ вліяніямъ. Родительскій домъ былъ поистинѣ благословенный міръ, въ которомъ царствовало согласие и любовь всѣхъ членовъ между собою, изъ котораго были исключены пагубныя страсти и дурныя примѣры, которые могли бы дѣйствовать развращающимъ образомъ на насъ, дѣтей. Да, счастье нашей семьи было такъ полно, что иногда казалось, что оно полетѣетъ черезъ край. Бывали минуты, когда дѣтскому сердцу трудно было вмѣстить всю любовь и радость, которыя возбуждало въ немъ окружающее. И теперь, въ зрѣлые годы ²⁾, я также горячо люблю своихъ милыхъ, умныхъ стариковъ ³⁾.

---

¹⁾ Имѣя въ виду собирать и печатать матеріалы для біографій всѣхъ выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія въ Россіи, мы помѣщаемъ здѣсь въ качествѣ такихъ матеріаловъ для біографіи знаменитаго дѣятеля партіи „Народной Воли“ А. Д. Михайлова его собственныя „автобіограф. замѣтки“, воспоминанія о немъ А. П. Корби и его „завѣщаніе“. Рукопись автобіограф. замѣтокъ была передана издателю серіи заграничныхъ брошюръ подъ общимъ названіемъ „На родинѣ“ изъ редакціи „Нар. Волн“ и ими напечатана въ 1822 г., откуда мы эти „автоб. зам.“ и перепечатаемъ. „Завѣщаніе“ А. Д. Михайлова было напечатано въ № 3. „Матер. для исторіи Рус. Соц.-Рев. движенія“ (1893 г.), а воспоминанія А. П. Корби написаны ею лишь въ настоящее время и переданы намъ авторомъ. Всѣ неоговоренныя примѣчанія къ „автоб. замѣткамъ“ принадлежатъ издателю „На родинѣ“.

Ред.

²⁾ Во время автобіографіи А. Д. имѣлъ только 24 года. На видъ онъ казался, однако, гораздо старше,—лѣтъ 30 и больше. Такъ, лѣтъ около 30, онъ значился всегда и по фальшивымъ паспортамъ.

³⁾ Послѣ ареста А. Д., во время заключенія въ крѣпости, родители пріѣзжали навѣстить его, и встрѣча была дѣйствительно самая теплая, родственная.

Мой отецъ воспитывался въ Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ; у него въ Петербургѣ не было никого изъ близкихъ, и онъ сильно нуждался. Трудно ему было переносить бездомную одинокую жизнь, и онъ утѣшалъ себя мысля, что когда станетъ на ноги, то найдетъ себѣ любящую жену и обзаведется семействомъ. По окончаніи курса онъ получилъ мѣсто землемѣра въ Курской губерніи и женился въ Путивлѣ на дочери помѣщика изъ семейства Вербицкихъ. Въ Путивлѣ же они остались жить. Въ ихъ союзѣ было много гармоніи: отецъ обладалъ веселымъ безмятежнымъ характеромъ, у матери была глубоко-любящая натура и большая сила воли. Служба отца была тяжелой, онъ постоянно находился въ разъѣздахъ и домой прѣзжалъ лишь на короткое время на отдыхъ. Со временемъ они приобрѣли домъ на окраинѣ города съ большимъ и прекраснымъ садомъ,—и тутъ-то мы всѣ и выросли, почти въ деревенской обстановкѣ. Мать сама занималась нашимъ воспитаніемъ; она читала всѣ книги о воспитаніи, которыя въ то время были въ ходу, и выработала на основаніи ихъ систему. Мы пользовались полной свободой, но при всей любви и заботливости, которыми насъ окружали, насъ не баловали и не пѣжили.

Я былъ первенцомъ, и меня и старшую сестру рано начали учить; сначала мать учила сама, а потомъ учитель, который жилъ у нашихъ сосѣдей. Съ сестрой мы были большіе друзья и въ ученіи соревновали другъ другу; она быстрѣе схватывала и понимала, но я глубже усваивалъ преподаваемые предметы и никогда не забывалъ выученнаго. Вскорѣ у меня появились товарищи: сосѣдскій сынъ, съ которымъ я вмѣстѣ учился, и Александръ Ивановичъ Баранниковъ ¹⁾, который жилъ тоже по сосѣдству съ нами и который остался моимъ другомъ и товарищемъ на всю жизнь.

Въ дѣтствѣ я былъ большой шалунъ. Такъ, теперь помню сцены, которыя повторялись каждый день по дорогѣ изъ дому къ сосѣдямъ, гдѣ я учился. Путь мой лежалъ мимо двора, который славился большими, злыми собаками. Для меня составляло истинное наслажденіе вступать въ борьбу съ злыми животными; я прятался въ высокой травѣ и оттуда кидалъ въ нихъ камни; псы приходили въ ярость, бросались ко мнѣ, и завязывался рукопашный бой! Я отбивался палками, и часто меня спасали отъ явной опасности быть разорваннымъ на части.

Природа мнѣ была дорога ²⁾ и близка, въ періодъ ранней юности я былъ настоящимъ денстомъ. Даже въ моментъ моего пере-

¹⁾ Баранниковъ осужденъ по одному процессу съ Михайловымъ въ Особомъ Присутствіи сената, въ февралѣ 1882 г.

²⁾ Намъ пришлось слышать отзывъ Желябова, подтверждающій эти слова. „Михайлова, говорилъ Желябовъ, многие считаютъ человекомъ холоднымъ, съ умомъ математическимъ, съ душою чуждою всего, что не касается принципа. Это совершенно невѣрно. Я теперь хорошо узналъ Михайлова. Это—поэтъ, положительно поэтъ въ душѣ. Онъ любитъ людей и природу одинаково конкретно, и для него весь міръ проникнутъ какою-то чисто человѣческой, личною прелестью. Онъ даже формалистомъ въ организаціи сдѣлался, именно, какъ поэтъ: организація для него — это такая же личность, такой же дорогой для него „человѣкъ“, дѣлающій притомъ ве-

хода къ социализму, природа играла нѣкоторую роль, по крайней мѣрѣ, происходило это передъ ея лицомъ. Я и товарищи мои по гимназiи въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, мы имѣли обыкновеніе собираться для чтенiя и бесѣдъ на живописномъ берегу Десны. Любовь къ природѣ какъ-то незамѣтно переходила въ любовь къ людямъ; являлось страстное желаніе видѣть человѣчество столь же гармоничнымъ и прекраснымъ, какъ сама природа, являлось желаніе для этого счастья жертвовать всѣми силами и своей жизнью. Здѣсь, въ виду сiянаго неба, ясныхъ водъ, рѣки и лѣса, тянушагося по берегу, я далъ себѣ тайную клятву жить и умереть для народа. Полнота счастья въ родительскомъ домѣ имѣла большое вліяніе на складъ моей жизни, сердце мое не искало личныхъ страстей и сохранило всѣ свои силы для общественной дѣятельности.

Въ 1876 г. я въ первый разъ встрѣтилъ женщину, къ которой почувствовалъ глубокую привязанность, это была незабвенная Ольга Натансонъ. Но она страстно любила своего мужа, съ своей стороны, я безпредѣльно любилъ и чтилъ Марка и дорожилъ его счастьемъ, поэтому мои чувства къ Ольгѣ не перешли за предѣлы живѣйшей дружбы ¹⁾.

Въ періодъ юности и пребыванiя въ гимназiи для меня еще не существовало правительства, а было только начальство; но я чувствовалъ уже тяжесть условiй русской жизни. Во время моего поступленiя въ провинціальную гимназiю въ ней царствовалъ хаосъ и нѣмелкiй духъ. Начальство часто безъ причины оскорбляло человѣческія чувства дѣтей, стараясь поддерживать дисциплину страхомъ. Большинство учителей манкировало занятiями, когда же наступали экзамены, эта гроза ученической жизни, старалось жать то, чего не сѣяло. Я учился удовлетворительно, но положеніе въ гимназiи меня тяготило и подавляло, я считалъ ее бременемъ. Какъ человекъ впечатлительный и привыкшiй въ семьѣ къ самой строгой справедливости, я шелъ обыкновенно каждое утро въ гимназiю съ внутреннимъ трепетомъ, ожидая непредвидѣнныхъ начальственныхъ криковъ, оскорбленiй и наказанiй. Такое неудовлетворенное состояніе и нѣкоторая пытливость двинули меня на путь саморазвитiя. Лѣтъ съ четырнадцати для меня открылся новый міръ, міръ лите-

---

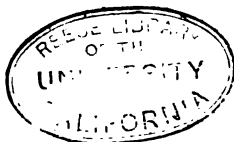
रिकе дѣло. Онъ заботился о ней съ такою же страстной, внимательной до мелочей преданностью, съ какою другіе заботятся о счастiи „любимой женщины“.

¹⁾ А. Д. имѣлъ много хорошихъ товарищей, но въ особенно дружескихъ отношенiяхъ дѣйствительно ни съ кѣмъ не состоялъ. Что касается собственно „сердечныхъ привязанностей“, то въ послѣднее время говорили о его близкихъ отношенiяхъ съ г-жею А. (имени ея не называемъ). Насколько это вѣрно—не знаемъ, но дѣйствительно у А. Д. по отношенiю къ ней видно было какое-то экстраординарное расположеніе, а г-жа А. относилась къ нему съ уваженiемъ, переходящимъ даже въ нѣкоторое обожаніе. Это во всякомъ случаѣ единственная привязанность А. Д. въ такомъ родѣ (если она здѣсь была). Вообще онъ былъ въ этомъ отношенiи большой идеалистъ и ригористъ. Бывальныхъ связей съ женщиной онъ не допускалъ. Намъ лично приходилось слышать отъ него: „Не понимаю, какъ это можно сойтись, не любя. Это просто противно“. Впрочемъ, въ „большой публикѣ“ А. Д. своего ригоризма не проповѣдывалъ и, на словахъ, незнакому человеку могъ показаться даже немножко циникомъ.

ратуры. Потребность въ умственной жизни и любознательность на-
шли въ немъ полное удовлетвореніе. Отправивъ тяжелыя гимнази-
ческія обязанности, свободное время я проводилъ за книгами, или
старался вырваться въ поле или въ лѣсъ и наслаждаться свободой
и природой. Самообразование дало мнѣ много. Въ послѣднемъ классѣ,
хотя условія уже измѣнились къ лучшему съ перемѣною началь-
ства, я сталъ выше многихъ по развитію. Во мнѣ явилось неотра-
зимое желаніе приносить другимъ пользу. Это пробужденіе обще-
ственныхъ чувствъ замѣчалось не у одного меня; нѣсколько близ-
кихъ товарищей отвѣчали мнѣ по своему развитію и направленію.
Въ личныхъ отношеніяхъ я былъ большой и непреклонный идеа-
листъ, въ общественной дѣятельности я всегда оставался практи-
комъ съ постоянными организаціонными стремленіями. Эта органи-
заторская страсть проявилась во мнѣ еще въ 5 классѣ гимназіи: съ
3-мя или 4-мя товарищами мы задумали издавать журналъ, я при-
нималъ дѣятельное участіе въ сношеніяхъ кружка для этого. Дѣло
наше прогорѣло; изданъ былъ только первый номеръ рукописнаго
журнала, и то въ немногихъ экземплярахъ, но зато съ той поры
моей жизни не было періода, въ который я что-нибудь, во имя чего-
нибудь, не организовалъ.

Вслѣдъ за журналомъ я участвовалъ въ организаціи кружка
самообразованія, потомъ въ тайной гимназической библіотекѣ. За-
тѣмъ насталъ періодъ недовольства окружающею жизнью и началь-
ствомъ, недовольства уже вполне сознательнаго (это относится уже
къ 7-му классу). Отсюда истекла дѣятельная агитація среди выс-
шихъ классовъ гимназіи и организація протестовъ противъ учите-
лей идіотовъ и самодуровъ.

Во времени пребыванія въ 7-мъ классѣ также относится органи-
зація кружка полуреволюціоннаго, имѣвшаго цѣлью помогать про-
пагандистамъ деньгами (хотя о пропагандистахъ мы имѣли тогда
такое же понятіе, какъ о какихъ-нибудь иностранныхъ партіяхъ) и
распространять въ народѣ популярныя изданія, ради его просвѣ-
щенія. Первая изъ этихъ цѣлей осталась для насъ недостижимой,
а вторую задачу мы выполняли очень удачно: черезъ насъ въ на-
родъ проникло множество хорошихъ книгъ, на многія сотни руб-
лей. Мои усилія были направлены къ тому, чтобы создать правиль-
ныя отношенія въ кружкѣ, ввести въ него строгіе принципы обя-
зательности и т. д. Болѣе широкая дѣятельность этого кружка свя-
зана съ 8-мъ классомъ гимназіи, когда мы начали читать запре-
щенные изданія, присланныя мнѣ изъ Москвы. Манкируя занятіями
латинскимъ языкомъ, я передъ окончательными экзаменами дол-
женъ былъ уволиться изъ гимназіи и держать ихъ въ другой (въ Не-
мировской безъ древнихъ языковъ). Это дало мнѣ возможность за
три мѣсяца пребыванія въ новой для меня гимназіи организовать
такой кружокъ, на подобіе нашего. Въ Новгородъ-Сѣверской гимна-
зіи время нашего пребыванія окрещено навсегда начальствомъ «на-
шествиемъ пропагандистовъ». Лучшіе мои товарищи тогдашняго вре-
мени жестоко поплатились за свою незначительную политическую

дѣтельность. Любовьнъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь, Москотинъ тоже, третій отдѣлялся двумя годами тюрьмы. Если вспомнить, что они ничего не сдѣлали, то невольно спрашиваешь себя: какой же кары найдеть меня достойнымъ русское правительство?

Какъ только я очутился осенью 1875 г. въ Петербургѣ, то сейчасъ же началъ общественную дѣтельность. Я чувствовалъ себя свободнымъ и самостоятельнымъ—гимназическія узы пали. Со страстію я отдавался организаціи студенческихъ кружковъ саморазвитія и помощи пропагандистамъ. Усиліями нѣсколькихъ человекъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ Технологическій Институтъ, составился студенческій союзъ съ кассой и федеративными кружками въ Медицинской Академіи, въ Павловскомъ училищѣ, въ Университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ волненіямъ въ Технологическомъ Институтѣ я относился индифферентно, ибо не видѣлъ отъ нихъ пользы; но когда закрыли первый курсъ и требовали подачи новыхъ прошеній, изъ 140 человекъ только я и мои товарищи отказались исполнить эти требованія, ибо начальство думало этимъ... ¹⁾ студентовъ. За то я поплатился высылкой на родину, пробывъ въ Петербургѣ только три съ половиной мѣсяца. Я чувствовалъ себя хорошо, удовлетворительно, хотя испытаніе для тогдашняго моего умственнаго и нравственнаго состоянія было порядочное.

На родинѣ я просидѣлъ не болѣе мѣсяца и удралъ въ Кіевъ, за что меня полиція въ Кіевѣ часто тягала по участкамъ. Въ Кіевѣ я встрѣтился въ первый разъ съ настоящими радикалами, и притомъ всѣхъ трехъ направленій: пропагандистовъ, бунтарей, и якобинцевъ. Познакомившись съ ихъ программами, я не присталъ ни къ одной изъ нихъ. Я искалъ солидной силы, опредѣленной и энергической дѣтельности; въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали.

Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Собравъ съ цвѣтовъ краснорѣчія весь медъ и вполне сознавая большую пользу, которую принесло мнѣ знакомство съ теоріей революціонной партіи, рѣшившись посвятить себя этой партіи (въ томъ смыслѣ кіевскія знакомства имѣли для меня большое значеніе), я тѣмъ не менѣе не былъ доволенъ. Съ одной стороны, я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой—кучки людей, неорганизованныя, несплоченныя, безъ единого общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ бесплодность такого положенія вещей. Доля организаціоннаго чутья, присущая мнѣ, тогда еще неопытному юношѣ, подсказывала мнѣ, что не въ выработкѣ наивѣрнѣйшей теоріи, а въ совершенно организованномъ дѣлѣ сила. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не въ народъ, что было даже обязательно тогда для каждаго неофита, нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлые до дерзости планы—общерусской организаціи силъ соціально-революціонной

¹⁾ Слово не разобранное въ рукописи.

партіи. Родились эти планы и поглотили меня вполне. Но я удивляюсь и теперь, какъ такой юнецъ, какимъ я былъ тогда, безъ извѣстности въ революціонномъ мірѣ, безъ опытности могъ такъ нахально-смѣло отдаться всецѣло такимъ задачамъ, отдаться почти безъ поддержки, по собственной инициативѣ и на свой страхъ.

Объ совершенныхъ организаціяхъ партія тогда не думала. Ее интересовалъ народъ, принципы дѣятельности, теоріи. Конечно, мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Но помимо своей воли я принужденъ былъ находиться съ полгода въ Кіевѣ, а сложа руки я сидѣть не могъ. Еще съ первыхъ дней пребыванія тамъ (зима и лѣто 1875—76 гг.), при помощи и участіи студентовъ—своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, мнѣ удалось сплотить студенческой кружокъ самообразования на подобіе С.-Петербургскаго, съ кассой помощи революціи, но онъ не могъ поглотить всѣхъ моихъ силъ, а потому я сдѣлалъ попытку положить начало замышляемой широкой, сплоченной и дисциплинированной организаціи. Мои мысли и мысли одного якобинца совпали; онъ познакомилъ меня съ Давиденко (казненнымъ) и еще кой съ кѣмъ. Якобинца, какъ человѣка и революціонную силу, я игнорировалъ, но въ Давиденко я видѣлъ рѣшительнаго человѣка, сблизился съ нимъ, и вотъ насъ четыре человѣка задумали покорить революцію міра. Я не могъ вѣрить въ попытку, но для опыта прежде всего принялся за выработку самого себя, чему и отдался горячо. Былъ основанъ этотъ маленький кружокъ, и стали разрабатывать планы. Дѣла мы не сдѣлали, но планы въ нашихъ головахъ выяснились. Въ Кіевѣ же весной 1875 г. я познакомился съ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила; у насъ установились нехорошія, протекторскія отношенія, что меня часто смущало и было для меня неприятно, но онъ былъ ими доволенъ. Здѣсь же въ кружкѣ пропагандистовъ я познакомился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Лизогубомъ, но знакомство у насъ было шалочное (онъ вращался въ кружкѣ Колодкевича, который тогда сидѣлъ въ тюрьмѣ и пользовался уже большой популярностью). Здѣсь я познакомился съ Стефановичемъ, капитаномъ (казненнымъ)¹⁾ и со многими другими бунтарями; нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они готовятся къ битвѣ, это ясно было и по ихъ внѣшности, и по ихъ настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципамъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали. Я же

¹⁾ Кличка Чубарова, повѣшеннаго въ Одессѣ въ 1879 году.

былъ поглощенъ своими планами, склонности къ которымъ въ нихъ не замѣчалъ.

Лѣтомъ 1876 г. мнѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ, куда несли меня мечты. Возвращаясь я въ него уже социалистомъ-революционеромъ. При посредствѣ нѣкоторыхъ кievскихъ знакомыхъ, я прямо попалъ въ революціонные кружки и въ мѣсяць, въ два я имѣлъ уже возможность прикладывать всѣ свои силы къ завѣтнымъ планамъ, которые нашли благодарную почву въ настроеніи петербургскихъ революціонныхъ сферъ. Черезъ посредство самарскихъ особъ, я познакомился со многими видными тогдашними дѣятелями и былъ ими принятъ очень дружелюбно, даже какъ-то «не въ прижѣръ прочимъ» дружелюбно и довѣрчиво, чему я былъ чрезвычайно радъ. Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ и его компанія: Михаилъ Поповъ съ компаніей, Ив—ъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ¹⁾ и ея друзья, потомъ Андрианъ Михайловъ и нѣкоторые другіе. Особенно я подружился съ Оболяшинымъ, Ольгой Натансонъ и еще съ нѣкоторыми. Эти нѣсколько человекъ вполне были со мной одномыслящи, но, такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ самымъ дѣятельнымъ ихъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное, на практикѣ строилась организація, соответствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ, я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ.

Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніе проекта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитія организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ членовъ нашего общества было много губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соответственно мысли организаціи. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать намъ справедливость—едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю неприятностей, иногда насмѣшек!²⁾ Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязанности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это

¹⁾ Урожденная Шлейснеръ.

²⁾ См. примѣчаніе I, стр. 165.

теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выпарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала насъ— эти принципы восторжествовали. Я часто горячился въ этой борьбѣ, но Оболяшинъ изумлялъ всѣхъ своимъ стоическимъ хладнокровіемъ, логикой и непреклонностью; онъ былъ вообще замѣчательный диалектикъ; онъ принималъ обиды, какъ Сократъ, а же, напротивъ, поднимался на дыбы, но въ настойчивости не отставалъ отъ него.

Въ 1877 г. весной почти весь кружокъ народниковъ, мѣстнымъ своимъ составомъ, вмѣстѣ съ десятками связанныхъ съ ними людей, двинулись въ народъ, такъ какъ тамъ, въ организациі народныхъ вожаковъ и мѣстныхъ экономическихъ протестахъ были всѣ его надежды. Въ Самарѣ, Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Кубани, и вообще на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній; но центръ былъ Саратовъ, въ него попалъ я и Ольга. Мы располагали также самыми незначительными матеріальными средствами, именно около 5000 рублей въ предѣлахъ года. Собрались туда (въ Саратовъ) около 20 человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5—6 изъ основного кружка, а остальные изъ различныхъ мѣстностей, привлеченные связями съ основнымъ кружкомъ. Народъ былъ разнокалиберный, мало знакомый между собой. Пришлось не мало потратить усилій на обработку этого матеріала въ организационномъ смыслѣ, и опять горячѣе и настойчивѣе другихъ вели эту работу я и Ольга ¹⁾. Но Ольга скоро уѣхала въ Петербургъ, остался я одинъ и распинался за интересы центра въ то время, когда, вслѣдствіе долгаго разобщенія съ Петербургомъ, стала расти мѣстная обособленность, за которую стали нѣкоторые изъ членовъ центра и многія мѣстные самолюбы. Страстное отношеніе и настойчивость побѣдили и здѣсь, и Саратовъ до лѣта 1879 г. оставался мѣстной группой организациі народниковъ. Впрочемъ, судьба сильно разгромила его еще въ концѣ 1877 г., но и послѣ въ Саратовской губ. поселеній оставалось довольно, и если бы Петербургъ не былъ

---

¹⁾ А. Д. отличался рѣдкими способностями организатора. Съ одной стороны, онъ былъ убѣжденъ въ необходимости „совершенной“, какъ онъ выражался, организациі и вѣрилъ, что такая организациі можетъ легко справиться съ правительствомъ. Этимъ объясняется то свѣтлое чувство счастья, которое сквозитъ въ замѣткахъ, и которое происходитъ отъ сознанія, что въ Россіи положено начало такой „совершенной организациі“. Съ другой стороны, А. Д. прекрасно понималъ основанія организациі: единство, дисциплина, хорошій составъ центра, конкретность дѣлей и строгая конспираціі—составляли для него символъ вѣры. Все это были для него рѣшенные вопросы, надъ которыми раздумывать не приходилось. Сверхъ того, онъ и по личнымъ свойствамъ былъ какъ нельзя лучше приспособленъ къ созданію организациі. Необыкновенно дѣятельный, въ высшей степени практичный, наконецъ, — не связанный никакими личными страстями и стремленіями,—онъ въ то же время умѣлъ чрезвычайно мѣтко опредѣлять людей, оцѣнивать положенія, умѣлъ одинаково хорошо и повинаться, и приказывать. Чувство мѣры, присущее всякому хорошему организатору и подсказывающее ему, что можно требовать отъ людей, чего нѣтъ—у А. Д. было въ высшей степени развито. Поэтому у него не было „безполезныхъ“ людей; онъ всякаго умѣлъ утилизировать, пристроить къ дѣлу, сообразно со способностями.

увлеченъ жизнью въ борьбу съ правительствомъ, саратовская группа сдѣлала бы при поддержкѣ центра многое. Въ Саратовѣ я жилъ несну, лѣто и часть осени, и то не постоянно. Временами я путешествовалъ по Саратовской губ. и заводилъ знакомства съ крестьянами и отыскивалъ мѣста для поселеній, а на зиму окончательно поселился у раскольниковъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Къ дѣятельности среди раскольниковъ я относился чрезвычайно любовно и рѣшился побѣждать всякія трудности. Мнѣ пришлось сдѣлаться буквально старовѣромъ, пришлось взять себя въ ежовыя рукавицы, ломать себя съ ногъ до головы¹⁾. Я долженъ былъ во всемъ поддѣлываться подъ эту среду, чтобы, стоя на одной съ нею почвѣ, имѣть возможность вліять на нее. Если мнѣ многое въ приготовительныхъ работахъ удалось въ сравнительно короткій промежутокъ времени, то только благодаря одной чертѣ моего характера, именно отдаваться всякому дѣлу всецѣло, всей душой, всѣми помыслами. Это мнѣ помогло въ два, три мѣсяца стать неузнаваемымъ раскольниковъ, а кто знаетъ старовѣровъ, тотъ понимаетъ, что это значить.

Для интеллигентнаго человѣка это значить исполнять 10.000 китайскихъ перемоній и исполнять ихъ естественно. Преодоленіе происходило, вслѣдствіе сознанія необходимости, даже съ нѣкоторою пріятностью, а главное съ громадной пользой для развитія воли и умѣнья владѣть собою. Это была прекрасная и необходимая для меня школа, къ сожалѣнію, только кратковременная. Миръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно-народной организаціей. Это могучее государство въ государствѣ чиновничьемъ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ (коммунистамъ), и къ бѣгунамъ, и въ Преображенское кладбище. Но увы! Пришлось все бросить. Я видѣлъ, что

Говорить въ подробностяхъ о его идеалахъ организаціи — бесполезно, такъ какъ эти идеалы, за которые прежде приходилось выносить столько борьбы, теперь, можно сказать, стали общепризнанными. Но А. Д. принадлежить въ нашемъ движеніи великая заслуга—быть въ числѣ самыхъ умныхъ и энергичныхъ проводниковъ этой новой организационной идеи.

¹⁾ Мы знали А. Д. въ моментъ его возвращенія въ Петербургъ. Онъ дѣйствительно былъ съ головы до ногъ „старовѣромъ“ и даже въ спорахъ съ радикалами постоянно сбивался нечаянно на цитаты изъ разныхъ сектантскихъ „дѣятниковъ“. Въ силу сектантства онъ глубоко вѣрилъ; религиознымъ въ формальномъ смыслѣ слова онъ не былъ и тогда, но, однако, имѣлъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, которая очень приближалась къ религіи. „Богъ—это правда, любовь, справедливость, и я въ этомъ смыслѣ съ чистой совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю“. Онъ увѣрилъ, что всѣ основатели великихъ религій, Христосъ даже, именно въ этомъ смыслѣ понимали Бога. Но все-таки, спрашивали его, что такое справедливость, любовь и т. д.? Есть ли это нѣчто личное, нѣкоторое существо, или отвлеченный принципъ? Не помнимъ, чтобы А. Д. давалъ на это вполне рѣшительный отвѣтъ. У него была какая-то идея (смутная для постороннихъ, потому что онъ мало говорилъ объ этомъ, а, можетъ быть, смутная и для него самого)—что идеалы социальной революціи должны создать людямъ нѣкоторую новую религію, которая бы такъ же поглощала все существо человѣка, какъ это дѣлали старыя.

дѣла центра не блестящи, что организація расширяется медленно, а главное были плохи финансы, и остановился вслѣдствіе этого притокъ силъ въ народъ. Въ Саратовѣ наши положительно голодали.

Въ началѣ апрѣля 1878 г. я вернулся въ Петербургъ, имѣя, впрочемъ, намѣреніе образовать новую группу для отправленія въ расколъ. Благоприятныя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ расколничьей среды, еще наполнили меня, и мнѣ трудно было сразу отрѣшиться отъ начатой дѣятельности, но кипучая жизнь Петербурга вскорѣ потребовала всѣ мои силы, и съ работой въ народѣ пришлось разстаться сначала фактически, а впоследствии и принципиально по мѣрѣ того, какъ успѣшность борьбы съ правительствомъ становилась очевидной. Здѣсь окончательно выработана программа народниковъ (въ апрѣлѣ и маѣ 1878 года) и уставъ организаціи. Въ то же время возникла мысль объ новой организаціи общества «Земля и Воля» и объ органѣ. Въ эту же весну я участвовалъ въ многочисленныхъ демонстраціяхъ, имѣвшихъ тогда мѣсто, и частью организовалъ ихъ. Затѣмъ, вполне сочувствуя борьбѣ съ правительствомъ, я сталъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ террористическихъ актахъ и освобожденіяхъ. Въ концѣ сентября 1878 года я былъ посланъ въ Землю Войска Донскаго съ прокламаціями для организаціи дѣла среди казаковъ, при помощи радикаловъ, жившихъ на Дону, но вслѣдствіе погрома 13 сентября въ Петербургѣ, я возвратился сюда. Дѣла я засталъ въ печальномъ положеніи: мои лучшіе друзья, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе выдающіеся дѣятели, погибли; связи почти цѣлкомъ были утрачены; но энергическими усиліями 4—5 человекъ въ короткое время намъ удалось поставить дѣла на прежнюю высоту и даже дать имъ новый розмахъ. Въ концѣ октября я былъ задержанъ на квартирѣ Трошанскаго, но успѣлъ бѣжать (случай этотъ описанъ въ № 1 «Земли и Воли») ¹⁾.

Въ то время была устроена типографія, и №№ «Земли и Воли» стали выходить правильно. Я участвовалъ тогда въ рабочей группѣ, которая возбудила и поддержала нѣсколько стачекъ. Во время Соловьевскаго покушенія я находился на площади и видѣлъ, какъ послѣ выстрѣловъ царь упалъ и поползъ на четверенькахъ. Позднѣйшая моя дѣятельность извѣстна теперешнимъ моимъ товарищамъ ²⁾.

Оглядываясь назадъ, я могу сказать, что жизнь моя безпримѣрна дѣловымъ счастьемъ. Я не знаю человека, котораго бы судьба такъ щедро наградила дѣловымъ счастьемъ. Передъ моими глазами прошло почти все великое нашего времени въ Россіи. Лучшія мои мечты нѣсколько лѣтъ осуществляютъ. Я жилъ съ лучшими людьми и всегда былъ достоинъ ихъ любви и дружбы. Это великое счастье для человека ³⁾.

1880 г. февраль.

¹⁾ См. примѣчаніе II, ст. 167.

²⁾ См. примѣчаніе III, ст. 168.

³⁾ Обвинительный актъ по дѣлу, по которому осужденъ Михайловъ, и нѣкоторые объясненія, данныя Александромъ Дмитріевичемъ на судѣ, напечатаны въ янв. кн. „Былое“ См. „Процессъ 20 народовольцевъ въ 1882 г.“) Ред.

Примѣчаніе I. Такимъ остался А. Д. до конца дѣятельности. Онъ очень хорошо понималъ, что въ Россіи осторожность, осмотрительность и практичность составляютъ для существованія революціонной организаціи необходимое условіе. Этихъ качествъ онъ требовалъ отъ каждаго революціонера. Будучи самъ чрезвычайно осмотрителенъ и практиченъ, онъ постоянно замѣчалъ ошибки другихъ, указывалъ ихъ, конечно. Если же ошибки происходили отъ „распущенности“, отъ того, что человѣку становилось скучно или невыносимо постоянно слѣдить за малѣйшимъ своимъ поступкомъ,—то А. Д., для котораго такая ломка самого себя не казалась невыносимой, если это нужно „для дѣла“, уже просто возмущался. Онъ считалъ это нечестностью, недостаточностью преданности. Въ позднѣйшія времена (народовольческія уже) А. Д., напримѣръ, не находилъ достаточно рѣзкихъ, циничныхъ словъ для одного товарища, который иногда заходилъ провѣдать жену свою, находившуюся подъ надзоромъ. „Онъ шляется къ женѣ, гдѣ его стерегутъ и могутъ забрать; наконецъ, его могутъ прослѣдить и на другія квартиры“. Это для него было просто подлостью, тѣмъ болѣе огорчительной, что она исходила отъ человѣка, котораго онъ глубоко уважалъ. Противъ подобной неряшливости А. Д. „немолчно лаялъ“, постоянно и всю жизнь оставался какимъ-то ревизоромъ революціонной конспираціи. Онъ даже самъ говорилъ совершенно серьезно: „Ахъ, если бы меня назначили инспекторомъ для наблюденія за порядкомъ въ организаціи“.

Тамъ, гдѣ А. Д. имѣлъ такое право наблюденія, онъ превратилъ это право въ обязанность для себя. Сплошь и рядомъ онъ слѣдилъ по улицамъ за товарищами, чтобы убѣдиться въ ихъ осторожности. Одинъ такой случай мы помнимъ съ А. Квятковскимъ, который, однако, замѣтилъ слѣженіе, чѣмъ несказанно обрадовалъ А. Д. Но зато бѣда, если кто-нибудь позволялъ прослѣдить себя. Упреки сыпались градомъ А. Д. буквально „пилилъ“ людей ежедневно и ежеминутно за такія провинности. Иногда онъ на улицѣ совершенно неожиданно заставлялъ васъ читать вывѣски и разсматривать фizioноміи на разныхъ разстояніяхъ: „Ты не можешь прочесть? Ну, братъ, очки покупай непременно“. И потомъ уже дохнуть не дать, пока не купишь очковъ. Одинъ близорукий заявилъ, что докторъ запретилъ ему носить очки, подъ страхомъ ослѣпнуть совсѣмъ. А. Д. не умилился. „Ну, откажись отъ такихъ дѣлъ, гдѣ нужно посѣщать конспиративныя квартиры. Дѣлай что-нибудь другое“. На бѣду оказалось, что человѣкъ нуженъ именно въ „такихъ квартирахъ“... „Ну, такъ непременно очки или пенсне. Это обязательно“.—„Покорно благодарю, я не желаю ослѣпнуть“. А. Д. вспылилъ: „Ослѣпнешь, тогда выходи въ отставку. Намъ изъ-за твоихъ глазъ не проваливать организацію“, и потомъ обратился ко всѣмъ товарищамъ съ предложеніемъ: „обязать NN носить очки такого-то номера“. Такъ слѣдилъ А. Д. за всѣмъ образомъ жизни товарищей. Войдетъ въ квартиру, сейчасъ осмотритъ всѣ углы, постучитъ въ стѣну, чтобы убѣдиться достаточно ли толста, послушаетъ, не слышно ли разговора въ сосѣдней квартирѣ, выйдетъ для того же на лѣстницу. „У васъ народу столько бываетъ, а ходъ всего одинъ: это невозможно“. Еще хуже, если квартира безъ воды: значитъ дворникъ будетъ лишній разъ шляться. За „знаками“, т. е. сигналами безопасности, которые снимаются, если квартира въ опасности—А. Д. слѣдилъ страшно. „Вашего знака не видно, у васъ вовсе нельзя устроить знака, что это за комната? Какъ къ вамъ ходить? Одинъ товарищъ даже смѣялся по этому поводу, увѣряя, что въ исторіи будетъ отмѣчено со временемъ: „и придетъ дворникъ и учредитъ знакъ“ (дворникъ это прозвище А. Д.). Впрочемъ, ни шутки, ни насмѣшки, ни брань—нисколько не смущали А. Д. при исполненіи своихъ обязанностей! Онъ не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія, не обижался, не сердился. Иногда случалось, что хозяева расхаенной имъ квартиры не хотѣли даже говорить съ нимъ, и онъ все таки преспокойно заходилъ въ свое время посмотреть, все ли благополучно, и весьма внимательно объяснялъ свои соображенія нахмуреннымъ хозяевамъ: „Ну, что, вы кончили? Больше ничего?“ торопять они его, чтобы поскорѣе убрался. „Да, я кончила, только теперь уже время обѣдать. Я бы остался“. Не должно, однако, думать, чтобы А. Д. выкидывалъ такія шуточки на зло. Нѣтъ, онъ просто не хотѣлъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь смѣлъ нравственно, передъ собственной совѣстью, сердиться серьезно за исполненіе человѣкомъ обязанности охранять безопасность организаціи. Соблюдать осторожность скучно,

выслушивать замѣчания еще скучнѣе: поэтому можно быть въ дурномъ расположеніи духа, это понятно; но сердиться за это именно на него, А. Д., совершенно несправедливо, и порядочный человекъ самъ будетъ стыдиться, если позволить себѣ поссориться изъ-за совершенно дѣльныхъ указаній. Такъ разсуждалъ А. Д. и не хотѣлъ, съ своей точки зрѣнія, обижать людей, принимая въ серьезную сторону ихъ рѣзкіе отвѣты, насмѣшки, грубости. Въ общей сложности, это благодарное отношеніе къ людямъ и къ дѣлу исполнѣ оцѣнивалось всѣми, и А. Д., хотя ежедневно ругался и ссорился съ 20 человекъми среднимъ числомъ, пользовался такимъ уваженіемъ, какъ никто.

Изъ конспираціи А. Д. создалъ цѣлую науку. Онъ очень ловко гримировался; выработалъ въ себѣ способность взглядомъ отличать знакомыя лица въ цѣлой толпѣ. Петербургъ онъ зналъ, какъ рыба свой прудъ. У него былъ составленъ огромный списокъ проходныхъ дворовъ и домовъ (штукъ 300), и онъ все это помнилъ навзусь. Покойный Халтуринъ передавалъ намъ однажды, какъ онъ слѣдилъ за А. Д. (у Халтурина тоже были эти привычки—контролировать другихъ): тотъ немедленно замѣтилъ его. Халтуринъ съ пріятной улыбкой знатока разсказывалъ, до чего ловко А. Д. изыскивалъ случаи посмотреть позади себя, совершенно естественно, то будто взглянуть на красивую барыню, то поправивши шляпу и т. д., въ концѣ концовъ, онъ исчезъ—, чортъ его знаетъ, куда онъ дѣвался... А нужно сказать, что Халтуринъ тоже былъ мастеръ выслѣживать. Проходными дворами и домами А. Д. пользовался артистически. Одинъ человекъ, спасенный А. Д. отъ ареста, разсказывалъ намъ, какъ это произошло. „Я долженъ былъ сбѣжать съ квартиры, и скоро замѣтилъ упорное преслѣдованіе. Я сѣлъ на конку, потомъ на извозчика. Ничего не помогло. Наконецъ, мнѣ удалось, бѣгомъ пробѣжавши рынокъ, вскочить въ вагонъ съ другой стороны; я потерялъ изъ виду своего преслѣдователя; но не успѣлъ вздохнуть свободно, какъ вдругъ, входитъ въ вагонъ шпіонъ, прекрасно мнѣ извѣстный; онъ постоянно присутствовалъ при всѣхъ пробѣздахъ царя и выслѣдилъ меня на мою квартиру, откуда я сбѣжалъ. Я былъ въ полномъ отчаяніи, но въ это же мгновеніе совершенно неожиданно вижу—идеть по улицѣ А. Д. Я выскочилъ изъ вагона съ другого конца и побѣжалъ вдогонку. Догналъ, прохожу быстро мимо и говорю, не поворачивая головы: „Меня ловятъ“. А. Д., также не взглянувши на меня, отвѣтилъ: „иди скоро впередъ“. Я пошелъ. Онъ, оказалось, въ это время осматрѣлся, что такое со мной дѣлается. Черезъ минуту онъ догоняетъ меня, проходить мимо и говорить: „Номеръ 37, во дворъ, черезъ дворъ, на Фонтанку, номеръ 50, опять во дворъ. Догоню“ (номера, впрочемъ, я уже позабылъ). Я пошелъ, увидѣлъ скоро номеръ 37, иду во дворъ, который оказался очень тѣснымъ, съ какими-то закоулками, и въ концѣ концовъ—я неожиданно очутился на Фонтанкѣ... Тутъ я въ первый разъ повѣрилъ въ свое спасеніе. Торопясь, я даже не слѣдилъ за собой, а только старался какъ можно скорѣе идти. Скоро по Фонтанкѣ оказался крутой заворотъ, а за нимъ номеръ 50, прекрасное мѣсто, чтобы исчезнуть неожиданно. Вхожу во дворъ, смотрю, а тамъ уже стоитъ А. Д.; оказалось, что домъ также проходной въ какой-то переулочекъ. „Выходи въ переулочекъ, говоритъ А. Д., нанимай извозчика куда-нибудь по близости отъ такой-то квартиры“, самъ же выбѣжалъ на Фонтанку и осматрѣлся. Пока я нанялъ извозчика, онъ возвратился и отвезъ меня на квартиру... гдѣ я и остался“.

Съ этимъ знаніемъ мѣстности и со своей ловкостью А. Д. былъ просто неуловимъ. Преслѣдить его не было возможности. Можно было развѣ взять его на улицѣ, какъ это случилось послѣ злополучной исторіи съ карточками. Но зато сколько разъ онъ уходилъ изъ рукъ полиціи.

Примѣчаніе II. Не имѣя подъ руками № „Земли и Воли“, передадимъ этотъ случай по разсказамъ очевидцевъ¹⁾. А. Д. явился на квартиру Троцанскаго, не зная объ его арестѣ, а между тѣмъ на квартирѣ этой полиція озаботилась оставить засаду. А. Д. былъ немедленно арестованъ. Когда его вывели на улицу, чтобы препроводить въ часть, А. Д. вырвался и пустился бѣжать. Полиція, разумѣется, пустилась догонять. Но А. Д. началъ громко кричать: „лови, держи“

¹⁾ См. № 1 „Земли и Воли“ въ книгѣ Бавлевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“.

и этимъ увлекъ за собою много прохожихъ, которые побѣжали вмѣстѣ съ нимъ ловить воображаемаго злоумышленника. Такимъ образомъ, А. Д. до нѣкоторой степени затерся въ толпѣ и успѣлъ шыгнуть въ переулокъ, а затѣмъ въ первый попавшійся дворъ. Разумѣется, выигрышъ времени состоялъ всего въ нѣсколькихъ минутахъ, и полиція скоро сообразила, что человѣкъ, свернувшій въ переулокъ, именно и есть настоящій бѣглець. Между тѣмъ, дворъ, куда свернулъ А. Д., оказалось, къ несчастью, не имѣлъ никакого другого выхода. Преслѣдователи толпились на улицѣ и, очевидно, должны были скоро толкнуться и въ этотъ дворъ, а А. Д. стоялъ безсилно передъ высокой стѣной, преграждающей путь куда-нибудь дальше. „Я готовъ былъ, рассказывалъ А. Д., бить со злости эту проклятую стѣну“. Однако, онъ скоро нашелъ способъ перелѣзть черезъ нее въ другой дворъ и такимъ образомъ благополучно скрыться.

Случаевъ такого экстраординарнаго спасенія въ жизни А. Д. было нѣсколько. Приведемъ еще одинъ изъ нихъ, основываясь на рассказахъ очевидцевъ, а отчасти и самого А. Д.

Однажды въ 1879 г. швейцаръ квартиры, гдѣ проживалъ А. Д., сдѣлалъ на него доносъ (благодаря безтактности одного товарища А. Д.), вслѣдствіе чего за нимъ началось слѣженіе. А. Д. скоро замѣтилъ это, тѣмъ болѣе, что зналъ въ лицо шпіона, котораго къ нему приставили. Но А. Д. жилъ подѣ прекраснымъ, подлиннымъ, хотя и чужимъ, видомъ; онъ зналъ, что ничего особеннаго за нимъ полиція замѣтитъ не могла. Поэтому, хотя онъ и рѣшилъ съѣхать съ квартиры съ тѣмъ, чтобы поселиться подѣ другимъ видомъ, но въ то же время онъ считалъ совершенно излишнимъ бѣжать, такъ сказать, со скандаломъ. Намѣренія арестовать его онъ со стороны полиціи не предполагалъ. Такимъ образомъ, онъ самымъ благороднымъ манеромъ собралъ пожитки, нанялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Оказалось, что шпіонъ поѣхалъ слѣдомъ за нимъ. Это немного обезпокоило А. Д., но онъ все таки ограничился тѣмъ, что изъ предосторожности отдалъ на вокзалѣ товарищу (бывшему тамъ согласно условію) разныя бумаги и деньги. Разумѣется, это было сдѣлано осторожно, въ темномъ закуулкѣ. Самъ же А. Д. отправился все таки брать билетъ и сдавать багажъ. Между тѣмъ вокзалъ началъ принимать очень злоувѣщій видъ. Появились нѣсколько шпіоновъ; они, видимо, стерегли А. Д., ожидая чего-то. Онъ все это наблюдалъ, сохраняя, однако, замѣчательно спокойный видъ, такъ что шпіоны, очевидно, оставались въ полной увѣренности, что онъ ничего не замѣчаетъ. Когда А. Д. сѣлъ въ вагонъ, одинъ шпіонъ остался у вагона, а другой подошелъ и сказалъ что-то жандарму. А. Д. быстро и незамѣтно перешелъ въ другой вагонъ (дѣло было ночью). Между тѣмъ на платформѣ вдругъ появился самъ Кириловъ, начальникъ III отдѣленія. Кириловъ, начавшій свою карьеру простымъ шпіономъ, въ это время былъ уже генералъ и очень старъ, но любилъ въ особенныхъ случаяхъ лично руководить человѣческой травлей. Появленіе его, какъ А. Д. прекрасно зналъ, всегда означало неизбѣжный арестъ. Нужно было спасаться. А. Д. вышелъ на площадку вагона и сталъ въ густой тѣни, а Кириловъ что-то сказалъ своимъ шпіономъ; вѣроятно, приказалъ арестовать. Но тѣ тутъ только замѣтили, что А. Д. исчезъ. Началась бѣготня. Одинъ прошелъ весь поѣздъ изъ конца въ конецъ, имѣя наивность даже звать А. Д., вѣроятно, въ расчетъ, что онъ самъ себя чѣмъ-нибудь нечаянно выдастъ. Между тѣмъ, пробилъ третій звонокъ. Кириловъ, очевидно, получилъ отъ шпіоновъ ручательство, что А. Д. долженъ находиться въ поѣздѣ, хотя и неизвѣстно гдѣ. Два шпіона вскочили въ вагонъ, надѣясь на ходу хорошенько осмотрѣть вагоны, а А. Д., какъ только поѣздъ тронулся, соскочилъ со ступенекъ вагона и черезъ дворъ вышелъ на улицу. Отъ шпіоновъ съ пути была прислана Кирилову телеграмма съ извѣстіемъ объ отсутствіи А. Д., а въ Москвѣ, немедленно по прибытіи поѣзда, былъ заарестованъ его багажъ. Въ чемоданѣ, между прочимъ, нашли прекрасный револьверъ Смита и Вессона, а также стилетъ. Этимъ и ограничилась добыча Кириловской экспедиціи.

А. Д. всегда старался узнавать въ лицо шпіоновъ и пользовался для этого всѣми случаями. Это знакомство, вмѣстѣ со способностью необыкновенно хорошо запоминать лица и быстро замѣчать ихъ въ цѣлой толпѣ, очень помогало А. Д. скрываться отъ всякихъ преслѣдованій, и онъ на улицѣ вообще считалъ себя настолько гарантированнымъ отъ ареста, что позволялъ себѣ показываться въ самыя опасныя мѣста. Такъ, напримѣръ, во время взятія первой типографіи

„Народной Воли“, когда въ Саперномъ переулкѣ стоялъ цѣлый взводъ полиція и шпіоновъ, А. Д. ходилъ туда посмотреть, что дѣлается. На его глазахъ арестовано было нѣсколько зѣвакъ, онъ же остался цѣль и невредимъ. Точно также онъ всегда охотно брался провѣрить, есть ли слѣженіе за данной квартирой, и въ этомъ случаѣ на его свидѣтельство можно было полагаться почти съ безусловнымъ довѣріемъ. Отъ его вниманія не ускользало ни одно подозрительное обстоятельство; но ни одно обстоятельство онъ также не преувеличивалъ. Его оцѣнка каждаго даннаго положенія вещей отличалась замѣчательною точностью и прояснялась всегда необыкновенно быстро, совершенно будто у него въ головѣ находились какіе-то вѣсы, которые механически и съ моментальной быстротою показывали ему сравнительную тяжесть фактовъ.

Примѣчаніе III. Эта дѣятельность намъ извѣстна лишь въ общихъ чертахъ. Вскоръ послѣ покушенія Соловьева на жизнь Александра II, съ А. Д. случилась исторія, о которой мы упомянули выше. Ускользнувъ на вокзалъ отъ рукъ Кириллова, А. Д. не остался, однако, въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней, измѣнивши наружность, всетаки уѣхалъ на югъ, гдѣ долженъ былъ хлопотать о полученіи денегъ Лизогуба. Въ это же время А. Д. сблизился съ Желябовымъ. Затѣмъ наступилъ Липецкій съѣздъ, въ которомъ А. Д. принималъ самое дѣятельное участіе, какъ горячій сторонникъ измѣненія общей дѣятельности партіи и улучшения ея организациі. Съ Липецкаго съѣзда А. Д. отправился, въ качествѣ члена „Земли и Воли“, на Воронежскій съѣздъ, гдѣ старался отстоять террористическую дѣятельность, но въ то же время предупредить разрывъ кружка. Послѣ съѣзда А. Д. прибылъ въ Петербургъ и участвовалъ черезъ нѣсколько времени на такъ называемомъ Петербургскомъ съѣздѣ, который состоялъ собственно изъ делегатовъ двухъ группъ, на которыя раскололась „Земля и Воля“. Здѣсь А. Д. энергически отстаивалъ интересы будущей „Народной Воли“, а затѣмъ по распоряженію И. К. отправился въ Москву, гдѣ организовывалъ взрывъ царскаго поѣзда и рядомъ съ этимъ занимался организацией Московскаго кружка „Народной Воли“. Послѣ 19 ноября А. Д. оставался въ Москвѣ, при своей группѣ, пока не былъ вызванъ въ Петербургъ по случаю ареста Квятковскаго и другихъ проваловъ, угрожавшихъ безопасности организациі. Съ этого времени дѣятельность А. Д. имѣла, главнымъ образомъ, организаторскій характеръ. Въ дѣлѣ 5 февраля онъ не принималъ никакого особеннаго участія, 28 ноября 1880 г. А. Д. былъ арестованъ по слѣдующему поводу: онъ заказалъ карточки нѣкоторыхъ казенныхъ революціонеровъ въ фотографіяхъ Александровскаго и Таубе; онъ обѣ находится рядомъ на Невскомъ проспектѣ, между Троицкимъ и Новой улицей. Карточки, разумѣется, были отдаваемы имъ, какъ принадлежащія будто бы его родственникамъ. Но фотографы, вѣроятно, имѣли уже ихъ, такъ что немедленно узнали Квятковскаго и Прѣснякова, и одинъ изъ нихъ (именно Александровскій) донесъ объ этомъ въ полицію. Полиція отрядила двухъ агентовъ въ обѣ фотографіи, при чемъ въ одной агентъ находился въ качествѣ якобы швейцара. Когда А. Д. явился за своими карточками, онъ замѣтилъ странное поведеніе фотографа, который не давалъ карточекъ, подѣ, очевидно, пустыми предлогами, и убѣждалъ куда-то (оказалось предупредить полицію). А. Д., не дожидаясь дальнѣйшаго, сказалъ, что онъ не имѣетъ времени дожидаться, и ушелъ. Швейцаръ, мимо котораго онъ проходилъ, держалъ себя еще болѣе по-дурацки: старался уговорить А. Д. не уходить, дѣлалъ движенія какъ будто имѣлъ желаніе схватить его, и т. д. А. Д. опустилъ руку въ карманъ, и швейцаръ (оказалось впоследствии, что это А. Д. револьверъ въ карманѣ) оставилъ его въ покоѣ. Странно и невѣроятно, разумѣется, что А. Д., самъ рассказывавшій товарищамъ объ этомъ происшествіи, все таки пошелъ послѣ этого въ фотографію Таубе! Онъ обѣщалъ не ходить, даже въ такихъ словахъ: „Я не дуракъ, не беспокойтесь...“ и все таки черезъ нѣсколько дней пошелъ. Околодочный Кононенко, сильный и смѣлый человѣкъ, все время дежурилъ около подъѣзда фотографіи, переодѣтый въ цивильный костюмъ. Когда А. Д., получивъ карточки, вышелъ на улицу, Кононенко пошелъ за нимъ. А. Д., замѣтивъ слѣженіе, съѣлъ въ конку (по Владимірской улицѣ); куда за нимъ вскочилъ и Кононенко. Около Владимірской церкви А. Д. выскочилъ изъ вагона и хотѣлъ съѣсть на извозчика, но Кононенко бросился на него и схватилъ его. Тутъ подоспѣли городовые, и А. Д. повели въ часть. Послѣ недолгаго допроса, при чемъ оказалось, что полиція не

имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія о дѣйствительной личности А. Д., его попросили показать свою квартиру. На дорогѣ А. Д. пытался бѣжать, но его снова поймали. Приведенный на квартиру, А. Д. выставилъ у себя знакъ опасности и затѣмъ послѣ обыска былъ увезенъ въ домъ предварительнаго заключенія; у него было найдено, между прочимъ, значительное количество динамиту.

„Видно на всякаго мудреца довольно простоты“, сказалъ А. Д. конвойный жандармъ, когда выяснилась его личность. И, дѣйствительно, ничего не остается больше сказать, видя, при какихъ невѣроятныхъ условіяхъ былъ арестованъ этотъ осторожнѣйшій и осмотрительнѣйшій человекъ.

II.

По прочтении автобіографіи А. Д. Михайлова ¹⁾.

Трудно добавить что-нибудь существенное къ матеріаламъ, уже извѣстнымъ о личности и дѣятельности А. Д. Михайлова. Его автобіографія и примѣчанія къ ней даютъ совершенно вѣрное представленіе объ этомъ незабвенномъ дѣятелѣ русской революціи.

По натурѣ это былъ цѣльный, уравновѣшенный и жизнерадостный человекъ. Самый процессъ жизни доставлялъ ему наслажденіе, никогда не омрачавшееся ни бурями личнаго свойства, ни сильными страстями. Своихъ стариковъ родителей, создавшихъ для него счастливое и безмятежное дѣтство, онъ любилъ горячо и нѣжно, равно какъ и братьевъ и сестру. Обаяніе, которое А. Д. производилъ на людей, сочувствовавшихъ партіи Народной Воли, было очень велико, благодаря привѣтливости его нрава, вниманію, съ которымъ онъ относился къ индивидуальнымъ свойствамъ личности и силѣ воли, которая сознавалась всѣми приходившими съ нимъ въ соприкосновеніе. Когда онъ являлся къ лицу состоятельному и предлагалъ ему денежнымъ взносомъ поддержать дѣло народнаго освобожденія, то это лицо чувствовало, что дастъ денегъ и именно столько, сколько укажетъ самъ А. Д., и тугіе, обыкновенно, кошельки развязывались. Между прочимъ, А. Д. удалось получить тѣ сравнительно большія средства, которыя были необходимы для организаціи дѣла 1 марта 1881 года.

Его привязанность къ товарищамъ-революціонерамъ была глубокая и сильная, что не мѣшало его критическому отношенію къ каждому изъ нихъ. Высоко цѣня положительныя стороны характера, ума и дѣятельности товарищей, онъ легко опредѣлялъ слабыя ихъ стороны, которыя могли повредить дѣлу революціи, и всегда открыто и просто указывалъ на нихъ. Если случались неудачи въ революціонныхъ дѣлахъ вслѣдствіе собственной неосмотрительности или промаховъ членовъ партіи, то такія событія глубоко волновали и огорчали его. Не разъ въ такихъ случаяхъ я слышала отъ него восклицаніе: „Несчастная русская революція!“—произнесенное съ особенной горечью.

Онъ очень заботился о томъ, чтобы сохранилась для исторіи память о погибшихъ товарищахъ. Главный архивъ, куда онъ бережно сносилъ письма, воспоминанія и карточки погибшихъ, помѣщался у одного чиновника. Этотъ добрый человекъ, вѣроятно, давно умеръ, такъ какъ въ то время былъ уже глубокой старикъ. Послѣ ареста А. Д. Исполнительный Комитетъ рѣшилъ оставить этотъ архивъ на прежнемъ мѣстѣ, а послѣ 1 марта и его проваловъ о немъ забыли. Надо надѣяться, что старичекъ передъ смертью передалъ архивъ въ чьи-нибудь вѣрныя руки ²⁾. Стараніе А. Д. сберечь для потомства карточки товарищей, пав-

¹⁾ Статья эта принадлежитъ Аннѣ Павловнѣ Корба-Прибылевой, одной изъ выдающихся дѣяательницъ партіи Народной Воли. А. П. Корба была притворена къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ по дѣлу Богдановича, Бudevича, Грачевскаго и др. въ 1883 году.

Ред.

²⁾ Мы приняли уже нѣкоторыя мѣры къ разысканію архива, о которомъ говорить А. П. Корба, но пока безрезультатно. Очень просимъ лицъ, имѣющихъ какія-либо по этому поводу свѣдѣнія, подѣлиться ими съ нами.

шихъ въ бою, и послужили причиной его собственной гибели. Наканунъ того дня, когда онъ отнесъ карточки Квятковскаго и Прѣснякова къ фотографамъ на Невскомъ, онъ видѣлся съ нѣсколькими студентами и просилъ ихъ заказать снимки карточекъ въ любой фотографіи. До того времени переснимки часто практиковались и всегда совершались безпрепятственно. Отказъ студентовъ глубоко возмутилъ А. Д.; онъ увидалъ въ немъ проявление трусости и нежеланія подвергать себя малѣйшей опасности. Поддавшись чувству раздраженія, онъ на другой день самъ отнесъ карточки фотографамъ. Когда онъ явился въ указанное время къ одному изъ нихъ, жена фотографа, ставъ за спиною мужа, взглянула въ упоръ на А. Д. и рукой провела по своей шеѣ, давая ему знать что ему грозитъ висѣлица. Онъ ушелъ изъ фотографіи, сказавъ, что вернется на слѣдующій день. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Исполнительному Комитету, его рассказъ былъ встрѣченъ возгласами изумленія и недовольства. Ему напомнили его роль оберегателя безопасности партіи и взяли съ него слово болѣе не возвращаться въ фотографію. На другой день, проходя по Невскому мимо проклятаго мѣста, вѣроятно, у него мелькнула мысль, что онъ невѣрно понялъ предупрежденіе жены фотографа, можетъ быть, онъ самъ себя упрекнулъ въ трусости или же вспомнилъ, какъ счастливо онъ уходилъ отъ всѣхъ опасностей, встрѣчавшихся въ его жизни. Какъ бы то ни было, онъ вошелъ въ фотографію, а затѣмъ послѣдовала уже извѣстная сцена его ареста...

* *
*

Начало 1880 г., до весны, я прожила на одной изъ Подъяческихъ улицъ, близъ Сѣнной площади. Комната, которую я занимала, была удобна въ конспиративномъ отношеніи, и у меня помѣщалась часть паспортнаго стола и нѣкоторыя документы Исполнительнаго Комитета. Въ то время А. Д. довольно часто заходилъ ко мнѣ по дѣламъ. Когда же у него бывало свободное время, онъ оставался на часъ или два, и тогда въ разговорѣ чаще всего возвращался къ воспоминаніямъ о друзьяхъ, которые такъ недавно еще были съ нимъ, работали вмѣстѣ съ нимъ, и которыхъ, онъ это зналъ, онъ никогда не увидитъ болѣе. Часто онъ говорилъ съ любовью и восхищеніемъ о Сабуровѣ, тогда еще живомъ и заключенномъ въ Петропавловской крѣпости; о Маркѣ Натансонѣ, объ Ольгѣ Натансонѣ, о Зунделевичѣ, о Соловьевѣ и многихъ другихъ.

Помню, какъ однажды онъ сказалъ, что изъ всѣхъ личныхъ чувствъ онъ не знаетъ ничего возвышеннѣе и сильнѣе товарищества, и рассказалъ содержаніе старинной славянской легенды, которая ему особенно нравилась и была близка ему. Суть этой легенды состоитъ въ томъ, что герой, сражавшійся за народную свободу, томится въ турецкой тюрьмѣ. Онъ ждетъ, что его освободятъ отецъ съ матерью, но они дряхлы и хилы и не могутъ спасти его; онъ ждетъ, что жена его освободитъ, но она, хотя плачетъ и убивается, не можетъ, однако, его спасти; узнаютъ о его заключеніи товарищи. Они выбираютъ бурную ночь, убиваютъ стражу и выводятъ героя изъ тюрьмы.

* *
*

Какъ-то разъ я вернулась домой и застала А. Д. въ моей комнатѣ. Онъ стоялъ у окна, выходившаго на улицу, и смотрѣлъ на прохожихъ. Услыхавъ шаги, онъ обернулся и, поздоровавшись, сказалъ, что сейчасъ, глядя на людей, толпившихся на улицѣ, онъ думалъ о томъ, что продолжительное одиночное заключеніе для него невозможно. „У меня, говорилъ онъ, умъ такъ созданъ, что самъ изъ себя не родитъ предметовъ для размышленія. Мнѣ необходимы внѣшнія впечатлѣнія для того чтобы мои мысли могли перерабатывать ихъ. Внѣшнія впечатлѣнія это тотъ матеріалъ, которымъ питается мой умъ. Поэтому я увѣренъ, что долго не вынесу одиночнаго заключенія“. Эти его слова оказались,

пророческими. А. Д. не прожилъ въ Петропавловской крѣпости и двухъ лѣтъ послѣ суда. Какъ именно кончилась эта свѣтлая и могучая жизнь, и до сихъ поръ остается необъясненнымъ.

Анна Корба.

III.

Завѣщаніе Александра Дмитриевича Михайлова.

16-го февраля 1882 г.

Завѣщаю Вамъ, братья, не расходовать силъ для насъ, но беречь ихъ отъ всякой безплодной гибели и употреблять ихъ только въ прямомъ стремленіи къ цѣли.

Завѣщаю Вамъ, братья, издать постановленія Исполнительнаго Комитета отъ приговора А. . . .¹⁾ и до объявленія о нашей смерти включительно (т. е. 26 августа 1876 года до марта 1882 г.). При нихъ приложите краткую исторію дѣятельности организациі и краткія біографіи погибшихъ членовъ ея.

Завѣщаю Вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпить ихъ характерамъ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.

Завѣщаю Вамъ, братья, установить единообразную форму дачи показаній до суда, при чемъ рекомендую Вамъ отказываться отъ всякихъ объясненій на дознаніи, какъ бы ясны договоры или сыскныя свѣдѣнія ни были. Это избавитъ Васъ отъ многихъ ошибокъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, еще на волѣ установить знакомства съ родственниками одинъ другого, чтобы, въ случаѣ ареста и заключенія, Вы могли поддерживать какія-либо сношенія съ оторваннымъ товарищемъ. Этого пріема въ прямыхъ Вашихъ интересахъ. Онъ сохранитъ во многихъ случаяхъ достоинство партіи на судѣ. При закрытыхъ судахъ, думаю, нѣтъ нужды отказываться отъ защитниковъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, контролировать одинъ другого во всякой практической дѣятельности, во всѣхъ мелочахъ, въ образѣ жизни. Это спасетъ Васъ отъ неизбежныхъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, но губительныхъ для всей организациі, ошибокъ. Надо, чтобы контроль вошелъ въ сознаніе и принципъ, чтобы онъ пересталъ быть обиднымъ, чтобы личное самолюбіе замолкло передъ требованіями разума. Необходимо знать всѣмъ ближайшимъ товарищамъ, какъ человѣкъ живетъ, что онъ носитъ съ собой, какъ записываетъ и что записываетъ, насколько онъ остороженъ, наблюдателенъ, находчивъ. Изучайте другъ друга. Въ этомъ сила, въ этомъ совершенство отправленій организациі.

Завѣщаю Вамъ, братья, установить строжайшія сигнальныя правила, которыя спасали бы Васъ отъ повальныхъ погромовъ.

Завѣщаю Вамъ, братья, заботиться о нравственной удовлетворенности каждаго члена организациі. Это сохранить между Вами миръ и любовь; это сдѣлаетъ каждаго изъ Васъ счастливымъ, сдѣлаетъ навсегда памятными дни, проведенные въ Вашемъ обществѣ.

Затѣмъ цѣлую Васъ всѣхъ, дорогіе братья, милыя сестры, цѣлую всѣхъ по одному и крѣпко, крѣпко прижимаю къ груди, которая полна желаніемъ, страстью, воодушевляющими и Васъ. Простите, не поминайте лихомъ. Если я сдѣлалъ кому-либо неприятное, то, вѣрьте, не изъ личныхъ побужденій, а единственно изъ-за своеобразнаго пониманія нашей общей пользы и изъ свойственной характеру настойчивости.

Итакъ, прощайте, дорогіе! Весь и до конца Вашъ

Александръ Михайловъ.

¹⁾ Александру II.

Ред.

Народовольческая пропаганда среди московских рабочихъ въ 1881 году.

Народовольческая организація развивалась, какъ извѣстно, сверху внизъ. Прежде всего возникло центральное ядро, которое тотчасъ же приступило къ поразительнымъ по своей энергіи агрессивнымъ дѣйствіямъ, требовавшимъ отъ только-что зарождавшейся партіи огромнаго напряженія силъ. Казалось бы, народовольцамъ при ихъ малочисленности нельзя было и мечтать о распространеніи своей организаціи теперь же на широкія народныя массы, такъ какъ для этого имъ пришлось бы отрывать отъ преслѣдованія прямой задачи партіи—борьбы съ самодержавіемъ, и отъ дѣятельности въ наиболѣе доступной и близкой для нея средѣ, т. е. въ средѣ интеллигенціи. Однако же, на дѣлѣ было не такъ, и члены Исполнительнаго Комитета направили всѣ усилія къ тому, чтобы не остаться оторванными отъ народа, и прежде всего—отъ наиболѣе культурной и доступной для пропаганды части трудового народа, т. е. отъ городскихъ рабочихъ. Это стремленіе къ сближенію съ массой помимо политическаго расчета, вызывалось уже тѣмъ однимъ, что всѣ первые народовольцы вышли изъ среды народниковъ и, отдаваясь политической борьбѣ, ни одинъ изъ нихъ не отказывался отъ взглядовъ, дорогихъ ему съ молодости; стать народовольцемъ,—это значило для радикала того времени признать необходимость завоеванія русскими социалистами свободы для социалистической пропаганды, а слѣдовательно, и политической свободы вообще, такъ какъ при отсутствіи такой свободы, какъ показалъ десятилѣтній опытъ, социализмъ не можетъ получить сколько-нибудь широкаго распространенія въ народныхъ массахъ; стать народовольцемъ,—это значило, во-вторыхъ, примириться съ необходимостью строго централистической организаціи, стоявшей по своимъ принципамъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ свободолюбивыми взглядами и анархическими привычками радикаловъ прежняго періода. Но какъ ни противорѣчилъ централизмъ укоренившимся привычкамъ, слишкомъ ясно было, что безъ него не обойтись при новой боевой тактикѣ, а тактика эта была слишкомъ обаятельна, чтобы молодежь въ массѣ не увлеклась новымъ направлениемъ. Притокъ молодыхъ силъ, равнавшихся къ дѣлу, явился вторымъ условіемъ, облегчившимъ для народовольцевъ возможность дѣятельности не только въ интеллигентной, но и въ рабочей средѣ. Активная борьба требовала лишь

нѣсколько десятковъ лицъ, обладающихъ особыми боевыми достоинствами, а куда же было дѣвать эти сотни молодежи, стремившейся какимъ бы то ни было способомъ поработать для дѣла и сослужить свою службу народу? Сплотить ее и направить въ рабочую среду— было естественнѣй всего и правильнѣй всего, и народовольцы такъ именно и поступили. Еще въ 80 году рабочее дѣло велось народовольцами въ Петербургѣ, Одессѣ, Киевѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, а въ концѣ 80-го начало оно зарождаться и въ Москвѣ.

Руководителемъ всей вообще народовольческой дѣятельности въ Москвѣ былъ въ то время Петръ Абрамовичъ Теллаловъ извѣстный въ кружкахъ подъ именемъ «Петра Николаевича» ¹⁾. Для пропаганды въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго населенія въ Москвѣ уже раньше существовала «Городская группа», въ вѣдѣніи которой состояло нѣсколько группъ и кружковъ, преимущественно студенческихъ. Для организаціи рабочихъ рѣшено было образовать, совершенно независимую отъ Городской, «Рабочую группу», частью изъ мѣстныхъ, частью изъ пріѣзжихъ пропагандистовъ, которыхъ П. А. вызвалъ въ Москву съ этой цѣлью. Такимъ образомъ, въ началѣ 81 года прибыли изъ Петербурга занимавшіе раньше съ тамошними рабочими, но затѣмъ вынужденные перейти на нелегальное положеніе: студентъ Технологическаго Института А. Ф. Борейша и нѣкто Крыловъ, крестьянинъ по происхожденію, сектантъ по вѣроисповѣданію, въ ранней молодости служившій приказчикомъ, а въ послѣднее время занимавшій положеніе управляющаго какимъ-то домогъ въ Петербургѣ. Помимо пропаганды среди рабочихъ, Крыловъ имѣлъ въ виду особую задачу: революціонизированіе раскольничьяго населенія въ Москвѣ и на своей родинѣ—во Владимирской губерніи. Съ этой цѣлью, не ограничиваясь личными сношеніями съ московскими сектантами, Крыловъ (онъ же Воскресенскій, онъ же Теофанъ), написалъ цѣлое посланіе, въ которомъ пытался обосновать социализмъ на Евангелии и побудить послѣдователей разныхъ сектъ объединиться въ «Христіанское Братство», представлявшее по идеѣ автора нѣчто среднее между сектой и теперешнимъ Крестьянскимъ Союзомъ. Въ позднѣйшее время Теофанъ не прерывалъ своихъ сношеній съ раскольничьимъ міромъ и настойчиво предлагалъ Рабочей группѣ отпечатать его посланіе и распространить его въ Москвѣ и въ провинціи, но группа отклонила это предложеніе, главнымъ образомъ, въ виду чисто литературныхъ недостатковъ посланія.... Одновременно съ этими двумя лицами, если только не раньше ихъ, изъ Петербурга былъ присланъ въ Москву рабочій, котельщикъ А. В. Скворцовъ, пріятель Тимофея Михайлова; на него возлагались особенно большія надежды, такъ какъ онъ, уроженецъ московской губерніи, работалъ

¹⁾ Теллаловъ былъ присужденъ къ смертной казни по процессу 17 народовольцевъ въ 1883 г. Смерть была ему замѣнена безсрочною каторгой, послѣ чего Теллаловъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій рavelинъ, гдѣ и скончался. Редакція очень проситъ доставить ей портретъ П. А. Теллалова.

раньше на московских заводах и, по слухамъ, пользовался большою популярностью и имѣлъ широкія связи среди замоскворѣцкихъ рабочихъ. Последнимъ петербуржцемъ среди членовъ группы былъ студентъ университета Л. М. Коганъ-Беренштейнъ; послѣ «сабуровской исторіи» на актѣ 8-го февраля, гдѣ Б. произнесъ революціонную рѣчь, онъ скрылся изъ Петербурга и направился въ Саратовъ, но такъ какъ его тамъ вскорѣ же выслѣдили, то онъ покинулъ Саратовъ и прибылъ въ Москву, гдѣ вступилъ въ Рабочую группу. Изъ москвичей въ составъ группы должны были войти: ст. унив. И. Ю. Старынкевичъ, который, однако, былъ арестованъ въ мартѣ мѣсяцѣ, т. е. раньше, чѣмъ группа успѣла вполне сформироваться, и студентъ Дьяконовъ, арестованный въ первыхъ числахъ апрѣля, въ самомъ началѣ своей дѣятельности,—при ночной расклевкѣ прокламацій въ фабричномъ районѣ Якиманской части. Фактически успѣли вступить въ группу и проработать въ ней болѣе или менѣе долгое время студ. унив. Г. (единственный, уцѣлѣвшій впоследствии на волѣ), ст. Техническаго Училища А. В. Кирхнеръ, прибывшій изъ Саратова для поступления въ университетъ И. И. Майновъ и учительница одной городской школы А. В. Орлова. Нѣсколько позже, пока группа продолжала существовать, т. е. до весны 82 года, въ ея составѣ пребывали: ст. унив. Н. Е. Лавровъ, нелегальная Антонина Лисовская, и бѣжавшіе изъ ссылки: И. В. Калюжный, Н. С. Смирницкая, В. А. Панкратьевъ, М. Н. Чекоидзе, а въ самый послѣдній періодъ и нѣкоторые другіе, которыхъ я уже не знаю.

Приступая къ постановкѣ новаго дѣла, Теллаговъ нашелъ нужнымъ прежде всего развить общій взглядъ на тѣ задачи, которыя должны преслѣдовать народовольцы въ рабочей средѣ, и установить по возможности ясно и опредѣленно внутренній порядокъ группы и ея отношенія къ другимъ органамъ партіи. Естественно, что Исполнительному Комитету, по общему духу народовольческой организаціи, предоставлялась широкая власть: онъ могъ назначать въ составъ группы разныхъ лицъ по своему усмотрѣнію; могъ переводить членовъ группы въ другія мѣстности или поручать имъ другія функціи, сохраняя за собою постоянное право контроля и указаній, которыя для группы были обязательны: вообще, по отношенію къ нему группа была вполне подчиненнымъ органомъ. Пополнялась группа, помимо назначенія отъ Исполнительнаго Комитета, путемъ кооптаціи, при чемъ для приѣма новаго члена требовалось единодушное согласіе всѣхъ наличныхъ членовъ. Былъ установленъ своего рода цензъ: возрастъ не менѣе 20 лѣтъ; не менѣе двухъ лѣтъ принадлежности къ революціоннымъ кружкамъ, и извѣстный уровень знакомства съ теоріей социализма и литературой рабочаго вопроса, соотвѣтствовавшій среднему уровню наличныхъ членовъ группы. Максимальный составъ группы, въ интересахъ конспиративности, не долженъ былъ превышать числа 15 членовъ. Для непрерывности работы предполагалось установить обязательность кандидатуры, т. е. привлеченія каждымъ членомъ группы

къ участію въ его пропагаторской работѣ по меньшей мѣрѣ двоихъ лицъ изъ числа его знакомыхъ, удовлетворяющихъ требованіямъ вступленія въ группу; въ случаѣ ареста пропагандиста, группа могла бы при такомъ порядкѣ тотчасъ же замѣстить убылое мѣсто человѣкомъ уже знакомымъ съ дѣломъ, не теряя связей арестованнаго, что раньше случалось сплошь и рядомъ. Къ сожалѣнію, это постановленіе на практикѣ оказалось трудно-выполнимымъ, такъ какъ полиція арестовала всѣхъ и каждого, не разбирая, кто кѣмъ числится, а при быстромъ исчезновеніи съ поля дѣятельности самихъ членовъ группы о сколько-нибудь правильной постановкѣ кандидатуры не могло быть и рѣчи.

Вслѣдъ за выработкой устава послѣдовала выработка инструкціи, которая могла бы служить руководствомъ для пропагандистовъ, приступающихъ къ дѣлу. Ближайшей задачей признавалось привлеченіе рабочихъ къ участію въ политической борьбѣ и наряду съ этимъ подготовка ихъ къ дальнѣйшей борьбѣ за социализмъ. Пропагандистамъ предлагалось указывать рабочимъ прежде всего на полное безсиліе рабочаго въ отдѣльности передъ лицомъ двойственнаго союза капиталистовъ и правительства, откуда вытекала необходимость для рабочихъ организовать и вырвать у власти политическую свободу, безъ которой возможны только безрезультатные стихійные бунты, а не планомѣрная социальная борьба. Такъ какъ для вліянія непосредственно на массу у агитаторовъ того времени не было никакихъ способовъ,—кромѣ развѣ распространенія прокламацій, что и дѣлалось,—то на первыхъ порахъ необходимо заставляла сближаться съ отдѣльными лицами изъ рабочихъ, а затѣмъ уже черезъ нихъ расширять свои связи въ рабочей средѣ. Инструкція рекомендовала каждому пропагандисту возможно обстоятельнѣе знакомиться съ условіями трудовой жизни въ сферѣ его наблюденій, а по возможности съ личнымъ составомъ рабочаго населенія въ этой сферѣ, чтобы дѣйствовать не слѣпо, по случайностямъ встрѣчи съ тѣмъ или инымъ лицомъ, а съ наибольшей экономіей силъ, намѣчая для пропаганды именно тѣхъ рабочихъ, которые пользуются среди товарищей особымъ вліяніемъ или обладаютъ выдающейся энергіей и дарованіями. Такихъ лицъ вовсе не имѣлось въ виду извлекать изъ ихъ среды, направляя непременно на политической терроръ, наоборотъ,—на нихъ смотрѣли, какъ на авангардъ, который современемъ сумѣетъ увлечь за собою массу и поведетъ ее въ бой.

Такъ какъ группа составила изъ интеллигентовъ, то труднѣе всего было проникнуть въ рабочую среду и завязать въ ней первыя знакомства. Выполнить эту задачу пропагандистамъ удалось, благодаря содѣйствію нѣсколькихъ рабочихъ, бывшихъ ранѣе членами революціонныхъ кружковъ въ Петербургѣ и въ провинціи, а теперь, частью по случайностямъ ихъ личной судьбы, а частью по приглашенію знакомыхъ изъ членовъ московской группы, находившихся въ Москвѣ и примкнувшихъ къ Народной Волѣ. Кромѣ упомянутаго выше Скворцова, къ числу такихъ рабочихъ принадле-

жалъ одинъ смольнянинъ, родственникъ извѣстнаго Петра Алексѣева, доставившій пропагандистамъ связи съ ткачами, саратовскій наборщикъ А. Масленниковъ, и молодой переплетчикъ С. Логуновъ, успѣвшій набрести при расширеніи своихъ знакомствъ, между прочимъ, на двоихъ рабочихъ-соціалистовъ, вокругъ которыхъ группировался цѣлый кружокъ послѣдователей, стоявшій внѣ всякой связи съ интеллигенціей. Въ кружкѣ этомъ, не имѣвшемъ, впрочемъ, правильной организаціи, читалась исключительно легальная литература, такъ какъ нелегальной неоткуда было достать; революціонное настроеніе поддерживалось въ кружкѣ всецѣло вліяніемъ двоихъ руководителей, рѣзко выдѣлявшихся по своему развитію изъ массы тогдашнихъ рабочихъ. Когда Логуновъ съ ними сблизился, то оказалось, что оба эти лица имѣли связи съ пропагандистами и принадлежали къ соціалистическимъ кружкамъ во времена Долгушина (1874 г.), по послѣ ареста долгушенцевъ и вплоть до встрѣчи съ Лагуновымъ оставались совершенно оторванными отъ движенія, ни разу за все это время не столкнувшись ни съ однимъ соціалистомъ.

Завязавъ первыя знакомства, пропагандисты затѣмъ уже сравнительно легко расширяли свои связи, такъ какъ каждый вновь пріобрѣтенный рабочій въ свою очередь, по ревности неопита, спѣшилъ пріобрѣсти послѣдователей, и къ осени пропаганда велась въ Москвѣ приблизительно на 30 «пунетахъ». Подъ «пунктомъ» подразумѣвался тогда опредѣленный уголокъ дѣятельности: либо мастерская или фабрика, на которой имѣлись связи, либо просто нѣсколько рабочихъ разныхъ профессій, лично знакомыхъ другъ съ другомъ и потому представлявшихъ какъ бы одинъ кружокъ, хотя бы и неорганизованный; совершенно новое знакомство въ такой сферѣ, въ которую ранѣе не было доступа, составляло также новый «пупетъ», а потому опредѣлить общее количество рабочихъ, состоявшихъ въ непосредственной связи съ группой, было бы очень трудно: на иномъ пунетѣ имѣлся всего одинъ человекъ, на другомъ было человекъ 6—8, а въ общемъ на всѣхъ этихъ тридцати пунетахъ насчитывалось приблизительно человекъ 100—120. По новизнѣ дѣла и это казалось уже большимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что рабочая молодежь въ большинствѣ случаевъ относилась къ соціалистической пропагандѣ съ интересомъ и сочувствіемъ, а недовольство своимъ положеніемъ уже было тогда у рабочихъ всеобщимъ. Увѣренность въ возможности болѣе широкаго успѣха росла у пропагандистовъ вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ связей въ рабочемъ мірѣ и особенно усилилась съ пріѣздомъ И. В. Калюжнаго, который сообщилъ, что у него есть надежда склонить къ переходу въ Народную Волю и соединенію съ группой цѣлый кружокъ его пріятелей-народниковъ, самостоятельно занимающихся пропагандой среди слесарей и желѣзнодорожниковъ. Впослѣдствіи И. В. дѣйствительно осуществилъ это соединеніе, хотя у народниковъ распропагандированныхъ рабочихъ оказалось не особенно много.

Повидимому, кромѣ народовольческой группы и кружка народниковъ, пропагандой среди рабочихъ занимались въ то время и

нѣкоторыя лица, дѣйствовавшія вполне самостоятельно. Съ однимъ изъ такихъ лицъ членамъ группы удалось завязать сношенія: оказалось, что подъ вліяніемъ этого одиночки, человѣка уже среднихъ лѣтъ, находилось нѣсколько десятковъ самой разнообразной молодежи изъ интеллигентнаго пролетаріата, рабочихъ, приказчиковъ и даже юнкеровъ; вся эта разнокалиберная и совершенно неорганизованная масса жадно поглощала всякую тенденціозную и нелегальную литературу и, если не особенно разбиралась въ теоріяхъ, то во всякомъ случаѣ обнаруживала опредѣлившееся революціонное и социалистическое настроеніе...

Пока дѣло шло лишь объ установленіи связей, встрѣчи съ рабочими происходили въ паркахъ, въ загородныхъ мѣстностяхъ и въ простенькихъ трактирахъ, посѣщаемыхъ мастерами; впоследствии явилась необходимость имѣть для этого особую квартиру, т. е. жилища самихъ рабочихъ дѣлали пропаганду на мѣстѣ совершенно невозможной: тамъ обыкновенно въ страшной тѣсотѣ ютились по нѣскольکو десятковъ человѣкъ, въ числѣ ихъ не мало постороннихъ и прямо ненадежныхъ, при которыхъ приходилось держать языкъ за зубами. Въ устраненіе этого неудобства, на средства группы на отдѣльныхъ квартиркахъ поселялись гдѣ одинъ, гдѣ двое распропагандированныхъ рабочихъ; у нихъ собирался маленький кружокъ, и тамъ велись бесѣды и производились чтенія. Читались книги: Михайлова «Пролетаріатъ во Франціи», Шелгунова «Отечественныхъ Записокъ» о движеніи чартистовъ, переводныя книги: Бехера «Рабочій вопросъ», Торнтонна «Трудъ», нелегальное изданіе Лассала «Трудъ и капиталъ», кромѣ того отдѣльныя произведенія Костомарова, Карновича, Бѣляева, Семевского, Мордוצева по исторіи Россіи и въ особенности крестьянства и его борьбы за волю. Считалось необходимымъ знакомить рабочихъ съ исторіей Великой Революціи и съ парижской коммуной, а также съ теоріей цѣнности Маркса, которая излагалась обыкновенно изустно или по одному изъ многочисленныхъ въ то время рукописныхъ конспектовъ, составлявшихся чуть ли не во всѣхъ городахъ, гдѣ только велась пропаганда, и затѣмъ ходившихъ по рукамъ. Для облегченія рабочихъ въ выборѣ чтенія членами группы былъ составленъ особый каталогъ легальныхъ книгъ и журнальныхъ статей по исторіи и рабочему вопросу; кромѣ того пропагандисты записывались въ частныхъ библіотекахъ для чтенія и передавали въ пользованіе рабочихъ свои билеты. Для удовлетворенія разностороннихъ умственныхъ запросовъ, обыкновенно съ внезапной силой пробуждавшихся у рабочихъ при первомъ знакомствѣ съ міромъ идей, имѣлось въ виду привлечь впоследствии побольше интеллигентной молодежи и организовать правильныя занятія съ рабочими по общепедagogическимъ предметамъ, но на практикѣ это предположеніе въ Москвѣ не успѣло осуществиться, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ подобныя занятія въ то время велись народовольческой молодежью, разумѣется — тайно отъ полиціи.

Многіе изъ фабричныхъ и мастеровыхъ, уходя лѣтомъ и на

большіе праздники на побывку въ свои деревни, просили давать имъ на дорогу книжки и прокламаціи для распространенія среди односельчанъ. Это обстоятельство живо заинтересовало Теллалова, и онъ настаивалъ на томъ, что послѣ того, какъ рабочее дѣло въ Москвѣ упрочится, непременно надо будетъ организовать, независимую отъ Городской и Рабочей группъ, Крестьянскую группу, которая занялась бы агитаціей по селамъ. Кое-кто уже былъ намѣченъ въ эту, еще не существовавшую группу. Теллаловымъ были приобретены среди уѣздной интеллигенціи кое-какія связи, но дальнѣйшаго осуществленія дѣло не получило, и я упоминаю объ этомъ эпизодѣ, чтобы лишній разъ показать неосновательность взгляда на народовольцевъ, какъ на какихъ-то единоборцевъ, оторванныхъ отъ жизни и игнорировавшихъ въ своей дѣятельности массы. Для организаціи массъ не хватало силъ, не было на лицо надлежащихъ условий, но дѣлать отсюда выводъ, что чего не было на дѣлѣ, къ тому и не стремились,—это большая ошибка.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ Теллаловъ предупредилъ пропагандистовъ, что онъ вскорѣ уѣдетъ въ Петербургъ, и ввелъ вмѣсто себя руководителемъ группы Халтурина ¹⁾. Правительственныя репрессіи въ Петербургѣ къ этому времени настолько усилились, что изданіе народовольческой «Рабочей Газеты» рѣшено было перенести въ Москву. Типографію предполагалось помѣстить въ квартирѣ Калужнаго и Смирницкой, а редактированіе газеты возлагалось на Рабочую группу. Вся группа на общемъ собраніи должна была намѣчать содержаніе номера и доставлять матеріалъ, а составленіе статей и подготовка номера возлагалась на особую комиссію изъ трехъ лицъ подъ ближайшимъ руководствомъ Халтурина. Послѣдовавшія вскорѣ пертурбаціи приостановили, однако, выпускъ «Рабочей Газеты» и, сколько мнѣ помнится, въ Москвѣ не вышло ни одного номера, хотя типографія и была вполне налажена.

Халтуринъ, въ противоположность Теллалову, при всей своей преданности рабочему дѣлу, подъ влияніемъ быстро развивавшейся правительственной реакціи, стоялъ въ то время на чисто террористической точкѣ зрѣнія. Теллаловъ утверждалъ, что дѣло 1 марта не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидали, всецѣло по слабости народовольческой организаціи, не имѣвшей силъ, чтобы использовать моментъ паники правительства и возбужденія массъ. Отсюда онъ выводилъ заключеніе о необходимости во что бы то ни стало расширять свои кадры и упрочивать организацію съ тѣмъ, чтобы приступить вновь къ террору уже съ пополненными силами. Таковъ же былъ взглядъ и другихъ членовъ Исполнительнаго Комитета, или по крайней мѣрѣ, большинства, опредѣлившаго своимъ влияніемъ политику момента. Халтуринъ, наоборотъ, считалъ иллюзіей надежду на возможность при данныхъ условіяхъ создать обшир-

¹⁾ Знаменитый Степанъ Халтуринъ. Объ его дѣятельности см. ст. В. Л. Бурцева „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“ въ январьской книгѣ „Былого“. См. также воспроизводившуюся за границей нѣсколько разъ ст. „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ“.

ную и прочную организацію и предпочелъ бы сосредоточить всё пригодныя для этого силы на неуклонномъ продолженіи террора. При такомъ настроеніи онъ заранѣе рѣшилъ оставаться въ Москвѣ не долше декабря, а затѣмъ уѣхать и поставить на очередь какое-нибудь террористическое предпріятіе. Послѣ его отъѣзда дѣятельность группы шла скачками, такъ какъ однихъ членовъ арестовывали въ самой Москвѣ, другихъ Исполнительный Комитетъ переводилъ въ Петербургъ на пополненіе тамошней убыли, и, наконецъ, въ апрѣлѣ 82-го года, съ арестомъ Чекоидзе, Панкратьева и др., народовольческая организація, возникшая въ Москвѣ при Исполнительномъ Комитетѣ перваго состава, была окончательно разбита.

Н. Волковъ.

Петръ Григорьевичъ Каховскій ¹⁾.

Историко-психологическій этюдъ.

II. На сенатской площади.—Маски Николая Павловича,—Каховскій и Николай I.—Въ крѣпости.—Слѣдствіе и судъ.—Казнь.

7.

Тревожную ночь провелъ Каховскій. Кажались близкими самыя затаенныя желанія. «Иступленіе», экстазь, нервная напряженность достигли высшей степени. Поздно вечеромъ, послѣ посѣщенія Рылѣва, Каховскій побывалъ у А. Безстужева, у Панова ²⁾, у Андрева: у послѣдняго онъ справлялся объ адресѣ Кожевникова. А рано утромъ онъ былъ уже на ногахъ. Въ 7 часовъ его видѣлъ у Рылѣва Оболенскій. При немъ его послали въ л.-гренадерскій полкъ къ Сутгофу. Рано утромъ онъ былъ, по показанію А. Бестужева, въ казармахъ Московскаго полка у Михаила Бестужева на минутку, узнать какъ идутъ дѣла, и сказать: «Господа, не погубите лейбъ-гренадеровъ нерѣшительностью». Вслѣдъ за Якубовичемъ пріѣзжалъ въ гвардейскій экипажъ и Каховскій, чтобы узнать настроеніе общества офицеровъ. Испытывая ихъ рѣшимость, онъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени.

Тутъ въ безумномъ энтузіазмѣ А. П. Бѣляевъ сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе: другого такого случая, можетъ быть, и не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ Каховскій,—станемъ дѣйствовать ³⁾.

Въ гвардейскомъ экипажѣ произошелъ инцидентъ. Кюхельбекеръ показалъ, что, сходя съ крыльца офицерскихъ казармъ гвардейскаго экипажа, онъ увидѣлъ Каховскаго: онъ бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ гнались солдаты, которые, какъ онъ позднѣе самъ Кюхельбекеру рассказывалъ, сорвали съ него шинель...

Затѣмъ мы видимъ его на Сенатской площади.

¹⁾ Окончаніе. См. „Былое“, январь, стр. 133—170.

²⁾ Объ этомъ посѣщеніи Каховскій показывалъ, что онъ, угнетенный предложеніемъ Рылѣва, сказалъ о немъ Панову, не открывая ему сущности. Но Пановъ на допросѣ не припомнилъ этого обстоятельства.

³⁾ Воспоминанія А. П. Бѣляева. Русск. Стар. т. XXX. 1881 годъ, мартъ, стр. 496.

Въ одиннадцатомъ часу утра на Сенатской площади показались первые отряды возставшихъ войскъ—роты Московскаго полка во главѣ съ кн. Щепинымъ-Растовскимъ и Безстужевыми. Московцы сейчасъ же построились въ каре. Пустынная до сихъ поръ площадь наполнилась народомъ. Народъ, повидимому, сочувствовалъ возставшимъ. Члены тайнаго общества, не носившіе военнаго мундира, или, какъ выражается донесеніе, люди гнуснаго вида во фракахъ были тутъ же. Тутъ былъ и пріятель Каховскаго Глѣбовъ, и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Каховскій съ двумя заряженными пистолетами и кинжаломъ все время находился или передъ фронтомъ, или въ рядахъ солдатъ. Онъ агитировалъ и поддерживалъ солдатъ частыми возгласами «Ура, Константинъ!» Изъ всѣхъ заговорщиковъ, бывшихъ въ этотъ день на площади, Каховскій, несомнѣнно, былъ самымъ рѣшительнымъ и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ. Онъ не привелъ въ исполненіе главный свой замыселъ. Николай Павловичъ не подѣхалъ къ каре возставшихъ, и Каховскій, оставаясь около каре, не имѣлъ возможности стрѣлять «по Государю». Но зато онъ какъ будто поставилъ своимъ долгомъ устранять всякія препятствія, какія только могли помѣшать успѣху дѣла. Когда онъ увидѣлъ, что убѣжденія графа Милорадовича могли поколебать твердое настроеніе солдатъ, онъ пустилъ въ него пулю. Штейнгель оставилъ въ своихъ «Запискахъ» описаніе смерти Милорадовича: «Едва успѣли инсургенты построиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правую, приказалъ ему: «обѣзжай церковь и подѣзжай къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ луку и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадеянностью стараго отца-командира, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ, но что же дѣлать, если онъ отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ повое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, вида, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностью. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на него вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наваянувши вылитую» ¹⁾.

Немного спустя, на площади показались лейбъ-гренадеры, приведенные сюда друзьями Каховскаго—Сутгофомъ, Пановымъ, Кожев-

¹⁾ Общ. движ. въ первую половину XIX вѣка. Томъ I, Изд. М. В. Пирожкова. СПб. 1906. Стр. 441.

никовымъ. Самолюбіе его, какъ заговорщика, должно быть, было удовлетворено. Значительная часть лейбъ-гренадерскаго полка была на лицо. Но вмѣстѣ съ лейбъ-гренадерами пришелъ и ихъ полковой командиръ Стюрлеръ, все время убѣждавшій своихъ солдатъ вернуться въ казармы, и лишь только лейбъ-гренадеры поравнялись съ Московскимъ полкомъ, пуля Каховскаго сразила Стюрлера. Сутгофъ увидалъ, какъ Стюрлеръ повернулъ назадъ, держа себя за бокъ. Сутгофъ бросился съ вопросомъ къ Каховскому: «ты ли выстрѣлилъ?» и получилъ сухой отвѣтъ: «теперь не время объ этомъ говорить». Дѣло, продиктованное логикой возстанія, коснувшись души Каховскаго, не могло не нарушить его равновѣсія. Кн. Одоевскій видѣлъ, какъ выстрѣлилъ Каховскій. У Одоевскаго былъ пистолеть; одинъ изъ лейбъ-гренадеровъ, не любившихъ своего полковника, счелъ виновникомъ выстрѣла Одоевскаго, выскочилъ изъ толпы и поцѣловалъ его, а Каховскій съ торжественнымъ видомъ показалъ свой пистолеть и сказалъ, что онъ его ранилъ. Потомъ Каховскій сознался Одоевскому, что онъ имѣетъ на душѣ двухъ и что ему гадко мясничать, и бросилъ пистолеть со словами «ужъ будетъ съ меня!»¹⁾

Еще одно кровавое покушеніе въ этотъ день легло на душу Каховскаго. Онъ ранилъ свитскаго офицера шт.-капитана Гастефера, трудно понять, почему, потому ли, что въ пылу возбужденія онъ заставлялъ его кричать «Ура, Константинъ!» а тотъ отказывался, или потому, что онъ показался подозрительнымъ. Каховскій нанесъ ему рану въ лицо, но сейчасъ же опомнился. Ему стало жаль офицера, и онъ отвелъ его въ каре.

Но Каховскому пришлось быть участникомъ не только кровавыхъ происшествій. Въ числѣ другихъ онъ объяснялся съ митрополитомъ Серафимомъ, явившимся на площадь для увѣщанія мятежниковъ. Онъ встрѣтилъ пріемъ, далеко не ласковый. «Первосвященитель—разсказываетъ діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій митрополита,—у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно трикратно отрекся отъ российской короны, и онъ ранѣ насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходить на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерянули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвященитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните.

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилаь изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

¹⁾ Такъ показывалъ 1-го мая кн. Одоевскій. Правда, Каховскій рѣшительно отрицалъ истину этого показанія, но вѣдь онъ въ это время заперлся даже въ самомъ фактѣ нанесенія ранъ Стюрлеру.

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ око-вахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ! Какой ты митропо-литъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь! Это дѣло не ваше; мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Пав-ловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь»¹⁾.

По показанію Штейнгеля, Каховскій въ отвѣтъ на рѣчь Сера-фима сказалъ: «полно, батюшка, не прежняя пора обманывать насъ; поди-ка на свое мѣсто!» Серафимъ нашелся отвѣтить только: «Хри-стіанинъ ли ты? по крайней мѣрѣ, поцѣлуй хотя крестъ». Кахов-скій поцѣловалъ крестъ. Когда Каховскому были прочитаны пока-занія Штейнгеля, онъ отрицалъ, что имъ были сказаны какія-либо дерзости, и разъяснилъ, что онъ говорилъ митрополиту: «Вы такъ же можете быть обмануты, какъ и прочіе». «Митрополитъ увѣрялъ крестомъ истину словъ своихъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «По-вѣрь хоть ему»—въ то время я приложился къ кресту. Митропо-литъ уговаривалъ не лить крови одноземцевъ, на что я отвѣчалъ: «мы сами сего страшимся, но можемъ быть въ тому вынуждены; просилъ его уговорить противную сторону не нападать, а что мы объявили наши требованія Сенату и никакъ не хотимъ и не съ тѣмъ сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаемъ законнаго порядка».

Вотъ все, что мы знаемъ о дѣйствіяхъ Каховскаго на площади.

Къ вечеру возстаніе было подавлено, мятежники разбѣжались. Начались аресты. Вечеромъ у Рылѣва еще могли собраться кое-кто изъ заговорщиковъ, Штейнгель, Каховскій, Пущинъ. Каховскій рассказывалъ о своихъ дѣйствіяхъ—объ убійствѣ Милорадовича, о нанесеніи раны свитскому офицеру. Показывая кинжалъ, еще хра-нившій слѣды крови, онъ обратился съ слѣдующими словами къ Штейнгелю: «Вы, полковникъ, спасетесь, а мы погибнемъ; возьмите этотъ кинжалъ на память обо мнѣ и сохраните его». И въ этотъ моментъ пораженія и подавленности духа дѣйствія Каховскаго ка-зались необыкновенными, вызывающими поклоненіе: кинжалъ ста-новился реликвіей.

«Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія повора и обиды».

И Штейнгель, почтенный и миролюбивый Штейнгель, взялъ кинжалъ²⁾.

¹⁾ Историческій Вѣстникъ, 1905, янв., стр. 169—170.

²⁾ Правда, въ своемъ показаніи Штейнгель заявляетъ, что, взявъ кинжалъ на память, онъ положилъ его тихонько на столъ, но сейчасъ же услышалъ выразитель-

Полиція начала розыски Каховскаго уже вечеромъ 14 декабря. Въ первомъ часу ночи полицеймейстеръ явился къ Гречу и спросилъ у него, гдѣ живетъ Каховскій. Въ рукахъ у полицеймейстера была записка, на которой былъ написанъ адресъ «у Вознесенскаго моста, въ гостиныиці Неаполь, въ домѣ Мюссаръ». Гречь отозвался незнаемъ. «Знаете ли вы, кто написалъ это? Самъ Государь» — сказала полицеймейстеръ Гречу ¹⁾.

Полиція нешла Каховскаго дома. Въ ночь на 15-е онъ ночевалъ у Кожевникова. Онъ явился домой 15 декабря и здѣсь былъ арестованъ ожидавшимъ его казакомъ и отвезенъ въ Зимній дворецъ. 15 вечеромъ или 16-го утромъ Каховскій предсталъ передъ Николаемъ Павловичемъ.

8.

Первые дни, первые мѣсяцы своего царствованія императоръ всероссійскій, Николай Первый, всю энергію, всѣ способности своего духа употребилъ на розыски по дѣлу декабристовъ. Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ — сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій кого бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и злобѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя-правителя: былъ лишь царь-сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты — вотъ священная задача слѣдователя; и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошенныхъ въ крѣпость и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для слѣдственной комиссіи. За ничтожѣйшими исключениями, всѣ декабристы перебивали въ кабинетѣ дворца, передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первыя сообщенія по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему пе-

ныя слова Каховскаго: „Такъ вы не хотите взять кинжалъ мой?“ На эти слова Штейнгель отвѣчалъ: „Нѣтъ, возьму!“ пожалъ руку Каховскаго и ушелъ, поцѣловавъ его въ щеку. Каховскій рѣшительно отрицаетъ этотъ эпизодъ: нужно думать, что Штейнгель просто изобрѣлъ его, чтобы какъ-нибудь реабилитировать себя въ такомъ непохвальномъ дѣяніи, какъ восхваленіе убійства.

¹⁾ Записки Греча, стр., 386.

редъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...

Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ и доставляли въ Зимній дворецъ. Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ ноня для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрно-поданный, для другихъ—такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и арестованный, стоявшій передъ нимъ; для третьихъ—старымъ солдатомъ, страдающимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонные завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страшно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ. А онъ на самомъ дѣлѣ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ: онъ просто боялся за свое существованіе и неутомимо искалъ всѣхъ нитей заговора съ тѣмъ, чтобы всѣ эти нити съ корнемъ вырвать и успокоиться.

Одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу, простодушный и искренній Гангебловъ въ нѣсколько наивныхъ выраженій передаетъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него царь слѣдователь. Отмѣтивъ, что членъ слѣдственной комиссіи военный министръ Чернышевъ не прочь былъ вслухъ прочесть то, чего не было въ бумагѣ, Гангебловъ пишетъ: «Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, что при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышевымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленіи; всѣ его дознанія предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнію Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтника. Успѣшности этихъ допытокъ много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ покойномъ, милостивомъ расположеніи духа, его глаза выражали обязательную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣ же глаза метали молніи»¹⁾.

Внѣшними средствами, находившимися въ его распоряженіи, Николай Павловичъ пользовался сообразно съ обстоятельствами. Онъ зналъ, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать такъ, чтобы онъ говорилъ, почти не останавливаясь.

Съ величайшимъ любопытствомъ слѣдишь за измѣненіями въ пріемахъ Николая Павловича.

Къ наивному, молодому офицеру, пажу ея величества Гангеблову,

¹⁾ Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова. М. 1888. Стр. 119, 120.

Николай Павлович подходилъ съ ухватками ласковой кошки. «Что вы, батюшка, надѣлали?.. Что вы это только надѣлали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?».—говорилъ онъ ему. И взявъ Гагенблова подъ руку, не сводя съ глазъ пристальнаго взора, онъ водилъ его по залѣ. «Я съ вами откровененъ, платите и вы мнѣ тѣмъ же» и т. д. ¹⁾. И всѣ эти обороты для того, чтобы выудить признаніе въ принадлежности къ обществу.

Съ трепещущимъ отъ страха Ѳ. Н. Глинкой царь обошелся иначе. «Послѣ подробнаго вопрошенія, сдѣланнаго ему прозорливымъ испытателемъ въ императорскомъ дворцѣ, государь съ неизъяснимымъ благоволеніемъ изволилъ сказать ему: «Ты можешь оставаться спокоенъ: будь покоенъ» ²⁾. И этой фразы было достаточно для того, чтобы Глинка исписывалъ цѣлыя листы со всевозможными подробностями объ обществѣ.

Николая Бестужева царь принялъ ласково и, замѣтивъ въ немъ чувства страстной любви къ отечеству, сказалъ ему: «Вы знаете, что все въ моихъ рукахъ, что могу простить вамъ, и если бы могъ убраться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить вамъ» ³⁾.

Со Штейнгелемъ, отцомъ не малочисленнаго семейства, человѣкомъ далеко не молодымъ, Николай обошелся иначе, да такъ, что онъ на всю жизнь не забылъ подробностей своей встрѣчи съ царемъ. «Штейнгель, и ты тутъ?»—сказалъ государь.—«Я только былъ знакомъ съ Рыльевымъ»—отвѣчалъ я.—«Какъ, ты родня графу Штейнгелю?»—«Племянникъ его и ни мыслями, ни чувствами не участвовалъ въ революціонныхъ замыслахъ; и могъ ли участвовать, имѣя вчуждѣтей!»—«Дѣти ничего не значать,—прервалъ государь,—твои дѣти будутъ мои дѣти! Такъ ты зналъ о ихъ замыслахъ?»—«Зналъ, государь, отъ Рыльева».—«Зналъ и не сказалъ—не стыдно ли?»—«Государь, я не могъ и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецомъ!»—«А теперь какъ тебя назовутъ?»—спросилъ государь саркастически, гнѣвнымъ тономъ. Я нерѣшительно взглянулъ въ глаза государя и потупилъ взоръ. «Ну, прошу не прогнѣваться, ты видишь, что и мое положеніе не завидно», сказалъ государь съ ошутительною угрозою въ голосѣ и повелѣлъ отвести въ крѣпость. Одно воспоминаніе объ этой минутѣ, чрезъ столько лѣтъ, приводитъ въ трепеть. «Твои дѣти будутъ мои дѣти» и это «прошу не прогнѣваться»—казались мнѣ смертнымъ приговоромъ. *Съ этой минуты я былъ уже не въ нормальномъ положеніи»* ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Штейнгель не безъ ироніи пишетъ: «Гнѣвъ еще преобладалъ въ государѣ: укоризны, сарказмы напоминали слова Царя-Пророка: «прощеніе цареву подобно рыканію льва»,

¹⁾ Воспоминанія А. С. Гангеблова. М. 1888. Стр. 68—73.

²⁾ Г. А. І. В. № 82 Дѣло Ѳ. Н. Глинки.

³⁾ Записки декабриста (Розена) Лейпц. 1870 г., стр. 109.

⁴⁾ Обществ. движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Составили В. И. Семевскій, В. Вогузарскій и П. Е. Щеголевъ. Томъ I. Спб. 1906. Стр. 414.

и заставляли сожалѣть о забытіи продолженія этихъ словъ: «яко трава злаку, тако тихость есть» ¹⁾).

— «Говорите всю правду»,—сказалъ Николай Павловичъ Басаргину передъ допросомъ,—«а если скроете что-нибудь, то пеняйте на себя» ²⁾).

Методъ устрашенія и стремительнаго нападенія Николай Павловичъ примѣнилъ къ Якушкину, освѣдомившись объ его отказѣ назвать соучастниковъ. Разговоръ его съ Якушкинымъ необычайно ярокъ и красоченъ.

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виновать, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятiе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить, я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно; если не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались, какъ съ свищей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству,—отвѣтилъ я, указывая на Левашова, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ» ³⁾).

Собственноручная записка Николая Перваго, при которой Якушкина препроводили изъ дворца въ крѣпость, была слѣдующаго содержанія: «Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза; поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя» ⁴⁾. Но Якушкинъ былъ однимъ изъ всѣхъ совсѣмъ немногихъ, на кого не подѣйствовали ухищренія Николая. Правда, примѣненному здѣсь методу нельзя отказать въ значительной долѣ грубости. Животный страхъ смерти, физическихъ мукъ былъ чуждъ декабристамъ. Этимъ страхомъ, быть можетъ, отмѣченъ только одинъ князь С. П. Трубецкой, въ слезахъ пѣловавшій руки Николая Павловича и молившій о жизни «La vie, Sire la vie!» ⁵⁾ Трубецкой вы-

¹⁾ Ibid., стр. 449.

²⁾ Записки Басаргина М. 1872. Стр. 35.

³⁾ Записки И. Д. Якушкина. М. 1905. Стр. 84.

⁴⁾ Госуд. Арх. I. В. № 465.

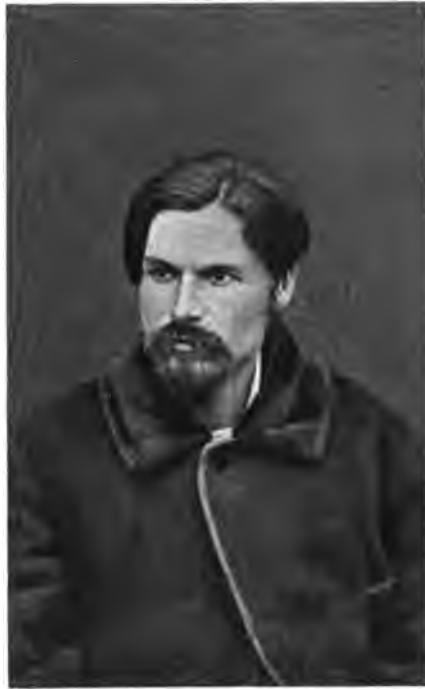
⁵⁾ Къ этому свидѣтельству Н. И. Греча (Записки о моей жизни. Спб. 1886. Стр. 352) можно отнести съ довѣріемъ въ виду характера поведенія Трубецкого и въ день 14-го декабря, и затѣмъ во время слѣдствія. Но главное подтвержденіе этому факту находимъ въ запискѣ вел. кн. Михаила Павловича (рук.): «Когда вел. кн. вошелъ къ Государю, была уже поздняя ночь, и здѣсь представилось ему нео-

молилъ себѣ жизнь цѣной подробнѣйшихъ признаній. Его избраніе въ диктаторы—удивительная насмѣшка судьбы надъ декабристами. Декабристовъ, искреннихъ и увлекающихся людей, энтузіастовъ, можно было ноймать на благородство. Нужно было запрятать глубоко свою ненависть къ нимъ, разыграть роль человѣка, заботящагося только о томъ, чтобы родина избавилась, наконецъ, отъ золь и бѣдствій. И Николай Павловичъ прекрасно разыгрывалъ эту роль. Онъ прикидывался почти ихъ единомышленникомъ. Въ разговорахъ съ ними онъ, очевидно, раздѣлялъ всѣ ихъ мнѣнія о неустройствѣ родины и средствахъ исправленія всѣхъ золь. Онъ сумѣлъ вселить въ нихъ увѣренность, что онъ-то и есть тотъ правитель, который воплотитъ ихъ мечанія и облагодѣтельствуетъ Россію. Вскрывалось роковое недоразумѣніе: они шли съ оружіемъ въ рукахъ на друга своего дѣла. Вооруженное возстаніе оказывалось не нужнымъ и гибельнымъ. Нужно—это было такъ очевидно—предупредить вспышки въ другихъ мѣстахъ Россіи, лишить возможности дѣйствовать тѣхъ, кто еще оставался на свободѣ. Только такая психологія, созданная подъ впечатлѣніемъ тонкой, артистической игры царя-слѣдователя, объясняетъ буквально взрывъ признаній, раскаяній, оговоровъ, оглашавшихъ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ. «Опытъ показалъ—писалъ въ первомъ своемъ показаніи 14 же декабря Рылѣвъ,—что мы мечтали, полагаясь на такихъ людей, какъ князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего-нибудь подобнаго на югѣ, я домогъ соотѣсти и честнаго гражданина почтаю объявить, что около Кіева въ полкахъ существуетъ общество. Трубецкой можетъ пояснить и назвать главныхъ. Надо взять мѣры, дабы тамъ не вспыхнуло возмущенія»¹⁾. И почти всѣ они на первыхъ же допросахъ спѣшили предупредить возможное возмущеніе и возможные дѣйствія со стороны остающихся на свободѣ. Они выдавали поголовно всѣхъ соучастниковъ, казалось, забывъ объ участи, ихъ ожидающей. Правда, Николай Павловичъ усыплялъ ихъ безіюкойство, представляя грядущее наказаніе незначительнымъ. Каховскій и Пестель, напр., совершенно не ждали смертной казни. Чрезвычайно характерныя подробности передаетъ Д. И. Завалишинъ объ убѣжденіяхъ, исходившихъ отъ комитета и свѣщенника и повторявшихъ, быть можетъ, рѣчи самого Николая. «Неужели же думаете вы,—говорили обвиняемымъ,—что для государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова но и произвелъ его въ офицеры, за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльныя лица и могутъ быть

жданное зрѣлище: передъ Государемъ стоялъ и въ ту минуту упалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный кн. Трубецкой“... Въ одной изъ книжекъ „Былого“ мы дадимъ характеристику диктатора на основаніи документовъ слѣдственнаго комитета

¹⁾ Г. А. I В N 334. Дѣло К. Ѳ. Рылѣва.

Степанъ Николаевичъ
ХАЛТУРИНЪ.

виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если онѣ могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, для Государя важнѣе знать общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высокопоставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государственныя званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивить Россію и Европу»¹⁾. Такъ притулялось острое чувство отвѣтственности передъ другими членами, чувство боязни передъ карами.

Всѣ письма декабристовъ изъ крѣпости, всѣ показанія переполнены восхваленіями милосердія государя милосердія не градушаго, а настоящаго. Онъ умѣло возбуждалъ столь свойственное благороднымъ людямъ чувство благодарности.

Тѣмъ, кто смертельно тосковалъ о судьбѣ жены, дѣтей, онъ общалъ свои царственныя заботы и, дѣйствительно, заботился. Заканчивая свое признаніе, 16 декабря Рылѣевъ писалъ царю: «Свою судьбу вручаю тебѣ, государь: я отецъ семейства»²⁾. Такъ послѣ этихъ словъ Николай Павловичъ даже 2000 рублей прислалъ женѣ Рылѣева, и Рылѣевъ сталъ его. «Молись Богу за императорскій домъ—писалъ Рылѣевъ женѣ 28 декабря, — я могъ заблудиться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицей, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ»³⁾. Императоръ Николай пригрѣлъ дѣтей и повѣсилъ отца.

Тѣмъ, кто страдалъ объ отцѣ или матери, онъ разрѣшалъ писать или давалъ свиданія. И эти разрѣшенія писемъ и свиданій онъ удивительно умѣлъ обставлять: заключеннымъ они казались результатомъ глубочайшаго милосердія, а не обычнымъ и должнымъ выраженіемъ человѣческаго отношенія. И опять смягчалось благородное сердце, и развязывался языкъ. Князь Оболенскій на первыхъ допросахъ открылъ многое и многихъ, но не все и всѣхъ. Многіе остались скрыты въ сердцахъ его. «Могъ ли я тою самою рукой—писалъ кн. Оболенскій царю—которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду, тобою назначенному... Я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности». Но... царь разрѣшилъ передать кн. Оболенскому письмо его престарѣлаго отца, нѣжно имъ любимаго. Тутъ благодарное сердце не выдержало. «Вѣра, примиривъ меня съ совѣстію моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; *милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило.* Въ то время, когда я лишился всѣхъ надеждъ,

¹⁾ Записки декабриста Д. И. Завалишина. Мюнхенъ 1904, Т. II. Стр. 28.

²⁾ Госуд. Арх. I В. № 334.

³⁾ Сочиненія К. Ф. Рылѣева, изд. подъ ред. М. Н. Мазаева. СПб. 1898 Стр. 165.

когда темница сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной — товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей, письмо отца моего, какъ ангель-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду души моей. Благодареніе твое, монархъ милосердный, возрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца—останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ ни стараго судью, но отца милосерднаго, я, съ твердымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которые не поступками, но желаніями сердца могли заслуживать твой гнѣвъ»¹⁾. Но какъ актеръ, играющій короля, въ дѣйствительности не имѣетъ въ своей душѣ ничего королевскаго, такъ и Николай Павловичъ, игравшій роль благороднаго гражданина, былъ совершенно чуждъ истинному благородству. И милосердіе оказалось только на словахъ. Взявъ отъ своихъ жертвъ все, что было можно и нужно взять, онъ подвергъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ. Онъ, такъ много выигравшій отъ чувства благодарности, живущаго въ благородномъ сердцѣ, отстранилъ отъ самого себя малѣйшія обязательства признательности и благодарности.

Итакъ, государь выдавалъ себя не за того, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; государь игралъ. Въ дни и мѣсяцы сыска надъ декабристами Николай Павловичъ показалъ свое лицо въ неожиданномъ, зловѣщемъ освѣщеніи. Царь-актеръ, искусно мѣняющій личины... Изъ этой его духовной сущности, открывшейся въ началѣ царствованія, мы должны исходить, если желаемъ понять его личность, его образъ дѣйствія во всей послѣдующей жизни. Онъ всегда умѣлъ провести наблюдателей, которые простодушно вѣрили въ его искренность, благородство, смѣлость; а вѣдь онъ только игралъ. И Пушкинъ, великій Пушкинъ былъ побѣжденъ его игрой. Онъ думалъ въ простотѣ души, что царь почтилъ въ немъ вдохновенъе, а духъ державный въ немъ не жестокъ... А для Николая Павловича Пушкинъ былъ просто шалопаемъ, требующимъ надзора. Снисходительность же объясняется исключительно желаніемъ и изъ поэта извлечь возможно большую выгоду..

9.

Каховскій стоялъ передъ «тираномъ», котораго онъ только что собирався поразить для блага родины, передъ царемъ, въ договоръ съ которымъ онъ не вѣрилъ, передъ «врагомъ отечества». Но новый царь явился предъ нимъ какъ бы преобразеннымъ, такимъ, какого онъ и встрѣтить не ожидалъ. Такъ же, какъ и Каховскій, онъ болѣлъ несчастіями родины, такъ же, какъ и первый, онъ вѣрилъ въ одни и тѣ же средства избавленія. Многоликій, онъ открылъ одинъ изъ своихъ ликовъ—ликъ царя-гражданина и реформатора. Но этотъ ликъ — лишь маска. Николай Первый въ такой же мѣрѣ могъ быть царемъ-реформаторомъ, въ какой шефъ жан-

¹⁾ Г. А. I. В. № 355. Дѣло кн Оболенскаго. Цѣликомъ письмо напечатано въ нашей книгѣ: „А. С. Грибоедовъ и декабристы“. СПб. 1905. Стр. 22, 23.

дармовъ Бенкендорфъ—поэтомъ и композиторомъ. Помимо гражданства и реформатора, въ Николаѣ Павловичѣ открылся для Каховскаго новый для него человѣкъ, полный благородства, истинной щедрости духа, способный понять сложнѣйшіе и интимнѣйшіе намеки его души. Вотъ тутъ-то, при столкновеніи съ живымъ человѣкомъ, терпѣлъ крушеніе идеалъ политическаго убійства. Казалось легкимъ убить отвлеченнаго человѣка, поработителя свободы, тирана, деспота, и вдругъ почувствовалась вся неизмѣримая тяжесть убійства вотъ этого, стоящаго предъ нимъ человѣка, Николая Павловича Романова, почти такого же, какъ онъ самъ. И Каховскій не имѣлъ силъ даже признаться въ своихъ замыслахъ, когда услышалъ изъ устъ этого человѣка коротенькую фразу: «а насъ всѣхъ зарѣзать хотѣли!»

Между царемъ и государственнымъ преступникомъ произошелъ долгій разговоръ. Каховскій рассказывалъ о неустройствѣ родины, о всѣхъ недостаткахъ, о всякомъ злѣ, словомъ, обо всемъ, что явилось причиною основанія тайнаго общества. Нужно думать, что онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ, пылокъ и одушевленъ. Его письма къ царю и генералу Левашеву, въ которыхъ онъ изложилъ, очевидно, все, что было предметомъ разговора, являются образцомъ эпистолярнаго стиля. Ему казалось, что самъ Николай Павловичъ не могъ бы поступить иначе: — «Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ, — писалъ онъ впослѣдствіи (19 марта) царю, — безопасность лицъ и собственность ничѣмъ не ограждена; совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ прибрѣтеній, но разрушающіе капиталы; убитая торговля, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода — вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь, станьте частнымъ лицомъ въ государствѣ нашемъ и спросите самого себя, что бы вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный вамъ человѣкъ могъ бы располагать вами по своему произволу, какъ вещь».

Слушая рѣчи Каховскаго, царь плакалъ. «Государь, писалъ Каховскій въ томъ же письмѣ.—Что было причиною заговора нашего, спросите самого себя, что, какъ не бѣдствія отечества. Добрый государь, я видѣлъ слезы состраданія на глазахъ вашихъ. Вы—человѣкъ, вы поймете меня! Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участію пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите мнѣ страну, откройте исторію, гдѣ, когда были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности». Въ отвѣтъ на страстныя рѣчи Каховскаго что могъ сказать Николай Павловичъ? Да только пожалѣть, почему же обо всѣхъ этихъ бѣдахъ не писали государю! «Его Величеству—писалъ Каховскій 24-го февраля генералу Левашову—угодно было сказать мнѣ: «зачѣмъ я не писалъ къ покойному императору о извѣстныхъ мнѣ неустройствахъ? Многие, очень многие писали, но не внимали имъ».

Страстнымъ воплемъ Каховскаго о необходимости взяться за

устройство родины Николай Первый противопоставил фразу и обольстил его фразой. «Я самъ есть первый гражданинъ отечества» — сказалъ онъ Каховскому. И черезъ день послѣ свиданія-допроса тотъ писалъ царю: «Счастливъ подданный, слышавшій отъ своего монарха: «Я самъ есть первый гражданинъ отечества». Дай Богъ, чтобы отечество было у насъ въ совокупности съ государемъ. Я, желающій блага моей милой родинѣ, благословляю судьбу, имѣя случай излить чувства и мысли мои передъ монархомъ моимъ, обещающимъ быть отцомъ отечества». Итакъ, царственная игра зашла далеко. Каховскій забылъ свое недовѣріе къ власти, и Николай сталъ для него отцомъ отечества, а то, что было на Сенатской площади, вдругъ оказалось такимъ ненужнымъ, братоубійственнымъ и преступнымъ.

Царь, казалось, подмѣтилъ кое-какія особенности Каховскаго. Онъ почувствовалъ его антипатію къ иностранцамъ и отозвался на нее. «Слава Богу,—писалъ тотъ въ первомъ же письмѣ къ царю— вы не презираете именемъ русскаго. Я замѣтилъ, какъ сказали вы: «Кто можетъ сказать, что я не русскій»! Такъ, государь, вы русскій. Любите народъ свой, а народъ будетъ боготворить въ васъ отца своего». Должно быть,—мы не можемъ утверждать съ достовѣрностью, но письма даютъ право на такое заключеніе,—Каховскій разсказалъ Николаю о своей жизни, и Николай увидѣлъ, какой это былъ одинокій, заброшенный и несчастный человѣкъ; увидѣлъ и сейчасъ же воспользовался этимъ. Послѣ перваго допроса онъ отослалъ Каховскаго въ крѣпость съ слѣдующей запиской: «Присылаемаго Каховскаго посадить въ Алексѣевскій рavelинъ, давъ бумагу, пусть пишетъ что хочетъ, не давая сообщаться». Эту записку А. Я. Сукинъ, комендантъ Петропавловской крѣпости, получилъ въ половинѣ 3-го пополудни 16-го декабря. Послѣ втораго свиданія-допроса Николай Павловичъ прислалъ слѣдующую записку: «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанія, давать ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью. Адъютанта герцога Александра Бестужева заковать; ибо по всѣмъ вѣроятіямъ онъ убійца штыкомъ графа Милорадовича. *Содержаніе Каховскаго я принимаю на себя*» ¹⁾. Сукинъ доносилъ комиссіи: «При Высочайшемъ Е. И. Величества повелѣніи возвращенный арестантъ Каховскій посаженъ въ прежній казематъ, гдѣ и будетъ получать повелѣнное ему лучшее содержаніе» ²⁾. Каховскій былъ возвращенъ 18-го декабря въ 9½ часовъ вечера. Такимъ образомъ, послѣ 14-го декабря Николай Павловичъ становился для Каховскаго до нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ былъ для него до 14-го декабря Рыльцевъ: матеріальной поддержкой. И чувство благодарности было приподнято и разрѣшалось отзывчивостью...

Роль царя-реформатора была сыграна съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Вернувшись изъ дворца въ крѣпость и получивъ бумагу, Ка-

¹⁾ Обѣ записки въ дѣлѣ № 465 Г. А. I. В.

²⁾ Г. А. I. В. № 35 л. I.

ховскій 17-го декабря набросалъ письмо государю. Онъ началъ съ изложенія причинъ, отторгнувшихъ его отъ монарха. Онъ писалъ о томъ, что страна стонетъ и ропщетъ подъ бременемъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, иногда взыскиваемыхъ даже вдвойнѣ (такъ въ подорожный налогъ, уплачиваемый два раза: натурой и деньгами). Онъ указывалъ на стѣсненія торговли, причиняемыя запретительной системою, на вредъ казенныхъ монополій и тарифовъ. Онъ перечислялъ вопіющіе недостатки русскаго судопроизводства: неясность, недостаточность и противорѣчіе существующихъ законовъ, судебную волокиту, необеспеченность чиновниковъ, являющуюся причиной взяточничества. Онъ порицалъ предпочтеніе, оказываемое иностранцамъ и обижающее русскихъ, и упоминалъ о полнѣйшемъ отсутствіи просвѣщенія.

«Вотъ причины, заканчивалъ Каховскій, великодушный государь, отторгнувшія меня отъ моего монарха.

«Желаю вѣрить, что вы, государь, облегчите участь народа русскаго, вышнимъ промысломъ вѣреннаго.

«Государы я не умѣю, не могу и не хочу льстить; *so yesterday night I loved you, like a man,* и всѣмъ сердцемъ желаю любить въ васъ моего монарха, отца отечества.

«Вы ко мнѣ милосерды, ваше великодушіе меня обезоруживаетъ: вы умѣли уже нѣсколько меня привязать къ себѣ. Но, государь, что я? 50 милліоновъ ждутъ вашей благодати, ждутъ отъ васъ своего счастья. Какое поприще для вашей славы, для вашего величія».

Для человѣка, сильно и тонко чувствующаго, великодушіе царя, котораго только что собирался предать смерти, было дѣйствительно мучительно. Оно не только обезоруживало, оно вызывало сильнѣйшія мученія совѣсти. Отмѣтимъ, что Каховскій не рѣшился съ самаго же начала признаться въ своемъ сокровенномъ замыслѣ. Онъ поистинѣ чувствовалъ себя преступникомъ передъ человѣкомъ, который въ первый же часъ разговора сумѣлъ привязать его къ себѣ. Каховскій былъ, по собственному его выраженію, растерзанъ милосердіемъ къ нему государя. Единственное оправданіе, единственное духовное утѣшеніе въ случившемся онъ видѣлъ лишь въ безкорыстїи и чистотѣ помысловъ, въ глубинѣ своей приверженности къ благу родины.

Царственныя заботы о Каховскомъ были вознаграждены, и сыскъ, произведенный «отцемъ отечества», принесъ благіе плоды. Преступникъ въ порывѣ благодарности и изумленія передъ мнимымъ величіемъ души не отказалъ царю въ признаніяхъ и открытіяхъ. Онъ открылъ пѣли общества. «Скрытыя намѣренія общества — писалъ онъ въ первомъ показаніи — заключались въ томъ, чтобы даровать каждому гражданину право собственную и личную безопасность оградить законами... Въ душѣ считалъ себя честнымъ. Личнаго намѣренія я не имѣлъ, всѣ желанія мои относились къ отечеству моему. Положеніе государства приводило меня въ трепеть: финансы разстроенныя, отсутствіе справедливости въ судахъ, корыстолюбіе, уничтоженіе внѣшней коммерціи, все сіе предшествовало въ глазахъ

моихъ полному разрушенію. Одно спасеніе полагалъ я въ составленіи законовъ и принятіи оныхъ неповолебимымъ вождемъ, ограждающимъ собственность и лицо каждаго». Вспомнимъ, что подъ закономъ Каховскій разумѣлъ конституцію. Въ здоровомъ смыслѣ — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — «законъ есть воля народная!» Каховскій открылъ ближайшіе планы общества, между прочимъ, планъ предполагавшагося занятія дворца Якубовичемъ. Наконецъ, онъ называлъ членовъ общества, какъ принятыхъ имъ, такъ и извѣстныхъ ему. Онъ заявилъ, что имъ приняты Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, Глѣбовъ. Сохранившіеся официальные документы не передаютъ, очевидно, всѣхъ признаній и открытій, сдѣланныхъ Каховскимъ: часть ихъ не была положена на бумагу. Но замѣтимъ теперь же — его открытія не могли быть такъ подавляющи и всеобъемлющи, какъ, на примѣръ, сдѣланныя князьями Трубецкимъ и Оболенскимъ, Рылѣвымъ. Впрочемъ, для объективной оцѣнки дѣйствій Каховскаго это указаніе не имѣетъ значенія. Но Каховскій умолчалъ объ одномъ очень важномъ обстоятельстве. Онъ не открылъ ничего о намѣреніяхъ общества устранить царствующую фамилію и о своей роли въ вопросѣ о цареубійствѣ. Для Николая и его слѣдователей какъ разъ этотъ пунктъ и представлялся самымъ существеннымъ.

Больше всего для Каховскаго было назвать другихъ членовъ общества, въ томъ числѣ и принятыхъ имъ. 21 декабря Каховскій писалъ генералу Левашову: «Государь императоръ чрезмѣрно милосердъ ко мнѣ; я не имѣю словъ благодарить его за милостивое его ко мнѣ вниманіе. Положеніе мое облегчено: онъ позволилъ мнѣ писать къ моимъ роднымъ ¹⁾. Ваше превосходительство, есть несчастныя жертвы, которыхъ я губитель; они меньше меня виноваты, я увлекъ ихъ; а положеніе мое облегчено, и не могу раздѣлить съ ними одной участи: это мучительно! Ваше превосходительство! я прибѣгаю къ вамъ съ моею просьбою, сдѣлать милость доложить его величеству: я съ радостью отказываюсь отъ льготъ, отказываюсь писать къ роднымъ моимъ и прошу одной милости: чтобы облегчила судьбу Сутгофа, Панова, Кожевникова, Глѣбова. У нихъ у всѣхъ многочисленныя семейства, которыхъ я убійца. Пановъ имѣетъ невѣсту, онъ помолвленъ, посудите о его положеніи! Ваше превосходительство, вы имѣете сердце, не отриньте мольбу мою. Государь милосердъ; если онъ сострадателенъ ко мнѣ, преступнику, то я надѣюсь, по вашему ходатайству, онъ не откажетъ облегчить положеніе менѣе меня виновныхъ».

¹⁾ Каховскій просилъ нѣсколько часовъ свободы для того, чтобы разсказать слугу Рылѣва и отъ него узнать, кто именно былъ посланъ на югъ. Каховскій дѣлалъ это сознательно, не желая дальнѣйшаго кровопролитія въ случаѣ возстанія на югѣ. Въ Архивѣ крѣпости сохранилась записка ген.-ад. Левашова: „Государь императоръ проситъ г. Каховскаго удовлетворить не можетъ, а только позволяетъ ему родственникамъ его писать, коего письма прислать сюда. 20 дек. 1825 г.“ Въ крѣпостномъ же спискѣ всѣхъ, кому разрѣшена переписка, Каховскій помѣченъ, какъ арестантъ, не пользующійся правомъ переписки.

Смертныя муки онъ переживалъ въ крѣпости, вспоминая о своихъ признаніяхъ. И онѣ стали особенно тяжелы, когда онъ увидѣлъ, что грозятъ серьезнѣйшія кары и наказанія, о которыхъ онъ какъ-то не думалъ въ первые мѣсяцы. Нужно отмѣтить, что признанія были исторгнуты послѣ какихъ-то увѣреній и ручательствъ, данныхъ ему властями. 14 марта, отвѣчая на вопросы комитета, Каховскій писалъ: «если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, но *послѣ ручательства оберъ-полицеймейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ въ дворцѣ*; а былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора». А 19 марта Каховскій писалъ Николаю: «Простите, великодушный Государь! что я преступникъ и смѣю еще просить милости. *Увлеченный чувствами, я сдѣлалъ открытіе о тайномъ обществѣ, не сообразаясь съ разсудкомъ, но по движенію сердца, къ вамъ благодарнаго*; и можетъ, то сказалъ, чего бы не открыли другіе члены онаго. Я—преступникъ передъ вами, преступникъ передъ обществомъ, предъ людьми несчастными, мной въ него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели другихъ—мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ногъ вашихъ, умоляю: Государь! спасите несчастныхъ! Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлекъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручиковъ: Сутгофа, Панова, подпоручика Коженикова, прапорщика Жеребцова и генеральнаго штаба прапорщика Палицына. Коллежскій секретарь Глѣбовъ зналъ о существованіи общества, но не принадлежалъ къ оному. Всѣ сіи люди имѣютъ семейства, отцовъ, матерей, а я сталъ ихъ убійцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, вы сами отецъ, вы человекъ, посудите страданіе несчастныхъ, невинныхъ семействъ. Обманутый Рылѣвнымъ, я и ихъ обманывалъ. Я, злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончатся ихъ мученія; а они, исполненные благодарностью, могутъ быть полезнѣе вамъ, отечеству и заслужить свое неблагодаруміе. Спасите ихъ великодушный государь! Я умру, благословляя милосердіе вашего императорскаго величества. Можетъ быть, выраженія мои неприличны, государь; дерзокъ поступокъ, что осмѣлился писать къ вашему величеству. Простите мнѣ то: я не рожденъ у двора, а послѣдовалъ движенію сердца».

Мучительныя опасенія за судьбу выданныхъ имъ товарищей смѣнялись угрызениями совѣсти, нечистой по отношенію къ царю. Каховскій метался во всѣ стороны. Памятникомъ этихъ душевныхъ волненій остались слѣдующія строки, набросанныя вскорѣ послѣ перваго допроса-свиданія: «Государь! я сдѣлался предъ вами преступникомъ, увлекаясь любовью къ отечеству. Я никогда не могъ принадлежать никакому обществу. Я никогда ничего не желалъ себѣ. Я принадлежу благу общему и всегда готовъ запечатлѣть любовь мою къ отечеству послѣдней каплей крови моей. Намѣренія мои были чисты, но въ способахъ я вижу заблужденіе. Не смѣю просить васъ простить мое заблужденіе; я и такъ растерзанъ

вашимъ ко мнѣ милосердіемъ. Я неспособенъ никому измѣнять; я не измѣнялъ и обществу, но общество само своимъ безуміемъ измѣнило себя...

«Государь! отъ васъ зависитъ благоденствіе наше, мы вамъ вѣрны, я отдаюсь вамъ, я вашъ. Есть существо, проницающее въ изгибы сердець человѣческихъ, оно видитъ, что я говорю истину— я вашъ! И благомъ отечества клянусь, я не измѣню вамъ! Мнѣ собственно ничего не нужно; мнѣ не нужна и свобода; я и въ цѣняхъ буду вѣчно свободенъ; тотъ сиденъ, кто позналъ силу человѣчества. Честному человѣку собственное убѣжденіе дороже лепета молвы. Я не говорю за себя: Государь! есть несчастные, которыхъ я увлекъ; спаси ихъ, великодушный монархъ! Спаси дѣтей твоихъ; клянусь, они чисты.

«Желалъ бы еще разъ, государь, говорить съ вами. Мнѣ дорого благоденствіе отечества, я не ишу безпорядковъ и крови. Положитесь на меня, не обману вашу ко мнѣ довѣренность».

Второе свиданіе-допросъ состоялось 18 декабря. Затѣмъ потянулись долгіе мѣсяцы заключенія и нравственныхъ пытокъ. Краснорѣчивы и ярки приведенныя нами свидѣтельства о моральныхъ страданіяхъ Каховскаго. Лучи царскаго милосердія, оболѣстившаго его, скрылись внезапно и безвозвратно. Осталась вѣра въ искренность реформаторскихъ намѣреній Николая. Каховскій написалъ рядъ писемъ: генералу Левашову и самому царю. Левашову онъ писалъ 24 февраля, 5, 14 марта. Въ этихъ письмахъ, которыя онъ просилъ довести до свѣдѣнія государя, онъ изложилъ свои взгляды на настоящее Россіи и на мѣры къ исправленію неустройствъ. По этимъ письмамъ мы характеризовали выше общественные взгляды Каховскаго. Царю онъ писалъ на другой день послѣ перваго свиданія—16 декабря, затѣмъ—19 марта, 4 апрѣля. Общее содержаніе писемъ къ царю—рѣзкая критика существующаго строя, выясненіе причинъ, создавшихъ тайное общество, смѣлое и несомнѣнно казавшееся Николаю дерзкимъ обличеніе политики покойнаго Александра, характеристика того Николая Павловича, который былъ извѣстенъ декабристамъ, и, наконецъ, горячіе призывы о необходимости учрежденія законовъ, о необходимости конституціи. Мы знаемъ теперъ Николая Перваго, знаемъ, какъ онъ относился къ конституціямъ, ко всякому малѣйшему проявленію свободной мысли. И мы можемъ оцѣнить то неизмѣримо грустное и трогательно смѣшное положеніе, въ которое попалъ Каховскій съ своими призывами къ конституціи, обращенными къ императору Николаю. Вѣдь Каховскій хотѣлъ убѣдить царя—ни много, ни мало—въ томъ, что и онъ, царь, на его мѣстѣ не поступилъ бы иначе, а тоже сталъ бы заговорщикомъ и вышелъ на площадь. Ему, державшему подъ гнетомъ безпредѣльнаго самодержавія Россію больше четверти вѣка, Каховскій доказывалъ необходимость ограниченія абсолютизма,

ссылаясь на его собственную психологию! Онъ-то не зналъ этого, мы знаемъ.

Но Каховскій говорилъ царю смѣлымъ и сильнымъ языкомъ. Больше ужъ никогда не слышалъ Николай такихъ смѣлыхъ и дерзкихъ рѣчей, такихъ горькихъ и обидныхъ истинъ. Онъ рѣшительно могъ счесть за обиду нѣкоторыя фразы Каховскаго: «Простите, Ваше Величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое къ вамъ усердіе. Вы были великимъ княземъ, мы не могли судить о васъ иначе, какъ по наружности; видимыя ваши занятія были: фрунтъ, солдаты, и мы страшились имѣть на престолѣ полковника». Каховскій задѣвалъ самое больное мѣсто Николая; дѣйствительно, весь цвѣтъ, все наслажденіе жизни для Николая Павловича—во фрунтовыхъ занятіяхъ. Онъ жизни не могъ представить безъ нихъ. И вдругъ онъ читалъ въ письмахъ Каховскаго слѣдующія тирады: «доложу Вашему Величеству, что вѣсть о смерти императора Александра поразила людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ; можно сказать, при семъ извѣстїи общія слова были: «Вотъ въ какомъ мы положенїи, что императора Александра жалѣть должны!» Такъ, Государь, мы равно страшились всѣхъ его наслѣдниковъ,—причина сему вамъ должна быть извѣстна; а только доложу вамъ, что и самые люди, къ Вашему Величеству преданные, не оправдываютъ въ васъ страсти къ фронту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропшутъ. При ученїи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропоть. Ваше Величество! если бы вы знали, сколь много вы повредили себѣ въ общемъ мѣнїи симъ занятіемъ. Обиженное честолюбіе успокоить трудно—и какія вѣсти, какію слухи носились по государству. Отъ васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, Государь, чтобы вы предпочитали прїятное полезному».

Очень рѣзкой критикѣ Каховскій подвергъ личность покойнаго Александра и его политику. Онъ считалъ его настоящимъ врагомъ отечества и «истинной причиной возстанїя 14-го декабря». «Не имъ ли, писалъ Каховскій, раздуть въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы, и не имъ ли она была такъ жестоко давлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ»... «Быстро двинувъ умы къ правамъ людей и вдругъ перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ разговоры и скопища». Александръ обманулъ свой народъ. «Въ 25-лѣтнее царствованіе покойнаго императора было время и смутное, но большая часть онаго было время мирное. Кончилась война съ Наполеономъ; мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ; съ нетерпѣніемъ ждали законъ постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали и что-жъ: чрезъ 12 лѣтъ ожиданія лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ». Каховскій рѣзко упрекаетъ Александра въ томъ, что онъ предпочиталъ побывать у

развода, чѣмъ посѣтить высшее правительственное мѣсто имперіи — Сенать: «Обратить вниманіе на образованіе арміи и не заниматься устройствомъ государства—я нахожу столь же гибельнымъ для государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ». Александръ, по мнѣнію Каховскаго, совершенно не желалъ вникнуть въ положеніе народа. Онъ смотрѣлъ лишь войска и не хотѣлъ видѣть, что встрѣчи, устраиваемыя ему,—чисто декоративнаго характера. Цѣлый рядъ обвиненій высказанъ въ письмахъ Каховскаго по адресу покойнаго государя. Обвиненія были общераспространенны, но Николай, должно быть, впервые выслушивалъ ихъ въ такой яркой формѣ.

Пожеланія Каховскаго сводились къ заявленію о необходимости «постановительнаго закона» т. е. конституціи. Въ каждомъ своемъ письмѣ Каховскій неоднократно твердилъ съ воодушевленіемъ и страстью о необходимости для блага русскаго народа дать конституцію.

«Государь!—писалъ онъ въ первомъ же своемъ письмѣ 17-го декабря.—Вѣрьте, я не обману васъ! Могу ошибиться, но говорю, что чувствую: невозможно итти противъ духа времени; невозможно націю удержать вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи; зрѣлость даетъ ей силу и возможность; всѣ народы имѣли и имѣютъ свои возрасты. Благодѣтельные правители слѣдовали по теченію возмужалости духа народнаго, и тѣмъ предупреждали зло».

19-го марта Каховскій писалъ: «Цари самовластные много благъ творятъ въ частности; и покойный императоръ много раздавалъ денегъ, орденовъ, чиновъ; но составляетъ ли это пользу общую?.. Нѣтъ, Государь! Не въ частности надо благотворить, но благотворить всему народу, и правленіе будетъ счастливо и покойно, безмятежно»... Ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго вашего блага, оградите себя и отечество закономъ. Вамъ предстоитъ славное поприще! дайте права, уравнивайтесь ихъ и не нарушайте; водворите правосудіе, откройте торговлю, покровительствуйте истинное просвѣщеніе—и вы сдѣляетесь другомъ и благотворителемъ народа добраго».

14-го апрѣля Каховскій вновь взывалъ къ Николаю. «Дай Богъ, чтобы вы, милосердый государь, основали благоденствіе народное, властвовали не страхомъ, а любовію, и тогда вѣрно отечество будетъ счастливо и покойно».

Каховскій указывалъ на то, что безъ «постановительнаго закона» царь не найдетъ поддержки ни среди окружающихъ, ни въ войскахъ, ни въ церкви. Всѣ эти опоры шатки. Онъ бросалъ въ лицо Николаю ядовитые сарказмы: «какъ вы думаете, государь, если бы васъ не стало, изъ окружающихъ теперь васъ, много ли бы нашлось людей, которые истинно о васъ пожалѣли?» Съ ироніей Каховскій отмѣчалъ, что «не солдаты составляютъ силу и опору троновъ, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что можно оградить

себя штыками». «Ошибаются и тѣ, которые полагають, что алтарь—опора трона вашего. 14-го декабря доказало противное».

Каховскій думалъ обольстить Николая историческими перспективами, раскрывающимися передъ русскимъ монархомъ, уничтожившимъ самодержавіе. «Государь, вы одни можете не только въ отечествѣ, и во всей Европѣ переѣмъ систему правленія, спасти троны и равно принести пользу и царямъ и народамъ». Въ письмѣ къ Левашову онъ пробовалъ указать этимъ глухимъ душамъ на судъ исторіи. «Исчезъ обрядъ судить народу умершихъ царей своихъ до ихъ погребенія. Но исторія передаетъ дѣла ихъ на судъ безпристрастнаго потомства. Не всѣ историки подобны Карамзину. Дѣянія вѣка нашего заслуживаютъ имѣть своего лѣтописца—Тацита. Кто знаетъ, можетъ быть, и есть онъ, но таится въ толпѣ народа, работая для вѣковъ и потомства. Онъ возвѣститъ имъ истину: и благословенія и проклятія потомковъ обнаружатъ дѣла, поразятъ и украсятъ вѣнценосцевъ».

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

Какъ относился къ письмамъ Каховскаго самъ Николай? Онъ не могъ не оцѣнить ихъ дерзости и смѣлости. Положительную часть онъ оставлялъ безъ вниманія. Впрочемъ, онъ—не прочь былъ послушать рѣчи о недостаткахъ государственнаго управленія, но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы эти рѣчи раздавались только для него одного, а ораторъ находился въ это время за семью замками. Такъ было съ Каховскимъ и другими декабристами, писавшими къ нему изъ крѣпости. Но самая замѣчательная иллюстрація этого болѣзненнаго любопытства Николая выслушивать ту правду, за которую онъ посылалъ на висѣлицу и на каторгу—исторія декабриста Корниловича. Онъ былъ перевезенъ съ каторги въ Петропавловскую крѣпость, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ давалъ письменныя разъясненія по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной жизни Россіи, какіе только угодно было задавать Николаю Павловичу и Бенкендорфу. Быть можетъ, Николай дѣйствительно извлекалъ изъ ихъ отвѣтовъ практическіе выводы, но о томъ, какъ онъ въ душѣ относился къ откровеннымъ и искреннимъ письмамъ декабристовъ, достаточно ярко свидѣтельствуетъ слѣдующая замѣчательная резолюція, положенная имъ на просьбѣ Г. С. Батенкова о разрѣшеніи ему писать Государю: «*дозволить писать, мать и вратъ по воли ея*»¹⁾). Необходимо отмѣтить, что резолюція положена 30-го марта 1826 г., т. е. тогда, когда весь матеріалъ слѣдственный былъ собранъ, и декабристы не нужны уже были Николаю.

10.

Но слѣдствіе подвигалось впередъ, выяснились помыслы декабристовъ объ истребленіи фамиліи, становились извѣстными всѣ

¹⁾ Г. А. I В № 11 л. 21.

фразы и восклицанія, когда либо сказанныя по этому дѣлу. Для царя и его слѣдователей очень скоро выяснилось, что Каховскій не учинилъ полного признанія. Прикосновенность его къ неосуществленнымъ замысламъ о царевубійствѣ обнаружилась уже въ самомъ началѣ слѣдствія, рельефнѣе всего изъ показаній Штейнгеля. А относительно убійствъ, совершенныхъ Каховскимъ, комиссія получила совершенно опредѣленные указанія отъ его товарищей въ самомъ концѣ декабря и январѣ: Оболенскій заявилъ объ убійствѣ Каховскимъ Милорадовича, Одоевскій—Стюрлера, Кюхельбекеръ—о нанесеніи ранъ свитскому офицеру.

Каховскій умолчалъ о своей роли въ замыслахъ на царевубійство и о своихъ покушеніяхъ. Причины заpiresательства объяснить не трудно. Мы уже выяснили, въ какое положеніе онъ былъ поставленъ царемъ: «А насъ всѣхъ зарѣзать хотѣлъ!»—услышалъ отъ него. О покушеніяхъ, не оправданныхъ успѣхомъ возстанія, ему, конечно, было очень тяжело говорить. Но главное, вѣдь онъ не приносилъ раскаянія: подкупленный обращеніемъ Николая, онъ открылъ дѣла общества, переименовалъ нѣкоторыхъ участниковъ—и только. Показанія о царевубійствѣ могли бы, какъ это и было впослѣдствіи, запутать слишкомъ многихъ, а о покушеніяхъ Каховскій могъ и не говорить, полагаясь на скромность товарищей. Мы уже освѣтили нѣсколько переживанія Каховскаго въ тюрьмѣ. Они были ужасны. Его мучительно волновало и то, что онъ сказалъ что-то, и то, что онъ не сказалъ всего о царевубійственныхъ замыслахъ. Къ этимъ мученіямъ присоединились вскорѣ еще новыя. Онъ увидѣлъ, что люди, столь близкіе ему по дѣлу, докладываютъ комиссіи о самомъ сокровенномъ и самомъ преступномъ. Сокровенны—эти замыслы, участниками которыхъ были многіе; преступны—убійства на площади. Когда рассказывали о цѣляхъ общества, то, кажется, вѣрили, что за это могутъ быть лишь незначительныя наказанія.

А тутъ вдругъ убійства, въ которыхъ повиненъ Каховскій, а больше никто. Можно повяты, что въ рассказахъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ трудно было иногда удержаться отъ оговоровъ, но зачѣмъ же было оглашать дѣйствія отдѣльнаго лица. Но этого мало: на очныхъ ставкахъ, въ показаніяхъ Каховскій вдругъ увидѣлъ то, чего ужъ онъ никакъ не ожидалъ видѣть: нѣкоторые изъ товарищей передъ комитетомъ доказывали, что они гнушаются поступковъ Каховскаго: у однихъ, быть можетъ, это былъ искренній результатъ прераснодушія, у другихъ это вызвалось желаніемъ выиграть расположеніе Слѣдственной Комиссіи. Но умышленное или сознательное третированіе казалось чѣмъ-то вопіющимъ Каховскому. Его, русскаго Брута, котораго братски цѣловали передъ совершеніемъ «подвига», назвать убійцей!

Такое поведеніе товарищей страшно раздражало и волновало Каховскаго. Сдержанный въ самомъ началѣ, онъ становился все нервнѣе и нервнѣе; ноты раздраженія въ его показаніяхъ слышались все чаще и чаще. Не забудемъ его особенности доводить все до предѣловъ, до конца.

Необходимо отмѣтить методъ его показаній передъ комиссiей. Онъ началъ съ полнаго отрицанiя, на первомъ же допросѣ отзывался полнымъ невѣдѣнiемъ. Но, настойчиво отрицая реальный фактъ, онъ не осмѣливался устранить и принципиальную возможность. Наоборотъ, въ то время, какъ его и не спрашивали о принципиальной возможности, онъ самъ выставлялъ ее на видъ. Его спрашиваютъ по поводу несомнѣнно имъ совершенныхъ поступковъ: «Вы это сдѣлали?», а онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, совсѣмъ не я, но я могъ это сдѣлать!» «Если бы видалъ, что успѣхъ зависитъ отъ смерти Милорадовича, то не остановился бы ону произвестъ». И точно въ немъ было два я, два человѣка: одинъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что для пользы общей нѣтъ преступленiя, и что убiйство тирана—высшiй подвигъ, а другой боялся сознаться (быть можетъ, даже самому себѣ), что на Сенатской площади декабря 14-го дня онъ собственноручно умертвилъ военнаго губернатора города С.-Петербурга, Милорадовича, тяжело ранилъ командира лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлера и нанесъ легкiя пораненiя штабсъ-капитану Гастеферу. Одинъ Каховскiй готовъ принять какое угодно наказанiе за свое принципиальное согласiе на извѣстный актъ, даже убiйство, а другой Каховскiй гонитъ всякую мысль о карѣ за конкретный поступокъ. Каховскiй какъ-то не хотѣлъ понять, что высшiй подвигъ любви къ свободѣ необходимо реализуется въ конкретномъ покушенiи на опредѣленное лицо. И знаменительно то, что онъ и умеръ съ вѣрой въ силу этого подвига. Въ этомъ его отличие отъ другихъ декабристовъ: другiе (Оболенскiй, Трубецкой, Рыльцевъ) ясно ощутили эмпирическую сторону подвига и отказались отъ своихъ дерзновенiй: «по человѣчеству нельзя»—такъ рѣшали они. А. Каховскiй призналъ, что въ данномъ случаѣ энергiя была затрачена напрасно, но что «подвигъ»-то не только возможенъ, но и необходимо въ иныхъ случаяхъ и долженъ быть. «Рыльцевъ—пишетъ Штейнгель—объяснилъ о намѣренiи Каховскаго другимъ членамъ общества—и изъ нихъ нѣкоторые ужаснулись самой мысли». А. Каховскiй превзошелъ этотъ ужасъ и до конца дней своихъ остался неисправимымъ романтикомъ. Античная идея о низверженiи тирана воскресла въ Каховскомъ, но не умерла въ немъ.

Когда комиссiя убѣдилась, что Каховскiй не намѣренъ открывать всего, имъ совершеннаго или только извѣстнаго, она оставила его въ покоѣ съ тѣмъ, чтобы, добывъ весь слѣдственный материалъ, неопровержимо уличить Каховскаго. При этомъ Николай и комиссiя сочли себя, конечно, въ правѣ освободить самихъ себя отъ предупредительности по отношенiю къ Каховскому. Мы уже знаемъ, что послѣ признанiя Каховскаго Николай Павловичъ приказалъ «Каховскаго содержать лучше обыкновеннаго содержанiя, давая ему чай и прочее, что пожелаетъ, но съ должною осторожностью» и принялъ содержанiе его на свой счетъ. Намъ извѣстно также, что на первыхъ порахъ Каховскому было разрѣшено переписываться съ родными. Но, очевидно, очень скоро отношенiя вла-

стей къ нему переѣнились. Изъ списка, составленнаго въ серединѣ февраля 1826 года, видно, что Каховскій былъ однимъ изъ тѣхъ, кому *переписка была запрещена*. А когда уже въ юнѣ Каховскаго запросили, какъ и чѣмъ онъ думаетъ заплатить свой долгъ портному, онъ въ отвѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи написать къ своему родному брату о присылкѣ ему денегъ. Ему отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Можно съ полной достовѣрностью думать, что за все время заключенія Каховскій не имѣлъ не только личныхъ, а даже письменныхъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ своихъ слѣдователей.

Такая же исторія вышла—надо думать—и съ «повелѣннымъ ему лучшимъ содержаніемъ». Табакъ, который бы долженъ былъ быть отпускаемъ въ числѣ прочаго, что пожелаетъ Каховскій, за счетъ Государя, былъ во всякомъ случаѣ приобретаемъ имъ за свой счетъ. Изъ вѣдомостей плацъ-адъютанта Подушкина, завѣдывавшаго «комиссіями» арестованныхъ и—встаети сказать—не мало при этомъ попользовавшагося, видно, что онъ получилъ изъ отобранныхъ у Каховскаго при арестѣ восьмидесяти пяти рублей на покупку для него табаку въ равное время сорокъ три рубля 50 коп. ¹⁾ Оставшаяся по смерти Каховскаго сумма въ 41 р. 50 коп. была впоследствии выдана его брату. Можно повѣрить сообщенію Завалишина, что Каховскій находился какъ бы въ постоянной пыткѣ, потому что его большого держали въ сырой ямѣ ²⁾.

Послѣ первыхъ большихъ допросовъ и признаній Каховскаго комитетъ тревожилъ его только небольшими допросами по отдѣльнымъ пунктамъ. 3 января онъ отвѣчалъ по вопросу, что онъ зналъ и передавалъ Сутгофу о касательствѣ къ обществу высшихъ лицъ: Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова. Затѣмъ Каховскаго спрашивали о принадлежности къ обществу Глѣбова. 14 марта на допросѣ Каховскому были предъявлены показанія Штейнгеля о его роли въ разговорахъ о царевубійствѣ, и Каховскій долженъ былъ понять, что слѣдователямъ его участіе извѣстно. Каховскій отрицалъ свою инициативу и показывалъ, что онъ «готовъ былъ всегда принести себя въ жертву и для пользы отечества не выдалъ преступленія. Но никогда бы не рѣшился убить государя, въ точности не увѣрялъ въ необходимости къ тому потребности для блага общаго». Разоблаченія Штейнгеля ставили Каховскаго въ ужасное положеніе. Процессъ переходилъ съ почвы фактовъ въ область пылкихъ мечтаній, горячихъ рѣчей, страстныхъ фразъ. Приходилось или сознавать недостаточность своихъ прежнихъ показаній, или же впутывать и выдавать тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ввозили на него обвиненія. Каховскій рѣшился записаться; онъ готовъ былъ признать все, что ни предъявлять ему, лишь бы его не разспрашивали и скорѣй вы-

¹⁾ Г. А. I В. № 299 л. 2 и № 293, л. 335 и 336.

²⁾ Записки декабриста Завалишина. Мюнхенъ. 1905. т. I. стр. 355. Ко всѣмъ остальнымъ сообщеніямъ Завалишина о Каховскомъ въ этомъ и другихъ мѣстахъ „Записокъ“ должно относиться съ полнѣйшимъ недоувѣріемъ. То, что онъ передаетъ о признаніи Каховскаго передъ царемъ въ убійствѣ Милорадовича, просто вздорно

несли приговоръ. Мучительно читать его отвѣты комиссіи. 14 же марта Каховскій заканчивалъ свой отвѣтъ: «Показанія мои такъ истинны, какъ святъ Богъ! Я не жилъ увертками и умру съ чистой душой. Не желаю зла и Рылѣву; я ему нѣсколько обязанъ: онъ долго былъ моимъ пріателемъ; но меня вынудили говорить, чего бы я не хотѣлъ. Довольно несчастныхъ! Переговаривать чужія пустяга слова, которыя были говорены, какъ говорится всякій вздоръ, и не могу. Пусть что хотятъ на меня показываютъ, я оправдываться не буду; и если что показывалъ, показывалъ истину; не для спасенія своего, но послѣ ручательства оберъ-полицмейстера и нѣкоторыхъ господъ генераловъ и офицеровъ во дворцѣ; я былъ тронутъ до глубины сердца мягкостью обхожденія господина генералъ-адъютанта Левашова и милосердіемъ государя императора. Болѣе я ничего не знаю и прошу одной милости—скораго приговора».

Слѣдующій вопросный листъ комиссіи предлагалъ отвѣтить детально, когда, съ кѣмъ и гдѣ говорилъ Каховскій о намѣреніи обществу истребить царствующую фамилію; какимъ образомъ онъ предлагалъ совершить сіе, кто соглашался съ нимъ въ этомъ пунктѣ. На эти вопросы Каховскій отвѣчалъ: «Цѣль общества была: основать правленіе народное, что было извѣстно всѣмъ членамъ онаго. Выдергивать людей по одиночкѣ я не могу; каждый можетъ самъ на себя показать. Я предлагалъ, чтобы идти прямо ко дворцу, назначая къ тому часъ въ ночи, и занять оный. Рылѣвъ съ симъ не согласовался, сказавъ: солдаты прежде объявленія присяги не пойдутъ и послѣ оной тоже. Съ занятіемъ дворца, конечно, царствующая фамилія или была бы истреблена, или арестована. Въ показаніи я невольно увлекся и сталъ вдвойнѣ преступникъ. Рада Бога, дѣлайте со мной, что хотите, и не спрашивайте меня ни о чемъ. Я во всемъ виноватъ; такъ ли было говорено, иначе ли, но мое намѣреніе и согласіе было на истребленіе царствующей фамиліи».

Послѣ этихъ допросовъ и явнаго заpiresательства комитетъ оставилъ Каховскаго на долго въ покоѣ: очевидно, онъ хотѣлъ собрать подавляющія противъ него улики и обрушиться на него разомъ. 3 мая была дана очная ставка кн. Одоевскому и Каховскому. Одоевскій утверждалъ, что онъ слышалъ, какъ самъ Каховскій говорилъ, что ранилъ Стюрлера. На очной ставкѣ Каховскій рѣшительно отказывался отъ своихъ словъ. 2 мая Каховскому предъявили показаніе Штейнгеля, рассказавшаго комиссіи о сценѣ, происходившей вечеромъ 14 декабря у Рылѣва. Каховскій призналъ только то, что онъ дѣйствительно стрѣлялъ въ Милорадовича, но вмѣстѣ съ другими: чья пуля сразила Милорадовича, онъ, конечно, не можетъ сказать: «кажется, я достаточно имѣлъ честь прежде сего объяснить высочайше учрежденному комитету все, что касается до убійства графа Милорадовича. Но если нужно повтореніе — повторяю: я выстрѣлилъ по Милорадовичу, когда онъ поворачивалъ лошадей; выстрѣлъ мой былъ не первый, по немъ выстрѣлилъ и весь фасъ каре, къ которому онъ подъѣзжалъ. Попалъ ли я въ него, или кто другой, не знаю. — Дѣлалъ я мои показанія безъ вынужде-

нія и не изъ боязни. Вынудить меня говорить противное никто и ничто не въ силахъ. Если я лгу, зачѣмъ меня спрашивать? Ломаться, какъ кн. Одоевскій, и не умѣю, и не хочу; ему допущено было говорить на меня всякій вздоръ, и не принадлежащій къ дѣлу. Онъ меня не могъ оскорбить, не обижаетъ ли болѣе самого себя? Я хранилъ молчаніе изъ уваженія къ мѣсту; и хотя многое хотѣлъ сказать противъ словъ князя Одоевскаго, но мщеніе для меня низко. Одно лишь могу сказать, что я не узнаю его, или никогда не зналъ его, хотя въ продолженіе года рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не видались. Совѣсть моя принадлежитъ собственно мнѣ—ее вполне судить можетъ одинъ Богъ. Умереть, какимъ бы образомъ ни было, я умѣю. Просилъ и еще покорнѣйше прошу не спрашивать меня ни о чемъ и дѣлать со мной все, что заблагоразсудится. Не желаю противиться ни мало власти; но какъ мои слова будутъ лишь повтореніе одного и того же, я рѣшился молчать и ни на что возражать и отвѣчать не стану».

Но на очной ставкѣ съ Штейнгелемъ (3 мая) Каховскій отрицалъ правдивость разсказа Штейнгеля. Тогда комитетъ передопросилъ Рылѣва, который подтвердилъ сказанное Штейнгелемъ. «Да, Каховскій вечеромъ 14 декабря, будучи у него въ домѣ, говорилъ, что онъ убилъ Милорадовича и ранилъ свитскаго офицера».—показалъ Рылѣвъ. На очной ставкѣ съ Рылѣвымъ (6 мая) Каховскій имѣлъ еще силы отрицать показанія Штейнгеля и Рылѣва. Рылѣвъ далъ подробныя объясненія о своемъ знакомствѣ съ Каховскимъ; въ первой нашей статьѣ мы приводили обширныя изъ нихъ выдержки. Отстраняя свое участіе въ замыслахъ на царубійство, Рылѣвъ выдавалъ головой Каховскаго. Въ отвѣтъ на эти извѣты Рылѣва Каховскій разразился цѣлымъ рядомъ обвиненій противъ Рылѣва; на новой очной ставкѣ 8 мая не произошло никакого соглашенія между Рылѣвымъ и Каховскимъ. Они оба остались при своихъ показаніяхъ. 10 мая на очной ставкѣ съ Кюхельбекеромъ Каховскій не сознался въ томъ, что онъ ранилъ свитскаго офицера.

Но дальше нервы Каховскаго не выдержали. Запираться было мучительно. 11-го мая онъ написалъ генералу Левашову письмо съ полнымъ признаніемъ. Два дня это письмо пролежало у него въ камерѣ. Каховскій, очевидно, колебался. Наконецъ, 14-го мая онъ написалъ новое, болѣе подробное признаніе и, приложивъ къ нему первое письмо, подалъ его Левашову.

Комитетъ могъ считать себя удовлетвореннымъ. Одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ далъ сознаніе, лучше котораго комитету и желать было нельзя. Тяжело читать признаніе Каховскаго: слишкомъ уже обнажилъ онъ свою душу. Его изобличенія по адресу Рылѣва, Штейнгеля и другихъ, не возмущаютъ насъ. Послѣ продолжительной тягостной борьбы съ самимъ собою Каховскій заплатилъ имъ тою же монетой: онъ разсказалъ о нихъ то же, что они сообщали о немъ. Возмущаютъ не извѣты Каховскаго, а крайнее обнаженіе души. Оно кажется ненужнымъ и безцѣльнымъ,

но ужъ таковъ былъ Каховскій: во всемъ, что онъ ни дѣлалъ, онъ доходилъ до послѣднихъ глубинъ.

Каховскій началъ свое первое письмо къ Левашову слѣдующимъ образомъ:

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Простите, что до сихъ поръ я имѣлъ низость обманывать Ваше доброе обо мнѣ мнѣніе. Участіе Ваше глубоко впечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, и мнѣ совѣстно лгать предъ Вами. Очныя ставки никогда бы не могли меня заставить сознаться; онѣ лишь раздражаютъ самолюбіе; разъ сдѣланное показаніе, конечно, каждый старается удержать, и притомъ показатели, столь низкіе душой, будучи сами виновными и въ намѣреніяхъ, а нѣкоторые и въ дѣйствіяхъ, не устыдились оскорблять меня въ присутствіи комитета, называя убійцею... дѣлаютъ отъ себя столько прибавленій и прибавленій не согласныхъ съ моими правилами, что они меня ожесточили. Я чувствую самъ преступленія мои, могу быть въ глазахъ людей постороннихъ злодѣемъ, но не въ глазахъ заговорщиковъ, раздѣлявшихъ и дѣйствія и намѣренія. Безъ оправданій: я убилъ графа Милорадовича, Стюрлера и ранилъ свитскаго офицера. Кюхельбекеръ говорить несправедливо, я ударилъ офицера не изъ за спины, но въ лицо, онъ не упалъ и не могъ примѣтить, кто ударилъ его, это было мгновеніе—я опомнился, мнѣ стало его жаль, и я его отвелъ въ каре. На счетъ показаній о убійствѣ Государя Императора,—все ложь! Я не желаю никому несчастья, Богъ тому свидѣтель!—На меня говорятъ, что я вызывался убить, что страдалъ открыть общество, что я соглашался рѣзать; но все сіе несправедливо. Повѣрьте, я не стану клеветать, мнѣ необходимо погибнуть—неужели я желаю увлечь другихъ! Я могъ быть злодѣй въ изступленіи, но въ груди моей бьется сердце человѣческое...»

Моментами въ сознаніи Каховскаго отодвигалось на дальній планъ главное призваніе его жизни. Онъ какъ будто забывалъ о немъ и начиналъ каяться и разсуждать, какъ обыкновенный человѣкъ. Онъ не разъ называетъ свой поступокъ преступленіемъ. Но мы уже подчеркивали отношеніе Каховскаго, какъ оно окончательно сложилось, къ подвигу своей жизни. Каховскій могъ быть преступникомъ въ глазахъ государя и слѣдователей—онъ сознавалъ это. Онъ могъ быть преступникомъ въ глазахъ общества—но изъ только что приведенной цитаты мы видимъ, что Каховскій даже попытку со стороны нѣкоторыхъ своихъ товарищей опѣнить его дѣйствія, какъ убійство, считалъ до преступности невозможной. Былъ ли онъ преступникомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ: среди самыхъ интимныхъ своихъ раскаяній онъ все же утверждаетъ, что для блага родины онъ не видитъ преступленія.

Тяжело было положеніе Каховскаго: въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ отторгся отъ своихъ друзей и товарищей по дѣлу. Какъ бы забывая о томъ, что онъ и самъ повиненъ въ извѣстахъ и ого-

ворахъ, онъ съ величайшимъ негодованіемъ протестовалъ противъ подобнаго поведенія своихъ товарищей. «Первое мое письмо—такъ заканчивалъ онъ свое второе и послѣднее признаніе—къ вашему превосходительству я писалъ и еще шадилъ тѣхъ, которые столь низко мнѣ вредили; но разобравъ все, вижу, какъ они гадки, и говорю откровенно, мной руководствуетъ мщеніе. Они хотѣли оклеветать меня и черезъ то спастись—это подло! Вамъ извѣстны, ваше превосходительство, всѣ мои показанія, я болѣе себя открывалъ и шадилъ ихъ—и вотъ какая за то плата—ложь и клевета! Я не боюсь умереть; мои намѣренія были чисты, тому Богъ свидѣтель! Заблужденіе и пылкость сдѣлали меня злодѣемъ, но подлецомъ и клеветникомъ меня никто не въ силахъ сдѣлать. Если нужно, чтобы я все сіе сказалъ имъ въ глаза—я согласенъ; но знаю, что они всѣ запрутся. Сдѣлайте милость, ваше превосходительство! не откажите моимъ покорнѣйшимъ просьбамъ, чѣмъ наиболѣе чувствительнѣе меня обяжете. Участіе ваше ко мнѣ, мнѣ драгоцѣнно. Я злодѣй, но будьте увѣрены, имѣю чувство и умѣю быть благодарнымъ».

Каховскій просилъ о позволеніи написать роднымъ: этого позволенія ему не дали.

Всю жизнь Каховскій былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Мечта о подвигѣ, о призваніи Брута скрашивала существованіе. Но судьба безжалостной рукой разбивала надежды Каховскаго. Въ началѣ заключенія мелькнула надежда, что счастье родины, во имя котораго онъ вышелъ на борьбу,—будетъ устроено императоромъ, но эта иллюзія быстро разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Оставались еще наслажденія взаимной заговорщической вѣрности и дружбы. Но грубо было разсѣяно и это утѣшеніе. Въ тѣхъ, кто поистинѣ должны были бы быть послѣдними друзьями, Каховскій увидѣлъ враговъ, и вотъ въ послѣдніе мѣсяцы, послѣдніе дни своей жизни Каховскій по прежнему былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Процессъ растерзалъ его душу. Тоска и одиночество заволакивали его существованіе.

11.

Исторія процесса декабристовъ въ общихъ чертахъ извѣстна. Изъ рукъ слѣдственной комиссіи они перешли въ руки верховнаго уголовнаго суда. Но тѣ, кто были членами этого суда поистинѣ не вѣдали, что творять: всѣ дѣйствія—даже мельчайшія—суда были заранѣе предопредѣлены Николаемъ Павловичемъ при усерднѣйшемъ содѣйствіи М. М. Сперанскаго. Въ рескриптахъ на имя председателя суда вн. Лопухина было предписано выбрать комиссіи: ревизионную и для опредѣленія разрядовъ. Каждой комиссіи были указаны тѣ дѣйствія, которыя она должна была произвести. И тѣ знаменитые три вопроса¹⁾, предложеніемъ которыхъ былъ исчерпанъ

¹⁾ Рукою ли подсудимаго писаны допросы? Добровольно ли подписаны? Были ли даны очные ставки?

весь судъ надъ декабристами, были выработаны не судомъ, а опять таки Николаемъ Павловичемъ совмѣстно съ Сперанскимъ. Вообще самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ процессѣ декабристовъ былъ, конечно, Николай Павловичъ, предусматривавшій всѣ детали.

Извѣстно, что Рылѣевъ, Каховскій, Пестель, Бестужевъ-Рюминъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ были поставлены внѣ разрядовъ и Верховнымъ Судомъ приговорены къ четвертованію. Докладъ былъ представленъ Николаю I. Николай, смягчивъ приговоръ всѣмъ разрядамъ осужденныхъ, въ указѣ Верховному Суду отъ 10-го іюля предоставилъ участь поставленныхъ внѣ разряда рѣшенію суда «и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится». По этому поводу покойный Шильдеръ писалъ:

«Сколько въ рѣшеніи, принятомъ императоромъ Николаемъ относительно лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, принадлежить собственному побужденію, и какую роль играло въ этомъ дѣлѣ постороннее вліяніе, не скоро еще опредѣлится съ достаточной ясностью. Рассказываютъ, что когда князь Лопухинъ представилъ приговоръ суда, то государь замѣтилъ: «офицеровъ не вѣшаютъ, а разстрѣливаютъ», не желая поступить съ ними, по его выраженію, какъ съ ворами; но ген.-ад. Бенкендорфъ будто бы настаивалъ на пользѣ примѣра позорнаго наказанія ¹⁾».

Покойный Шильдеръ оказался слишкомъ пристрастенъ къ своему герою. Въ дѣлахъ Государственнаго Архива, при нѣкоторомъ вниманіи, онъ могъ бы найти данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что вся инициатива рѣшенія суда лежитъ на Николаѣ Павловичѣ и только на немъ. И тутъ, разставаясь съ своими «преступниками», Николай Павловичъ не могъ не разыграть *комедіи милосердія*. Онъ въ указѣ на докладъ суда явился милосердымъ: смягчилъ наказанія почти всѣмъ, а судьбу поставленныхъ внѣ разрядовъ онъ предоставилъ рѣшенію суда. Итакъ, если судъ все же присудилъ ихъ къ смерти, то въ смерти ихъ винить должны мы судъ, а не Николая I. Въ дѣйствительности же было какъ разъ обратное.

Сохранилась записка, писанная 10-го іюля 1826 года—въ день представленія доклада предсѣдателемъ Верховнаго Суда кн. П. В. Лопухинымъ, слѣдующаго содержанія: «Государь изволилъ отозваться, что докладъ и всѣ приложения просмотритъ и дастъ по оному свое повелѣніе, но тутъ же присовокупилъ, что если *неизбѣжная смертная казнь* кому подлежать будетъ, *Государь ее самъ не утвердитъ*, а уполномочить верховный уголовный судъ окончательно самому разрѣшить тотъ предметъ».

Получивъ Указъ Государя о предоставленіи судьбы пяти поставленныхъ внѣ разрядовъ на окончательное усмотрѣніе суда, кн. Лопухинъ одновременно же 10-го іюля 1826 года получилъ отъ начальника штаба барона Дибича слѣдующее примѣчательное доношеніе:

¹⁾ Н. К. Шильдеръ. Имп. Николай I. Т. I. Сиб. 1903. Стр. 443.

«Милостивый Государь
князь Петръ Васильевич!»

Въ Высочайшемъ указѣ о государственныхъ преступникахъ на докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда, въ сей день состоявшемся, между прочимъ, въ статьѣ 13-ой сказано, что преступники, кои по особенной тяжести ихъ злодѣяній не влючены въ разряды и стоять въ сравненія, предаются рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

На случай сомнѣнія о видѣ казни, какая симъ преступникамъ судомъ опредѣлена быть можетъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ предварить Вашу Свѣтлость, что Его Величество никакъ не соизволяетъ не только на четвертованіе, яко казнь мучительную, но и на разстрѣляніе, какъ казнь однимъ воинскимъ преступленіямъ свойственную, ни даже на простое отсѣченіе головы и, словомъ, ни на какую смертную казнь съ пролітіемъ крови сопряженную.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшій слуга баронъ И. Дибичъ».

Послѣ этой бумаги Дибича нѣтъ мѣста сомнѣніямъ въ инициативѣ Николая Павловича.

12.

Единственное милосердіе оказалъ Николай Павловичъ своему подданному Петру Каховскому. Онъ не пролилъ его крови, предавъ казни, съ пролітіемъ крови не сопряженной.

13-го іюля 1826 года, на разсвѣтѣ, на валу кронверка Петропавловской крѣпости Каховскій былъ повѣшенъ ..

Послѣ него остались слѣдующія вещи: фракъ черный суконный, шляпа луговая, круглая, жилетъ черный суконный, косынка шейная черная, ветхая, рубашка холстинная и 41 руб. 50 коп. денегъ.

Вещи и деньги были препровождены 14-го октября 1826 года военнымъ министромъ Смоленскому губернатору для выдачи законнымъ наследникамъ. 27-го ноября вещи и деньги были выданы подъ росписку дворовому человѣку родного брата Каховскаго.

П. Е. Щеголевъ.

Изъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.

Изъ цѣлой серіи переданныхъ намъ изъ архива П. Л. Лаврова его дочерью М. П. Нигрескулъ собственноручныхъ писемъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову мы помѣщаемъ пока только семь. Въ первыхъ изъ нихъ выражается въ достаточной степени опредѣленное отношеніе Тургенева къ революціонному движенію въ Россіи, въ послѣднихъ—его чувства къ личности одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей этого движенія—Германа Александровича Лопатина.

Въ № 2 «Вѣстника Народной Воли» помѣщена статья Лаврова: «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества», изъ которой мы приведемъ одно мѣсто, служащее прекраснымъ поясненіемъ къ нижепечатаемымъ письмамъ Тургенева.

«Иванъ Сергѣевичъ не былъ никогда ни социалистомъ, ни революціонеромъ. Онъ никогда не вѣрилъ, чтобы революціонеры могли поднять народъ противъ правительства, какъ не вѣрилъ, чтобы народъ могъ осуществить свои «сны» о «батьшкѣ Степанѣ Тимофеевичѣ»; но исторія его научила, что никакія «реформы свыше» не даются безъ *давленія* (курсивъ подлинника) и энергическаго давленія снизу на власть; онъ искалъ силы, которая была бы способна произвести это давленіе, и въ разные періоды его жизни ему представлялось, что эта сила можетъ появиться въ разныхъ элементахъ русскаго общества. Какъ только онъ могъ заподозрить, что новый элементъ можетъ сдѣлаться подобною силою, онъ сочувственно относился къ этому элементу и готовъ былъ даже содѣйствовать ему въ той мѣрѣ, въ какой терялъ надежду, чтобы то же историческое дѣло могли сдѣлать другіе элементы, ему болѣе близкіе и симпатичные. Поэтому, когда я ему нарисовалъ картину одушевленія и готовности къ самоотверженію въ группахъ молодежи, применившихъ въ Цюрихѣ къ «Впередъ», онъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны, высказалъ свою готовность помогать этому изданію, первый томъ котораго былъ уже около полугода въ его рукахъ и программа котораго, слѣдовательно, была ему хорошо извѣстна. На другой же день (21 февр. 1874 г.), я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ болѣе опредѣленно высказалъ: «я буду давать ежегодно 500 фр. до тѣхъ норъ, пока продолжится ваше предпріятіе, которому я желаю всяческаго успѣха», и прислалъ взносъ за первый годъ. Слѣдующіе два года взносъ происходилъ черезъ посредниковъ, такъ какъ я находился все время въ Лондонѣ. У меня сохранилось очень мало писемъ и записокъ Ивана Сергѣевича изъ этого періода. Въ одной изъ

нихъ (отъ 29 апрѣля 1875 г.) онъ писалъ мнѣ, что думаетъ ѣхать на partridge-shooting и быть проѣздомъ въ Лондонѣ, прибавляя: «Надѣюсь увидать Васъ тамъ и побесѣдовать объ omnibus rebus. На бумагѣ это неудобно исполнить; ограничусь тѣмъ, что нахожу Вашу дѣятельность полезной, несмотря на неизбѣжныя «drawbacks», которыя я очень хорошо видѣлъ самъ. Не помню, помѣшалъ ли что Ивану Сергѣевичу пріѣхать, или во время его проѣзда чересъ Лондонъ оказалось невозможнымъ или неудобнымъ наше свиданіе, но оно не состоялось. Скорѣе онъ вовсе не пріѣзжалъ, такъ какъ 7 сентября того же года онъ мнѣ писалъ изъ Буживаля о двухъ произведеніяхъ нашей наборни, ему посланныхъ, входя въ довольно подробный разборъ сказки «Мудрица-Наумовна», указывалъ ея литературныя недостатки, но говорилъ: «Авторъ—человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ, и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія». Далѣе, Иванъ Сергѣевичъ еще разъ говоритъ, что у автора «есть и талантъ, и огонь—пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ».

Въ послѣдніе годы одна книга этого автора появилась на итальянскомъ языкѣ; а переводы на англійскомъ языкѣ появились въ Англии и Америкѣ; какъ слышно, готовятся ея французскія и нѣмецкія изданія». (стр. 108—110) ¹⁾.

О Гер. Ал. Лопатинѣ Тургеневъ упоминаетъ въ пяти изъ печатаемыхъ писемъ. Послѣднее изъ нихъ (отъ 24 марта 1883 г.), въ которомъ Тургеневъ радуется благополучному возвращенію Лопатина изъ Россіи (Г. А. Лопатинъ бѣжалъ изъ Вологду 22 февраля 1883 года), написано не рукою Тургенева, а рукою его дочери и лишь имъ подписано,—до такой степени Тургеневъ былъ уже тогда боленъ. Въ составленной тѣмъ же П. Л. Лавровымъ и напечатанной въ 1888 году въ Женевѣ краткой біографіи Г. А. Лопатина (приложена въ качествѣ вступленія къ такъ называемому «процессу 21-го» — Г. А. Лопатинъ, П. Ф. Якубовичъ, Н. П. Стародворскій, С. А. Ивановъ и др.), находятся, между прочимъ, такія строки:

«Германъ Александровичъ Лопатинъ былъ моимъ близкимъ другомъ съ начала 1870 г., когда я познакомился съ нимъ. Его жизнь была полна событій и приключеній, которыя вызвали интересъ въ людяхъ, его вовсе не знавшихъ. Среди знавшихъ его въ Петербургѣ, въ Ставрополѣ, въ Иркутскѣ, въ Вологдѣ, въ Ташкентѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Швейцаріи онъ имѣлъ всюду друзей и пріятелей. Онъ велъ обширную переписку. Его рассказы, полные блеска и юмора, чаровали слушателей. Поэтому матеріалъ для его біографіи могъ бы быть очень богатъ и разнообразенъ. Но именно разнообразіе мѣстъ и личностей, среди которыхъ имѣли мѣсто разные эпизоды его жизни, здѣсь представляетъ затрудненіе. Множество лицъ могли бы доставить о немъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, но каждый могъ бы точно и подробно сообщить лишь немногіе ея эпизоды.

¹⁾ Переведенная на разные языки книга Степяка „Подпольная Россія“. *Ред.*

Лишь самъ Лопатинъ былъ бы способенъ сгруппировать и распре-
дѣлить всѣ эти эпизоды въ надлежащей перспективѣ и гармоніи.
Его уговаривали не разъ сдѣлать это. *Уговаривалъ его и Иванъ Сер-
геевичъ Тургеневъ, удивлявшій въ немъ блестящій литературный та-
лантъ.* Уговаривали его и друзья. Ему было все некогда».

Съ этимъ небольшимъ вступленіемъ мы и перейдемъ теперь къ
самымъ письмамъ И. С. Тургенева къ П. Л. Лаврову.

Ред.

I.

48, rue de Douai.

Суббота, 21-го февраля, 74.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, я вчера съ горяча обѣщаль немножко
болѣе, чѣмъ позволяютъ мои средства: 1000 франковъ я дать не могу — но
съ удовольствіемъ буду давать ежегодно 500 фр. до тѣхъ поръ, пока про-
держится Ваше предпріятіе, которому желаю всяческаго успѣха.—500 фр.
за 1874-й годъ при семъ прилагаю ¹⁾.

Буду ждать 2-го тома.—Желаю Вамъ счастливаго пути въ Англію — а
главное — да поможетъ Вамъ судьба свить себѣ тамъ прочное гнѣздышко.
Поклонитесь отъ меня ²⁾ да Лопатина не забудьте
прислать.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

PS. Я выѣзжаю отсюда 15-го апрѣля.

II.

Парижъ.

50, rue de Douai

Суббота, 5-го декабря, 74.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, виновать, что не тотчасъ отвѣчалъ
Вамъ и не поблагодарилъ за присылку брошюръ, которая я прочелъ со
вниманіемъ и удовольствіемъ. — Въ Вашей полемикѣ противъ Ткачева Вы
совершенно правы; но молодыя головы вообще будутъ всегда съ трудомъ
понимать, чтобъ можно было медленно и терпѣливо готовить нѣчто
сильное и внезапное... Имъ кажется, что медленно приготавливаютъ только
медленное—въ родѣ постепенныхъ реформъ и т. д. — Но самое впечатлѣніе
выносятся молодые люди изъ чтенія Вашего журнала, который въ большомъ
количествѣ проникъ въ Россію и получилъ тамъ авторитетъ и значеніе.
Жду съ нетерпѣніемъ третьяго тома. Надѣсь, что онъ въ дѣльности не
уступитъ второму.

Меня въ Россіи въ началѣ іюня схватила подагра — и только теперь
начинаетъ ослабѣвать. — Это многому и много помѣшало. — Впечатлѣнія,
вынесенныя мною съ родины, не могутъ быть вкратцѣ высказаны: въ
общей сложности они не дурны—хотя во всѣхъ официальныхъ сферахъ и
въ литературѣ утѣшительнаго мало. — Особенно литература находится въ

¹⁾ Рѣчь идетъ о поддержкѣ журнала „Впередъ“.

²⁾ Слово не разбрано.

Ред.

Ред.

совершенномъ упадкѣ—всякія живыя воды въ ней изсыкли—это чувствуется всѣми.

Я видѣлъ здѣсь нашего несокрушимаго юношу Л—на ¹⁾; онъ умница и молодецъ по прежнему, и сообщилъ мнѣ много интересныхъ фактовъ — свѣтлая голова!

Я останусь въ Парижѣ до весны; можетъ быть, приѣду въ Лондонъ на нѣскольکو дней въ началѣ будущаго года, но это не навѣрно.

Желаю Вамъ всего хорошаго и дружески жму Вамъ руку.

Ма. Тургеневъ.

III.

Парижъ.

50, rue de Douai.

Понедѣльникъ, 29-го марта, 1875.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, Вы уже вѣроятно знаете отъ Лопатина, что я исполнилъ свое обѣщаніе на нынѣшній годъ и вручилъ ему извѣстную сумму.

Въ Лондонѣ я попаду,—если подагра не помѣшаетъ, какъ въ прошломъ году, въ концѣ Августа, проѣздомъ на partridge shooting и надѣюсь увидать Васъ тамъ и побесѣдовать объ omnibus rebus. — На бумагѣ это неудобно исполнить: ограничусь тѣмъ, что нахожу вашу дѣятельность полезной, несмотря на неизбежные „drawbacks“ — чему Вы имѣете доказательство.

Съ великимъ удовольствіемъ подношу Вамъ новое изданіе моихъ сочиненій. Здѣсь у меня — пока — нѣтъ ни одного экземпляра — но я уже выписалъ цѣлыхъ три изъ Москвы — и какъ только получу ихъ — одинъ изъ нихъ будетъ немедленно препровожденъ къ Вамъ.

Что касается до послѣдней Вашей просьбы — то, не обинуясь, скажу что исполненіе ея весьма затруднительно: подобныя просьбы (о доставленіи переводной и другой въ такомъ же родѣ работы) — я получаю многое множество, неоднократно принимался хлопотать и до сихъ поръ постоянно претерпѣвалъ фиаско. — Дѣло въ томъ, что переводы съ русскаго здѣсь почти никому не нужны — охотниковъ множество, а вознагражденіе самое ничтожное. Переводы на русскій языкъ тоже недоступны: на эту работу въ самомъ Петербургѣ тоже слишкомъ много предлагается конкурирующихъ рукъ. Но все-таки попытаться можно — и я попытаюсь: но успѣхъ весьма сомнителенъ.

Въ концѣ мая я ѣду въ Карлсбадъ на 6 недѣль — а потомъ опять вернусь сюда.

Желаю Вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья, и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ма. Тургеневъ.

---

¹⁾ Лопатина.

IV.

Буживаль.

Bougival (près Paris)

Les Frenès.

Четвергъ, 9-го апрѣля, 75.

Я виноватъ предъ Вами, любезный Петръ Лавровичъ — не торопился отвѣтомъ на Ваше письмо, сопровождавшее посылку двухъ книгъ — я откладывалъ отвѣтъ, потому что мнѣ хотѣлось въ то же время сказать Вамъ мое мнѣніе — если не о Вашемъ сочиненіи, которое требуетъ внимательнаго изученія — то, по крайней мѣрѣ, о „сказкѣ“ Вашего молодого пріятеля. Но и эту сказку мнѣ удалось прочесть только на дняхъ. — И вотъ что я имѣю сказать Вамъ. — Авторъ человекъ съ талантомъ, владѣетъ языкомъ — и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія. Но тонъ не выдержанъ. — Авторъ не далъ себѣ яснаго отчета — для кого онъ пишетъ — для какого именно слоя читающей публики? — Послѣдствіемъ этого сбивчивости и неровности изложенія. — То для народа писано, то для болѣе — если не образованнаго, — такъ болѣе литературнаго слоя. — Не набѣжалъ также авторъ того, что я готовъ бы назвать пѣвучей, риторической или московской манерой — напр.: самое начало; мнѣ кажется, чѣмъ меньше такихъ уснащиваній — тѣмъ лучше. Но повторяю — у Вашего знакомаго есть и талантъ и огонь — пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ! ¹⁾.

Вы спрашиваете меня о здоровьѣ и работѣ. Здоровье — недурно; работа — отсутствуетъ. Кажется, я окончательно подаю въ отставку. — Я остаюсь здѣсь до половины ноября — а тамъ въ Парижъ.

Дружески жму Вашу руку

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

У.

Парижъ.

50, Rue de Douai

Воскресенье, 7-го января, 77.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ!

На этотъ разъ виноватъ не я, а Сташкевичъ, который до сихъ поръ мнѣ не выслалъ чистыхъ экземпляровъ *первой части* моего романа; о *второй*, которая должна явиться въ февраль, и говорить нечего. Полагаю, однако, что они должны прибыть сегодня или завтра; какъ только я получу — то, какъ говаривалъ М. А. Языковъ — *стремитесь* пошлю одинъ къ Лопатину съ тѣмъ, чтобы онъ также скоростижно доставилъ его Вамъ. — Въ этомъ прошу Васъ не сомнѣваться.

Поздравляю Васъ съ новымъ *россійскимъ* годомъ — и желаю Вамъ всего хорошаго, хоть предвижу онаго мало.

Искренне преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

¹⁾ Рѣчь идетъ о нелегальной брошюрѣ для народа „Мудрица Наумова“. Авторъ ея С. М. Кравчинскій-Степнякъ. *Ред.*

VI.

50, Rue de Douai
Paris

Суббота, 12 апрѣля, 79.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ!

Несчастіе, обрушившееся на Лопатина — было неизбежно: онъ самъ какъ бы напросился на него. Въ самый день моего приѣзда я умолялъ его уѣхать на югъ ибо объ его присутствіи въ П. ¹⁾ полиція *знала* (курсивъ подлинника). Что теперь сдѣлать — сказать трудно: черезъ Абазу и т. д. дѣйствовать немислимо... У меня въ головѣ вертится нѣчто другое — конечно, невѣрное... но попытаться слѣдуетъ. — Л. оскорбилъ лично А. Н.; это не прощается... Очень мнѣ его жаль ²⁾.

До свиданья; жму Вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

VII.

50, Rue de Douai
Paris.

Любезный П. Л.

Радуюсь благополучному возвращенію Л. и надѣюсь скоро съ нимъ свидѣться, но мнѣ еще такъ плохо, что ранѣе 5 или 6 дней это невозможно. Тогда я дамъ Вамъ немедленно знать ³⁾.

Жму Вашу руку

Ив. Тургеневъ.

24/III. 83.

¹⁾ Петербургъ.

²⁾ Рѣчь идетъ объ арестѣ Лопатина. Подъ А. Н. надо понимать Николаевича. „Оскорбленіе“, конечно, было оскорбленіемъ въ печати. *Ред.*

³⁾ Это и есть то письмо, о которомъ мы упоминали уже выше, какъ о написанномъ рукою дочери Тургенева и имъ лишь подписанномъ. *Ред.*

Первое вооруженное сопротивление,— первый военный судъ.

(Процессъ И. М. Ковальскаго.)

Завѣщаю вамъ, братья, не посылайте слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Давайте окрѣпить ихъ характеръ, давайте время развить всѣ ихъ духовныя силы.

А. Михайловъ. Завѣщаніе.

Первое вооруженное сопротивление было оказано у насъ властямъ революціонерами въ г. Одессѣ, въ домѣ на Садовой улицѣ¹⁾, 30 января 1878 г. Судились по этому дѣлу Иванъ Мартыновичъ Ковальскій съ товарищами. Такимъ образомъ, изученіе такъ называемаго «процесса Ковальскаго» представляетъ собою громаднѣйшій интересъ для всякаго, кто желаетъ прослѣдить эволюцію русской революціонной мысли.

Съ другой стороны, Ковальскій съ товарищами были первыми, которыхъ судили военнымъ судомъ по законамъ военнаго времени, и этотъ процессъ далъ первую казнь за общее политическое преступленіе (т. е. не за царубійство). Несомнѣнно, это первое обращеніе къ услугамъ военнаго суда было дѣломъ случая: въ это время шла война съ Турціей, и Одесскій военный округъ находился на военномъ положеніи. При подобныхъ обстоятельствахъ такое выдающееся «преступленіе», какъ вооруженное сопротивление жандармамъ, явившимся для обыска, естественно, должно было быть отдано на разсмотрѣніе военнаго суда. Достаточно вспомнить, что незадолго передъ тѣмъ военному суду былъ преданъ (и повѣшенъ) разбойникъ Лукьяновъ, убившій двухъ женщинъ съ цѣлью ограбленія. Но также несомнѣнно и то, что рано или поздно правительство все равно стало бы предавать военному суду за политическія преступленія, и что указанное стеченіе случайныхъ обстоятельствъ сдѣлало для правительства переходъ въ дѣлахъ о политическихъ преступленіяхъ отъ гражданскаго суда къ военному лишь болѣе быстрымъ. Опытъ примѣненія военнаго суда къ дѣлу Ковальскаго и его товарищей показалъ, что этотъ судъ скоръ, рѣшителенъ и достаточно жестокъ. И это соблазнило агентовъ правительственной власти.

¹⁾ Домъ этотъ сохранился.

Какъ извѣстно, послѣ процесса Ковальскаго чуть не всё дѣла по политическимъ преступленіямъ передавались на разсмотрѣніе уже исключительно военному суду и—посыпались казни.

Такимъ образомъ, процессъ Ковальскаго важенъ еще и для характеристики поворотнаго пункта въ судебной политикѣ правительства по отношенію къ политическимъ преступленіямъ ¹⁾

«Въ организаціонномъ отношеніи съверхъ всегда стоялъ выше юга»,—говоритъ проф. Тунъ ²⁾, ссылаясь на брошюру «Андрей Ивановичъ Желябовъ. Біографія» (стр. 16).

Въ общемъ это вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что въ Одессѣ, по свидѣтельству того же автора ³⁾, уже въ 1878 г. имѣлся на лицо «союзъ рабочихъ». Я могу подтвердить, что еще раньше (1875—1876) революціонная организацiонная дѣятельность среди рабочихъ г. Одессы шла довольно успѣшно, и уже тогда собирались сходки рабочихъ чуть-ли не въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Я это слышалъ отъ лица, которому не имѣю основанія не вѣрить,—отъ товарища по каторгѣ и ссылкѣ, Ребицкаго (псевдонимъ; свою настоящую фамилію, какъ я слышалъ, онъ недавно обнаружилъ, но я ей не знаю), осужденнаго по дѣлу Заславскаго.—Въ то же время, какъ извѣстно, «Сѣверно-русскій рабочій союзъ» былъ организованъ на сѣверѣ всего лишь въ концѣ 1877 г. ⁴⁾, а возваніе «Союза», съ изложеньемъ его программы, было выпущено еще позже—въ 1879 г. ⁵⁾.

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка я имѣлъ подъ руками: 1) копію обвинительнаго акта, врученную Кленову, съ отиѣтками и возраженіями послѣдняго на поляхъ; 2) замѣтку Свѣтнча, сдѣланную для защиты (больше 1½ листовъ писчей бумаги убористаго письма); 3) такую же замѣтку, сдѣланную мною; 4) замѣтки, вѣденыя во время суда моимъ защитникомъ Д. В. Стасовымъ; 5) планъ помѣщенія, гдѣ произошло событіе 30 января, рисованный мною для защиты; 6) почти полный отчетъ о судебномъ засѣданіи въ перепечаткѣ „Новаго Времени“ изъ „Вѣдом. Одес. Градоначальства“; 7) № „Вѣдом. Одес. Градоначальства“ съ описаніемъ демонстраціи у зданія суда послѣ вынесенія намъ резолюціи; и 8) корреспонденцію „Нов. Времени“ съ описаніемъ казни Ковальскаго.

Предупреждаю объ этомъ читателей, чтобы они знали, что я имѣлъ возможность возстановить въ памяти все, происходившее на судѣ, и что если есть разногласіе между моимъ рассказомъ и тѣмъ, что было установлено на судѣ, то это разногласіе должно быть разрѣшаемо въ пользу моего переперскаго воспроизведенія событій 30 января 1878 г., а также предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за нимъ обстоятельствъ. Это предупрежденіе избавляетъ меня отъ необходимости каждый разъ въ текстѣ указывать, что то или другое обстоятельство невѣрно освѣщено слѣдствіемъ или судомъ.

Имѣя въ виду возможно полную характеристику лишь того, что въ процессѣ Ковальскаго является существеннымъ и единственно важнымъ для историка революціоннаго движенія въ Россіи, я обходилъ массу фактическихъ подробностей. Я при этомъ зналъ, что готовится къ печати VII томъ „Государ. преступл. въ Россіи въ XIX в.“, гдѣ должны быть помѣщены, между прочимъ, матеріалы по нашему процессу.

²⁾ Стр. 129. —Ссылки сдѣланы на московск. изданіе прошлаго года.

³⁾ Стр. 85.

⁴⁾ Бывое“, 1906, I. 175.

⁵⁾ Тунъ, 126.

Не мѣстничествомъ между сѣверомъ и югомъ хочу я, конечно, занять читателя. Мнѣ важно было отмѣтить, что отсутствіе организованности «кружка Ковальскаго» и планомѣрности въ его дѣйствіяхъ объясняется не только молодостью этого кружка, не только тѣмъ, что онъ организовался и дѣйствовалъ на югѣ, но и общими условіями того момента революціонной дѣятельности во всей Россіи.

А моментъ этотъ, въ общихъ чертахъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ.

Работа пропагандистовъ къ срединѣ 1877 г. была уже сильно дискредитирована въ глазахъ революціонеровъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ самой Одессѣ дѣйствовали еще тогда такіе «чистые» пропагандисты, какъ Фомичевъ и Попко. Революціонная мысль находилась въ постоянномъ колебаніи между «пропагандою словомъ» и «пропагандою дѣломъ». Уже въ 1876 г. совершены были (и въ той же Одессѣ) два террористическихъ акта, направленные противъ шпионовъ (Гориновича ¹⁾ и Тавлѣва); но даже убійства шпионовъ тогда не были еще возведены въ систему, и въ концѣ концовъ они являлись лишь случайно привходящимъ теченіемъ въ руслѣ главной дѣятельности революціонеровъ.

Что касается этой главной дѣятельности, то и здѣсь, какъ извѣстно, проиходилъ въ то время если не кризисъ, то поворотъ. Еще въ концѣ 1876 г. мнѣ пришлось въ Петербургѣ отъ студента-медика слышать, что такой-то—«чужакъ» только потому, что не можетъ себѣ представить общество, которое не было бы организовано въ государство. Съ другой стороны, въ томъ же году появилась замѣчательная работа П. Л. Лаврова «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», гдѣ онъ доказывалъ, что государство сохранится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать и общество. Значить, съ одной стороны, революціонная мысль ушла дальше чистаго «впередовства», а съ другой—были еще люди, которымъ все же нужно было еще доказывать, что объектомъ революціонной (созидательной и разрушительной) дѣятельности должна служить не одна социальная структура общества, но и его политическій строй. Надо вспомнить при этомъ, что съ конца 1875 г. уже дѣйствовала партія «якобинцевъ» съ Ткачевымъ во главѣ (органъ—«Набатъ»),—и здѣсь не представляетъ важности то обстоятельство, что она была слаба: имѣть громадное значеніе, что на лицо «партія», въ программѣ которой такъ рѣзко обозначался политическій элементъ, при чемъ даже шла рѣчь, не больше и не меньше, какъ о «заговорѣ» съ цѣлью «захвата» власти. Для полноты картины добавлю, что даже по выходѣ изъ централки я встрѣтился съ такимъ убѣжденнымъ анархистомъ, какъ М. П. Сажинъ, и что

¹⁾ Я считаю своимъ долгомъ оговориться, что лично для меня, незнакомаго съ подробностями дѣла, не выяснено, можно-ли было къ Гориновичу примѣнить терроръ. Случайно лежавшій въ еврейской больницѣ, въ Одессѣ, рядомъ съ Гориновичемъ, мой знакомый увѣрялъ меня, что Гориновичъ не производилъ впечатлѣніе испорченнаго человѣка.

когда во Мценской пересыльной тюрьмѣ у насъ устраивались общія дискуссіи, то я, защищавшій, въ качествѣ якобинца, необходимость политической борьбы и захвата власти, оставался обыкновенно въ незначительномъ большинствѣ, если не въ единственномъ числѣ.

Изъ этихъ немногихъ фактовъ видно, какое броженіе переживала революціонная мысль въ то время, когда организовался и дѣйствовалъ кружокъ Ковальскаго.

Въ то время, когда началъ группироваться вокругъ Ковальскаго кружокъ, въ Одессѣ было довольно сплоченая группа «бунтарей» съ Дебагорій Мокривичемъ и Марусей Ковалевской во главѣ. Но это лишь сильнѣе подтверждаетъ взглядъ, что составъ кружка Ковальскаго чрезвычайно характеренъ, съ только что выясненной токи зрѣнія, для тогдашняго момента.

Что Ковальскій, убѣжденный сторонникъ и страстный пропагаторъ терроризма вообще и вооруженнаго сопротивленія въ частности, не примыкалъ къ существовавшему уже въ то время въ Одессѣ кружку бунтарей,—это я склоненъ объяснять особенностями личнаго характера Ковальскаго. Это былъ фанатикъ-сектантъ, въ высшей степени строгій къ себѣ и въ обыденной жизни слѣдовавшій общимъ правиламъ личной морали. При этомъ онъ, авторъ изслѣдованія о септанствѣ (было напечатано въ «Отеч. Зап.») и вообще интересовавшійся этимъ явленіемъ русской народной жизни, написавшій нѣсколько трактатовъ о революціонномъ движеніи ¹⁾ и корреспондировавшій въ нелегальныя изданія, былъ склоненъ къ философскому мышленію и потому любилъ тихую уединенную жизнь. Наконецъ, въ его натурѣ была какая-то мягкость, а въ манерахъ и движеніяхъ—отсутствіе рѣшительности. Кружокъ бунтарей отличался, en passe, діаметрально противоположными особенностями. Хорошо сплоченное товарищество пріучало себя къ возможности въ каждую минуту, стоя плечо къ плечу, встрѣтить револьверными выстрѣлами и кинжалными ударами врага — полицію и жандармовъ. Это развивало въ членахъ кружка потребность быть постоянно вмѣстѣ, жить казарменною жизнью. Стремясь къ осуществленію въ будущемъ высочайшихъ идеаловъ нравственности, отдавая всѣ свои силы выполненію высшаго назначенія человѣка на землѣ — политической дѣятельности, будучи готовыми въ каждую минуту принести на алтарь служенія народу свою жизнь, члены товарищества совершенно не слѣдили за личною жизнью другъ друга. Наконецъ, какъ на подборъ, все это были люди физически сильные и ловкіе. Вотъ что, въ общемъ приводило иногда даже къ нѣкоторымъ эксцессамъ въ жизни кружка бунтарей. А Ковальскій и одного дня не могъ бы просуществовать въ подобной атмосферѣ. И здѣсь-то, мнѣ кажется, скрыта была внутренняя причина взаимнаго нерасположенія, которое всегда проявлялось въ отношеніяхъ между Ковальскимъ — съ одной стороны, и кружкомъ Дебагорія и

¹⁾ Захвачены у него при обыскѣ.

Ковалевской— съ другой. Весьма возможно, что не сознавали этого ни тѣ, ни тотъ; и все дѣло сводилось обыкновенно къ столкновеніямъ по поводу незначительныхъ случаевъ революціонной жизни. Но во всякомъ случаѣ я рѣшительно утверждаю, что между Ковальскимъ и кружкомъ одесскихъ бунтарей установились отношенія почти антагонистическія.

Помню, когда я, на вечеринкѣ подъ новый (1878) годъ, сталъ держать рѣчь о необходимости объединить дѣятельность нашего кружка съ дѣятельностью кружка бунтарей, то моя рѣчь ежеминутно встрѣчала ироническія замѣчанія со стороны членовъ этого послѣдняго кружка, и я, какъ сейчасъ, вижу насмѣшливое лицо покойной Маруси Ковалевской, вызывающе обращенное ко мнѣ во все время, какъ я говорю.

Какъ бы то ни было, а Ковальскому пришлось организовать свой кружокъ рядомъ съ кружкомъ «бунтарей».

Я познакомился съ Ковальскимъ случайно. Еще не принимая активнаго участія въ революціонной работѣ, я привезъ изъ Петербурга отъ воспитанника морского корпуса въ Одессу письмо на имя «Ковальскаго». Я принялся, черезъ знакомыхъ, разыскивать адресата и, конечно, скоро нашелъ Ковальскаго, при чемъ я былъ предупрежденъ, что онъ — нелегальный. Оказалось, впрочемъ, что съ Ковальскимъ, не зная его по фамиліи, а часто встрѣчаясь въ Одесской публичной бібліотекѣ, да и раньше замѣчалъ его фигуру. А не замѣтить ея было нельзя. Невысокаго роста, очень полный, съ рыжей бородой и блѣднымъ лицомъ, онъ останавливалъ на себѣ вниманіе, благодаря особенному блеску глазъ, въ которыхъ свѣтились—умъ, ласка, спокойствіе. Только изрѣдка въ этихъ глазахъ, подъ естественнымъ дѣйствіемъ условій революціонной дѣятельности, загоралась тревога или, по крайней мѣрѣ, желаніе не сказать, даже глазами больше того, что требуется. При ближайшемъ общеніи не трудно было обнаружить въ немъ природный юморъ, скрывавшійся и на выраженіи глазъ, въ которыхъ тогда начинало свѣтиться безобидное лукавство.

Знакомство мое съ Ковальскимъ относится къ концу 1876, а можетъ быть — и къ началу 1877 г. Во всякомъ случаѣ, я помню, что письмо, которое я долженъ былъ ему передать, лежало у меня довольно долго, а изъ Петербурга въ Одессу я пріѣхалъ къ веснѣ 1876 года. Но я, продолжая изрѣдка встрѣчаться съ Ковальскимъ, все еще не принималъ активнаго участія въ революціонной работѣ. Мое сближеніе съ Ковальскимъ и выступленіе на путь активной революціонной дѣятельности, а одновременно съ этимъ—и объединеніе наше на почвѣ практической дѣятельности въ «кружокъ Ковальскаго» произошло постепенно въ теченіе осени 1877 г.

Ближайшимъ поводомъ ко всему этому послужило случайное обстоятельство. Я извѣстенъ былъ въ одесскихъ кружкахъ, какъ радикально настроенный человѣкъ, — и по моимъ знакомствамъ съ группами, стоявшими на порогѣ къ радикализму, и по моей издательской дѣятельности: я издалъ въ Одессѣ брошюру «Мысли Про-

винціаловъ» и задумалъ изданіе періодическаго легальнаго соціалістическаго органа «Эхо» (вышелъ только 1-й вып.; второй былъ не пропущенъ цензурой цѣликомъ). Съ другой стороны, я пользовался довольно большимъ успѣхомъ на сценѣ, какъ любитель. И когда, въ началѣ осени 1877 г., зародилась мысль раздобывать деньги на революціонныя надобности путемъ систематической постановки любительскихъ спектаклей, то было предложено взяться за организацію этого дѣла мнѣ. Благодаря этому, въ кругѣ лицъ, ближе стоявшихъ къ Ковальскому, я сдѣлался своимъ человѣкомъ, и тутъ-то выдѣлился болѣе тѣсный кружокъ, который перешелъ къ активной революціонной работѣ и почти цѣликомъ былъ арестованъ 30 января 1878 г. вмѣстѣ съ Ковальскимъ.

Впрочемъ, на лицо было и обстоятельство менѣе случайнаго характера.

Въ Петербургѣ (въ 1874 и 1875—1876 гг.) я довольно хорошо познакомился съ пропагандизмомъ и перечиталъ не мало книгъ, брошюръ и журналовъ изъ его литературы. Съ нарождавшимися послѣ погрома 1872—1874 гг. теченіями революціонной мысли я былъ знакомъ немного менѣе. И вотъ въ 1877 г., живя съ отцомъ на курортѣ въ Баваріи, я съѣзжалъ въ Женеву. Рекомендательное письмо у меня было (не помню—отъ кого) въ редакцію «Набата». Здѣсь, въ теченіе 4—5 дней, у меня шли горячіе дебаты съ якобинцами Григорьевымъ и Френкомъ (Ткачева въ это время въ Женевѣ не было) и, подавленный новыми перспективами, которыя открывались передо мной при знакомствѣ съ «политикой» вообще и «якобинствомъ» въ частности, я тутъ же перешелъ къ «политической» программѣ и исповѣдыванію «неоякобинизма». Я даже написалъ тамъ обязательства, которыя налагало на меня вступленіе въ ряды якобинцевъ. И изъ Женевы я получилъ обратное рекомендательное письмо къ одесскимъ якобинцамъ, уже какъ членъ партіи. Это повело къ болѣе тѣсному для меня сближенію съ радикальнымъ міромъ родного города.

Въ болѣе тѣсный кружокъ лицъ, группировавшихся около Ковальскаго, кромѣ меня, входило въ сущности немного лицъ.

Сестры Елена и Вѣра Виттенъ—хозяйки квартиры, гдѣ мы обыкновенно собирались, гдѣ содержали свою типографію и гдѣ, наконецъ, были арестованы.

Владиславъ Станиславичъ Свiticsъ-Иличъ примкнулъ къ намъ въ самомъ концѣ 1877 г. послѣ побѣга (10-го декабря) изъ Херсонской тюрьмы. Жилъ онъ въ квартирѣ Виттенъ нелегальнымъ, подъ фамиліей Воскресенскаго.

Василія Дмитріевича Кленова я, кажется, уже засталъ въ числѣ знакомыхъ сестеръ Виттенъ и, во всякомъ случаѣ, не помню, при какихъ условіяхъ съ нимъ познакомился.

Леонида Михайловна Мержанова (впослѣдствіи по мужу Абрамовичъ) была старая знакомая Виттенъ и даже жила съ ними на одной квартирѣ.

Александра Владимировна Афанасьева (вдова профессора Кіев-

скаго университета; по второму мужу, теперь также умершему, — Чернявская) была дѣятельнѣйшимъ членомъ кружка.

Таковыми же дѣятельными и близкими людьми были: Александръ Николаевичъ Акимовъ, морякъ, студентъ Беверлей, Галина Чернявская и Наташа Южакова.

Довольно близки были къ нашей работѣ Николай Ивановичъ Миролюбовъ, Салюня Левандовская и Александръ Алексѣевичъ Алексѣевъ.

Наконецъ, нѣкоторое время вертѣлся около насъ и нѣкій Маркъ, молодой человекъ, еврей, якобинецъ по убѣжденіямъ, человекъ не-далекій. Онъ былъ нелегальнымъ и скоро куда-то исчезъ изъ Одессы.

Чуть-ли не передъ самымъ нашимъ арестомъ появились среди насъ двѣ молоденькихъ дѣвушки, присматривавшіяся и проявлявшія тогда еще мало активности. Это — Христина Гринбергъ и Фани Морейнисъ изъ Николаева.

То, что я говорилъ выше о характерѣ эпохи, какъ нельзя ярче отражалось на составѣ нашего кружка.

Свитычъ явился къ намъ несомнѣннымъ пропагандистомъ и только здѣсь примкнулъ къ идеѣ бунтарства.

Ближе стоялъ, насколько я могу судить по воспоминаніямъ, къ пропагандизму и Беверлей.

Чернявская, Южакова и я были чистѣйшими якобинцами, и мы даже устраивали иногда à рагъ'ныя совѣщанія.

Акимовъ и Афанасьева являлись, въ моментъ моего знакомства съ ними, открытыми, хотя, можетъ быть, и не глубоко вѣрующими бунтарями.

Остальные члены кружка были, какъ кажется, просто «революціонерами» безъ опредѣленной окраски политическихъ убѣжденій.

И лишь стоявшій надъ всѣми нами Ковальскій представлялъ собою чистѣйшій типъ убѣжденнѣйшаго бунтаря, которому эти его убѣжденія достались послѣ долгаго, быть можетъ, мучительнаго и тяжелаго размышленія, возможно даже — не безъ борьбы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы мы были счастливѣе и имѣли возможность нѣсколько дольше находиться въ общеніи на почвѣ практической дѣятельности, то, профильтрованный отъ наиболѣе безразличныхъ элементовъ, нашъ кружокъ приобрѣлъ бы однородный составъ и получилъ бы болѣе опредѣленную фізіономію. Я говорю это на томъ основаніи, что у насъ не сходили съ устъ разговоры о вооруженномъ сопротивленіи. Значить, броженіе въ этомъ направленіи происходило довольно значительное. Но пока это были одни разговоры, никого ни къ чему не могшіе подготовить и — обязать.

Необходимо тутъ же отмѣтить, что чаще всего разговоры были именно о вооруженномъ сопротивленіи, и довольно рѣдко — о террорѣ въ смыслѣ убійствъ. Если же кое-когда рѣчь заходила и объ этихъ послѣднихъ, то дальше убійства шпіоновъ наша революціонная мысль не шла.

Для характеристики этой мысли, можетъ быть, не бесполезно будетъ отмѣтить такой фактъ.

Когда я уже содержался подь слѣдствіемъ въ одесской тюрьмѣ, то голова моя стала усиленно работать въ иномъ направленіи, при чемъ мнѣ даже рисовались мелкія подробности. Я себѣ представлялъ дѣло именно такъ, какъ оно было осуществлено впоследствии Логовенко—въ Николаевѣ, Гартманомъ—въ Москвѣ, Желябовымъ—въ Александровскѣ и Богдановичемъ—въ Петербургѣ. Мнѣ казалось возможнымъ подложить подь рельсы мину и взорвать ее, посредствомъ замыканія электрическаго тока, въ моментъ прохожденія надъ нею поѣзда. Я помню даже такую подробность: мнѣ рисовалось, что кто-нибудь, стоя у поѣзда, поклономъ и снятіемъ шляпы въ моментъ прохожденія поѣзда надъ миною, долженъ былъ бы дать знакъ скрытому гдѣ-нибудь товарищу, чтобы тотъ замыкалъ токъ.

Всѣ эти соображенія я высказывалъ тогда же Федору Курицину, съ которымъ нѣкоторое время сидѣлъ въ одной камерѣ. Какое употребленіе изъ этого сдѣлалъ Курицинъ, когда превратился въ предателя,—мнѣ неизвѣстно ¹⁾).

Возвращаясь къ вопросу о мѣстѣ, которое занимало вооруженное сопротивление въ «программѣ» кружка, напомнимъ, что въ рукописи Ковальскаго, найденной при обыскѣ у него на квартирѣ послѣ ареста, онъ давалъ обоснованіе своей вѣрѣ въ спасительность этого приѣма борьбы. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что такъ просто, опредѣленно и рѣшительно смотрѣлъ на дѣло изъ числа членовъ нашего кружка онъ одинъ. По крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы слышалъ отъ кого-нибудь изъ остальныхъ членовъ что-нибудь подобное.

Вотъ цитата изъ только что упомянутой рукописи: «Въ большинствѣ случаевъ, если мы говоримъ о всякаго рода насиліяхъ, о вооруженномъ сопротивленіи во время арестовъ и пр., то все это у насъ одни слова, и въ этой сферѣ мы останемся чистыми пропагандистами. Мы распропагандировали... ношеніе при себѣ оружія и закупку оружія для возрастающаго народа; скажу больше: мы даже добыли не въ маломъ количествѣ это оружіе и раздавали его народу, а было время, когда всякій порядочный революціонеръ обязанъ былъ таскать за собою револьверъ и кинжалъ. Но когда дѣло коснулось факта,—мы стали въ тупикъ... И сказался въ насъ потомокъ Рудиныхъ и Репетилловыхъ: «шумимъ, братецъ, шумимъ,—а толку нѣтъ» («О приобрѣтеніи и раздачѣ народу оружія»).

Всякій, кто представитъ себѣ то положительное, что скрывается за этою «критикою», тотъ получитъ ясное представленіе объ отношеніи Ковальскаго къ пропагандѣ не словомъ, а дѣломъ,—тотъ пойметъ, что не съ кодачка авторъ цитированныхъ строкъ отосидся къ необходимости физической силѣ правительства противопоставить такую же физическую силу народа и революціонеровъ.

¹⁾ Рѣчь идетъ о бывшемъ еще недавно старшимъ ветеринарнымъ врачомъ въ Саратовѣ, а нынѣ завѣдывающемъ ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ Федорѣ Курицинѣ. Изъ имѣющихся уже у насъ матеріаловъ видно, что страницы нашего журнала будутъ украшены доблестнымъ именемъ г. Курицина еще не разъ, съ надлежащими къ этому имени комментаріями. *Ред.*

И въ другомъ мѣстѣ той же статьи Ковальскій, дѣйствительно, выражается уже прямо,—ясно и опредѣленно. Онъ говоритъ: «Въ настоящее время, хотя факты эти (сопротивленіе властямъ) и не всегда удачны, но ихъ учащенная послѣдовательность показываетъ, что уже въ достаточной степени созрѣла революціонная атмосфера, чтобы слова и мысли наши переходили въ дѣло, объективируясь въ реальныхъ фактахъ».

Почти то же самое писалъ Ковальскій и въ воззваніи «Голосъ честныхъ людей» (захвачено на квартирѣ Виттенъ, утромъ въ день ареста). Тамъ мы читаемъ: «Теперь послѣдовалъ цѣлый рядъ убійствъ шпионовъ-предателей; было нѣсколько случаевъ открытаго сопротивленія съ оружіемъ въ рукахъ и много отчаянныхъ побѣговъ изъ-подъ стражи. Все это свидѣтельствуемъ, что уже теперь не тотъ духъ времени, какъ былъ прежде,—что уже настала фактическая борьба социальна-демократической партіи съ этимъ подлымъ правительствомъ русскихъ башкибузуконъ».

Мнѣ кажется, послѣ знакомства съ только что приведенными цитатами, читатель долженъ будетъ согласиться съ моимъ заключеніемъ, что, для тогдашняго времени, Ковальскій имѣлъ совершенно опредѣленный и достаточно продуманный взглядъ на дѣло вооруженнаго возстанія противъ правительственной власти и вооруженнаго сопротивленія ей во всѣхъ случаяхъ, когда она проявляетъ насилие по отношенію къ революціонерамъ.

Кружокъ нашъ не былъ «кружкомъ» въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Не было лицъ, которые могли бы сказать: «мы—члены кружка Ковальскаго». Съ другой стороны, если нужно было посоветоваться, то къ отдѣльнымъ лицамъ обращались не потому, что обращаться было обязательно именно къ этимъ лицамъ и именно потому, что они—члены кружка: вопросъ рѣшался степенью вліянія и уваженія, которымъ пользовалось то или другое отдѣльное лицо. Въ соответствіи съ этимъ, у насъ не было «собраній» и специальной «кассы» («деньги», конечно, были), не было «устава», не было хоть на неопредѣленно продолжительное время, «распределенія ролей, не было списковъ (хотя бы въ памяти) членовъ кружка, и мы не составляли звена въ нѣкоторой, областной или общерусской, организаціи.

Единственно, что мы успѣли сдѣлать до ареста, это—организовать маленькую типографію и отпечатать въ ней 2 прокламаціи, изъ которыхъ распространена была одна (по поводу казни разбойника Лукьянова), другую же (о томъ, что Краевъ—шпионъ) намъ до ареста распространить не удалось. Изъ насъ В. Д. Кленовъ былъ литографскій рабочій. Хотя типографское дѣло не было его спеціальностью, но, естественно, находясь постоянно въ типографіи, онъ имѣлъ возможность хорошо присмотрѣться къ типографской техникѣ¹⁾. По его указаніямъ были изготовлены распропагандирован-

¹⁾ Въ революціонныхъ дѣлахъ Кленовъ ходилъ, для ознакомленія съ типографскою техникою, въ типографію Исаковича, гдѣ обыкновенно проводилъ часа 2 въ день, занимаясь наборомъ.

ными рабочими для насъ настоящія верстатки. Хотя работа была, очевидно, «домашняя», но верстатки удовлетворяли своему назначенію. Рамки у насъ вовсе не было, и мы страшно мучились, связывая форму. Что касается шрифта, то откуда былъ нами добытъ основной фондъ,—я не помню, а главнымъ поставщикомъ недостающихъ буквъ у насъ состоялъ тотъ же В. Д. Кленовъ, приносившій его изъ типографіи (къ нему даже было предъявлено на судѣ обвиненіе въ «кражѣ» шрифта, и онъ приговоренъ былъ за это преступленіе особо къ 7-ми дневному аресту при полиціи). Но шрифта было очень мало. Отчасти вслѣдствіе этого, отчасти съ цѣлью внести разнообразіе, я покупалъ «передвижныя буквы», мѣдныя, со станочкомъ, которыми можно было набрать и напечатать что-то не болѣе полустроки. Самый процессъ оттискиванія производился примитивнѣйшимъ способомъ, и между нами всегда вызывало хохотъ малѣйшее напоминаніе объ этомъ процессѣ. Формочка устанавливалась на стулъ, на нее накладывали бумагу, а затѣмъ кто нибудь садился и нажималъ бумагу на форму «естественнымъ» прессомъ. Послѣ этого заглавіе и нѣсколько заключительныхъ абзацовъ оттискивались набранными въ станочекъ мѣдными буквами.

Не трудно себѣ представить, насколько аляповато выходили у насъ оттиски.

Первая прокламація наша была составлена по поводу смертной казни надъ разбойникомъ Лукьяновымъ, о которомъ я выше уже упоминалъ. Это былъ, дѣйствительно, какой-то звѣрь: онъ убивалъ свои жертвы ударомъ молотка по головѣ. Такъ поступилъ онъ и въ случаѣ, окончившемся для него присужденіемъ къ смертной казни: онъ тихо подошелъ сзади къ сидѣвшей въ креслѣ, лицомъ къ окну, старушкѣ и двумя ударами молотка раздробилъ ей черепъ. Такимъ же образомъ онъ убилъ и прислугу старушки,—женщину, которая, при томъ, была беременна. За такое звѣрское преступленіе, совершенное, въ добавокъ, въ то время, когда Одесса, по случаю войны съ Турціей, находилась на военномъ положеніи, Лукьянова предали военному суду, который приговорилъ преступника къ смертной казни. Лукьяновъ былъ повѣшенъ.

Мы воспользовались этимъ случаемъ. Не отрицая чудовищности преступленія, совершеннаго Лукьяновымъ, мы въ своей прокламаціи указывали, что гораздо болѣе виновны тѣ, кто грабятъ и разстрѣливаютъ народъ, т. е. агенты правительственной власти, и ихъ-то предлагали судить народнымъ судомъ и предавать смертной казни.

Прокламація была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (что-то штукъ 300) и затѣмъ расклеена на стѣнахъ домовъ 1 декабря, наканунѣ казни Лукьянова.

Въ то время, какъ шла эта работа, за нами начали слѣдить. Что подало ближайшій поводъ къ этому,—я не знаю; но что слѣдили, это несомнѣнно установлено прочитаннымъ на судѣ рапортомъ жандармскаго унтеръ-офицера отъ 2 января 1878 г. о результатахъ его выслѣживанія Кленова. 30 января утромъ, когда сес-

стеръ Виттенъ не было дома, шпионъ, при содѣйствіи хозяевъ, проникъ въ комнаты, которыя занимали Виттенъ, и безъ труда обнаружилъ, что тутъ—тайная типографія. Между прочимъ, на столѣ была съ вечера оставлена даже кѣмъ-то компрометтирующая насть бумага—«Голосъ честныхъ людей». Это былъ мотивированный, такъ сказать, подписной листъ. Въ воззваніи къ жертвователямъ указывалось на необходимость революціоннымъ путемъ добиваться кореннаго измѣненія русскаго государственнаго и соціалнаго строя. Подписи были девизныя или случайныя. Ковальскій, на-прим., подписалъ 1 р. подъ псевдонимомъ «Иванъ, непомнящій родства».

Нужно ли было жандармамъ получить непреложное доказательство тому, что въ квартирѣ Виттенъ производится печатанье прокламацій, или на самомъ дѣлѣ тогда жандармы еще не знали, что типографія—именно у Виттенъ,—я не могу сказать. Но достоверно извѣстно, что у жандармовъ были въ рукахъ еще болѣе важныя свѣдѣнія. Именно, начальникъ жандармскаго управленія, полк. Кюношъ, въ своихъ показаніяхъ, данныхъ на судебномъ слѣдствіи, говорилъ, что онъ зналъ, что пришедшіе для обыска могутъ встрѣтить вооруженное сопротивление, и что именно поэтому онъ послалъ на квартиру Виттенъ восемь нижнихъ чиновъ и при томъ—вооруженныхъ заряженными револьверами, въ то время какъ обыкновенно посылались на обыски человека 2 въ формѣ, съ незаряженными револьверами, остальные—переодѣтыми.

Вечеромъ 30 января мы собрались, по обыкновенію, у Виттенъ. Помню, по какому-то случаю Алексѣевъ былъ на этотъ вечеръ нами обложенъ данью въ размѣрѣ 1 бутылки краснаго вина. Стояла на столѣ и водка. Мы,—смѣло можно сказать!—мирно бесѣдовали, когда къ намъ, на 3 этажъ, осторожно, безъ шума, прокрадывались жандармы съ шт.-кап. Добродѣевымъ во главѣ...

Часть квартиры, занимаемая сестрами Виттенъ, отдѣлялась отъ помѣщенія, гдѣ жила квартирная хозяйка, передней и состояла изъ трехъ комнатъ въ рядъ: всѣ они выходили окнами на улицу, а въ средней комнатѣ былъ еще и балконъ. Въ крайней комнатѣ была спальня Виттенъ, въ средней—столовая и «гостиная» (съ піанино), а ближайшая къ сѣнямъ на половину была занята кроватью и вещами Мержановой, на половину же—пуста.

Мы сидѣли за столомъ въ средней комнатѣ и слишкомъ далеко были отъ мысли, что бѣда на носу. Чуть ли не ровно въ 9 час. вечера быстро распахнулась дверь изъ передней въ первую комнату и—завзякали шпоры девяти паръ жандармскихъ ногъ... Мы вскочили.

Не успѣли мы опомниться,—какъ два жандарма очутились у дверей, ведущихъ въ спальню Виттенъ, а другіе два—у ведущихъ изъ столовой въ комнату Мержановой. Въ этой же послѣдней комнатѣ толпилось еще 4 жандарма и нѣсколько штатскихъ—поятыхъ. Какъ мы узнали послѣ, въ числѣ послѣднихъ были и шпионы.

Не снимая пальто, съ фуражкой въ правой рукѣ и портфелемъ въ лѣвой, шт.-кап. Добродѣевъ обратился къ намъ съ вопросомъ, кто хозяинъ квартиры. Вѣра Виттенъ (Елены не было среди насъ) попробовала сначала уклониться; но, конечно, въ концѣ концовъ было констатировано, такъ сказать, тутъ же официально, что хозяйка—она. Шт.-кап. Добродѣевъ сказалъ ей, что получилъ приказаніе произвести здѣсь обыскъ.

Въ моментъ появленія жандармовъ въ квартирѣ Виттенъ находились: Вѣра Виттенъ, Ковальскій, Свитычъ, Алексѣевъ, Мержанова, Кленовъ и я.

Добродѣевъ снялъ пальто и усѣлся за столомъ у окна на улицу. Мы расположились у противоположной стѣны, отдѣляемые отъ Добродѣева преддиваннымъ столомъ.

Добродѣевъ, написавши начало протокола, сталъ по очереди каждого изъ насъ спрашивать объ имени, званіи и мѣстѣ жительства. Эта процедура заняла довольно много времени.

Помню моментъ, когда Ковальскій, уже будучи опрошенъ, стоялъ въ углу комнаты и, приложивъ пальцы рукъ къ губамъ, что-то усиленно соображалъ. Онъ говорилъ впеслѣдствіи, что въ эту минуту онъ рѣшилъ вопросъ, не выстрѣлить ли ему въ Добродѣева отсюда, и пришелъ къ заключенію, что это опасно, такъ какъ онъ могъ бы при этомъ ранить кого-нибудь изъ своихъ.

Что касается меня, то долженъ здѣсь сказать, что всегда представлялъ себѣ дѣло совершенно иначе. Я полагалъ, что мы должны были бы постараться не допустить жандармовъ войти въ комнату, отрывъ огонь. Стрѣлять же въ упоръ въ стоявшихъ уже въ комнатѣ жандармовъ я для себя считалъ въ ту минуту невозможнымъ. Поэтому мнѣ казалось, что дѣло нами проиграно, и я былъ подавленъ.

Свитычъ былъ болѣе подготовленъ, такъ какъ съ нимъ Ковальскому удалось переброситься нѣсколькими словами.

Когда личности всѣхъ насъ были установлены (Ковальскій имѣлъ паспортъ на имя Бончковскаго), и были записаны наши адреса, то Добродѣевъ заявилъ, что долженъ подвергнуть каждого изъ насъ обыску. Первымъ онъ подозвалъ Ковальскаго,—очевидно, у него были свѣдѣнія, что Ковальскій будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ случаѣ, если рѣшено оказать сопротивленіе.

Медленно подошелъ Ковальскій къ столу, у котораго сидѣлъ Добродѣевъ. Послѣдній всталъ.

Добродѣевъ, слѣдя за малѣйшими движеніями Ковальскаго, сталъ его спрашивать, нѣтъ ли при немъ «чего-нибудь».

Ковальскій, съ очевиднымъ расчетомъ выиграть время, сталъ переспрашивать, Добродѣевъ, держась на чеку, пояснялъ... Руками онъ дѣлалъ передъ собою мелкія движенія; казалось, онъ боится ихъ опустить, чтобы не открыть грудь и не увеличить разстоянія между ними и Ковальскимъ... Эти нѣсколько секундъ были чрезвычайно томительны.

Наконецъ, Ковальскій, запустившій тѣмъ временемъ руку подъ

пиджакъ, очевидно, успѣлъ уже не только вынуть изъ кабуры револьверъ, но и взвести курокъ, и медленно,—опять такъ стараясь отвлечь вниманіе Добродѣева и выиграть хотя бы еще секунду,— тихо произнесъ:

— Нѣтъ, ничего этого нѣтъ... А вотъ это есть...

При послѣднихъ словахъ, дуло его револьвера было уже направлено на Добродѣева, и звякнулъ курокъ: револьверъ далъ осѣчку.

Въ мгновеніе ока Добродѣевъ, крикнувъ: «жандармы! жандармы!», своею лѣвою рукою высоко кверху приподнялъ правую руку Ковальскаго, а правой рукою схватилъ его за волосы, и въ такомъ положеніи ринулся впередъ, опрокидывая столы. Лампа, стоявшая на столѣ, за которымъ сидѣли мы, и свѣча—на столѣ, на которомъ писалъ Добродѣевъ,—при паденіи на полъ опрокинулись и погасли. Тогда раздалась, послѣдовательно одинъ за другимъ два револьверныхъ выстрѣла. Это стрѣлялъ Свитычъ,—очевидно, вверхъ, такъ какъ иначе, несомнѣнно, среди жандармовъ были бы убитые или раненые, чего не случилось.

А въ углу, гдѣ шла борьба между Ковальскимъ и жандармами произошло слѣдующее.

Кто-то изъ жандармовъ успѣлъ вырвать револьверъ изъ рукъ Ковальскаго; воспользовавшись моментомъ, Ковальскій умудрился еще разъ запустить руку подъ пиджакъ и выхватить кинжалъ, которымъ ранилъ въ плечо жандармскаго унтеръ-офицера Телепенко, а Добродѣеву нанесъ ударъ въ лѣвый високъ Истекающаго кровью, офицера увели внизъ, съ Ковальскимъ же продолжали возиться жандармы. Онъ сопротивлялся, но безъ крика, и его оттащили въ переднюю, гдѣ онъ успѣлъ ранить кинжаломъ еще одного жандарма.

Тѣмъ временемъ я и Свитычъ, считая, что дѣло кончено, выбросили свои револьверы черезъ балконъ на улицу, а въ заднихъ комнатахъ кто-то успѣлъ уже зажечь свѣчи и лампы. Всѣ кинулись сжигать компрометирующія бумаги. Мы были увѣрены, что Ковальскаго уже увели.

Но не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ передней стали раздаваться отчаянные крики Ковальскаго. Я со Свитычемъ бросились туда: на полу бархатался Ковальскій, связываемый жандармами (они обрѣзали для этого шнуры своихъ револьверовъ). Какъ только я и Свитычъ показались на порогѣ передней, жандармы струсили и кинулись внизъ по лѣстницѣ. Чтобы оправдаться передъ начальствомъ, они упорно стояли на томъ, что въ нихъ были тутъ даны выстрѣлы. Впрочемъ, можетъ быть, со страху имъ дѣйствительно показалось, что въ нихъ стрѣляютъ.

Мы развязали Ковальскаго.

Несмотря на то, что во время борьбы Ковальскій жестоко поранилъ себя своимъ же кинжаломъ правую руку между большимъ и указательнымъ пальцами, онъ тутъ же заявилъ, что пойдетъ пробиваться. Онъ засучилъ правый рукавъ пиджака и взялъ кинжалъ. Свитычъ подобралъ брошенный жандармами тутъ, въ комнатахъ, револьверъ Ковальскаго и пошелъ поддержать его.

Пока мы продолжали уничтожать въ комнатахъ компрометирующія насъ вещи, со стороны лѣстницы послышался окрикъ Ковальскаго: «коли, стрѣлай!», шумъ, а затѣмъ и шесть послѣдовательныхъ выстрѣловъ. Ковальскимъ тутъ былъ раненъ въ спину кинжаломъ одинъ жандармъ и, пока онъ съ послѣднимъ боролся, его задержали и обезоружили другіе жандармы.

Разстрѣлявъ патроны (пулями были ранены три жандарма и дворникъ), Свитычъ поднялся наверхъ и сталъ помогать намъ въ уничтоженіи бумагъ и шрифта.

Минуты черезъ 2-3 мы услышали, что шумятъ уже на улицѣ: это жандармы тащили отчаянно сопротивлявшагося, избитаго и израненнаго Ковальскаго. Мы всѣ выскочили на балконъ и подняли ужасный крикъ, ругая жандармовъ и приглашая успѣвшую уже собраться публику помочь Ковальскому. Припоминаю, что, въ отвѣтъ на наши крики, жандармы снизу стрѣляли въ насъ.

Ковальскаго, конечно увезли.

А мы остались въ квартирѣ, осажденные жандармами и вызванными съ ближайшей гауптвахты отрядомъ солдатъ. Мы всѣ сбились въ задней комнатѣ и съ минуты на минуту ждали, что придутъ насъ забирать.

Нельзя не превлониться съ чувствомъ умиленія передъ настоячивостью, самоотверженностью и лично храбростью Ковальскаго,—этого перваго героя террористической эпохи русской революціи, при чемъ революціонеру въ первый разъ пришлось открыто поставить на карту, во время самаго совершенія террористическаго акта, свою жизнь, а въ качествѣ эпилога своихъ дѣйствій въ перспективѣ ожидать смертную казнь. Правда, если бы онъ проявилъ больше организаторскаго таланта до роковаго дня, да и въ самый моментъ руководи онъ дѣйствіемъ, то, конечно, не остались бы не использованными 4 заряда въ револьверѣ Свитыча (фактъ установленъ на слѣдствіи осмотромъ револьвера), а могъ оказать существенную поддержку,—и эффектъ получился бы гораздо болѣе сильный. Но и при этомъ нельзя не вспомнить, что предпріятіе Ковальскаго было первымъ въ своемъ родѣ по времени, и что если бы Ковальскій былъ на мѣстѣ А. Михайлова, и А. Михайловъ—на мѣстѣ Ковальскаго, то, можетъ быть, Ковальскому принадлежали бы тѣ слова завѣщанія А. Михайлова, которыя взяты мною въ качествѣ эпиграфа къ настоящей статьѣ, а первое вооруженное сопротивленіе, несмотря на общепризнанный выдающійся организаторскій талантъ А. Михайлова, прошло бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также не вполне безупречно съ технической стороны. Развитие техники подчиняется своимъ особымъ законамъ,—и это въ значительной степени опредѣляетъ характеръ дѣла рукъ человеческихъ, личныя же качества дѣятеля приводятъ сюда, лишь какъ одинъ изъ факторовъ. Но основныя черты характера Ковальскаго здѣсь вылились, какъ нельзя болѣе, рельефно: онъ возложилъ на себя обязанность—и свято, самоотверженно ее выполнилъ. Онъ настойчиво пускалъ, одно за другимъ, всѣ средства къ сопротивленію, какія только оказывались въ

его рукахъ въ ту или другую минуту, и не сложилъ оружія. Онъ успокоился только тогда, когда физически невозможно было уже сопротивляться. Въ этомъ—его величіе, какъ человѣка, и его заслуга передъ народомъ, какъ революціонера.

Считаю нужнымъ здѣсь именно подвести итоги тому, что сдѣлано Ковальскимъ, такъ какъ въ моментъ, когда его увезли въ тюрьму, въ сущности роль его была сыграна: на судѣ онъ выступаетъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

Итакъ, мы сидѣли и ждали.

Ждать намъ пришлось долго. 6—8 жандармовъ ¹⁾ и съ десятокъ солдатъ казались той стороной недостаточно сильной арміей для того, чтобъ взять безоружныхъ 5 человѣкъ, изъ которыхъ 2—женщины. Было послано за ротой солдатъ въ казармы, и потому-то намъ долго пришлось просидѣть въ томительной осадѣ.

Наконецъ, мы увидѣли, какъ солдаты, гуськомъ, одинъ за другимъ, бѣгутъ по другой сторонѣ улицы, оцѣпляя домъ, гдѣ мы находились.

Мнѣ припоминается, будто съ балкона мы кричали уже, что сдаемся. Но, впрочемъ, за достовѣрное этого не выдаю.

Но когда послышались отчаянные удары прикладами въ дверь изъ передней, то несомнѣнно мы, всѣ громко и много разъ заявляли, что сопротивляться аресту не будемъ. Очевидно, солдатъ смущало то обстоятельство, что дверь, по ихъ предположеніямъ, была заперта; можетъ быть, они даже думали, что мы забаррикадировались. На самомъ же дѣлѣ все сводилось къ тому, что дверь туго отворялась.

Видя, что съ дверью тамъ не могутъ сладить, мы со Свитычемъ направились въ первую комнату, чтобы отворить дверь. Счастье наше, что мы не успѣли дойти до двери: оба мы были бы несомнѣнно убиты, такъ какъ едва мы прошли среднюю комнату и вошли въ первую, дверь, подъ ударами прикладовъ, распахнулась—и раздался залпъ. Святыхъ приподнялъ ногу и оперся о стѣну: у него была прострѣлена нога пулею изъ солдатской винтовки навывлетъ. Я почувствовалъ, что меня будто палкой ударило по лѣвой ключицѣ, и истинетивно прижалъ руку къ раненому мѣсту.

Съ той стороны кричали, чтобы мы сдавались и выходили по одному съ поднятыми руками. Градоначальникъ гр. Левашевъ ругался, какъ извозчикъ. Съ нашей стороны неслись крики, что сдаемся и сопротивляться не будемъ.

Насъ стали выводить по одному, при чемъ съ каждой стороны жандармы держали насъ за руки. У всѣхъ жандармовъ были револьверы со взведенными курками.

Сначала насъ свели въ корридоръ второго этажа и произвели поверхностный обыскъ квартиры. А затѣмъ въ нашемъ присутствіи уже тщательно обыскивали каждый уголъ и каждую вещь.

---

¹⁾ На смѣну „выбывшимъ изъ строя“ жандармамъ явились новыя, которые до того были спрятаны въ засадѣ, на гауптвахтѣ.

Изъ двухъ раненыхъ Свитычъ, конечно, страдалъ гораздо болѣе меня: пуля, при выходѣ, вырвала кусокъ мяса съ ладонь величиною. Но, понятно, и я не особенно хорошо себя чувствовалъ съ зашвыгнутою въ ключицѣ пулею. Мы потребовали врача.

Былъ приглашенъ случайно проѣзжавшій по улицѣ военный врачъ г. Гузовскій, который наложилъ мнѣ и Свитычу первую повязку.

Для перевозки насъ въ тюрьму были вытребованы арестантскія кареты. Подъ большимъ конвоемъ, часамъ къ 3—4 ночи, доставили насъ къ тюрьмѣ. Старшему конвоиру было, очевидно, приказано предупредить тамъ, что есть два раненыхъ.

— Собакѣ—собачья смерть!—раздалось въ отвѣтъ со стороны тюремщиковъ,—и это было первое привѣтствіе, которымъ насъ встрѣтила тюрьма.

Тѣмъ не менѣе, Свитыча внесли въ камеру солдаты на рукахъ.

Меня помѣстили въ башню, Свитыча—въ общую палату тюремной больницы.

На утро мнѣ удалось проникнуть въ больницу, и я, сидя на постели Свитыча, разговаривалъ съ нимъ.

Между прочимъ,—помню,—на вопросъ, что насъ ждетъ, Свитычъ молча провелъ пальцемъ по шеѣ, желая сказать этимъ: «повѣсятъ!»

Въ то же утро меня позвали въ больницу къ доктору. Тамъ у меня была извлечена пуля, и на рану наложена форменная повязка.

Какъ я послѣ узналъ, за мною, по всей вѣроятности, не слѣдили, такъ какъ съ обыскомъ на мою квартиру пришли уже послѣ того, какъ я былъ захваченъ у Виттенъ. Производившій обыскъ, начальникъ конной жандармской команды, дѣлалъ свое дѣло съ необычайною злобностью. Такъ мнѣ передавали впоследствии мать и сестра. Какой-то пожилой товарищъ прокурора, присутствовавшій, по тогдашнимъ обычаямъ, при обыскѣ, оказался добродушнымъ человекомъ и относился къ дѣлу безучастно. Между прочимъ, онъ потихоньку сказалъ сестрѣ, что я арестованъ и что при арестѣ раненъ.

Наоборотъ, арестъ Афанасьевой былъ намѣченъ раньше. Къ ней пришли съ обыскомъ и ее арестовали еще до того, какъ мы были арестованы, и только на другой день мы узнали, что она также арестована.

Насъ допрашивали на другой же день вечеромъ. По странной случайности, товарищемъ прокурора, присутствовавшимъ при допросѣ, оказался бывшій воспитатель въ пансіонѣ при Ршмельевской гимназіи, гдѣ я жилъ, будучи гимназистомъ. Во время допроса какъ-то обнаружилось, что онъ меня знаетъ.

— А вы его знаете?—спросилъ допрашивавшій начальникъ жандармскаго управленія, полк. Кнопъ.

Товарищъ прокурора подтвердилъ. Какъ мнѣ показалось, онъ умышленно старался самъ обнаружить это,—повидимому, чтобы предупредить жандармовъ и не дать имъ права заподозрить, что онъ имѣлъ основаніе скрывать о своемъ знакомствѣ со мною.

Помню, что когда Кнопъ зачѣмъ-то вышелъ, то мы съ этимъ

товарищемъ прокурора повели бесѣду. Онъ мнѣ сказалъ, что, судя по тому, что выяснилось, меня ждетъ не очень строгое наказаніе.

Замѣчу здѣсь кстати, что въ присутствіи этого же товарища прокурора (и въ моемъ) пересматривались захваченныя у меня бумаги. Онъ просматривалъ и передавалъ жандарму для уничтоженія. Но какой-то жандармскій офицеръ, изъ любви къ искусству, вторично разсматривалъ тѣ же бумаги и два раза обращался къ полк. Кноппу съ заявленіемъ, что тутъ говорится о «пропагандѣ» и что нужно бы сохранить кое-что. Товарищъ прокурора каждый разъ утверждалъ, что все это—бумаги личнаго и отчасти интимнаго характера, но что если есть сомнѣніе, то онъ ничего не имѣетъ противъ просмотра ихъ жандармами. Кнопшъ отвѣчалъ, что разъ товарищъ прокурора бумаги просматривалъ и не нашелъ въ нихъ ничего важнаго, то, значить, нечего ихъ и просматривать вторично.

Долженъ сказать, что хотя въ бумагахъ не все относилось къ личной и интимной перепискѣ (рѣчь шла, между прочимъ, въ одной серіи писемъ, дѣйствительно, и о пропагандѣ), но въ нихъ ничего не было такого, что компрометтировало бы меня больше, чѣмъ то, что уже было добыто слѣдствіемъ независимо отъ этихъ бумагъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ рокового для насъ дня былъ арестованъ Эдмундъ Ивановичъ Студзинскій. Онъ всецѣло примыкалъ къ кружку Ковалевской и Дебагорія, и изъ насъ почти никто съ нимъ не былъ даже знакомъ. Но такъ какъ жандармы не знали, куда его дѣть, и обнаружена была чисто внѣшняя связь его съ нашимъ кружкомъ ¹⁾, то дѣло о немъ соединили съ нашимъ. И онъ, дѣйствительно, судился съ нами, благодаря чему пострадалъ гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы пострадать при другихъ обстоятельствахъ.

Что мы будемъ преданы военному суду,—въ этомъ никто, конечно, не сомнѣвался. Но надо было изобрѣсти еще что-нибудь. И вотъ издается распоряженіе, что жандармы, встрѣчающіе, при исполненіи обязанностей, вооруженное сопротивленіе, приравняются во всѣхъ случаяхъ къ военному караулу, а нападеніе на караулъ, по закону, карается тяжеле, нежели нападеніе на обыкновенный воинскій отрядъ. Сначала это распоряженіе (о нелѣпости этого положенія съ юридической точки зрѣнія я не говорю) насъ не потревожило: законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Но затѣмъ оказалось, что это—не законъ, а «разъясненіе» закона, каковое имѣетъ и обратную силу.

Вообще, за время слѣдствія и сидѣнія до суда настроеніе наше мѣнялось нѣсколько разъ: то намъ казалось, что къ намъ отнесутся легко, то насъ угнетала мысль, что мы будемъ наказаны очень жестоко. Эти измѣненія отчасти объяснялись ходомъ слѣдствія; но въ значительной степени, я думаю, играло здѣсь роль и самовнушеніе, передававшееся отъ одного къ другому.

¹⁾ Намъ готовили побѣгъ, и у Студзинскаго были найдены записки изъ тюрьмы Ковальскаго, Афанасьевой и Святѣча.

Помню, что наше настроеніе передъ самымъ судомъ было очень тягостное. Мы были увѣрены, что насъ засудятъ.

Не могу забыть ночи наканунѣ открытія судебного засѣданія.

Я былъ совершенно убѣжденъ, что буду приговоренъ къ разстрѣлянiю. Я мысленно прощался съ жизнью, съ близкими, и одно лишь желаніе покрывало остальные: я желалъ твердо и мужественно встрѣтить смерть. Я прислонился къ стѣнѣ и старался представить себѣ, какъ я себя чувствовалъ бы, если бы передо мною выросли 12 солдатъ съ наведенными на меня ружьями. Всѣми силами стараюсь вызвать въ себѣ ощущеніе близости смерти, я надѣялся этимъ путемъ подготовить себя къ предстоящему испытанію. Написалъ я и прощальное письмо къ роднымъ.

Чтобы покончить съ этимъ, скажу, что на судебномъ слѣдствіи сначала наши надежны открылись; но подъ конецъ, во время пренія сторонъ, для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что одного-двухъ приговорятъ къ смерти, а остальнымъ каторги не миновать. И наши защитники тогда уже не особенно старались поддерживать въ насъ розовыя надежды.

На время суда, чтобы не возить ежедневно изъ тюрьмы въ судъ и обратно, насъ перевели въ маленькія камеры при военно-окружномъ судѣ.

Перевозили насъ подъ непомѣрно-усиленнымъ конвоемъ. Въ тюремныя кареты были впряжены пожарныя лошади, и мчали насъ, буквально, какъ на пожаръ. Наши кареты оцѣплены были сотнею какихъ-то казаконъ-башкировъ на лошадяхъ, съ пиками, при чемъ дверцы каретъ были отворены, и казаки чуть не въ самую карету вставили свои пики. Это объяснялось боязнью, что будетъ сдѣлана попытка насъ освободить. О томъ, что революціонеры вооружаются по случаю суда надъ нами, до жандармовъ дошли слухи.

Первоначально намъ назначены были казенные защитники. Но бѣдные «кандидаты на военно-судебныя должности» не знали даже, какъ имъ и быть. Совѣсть у нихъ, конечно, кой какая была,—а вмѣстѣ съ тѣмъ они ясно сознавали, что ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать для облегченія нашей участи. На ихъ счастье, не задолго до суда была получена изъ Петербурга телеграмма, что ѣдутъ къ намъ присяжные повѣренные Григорій Васильевичъ Бардовскій и Дмитрій Васильевичъ Стасовъ. Къ нимъ присоединились и два одесскихъ адвоката: присяжные повѣренные Рихтеръ и Слѣпневъ ¹⁾. Такимъ образомъ, въ услугахъ гг. кандидатовъ на военно-судебныя должности надобность уже миновала. Какъ были обрадованы бѣдняги,—и сказать не умѣю.

Процессъ длился 5 дней,—съ 19 по 24 іюля.

На судъ предстали всѣ арестованные 30 января, т. е. всѣ бывшіе въ этотъ вечеръ въ квартирѣ Виттенъ, за исключеніемъ Алек-

---

¹⁾ Защищали: Г. В. Бардовскій—Ковальскаго и Свйтча, Д. В. Стасовъ—меня и Кленова, г. Рихтеръ—Афанасьеву, Витенъ и Мержанову, и г. Слѣпневъ—Студзинскаго.

сѣва и Афанасьева, а также Студзинскій. Алексѣевъ былъ освобожденъ до суда за полнымъ отсутствіемъ уликъ, и фигурировалъ на нашемъ процессѣ въ качествѣ свидѣтеля. Впрочемъ, быть можетъ, у слѣдственной власти были и кое-какія положительнаго характера данныя для освобожденія Алексѣева отъ суда. Объ этомъ скажу ниже.

Въ политическихъ процессахъ подсудимые и защита могутъ различнымъ образомъ ставить дѣло.

Можно всѣ силы направить единственно на то, чтобы уменьшить тяжесть обвиненій и, соотвѣтственно съ этимъ, облегчить участь подсудимыхъ. Можно, наоборотъ, не стараясь умалить значеніе фактовъ, воспользоваться процессомъ, если не для пропаганды идей, руководящихъ революціонерами, то для критики существующаго порядка и для оправданія необходимости примѣненія революціонныхъ пріемовъ борьбы.

Какой характеръ носилъ на себѣ нашъ процессъ?

Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что характеръ этотъ былъ довольно неопредѣленный, — что мы не слѣлись, — что, наконецъ, самъ Ковальскій, такъ блестяще выполнившій первую часть задачи, т. е. актъ вооруженнаго сопротивленія, — истина заставляеть меня сказать и это, — на судѣ растерялся; — что поэтому мы не руководили защитой, а, наоборотъ, шли за нею. Относительно товарищей по процессу я не имѣю опредѣленныхъ свѣдѣній; но о себѣ скажу, наприм., что отъ произнесенія приготовленнаго еще въ тюрьмѣ «послѣднаго слова» меня отговорили, а то «послѣднее слово», которое я началъ на судѣ, мнѣ не удалось окончить, такъ какъ меня остановили свои же. Между тѣмъ, въ первомъ я проводилъ мысль, что считаю судъ въ настоящемъ его видѣ пустой комедіей, а во второмъ, — что до поведенія, которое является предметомъ судебного разбирательства, мы были доведены самою администраціею и правительствомъ.

Въ общемъ, очень много времени и силъ было и нами, и защитниками отдано на оспариваніе данныхъ, довольно прочно установленныхъ предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями, — такъ много силъ и въ такой формѣ, что можно было предположить въ насъ желаніе доказать, что никакого сопротивленія вовсе даже и не было.

Вспоминаю два слѣдующихъ факта.

Когда рѣчь зашла о томъ, что револьверъ Ковальскаго далъ осѣчку, т. е. что Ковальскій, значить, имѣлъ намѣреніе выстрѣлить въ Добродѣева, то прис. пов. Бардовскій ухватился за неточное выраженіе свидѣтеля (шпіона) и, сбивая его вопросами, сталъ наводить на мысль, что это, можетъ быть, была не осѣчка, а просто лягъ желѣза о желѣзо. Этимъ имѣлось въ виду представить дѣло въ такомъ видѣ: заподозривъ, что въ него хотятъ выстрѣлить, Добродѣевъ кинулся на Ковальскаго, жандармы — за нимъ, — и Ковальскій былъ поставленъ въ положеніе законной самообороны, или, по крайней мѣрѣ, въ такія условія, при которыхъ дальнѣйшія его

дѣйствія являются заслуживающими лишь слабого наказанія ¹⁾. Но попросилъ слова обвинитель, товарищъ прокурора,—и, конечно, въ 2 минуты поставилъ свидѣтеля въ возможность доказать съ полною очевидностью, что была именно осѣчка.

Это одно. А вотъ другое.

Не отрицая, что, когда погасли лампы, въ комнатѣ раздалась два выстрѣла, защитники старались привести судей къ сознанию, что выстрѣлы могъ произвести и кто-нибудь изъ жандармовъ или шпіоновъ. Когда же было установлено, что это не были выстрѣлы изъ казенныхъ револьверовъ, то сдѣлали попытку доказать, что револьверъ Кольта лежалъ на этажеркѣ, и его-то могъ взять кто-либо изъ пришедшихъ для обыска и дать выстрѣлы ²⁾.

Болѣе мелкихъ случаевъ, могущихъ доказать справедливость моихъ словъ, было не мало ³⁾.

Надо добавить къ этому, что Студзинскій все время держался нѣсколько въ сторонѣ, и что въ процессѣ участвовали и лица, которыя, въ глазахъ судей, казались мало интересующимися революціей вообще.

Тѣмъ не менѣе я оскорбилъ бы нынѣ здравствующаго Д. В. Стасова и память Бардовскаго (несчастный сошелъ съ ума), если бы не добавилъ къ сказанному, что оба они сражались за насъ какъ львы, и произнесли, во время пренія сторонъ, замѣчательныя рѣчи. Бардовскій началъ свою огневую рѣчь словами; «за мной стоитъ человекъ, дни котораго сочтены обвиненіемъ...» и продолжалъ взывать къ чувству человѣколюбія судей. Д. В. Стасову, по распредѣленію ролей, пришлось разбирать фактическія данныя, служившія прокурору основаніемъ къ обвиненію,—и, конечно, силу его логическихъ построеній, убѣдительность его доводовъ и практическихъ соображеній долго, вѣроятно, помнилъ обвинитель. Обѣ рѣчи произвели сильное впечатлѣніе.

Одесскіе адвокаты, конечно, далеко уступали своимъ петербургскимъ коллегамъ въ силѣ таланта; но и они сдѣлали все, что могли, для облегченія грозившаго намъ наказанія.

Во время суда мы, конечно, имѣли около себя стулья, на которыхъ и сидѣли, когда не приходилось обращаться къ суду. Послѣ совѣщанія судей передъ вынесеніемъ резолюціи, продолжавшагося съ 2 час. дня до 8 ч. 45 м. вечера, мы на мѣстахъ, предназначенныхъ для подсудимыхъ, уже не нашли стульевъ: насъ приказано было удалить немедленно же по прочтеніи резолюціи.

Какъ только раздалась слова: «къ смертной казни черезъ разстрѣляніе», съ Афанасьевой сдѣлалась истерика, и она стала кричать: «Шемякинъ судъ! убійцы!» и т. п. На нее кинулся офицеръ,

¹⁾ На этой точки зрѣнія во все время суда, а отчасти—и на слѣдствіи, стоялъ и самъ Ковальскій.

²⁾ И здѣсь самъ Свистичъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія во время суда и слѣдствія.

³⁾ См. нашъ процессъ, разсказъ,—въ особенности: первое показаніе Ковальскаго на судѣ и его „последнее слово“,—рѣчь прис. пов. Рихтера, и др.

насилъно отстранившій отъ нее и меня, когда я подошелъ къ ней, чтобы ее успокоить. Всѣ остальные стали заявлять, что желаютъ обжаловать приговоръ. Но предсѣдатель, а за нимъ и судьи, стали быстро удаляться изъ залы, отвѣчая намъ на ходу.

Дѣло въ томъ, что ожидали демонстраціи, а судьи, кромѣ того, боялись, можетъ быть, что въ нихъ изъ публики полетятъ пули.

Какъ извѣстно, демонстрація дѣйствительно была. По условію, присутствовавшій въ залѣ Николай Ивановичъ Миролюбовъ долженъ былъ, въ случаѣ вынесенія смертнаго приговора, столкнутъ на улицу стоявшій на окнѣ графинъ съ водой. Онъ такъ и сдѣлалъ. Тогда изъ толпы, окружавшей зданіе суда, раздались въ войска нѣсколько выстрѣловъ, при чемъ было двое убитыхъ и двое раненыхъ, но не изъ войска, а изъ публики ¹⁾.

Всѣ эти подробности я узналъ, конечно, впоследствии. А когда, послѣ прочтенія приговора, насъ сводили внизъ, въ наши камеры, то до меня донеслись торопливые разговоры о «раненыхъ», о томъ, что ихъ куда-то уносятъ. Тутъ же, будучи посажены въ камеры, мы слышали отъ караульнаго офицера, что произошла вооруженная демонстрація, принесшая съ собою жертвы. Офицеръ прибавлялъ, что, не будь этого Ковальскаго, командующій войсками помиловалъ бы, а теперь—разстрѣляютъ! Конечно, это—однѣ отговорки: разстрѣлить Ковальскаго было предрѣшено.

Онъ, очевидно, сознавалъ это, и тревожнымъ голосомъ, въ которомъ такъ слышалось страстное желаніе жить, спрашивалъ меня, какъ я думаю, разстрѣляютъ его или нѣтъ? Я сказалъ, что ему, вѣроятно, будетъ замѣнена смертная казнь каторгой, но, конечно, я хорошо сознавалъ, что безъ разстрѣла дѣло не обойдется...

На другой день наши камеры обшелъ товарищъ прокурора, поддерживавшій обвиненіе на судѣ. Онъ намъ говорилъ, что командующій войсками имѣетъ власть не только смягчать приговоры, но и пользуется правомъ помилованія. Конечно, никому изъ насъ и въ голову не приходило дѣлать въ этомъ направленіи какіе-нибудь шаги. Помню, я рѣшительно, хотя и въ мягкихъ формахъ, заявилъ ему, что ни съ какими просьбами никуда обращаться не стану.

Тутъ же, т. е. еще въ камерѣ при судѣ, я распрощался со своимъ защитникомъ, Д. В. Стасовымъ. Онъ меня старался поддержать, — онъ говорилъ, что я еще очень молодой человекъ и что передо мной будущее. Упадка духа я въ себѣ не ощущалъ, но все же сказалъ Д. В. Стасову, что считаю свою пѣсенку спѣтою. На дняхъ, встрѣтившись съ Д. В. въ Петербургѣ, я напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ и долженъ былъ сознаться, что онъ былъ правъ. Какъ ни уродливо сложилась моя жизнь, но все же оказалось далеко не вѣрнымъ, что 28 лѣтъ тому назадъ моя пѣсенка была уже спѣта.

Приговорены мы были такъ: Ковальскій—къ разстрѣлію, Сви-

---

¹⁾ См. 2 статьи, озаглавленныя „Одесса во время суда надъ Ковальскимъ“ въ №№ 2 и 5 „Земли и Воли“. Перепечатаны въ книгѣ Базилевскаго „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“. Ред.

тыть—на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, я—къ 6 годамъ, а по несовершеннолѣтію—къ 4. Студзинскій и Кленовъ—къ 4 годамъ, Афанасьева и Вѣра Виттентъ—къ ссылке въ Сибирь на житье, Мержанова—къ 3 недѣльному аресту.

Насъ перевезли въ тюрьму съ такими же предосторожностями, какъ везли и на судъ: тюремныя кареты, запряженныя пожарными лошадьми, сотня казаковъ, да еще, на этотъ разъ, — и разставленные на пути патрули: теперь уже у администраціи были реальныя основанія опасаться вооруженной демонстраціи. Ожидали, можетъ быть, и попытки къ освобожденію насъ, или, по крайней мѣрѣ, одного Ковальскаго.

Посадили насъ на этотъ разъ въ подвальный этажъ,—Свитыча съ Ковальскимъ, меня—съ Кленовымъ, а Студзинскаго—отдѣльно.

Утромъ 2 августа меня перевели къ Свитычу.

— Что сей сонъ означаетъ?—обратился я,—помню,—къ Свитычу съ улыбочкой, входя, въ его камеру и здороваясь.

— Ивана разстрѣляли!—мрачно отвѣтилъ мнѣ Свитычъ.

У меня сжалось сердце. Я невольно оглянулъ помѣщеніе, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ находился еще нашъ дорогой, теперь погибшій товарищъ. Конечно, выраженіе: «его духъ виталъ надъ нами» какъ нельзя болѣе примѣнимо для характеристики того состоянія, въ которомъ весь день находились я и Свитычъ...

Вечеромъ смотритель тюрьмы принесъ бумагу, гдѣ говорилось, что намъ объявлено о конфирмаціи приговора надъ нами командующимъ войсками, и мы подписали эту бумагу.

Черезъ нѣкоторое время онъ явился опять, и съ заявленіями, какъ *это* ему неприятно, предложилъ намъ снять собственное платѣ и надѣтъ арестантское. Я все еще какъ будто не могъ уразумѣть смыслъ происходящаго и спросилъ, нужно ли и болѣе снимать. Смотритель сказалъ, что нужно. А тутъ въ корридорѣ звякнули и кандалы въ рукахъ стражи... Все сдѣлалось ясно!

Съ новыми заявленіями, какъ это ему неприятно, смотритель позвалъ въ камеру кузнеца...

Черезъ 5 минутъ я былъ форменный каторжникъ,—во всемъ, до нитки, казенномъ арестантскомъ одѣяніи, съ кандалами на ногахъ.

Замѣчательная психологическая подробность: спустя немного времени по уходѣ смотрителя я уснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Конечно, долго спать мнѣ не пришлось.

Въ третій разъ пришелъ смотритель и повелъ вонъ изъ камеры. Подъ громаднымъ карауломъ (хотя разстояніе пустяковое) насъ, четырехъ каторжанъ,—Свитыча, Кленова, Студзинскаго и меня,—доставили на вокзалъ и усадили въ вагонъ подъ конвоемъ жандармовъ съ офицеромъ во главѣ.

Съ локомотива раздался свистокъ,—поѣздъ тронулся...

«Процессъ Ковальскаго» прошелъ всѣ стадіи развитія ¹⁾.

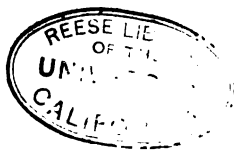
¹⁾ Къ лицамъ, имѣющимъ фотографическую карточку Ковальскаго, обращаемся съ покорнѣйшею просьбою прислать намъ копію съ нея или оригиналъ для пересылки, который будетъ затѣмъ немедленно возвращенъ по принадлежности. *Ред.*

**Михаил Васильевич
БУТАШЕВИЧЪ-ПЕТРАШЕВСКІЙ.**

(Съ карточки, сдѣланной въ Мерчинскѣ около 1855 года).

Передамъ вкратцѣ, что знаю, о дальнѣйшей судьбѣ членовъ кружка Ковальскаго.

Насъ, четырехъ каторжанъ, держали до 11 ноября 1880 года въ Новобѣлгородской центральной каторжной тюрьмѣ (близъ Харькова), послѣ чего, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе дурного вліянія, оказываемаго на состояніе здоровья заключенныхъ въ этой тюрьмѣ условиями содержанія, мы, вмѣстѣ со всѣми товарищами по заключенію, были высланы въ Сибирь.

Насъ привезли сначала во Мценскую пересыльную для политическихъ тюрьму, гдѣ мы сидѣли до весны 1881 г., когда отправили насъ, наконецъ, въ Сибирь. Тогда былъ возбужденъ вопросъ, засчитывать ли время, проведенное въ пути, въ срокъ пребыванія на каторгѣ. И хотя изъ насъ Кленову, мнѣ и Студзинскому въ дѣйствительности окончился срокъ каторжныхъ работъ еще въ то время, какъ мы сидѣли въ Иркутской тюрьмѣ, но, вслѣдствіе нерѣшенности этого вопроса, насъ погнали дальше, на Кару. Здѣсь, по дѣлу о побѣгѣ изъ Карійской тюрьмы весной 1882 г., насъ, вмѣстѣ съ остальными карійцами, отдали подъ судъ за пособничество бѣжавшимъ. Хотя къ тому времени выяснилось, что мы трое уже окончили срокъ каторги, но насъ продолжали держать въ Карійской тюрьмѣ на положеніи каторжниковъ, и даже примѣнили мѣру, которую можно было примѣнить только къ каторжникамъ, — обрили половину головы. По закону, — какъ странно звучать еще до сихъ поръ и даже именно въ настоящую минуту эти слова! — насъ на время слѣдствія должны были бы перевести въ общую тюрьму и содержать на положеніи подсѣдственныхъ. Весною 1883 г. насъ троицъ, т. е. Кленова, Студзинскаго и меня, перевели на поселеніе.

Слѣдуетъ принять во вниманіе то, что, по Уставу о ссыльныхъ, за обычными сокращеніями послѣ перевода каторжниковъ въ разрядъ испытуемыхъ, намъ троицъ приходилось выйти на поселенье черезъ 2½ года по вступленіи приговора въ законную силу, вмѣстѣ 4 лѣтъ, на которыя мы были осуждены. На самомъ же дѣлѣ мы не только не воспользовались узаконенными сокращеніями, но были на каторгѣ почти годомъ больше срока, назначеннаго судомъ.

До сихъ поръ обществу было извѣстно, что административнымъ порядкомъ посылаютъ на извѣстный срокъ въ ссылку. А вотъ вамъ случай, когда въ томъ же административномъ порядкѣ человѣкъ дѣлается каторжникомъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ — поселенецъ. Это, даже въ практикѣ вмѣшательства русской администраціи въ постановленія суда, чрезвычайно рѣдкій, если не единственный случай.

Кленовъ былъ оставленъ въ Верхоленскѣ, а я со Студзинскимъ очутились въ Якутской области. Впрочемъ, Кленова скоро, за какую-то (не помню, какую именно) исторію перевели къ намъ въ Якутскую область, а еще раньше того къ намъ же былъ присланъ съ Кары и Свитычъ.

Одинъ за другимъ мы выѣхали изъ Якутской области въ Иркутскъ, — первыми Свитычъ, Кленовъ и Студзинскій, а я — послѣднимъ. Наоборотъ, въ Россію попалъ я первымъ (въ 1897 г.), за

мною—Кленовъ, а затѣмъ—и Свитычъ. Студзинскій остался въ Сибири (живетъ теперь въ Забайкальѣ).

Сосланная на житье Афанасьева была одно время въ Красноярскѣ, затѣмъ попала въ Якутскую область, оттуда, подвигаясь на западъ, добралась и до Россіи, гдѣ находится и въ настоящее время.

Вѣра Виттенъ также въ Россіи. На поселеніи она была въ западной Сибири.

Мержанова, отсидѣвши 3 недѣли въ тюрьмѣ по приговору суда, вскорѣ была арестована и выслана административно въ Минусинскъ, а оттуда, за какую-то исторію,—въ Абаканскъ. Теперь уже давно живетъ въ Одессѣ.

Судьба арестованнаго съ нами, но выпущеннаго до суда Алексѣева, какая-то странная. Не знаю, когда именно, но онъ принялъ... священство. Сестра моя мнѣ рассказывала, что онъ послѣ этого встрѣчался съ товарищами и жаловался, какъ тяжело быть священникомъ безъ полной религіозной вѣры. Вообще здѣсь что-то или окончателно нелѣпое, или глубоко-трагическое. Вотъ почему я и свазалъ выше, что, быть можетъ, у судебной власти были и положительныя основанія къ освобожденію его отъ суда по нашему дѣлу. Онъ уже давно умеръ ¹⁾.

Изъ непривлекавшихся по нашему процессу членовъ кружка Елена Виттенъ была осуждена впоследствии по другому дѣлу на каторгу и тамъ, разстроивъ въ конецъ и безъ того слабую свою нервную систему, умерла.

Акимовъ былъ арестованъ вскорѣ послѣ нашего процесса и, будучи совершенно больнымъ еще на волѣ, умеръ въ тюрьмѣ (въ Одессѣ, въ такъ называемомъ «№ 5», т. е. въ казармахъ, отведенныхъ для содержанія политическихъ арестантовъ).

Беверлей былъ арестованъ вскорѣ послѣ нашего процесса и сидѣлъ въ Кіевѣ. При попыткѣ къ побѣгу изъ Кіевской тюрьмы былъ убитъ часовымъ.

Галина Чернявская, кажется, ни разу не была арестована, хотя и продолжала революціонную дѣятельность въ рядахъ партіи Народной Воли. Теперь она, въ качествѣ эмигрантки, живетъ за границей. Впрочемъ, о ней я давно не имѣю свѣдѣній.

Судьба Южаковой—трагическая. Будучи осуждена и выслана въ Западную Сибирь, она тамъ сдѣлала попытку къ побѣгу. Побѣгъ не удался, и ее приговорили къ высылкѣ въ Якутскую область. Вместе съ нею сосланъ былъ и рабочій Бачинъ, который помогалъ ей въ устройствѣ побѣга. Они были въ супружескихъ отношеніяхъ. Бачинъ—человѣкъ съ почти ненормальной психикой. Въ Якутской области, на почвѣ ревности, скорѣй не какъ къ женщинѣ, а какъ къ интеллигентному человѣку и «генеральской дочкѣ», совершилось

¹⁾ Интересно отмѣтить, что одна изъ его сестеръ, Анна, будучи въ ссылкѣ (въ Верхотенскомъ округѣ), вышла замужъ за священника-миссіонера.—Другая сестра, Александра, также вращавшаяся въ радикальныхъ кружкахъ, еще до нашего ареста стала отдаляться отъ дѣла. Она умерла вскорѣ послѣ нашего осужденія, очень молодою дѣвушкой.

ужасное дѣло: Бачинъ убилъ Южакову, а самъ, будучи отъианъ за это подь судъ и посаженъ въ Якутскую тюрьму, черезъ мѣсяць покончилъ съ собою¹⁾

Миролюбовъ былъ въ административной ссылкѣ въ Минусинскѣ, а затѣмъ—въ Абаканскѣ. Возвратился въ Россію дѣтъ 15 тому назадъ и въ 1904 г., въ Одессѣ, покончилъ самоубійствомъ.

Левандовская (по мужу—Бѣловонская) была въ ссылкѣ въ Сибири (я ее видѣлъ въ Красноярскѣ въ 1881 г.), а теперь давно въ Россіи.

Христина Гринбергъ и Фани Морейнисъ судились и теперь обѣ въ Россіи.

Я—участникъ дѣла, о которомъ пишу. И было бы съ моей стороны непростительною смѣлостью—облачаться въ тогу историка. Поэтому я прошу смотрѣть на эту статью, только какъ на личныя воспоминанія участника. Возможно, что въ ней встрѣчаются даже фактическія неточности, не говоря о неполнотѣ. Исправить ихъ и дополнить мой рассказъ—дѣло историка, котораго ждетъ процессъ Ковальскаго, какъ и все русское революціонное движеніе.

Еще два слова. Русская революція—слишкомъ великое историческое дѣло, она играетъ роль крупнаго фактора въ развитіи мировыхъ событій. Мелочи, характеризующія отдѣльныхъ лицъ, дѣльныя группы дѣятелей, моменты и т. д., не умалять и не усиливать значенія крупнѣйшихъ, единственно важныхъ фактовъ нашей великой революціи. Вотъ почему я считалъ излишнимъ скрывать отъ читателей что-либо, за исключеніемъ того, что не имѣетъ общественаго значенія.

Н. Виташевскій.

Петербургъ, 3 февраля 1906 г.

---

¹⁾ Бачинъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей „Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ“, который, какъ извѣстно, задавался цѣлью вести дѣло безъ содѣйствія интеллигенціи.—Я встрѣтился съ Бачинимъ въ Иркутской тюрьмѣ зимою 1881—1882 гг., передъ отправкою его въ Якутскую область, и могъ убѣдиться, что если раньше онъ раздѣлялъ только взглядъ своихъ товарищей по „Союзу“ на необходимость для рабочихъ устраиваться своими собственными силами, то затѣмъ перешелъ къ недружелюбному, — чтобы не сказать враждебному, — отношенію къ интеллигенціи и къ „бѣдой кости“. Трагедія, о которой я говорю въ текстѣ, разыгралась въ томъ же 1882 году и не позже первой половины слѣдующаго, такъ какъ я пріѣхалъ въ Якутскую область въ концѣ іюля 1883 года, а тогда уже не было въ живыхъ не только Южаковой, но и Бачина.

Къ исторіи дѣла Петрашевскаго.

I

Переписка Николая Павловича съ шефомъ жандармовъ А. Θ. Орловымъ.

Извѣстно, что наблюденія за Петрашевскимъ и его кружкомъ начались очень рано и притомъ одновременно съ двухъ сторонъ: министра внутреннихъ дѣлъ и III Отдѣленія. Наблюденія продолжались цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ. Черезъ своихъ агентовъ правительство знало все, что говорилось на ихъ собраніяхъ. Наконецъ, въ срединѣ апрѣля 1849 года правительство рѣшило ликвидировать «дѣло», оформить его и произвести аресты. Такимъ образомъ, въ теченіе 13 мѣсяцевъ пламенные фурьеристы мечтали о лучшемъ будущемъ, о переустройствѣ[•] всего соціального строя, не подозревая, что они совершаютъ государственное преступленіе, и что каждое ихъ слово дѣлается извѣстнымъ.

21 апрѣля шефъ жандармовъ А. Θ. Орловъ представилъ Николаю Первому обзоръ всего дѣла, списки участвующихъ и планъ ихъ арестовъ. Эти документы А. Θ. Орловъ сопровождалъ слѣдующей запиской:

Посылаю Вашему Величеству записки объ извѣстномъ дѣлѣ, изъ которыхъ Вы изволите усмотрѣть:

1-е, обзоръ всего дѣла, 2-е, три тетради съ именнымъ спискомъ участвующихъ, и съ описаніемъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, и съ означеніемъ ихъ жительства.

Въ обзорѣ Вы изволите усмотрѣть удобнѣйшее средство къ арестованію виновныхъ. Предложеніе это будетъ исполнено, ежели Ваше Величество не сдѣлаете какихъ-либо измѣненій.

По моему мнѣнію, это вернѣйшее и лучшее средство.

Долгомъ считаю присовокупить, что ежели Вы удостоите предположеніе мое Вашимъ утвержденіемъ, то Высочайшая воля Ваша насчетъ Кропотова¹⁾ должна измѣниться, а потому не прикажете ли доставить его къ Вашему Величеству 23 апрѣля въ 7 часовъ утра или въ другое Вамъ угодное время.

21-го апрѣля.

Гр. Орловъ.

¹⁾ Кропотовъ—перваго кадетскаго корпуса поручикъ.

Государь положилъ свою резолюцію не на этой запискѣ Орлова, а на другой, въ которой графъ писалъ:

«Я сейчасъ воротился изъ штаба, гдѣ всѣ распоряженія при мнѣ сдѣланы и завтра исполнятся, когда получу разрѣшеніе Вашего Величества».

Именно на этой запискѣ читаемъ слѣдующія характерныя строки, набросанныя Николаемъ I.

«Я все прочелъ; дѣло важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно въ высшей степени преступно и нестерпимо.

«Приступить къ арестованію, какъ ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будетъ разгласки отъ такого большого числа лицъ на то нужныхъ».

«Набокова впередъ не увѣдомляй, а гораздо лучше тогда ему дать знать, прямо отъ меня, что и сдѣлай».

«Кропотова я вытребую отъ тебя, когда уже всѣ будутъ взяты».

«Съ Богомъ! да будетъ воля Его!»

Въ самый послѣдній моментъ явилось подозрѣніе, что можетъ пойти ледъ, разведутъ мосты, и, такимъ образомъ, комендантъ крѣпости Набоковъ не будетъ извѣщенъ объ арестахъ. Дубельтъ сообщилъ Орлову о своихъ сомнѣніяхъ.

«Лду на Невѣ нѣтъ, мостъ наведенъ, и мостовые увѣряютъ, что сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ, въ теченіе ночи, не прекратится».

«Я отправляю отношеніе къ Набокову, ежели чуть-чуть будетъ подозрѣніе, что мостъ разведутъ».

Гр. Орловъ сдѣлалъ на этомъ докладѣ слѣдующую помѣтку:

«Справедливо по отношенію къ Набокову. Не лучше ли передать Куцынскому, чтобъ онъ его употребилъ, ежели мостъ разведутъ, и ежели нѣтъ, то воротилъ бы тебѣ назадъ».

«Дай Богъ во всемъ успѣха!»

Итакъ, благословеніе Божіе было призвано и Николаемъ I и шефомъ Орловымъ. Въ ночь съ 22-го на 23-го апрѣля аресты были произведены.

23-го апрѣля гр. Орловъ доносилъ:

«Честь имѣю донести Вашему Величеству, что арестованіе совершено, въ III Отдѣленіе привезено 34 человекъ, со всѣми ихъ бумагами. Въ числѣ арестованныхъ находятся всѣ главныя лица и размѣщены по одиночкѣ, не привезено еще 7 человекъ самыхъ незначительныхъ по весьма достаточнымъ причинамъ, одинъ изъ нихъ *Плещеевъ* въ Москвѣ, бумаги же его опечатаны, одинъ *Серебряковъ* двое сутокъ не почуветъ дома, одинъ *Григорьевъ* Конногренадерскаго полка долженъ быть въ Петербургѣ и, наконецъ, четверо: Берестовъ, Ламанскій, Михайловъ, Тимковскій, которыхъ квартиры не были извѣстны. Къ отысканію ихъ квартиръ теперь уже можно принять мѣры и принимаютъся».

«Теперь остается мнѣ просить Ваше Величество, не благоугодно ли дать повелѣніе о принятіи отъ меня въ С.-Петербургскую крѣ-

ность сихъ арестованныхъ. Предполагаю, получивъ Ваше приказаніе, отправить ихъ сегодня вечеромъ по частямъ.

«Приказанія были исполнены съ точностью и съ большой быстротой, и по моимъ свѣдѣніямъ все совершенно съ большой тишиной, безъ всякой огласки и съ наивеличайшей аккуратностью».

Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

«Слава Богу! теперь ждать буду, какое послѣдствіе имѣло надъ ними сіе арестованіе, и что при первомъ свиданіи съ главными ты отъ нихъ узнаешь».

Приказаніе г. Набокову даль».

24-го апрѣля гр. Орловъ сдѣлалъ новое донесеніе:

«Сегодня отъ сильной головной боли я не могу, къ крайнему моему сожалѣнію, явиться къ Вашему Величеству, новаго ничего нѣтъ, все смирно и благополучно».

«Всѣ арестанты отправлены и сданы въ крѣпость. Принималъ ихъ самъ комендантъ и при сдачѣ каждого находился отъ меня полковникъ».

«Въ принятіи отъ меня каждого арестанта есть особенныя росписки. Отправленіе началось въ 10¹/₄ часовъ вечера, кончилось въ 2 часа пополудни. Отправленіе и сдача ихъ совершены исправно и безъ всякаго приключенія».

«По списку арестованныхъ лицъ остается три невзятыхъ: Плещеевъ, о которомъ писали къ гр. Закревскому, Михайловъ и Тимковский. Сихъ двухъ послѣднихъ сегодня, вѣроятно, возьмутъ по сдѣланнымъ распоряженіямъ».

«Бумаги и все дѣло сегодня отправлены къ ген.-ад. Набокову».

На этомъ донесеніи Государь сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки:

Противъ сообщенія о головной боли онъ написалъ: «Жалѣю, но надѣюсь, что кончится одной воскресной головной болью».

Противъ словъ о лицахъ, еще не взятыхъ, Николай Павловичъ отмѣтилъ: «Надо Закревскому дать понятіе о сдѣланномъ открытіи».

Наконецъ, прочитавъ послѣднія строки, объ отправленіи дѣла къ коменданту Набокову, назначенному предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, Николай Павловичъ приписалъ: «Пора имъ начать».

II.

Письмо М. В. Буташевича-Петрашевскаго съ пути въ каторгу.

Съ пути въ каторжную работу Петрашевскій написалъ письмо Елизаветѣ Анфимовнѣ фонъ-Бееръ. Въ немъ онъ просилъ госпожу Бееръ доставить приложенное письмо его матери. Ни Бееръ, ни мать Петрашевскаго не получили писемъ, имъ адресованныхъ.

Письма были слѣдующаго содержанія:

Любезнѣйшая маменька!

Я назначенъ въ Нерчинскъ, въ каторжную работу съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ. Это вамъ, вѣроятно, извѣстно изъ газетъ, если объ этомъ напечатать почтено удобно. Не буду говорить, что вытерпѣлъ я во время моего содержанія въ крѣпости—это превосходитъ всякое вѣроятіе.

Тоже не дай Богъ терпѣть лихому татарину, что потерпѣлъ я провѣдомъ, не отдыхая ни часу въ теченіе 11 дневнаго пути съ курьеромъ изъ Петербурга въ Tobolskъ. И дальнѣйшее странствіе отъ Tobolska не сладко— а просто мучительно.

Прошу Васъ заранѣе приготовить въ некоторую сумму денегъ, чтобы не умирать почти съ голоду и имѣть необходимое. Пришлите Medecin de soi même par Raspail édition de 1846 и 1848, по которому я вылечилъ почти разслабленную. Еще Cours de la Chemie Organique au des maladies les hommes et les animaux также соч. Raspail въ III vol.—Еще Cours de Physiologie одно изъ лучшихъ новѣйшихъ соч. Также Cours d'anatomie. Это послужитъ съ большой пользою, ибо у меня произведенія всѣхъ болѣзней.

Пришлите тоже, что получше есть моей одежды. Вашъ портретъ и сестры Ольги—если можно въ медальонѣ.—Поручите, если можно, это сдѣлать Мальше и перерисовать мой портретъ, который есть у Васъ, и пришлите.

Дай Богъ Вамъ здоровья—напишите о Вашемъ житьѣ-бытьѣ.—Я не пишу, ибо до сихъ поръ нерадостно. Но минута, въ которую раздѣлилъ со мною полуголодный, подобно мнѣ несправедливо угнетенный, кусокъ скуднаго хлѣба, донесенный злою невагодою съ далекаго Запада въ холодную Сибирь—полна сладости, которой не вкушаютъ влѣстители милліоновъ.

Васъ я цѣлую, поцѣлуйте сестрицу—поблагодарите тѣхъ, кто обо мнѣ не забылъ.

Васъ любящій сынъ

М. Буташевичъ-Петрашевскій.

1849.

Милостивая Государыня

Елизавета Анфимовна!

Надѣясь на Ваше благорасположеніе къ нашему семейству, прошу Васъ покорнѣе передать это письмо—этимъ Вы весьма обяжете слишкомъ несправедливо обиженнаго.

Желаю Вамъ и всему Вашему семейству всякаго благополучія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и почтвеніемъ честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнымъ слугою

М. Буташевичъ-Петрашевскій.

Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому.

„Милостивый Государь, Николай Гавриловичъ. Вѣроятно, Вамъ извѣстно, что я вмѣстѣ съ Унковскимъ и Головачевымъ задумалъ издавать съ будущаго года въ Москвѣ журналъ, который будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ. Независимо отъ официальной программы, уже поданной въ московскій цензурный комитетъ, мы предполагаемъ съ августа приступить къ печатанію объявленія, въ которомъ съ большою ясностью выразится какъ цѣль изданія журнала, такъ и самое направленіе его. Препровождая при семъ проектъ этого объявленія, ¹⁾ мы просимъ Васъ сообщить намъ Ваше искреннее мнѣніе объ немъ и не оставить насъ Вашими совѣтами. Глубоко цѣня и уважая Вашу честную и общественную дѣятельность, мы заранѣе можемъ ручаться, что замѣчанія Ваши будутъ приняты нами съ величайшею благодарностью. Не думайте, прошу Васъ, чтобы я писалъ это письмо лишь отъ своего имени: А. И. Европеусъ можетъ удостовѣрить Васъ въ противномъ, но дѣло въ томъ, что я и будущіе мои соредакторы куда разбѣяны въ разныхъ мѣстахъ по лицу Россіи. Если вы найдете свободную минуту, чтобъ удовлетворить нашей покорнѣйшей просьбѣ, то письмо Ваше прошу адресовать на имя Плещеева, для передачи мнѣ, такъ какъ я на будущей недѣлѣ уѣзжаю изъ Твери въ деревню и не могу еще положительно опредѣлить свой адресъ. Впрочемъ, до 19 числа еще пробуду въ Твери.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте намъ заявить надежду, что, хотя по отношеніямъ своимъ къ „Современнику“ Вы и не можете принять дѣятельнаго участія въ нашемъ журналѣ, но не откажете намъ въ сотрудничествѣ, которое для насъ особенно важно, какъ доказательство Вашей симпатіи къ задуманному нами дѣлу.

„Теперь позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой, лично до меня относящейся. Н. А. Некрасовъ, съ которымъ я видѣлся въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что редакція „Современника“ предполагаетъ находящіяся въ ея распоряженіи три монхъ разсказа раздѣлить на два нумера, т. е. напечатать ихъ въ апрѣльской и майской книжкахъ. По словамъ Некрасова, это сдѣлано въ томъ вниманіи, что разсказы займутъ много мѣста. Но я убѣжденъ, что всѣ разсказы вмѣстѣ взятые не займутъ болѣе 3¹/₂ печатныхъ листовъ, и если это только возможно, то проситъ бы Васъ убѣдительноше пустить ихъ всѣ въ апрѣльской книжкѣ. Это для меня необходимо по многимъ соображеніямъ, которыя я объяснилъ лично Н. А. Некрасову. Но каково бы ни было рѣшеніе Ваше по этому предмету, во

¹⁾ Рѣчь идетъ о томъ журналѣ, который такъ и не былъ разрѣшенъ Салтыкову, якобы подъ предлогомъ пересмотра цензурнаго устава. Къ сожалѣнію, при письмѣ которое воспроизводится здѣсь съ подлинника, нѣтъ проекта объявленія. Тотъ письма ясно указываетъ на то глубокое уваженіе, которое питалъ М. Е. Салтыковъ къ Н. Г. Чернышевскому.

Мих. Лемке.

всякомъ случаѣ прошу Вашего распоряженія насчетъ высылки ко мнѣ цензорскихъ корректуръ: или въ Тверь, если онѣ уже готовы, или на имя Пещеева, если онѣ будутъ готовы не раньше 19 числа. Я возвращу ихъ съ первой почтой. Еще одна просьба: такъ какъ я выѣзжаю изъ Твери, то нельзя ли прекратить высылку „Современника“ на мое имя, а вмѣсто того прислать мнѣ билетъ на получение журнала изъ московской конторы.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый госудать, покорѣйшимъ слугою

14 апрѣля
1862 г.
Тверь.

М. Салтыковъ.

Къ біографіи Исполита Никитича Мышкина ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

Я въ первый разъ увидѣлъ Мышкина на такъ называемомъ большомъ процессѣ, или процессѣ 193-хъ, гдѣ онъ говорилъ свою рѣчь, въ которой, обращаясь къ судьямъ, бросилъ имъ въ лицо слова, произведшія тогда впечатлѣніе на передовое русское общество вообще, но, главнымъ образомъ, на тѣхъ молодыхъ людей, которые еще только готовились вступить на тотъ путь, по которому уже шелъ Мышкинъ и былъ остановленъ и посаженъ на скамью подсудимыхъ,—слова: «Это—не судъ, а простая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужою жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества» ²⁾).

Это—тотъ самый процессъ, сенсаціонные слухи о которомъ, распространившіеся въ Европѣ, побудили англійскій «Times» послать спеціальнаго корреспондента, дабы онъ далъ обстоятельный отчетъ о немъ въ газетѣ. Но, очевидно, процессъ этотъ не оправдалъ ожиданій газеты, ибо корреспондентъ «Times» послѣ двухъ засѣданій уѣхалъ обратно, заявивъ представителямъ защиты о своемъ недоумѣніи, почему этотъ процессъ названъ политическимъ, и за что этихъ молодыхъ людей судятъ. «Я присутствую здѣсь вотъ уже два дня и слышу пока только, что одинъ прочелъ Лассала, другой везъ съ собой въ вагонѣ «Капиталъ» Маркса, третій просто передалъ какую-то книгу своему товарищу. Что же во всемъ этомъ политическаго, угрожающаго государственной безопасности?» Не знаю, что отвѣтили корреспонденту «Times» представители защиты, но, вѣроятно, напомнили ему, что въ данный моментъ онъ въ Россіи, а не въ Англии, и что Россія по вопросу безправія и отсутствію гарантіи для неприкосновенности личности въ то время

¹⁾ Статья эта принадлежитъ Михаилу Родіоновичу Попову, проведенному въ Шлиссельбургѣ болѣе 20 лѣтъ и амнистированному лишь послѣ 17 октября 1905 г.

Ред.

²⁾ См. кн. Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“. Томъ третій стр. 310.

Ред.

могла конкурировать даже съ Турціей.— Да, для англичанина это непонятно. Ему, конечно, казалось страннымъ, что наше правительство не считало даже нужнымъ прикрываться хоть какимъ-нибудь формальнымъ правомъ, хоть какою-нибудь призрачностью закона. Зачѣмъ все это ему? Имѣя въ своемъ распоряженіи покорныхъ судей, которыхъ такъ вѣрно охарактеризовалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Мышкинъ, русскому правительству и не могла прийти въ голову мысль о какихъ-то еще правовыхъ нормахъ. Достаточно было приказать «правому и справедливому» суду отправить на каторгу молодыхъ людей, предъявленныхъ ему Третьимъ отдѣленіемъ, какъ всѣ статьи закона въ головахъ нашихъ судей становились вверхъ ногами, и г.г. судьи, нисколько не затрудняясь, усматривали преступленія, караемыя каторгой вплоть до безсрочной. Безъ всякаго сомнѣнія процессъ 193, по отсутствію наличности преступленія, можно поставить рядомъ съ процессомъ Петрашевцевъ. Но такая ужъ судьба нашего правительства, ему ровно свыше предопредѣлено было накопленіе революціонныхъ чувствъ въ русскихъ гражданахъ. Такимъ средствомъ для этой цѣли и былъ процессъ 193-хъ, который въ ряду прочихъ реакціонныхъ мѣръ правительства, начавшихся сейчасъ послѣ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, имѣлъ, быть можетъ, наибольшее значеніе въ рѣшеніи судьбы Александра II. Мало того, что нѣкоторые изъ молодыхъ людей этого процесса, виновность которыхъ заключалась лишь въ томъ, что они читали Лассала или имѣли при себѣ въ вагонѣ «Капиталъ» Маркса, посылали на каторгу, но Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ, по личному распоряженію Александра II, должны были весь десятигодичный срокъ отбывать въ центральной тюрьмѣ въ оковахъ. Мышкинъ, со времени этого процесса, въ глазахъ революціонеровъ тогдашняго времени и всей молодой Россіи сталъ яркимъ представителемъ революціонной партіи. Организациа «Земли и Воли» вмѣстѣ съ болѣе счастливыми товарищами Мышкина по этому процессу, ускользнувшими отъ каторги, живо интересовались дальнѣйшей судьбой Мышкина. Рѣшено было употребить всѣ силы и средства, имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи, чтобы вырвать его изъ рукъ правительства. На Николаевскомъ вокзалѣ было учреждено дежурство, задачей котораго было слѣдить за отправкой Мышкина изъ Петербурга. Когда стало извѣстно, что Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ назначены въ Харьковскую централку, то рѣшено было организовать его освобожденіе на пути туда. Жандармы перехитрили товарищей Мышкина, поставившихъ себѣ цѣлью его освобожденіе, несмотря на всю ихъ бдительность. Въ то время, какъ слѣдили за пассажирскими поѣздами, отходившими по Николаевской дорогѣ, жандармы увезли Мышкина въ товарномъ поѣздѣ. Этимъ отчасти и объясняется неудачная попытка предпринятаго освобожденія, по случайности выпавшая вмѣсто Мышкина на долю Войнаральскаго, такъ какъ предпринимавшіе освобожденіе, не успѣвъ въ короткое, оставшееся въ ихъ распоряженіи время, изучить неизвѣстную до тѣхъ

поръ мѣстность, поѣхали двумя партіями по разнымъ дорогамъ. Я не вхожу здѣсь въ болѣе подробное описаніе этого предполагаемаго освобожденія. Этому эпизоду изъ русской революціонной дѣятельности 70-хъ годовъ, вѣроятно, современемъ будетъ посвящена въ «Выломѣ» отдѣльная статья ¹⁾.

Съ этого времени о Мышкинѣ, какъ и обо всѣхъ другихъ заключенныхъ въ двухъ харьковскихъ централкахъ, до насъ дошли скудныя свѣдѣнія періодами, такъ какъ въ этихъ централкахъ режимъ, по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, то ослабѣвалъ, то вновь становился суровымъ, въ зависимости отъ того, кто былъ губернаторомъ въ Харьковѣ, и каково было общее направленіе политики по отношенію къ революціонерамъ. Что касается Мышкина, то я ограничусь тѣмъ, что упомяну о его попыткѣ бѣжать изъ централки. Онъ предполагалъ бѣжать черезъ подкопъ, который началъ вести изъ своей камеры. Вынутую землю изъ подкопа онъ выносилъ въ бадью, извѣстной въ арестантскомъ мірѣ подъ именемъ парашки. Было тамъ правило такое, что выходявшій на гулянье заключенный выносилъ съ собой и эту бадью съ нечистотами. Въ этой-то бадѣ Мышкинъ и выносилъ землю.

Какимъ образомъ была открыта его работа надъ подкопомъ, не знаю, но знаю, что по этому поводу у Мышкина произошло со зрителемъ централки столкновеніе, закончившееся тѣмъ, что Мышкинъ, на грубость зрителя, отвѣтилъ пощечиной, за что и былъ переведенъ изъ этой централки въ другую, именно въ ту, гдѣ сидѣлъ Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ.

По какимъ соображеніямъ этотъ инцидентъ имѣлъ такіа послѣдствія, трудно сказать. Тѣ времена вообще были чреваты неожиданностями. И переводъ Мышкина былъ такой неожиданностью, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ то, что онъ за оплеуху, данную имъ зрителю, попалъ въ болѣе сносныя условія. Въ централкѣ, гдѣ сидѣлъ Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ, и куда теперь попалъ Мышкинъ, давался чай, между тѣмъ какъ въ прежней такаа роскошь не допускалась. Насчетъ книгъ, гулянья и пр. въ этой централкѣ тоже условія были болѣе льготныя.

Здѣсь Мышкинъ вмѣстѣ съ прочими централистами сидѣлъ до конца 1881 года. Въ концѣ же этого года, во времена либеральныхъ вѣяній Лорисъ-Меликова, или, какъ говорилъ Катковъ, въ эпоху «диктатуры сердца», вмѣстѣ со всѣми товарищами по заключенію Мышкинъ былъ переведенъ сначала въ Мценскую пересыльную тюрьму, а оттуда на Кару.

По дорогѣ на Кару Мышкинъ свою революціонную натуру, — натуру, выкованную молотомъ жизни, проявилъ въ Иркутскѣ. Здѣсь умеръ одинъ изъ централистовъ, Дмоховскій. При его погребеніи

¹⁾ Это было бы крайне желательно, а пока что отсылаемъ интересующихся къ напечатанному въ № 4 „Земли и Воли“ разсказу „Попытка освобожденія Войнаральскаго“. Перепечатанъ въ кн. Базилевскаго „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ стр. 337—344. *Ред.*

Мышкинъ сказалъ въ церкви надъ гробомъ Дмоховскаго рѣчь, которую закончилъ словами: «на почвѣ, удобренной кровью такихъ борцовъ, какъ ты, дорогой товарищъ, расцвѣтетъ дерево русской свободы». На эти слова Мышкина священникъ, отпѣвавшій покойника, отвѣтилъ словами, которыя своей грубостью могли еще лишній разъ засвидѣтельствовать, до какой степени русскіе представители Христа—такъ называемое православное духовенство,—далеки отъ ученія провозвѣстника братства и любви на землѣ. Онъ сказалъ ни больше, ни меньше, какъ три слѣдующихъ слова: «врешь,—не расцвѣтетъ!»

Въ началѣ 1882 года на Кару прибыла партія, состоящая изъ централистовъ и осужденныхъ въ этомъ году по процессамъ: Квятковскаго, Веймара и Щедрина. Въ этой партіи прибылъ и Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.

Обаятельная личность Мышкина сама по себѣ побуждала меня сблизиться съ нимъ, но было и обстоятельство, способствовавшее еще болѣе тѣсному сближенію. Это былъ побѣгъ, планируемый мной съ группой людей, изъ числа уже сидѣвшихъ тамъ, до бытія партіи во главѣ съ Мышкинымъ.

Прибывъ на Кару, Мышкинъ примкнулъ къ кружку лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало бѣжать съ Кары. Внѣшнія сношенія, связанныя съ побѣгомъ, выпали на мою долю. Я занималъ на Карѣ должность пекаря, дававшую мнѣ сравнительный просторъ въ этомъ отношеніи. Какъ пекарь, я имѣлъ возможность сноситься съ уголовными міромъ, въ особенности въ первый годъ моего пребыванія на Карѣ, когда я пекъ хлѣбъ въ общей пекарнѣ съ уголовными. На правахъ пекаря я могъ, подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей, брать конвой и итти въ то или другое мѣсто Карійскаго промысла. Могъ бывать и въ Карійской больницѣ, куда я доставлялъ хлѣбъ своимъ больнымъ товарищамъ. Больница же представляла такое мѣсто, гдѣ можно было входить въ сношеніе со всѣми карійскими промыслами, расположенными по рѣкѣ Карѣ на разстояніи одинъ отъ другого верстахъ въ 10-ти. Оставаясь на ночь въ больницѣ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, я могъ, переодѣвшись въ казачій мундиръ, бывать не только во всѣхъ палатахъ больницы, но помню, въ 1882 году, выѣстѣ съ Войнаральскимъ, ночь подъ Пасху провелъ въ знакомой семьѣ урядника, состоявшаго въ эту ночь начальникомъ караула въ больницѣ.

Замѣчательный типъ забайкальскаго казака представлялъ этотъ урядникъ. Какъ говорятъ на Карѣ, «фартовый» казакъ былъ урядникъ Косяковъ. Это—смѣсь удали, риска, съ желаніемъ, чтобы въ его карманѣ бряцали деньги, нужныя ему все для той же удали. Онъ рисковалъ не въ видахъ благъ земныхъ,—нѣтъ, это былъ своего рода спортъ. Пускаясь въ предпріятіе съ рискомъ потерять голову, онъ забывалъ все и помнилъ лишь одно—не ударить лицомъ въ грязь и удивить міръ удалствомъ.

— «Косяковъ,—спросилъ я однажды,—не достанешь ли ты гдѣ хорошей стали для ножей?»

— «На что тебѣ лучшей стали, какъ вотъ эта» — указывая на штывъ, отвѣтилъ онъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ 3 штыва. Какъ онъ умудрился стянуть ихъ, это только онъ, да, пожалуй, Богъ еще знаетъ. Въ видахъ все того же побѣга, было у насъ дѣло съ евреемъ Лейбой, скупавшимъ на Карѣ хищническое золото. Не говорю увѣренно, такъ какъ Лейба этотъ вмѣстѣ съ другими скупщиками ворованнаго золота былъ высланъ раньше, чѣмъ мое дѣло съ нимъ пришло къ концу, но, по всей вѣроятности, онъ имѣлъ намѣреніе поживиться на счетъ нашего кармана. Даль я Лейбѣ денегъ на покупку револьвера на пробу; въ этотъ же день отъ одного поляка, бывшаго повстанца 1863 года, съ которымъ у насъ также были сношенія въ видахъ все той же завѣтной цѣли, узнаю, что Лейба уѣзжаетъ и что нужно принять мѣры, чтобы наши деньги не пропали за нимъ. Мархоцкій, такъ звали поляка, побывавъ у Лейбы по этому дѣлу, сообщилъ мнѣ, что револьверъ купленъ, но что онъ, боясь взять его съ собой, оставилъ на промыслѣ Богатый, верстахъ въ 20 отсюда.

Передавъ это, онъ посовѣтовалъ мнѣ переговорить съ нѣкимъ «Махидралой», доставлявшимъ на Кару контрабандой водку, — онъ сегодня отправляется на Богатый, а отъ него ужъ Лейбѣ не отвертѣться. Иду въ лавочку «Махидралы» и узнаю отъ его жены, что онъ еще утромъ уѣхалъ на Богатый. Прибѣгаю къ Косякову, передаю ему исторію съ Лейбой. — «А что жъ, поѣдемъ сегодня въ ночь на Богатый, караулъ у меня сегодня «фартовый». Къ утру будемъ здѣсь, — нигдѣ!» Я не могъ согласиться на такую рискованную авантюру, во-первыхъ, потому, что у насъ въ это время по ночамъ шли работы въ подквѣ; во-вторыхъ, потому, что и Косякова надо было беречь до поры, до времени, и тѣмъ самымъ предпочелъ остроты товарищей насчетъ моего гешефта съ Лейбой. Такъ шли у насъ на Карѣ дѣла въ связи съ нашимъ предполагаемымъ побѣгомъ.

Вѣрны ли были наши расчеты на побѣгъ, нѣтъ ли, — теперь трудно сказать, но тогда мы думали, что всѣ условія для побѣга были благоприятны, и лишь одного изъ условій намъ недоставало, — денегъ, условія безъ котораго всѣ остальные сводились къ нулю.

Мы и рѣшились выпустить Мышкина, какъ дѣятеля популярнаго въ революціонномъ мірѣ, энергичнаго и человѣка, который отъ разъ намѣченной цѣли не уклонится въ сторону. Рѣшили мы выпустить Мышкина не черезъ подквѣ, который къ этому времени не былъ еще готовъ, да и приготавлился онъ для побѣга всей нашей группы. Мышкинъ и Хрущовъ (сочетаніе такое оправдывалось тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что Хрущовъ, какъ рабочій, легче могъ найти мѣсто въ Америкѣ въ случаѣ нужды въ средствахъ), бѣжали изъ мастерскихъ, которыя находились внѣ тюремнаго двора, или, говоря языкомъ карійскаго обывателя, за палями¹⁾, куда они были вынесены, Мышкинъ въ ящикѣ кровати, а Хрущовъ въ сундукѣ.

¹⁾ Тюрьмы въ Сибири огорожены столбами, называемыми на Карѣ палями, арх. въ 6 вышинъ, вкопанными безъ просвѣта одинъ около другого перпендикулярно.

На моей обязанности лежало замести слѣды побѣга. Напримѣръ, тотъ вонвой, который сопровождалъ несущихъ кровать и сундукъ съ Мышкинымъ и Хрущовымъ, я увелъ въ пекарню, гдѣ и продержалъ до 11 часовъ, до времени смѣны караула. Словомъ, надо было принять всѣ предосторожности, чтобы устранить всякую возможность напасть на слѣды исчезновенія Мышкина изъ тюрьмы. Насколько важна всякая случайность при побѣгѣ, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай.

На другой день рано утромъ я по пути въ пекарню зашелъ въ мастерскую осмотрѣть хорошо ли задѣлана въ крышѣ дыра, чрезъ которую выдѣла изъ мастерской Мышкинъ съ Хрущовымъ. Осмотрѣвъ и убѣдившись, что все маскировано хорошо, я отправился въ пекарню и принялся за свое дѣло съ мыслями о нашихъ бѣглецахъ и пожеланіяхъ имъ всякаго благополучія. Входить въ пекарню смотритель и говорить мнѣ съ многозначительной улыбкой:

— «Вы здѣсь?»

— «А гдѣ же, Александръ Николаевичъ, я могъ быть, какъ не здѣсь?» отвѣчаю я.

— «А я, знаете, всю ночь почти не спалъ, все безпокоился, не бѣжалъ ли кто изъ тюрьмы. Приходить ко мнѣ часовъ въ 12 сотникъ (начальникъ отряда, который составлялъ караулъ политической тюрьмы) и говоритъ: «Александръ Николаевичъ, все ли благополучно у насъ въ тюрьмѣ?»—«А что, спрашиваю я.»—«Да, говорить, иду я по корридору и вижу въ окно отъ мастерской по направлению къ сопкамъ пошли два человѣка.»—Всталъ я обошелъ вмѣстѣ съ нимъ кругомъ палей, зашли во дворъ, все дѣло, и ничего подозрительнаго. Спросили часовыхъ, говорятъ—все благополучно.—«Не иначе, говорю, какъ вамъ показалось, Сергѣй Васильевичъ.»—«А то, знаете, думалъ въ тюрьму идти, повѣрку сдѣлать; хотъ и поругають, говорю себѣ, что зря безпокою, а все же буду спокоенъ, а потомъ рѣшилъ,—отложу до утра. Сейчасъ все ходилъ кругомъ палей, ничего, слава Богу, все благополучно. Въ тюрьмѣ-то ваши все еще спать. Зашелъ вотъ къ вамъ въ пекарню, и вы на мѣстѣ.»

— «Да гдѣ же, Александръ Николаевичъ, былъ бы я, какъ не здѣсь или въ тюрьмѣ?»—вновь спрашиваю я.

— «Ну, слава Богу, слава Богу!»—сказалъ онъ успокоенно.

— «Такъ-то вы всегда, Александръ Николаевичъ, сказали въ свою очередь я, вообразите что-нибудь невозможное, а возможное и выпустите изъ вида. Напрасно вашъ сотникъ не попытался задержать этихъ двухъ молодцовъ. Для меня теперь понятно, гдѣ дѣвался давеча топоръ изъ мастерской (взятый Мышкинымъ съ собой). Значитъ, уголовные подбираютъ наши инструменты, оставляемые на окнахъ. На-дняхъ эти два молодца поживились топоромъ, а сегодня пришли посмотреть,—нѣтъ ли еще какихъ инструментовъ на окнахъ.»

— «А вѣдь это вѣрно!»—подтвердилъ смотритель мою догадку. «Мнѣ, знаете, и въ голову не пришло, а это какъ есть,—это они,

мерзавцы, кромѣ ихъ некому. Надо будетъ сказать, чтобы посма- тривали. Скажите и вы нашимъ, чтобы не владли инструментовъ на подоконникахъ. Не иначе, какъ это они слямзили топоръ, больше некому».

Такимъ образомъ, мы другъ друга и успокоили. Прошло 19 дней со времени ухода Мышкина и Хрущова изъ тюрьмы. Въ продолженіе 19 дней мы владли въ различныхъ камерахъ 2 чучела, накрывавшіяся одѣяломъ: ихъ при повѣркахъ и засчитывали вмѣсто Мышкина и Хрущова.

19 дней былъ срокъ, раньше истеченія котораго не должны были бѣжать желавшіе использовать этотъ же путь: Юрковский, Минаковъ, М. Диковскій, Левченко и Балометь. Мышкинъ и Хрущовъ въ этотъ срокъ должны были уже пріѣхать во Владивостокъ, гдѣ они предполагали сѣсть на одинъ изъ иностранныхъ пароходовъ и уѣхать въ Америку. Къ несчастью, иностранныхъ пароходовъ во Владивостокъ не оказалось, и Мышкинъ съ Хрущовымъ рѣшили такъ: Мышкинъ на пароходѣ «Константинъ» отправится въ Одессу, Хрущовъ же до поры до времени останется во Владивостокѣ. Но чтобы сѣсть во Владивостокъ на русскій пароходъ, отходящій въ Одессу, нужно было засвидѣтельствовать паспортъ во Владивостокскомъ полицейскомъ управленіи. Хрущовъ пошелъ съ паспортномъ въ полицейское управленіе. Просмотрѣвъ паспортъ, полицейскій чиновникъ къ удивленію Хрущова спрашиваетъ: «Вы Хрущовъ? А гдѣ же другой—Мышкинъ?» Понятно, что Хрущова тутъ же арестовали, а Мышкина вслѣдъ за нимъ разыскали.

Объясняется это вотъ чѣмъ. Забайкальскій обыватель отличается удивительною способностью помнить разъ встрѣтившееся ему лицо. Мышкинъ и Хрущовъ, по выходѣ изъ тюрьмы, не нашли парохода на Владивостокъ; остаются и ждать парохода на берегу Амура было рискованно. Поэтому они рѣшили купить лодку въ ближайшей станицѣ и плыть въ лодкѣ по теченію Амура, затѣмъ пересѣсть на первый догнавшій ихъ пароходъ по пути во Владивостокъ. Зашли въ станицу, торгуютъ лодку. Казаки не признали ихъ за мѣстныхъ жителей. Начались распросы,—кто, зачѣмъ попали въ эти края? Что отвѣтили Мышкинъ и Хрущовъ,—не помню теперь; но кончился ихъ разговоръ тѣмъ, что ихъ повели въ станичное управленіе, гдѣ атаманъ спросилъ у нихъ паспорта и прописаль. Дѣло на этотъ разъ обошлось, какъ будто бы, благополучно: лодка была куплена, и они уѣхали, а затѣмъ, какъ и рассчитывали, ихъ догналъ пароходъ, на который они пересѣли, бросивъ лодку на произволъ волнамъ амурскимъ и, какъ извѣстно читателю, прибыли во Владивостокъ, сдѣлавъ такимъ образомъ около 3000 верстъ отъ Кары. Когда же въ тюрьмѣ былъ открытъ побѣгъ, то по станицамъ разослали предписаніе задерживать всѣхъ подозрительныхъ людей.

Изъ той станицы, въ которой Мышкинъ съ Хрущовымъ купили лодку, атаманъ сообщилъ въ тюрьму, что недѣли три тому назадъ въ станицу заходило два подозрительныхъ лица, по виду напоминающихъ государственныхъ преступниковъ, и что предъ явленные

Ипполитъ Никитичъ
МЫШКИНЪ.

ими паспорта прописаны въ станичномъ управленіи. Послали въ эту станицу гонца съ карточками 8 бѣжавшихъ. Атаманъ указалъ на карточки Мышкина и Хрущова, при чемъ замѣтилъ и то, что Мышкинъ на карточкѣ въ бородѣ, а въ ихъ станицѣ онъ былъ бритый. Такимъ образомъ, открыто было, подъ какимъ видомъ скрываются Мышкинъ и Хрущовъ, и — само собою понятно, — объ этомъ дано было знать во всѣ полицейскія управленія по Амуру вплоть до Владивостока. Вотъ почему, когда Хрущовъ явился во Владивостокъ въ полицію, тамъ узнали, что онъ Хрущовъ, и что гдѣ-нибудь тутъ же находится и Мышкинъ. Такимъ образомъ, эта несчастная случайность съ лодкой повела къ тому, что побѣгъ, хорошо задуманный и уже приходившій къ благополучному концу, такъ печально окончился.

Отъ Нерчинска до Читы по Забайкальской области насъ провожалъ исправникъ Писаревъ. По его словамъ, онъ сопровождалъ Мышкина и Хрущева изъ Владивостока обратно на Кару. Этотъ исправникъ говорилъ намъ, что конвоировали Мышкина матросы, и что начальникъ конвой, офицеръ, будто бы сказалъ ему, Писареву, что если бы Мышкинъ зналъ положеніе вещей во Владивостокѣ, то ему оставалось бы только сѣсть на какую-нибудь японскую рыбацью лодку, и онъ бы легко добрался до Японіи, а оттуда всѣ пути предъ нимъ были бы открыты.

Послѣ того, какъ побѣгъ въ Карійской тюрьмѣ былъ обнаруженъ, я, въ числѣ 12 человекъ, былъ переведенъ изъ политической тюрьмы въ Нижне-карійскую, гдѣ просидѣлъ въ одной камерѣ съ Коваликомъ и Студзинскимъ до 1-го іюля. 1-го іюля въ числѣ 8 человекъ былъ обратно возвращенъ въ политическую тюрьму. Въ тотъ же день увели меня въ больницу на слѣдствіе. Слѣдствіе имѣло цѣлью выяснить, — какимъ путемъ попали къ намъ въ тюрьму революверы, найденные при обыскѣ на чердакѣ. Одинъ уголовный, Соколовъ, заявилъ начальству, что онъ не задолго до побѣга былъ свидѣтелемъ такой сцены — будто бы я давалъ часы больничному старостѣ, при чемъ сказалъ: «Вотъ намъ отъ меня подарокъ! надѣйтесь, что и впредь ваши услуги не останутся безъ вознагражденія».

Меня предупредили чрезъ уголовныхъ Нижне-карійской тюрьмы о такомъ показаніи Соколова, а также и о томъ, что отвѣтилъ на слѣдствіи больничный староста. Слѣдствіе производилъ изъ Верхне-Удинска исправникъ Смирновъ, не знаю, на сколько это было вѣрно, отрекомендовавшійся мнѣ состоящимъ въ родствѣ съ профессоромъ Драгомановымъ. Смирновъ нашелъ показаніе Соколова не заслуживающимъ довѣрія. Послѣ слѣдствія меня завели въ тюрьму лишь затѣмъ, чтобы я взялъ свои вещи, и потомъ вмѣстѣ съ Буцынскимъ увели обратно на Нижнюю Кару.

Въ то время, когда я былъ на слѣдствіи въ больницѣ, привезли въ тюрьму Мышкина и Хрущова, такъ что я имѣлъ время только пожать Мышкину руку и обмѣняться съ нимъ шапкою, ибо въ шапкѣ Мышкина были зашиты 25 руб., которые онъ посоветовалъ мнѣ взять на всякій случай.

работа для моего празднаго ума и праздныхъ рукъ. Пока навьешь нитокъ, навиешь на нихъ слова, смотаешь нитки въ клубокъ, да привяжешь этотъ клубокъ къ кольцу изъ щетины, добытой изъ матраца, набитаго свиной шерстью (между послѣдней же попала-лась и очень хорошая щетина), а день-то и прошелъ, слава Богу! Кольцо изъ щетины дѣлалось для того, чтобы дать возможность нашей своеобразной почтѣ быстро спуститься по ручьѣ къ лопасти лопаты, которая и клалась на кучу песка такъ, чтобы лопасть прикрывала ее.

Я уже сказалъ выше, революціонная натура Мышкина была выкована молотомъ жизни. Говоря такъ, я этимъ хочу выдѣлить Мышкина изъ среды революціонеровъ 70-хъ годовъ.

Большинство революціонеровъ 70 годовъ, при всей ихъ безза-вѣтной преданности дѣлу освобожденія русскаго народа, все таки пришли къ необходимости такой дѣятельности,—если позволительно такъ выразиться—головнымъ путемъ. Они вступили на революціонный путь, руководимые благородной мыслью служить благу народа. Конечно, безъ соотвѣтствующей наличности чувствъ, невозможно благородство мысли. Но все же они руководились скорѣе мыслью вывести народъ изъ того жалкаго существованія, въ которомъ онъ находился, чѣмъ чувствомъ мести къ виновникамъ обездоленнаго народа. Только потому, только суровый путь, которымъ они рѣшились идти къ своей цѣли, и тѣ жестокія кары, которыя правительство сыпало на нихъ, какъ изъ рога изобилія, выдвинули впередъ революціонныя чувства, желаніе во что бы то ни стало и прежде всего свергнуть деспотическое правительство. Типъ народовольца-террориста—послѣднее изданіе, не только исправленное и дополненное жизнью, но совершенно передѣланное жизнью. Да, только жестокий путь борцовъ 70 годовъ за свободу народа, путь бичей и скорпионовъ отъ щедротъ правительства вложилъ въ руки революціонера мечъ, которымъ онъ и замѣнилъ мирную пропаганду.

Мышкинъ стоялъ отдѣльной фигурой среди революціонеровъ 70 годовъ. Его революціонное чувство накоплялось суровой дѣятельностью его жизни. Впечатлительная организація натуры, при богато одаренномъ умѣ, съ самаго дѣтства могла реагировать только отрицательно на ту обстановку, которая выпала на его долю, какъ на сына кантониста. Вотъ почему, когда онъ вступилъ въ ряды борцовъ 70 годовъ, то рядомъ съ его теоретическими обоснованіями ярко выступило накопленное еще въ дѣтствѣ революціонное чувство, и вотъ почему Мышкинъ всегда и прежде всего реагировалъ чувствомъ на окружающее его. Какимъ былъ всегда, такимъ онъ остался и въ равелинѣ, и потомъ въ Шлиссельбургѣ. Въ первыхъ же залискахъ, исанныхъ имъ мнѣ въ равелинѣ, онъ предлагалъ протестовать противъ жестокаго и незаконнаго обращенія съ нами. Какъ теперь, такъ и тогда было одно средство, къ которому прибѣгали въ борьбѣ съ правительствомъ—это голодовка. Мышкинъ былъ противъ голодовки, какъ средства. «Такой протестъ, писалъ онъ, напоминаетъ мнѣ протестъ некрасовскаго Якова, вѣр-

наго холопа примѣрнаго,—казнись, молю, моими страданіями. Нашии палачамъ и особенно здѣсь въ рavelинѣ наша тихая и спокойная смерть, которую они строгимъ соблюденіемъ тайны въ этомъ застѣнкѣ, могутъ съ удобствомъ выдать за смерть отъ естественныхъ причинъ, будетъ только на руку. Нѣтъ, я согласенъ и голодать, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ бросать, чѣмъ попало, въ нашихъ палачей, будемъ кричать, бить стекло,—кратко, дѣлать все возможное въ этой обстановкѣ, чтобъ нашъ протестъ сталъ извѣстенъ внѣ стѣнъ застѣнка.—Пусть насъ перебьютъ. Во всякомъ случаѣ, такой протестъ тѣмъ удобенъ, что не останется безъ слѣда въ жизни,—перебьютъ насъ, или уступятъ намъ, т. е. дадутъ намъ книги, свиданія съ товарищами и переписку съ родными». Предложеніе Мышкина я передалъ черезъ Фроленко, сидящаго въ нашемъ крылѣ, Тригопи, Морозову, Златопольскому и Исаеву, которыми предложеніе это и было принято; но въ виду надежды, что въ этомъ году, быть можетъ, насъ увезутъ въ Сибирь, протестъ былъ отложенъ до осени.

Но 1-го августа насъ увезли не въ Сибирь, а въ Шлиссельбургъ, куда попало въ первую голову наше крыло. Первую партію рассадили внизу, одинъ отъ другого черезъ камеру. Меня посадили въ камеру № 17. Тишина была мертвая. Кромѣ бряцанія кандаловъ на моихъ ногахъ да суетни жандармовъ по корридору, я ничего не слышалъ. На другой день надъ моей камерой справа и слѣва послышался тотъ же звонъ кандаловъ. Я тотчасъ инстинктивно вскопчилъ на столъ и сталъ стучать ложкой въ стѣну—«кто?» Справа на мой отвѣтъ ни звука, тамъ въ камерѣ № 28, какъ потомъ ужъ стало извѣстно, когда онъ умеръ въ 88 году, сидѣлъ Арончикъ, помѣшавшійся на томъ, что онъ англійскій лордъ. Потерявъ надежду направо, стучу налѣво. Отвѣтъ былъ: «я—Мышкинъ».—«Отлично, отвѣтилъ ему я, очень радъ, что мы сосѣди!—я—Поповъ». Узнавши о сосѣдствѣ съ Мышкинымъ, я почувствовалъ себя ровно выпущеннымъ на волю. Новая тюрьма, совсѣмъ неизвѣстная, специально построенная для насъ, въ первые дни пребыванія въ ней, вызвала тяжелыя думы. Думалось, если вызывающіе ужасъ рассказы на волѣ о Петропавловскихъ мѣшкахъ-казематахъ не удовлетворили чувство мести къ намъ Толстого, то, значитъ, здѣсь, въ этой камерѣ, я буду окончательно замурованъ и ни одного живого слова не услышу до конца моихъ дней. И вдругъ слышу: «я—Мышкинъ».

Обмѣнялись мы нѣсколькими словами, при чемъ Мышкинъ высказалъ свое предположеніе, что прикованныя болтами къ стѣнѣ кровати, вѣроятно, предоставятъ намъ удобство для перестукиванія, и мы рѣшили отложить нашъ разговоръ до вечера, когда кровати будутъ спущены. Я горѣлъ желаніемъ дожидаться поскорѣе вечера и провѣрить предположеніе Мышкина. Тѣмъ нетерпѣливѣе я ждалъ провѣрки предположенія, что иначе намъ, сидящимъ въ разныхъ этажахъ, пришлось бы довольно громко стучать и тѣмъ облегчить задачу жандармовъ—слышать нашъ стукъ. Уже и этотъ нашъ ко-

роткій разговоръ не ускользнулъ отъ бдительности жандармовъ, и если Иродъ, которому, я слышалъ, у моей камеры жандармъ докладывалъ, что я стучалъ, отнесся снисходительно,—сказавъ самонадѣянно жандарму: «пускай его стучить»—то только потому, что онъ былъ увѣренъ, если не въ невозможности перестукиванія, при размѣщеніи насъ въ шахматномъ порядкѣ, то въ большой трудности. Вечеромъ, какъ только спустили намъ для спанья кровати, я и Мышкинъ сейчасъ же начали стучать въ раму кровати у болта,—и опытъ блистательно оправдалъ предположеніе Мышкина.

Умъ и сердце Мышкина работали въ томъ же направленіи—протестовать во что бы то ни стало. «Теперь, говорилъ онъ мнѣ, не остается у насъ никакихъ надеждъ на увозъ въ Сибирь, въ который я и раньше не вѣрилъ, и въ которомъ теперь должны разочароваться и тѣ, которые до перевода сюда надѣялись на это. Эта тюрьма—наша могила, мы живо погребены здѣсь, и чѣмъ скорѣе смерть избавитъ насъ отъ такой жизни, тѣмъ лучше для насъ. Завидую я тѣмъ, говорилъ онъ, кто былъ приговоренъ къ смертной казни и помилованъ. Да, я завидую вамъ, Родіонычъ! Вы имѣете нравственное право заявить нашимъ палачамъ, что вы отказываетесь отъ милости и требуете, чтобы надъ вами былъ исполненъ приговоръ суда. Такого права я не имѣю, но я заставлю ихъ казнить меня, если останется только это средство избавить себя отъ варварской пытки надо мной».

Я съ Мышкинымъ были совершенно отрѣзаны отъ остальныхъ товарищей по заключенію. Вверху направо, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ Арончикъ, сумасшедшій. Внизу камера № 16 была занята жандармами, и такимъ образомъ я былъ отрѣзанъ отъ Морозова, сидящаго въ 15 №. Мышкинъ сидѣлъ въ 30 № вверху, налѣво отъ меня; съ нимъ рядомъ въ 31 №, какъ оказалось въ 87 году, сидѣлъ Карауловъ, не отвѣчавшій на стукъ Мышкина.

Пока наши попытки снестись съ остальной тюрьмой терпѣли неудачу за неудачей, въ одинъ вечеръ послѣ ужина, часовъ около 10-ти, когда тюрьма была закрыта, раздалось пѣніе. Я сейчасъ же узналъ чудный баритонъ Егора Ивановича Минакова, который пѣлъ свою любимую пѣсню:

Я вынести могу разлуку,
Грусть по родному очагу,
Я вынести могу и муки
Жить въ вѣчно празднои тишинѣ,
Но прозябать съ живой душою,
Колодой гнить, упавшей въ иль,
Имѣя умъ, раста травою,
Нѣтъ,—это свыше моихъ силъ!

— Это, стучу я Мышкину, поетъ Минаковъ,—я узнаю его голосъ и его любимую пѣсню.

— Нужно поддержать его,—отвѣчаетъ мнѣ Мышкинъ.

Не успѣли мы условиться, какъ намъ поддержать Минакова, какъ загремѣла тюремная дверь въ корридорѣ, и явился Соколовъ, слы-

вшій потомъ въ тюрьмѣ, съ легкой руки Лопатина, Иродомъ. Онъ началъ съ того, что открылъ форточку въ камерѣ Минакова, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ отъ меня и Мышкина, въ камерѣ № 1-й, и сказалъ ему громко: «если будешь безобразничать, будешь связанъ!» Въ отвѣтъ также громко сказалъ Минаковъ: «убирайся къ чорту, варваръ!»

Форточка хлопнула, Иродъ нервно прошелъ по корридору, взглянулъ въ стекла камеръ внизу, вбѣжалъ по винтовой лѣстницѣ вверхъ, гдѣ, вѣроятно, продѣлалъ то же самое. Очевидно, онъ провѣрялъ,—какое впечатлѣніе произвело пѣніе Минакова на обитателей тюрьмы.

Минаковъ продолжалъ пѣть. Окончивъ свое дѣло, Иродъ вновь направился къ камерѣ Минакова. Камера отворилась, Минакова начали вязать. Тогда я и Мышкинъ закричали: «Варваръ! Палачъ!» Я прокричалъ въ этотъ же разъ: «Я требую смертной казни, я отказываюсь отъ этой жестокой милости и требую, чтобъ надо мной былъ исполненъ приговоръ суда». Изъ камеры Минакова послышались слова Ирода—«а, ты еще драться!» И затѣмъ отвѣтъ Минакова: «а что же, ты думаешь, палачъ, я позволю бить себя, не отвѣчая тѣмъ же, пока буду имѣть возможность?» Связавъ Минакова, Иродъ помчался опять наверхъ. Открылась форточка Мышкина, и раздался голосъ Ирода: «Если будешь кричать, подыму койку и будешь спать на голомъ полу!» «Убирайся къ чорту, палачъ!»—отвѣтилъ Мышкинъ. Форточка захлопнулась, Иродъ спустился внизъ, открылъ форточку у меня и сказалъ: «Зачѣмъ кричать,—это ни къ чему не поведетъ! Если что нужно,—надо сказать начальству». Я отвѣтилъ ему: «я ужъ сказалъ, что мнѣ нужно, и еще разъ повторяю: передайте кому слѣдуетъ, напимѣръ, варвару, вашему министру внутреннихъ дѣлъ, Толстому, что я отказываюсь отъ милости, считая ее жестокимъ издѣвательствомъ надо мною, и требую, чтобы надо мной былъ исполненъ приговоръ суда—смертная казнь».

«Хорошо, я передамъ коменданту; завтра онъ самъ придетъ».

Вообще Иродъ перетрусилъ въ этотъ разъ. Объяснить это новостью для Ирода, неумѣньемъ найтись, какъ быть въ подобномъ случаѣ, конечно, было бы наивностью съ моей стороны. Потомъ я оцѣнилъ его хорошо и на своей шкурѣ, и по его любимой фразѣ—«я не такихъ усмирялъ!» Да и до протеста Минакова, еще въ равелинѣ, я познакомился съ этой стороной способностей Ирода, когда онъ, замѣтивъ мой стукъ съ Баранниковымъ, ворвался съ жандармами, схватившими меня одинъ за одну, другой за другую руку, чтобъ Иродъ безопасно могъ подойти ко мнѣ и сказать мнѣ только это: «ты не веди со мной борьбы, иначе ты будешь меня помнить!» Только это онъ мнѣ и сказалъ, но по тому, какъ онъ сказалъ, и какъ играла въ это время его физиономія, я вполне понялъ, что предо мною патентованный мастеръ дѣлъ застѣнка.

Въ данный моментъ—самое вѣроятное объясненіе,—онъ еще не имѣлъ полномочій на этотъ счетъ и потому не развернулъ всѣхъ своихъ способностей.

На другой день Иродъ дѣйствительно привелъ ко мнѣ коменданта, которому я повторилъ то, что наканунѣ сказалъ Ироду. На это комендантъ сказалъ:

«Зачѣмъ падать духомъ—не все же будетъ такъ! У нашего Государя милостей много!» Получивъ въ отвѣтъ отъ меня, что я знаю, что такихъ милостей, каковою пользуюсь я, дѣйствительно много, онъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ и ушелъ отъ меня. Минаковъ продолжалъ пѣть, а Иродъ продолжалъ его вязать.

Я и Мышкинъ пришли къ заключенію, что, пока не стоворимся на общій протестъ, единичные протесты не будутъ имѣть такого значенія, изъ-за котораго стоило бы подвергать себя надѣванію горячечной рубахи (въ Шлиссельбургѣ связывали не веревкой, а надѣваніемъ горячечной рубахи). Я прокричалъ черезъ корридоръ Минакову: «Егоръ Ивановичъ! Мы думаемъ, что нужно подождать съ протестомъ въ одиночку, пока не придутъ всѣ къ заключенію, что единственный выходъ изъ нашего положенія или смерть, или добиться болѣе человѣчныхъ условій жизни». На это Минаковъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «другіе, какъ хотятъ, а же жить при такихъ условіяхъ не могу и или добьюсь свиданія съ товарищами, книгъ, табуку, переписки съ родными, или умру».

Какъ трудно было намъ на первыхъ порахъ въ Шлиссельбургѣ сноситься между собою, показываетъ то, что когда на меня надѣвали горячечную рубаху за вышесказанныя слова Минакову, я услышалъ крикъ Кобылянскаго, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ вверху—«Долгушинъ,—что съ тобой дѣлаютъ, и чего ты доби-ваешься?» Очевидно, онъ говорилъ по адресу Минакова, принявъ его за Долгушина. Черезъ 2—3 дня Минаковъ прекратилъ пѣть, и я съ Мышкинымъ думали, что Минаковъ тоже пришелъ къ такому же заключенію на счетъ протеста, что и мы. Но мы ошиблись, Минаковъ началъ голодовку. Началъ ли онъ голодовку съ перваго дня протеста, когда пѣлъ, или потомъ,—не знаю. Прошло дней 5—6 съ начала протеста, прихожу я съ гулянья и узнаю отъ Мышкина, что Минаковъ бросилъ въ кого-то чашкой, ибо онъ, Мышкинъ, слышалъ звонъ покотившейся чашки и слова, кѣмъ-то сказанныя Минакову: «за что же ты меня ударилъ,—вѣдь я не сдѣлалъ тебѣ никакого зла».

Оказалось потомъ, что Минаковъ не чашкой бросилъ въ кого-то, а отвѣтилъ пощечиной доктору на заявленіе послѣдняго, что долженъ кормить его насильно по приказанію. Чашка же покати-лась по полу потому, что докторъ выронилъ ее изъ рукъ, когда Минаковъ его ударилъ.

Голодовка Минакова прекратилась съ этого дня, и ему, по нашимъ наблюденіямъ, дали кое-что изъ требуемаго, по крайней мѣрѣ, мы слышали, какъ Иродъ, открывая камеру Минакова, каждый разъ распорядился, чтобы подали то папирсы, то книги.

Спустя недѣлю по прекращеніи Минаковымъ голодовки, часа въ 4 вечера открылась дверь камеры Минакова, и Иродъ сказалъ: «На судъ!» Минаковъ пробылъ въ судѣ часовъ до 10 и былъ

приведенъ въ свою камеру. Еще спустя недѣлю меня съ гулянья увели въ старую тюрьму, гдѣ я просидѣлъ до гулянья слѣдующаго дня. Въ 7-мъ часу утра, сидя въ старой тюрьмѣ, я слышалъ залпъ. По возвращеніи въ тюрьму въ свой 17 №, я узналъ отъ Мышкина, что въ 7 часовъ утра былъ казненъ Минаковъ, и что, идя на казнь, онъ прокричалъ въ корридорѣ: «прощайте, товарищи! меня ведутъ убивать».

Мышкина ужасно мучило то, что на послѣднее прости Минакова никто не отвѣтилъ. «Болѣе всѣхъ я виню себя, говорилъ Мышкинъ. Конечно, объясняется это неожиданностью, незнаваніемъ, что Минакова приговорили къ смертной казни, неумѣніемъ сразу найтись. Но все же другіе болѣе, чѣмъ я, могутъ оправдать себя всѣмъ этимъ, такъ какъ многіе, вѣроятно, совсѣмъ не знали, что значилъ крикъ Минакова и какъ нужно было понимать его. А я все же зналъ кое-что и долженъ былъ ожидать казни Минакова. А какъ тяжело было бѣдняку Минакову всходить на эшафотъ съ мыслью, что на его послѣднее прости никто изъ насъ, его товарищей, не откликнулся».

Простунавъ мнѣ это, Мышкинъ бросился къ двери, и я услышалъ: «товарищи! да будетъ всѣмъ намъ стыдно, что мы не отвѣтили на послѣднее прости Минакова. Себѣ я этого никогда не прощу. Какъ тяжело было всходить ему на эшафотъ безъ теплаго сочувственнаго отклика его товарищей. Представьте только это себѣ, и ваша совѣсть также упрекнетъ васъ, какъ моя совѣсть упрекаетъ меня».

Тотчасъ явился Иродъ и прокричалъ Мышкину: «Чего орешь?» «Почему вы не дали намъ проститься съ Минаковымъ?» — отвѣтилъ Мышкинъ Ироду. «А въ это такіе?» — заоралъ вновь Иродъ. «Мы люди», — отвѣтилъ ему Мышкинъ, — «а вы наши палачи!» Форточка закрылась, и этимъ закончился протестъ Мышкина.

Дня за 3 до казни Минакова, всѣхъ насъ обошелъ Иродъ съ младшимъ помощникомъ, тѣмъ самымъ Яковлевымъ, который былъ послѣднимъ начальникомъ Шлиссельбургской тюрьмы, при которомъ въ числѣ 8 человекъ я вышелъ изъ Шлиссельбургскаго застѣнка. Они опросили насъ, — кто и чѣмъ желаетъ заняться, обѣщали намъ выдать грифельныя доски, заумерованныя тетради и чернила и въ скоромъ времени обѣщали ручныя работы въ камерахъ.

— Напр., какія работы разрѣшать намъ? — спросилъ я.

— Напр., — отвѣтилъ Иродъ, — плетенье корзинъ, что-ли, а, можетъ, и еще что». На другой день, возвратясь съ гулянья, мы нашли на стѣнахъ камеръ вывѣшенныя инструкціи, въ которыхъ, между прочимъ, обѣщалось для отличающихся хорошимъ поведеніемъ: бесѣды со священникомъ, чтеніе книгъ изъ тюремной бібліотеки, занятія въ камерахъ ручнымъ трудомъ, освѣщеніе камеръ въ неположенное время (послѣдняя изъ льготъ такъ и осталась для насъ загадкой, ибо камеры освѣщались всю ночь) и пр. За нарушеніе порядка въ тюрьмѣ, какъ-то: за пѣніе, крикъ, шумъ, свистъ, — грозили карцеромъ отъ 4 до 8 дней съ лишеніемъ горя-

чей пищи, за болѣе же важныя проступки карцеромъ съ наложеніемъ оковъ отъ 4—8 дней и розги, за оскорбленіе дѣйствиємъ начальства — смертная казнь. Нѣкоторыя льготы дѣйствительно дали, хотя и не сразу, а такъ черезъ мѣсяць, два по столовой ложкѣ.

Прежде всего ко мнѣ и Мышкину, въ качествѣ льготы за хорошее поведеніе, пришелъ священникъ. Войдя ко мнѣ онъ спросилъ:

— Желаете ли вы, чтобы я отъ времени до времени посѣщалъ васъ? Я отвѣтилъ, что не имѣю ничего противъ, но долженъ предупредить васъ, что я не признаю русской официальной церкви, такъ называемой православной, и думаю, что представители этой церкви — представители не Бога на землѣ, а покорные слуги русскаго правительства, тѣ же чиновники, только, вмѣсто вицмундировъ, въ рясахъ. Къ Христу же, какъ къ проповѣднику любви и братства на землѣ, отношусь съ полнымъ уваженіемъ.

Затѣмъ я и священникъ сѣли рядомъ на кровати, а Иродъ противъ насъ на скамьѣ.

— А я, началъ священникъ, вотъ что вамъ скажу на вашъ упрекъ намъ, представителямъ русской церкви: если бы вы знали наше положеніе, вы бы не бросили въ насъ камнемъ!

— Знаю я отлично ваше положеніе, батюшка, я самъ — сынъ священника, прошелъ семинарскія мытарства, знаю также и то, что Христосъ показалъ самъ, какъ нужно служить и бороться за Его ученіе о любви и братствѣ.

Оставивъ слова мои безъ возраженія, онъ началъ свою бесѣду со мной такъ:

— Ваше уваженіе ко Христу насъ сближаетъ, и я надѣюсь, что у насъ есть почва для бесѣды.

— Я тоже такъ думаю, батюшка, — отвѣтилъ я. — Но скажите, пожалуйста, думаете ли вы, что при такой обстановкѣ, указывая рукой на Ирода, возможны душевныя бесѣды? Что касается меня, батюшка, то я говорю вамъ вполне искренно, безъ всякаго намѣренія сказать вамъ неприятное, что мнѣ вчужѣ обидно за васъ. Вамъ, священнику, не довѣряетъ ваше правительство, васъ подъ конвоемъ жандармскаго капитана привели ко мнѣ для духовной бесѣды со мной.

Священникъ промолчалъ на мои слова, но Иродъ, очевидно, хотѣлъ вывести его изъ неловкаго положенія и бухнулъ:

— Это не отъ насъ и не отъ священника зависитъ, — намъ, какъ прикажутъ, такъ мы и должны поступать. — Произошло неловкое молчаніе. Иродъ похлопалъ, похлопалъ глазами и, наконецъ, обратясь къ священнику, сказалъ:

— Можетъ, на этотъ разъ, отецъ Іоаннъ, довольно?

Священникъ поднялся, пожалъ мнѣ руку, пожелалъ здоровья и терпѣнія, и со словами: — «такъ я, съ вашего позволенія, буду по временамъ заходить къ вамъ», вышелъ изъ моей камеры. — Послѣ этого священникъ не былъ у меня ни разу.

Такова же, приблизительно, духовная бесѣда со священникомъ была и у Мышкина.

Чтобы покончить со священникомъ, въ видѣ льготы за хорошее поведеніе, я здѣсь же скажу все относящееся къ этому. Лѣтомъ посѣтилъ насъ Оржевскій, въ то время начальникъ корпуса жан-дармовъ. На вопросъ его,—не имѣю ли я что заявить ему, я спросилъ,—въ какомъ родѣ могутъ быть мои заявленія?

— Исполняютъ ли по отношенію къ вамъ въ точности все то, что разрѣшено въ вашемъ положеніи, напр., бываетъ ли у васъ священникъ?—спросилъ онъ

— Разъ,—говорю ему,—былъ, но больше не былъ.—Почему, обратился онъ къ Ироду,—батюшка не бываетъ у нихъ? — Да разъ какъ-то былъ онъ у него,—да что батюшка не скажетъ, а онъ все напротивъ, да напротивъ». Оржевскій улыбнулся, я тоже, въ свою очередь, улыбнулся, и тѣмъ кончили мы разговоръ о священникѣ.

Послѣ казни Минакова, Мышкинъ еще больше былъ занятъ мыслями о томъ, какъ устроить сношенія со всѣми товарищами по заключенію и сговориться на общій дружный протестъ. Все бывшее въ нашемъ распоряженіи было использовано въ цѣляхъ этого. Онъ началъ посылать въ корешкахъ книгъ записки, въ той надеждѣ, что, авось, кто-нибудь догадается заглянуть подъ корешокъ и найдетъ тамъ записку. Но черезъ нѣкоторое время я бралъ ту или другую книгу, въ которую онъ вкладывалъ записку, и находилъ записку на мѣстѣ никѣмъ нетронутой.

Мышкинъ съ каждымъ днемъ терялъ надежду на возможность общаго протеста, а теперь и совсѣмъ потерялъ. Все чаще и чаще его разговоръ со мной сосредоточивался на томъ, что онъ видитъ единственный исходъ изъ невыносимаго положенія, изъ положенія, по его словамъ, оскорбляющаго человѣческое достоинство, и этотъ исходъ—смерть. Помню, однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Знаете, о чемъ весь день сегодня я думалъ, Родіонъчъ?

— О чемъ?—спросилъ я.

— Я думалъ, какая ужасная тайна—жизнь человѣка! Казалось бы—«ну какая наша жизнь!» Можно ли назвать жизнью наше прозябаніе въ этомъ застѣнкѣ? И однако, я откровенно говорю вамъ: у меня не хватаетъ духа на самоубійство. И сегодня, послѣ долгихъ размышленій на этотъ счетъ, я пришелъ къ печальному выводу—«нѣтъ,—я не могу». Не хотѣлось бы пачкаться съ этимъ ничтожествомъ, нашимъ зрителемъ, хотя онъ и заправскій палачъ! Да дѣлать нечего, ибо едва ли когда зайдетъ къ намъ кто-либо изъ высокопоставленныхъ палачей. А, между тѣмъ, единственный путь выйти изъ этого невыносимаго для меня положенія—это параграфъ, обещающій намъ смертную казнь за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующаго лица.

Я сталъ все больше и больше замѣчать, что у Мышкина созрѣваетъ какое-то рѣшеніе. Въ продолженіе дня онъ все время нервно шагалъ изъ угла въ уголъ своей камеры. Однажды я замѣтилъ,

что у него был докторъ, съ которымъ произошелъ какой-то рѣзкій разговоръ. Чтобы спросить въ чемъ дѣло, я окликалъ его нѣсколько разъ, но за шумомъ своихъ шаговъ онъ не слышалъ моего зова, и только вечеромъ, когда мы улеглись, я спросилъ, что произошло у него съ докторомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него подъ мышкой опухоль, и такъ какъ по болѣзни руки онъ не можетъ брать пищу въ форточку, то заявилъ смотрителю, чтобы ему занесли обѣдъ въ камеру. И вотъ явился докторъ освѣдомиться о болѣзни. При осмотрѣ докторъ не сумѣлъ построить безличнаго вопроса и сквозь зубы проронилъ «ты». Я сказалъ ему: «какъ вамъ не стыдно, докторъ! Ну, пусть бы сказалъ это солдатъ, указывая на Ирода, сказалъ я, а вы человѣкъ образованный, ужели вы до сихъ поръ не поймете, что ваше обращеніе причиняетъ мнѣ душевной боли гораздо больше, чѣмъ ваше лѣченіе утоляетъ мою физическую боль. Затѣмъ заявилъ ему, чтобы онъ не ходилъ ко мнѣ, если не желаетъ, чтобы я на его оскорбленіе отвѣтилъ оскорбленіемъ».

Подъ Рождество я съ Мышкинымъ всю ночь перестукивались. Это былъ единственный за наше знакомство разговоръ, когда онъ говорилъ мнѣ о своей семьѣ и, главнымъ образомъ, о своей матери. Изъ этого разговора я узналъ, что онъ очень любилъ свою мать, и тутъ же выразилъ свою просьбу, что если онъ умретъ, не увидавшись съ матерью, чтобы я послалъ на имя его брата Гр. Ник. Мышкина письмо матери, въ которомъ бы сообщилъ, что онъ не въ состояніи былъ пережить тѣ оскорбленія, каковымъ подвергало его русское правительство, и что умеръ съ мыслями о пей.

Въ 4 часа утра—часъ, когда Иродъ ежедневно появлялся, чтобы заглянуть къ намъ въ камеры, все ли благополучно,—онъ подошелъ къ моей камерѣ, открылъ форточку и сказалъ: если будешь стучать, будешь связанъ! Я ему отвѣтилъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ: убирайся къ чорту! Къ Мышкину онъ не зашелъ на этотъ разъ. Въ 7 часовъ утра, во время чая, ко мнѣ въ камеру вошли четыре унтера и стали предо мною, а Иродъ, стоя позади ихъ, сказалъ мнѣ:

— Стучать здѣсь не полагается, и если ты будешь продолжать, то будешь наказанъ.

На что я отвѣтилъ ему:

— Дѣлай ты свое дѣло, но оставь меня въ покоѣ, избавь меня отъ своихъ наставленій.

— Читалъ 6 § инструкціи ¹⁾, такъ помни же!—зарычалъ Иродъ. На это я отвѣтилъ ему тѣмъ, что сорвалъ со стѣны инструкцію и бросилъ ему. Жандармы затопали предо мной ногами, дѣлая видъ, что они готовы къ наступленію. Но Иродъ, сдѣлавъ «ш-ш-ш!»—обычное свое объясненіе съ жандармами въ присутствіи нашемъ, вышелъ изъ камеры, жандармы за нимъ.

Послѣ этого инцидента въ моей камерѣ, Мышкинъ весь день, не переставая, ходилъ по своей камерѣ, и когда я попытался по-

¹⁾ §, въ которомъ инструкція грозитъ розгами.

звать его во время обѣда, пользуясь прекращеніемъ его шаговъ на время обѣда, то онъ отвѣтилъ знакомъ «же»—условнымъ знакомъ, что онъ не желаетъ говорить. Во время ужина въ этотъ же день, 25-го декабря, когда открылась камера Мышкина, я услышалъ звонъ тарелки, покотившейся по желѣзнымъ периламъ корридора. Вслѣдъ за этимъ произошла въ камерѣ возня и крики Мышкина: «палачи, разбойники!» Потомъ открылась камера надо мной и туда перенесли Мышкина. Когда дверь закрылась, Мышкинъ простучалъ мнѣ ногою въ потолокъ, что онъ слышалъ, что Иродъ сказалъ мнѣ въ «чай», не отзывался же на мой зовъ изъ боязни, чтобы разговоръ со мной не поколебалъ его рѣшенія сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ.

— «Я бросилъ чашку въ Ирода и сейчасъ связанъ»,—сказалъ Мышкинъ.

Связаннымъ Мышкинъ оставался до чая слѣдующаго дня. Въ «чай» къ нему вошли, развязали и дали чай.

Въ 10 ч. 26-го декабря его повели на предварительный допросъ, который производилъ комендантъ Покрошинскій.

По возвращеніи Мышкинъ разсказалъ мнѣ, что на допросѣ комендантъ былъ чрезвычайно вѣжливъ съ нимъ, и онъ, Мышкинъ, сказалъ ему, что прибѣгъ къ такому средству, чтобы заставить правительствомъ казнить его, такъ какъ на требованіе—лучше казнить, чѣмъ истязать душу и тѣло,—не обратили вниманія и не исполнили до сихъ поръ этого требованія. Что если и въ этотъ разъ его не казнятъ или не перестанутъ съ нимъ поступать такъ, какъ поступали до сихъ поръ, то онъ будетъ добиваться своей казни всѣми возможными средствами.

Послѣ этого Мышкинъ просидѣлъ до 19 января. Такъ что и я, и онъ думали, что дѣло кончится ничѣмъ.

Въ продолженіе этого времени дали парныя прогулки для 6 человекъ, именно, Фроленко и Исаеву, Тригоны и Грачевскому, Морозову и Караулову; я же на двѣ недѣли былъ лишенъ прогулокъ.

19 января вечеромъ открылась камера Мышкина, и Иродъ сказалъ ему: «на судъ!» Послѣ этого Мышкинъ уже не возвращался въ тюрьму.

26 января часовъ въ 8 я слышалъ ружейный залпъ.

А 29 іюня я обозвалъ Ирода палачомъ за жестокое обращеніе съ душевно-больнымъ Арончикомъ, за что и былъ уведенъ въ старую тюрьму, сидѣлъ въ той камерѣ, гдѣ передъ казнью находился Мышкинъ, и на крышкѣ стола прочелъ: 26 января—«я, Мышкинъ, казненъ». Очевидно, надпись сдѣлана за часы, быть можетъ, за минуты до смерти...

Такъ прекратилась жизнь одного изъ выдающихся борцовъ за свободу Россіи, Ипполита Никитича Мышкина.

М. Поповъ.

Размолвка съ міромъ ¹⁾.

1.

Я молодъ, и во мнѣ горитъ
Огонь высокихъ вдохновеній,
И тайный голось мнѣ твердитъ:
Ты не погибь для наслажденій
Но отчего жъ въ душѣ молодой
Тоска и хладъ ожесточенья
Уносятъ быстро за собой
Мечты прекрасное видѣнье?
Какой-то адъ во мнѣ кипитъ,
И міръ мнѣ скученъ, и проклятье
На всемъ вокругъ меня лежитъ.
А люди, люди мнѣ не братья.
Уже отвыкъ я видѣть въ нихъ
Высокихъ мыслей вдохновенье.
Я тайну сердца ихъ постигъ,
И приговоръ мой былъ - презрѣнье!

2.

Рожденный съ пламенной душою
Высокой доблести, создалъ,
Одушевляемый мечтою,
Я величавый идеаль;
Мечты моей изображенье,
Я думалъ, въ людяхъ встрѣчу я,
И долго долго, въ ослѣпленіи
Любилъ, холодный міръ, тебя.
Мечталъ: пожертвую для свѣта
Трудами жизни молодой,
Но не нашель себѣ отвѣта
Въ толпѣ безумной и пустой.

---

¹⁾ Настоящее стихотвореніе Н. П. Огарева воспроизводится мною вполне точно съ имѣющейся у меня подлинной рукописи. До сихъ поръ оно не было извѣстно. Принадлежитъ къ ранней эпохѣ (1833 г.) жизни поэта, оно недурно иллюстрируетъ его настроеніе того времени.

Мих. Лемке.

Мнѣ жертвовать? Но кто жъ оцѣнить
Ту жертву? Кто ее пойметъ?
Здѣсь все цѣной безумной цѣнить
Ничтожной выгоды расчесть.

.....
.....
.....
.....¹⁾

Какая жъ нужда, что жить...
Ничтожной жизни машины
Которой двигаетъ пружины
Хозяинъ строгою рукой
По злобной прихоти одной? 2)
Такъ эгоизмъ преступной силой
Толпы людей разъединилъ
И непробуднымъ сномъ могилы
Души порывы усыпилъ.

3.

Кто жъ виновать, что въ духъ молодой
Прокрался хладъ ожесточенья,
И ненависть съ моей душой
Сдружила горькое презрѣнье?
Кто виновать? Иль свѣтъ, иль я?
Зачѣмъ не былъ я въ ослѣпленьи
И было чуждымъ для меня
Его порока униженье?
Я виновать, но правъ ли ты,
Дитя бездушной суеты?!
Ужель милѣй порокъ ничтожной
Душѣ испорченной твоей,
Чѣмъ голосъ чести благородной!
Скажи, ужели онъ милѣй?
Какъ жалокъ ты, какъ низокъ ты,
Дитя бездушной суеты!
Я не люблю тебя, но мщенье
Не движетъ пылкою душой.
Мой приговоръ тебѣ—презрѣнье,
Прощай, бреди своей тропой.

4.

Но съ юныхъ дней моихъ мечтой
Разстаться ль мнѣ въ самозабвеньи?
Души безжизненный покой
Избрать—и тоже усыпленье,
Вездѣ встрѣчаемое мной,
Поставить цѣлью всѣхъ желаній,
На вѣкъ сокрывъ передъ собой

¹⁾ Въ рукописи точно такое многоточіе.

²⁾ Мнѣ кажется, что „хозяинъ“—это Николай I, „машина“—Россия. Въ 1833—34 году Огаревъ и Герцень мого думали о свободѣ отъ желѣзнаго гнета „хозяина“.

М. Л.

М. Л.

Прекрасный рой былыхъ мечтаній?
Нѣтъ, нѣтъ, живи, душа моя,
И жаждетъ ¹⁾ сильнаго движенья,
И я прерву вокругъ себя
Тяжелый сонъ успокоенья;
И съ оживленною тоской
Повѣрю вновь мечтѣ святой!
Я молодъ и во мнѣ горитъ
Огонь высокихъ вдохновеній,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ:
Ты не погибъ для наслажденій...

Н. Огаревъ.

¹⁾ Очевидно, по ошибкѣ, вмѣсто „жажди“.

М. Л.

Отрывки изъ писемъ бывшаго шлиссель- буржца ¹⁾).

„...Ты очень интересовалась моею тюремной жизнью, но до сихъ поръ я не имѣлъ возможности удовлетворить твое желаніе, теперь же пользуюсь досугомъ, лучше сказать такимъ положеніемъ, при которомъ я, скоро уже двѣ недѣли, сижу больной въ четырехъ стѣнахъ, безъ книгъ и безъ общества. словно я сижу въ тюрьмѣ на карцерномъ положеніи, а не живу мирно атбасарскимъ обывателемъ.

Въ 1882 г., по мысли, какъ говорятъ, графа Д. А. Толстого, бывшаго тогда мин. вн. дѣлъ, было рѣшено возобновить въ Шлиссельбургской крѣпости тюрьму для государственныхъ преступниковъ, давнымъ давно упраздненную. Въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости помѣшался дисциплинарный баталіонъ. Его оттуда перевели и приступили къ работамъ, которыя и были доведены до конца лѣтомъ 1884 года.

Первый контингентъ шлиссельбургскихъ заключенныхъ доставили *содержавшіеся въ Петропавловской крѣпости* (главнымъ образомъ, содержавшіеся въ Алексѣевскомъ равелинѣ) на каторжномъ положеніи. народовольцы, осужденные по процессамъ 82 и 83 годовъ, и *карійцы*, привезенные изъ Сибири: ихъ привезено было всего 14 человекъ; въ сентябрѣ 1885 г.: 1. Щедринъ, 2. Поповъ, 3. Игнатъ Ивановъ, 4. Буцинскій, 5. Геллисъ, 6. Кобылянской, 7. Волошенко, 8. Орловъ; и лѣтомъ 1883 года остальные шесть: 9. Мышкинъ, 10. Юрковскій, 11. Минаковъ, 12. Крыжановскій. 13. Долгушинъ. 14. Малавскій.

Изъ первой партіи трое (Щедринъ, Поповъ и Ивановъ) были посажены въ Алексѣевскій равелинъ, остальные же 5 (Буцинскій, Геллисъ, Кобылянской, Волошенко, Орловъ)—въ Трубецкой бастіонъ Петропавловской крѣпости.

Вторая же партія была помѣщена сначала цѣликомъ въ Трубецкой бастіонъ.

Говорятъ, что выборъ этихъ лицъ было предоставлено сдѣлать Судейкину, который и отобралъ своихъ знакомыхъ по южнымъ процессамъ, а къ нимъ еще прибавилъ Мышкина и Долгушина, изъ которыхъ первый былъ, кромѣ побѣга, преданъ суду еще и за возмутительнаго содержанія рѣчь, сказанную имъ въ церкви иркутскаго острога на похоронахъ Дмоховскаго, а Долгушину набили 15 лѣтъ за пощечину, данную имъ смотрителю краснойрской тюрьмы.

¹⁾ Письма написаны П. С. Поливановымъ въ первые дни по прибытіи въ станцію Атбасаръ, Акмолинской области, куда онъ былъ препровожденъ послѣ освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости, въ которой провелъ 18 лѣтъ. Передъ Шлиссельбургомъ 2 года онъ пробылъ еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавл. крѣпости. Воспоминанія П. С. Поливанова объ Алек. рав. напечатаны за границей. Здѣсь печатаются отрывки изъ нѣсколькихъ соединенныхъ вмѣстѣ писемъ.

Ред.

Игнатъ Ивановъ сошелъ съ ума въ Алексѣевскомъ равелинѣ и былъ увезенъ (въ сентябрѣ 1883 г.), послѣ посѣщенія тюрьмы Оржевскимъ и Ганецкимъ (июль 1883 г.) въ казанскую лечебницу, откуда его все еще больного, привезли въ октябрѣ 1884 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и доканали...

Волошенко и Орловъ были увезены совершенно больные (цынгой) обратно въ Сибирь.

Остальные же 11 человекъ карійцевъ вошли въ составъ первыхъ обитателей Шлюшина ¹⁾, вмѣстѣ съ 11 же народовольцами изъ Петропавловской крѣпости, такъ что при открытіи тюрьмы въ нее были посажены 22 человекъ.

...Насъ перевезли изъ Петропавловки въ Шлиссельбургъ въ два приема: 12 человекъ—2 августа 1884 г., остальныхъ же 10 человекъ—4 августа. Для перевозки былъ построенъ особаго рода ковчегъ, который буксировался парходомъ петербургской рѣчной полиціи. Въ этомъ ковчегѣ вдоль каждаго борта было построено по 6 чулановъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустымъ пространствомъ, равнымъ ширинѣ чулана, и чуланы эти были расположены въ шахматномъ порядкѣ, такъ что чулану на одной сторонѣ баржи соотвѣтствовало пустое пространство на другой, и обратно.

Въ глубокую ночь насъ выводили ²⁾ по одиночкѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, сажали въ карету, гдѣ находились 2 жандармскихъ унтеръ-офицера и Соколовъ (alias „Иродъ“, см. „Алексѣевскій равелинъ“) и везли къ Невскимъ воротамъ, гдѣ ждалъ цѣлый рой синихъ мундировъ, нижнихъ чиновъ и самъ комендантъ Петропавловской крѣпости—Ганецкій. Высаживаемыхъ изъ кареты арестантовъ сейчасъ же хватили за руки два дюжихъ унтера и вели къ сходящимъ ковчега, гдѣ опять встрѣчала цѣлая толпа жандармовъ, подхватывавшая подъ руки и спускавшая по лѣстницѣ, внизу которой ждали уже новые черберы, которые быстро тащили каждаго въ назначенный ему чуланъ.— Путешествіе это столь оригинально, что заслуживало бы болѣе подробнаго описанія... Процедура эта занимала очень много времени, и ковчегъ тронулся въ путь часовъ въ 7 утра и тащился до Шлиссельбурга часовъ 8.

По прибытіи, столь же торжественнымъ образомъ, начиналась высадка и препровожденіе въ тюрьму, само собою разумѣется, поодиночкѣ, что заняло не мало времени. Когда меня вывели на палубу, я замѣтилъ... ³⁾ надпись „Государева“, группу какихъ-то штатскихъ, среди которыхъ, какъ я потомъ узналъ, былъ и самъ графъ Д. А. Толстой. Каждаго изъ насъ отъ воротъ до самой камеры сопровождало множество жандармовъ. Введя въ камеру, снимали наручники и производили самый тщательный обыскъ, раздѣвъ до гола. Затѣмъ, дверь захлопывали, и вся эта орда отправлялась на пристань за новыми заключенными.

На другой день выводили на дворъ тюрьмы, гдѣ была поставлена наковальня и находился кузнецъ (одинъ изъ шлиссельбургскихъ жандармовъ) съ молотомъ и зубиломъ.

Тюрьма была совершенно новая, съ иглочки, и имѣла весьма щеголеватый видъ: все блеститъ, все лоснится, нигдѣ ни соринки, ни пылинки, но я, право, предпочиталъ допотопныя камеры Алексѣевского равелина, съ которыми я сжился, съ которыми было связано столько личныхъ и историческихъ воспоминаній. Эта официальная чистота и однообразіе носили такой казарменный, монотонный характеръ, что не могли изгладить мысли, неволью возникавшей въ головѣ каждаго: „это мой гробъ!“...

¹⁾ Шлиссельбургъ.

²⁾ Изъ Алекс. рав. Петр. крѣп.

³⁾ Не разобрано вѣсколько.

Бѣлье было изъ той же убійственной дерюги, какую мы носили въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Только послѣ 3—4-й стирки оно становилось удобоносимъ и не рѣзало, не кололо тѣла. Платье было обычное, арестантское, изъ сермяжнаго сукна самаго низшаго достоинства (шапка, армякъ, куртка, штаны), которое очень мало защищало и отъ холода, и отъ сырости. Я сказала „обычное“ арестантское платье, но скорѣе бы нужно было сказать „необычное“. До 1888 г. насъ одѣвали въ какіе-то шутовские костюмы: на шапкѣ были шиты крестъ-на-крестъ двѣ черныя полосы, а у сѣрой куртки вшиты черныя рукава. Говорили мнѣ, что такой костюмъ гдѣ-то полагается носить „отцеубійцамъ“.— Не пришли ли эти черныя рукава по мысли Петра Николаевича Дурново, чтобы дать почувствовать весь ужасъ 1 марта, всю глубину преступности людей, лишившихъ жизни отца русскаго народа?...

Постельное бѣлье было тонкое, какъ и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, одѣяло байковое, новое, совершенно приличное. Въ камерѣ оказалась, сверхъ ожиданія, вещь, считающаяся необходимой въ человѣческомъ обиходѣ, а именно кусокъ *мыла*, котораго намъ не давали въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а затѣмъ, вскорѣ явился новый, пріятный сюрпризъ: часа въ 4 мнѣ дали кружку *чаю* и кусокъ *сахару*. Почти два года я его не пила,— этой роскоши въ Алексѣевскомъ равелинѣ не полагалось,— и для меня было большимъ наслажденіемъ умыться по-человѣчески, съ мыломъ, и выпить потомъ горячаго и крѣпкаго чаю, который въ первый разъ оказалъ на меня очень сильное дѣйствіе: достаточно было одной кружки, чтобы вызвать сердцебіеніе и большую испарину.

Нашей тюрьмой завѣдывало жандармское Управление Шлиссельбургской крѣпости, состоявшее изъ начальника управленія (комендантъ), въ то время ¹⁾ полковника Покрошинскаго; старшаго помощника (смотритель),— капитана Соколова ²⁾, и младшаго помощника (экономъ). поручика Яковлева,— нынѣ (въ 1902 г.) уже полковникъ и комендантъ Шлиссельбургской крѣпости...

...Шлиссельбургская крѣпость находится на небольшомъ островѣ, лежащемъ у истока Невы изъ Ладожскаго озера, что представляетъ, такимъ образомъ, удобство въ смыслѣ изоляціи государственной тюрьмы, какое трудно найти при иныхъ условіяхъ. Сообщение съ городомъ совершается на катерѣ, стоящемъ не у крѣпости, а у городской пристани. Катеръ ходитъ въ опредѣленные часы, а въ случаѣ какой-либо экстренной надобности вызывается сигнальнымъ флагомъ. Зимой сообщеніе совершается по льду, но рукавъ Невы между крѣпостью и городомъ имѣетъ столь быстрое теченіе, что не замерзаетъ иногда всю зиму. Во всякомъ случаѣ сообщеніе по льду продолжается не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году, да и тогда сношенія крѣпости съ внѣшнимъ міромъ подвергаются строгому и бдительному контролю.

Какъ я уже сказалъ выше, крѣпость и находящаяся въ ней тюрьма находится въ вѣдѣніи жандармскаго управленія Шлиссельбургской крѣпости, которое состоитъ изъ: 1) начальника управленія (комендантъ), 2) старшаго помощника (смотритель), 3) младшаго помощника (экономъ), 4) начальника команды и 5) помощника начальника команды младшаго офицера.

Два послѣднихъ офицера не имѣли никакого отношенія къ заключеннымъ, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, при отсутствіи обоихъ

¹⁾ Въ 1884 году.

²⁾ Онъ же, по прозванію заключенныхъ, „Иродъ“, бывшій смотритель Алексѣевскаго равелина и переведенный вмѣстѣ съ заключенными въ Шлиссельбургскую крѣпость въ 1884 г. Прозваніе свое получилъ за жестокое обращеніе и безсердечіе. Уволенъ отъ должности послѣ самоубійства Мих. Фед. Грачевскаго, обливашаго себя керосиномъ изъ лампы въ октябрѣ 1887 года въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости.

помощниковъ коменданта, одинъ изъ нихъ,—обыкновенно, младшій офицеръ,—временно назначался въ тюрьму.

Первыя три лица составляютъ тюремный комитетъ, на засѣданія котораго могутъ быть приглашены врачъ и священникъ, но лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Въ сущности, всѣми дѣлами вѣдаетъ начальникъ управленія, а прочія лица являются лишь исполнителями.

Докторъ, носящій званіе старшаго врача шлиссельбургскаго жандармскаго управленія, живетъ въ крѣпости, но священникъ живетъ въ городѣ, откуда и призывается для совершенія службъ въ крѣпостной церкви, куда заключенные доступа не имѣютъ. Одно время былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ церкви гдѣ-нибудь въ предѣлахъ тюремной территоріи, специально для заключенныхъ; стали было даже составлять планы и чертежи, но такъ какъ изъ заключенныхъ не нашлось ни одного охотника ходить въ церковь, и постройка послѣдней явилась бы поэтому несообразной, то проектъ этотъ былъ отложенъ.

Кромѣ врача имѣется и фельдшеръ, но больницы нѣтъ, да въ сущности, вся тюрьма, особенно въ старые годы, представляла изъ себя больницу, такъ какъ изъ заключенныхъ нѣтъ ни одного вполне здороваго человѣка...

Пѣшая жандармская команда, числомъ около 110 человѣкъ, занимаетъ лишь внѣшніе посты и не имѣетъ прямого отношенія къ заключеннымъ. Часовымъ вмѣнено въ обязанность слѣдить со стѣнъ за заключенными во время гулянья, главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы надзиратели не вели разговоръ съ заключенными, и о всемъ, что имъ покажется подозрительнымъ, они докладываютъ своему начальству. Вообще система взаимнаго наблюденія и шпіонство доведены въ крѣпости до крайнихъ предѣловъ, иногда даже становится въ противорѣчіе съ понятіями о воинской чести и дисциплинѣ. Строго, напр., соблюдается правило, чтобы никто не могъ говорить съ заключенными съ глазу на глазъ. При посѣщеніи доктора должны присутствовать два унтеръ-офицера; смотритель говорить съ заключенными обязательно въ присутствіи вахмистра и офицера изъ дежурныхъ; начальникъ управленія приходитъ вмѣстѣ съ смотрителемъ и, конечно, съ вахмистромъ и съ кѣмъ-нибудь изъ унтеровъ.

Такой порядокъ вещей, когда нижнему чину вмѣняется въ обязанность слѣдить за своими начальникомъ, офицеромъ, и доносить обо всемъ, что ему, солдату, покажется нарушающимъ долгъ службы, дѣйствуетъ деморализующе.

Однажды унтеръ-офицеръ Блиновъ взялъ за рукавъ штабъ-ротмистра Степанова со словами: „ваше б—діе, пожалуйста изъ камеры!“ жода этотъ послѣдній, зайдя къ Сергѣю Иванову, завелъ съ нимъ разговоръ о постороннихъ предметахъ и назвалъ одного изъ товарищей не номеромъ, а по фамиліи.

Изъ числа нижнихъ чиновъ пѣшей команды, 7 составляютъ нестроевую команду. На обязанности этихъ солдатъ лежитъ приготовленіе пищи на арестантской кухнѣ, топка печей въ старой и новой тюрьмахъ, уборка тюремъ и тюремнаго двора и другія хозяйственныя работы.

Тюремными надзирателями служатъ унтеръ-офицеры. Старшій изъ нихъ—вахмистръ—обязанъ присутствовать въ тюрьмѣ все время, съ утра до ночи, остальные дежурятъ по 9 человѣкъ въ день. Изъ числа унтеровъ, трое (унтеръ-офицеръ, завѣдующій работами, унтеръ-офицеръ, завѣдующій кухней, и вахтеръ)—не ходятъ на дежурства и назначаются лишь въ случаѣ крайней необходимости.

Всѣ унтера получаютъ очень хорошее жалованье (30 руб., а вахмистръ 35 руб., при казенной квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, обмундированіи), крайне дорожатъ своимъ мѣстомъ и принимаются на службу съ большимъ разборомъ, Всѣ они или служили раньше и подолгу въ жандармскомъ управленіи или (большею частью) пробывши предварительно нѣсколько лѣтъ унтерами въ пѣшей командѣ.

...День въ тюрьмѣ начинается разлачей кипятку около 7 часовъ утра. Въ 8 начинаютъ водить на прогулку, наблюдая, чтобы выпускали одного за другимъ, не такъ какъ прежде ¹⁾, когда вахмистръ отворялъ подрядъ всѣ казармы, предоставляя заключеннымъ полную свободу передвиженія. Гуляютъ въ огородахъ, клѣткахъ и на старомъ дворѣ по двое (ранѣе на дворѣ разрешено гулять вчетверомъ, фактически же тамъ гуляли всѣ вмѣстѣ).

Маленькій задній дворъ около старой тюрьмы, отданный въ наше распоряженіе въ 1898 г., гдѣ мы насадили ягодные кусты, яблони, развели клубнику и сдѣлали гряды для овошей, весной 1902 г. былъ изъятъ вмѣстѣ со старой тюрьмой—„сараямъ“ изъ нашего владѣнія, и на этомъ дворѣ казеннѣ Балмашевъ ²⁾.

Старая тюрьма—„сарай“ съ 1891 г. была отдана подъ мастерскія, теперь же ³⁾ мастерскія оттуда вынесены и работать приходится въ новой тюрьмѣ, гдѣ въ прежніе годы въ нижнемъ этажѣ нѣсколько камеръ было отведено для производства такихъ работъ, которыя не сопровождаются стукомъ и грохотомъ, какъ, напр., токарныя, переплетныя работы; теперь же, когда „сарай“ закрытъ, работы фактически прекратились, ибо, по приказанію самой тюремной администраціи, онѣ въ новой тюрьмѣ невозможны, потому что здѣсь нѣтъ мѣста гдѣ можно складывать матеріалъ, нѣтъ кухни, гдѣ можно варить клей и клейстеръ, наконецъ,— при запираніи камеръ во время работъ нельзя дѣлать крупныхъ вещей (шкафы и проч.) которыя собирались въ коридорѣ „сарая“. Занятія работами, такимъ образомъ, сводятся къ очень небольшому. Огородныя работы тоже сильно стѣснены новыми порядками, и нѣкоторые заключенные бросили въ этомъ году парники, ибо, при соблюденіи правила, чтобы болѣе двухъ человекъ одновременно на дворѣ не было, физически невозможно всѣмъ желающимъ и имѣвшимъ прежде парники вести это дѣло. Закрытіе старой тюрьмы, куда, между прочимъ, складывали на зиму овощи и ставились цвѣты не зимующіе въ грунтъ, повлекло за собой и сокращеніе цвѣтоводства и производства гербаріевъ, которыхъ въ прошломъ году (1901) было сдѣлано болѣе 150. Притомъ составленіе гербаріевъ, минералогическихъ коллекцій, теперь стало безцѣльнымъ, такъ какъ сбывать ихъ стало некуда.

Такимъ образомъ, мы теряли одно за другимъ все то, что хоть нѣсколько скрашивало жизнь и наполняло существованіе...

Относительно газетъ было сказано прямо, что ихъ, даже за старые годы, допустить нельзя, а самое допущеніе журналовъ за истекшій годъ представляло, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, „такую

¹⁾ Написано въ 1902 г., когда въ Шлиссельбургской тюрьмѣ были опять введены стѣсненія и отпаты льготы, которыя были въ предыдущіе годы завоеваны заключенными. Всецѣло предоставленные произволу тюремщиковъ, лишенные всего, чѣмъ пользуются даже самые преступные уголовные каторжане,—шлиссельбургскіе узники боролись за приобрѣтеніе cadaго, самого маленькаго „права“: права на чтеніе, права на очки, права на совѣстную съ товарищемъ прогулку и т. д. — все это добывалось дорогой цѣной: цѣной здоровья, часто—жизни.. Послѣ самоожженія Грачевскаго—уволенъ „Иродъ“, немного смягченъ режимъ; голодовками—добывались совѣстныхъ прогулокъ и т. д. N.

²⁾ И Коляевъ.

³⁾ Написано въ 1902 г. Старая тюрьма была отремонтирована для новой партіи заключенныхъ, поступившихъ за послѣдніе годы. Новичковъ все время держали изолированно отъ заключенныхъ въ большой тюрьмѣ, и льготы, полученные послѣдними, не распространялись на вновь поступившихъ, такъ, напр., совѣстныя работы, прогулки. Только послѣ отъѣзда изъ Шлиссельбургской тюрьмы послѣдней партіи, освобожденныхъ послѣ 20—25 лѣтняго заключенія, узниковъ, были переведены въ „новую“ тюрьму Гершунъ, Мельниковъ, Сазоновъ же и Сикорскій были до самаго послѣдняго времени въ старой тюрьмѣ, „чистилищѣ“, какъ ее прозвали заключенные. N.

большую льготу, какой нѣтъ въ другихъ тюрьмахъ". Въ пищевомъ режимѣ измѣненій пока нѣтъ. Оставили также, хотя не безъ попытки отнять, еженедѣльную ванну. Въ обращеніи пока перемѣнъ тоже нѣтъ, да въ этомъ отношеніи нечего бояться: начальство хорошо знаетъ, что есть вещи, которыхъ петербуржцы ни въ какомъ случаѣ терпѣть не станутъ, а попытка вернуться къ „Иродовымъ“ временамъ встрѣтитъ отпоръ, доходящій до жертвъ жизнию“...

1902 г. Октябрь.
Атбасаръ.

П. С. Полвановъ.

Кошмаръ.

Сыро, пасмурно, дождь моросить цѣлый день,
Наводя отупѣнье и скуку.
Я не въ силахъ читать, даже думать мнѣ лѣнь,
Даже трудно подвинуть мнѣ руку,

Я упорно на тучи гляжу, что висятъ
Низко, низко надъ самой землею,
А въ душѣ у меня смутныхъ образовъ рядъ.
Проторенной проходятъ стезею;

И не знаю я самъ, что творится во мнѣ:
Вспоминаю ли снова бывшее?
Иль грядущаго тѣни въ нѣмой тишинѣ.
Омрачаютъ сознание больное?

Только чувствую я, что даетъ въ немъ ростокъ
Горькихъ думъ ядовитое сѣмя,
И угрюмыхъ, туманныхъ видѣній потокъ
Давитъ грудь, какъ свинцовое бремя.

Я не въ силахъ словами тоску передать,
Тотъ болѣзненный рядъ ощущений,
Что имѣетъ зловѣщую власть—вызывать
Появленье постылыхъ видѣній...

Въ чемъ ихъ сущность—понять я не могъ,
И не разъ становилось ужасно
Если чувствовалъ я, что мой умъ изнемогъ,—
Но старался постичь ихъ напрасно:

Такъ неясны, расплывчаты, смутны они,
Такъ безформенно ихъ колыханье,
Какъ сливается осенью въ тусклые дни
Сѣрыхъ тучъ въ небесахъ очертанье.

Иногда я страшусь: не схожу ли съ ума?
Что за призраки дикіе вижу?...
О, проклятая, душная, мглистая тьма!
Какъ я жгуче тебя ненавижу!

Но приходитъ пора, ты надвинулась вновь,
И, подкравшись ко мнѣ невидимкой,
Появляемъ своимъ леденишь мою кровь,
Застилаешь сознаніе дымкой.

Я во власти твоей, цѣпенѣть мой умъ,
Сердце замерло, скованы руки.
Только слышу я вѣтра подавленный шумъ,
Иль дождя монотонные звуки.

Такъ проходятъ минуты, проходятъ часы,
И сильнѣе все крѣпнеть желанье,
Чтобы время фатальнымъ ударомъ косы
Пересѣкло и жизнь, и страданье!...

П. С. Поливановъ.

Шлиссельбургская крѣпость.
1899 г.

Памяти Л. А. Волкенштейнъ.

Жить для другихъ и умереть за другихъ—завидная доля!

10-го января во Владивостоѣ, во время волненій среди матросовъ, была убита Людмила Александровна Волкенштейнъ. Не розами была усыяна жизненная дорога покойной Л. А., она была полна страданій, лишеній и душевныхъ мукъ за обиженныхъ и обездоленныхъ. Личная жизнь сулила ей личное счастье и лучшую долю, но она избрала житейскіе терніи. Она отказалась отъ счастья, довольства и роскоши, потому что не могла видѣть, какъ страдаютъ, голодаютъ милліоны тѣхъ, которые создаютъ эту роскошь и блескъ, а сами гибнутъ въ невѣжествѣ, нищетѣ и безправіи. На борьбу съ этимъ вопіющимъ зломъ она отдала всѣ свои силы, свою жизнь. 16 лѣтъ Л. А. была уже въ гимназическомъ кружкѣ въ Кіевѣ, мечтая о томъ, какъ, кончивъ гимназію и изучивъ фельдшерство, отправится въ деревню облегчать страданія крестьянъ, займется мирной проповѣдью гуманныхъ идей. По натурѣ Л. А. никогда не была террористкой. Ея нѣжное сердце, чуткая душа боялась крови. Но уродливыя общественныя условія, жестокія гоненія постоянно толкали ее на этотъ путь. Черезъ нѣсколько лѣтъ ея прекрасныя мечты о мирной, культурной работѣ были разбиты преслѣдованіями и принудили переѣхать въ г. Харьковъ, гдѣ она поселилась въ вѣществѣ хозяйки конспиративной квартиры. Предательство Гольденберга заставило ее покинуть Россію и переселиться во Францію. Проживъ почти 3 года за границей, она снова вернулась на родину, думая отдаться работѣ, отъ которой оторвала ее суровая дѣйствительность. Но и въ этотъ разъ благому порыву не суждено было осуществиться. Въ списокѣ лицъ, подлежащихъ преслѣдованію и травлѣ, стояло и ея имя, департаментъ «слова и дѣла» подстерегалъ ея возвращеніе, чтобы съ неумолимой жестокостью отмстить, и она была арестована въ С.-Петербургѣ въ 83-мъ году. Военный судъ приговорилъ ее къ смерти, замѣненной 15 л. каторгой, но администрація, найдя этотъ приговоръ слишкомъ гуманнымъ, отправила ее въ Шлиссельбургскую крѣпость. О томъ, какъ жилось въ этой крѣ-

пости, въ этой живой могилѣ, писала я сама Л. А. Но и здѣсь она оставалась вѣрной себѣ, и здѣсь, несмотря на жестокой режимъ, который могъ убить въ человѣкѣ все человѣческое, Л. А. сохранила и свою чуткость, и отзывчивость, и гордость благороднаго узника. Никакихъ колебаній, никакихъ жалобъ не вызывали въ ней тюремныя невзгоды и притѣсненія. Она всегда вступалась за другихъ, какъ только узнавала о несправедливостяхъ тюремщиковъ къ другимъ, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ тюремныхъ протестахъ, не останавливаясь ни предъ какими лишеніями. Въмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ онѣ подняли протестъ о допущеніи свиданій для всѣхъ заключенныхъ товарищей, отказавшись отъ такихъ льготъ, пока требованіе ихъ не будетъ удовлетворено, и такимъ образомъ, лишили себя свиданій до 89 г. Позже, когда генераль Шебеко, посѣтивъ тюрьму, наговорилъ дерзостей нѣкоторымъ изъ товарищей и явился вторично къ Л. А. съ сообщеніями о матери,—грубый администраторъ рассчитывалъ поиграть на дорогомъ, святомъ чувствѣ и тѣмъ загладить свою дикую выходку, зная, какъ дороги были для каждаго изъ узниковъ извѣстія о родныхъ, дорогихъ лицахъ,—она отказалась выслушать его и почти выгнала изъ камеры.

Въ ноябрѣ 96 года къ нѣкоторымъ изъ товарищей, въ томъ числѣ и къ Л. А., былъ примѣненъ манифестъ. Л. А. приняла его съ такою грустью, съ такою болью, что многіе опасались за нее.

— Нѣтъ, а что-нибудь сдѣлаю, чтобы остаться здѣсь. Я не могу: однихъ увозятъ, другихъ оставляютъ здѣсь,—говорила она.

— Пусть хоть кто-нибудь выйдетъ, чѣмъ всѣмъ погибать,—возражали ей друзья.

— Но не я. Я не могу. Это несправедливо.

— Тебя все равно не оставятъ, силою увезутъ.

Стоило не мало труда отговорить ее отъ попытки остаться. Все время въ ожиданіи увоза, Л. А. чувствовала себя какъ бы измѣнницей своимъ товарищамъ, какъ будто ея увозъ совершался по ея волѣ, по ея желанію.

— Живя здѣсь съ нами,—ты никому никакой пользы не принесешь, а только отягчишь наше сознаніе. Тамъ же, въ ссылкѣ, можешь быть полезной, можешь работать, помогать,—убѣждали ее товарищи.

И дѣйствительно, очутившись на Сахалинѣ, среди уголовныхъ поселеній, гдѣ царилъ административный произволъ, жестокости и развратъ, она нашла примѣненіе своимъ силамъ. Здѣсь Л. А. отдалась любимому своему занятію—фельдшерству и скоро приобрѣла любовь поселенцевъ не столько, можетъ быть, своей медицинской помощью, сколько заступничествомъ за обиженныхъ. Вотъ какъ она характеризовала окружающія условія въ одномъ изъ писемъ.

«Уже второй годъ живу здѣсь, фельдшерствую. Больныхъ много, но больные страдаютъ не столько отъ болѣзней, сколько отъ жестокостей администраціи. Здѣсь каждый сторожъ, надзиратель—и царь и богъ по своей власти, и дикій звѣрь по своей безсердеч-

ности, неумолимости. Малѣйшій проступокъ уголовныхъ наказывается розгами; а знаешь, что значить здѣсь проступокъ? Понравится жена уголовного какому-нибудь «сторожу», вотъ и проступокъ. Не проходитъ у меня дня безъ исторій. Ведемъ съ А. А. (мужъ Л. А.) отчаянную борьбу съ начальствомъ. Стараемся уговаривать, доказывать. Какъ бываешь счастлива, когда удастся кого-нибудь освободить отъ тѣлеснаго наказанія! Уголовные здѣсь тоже не мало испорчены. Но порчу эту я всецѣло приписываю администраціи: она крайне несправедлива, черезчуръ жестока и своевольна. Страшно устаю, задыхаюсь въ этой ненормальной атмосферѣ. Хотѣлось бы отдохнуть. Скоро, можетъ быть, переведутъ въ Александровскій постъ». Но не на радость было это перемѣщеніе. Здѣсь условія оказались еще хуже: почти каждый день кого-либо изъ уголовныхъ наказывали розгами и истерзанныхъ арестантовъ приносили въ больницу, гдѣ служила Л. А. Въ Александровскомъ посту, какъ въ центрѣ острова, жестокость администраціи концентрировалась, проявляясь въ самыхъ широкихъ и безпощадныхъ формахъ; она до глубины души возмущала Л. А. И здѣсь началась борьба съ администраціей, жившей традиціями варварскихъ временъ, смотрѣвшей на уголовныхъ, какъ на предметы, о которые и можно и должно измочалить розги. Сахалинская администрація, бичуя спины несчастныхъ уголовныхъ, въ преступленіяхъ которыхъ она была виновата, можетъ быть, больше, чѣмъ уголовные, бичевала въ то же время благородную, самотверженную душу Л. А. Освободивъ ее изъ шлисельбургскаго склепа, мстительное правительство показало ей жизнь въ самомъ ужасномъ разнообразіи сахалинскихъ порядковъ. Даже средневѣковые нравы были человѣчнѣе.

«Наконецъ-то я переѣзжаю съ Сахалина во Владивостокъ,—писала Л. А.: какъ я рада, что освобожусь отъ здѣшнихъ ужасныхъ, раздирающихъ душу картинъ. Не буду видѣть изсѣченныхъ до мяса спиныхъ, почернѣвшихъ отъ боли лицъ. Это что-то нечеловѣческое. Поздравь меня, В.! Я измучилась. Пора отдохнуть, силъ нѣтъ продолжать такую жизнь». Это письмо было какимъ-то сплошнымъ воплемъ измученнаго добраго сердца, сердца, полнаго любовью къ людямъ, сочувствіемъ къ ихъ страданіямъ и горю, это письмо было въ то же время полно надеждъ, что близокъ конецъ душевнымъ мукамъ, скоро настанетъ отдыхъ. Но русскія темныя силы могли дать этотъ желанный отдыхъ, только пославъ его съ солдатской пулей.

Отдыхай, милый другъ! Добрая память, товарищъ-страдалецъ! Въ могилѣ не коснется, не нарушитъ твоего тихаго отдыха жестокая рука земныхъ владыкъ, гонителей всего свѣтлаго, разумнаго! человѣческаго!...

В. Панкратовъ.

Рѣчь Н. Ф. Бунакова, произнесенная имъ 26 августа 1902 г. въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности.

Рѣчь Н. Ф. Бунакова и обрушившіяся на него въ ея результатѣ репрессіи должны быть сохранены въ памяти потомства въ качествѣ яркой иллюстраціи самодержавнаго режима Плеве. Рѣчь эта,—какъ читатель можетъ убѣдиться самъ,—рѣчь въ высшей степени «умѣренная», ничего «возбуждающаго» въ себѣ не заключающая и лишь рисующая правдивыми красками то положеніе Россіи, до котораго довело ее безконтрольное хозяйничанье ея правителей. Притомъ же рѣчь эта была произнесена въ учрежденіи, созданномъ по инициативѣ самого правительства, произнесена не «увлекающимся юношей», а почти семидесятилѣтнимъ старцемъ, знаменитымъ педагогомъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, ни въ чемъ, «неблагонадежномъ» рѣшительно ни въ чемъ въ теченіе всей своей долголѣтней жизни «незамѣченнымъ». И что же? Взяло ли правительство голосу одного изъ самыхъ несомнѣнныхъ «людей земли»? Взяло, но по своему: по телеграммѣ Плеве, въ квартиру Бунакова явилась полиція, произвела обыскъ и, хотя ничего «предосудительнаго» при этомъ обнаружено не было, схватила старца, отобрала у него паспортъ, снабдила арестантскимъ «проходнымъ свидѣтельствомъ» и, подъ угрозой отправки въ Петербургъ съ жандармами, предписала немедленно отправляться туда и предстать предъ ясныя очи департамента полиціи. Въ Петербургѣ съ Бунакова жандармы «сняли допросъ», а чрезъ нѣсколько дней ему отъ Плеве «вышло рѣшеніе»—отправляться въ административную ссылку въ Новгородскую губернію подъ гласный надзоръ полиціи на три года. Мѣра эта была затѣмъ замѣнена ссылкой Бунакова подъ надзоръ полиціи въ его собственный хуторъ Петино (въ Воронеж. губ.). Въ хуторѣ этомъ были немедленно закрыты образцовая народная школа и народный театръ—плоды многолѣтнихъ заботъ и трудовъ Бунакова на нивѣ народнаго просвѣщенія. Лишенный любимыхъ занятій, потрясенный всѣмъ пережитымъ и окончательно разбитый физически, старецъ болѣлъ, хирѣлъ и тоско-

валъ. Просьбы его о переводѣ въ губернской городъ встрѣчали со стороны властей постоянные отказы. Наконецъ, черезъ два года, т. е. уже тогда, когда вмѣсто Плева судьбами Россіи управлялъ Святополкъ-Мирскій, Бунакову было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ для совѣта съ врачами, но было уже поздно: едва прибывши въ Петербургъ, Бунаковъ скончался...

Рѣчь его разошлась въ свое время по Россіи «нелегально» въ значительномъ количествѣ, напечатана она была и за границею, но не по первоисточнику. Мы печатаемъ ее по стенографической записи, поправки на которой сдѣланы рукою самого Н. Ф. Бунакова.

Вотъ эта рѣчь:

Ред.

„Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о предлагаемыхъ намъ занятіяхъ съ общей точки зрѣнія, но сказать искренно, откровенно, думаю, что именно это и нужно въ настоящее время. Просматривая программу возложенныхъ на уѣздные комитеты занятій, я прежде всего вижу въ этой программѣ почти исключительно частные практическіе вопросы о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ для поднятія въ Россіи погибающей сельско-хозяйственной промышленности. Изъ этого списка, изъ этого ряда вопросовъ, болѣе или менѣе детально обнимающихъ всѣ стороны сельско-хозяйственной промышленности, видно, что у насъ, наконецъ, сознали печальное положеніе этой промышленности и предвидятъ его угрожающіе результаты, но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, вызвавшимъ это положеніе. А это очень жаль, потому что безъ устраненія этихъ причинъ никакими частными мѣропріятіями нельзя поправить дѣла и предупредить надвигающіяся грозныя послѣдствія его современнаго положенія. Вѣдь упадокъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи только одинъ изъ многихъ симптомовъ общей отсталости нашего общества отъ другихъ странъ, т. е. явленіе не самостоятельное, а необходимо вызванное общимъ неудовлетворительнымъ строемъ русской жизни, государственной и общественной, чуждымъ всей Европѣ, кромѣ развѣ Турціи: полное безправіе личности, подавленность всѣхъ общественныхъ силъ, отсутствіе свободнаго слова и независимой печати, антагонизмъ, даже вражда и взаимное недоверіе сословій, административный произволъ, стоящій выше суда, общій застои, жалкое положеніе школы и ужасающее невѣжество народной массы. Болѣе четверти вѣка мы упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ, а то и пятимся назадъ, и это въ то время, когда вокругъ насъ все и всѣ стремительно идутъ впередъ и впередъ по пути освобожденія личности, расширения общественной самодѣятельности, просвѣщенія и очеловѣченія народныхъ массъ. При этомъ общемъ стремительномъ движеніи впередъ уже и стояніе на одномъ мѣстѣ равносильно движенію назадъ.

Общій застои русской жизни, какъ понятно само собой, не можетъ не сопровождаться и обѣдненіемъ народа, и упадкомъ народной нравственности, и многими другими печальными явленіями, а между прочимъ, и упадкомъ сельско-хозяйственной промышленности. При такихъ условіяхъ думать и толковать о какихъ-то частныхъ мѣропріятіяхъ, въ родѣ учрежденія сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ и коопераций, опытныхъ полей, укрѣпленія овраговъ и т. п., — дѣло безплодное, скорѣе вредное, нежели полезное, и ч. оно будетъ только отводить глаза, отвлекать вниманіе отъ настоящаго дѣла. Это все равно, какъ если бы какой-нибудь домовладѣлецъ, у котораго пришелъ въ полный упадокъ его домъ, и не сегодня, такъ завтра долженъ свалиться, и пригласилъ бы специалистовъ обсудить, не поставить ли въ этомъ домѣ новыя пеглы къ дверямъ, новыя замки, новыя стекла въ окна, пожалуй, новыя ватерклозеты? Понятно, что честные специалисты на такое предложеніе отвѣтятъ: „чего тутъ толковать о замкахъ да о ватеръ-клозетахъ, когда домъ вашъ валится? Надо его разобрать, да строить заново“.

То же самое и въ нашемъ дѣлѣ: надо думать и толковать не объ инструкторахъ да опытныхъ поляхъ, а о коренномъ измѣненіи всего строя государственной и народной жизни. Что же слѣдуетъ дѣлать? На мой взглядъ, прежде всего необходимо немедленное возстановленіе въ полной мѣрѣ всѣхъ освободительныхъ начинаній, которыми ознаменовалась первая половина царствованія Императора Александра II, которыя остались незаконченными, а потомъ подвергались печальнымъ измѣненіямъ и урѣзкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть освобожденіе крестьянъ: развѣ оно было кончено? Что же это за освобожденіе безъ достаточнаго земельного надѣла, безъ гарантированнаго крестьянскаго самоуправленія, безъ благоустроенной народной школы, даже безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія, унижающаго человеческое достоинство освобождаемыхъ,—освобожденіе которое началось и продолжается до сихъ поръ безпощадными порками? Возьмемъ нашъ новый судъ. Что осталось въ немъ отъ того идеала...

Предсѣдатель (увѣдный предводитель дворянства И. Т. Алисовъ). Я прошу Васъ, Николай Федоровичъ, держаться ближе къ сельско-хозяйственной промышленности.

Н. Ф. Бунаковъ. Возьмемъ ли мы наши земскія учрежденія: какія черты истиннаго, а не призрачнаго самоуправленія сохранились въ настоящее время въ этихъ учрежденіяхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, отданныхъ на растерзаніе безконтрольнаго административнаго произвола?

Предсѣдатель. Я, какъ предсѣдатель... Мнѣ приходится руководить преніями, потому прошу васъ не уклоняться.

Н. Ф. Бунаковъ. Затѣмъ столь же необходимо неотложное и послѣдовательное дальнѣйшее развитіе освободительныхъ начинаній Александра II въ смыслѣ полнаго проведенія ихъ въ жизнь въ законченномъ видѣ, въ смыслѣ полнаго освобожденія личности, слова, печати отъ полицейскаго надзора; въ смыслѣ возбужденія личной инициативы и привлеченія свободныхъ общественныхъ силъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни, чтобы создалось у насъ истинное, а не призрачное самоуправленіе, чтобы создалась возможность двинуться впередъ. Тогда у насъ поправится сама собой и сельско-хозяйственная промышленность. Пока мы рѣшительно и безповоротно не двинемся впередъ въ этомъ направленіи, до той поры честнымъ русскимъ людямъ приходится уклоняться отъ всякихъ совѣщаній о разныхъ частныхъ мѣропріятіяхъ и оставаться въ безотрадномъ положеніи молчаливыхъ зрителей постепеннаго, но неизбежнаго обдѣвтія и увяданія отечества. Это очень тяжело, очень грустно; но что же дѣлать? Какъ въ старину говаривали русскіе люди: „противъ рожна трудно прятать“. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать“.

Нелишнее разъясненіе.

М. К. Лемке въ статьѣ «Дѣло М. И. Михайлова («Былое» № 1), основываясь на показаніяхъ Михайлова, видимо, въ нѣкоторомъ недоумѣніи отъ моего сообщенія (см. «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330), что прокламація къ «Молодому поколѣнію» написана Н. В. Шелгуновымъ, что Михайловъ только отпечаталъ ее въ Лондонѣ въ количествѣ 600 экз. и провезъ въ Россію, заклеенною въ дно чемодана. Свѣдѣніе это взято мною изъ записки самого Шелгунова объ обстоятельствахъ, касающихся начала 60-хъ годовъ. Эту записку я получилъ въ 1901 г. отъ Н. К. Михайловскаго. Разсказъ Шелгунова даетъ ключъ къ разъясненію словъ Михайлова, что «онъ (Михайловъ) припалъ на себя много лишняго». Надо принять во вниманіе, что даже въ своихъ запискахъ Михайловъ не могъ сказать всей правды, вѣдь Шелгуновъ былъ живъ и даже находился въ административной ссылкѣ.

На основаніи словъ Шелгунова же я въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 333) говорю, что Герценъ не одобрилъ прокламацію къ «Молодому поколѣнію» и въ предпріятіи никакого участія не принималъ. Значить, и въ этомъ случаѣ показанія Михайлова на соучастіе Герцена и Огарева въ редакціи прокламаціи было сдѣлано въ цѣляхъ сколь возможно далѣе отвести подозрѣніе отъ дѣйствительнаго соучастника въ его предпріятіи.

Я не говорилъ, что всѣ 600 экз. были провезены Михайловымъ, а со словъ Шелгунова отмѣтилъ только, что прокламація была *отпечатана* въ этомъ числѣ экземпляровъ. Отъ себя позволю лишь прибавить: несомнѣнно, разсказъ Михайлова, какъ онъ лично развозилъ прокламацію, есть чистая фантазія, съ цѣлью скрыть слѣды участниковъ въ этой операціи. Прокламація между молодежью была распространена при посредствѣ одного студента, близкаго къ Михайлову; въ литературныхъ кругахъ (главнымъ образомъ, въ кружкѣ «Современника»), конечно, она раздавалась непосредственно Михайловымъ и т. д. Такъ какъ къ «Молодому поколѣнію» была первая прокламація, то нивто по невѣдѣнію тогдашнихъ законовъ не видѣлъ въ ней чего-нибудь особенно опаснаго;

ее открыто передавали изъ рукъ въ руки и читали въ смѣшанномъ обществѣ. Только послѣ ареста Михайлова, особенно послѣ ареста Обручева, узнали, чѣмъ можетъ грозить (каторгой) распространеніе прокламацій хотя бы въ одномъ экземплярѣ. Въ параллель показанію Михайлова, что имъ было ввезено только 250 экз., могу сказать, что прокламація была замѣтно распространена не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи; по крайней мѣрѣ, въ самой тогда глухой Вологдѣ она имѣлась въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Пользуюсь случаемъ и сообщаю (съ автографа, у меня имѣющагося) первоначальную редакцію перевода М. И. Михайлова изъ Гейне «Брось свои иносказанья».

Л. Пантелѣевъ.

Изъ Гейне.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святыхъ!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? иль волѣ Бога
На землѣ не все доступно?
Или онъ играетъ нами?...
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землю...
Да отвѣтъ ли это, полно?

М. Михайловъ.

Историческая бібліографія.

Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова. Т. I,
изд. редакціи «Освобожденія». Парижъ. 1905 года.

Къ числу вопросовъ, вызывающихъ и въ настоящее время особенно много недоразумѣній, конечно, принадлежитъ вопросъ о національной автономіи и о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго государства, въ его недѣлимомъ цѣломъ, ко всѣмъ, входящимъ въ составъ его, областямъ и народностямъ. Въ Россіи этотъ вопросъ имѣетъ особенно важное политическое значеніе въ виду многочисленности и разноплеменности составляющихъ ее частей. Но какъ ни сложенъ этотъ составъ, какъ ни далеки другъ отъ друга по своему культурному развитію народы-кочевники и звѣроловы восточной и сѣверной Россіи отъ промышленныхъ и политически развитыхъ народностей на ея западѣ и югѣ—ихъ дальнѣйшая политическая жизнь, ихъ нормальное развитіе и самая возможность ихъ объединенія—стоятъ въ прямой зависимости отъ правильнаго разрѣшенія вопроса о національной автономіи и о мѣстномъ самоуправленіи. Полная децентрализація всего управленія—вотъ первое условіе дальнѣйшей нормальной жизни всей Россіи; въ ней самый прочный залогъ ея спокойствія, ея прогресса; въ ней же и гарантія противъ постоянно грозящихъ ей теперь періодическихъ революцій и смѣняющихъ ихъ реакцій. А между тѣмъ, какъ мало еще даже въ средѣ самыхъ образованныхъ людей Россіи лицъ, которыя создаютъ всю законность требованій децентрализаціи и все зло, порожаемое централизмомъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленія въ печати сочиненій извѣстнаго украинскаго ученаго и публициста М. П. Драгоманова, освѣщающаго національный вопросъ въ Россіи съ надлежащей научной широтой и объективностью. Имя Драгоманова долго замалчивалось въ нашей научной и публицистической печати, отчасти въ силу цензурныхъ условій, отчасти именно благодаря

тому равнодушію къ вопросу о правахъ отдѣльныхъ народностей и областей, какимъ отличались въ большинствѣ случаевъ наша пресса и наше общественное мнѣніе. Теперь, черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти талантливейшаго политическаго украинскаго писателя, историческія событія выдвинули на первый планъ тѣ самыя идеи демократическаго государственнаго строя Россіи, какимъ служилъ всю свою жизнь Драгомановъ. Тогда, когда въ защиту народной независимости непосредственно звучалъ его голосъ,—онъ оставался совершенно одинокъ: никто его не слушалъ,—сами земляки Драгоманова, сама Украина—одна изъ областей Россіи, наиболѣе страдавшая и до сихъ поръ страдающая отъ непризнаванія правъ націй—оставалась глуха къ убѣжденному слову своего талантливаго защитника. Конечно, это одиночество вливало много горечи въ и безъ того безотрадную жизнь писателя-эмигранта, но Драгомановъ не боялся быть, какъ онъ самъ выражался, «не въ модѣ»; онъ всегда отличался необыкновенной независимостью мысли и непоколебимой убѣжденностью. Читая теперь его статьи, каждый невольно проникается ясностью его доводовъ, и кажется, что они высказаны не 15—20 лѣтъ тому назадъ, а прямо относятся къ переживаемому нами историческому моменту. Сложность этого момента давно предвидѣлась Драгомановымъ и ему ясна была наша неподготовленность къ разрѣшенію лежащей и теперь передъ нами громадной политической задачи.

Имя Драгоманова въ нашей политической литературѣ должно стоять рядомъ съ именемъ Герцена, хотя они принадлежатъ къ разнымъ общественнымъ эпохамъ, отдѣленнымъ одна отъ другой десятками лѣтъ. Свѣтлыя мысли этихъ писателей, такъ долго недоступныя громадному большинству русской читающей публики, только теперь могутъ оказать свое образовательное и облагораживающее дѣйствіе

Съ этой точки зрѣнія особенное значеніе получаетъ недавно вышедшій первый томъ «Полнаго собранія политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова», изданный по инициативѣ и на средства украинцевъ-демократовъ въ Парижѣ редакціей «Освобожденія». Въ этомъ первомъ томѣ появились дѣянія М. П. по вопросу о государственномъ строѣ Россіи—а именно: его «Опытъ украинской политико-соціальной программы» и «Историческая Польша и великорусская демократія». Обѣ вещи написаны Драгомановымъ въ началѣ восьмидесятихъ годовъ—1881—1884 гг. Это не помѣшало французской газетѣ «l'Europeen»¹⁾ разбирать эту программу, известную больше подъ названіемъ «Вольный Союзъ», въ лѣтнихъ №№ 1905 г. и находить въ ней неотъемлемыя достоинства для практическаго примѣненія и въ наши дни.

Программа М. П. естественно складывается изъ его коренныхъ политическихъ убѣжденій, приложенныхъ къ политическому переустройству Украины. А его политическіе взгляды подробнѣе всего

¹⁾ См. №№ 183—184 l'Europeen 1905, статья La Chenais La „Vilna Spilka“.

изложены въ «Исторической Польшѣ и великорусской демократіи», гдѣ онъ критикуетъ всѣ русскія политическія программы, начиная отъ Декабристовъ и кончая «Народной Волей», и указываетъ на главные ихъ недостатки: неправильность взгляда на существо государственнаго строя Россіи и централистическое направленіе, даваемое ими всему русскому революціонному движенію. Этотъ централизмъ, по мнѣнію Драгоманова, лишалъ движеніе жизненности, мѣшалъ ему демократизироваться въ массѣ разнородныхъ народностей. Для него было совершенно ясно, въ какомъ направленіи должна идти политическая реорганизація Россіи: «Для политическаго переворота,—писалъ Драгомановъ,—необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что эти интересы будутъ удовлетворены по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ «соединенія» массъ различныхъ національностей русскаго государства для борьбы за такую политическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи и каждой изъ ея сколько-нибудь оригинальныхъ мѣстностей»¹⁾).

Для Драгоманова не существуетъ «дѣйствительной политической свободы безъ децентрализаціи общинной, областной, національной»; онъ видитъ въ вопросѣ о правахъ національности «ту полезную сторону, что онъ разлагаетъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства и не даетъ смѣшивать идею о народѣ (націи) съ идеею о государствѣ и, такимъ образомъ, наглядно подтверждаетъ необходимость децентрализаціи и установленія предѣловъ власти вообще». Кто говоритъ «политическая свобода, тотъ уже самъ самымъ говорить и областная и національная независимость, иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ словъ»²⁾).

Какъ ни ясны, однако, эти взгляды Драгоманова, они до сихъ поръ не для всѣхъ убѣдительно, а Драгоманову всю жизнь приходилось отстаивать ихъ во всѣхъ либеральныхъ и крайнихъ кружкахъ. Какъ при его жизни, такъ и теперь существуютъ группы и отдѣльные общественные русскіе дѣятели, готовые признать *tant bien, que mal* право Польши на автономію, которые рѣшаются считать поляковъ за народъ не русскій, а потому и могущій въ культурномъ и социальномъ отношеніи обособиться отъ русскихъ, но отъ признанія такихъ же правъ и за другими народностями Россіи многіе, очень многіе еще отверчиваются.

Очень интересна критика Драгоманова такого уваженія историческихъ правъ Польши со стороны Герцена, какъ онъ выска-

¹⁾ Томъ I, стр. 309.

²⁾ Тамъ же, стр. 253.

звался о нихъ въ «Колоколѣ». Огромный умъ Герцена, при его широкой образованности и органической терпимости, конечно, руководилъ его политическими мнѣніями и направлялъ ихъ всегда къ справедливости. Въ силу этого онъ не могъ не признавать за Польшей неотъемлемаго права на совершенно независимое существованіе: «глубоко ненавида всякую централизацію, — говорилъ Герценъ по поводу Польши, — я убѣжденъ, что соплеменные федераціи даютъ среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ...

«Если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ»¹⁾.

Но приводя эти благородныя слова Герцена, Драгомановъ приводитъ, однако, и другія обнаруживающія въ Герценѣ недостаточное отчетливое пониманіе состава Русскаго государства и роковое отождествленіе всѣхъ народностей въ одномъ типѣ, единомъ по своимъ бытовымъ условіямъ и общественнымъ порядкамъ. Желая примѣнить къ Польшѣ начала справедливости, онъ упускаетъ изъ виду права тѣхъ народностей, которыхъ угнетала эта самая «историческая Польша». Правда, Герценъ болѣе мыслитель съ широкимъ политическимъ синтезомъ, чѣмъ практической политической дѣятель, и Драгомановъ, можетъ быть, не вполне правильно уличаетъ его въ неостчетливость его представленій о настоящей «этнографической Польшѣ» и въ этомъ видитъ причину симпатій Герцена къ «исторической Польшѣ», жившей на началѣ подавленія входящихъ въ составъ ея народностей Литвы, Бѣлороссіи и Украйны. Во всякомъ случаѣ страницы, гдѣ украинскій демократъ спорить съ великорусскимъ демократомъ за права этихъ подавляемыхъ такъ долго націй, написаны очень сильно и, выясняя необходимость отрѣшиться въ сложномъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Польши, Россіи, Украйны, Литвы и Бѣлороссіи отъ всякихъ недоразумѣній, указываютъ на необходимость выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ «историческихъ» преданій и государственныхъ претензій, программу вопліть достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы»²⁾.

Драгомановъ глубоко скорбитъ, видя какъ революціонное движеніе Россіи и Польши съ 60-хъ годовъ все болѣе склонялось отъ автономной точки зрѣнія къ централистической, и ищетъ объясненія этого печальнаго явленія «въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи».

Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ Драгомановъ областную историческую школу, имѣвшую такихъ блестящихъ выразите-

¹⁾ Тамъ же, стр. 43

²⁾ Стр. 58.

лей областного начала, какъ Шаповъ и Костомаровъ; онъ съ благодарностью указываетъ на тонкую внимательность Пыпина ко всякой славянской народности. Отношеніе же Бѣлинскаго и Чернышевскаго къ негосударственнымъ націямъ Драгомановъ характеризуетъ поговоркой: «сытый голоднаго не разумѣетъ».

Драгоманова часто упрекали въ недостаточно-внимательномъ отношеніи къ социальной сторонѣ освободительнаго движенія. Выставляя автономное начало областей и народностей главнымъ началомъ, способствующимъ освобожденію Россіи, Драгомановъ дѣйствительно выдвигалъ на первый планъ политическую государственную реформу. Это совершенно естественно вытекало изъ всего его міросозерцанія: для народныхъ массъ нужно прежде всего демократизировать правленіе, нужно фактически передать власть въ руки народа, освободить каждую территориальную единицу отъ всякаго гнета централизма. Такова была основная политическая программа Драгоманова, и потому социальныя реформы казались ему возможными не какъ теоретическія построенія той или иной партійной программы, а дѣломъ каждой народности, самостоятельной работой мѣстнаго самоуправления, выполняемой самимъ населеніемъ, съ учитываніемъ всѣхъ особенностей быта и экономическихъ условій каждой данной территориальной единицы.

Разбирая взгляды всей нашей революціонной прессы, Драгомановъ только въ очень немногихъ органахъ отмѣчаетъ правильное отношеніе къ вопросу о разнородности населенія Россіи и вытекающихъ изъ этого факта послѣдствіяхъ.

Такъ, останавливаясь на взглядахъ такихъ органовъ печати, какъ «Набатъ» и «Впередъ», Драгомановъ указываетъ, что оба они, признавая въ теоріи принципъ федерализма и необходимость національныхъ мѣстныхъ приспособленій для осуществленія интернациональныхъ стремленій социализма,—въ то же время, при постановкѣ вопроса о практическомъ осуществленіи этихъ началъ въ дѣйствительной жизни, обнаруживаютъ склонность къ рѣшенію его въ сторону централизма. У обоихъ органовъ печати сквозитъ желаніе создать какую-то общерусскую націю, единообразную въ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура».

Еще рѣшительнѣе въ пользу необходимости предоставленія полной свободы всѣмъ національностямъ высказалась женевская газета «Община», прямо назвавшая централистическую Россію «чудовищнымъ учрежденіемъ». «Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ,—говорилось въ ней,—другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому что именно надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются, это можетъ показать только практика»¹⁾.

Но Драгоманова не удовлетворяли эти принципиальныя заявле-

¹⁾ Стр. 174.

ніа: самое дѣло русской революціи оставалось централизованнымъ въ рукахъ великороссовъ, а украинцы, часто въ лицѣ самыхъ выдающихся даже своихъ дѣятелей, лишь пополняли кадры великорусскихъ партій, не организуя своихъ украинскихъ земляковъ въ тѣ или инія собственные прогрессивныя партіи, революціонная литература тоже оставалась великорусской за исключеніемъ двухъ—трехъ книгъ, изданныхъ на украинскомъ и др. языкахъ. Конечно, въ этомъ Драгоманову нужно скорѣе упрекать инертность своихъ земляковъ, но онъ понималъ, что для успѣха общаго революціоннаго движенія великорусскимъ организаціямъ нужно было бы серьезнѣе отнестись къ разноплеменному составу Русской земли.

Недостатокъ широкой образованности Драгомановъ тоже очень часто ставитъ въ упрекъ русскимъ вождямъ революціоннаго движенія и нѣсколько разъ сочувственно повторяетъ слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ и одного темперамента для вѣрнаго пониманія политическаго момента.

Много основательнаго и интереснаго найдетъ читатель въ обстоятельномъ разборѣ Драгоманова направленій нашихъ революціонныхъ организацій, хотя онъ и подходитъ къ нимъ, какъ будто съ одной только точки зрѣнія, но его критика освѣщена такимъ яснымъ умомъ и широкимъ пониманіемъ политическихъ вопросовъ, что въ его статьяхъ нѣтъ мѣста никакой односторонности или предвзятости. Не скрываемый же имъ украинскій патріотизмъ, Драгомановъ самъ объясняетъ въ заключеніе своей талантливой статьи тѣмъ, что для него «положеніе украинскаго народа всего ближе и извѣстнѣе, и что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ болѣе всего типическія стороны отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ»¹⁾.

Еще интереснѣе, съ какой простотой и ясностью Драгомановъ предлагаетъ на дѣлѣ примѣнить до сихъ поръ еще для многихъ страшныя слова—автономія и федерація. Онъ разъясняетъ это въ своей извѣстной статьѣ (много разъ изданной отдѣльнымъ изданіемъ на русскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ) «Вильна Спилка» или Вольный Союзъ—составляющей естественное продолженіе его статьи «Историческая Польша и великорусская демократія».

Эту послѣднюю онъ заканчиваетъ разсужденіями о томъ, какъ же, наконецъ, можетъ осуществиться желанное политическое освобожденіе Россіи. Практической умъ Драгоманова никогда не удовлетворялся одними теоретическими разсужденіями, у него всегда складывалась вполне жизненная программа и послѣдовательный планъ осуществленія ясно сформулированныхъ требованій. Вотъ эту-то программу и планъ и даетъ намъ его «Вольный Союзъ». Вся основа его, конечно, федералистическая съ равноправностью всѣхъ народностей. Самымъ прочнымъ залогомъ для свободнаго развитія Россіи онъ признаетъ прочное мѣстное самоуправленіе. Вчитываясь въ об-

¹⁾ Стр. 251.

ширныя примѣчанія, сдѣланныя Драгомановымъ въ каждому пункту программы, невольно проникаешья тѣмъ абсолютно-демократическимъ началомъ, какое лежитъ въ основѣ предлагаемаго имъ самоуправленія. Собственно, подъ именемъ «Вольнаго Союза» Драгомановъ предлагаетъ землякамъ основать особое политическое украинское общество, которое задается цѣлью добыть свободу для населенія не только одной Украины, но и другихъ мѣстностей Россіи, сосѣднихъ съ нею. Кратко выраженныя, эти цѣли сводятся къ общегражданскимъ (права человѣка и гражданина—какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія. Самоуправленіе, какъ основа для движенія къ социальной справедливости) и частно-національнымъ (политическая свобода, какъ средство для возвращенія украинской націи въ семью націй культурныхъ).

Всѣ средства дѣйствія этого общества абсолютно этическія; Драгомановъ никогда не оправдывалъ никакого обмана населенія и требовалъ для «чистаго дѣла чистыхъ рукъ»; онъ не могъ согласиться съ распространеннымъ въ его время правиломъ: «цѣль оправдываетъ средства». Онъ слишкомъ высоко цѣнилъ личность человѣка, а тѣмъ болѣе революціонера, цѣльность его духовнаго существа, чтобы допускать въ его дѣятельности постоянные компромиссы и съ совѣстью и съ общечеловѣческой этикой. Для Драгоманова святость революціоннаго дѣла именно и требовала, чтобы «чистое дѣло выполнялось чистыми руками».

При разъясненіяхъ Драгоманова всѣ его требованія самоуправления не могутъ запугать самаго рѣшительнаго противника «автономіи». Онъ не увидитъ въ нихъ чего-то новаго,—вѣдь самоуправленія добивались и дворянскія собранія 1860—62 годовъ, разрабатывалось оно и земствами. Только самоуправленіе мелкихъ мѣстныхъ единицъ можетъ предохранить Россію отъ зла централизма, подтачивающаго народное благосостояніе при всякой формѣ правленія. Именно въ самоуправленія общинъ, волостей, краевъ и областей Драгомановъ видитъ основу для образованія въ Россіи оригинальной «прогрессивной демократіи», которая была бы способна принять дѣловое участіе въ общей теперь всему цивилизованному міру работѣ надъ разрѣшеніемъ социальнаго вопроса».

Драгомановъ не вѣрилъ во внезапные перевороты: какъ историкъ онъ зналъ, что даже отдѣльные самые экстенсивные взрывы народнаго негодованія не измѣняютъ сразу формъ жизни. Онъ хотѣлъ объединить въ «вольные союзы» все сознательное населеніе и привести его къ самостоятельному высвобожденію новаго человѣка, новой жизни изъ ветхозавѣтныхъ рамокъ. Съ нимъ можно не соглашаться, но широта его политическаго синтеза и глубокое вдумчивое отношеніе къ человѣку, къ жизни, надолго сохранять жизненной его программу. Философская и историческая эрудиція его разъясненій придаютъ особый интересъ «Вольному Союзу»: онъ обосновываетъ практическія политическія задачи на широкихъ историческихъ основахъ и вводитъ ихъ въ органическую связь съ психологіей и міросозерцаніемъ той народности, для которой Драго-

мановъ съ далекаго чуждаго края и составлялъ свою программу. Теперь настало время украинцамъ съ благодарностью оцѣнить этотъ драгоценный даръ своего лучшаго писателя-эмигранта. Парижское изданіе политическихъ сочиненій Драгоманова выяснитъ всю его даровитость и широту его ума и прекрасно покажетъ, какъ его горячій патріотизмъ, его безпредѣльная любовь къ Украйнѣ не помѣшали ему быть однимъ изъ величайшихъ европейскихъ ученыхъ, стоять на высотѣ мировыхъ вопросовъ науки и искусства и, оставаясь всегдѣ своимъ душевнымъ складомъ Украинцемъ, своими трудами, своими умственными силами принадлежать всему человѣчеству.

Создаваемые Драгомановымъ для его родного народа политическія программы, въ настоящій рѣшительный моментъ измѣненія всѣхъ устоевъ русской жизни, получаютъ интересъ и для всѣхъ сознательныхъ политическихъ дѣятелей, къ какимъ бы народностямъ они не принадлежали.

С. Русова.

Дѣла III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, Спб. Изд. И Балашова, 1906.

Въ этой книгѣ собраны всѣ или, по крайней мѣрѣ, всѣ извѣстныя до сихъ поръ дѣла, касающіяся такъ или иначе Пушкина и находящіяся въ бывшемъ архивѣ Третьяго Отдѣленія, что нынѣ архивъ департамента полиціи. Эти дѣла напечатаны полностью, безъ всякихъ сокращеній и безъ всякихъ комментариевъ. Специалистамъ всѣ они, за исключеніемъ только одного, были извѣстны въ болѣе или менѣе пространныхъ изложеніяхъ, извлеченіяхъ и выдержкахъ. Много было напечатано даже и цѣликомъ. Въ послѣднее время эти дѣла были просмотрѣны П. А. Ефремовымъ для его изданія сочиненій поэта. Все, что въ нихъ оказалось подлинной руки поэта, напечатано имъ съ полнѣйшею точностью; о другомъ даны сообщенія и въ примѣчаніяхъ къ письмамъ (7-ой т.), и въ примѣчаніяхъ вообще къ сочиненіямъ (8-ой т.). Теперь всѣ эти дѣла становятся знакомыми намъ во всей ихъ цѣлости и малѣйшихъ подробностяхъ. Одно дѣло—«по письму А. С. Пушкина о дозволеніи надворному совѣтнику Гончарову расплавить неудачно вылитую статую, изображающую Екатерину»—въ разбираемой книгѣ публикуется впервые. Оно не было извѣстно и П. А. Ефремову: оно было «открыто» въ архивѣ уже послѣ его занятій. Для любителей Пушкина оно представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ немъ находимъ цѣлыхъ три новыхъ письма поэта, разъясняющихъ небольшой эпизодъ изъ

его хлопотъ за другихъ, до сихъ поръ бывшій для насъ темнымъ и неяснымъ.

Дѣла Третьяго Отдѣленія о Пушкинѣ имѣютъ значительную важность для біографіи поэта. Въдѣ Третье Отдѣленіе, во главѣ котораго былъ Бенкендорфъ, играло огромнѣйшую роль въ его жизни, оно было своего рода призмой, черезъ которую преломлялась большая часть отношеній Пушкина къ внѣшнему міру. Исторія его сношеній съ III Отдѣленіемъ заполняетъ почти всю его внѣшнюю жизнь съ 1826 года. Въ официальныхъ дѣлахъ — отпускахъ, докладахъ, рапортахъ и письмахъ — мы читаемъ исторію рабства поэта — внѣшняго и внутренняго, — въ дѣлахъ литературныхъ и матеріальныхъ. Бѣглое чтеніе всѣхъ этихъ бумагъ подъ рядъ производитъ неизгладимое впечатлѣніе и рисуеъ картину того гнета, которымъ Бенкендорфъ милостиво окружалъ поэта. Мы и теперь можемъ почувствовать, какъ «неравнодушень» былъ къ Пушкину и Бенкендорфъ, и его высшій начальникъ, самъ Николай Павловичъ. И тотъ, и другой инстинктивно боялись скрытаго въ Пушкинѣ оппозиціоннаго настроенія, и въ теченіе десяти лѣтъ ревниво смотрѣли за тѣмъ, какъ бы оно не прорвалось. Смѣшно читать дѣло о подозрительности виньетки, которою украшенъ заглавный листокъ стихотворенія Пушкина «Цыганы», но бдительность простиралась и до виньетокъ. Не ограничивались только грубымъ полицейскимъ надзоромъ, а все время воевали съ самолюбіемъ Пушкина, и раны, наносимыя ему въ этой войнѣ, были не въ примѣръ острѣе и жгучѣе, чѣмъ всѣ другія. А они умѣли колоть самолюбіе! Пушкинъ былъ вынужденъ переживать даже впечатлѣнія подписи Бенкендорфа; онъ долженъ былъ понять урокъ, который заключался, напр., въ подписи просто «Бенкендорфъ», безъ «покорнѣйшаго слуги» и т. д. Неимовѣрныхъ усилій стоило Пушкину обуздывать себя, а все же онъ по временамъ не сдерживался, прорывался и... получалъ выговоры. Вспышки Пушкина и выговоры чередуются.

Конечно, нужно было издать цѣликомъ и пунктуально всѣ дѣла III Отдѣленія о Пушкинѣ — этотъ памятникъ русской культуры. Изъ предисловія къ книгѣ узнаемъ, что дѣломъ изданія завѣдывалъ г. Сухонинъ, редакторъ «Всемирнаго Вѣстника», первоначально напечатавшій «Дѣла» въ приложеніи къ своему журналу. Къ глубочайшему сожалѣнію, мы должны сказать, что г. Сухонинъ, взявшись за хорошее дѣло, только испортилъ его и далъ очень плохое изданіе, преисполненное необычайныхъ ошибокъ, описокъ, пропусковъ, искаженій и т. д. Конечно, читатель, которому нужны только общія впечатлѣнія, можетъ удовлетвориться и этимъ изданіемъ, но всякій занимающийся Пушкинымъ, всякій специалистъ не долженъ пользоваться изданіемъ г. Сухонина, ибо онъ не можетъ быть увѣренъ относительно любой страницы книги въ точномъ ея соотвѣтствіи подлиннику. Приведемъ подтвержденія. Стр. 50: помѣтка Бенкендорфа читается у г. Сухонина: «пригласить его въ среду въ Петербургъ», а въ подлинникѣ: «...въ среду въ квартиру». Стр. 136: у г. Сухонина «безъ вашего свѣдѣнія»; въ подлинникѣ «безъ вашего

вѣдѣнія»; самое письмо датировано у г. Сухонина 1832 годомъ, а въ подлинникѣ—1833 годомъ. Стр. 155: у г. Сухонина «doit nous revenir»; въ подлинникѣ—«doit nous reussir». У г. Сухонина «n'ai recu que»; въ подлинникѣ «avoir recours qu'à la derniere extrémité»; въ подлинникѣ—«avoir recours à la permission que sa Majesté avait daigné m'accorder qu'à la dernière extrémité». Стр. 158: у г. Сухонина — «à mes affaires, d'emprunter; въ подлинникѣ — «à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne,—ou bien d'emprunter» и т. д. Можно было заполнить десятка два-три страницъ перечнемъ всѣхъ ошибокъ и пропусковъ, сдѣланныхъ г. Сухонинымъ. Мы взяли первыя попавшіяся намъ страницы. Мы склонны думать, что г. Сухонинъ занимался дѣлами III Отдѣленія уже послѣ того, какъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, изъ дѣла были изъяты и переданы въ музей при Александровскомъ лицей всѣ собственноручные подлинники Пушкина, и г. Сухонинъ простодушно принималъ копии, оставленные въ дѣлахъ вмѣсто подлинниковъ, за подлинныя рукописи Пушкина.

Такимъ образомъ, изданіемъ г. Сухонина, за неимѣніемъ другого, придется пользоваться, но отнюдь не для какихъ-либо исследованийъ и специальныхъ работъ. Безчисленныя ошибки лишаютъ его всякаго значенія.

П. Щ.

«Убийство 3-хъ министровъ: тайнаго совѣтника Боголѣпова, егермейстера Сипягина, статсъ-секретаря фонъ-Плеве 1901—1904 гг.» Изд. И. Балашова, 1906. ц. 25 к.

Эта брошюра излагаетъ фактическую сторону трехъ названныхъ въ заголовкѣ убійствъ, при чемъ сообщаетъ много интересныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣдѣній о ходѣ судебныхъ слѣдствій. Между прочимъ, въ брошюрѣ сообщается о способѣ допроса Сазонова, убившаго Плеве. Раненый осколкомъ бомбы, Сазоновъ находился въ бреду и въ это время съ него снимали допросъ, прибѣгая къ гипнотическому внушенію. По словамъ брошюры, въ такомъ состояніи Сазановъ называлъ имя кievскаго адвоката Бронштейна, какъ одного изъ своихъ соучастниковъ. Къ сожалѣнію, тѣ источники, изъ которыхъ анонимный авторъ брошюры почерпаетъ свои свѣдѣнія, неизвѣстны, и потому брошюра, несмотря на весь свой интересъ, не внушаетъ къ себѣ большого довѣрія. Однако, ея сообщеніе о Бронштейнѣ объясняетъ намъ одинъ фактъ, намъ въ свое время извѣстный и бывший до сихъ поръ совершенно непонятнымъ. Вскорѣ послѣ убійства Плеве въ Кіевѣ адвокатъ Бронштейнъ былъ обысканъ и арестованъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ:

домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ весь оцѣпленъ жандармеріей и полиціей, обыскъ производился особенно тщательно, и въ заключеніе Бронштейнъ былъ увезенъ въ Петербургъ въ кандалахъ. Между тѣмъ, насколько было извѣстно, Бронштейнъ всегда стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ движеній даже въ университетѣ. Черезъ нѣсколько недѣль этотъ страшный преступникъ вернулся въ Кіевъ совершенно свободнымъ; слѣдствіе обнаружило его полную непричастность къ какому бы то ни было дѣлу. Это событіе для жителей Кіева и для самого Бронштейна въ свое время осталось совершенно таинственнымъ; теперь оказывается, что Сазоновъ въ бреду пробормоталъ какую-то фамилію, и этого оказалось достаточно, чтобы подвергнуть непричастнаго къ дѣлу человѣка обыску и аресту.

В. В.—въ.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣва, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературными указателями. Изд. И. И. Ѳомина. м. 1906.

Эта книга предназначена для широкой публики. Цѣль ея познакомить русскаго читателя съ поэтической дѣятельностью декабристовъ. Издатель, г. Ѳоминъ, справедливо полагаетъ, что многія стихотворенія декабристовъ цѣнны не только какъ выраженіе завѣтныхъ желаній и чувствъ, но и какъ несомнѣнно художественныя произведенія. Издатель не имѣлъ въ виду давать „полныя собранія“ стихотвореній, онъ выбралъ лишь нѣкоторые, отдавая предпочтеніе стихотвореніямъ, затрагивающимъ гражданскіе вопросы, а затѣмъ и отличающимся изяществомъ формы и искренностью чувства. Собирая стихотворенія, г. Ѳоминъ не ограничился только напечатанными въ Россіи, а взялъ нѣсколько стихотвореній изъ появившихся за границей. Въ первомъ томѣ помѣщены поэтическія произведенія К. Ѳ. Рылѣва, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова. Стихи Рылѣва и Одоевскаго, конечно, болѣе извѣстны, чѣмъ стихи А. Бестужева и Батенкова. Собственно говоря, мы знаемъ одно стихотвореніе послѣдняго—поэму, исполненную своеобразной прелести, „Одичалый“. Стихотворенія А. А. Бестужева впервые появляются въ „Собраніи“.

Нужно сказать, что выборъ стихотвореній сдѣланъ г. Ѳоминымъ довольно искусно и несомнѣнно достигъ своей цѣли. По этой хрестоматіи читатель, средній, обыкновенный читатель, легко можетъ быть введенъ и вообще въ изученіе исторіи декабристовъ. Приложенія, сдѣланныя г. Ѳоминымъ, могутъ только содѣйствовать этому

знакомству. Во введеніи къ книгѣ данъ компилятивный очеркъ по исторіи движенія, вполне пригодный для первоначальнаго знакомства. Кромѣ этого очерка, въ книгѣ находимъ маленькія біографіи поэтовъ, стихи которыхъ напечатаны въ книгѣ. Наконецъ, приложено довольно полный и подробный библиографическій указатель.

Книга издана на прекрасной бумагѣ. Портреты Рылѣва, Одоевскаго, А. А. Бестужева и Г. С. Батенкова недурно исполнены фототипіей Фишера. Нужно отмѣтить малоизвѣстный портретъ кн. Одоевскаго въ конно-гвардейскомъ мундирѣ. При всемъ томъ цѣна книги (3 руб.) нельзя не признать чрезчуръ высокою.

п. щ.

Собрание сочиненій и переписка Кондратія Федоровича Рылѣва съ его портретомъ и біографіей. С.-Петербургъ. 1906. Изданіе И. Балашова—382+I—IV стр. in 8, Ц. 1 р. 50 к.

Какъ поэтъ-гражданинъ, К. Ф. Рылѣвъ среди другихъ декабристовъ-писателей занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто, и потому имѣется уже нѣсколько изданій его сочиненій. Не называя изданій подъ редакціей г. Ефремова, укажемъ на «Сочиненія К. Ф. Рылѣва» подъ редакціей г. Мазаева, изданныя въ 1893 году. Издатель разсматриваемой книги ни слова не говоритъ, что представляетъ собою изданное имъ «Собрание сочиненій и переписка К. Ф. Рылѣва», и чѣмъ вызвано ея появленіе въ свѣтъ. Пожелавъ выяснитъ эти вопросы, мы сравнили вновь появившееся изданіе съ изданіями прежними, и вотъ наши выводы. Во-1-хъ, полнотой, несмотря на встрѣчающіяся ссылки на изданіе стихотвореній Рылѣва въ Лейпцигѣ, изданіе г. Балашова не отличается: оно значительно бѣднѣе содержанія Евдокимовскаго изданія 1893 г. (нѣтъ нѣсколькихъ писемъ и стихотвореній Рылѣва). Во-2-хъ, расположеніе матеріала совершенно произвольное, небрежное и невѣжественное. Возьмемъ стихотворенія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены «Думы» (3—143 стр.); во второмъ подъ заголовкомъ *Оды и посланія* помѣщены такія, на примѣръ, пьесы, какъ романсъ (Какъ счастливъ я!), какъ *эпиграммы*. Съ другой стороны, въ третьемъ отдѣлѣ—*Разныя стихотворенія*—встрѣчаемъ такія пьесы: *Заблужденіе*, *Нечайное счастье* и снова *эпиграммы*! Мало того, есть удивительные курьезы: одно и то же стихотвореніе напечатано дважды—и въ отдѣлѣ второмъ, и въ отдѣлѣ третьемъ (см. *Къ Казовскому*, стр. 168 и стр. 240). Письма къ матери расположены вопреки хронологіи. Въ 3-хъ, съ внѣшней стороны изданіе г. Балашова очень неряшливое. Бумага тонкая, сѣровая, «корректирующая»; инныя страницы обозначены цифрами, а инныя нѣтъ; портретъ приложенъ искаженный. Подъ нѣкоторыми стихотвореніями стоитъ: «См. примѣчанія» (стр. 158—159—160),

но ихъ тщетно будетъ искать читатель. И за такое макулатурное изданіе легковѣрный читатель обязанъ заплатить г. Балашову полтора рубля!

Э. Королевъ.

Книги, поступившія въ редакцію:

1) Полное собраніе сочиненій *Н. Г. Чернышевскаго*. т. VII. Современникъ 1860—1861. Основанія политической экономіи Д. С. Милля. Переводъ и примѣчанія. Изд. М. Н. Чернышевскаго. СПБ. 1905.

2) *Тоже*, т. VI. Современникъ 1860 (Критика и библиографія.— Статьи экономическія.—Отдѣлъ «Политика»).

3) Къ 25-лѣтію 1881—1906 гг. *Дѣло 1-го марта 1881 года*. Процессъ Желябова, Перовской и др. (правительственный отчетъ) со статьей и примѣчаніями *Льва Дейча*. Цѣна 75 коп. СПБ. 1906.

4) *Фикте. Назначеніе человека*. Пер. съ нѣм. Л. М. Подъ ред. Н. О. Лосскаго. Ц. 50 коп. СПБ. Изд. Д. И. Жуковскаго. 1906.

5) *С. Д. К. Союзъ союзовъ*. Ц. 20 коп. СПБ. 1906.

6) *С. Д. К. Всероссийскій Союзъ инженеровъ и техникувъ*. Ц. 20 коп. СПБ. 1906.

7) *И. Ф. Анненскій—Книга отраженій* (Проблема Гоголевскаго юмора.—Достоевскій до катастрофы.—Умирающій Тургеневъ.—Три социальныхъ драмы.—Драма настроеній.—Бальмонтъ-лирикъ). СПБ. Изд. бр. Башмаковыхъ, 1906 г. Цѣна 1 руб.

8) *Д. Н. Овсяннико-Куликовскій*. Исторія русской интеллигенціи. Изд. В. М. Саблина. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Редакція журналу „Былое“ просить гг. книгоиздателей присылать ей для рецензій выходящія новыя книги историческаго содержанія.

Редакція просить читателей-друзей присылать ей такія изданія, какъ „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“ (выходили въ разныхъ городахъ), произведенія партійной литературы (всѣхъ партій), листки стачечныхъ комитетовъ и т. п., а также портреты погибшихъ въ борьбѣ за свободу выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія (очень желательно было бы имѣть портретъ машиниста Ухтомскаго) и біографическія о нихъ свѣдѣнія. Желательно было бы получать также конфискованныя администраціей произведенія періодической и непериодической печати. Изъ совокупности подобнаго матеріала станетъ возможнымъ составить такой архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Незавѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуніи, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходить, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластия.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россіи не можетъ и не должна. Какъ въ фокусъ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безрешетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почтитъ *остъ* своихъ героевъ-мучениковъ страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ, въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской мошнѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 22 человекъ), не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находятъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ же дать ему посильнее выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ пострадавшихъ людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго Комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—заботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постояннаго шлиссельбургскаго фонда.

Съ этой цѣлью Комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательна участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературныя вечера и концерты.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ“ Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельницк. Ст. Удѣльная Фина. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Боучарскій (Ямская ул., д. 25, кв. 8).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейцбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Блеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Курпянова, П. Н. Милуковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Цантелъевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сагинъ, кн. Г. Д. Сидямоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стаховичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шашко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы — посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій Комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, всѣхъ лицъ, когда либо томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сигорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Туринъ, Поповъ, Вас. Критскій, Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ, и др.), но недостаетъ также и значительнаго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. Арончикъ, Исаевъ, Савелій Златопольскій, Малавскій, Минаковъ, Клименко, Тихоновичъ, Немоловскій, Игнатъ Ивановъ, Вас. Ивановъ, Лаговской, Ник. Рогачевъ, Генераловъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Чепегинъ, Васильевъ и Гершковичъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—при чемъ тѣмъ полнѣе — тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю Комитета, по адресу: *Петербургъ. Редакція журнала „Былое“. Спаская улица, 25, кв. 20, Василью Яковлевичу Яковлеву-Боучарскому. (Простать посылать заказными)*. Весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступитъ въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель Комитета В. Семевскій.

Секретарь В. Боучарскій.

III.

На образованіе Шлиссельбургскаго фонда поступили по 15 февраля 1906 г. слѣдующія пожертвованія.

1) Деньгами: отъ Л. Ф. Пантелѣва—150 р., черезъ Л. Ф. Пантелѣва—40 р., Бровка—50 р., М. В. Ватсонъ—10 р., воспитанника декабриста А. В. Поджіо—100 р., А. П. Р.—3 р., Серебренникова—3 р., NN.—10 р., В. П. Воронцова—25 р., редакция „Исторіи освободительнаго движенія въ Россіи“—25 р., Чермака—3 р., А. С. Заруднаго—5 р., М. П. Н.—100 р., У.—3 р., Н. П.—5 р., В. В. Святловскаго—5 р., NN—1 р., К. О.—5 р., Ф. Ваньковича—25 р., врача М. П.—10 р., А. Е. Кутузовой и В. Е. Зайцевой—5 р., П. И. Вейнберга—10 р., А. К. Писаревой—100 р., Н. А.—7 р., А. Кулябко-Корецкаго—10 р., С. О. Ющинскаго—10 р., Н. Г. и А. Р.—7 р. Итого 730 рублей.

2) Процентными бумагами: чрезъ В. И. Семеновскаго, отъ неизвѣстнаго, на изданіе Комитета, билетъ внутренняго 5% займа 1905 г. на 1000 р.; чрезъ него же, отъ неизвѣстнаго, на изданіе Шлиссельбургскимъ Комитетомъ опредѣленной книги, „свидѣтельство государственной 4% ренты на 3.000 р.; итого 4.000 р.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Казначей Комитета Н. Анненскій.

IV.

Со времени опубликованія воззванія Шлиссельбургскаго Комитета по 15 февраля текущаго года въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ доставлены фотографическія карточки Манучарова (въ 3 различныхъ видахъ), Осипанова, Щедрина и Кобылянскаго. Доставлены также біографическія свѣдѣнія о Манучаровѣ, Немоловскомъ, Щедринѣ, Ашенбреннерѣ, Мельняковѣ, Конашевичѣ, Гершковичѣ, Буцевичѣ, Новорусскомъ и Стародворскомъ. О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.

Современная Лѣтопись.

Въ этомъ отдѣлѣ мы будемъ регистрировать, и *только регистрировать*, главнѣйшіе факты, характеризующіе положеніе освободительнаго движенія за опредѣленный промежутокъ времени. Такую регистрацію мы даемъ въ этой книжкѣ за январь мѣсяць 1906 года.

Начнемъ съ главнѣйшихъ „дѣйствій“ правительства:

4 января указомъ Правительствующему Сенату были объявлены на военномъ положеніи области Акмолинская и Семипалатинская.

Того же числа былъ изданъ указъ, въ которомъ говорилось, что „указами Нашими 7-го и 21-го февраля и 22 марта 1904 г. и 13 апрѣля и 22 октября и 23 декабря 1905 г. Правительствующему Сенату данными, объявили Мы на военномъ положеніи сибирскую желѣзную дорогу; находящіяся въ предѣлахъ сибирскаго военнаго округа участки дорогъ забайкальской и кругобайкальской; населенные пункты, прилежащіе къ сибирской желѣзной дорогѣ и перечисленные въ особомъ спискѣ, а также инженерскія и судженскія каменноугольныя копи, находящіяся въ Томской губерніи; гор. Иркутскъ и всѣ уѣзды, по коимъ проходитъ сибирская жел. дорога, входящіе въ предѣлы сибирскаго военнаго округа, а именно: Курганскій, Ишимскій, Тюкалинскій Тобольской губ.; Петропавловскій и Омскій Акмолинской области; Канскій, Барнаульскій, Томскій и Мариинскій Томской губ.; Ачинскій, Красноярскій и Канскій Висейской губ. и Нижнеудинскій, Балаганскій и Иркутскій Иркутской губ., а равно Тобольскій и Тюменскій уѣзды Тобольской губ. Нынѣ для болѣе успѣшнаго подавленія происходящихъ вдоль линіи сибирской ж. д. безпорядковъ и возстановленія по всей линіи должнаго порядка и безостановочнаго движенія признали Мы необходимымъ — объявить на военномъ положеніи Челябинскій уѣздъ Оренбургской губ.“

Въ тотъ же день такимъ же указомъ былъ объявленъ на военномъ положеніи г. Сызрань Симбирской губ.

Затѣмъ въ теченіе января мѣсяца было опубликовано, что на основаніи Именнаго Высочайшаго указа Прав. Сенату 29 ноября 1905 г., екатеринославскій губернаторъ объявилъ на военномъ положеніи всю Екатеринославскую губернію; тамбовское „мѣстное начальство“ — желѣзнодорожный узелъ Грязи; черниговскій губернаторъ — г. Конотопъ; херсонскій губернаторъ объявилъ въ положеніи усиленной охраны города Тирасполь и Анапьевъ съ ихъ уѣздами; Вятскій губернаторъ — въ положеніи усиленной охраны всю Вятскую губернію; тавричeskій губернаторъ — на военномъ положеніи Днѣпровскій уѣздъ; черниговскій губернаторъ — на военномъ

положеніи находящійся въ Глуховскомъ уѣздѣ Шостенскій пороховой заводъ и поселеніе Шостка съ прилегающими къ нему слободами; войсковой наказный атаманъ войска донского — на военномъ положеніи Ростовское на Дону градоначальство (всѣ эти распоряженія были опубликованы въ теченіе января, самыя же объявленія различныхъ мѣстностей на военномъ положеніи и въ положеніи усиленной охраны происходили въ теченіе декабря прошлаго года).

9 января м-ръ ви. дѣлъ донесъ Прав. Сенату, что „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, министра, докладу о происходящихъ во многихъ мѣстностяхъ Черниговской губ. беспорядкахъ, 4 января 1906 г. Высочайше повелѣть соизволилъ—объявить названную губернію въ положеніи чрезвычайной охраны съ предоставленіемъ правъ главнокомандующаго въ предѣлахъ этой губ. генералъ-адъютанту Зантепфену“.

Эстляндскій губернаторъ донесъ Прав. Сенату, что онъ объявилъ Везенбергскій, Вейсенштейнскій и Гапсальскій уѣзды на военномъ положеніи.

Харьковскій губернаторъ — на военномъ положеніи г. Сумы и Сумскій уѣздъ.

Таврическій губернаторъ—на военномъ положеніи г. Феодосію.

* * *

Въ теченіе января мѣсяца газетами зарегистрированъ слѣд. далеко, конечно, не полный перечень проявленія революціоннаго движенія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ Батумѣ 7 января убитъ старшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Ивановъ, и шедшій съ нимъ землевладѣлецъ Руссенъ-Бекъ, преслѣдовавшій убійцу Иванова. Убійцы скрылись.

Въ Ригѣ 9 января произошло столкновение толпы съ казацкимъ патрулемъ. Въ перестрѣлкѣ ранены изъ толпы 2—тяжело, 4—легко. Нѣсколько казаковъ получили тоже легкія раны.

Въ Новоузенскѣ произошло столкновение толпы съ полиціей. Исправникъ тяжело раненъ въ голову.

6 января въ Бѣлостокѣ произведено покушеніе на жизнь пристава Федосова. Стрѣлявшій скрылся.

Въ Гомелѣ убитъ помощникъ пристава Леоновъ. Убійца скрылся.

Въ Умани 9 января брошена бомба въ канцелярію пристава 2-й части. Бомба не взорвалась.

Въ Одессѣ 9 января задержанъ субъектъ, пытавшійся бросить бомбу въ зданіе полиціи. Задержанный назвался мѣщ. Агратановымъ.

Въ Одессѣ 10 января въ помѣщеніи жандармскаго управленія произошелъ взрывъ адской машины. Особенно сильно пострадала комната, въ которой собираются офицеры канцеляріи. Человѣческихъ жертвъ не было.

Въ Вильно обнаружено 8 бомбъ.

Въ Лодзи найдены 2 бомбы.

Въ Тифлисѣ найдены 2 бомбы.

Въ Екатеринбургѣ обнаруженъ складъ оружія, бомбъ, динамита и прокламацій.

Въ Черниговѣ найдено холодное оружіе и много патроновъ.

Въ Варшавѣ найдено 8 фунтовъ динамита и 500 патроновъ.

Въ Новороссійскѣ найдена тайная типографія и наборъ воззванія къ 9 января. 4 человекъ арестовано.

Въ Томскѣ найдена тайная типографія.

9 января во Владивостокѣ матросы сибирскаго гарнизона разбили во дворѣ сарай съ оружіемъ, унесли ружья и патроны, и затѣмъ 10-го января состоялся митингъ, на который матросы и часть сухопутныхъ солдатъ явились съ винтовками и патронами. По окончаніи митинга матросы строемъ направились къ квартирѣ коменданта крѣпости съ требованіемъ освободить арестованныхъ, но шествіе было остановлено пулеметами. Къ вечеру въ городѣ все успокоилось, но 11 января былъ тяжело раненъ генералъ Селивановъ.

На имя Государя отъ гр. Воронцова-Дашкова была получена 11-го января такая телеграмма:

„Всеполазниѣше доношу Вашему Императорскому Величеству: начальникъ Сухумскаго округа донесъ мнѣ, что съ начала почтово-телеграфной забастовки мятежники намѣревались захватить власть въ Сухумѣ и овладѣть казначействомъ, но имъ этого не удалось: городъ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны, и часть агитаторовъ арестована“.

16 января на станціи Борисоглѣбскѣ, при выходѣ изъ вагона, тяжело раненъ 5-ю револьверными пулями совѣтникъ губ. правленія Луженовскій. Стрѣлявшая арестована. (Луженовскій впоследствии умеръ. Фамилія стрѣлявшей Спиридонова).

18 января въ Полтавѣ выстрѣломъ изъ револьвера убитъ шедшій на службу старшій совѣтникъ губ. правленія Филоновъ. Убійца скрылся.

Въ Тифлисѣ убитъ бомбой начальникъ штаба генералъ Грязновъ. Убійца задержанъ.

Въ Вильнѣ 14 января брошенъ снарядъ въ управленіе 1-го участка. Снарядъ не разорвался. Бросившій снарядъ скрылся.

Въ Вѣльскѣ 14 января брошена бомба. Виножникъ не обнаруженъ. Не выяснена также и цѣль взрыва.

Въ Варшавѣ 11 января на ст. Варшава-Обводная брошена бомба. На станціи никто не пострадалъ.

Въ Ригѣ ночью 12 января найденъ складъ оружія боевой организаціи. Конфисковано 30.000 револьверныхъ патроновъ, нѣсколько револьверовъ, ружей и холодное оружіе.

Въ Нижне-Днѣпровскѣ найдены нѣсколько ящиковъ динамита и 4 бомбы.

Въ селѣ Ромадановѣ Калужскаго уѣзда въ квартирѣ учителя найдена типографія съ набраннымъ текстомъ прокламаціи отъ имени совѣта рабочихъ депутатовъ. Учитель арестованъ.

20 января въ Полтавѣ убитъ начальникъ жел. дор. мастерскихъ инж. Литвиновъ.

21 января въ Луганскѣ арестована тайная типографія.

Въ Кутаисѣ 24 января убитъ приставъ Кобансани.

Въ Вильнѣ 23 января 7 револьв. выстрѣлами раненъ окоподочный надзиратель.

27 января молодая женщина, назвавшая себя Крупницкой, явилась къ вице-адмиралу Чухнину и четыре раза выстрѣлила въ него изъ Браунинга. Адмиралъ раненъ. Покушавшюся на жизнь Чухнина немедленно растрѣляла во дворѣ дома, гдѣ живетъ адмиралъ.

Въ Пензѣ 26 января убитъ 3-мя выстрѣлами изъ револьвера полицейскій сторожъ Кандауровъ. Убийца оказался мѣстнымъ уроженцемъ Васильевымъ.

Въ Тифлисѣ 27 января убитъ околд. надзиратель Крженецъ.

Въ Петербургѣ 27 января за Невской заставой въ чайной „Тверь“ собралось человекъ 30 „союза русскихъ людей“. Туда была брошена бомба. Бросившіеся послѣ взрыва къ выходу члены союза были встрѣчены револьверными выстрѣлами. Убито 2, ранено - около 15.

Въ Варшавѣ 27 января въ шедшихъ на дежурство 4-хъ жандармовъ брошена бомба. Жандармы въ изуродованномъ видѣ и безнадежномъ состояніи доставлены въ госпиталь.

30 января въ Москвѣ на дворѣ мѣщанской управы обнаружены ящики съ бомбами.

Въ Одессѣ на Александровскомъ проспектѣ найдены 3 бомбы.

Въ Казани въ транспортной конторѣ Чернова конфисковано 6 ящиковъ оружія.

Въ Проскуровскомъ уѣздѣ обнаружена большая партія разнаго оружія.

* * *

Въ теченіе января мѣсяца смертная казнь примѣнялась въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, что нѣтъ никакой возможности даже зарегистрировать сколько-нибудь полно всѣ бывшіе случаи ея примѣненія. Ограничимся поэтому лишь слѣдующими, опубликованными въ газетахъ, данными.

1) „3 января въ Варшавѣ „уличенные въ антиправительственной пропагандѣ, изготовленіи и бросаніи разрывныхъ снарядовъ, Шлема Розенцвейгъ, Укубъ Гольшайнъ, Хаймъ Рифкиндъ, Шлема Шаеръ и Янкель Пфеферъ въ 7 час. утра *разстрѣляны* въ варшавской крѣпости“.

2) „Въ городѣ Феллинѣ, Лифляндской губ., 9 января, по приговору полевого суда, *разстрѣляно* 45 человекъ за участіе въ беспорядкахъ“.

3) „Въ Митавскомъ уѣздѣ военными отрядами *разстрѣляны* оказавшіе сопротивленіе 18 мятежниковъ, въ томъ числѣ одинъ полякъ, прибывшій будто бы изъ Петербурга, Гржимайло. Въ Фрауенбургѣ *разстрѣляны* Швельманъ, принявшій званіе начальника города при наличности законной власти“.

4) „Отрядъ, вышедшій въ окрестности Виндавы для отбирания оружія, встрѣтилъ сопротивленіе, при чемъ двое агитаторовъ были *разстрѣляны*, четверо арестованы“.

5) „Въ Гробинскомъ и Газенпотскомъ уѣздахъ за мятежъ, разгромъ помѣщичьихъ имѣній и порчу Газенпотской желѣзной дороги, по приговору военно-полевого суда *казнено* въ Виргиналенѣ 8 человекъ, въ Дзервенѣ—3, въ Калдангенѣ—8, въ Амстернѣ—2, въ Апенѣ—2, въ Ленгенѣ—3“.

6) „Въ Люблинѣ казненъ *черезъ разстрѣліяніе* Марковскій, обвиненный въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи Люблинѣ Шпакова“.

7) „12 января, въ Лембургѣ, Рязскаго уѣзда, по постановленію полевого суда, *разстрѣляны пять латышей-революціонеровъ*“.

8) „Въ Феллинѣ, Лифляндской губ., для усмиренія вѣбунтовавшихся эстовъ прибылъ штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка бар. Гроссъ-Сиверсъ. Здѣсь 9 января *разстрѣляно 40 и 11 января 13 человекъ эстовъ*. Въ ночь на 9-е января, за три часа до казни, схвачены были 26 человекъ городскихъ эстовъ и вмѣстѣ съ 14-ю преступниками, содержащимися въ тюрьмѣ за разгромъ имѣній, *разстрѣляны* возлѣ города, на берегу озера, на глазахъ многолюдной толпы“.

9) „Части отряда генерала Орлова прибыли въ Зегевольдѣ—имѣніе князя Крапогкина. Полевымъ судомъ три крестьянина тамъ *разстрѣляны*“.

10) „Въ Вайноденѣ полевой судъ приговорилъ 12 человекъ къ смертной казни. Изъ нихъ *10 разстрѣляно*, двое бѣжали“.

11) „Въ Гайнашѣ 5 января *разстрѣляны* слѣдующія лица: 1) Эрнестъ Циммерманъ (17 лѣтъ), который, встрѣтивъ войска, пытался убѣжать; 2) аптекаръ Пелекириъ, жена котораго была выбрана въ члены нов. волости. правленія; 3) купецъ Предитъ, арендаторы: 4) Алексѣй Аунинъ, 30 лѣтъ; 5) Яковъ Грависъ, 50 лѣтъ; 6) Адамъ Туликъ, 23 лѣтъ; 7) Марцъ Лайвинъ, 50 лѣтъ,—черезъ посредство агитатора Б. предъявившіе къ мызной администраціи требованіе о выдачѣ вознагражденія за разные работы въ пользу имѣнія; 8) Фрицъ Аболь и 9) Марцъ Юрьянъ. Въ ночь на 9 января *разстрѣляны* Петръ Вирсисъ—ученикъ изъ Риги, Карлъ Буритъ, Эрихъ, М. Вильде и Янъ Витоль“.

12) „Близъ Либавы, въ имѣніи Прекульнѣ *разстрѣляно свыше двадцати латышей*, участвовавшихъ въ мѣстномъ движеніи. *Разстрѣляны* ограбившіе почту вблизи Прекульна“.

13) „Въ Ригѣ, по приговору военно-полевого суда въ Венденѣ, Лифляндской губ., *разстрѣляны* извѣстный латышскій агитаторъ, владѣлецъ типографіи и книжнаго магазина Озолъ“.

14) „Въ Либавѣ, при попыткѣ отправиться на пароходъ за границу, арестованъ 17 января главный агитаторъ въ гробинскомъ уѣздѣ Штраусъ. По рѣшенію полевого суда въ Прекульнѣ, онъ *казненъ черезъ повѣшеніе*. Одновременно *разстрѣляны 12 крестьянъ-революціонеровъ*“.

15) „Военный судъ приговорилъ преступниковъ, покушавшихся 1 января на жизнь черниговскаго губернатора Хвостова, къ *смертной казни черезъ повѣшеніе* и соучастника ихъ Лейкина къ 10 годамъ каторги“.

16) „Кіевскій военный судъ слушалъ при закрытыхъ дверяхъ дѣло Заславскаго, пытавшагося въ декабрѣ отбить у городского арестованнаго товарища. Вечеромъ публично объявленъ приговоръ къ *смертной казни черезъ повѣшеніе*“.

17) „Получены слѣдующія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ экзекуціоннаго отряда въ Прибалтійскомъ краѣ: Въ Друстенскомъ приходѣ *разстрѣляно 9 человекъ*, въ томъ числѣ нѣсколько членовъ новаго волостного правленія“.

Въ Фридрихштадтѣ *разстрѣляны парикмахерскій подмастерье Л.*, недоброжелательно отзывавшійся о дѣйствіяхъ высшаго правительства.

Въ Доленѣ *разстрѣляно 11 человекъ*.

Въ Куртеногфъ *разстрѣляно 4 крестьянина.*
Въ Саусенской волости *разстрѣляны 8 человекъ.* По дорогѣ въ Фетень *разстрѣляно 3 крестьянина.*

Въ Бербенской волости происходятъ *разстрѣлы ежедневно.*

Въ Йоргенбургскомъ приходѣ *разстрѣляны 4 революціонера.*

Въ Кокенгузѣ *разстрѣляно свыше 30 человекъ.*

Въ Ашерандѣ *разстрѣляно 4 человекъ.*

Въ Ленневарденѣ *разстрѣляно 2 человекъ.*

Въ Старомъ-Гульбинѣ *разстрѣляны 32 человекъ.*

Въ имѣніи Тинзе *разстрѣляно 11 человекъ,* многие избиты нагайками.

Въ Гофцумбергѣ *разстрѣляно 9 человекъ.*

Въ Тальсенѣ *разстрѣляно 5 человекъ.*

Въ Гроссъ-Зальвенѣ *разстрѣляны Юлій Двоцинъ,* принадлежащій къ числу лучшихъ современныхъ латышскихъ лириковъ.

Въ Вайноденѣ *разстрѣляно 13 человекъ, повѣшено 2,* двоимъ удалось бѣжать“.

18) „Въ городѣ Газенпотъ воинскимъ отрядомъ *двое повѣшено.*“

19) „Въ Ригѣ закончился разборъ двухъ дѣлъ временнымъ военнымъ судомъ. Обвиняемые по первому дѣлу, мѣщане Эрнстъ Штейнбергъ, 20 лѣтъ, и Мартинъ Вадае, 21 года, за покушеніе на убійство казаковъ приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ *смертной казни черезъ повѣшеніе.* По дѣлу германскаго подданнаго Іоганна Іогансона и крестьянъ Іоганна Земгала и Эдуарда Апсита, обвиняемыхъ въ обезоруженіи полиціи съ примѣненіемъ насилія, военный судъ постановилъ: *первыхъ двухъ предать смертной казни, а послѣдняго оправдать“.*

* * *

Помѣщаемъ факты, рисующіе положеніе нашей „свободной печати“; помѣщаемъ ихъ безъ малѣйшихъ комментарій, въ томъ видѣ, въ какомъ факты эти были опубликованы въ газетахъ:

1) „Особымъ комитетомъ самарской желѣзной дороги *встрѣчена продажа* въ полосѣ отчужденія журналовъ „Пламя“, „Пулеметь“, „Стрѣлы“, „Пули“, „Паяцъ“, газета „Наша Жизнь“.

2) „Въ Петербургѣ, 5 января, поздно ночью, въ типографію газеты „Обновленная Россія“, въ присутствіи издателя ея П. П. Сойкина и редактора А. Е. Зарина, явилась полиція съ распоряженіемъ *о немедленномъ прекращеніи* выхода ея въ свѣтъ. Поводомъ къ закрытію газеты послужили статьи, напечатанныя въ №№ 27 и 35“.

3) „Въ Варшавѣ по распоряженію генераль-губернатора, *приостановлено* изданіе „Западнаго Голоса“.

4) „Въ Митавѣ распоряженіемъ генераль-губернатора *приостановлена* латышская социаль-демократическая газета „Спексъ“. Редакторъ, кандидатъ правъ Гиршъ, и издатель Нейландъ арестованы“.

5) „Въ Лодаи, по распоряженію властей, *закрыта* газета „Гонецъ Лудаскій“; типографія опечатана“.

6) „Въ Люблинѣ *приостановлено* съ перваго номера изданіе „Дзвенника Любельскаго“.

7) „Въ Люблинѣ, по распоряженію временнаго генераль-губернатора,

приостановлены мѣстные газеты „Курьеръ Любельскій“ и „Гонецъ Любельскій“.

8) „Въ Одессѣ генераль-губернаторомъ *приостановлена* на время военнаго положенія украинская газета „Народная Справа“, вышедшая первымъ номеромъ“.

9) „Въ Юрьевѣ *приостановлена* выходомъ газеты „Удизаетъ“ и „Олевиць““.

10) „Въ Семипалатинскѣ на время военнаго положенія *приостановлены* „Семипалатинскій Листокъ“.

11) „*Закрѣта газета* „Сумскій Голосъ“, привлечены къ судебной отвѣтственности по 129-ой статьѣ редакторы: присяжный повѣренный Фрей, членъ земской управы Величико, членъ суда Саллоубъ, ветеринарный врачъ Ткаченко и двое другихъ лицъ. Мѣрой пресѣченія члену суда назначенъ домашній арестъ. Остальные отданы на поруки“.

12) „Въ Петербургѣ, въ 11 часовъ утра, 5 января, полиція отбирала у газетчиковъ только что вышедшій первый номеръ газеты „Молодая Россія“. Въ 12 часовъ полиція явилась въ типографію Пастора, гдѣ печаталась эта газета, произвела обыскъ и *конфисковала* *всѣ номера* „Молодой Россіи“, еще находившіеся въ типографіи“.

13) „Въ Петербургѣ, 6 января, чины полиціи *конфисковали* по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ только что выпущеннаго политическо-сатирическаго журнала „Забіяка“, предназначенныхъ для отсылки и оставшихся въ складѣ. Номера „Забіяки“, выпущенные въ розничную продажу, усиленно отбирались въ теченіи дня чинами полиціи у газетчиковъ“.

14) „Вышедшій 6 января въ Петербургѣ пробный номеръ сатирическаго журнала „Гудокъ“ въ тотъ же день вечеромъ *отбирался полиціей*“.

15) „Въ Казани *конфискованы* № 49 „Волжскаго Вѣстника“.

16) „Во Владимірѣ *конфискованы* № 6 газеты „Клязьма“. По распоряженію властей номера отбирались у разносчиковъ“.

17) „Въ Петербургѣ, въ ночь на 5 января, въ типографіи, гдѣ печатался № 4 сатирическаго журнала „Пламя“, полиціей было произведено *тщательное изслѣдованіе* набора, клише и даже бумаги, на которой печатался журналъ“.

18) „7 января, въ спб. судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло редактора-издателя газеты „Русь“ А. А. Суворина, по обвиненію его по 1 и 3 пп. 129 ст. уг. улож. въ напечатаніи известнаго манифеста революціонныхъ организацій. Защищали А. А. Суворина присяжные повѣренные С. А. Андреевскій и М. Л. Гольдштейнъ. Особое присутствіе палаты послѣ почти двухчасоваго совѣщанія приговорило А. А. Суворина къ *заключенію въ крѣпость на 1 годъ*, но, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, постановило ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ крѣпость. Въ отношеніи самой газеты „Русь“ палата ни о какихъ репрессивныхъ мѣрахъ въ своемъ приговорѣ не объявила. По аналогичному дѣлу „Нашей Жизни“ редакторъ Л. В. Ходскій приговоренъ къ 500 р. штрафа, а другой редакторъ А. Н. Котельниковъ оправданъ“.

19) „Въ Варшавѣ ген. Скалонъ оштрафовалъ редактора „Западнаго

Голоса" на 500 рублей за *статью антиправительственного содержания* въ номеръ отъ 23 декабря. Объявление постановленія производилось такъ: приставъ явился на квартиру редактора въ его отсутствіе, описалъ имущество, потомъ явился въ редакцію и объявилъ рѣшеніе, предупредивъ, что дается трехдневный срокъ, иначе—тюрьма".

20) „Въ Варшавѣ постановленіемъ начальника края, на основаніи 12-й статьи военнаго положенія, *подвернуты штрафу* въ 1.000 рублей редакторъ польскаго „журнала „Пожарный“ Шиллеръ и въ 500 руб. редакторъ русской газеты „Западный Голосъ“ Мирный“.

21) „Къ П. Н. Милкову, помимо предъявленія *обвиненія по 129 ст. уголовн. улож.* за редактированіе газеты: „Свободный Народъ“, предъявлено также обвиненіе по той же статьѣ за помѣщеніе въ другой редактированной имъ газетѣ: „Народной Свободѣ“ статьи П. В. Струве: „Еще не поздно“. Въ видѣ мѣры пресѣченія съ г. Милкова потребованъ залогъ въ размѣрѣ 300 р., несмотря на внесеніе имъ по первому дѣлу залога въ 10.000 р.“.

22) „Къ редактору „Полярной Звѣзды“ П. В. Струве предъявлено *обвиненіе по 129 ст. упол. улож.* за напечатанную въ № 3 журнала статью редактора: „Два забастовочныхъ комитета“.

23) „Въ Казани, къ редактору „Волжскаго Вѣстника“ В. И. Кудрявцеву предъявлено обвиненіе по ст. 129 и 1024 уголовн. уложенія“.

24) „Въ Смоленскѣ редакторъ „Двѣпровскаго Вѣстника“ *привлеченъ къ ответственности по 129 статьѣ*“.

25) „Въ Симферополѣ редакторъ „Крыма“ Эндлингъ *привлеченъ къ ответственности по 129 статьѣ*“.

26) „Въ Перми, ночью 5 января, въ редакцію газеты „Пермскій Край“ явились полиція и казаки, всего двадцать человекъ, и произвели обыскъ; не найдя ничего преступнаго, опечатали типографію и редакцію. 7 января типографія открыта, но съ содержателя взята подписка не печатать „Пермскаго Края“. *Редакція остается опечатанной*. Никакого распоряженія о приостановкѣ газеты до сего времени редакція не сообщено“.

27) „Въ Петербургѣ, 8, 9 и 10 января *закрытъ цѣлый рядъ типографій*, въ томъ числѣ типографія г. Бусселя, печатавшая „Еврейскій Рабочій“, „Зритель“ и „Трудъ“, печатавшая „Пулеметь“.

28) „Въ Тифлисѣ *арестованъ* редакторъ „Возрожденія“ Готуа и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ социаль-демократической газеты „Схиви“ Махарадзе. Произведены обыски въ редакціи и типографіи новой грузинской газеты „Питара“, обѣ опечатаны“.

29) „Въ Царицынѣ *арестованъ* редакторъ „Царицынской Жизни““.

30) „Въ Кишиневѣ, 10 января, въ 6 час. вечера, по распоряженію администраціи произведенъ *внезапный обыскъ редакціи и типографіи* газеты „Бессарабская Жизнь“ многочисленнымъ нарядомъ полиціи. Захвачены частные заказы, готовый наборъ, а также изданія конституціонно-демократической партіи на молдавскомъ языкѣ. Арестованъ заказчикъ брошюры „Революція 1905 года“, редакторъ-издатель „Голоса Земли“ Топоровъ“.

31) „Циркуляромъ губернатора въ кievской губерніи безусловно *востре-*

цена продажы въ разность всѣхъ газетъ и журналовъ. Сдѣлано распоряженіе обыскать въ городѣ всѣ газетные кіоски“.

32) „По распоряженію цензурнаго комитета, полиціи предписано *конфисковать № 17 газеты „Вечерній Голосъ“*. Конфискація этого номера произведена и въ типографіи названной газеты“.

33) „Въ Вильнѣ *конфискованы* номера „Сѣверо-Западнаго Голоса“ отъ 12 января“.

34) № 6 „Сибирской Народной Газеты“ *конфискованы*. Къ редактору предъявлено обвиненіе по 129 статьѣ“.

35) „Въ Полтавѣ *конфискованы* второй номеръ социаль-демократической газеты „Полтавскій работникъ“.

36) „Въ Царицынѣ, по распоряженію генераль-адъютанта Максимовича, газета „Царицынскій Вѣстникъ“ за вредное направленіе *приостановлена* на неопредѣленное время“.

37) „Въ Асхабадѣ, 15 января, въ контору редакціи „Асхабадъ“ явился исполняющій обязанности цензора мѣстныхъ изданій съ увѣдывымъ начальникомъ и *конфискованы* номера этой газеты отъ 14 и 15 января. Такая же конфискація была произведена въ газетныхъ кіоскахъ и въ почтовой конторѣ“.

38) „Въ Тифлисѣ на время военнаго положенія *приостановленъ* органъ грузинскихъ социаль-демократовъ „Схиви“.

39) „Костромской окружный судъ заочнымъ приговоромъ присудилъ редактора-издательницу Андроникову къ *4-мѣсячному тюремному заключенію за напечатаніе воззванія* къ политической забастовкѣ“.

40) „Стодольницкій, редакторъ польской газеты „Курьеръ Любельскій“, *оштрафованъ военнымъ губернаторомъ* въ 1.000 рублей“.

41) „Въ Казани редактору газеты „Волжскій Листокъ“ С. А. Ушакову предъявлено обвиненіе по *пункту 6 ст. 5 и 6* отдѣла 8 Высочайшаго указа 24 ноября 1905 года“.

42) „Въ Симферополѣ редакторъ „Крымскаго Курьера“ привлеченъ къ *судебной ответственности по 129 ст.* по тремъ отдѣламъ“.

43) „Въ Владикавказѣ прокурорскимъ надзоромъ возбуждено противъ редактора газеты „Казбекъ“, Казарова, *преслѣдованіе по второму пункту 129 статьи“*.

44) „Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, *закрыты и запечатаны* типографіи Фрейдберга за напечатаніе въ ней нелегальныхъ произведеній, Голике, въ которой печатался журналъ „Жупель“ и Американская Скоропечатня за напечатаніе сатирическаго журнала „Знамя“.

45) „Въ Кишиневѣ, 1-го января, въ 7 час. вечера, полиціей по распоряженію губернатора Харузина, *закрыта типографія „Бессарабской Жизни“*“.

46) „Въ Варшавѣ редакторы „Курьера Пораннаго“ и еженедѣльника „Голосъ“, а также издатель и одинъ сотрудникъ послѣдняго привлечены прокурорскимъ надзоромъ къ *уголовной ответственности за разныя статьи*, помѣщенные въ декабрѣ“.

47) „Въ Варшавѣ, постановленіемъ третьяго уголовнаго департамента судебной палаты, редакторъ „Lodzer Zeitung“ Петерзильге *приговоренъ* къ *штрафу* въ 200 руб“.

48) „Редакторъ „Южнаго Слова“ Гросманъ обвиняется прокурорскимъ надзоромъ *въ призвать къ вооруженному возстанію*. Гросманъ содержится въ тюрьмѣ“.

49) „Въ Петербургѣ *арестованъ* редакторъ „Обновленной Россіи“ А. Е. Заринъ. Къ нему предъявлено обвиненіе по 128 и 129 и другимъ статьямъ и возбуждено семь дѣлъ“.

50) „Въ Петербургѣ *арестованъ* издатель „Сына Отечества“ и „Жупела“ С. Ю. Юрицынъ“.

51) „Въ Казани *арестованъ* редакторъ „Волжскаго Вѣстника“ Кудрявцевъ“.

52) „Въ Кишиневѣ *арестованъ* редакторъ - издатель „Бессарабской Жизни“ Захаровъ. Производятся аресты членовъ редакціи и конфискаціи литературы конституціонно-демократической партіи“.

53) „Въ Симферополѣ *арестована* издательница „Прибоя“ г-жа Васильева“.

54) „Въ Петербургѣ въ ночь на 15 января, редакцію сатирическаго журнала „Жупель“ посетили полицейскіе и жандармы. *При обыскѣ въ редакціи* были найдены и немедленно конфискованы 50 пробныхъ выпусковъ третьяго номера названнаго журнала. Сыщиковъ это количество не удовлетворило и, покидая редакцію, они заявили, что у входа послѣдней будетъ установлено дежурство полиціи для конфискаціи журнала, если бы такой былъ присланъ сюда. Одновременно полиція воспретила газетчикамъ приобретать для продажи третій номеръ „Жупела“ и распродавать его на улицахъ“.

55) „Въ Петербургѣ, въ ночь на 18 января, въ квартирѣ литератора В. Я. Богучарскаго былъ произведенъ *тщательнѣйшій и продолжительный обыскъ*, съ 11 часовъ вечера до 4 утра, не обнаруживъ ничего „предсудительнаго“, полиція захватила огромное количество рукописныхъ историческихъ матеріаловъ, которыми пользовался г. Богучарскій для своихъ историческихъ работъ“.

56) „Въ Петербургѣ, постановленіемъ судебной палаты, *приостановлена до судебного приговора* газета „Радикалъ“. Редакторъ ея, прис. пов. М. С. Маргулієсъ, привлекается къ отвѣтственности по 1 и 2 п. 129 ст. угол. улож. за помѣщеніе въ № 2 „Радикала“ статьи Л. Бельмонта „Польша и революція“ и сообщенія „Побѣгъ изъ спб. охраннаго отдѣленія“.

57) „Въ Кіевѣ *закрыты три газеты*: „Свобода и Право“, „Кіевскіе Отголоски“ и малороссійская „Громадська Думка“.

58) „Въ Ярославлѣ, издающаяся, вмѣсто приостановленнаго „Сѣвернаго Края“, „Сѣверная область“ *приостановлена* впредь до судебного приговора“.

59) „По распоряженію прокурора саратовской судебной палаты, *приостановлена* „Самарская Газета“, № 18 *конфискованъ*“.

60) „Въ Тифлисѣ распоряженіемъ временнаго генераль-губернатора *приостановлена* газета „Новое Обозрѣніе“ на все время дѣйствія военнаго положенія“.

61). „Постановленіемъ иркутскаго генераль-губернатора газета „Восточное Обозрѣніе“ *приостановлена за вредное направленіе*“.

62). Въ Баку, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, *закрыты газеты* „Кавказское Слово“ и „Бакинская Жизнь“.

63). „4-й номеръ „Дневника социаль-демократа“ Г. В. Плеханова, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, *изъятъ изъ обращенія*“.

64). „Первый номеръ журнала „Рабочая Мысль“ *конфискованъ*“.

65). „Въ Варшавѣ *конфискованъ* номеръ, по постановленію цензурнаго комитета, 14 номеръ еврейской газеты „Гадефира“.

66). „Въ Вильнѣ *конфискованъ* номеръ „Деръ Векеръ“ отъ 20 января“.

67). „Номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 24 января *конфискованъ*“.

68). „Въ Самарѣ 24 января *конфискована* „Самарская Газета“.

69). Въ Казани *конфискованъ* № 359 „Волжскаго Листка“. Редактору Ушакову предъявлено обвиненіе по п. 5 в. отд. VIII временныхъ правилъ о періодическихъ изданіяхъ“.

70). „Въ Оренбургѣ третій разъ *конфискуется* мѣстной администраціей номеръ газеты „Оренбургскій Листокъ“.

71). „Въ Харьковѣ ежедневно на вокзалѣ и въ городѣ производится энергичная *конфискація* номеровъ „Народнаго Хозяйства“, частные подписчики, общественныя и другія учрежденія не получаютъ уже въ теченіе 4 дней названной газеты, несмотря на аккуратную ежедневную отсылку номеровъ въ Харьковъ“.

72). „Въ Петербургѣ, 19 января въ помѣщеніе товарищества „Просвѣщеніе“ явилась полиція, *конфисковала* 11025 экземпляровъ сатирическаго журнала „Сигналъ“, вышедшаго 18 января и опеча гала стереотипы этого журнала“.

73). „Одесскимъ генераль-губернаторомъ *воспрещена розничная продажа* газетъ „Радикалъ“, „Русь“, „Призывъ“, и журналъ „Полярная Звѣзда“.

74). „Въ Васильковѣ, по распоряженію губернатора, *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*. Выданныя разрѣшенія отобраны“.

75). „Въ Митавѣ, распоряженіемъ курляндскаго генераль-губернатора, *запрещена розничная продажа* на улицахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ почти всѣхъ петербургскихъ сатирическихъ журналовъ“.

76). „По распоряженію павлоградскаго губернатора, *воспрещена розничная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ*“.

77). „На московскихъ вокзалахъ производятся *массовыя конфискаціи* петербургскихъ газетъ и сатирическихъ журналовъ“.

78). „Временный генераль-губернаторъ Карангозовъ предложилъ одесскому градоначальнику *немедленно воспретить розничную продажу* въ Одессѣ „Рабочей Газеты“.

79). Въ Тифлисѣ, редакторъ мѣстной газеты былъ вызванъ для переговоровъ къ губернатору Тимофееву. Редактору обѣщано, что его *газета будетъ закрыта*, если она позволитъ себѣ критиковать дѣйствія войскъ или высшихъ властей въ краѣ“.

80). „Редакторъ-издатель пріостановленнаго „Харьковскаго Листка“ Стопринскій привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго по двумъ дѣламъ *по статьямъ 281 и 1029 уол. улож.*, редакторъ-издатель пріостановленнаго „Міра“ Тихоновичъ—по тремъ дѣламъ, *по статьямъ 1040, 1024 и 281 уол. улож.*

81). „Редакторъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. В. А. Бонди привлекается къ

отвѣтственности на основаніи временныхъ правилъ о печати по п. 3, 129 ст. у. у. за напечатаніе резолюціи группы казаковъ, рѣзко порицающей дѣйствія правительства“.

82) „Проф. Л. В. Ходскій и А. Н. Котельниковъ, оправданные въ обвиненіи по 129 ст. улож. о наказ., за помѣщеніе „манифеста“ совѣта рабочихъ депутатовъ въ № 345 „Нашей Жизни“ отъ 2 декабря 1905 г., вновь привлекаются къ суду по той же 129 статьѣ за напечатаніе статьи „Къ почтово-телеграфной стачкѣ“ и проч., помѣщенныхъ въ №№ 340 и 343 „Нашей Жизни“ отъ 22 и 25 ноября того же года.

83) Редакторъ „Южнаго Курьера“ Кристи привлеченъ къ *судебному слѣдствію* по обвиненію въ подстрекательствѣ къ вооруженному возстанію и заключенъ въ тюрьму до разбора дѣла. Ходатайство о представленіи залога отклонено“.

84) „Въ Варшавѣ редакторъ „Курьера Пораннаго“ приговоренъ къ *двухмѣсячному тюремному заключенію* за помѣщеніе статьи съ умышленно извращенными сообщеніями о дѣйствіяхъ правительства“.

85) Редакторъ „Орловскаго Вѣстника“ *привлекается по 129 ст. у.* уложения.

86) Редактору-издателю газеты „Голосъ Земли“, арестованному въ Кишиневѣ по распоряженію мѣстнаго губернатора Харузина, предъявлено *обвиненіе по 1 п. 129 и 132 ст. ст.* уголовного уложения“.

87) „Въ № 185 „Народнаго Курьера“ появилась статья, оправдывающая почтово-телеграфную забастовку и призывающая польское общество къ оказанію матеріальной поддержки забастовщикамъ. По словамъ „Варш. Дневн.“, прокурорскій надзоръ возбудилъ *уголовное дѣло противъ редактора* этой газеты Залевскаго“.

88) Редакторъ-издатель конфискованнаго полиціей изданія „Книжка за книжкой“ А. М. Крисько привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго по 129 ст. у. улож. за статьи „9 января“ и „Армія съ 9 января 1905 г.“ помѣщенные въ № 1 журнала „Книжка за книжкой“. 20 января, рано утромъ, въ квартиру А. М. Крисько явился приставъ и предложилъ ему выяснитъ, гдѣ живетъ и кто такой Ф. Данъ, подписавшійся подъ статей „Армія съ 9 января 1905 г.“.

89) „Въ Петербургѣ, по распоряженію градоначальника, закрыта „Спб. коммерческая типографія“, въ которой долженъ былъ печататься первый номеръ журнала „Бомбы“.

90) „Въ Петербургѣ *запечатана типографія* Виленчикъ, въ которой печаталась „Нагаечка“.

91) „Въ Самаркандѣ *запечатана типографія* газеты „Самаркандъ“.

92) „Въ Петербургѣ *опечатанъ книжный складъ* издавія Рутенбергъ „Библиотека для всѣхъ“.

93) „Въ Петербургѣ, 18 января *арестованъ* владѣлецъ художественной типографіи г. Собко (бывшій секретарь общества поощренія художествъ). Причина ареста, печатаніе произведеній, не подходящихъ по своему содержанію къ видамъ правительства.

94) „Въ Кіевѣ 25 января ночью *арестованъ* Василенко, фактическій редакторъ закрытыхъ „Кіевскихъ Отголосковъ“, два дня замѣнявшихъ закрытые „Кіевскіе Отклики“, и сотрудникъ Стешенко. Въ редакціи въ 2 часа

ночи произведенъ обыскъ, взято много рукописей. Обысками также квартиры многихъ сотрудниковъ.

95) „Въ Харьковѣ арестованъ редакторъ и сотрудникъ „Харьковской Жизни“ Залкиндъ-Бодянский.

96) „Въ Самаркандѣ арестованъ редакторъ газеты „Самаркандъ“.

97) „Въ Петербургѣ, 19 января, полиціей былъ произведенъ обыскъ въ типографіи т-ва „Общественная Польза“, при чемъ были конфискованы двѣ книжки: 1) „Великая французская революція“ изд. Рутенбергъ и 2) „Мститель“ изд. Алексѣевой“.

98) „Главное управленіе по дѣламъ печати возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редактора-издателя „Русское Богатство“ В. Г. Короленко, помѣстившаго въ №№ 11—12 журнала „манифестъ“ рабочихъ организацій“.

99) „Въ Харьковѣ приостановлено послѣ конфискаціи еженедѣльное изданіе „Крестьянская Газета“.

100) „Постановленіемъ херсонскаго генераль-губернатора газета „Югъ“ приостановлена на все время военнаго положенія“.

101) „Распоряженіемъ харьковскаго генераль-губернатора газета „Волна“ приостановлена. Номеръ отъ 29 января конфискованъ“.

102) „Въ Вишнѣ приостановлено изданіе газеты „Деръ Векеръ“.

103) „Въ Минскѣ „Сѣверо-Западный Курьеръ“ приостановленъ на время чрезвычайной охраны, послѣ второгъ номера.

104) „Въ Самарѣ постановленіемъ судебной палаты приостановлена „Самарская Газета“.

105) „Въ Смоленскѣ постановленіемъ судебной палаты приостановленъ „Днѣпровскій Вѣстникъ“.

106) „Постановленіемъ судебной палаты „Смоленскій Голосъ“ приостановленъ“.

107) Въ Владикавказѣ распоряженіемъ генераль-губернатора закрыта газета „Лавина“. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности за нарушеніе законовъ о печати.

108) „Въ Юрьевѣ распоряженіемъ генераль-губернатора приостановлена эстонская газета „Свободное Слово“.

109) „Латышская социаль-демократическая газета „Jauna Deenas Lapa“ распоряженіемъ изъ Петербурга приостановлена“.

110) „Въ Иркутскѣ приостановлено изданіе юмористическаго журнала „Оводъ“.

111) „Въ Петербургѣ полиціей конфисковано 5.000 экземпляровъ 2-го номера журнала „Голосъ среднеучебныхъ заведеній“.

112) „Въ книжныхъ магазинахъ Москвы полиція конфисковала выпущенную книгоиздательствомъ „Народное Право“ брошюру подъ заглавіемъ: „Крестьянамъ отъ конституціонно-демократической партіи“. Брошюра, однако, успѣла уже разойтись, по словамъ московскихъ газетъ, въ количествѣ до ста тысячъ экземпляровъ“.

113) „На улицахъ Москвы 29 января полиція отбирала у газетчиковъ номера „Нашей Жизни“.

114) „Редакторъ „Полтавщина“ и писатель Короленко привлечены къ судебной отвѣтственности за открытое письмо совѣтнику Филонову, заключающее ложныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ должностнаго лица и войскъ“.

115) „Въ Симферополь конфискованъ номеръ газеты „Крымъ“ отъ 28 января“.

116) „Въ Рыбинскѣ полиціей конфискованы всѣ сатирическіе журналы“.

117) „Въ Павлоградѣ *встрѣчена различная продажа всѣхъ газетъ и журналовъ* кромѣ „Дня“, „Приднѣпровскаго Края“ и „Южнаго Края“.

118) Кременчугскимъ генералъ-губернаторомъ *встрѣчена продажа газетъ*: „Полтавское Дѣло“, „Колоколь“, „Призывъ“, „Волна“, „Воля“, „Рядный Край“, „Русь“, „Радикаль“, „Громадська Думка“.

119) „Въ Ялтѣ жандармами отобраны у газетчиковъ всѣ номера сатирическихъ журналовъ“.

120) „Редакторъ-издатель журнала „Нужды Деревни“ А. П. Мертваго *привлекается къ судебной отвѣтственности по ст. 129* за напечатаніе въ первомъ номерѣ журнала статьи: Ближайшія задачи общественной дѣятельности въ деревнѣ“.

121) „Редакторъ „Вечерняго голоса“ М. И. Ковтуновскій *привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст. 5 п. ул. о нак. и по внесеніи залога* въ 1,000 р. оставленъ на свободѣ. Какъ оказывается, М. Ковтуновскій привлекается за перепечатанное изъ „Самарскаго Курьера“ „Заявленіе казаковъ“, разрѣшенное къ печатанію и. д. полицеймейстера Ромещукъ.

122) „Въ Ташкентѣ редакторъ „Русскаго Туркестана“ Морозовъ осужденъ *къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ*“.

123) „1-го февраля, въ кievскомъ окружномъ судѣ слушался первый литературный процессъ. Обвинялся редакторъ-надатель закрытаго „Кievскаго Слова“, присяжный повѣренный Фининъ, и сотрудникъ той же газеты Мнящевъ, обвиняемые въ сочувствіи почтово-телеграфной забастовкѣ, усмотрѣнномъ въ фельетонѣ послѣдняго. Приговоромъ суда Фининъ присужденъ къ сторублевому *штрафу*, а Мнящевъ—къ *двумъ мѣсяцамъ тюрьмы*“.

124) „Редакторъ сатирическаго журнала „Злой Духъ“ С. Карръ (С. А. Патарраки), дѣло противъ котораго прекращено судебной властью за отсутствіемъ состава преступления, *сосланиъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь на 4 года*“.

125) „Въ Полтавѣ типографіи въ виду притѣсненія администраціей *отказываются печатать* вновь открываемыя газеты и журналы“.

126) „Въ Иркутскѣ *арестованъ* редакторъ „Восточнаго Обзорнія“ Фатѣевъ“.

127) „Въ Петербургѣ, 26 января, старшими чиновниками с.-петербургскаго охраннаго отдѣленія вмѣстѣ съ приставомъ Коломенской части, околоточными, городовыми, понятыми и пр., былъ произведенъ необыкновенно *тщательный обыскъ* въ книгоиздательствѣ Маріи Малыхъ, длившійся цѣлыхъ 6 часовъ. Обыскивали не только всѣ углы, издательницу и служащихъ, но и совершенно случайныхъ посѣтителей. На телефонные звонки отвѣчалъ самъ чиновникъ или околоточный надзиратель, объявляя себя служащимъ книгоиздательства. Такимъ образомъ, они надѣялись перехватить какія-либо издательскія тайны. Вначалѣ было предьявлено предписаніе объ арестѣ г-жи Малыхъ, но уже предъ самымъ отходомъ получено извѣщеніе, что постановленіе это отменяется. „Предосудительнаго“ ничего не было найдено. Забраны лишь имѣвшіеся экземпляры „Дневника социал-демократа“ №№ 3 и 4 и много рукописей“.

128) „ Въ Кіевѣ произведенъ обыскъ въ конторѣ Соколовскаго—представителя „Право“, „Сынъ Отечества“, „Русское Богатство“ и книгоиздательства Алексѣевой. Конфискованы 570 рублей, газеты, журналы и издавія Алексѣевой, выпущенныя явочнымъ порядкомъ“.

* * *

Помѣщаемъ напечатанныя въ газетѣ „Русь“ отчетъ Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) за 1905 годъ (годъ существованія Общества XXV-й) и воззваніе Общества о пожертвованіяхъ.

ПРИХОДЪ.

Остатокъ на 1 января 1802 р. 29 к., отложено на лѣто 1700 р., на возвратъ ссыльн. Б. и П. 294 руб. 70 коп., N 25 лиръ 200 ф.—81 р. 70 к. В. Ж. К. 90 руб., отъ воронез. врача 70 р., С. Г. 25 р., отъ сбора въ Москвѣ въ 1400 р. поступило 900 р., изъ Енисейска 200 р., лепта жителей Самары 1305 р., черезъ университет. пост. 37 руб. 17 к., предпріятіе 258 р. 56 к., черезъ освобожден. для рабоч. 75 руб., въ память Клавдіи Аркад. Францески 49 р., черезъ Т. 40 р., В. М. 43 руб., отъ А. А. А. 30 р., изъ Москвы черезъ Б. 1000 руб., отъ артистовъ 200 р. черезъ Н. Ж. 150 р., изъ Н.-Новгорода 100 р., литер. гонораръ 80 р., отъ союза мещ. перс. 70 р., черезъ провинціалку 50 р., отъ землячества 18 р. 60 к., отъ компаніи черезъ Z спеціальн. 83 р. 45 к., Р. Б. 1103 р. 45 к., изъ Москвы черезъ Б. 17000 р., отъ С. О. 800 р., изъ Москвы черезъ Б. 465 р. 88 к., для пострад. въ Лодзи 200 р. 20 к., отъ И. Ж. 138 руб., изъ Алатыря 40 р., отъ группы конт. для семьи К. 100 р., для Пут. раб. отъ учит. 30 руб., отъ различ. лицъ франками 157 р. 68 к., отъ Ивана Иванов. для Пут. раб. 100 руб. Г. и Д. 69 р. 10 к., изъ Москвы черезъ Б. 411 р. 07 к., изъ Средней Азій 35 руб., отъ Х. 25 р., отъ нѣсколькихъ 40 руб., отъ Г. 45 руб., Т. И. 40 руб. 52½ к., черезъ Н. Ж. 5283 р. 65 к., отъ С. О. 105 руб., В. М. Ак. 47 р., Р. Б. 840 р. 77 к., на ссыльныхъ отч. Н. Ж. 40 р., черезъ В. К. отъ О. П. 50 р. отъ Н. Ж. 611 р. 68 к., сборъ съ 7 лекцій 548 р. 97 к., отъ продажи литературы, порт. и открытокъ 246 руб. 81 к., сборъ по 4-мъ листамъ 265 р. 55 к., по спеціаль. назначенію 162 р. 92 к., ежемѣс. сборъ 48 р. 50 к., изъ Кіева отъ сказ. 86 р. 13 к., сборы 150 руб., въ пользу моряковъ 52 руб. 95 к., отъ разныхъ лицъ 611 р. 47 к. Итого 23, 421 руб. 77½ коп. 25 лиръ.

РАСХОДЪ.

На тюрьмы 6924 руб. 94 коп., на семьи 2641 р. 21 к., на высылаемыхъ 2493 р. 03 к., въ провинцію 1927 руб. 46 коп., на помощь возвр. изъ ссылки 734 р., освобождаемымъ 164 р., пострадавшимъ 994 р. 20 к. амнистированнымъ 198 р., заключеннымъ матросамъ и солдатамъ 360 руб., залогъ 75 руб.. возвратъ долга 100 р., дано взаймы 138 р. разн. мелкіе расходы

26 р. 73 к., специальный расходъ 1305 руб., комиссиі по амнистіи *) 4083 р. 65 к. Итого 21,566 р. 22 к.

Остатокъ на 1 января 1906 года 1,856 р. 55½ к. и 25 пиръ Кроме того, на поддержку пострадавшихъ въ движеніи 9-го января поступило и израсходовано съ 9 января по 1 мая 1905 года 66,167 р. 49 коп.; отчетъ о поступлении и израсходованіи этой суммы былъ своевременно опубликованъ тѣмъ способомъ, которымъ раньше публиковались и всѣ другіе отчеты Краснаго Креста.

„Еще недавно могло казаться, что дальнѣйшее существованіе Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (Красный Крестъ) станетъ излишнимъ. Намъ обѣщали „дѣйствительную неприкосновенность личности“ и дали, хотя и далеко не полную, амнистію. Камеры тюремъ опустѣли, однако, далеко не надолго, и въ новый, XXVI годъ своего существованія, Красный Крестъ вступилъ при исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ. Первые же дни свободы были омрачены кровавыми насиліями.

Многіе изъ амнистированныхъ пользовались свободой не больше недѣли и вновь водворены въ тюрьмы, только что раскрывшія передъ ними свои двери; тамъ же очутились и нѣкоторые эмигранты, повѣрившіе обѣщаніямъ правительства и поспѣшившіе вернуться на родину. Тюрьмы раскрылись только для того, чтобы вскорѣ еще плотнѣе захлопнуть свои двери и вмѣстѣ въ переполненныхъ камерахъ небывающее количество заключенныхъ. Всѣ существующія мѣста заключенія биткомъ набиты. А недавно въ Петербургѣ приспособили для помѣщенія заключенныхъ старыя флотскія казармы.

Не станемъ пояснять, во что превратился въ наше „конституціонное“ время и ранѣе не сладкій тюремный режимъ. Въ Петропавловской крѣпости, въ пересыльной тюрьмѣ заключенные буквально голодаютъ—не въ видѣ протеста противъ тюремнаго режима, а въ силу этого режима, въ силу сокращенія продовольственнаго пайка. То тамъ, то здѣсь происходятъ и голодовки—протесты. При массѣ арестованныхъ, дѣла ихъ растягиваются неизмовѣрно, и допросы жлутъ по мѣсяцамъ.

Каково вообще психическое состояніе заключенныхъ,—объ этомъ свидѣлствуютъ неоднократные случаи самоубійствъ и покушеній на самоубійство.

Положеніе арестованныхъ рабочихъ отягчается крайней нуждой, которую терпятъ ихъ семьи и близкіе: многіе и самые крупные заводы закрыты. Массы рабочихъ выброшены на улицы, перезакладывали послѣднее, что было, мерзнуть въ сырыхъ коморкахъ—топить вѣчѣмъ—и голодаютъ. А администрація закрываетъ одну за другой столовыя для безработныхъ—прекращаютъ даже эту нищенскую помощь голодающимъ.

При такихъ условіяхъ о матеріальной поддержкѣ заключеннымъ отъ

---

*) Изъ суммы 4,083 р. 65 к. комиссіей по амнистіи выдано за счетъ Кр. Кр. для помощи амнистированнымъ Р. С. Д. Р. П. 1.150 р., П. С. Р. 1.100 р. Итого 2.250 р. Остается за комиссіей по амнистіи 1.833 р. 65 к.

семьи и товарищей нечего и говорить. Имъ приходится довольствоваться тюремной бурдой, кашей да кипяткомъ вмѣсто чая. Но главное—приходится сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, въ полномъ безсиліи что-нибудь предпринять для спасенія своихъ голодающихъ, болѣющихъ ребятишекъ.

Необходима немедленная энергичная помощь. Въ Петербургскихъ тюрьмахъ находится теперь до 2,000 заключенныхъ, на улучшеніе ихъ положенія и помощь семьямъ обычныхъ средствъ не хватаетъ. Необходимо усиленный притокъ пожертвованій, ибо нужда вопіющая.

Пожертвованія просить направлять въ редакцію газеты „Русь“.

Редакторы { В Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ редакціи.

Кромѣ окончанія статей **В. И. Семейскаго** и **Н. П. Павлова-Сильванскаго**, въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» будутъ помѣщены: **П. Е. Щеголевъ**.—Семенъ Олейпичуевъ (умершій въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая I) и Агитаціонная литература декабристовъ; **М. К. Лемке**—Процессы **Н. Г. Чернышевскаго**, **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. А. Мартянова** и **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **В. Н. Фигнеръ**.—Изъ воспоминаній; **С. А. Иванова-Борейша**.—Изъ воспоминаній (о **С. Л. Перовской**); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ 1879 г.); **С. А. Ивановъ**.—Изъ воспоминаній; **Н. А. Морозовъ**.—Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ 1879 г.); **А. П. Прибылева-Корба**.—Изъ воспоминаній (о «Дегаевщинѣ»); **Р.**—Событіе 1 марта и **Н. В. Шелгуновъ**, **Н.**—Событіе 1-го Марта и **Н. К. Михайловскій**; **NN.**—Событіе 1 марта и **В. С. Соловьевъ**; **А. В. Тырковъ**.—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта); **В. Л. Бурцевъ**.—Изъ воспоминаній. Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати; изъ первоначальной исторіи Общества помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ (Крас. Крестъ); стих. **Н. А. Некрасова** «На смерть **Т. Г. Шевченко**»; письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и проч.

Въ распоряженіи Редакціи находится архивъ **П. Л. Лаврова** (между прочимъ, много писемъ къ нему **И. С. Тургенева**, **Н. А. Бѣлоголоваго**, **С. Г. Ширяева**, **Льва Гартмана** и др.).

Будутъ помѣщены портреты **Н. А. Серно-Соловьевича**, **Д. В. Каракова**, **П. И. Войноральскаго**, рабочихъ **Петра Алексѣва** и **Тимофея Михайлова**, **А. И. Желябова**, **Н. И. Кибальчича**, **С. Л. Перовской**, **Г. М. Гельфманъ**, **Н. И. Рысакова**, **И. П. Емельянова**, **И. I. Гриневицкаго**, **Н. А. Саблина**, **М. Н. Тригопи** (до Шлиссельбурга), **Ю. Н. Богдановича** (Кобозева), **М. Р. Ланганса**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова**, **В. Н. Фигнеръ** и др., рисунокъ **Виллюской тюрьмы**, въ которой жилъ Чернышевскій, виды **карійской ка-торги** и проч.

О п е ч а т к и :

1) Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой книги, въ примѣч. на стр. 66, по оплошности, пропущены слова—«были напечатаны въ „Русск. Архивъ“ (1893 № 7)». Въ большинствѣ экземпляровъ примѣчаніе это напечатано правильно.

2) На стр. 226 **Южакова** ошибочно названа **Натальей**; ея имя **Елизавета**.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на историческій журналъ „Б Ы Л О Е“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуриискій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); С. А. Венгеровъ; В. В. Водозововъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьяевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костюринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликовскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Святиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1, Книгоиздательство „Донская Рѣчь“^а. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 3 МАРТЪ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Ш м и д т ъ, Звенигородская, 20.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР
1. 1-е марта—3-е апрѣля 1881 года. (<i>Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ</i>). В. Я. Богучарскаго	1
2. Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III.	33
3. Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій В. Я. Б.	38
4. Событіе 1-го марта и Н. В. Шелгуновъ. Н. Р.	41
5. Событіе 1-го марта и Влад. С. Соловьевъ. П. Щ	48
6. Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой. А. Хирьянова.	56
7. Изъ рѣчей на судѣ А. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской.	62
8. Мой арестъ въ 1881 году. М. Н. Тригони	76
9. А. И. Желябовъ. (<i>Отрывки изъ воспоминаній</i>). И. П. Бѣлоконскаго	78
10. Воспоминанія о С. Л. Перовской. Софьи Ивановой	83
11. Арестъ Н. Г. Чернышевскаго. М. А. Антоновича	90
12. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источникамъ</i>). М. К. Лемке.	95
13. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи XVIII и первой четверти XIX вѣка. (<i>Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей</i>). Окончаніе. В. И. Семевскаго	150
14. Пестель предъ Верховнымъ Судомъ. Продолженіе. Н. П. Сильванскаго.	201
15. Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг. В. С. Панкратава.	230
16. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейнъ В. Н. Фигнеръ.	253
17. Къ біографіи А. В. Ухтомскаго.	276
18. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину—279. Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ—226.	

Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи—	200.
Толпа. Стих. И. С. Тургенева—	146.
Изъ бумагъ, взятыхъ у Чернышевскаго при арестъ—	227.
На смерть Шевченко. Стих. Н. А. Некрасова—	199.
Н. А. Морозову. Стих. А. Ольхина—	252.
Заявленіе А. И. Желябова отъ 2 марта 1881 г.—	61.
Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову—	71.
Къ портрету А. И. Желябова—	74.
Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ . . .	148
19. Документы для исторіи Общества Краснаго Креста парти Народной Воли.	282
20. Историческая библиографія (Джорджъ Кенанъ . <i>Сибирь и ссылка</i> .— <i>Процессъ 193-хъ</i> . Изд. В. М. Саблина.— <i>Записки декабриста кн. Трубецкого</i> .— <i>Процессъ Вьры Засумичъ</i> .— Н. П. Карбчевскій <i>Дѣло Сазонова</i> .—	
Ular A. <i>Die Russische Revolution Berl.</i>	292
21. Отъ Шлиссельбургскаго комитета.	305
22. Современная лѣтопись.	307

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, И. И. Гринвицкаго, Т. М. Михайлова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони, И. П. Емельянова, Н. И. Рысакова, Г. М. Гельфманъ, Ю. Н. Богдановича (Кобозева), Н. А. Саблина, А. В. Ухтомскаго.

1-го марта — 3-го апрѣля 1881 года.

(Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ).

Вечеромъ 1-го марта 1881 года въ экстренномъ прибавленіи къ „Правительственному Вѣстнику“ были напечатаны два слѣдующихъ официальныхъ бюллетеня:

1) „Сего 1 марта, 1³/₄ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Копюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно“.

Лейбъ-медикъ *Боткинъ*.
Профессоръ *Е. Богдановскій*.
Почетный лейбъ-медикъ *Головинъ*.
Докторъ *Крулевскій*.

2) „Сегодня 1-го марта, въ 1 часъ 45 минутъ пополудни, при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества. Разрывъ второго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился приобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ — въ 3 часа 35 минутъ пополудни. Одинъ злодѣй схваченъ“.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, генераль-адъютантъ
графъ Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ 3-го, 4-го, 6-го, 14-го и 21-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появлялись о катастрофѣ 1 марта слѣдующія сообщенія:

1) Задержанный 1-го марта злодѣй, какъ обнаружено производимся дознаніемъ,—мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ, началъ образованіе въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ продолжалъ его въ череповецкомъ реальномъ училищѣ; въ 1879 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ Горный Институтъ, гдѣ и нынѣ числится, но лекцій не посѣщалъ съ декабря 1880 года“.

2) «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее извѣстіе:

«Одинъ изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго преступнаго посягательства на драгоцѣнную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, арестованный 27-го февраля вечеромъ ¹⁾, призналъ свое руководящее участіе въ преступленіи и изобличается въ томъ же показаніемъ задержаннаго на мѣстѣ катастрофы виновника ея, мѣщанина Рысакова, бросившаго подъ императорскую карету, при проѣздѣ его величества по набережной Екатерининскаго канала, первый метательный снарядъ.

«Въ неизвѣстномъ лицѣ, кинувшемъ, повидимому, второй метательный снарядъ и получившемъ на мѣстѣ взрыва смертельныя поврежденія, Рысаковъ, по предъявленіи ему трупа умершаго, призналъ своего единомышленника.

«Квартира, изъ которой Рысаковымъ и его товарищемъ получены были употребленные ими въ дѣло метательные снаряды, открыта въ ночь на сіе 3-е марта. Хозяинъ ея, по прибытіи къ нему должностныхъ лицъ, производящихъ дознаніе, застрѣлился. Проживавшая съ нимъ вмѣстѣ женщина арестована.

«Въ обнаруженной квартирѣ найдены метательные снаряды и одинъ экземпляръ революціонной прокламаціи по поводу совершившагося преступленія, съ указаніемъ на то, что злодѣйскій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе двумя лицами.

«Въ 11 часовъ утра въ эту же квартиру явился молодой человекъ, который немедленно и былъ арестованъ. При его задержаніи, онъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, которыми ранено трое полицейскихъ чиновъ.

3) „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе: Лицо, сопротивлявшееся волиціи съ оружіемъ въ рукахъ при его задержаніи въ квартирѣ, изъ которой мѣщаниномъ Рысаковымъ

---

¹⁾ А. И. Желябовъ.

и его товарищемъ были получены метательные снаряды для злодѣянія 1-го марта, оказалось крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сучевского уѣзда, д. Гаврилкова, *Тимофеемъ Михайловичемъ*, принимавшимъ участіе, какъ выяснено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію. По бумагамъ, найденнымъ у арестованнаго, усмотрѣны указанія на какія-то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. Вслѣдъ за симъ полицією было доведено до свѣдѣнія судебной власти, что изъ сырной лавки крестьянина Кобозева, имѣющейся въ подвальномъ этажѣ дома подъ № 56—8 по Малой Садовой, скрылись хозяева лавки, мужчина и женщина, оставивъ слѣды производившихся земляныхъ работъ. При ближайшемъ осмотрѣ помѣщенія Кобозевыхъ изъ сосѣдняго съ лавкою жилья обнаруженъ подкопъ, доведенный до середины улицы, съ устроенною въ немъ миною. Дознаніе и слѣдствіе по всѣмъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ приближается къ окончанію и въ епродолжительномъ времени поступитъ на разсмотрѣніе суда“.

4) „10-го марта арестована въ С.-Петербургѣ *Софья Перовская*, скрывавшаяся съ 1878 года. По собственному сознанию, она участвовала, подъ фамилією Сухоруковой, 19-го ноября 1879 года въ покушеніи подъ Москвой, посредствомъ подкопа, на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора, а нынѣ руководила, послѣ ареста Желябова, заговоромъ на злодѣйское преступленіе 1-го марта. Софія Перовская будетъ привлечена къ суду вмѣстѣ съ прочими участниками упомянутаго злодѣянія“.

5) „На дняхъ дѣло о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, дополненное указаніями на участіе въ немъ Софіи Перовской, поступило на разсмотрѣніе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Продолжающееся и послѣ сего разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, касающихся еще не привлеченныхъ къ суду участниковъ преступленія, привело къ избличенію священническаго сына, уроженца Екатеринбургской губерніи, *Николая Кибальчича*, который на допросѣ, сдѣлавъ полное сознаніе, показалъ, между прочимъ, что метательные снаряды, какъ брошенные 1-го марта, такъ равно и найденные при обыскѣ квартиры въ Телѣжной улицѣ, приготовлены имъ“.

Официальныя сообщенія о событіи 1 марта дополнялись въ теченіе долгаго времени частными свѣдѣніями газетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы тутъ же приведемъ. Между прочимъ, почти во всѣхъ газетахъ было напечатано сообщеніе, по нашему мнѣнію, совершенно вымышленное,—такъ какъ, сколько намъ извѣстно, никогда и никому, рѣшительно никому, нижеприводимое дѣяніе не инкриминировалось,—

о покушеніи на жизнь императора Александра II посредством присылки ему изъ-за границы взрывчатыхъ веществъ въ формѣ пилюль. Газеты описывали это событіе такъ:

„Пилюли были посланы по почтѣ изъ Парижа прямо на имя Государя. На нихъ находился этикетъ за подписью доктора „Juste“, и онѣ были завернуты въ обертку съ обыкновенными рекламами о произведенныхъ ими излеченіяхъ и о способѣ принимать ихъ; особенно рекомендовались эти пилюли противъ одышки и ревматизмовъ. Пилюли прибыли по адресу, не возбудивъ никакихъ подозрѣній, и Государь, всегда очень интересовавшійся всякими средствами противъ упомянутыхъ болѣзней, передалъ ихъ Боткину. Вернувшись домой, Боткинъ снялъ обертку и нашелъ, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали: онъ дернулъ за одинъ изъ кончиковъ, и раздался мелкій трескъ, какъ отъ обыкновенной хлопушки. Боткинъ подумалъ, что это просто шутка, и такъ какъ получилъ пилюли изъ рукъ самого Государя, то не могъ подозрѣвать въ нихъ ничего опаснаго и отложилъ ихъ въ сторону. Только испугъ Государя, когда на его вопросъ о пилюляхъ, Боткинъ передалъ ему о взрывѣ, заставилъ обратить серьезное вниманіе на пилюли; онѣ были переданы графу Лорисъ-Меликову, и, по тщательномъ химическомъ изслѣдованіи ихъ, оказалось, что затѣвалось новое покушеніе, задуманное съ дьявольской хитростью. Пилюли содержали такое большое количество динамита, что взрыва его было бы достаточно, чтобы убить двухъ-трехъ, стоящихъ по близости, человѣкъ. Боткинъ, открывавшій пилюли, обязанъ спасеніемъ жизни только счастливой случайности; должно быть механизмъ, приводившійся въ движеніе торчащими кончиками ниточекъ и производившій взрывъ, какъ-нибудь отсырѣлъ или попортился, такъ что не могъ оказать требуемаго дѣйствія“.

Въ частности, якобы очень освѣдомленный корреспондентъ очень освѣдомленныхъ катковскихъ „Московскихъ Вѣдомостей“ писалъ въ эту газету 1 марта 1881 года такія строки:

„19-го февраля получено было нѣсколько анонимныхъ писемъ, которыми извѣщалось, что въ этотъ день, во время иллюминаціи, должно совершиться нѣчто, что всѣхъ поразитъ“. Приняты были соотвѣтственныя мѣры, но предсказанію на этотъ день не вѣрили, видя въ этомъ отводъ глазъ со стороны злодѣевъ. Затѣмъ получено было другое письмо, говорившее, что будетъ сдѣлано покушеніе на Государя, „когда онъ будетъ возвращаться съ развода въ манежъ домой“. Полиція, вслѣдствіе этого, усиленно металась и искала, а Государя графъ Лорисъ-Меликовъ убѣдилъ сряду два воскресенья откладывать

разводъ; но 1-го марта, несмотря на новыя убѣжденія графа отложить разводъ, Государь настоялъ и поѣхалъ въ манежъ въ сопровожденіи шести своихъ конвойныхъ (число ихъ было увеличено противъ первоначальныхъ двухъ вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ графа Лорисъ-Меликова)“.

Правительственное сообщеніе объ обнаруженіи квартиры (Н. А. Саблина и Г. М. Гельфманъ), изъ которой Н. И. Рысаковъ и другой, тогда еще неизвѣстный человѣкъ, бросившій 1 марта второй разрывной снарядъ (И. И. Гриневицкій), получили снаряды, и объ арестъ въ этой квартирѣ Т. М. Михайлова, газеты дополняли такими сообщеніями:

„Это случилось въ Телѣжной улицѣ (Александро-Невской части). Въ 11 часовъ вечера 2-го марта въ 1-й участокъ Александро-Невской части прибыли товарищъ прокурора судебной палаты, судебный слѣдователь и жандармскій маіоръ, которые, въ сопровожденіи старшаго помощника пристава Рейнгольда, городского и околоточныхъ надзирателей, отправились произвести обыскъ въ Телѣжную улицу, въ домъ Пирогова, № 5, въ кварт. № 7. По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры, помощникъ пристава Рейнгольдъ на данный звонокъ услышалъ за дверьми суматоху и затѣмъ мужской голосъ спросилъ: кто тутъ?—на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приставъ и прокуроръ; послѣ этого отвѣта дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздались подъ рядъ одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ 6-го выстрѣла все стихло, а немного спустя, дверь отворила женщина небольшого роста, лѣтъ 25-ти, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо, лежалъ, плавая въ крови, мужчина средняго роста съ темнорусою, окладистой бородою, на видъ лѣтъ 32-хъ, одѣтый въ русскую красную кумачную рубашку, сѣрые триковьяя нѣмецкаго покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя 6 выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, на повалъ. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, при чемъ отказалась дать какія-либо объясненія.

„Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ 10 фунт. динамита, въ каждой по 5-ти фунт., нѣсколько экземпляровъ прокламацій, по содержанію начала и по формамъ, похожихъ на вышедшій 2-го марта

манифестъ, отпечатанный въ газетахъ, паспортъ убитаго на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго, много учебныхъ книгъ, газетъ и проч.

„По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городовые охраняли квартиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городовые и околоточные.

„Утромъ, 3-го марта, въ 10 часовъ, къ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія человекъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, енотовой шубкѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ суконной сняго цвѣта шапкѣ. На вопросъ предложеннаго дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ кварт. № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что кв. № 12-й пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ и потому былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городовымъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказалъ находившимся тутъ околоточнымъ надзирателямъ Зезюкину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городской Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Послѣдній, замѣтивъ направленный на него револьверъ, откинулся въ сторону, пуля, вмѣсто него, попала въ стоявшаго тутъ же помощника пристава г. Слуцкаго и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его въ правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городской Денисовъ. Преступникъ схваченъ сзади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, но ни кого не ранилъ.

„Личность неизвѣстнаго, явившагося въ квартиру Навроцкаго, такова: онъ высокаго роста, коренастый, лѣтъ 25-ти или 26-ти, блондинъ, имѣетъ небольшіе усики, чуть пробивающіеся бакенбарды; фигура его прямая, лицо открытое.

„При входѣ въ квартиру Навроцкаго, обстановка ея оказалась слѣдующая:

„Въ передней комнатѣ стоялъ комодъ; налѣво отъ дверей, немного далѣе отъ него—кушетка, крытая зеленымъ барканомъ; направо,—круглая зеленая печь, около которой стоялъ деревянный, простой табуретъ, а на немъ была масса сожженныхъ печатныхъ листовъ; въ самой печкѣ находились березовыя дрова и также остатки сожженной печатной бумаги.

„Во второй комнатѣ стоялъ диванъ со столомъ; по бокамъ дивана были двѣ этажерки, на которыхъ лежали разные учебныя книги, а на окошкѣ, позади дивана, съ правой стороны его, стояли двѣ жестяныя банки съ динамитомъ; банки эти были обернуты въ газетную бумагу и обвязаны дешевыми цвѣтными бумажными платками. По изслѣдованіи банокъ съ динамитомъ, найдено, что края ихъ обмазаны нитроглицериномъ и имѣютъ въ срединѣ куски свернутого сукна, смоченнаго пироксилиномъ. Въ этой же комнатѣ найдены также зарядные гвозди, по формѣ напоминающіе гвозди, подбиваемые подъ простые крестьянскіе сапоги; шляпки ихъ имѣютъ на себѣ пироксилинъ“.

Объ обнаруженномъ подкопѣ на Малой Садовой изъ сырной лавки Кобозевыхъ (Ю. Н. Богдановичъ и А. В. Якимова) газеты сообщали слѣдующее:

«1 января 1881 года, мужчина лѣтъ 36, вмѣстѣ съ женщиной лѣтъ 27, которую онъ называлъ своею женою, открылъ въ Малой Садовой торговлю сыромъ, поставивъ на вывѣскѣ: „Складъ русскихъ сыровъ Е. Кобозева“. Открывъ лавку, они ничѣмъ не обращали на себя вниманія. Въ 11 часовъ вечера закрывали магазинъ. Вставали рано. Одѣвались просто. Она не имѣла вида простолюдинки и носила обыкновенный нарядъ, который носятъ женщины средняго состоянія. Дворники носили къ нимъ дрова, не заходя въ магазинъ, а оставляя ихъ въ темной комнатѣ со двора. Едва закрывался магазинъ, хозяева лавки приступали къ подкопу. Онъ былъ начатъ на $2\frac{1}{2}$ аршина отъ поверхности земли, шелъ въ наклонномъ положеніи, и, по мѣрѣ приближенія къ срединѣ улицы, слой земли, между подкопомъ и поверхностью, уменьшался. Дѣло было ведено опытною рукою.

„Въ ночь съ 1 на 2 марта хозяева лавки скрылись, оставивъ магазинъ не запертымъ снаружи.

„Стоило войти въ магазинъ полиціи, чтобы сейчасъ же убѣдиться въ готовившемся преступленіи. На столѣ нашли два фальшивые паспорта; небольшую записку о передачѣ рубля мяснику; на диванѣ буравъ; когда подняли крышку деревяннаго ящика дивана, то оказалось, что диванъ весь набитъ землею. Земля была найдена и въ стоящихъ тутъ же кадкахъ. Найдена была гальваническая батарея и двѣ большія банки съ жидкостью.

„Дали знать властямъ. Прибыли судебный слѣдователь Ламанскій, прокуроръ и товарищъ прокурора. Тутъ же былъ открытъ ходъ подъ землею. Вызвали саперъ, начальника гальванической роты и пиротехника Родивановскаго. Начались работы, которыя продолжались до ночи, а

тогда были приостановлены, такъ какъ продолжать ихъ въ глубинѣ мины и притомъ въ темнотѣ представлялось небезопаснымъ. Малую Садовую оцѣпили часовыми. Рано утромъ вновь начали работу сверху, разобравъ мостовую до самой мины, и, наконецъ, послѣ 12-часовой работы, мина была разрыта и два большіе заряда динамита, одинъ въ 29 фунтовъ, а другой слишкомъ въ пудъ, вынуты изъ земли“.

Наконецъ, объ обстоятельствахъ ареста „главнаго организатора событія 1 марта“ (А. И. Желябова) газеты сообщали такія свѣдѣнія: „Полиція около 12-го февраля получила изъ-за-границы свѣдѣнія, что одинъ изъ вожаковъ революціонной партіи, извѣстный въ средѣ ея подъ именемъ „Милордъ“, направляется въ Петербургъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, студентъ Тригони (Милордъ) прибылъ въ Петербургъ и, перемѣнивъ двѣ или три квартиры, поселился на Невскомъ проспектѣ въ домѣ г. Лихачева, № 66, въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Мессуро, въ квартирѣ № 12, гдѣ и прописался подъ своимъ настоящимъ именемъ. Учрежденъ былъ надзоръ за студентомъ Тригони, который былъ одинъ изъ распорядителей революціоннаго Исполнительнаго Комитета и, какъ оказалось, сторонникомъ употребленія разрывныхъ бомбъ, которыя и были пущены въ ходъ во время страшной катастрофы 1 марта. Брюнетъ съ черной бородой, горбатымъ, выдающимся носомъ, высокаго роста и замѣчательнаго тѣлосложенія, Тригони одѣвался всегда прилично. Между прочимъ, онъ навѣщалъ домъ № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка; далѣе открылось, что булочко-кофейная Исакова, на углу Малой Садовой, служила мѣстомъ свиданій революціонеровъ. Сюда заходили они въ поздніе, ночные часы, здѣсь бесѣдовали о предстоящемъ осуществленіи плановъ. 27-го февраля начальство секретной полиціи дало, наконецъ, приказаніе арестовать „Милорда“. Вечеромъ, въ тотъ же день, когда въ комнатѣ его находился нѣкто „Петръ Ивановъ“, жилецъ дома № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка, Тригони подъ какимъ-то предлогомъ былъ вызванъ въ корридоръ. Едва вышелъ послѣдній изъ комнаты, какъ преслѣдователи взяли его подъ руки и отвели въ отдѣльную комнату¹⁾. Арестованный спокойно, не сопротивляясь, послѣдовалъ за представителями полиціи и, по словамъ очевидцевъ, держалъ себя крайне прилично. Въ то же время другой человекъ, съ чрезвычайно красивымъ, выдающимся лицомъ и длинною черною бородою, сообразивъ случившееся, выскочилъ изъ комнаты арестованнаго и быстрыми шагами

¹⁾ О томъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности, см. нижепомѣщаемую статью самого М. Н. Тригони „Мой арестъ въ 1881 году“.

направился къ выходной двери; но, какъ и слѣдовало ожидать, дверь оказалась запертой, и „Петръ Ивановъ“, подобно „Милорду“, очутился въ рукахъ полиціи. Во время ареста „Петръ Ивановъ“ опустилъ руку въ карманъ и быстро вынулъ револьверъ, но оружіе было моментально отобрано у заарестованнаго. „Я царевійца изъ Александровска“, рекомендовался „Петръ Ивановъ“, а затѣмъ удивлялся, какъ это могло случиться, что онъ допустилъ себя арестовать.

«Обыскъ въ комнатѣ <Милорда> обнаружилъ 170 экземпляровъ листка <Народная воля>. На основаніи примѣтъ одного государственнаго преступника, полиція полагала, что въ лицѣ второго заарестованнаго имѣеть дѣло съ однимъ изъ сотоварищей Гартмана, скрывшимся государственнымъ преступникомъ *Желябовымъ*, но <Петръ Ивановъ> отрицалъ свою тождественность съ послѣднимъ. Задержанные въ тотъ же вечеръ были отправлены въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія и поступили въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Только тогда товарищъ прокурора Добржинскій обратился къ <Петру Иванову> и сказалъ: «Я васъ помню по дѣлу 74 года; вы Желябовъ» — мнимый <Петръ Ивановъ> отвѣтилъ: «Вашъ покорвѣйшій слуга».

«Въ квартирѣ послѣдняго, въ Измайловскомъ полку, найденъ динамитъ».

Нечего и говорить, что во всѣхъ этихъ газетныхъ сообщеніяхъ, на ряду съ „Wahrheit“ находится очень значительное количество „Dichtung“. Приведемъ поэтому нѣкоторыя собранныя относительно катастрофы 1 марта данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу. Суду, какъ извѣстно, были преданы: А. И. Желябовъ, С. Л. Перовская, Н. И. Рысаковъ, Т. М. Михайловъ, Н. И. Кибальчичъ и Г. М. Гельфманъ. Объ участіи каждаго изъ этихъ лицъ въ событіи 1 марта, равно какъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ происходили ихъ аресты, въ соответствующихъ частяхъ обвинительнаго акта находятся слѣдующія данныя:

«Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 сажень отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полиціймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи сажень 50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ 2¹/₄ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ

бы вѣромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то чело-вѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора, доложилъ его Величеству, что преступникъ за-держанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тро-туару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный чело-вѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тро-туарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: „Что съ Государемъ?“ На что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ ска-зать: „*Слава Богу, я уцѣльлъ, но вотъ...*“ указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣ-сколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и не-большой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ — онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердитель-наго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой, — на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у са-мыхъ ногъ Его, раздался новый оглушительный взрывъ, при чемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и ключевъ платья закрыла на нѣ-сколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пора-женнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, по-верженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Импера-торъ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюб-ленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно стру-лась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные ключья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: „*Помоги*“, и вскочивъ, подбѣ-жалъ къ Нему вмѣстѣ со многи другими лицами. Кто-то подаль,

платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „Холодно, холодно“. Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознание, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военного училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, при чемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкой обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, — на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: „Слышу“; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: «Скорѣе... во Дворецъ», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: „Несите Меня во Дворецъ.. тамъ... умереть...“ То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ, и съ помощью конвойныхъ казаковъ Козыменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.

Неисповѣдимыя вѣлнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ Бозѣ почилъ¹⁾.

Упомянувши о существовавшемъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ сообществѣ и назвавши нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по именамъ, обвинительный актъ говорить далъ: „Результаты изслѣдованія „привели къ заключенію, что въ кружкѣ означен-

---

¹⁾ Въ „Петербургской Газетѣ“ отъ 1 марта настоящаго года напечатана бесѣда сотрудника газеты съ Е. И. Кедринимъ, выступавшимъ въ дѣлѣ о царевубійствѣ въ качествѣ защитника Перовской.

„Могу вамъ сообщить, сказалъ своему собесѣднику Е. И. Кедринъ, нѣчто имѣющее историческое значеніе. Я передаю его вамъ съ чужихъ словъ - бывшаго полицеймейстера Дворжицкаго и потому снимаю съ себя отвѣтственность за нихъ, хотя не вѣрять я не имѣю никакихъ основаній.

„Дворжицкій, слѣдовавшій 1 марта за коляской Государя, говорилъ мнѣ черезъ годъ, что Императоръ Александръ II, вопреки всѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ, скончался моментально, тамъ же на набережной Екатерининскаго канала.

ныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригопи и крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки Андрей Ивановъ Желябовъ, разыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска. Екатеринбургской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27 февраля сего года, одновременно съ Тригопи, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

„По обнаруженіи мѣстожителства Желябова, проживающаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидією Антоновною Войною, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 37—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовления взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

„По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторією Михайловской артиллерійской академіи и училища, генераль-маіора Федорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Федорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

„Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28 февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10 марта на Невскомъ проспектѣ, околочнымъ надзирателемъ Широковымъ.

„Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

„Слѣдовательно, всѣ показанія, будто Государь произнесъ: „холодно... холодно“, „скорѣе... во дворецъ“... были вымышлены“...

Прибавимъ, что еще раньше это самое г. Кедринъ рассказывалъ одному изъ членовъ нашей редакціи.

„По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ „Исполнительнаго Комитета“ и 14 экземпляровъ отъ „Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“.

„Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгой Сиповичъ, еще неразъсканною, вышла изъ д. № 32—4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой-Вълозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кв. № 13, д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда, у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго“.

Обстоятельства ареста Геси Гельфманъ и самоубійства Саблина въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

„Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая «конспиративная» квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія—лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу, окровавленнымъ, только что, повидимому, застрѣливагося человѣка. По заключенію приглашеннаго для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовою книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

«При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣливагося человѣка, проживавшаго подъ именемъ кол-

лежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадскаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ, признавъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣливагося родного брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ города Москвы неизвѣстно куда, при чемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

«Женщина, задержанная въ «конспиративной» квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ, застрѣлившійся предъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 года вмѣстѣ съ Морозовымъ возвратился въ Россію, при чемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимационною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250 улож. о наказ., съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября (23 января) 1877—78 годовъ, онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 ст. улож. о наказ., при чемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства, смягчающія въ числѣ другихъ и его, Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда и, между прочимъ, долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ Милосердіемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества, нынѣ въ Бозѣ почившаго, Государя Императора соизволеніе.

„По обыску въ «конспиративной» квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1 марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ,

представляютъ нижеслѣдующіе предметы: а) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генераль-маіора Федорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сурьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененія, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студня съ камфарой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха: часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащая для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетова соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сурьмой; 7) рисунокъ карандашомъ, на оборотѣ транспаранта, какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, не имѣющей, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго дворца, и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу и 9) сдѣланный карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ г. С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

„3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, въ домѣ № 5, по Тельжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждого, кто придетъ въ обысканную квартиру—явился молодой человекъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго—„куда

онъ идетъ?“—неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12, каковой вовсе въ домъ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ кв. № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ и помощнику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слуцкому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстный человекъ былъ доставленъ въ управленіе С.-Петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилова, Тимофеемъ Михайловымъ».

Далѣе обвинительный актъ гласитъ слѣдующее объ обстоятельствахъ обнаруженія подкопа на Малой Садовой:

«4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56—8 (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Федоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, при чемъ, по приглашеніи на мѣсто судебного слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

„По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генераль-маіора Федорова, военнаго инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломой и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана и ря-

**Николай Иванович
КИБАЛЬЧИЧЪ.**

домъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, по-видимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, кокъ-то: буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита, и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до середины улицы. Въ отверстіи оказалась стеклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинахъ. Отъ батареи шли по минѣ провода, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генераль-маіора Федорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсули съ гремучей ртутью и пашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до 2¹/₂ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлерей.

„Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгенъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1.200 руб. въ годъ и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду, Кобозевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простаго торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 г., по распоряженію градоначальника, мѣстной полиціею, при участіи техника генераль-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, при чемъ, однако же, по удостовѣренію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ

утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались“.

Обстоятельства обнаруженія квартиры лица, бросившаго второй снарядъ и проживавшаго подѣ фамиліей Ельникова (И. И. Гриневицкій), а также обстоятельства, предшествовавшія событію 1 марта, въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

„3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подѣ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

„По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ „Рабочей Газеты“, напечатанныхъ въ „Летучей типографіи Народной Воли“, и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова „Программы рабочихъ членовъ партіи“, оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ надписью внизу: „отчетъ Федорова“, и 2) платокъ съ мѣткою „Н. И. Р.“.

„По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупъ неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, онѣ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

„Рѣчь о цареубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ „кликнулъ кличъ“, или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное „исполнительнымъ комитетомъ“. Послѣ этихъ собраній состоялось еще одно въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устраивавшихъ посягательство, и быть введенъ въ новую конспиративную квартиру по Тельжной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была

нанята исключительно для подготовленія царевубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще „Михаилъ Ивановичъ“ ¹⁾ и Тимоѣй Михайловъ, а также, по-видимому, и человекъ, называвшійся „Михаиломъ“ ²⁾, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ „товарищемъ по дѣлу“. Сверхъ названныхъ лицъ на „конспиративной квартирѣ“ появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, при чемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ „Михаиломъ Ивановичемъ“, въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“, Тимоѣй Михайловъ и „Михаилъ“. Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человекъ, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человекъ, котораго называли „техникомъ“ и который подробно объяснял устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля, онъ, Рысаковъ, „техникъ“, Тимоѣй Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ“ ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошень Тимоѣемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однако же не пришелъ при чемъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, „то значить, занять“. На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѣй Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ“ и „Михаилъ“. Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ со снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ: она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что не смотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли приготовить предполагаемаго прежде количества снарядовъ. „Можетъ быть, и еще принесутъ“, сказала Перовская, „нужно довольствоваться малымъ“. Затѣмъ явился „техникъ“ и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были дапы Перовскою, которая

¹⁾ Н. И. Гриневскій.

²⁾ И. П. Емельяновъ, тогда еще не обнаруженный. Осужденъ въ 1882 г. См. „Процессъ 20-ти народолюбцевъ“ въ январской книжкѣ „Вылого“.

начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а „Михаилъ“ на углу Невского проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б.-Итальянской, близъ манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытные и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ: здѣсь могли стать „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимошеевъ Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя „уже ждутъ“, всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему навстрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далѣкомъ разстояніи „Михаила Ивановича“.

„2-го марта обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, „пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта“, объясняетъ, „что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по „случайности“. Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, „за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, „ветерана революціи“, предпочтетъ „внѣшнюю законность внутренней справедливости“, во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу¹⁾. „Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ

¹⁾ Ниже.—въ особой замѣткѣ,—мы печатаемъ это, до сихъ поръ еще не появлявшееся въ печати, заявленіе А. И. Желябова полностью.

Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность „въ высшей степени развитую и гениальную“, оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ повороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

«Обвиняемая Софья Львовна Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназій, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, при чемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонеккую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамилію Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамилію Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ „партіи“ „Народной Воли“ и „агентъ исполнительнаго комитета“, она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28 февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5 по Телѣжной улицѣ, въ квар-

тиру, хозяевами которой были застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ челоуѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемой, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большаго количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, тоже получившаго снарядъ. По заранѣ составленному плану, отправивъ па условенныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, при чемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направлениемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не пройдя по Малой Садовой и, такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала для того, чтобы отсюда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась въ противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась“.

Обстоятельства привлеченія къ дѣлу Н. И. Кибальчича обвинительный актъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ,

сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

„При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1 марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

„Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

„По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйстви метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ ними, „Михаиломъ Ивановичемъ“ и Тимошеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ «больше иллюзіей» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

„Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ социалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнь 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генераль-адъютанта Мезенцева, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 г., не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея

дѣтельности. Весною 1879 года, онъ предложилъ чрезъ казеннаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

„Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, приобретаемыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовить какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

„Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, близъ города Александровска, Екатеринославской губ. и приготовленія къ такому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

„Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачно посягательство на жизнь Государя Императора, «партія» составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всеми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ, съ одной стороны, было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны, нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложении этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, при чемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запаль для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно — объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда,

Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и «Михиломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1 марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обѣимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, при чемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

«Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица—техника, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

«По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: «Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей-кислой ртутью малаго и большого сопротивленія».

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 г. Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ“—въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тома съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго при-

сутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1 мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 ул., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По приѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 г. по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ „Серапинской гостинницѣ“; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою; 3) осенью 1880 г. по Невскому проспекту въ домѣ № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Мареею Коновою. Въ послѣднюю квартиру свою, на Лиговкѣ, Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, при чемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника крестьянина Федора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ“.

Въ планъ настоящей статьи, конечно, не входитъ изложеніе всего дѣла 1 марта 1881 года,—дѣло это было напечатано тогда же въ газетахъ, а недавно снова вышло въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ,—но, для воспроизведенія главнѣйшихъ его моментовъ, мы приведемъ изъ „Правительствен. Вѣстника“ еще два слѣдующія официальные сообщенія:

Правительственный Вѣстникъ 31 марта:

„Резолюція Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, объявленная 29-го марта 1881 года, въ 6 часовъ 20 минутъ по полуночи, по дѣлу о совершенномъ 1-го сего марта злодѣяннѣ, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.“

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30 лѣтъ; дворянку Софью Львову Перовскую, 27 лѣтъ; сына священника Николая Иванова Кибальчика, 27 лѣтъ; тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19 лѣтъ; мозырскую, Минской губерніи, мѣщанку Геею Минову Гельфманъ, 26 лѣтъ, и крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер.

Гаврилково, Тимоея Михайлова, 21 года, на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1.459 (по прод. 1876 г.), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на основаніи 945 ст. уст. уг. судопр., на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства, представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества“.

Правительственный Вѣстникъ отъ 4 апрѣля:

«3-го сего апрѣля, въ 9 ч. 50 м. утра, состоявшійся 29-го минувшаго марта и вошедшій въ законную силу приговоръ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената приведенъ въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу, установленнымъ ст. 963 устава порядкомъ, — совершеніемъ на эшафотъ смертной казни чрезъ повѣшеніе, надъ государственными преступниками: Николаемъ Рысаковымъ, Андреемъ Желябовымъ, Тимоеемъ Михайловымъ, Николаемъ Кибальчичемъ и Софією Перовскою».

Приведеніе въ исполненіе смертной казни надъ Г. М. Гельфманъ было *отсрочено* впредь до разрѣшенія ея отъ бремени... Въ такомъ положеніи дѣло тянулось много-много времени. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ *отъ 15-го мая* были напечатаны такія строки:

„Въ № 1.867 газеты „Новое Время“ помѣщено, заимствованное изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе, что приговоренная къ смертной казни, государственная преступница Геся Гельфманъ, исполненіе приговора надъ коею отсрочено въ виду ея беременнаго состоянія, преждевременно родила въ мѣстѣ ея заключенія. Въ виду сего Департаментъ Государственной полиціи признаетъ необходимымъ объявить, что по освидѣтельствованію Гельфманъ, 14-го сего мая, врачами: Славянскимъ, Баландинымъ и Сутугинымъ оказалось, что беременность ея продолжаетъ свое нормальное теченіе“.

Такимъ образомъ, 15 мая, т. е. черезъ *полтора мѣсяца* послѣ объявленія приговора, „отсрочка“ еще висѣла надъ головой женщины, собиравшейся стать матерью... На это обратила вниманіе европейская пресса, и смертная казнь была замѣнена Гельфманъ безсрочною каторгою.

Въ „Прибавленіи къ №№ 8—9 Народной Воли“ было оповѣщено, что Гельфманъ умерла 2 февраля 1882 г.

Намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ (отъ лица, лично отво- зившаго ребенка Гельфманъ) извѣстно, что ребенокъ Г. М. Гельфманъ былъ отправленъ въ воспитательный домъ.

* * *

Прежде чѣмъ закончить лѣтопись того, что происходило въ Петербургѣ „двадцать пять лѣтъ тому назадъ“, приведемъ отзывы о событіи 1 марта главнѣйшихъ газетъ изображаемой эпохи. Вотъ что писала 3 марта (№ 61) газета „Порядокъ“:

„Предъ нами скорбный флагъ вѣетъ надъ дворцомъ, гдѣ покоится смертнымъ сномъ верховный руководитель судебъ Россіи за послѣдніе годы. Скорбныя мысли непрерывною чередою проходятъ въ умѣ— и гнетъ совершившагося усиливается тревожною смѣною надеждъ и опасеній. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ — гдѣ же средство противъ конвульсивныхъ потрясеній, которыми горсть людей пытается, съ отчаянною самонадѣянностью, ускорить или измѣнить органическій ходъ развитія страны? Гдѣ ясныя прямодушныя указанія на причины болѣзни, которая заставляетъ цѣлое государство жить изо-дня въ день, безъ разумнаго спокойствія и увѣренности въ томъ, что, въ общемъ порядкѣ вещей, можетъ и должно быть завтра? Ни суровая репрессія послѣднихъ лѣтъ, ни примирительное направленіе истекшаго года — не уничтожили этой болѣзни. Первая лишь прижимала и обезличивала общество — второе, давая лучшее *сегодня* (курсивъ подлинника), ничего вѣрнаго не обѣщало и не гарантировало на *завтра* (тоже). Начинаютъ говорить, что и противъ этого направленія неизбежна реакція. Для нея, безъ сомнѣнія, найдутся сторонники и совѣтчики. Но совѣтъ ихъ будетъ продиктованъ или непониманіемъ задачъ и исторіи своей родины — или недобрымъ чувствомъ. Нѣтъ, не о реакціи, пагубной для развитія общества—и, быть можетъ, желательной для виновниковъ потрясеній,—надо говорить теперь. Въ минуты исторической важности, въ торжественныя минуты, когда весь народъ клянется въ вѣрности своему Монарху, — необходима полная и безтрепетная искренность. Дай Богъ, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы:—Государь! Вы начинаете свое царствованіе въ трудную минуту,—когда тяжесть Вашего вѣнца усугубляется скорбью растерзаннаго сыновняго сердца. Но идите смѣло по ступенямъ трона на Ваше великое положеніе—и станьте—на стражѣ порядка и законной свободы. Да не смущается сердце Ваше! За вами довѣріе Вашего много-милліоннаго народа,—въ Вашихъ рукахъ его любовь, съ помощью которой можно все сдѣлать. —Будьте другомъ и оберегателемъ началъ, вложенныхъ въ великіе реформы Вашего Родителя. Пусть какъ дымъ разлетятся сомнѣнія въ томъ, что этимъ началамъ не суждено развиваться и дальше, и шире... Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность и односторонность. Земля Ваша, Государь, — вѣками хранила въ себѣ и разумъ, и силы для государ-

ственного порядка и уклада. Она поддерживала своею любовью Вашихъ предковъ, она имъ вѣщала и съ ними думала въ минуты тяжелыхъ бѣдствій. Спросите ее—въ лицѣ излюбленныхъ людей. Что они скажутъ, мы не можемъ съ точностью предсказать, но вѣрно то, что въ одномъ чувствѣ, святомъ и глубокомъ, они тѣсно сольются съ Вами, Государь—въ чувствѣ горячей любви къ Россіи. А это чувство—залогъ всего хорошаго для будущаго... Вы въ расцвѣтѣ силъ, — предъ Вами давно уже раскрыта книга государственнаго управленія — раскройте же душу народа Вашего и дайте выйти на свѣтъ желаніямъ, давно живущимъ въ ней. Они все имѣютъ цѣлю успокоеніе и развитіе Россіи—и между ними главное—желаніе мирной славы Вашему царствованію!“

Въ тотъ же день (3 марта) газета „Страна“ писала:

„Что же дѣлать теперь? Надъ гробомъ усопшаго Монарха для живыхъ все-таки возстаетъ вопросъ о жизни. Что дѣлать—устранить систему „умиротворенія“ и „новыхъ вѣяній“, которыя оказались безсильны предупредить катастрофу, —такъ скажутъ близорукіе совѣтники, провозгласить осадное положеніе, прибавятъ они,—усилить надзоръ. ограничить всякія права, возобновить ссылки массами.

„Но вѣдь—все это уже было. Въ каждомъ домѣ былъ обыскъ, передъ каждымъ домомъ, днемъ и ночью, сидѣлъ дворникъ, вокругъ дворца ѣздили пикеты, печать была взнудана, земство было стоптано, изъ университетовъ выслали сотни людей, и всемъ правила молчаливая, недоступная ни для какихъ народныхъ „вѣяній“ канцелярія. Такъ было съ 1866 года. Дальше того, что было въ то время, уже и идти некуда, развѣ къ закрытію всехъ школъ, газетъ, земствъ, даже правильныхъ судовъ въ Россіи. Однако, въ результатъ всего того явились: Соловьевъ, взрывъ подъ желѣзной дорогой близъ Москвы, взрывъ подъ Зимнимъ дворцомъ въ Петербургѣ и, наконецъ,—Государь, любимый народомъ, изувѣченъ злодѣями и истекъ кровью.

„Куда же идти? Тотъ путь безнадежный, бесплодный, онъ запертъ, загроможденъ массою обманувшихся третьестепенныхъ расчетовъ, неудачею князя Василя Долгорукова, неуспѣхомъ графа Петра Шувалова, бесполезнымъ терроромъ генерала Мезенцова. Въ ту сторону нѣтъ выхода.

„Посмотримъ въ другую. Моментъ нынѣ крайне неблагопріятный, чтобы говорить о ней. Иные совѣты могутъ показаться даже просто неприличными, когда произносятся въ такую минуту, какъ нынѣшняя. Какъ намъ просить о довѣрїи къ русскому обществу, объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ правъ—Государя, вступающаго на престолъ въ виду окровавленнаго тѣла любимаго Имъ и всемъ народомъ Родителя Его?

„Но есть такіе моменты въ жизни народовъ, когда слѣдуетъ побороть чувство. Естественное чувство въ настоящее время — мы признаемъ, это — является въ томъ, что затруднительно передъ стрышнимъ злодѣйствомъ, передъ возмущающею душу угрозою, дѣлать какія либо уступки. Но истинная политика есть — расчетъ, а не чувство. Чувство побуждало бы каждаго порядочнаго человѣка, когда бы онъ видѣлъ убійственный снарядъ, направленный въ Царя, — встать между смертью и человѣкомъ, носившимъ Царскій вѣнецъ. Но того же добросовѣстнаго гражданина, готоваго поступить такъ для спасенія Царя, теперь, когда надо думать о будущемъ — расчетъ, хладнокровное сознаніе реальныхъ отношеній побуждаетъ дать совѣтъ свободный отъ чувствъ негодованія и мести.

„Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящимъ изъ намѣченныхъ граней. Нѣтъ иного выхода, какъ уменьшить отвѣтственность Главы государства, а тѣмъ самымъ — и опасность, лично Ему угрожающую отъ злодѣевъ-фанатиковъ. Почему же всякая отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія, и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться лично на одного Вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ, развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!

„Нѣтъ, пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словахъ, сами несутъ отвѣтственность на себѣ. Надо устроить въ правильномъ общественно-государственномъ порядкѣ громомъ отводъ для личности Главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности.

„А личность русскаго Царя пусть служитъ впредь только свѣтлымъ, всѣмъ сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безотвѣтственные. А Его да хранитъ Богъ на пользу страны“.

Четвертаго марта газета „Голось“ помѣстила двѣ слѣдующія статьи:
„Итакъ, что же дѣлать теперь?“

„По нашему, путь ясенъ. Должно искать указаній въ томъ, что хотѣлъ совершить въ Бозѣ почившій Императоръ. Должно всемѣрно отвращаться отъ того, что сдѣлало его время временемъ *переход-*

намъ (курсивъ подлинника) и что зависѣло не отъ Него, а отъ исполнителей Его воли.

„Переходное время не можетъ длиться до безконечности. Процессъ перехода отъ одного порядка вещей къ другому, затягиваясь, переходитъ въ разложене. И признаки разложене несомнѣнно обнаружались въ послѣдніе годы, когда святая Русь могла быть терроризирована горстью изверговъ, фанатиковъ и безумцевъ.

„Въ переходное время было испробовано все, и ничто не привело къ желанному концу, напротивъ, рѣшеніе самыхъ насущныхъ вопросовъ оттягивалось все дальше и дальше, положеніе дѣлъ усложнялось все больше и больше и, наконецъ, послѣ страшной, неслыханной катастрофы 1-го марта, все эти задачи полнымъ своимъ бременемъ легли на новое царствованіе.

„Нужно быть гигантомъ, чтобъ разрѣшить эти задачи вдругъ. Но для блага Россіи и для нашего внутренняго мира достаточно будетъ, если во всехъ нашихъ дѣлахъ почувствуется твердая рука, ведущая Россію къ тому единенію Царя съ народомъ, внѣ котораго намъ нѣтъ спасенія и жизни.

„Къ такому единенію хотѣлъ вести и велъ Россію усопшій Императоръ. Въ этомъ и состоитъ его царскій завѣтъ“.

Вторая статья „Голоса“ гласила:

„Сегодня, 3-го марта, газета „Страна“ высказала мысль, которая въ эти дни у всехъ на умѣ, которая сама собою просится на языкъ „Почему—спрашиваетъ газета—отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія и за разочарованія нравственныя и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться на одного вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всехъ этихъ мѣръ? Развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!“

„Болѣзненно должны отзываться эти слова въ сердцѣ каждаго человѣка, и русскаго и не русскаго. Какое страшное зло—отвѣтственность одного за все, что могутъ надѣть многомилліоннымъ народомъ надѣлать своекорыстные, властолюбивые, невѣжественные совѣтники и исполнители! Нѣтъ, пусть же, если они совѣтуютъ и исполняютъ во вредъ Царю и народу, пусть же и несутъ они на себѣ всю тяжесть отвѣтственности предъ Царемъ и народомъ.

„Надо устроить—отвѣчаетъ газета „Страна“ на поставленный вопросъ—въ правильномъ общественногосударственномъ порядкѣ громо-

отводъ для личности главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности. А личность русскаго Царя пусть служитъ впредь только свѣтлымъ, вполне сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи“.

„Раздѣленіе отвѣтственности за государственныя мѣры между ближайшими совѣтниками и исполнителями державной воли было бы только первымъ шагомъ къ выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этотъ шагъ непременно условливаетъ дальнѣйшій — установленіе тѣхъ органовъ общественно-государственной жизни, предъ которыми исполнители отвѣтственны“.

Таковы были настроенія газетной „крайней лѣвой“ легальной печати марта 1881 года. Много ли въ этихъ настроеніяхъ было „кромольнаго“? И что же? Едва появились приведенныя статьи „Страны“ и „Голоса“, какъ уже въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (№ 49) появилось такое сообщеніе:

„Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газеты „Страна“, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ „изъ намѣченныхъ граней“, а газета „Голосъ“ во второй передовой статьѣ № 69, приводя и развивая высказанныя газетою „Страна“ мысли, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе, министръ внутреннихъ дѣлъ (это знаменитый-то Лорисъ-Меликовъ...), на основ. ст. 50 и пр. и пр... опредѣлил: объявить газетѣ „Страна“ *второе*, а газетѣ „Голосъ“ *первое* предостереженіе въ лицѣ издателей ихъ статскихъ совѣтниковъ Леонида Полонскаго и Андрея Краевскаго“.

Затѣмъ кары посыпалтс даже на такія изданія, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Молва“ и проч.

Словомъ, правительство и среди событій, имѣвшихъ мѣсто „двадцать пять лѣтъ тому назадъ“, осталось вѣрнымъ своей „исконной политикѣ“...

* * *

О томъ, какъ реагировали на мартовскія событія 1881 года такіе выдающіеся русскіе люди, какъ Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, В. С. Соловьевъ и гр. Л. Н. Толстой, мы помѣщаемъ въ этой же книжкѣ „Былого“ рядъ отдѣльныхъ статей.

В. Богучарскій.

Игнатій Іоachimовичъ
ГРИНЕВИЦКІЙ.

Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III ¹⁾.

Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ, однако, себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всеильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждешь тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣзкими крови и самыя тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокой смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснить подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя бы «шайки», — можетъ только человѣкъ, совершенно не способный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, не смотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ—свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности, и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разрознилось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлыя десятки такъ называемыхъ «вожаковъ» переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ

¹⁾ Помѣщаемое письмо Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ Императору Александру III было въ свое время широко распространено сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всей Россіи. Нѣкоторыя подробности, касающіяся составленія этого историческаго документа, читатели найдутъ въ нижепомѣщенной статьѣ «Событія 1-го марта и Н. К. Михайловскій». *Ред.*

мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемая для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его неудовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятей 74 года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности—все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершить этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, Ваше величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи—на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы, при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданского общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ нѣтъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по своему принципу, должно только выражать Народныя стремленія, только осуществлять Народную волю. Между тѣмъ у насъ—извините за выраженіе—правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названіе узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Каковы бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Иператорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашнего очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но за то какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ социалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое—правительство, охраняющее подобный «порядокъ»? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ цареубійство, вызываетъ въ огромной части населенія—радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Цареубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или—добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Коми-

теть обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твёрдо рѣшится осуществлять лишь требованія народного сознанія и совѣсти—Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпионовъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованная вокругъ него сила разойдется для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая только обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ къ гражданину и частному человѣку. Надѣемся, что чувство личного озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій—по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализація Верховной Власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

- а) полную свободу печати,
- б) полную свободу слова,
- в) полную свободу сходовъ,
- г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильного и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія, съ своей стороны, безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество—рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

Исполнительный Комитетъ 10 марта, 1881 г.

Типографія „Народной Воли“ 12 марта 1881 года.

Событіе 1-го марта и Николай Константиновичъ Михайловскій.

Вечеромъ 1-го марта находившіеся въ Петербургѣ члены Исполнительнаго Комитета собрались вмѣстѣ для обсужденія вопроса о томъ, въ какой именно литературной формѣ долженъ реагировать Комитетъ на происшедшее событіе. Остановились на формѣ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III и обязанность написать проектъ такого письма возложили на Л. А. Тихомирова. Г. Тихомировъ написалъ проектъ письма, но, прежде чѣмъ представить его на окончательную санкцію Исполнительнаго Комитета, онъ отнесъ его на просмотръ и редактированіе Н. К. Михайловскому. Одно лицо,—назовемъ его хотя Z., такъ какъ оно здравствуетъ и понынѣ,—на обязанности котораго лежало поддерживаніе постоянныхъ связей Исполнительнаго Комитета съ «обществомъ» вообще и литературными кругами въ частности, также приняло участіе въ литературной обработкѣ принесеннаго Тихомировымъ къ Михайловскому письма. На нашу просьбу сообщить объ этомъ дѣлѣ подробности, это лицо отвѣтило намъ такими строками:

«Объ участіи Н. К. Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III могу сообщить слѣдующее: не протестуя противъ террора, какъ одного изъ средствъ политической борьбы, Николай Константиновичъ всегда требовалъ, чтобы революціонеры давали террористическимъ актамъ надлежащее объясненіе, способное вызвать въ обществѣ, если не симпатію, то, во всякомъ случаѣ, истинное пониманіе его широкихъ мотивовъ. Въ особенности онъ требовалъ этого по отношенію къ посягательствамъ на жизнь Александра II. Послѣ неудачной попытки Халтурина общественныя симпатіи къ «Народной Волѣ» быстро упали. «Либералы» почему-то стали думать, что удайся взрывъ дворца,—и по всей Россіи началась бы жестокая расправа простого народа со всѣми представителями бѣлой кости. Считаться съ общественнымъ настроеніемъ стало еще необходимѣе въ періодъ «диктатуры» графа Лорисъ-Меликова, когда легковѣрные люди ждали отъ него «конституціи». Были даже революціонеры, рекомендовавшіе отказаться на это время отъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ. Но судьба рѣшила иначе. 1-го марта царь былъ убитъ. Естественно явилась надобность въ яркомъ освѣщеніи этого крупнаго событія, и письмо къ Александру III было признано наиболѣе подходящею формою,

исключающей всякую мысль о революционерахъ, какъ о простыхъ убійцахъ.

„Л. А. Тихомировъ очень часто сносился съ Н. К. Михайловскимъ и зналъ, какое значеніе онъ придаетъ извѣстному освѣщенію каждаго террористическаго акта.

„По предварительному уговору, черновикъ письма къ Александру III, составленный Тихомировымъ и Лангансомъ¹⁾, будъ доставленъ Н. К. Михайловскому, и въ его квартирѣ на Стремянной ул., д. 5, состоялось редакціонное совѣщаніе изъ трехъ лицъ для выработки окончательнаго текста письма. Николай Константиновичъ внимательно относился къ каждому пункту, и ему въ значительной мѣрѣ должно быть приписано авторство этого замѣчательнаго историческаго документа“.

Выработанный такимъ образомъ проектъ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III былъ затѣмъ представленъ на окончательное утвержденіе Комитета.

Гдѣ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло такое утвержденіе, объ этомъ мы въ настоящей замѣткѣ еще говорить не будемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что хотя у насъ и имѣются два сообщенія по этому поводу отъ лицъ, принимавшихъ въ засѣданіи Исполнительнаго Комитета, о которомъ идетъ рѣчь, непосредственное участіе, но мы ожидаемъ для всесторонняго освѣщенія событія еще нѣкоторыхъ подробностей и, во-вторыхъ, потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду остановиться только на участіи въ этомъ событіи Н. К. Михайловскаго.

Ограничимся поэтому лишь выпиской изъ письма къ намъ одного изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, принимавшаго участіе и въ томъ засѣданіи, на которомъ былъ утвержденъ текстъ письма Комитета къ Александру III.

Сообщая, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи или редактированіи документа, о которомъ идетъ рѣчь, ему, автору письма къ намъ, ничего не извѣстно, онъ, однако, прибавляетъ:

„Если Тихомировъ или кто-нибудь другой приносилъ черновикъ Н. К. Михайловскому—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Это былъ бы актъ почета тѣмъ болѣе возможный, что Н. К. принималъ участіе въ редакціи газеты „Народная Воля“ на правахъ полноправнаго члена, хотя ни въ какихъ *обязательныхъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) отношеніяхъ къ нашей организаціи вообще не состоялъ“.

Одинъ изъ друзей Н. К. Михайловскаго рассказывалъ намъ, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III онъ слышалъ отъ самого Михайловскаго.

Въ заключеніе два слова о самомъ письмѣ Исполнительнаго Комитета.

---

¹⁾ Умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. См. „Процессъ 20-ти народовольцевъ“ въ январьской кн. и „Милость“ М. Ф. Фроленко въ февральской книжкѣ „Благо“.

Были люди, которые находили это письмо недостаточно рѣшительнымъ, какъ со стороны его содержанія, такъ и формы, но вотъ отзывы объ этомъ письмѣ Фридриха Энгельса и Карла Маркса.

„И я и Марксъ находимъ, — говорилъ Энгельсъ Герману Александровичу Лопатину, что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума“¹⁾.

Мы совершенно убѣждены, что письмо Исполнительнаго Комитета,—какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ нашего освободительнаго движенія,—будетъ всегда привлекать къ себѣ взоры всѣхъ историковъ этого движенія.

В. Я. Б.

---

¹⁾ Изъ письма Г. А. Лопатина къ М. Н. (Маріи Николаевнѣ Оловенниковой-Ошаниной). Напечатано въ № 2 „Съ родины и на родину“. Изд. группы старыхъ народовольцевъ. Женева 1893 г., стр. 99.

Событіе 1-го марта и Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Съ Николаемъ Васильевичемъ я видался очень часто въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ, и одно время обстоятельства заставили меня близко сойтись съ нимъ. Потомъ нѣкоторое время мы переписывались. А потомъ, какъ часто бываетъ у людей, живущихъ при совершенно различныхъ условіяхъ, наша переписка стала менѣ оживленной и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Я хочу подѣлиться съ читателями «Былого» кой-какими воспоминаніями о Николаѣ Васильевичѣ, особенно въ связи съ 1-мъ марта.

Съ Шелгуновымъ я познакомился въ концѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ ему было позволено вернуться въ Петербургъ послѣ 15-ти лѣтняго скитанія по провинціальнымъ городамъ. Меня ему отрекомендовалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Дѣла». Съ большимъ смущеніемъ и съ меньшимъ желаніемъ скрыть его, я вошелъ въ меблированную комнату одного изъ громаднхъ домовъ на Александровской, теперь Пушкинской, улицѣ. Мнѣ, чловѣку 70-хъ годовъ, не хотѣлось произвести дурного впечатлѣнія на чѣловѣка 60-хъ. А я еще такъ недавно читалъ полемику Шелгунова съ Скабичевскимъ, въ которой Шелгуновъ слегка иронизировалъ, между прочимъ, надъ большими претензіями 70-хъ годовъ. Но мое смущеніе и досада на автора этой статьи улеглись почти мгновенно, когда, послѣ первыхъ банальныхъ фразъ, Николай Васильевичъ просто и тепло заговорилъ со мной о томъ, какъ онъ интересуется теперешней молодежью и какъ онъ отсталъ отъ ея думъ и желаній, живя все время въ провинціи. Признаться, я не ждалъ этого и съ полной откровенностью высказалъ Шелгунову, что я думалъ, входя къ нему въ комнату, и какъ я рѣшилъ дешево не продать своей жизни и любимыхъ мною 70-хъ годовъ... Шелгуновъ улыбнулся той хорошей и странной улыбкой, которую я потомъ такъ любилъ у него: отчасти коварная, почти мефистофельская, эта улыбка была согрѣта гуманнмъ отношеніемъ къ собеседнику и одухотворена дѣятельной мыслью. Шелгуновъ своею физиономіей мнѣ всегда напоминалъ именно Мефистофеля, но Мефистофеля добраго, проникнутаго любовью къ людямъ. Его низкій посрединѣ лобъ, поднимавшійся высоко къ обоимъ вискамъ; довольно коротко остриженные волосы; тонкія и обширныя дуги бровей; небольшіе узкіе глаза; острый носъ; тонкія губы, оттѣненные

негустыми усами и козлиная бородка на выдающемся подбородкѣ — все это было точно скопировано съ классическаго Мефистофеля. Но выраженіе было не злое, а лишь чуть-чуть коварное, и добродушный негромкій смѣхъ часто прерывалъ его разговоръ, въ которомъ звучала постоянно странная, не лишенная пріятности нота гуманной ироніи. Въ довершеніе всего и ходилъ-то онъ какъ-то по-мефистофельски, быстро, слегка припрыгивая и не безъ своеобразной торопливой граціи.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, по его лицу нельзя было никакъ опредѣлить его возраста: не то 40, не то 50 лѣтъ. Его рѣчь звучала рѣдкой убѣдительностью. Не могу сказать, чтобы онъ былъ заправскій ораторъ, но говорилъ онъ просто, плавно и подчасъ такъ же хорошо, какъ были написаны его лучшія статьи. Замѣчу, между прочимъ, что почти всѣ его статьи были написаны другими подъ его диктовку, и диктовалъ онъ такъ же легко, какъ и говорилъ. Спорить онъ не любилъ и, въ особенности, не любилъ запальчивыхъ спорщиковъ. Но онъ всегда умѣлъ найти въ аргументахъ своего собесѣдника какой-нибудь мостикъ, чтобы незамѣтно перевести противника на свою сторону. Я думаю, здѣсь играло главную роль его удивительное врожденное чувство такта, которое никогда не позволяло ему оскорблять спорившаго. Было бы, впрочемъ, ошибкою думать, что онъ былъ, что называется, человекъ покладистый на убѣжденія. Наоборотъ, по основнымъ вопросамъ онъ оставался всегда вѣренъ идеаламъ своей молодости, и если въ чемъ можно было упрекнуть его, такъ это скорѣе въ томъ, что въ его революціонныхъ воззрѣніяхъ была извѣстная доля традиціоннаго элемента: «такъ дѣлали наши прадѣды-революціонеры,—такъ должны дѣлать и мы». А Шелгуновъ былъ убѣжденный социалистъ и убѣжденный революціонеръ. Онъ не былъ, пожалуй, тѣмъ, что называютъ теперь «научнымъ социалистомъ». Самыя условія его развитія и русская дѣйствительность, гдѣ ему пришлось жить и бороться, заставляли его придавать большее значеніе идейному элементу, интеллигенціи, чѣмъ, можетъ быть, допустилъ бы это послѣдователь «научнаго социализма». Но кто изъ насъ, русскихъ людей, былъ такъ безгрѣшенъ тогда въ этомъ отношеніи, чтобы могъ бросить этотъ камень въ человека, которому только передъ смертью удалось услышать сознательный откликъ среди русскихъ рабочихъ? За то по другому вопросу Шелгуновъ былъ гораздо ближе къ научному социализму, чѣмъ социалисты-утописты прошлаго времени. Именно, онъ былъ страстный политикъ и полагалъ, что революціонная политическая дѣятельность, предпринятая организованной партіей, можетъ сдѣлать удивительно много въ социалистическомъ смыслѣ.

Я припоминаю одинъ вечеръ у Шелгунова, когда онъ жилъ уже вмѣстѣ съ семьей въ большой квартирѣ. Собралось довольно много литераторовъ-социалистовъ, офицеровъ, студентовъ и студентокъ и два крупныхъ нелегальныхъ народовольца, которыхъ полиція тщетно пыталась словить. Одинъ изъ нихъ былъ покой-

ный Лангансъ, другой—нынѣ здравствующее лицо, которое мнѣ придется, по нѣкоторымъ соображеніямъ, скрыть подъ тогдашнимъ его политическимъ псевдонимомъ Николая Александровича Зыбина. Роль Зыбина заключалась въ пропагандѣ народовольческихъ идей и въ вербовкѣ сторонниковъ среди «общества», главнымъ же образомъ, въ литературныхъ сферахъ. И эту роль онъ исполнялъ съ рѣдкимъ мастерствомъ... Дѣло было въ половинѣ февраля 1881 г. Много пили, много танцовали и еще больше говорили о политикѣ. Хорошее это было время: даже тотъ, кто не вѣрилъ въ близость социальной революціи, ждалъ съ часу на часъ политическаго перелома. Довольно большое число изъ гостей Шелгунова знали о томъ, что Народная Воля поставила рѣшительный ультиматумъ правительству: смерть абсолютизму или скорая смерть царю. И кое-кто изъ насъ зналъ, что катастрофа была ближе, чѣмъ думали въ публикѣ. За ужиномъ живой, какъ ртуть, Зыбинъ, лихо отхвативъ передъ тѣмъ мазурку и закончивъ ее трепакомъ, сказалъ довольно горячихъ словъ о значеніи современнаго момента и поднялъ бокалъ за «разрушеніе старой Россіи». Всѣ оживились, и Шелгуновъ, въ пылу разговоровъ, провелъ очень удачную параллель между цивилизаторской дѣятельностью Петра I и революціонной дѣятельностью народовольцевъ. Замѣчу, что Шелгуновъ, пламенный западникъ, вообще очень любилъ Петра: это былъ въ нѣкоторомъ родѣ герой его историческаго романа. «Мнѣ совсѣмъ не нравится Петръ, какъ царь,—сказалъ онъ на этотъ разъ,—но я преклоняюсь предъ нимъ, какъ предъ диктаторомъ. Въ чемъ была сила его? Въ томъ, что онъ разбилъ старыя формы московской Руси и ускорилъ естественный ходъ вещей, въ двадцать лѣтъ сдѣлавъ то, что московскіе цари тяпали бы да ляпали цѣлыхъ двѣсти. Теперь же я готовъ кричать ура народовольческой диктатурѣ: дѣло русскихъ социалистовъ-революціонеровъ разбить устарѣлыя для нашего времени нормы петербургской имперіи и вытащить на свѣтъ божій новое общество».

Двѣ недѣли спустя Шелгуновъ зашелъ ко мнѣ въ воскресенье—дѣло было 1 марта 1881 года—и мы отправились съ нимъ пройти на Невскій. Мы были на углу Екатерининскаго канала... Вдругъ раздался какой-то необычный гулъ, и мимо насъ съ гикомъ, со свистомъ, давя прохожихъ, промчалась бѣшенымъ галопомъ сотня казаковъ, копыя впередъ, шашки на голо. Обоихъ насъ, точно электрической токъ, пронизала одна мысль: должно быть, покушеніе. Мы не ошиблись. Казаки были вызваны по телеграфу къ Зимнему дворцу. Навстрѣчу намъ бѣжалъ народъ, разсыпаясь по улицамъ, по переулкамъ, торопясь сообщить что-то другъ другу, встрѣчнымъ знакомымъ и незнакомымъ, и все это съ какимъ-то таинственнымъ видомъ. Мѣстами образовались кучки; слышалось: «убили... нѣтъ... спасень... тяжело ранили»... Я до сихъ поръ не могу забыть выраженія лица Шелгунова. Его глаза смотрѣли напряженно вдоль, точно старались разглядѣть, что дѣлалось за извилиной канала. Тонкій носъ, острый подбородокъ, казалось,

впивались въ пространство. Блѣденъ онъ былъ смертельно. Я понималъ его: неужели новое неудачное покушеніе и, можетъ быть, новая ненужная кровь и новыя ненужныя жертвы?..

Намъ безумно хотѣлось бѣжать впередъ, все впередъ, *туда*, гдѣ совершался великій актъ русской трагедіи. Не знаю, какъ Шелгуновъ, но мнѣ казалось, что я съ ума сойду, если сейчасъ же не узнаю, чѣмъ кончилось *тамъ*. Мы пробѣжали съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу попался знакомый редакторъ либеральнаго «Церковнаго Вѣстника», Поповицкій. На его лицѣ было написано какое-то мучительное и пугливое недоумѣніе. Онъ бѣжалъ, какъ оказалось послѣ, предупредить своихъ домашнихъ и, тяжело дыша въ енотовой шубѣ, махалъ мѣховою шапкой. Должно быть, онъ упалъ передъ этимъ: по его лицу катились капли пота, вѣрнопопданническія слезы и маленькіе ручейки отъ приставшаго къ лицу и растаявшаго грязнаго снѣга. «Сейчасъ увезли... очень раненъ... государя убили, навѣрно убили... Самъ видѣлъ; другого арестовали, а тотъ самъ убилъ себя», — лепеталъ плачущій либераль безъ шапки. Мы сѣли на извозчика и доѣхали до квартиры Шелгунова вмѣстѣ. О томъ, что государь тяжело раненъ, знали уже почти всѣ прохожіе. По улицамъ бѣжали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерныя, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушеніе было только сигналомъ возстанія. Одинъ извозчикъ закричалъ другому, везшему одного моего пріятеля изъ «Отечеств. Записокъ»: «Ванька, дьяволь, буде тебѣ баръ возить: государя на четыре части рѣзорвало»...

Въ шесть часовъ вечера я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренно доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта. Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части, младшіе его по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: «что же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что рассчитывать?» Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чувству радости и строило самыя радужныя планы. Старикъ Плещеевъ и соредаторъ Николая Васильевича по «Дѣлу», Станюковичъ, особенно врѣзались мнѣ своимъ оптимизмомъ въ память. Странное дѣло: революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно-серьезный критическій элементъ и напирали на то, что, молъ, нельзя же только ликовать да ликовать, нужно и поразобратъ промежъ себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣстъ не ушло время. Кстати сказать, даже такой на рѣдкость умный человѣкъ, какимъ былъ Михайловскій, еще нѣсколько дней спустя утверждалъ, что «на этотъ разъ на насъ идетъ революція». И ему вторилъ своими картинными выраженіями веселый, какъ никогда, Глѣбъ Успенскій. Но возвращусь къ бесѣдѣ у Шелгунова. Николай Васильевичъ въ своемъ нѣсколько скептическомъ, но дѣйственномъ отношеніи къ событіямъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ за-

писными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движению. Къ тому времени принесли уже правительственную телеграмму, въ первомъ, неисправленномъ еще изданіи, которая начиналась курьезными словами: «Воля Всевышняго свершилась; Господу Богу угодно было призвать къ себѣ возлюбленнаго Монарха». Телеграмма была встрѣчена съ большимъ оживленіемъ; кто-то сострилъ даже: «Народная Воля—Воля Божія»...

Увы, и на этотъ разъ, и съ этой узловой точки Россія двинулась въ сторону реакціи. Возстанія не происходило, общество лишь «чувствовало», пока, наконецъ, Александръ III не заявилъ своимъ манифестомъ отъ 29-го апрѣля, что онъ рѣшилъ «стать бодро на дѣло управленія... съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти». Въ эти два мѣсяца Шелгуновъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости новаго политическаго режима. И отчасти благодаря его стараніямъ, которыя опирались на подобную же тактику писателей-соціалистовъ и чистыхъ народолюбцевъ, составлявшихъ тогда радикальную коалицію «Дѣла», «Слова» и «Отечественныхъ Записокъ», литераторы соціалистическаго и революціоннаго направленія временно разобрали между собою въ печати роли либеральнаго репертуара. Въ «Дѣлѣ», кромѣ Шелгунова, Станюковича и еще кой-кого изъ молодыхъ писателей краснаго оттѣнка, видное мѣсто въ выработкѣ плана этой кампаніи игралъ Тихомировъ, писавшій подъ псевдонимомъ И. Кольцова, иногда просто И. К., и тогда въ публикѣ эти инициалы истолковались такъ: «Исполнительный Комитетъ». «Отечественныя Записки» защищали позицію народолюбцевъ въ лицѣ самого Михайловскаго, который писалъ въ то время и въ органѣ партіи: я говорю о много читавшихся его письмахъ, помѣщенныхъ въ «Народной Волѣ» подъ псевдонимомъ Гроньяра. «Слово» было совершенно въ рукахъ уже упомянутаго мною Николая Александровича Зыбина; и этотъ журналъ, благодаря хорошему подбору статей и преобладанію среди сотрудниковъ людей крайняго направленія, носилъ очень опредѣленный соціалистическій и революціонный характеръ. Опираясь на это ядро болѣе или менѣе спѣвшихся толстыхъ журналовъ, Шелгуновъ былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ уже упомянутаго плана воздѣйствія на общественное мнѣніе и давленія на правительство въ печати. Было рѣшено, что такъ какъ русскіе либералы, въ силу своей тогдашней политической неразвитости, не умѣли какъ слѣдуетъ выразить свои требованія, то радикальные и революціонные писатели придутъ къ нимъ на помощь. Не компрометируя себя писаніемъ статей подъ своими собственными именами, они должны были надѣть на себя временно маски «таинственныхъ незнакомцевъ» чисто либеральнаго лагеря. Въ результатѣ получился тотъ знаменательный фактъ, что лучшія статьи въ газетахъ этого направленія, заговорившихъ тогда о конституціи, были написаны соціалистами и кое-какими нелегальными. Такъ энергичная передовица въ «Странѣ», ясно говорившая о необходимости дать Россіи свободныя по-

литическія учрежденія, принадлежала перу покойнаго И. Н. Харламова.

Но жизнь, какъ Шекспиръ, пускаетъ трагичное въ перемежку съ комичнымъ, и иного рода воспоминанія изъ этого и хорошаго, и страшнаго времени связаны у меня съ Шелгуновымъ. Подобно прочимъ квартирантамъ, я былъ избирателемъ въ знаменитый «бараній парламентъ», названный такъ по имени выдумавшаго его фигляра и самодура Баранова ¹⁾. Въ противность обычнымъ порядкамъ, здѣсь не избиратель шелъ къ урнамъ, а къ избирателю урны въ образѣ полицейскихъ: гражданамъ внезапно было предписано весь день сидѣть дома и дожидаться полицейскихъ съ опросомъ: «кого вы желаете выбрать?» Какъ была понята эта процедура мелкими полицейскими сошками и дворниками, не говоря уже о большинствѣ населенія, видно изъ слѣдующаго. Утромъ въ день выборовъ прибѣгаетъ ко мнѣ ни живъ, ни мертвъ дворникъ и лепечетъ: «господинъ, потрудитесь убрать всѣ запрещенныя книжки, коли ежели имѣются, и ждате полицію: сегодня приказъ произвести повальный обыскъ, и объ этомъ начальство извѣщаетъ для вѣрности заранѣе». Должно быть, я улынулся: «не вѣрите, господинъ,—вскричалъ дворникъ—ей богу—съ такъ! Вонъ и лавочникъ все время катаетъ сельдяныя бочки, да ищетъ: все боится, что ему скубенты книжку по злобѣ подбросятъ». Несмотря на строгое запрещеніе выходить изъ дома, многіе изъ насъ, знавшіе Шелгунова, старались произвести избирательную агитацію въ его пользу и ходили по друзьямъ и знакомымъ съ просьбой давать имя Шелгунова. Николай Васильевичъ добродушно улыбался, видя наши старанія, но отказываться не отказывался; «считаю долгомъ заявить избирательному комитету,—говорилъ онъ шутя намъ,—что программа у меня будетъ простая: на первомъ же засѣданіи полицейскаго парламента я заявлю, что нужно распустить его и приступить къ выборамъ въ Земскій Соборъ». Избранъ Шелгуновъ, конечно, не былъ. Но начальство, какъ говорятъ, очень переполошилось, узнавъ, что Николай Васильевичъ на одной Пушкинской улицѣ, гдѣ была его квартира, получилъ 60 голосовъ...

Здѣсь не мѣсто говорить, почему и отчего не удалось 1-е марта. На Шелгунова это сильно подѣйствовало, и когда, послѣ поѣздки въ центральную Россію, я увидался съ нимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1881 года, я нашелъ его страшно похудѣвшимъ, страшно нервнымъ, и его мекфистофельская фізіономія приняла скорбное выраженіе. Но въ то время, какъ другіе начинали примиряться съ входившей во вкусъ да въ аппетитъ реакціей, Шелгуновъ все оставался на своемъ посту вѣрнымъ своимъ идеаламъ. Тогда я замѣтилъ лишь въ немъ одну новую черту: онъ значительно скептичнѣе сталъ

¹⁾ Дѣло идетъ о тогдашнемъ Петербургскомъ градоначальникѣ, позже Нижегородскомъ губернаторѣ, еще позже Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ и т. д., который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ знаменитаго столкновенія съ Рождественскимъ.

смотримъ на роль интеллигенціи, чѣмъ прежде, и будь въ это время мало-мальски возможна дѣятельность среди рабочихъ или даже среди крестьянъ, онъ удѣлилъ бы въ своемъ представленіи о революціонной диктатурѣ очень почетное мѣсто народнымъ массамъ. Но, повторяю, бодрымъ и вѣрующимъ онъ оставался неизмѣнно, и въ этомъ его не успѣла разочаровать 30-лѣтняя борьба съ русскимъ строемъ. Въ послѣднемъ письмѣ его,—не помню ко мнѣ, или къ одному изъ моихъ пріятелей,—помѣченномъ Берлиномъ, гдѣ Щелгуновъ былъ весною 1884 года передъ возвращеніемъ изъ короткаго путешествія по заграничѣ, онъ говоритъ, между прочимъ: «черезъ нѣсколько часовъ переѣзжаю границу—странное ощущение: точно я снова ученикъ, идущій на строгій экзаменъ; и, какъ во дни своей молодости, машинально я вычистилъ сюртучекъ и застегнулся на всѣ пуговицы. Впрочемъ, мнѣ это дѣло привычное». Экзаменъ оказался строже, нежели думалъ Николай Васильевичъ: съ границы его прямо отправили въ Петропавловку, и однимъ изъ мотивовъ его ареста было знакомство съ террористами и печатаніе въ «Дѣлѣ» статей, которыя писались нелегальными, въ особенности статей Тихомирова, онъ же упомянутый И. Кольцовъ «Дѣла», онъ же Иванъ Григорьевичъ Каратаевъ либеральныхъ домовъ Петербурга. Упомянутіемъ объ этой ироніи судьбы позволю себѣ закончить мои воспоминанія...

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы хоть разъ съ этихъ блѣдныхъ страницъ глянулъ на моихъ читателей живой образъ Николая Васильевича, дорогого, милаго Николая Васильевича, такого, однимъ словомъ, какимъ я зналъ его: челоуѣка свѣтлаго ума и золотого сердца!

Н. Р.

Событіе 1-го марта и Владиміръ Сергѣевичъ Соловѣевъ.

Событіе такой огромной важности, какъ актъ 1-го марта, не могло не привлечь самаго серьезнаго и настойчиваго вниманія Владиміра Сергѣевича Соловьева. Въ ту пору онъ съ блестящимъ успѣхомъ читалъ лекціи по философіи въ Петербургскомъ университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Онъ развивалъ свою философскую систему, выдвигая впередъ христіанство, какъ элементъ философскій. Событіе 1-го марта заставило Соловьева продумать свое отношеніе къ революціи, какъ принципу и какъ факту, и освѣтить революціонную проблему съ религіозно-христіанской точки зрѣнія. Въ рѣчи, произнесенной на Высшихъ женскихъ курсахъ 13 марта 1881 года, Соловьевъ формулировалъ свои взгляды на революцію¹⁾. Нельзя осуществить на землѣ правду путемъ насилій и убійствъ—вотъ основная точка зрѣнія Соловьева. Христіанство, дѣйствительно, «завѣщало человѣчеству осуществить царство правды, которое открылось, какъ внутренній и міровой фактъ, какъ процессъ дѣйствительной жизни», но только извращенное христіанство могло дойти до мысли осуществить ложно истолкованное царствіе Божіе путемъ внѣшнихъ средствъ, путемъ насилія. Самое стремленіе человѣка осуществить на землѣ что-то лучшее, какое-то царство правды, Соловьевъ считаетъ остаткомъ дѣйствительнаго христіанства. Не вѣрны пути. Съ потерей Божественнаго начала человѣку осталось строить царство при содѣйствіи чистаго разума и инстинкта. Такъ онъ и сдѣлалъ въ эпоху Великой революціи. Разумъ дѣйствительно оказался способенъ разбить традиціонныя формы жизни, но онъ не могъ дать изъ себя содержаніе жизни. Потому-то революція во второй своей половинѣ, основываясь на насиліи, повела еще къ худшему деспотизму.

Современное революціонное движеніе началось съ того, чѣмъ кончила французская революція, и такой ходъ движенія логиченъ. Дѣло въ томъ, что господствующее міросозерцаніе отказалось не только отъ теологическихъ принциповъ, а и отъ метафизической идеи права чистаго разума, которая лежала въ основѣ революціи

---

¹⁾ Содержаніе этой рѣчи въ 1881 году было распространено въ гектографированныхъ листкахъ и напечатано въ III томѣ „Собранія сочиненій В. С. Соловьева“. Слб. Стр. 383—387.

89 г. Если же отнять и теологическіе принципы, и метафизическую идею безусловной личности, остается только звѣрская природа, дѣйствіе которой есть насиліе.

Но если современная революція начнетъ съ насилія, если она пользуется имъ, какъ средствомъ для осуществленія какой-то новой правды, она тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что въ ней кроется явная ложь: ложь въ принципѣ и на практикѣ: въ принципѣ — потому что, признавая только матеріальное начало въ мірѣ и человѣкѣ, нельзя говорить о чемъ-то должномъ, о чемъ-то такомъ, что не существуетъ, но должно существовать, ибо съ точки зрѣнія матеріальной все есть матеріальный фактъ, и никакого матеріальнаго начала не можетъ быть: это—ложь по факту, потому что, если бы дѣйствительно современная революція искала царство правды, она не могла бы смотрѣть на насиліе, какъ на средство его осуществить. Если она признаетъ правду, должное, истинное, нормальное, если она вѣритъ въ правду, она должна признавать, что правда сама собою сильнѣе неправды. Употреблять же насиліе для осуществленія правды, значитъ признать правду безсильною. Современная революція на дѣлѣ показываетъ, что она признаетъ правду безсильною.

Но поистинѣ правда сильна, а насиліе современной революціи выдаютъ ея безсиліе. Для человѣка, съ человѣческой точки зрѣнія, всякое насиліе, всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой ему силы есть безсиліе. Такая внѣшняя сила есть для звѣря — сила, а для духовнаго существа—безсиліе, и если человѣку не суждено возвратиться въ звѣрское состояніе, то революція, основанная на насиліи, лишена будущности».

Высказавъ столь рѣшительное осужденіе насилію, назвавъ всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой человѣку силы проявленіемъ звѣря въ человѣкѣ, Соловьевъ, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, долженъ былъ осудить и смертную казнь, какъ наказаніе по суду. Онъ долженъ былъ заявить о необходимости амнистіи для обвинявшихся по дѣлу 1-го марта. Онъ такъ и сдѣлалъ въ лекціи своей, прочитанной имъ въ залѣ Кредитнаго общества, 28 марта—въ тотъ день, когда заканчивался процессъ въ Особомъ присутствіи сената. Мы имѣемъ возможность напечатать содержаніе этой не написанной лекціи, записанное одной изъ внимательныхъ слушательницъ и провѣренное нами по другой современной записи и по рассказамъ слушателей. Лекція Вл. Серг., прочитанная имъ 28 марта, была второй (первая была прочитана 26 марта) и носила заглавіе «Критика современнаго просвѣщенія и кризисъ міроваго процесса». Содержаніе отчетливо передаетъ нить разсужденій автора и сохраняетъ даже буквально отдѣльныя фразы. Въ этомъ мы могли убедиться изъ сравненія.

«Личное просвѣщеніе, крайнее выраженіе котораго есть наше время, приходитъ къ противорѣчію между безусловными требованіями личности и невозможностью ихъ осуществить. То, чего требуетъ просвѣщеніе, находится въ народной вѣрѣ.

1) Личное просвѣщеніе требуетъ безусловной правды, но, заявляя это требованіе, оно правдѣ не вѣритъ. Если бы вѣрили безусловной правдѣ, то вѣрили бы, что она сильнѣе неправды, что она должна быть осуществлена не чуждыми средствами, а сама собой. Народъ же вѣритъ въ нее, онъ вѣритъ, что правда сильнѣе неправды и собственной нравственною силою можетъ побѣдить неправду. Чтобы безусловная правда осуществлялась въ дѣйствительности внѣшней, нужно, чтобы эта правда существовала сама по себѣ. Эта правда сама по себѣ, сущая правда — есть Богъ. Если неправда состоитъ въ розни всего, то единство всего есть правда. Какъ живое единство оно есть Богъ. Личное просвѣщеніе отвергло Бога и хорошо сдѣлало, ибо этотъ Богъ, котораго оно отвергло (и) есть Богъ, въ котораго народъ вѣритъ. Его Богъ не есть ни внѣшній Богъ мистицизма, ни отвлеченный Богъ метафизики, а живой Богъ. Народъ вѣритъ въ Него, и эта вѣра не только не отвергается просвѣщеніемъ, разумомъ и наукой, а напротивъ, требуется ими; вѣдь и разумъ и наука признають, что все существующее имѣетъ единство, что міръ есть нѣкоторое цѣлое; безъ этого ни разумъ, ни наука невозможны. Но какое же это цѣлое? Можно представить его какъ сумму частей, и тогда міръ будетъ огромнымъ механизмомъ, однако, машина требуетъ машиниста, но вѣдь если все есть машина, то для машиниста мѣста нѣтъ. Слѣдовательно, вселенная не можетъ быть механизмомъ, она есть организмъ, единое абсолютное живое существо, и это существо есть Богъ.

не?

Далѣе: 2) Личное просвѣщеніе заявляетъ безусловныя права и безусловное значеніе личности, но и этого заявленія оно оправдать не могло, ибо оно не вѣритъ въ безусловное значеніе личности. Народъ же вѣритъ въ безусловное значеніе личности, потому что вѣритъ въ дѣйствительность и безусловность личности Христа, который своей личностью заявилъ вѣру, оправдалъ это заявленіе, осуществилъ безусловную правду, которая дѣломъ оказалась сильнѣе внѣшняго, случайнаго. Онъ побѣдилъ все случайное, все чуждое, и явилъ себя сильнѣе грѣха и смерти.

Личное просвѣщеніе отвергло Христа, но опять-таки этотъ Христосъ, отвергнутый просвѣщеніемъ, не есть Христосъ народной вѣры. Просвѣщеніе отвергло догматизмъ Христа, который представляетъ какую-то случайность—Бога, сошедшаго съ небесъ въ опредѣленный моментъ времени и потомъ вознесшагося. Но народъ вѣритъ не въ такого Христа. Для народа Христосъ не есть личность въ условіяхъ опредѣленнаго времени и мѣста, а личность живая, безусловная, универсальный принципъ. Народъ вѣритъ въ живого Христа, вѣритъ, что начало, которое дѣйствовало въ историческомъ Христѣ, можетъ проявлять свое дѣйствіе во всѣхъ людяхъ послѣ Христа. Эта вѣра народная во Христа не можетъ уничтожиться просвѣщеніемъ.

3) Личное просвѣщеніе ставитъ задачею осуществленіе абсолютной правды во внѣшней дѣйствительности, т. е. не только въ природѣ человѣческой, но и во внѣшнемъ мірѣ. И, однако, возмож-

ность такого осуществленія исключается тѣмъ, что личность признаетъ дѣйствительность природы, какъ нѣчто внѣшнее, и на міръ смотритъ, какъ на нѣчто случайное только, видитъ въ матеріальной природѣ лишь совокупность явленій, которая сама по себѣ равнодушна къ безусловной правдѣ, къ безусловной истинѣ, къ безусловному содержанію. Если такова внѣшняя дѣйствительность, то какъ же можетъ безусловная идея въ ней осуществиться.

Народная вѣра не такъ смотритъ на природу и на человѣчскій міръ. Она признаетъ, что природа сама по себѣ имѣетъ стремленіе къ безусловному единству, къ безусловной правдѣ. Народная вѣра вѣритъ, что природа человѣческая и внѣшній міръ имѣютъ единую душу, и что эта душа стремится воплотить Божественное начало, стремится родить въ себѣ Божество: народъ вѣритъ въ Богородицу. Конечно, эта Богородица, въ которую вѣритъ народъ, не есть та, которую, начиная съ протестантства, отвергало личное просвѣщеніе. Для народной вѣры Богородица, какъ и Христосъ, есть начало всего. Это—душа міра, первая матерія, мать всего существующаго, которая, переходя (отъ формъ астральныхъ) къ формамъ органическимъ и далѣе человѣческимъ, стремится воплотить въ себѣ Божественное начало, осуществить, родить его. Такова народная вѣра: народъ вѣритъ: 1) въ вѣчную сухую правду живого Бога, 2) въ безусловное человѣческое начало въ Богѣ—въ личность Христа и 3) въ присутствіе Божественнаго начала, какъ вѣчнаго стремленія во всей природѣ—въ Богородицѣ.

Этою вѣрою опредѣляется духовное содержаніе народной жизни, всѣ идеалы народа. Но народъ не довольствуется однимъ признаніемъ идеала. Какъ интеллигенція, такъ и народъ стремится признанные истинными идеалы, въ которые онъ вѣритъ, какъ въ существующіе сами по себѣ, перенести въ жизнь, въ свою неистинную дѣйствительность, осуществить ихъ въ неидеальномъ Божественномъ бытіи. На свое человѣческое земное существованіе народъ смотритъ, какъ на средство, какъ на форму для осуществленія этого Божественнаго начала.

Пока идеаль Божественной абсолютной правды еще не осуществился, пока всѣ люди не стали Христами и всѣ женщины Богородицами, народъ признаетъ внѣшнія формы образованія (внутренняго міра), внѣшнюю среду, живетъ въ государствѣ. Но онъ никогда не признавалъ и никогда не признаетъ этой внѣшней среды, какъ нѣчто самостоятельное. Для народа всѣ земныя формы являются, какъ подчиненная среда, для осуществленія идеала.

И въ представителѣ государства, въ своемъ политическомъ вождѣ народъ видитъ не представителя внѣшняго закона, какъ чего-то самостоятельнаго, а носителя своего духовнаго идеала. Въ прошлое воскресеніе на этомъ самомъ мѣстѣ вы слышали красно-рѣчивое изложеніе идеи царя¹⁾ по народному воззрѣнію. Я съ нимъ согласенъ (иначе я бы и не указывалъ на него). Скажу

¹⁾ Въ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина.

только, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была доказана. Беру на себя смѣлость ее досказать.

Несомнѣнно для народа Царь не есть представитель внѣшняго закона. Да, народъ видитъ въ немъ носителя и выразителя всей своей жизни, личное средоточіе всего своего существа. Царь не есть—распорядитель грубою физическою силою для осуществления внѣшняго закона. Но если царь дѣйствительно есть личное выраженіе всего народнаго существа, и прежде всего, конечно, существа духовнаго, то онъ долженъ стать твердо на идеальныхъ началахъ народной жизни: то, что народъ считаетъ верховной нормой жизни и дѣятельности, то и Царь долженъ ставить верховнымъ началомъ жизни.

Настоящая минута представляетъ небывалый дотолѣ случай для государственной власти оправдать на дѣлѣ свои притязанія на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы Царя на смерть. Царь можетъ простить ихъ, и если онъ дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божию за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говоритъ: „Не убій“. Если можно допускать смерть какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претить душѣ народа. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія.—Пусть Царь и Самодержецъ Россіи заявить на дѣлѣ, что онъ прежде всего христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ.

Не отъ насъ зависитъ рѣшеніе этого дѣла, не мы призваны судить. Всякій осуждается и оправдывается собственными своими рѣшеніями, но если государственная власть отрицается отъ христіанскаго начала и вступаетъ на кровавый путь, мы выйдемъ, отстранимся, отречемся отъ нея.

Въ мірѣ борются два зла, два злыя начала: одно начало хаоса—грѣхъ, другое—начало внѣшняго закона; но есть и третье начало. Два первыя начала не могутъ сами рѣшить свою борьбу, но есть третье—начало внутренней правды, начало благодати, которое упраздняетъ и грѣхъ, и законъ. Русскій народъ всегда съ самаго начала своей исторіи безсознательно держался этого третьяго начала. Признаемъ же его, какъ такое, примемъ его сознательно.

Скажемъ же рѣшительно и громко заявимъ, что мы стоимъ подъ знаменемъ Христовымъ и служимъ единому Богу—Богу любви. Пусть народъ узнаетъ въ нашей мысли свою душу и въ нашемъ совѣтѣ свой голосъ; тогда онъ услышитъ насъ, и пойметъ насъ, и пойдетъ за нами¹⁾.

Одна изъ бывшихъ на лекціи отчетливо и ярко рассказываетъ объ этой лекціи Соловьева¹⁾.

---

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ въ ноябрѣ 1905 г. Замѣтка г-жи Р-ды Бодуэнь-де-Куртень „Въ мартѣ 1881 года“.

«Это не былъ митингъ,—тогда еще митинговъ въ Петербургѣ не знали, но переполненный залъ кредитнаго общества ждалъ съ нетерпѣніемъ своего оратора.

Молодежи, какъ всегда, было много; въ первыхъ рядахъ кресель мелькали рѣдкіе гости на публичныхъ чтеніяхъ—крупные савонники, конечно, изъ категоріи уцѣлѣвшихъ еще либераловъ, и образованныя аристократическія дамы, между прочимъ, остроумная гр. Толстая, вдова Алексѣя Толстого, м-ме Хитрово и т. п.

Никто не зналъ, какъ станеть развивать свою тему въ этотъ вечеръ Владиміръ Соловьевъ, но никто не сомнѣвался, что все, что онъ скажетъ, будетъ необычайно, и что то будетъ вѣчная красота.

А вотъ и онъ. Высокій, тонкій, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Его удивительные глаза свѣтятся глубокимъ, внутреннимъ свѣтомъ и смотрятъ прямо въ даль.

Странныя рѣчи! Сначала пространная, философски-мистическая глосса къ культу Богоматери; затѣмъ необъятные горизонты тайнъ христіанства, тайнъ невѣдомаго «того берега» бытія...

Но мало-по-малу перспектива суживается, ораторъ замѣтно близится къ нашему берегу. Еще одинъ смѣлый шагъ—и онъ уже среди насъ. Чудный языкъ боговъ становится языкомъ земной юдоли. Громко и звучно раздаются вѣщія слова:

— Завтра приговоръ. Теперь тамъ, за бѣлыми каменными стѣнами, идетъ совѣтъ о томъ, какъ убить безоружныхъ. Вѣдь безоружны же всѣ подсудимые узники... Но если это дѣйствительно свершится, если русскій Царь, вождь христіанскаго народа, заповѣди поправъ, предастъ ихъ казни, если онъ вступитъ въ кровавый кругъ, то русскій народъ, народъ христіанскій, не можетъ за нимъ идти. Русскій народъ отъ него отвернется и пойдетъ по своему отдѣльному пути...

Вдругъ передъ эстрадой вырастаетъ какая-то плотная фигура,—рука, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вытягивается по направленію къ оратору.

— Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй!—гремитъ грубый голосъ.

Соловьевъ, слегка наклонившись, старается, повидимому, слышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурныя человѣческія волны хлынули уже со всѣхъ сторонъ къ эстрадѣ. Могучій крикъ восторга, внезапной радости, умиленія, вырвался разомъ изъ тысячи нѣмыхъ, рабихъ грудей и наполнилъ собою все пространство.

— Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!—несется отовсюду.

Теперь уже десятки трепетныхъ рукъ протягиваются къ Соловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко надъ окружающимъ его вѣнцомъ старыхъ и молодыхъ лицъ. А затѣмъ тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ эстрады въ залъ.

— Амністія! Помилованіе! на устахъ всѣхъ.

Выходныя двери въ вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владимиръ Сергѣевичъ старается въ нихъ проскользнуть. Всѣ его усилія остаются тщетными. Ликующая толпа не хочетъ съ нимъ разстаться и два или три раза обноситъ его кругомъ.

Лишь только кончились оваціи по адресу Соловьева, какъ на очередь всталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева. На лекціи присутствовалъ, между прочимъ, и министръ народнаго просвѣщенія. Встрѣтивъ Соловьева въ вестибюлѣ послѣ овацій, министръ посовѣтовалъ ему сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову и поговорить съ нимъ. Соловьевъ отказался ѣхать, заявивъ, что онъ не знакомъ съ Лорисъ-Меликовымъ.

— «Это не частное дѣло, а общественное»—сказалъ министръ,— «а то смотрите, придется Вамъ ѣхать въ Колымскъ».

— «Что же, философией можно заниматься и въ Колымскѣ»—отвѣчалъ Соловьевъ ¹⁾).

На другой день слухи о лекціи и объ административной карѣ, ожидающей Соловьева, облетѣли весь городъ. Дѣло могло окончиться дѣйствительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотамъ, въ особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Желая, быть можетъ, парализовать дѣйствіе слуховъ, Соловьевъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру III. Мы имѣемъ возможность воспроизвести это письмо, до сихъ поръ въ печати не появлявшееся. Въ немъ разъясненъ второй изъ мотивовъ, выставленныхъ Соловьевымъ противъ смертной казни. Соловьевъ писалъ Государю:

«Ваше Императорское Величество
Всемиловитый Государь!

До слуха Вашего, безъ сомнѣнія, дошли свѣдѣнія о рѣчи, сказанной мною 28 Марта, вѣроятно въ искаженномъ и во всякомъ случаѣ въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому считаю своимъ долгомъ передать Вашему Величеству дѣло, какъ оно было.

Вѣруя, что только духовная сила Христовой истины можетъ побѣдить силу зла и разрушенія, проявленную нынѣ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, вѣруя тоже, что народъ русскій въ цѣлости своей живеть и движется духомъ Христовымъ, вѣруя, наконецъ, что Царь Россіи есть представитель и выразитель народнаго духа, носитель всѣхъ лучшихъ силъ народа, я рѣшилъ съ публичной кафедры исповѣдать эту свою вѣру.

Я сказалъ въ концѣ своей рѣчи, что настоящее тягостное время даетъ русскому Царю небывалую силу христіанскаго начала всепрощенія и тѣмъ совершить величайшій нравственный подвигъ, который подниметъ власть его на недосягаемую высоту и на незыблемомъ основаніи утвердитъ его державу. Милуя враговъ своей власти, вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго

¹⁾ Этотъ фактъ сообщенъ намъ г-жей Бодуэнъ-де-Куртена.

сердца, всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ земной мудрости, Царь становится на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ, что въ немъ живетъ высшая духовная сила всего народа русскаго, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ бы совершить подвигъ больше этого.

Вотъ въ чемъ заключалась сущность моей рѣчи и что, къ крайнему моему прискорбію, было истолковано не только несогласно съ моими намѣреніями, но въ прямомъ противорѣчій съ ними.

Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный

Владиміръ Соловьевъ».

Произвело ли впечатлѣніе это письмо, или подѣйствовали хлопоты—не знаемъ,—но Соловьевъ не былъ высланъ изъ столицы. Ему только было запрещено читать и приносить публично что бы то ни было, и, конечно, былъ усиленъ надзоръ за нимъ и за его произведеніями. Въ университетѣ Соловьевъ продолжалъ читать до весны 1882 года. Онъ состоялъ на службѣ еще въ ученномъ комитетѣ мин. нар. проsv. 6 окт. 1881 года Соловьевъ подалъ прошеніе объ отчисленіи его отъ службы «по разстроенному здоровью», и 11 ноября того же года его просьба была удовлетворена.

П. Щ.

Событіе 1-го Марта и Левъ Николаевичъ Толстой.

Событіе 1-го марта не явилось для русскаго общества того времени чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ неудавшихся покушеній на жизнь Александра II, являвшихся, въ свою очередь, лишь отдѣльными эпизодами той борьбы, которую вели между собою два врага: русское правительство и русскіе революціонеры. Значительная часть русскаго общества долго относилась къ этой борьбѣ какъ-то равнодушно: оно точно присутствовало на какомъ-то представленіи, а не было свидѣтелемъ тѣхъ первостепенной важности событій, которыя ближе всего его касались.

Но постепенно наиболѣе подвижные и воспріимчивые элементы общества стали заинтересовываться этой борьбой, стали втягиваться въ интересы борющихся сторонъ и даже принимать въ ней участіе. Русско-турецкая война, раскрывъ цѣлый рядъ вопіющихъ безобразій, царившихъ въ высшихъ сферахъ, заставила общество съ еще большимъ вниманіемъ отнестись къ дѣятельности тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ въ обществѣ называли то нигилистами, то социалистами, то просто красными.

Несмотря на свою неподвижность, «большое общество» не могло не замѣтить въ этой борьбѣ одного характернаго явленія. Правительство тратило огромныя средства на борьбу съ революціонерами, оно платило щедро и явнымъ и тайнымъ агентамъ, которые, благодаря этому, могли «въ свободное отъ занятій время» вознаграждать себя за труды всевозможными удовольствіями и наслажденіями, покупаемыми за деньги. Враждебная же правительству партія, наоборотъ, постоянно нуждалась въ деньгахъ, отдавала всѣ свои средства на борьбу, и члены ея, за рѣдкими исключеніями, вели почти аскетическій образъ жизни.

Я помню, какъ, будучи почти ребенкомъ, я былъ пораженъ, прочтя въ какой-то газетѣ описаніе одной конспиративной квартиры, въ какой ужасной обстановкѣ и тѣснотѣ жили эти люди, отдававшіе всѣ силы на борьбу за то дѣло, которое они считали святымъ. Я помню, какъ уже подросткомъ, попавъ лѣтомъ 1881 г. въ глушь Самарской губерніи, я слушалъ разсужденія малограмотнаго купца, неодобрявшаго событія 1-го марта, но выражавшаго удивленіе героизму «этихъ людей» и признававшего въ ихъ стремленіяхъ большую долю правды. Мнѣ кажется, что этотъ

купецъ былъ характернымъ выразителемъ мнѣнія большинства. Несочувствіе самому факту, совершенному 1-го марта, и сочувствіе къ его совершителямъ.

Люди съ большимъ кругозоромъ не могли, конечно, ограничиться только такимъ отношеніемъ къ событію 1-го марта. Они смотрѣли дальше и видѣли въ грядущемъ цѣлую цѣпь кровавыхъ событій, вытекавшихъ изъ 1-го марта, какъ изъ своего источника. Цареубійство, казнь цареубійць, месть за эту казнь, преслѣдованіе мстителей, отмщеніе преслѣдователямъ и т. д. и т. д. безъ конца.

И что особенно ужасно, такъ это то, что эти событія въ сущности не представляли собою узкой цѣпи, но развѣтвлялись, усложнялись цѣлымъ рядомъ другихъ событій, охватывая всю страну кровавой сѣтью взаимной вражды, конца которой невозможно было предвидѣть.

Какъ помѣшать развитію этого ужаснаго зла, какъ оборвать эту цѣпь грядущихъ кровавыхъ событій? Вотъ вопросъ, который мучилъ многихъ людей того времени и въ числѣ ихъ прежде всего Льва Толстого. Обратиться съ воззваніемъ къ революціонерамъ, съ призывомъ къ прекращенію борьбы? Но какъ же обращаться съ такимъ призывомъ къ людямъ, которыхъ преслѣдуютъ, какъ дикихъ звѣрей, къ людямъ, которыхъ по одному подозрѣнію сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь? Они не послушаютъ, они не могутъ послушать. Вѣдь для нихъ внять такому призыву, значитъ признать, что та борьба, которую они вели съ правительствомъ, тѣ неисчислимыя жертвы, которыя они принесли этому дѣлу, что самая дорогія, самая святая для нихъ чувства любви къ свободѣ, къ народу, къ родинѣ — все это было призракомъ. Отказаться отъ борьбы для этихъ людей значило болѣе, чѣмъ отказаться отъ жизни. Объ этомъ нельзя было и думать.

Можно ли было обратиться къ правительству съ призывомъ прекратить борьбу? Конечно, объ этомъ тоже нельзя было думать. Для правительства прекратить борьбу значило прекратить существованіе. Да и какъ оно бы могло подумать о такой мѣрѣ, когда въ его рукахъ были всѣ средства для истребленія враговъ: сотни тысячъ солдатъ, десятки тысячъ полицейскихъ, сотни милліоновъ рублей... И вдругъ какая-то горсть безумцевъ осмѣливается вести съ нимъ борьбу, смѣетъ не только защищаться, но даже нападать. При такихъ условіяхъ всякій совѣтъ правительству одуматься и прекратить борьбу являлся кровнымъ ему оскорбленіемъ и доказательствомъ явной неблагонадежности совѣтника.

Однако, надо же было найти какой-нибудь выходъ. Его, какъ ему тогда, по крайней мѣрѣ, казалось, и нашель Левъ Толстой.

Левъ Толстой переживалъ въ эти годы тяжелый періодъ душевной ломки. Это былъ какъ разъ тотъ самый періодъ, которымъ раскалывается на двѣ части жизнь великаго писателя. Толстой до этого періода—это авторъ «Дѣтства и Отрочества», «Войны и

Мира“, „Анны Карениной“, Толстой послѣ этого періода, — это авторъ „Въ чемъ моя вѣра“, „Такъ что же намъ дѣлать“, „Царство Божіе“, „Воскресенье“. Въ этотъ періодъ была написана „Исповѣдь“, помѣченная двумя годами: 1879 и 1882.

Чуткимъ сердцемъ, истерзаннымъ тяжелой душевной борьбой, пытливымъ разумомъ, искушеннымъ сомнѣніями, великій писатель пришелъ къ мысли, что былъ одинъ человекъ, который послѣ событія 1-го марта могъ явиться въ качествѣ примирителя между двумя враждующими сторонами, могъ дать измученной родинѣ умиротвореніе. Такимъ человекомъ могъ быть, по мнѣнію Толстого, императоръ Александръ III.

Толстой отдѣлялъ царя отъ правительства. Правительство была борющаяся, ожесточенная, озлобленная сторона, — царь былъ въ сторонѣ, какъ символическая фигура, олицетворявшая идеи справедливости и милосердія.

Призывомъ ничего нельзя было добиться, однимъ призывомъ къ добру нельзя было прекратить борьбу, необходимъ былъ примѣръ величайшаго милосердія и этотъ примѣръ долженъ былъ исходить отъ лица, обладавшаго въ глазахъ народа наибольшимъ авторитетомъ. Примѣръ милосердія долженъ былъ блеснуть съ высоты трона, его долженъ былъ подать самъ царь.

Событія сложились самымъ необыкновеннымъ образомъ. Царь являлся лицомъ пострадавшимъ, лицомъ обиженнымъ: у него убили отца. И царь, преклоняясь передъ евангельской заповѣдью всепрощенія и любви, простилъ бы своихъ враговъ. Примѣръ, какого не знаетъ вся исторія человечества. Такой примѣръ христіанской любви, проявленный царемъ, долженъ былъ явиться тѣмъ громовымъ ударомъ, который заставилъ бы прекратить борьбу, ввиду присутствія неизмѣримо высшей силы — любви.

Надо было убѣдить Александра III рѣшиться на такой безпримѣрный поступокъ. Между тѣмъ, онъ былъ совершенно неизвѣстнымъ человекомъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ. Слухи о немъ ходили самые противоположные. Толстой не могъ не чувствовать, какая трудная задача лежитъ передъ нимъ, и въ то же время онъ не видѣлъ какого либо иного способа вырвать родину изъ заколдованнаго круга междуусобной борьбы.

Весь охваченный порывомъ религіознаго вдохновенія, Толстой начинаетъ искать уединенія, желая подготовиться къ трудной работѣ, отъ успѣха которой зависитъ не только жизнь нѣсколькихъ человекъ, но и спасеніе родины. Онъ, если не ошибаюсь, налагаетъ на себя кратковременный постъ, горячо молится и, наконецъ, вкладываетъ всѣ силы своего ума и таланта въ письмо къ Александру III.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось прочесть это письмо; я не знаю, какое бы оно произвело на меня впечатлѣніе теперь, но я хорошо помню, что въ то время трудно было удержаться отъ слезъ, — столько было въ немъ теплоты и

искренности. Толстой убѣждалъ императора простить убійцъ своего предшественника на тронѣ. Онъ убѣждалъ сына помиловать людей, убившихъ отца. Вѣрующему человѣку онъ напоминалъ о евангельскихъ завѣтахъ. Правителю онъ говорилъ о томъ огромномъ вліяніи, которое окажетъ на все человѣчество этотъ примѣръ милосердія. Я самъ, писалъ онъ, чувствую, что, какъ собака, буду преданъ Вамъ, если Вы явите этотъ примѣръ всепрощенія...¹⁾

Дѣло было сдѣлано, письмо было написано, но надо было найти способъ доставить письмо по адресу. На почту было трудно надѣяться, необходимо было найти лицо, близко стоящее къ Александру III, которое согласилось бы передать это письмо. Выборъ палъ на К. П. Побѣдоносцева.

Въ настоящее время такой выборъ можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ. Побѣдоносцевъ и доброе дѣло. Призывъ къ милосердію и Побѣдоносцевъ... Въ то время личность Побѣдоносцева не вылилась еще для Толстого въ такія опредѣленные формы. Побѣдоносцевъ былъ тогда для него лишь человѣкомъ, соприкасавшимся съ религіозными вопросами, ученымъ, переводчикомъ извѣстнаго сочиненія Фомы кемпійскаго «О подражаніи Христу» и придворнымъ, близко стоящимъ къ императору, и Толстой обратился именно къ нему.

Побѣдоносцевъ на отрѣзъ отказался передать письмо Александру III и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ смотритъ на Христа совершенно не такъ, какъ смотритъ Толстой. Для него Христосъ являлся въ какомъ-то ореолѣ силы и власти, гдѣ не было мѣста всепрощенію и кротости.

Письмо было все таки отправлено къ Александру III, хотя и другимъ путемъ. Кажется, оно было передано черезъ Черевина. Во всякомъ случаѣ оно дошло по назначенію.

Отвѣта не послѣдовало. Прошло нѣкоторое время, и участники событія 1-го марта были казнены. Какъ подѣйствовало на Александра III письмо Л. Н. Толстого, осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ, имѣется одно косвенное указаніе на, то что письмо не прошло совершенно безслѣдно.

Однажды, нѣкоторое время спустя послѣ указанныхъ событій, въ довольно тѣсномъ придворномъ кругу, въ присутствіи императора Александра III завязался разговоръ о послѣднихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Одни находили ихъ скучными, другіе считали нелѣпыми, третьи называли Толстого чудакомъ, четвертые говорили, что онъ просто выжилъ изъ ума и, конечно, его послѣднія произведенія не могутъ ни на кого имѣть вліянія.

Александръ III молчалъ и потомъ съ замѣтнымъ раздумьемъ произнесъ:

— А мнѣ кажется, что Толстой своими разсужденіями можетъ

---

¹⁾ Письмо это никогда еще опубликовано не было ни въ Россіи, ни за границей, ни на русскомъ, ни на иностранномъ языкахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что ч и татели прочтутъ его черезъ нѣкоторое время на страницахъ „Былого“. *Ред.*

производить очень, сильное впечатлѣніе не только на молодежь, но и на людей вполнѣ установившихся.

Можетъ быть, это замѣчаніе было отголоскомъ впечатлѣнія, произведеннаго письмомъ. Можетъ быть, почувствовавъ убѣдительную силу призыва къ милосердію, Императоръ обратился за разъясненіемъ къ своему излюбленному совѣтнику, и тотъ, отказавши ранѣе въ своей помощи дѣлу милосердія, нашелъ возможнымъ употребить свое вліяніе, чтобы расчистить осужденнымъ дорогу къ висѣлицѣ. Но, разумѣется, это лишь предположеніе.

А. Хирьяковъ.

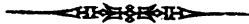

**Заявленіе, посланное изъ Петропавловской крѣпости А. И. Желябовымъ.
на имя прокурора Спб. судебной палаты 2 марта 1881 г.¹⁾.**

Если новый государь, получая скипетръ изъ рукъ революціи, намѣренъ держаться въ отношеніи цареубійцъ старой системы, если Рысакова намѣрены казнить, было бы вопіющей несправедливостью сохранить жизнь мнѣ, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физическаго участія въ умерщвленіи его лишь по глупой случайности. Меня очень беспокоитъ опасеніе, что правительство поставитъ внѣшнюю законность выше внутренней справедливости и украситъ корону новаго монарха трупомъ юнаго героя лишь по недостатку формальныхъ уликъ противъ меня, ветерана революціи. Я протестую противъ такого исхода всѣми силами души и требую для себя справедливости. Только трусостью правительство могло бы объяснить одну висѣлицу, а не двѣ.

Въ январѣ и февралѣ я не разъ вель съ нимъ (Рысаковымъ) разговоръ о роли царей въ судьбахъ русскаго народа и въ связи съ этимъ, о необходимости ихъ уничтоженія вообще, если русскіе цари пожелаютъ остаться при старой системѣ управленія.

Андрей Желябовъ.

¹⁾ О заявленіи этомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ и тамъ же приводятся изъ него отдѣльныя выраженія (въ той части обвинительнаго акта, которая цитируется въ статьѣ „1 марта—3 апрѣля 1881 года“, эти выраженія также приведены), но полностью заявленіе А. И. Желябова печатается въ первый разъ. Оно выписано непосредственно изъ дѣлопроизводства о событіи 1 марта защитникомъ одного изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу и имъ нынѣ намъ передано. *Ред.*

Изъ рѣчей на судѣ

А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской ¹⁾.

Желябовъ:—Г.г. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ.

Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать **общіе** интересы...

Мы—не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средство для достиженія такого строя—мы рекомендуемъ очень **опредѣленные** учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами?...

Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступленіе—событіе 1-го марта—нужно разсматривать, какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно... Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разсматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое со-

¹⁾ Изъ официальнаго отчета о процессѣ царубійцъ.

бытіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ...

Первоприсутствующій прерываетъ рѣчь и ставитъ Желябову рамки.

Желябовъ: Чтобы не выйти изъ рамокъ, вами опредѣленныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставить свое дѣло необороненнымъ, я долженъ остановиться на тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыя здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разныя брошюры, напримѣръ на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во 1-хъ, литографированная программа социалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства въ данный моментъ у прокурора. Имѣю ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахождения литографированной программы у меня свидѣтельствуешь о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во 2-хъ, Николай ¹⁾ Морозовъ написалъ брошюру. Я ее не читалъ; сущность ея я знаю; къ ней, какъ партія, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденіе о задачѣ русской социальнo-революціонной партіи, пока они за границей, пока они безпочвенники. Насъ дѣлають отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути черезъ частыя политическія убійства. Для насъ, въ настоящее время, отдѣльные террористическіе факты занимають только одно изъ тѣхъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькій историческій очеркъ, слѣдую тому пути, которымъ шель прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною... Мы, пере-

¹⁾ Въ отчетѣ о дѣлѣ 1-го марта до сихъ поръ всегда повторялась ошибка, сдѣланная въ первомъ отчетѣ,—вмѣсто „Николай Морозовъ“ было ошибочно написано „нѣкій Морозовъ“.

Ред.

испытать разные способы дѣйствовать на пользу народа, въ началѣ 70-хъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго челоуѣка, съ цѣлью мирной пропаганды социалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которая встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное—было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснитъ характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моей защитѣ...

Въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности, взятое частичками— правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ... Всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе, я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перехожу ко второму періоду социалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но, по всей вѣроятности, я долженъ буду отказать отъ мысли принципиальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержанія: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы.

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ нахождения нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, а съ другой стороны—убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считаю, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознаніе социалистическіе идеалы цѣлостью, социалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы—это основная черта народничества.

Дальше. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы,—пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды социалистическихъ идей

Тимофей Михайлович
МИХАЙЛОВЪ.

выступает на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанію. вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшили пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 г. Въ 1878 г. впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились помыслы разсѣчь Гордіевъ узелъ, такъ что событіе 1-го Марта по замыслу нужно отнести къ зимѣ 1877—1878 гг. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напр., брошюры: «Смерть за смерть». Партія не уяснила еще себѣ вполне значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою...

Первоприсутствующій: Вы опять говорите о партіи...

Желябовъ: Я принималъ участіе въ ней...

Первоприсутствующій: Говорите только о себѣ.

Желябовъ: Все толкало меня, въ томъ числѣ, на борьбу съ правительственною системою. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 г. находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 г. положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 г. была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ, что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи «Земли и Воли», что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ сліяніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съезда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основныя положенія новой программы были таковы: политическій строй...

Первоприсутствующій: Подсудимый, я рѣшительно лишу васъ слова, потому что вы не хотите слѣдовать моимъ указаніямъ. Вы постоянно впадаете въ изложеніе теоріи.

Желябовъ: Я обвиняюсь за участіе на липецкомъ съѣздѣ...

Первоприсутствующій: Нѣтъ, вы обвиняетесь въ совершеніи покушенія подъ Александровскомъ, которое, какъ объясняетъ обвинительная власть, составляетъ послѣдствіе липецкаго съезда.

Желябовъ: Если только я обвиняюсь въ событіи 1-го марта и затѣмъ въ покушеніи подъ Александровскомъ, то въ такомъ случаѣ моя защита сводится къ заявленію: да, такъ какъ фактически это подтверждено. Голое признаніе факта не есть защита...

Первоприсутствующій: Отношеніе вашей воли къ этому факту...

Желябовъ: Я полагаю, что уясненіе того пути, какимъ развивалось мое сознаніе, идея, вложенная въ это предпріятіе...

Первоприсутствующій: Объясненіе вашихъ убѣжденій, вашего

личнаго отношенія къ этимъ фактамъ я допускаю. Но объясненія убѣжденій и взглядовъ партіи не допушу.

Желябовъ: Я этой рамки не понимаю.

Первоприсутствующій: Я прошу васъ говорить о себѣ, о своемъ личномъ отношеніи къ факту, какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, объ участіи вашей воли, о вашихъ дѣйствіяхъ.

Желябовъ: На эти вопросы коротко я отвѣчалъ въ началѣ судебного засѣданія. Если теперь будетъ мнѣ предоставлено говорить только такъ же кратко, зачѣмъ тогда повторяться и обременять вниманіе суда...

Первоприсутствующій: Если вы болѣе ничего прибавить не имѣете...

Желябовъ: Я думаю, что я вамъ сообщилъ скелетъ. Теперь желалъ бы я изложить душу...

Первоприсутствующій: Вашу душу, но не душу партіи.

Желябовъ: Да, мою. Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что социально-революціонная партія—и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе—должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практической путь: это путь насильственного переворота путемъ заговора, и для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ социалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на личное умѣніе. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознание возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь: организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственного переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ Исполнительный Комитетъ, и содѣйствовалъ расширенію этой организаціи: въ его духъ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать ска-

занное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т.-е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, напримѣръ, отказался бы, если бы измѣнились внѣшнія условія...

Когда Желябову предоставили сказать послѣднее слово на судѣ онъ заявилъ:

— Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратко, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалею и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего!..

Н. И. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связанномъ разсказѣ стремленія тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли», и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ социалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ, онъ сказалъ:

«Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже чувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшала арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно—поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ царевубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій и т. д.»

Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя, показалъ:

«Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя

она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я прочиталь все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность готовить динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ, и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно такъ же чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участіе я не одинъ. Эта была скорѣе коллективная работа».

Первоприсутствующій: Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Кибальчичъ: Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными и техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройство запыла. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во-первыхъ, достигнуть предположенной цѣли, а во-вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я

говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ предоставленному, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ социалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію—лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственные дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что они насильственные... Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилию и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса...

Г. Прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, а именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство—имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать; но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату».

С. Л. Перовская: Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ «Исполнительнаго Комитета». Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія „Народной Воли“ отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что, по порученію „Исполнительнаго Комитета“, какъ его агентъ, принимала участіе въ покушеніи подъ

Москвою 19-го ноября 1879 г. и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года...

Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возразить и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не бросить въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости“.

Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову ¹⁾.

Понедѣльникъ, 12 мая 1880 г.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ X. и У. Сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой... Программа журнала «Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то дѣйствительность?» спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только приѣмъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулась украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства,—замыслила цѣлый рядъ предпріятій на пользу родной Украины. Въ эту зиму Вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ Вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣн!... Взять хоть бы этотъ уголокъ...—Я видѣлъ расцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанія. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока—обще-русскій и украинскій; не федерація, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики выгодой легальнаго положенія, медлили покинуть насиженные гнѣзда и погибли для борьбы славные люди, погибли начинанія. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ, нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безо-

¹⁾ Письмо это, послѣ смерти А. И. Желябова, было напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, а затѣмъ вмѣстѣ съ небольшимъ предисловіемъ къ нему М. И. Драгоманова издано отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Къ біографіи Желябова“. Мы перепечатаваемъ его здѣсь, ибо убѣждены, что множеству читателей, не взирая на двукратное уже напечатаніе за границею этого письма (въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, т. е. свыше 20 лѣтъ тому назадъ), оно совершенно неизвѣстно, а между тѣмъ въ немъ очень ярко отражаются взгляды и самая личность А. И. Желябова. *Ред.*

щадныхъ? То остатки народниковъ-революціонеровъ начали наступленіе, но уже по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ—на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосыгаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствію въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ—таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутренней политикѣ. Въ расчетъ лишитъ революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованія; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пушечному разочарованію. Какой удобный моментъ для подведенія итоговъ! А между тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два-три толчка, при общей поддержкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ общества, всегда дряблага, многого требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практической исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организаціонными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснить ее путемъ печати. Выходитъ въ результатъ, что комментаторами ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народной Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго правленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣж-

денныхъ автономистовъ, винять въ централизмъ... за Учредительное Собрание. Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собрание въ нашихъ глазахъ только ликвидационная комиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнелль? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распадѣнн имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матерьяль тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матерьяль будетъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Народной Воли») по паролю, зашифрованному нами ключемъ, Вамъ извѣстнымъ...

Къ портрету А. И. Желябова.

Не взирая на всѣ наши старанія, фотографической карточки А. И. Желябова намъ достать не удалось, и мы помѣщаемъ его портретъ съ карандашнаго рисунка, сдѣланнаго однимъ лицомъ съ натуры въ залѣ суда, въ которой происходилъ процессъ Желябова и его товарищей. Лица, близко знавшія Желябова, находятъ, что рисунокъ имѣетъ большое сходство съ оригиналомъ; тѣмъ не менѣе,—это не фотографія, и мы обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою доставить намъ для воспроизведенія карточку Желябова. Такой карточкой, какъ оказывается, не располагаетъ и департаментъ полициі, не имѣвшій, впрочемъ, понятія о существованіи на свѣтѣ и того карандашнаго рисунка, копію съ котораго мы помѣщаемъ въ этой книжкѣ. По крайней мѣрѣ, въ изданной департаментомъ полициі на французскомъ языкѣ всего въ 100 экземплярахъ (tiré à 100 exemplaires) подъ редакцію товарища министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-лейтенанта Шебеко (redigée sous la direction de l'Adjoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéco) книгѣ «Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887» XI+761 ps. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St.-Petersbourg. 1890) и разсылавшейся издателями особо высокопоставленнымъ лицамъ при надписи „Confidenciel et exclusivement personel“, напечатаны о Желябовѣ такія строки:

«Ses traits et son extérieur ne purent être conservés pour la postérité, car une fois détenu, il ne consentit jamais à se faire photographe, et fit les plus grandes contorsions et grimaces en posant devant l'appareil. Il n'existe de lui qu'un petit médaillon paru dans le „Calendrier de la Volonté du Peuple pour 1883“ fait d'après un croquis, crayonné de memoire par un de ses affiliés». (стр. 319). Далѣе авторы книги критикуютъ появившійся въ «Календарѣ Народной Воли» медальонъ, находя, что онъ «ne ressemblait point à l'original» и описываютъ этотъ «original», какъ «doué d'une physiognomie vivace, énergique, brutal et grossière, type d'une organisation forte et robuste, à la tête habituée au commandement, avec un rire ouvrant deux rangées de dents éclatantes, une espèce de bandit terroriste, qui se forme peu à peu, à la suite d'une activité prolongée dans les té-

Андрей Иванович
ЖЕЛЯБОВЪ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго карандашомъ съ натуры
во время суда).

nébres sinistres du crime» (*ibid*), но это прекрасное слово департаментских писцовъ представляетъ уже для читателей, конечно, мало интереса. Фактъ тотъ, что Шебеко и К^о говорятъ совсѣмъ о другомъ портретѣ, нежели тотъ, который нынѣ нами помѣщается. Кто видѣлъ портретъ Желябова въ «Календарѣ Народной Воли»,— дѣйствительно очень плохой профиль,—тому не нужно доказательствъ; для не видѣвшихъ же его можно сослаться хотя бы на то, что сами департаментскіе писцы, описывая это изображение, говорятъ, что оно (изображеніе) „ne présente qu'un profil“.

Ред.

Мой арестъ въ 1881 году.

На дняхъ мнѣ пришлось прочесть въ одной газетѣ воспомина- ния неизвѣстнаго мнѣ лица о мартовскихъ событіяхъ 1881 года и въ частности о моемъ арестѣ въ Петербургѣ. Воспоминанія эти полны невѣрностей, и вотъ что случилось со мною въ дѣйстви- тельности передъ событіемъ 1 марта.

Приѣхаль я въ послѣдній разъ въ Петербургъ въ концѣ января 1881 года и остановился въ меблированныхъ комнатахъ Миссюрю на углу Невскаго и Караванной. На другой день по приѣздѣ, мнѣ нужно было узнать адресъ у одного моего знакомаго, который служилъ въ конторѣ паровой хлѣбопекарни, на Васильевскомъ островѣ. Выйдя изъ дому и пройдя два-три квартала, я взялъ извозчика и отправился на Васильевскій островъ. Пробывъ съ четверть часа у знакомаго, я вышелъ и увидѣлъ, что съ моимъ извозчикомъ разговариваетъ подозрительный человѣкъ. Догадав- шись, что это агентъ полиціи, освѣдомляющійся у извозчика о мѣстѣ, откуда онъ меня привезъ, я сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ университетъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я не раньше вышелъ изъ университета, какъ пробывши тамъ довольно продолжительное время.

Я не ошибся. Въ тотъ же день я узналъ, что за посѣтите- лями конторы паровой хлѣбопекарни наблюдаютъ. Послѣ этого вплоть до 25-го февраля я ничего особеннаго не замѣчалъ. Утромъ 25-го февраля я обратилъ вниманіе на своего сосѣда по квартирѣ, носившаго флотскую форму отставнаго капитана. Его предупреди- тельность въ оказываніи мнѣ мелкихъ домашнихъ услугъ была настолько подозрительна, что я рѣшилъ переимѣнить квартиру. Но этому не суждено было сбыться.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что рядомъ съ той комнатой, которую я занималъ, былъ помѣщенъ шпіонъ. Еще осенью 1880 года я получилъ извѣстіе изъ Крыма, что меня тамъ разыскиваютъ, но званіе помощника присяжнаго повѣреннаго было такъ удобно для конспиративной дѣятельности, что безъ солид- ныхъ причинъ мнѣ не хотѣлось стать нелегальнымъ. Меркуловъ хотя и былъ уже арестованъ, но тогда еще не началъ выдавать. 27-го февраля я вернулся домой отъ Николая Евгеньевича Су- ханова въ половинѣ седьмого вечера. Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ Желябовъ и, поздоровавшись, говоритъ: „У тебя въ корридорѣ, кажется, полиція“. Желая узнать въ чемъ дѣло, я сейчасъ же вышелъ въ корридоръ, но едва успѣлъ сказать,— Катя (служанка), принесите самоваръ,—какъ былъ подхваченъ со всѣхъ сторонъ толпою людей, выбѣжавшихъ изъ противопо- ложнаго пустого номера. Меня отвели въ пустой номеръ, гдѣ

сейчас же и обыскали. Одновременно был арестован Желябовъ въ моемъ номерѣ. Минутъ черезъ 20 каждого изъ насъ посадили съ конвоемъ въ отдѣльную карету и повезли въ канцелярію градоначальника. Градоначальникомъ въ то время былъ Федоровъ. Тамъ же присутствовалъ товарищъ прокурора судебной палаты, состоящій при департаментѣ полиціи, — Добржинскій. Послѣ обычныхъ вопросовъ градоначальникъ спросилъ меня: «какъ фамилія товарища вашего, котораго у васъ арестовали?» На это я ему отвѣтилъ— „потрудитесь обратиться съ этимъ вопросомъ къ моему товарищу; въ такихъ учрежденіяхъ я не имѣю обыкновенія говорить о другихъ и отвѣчать за другихъ“. На вопросъ товарища прокурора Добржинскаго „какъ вы могли проживать подъ своимъ именемъ въ то время, когда мы васъ давно разыскиваемъ“, я сказалъ, что состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при Одесскомъ окружномъ судѣ, и найти меня было весьма легко. Въ десятомъ часу вечера насъ повезли въ тѣхъ же каретахъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь, въ конторѣ, въ ожиданіи управляющаго домомъ, который долженъ былъ принять насъ подъ респіску, встрѣтились мы съ Желябовымъ въ послѣдній разъ. Онъ успѣлъ мнѣ сказать, что лишь только онъ вошелъ въ канцелярію градоначальника, какъ товарищъ прокурора Добржинскій встрѣтилъ его восклицаніемъ: „Желябовъ, да это вы!“ Желябовъ не нашелъ нужнымъ это отрицать. Добржинскій зналъ Желябова по Одессѣ въ то время, когда Желябовъ привлекался по процессу 193-хъ. По этому процессу Желябовъ былъ оправданъ, но, по возвращеніи въ Одессу, онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Мы обнялись, и насъ развели по камерамъ... Я зналъ Желябова съ 5-го класса Керченской гимназіи, куда я перешелъ изъ Симферопольской гимназіи. Одновременно мы окончили гимназію и поступили въ Новороссійскій университетъ на юридическій факультетъ. На 2-мъ курсѣ, по поводу исторіи съ профессоромъ славянскихъ законодательствъ Богишичемъ, душою которой былъ Желябовъ, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Керчь. Во время исторіи меня въ Одессѣ не было. Пріѣзжалъ я уже наканунѣ отправки на пароходъ Желябова въ Керчь. На пристани собрались почти всѣ студенты Новороссійскаго университета и масса посторонней публики провожать Желябова. Въ періодъ моей революціонной дѣятельности я часто съ нимъ встрѣчался. Я зналъ близко Желябова и постараюсь со временемъ возстановить образъ этого замѣчательнаго революціоннаго дѣятеля освободительнаго движенія. Заканчиваю. Въ ночь съ 1-го на 2-ое марта перевезли меня изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость. Въ моей квартирѣ взяли около 200 номеровъ „Народной Воли“. Въ карманѣ у меня нашли рукопись „О провинціальныхъ революціонныхъ организаціяхъ и отношеніи ихъ къ центральной организаціи“.

М. Тригони.

Андрей Ивановичъ Желябовъ.

(Отрывки изъ воспоминаній ¹⁾).

Послѣ оправдательнаго приговора по «Большому процессу» (193-хъ), длившемуся съ 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., *Андрей Ивановичъ Желябовъ*, съ цѣлью пропаганды, лѣто 1878 г. провель въ Подольской губерніи, въ качествѣ бахчевода, а осенью того же года переѣхаль въ Одессу, гдѣ я съ нимъ и познакомился.

По происхожденію, А. И. былъ крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, но Одесса для него была во многихъ отношеніяхъ роднымъ городомъ. Благодаря своей талантливости, рѣдкой энергіи и трудоспособности, онъ самъ себѣ прокладываетъ дорогу изъ деревни до университета: окончивъ гимназію, А. И. поступилъ въ Новороссійскій университетъ, откуда въ 1872 г., въ возрастѣ 21-го года былъ удаленъ „за безпорядки“ по извѣстному въ свое время дѣлу профессора-слависта Богишича.

Помимо университета, А. И. связанъ былъ съ Одессою и своимъ бракомъ: онъ былъ женатъ на дочери бывшаго одесскаго головы С. С. Яхненко. Вотъ это послѣднее обстоятельство и послужило первою причиною знакомства моего съ А. И. Дѣло въ томъ, что въ 1875 году я былъ приглашенъ учителемъ въ школу при сахарномъ заводѣ Яхненко и Симиренко, при чемъ сталъ въ очень близкія отношенія съ послѣднимъ семействомъ и особенно съ Л. П. Симиренко. Представители семейства Яхненко, какъ родственники Симиренко, пріѣзжали изъ Одессы въ Городище, Кіевской губерніи,—въ 6-ти верстахъ отъ котораго расположенъ былъ сахарный заводъ,—и въ томъ числѣ бывала, кажется, и жена А. И., Ольга Семеновна Яхненко, хорошая пѣвица и піанистка. Я говорю „кажется“, такъ какъ точно не помню, гдѣ я впервые познакомился съ женою Желябова, но, во всякомъ случаѣ, какъ съ С. С. Яхненко, такъ и съ его семействомъ, — главнымъ образомъ, съ дочерьми — Ольгою Семеновною, и ея сестрою Натальею Семеновною, — я познакомился, вѣроятно, при посредствѣ семейства Симиренко и много ранѣе, чѣмъ съ Желябовымъ.

Мнѣ приходилось бывать въ Одессѣ и ранѣе 1878 г. и помню, что тогда уже я посѣщаль Наталью Семеновну Яхненко, которая

---

¹⁾ Эти „отрывки“, прежде чѣмъ отправить въ „Былое“, я послалъ на просмотръ Л. П. Симиренко, который внесъ въ нихъ поправки и дополненія. И. Б.

жила «на башнѣ» у Строгановскаго моста. Когда Л. П. Симиренко въ 1878 г. перевелся изъ Кіевскаго университета въ Новороссійскій и поселился въ г. Одессѣ, скоро и я переѣхалъ туда, при чемъ мы жили въ одной съ нимъ квартирѣ. Въ это время и произошло мое знакомство съ Желябовымъ, какъ съ родственникомъ моего пріятели Л. П. Симиренко. Съ перваго же раза А. И. произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и глубоко врѣзался въ моей памяти. Какъ сейчасъ вижу его внѣшній обликъ: ясные голубые глаза, открытый лобъ, небольшая окладистая борода, коренастая выше средняго роста фигура, гордая осанка, порывистая нервная походка.

Широко образованный и начитанный, онъ въ то же время былъ прекрасный ораторъ и всегда говорилъ съ большимъ увлеченіемъ и непоколебимою убѣжденностью въ справедливости тѣхъ взглядовъ, которые онъ защищалъ. Въ этотъ періодъ А. И. былъ еще ярый народникъ-пропагандистъ, и, слушая его горячую защиту чисто пропагаторской дѣятельности среди народа, никто бы не повѣрилъ, что всего черезъ годъ онъ будетъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ партіи «Народной Воли», а черезъ три года—будетъ приговоренъ къ смертной казни за дѣятельное участие въ дѣлѣ 1-го марта. Дальше мы скажемъ о причинѣ такой эволюціи въ міросозерцаніи Желябова, а сейчасъ постараясь, насколько позволитъ память, сообщить еще нѣкоторыя данныя изъ описываемаго періода жизни А. И. въ Одессѣ. Онъ пользовался большою популярностью и уваженіемъ въ этомъ городѣ, энергично велъ пропаганду своихъ идей и приводилъ ихъ въ осуществленіе съ упорствомъ и настойчивостью, соотвѣтствовавшими его необыкновенно твердому характеру.

Между прочимъ, онъ и отъ жены своей требовалъ «сближенія съ народомъ».

Добрая Ольга Семеновна не могла не подчиниться властному призыву своего мужа, но это «сближеніе» было для нея мучительнымъ дѣломъ. Она сама мнѣ какъ-то говорила, что, работая на огородѣ (должно быть, въ родной Желябову Николаевкѣ), она, лежа на межѣ, «плакала, вспоминая о роялѣ». Сообщала ли объ этомъ Ольга Семеновна Андрею Ивановичу, не знаю, но, думаю, такой мотивъ показался бы ему смѣшнымъ, потому что благо народа, какъ его понималъ Желябовъ, было самою существенною и, пожалуй,—единственною цѣлью его жизни.

У насъ (т. е. у меня и Л. П. Симиренко) съ нимъ велись горячіе споры на тему о благѣ народа, разно нами понимаемомъ. Я переѣхалъ на жительство въ Одессу послѣ трехъ лѣтъ учительства, во время котораго имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ деревнею и результатами пропаганды. Такая дѣятельность лично меня уже не удовлетворяла и казалась безполезною.

Ужасающая безграмотность, тьма, невѣжество и безправіе крестьянскаго населенія совершенно парализовали пропагаторскую работу, тѣмъ болѣе, что правительственныя репрессіи лишали воз-

возможности свободной работы въ деревнѣ. Для меня уже тогда начинало выясняться, что безъ политической свободы трудно, если не невозможно, что-нибудь сдѣлать для народа. Конспиративная, тайная дѣятельность, не говоря уже о громадномъ %-ѣ жертвъ, захватывала такіе ничтожные круги населенія, что, въ сущности говоря, овчинка не стоила выдѣлки. Между тѣмъ при политической свободѣ эта работа принимала совершенно иной характеръ, причемъ само населеніе выступало на сцену въ качествѣ полноправныхъ гражданъ. Желябовъ же продолжалъ еще вѣрить въ пропаганду, какъ въ таковую, и на этой почвѣ у насъ происходили споры. Но споры эти въ общемъ носили совершенно мирный характеръ, и за все время пребыванія въ Одессѣ Желябовъ чуть не ежедневно посѣщаль нашу студенческую квартиру. Бывали и мы у него. Онъ жилъ тогда съ женою, и у него былъ маленькій сынъ, тоже Андрей, очень, какъ помню, похожій на отца. Впрочемъ, знакомство наше было непродолжительное. Весною 1879 года я случайно уѣхалъ за границу и скоро по возвращеніи былъ арестованъ и затѣмъ одновременно съ Л. П. Симиренко высланъ въ Восточную Сибирь, гдѣ прожилъ до осени 1886 года. Слѣдовательно, въ моментъ рѣзкой эволюціи, происшедшей съ Желябовымъ, когда онъ изъ народника превратился въ горячаго народо-вольца, я и Симиренко не были въ Россіи. Но родственники послѣдняго писали намъ въ Сибирь, что А. И. «совершенно измѣнился». Въ чемъ заключалось это «измѣненіе», они не сообщали, да, несомнѣнно, и не знали, а догадывались по чисто внѣшнимъ признакамъ, онъ бросилъ пропагаторскую дѣятельность и весною 1879 года, когда были получены точныя свѣдѣнія объ ожидавшихъ его арестѣ и административной высылкѣ, перешелъ на нелегальное положеніе.

Изъ показаній А. И. на судѣ, по дѣлу 1-го марта, вполнѣ выясняется причина измѣненій взглядовъ Желябова. «Я долго былъ въ народѣ,—говорилъ А. И.,—работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти».

А Кибальчичъ, на котораго ссылался Желябовъ, выяснилъ это очень хорошо ¹⁾).

Вотъ въ чемъ, значитъ, заключались причины рѣзкой эволюціи Желябова, и разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, «что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти», то можно было напередъ предсказать, что Желябовъ ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы очистить препятствіе, мѣшающее ему достигнуть цѣли его жизни—блага народа, какъ онъ его понималъ. Съ момента вступленія его въ ряды «соціально-революціонной партіи» онъ проявлялъ просто неестественную энергію, что отмѣтилъ и обвинитель Н. В. Муравьевъ, бывший тогда лишь товарищемъ прокурора С.-Петер-

¹⁾ См. вышенапечатанную рѣчь Кибальчича на судѣ.

бургской Судебной палаты и затѣмъ опредѣлившей свою карьеру процессомъ 1-го марта. Несмотря на то, что Желябовъ былъ арестованъ до царевубійства, 27-го февраля, г. Муравьевъ, «говоря языкомъ закона», нужно думать, совершенно вѣрно охарактеризовалъ его, какъ «главнаго виновника, зачинщика». Вообще обвинитель, при всемъ своемъ понятномъ желаніи умалить личность Желябова, все же не могъ не охарактеризовать его, какъ выдающагося человѣка.

«Конечно,—между прочимъ, говорилъ Муравьевъ,—мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который, въ своемъ увлеченіи, называлъ Желябова личностью высоко развитою и гениальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ этомъ дѣлѣ». Въ другомъ мѣстѣ г. Муравьевъ характеризуетъ поразительную энергію Желябова: «уже липецкій съѣздъ, лѣтомъ 1879 года, въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ, видитъ и Желябова. Прямо со съѣзда онъ отправляется въ Харьковъ и здѣсь, въ сентябрѣ 1879 г., руководить сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи извѣстнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій; смыслъ же, революціонное значеніе этихъ дѣйствій, опредѣляются присланнымъ въ Харьковъ изъ Петербурга динамитомъ. Въ ноябрѣ 1879 года устраивается взрывъ полотна близъ г. Александровска, и день неудавшагося взрыва 18 ноября 1879 года застаётъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ царевубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этою цѣлью злодѣйскихъ приготовленій.... Въ 1880 году мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента Исполнительнаго Комитета.... Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это не лишняя скромность, и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе Исполнительнаго Комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову, и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе 1 марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета. Понятно, впрочемъ, что сознаться въ принадлежности къ Исполнительному Комитету, значитъ сказать: вы имѣете предъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключаете изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу, одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи». Такъ говорилъ товарищъ прокурора г. Муравьевъ.

3-го апрѣля 1881 г., въ 9 ч. 15 м. утра, въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу Андрей Ивановичъ Желябовъ, 30 лѣтъ отъ роду, былъ повѣшенъ.

Погибла въ этотъ день громадная умственная и нравственная сила, погибла въ расцвѣтѣ лѣтъ, погибла, благодаря ужасающему

полицейско-бюрократическому режиму, который насильно толкает людей на преступление, а потом вѣшаетъ и разстрѣливаетъ ихъ. Слезы выступаютъ на глазахъ, когда читаешь слѣдующее показаніе Желябова на судѣ: «Если вы, г.г. судьи, заглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что *во нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною*». Къ этому я могу добавить, какъ уже и говорилъ, что еще въ 1878 году и въ началѣ 1879 г. А. И. находился въ періодѣ «юности, розовой и мечтательной», и лишь въ этомъ послѣднемъ, ужасномъ году, когда пошли невѣроятные аресты, ссылки и казни, особенно на югѣ Россіи, онъ вступилъ на тотъ путь, который привелъ его къ висѣлицѣ.

Закончимъ наше воспоминаніе небольшимъ, но очень характернымъ свѣдѣніемъ. У жены Желябова потребовали, чтобы она измѣнила свою и сына фамилію, и она, какъ и сынъ, послѣ казни А. И., стали носить фамилію Яхненко.

И. П. Бѣлоконскій.

Воспоминанія о С. Л. Перовской ¹⁾).

Въ первый разъ я увидѣла Софью Львовну Перовскую лѣтомъ 1875 г. въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: идя по Никольскому бульвару, я встрѣтила свою знакомую Н. А. Армфельдъ и остановилась на нѣсколько минутъ, чтобы поговорить съ ней. Подъ руку съ ней шла какая-то дѣвушка, скромно одѣтая въ темное платье и такую же простую шляпку. Она была очень миловидна и моложава; рядомъ съ Армфельдъ ²⁾, отличавшейся гигантскимъ ростомъ, ея фигурка казалась миниатюрной. Я приняла ее за дѣвочку-подростка и мало обратила на нее вниманія. На другой день я снова встрѣтила ее въ обществѣ Армфельдъ и Батюшковой ³⁾, но встрѣчи эти были такъ мимолетны, что я даже не помню, познакомились ли мы съ ней въ этотъ разъ, но фигура и милое личико этой дѣвушки остались у меня въ памяти.

Новая встрѣча съ этой особой произошла въ залѣ Петербургскаго Окружнаго Суда въ 1877 году, куда я была приведена подъ конвоемъ жандармовъ въ числѣ другихъ подсудимыхъ по процессу 193-хъ.

Зала суда въ этотъ день представляла собою невиданное зрѣлище: нѣсколько подсудимыхъ, которые считались «опасными», сидѣли на возвышенномъ мѣстѣ, которое тутъ же было названо «Голговою»,—остальные подсудимые размѣстились по всей залѣ. Большинство изъ нихъ провели въ одиночномъ заключеніи отъ

---

¹⁾ Мои воспоминанія о С. Л. Перовской написаны давно, но я смотрю на нихъ лишь какъ на матерьялъ для біографіи. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы другія лица дополнили мой матерьялъ и чтобы кто-нибудь изъ близкихъ Перовской людей взялся обработать его и составить полную біографію. Въ настоящее время по разнымъ городамъ Россіи живетъ много людей, близко знавшихъ Софью Львовну и даже бывшихъ ея друзьями. Есть такіе, которые могутъ сообщать о раннемъ періодѣ ея жизни, мнѣ мало извѣстномъ; другіе разскажутъ о послѣднемъ годѣ ея жизни передъ арестомъ и т. д. Трудно вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдаленности и потому я рѣшаюсь послѣдовать совѣту редакціи „Былого“, — напечатать свой матерьялъ, чтобы положить начало полной біографіи.

Авторъ.

Воспоминанія эти принадлежатъ Софѣ Андреевнѣ Ивановой-Борейша, арестованной при взятіи жандармами типографіи „Народной Воли“ 17 января 1880 года и осужденной по „процессу 16-ти“ (Квятковскій, Прѣсняковъ, Степанъ Ширяевъ и др.) въ каторжныя работы. *Ред.*

²⁾ Осуждена въ каторжныя работы по дѣлу Антонова, Дебагоріо-Мокривича и др. въ Кіевѣ и умерла на Карѣ въ 1887 г. *Ред.*

³⁾ Осуждена на поселеніе по процессу 50-ти. Умерла въ 1894 г. *Ред.*

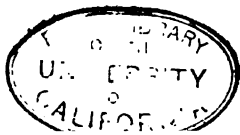
трехъ до четырехъ лѣтъ, и каждый былъ ошеломленъ въ буквальномъ смыслѣ, попавъ въ такое большое общество; правда, сидѣвшіе въ «Предварилкѣ» имѣли между собой сообщенія и даже за послѣднее время могли говорить другъ съ другомъ, крича въ окна и бесѣдуя въ «клубахъ»¹⁾, но это все-таки не то, что видѣть людей передъ собою и говорить съ ними самымъ обыкновеннымъ способомъ, какъ говорятъ всѣ люди «на волѣ». Каждый искалъ въ толпѣ своихъ знакомыхъ и старался наговориться какъ можно больше. Съ незнакомыми надо было познакомиться и узнать, кто эти товарищи по скамьѣ подсудимыхъ. Общее дѣло «о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ» было сшито мастерской рукой прокурора Желиховскаго, но несмотря на это, многіе изъ подсудимыхъ не только не были знакомы между собой, но даже ровно ничего не знали другъ о другѣ. Разумѣется, это не относилось къ тѣмъ, которые составляли отдѣльные группы и кружки. Были и такія группы, которыя имѣли между собою связь и даже имѣли общихъ руководителей; но въ общемъ все-таки была масса незнакомыхъ между собой людей, которыхъ прокурору необходимо было выставить, какъ «преступное сообщество».

Въ залѣ стоялъ невообразимый гулъ отъ разговоровъ, несмотря на звонки председателя, призывавшаго къ порядку. Среди множества незнакомыхъ лицъ я снова увидѣла ту дѣвочку-подростка, съ которой встрѣчалась въ Москвѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я узнала, что это была Софья Львовна Перовская, та самая, о которой я много слышала, какъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ. Я знала, что кружокъ чайковцевъ организовалъ петербургскихъ рабочихъ, и Перовская въ этомъ дѣлѣ играла не послѣднюю роль. Она была арестована вмѣстѣ съ другими пропагандистами, но противъ нея не было серьезныхъ уликъ, и обвиненія, по счастливой случайности, были такъ слабы, что даже прокуроръ Желиховскій счелъ возможнымъ не только освободить ее на поруки, но даже не арестовывать ее снова передъ судомъ, какъ это было сдѣлано съ другими подсудимыми, бывшими на порукахъ. Такимъ образомъ, она могла являться на судъ въ качествѣ подсудимой, живя на волѣ. Это не помѣшало ей, однако, присоединиться къ тѣмъ изъ товарищей, которые назывались «протестантами»,—они отказались отъ суда и не пожелали принимать въ немъ никакого участія. Такъ какъ я была тоже «протестанткой», то въ залѣ суда мнѣ не пришлось присутствовать долго, и Софью Львовну я снова увидѣла только по окончаніи суда, когда она стала являться къ намъ на общія свиданія. Она была въ числѣ оправданныхъ судомъ. На женскомъ отдѣленіи «предварилки» тоже освободили массу народа, такъ что тамъ осталось всего шесть человѣкъ, которыхъ, въ ожиданіи высылки по приговору суда, держали довольно свободно: кто желалъ, могъ помѣщаться въ общей

¹⁾ Клубами назывались ватеръ-клозеты, черезъ трубы которыхъ можно было разговаривать. С. И.

камерѣ, а кто оставался въ одиночныхъ,—ходили обѣдать, или просто проводить время, въ общую. Свиданія разрѣшались не только съ родными, но и со знакомыми, такъ что всѣ освобожденные, которые оставались въ Петербургѣ, считали долгомъ посѣщать насъ. Въ концѣ концовъ ихъ стали прямо пускать въ нашу общую камеру, которая поэтому стала представлять собою два раза въ недѣлю настоящій салонъ. Женщины, какъ это всегда бываетъ въ дѣлахъ посѣщенія тюрьмы, особенно старались окружить насъ вниманіемъ; имъ было совѣстно, какъ говорили нѣкоторыя, что онѣ пользуются свободой въ то время, какъ мы сидимъ подъ замкомъ. Намъ старались приносить побольше новостей съ воли, книгъ, газетъ, лакомствъ. Софья Львовна была изъ самыхъ старательныхъ. Я особенно помню одно посѣщеніе, когда она пришла сообщить намъ непріятную новость о томъ, что наши товарищи, приговоренные къ каторгѣ и сидѣвшіе въ Петропавловской крѣпости, увезены неожиданно въ Харьковскую центральную тюрьму. Тутъ, какъ извѣстно, случилось небывалое дѣло: судъ самъ ходатайствовалъ передъ верховной властью о замѣнѣ каторги ссылкой на поселеніе въ Сибирь, адвокаты увѣряли, что не бывало такихъ случаевъ, чтобы ходатайство суда не было уважено, и потому всѣ осужденные и ихъ родственники свыклись съ мыслью о томъ, что они пойдутъ на поселеніе. И вдругъ пришла вѣсть, что ходатайство не уважено, нѣкоторымъ объявлено, чтобъ они собирались въ Сибирь на каторгу, а пятеро изъ нашихъ товарищей спѣшно увезены въ «централку». Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ удручающимъ образомъ. Всѣмъ было тяжело и не хотѣлось говорить о постороннихъ предметахъ. Я видѣла, что у Перовской подергиваются губы и подбородокъ, и она дѣлаетъ надъ собою усилія, чтобы скрыть слезы. Но она быстро овладѣла собой и начала торопясь сообщать намъ другія новости, чтобы отвлечь наше вниманіе.

Поближе познакомиться съ Софьей Львовной мнѣ пришлось уже въ 1879 году, когда мы обѣ снова жили въ Петербургѣ, примкнувъ къ партіи Народной Воли. Я уже успѣла побывать въ ссылкѣ, она же вернулась, даже не побывавъ въ ней. Вотъ какъ это случилось: всѣхъ оправданныхъ и освобожденныхъ по процессу 193-хъ правительствомъ рѣшило въ одинъ прекрасный день выслать изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, а тѣхъ, которые жили въ провинціи—прикрѣпить къ мѣсту, не позволяя имъ выѣзжать безъ разрѣшенія начальства. Перовскую тоже рѣшили выслать въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Ее повезли по желѣзной дорогѣ два жандарма. Ночью оба они уснули, сидя на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда (названія станціи не помню). Вѣроятно, молодая барышня съ такимъ добродушнымъ и милымъ лицомъ не внушала имъ опасеній. Барышня же, замѣтивъ, что стража спитъ, задумала этимъ воспользоваться. Чтобы не разбудить своихъ спутниковъ, она сняла башмаки и, неся ихъ въ рукѣ, осторожно вышла изъ комнаты, гдѣ они помѣщались. Черезъ нѣсколько времени она дожда-

лась поѣзда, идущаго въ Петербургъ, и благополучно помѣстилась въ одномъ изъ вагоновъ. Удивленію ея петербургскихъ друзей не было границъ, когда она явилась къ нимъ въ квартиру. Однако, ее уговорили на время уѣхать изъ Петербурга.

Лѣтомъ 1879 года Перовская опять появилась въ Петербургѣ, гдѣ въ это время произошло раздѣленіе организациі «Земля и Воля» на двѣ самостоятельныя группы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики большинство этой партіи пришло къ тому заключенію, что при данныхъ условіяхъ социалистическая пропаганда въ народѣ невозможна, и что поэтому необходима борьба за политическую свободу, для чего однимъ изъ средствъ выдвигался терроръ. Считали нужнымъ добиться такого положенія вещей, при которомъ была бы возможна пропаганда социалистическихъ идей какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Кромѣ того, многочисленныя приговоры къ смертной казни по политическимъ процессамъ, которые сыпались какъ разъ въ это время, тоже вынуждали партію дать отпоръ правительству. Такимъ образомъ, значительная часть силъ партіи настаивала на необходимости вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, тогда какъ другая часть ея, не признавшая политической борьбы и во многомъ не согласная съ первой, выдѣлилась въ группу «Черный Передѣлъ». При раздѣленіи партіи «Земли и Воли» на двѣ самостоятельныя группы неизбежно возникли несогласія и неудовольствія, которыя были, конечно, неприятны для обѣихъ сторонъ, но особенно сильно отзывались эти несогласія на людяхъ съ болѣе чуткой душой, къ числу каковыхъ всегда принадлежала Софья Львовна. Она на время какъ бы ушла въ себя и объявила, что она пока не примкнетъ ни къ одной изъ группъ, но будетъ имѣть дѣло съ Исполнительнымъ Комитетомъ, входя съ нимъ въ соглашеніе по каждому отдѣльному случаю. Но какъ человекъ живой и очень дѣятельный, она не могла долго оставаться въ этой роли и очень скоро сдѣлалась полноправнымъ членомъ партіи «Народной Воли», тѣмъ болѣе, что къ этому времени силы партіи увеличились, и она, во главѣ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, намѣтила сразу нѣсколько крупныхъ предпріятій. Члены партіи привѣтствовали вступленіе Перовской, потому что ее тогда уже высоко цѣнили всѣ близко знавшіе ее товарищи.

Объ ея участіи въ дѣлѣ взрыва подъ Москвою я говорю въ стану, такъ какъ объ этомъ подробно рассказано въ «Подпольной Россіи» Степняка. На другой же день послѣ взрыва она была уже въ Петербургѣ и, когда ея друзья совѣтовали ей на время скрыться и уѣхать если не за границу, то хоть въ какое-нибудь глухое мѣсто, она отвѣчала только смѣхомъ, не признавая никакихъ опасностей. Въ серьезныхъ дѣлахъ, особенно когда дѣло касалось другихъ людей, Софья Львовна бывала очень осторожна и осмотрительна, но если рѣчь шла объ ея собственной особѣ, она отличалась поразительной безпечностью и никогда не думала объ опасностяхъ; эта черта особенно располагала къ ней людей. Какъ сейчасъ вижу ея маленькую подвижную фигурку, которая поспѣ-

вала всюду, не производя при этомъ ни малѣйшей суеты. Организуя какое-нибудь серьезное дѣло, она умѣла держать себя такъ просто, что мало знавшіе ее люди никогда не заподозрили бы въ ней дѣлового человѣка. Причина тому была не одна только конспиративность: на всякомъ поприщѣ есть такіе работники, которые умѣютъ работать легко; это не значить, конечно, что они относятся по своему дѣлу не серьезно, а просто, благодаря большимъ способностямъ, легко справляются съ дѣломъ и въ большинствѣ случаевъ имѣютъ бодрый и веселый видъ.

Чувство долга было развито въ Перовской очень сильно, но она никогда не была педанткой; напротивъ, въ свободное время она очень любила поболтать, а хохотала она такъ звонко и заразительно; по дѣтски, что всѣмъ окружавшимъ ее становилось весело. Общительность ея была такъ велика, что она ухитрялась повидаться съ товарищами несмотря на массу дѣлъ. Надо сказать, что Софья Львовна предпочитала общество женщинъ, говоря, что съ ними она чувствуетъ себя проще. Впрочемъ, она не смотрѣла на эти свиданія какъ только на препровожденіе времени, и высказывала не разъ, что, по ея мнѣнію, всѣмъ намъ необходимо сходиться хоть изрѣдка для обмѣна мыслей по поводу текущихъ дѣлъ, иначе мы сдѣлаемся слишкомъ большими специалистами. Она знала, что многіе изъ насъ тяготеютъ той замкнутой жизнью, которую они вынуждены вести въ силу взятыхъ на себя обязательствъ. Товарищескія чувства были въ ней сильно развиты, и она была всегда внимательна къ своимъ ближнимъ. Партіиныя собранія, которыя устраивались изрѣдка, мало удовлетворяли ее въ этомъ смыслѣ: во первыхъ, они, въ силу конспиративныхъ соображеній, не могли повторяться часто, а во вторыхъ, они имѣли слишкомъ дѣловой характеръ. Она была большая мастерица придумывать способы повидаться съ друзьями на нейтральной почвѣ. Напримѣръ, я нѣсколько разъ получала въ ту зиму отъ нея черезъ кого-нибудь изъ знакомыхъ билетъ въ театръ и, приходя туда, я находила Перовскую и еще кого-нибудь изъ нашихъ общихъ друзей. Въ антрактахъ мы успѣвали наговориться досыта и, въ концѣ концовъ, всѣ оставались довольны. Правда, на насъ ворчалъ за это Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, который считалъ такіе наши поступки очень легкомысленными, ибо всѣ мы были нелегальными людьми и рисковали быть узванными кѣмъ-либо изъ полицейскихъ или жандармовъ, но уваженіе его въ Софѣ Львовнѣ было такъ велико, что онъ ей не противорѣчилъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если приглашеніе посылалось именно черезъ него. Ко мнѣ Михайловъ былъ неумолимо строгъ, потому что я въ это время была хозяйкой типографіи, за которую онъ вѣчно боялся. «Дяденька», какъ звали мы его, такъ слѣдилъ за моими выходами «въ свѣтъ», что я могла бы серьезно сердиться, если бы не знала, что къ себѣ онъ относится еще строже, чѣмъ къ другимъ. Мы смѣясь говорили, что душа «дяденьки» только тогда бываетъ спокойна, когда всѣ наши типографшики сидѣли дома; иначе ему представлялось, что

насъ могутъ выслѣдить шпионы, и тогда пропало столь дорогое учрежденіе. Зная, что я иногда терплю притѣсненія отъ Александра Дмитріевича, Софья Львовна устраивала мнѣ выходы и назначала свиданія у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ я иногда приносила ей письма отъ ея матери, которую она очень любила. Ее мучило, что, живя въ нелегальномъ положеніи, она не могла вести съ ней правильную переписку. Я устроила ей такъ, что мать ея, жившая въ Крыму, адресовала письма на имя одной моей знакомой барышни, а та передавала мнѣ.

Я была арестована въ началѣ 1880 года, раньше многихъ другихъ моихъ товарищей, и узнавала о томъ, что дѣлается на волѣ, лишь изрѣдка, случайно; родственниковъ у меня въ Питерѣ не было, и я не имѣла ни съ кѣмъ свиданій. Неофициальныя сношенія съ волей устраивать было трудно. Время было горячее, и дѣятельность партіи «Народной Воли» была настолько кипуча, что заботиться объ арестованныхъ не было никакой возможности; дѣло это предоставлялось организациі «Краснаго Креста» или родственникамъ. Здѣсь какъ на войнѣ: выбывшіе изъ строя не могли ждать помощи отъ товарищей, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ находилось въ «нелегальномъ» положеніи. Тѣмъ цѣннѣе было ихъ вниманіе и заботливость, проявлявшаяся въ отдѣльныхъ случаяхъ. Время отъ времени мнѣ удавалось получать записочки отъ товарищей съ воли, что было для меня настоящимъ праздникомъ. Но однажды привѣтствіе было получено въ совершенно неожиданной формѣ: въ день моихъ именинъ я получила букетъ живыхъ цвѣтовъ и коробку сластей. Такъ какъ до этого времени я съ воли официальнымъ путемъ ничего не получала, то меня это очень заинтересовало. Перебирая въ умѣ тѣхъ, кто могъ послать все это, я невольно вспомнила Софью Львовну—это было такъ на нее похоже, но какъ могла она придти сюда? Потомъ оказалось, что она придумала послать эти вещи съ посылнымъ, взятымъ съ улицы. Черезъ нѣсколько дней я получила записку съ воли, въ которой меня спрашивали, между прочимъ, получила ли я посылку отъ Софьи, которая пріѣзжала въ Питеръ на нѣсколько дней и придумала такой способъ передачи мнѣ привѣта. Ей очень хотѣлось бы знать, достигла ли она цѣли? Видѣться съ Софьей Львовной мнѣ больше не пришлось, а послѣдній ея привѣтъ я получила уже послѣ приговора по дѣлу 1-го марта, когда всѣ осужденные сидѣли въ домѣ Предварительнаго Заключенія. Изъ крѣпости ихъ перевезли наканунѣ суда, но они были окружены такой усиленной стражей, что завязать сношенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ не было возможности. Послѣ приговора въ камерѣ Перовской былъ поставленъ жандармъ, который слѣдилъ за входившими туда надзирательницами. У меня была надежда завести сношенія, чтобы исполнить какое-нибудь ея порученіе и вообще оказать ей послѣднюю услугу, но за ней постоянно слѣдили, и входъ къ ней имѣли только избранныя начальствомъ надзирательницы. Между приговоромъ и казнью прошло,

кажется, два дня, и это было страшно тяжелое время. Но у меня все таки не пропадала надежда, что приговоръ измѣнятъ, хотя бы только относительно женщинъ. Самое мучительное состояніе для меня началось, когда я узнала, что вечеромъ наканунѣ казни къ ней прислали священника для бесѣды. Не помню даже, какъ мнѣ передавали,—отказалась ли она говорить со священникомъ, или приняла его,—для меня это было признакомъ того, что надежды нѣтъ никакой. Всю ночь я не спала, а рано утромъ узнала, что уже появились дроги, которые должны увезти осужденныхъ, и я слышала за стѣной во дворѣ глухой стукъ этихъ колесницъ. Потомъ мнѣ спѣшно передали, что Перовскую уже повели *одтывать* въ контору Д. П. З. Потомъ я должна была прислушиваться, когда колесницы снова загремятъ во дворѣ... Конечно, легче было бы не знать этихъ подробностей, но искушеніе спросить и узнать что-нибудь о нихъ было такъ велико и состояніе мое такъ мучительно... Безсильная злоба отъ сознанія, что я не только не могу ничѣмъ предотвратить того ужаснаго дѣла, которое сейчасъ должно совершиться, но даже не могу выразить своего протеста и негодованія. Состояніе было мучительное. Съ тѣхъ поръ прошло уже 24 года, но я такъ ясно помню и чувствую то, что переживала тогда, что и теперь воспоминаніе объ этомъ ужасномъ днѣ заставляетъ меня содрогаться.

За всѣ эти дни, пока Перовская сидѣла въ «Предварилкѣ», мнѣ удалось получить отъ нея только привѣтъ на словахъ, переданный одной доброй феей. Но мнѣ удалось узнать кое-что о томъ, какъ Софья Львовна проводила свой послѣдній день. Говорили, что она была очень спокойна, но блѣдна и слаба физически. Это и не удивительно, такъ какъ за послѣднее время на волѣ она часто хворала. Ея письмо къ матери, которое приводится у Степняка, было написано наканунѣ смерти и, къ слову сказать, безцеремонно прочитано дежурными надзирательницами. Руководило ими, конечно, только праздное любопытство, но письмо произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе и внушило къ автору уваженіе. Въ общемъ мнѣ пришлось слышать много выраженій удивленія ея мужеству и спокойствію.

Софья Иванова.

Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.

Въ 1862 году Николай Гавриловичъ Чернышевскій жилъ близъ Владимірской церкви, въ Большой Московской улицѣ, въ первомъ этажѣ дома Есауловой, числящагося въ настоящее время подъ № 4. Въ июль, 7 числа, мнѣ нужно было спросить Николая Гавриловича о чемъ-то касательно печатанія сочиненій Добролюбова, и я около часу пополудни отправился къ нему, засталъ его дома, нашель его въ его кабинетѣ, гдѣ мы и переговорили съ нимъ о дѣлѣ, по которому я пришелъ къ нему, и потомъ разговоръ нашъ перешель на разные другіе посторонніе предметы. Николай Гавриловичъ жилъ тогда въ квартирѣ одинъ съ прислугой, такъ какъ его семья, жена и два сына, уѣхали въ Саратовъ. Спустя полчася къ намъ явился докторъ Петръ Ивановичъ Боковъ, и мы трое, уже не помню почему, изъ кабинета перешли въ залъ. Мы сидѣли, мирно и весело бесѣдовали, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ, такъ, около двухъ съ половиной часовъ. Мы подумали, что это пришелъ кто-нибудь изъ знакомыхъ лицъ, и продолжали разговаривать. Но вотъ въ залъ, дверь въ который вела прямо изъ передней, явился офицеръ, одѣтый въ новый съ иголочки мундиръ, но, кажется, не жандармскій,—такъ какъ онъ былъ не небеснаго голубого цвѣта, а чернаго,—преземистый и съ непріятнымъ выраженіемъ лица. Войдя въ залъ, онъ сказалъ, что ему нужно видѣть г-на Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ выступилъ ему навстрѣчу, говоря: я — Чернышевскій, къ вашимъ услугамъ. — Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ, сказалъ офицеръ. — А, въ такомъ случаѣ пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ, проговорилъ Николай Гавриловичъ и бросился изъ залы стремительно, какъ стрѣла, такъ что офицеръ растерялся, оторопѣлъ и бормоталъ: гдѣ же, гдѣ же кабинетъ? Свою квартиру Николай Гавриловичъ сдавалъ въ наемъ, такъ какъ рѣшился оставить ее и переѣхать на другую, и потому я въ первую минуту подумалъ, что офицеръ пришелъ осмотрѣть квартиру съ цѣлью найма ее. Растерявшійся офицеръ, обратившись въ переднюю, повелительно и громко закричалъ: «послушайте, укажите мнѣ, гдѣ кабинетъ Чернышевскаго, и проводите меня туда». На этотъ зовъ явился изъ передней приставъ Мадьяновъ, котораго Боковъ и я знали въ лицо. Появленіе пристава сразу освѣтило для насъ все, и мы поняли, кто такой этотъ офицеръ, и какая цѣль его визита. Приставъ, проводивъ офицера въ кабинетъ, возвратился къ намъ и на наши разспросы сказалъ, что офицеръ — это полковникъ Ракѣевъ, котораго мы знали какъ доку по политическимъ обыскамъ и арестамъ и какъ петербургскаго

домовладѣльца. Затѣмъ приставъ разсказаль, что Ракѣвъ явился къ нему и потребоваль, чтобы онъ проводилъ его къ Чернышевскому,—на что приставъ замѣтилъ, что, можетъ быть, Чернышевскаго нѣтъ дома; но Ракѣвъ увѣренно сказаль, что ему хорошо извѣстно, что онъ дома. На наши вопросы, какъ онъ думаетъ о цѣли визита Ракѣва, приставъ отвѣчалъ, что полковникъ по всей вѣроятности произведетъ только обыскъ, а не арестуетъ Чернышевскаго, такъ какъ онъ пріѣхаль на дрожкахъ, а казенной кареты нѣтъ. Затѣмъ приставъ сталъ убѣждать насъ уйти изъ квартиры. Да намъ больше ничего не оставалось, какъ только уйти. Но мы передъ уходомъ непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ, заявили мы.— Зачѣмъ это, убѣждалъ насъ приставъ, что за церемонія, можно уйти и не простившись. Мы рѣшительно заявили ему, что мы непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ и тѣмъ болѣе, прибавилъ я, что моя шляпа и мой свертокъ находятся въ кабинетѣ. Приставъ любезно предлагаль принести ихъ изъ кабинета; но я не согласился, и мы съ Боковымъ отправились въ кабинетъ.

Николай Гавриловичъ и Ракѣвъ сидѣли у стола; Николай Гавриловичъ на хозяйскомъ мѣстѣ у середины стола, а Ракѣвъ сбоку стола, какъ гость. Когда мы входили, Николай Гавриловичъ произносилъ такую фразу: нѣтъ, моя семья не на дачѣ, а въ Саратовѣ. Очевидно, Ракѣвъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, счелъ нужнымъ пуститься въ свѣтскіе любезные разговоры.— До свиданія, Николай Гавриловичъ, сказаль я.— А вы развѣ уже уходите, заговорилъ онъ, и не подождете меня? И на мой отвѣтъ, что мнѣ нужно уйти, онъ сказаль шутливымъ тономъ: ну, такъ до свиданія, высоко поднявъ руку, сразмаху опустилъ ее въ мою руку. Въ то время, какъ съ нимъ прощался Боковъ, я пошелъ къ окну, взялъ шляпу и взялъ подъ мышку свертокъ съ завернутыми въ жесткую бумагу ботинками, купленными мною для себя. Нужно было видѣть выраженіе лица Ракѣва; онъ весь насторожился и устремилъ жадные взоры на мой свертокъ. Но, нужно отдать ему честь, онъ не остановилъ меня и даже не спросилъ, что содержится въ моемъ сверткѣ. Я думаю, и въ наше время всяческихъ свободъ меня въ подобныхъ обстоятельствахъ непременно раздѣли бы до нага и обыскали. Невольно припоминается мнѣ при этомъ случай, который заставилъ меня еще болѣе цѣнить любезность Ракѣва. Однажды я сидѣлъ въ книжномъ магазинѣ Черкесова и разговариваль съ управляющимъ магазина. Въ это время явились жандармы обыскивать магазинъ. Я хотѣлъ уйти, какъ лицо постороннее и не состоящее въ штатѣ магазина. Но жандармскій офицеръ, начальникъ обыскивательнаго отряда (къ сожалѣнію, я забыль его фамилію), задержалъ меня и потребоваль, чтобы я предъявилъ ему мой бумажникъ. Я сказаль, что у меня бумажника нѣтъ. Тогда онъ потребоваль показать ему мое портмоне или вообще то, въ чемъ я ношу деньги; но я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ съ собою ни портмоне, ни денегъ.— Какъ же такъ, грозно окрикнулъ жан-

дармъ, идете въ магазинъ и не берете съ собою денегъ? Я отвѣтилъ, что я пришелъ въ магазинъ не для покупокъ, а повидаться съ знакомымъ.—Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ жандармъ, я долженъ обыскать васъ. И дѣйствительно, онъ не только обшарилъ, но и вывернулъ всѣ мои пустые карманы, и только тогда выпустилъ меня изъ магазина. Такимъ образомъ, Ракѣвъ поступилъ со мною гораздо любезнѣе и при обстоятельствахъ гораздо болѣе серьезныхъ.

Мы съ Боковымъ вышли изъ квартиры Николая Гавриловича, понуривъ головы и не говоря ни слова другъ съ другомъ, и какъ бы инстинктивно отправились ко мнѣ на квартиру, находившуюся очень близко отъ Московской улицы. Здѣсь нѣсколько опомнившись и придя въ себя, мы стали обсуждать вопросъ: арестуютъ ли Николая Гавриловича или ограничатся только обыскомъ. Наше рѣшеніе склонялось на сторону послѣдней альтернативы. Мы думали, что Николай Гавриловичъ слишкомъ крупная величина, чтобы обращаться съ нимъ безцеремонно; общественное мнѣніе знаетъ и цѣнитъ его, такъ что правительство едва ли рискнетъ сдѣлать рѣзкій вызовъ общественному мнѣнію, арестовавъ Николая Гавриловича безъ серьезныхъ причинъ, каковыхъ, по нашему мнѣнію, не могло быть, — мы въ этомъ твердо были увѣрены; да и приставъ сказалъ правду, — кареты у подгѣзда и мы же видали. Вотъ какъ мы были тогда наивны и какія преувеличенныя понятія имѣли о силѣ общественнаго мнѣнія и о вліяніи его на правительство. Да и не одни мы. Какъ тогда, такъ и теперь многіе повинны въ подобной наивности.

Черезъ полчаса мы вышли на Московскую улицу и увидѣли, что у подгѣзда уже стояла карета, разрушившая всѣ наши надежды. Походивши по сосѣднимъ улицамъ еще съ полчаса, мы пришли къ дому Есауловой и — кареты уже не было. Мы пошли въ квартиру Николая Гавриловича. Намъ отворила дверь прислуга, заливаясь горькими слезами. «Бѣдный баринъ, говорила она сквозь слезы, его взяли, они его погубятъ; а тутъ какъ нарочно еще барыня уѣхала». Въ квартирѣ мы застали двоюроднаго брата жены Чернышевскаго, офицера Веніамина Ивановича Рычкова, который на время пріѣхалъ въ Петербургъ и жилъ на этой квартирѣ. Рычковъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что Николаю Гавриловичу удалось сказать ему нѣсколько словъ такъ, чтобы ихъ не слышалъ Ракѣвъ. Николай Гавриловичъ поручилъ ему кланяться мнѣ и сказать, чтобы я не беспокоился и передалъ бы Н. Утину, чтобы и онъ не беспокоился. Какой специальный смыслъ и какая цѣль заключалась въ этихъ словахъ я не могу себѣ объяснить. Несмотря на это успокоеніе, я все лѣто жилъ подъ угрожающимъ дамокловымъ мечемъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью. Всѣ знакомые, встрѣчая меня, дѣлали большіе глаза и въ изумленіи восклицали: какъ! вы развѣ не арестованы? а я слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что васъ уже давно арестовали.

Встрѣчая на каждомъ шагу подобныя изумленія, трудно было не беспокоиться. Но Богъ миловаль меня.

Обѣдать мы отправились къ Бокову и когда сообщили его женѣ о случившемся на нашихъ глазахъ, то она тоже не хотѣла этому вѣрить и тоже была увѣрена, что Чернышевскаго не посмѣютъ арестовать.

На другой день профессоръ-ориенталистъ И. Н. Березинъ поручилъ кому-то предупредить Николая Гавриловича, что ему угрожаетъ арестъ. Запоздалое предупреждение *post factum!*

Послѣ этого я только одинъ разъ видѣлся съ Николаемъ Гавриловичемъ при такихъ же печальныхъ обстоятельствахъ, при развязкѣ этой жестокой драмы, начавшейся его арестомъ, т. е. уже послѣ суда и приговора надъ нимъ, когда его собирались увозить изъ крѣпости на каторгу. Мы съ Григоріемъ Захаровичемъ Елисеевымъ рѣшили, чего бы это ни стоило, добиться свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ и обращаться съ просьбами о разрѣшеніи свиданія ко всевозможнымъ властямъ. Когда Некрасовъ узналъ о такомъ нашемъ намѣреніи, то сталъ горячо отговаривать насъ, убѣждалъ и совѣтовалъ, чтобы мы отказались отъ нашего намѣренія, не просили бы разрѣшенія на свиданіе и не пользовались бы этимъ разрѣшеніемъ, если бы оно даже было дано. «По искреннему расположенію къ вамъ и изъ желанія добра увѣряю васъ», говорилъ Некрасовъ, что это свиданіе очень понизитъ ваши курсы въ глазахъ III отдѣленія». Слова Некрасова дышали искренностью и убѣжденіемъ въ полезности его совѣта. Но мы все-таки стояли на своемъ, и намъ посовѣтовали обратиться къ князю Суворову, тогдашнему петербургскому генераль-губернатору, съ просьбою о разрѣшеніи свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ. Онъ далъ намъ это разрѣшеніе съ перваго же слова. Когда мы пришли въ крѣпость, то насъ адресовали къ коменданту крѣпости Сорокину. Мы представились ему, и онъ началъ говорить сначала съ Елисеевымъ и, между прочимъ, спросилъ, не родственникъ ли онъ купцу Елисееву, который снабжаетъ Петербургъ гастрономическими продуктами. А затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ разными вопросами: кто я? въ какомъ родствѣ состою съ Чернышевскимъ?—на что я отвѣтилъ, что я состою съ нимъ не въ родствѣ, а въ близкомъ знакомствѣ; а на вопросъ, чѣмъ я занимаюсь—я сказалъ, что служу въ военномъ министерствѣ (и это была сушая правда, а какъ я попалъ въ это министерство—это курьезная исторія; но долго было бы рассказывать ее здѣсь). На это комендантъ воскликнулъ: вотъ какъ! это странно! я самъ имѣю честь служить въ военномъ министерствѣ, и вы видите, я ношу военную форму, а вы не въ военной формѣ и даже совсѣмъ не въ формѣ, а въ штатскомъ платьѣ. Въ оправданіе себя я сталъ объяснять, что я чиновникъ сверхъ штата, принятъ въ министерство

временно на усиленіе личнаго состава, служу безъ жалованья и т. д. Комендантъ прервалъ мои объясненія короткимъ замѣчаніемъ, что всѣ служащіе въ военномъ министерствѣ имѣютъ форму и должны ходить въ формѣ. Но все это было сказано не страшнымъ начальническимъ и повелительнымъ тономъ, а совершенно добродушно и просто. Комендантъ приказалъ проводить насъ въ какую-то канцелярію, гдѣ уже ожидали свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ А. Н. Пыпинъ съ братомъ и съ двумя сестрами. Скоро ввели сюда и Николая Гавриловича въ сопровожденіи какого-то офицера, но не жандармскаго. Онъ былъ блѣденъ, но въ выраженіи его лица не видно было ни упадка духа, ни изнуренія, ни грусти и печали. Поздоровавшись со всѣми, Николай Гавриловичъ прежде всего обратился къ сестрамъ Пыпина и сталъ съ ними разговаривать. По какому-то молчаливому соглашенію мы дѣйствовали такъ. Когда Николай Гавриловичъ разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь однимъ изъ насъ, остальные отходили въ сторону, окружали офицера и вступали съ нимъ въ разговоры. Когда очередь дошла до меня, то Николай Гавриловичъ прежде всего спросилъ меня о моихъ личныхъ дѣлахъ и затѣмъ сказалъ, что онъ на каторгѣ непремѣнно будетъ писать много и постарается присылать намъ свои статьи для помѣщенія въ «Современникъ» и что, если ихъ нельзя будетъ печатать съ его именемъ, то нужно попробовать подписывать ихъ какимъ-нибудь псевдонимомъ, а если и это будетъ нельзя, то чтобы онѣ представлялись въ редакцію какимъ-нибудь подставнымъ лицомъ, напр. хоть вашимъ «Лозаніемъ»—такъ назывался въ нашемъ кругу мой товарищъ по духовной академіи Л. И. Розановъ, жившій у меня и близко познакомившійся съ Николаемъ Гавриловичемъ (онъ былъ описанъ въ «Искрѣ» подъ именемъ Лозанія, устроившаго походъ противъ начальства одной изъ семинарій, кое-что писалъ въ «Современникъ» и былъ извѣстенъ Некрасову; мы и предполагали сдѣлать его подставнымъ лицомъ). «Да я, впрочемъ, поговорю объ этомъ съ самимъ Некрасовымъ». Я сказалъ, что Некрасовъ едва ли придетъ къ нему проститься. «Отчего же?»—съ живостью сказалъ Николай Гавриловичъ; «а Сашенька (Пыпинъ) говорилъ мнѣ, что Некрасовъ собирается ко мнѣ». Я повторилъ, что онъ едва ли придетъ и что я передамъ ему ваши слова. Мнѣ не хотѣлось огорчать Николая Гавриловича сообщеніемъ, что Некрасовъ самъ даже мнѣ съ Елисеевымъ не совѣтовалъ просить свиданія и являться на свиданіе съ нимъ. И затѣмъ я простился съ Николаемъ Гавриловичемъ уже навѣки съ чувствами, которыя мнѣ даже въ настоящее время трудно и больно было бы описывать. Повѣрите мнѣ,—рана и до сихъ поръ не зажила.

М. Антоновичъ.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго.

(По неизданнымъ источникамъ).

„Невозможно ожидать справедливости отъ богачей, дряхлыхъ стариковъ, величаемой громкимъ именемъ правительствующаго сената.

Герцель“.

Сорокъ два года тому назадъ русское общество узнало о ссылкѣ Чернышевскаго въ каторжныя работы и до сихъ поръ неизмѣнно задаетъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: за что?

Напечатанная тогда же въ «Колоколѣ» краткая сенатская записка не разрѣшаетъ этой загадки и только заставляетъ задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ вопросовъ. Въ литературѣ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по этому поводу не появилось. Самъ Чернышевскій, повидимому, никому ничего не рассказывалъ; по крайней мѣрѣ, близкіе ему люди многого не знаютъ, а о степени участія его въ революціонномъ движеніи не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

На мою долю выпало познакомиться, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго, — съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣлъ, которыя неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему негодныхъ, не стѣсняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было «политикой», имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Когда Чернышевскій говорилъ: «Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть, имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю» ¹⁾ — онъ былъ правъ: въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣланнаго документа. Тотъ матеріалъ, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только высшаго въ имперіи суда.

¹⁾ В. Короленко — «Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ», Лондонъ, 1894 г., 10.

Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія болѣе или менѣе общепринятою въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновененъ къ революціонной работѣ своего времени.

Не такой это былъ умъ и не такой человекъ, который сидѣлъ бы сложа руки и только и дѣлалъ, что писалъ въ «Современникѣ». Это былъ прежде всего пророкъ и вождь. Припомните некрасовское:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной“...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любить онъ возвышеннѣе и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслить онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ ¹⁾.

Замѣтьте, что это писалъ человекъ, знавшій Чернышевскаго изо дня въ день восемь лѣтъ... восемь лѣтъ съ нимъ бесѣдовавшій о самыхъ различныхъ вопросахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Ему ли, чуткому и проницательному, не понять было вождя своего журнала!? По совершенно справедливому замѣчанію г. Николаева, политическіе взгляды Чернышевскаго можно выразить въ немногихъ словахъ: «катастрофа вскорѣ немислима, но долге мыслящаго и послѣдовательнаго человекѣка—стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствія*» ²⁾.

Этого мало, Чернышевскій былъ демократомъ, человекомъ, всегда и вездѣ проводившимъ одну и ту же мысль: трудъ и трудящіеся во главѣ всего. Далѣе. Посмотрите на его знакомства:

---

¹⁾ Привожу это стихотвореніе полностью, съ четвертой строфой, до сихъ поръ не напечатанной въ собраніи сочиненій Некрасова и заимствуемой мною съ автографа, подареннаго Некрасовымъ П. А. Ефремову. Пора бы перестать подписывать подъ его заглавіемъ „Пророкъ“ „Изъ Варѣе“—эту ширму авторъ изобрѣлъ специально для взоровъ цензуры. На самомъ дѣлѣ стихотвореніе было озаглавлено (1874 годъ) просто: „Н. Г. Чернышевскій“.

²⁾ Николаевъ, „Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.“, М. 1906 г.

Михаилъ Николаевичъ
ТРИГОНИ.
(До Шлиссельбурга).

В. А. Обручевъ, Сигизмундъ Сѣраковскій, Іосафатъ Огризко, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что Чернышевскій зналъ отъ самого Михайлова о привозѣ имъ изъ-за границы прокламаціи «Къ молодому поколѣнію»¹⁾.

Онъ же говоритъ, что имѣетъ основаніе думать, что Н. Г., быть можетъ, не совсѣмъ чуждъ «Великоруссу»... Николай Утинъ сообщилъ въ свое время г. Пантелѣеву, что, отвергнувъ посланнаго отъ «центрального революціоннаго комитета», издавашаго «Молодую Россію», Чернышевскій потомъ пожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ написать прокламацію «Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ», но не успѣлъ. Н. Е. Кудринъ говоритъ, что Лавровъ хорошо сошелся съ Чернышевскимъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный А. Н. Энгельгардтъ ввелъ П. Л. Лаврова въ начавшее организовываться общество «Земли и Воли». Это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ утвержденія, со словъ Лаврова, о прикосновенности къ этому обществу и Чернышевскаго²⁾.

Современники были вполне убѣждены въ томъ, что Чернышевскій принимаетъ активное участіе въ революціонной работѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ одинъ анонимъ, полученный Н. Г. въ концѣ 1861 года отъ какого-то невѣдомаго злобствовавшаго аграрія. Онъ показываетъ, какой репутаціей пользовался Чернышевскій.

«Г-нъ Чернышевскій! О пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете; поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя, нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть? Неужели мы можемъ сочувствовать заклятымъ социалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и «Великоруссъ» Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей гибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?! Кто во главѣ движенія? Желчный, злобный социалистъ-мужикофилъ Искандеръ, хитро упрятавшій въ свои карманы милліона два русскихъ денегъ и спокойно поджигающій вдаль несчастную русскую молодежь. А Вы? Да, Вы его лакеи. У Васъ не станетъ духу обречь себя даже на изгнаніе. Скажите, пожалуйста, неужели же Вы думаете, что мы настолько просты, что будемъ жертвовать собой ради социализма, признаннаго наукою несчастнымъ произведеніемъ больного ума?! Допустимъ, что идеи социализма осуществимы, что все таки

¹⁾ «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330.

²⁾ Пантелѣевъ, в. с., 327, 270, Н. Е. Кудринъ—„Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ“, „Рус. Бог.“, 1905 г. III, 167.

онѣ осуществимы въ странѣ, гдѣ нравственное развитіе всей массы слишкомъ велико, но никакъ ни въ странѣ монголовъ, шамеуговъ и т. д. Повѣрьте, мужички наши мало чѣмъ нравственнѣ этихъ милыхъ народовъ. Въ нашемъ народѣ есть добрая начала, но они еще въ зародышѣ, и за развитіе ихъ нужно взяться умно, практично, безъ нѣжностей, а нѣжностей Вашихъ они не поймутъ, наплюютъ они на Васъ и найдутъ себѣ другого Антона Петрова ¹⁾, о которомъ такъ искренно сожалѣетъ Ваша хамская натура.

„Не ввѣримся же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлomu: вспомните, въ какую цѣну Вы оцѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи—дворянство. На кого Вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной ѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Вы хотите безусловной демократіи. Мы видимъ, до чего довела грязная демократія Францію, до чего доводитъ она великую республику Вашингтона. Да, дворянство лучшее сословіе; нашими деньгами поддерживается журналистика; при всей непрактичности нашего воспитанія, въ чемъ виноваты наши сентиментальные наставники, мы улучшили и улучшаемъ сельское хозяйство; мы давали и даемъ честнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Обратите вниманіе на громадную разницу между выборными и коронными; взгляните на добросовѣстную дѣятельность взятыхъ изъ среды нашей мировыхъ посредниковъ. Вы этого не знаете. Вы говорите о провинціи, не потрудившись даже узнать о ней. Мы, т. е. наши офицеры-дворяне, сдѣлали изъ русской арміи силу, наводящую ужасъ воспоминаніемъ о Севастополѣ и на хвастливыхъ французовъ, и на стоическихъ англичанъ. Вы скажете, что мы же обокрали Россію. Ложь: обокрали ее бюрократы, а истые дворяне дальше пручика не служатъ. Мы хладнокровно встрѣтили разыгравшіяся страсти временно-обязанныхъ, опьянѣвшихъ отъ данной имъ свободы, и дѣйствуя снисходительно, добросовѣстно, мужественно, сохранили и сохраняемъ мужественное спокойствіе. Кого же вы пугаете? Ха, ха, ха!... Мы люди благородные и потому безстрашно встрѣтимъ смерть, защищая права законныя, несомнѣнныя. Совѣсть у насъ чиста. Вашей хамской натурѣ это непонятно. Впрочемъ, опасности большой нѣтъ.

„Вникнемъ въ дѣло: кто угрожаетъ и кѣмъ угрожаетъ? Вы, господа социалисты двухъ родовъ: социалисты безштаные, которые, какъ плотоядная птица, нетерпѣливо ждутъ поживиться мертвечиной, и социалисты сентиментальные, которые за несчастныя писульки попадаютъ подъ розги, а иногда и въ каторгу. Какъ это трогательно, но какъ же пошло и тупо. Кровожадность у Васъ волчья, да слабость овечья. Есть рьяные, да ихъ немного. Вы не умѣете вооружить Петербургъ и думаете взволновать цѣлую Россію. Вы сами никуда не годитесь и думаете, что грязная лапа мужика

¹⁾ Антонъ Петровъ разстрѣлянъ въ селѣ Безднѣ Казанской губ. за руководство крестьянскимъ бунтомъ.

выведетъ васъ на дорогу. Забудьте, впрочемъ, что мы съ Вами поступать будемъ покруче, чѣмъ поступаютъ съ Вами въ столицѣ. Насъ много, теперя мы на-сторожѣ и, повѣрьте, не станемъ съ Вами нѣжничать. Кѣмъ Вы угрожаете и на кого Вы хотите дѣйствовать? На студентовъ. Дѣйствительно, прекрасная молодежь; но вѣдь по окончаніи курса эти мотыльки, по большей части, наперекоръ зоологіи, обращаются въ червячковъ. Въ особенности семинаристы, которые и въ аудитории вносятъ свой собственный запахъ. На купцовъ и мѣщанъ, но имъ нѣтъ времени: обмѣрить, обвѣсить, разсыропить водку—это нелегко, всего вдругъ не сдѣлаешь. Дальше что: духовенство?—это селовіе ни рыба, ни ракъ; полудикіе мужики?—я уже о нихъ сказала; они могутъ и должны быть пока въ ежовыхъ—понимаете... Притомъ же государственные крестьяне не только безъ участія, но, кажется, даже съ нѣкоторою злобою смотрятъ на временно-обязанныхъ. Да и временно-обязанные начинаютъ понимать, что быть ихъ значительно улучшенъ и что нельзя ограбить однихъ въ пользу другихъ. Притомъ нужно сказать, что они никогда не раздѣляли Вашихъ литературныхъ убѣжденій, а потому и не смотрѣли на насъ, какъ на злодѣевъ. Дворовые оставляютъ насъ неохотно; крестьяне не спѣшатъ заводить новые порядки.

«Однимъ словомъ, мы всего ожидаемъ отъ государя, которому не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить свои же слова московскому дворянству: «движеніе должно начинаться сверху, а не снизу». Мы будемъ просить его избавить насъ отъ нашей болячки—Польши, которая вмѣстѣ съ остзейскими губерніями взяла, кажется, подрядъ на поставку намъ чиновниковъ-бюрократовъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить Вамъ, Г-нъ Чернышевскій, что мы не желаемъ видѣть на престолѣ какого-нибудь Антона Петрова и, если дѣйствительно произойдетъ кровавое волненіе, то мы найдемъ Васъ, Искандера или кого-нибудь изъ Вашего семейства и, вѣроятно, Вы не успѣете еще запасть тѣлохранителями».

Люди, не пользующіеся виднымъ вліяніемъ, такихъ писемъ не получаютъ...

Литературный міръ тоже считалъ Чернышевскаго очень вліятельнымъ въ революціонномъ кругу. Припомните рассказъ самого Достоевскаго, какъ тотъ въ 1862 году явился къ Н. Г. и уговаривалъ его подѣйствовать на составителей какой-то прокламаціи въ сторону ихъ вразумленія ¹⁾.

Таково же, повидимому, было убѣжденіе и правящихъ сферъ. Въ ненапечатанной части воспоминаній Шелгунова есть такой рассказъ кн. Суворова-Рымническаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, человѣка весьма порядочнаго, неглупаго и не ставшаго бы говорить неправду. «Я поступалъ иначе—говорилъ

¹⁾ „Дневникъ Писателя“, IV. Достоевскій ошибочно называетъ эту прокламацію „къ молодому поколѣнію“: этому противорѣчитъ его же указаніе, что вся она состояла изъ десяти строкъ. Прокламація Михайлова была очень велика.

Суворовъ Шелгунову вскорѣ послѣ своей отставки вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ.—„Мнѣ доносятъ, что готовится движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: „пожалуйста, устройте, чтобъ этого не было“. Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!» Записывая это, Шелгуновъ замѣтилъ: „пишу съ буквальною точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь“. Конечно, это показаніе не значить, что Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но, весьма вѣроятно, что нѣкоторыя возможныя проявленія общественнаго неудовольствія, демонстраціи, и были предотвращены бесѣдою съ Н. Г., пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ остановиться, снабженный достаточно вѣскою аргументаціей, принимался къ исполненію.

Самъ Чернышевскій хорошо видѣлъ, какими глазами смотреть на него жандармско-полицейское око. Онъ неоднократно отказывался отъ участія въ такихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя, благодаря его присутствію, могли бы быть взяты подъ особо внимательное попеченіе.

Нужно думать (а къ этому заключенію приводятъ и бесѣды съ хранящимъ архивъ отца—М. Н. Чернышевскимъ), что революціонная дѣятельность Н. Г., обставленная необыкновенно по тогдашнимъ временамъ конспиративно, такъ и не вскроется для насъ. Она унесена имъ въ могилу.

Какое же преступленіе было поставлено ему въ вину правительствомъ Александра II?

Прежде всего, не одно, а два. Первое—сочиненіе прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», второе—приготовленіе къ возмущенію. Было еще и третье—«противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ»,—но оно сочтено недоказаннымъ. Изъ основательнаго изученія четырехъ томовъ архивнаго дѣла мнѣ представляется, что Чернышевскій, дѣйствительно, участвовалъ въ составленіи этой прокламаціи, (впрочемъ, не увидѣвшей свѣта), но такъ искусно велъ работу, что не далъ положительно никакихъ основаній къ сколько-нибудь юридически обставленному обвиненію.

Не забывая, однако, впередъ, приступаю къ изложенію дѣла во всей его полнотѣ и строгой послѣдовательности.

ЧАСТЬ I.

Въ поискахъ за уликами.

I.

Послѣ майскихъ пожаровъ 1862 года правительство, опираясь на большую часть общества, утомленную непривычнымъ для нея форсированнымъ маршемъ по пути обновленія, стало въ курсъ реакціи и пошло въ немъ все тверже и опредѣленнѣе. Два вліятельныхъ журнала: «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты въ началѣ іюня. Учреждена особая слѣдственная комиссія, которая занималась, между прочимъ, уже извѣстнымъ читателю дѣломъ Писарева и другими. Чернышевскій, увидя возможность хоть немного отдохнуть отъ утомлявшей его журнальной работы, хлопоталъ о поѣздкѣ съ семьей въ Саратовъ. Спѣшно продавались вещи, ликвидировались нѣкоторыя дѣла и пр. Въ это время Чернышевскому пришлось быть у управляющаго III Отдѣленіемъ, Потапова, по поводу какой-то дерзости одного гвардейскаго офицера относительно его жены. Въ разговорѣ Н. Г. спросилъ генерала, не имѣетъ ли правительство какихъ-нибудь подозрѣній противъ него, и можетъ ли онъ спокойно ѣхать на родину. Потаповъ увѣрилъ, что ровно ничего не имѣется. ¹⁾

Но Потаповъ уже хитрилъ. Еще въ самомъ началѣ іюня, а именно 5-го числа, онъ направилъ въ слѣдственную комиссію кн. Голицына слѣдующій полученный имъ лично анонимный доносъ на Чернышевскаго:

«Что вы дѣлаете, пожалѣйте Россію, пожалѣйте Царя! Вотъ разговоръ, слышанный мною вчера въ обществѣ профессоровъ. Правительство запрещаетъ всякій вздоръ печатать, а не видитъ, какія идеи проводить Чернышевскій—это коноводъ юношей;—направление корпусныхъ юношей дано имъ ²⁾— это хитрый социалистъ; онъ мнѣ самъ сказалъ (говор. проф.), что «я настолько уменъ, что меня никогда не уличатъ». За пустяки сослали Павлова ³⁾ и много другихъ промаховъ дѣлаете, а этого вреднаго агитатора терпите. Неужели не найдете средствъ спасти насъ отъ такого зловреднаго человѣка! Никто вамъ въ глаза не скажетъ, что Чернышевскій язва всему, потому что сочтутъ его доносчикомъ; я вамъ пишу, не подписываясь, потому, что вы спросите, кто говорилъ,—а вы знаете, что многое говорятъ въ обществѣ, сказали бы и Потапову—но

¹⁾ Н. В. Рейнгардтъ, — „Н. Г. Чернышевскій“, „Рус. Стар.“, 1905 г., II, 470—471. Авторъ слышалъ это отъ самого Н. Г.

²⁾ Чернышевскій былъ одно время преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

³⁾ Высланъ въ Ветлугу въ мартѣ 1862 г. за публичную рѣчь по поводу тысячелѣтія Россіи.

никогда не скажутъ жандарму. Передаю вамъ впечатлѣніе, вынесенное изъ общества людей, десятки лѣтъ ¹⁾ знающихъ Чернышевскаго—бывшихъ его пріятелей, но теперь, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, всѣ весьма либеральные люди, настолько благоразумные, что они сознаютъ необходимость существованія у насъ монархизма,—отдалились отъ него и убѣждены, что ежели вы не удалите его, то быть бѣдѣ—будетъ кровь; ему нѣтъ мѣста въ Россіи—вездѣ онъ опасенъ—развѣ въ Березовѣ или Гижинскѣ; не я говорю это, говорили ученые, дѣльные люди, отъ всей души желающіе конституціи, но путемъ закона—земской думы, но по призыву Царя. Не дастъ Царь ни того, ни другого,—Господь ему судья. А крови не минуете и насъ всѣхъ сгубите—это шайка бѣшеныхъ демагоговъ, отчаянныхъ головы,—это «Молодая Россія» выказала вамъ въ своемъ проспектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности: быть можетъ, ихъ перебьютъ, и сколько невинной крови изъ-за нихъ прольется! Тутъ же слышалъ, что въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ и вездѣ они разжигаютъ молодежь. Ник. Утинъ—правая рука Чернышевскаго; юношу бы за границу ²⁾, но навсегда, а Николая Гавриловича—куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать.

«Я самъ не знакомъ съ этими злодѣями—пишу, что вчера случайно слышалъ. Не доискивайтесь, кто я—къ чему вамъ? Въ доносчики не гожусь, а услышу что-либо подобное—напишу,—теперь каждый честный человѣкъ обязанъ указывать Правительству все, что слышитъ, что знаетъ, ибо общество въ опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вамъ дремать нельзя; на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладаете—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; боитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституціи; то путемъ законнымъ она не страшна для Царя, а это бѣшенная шайка жаждетъ крови, ужасовъ и поидетъ на проломъ, не пренебрегайте ею.

«Избавьте насъ отъ Чернышевскаго—ради общаго спокойствія».

Отрывки изъ этого письма приведены въ сенатской запискѣ, но неисправно. Въ такомъ же видѣ ихъ цитируютъ оттуда и нѣкоторые авторы.

Донось этотъ писанъ очень красивымъ мелкимъ почеркомъ, и можно утверждать—неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ, комиссіи, разыскивавшей по Россіи крамолу (гдѣ самъ Потаповъ былъ членомъ), напоминалось о существованіи Чернышевскаго... Но вотъ въ концѣ іюня III Отдѣленіе получаетъ свѣдѣнія, что 27 числа изъ Лондона выѣдетъ въ Россію нѣкій Павелъ Ветошниковъ и будетъ везти съ собой довольно много писемъ

¹⁾ Очевидный вздоръ: Чернышевскому тогда было 34 года.

²⁾ Николай Утинъ вскорѣ бѣжалъ за границу.

Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсиева къ самымъ разнообразнымъ лицамъ... Разумѣется, сейчасъ же были приняты мѣры, и Ветошниковъ былъ арестованъ на границѣ со всей корреспонденціей...

Послѣ бѣглаго разбора ея въ III Отдѣленіи нашли, между прочимъ, такую приписку въ письмѣ Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу: «Мы готовы издавать Совр. здѣсь съ Черныш. или въ Женевѣ—печатать объявленіе объ этомъ. Какъ вы думаете?» Этого оказалось достаточнымъ, чтобы на слѣдующій же день, 7 іюля, арестовать и Чернышевскаго ¹⁾.

Утромъ 7 іюля въ квартиру Чернышевскаго явился жандармскій полковникъ Ракѣевъ и квартальный надзиратель Мадьяновъ, запечатали всѣ бумаги и часть книгъ въ холщевый мѣшокъ, который и представили въ III Отдѣленіе, а всѣ остальные книги, по заявленію Н. Г., 2400 томовъ, корректуры и матеріалы для изданія сочиненій Добролюбова опечатали въ запертомъ кабинетѣ ²⁾. Самъ Чернышевскій былъ отвезенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Туда же были заключены Ветошниковъ, Серно-Соловьевичъ и всѣ главные обвиняемые по особому дѣлу, съ которымъ читатели «Былого» будутъ потомъ ознакомлены.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на интеллигенцію.. По словамъ г. Пантелѣева, «если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса»... Для всѣхъ стало ясно, что Чернышевскому не сдобровать...

Осмотръ его бумагъ комиссія поручила своему члену, д. ст. сов. Каменскому, а опечатанныхъ на квартирѣ книгъ—д. ст. сов. Турунову, въ помоще которому министромъ внутреннихъ дѣлъ были назначены трое чиновниковъ особыхъ порученій: Фридрибергъ, Морозовъ и Третьяковъ. 17 числа всѣ они, въ сопровожденіи еще старшаго чиновника III Отдѣленія—Кейзера фонъ-Нилькгейма, состоящаго при оберъ-полицеймейстерѣ поручика Ниппе, квартальнаго надзирателя Мадьянова и сторонняго свидѣтеля—отстав. кол. секретаря Сергѣя Пыпина, прибыли на квартиру Н. Г. Окончивъ

¹⁾ Полностью письмо это напечатано мною въ январьской книжкѣ «Былого», на стр. 230—232. Тамъ я не имѣлъ возможности указать то, что самъ узналъ позже: первая половина письма, до словъ: «Кажется, рѣчь о нашемъ»... и т. д., писана Огаревымъ, а все, начиная съ этихъ словъ—Герценомъ. Герценъ рассказываетъ объ этомъ своемъ письмѣ не вѣрно: ср. стр. 461—462 тома III изд. Павленкова. Объявленіе въ «Колоколѣ» появилось *позднѣе*, въ номерѣ отъ 3 (15) іюля. Вотъ оно: «Отъ издателей. Мы предлагаемъ издателямъ *Дня*, *Современника*, *Русскаго Слова* и издателямъ журналовъ, которые будутъ запрещены вслѣдствіе политическаго террора въ Россіи, продолжать ихъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свой счетъ, безъ всякаго вознагражденія». Герценъ напечаталъ это объявленіе, не дожидая отвѣта отъ Серно-Соловьевича. Этотъ номеръ «Колокола» выходилъ какъ разъ въ тотъ день, когда Ветошниковъ перебѣжалъ русскую границу.

²⁾ Въ этой же книжкѣ читатель найдетъ рассказъ М. А. Антоновича, присутствовавшего при арестѣ Чернышевскаго.

осмотръ, отложили еще нѣсколько книгъ и пакетовъ для сдачи въ III Отдѣленіе, а остальное запечатали и поручили на храненіе полиціи ¹⁾. На другой день печати были сняты, и все имущество Чернышевскаго сдано Мадьяновымъ С. Н. Пыпину ²⁾.

II.

Среди бумагъ Н. Г. особенно заинтриговали всѣхъ двѣ средней толщины тетради размѣромъ въ писчій листъ. Пробовали читать—ничего не понять. А написано такъ часто и мелко.—Каменскій, какъ ни старался, ровно ничего не понялъ кромѣ того, что это «дневникъ». 7 августа рѣшено было отправить его въ III Отдѣленіе, отличавшееся искусствомъ раскрытія самыхъ замысловатыхъ шифровъ. Но какъ ни старался Потаповъ, а долженъ былъ сознаться, что ввѣренная ему тайная канцелярія тоже безсильна, и направилъ «дневникъ» въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ поработали съ мѣсяць, и 15 сентября товарищъ министра Мухановъ сообщалъ Потапову, что рукопись не шифрована, а писана только съ самыми сложными сокращеніями. Для удостовѣренія онъ приложилъ нѣсколько страницъ написанныхъ полностью, правда, всетаки, съ очень значительными искаженіями и пропусками, и при этомъ замѣчалъ, что при «всемъ желаніи со стороны министерства, по множеству текущихъ, не терпящихъ отлагательства дѣлъ, не было никакой возможности до настоящаго времени разобрать всю рукопись, но изъ содержанія разобраннаго можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Министерство иностранныхъ дѣлъ настолько простерло свою внимательность къ «дневнику» Чернышевскаго, что не преминуло даже изслѣдовать его на всѣ возможные способы, при которыхъ обыкновенно удается обнаружить тотъ или иной составъ симпатическихъ чернилъ, особый сортъ скрывающей бумаги и пр. Но и чернила и бумага оказались самыми обыкновенными.

Комиссію мало удовлетворилъ отвѣтъ Муханова. Имѣя теперь ключъ, въ видѣ нѣсколькихъ развернутыхъ страницъ, она рѣшила поручить добиться толку отъ «дневника» своему члену, сенатору Жданову.

Что же это за дневникъ? Я не рѣшился взяться за кропотливую работу его развертыванія, требующую для своего окончанія,

---

¹⁾ М. А. Антоновичъ рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ на этомъ обыскѣ со спеціальною цѣлью вручить изъ рукъ комиссіи матеріалы по собранію сочиненій Добролюбова, которое не было доведено Чернышевскимъ до конца. Конецъ послѣдняго тома былъ полностью просмотрѣнъ и прокорректированъ уже г. Антоновичемъ. Турнуновъ отнесся внимательно къ его заявленію о возвратѣ запечатанныхъ матеріаловъ. При этомъ удалось вручить и «дневникъ» Добролюбова, переданный имъ потомъ А. Н. Пыпину.

²⁾ Семья Чернышевскаго еще 3 іюля уѣхала въ Саратовъ.

по крайней мѣрѣ, двухмѣсячнаго ежедневнаго посѣщенія сенатскаго архива, тѣмъ болѣе, что все равно не имѣлъ бы возможности напечатать этотъ «дневникъ», съ одной стороны, въ силу закона объ авторской собственности, съ другой—въ виду интимности нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащей пока опубликованію. Работу эту взялъ на себя сынъ Н. Г.—М. Н. Чернышевскій, и конечно, все, что можно, будетъ имъ напечатано ¹⁾.

Въ дополненіе къ дневнику не мало интриговали и четыре картонныя полоски, длиною около четверти аршина. Вдоль нихъ слѣва были написаны по порядку буквы русскаго алфавита, а справа цифры, начиная съ 1. Всѣ полоски содержали въ себѣ буквально одно и то же... Шифръ, шифръ!—рѣшила сначала коммиссія, но потомъ какъ-то сама охладѣла, понявъ, вѣроятно, что такими простыми шифрами не работаютъ уже и дѣти.

Затѣмъ коммиссія сочла стоящими серьезнаго вниманія приведенный уже мною дворянскій анонимъ и довольно пространное письмо Огарева и Герцена къ неизвѣстному: обращеніе и всѣ фамиліи въ немъ подчищены перочиннымъ ножомъ.

Я не буду приводить здѣсь полностью это письмо, а познакомлю съ нимъ читателей только постольку, поскольку оно касается Чернышевскаго.

Сначала написанное Огаревымъ:

„Ну милый [   ]²⁾, долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что стряхну злобу съ сердца. Истинно жаль мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалятъ. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн. поручилъ тому господину, который въ [   ] не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не завлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, никто такъ не уважаетъ скептицизмъ, какъ я. Разсѣкая міръ до математической точки, я дохожу до формулы 0∞ , но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что нуль также результатъ $i = + -$, и собственно есть предѣлъ. Что я не въ состояніи наполнить бездну или черту, раздѣляющую логическія опредѣленія отъ живого міра, не могу показать, какимъ образомъ предѣлъ переходитъ въ дѣйствительность и чему, какой формулѣ $= 0\infty$, изъ этого не слѣдуетъ, что я въ ту минуту, когда надо дѣло дѣлать, задалъ бы себѣ задачу: ну, а если изъ этого ничего не выйдетъ? Такой скептицизмъ равенъ тунелю и составляетъ преступленіе. А между тѣмъ онъ чловѣкъ съ вліяніемъ на юношество; на что жъ это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порастрясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-то исторіи Рима, встречаемъ мы въ «Современникѣ» (уже прежде смекнувши изъ доволь-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ принести М. Н. Чернышевскому свою искреннюю благодарность за многія весьма важныя указанія, сдѣланныя мнѣ.

²⁾ Эти скобки стоятъ на мѣстѣ вычищеннаго слова.

но плохой критики въ Петер. Вѣдом.) статью прямо противъ насъ, т. е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ, что общинное начало вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто историческая смерть есть вымирание людей, а не разложение общественныхъ химическихъ соединеній. извѣстнаго порядка!) и что тѣ, кто это говорятъ, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ объ насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битье по своимъ, да еще съ преднамѣренной ложью? Плохо дѣло! [ ]! [ ]! горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого-нибудь патрона! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и доблести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа дѣла изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи себя къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципиальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растеніе не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называютъ преступленіемъ противъ духа. Ну! будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *полтхой дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени».

А вотъ и Герценовская приписка:

«[ ]¹⁾ такую бездну написалъ, что я изъ любви къ ближ- нему не буду писать много. Мы ник- гда бы не догадались, что Черныш. à la wagon Vidil, ѣхавши дру- жески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обязанъ Спб. Вѣд- оностямъ—они указали. Впро- чемъ, [ ] слишкомъ серьезно з- то принимаетъ. Я тутъ, какъ въ преловутомъ письмѣ Чич.²⁾, бол- ьше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій—ругаться и лишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетич- юсть.

«Если вы увидите [ ], кл- аняйтесь ему отъ меня, мнѣ очень досадно, что я его не могъ и- авѣстить [ ]—хлопотъ была бездна.

„Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) *Гриша*³⁾. Ну ска- жите, что же это за мерзость—ру- гать раскольниковъ и дѣлать и- рогос, рекомендую вамъ не- вѣри мошей Тихона.

«Будьте здоровы и прощайте».

¹⁾ Вѣроятно вычищено „Огаревъ“.

²⁾ Письмо В. Н. Чичерина, напечатан-

³⁾ Помѣщена въ мартовской книжкѣ „С-

юе въ „Колоколѣ“, противъ Герцена. Современника“ за 1861 годъ.

Объ этомъ письмѣ будетъ говорить еще самъ Чернышевскій. Я сдѣлаю лишь необходимую для читателя историко-литературную справку, не останавливаясь на очень интересномъ вопросѣ о разрывѣ Герцена и Огарева съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Онъ такъ сложенъ и серьезенъ, что требуетъ особаго изученія.

Извѣстно, какъ реагировалъ Герценъ (а за нимъ и Огаревъ) на событія 1848 года, которыя ему удалось наблюдать лично. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что западная Европа отжила свой вѣкъ, что ей не возобновить истощенныхъ жизненныхъ элементовъ, не продолжить дѣла прогресса, что вся созидательная роль въ исторіи должна принадлежать молодому русскому народу. Эта мысль съ каждымъ годомъ становилась все ближе и ближе символомъ вѣры издателя «Колокола». Несомнѣнно, въ ней была наличность нѣкоторой доли славянофильства, т. е. того политическаго ученія, которому такъ не сочувствовалъ Чернышевскій. Онъ считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значить играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ, сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и расчитывавшихъ ограничиться крестьянской полу-реформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ «Современника» за 1861 г. онъ помѣстилъ статью „О причинахъ паденія Рима (подражаніе Монтеスキе)“, написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода «Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи» Гизо. Не называя, разумѣется, нигдѣ Герцена, онъ полемизируетъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи же, Чернышевскій говоритъ: «Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ». Что касается общиннаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: «Если сохранился у насъ отъ патриархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка». При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще, что «кромѣ общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и част-

номъ бытъ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощью». Такъ же онъ обращалъ вниманіе Герцена и его единомышленниковъ на ихъ коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы: на то, что творящія истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ-то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, если бы не пространный и довольно глупый фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾, въ которомъ авторъ беретъ подъ свою защиту «лучшихъ людей русскаго общества», оскорбленныхъ Чернышевскимъ. И если бы Герценъ и Огаревъ не прочли подлинной статьи, тогда ихъ негодованіе было бы еще понятно, но какъ могли они такъ понять самую статью—это совершенно непостижимо. Въ ней вовсе нѣтъ того, что имъ казалось.

Среди другихъ бумагъ болѣе или менѣе обратили на себя вниманіе записки и письма Чернышевскаго къ И. Е. Андреевскому по поводу прекращенія публичныхъ лекцій, письмо историка Костомарова по тому же поводу, вырванный листъ изъ дневника Добролюбова, и письмо къ Чернышевскому М. Е. Салтыкова²⁾.

Кромѣ бумагъ самого Чернышевскаго, было взято довольно много чужихъ рукописей, бывшихъ у него на просмотрѣ. Неизвѣстно, что бы случилось съ ними, если бъ Некрасовъ (въ срединѣ ноября) не подалъ прошеніе о возвращеніи ихъ ему, и не получилъ бы часть самъ, а часть,—по его порученію, Салтыковъ. При этомъ изъ 60 рукописей были задержаны двѣ, признанныя комиссіей неудобными для печати: анонимная—«Слѣдственное дѣло о хреяхъ и силлогизмахъ», и «Изъ воспоминаній дѣтства» Н. Арстова.

Итакъ, ясно—обыскъ не далъ, въ сущности, ничего, что такъ хотѣлось бы имѣть, бумаги Чернышевскаго обманули ожиданія и комиссіи и III Отдѣленія...

Но Потаповъ выходилъ и не изъ такихъ положеній...

1 августа онъ внесъ въ комиссію весьма любопытную «Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ», что, на языкѣ III Отдѣленія, значило: по донесеніямъ той или иной степени рачительныхъ агентовъ. «Записка» эта, разумѣется, стоитъ того, чтобъ ее привести здѣсь полностью, исправляя по пути наиболѣе важныя «ошибки» частныхъ свѣдѣній.

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно про-

¹⁾ „Журнальныя замѣтки“, 1861 г., № 144.

²⁾ Все, что касается публичныхъ лекцій, читатель найдетъ въ № 4 „Былого“: письмо Салтыкова уже напечатано въ № 2. Добролюбовская страницья войдетъ въ мою работу о Герценѣ (см. „Миръ Божій“ 1906 года).

водились свободныя идеи, приобрѣлъ себѣ извѣстность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и при томъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессивность и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками ¹⁾, собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постороннихъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную, велъ ее не только въ Россіи, но и за границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью въ 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ ²⁾. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюдение, которымъ обнаружено:

«Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спалъ не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, пронося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большей частью по почтѣ, но иногда съ паромомъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ. 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько предъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность; онъ, все-таки, продолжалъ запирать комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и мало разговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ Са-

¹⁾ Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. И. Михайловъ.

²⁾ О такой прокламаціи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Несомнѣнно, въ связи съ начатымъ надзоромъ стоить и секретный циркуляръ всѣмъ губернаторамъ, данный Вагуевымъ 23 ноября 1861 года: „Покорнѣйше прошу Вамѣ Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему онаго, а представить на разрѣшеніе вѣреннаго миѣ министерства“. Вотъ, слѣдовательно, когда для Чернышевскаго уже готовилась крѣпостная клѣтка... (См. Второе приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, изд. подъ ред. В. Базилеваго, Paris 1905 г. стр. 105).

марскую деревню его ¹⁾). 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшего попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой, видимо, старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно, однимъ словомъ, что Правительство уморило его ²⁾).

«Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка, когда же потомъ госпожа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу вамъ опять на всякій случай, можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ» ³⁾). Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ, онъ сталъ запираеть кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шель обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ и единственное лицо, которе пользовалось еще довѣремъ его, былъ ментранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ влияніемъ какого-то паническаго страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ ⁴⁾). Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ, изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ, которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности, означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ, вѣроятно, изъ простого званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ-то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено ⁵⁾). Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія-то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагаютъ, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ «Что

¹⁾ Въ Саратовъ.

²⁾ Такой же смыслъ рѣчи передаютъ и Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ и г. Рейнгардъ на стр. 452—453 „Рус. Стар.“ 1905 г. II.

³⁾ М. А. Марковичъ (Маркъ Вовчокъ). Рѣчь шла о деньгахъ за собраніе ея сочиненій, которое Н. Г. устраивалъ у одного изъ издателей.

⁴⁾ Разумѣется, вздоръ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ объ Е. С. Васильевой.

нужно народу»¹⁾ и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій²⁾, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру «Что нужно народу» и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ въ 8 линію, на подворье къ монахамъ³⁾. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, рассказывалъ, что къ 26 августа пд всей Россіи состоятся манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

«Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ, гласное судопроизводство и т. п. Онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова, на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подпись Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за границы письмо отъ профѣссора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими спеціальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскія матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ готовится для «Современника» статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

«Наконецъ Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу⁴⁾. Тамъ положительно увѣряли, что, если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партією Чернышевскаго, Героглифова⁵⁾ Елисеѣва⁶⁾ и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Чернышевскаго лицъ и студентомъ⁷⁾, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ, и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ

1) Во-первыхъ, не Герцена, а Огарева; во-вторыхъ, не брошюра, а листокъ. Ольга Сократовна, конечно, никакой развозкой герценовскихъ изданій не занималась.

2) Студенскій не былъ братомъ О. И.

3) Тоже вздоръ.

4) Разумѣется, явный вздоръ: раздѣлившійся на двое литературный міръ относился къ Чернышевскому далеко не одинаково.

5) Героглифовъ ни въ какой связи съ Чернышевскимъ не стоялъ и былъ однимъ изъ мелкихъ газетныхъ дѣятелей.

6) Григорій Захаровичъ Елисеевъ, потомъ одинъ изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

7) Кое-кто, дѣйствительно, былъ арестованъ уже по разнымъ поводамъ, но не благодаря знакомству съ Чернышевскимъ.

было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями, полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

«Кромѣ сего извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ «Современника», былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за границу со стороны лондонской русской прессы стало появляться сочувствіе къ оному»¹⁾.

Эта «записка» явилась какъ нельзя болѣе во-время. Комиссія не считала, разумѣется, необходимымъ провѣрить «частныя свѣдѣнія». На нихъ вѣдь былъ штемпель безупречной истины: самого III Отдѣленія.

Кромѣ того, большія надежды возлагались ею на иногороднюю и заграничную корреспонденцію Чернышевскаго, которую со дня его ареста приказано было доставлять прямо въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію. Ждали самой преступной переписки, надѣялись встрѣтить подготовленія манифестаціи 26 августа и. т. д. Но и здѣсь постигло серьезное разочарованіе.

Изъ-за границы были получены сначала два письма Льва Мечникова, въ которыхъ онъ благодарилъ Чернышевскаго за вниманіе къ его литературнымъ предложеніямъ, посылалъ свою статью о Мацини и разрабатывалъ планъ статей о революціи 1848 года въ Италіи. Потомъ, не получая, разумѣется, отвѣта, Мечниковъ вновь напоминаетъ своему корреспонденту о сдѣланныхъ предложеніяхъ и просилъ написать въ первую же свободную минуту.

Изъ провинціи были письма отъ А. Н. Плещеева²⁾, Т. К. Гринвальдъ, просившей Чернышевскаго отвѣтить ей въ Дерптѣ на два письма и все еще не вѣрившей возможности потерять умершаго Добролюбова, близкія ея отношенія съ которымъ Н. Г. были хорошо извѣстны, Захарьина (Якунина) о передачѣ забракованной статьи въ редакцію «времени», и друга Добролюбова—М. И. Шемановскаго, посылавшаго статью «Плата за ученіе и училищный налогъ» и просившаго выслать ему денегъ, безъ которыхъ невозможно будетъ продолжать начатое путешествіе по югу Россіи. Все это не обратило бы на себя совершенно никакого вниманія, если бы не

¹⁾ Полное незнакомство обстоятельствъ. Чернышевскій вовсе ѣздилъ не шириться, а объясняться насчетъ статьи Герцена „Very dangerous!!!“ прямо направленной по адресу „Современника“. Объясненія эти ни къ чему не привели и, возвратясь, Чернышевскій не разъ выражалъ сожалѣніе, что ѣздилъ въ Лондонъ... Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, не смотря на сочувственныя потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Кое что о поѣздкѣ рассказываетъ г. Тучкова-Огарева, но въ такихъ серьезныхъ событіяхъ на ея освѣщеніе и память совѣтъ нельзя полагаться; что же касается ея сообщенія о переговорахъ по поводу изданія за границей „Современника“, то оно положительнаго невѣрно.

²⁾ Напечатано въ этомъ № „Былого“.

нервное недовольство комиссіи отсутствіемъ прямыхъ и положительныхъ уликъ. Письма Мечникова были исчерканы краснымъ карандашемъ, а письмо Шемановскаго обратило на себя вниманіе черезъ недѣлю, когда онъ прислалъ Чернышевскому нѣсколько лубочныхъ картинъ южнаго производства. Комиссія сейчасъ же пришла къ логическому заключенію, что Шимановскій не иначе, какъ «агентъ Чернышевскаго», и просила III Отдѣленіе «обратить на него вниманіе».

Остальная корреспонденція не стоила даже и такого вниманія, но, всетаки, вся доставлялась въ «Современникъ» черезъ комиссію. Денежные пакеты и тѣ не шли къ Некрасову непосредственно.

III.

А Чернышевскій терпѣливо сидѣлъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ въ компаніи съ Писаревымъ, Баллодомъ и др.

Онъ хорошо зналъ и былъ твердо увѣренъ, что ни въ его бумагахъ, ни въ бумагахъ близкихъ ему лицъ не найдутъ ровно ничего, могущаго служить матеріаломъ для сколько-нибудь добросовѣстно построеннаго обвиненія. Притомъ онъ вѣрилъ въ благоуміе и элементарную порядочность правительства, не допуская еще мысли о возможности какихъ бы то ни было подлоговъ.

Поддерживая переписку съ женой (бывшей съ дѣтьми въ Саратовѣ), Н. Г. всячески ее ободрялъ и успокаивалъ. Надо ли говорить, что всѣ письма, и отправляемая, и получаемая имъ, прочитывались предварительно въ комиссіи.

Послѣдняя обратила особое вниманіе на письмо Н. Г. отъ 5 октября, признала невозможнымъ отправленіе его женѣ и пріобщила къ дѣлу, чтобы «имѣть въ виду при допросѣ Чернышевскаго».

Вотъ оно полностью:

«Милый мой другъ, моя несравненная, золотая Леличка,

«Цѣдую тебя мой ангелъ. Я получилъ твои письма отъ 19 и 22 сентября. Теперь я имѣю основаніе думать, что довѣренность тебѣ вышла на дняхъ,—тогда, моя милая, дѣлай, какъ тебѣ угодно, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что мнѣ будетъ казаться наилучшимъ именно то, что ты сдѣлаешь: если не станешь продавать домъ и останешься дожидаться меня въ Саратовѣ,—значить, такъ было лучше; если продашь домъ и пріѣдешь въ Петербургъ,—значить, такъ лучше. Вѣдь ты знаешь, моя милая, что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умнѣе меня, мой другъ, и потому я во всемъ съ готовностью и радостью принимаю твое рѣшеніе.—Объ одномъ только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй; одно это важно, остальное все вздоръ. У тебя больше характера, чѣмъ у меня,—а даже я ни на минуту не тужилъ ни о чемъ во все это время,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть твердой тебѣ, мой дружокъ. Скажу тебѣ одно: [[наша съ тобой жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспо-

минать о насъ съ благодарностью, когда уже забудуть почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами. Такъ надобно же намъ не уронить себя со стороны бодрости характера передъ людьми, которые будутъ изучать нашу жизнь]].—Въ это время я имѣлъ досугъ подумать о себѣ и составить планъ будущей жизни. Вотъ какъ пойдетъ она: до сихъ поръ я работалъ только для того, чтобы жить. Теперь средства къ жизни будутъ доставаться мнѣ легче, потому что восьмилѣтняя дѣятельность доставила мнѣ хорошее имя. Итакъ, у меня будетъ оставаться время для трудовъ, о которыхъ я давно мечталъ. Теперь планы этихъ трудовъ обдуманы окончательно. Я начну многотомную «Исторію матеріальной и умственной жизни человѣчества»,—исторію, какой до сихъ поръ не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже) дѣланы по слишкомъ узкому плану и плохи въ исполненіи. За этимъ пойдетъ «Критическій словарь идей и фактовъ», основанный на этой исторіи. Тутъ будутъ перебраны и разобраны всѣ мысли обо всѣхъ важныхъ вещахъ и при каждомъ случаѣ будетъ указываться истинная точка зрѣнія. Это будетъ тоже многотомная работа. Наконецъ, на основаніи этихъ двухъ работъ я составлю «Энциклопедію знанія и жизни»—будетъ уже экстрактъ, небольшого объема, два-три тома, написанный такъ, чтобы былъ понятенъ не однимъ ученымъ, какъ два предыдущіе труда, а всей публикѣ. Потомъ я ту же книгу переработаю въ самомъ легкомъ, популярномъ духѣ, въ видѣ почти романа, съ анекдотами, сценами, остротами, такъ чтобы ее читали всѣ, кто не читаетъ ничего кромѣ романовъ. Конечно, всѣ эти книги, назначенныя не для однихъ русскихъ, будутъ выходить не на русскомъ языкѣ, а на французскомъ, какъ вообще языкъ образованнаго міра. Чепуха въ головѣ у людей, потому они и бѣдны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить. Со времени Аристотеля не было сдѣлано еще никѣмъ того, что я хочу сдѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.—А, впрочемъ, я заговорилъ о своихъ мысляхъ; онъ секретъ, ты никому не говори о томъ, что я сообщаю тебѣ одной (тѣхъ, которые будутъ читать это письмо прежде тебя, я не считаю, потому что они этими вещами не занимаются). Но я рассказалъ тебѣ это для того, чтобы ты видѣла, какъ далеко я отъ всякаго унынія,—о, нѣтъ, мой другъ, рѣдко когда бывалъ я такъ спокоенъ и доволенъ, какъ въ это время. Смотри же, будь и ты спокойна и бодра. Ты здорова—только это и нужно мнѣ, чтобы я былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

«Но что тебѣ сказать о положеніи вздорнаго дѣла, которое служить причиною твоего огорченія и лишь по этому одному неприятно мнѣ? Рѣшительно ничего не могъ бы я тебѣ сказать объ этомъ, если бы даже говорилъ съ тобой наединѣ, потому что самъ ровно ничего не знаю: до сихъ поръ мнѣ не сказано ни одного слова объ этомъ дѣлѣ, и оно остается для меня секретомъ, котораго не

разгадалъ бы я при всемъ своемъ умѣ, которымъ такъ горжусь, не разгадалъ бы, если бы и хотѣлъ думать о вздорѣ, о которомъ и не думаю, будучи увѣренъ, что важнаго тутъ не можетъ быть ничего. Когда это дѣло кончится?—тоже не знаю; но, вѣроятно, скоро—вѣдь не годы же оно будетъ тянуться. Ну, можетъ быть, протянется еще мѣсяць, другой,—вѣдь три цѣлыхъ мѣсяца уже прошло,—а можетъ быть, и одного мѣсяца не протянется, — я ровно ничего не знаю, мой дружочекъ. Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина этого нашего времени разлуки уже прошла. Будь же умница, мой дружочекъ, будь весела и спокойна,— за это я поклонюсь тебѣ въ ножки и расцѣлю ихъ.—Быть можетъ, мой милый ангелъ, ты вздумаешь, что лучше тебѣ дожидаться въ Саратовѣ довѣренности и выѣхать уже по продажѣ дома, — если такъ, то такъ; а впрочемъ, тебѣ виднѣе это; вѣдь тутъ все зависитъ отъ денегъ,—продавь домъ, ты будешь имѣть ихъ; а теперь имѣешь ли? Напиши объ этомъ. Когда мнѣ скажутъ что-нибудь, я увѣдомлю тебя, а теперь ровно ничего не знаю и ужъ по этому одному долженъ все предоставлять единственно твоему разсужденію, моя золотая Ляличка, если бы не былъ всегда расположенъ во всемъ думать, что ты лучше меня можешь судить, какъ и что надобно сдѣлать. Вѣдь ты у меня золотая умница, и за это я цѣлюю тебя. Твой

Н. Чернышевскій.

«Чуть не забылъ приписать, что я здоровъ. Цѣлюю дѣтишекъ. Будь здорова и спокойна. Тысячи и миллионы разъ цѣлюю твои ручки, моя несравненная умница и красавица, Ляличка,—не тоскуй же смотри, будь (нѣсколько словъ на нижней строчкѣ стерлись отъ времени съ бумагой.—*М. Л.*). А какая отличная борода отросла у меня: просто заглядѣнье».

Прочтя письмо, читатель, что бы вы думали, обратило на себя особое вниманіе комиссіи? Мѣсто, заключенное мною въ двойныя прямыя скобки. Комиссія увидѣла въ немъ непомѣрное самовозвеличеніе, преступную гордость! Она совершенно не поняла, что именно умный человекъ не могъ серьезно написать такого письма; что потому Чернышевскій и просилъ Ольгу Сократовну никому не рассказывать о его «планахъ», что понималъ, какъ они должны показаться всякому смѣшными своею совершенною несбыточностью. Онъ просто убѣждалъ жену въ полномъ своемъ спокойствіи. Дальше читатель встрѣтитъ объясненіе этого письма, сдѣланное самимъ Чернышевскимъ.

Наконецъ, когда комиссія увидѣла, что если и можно что получить въ видѣ улики, то только путемъ допроса самого Чернышевскаго, который, конечно, де проговорится, — она дала ему первый допросъ 30 октября, предварительно, слѣдуя общеустановленной формѣ,—сдѣлавъ ему черезъ протоіерея Полисадова «священническое увѣщаніе», чтобы показывалъ сущую правду».

Вотъ этотъ допросъ.

«Николай Гавриловичъ Чернышевскій; происхожу изъ духовнаго

званія; имѣю чинъ титулярнаго совѣтника и нахожусь въ отставкѣ, вѣроисповѣданія православнаго. На исповѣди и у св. причастія бывалъ, но не ежегодно, пропуская иногда обычное время говѣнія по множеству занятій. Женатъ на дочери покойнаго коллежскаго (или статскаго—не помню) совѣтника Сократа Евгеньевича Васильева, служившаго врачомъ при Саратовской удѣльной конторѣ; имя моей жены Ольга Сократовна. Мы имѣемъ двухъ сыновей: Александра, 8 лѣтъ, и Михаила, 4 лѣтъ ¹⁾. Жена и дѣти мои находятся нынѣ въ Саратовѣ.

«Отъ роду мнѣ 34 года. Воспитывался сначала въ Саратовской духовной семинаріи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1850 или 1851 году (кажется, въ 1850, но не ручаюсь, что именно тогда, а не годомъ позже) ²⁾.

«По окончаніи курса служилъ сначала преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ (весною 1851 г., кажется) уѣхалъ учителемъ гимназіи въ Саратовъ ³⁾; весною 1853 г. возвратился въ Петербургъ и служилъ года два опять преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ ⁴⁾; прослуживъ срокъ, требующійся для утвержденія въ чинѣ, вышелъ въ отставку, — кажется, въ началѣ 1856 или, можетъ быть, и въ началѣ 1855 года (послѣдняя цифра, вѣроятно, точнѣе, но не помню хорошенько) ⁵⁾; потомъ черезъ годъ или годъ съ небольшимъ, причислился на службу въ С.-Петербургское губернское правленіе ⁶⁾, не принимая никакой должности въ немъ, лишь бы считаться на службѣ въ угожденіе отцу, которому это нравилось. Такое зачисленіе на службу устроилъ тогдашній петербургскій вице-губернаторъ, г. Муравьевъ; когда онъ былъ переведенъ изъ Петербурга, и поступилъ новый вице-губернаторъ, незнакомый мнѣ, разумѣется, нельзя стало мнѣ числиться на службѣ, не неся никакихъ занятій по ней, и я вышелъ въ отставку—кажется, въ 1858 г., а можетъ быть, и въ 1859—не помню хорошенько ⁷⁾.

«Недвижимую собственность я имѣю: по наслѣдству отца своего и своей матушки домъ въ городѣ Саратовѣ и нѣсколько десятинъ земли (должно быть, около 25 или 30 десятинъ) въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

«Подъ судомъ не былъ.

«Съ 1854 года, то есть почти съ самаго возвращенія своего въ Петербургъ изъ учительства въ Саратовѣ, занимался литературой».

В. «Съ кѣмъ вы знакомы въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, равно за границу; когда и по какому случаю

---

¹⁾ Всѣ въ настоящее время здравствуютъ. Былъ сынъ еще Викторъ, родившійся 31 января 1856 г., но потомъ вскорѣ умершій.

²⁾ Въ 1850 г., со степенью кандидата.

³⁾ Назначеніе туда произошло 6 января 1851 года.

⁴⁾ Тамъ и въ Саратовѣ преподавалъ русскую словесность.

⁵⁾ Высоч. приказомъ 1 мая 1855 года.

⁶⁾ Выс. приказомъ 7 декабря 1856 г. зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ съ 13 ноября того же года.

⁷⁾ 4 марта 1859 г.

съ каждымъ изъ нихъ познакомились и въ какихъ находились сношеніяхъ?».

О. «Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакціею одного изъ большихъ журналовъ, я долженъ былъ быть знакомъ съ сотнями или тысячами лицъ въ Россіи. Пересчитывать ихъ всѣхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, да и напрасно, напрасно потому, что нужно только пересчитывать людей, писавшихъ въ журналахъ петербургскихъ и московскихъ,—и тотъ, кто потрудится пересчитать ихъ, будетъ пересчитывать почти все знакомыхъ мнѣ. Отношенія эти у меня къ нимъ были чисто литературныя,—по помѣщенію статей въ журналѣ «Современникъ» и по платѣ денегъ за статьи.—По случаю помѣщенія статей г. Мечникова въ «Современникѣ» я писалъ ему раза два или три въ Италію, гдѣ онъ тогда (въ первой половинѣ 1862 г.) жилъ. Содержаніе писемъ моихъ къ г. Мечникову было таково: «такая-то статья Ваша получена или напечатана мною. Деньги за нее Вамъ посылаются или будутъ посланы»¹⁾.

В. «По имѣющимъ въ комиссіи свѣдѣніямъ вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?»

О. «Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ (это предположеніе я высказываю здѣсь потому, что ихъ фамиліи были мнѣ сказаны лицомъ, предлагавшимъ мнѣ изустные вопросы, имени и фамиліи котораго не имѣю чести знать²⁾)—всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной неприязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева, по довѣренности г. Огарева. Неприязнь эта давнишняя.

«Какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли или нѣтъ какихъ соумышленниковъ въ Россіи гг. Герценъ и Огаревъ, мнѣ неизвѣстно.

«Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы.

«Прибавлю, что и по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою я не имѣлъ ни съ г. Огаревымъ, ни съ г. Герценомъ никакихъ сношеній. Точно также не имѣлъ я сношеній ни съ кѣмъ другимъ изъ русскихъ изгнанниковъ».

¹⁾ По отвѣтамъ Мечникова видно, что, въ сущности, письма были, конечно, вовсе не таковаго казенно-шаблоннаго характера, но Чернышевскій зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и былъ увѣренъ, что писемъ къ Мечникову комиссія не увидитъ.

²⁾ Генераломъ Огаревымъ.

Прочтя вопросные пункты, Чернышевскому стало совершенно ясно, что онъ не ошибался, что за четыре мѣсяца усиленной работы комиссія не нашла никакихъ серьезныхъ уликъ, и потому рѣшилъ держать себя съ нею совершенно опредѣленно и притомъ вызывающе.

Мало того, что онъ написалъ приведенные отвѣты, но по окончаніи допроса заявилъ еще, что подастъ жалобу на дѣйствія комиссіи, какъ только кончится это дѣло. Можно себя представить, какъ обозлилась комиссія всесильнаго Голицына...

Но она понимала свое неловкое положеніе.—На слѣдующій день она постановила признать послѣдніе отвѣты Чернышевскаго «неумѣстными» и, имѣя въ виду статью закона, по которой отвѣты должны излагаться безъ всякихъ околнчностей, положила «потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы далъ объясненіе, согласное съ требованіемъ закона».

1 ноября Чернышевскій былъ вытребованъ въ комиссію и написалъ другой отвѣтъ на послѣдній вопросъ: «Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за границею русскихъ изгнанниковъ и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ въ Россіи я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли такыя сообщники у нихъ въ Россіи».

Повидимому, Чернышевскій надѣялся скоро быть выпущеннымъ и когда увидѣлъ, что надежда эта становится несбыточной, 20 или 22 ноября рѣшилъ написать два письма: одно государю, другое петербургскому генераль-губернатору, кн. Суворову. Въ первомъ онъ, вѣроятно, объяснялъ всю незаконность правительства въ отношеніи къ себѣ, во второмъ—просилъ Суворова, почти единственнаго умнаго и порядочнаго представителя тогдашней придворной и бюрократической камарильи, пояснить государю дѣйствія комиссіи. Дальше читатель нѣсколько разъ встрѣтитъ упоминанія Чернышевскаго объ этихъ письмахъ, но познакомить его съ ними я не имѣю, къ сожалѣнію, возможности: въ сенатскомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, въ комиссію они доставлены не были и, вѣроятно, припрятаны III Отдѣленіемъ, которое, конечно, получило ихъ отъ коменданта. Почему же оно ихъ скрыло? Разумѣется, потому, что считало справедливо рисующими картину собственнаго произвола и понимало, что передавъ эти письма офиціально въ комиссію, должно будетъ пустить ихъ и дальше—въ сенатъ и государственный совѣтъ, а это не входило въ расчеты ни кн. Долгорукова, ни Потапова...

Досугъ свей Чернышевскій употреблялъ на работу.

Началъ онъ ее переводомъ 16-го тома «Всемирной исторіи» Шлоссера, разобранной по томамъ имъ, Зайцевымъ, Обручевымъ и Серно-Соловьевичемъ. 15-й былъ готовъ еще до крѣпости и, по просьбѣ Чернышевскаго, былъ переданъ комиссіей въ типографію Огризко. 16-й былъ сначала данъ на просмотръ сенатору Гедда, а потомъ въ декабрѣ переданъ черезъ оберъ-полицеймейстера тоже Огризко, но тотъ отказался принять его, не зная, у него ли будетъ

печататься, и рукопись была сдана въ магазинъ Серно-Соловьевича.

15 января 1863 года Потаповъ передалъ комиссіи начало романа «Что дѣлать?» и письмо Чернышевскаго женѣ. Рѣшено было романъ передать на просмотръ Каменскому, а письмо не посылать, пока не будетъ прочтена рукопись. 26 января она была послана оберъ-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину, съ правомъ напечатать ее «съ соблюденіемъ установленныхъ для цензуры правилъ». Каменскій, слѣдовательно, не нашелъ въ ней ничего относящагося къ дѣлу Чернышевскаго, а комиссія и не думала смотрѣть на «Что дѣлать?» съ точки зрѣнія цензора — предполагалось, что эту обязанность будутъ нести профессиональные цензора.

Начатый такимъ образомъ свой романъ Чернышевскій рѣшилъ, однако, прервать энергичной борьбой съ комиссіей.

22 января онъ написалъ коменданту крѣпости, генералу Сорокину, слѣдующую записку:

«Надѣясь, что дѣло его достаточно разъясненно теперь, Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство представить съ Вашимъ ходатайствомъ на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, его желанія:

1. Чтобы ему *немедленно* было разрѣшено видѣться съ его женою постоянно.

2. Чтобы комиссія пригласила его для сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о положеніи его дѣла, которыя могутъ быть сообщены безъ всякаго нарушенія какой-либо слѣдственной тайны, — именно, въ какое приблизительно время дѣло Чернышевскаго можетъ быть окончено производствомъ. Чѣмъ оно кончится, этого онъ не спрашиваетъ; это ему извѣстно; но *когда* оно кончится, — это онъ желаетъ знать.

«22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

«P. S. Если онъ не получитъ отвѣта до четверга вечера (24 ч. января), то онъ будетъ знать, что не нашли удобнымъ или нужнымъ обращать вниманіе на эти его желанія. 22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

Сорокинъ, по долгу службы, отправилъ эту записку въ III Отдѣленіе, вѣдавшее Алексѣевскимъ равелиномъ.

На слѣдующій день Потаповъ передалъ ее въ комиссію. Она положила «пріобщить къ дѣлу» новый документъ и... все. Чернышевскій терпѣливо прождалъ 22-е, 23-е и день 24-го; наконецъ, вечеромъ послалъ Сорокину записку: «Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство Г-на Коменданта извѣститъ его, полученъ ли Его Превосходительствомъ какой-либо отвѣтъ на записку Чернышевскаго отъ 22-го числа этого мѣсяца. — Вечеръ 24 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

Сорокинъ послалъ и эту записку въ III Отдѣленіе. Отвѣта не получалось. 1 февраля комиссія и ее «пріобщила къ дѣлу».

Чернышевскій прождалъ еще до утра 28-го января и началъ голодовку...

Это было тогда совершенною новостью. Къ ней не были приготовлены.

Вотъ что рассказываетъ помощникъ смотрителя рavelина: «Дѣло было такъ: нижніе чины караула, да и самъ смотритель, замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ четыре, караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшилъ умереть голодною смертию... Ни увѣщанія добряка смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру всю пищу по прежнему ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакана воды въ день. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился»¹⁾).

Состоявшій при крѣпости докторъ Оксель 3 февраля донесъ коменданту, что Чернышевскій голодаетъ, вслѣдствіе чего «замѣтно слабъ», «цвѣтъ лица у него блѣдный, пульсъ нѣсколько слабѣе обыкновеннаго, языкъ довольно чистый; прописанныя ему капли для возбужденія аппетита онъ принималъ только два раза, а 3-го числа объявилъ, что не намѣренъ принимать таковыя, и что онъ воздерживается отъ пищи не по причинѣ отсутствія аппетита, а по своему капризу».

Утромъ 6-го февраля Чернышевскій прекратилъ голодовку, выдержавъ, такимъ образомъ, девять дней.

7-го же Потаповъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія комиссіи. Утромъ 6-го Чернышевскій писалъ коменданту:

«Такъ какъ только черезъ Ваше Превосходительство я имѣю сношеніе съ правительствомъ надежнымъ для меня образомъ и такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ спрошено Ваше мнѣніе о случаѣ, возбужденномъ мною²⁾, то я съ Вашего согласія, изустно сообщеннаго мнѣ г. Смотрителемъ, письменно прошу Васъ прямо сказать мнѣ, изустно или письменно: достаточно ли убѣждены Вы въ совершенной серьезности и твердости моей воли, которая была изустно объявлена мною Вамъ³⁾.—По неопытности въ различіи симптомовъ страданія, я слишкомъ рано пріостановилъ продолженіе начатаго мною. Но я держу свой организмъ въ такомъ состояніи, что результаты, которыхъ я достигъ въ предыдущіе десять

¹⁾ Ив. Борисовъ, „Алексѣевскій рavelинъ въ 1862—1865 гг.“, „Рус. Стар.“ 1901 г. XII.

²⁾ Почему такъ осторожно говорить онъ о голодовкѣ, неизвѣстно.

³⁾ Очевидно, передъ этимъ были разговоры лично съ комендантомъ.

дней, нисколько не пропадаютъ: и если Ваше Превосходительство еще недостаточно убѣждены, я возобновлю свое начатое, безъ всякой потери времени съ прежнимъ намѣреніемъ итти, если нужно, до конца. Мнѣ непріятенъ скандалъ, но не я причина его; вѣроятно, и Ваше Превосходительство также нисколько не причина его,—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, что Вы — не причина его.

«Прошу Васъ отвѣчать мнѣ — этого требуетъ ужъ и обыкновенная учтивость. Но если Вы не будете отвѣчать нынѣ (въ среду), это будетъ для меня значить, что Вы недостаточно убѣждены въ серьезности моего намѣренія. Въ такомъ случаѣ прилагаемая (запечатанная) записка моя къ Его Свѣтлости г. Генераль-Губернатору не можетъ имѣть успѣха, и для меня все равно, какъ Вы найдете нужнымъ распорядиться ею.

«Если же Вы достаточно убѣждены въ серьезности и твердости моей воли, я прошу Ваше Превосходительство помочь мнѣ испытать послѣднее средство избѣжать мнѣ отъ развязки, гибельной для меня и невыгодной для правительства: я прошу Васъ передать Его Свѣтлости г. Генераль-Губернатору мою записку къ нему. Она запечатана, — это требуется деликатностью относительно Его Свѣтлости. Но копія записки остается у меня и, если Вамъ нужно или угодно, Вы можете взять у меня копію, которую я въ такомъ случаѣ пришлю Вамъ также запечатанною, какъ это письмо — запечатанною потому, что я желаю избѣжать всякаго скандала. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863».

«P. S. Понятно, почему я приостанавливаю начатое, когда въ послѣдній разъ пробую вступить въ переговоры, — это для того, чтобы по возможности не имѣть ненужнаго угрожающаго вида, *Н. Чернышевскій*. P.P.S. Прошу Ваше Превосходительство, не пренебрегайте моею просьбою. Дѣло нисколько не шуточное. Съ этой минуты, если еще эта попытка не удастся, я уже не буду тревожить никого ни однимъ словомъ».

А вотъ что писалось князю Суворову:

«Ваша Свѣтлость, я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣкъ, въ которомъ соединяются два качества, очень рѣдкія между нашими правительственными лицами: здравый смыслъ и знаніе правительственныхъ интересовъ. Моя судьба имѣетъ нѣкоторую важность для репутаціи правительства. Она поручена людямъ (членамъ слѣдственной комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ—тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ—говорю прямо, потому что это мое письмо вѣдь не для печати.—Для меня жизненный вопросъ, а для репутаціи правительства не ничтожное дѣло, чтобы на мою судьбу обратилъ вниманіе человѣкъ, могущій здраво судить о правительственныхъ интересахъ, какимъ я знаю Вашу Свѣтлость.

«Мои желанія очень умѣренны. Я могу указать средства, кото-

рыми правительство можетъ исполнить ихъ съ честью для себя, нисколько не принимая вида, что дѣлаетъ мнѣ уступку, — нѣтъ, видѣть будетъ только тотъ, что оно узнало ошибку нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ, и какъ скоро узнало, благородно исправило ее.

«Это объясненіе гораздо удобнѣе было бы сдѣлать изустно, чѣмъ письменно: въ разговорѣ всякія недоумѣнія съ той или другой стороны тотчасъ же могутъ быть устранены. Потому я прошу Вашу Свѣтлость навѣстить меня. Но если вы не имѣете времени исполнить эту мою просьбу, я прошу у Васъ разрѣшенія писать къ Вамъ, но лично къ Вамъ и только къ Вамъ, — потому что, какъ я сказалъ, я только въ Васъ вижу качества, какія нужны государственному человѣку для здраваго пониманія государственныхъ интересовъ и выгодъ правительства. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 февраля 1863».

Уже изъ того, что Чернышевскій считалъ свою голодовку въ десять дней и 6-е февраля счелъ за 7-е, которымъ и датировалъ оба документа, можно видѣть, какъ подѣйствовалъ на него самого оригинальный тогда протестъ...

Сорокинъ разсудилъ за лучшее вытребовать у Чернышевскаго и копію и всѣ три документа тотчасъ отправилъ въ III Отдѣленіе. На слѣдующій день они были получены въ комиссію, а Суворовъ опять ничего не получилъ. 7-го числа Сорокинъ передалъ свой отвѣтъ Чернышевскому весьма неопредѣленно и Н. Г. пишетъ ему: «Отвѣтъ Вашего Превосходительства переданъ мнѣ въ неясномъ видѣ—это обыкновенное неудобство сношеній черезъ третье лицо. Я спрашивалъ Васъ: совершенно ли Вы убѣждены въ твердости моего намѣренія. Прошу Васъ прислать въ отвѣтъ одно изъ двухъ словъ: «да» или «нѣтъ», не прибавляя къ этому одному слову ничего, чтобы опять не вышло путаницы. Итакъ—«да» или «нѣтъ». 7 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это комендантъ.

11 февраля комиссія положила «всѣ эти документа приобщить къ дѣлу».

12-го Чернышевскій посылаетъ Пыпину уже 35 убористо написанныхъ страницъ продолженія «Что дѣлать?» и полулистъ замѣтокъ о необходимыхъ поправкахъ при корректурѣ. Все это получено комиссіей на слѣдующій день. Разсмотрѣніе рукописи было поручено генералу Слѣпцову, и потомъ она была отправлена Пыпину.

Оригинально, что писаніе романа Чернышевскій прерывалъ, и довольно на продолжительные сроки, переводомъ исторіи Гервинуса и Маколея, которые разсматривались обычнымъ порядкомъ и доставлялись полиціей Пыпину.

Должно быть, отвѣтъ коменданта на вопросъ: «да» или «нѣтъ» заключалъ въ себѣ какую-нибудь угрозу, потому что, выждавъ семь дней, 14 февраля Чернышевскій пишетъ ему: «Вотъ недѣля

проходить послѣ моего свиданія съ Вами, и мнѣ кажется, что ждать больше было бы напрасною потерей времени, и что Вамъ пора принимать противъ меня мѣры строгости, о которыхъ Вы говорили. 14 февраля 1863, утро, *Н. Чернышевскій*».

18 февраля комиссія, наконецъ, рѣшила не вызывать Чернышевскаго на вторичную голодовку и разрѣшить свиданіе съ женою въ присутствіи своихъ нѣкоторыхъ членовъ.

23 февраля, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ ареста, Чернышевскій, наконецъ, впервые увидѣлъ свою жену.

Передъ этимъ онъ былъ посѣщенъ въ казематѣ членами комиссіи, но объ этомъ ниже мы прочтемъ его собственный рассказъ. Они общались черезъ нѣсколько дней его освободить. Вѣра общанію, Н. Г. пишетъ комиссіи: «Чернышевскій просилъ бы увѣдомить его, когда будетъ назначено новое свиданіе его жены съ нимъ, и, если это не представляетъ неудобствъ, назначить его завтра, въ четвергъ.—Среда, 27 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Общаніе и просьба, разумѣется, не были исполнены.

Ольга Сократовна послѣдила прислать мужу довольно много книгъ, рукописей изъ редакціи и новыхъ журналовъ: въ первыхъ числахъ февраля вышли уже первыя книжки „Современника“ и „Русск. Слова“; отбывшихъ наложенную на нихъ кару. Комендантъ адресовался къ Потапову, а послѣдній сообщилъ комиссіи, прибавивъ, что „для доставленія арестантамъ Алексѣевскаго равелина развлеченія чтеніемъ, разрѣшено давать имъ книги изъ библіотеки, заведенной для сего при крѣпости“. Комиссія нашла, что все присланное Чернышевскому женою можно ему выдать, исключая *современныхъ* журналовъ.

4 марта Н. Г. пишетъ вторично въ комиссію: „Чернышевскій имѣетъ честь напомнить о той просьбѣ, которую онъ выражалъ въ своей запискѣ отъ 27 февраля. — Марта 4, 1863 г. *Н. Чернышевскій*“. Комиссія рѣшила молчать.

Тогда 7 марта Н. Г. пишетъ Сорокину:

„Ваше Превосходительство, со мною опять начинаютъ шалить. Задерживаютъ письма моей жены; не обращаютъ вниманія на мои желанія, о которыхъ я *знаю*, что для исполненія ихъ нѣтъ препятствій; даже не отвѣчаютъ на мои желанія, что уже просто невѣжливо; наконецъ, я не вижу исполненія того, что мнѣ было сказано въ глаза 23 февраля о *нѣсколькихъ* дняхъ.

„Сдѣлайте одолженіе, Ваше Превосходительство, употребите Ваше вліяніе на то, чтобы убѣдить другихъ въ напрасности и неудобствѣ этихъ шутокъ. Я не знаю, кто это шутитъ; но, вѣроятно, лица, говорившія со мною 23 февраля, поддержать Ваше мнѣніе, что шутки эти пора прекратить.

„Когда мое терпѣніе истощится, я, по своему общанію, предупрежу Ваше Превосходительство. Теперь пока, я думаю, что его еще достанетъ на нѣсколько времени. Но вѣрнѣе было бы не испытывать его. Нынѣ *восемь* мѣсяцевъ, какъ его испытываютъ, — кажется, этого довольно.

„Боже мой, что у насъ какъ все неловко и неумѣстно шалить надъ людьми! Пора бросить эту старую привычку, — ея надѣлано довольно уже много такого, чему вовсе не слѣдовало быть и что, конечно, не приноситъ пользы правительству. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 марта 1863 г.“

Но комиссія знала, почему она шутила. У Потапова созрѣлъ смѣлый планъ, и дѣло изъ фазиса полного отсутствія уликъ, вотъ-вотъ, должно было перейти въ другой.

III-е Отдѣленіе работало...

ЧАСТЬ II.

Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ.

I.

Въ августѣ 1861 г. въ Москвѣ было открыто тайное печатаніе противоправительственныхъ изданій. Привлеченными оказались отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, Иванъ Гольцъ-Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Яценко, Сваричевскій и др. Въ результатѣ разбора въ 6 (московскомъ) департаментѣ сената дѣла «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», опредѣленіе котораго было утверждено государственнымъ совѣтомъ, подтверждено государемъ и объявлено обвиняемымъ 2 января 1863 года, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ долженъ былъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Другіе понесли тоже серьезныя кары.

Съ біографіей Костомарова читатель познакомится хорошо впоследствии, а теперь я только напомнимъ ему, что этому господину М. И. Михайловъ обязанъ былъ своей каторгой. Онъ занимался литературой и потому имѣлъ въ ней много знакомствъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Шелгуновъ говоритъ, что у него былъ «какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣдность и не то какая-то робость, не то какая-то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень нуждался. У Костомарова былъ узкій сверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышенія лобъ и подъ гребенку остриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сейчасъ же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ человѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ, ему вѣрили,

его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности».

Эта часть характеристики написана до приговора надъ Костомаровымъ общественнаго мнѣнія, вслѣдъ за начатіемъ названнаго выше процесса. А вотъ какъ онъ характеризовался Шелгуновымъ послѣ: „Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ и до ихъ печатанія. Вообще эта натура была придавленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неумный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать и свои поступки. Личное чувство, и такъ уже въ немъ, должно быть, безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше, онъ преувеличивалъ свое несчастье и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный“¹⁾.

Чернышевскій говорилъ, что былъ увѣренъ въ душевной болѣзни Костомарова, въ его психической ненормальности и даже просилъ М. И. Писарева говорить объ этомъ всѣмъ, кто о немъ вспомнить²⁾.

Итакъ, этотъ самый Костомаровъ сидѣлъ въ „Петропавловкѣ“. Повидимому, III Отдѣленіе еще раньше во время процесса оцѣнило его. Неизвѣстно, въ какую форму выливались ихъ взаимныя отношенія, насколько они были трогательны и платоничны, но такъ или иначе, по обстоятельствамъ дѣла Чернышевскаго *понадобилось* извлечь Костомарова изъ каземата и выпустить на свѣжій воздухъ, подъ менѣ суровый и бдительный присмотръ. Для этого III Отдѣленіе пошло на освобожденіе его изъ крѣпости еще въ концѣ февраля, т. е. продержавъ тамъ Костомарова только мѣсяць съ небольшимъ вмѣсто полугода. 28 февраля его отправили къ мѣсту новаго служенія, на Кавказъ, но не въ сопровожденіи, какъ бы слѣдовало, двухъ нижнихъ чиновъ, а одного изъ выдающихся тогда расторопностью и „способностями“ жандармскаго капитана Чулкова...

1 марта они прибыли въ Москву, и, какъ доносилъ Чулковъ, „по слабости здоровья Костомарова“, остановились тамъ на сутки. Къ нимъ явился бывший переписчикъ Костомарова — Яковлевъ и сдѣлалъ весьма важное открытіе въ разговорѣ съ бывшимъ своимъ принципаломъ: ему де извѣстны всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову. Чулковъ, приготовленный еще раньше къ приходу

¹⁾ Изъ невзданной части воспоминаній, по уцѣлѣвшему отъ сожженія печатному экземпляру.

²⁾ Рейнгартъ, в. с., „Рус. Стар.“. 1905 г., 11, 473, 475.

этого гостя, явившагося по вызову Костомарова особой запиской, очень предупредительно подалъ Яковлеву бумагу и просилъ задокументировать все разсказанное. Яковлевъ, разумѣется, исполнилъ просьбу безъ особыхъ приглашеній...

Надо было, конечно, и дѣйствовать, и благодарить.

Для этого Чулковъ тутъ же написалъ Потапову: „Вашему Превосходительству осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина Петра Васильева Яковлева, который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ; онъ мнѣ уже оказалъ услугу, и покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять его подъ милостивое Ваше покровительство“¹⁾. Вручивъ Яковлеву эту многозначительную рекомендацію, Чулковъ далъ ему на дорогу въ Петербургъ. Костомаровъ, въ свою очередь, написалъ матери: „Я въ Москвѣ уже, по обыкновенію веселъ, здоровъ и благополученъ. Петръ Васильевичъ оказалъ мнѣ весьма важную услугу — и сообразно этому будетъ, конечно, принять тобою. Я подарилъ ему свое пальто—пожалуйста, отдай. Ну, больше я ничего тебѣ не пишу;—во-первыхъ, нечего, потому что я ни съ кѣмъ еще не видѣлся, во-вторыхъ... ты догадаешься почему. Au revoir. Крѣпко цѣлую тебя и мою милую Моху»...

Радостный Яковлевъ отправился на Николаевской вокзалъ.

Что же онъ написалъ по просьбѣ Чулкова и Костомарова?

«Лѣтомъ 1861 года, около іюля мѣсяца, будучи переписчикомъ бумагъ и разныхъ сочиненій у Г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видалъ у него изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго и, переписывая бумаги по случаю лѣтняго времени въ бесѣдкѣ сада дома г. Костомарова, когда они, ходя между собою подъ руку и разговаривая между собою, произносили слова, изъ которыхъ мнѣ удалось запомнить слѣдующія фразы, произнесенныя Г. Чернышевскимъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ». Вы ждали отъ царя воли, ну, вотъ вамъ и воля вышла. Называя Г. Чернышевскій эту статью своею, упрасивалъ Г. Костомарова о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Не только не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго, но даже не имѣя рѣшительно никакой возможности понять точнаго смысла статьи, о которой у нихъ шелъ разговоръ, ибо до моего смысла доходило только нѣсколько отрывочныхъ фразъ,—я не считалъ тогда своимъ долгомъ довести этого ни до чьего свѣдѣнія. Но когда же услышавъ впослѣдствіи, что Г. Костомаровъ осужденъ будто бы за какія-то противу правительства незаконныя дѣйствія, и чтобы оградить себя отъ всякой могшей бы въ послѣдствіи возникнуть отвѣтственности и считая себя въ непремѣнной обязанности и долгѣ всякаго честнаго гражданина, обязаннаго не скрывать предъ прави-

---

¹⁾ Потомъ, когда дѣло было передано въ сенатъ, Чулковъ донесъ Потапову, что подъ „услугой“ Яковлева онъ разумѣлъ полную его готовность объяснить извѣстныя ему отношенія Костомарова къ разнымъ лицамъ и назвать ихъ.

тельствомъ лицъ, ему вредящихъ, доводить до свѣдѣнія этотъ разговоръ, неясно слышанный имъ между г.г. Чернышевскимъ и Костомаровымъ, хотя и теперь не понимая настоящаго его значенія, но единственно догадываясь, что лицу, повидимому, стоящему въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ г. Чернышевскій къ г. Костомарову, можетъ быть, были извѣстны и преступныя, какъ оказалось, замыслы друга его Г. Костомарова. Московскій мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ».

На другой день, 2-го, Костомаровъ якобы сказалъ Чулкову, что ему хуже, и потому, по просьбѣ своего провожатаго, былъ отправленъ на гауптвахту, какъ въ свободное казенное помѣщеніе. Тамъ у него были профессоръ Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Ростовскаго полка Охотскій, докторъ того же полка, Меншиковъ, прапорщикъ Днѣпровскаго полка Шостакъ, братъ Костомарова Алексѣй—прапорщикъ резерв. бат. Либавскаго полка, фотографъ Суловъ и содержатель нотнаго магазина Юргенсонъ. Общество, какъ видимъ, довольно разнообразное... 4-го Костомаровъ почувствовалъ себя лучше, и они выѣхали изъ Москвы, прибывъ 5-го утромъ въ Тулу. Тамъ Костомаровъ «снова заболѣлъ» и просилъ остановиться на два дня. Чулковъ, разумѣется, исполнилъ и эту просьбу.

Но два дня оказались нужны совсѣмъ для другихъ цѣлей...

5-го же Костомаровъ сѣлъ писать письма роднымъ, и вотъ Чулковъ замѣчаетъ у него одно довольно толстое, беретъ прочесть, видитъ, что въ немъ масса матеріала къ начатому дѣлу о Чернышевскомъ и спѣшитъ послать его въ тотъ же день Потапову. 7-го они «хотѣли» двинуться изъ Тулы дальше, но, конечно, какъ и было условлено, получили телеграмму Потапова о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ...

Что же это за письмо?

II.

Адресованное въ «Петербургъ, Николаю Ивановичу Соколову, оставить на почтѣ впредь до востребованія», оно состояло изъ 5 листовъ почтовой бумаги большого формата и было исписано очень мелкимъ почеркомъ по частному транспаранту и почти безъ помарокъ.

Привожу его полностью.

«Тула. 5 Марта».

«Ну вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщала писать къ вамъ съ мѣста, до котораго, вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь нѣкая, такъ что не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

«Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарий на нашу юридическую войну.

«Принимаюсь... а съ чего начать? Pour le commencement,—конечно, какъ говорятъ французы, или, по древней поговоркѣ, ab ovo—съ яицъ Леды... Но вотъ тутъ-то и камень преткновения... Съ яицъ .. съ которыхъ же именно? Ихъ такъ много... Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы начать съ самой Леды, необъятное чрево которой... но это слишкомъ далеко заведетъ насъ, а у меня слишкомъ мало времени и... бумаги. Поэтому я начну съ Чернышевскаго.—Что за чортъ—говорите вы (à peu près): Леда, яйца, и Чскій! Гдѣ же тутъ Witz, гдѣ жъ тутъ послѣдовательность, логическая связь, etc?... Mais, mon ami, toutes ces choses paraîtront en temps et lieu; къ тому же я вѣдь собираюсь писать къ вамъ чуть ли не цѣлую эпопею, а—la plupart des poètes épiques se jettent tout d'abord *in medias res*: Horace fait de ce précepte le grand chemin de l'épopée... (изъ этого вы видите, между прочимъ, что я никакъ не могу отстать отъ своей несчастной привычки подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ).

«Итакъ—начнемъ... Но васъ, можетъ быть (я бы даже долженъ былъ сказать «конечно»), удивляетъ, что я начинаю прямо съ лица, о которомъ нѣтъ и помину въ томъ рассказѣ объ юридической войнѣ, на которую я, en nouveau César, пишу свои комментарии... Но въ томъ-то и штука, другъ мой. Слушайте и рукоплещите явленіямъ всероссійской Θεимиды... Говорю рукоплещите—*plaudite!*—и не «удивляйтесь», потому что дивиться тутъ нечему, *nil mirari*. Смиренномудрая богиня правосудія не скрываетъ ни отъ кого, что она носитъ на глазахъ повязку и держитъ въ рукахъ фальшивые вѣсы... Въ такомъ видѣ, *in blinde Kuh*, ее можно видѣть ежедневно на одномъ изъ интереснѣйшихъ зданій нашей сѣверной пальмы¹⁾.

«Но, боже мой — я написалъ уже цѣлую страницу и все еще ничего не написалъ. Mais dûit mon premier vers me coûter une heure.—я все-таки не начну своей исторіи прежде, чѣмъ познакомлю васъ съ милой личностью моего «потаеннаго» героя.

«Разумѣется, я буду очень коротокъ и скажу вамъ только то, что необходимо знать вамъ пока, чтобы вамъ не показалось страннымъ то озлобленіе, съ которымъ я, при всемъ моемъ желаніи быть сдержаннымъ, не могу говорить объ этомъ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда я буду имѣть болѣе *свободною* времени, я непременно поговорю съ вами о его литературной дѣятельности, тайной и явной — чтобы показать вамъ, откуда подулъ тотъ вѣтеръ, который, какъ вы справедливо, хоть и немного увѣсисто, замѣтили—(ну, да вы, чай, не совсѣмъ забыли риторика Кошанскаго-то), который наслалъ столько жалкихъ жертвъ въ казематы российскихъ крѣпостей и въ тѣ злачныя мѣста, куда отсылаютъ «по

¹⁾ На сенаѣ.

Иванъ Пантелеймоновичъ
ЕМЕЛЬЯНОВЪ.

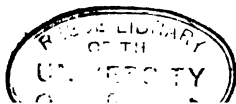

соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ»... тогда вы увидите, откуда на святомъ знамени свободы появился тотъ скверный девизъ, во имя котораго дѣйствуютъ наши доморощенные агитаторы, пишущія всѣ эти «Великоруссы» и «Молодыя Россіи», всѣ эти бесполезныя прокламаціи съ красными и голубыми печатями. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы заподозрить меня въ ультра-ренегатствѣ, въ подкупленномъ или вымученномъ кажденіи деспотизму, въ малодушномъ отступничествѣ отъ Христа, «иже свобода есть» — по словамъ Павла, отъ Христа, не идущаго во славу судить вселенную, но Христа заушеннаго и угнетеннаго, идущаго на казнь крестную... Вы знаете, чего ищу я, вы знаете, чему я поклоняюсь. Вы знаете, въ чемъ я вижу свободу, и знаете, какимъ путемъ хотѣлось бы мнѣ, дошла до нея моя родина. Вы давно знаете это, мой старый, мой сердечный другъ, — поэтому-то я такъ смѣло говорю съ вами, увѣренный, что омерзение къ лже-проповѣдникамъ свободы вы не назовете иудинымъ лобзаніемъ Христа. Да, я буду и могу говорить съ вами съ чистымъ сердцемъ, съ покойною совѣстью. Вы не имѣете ничего общаго ни съ тѣмъ чело-вѣкомъ, о которомъ я буду говорить вамъ, ни съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ; вы не имѣете ровно никакого вліянія правительственнаго, поэтому, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія, слишкомъ желчныя слова мои не будете объяснять ни личнымъ моимъ озлобленіемъ, ни желаніемъ очернить Чскаго для того, чтобы самому рядомъ съ нимъ казаться бѣлѣе (потому что ваше мнѣніе составилось обо мнѣ твердо и его, я увѣренъ, не измѣнить никакая сплѣтня): вы увидите въ письмѣ моемъ только желаніе, разсказавъ вамъ одинъ изъ подвиговъ нашего агитатора, — спросить васъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Матѣемъ: *«Какъ же могутъ добро глаголатъ, эли суще?»* (Я знаю, вы, старый ханжа, любите читать свою старую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ съ уродливыми мѣдными застѣжками).

«Вотъ какое длинное вышло предисловіе. Ну, за то я постараюсь сдѣлать какъ можно короче текстъ.

«Чскій — такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю, — чело-вѣкъ съ самолюбіемъ необъятнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя самымъ умнымъ чело-вѣкомъ въ мірѣ (онъ даже и не думаетъ дѣлать секрета изъ такого самопризнанія)¹⁾. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго взгляда на самого себя, ему, разумѣется, кажется, что все, что сдѣлано не имъ, никуда не годится. И такъ какъ, кромѣ пагубы нѣсколькихъ десятковъ нашихъ лучшихъ юношей, до сихъ поръ пока еще ничего не сдѣлано, то и выходитъ, что все, елика на небеси горѣ и на землѣ низу, и въ водахъ, и подъ землею — не годится ни къ чорту. Молодое поколѣніе воспиталось не въ его школѣ (по крайней мѣрѣ, не все) — молодое поколѣніе дрянъ; общество устроилось не по его методѣ — ну, и оно дрянъ; да нечего тутъ пересчитывать, однимъ словомъ, все *существующее*

¹⁾ Вспомните, читатель, письмо Н. Г. къ женѣ. Не видѣлъ ли его Костомаровъ?

идеть въ бракъ, въ ломку («всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь въ нелѣпомъ положеніи», наприм., говорить онъ) и все, имѣющее существовать, должно созидаться по его методѣ, если хочеть, чтобъ оно на что-нибудь годилось. Итакъ, — «давайте все разрушать»... Но надѣленный отъ природы такими воинственными наклонностями, нашъ Thalaba the Destroyer не одаренъ, къ сожалѣнію, большой храбростью. Онъ, какъ новый Самсонъ, во что бы то ни стало хочеть разрушить зданіе нашего общественнаго устройства... Только видите ли... старый, сильный израильянинъ былъ такъ непрактиченъ, что втемяшился въ самую середину зданія и, расшатавъ столбы of his Commonwealth—повалилъ всѣ обломки на свою голову:

The poor, blind slave, the scoff and jest of all,
Expired,—and thousands peris in the fall.

«Это и коротко и ясно. Но нашъ Самсонъ разсуждаетъ иначе. Онъ такъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ развалить его; а самъ посижу пока въ сторонкѣ... Коли развалить — хорошо; я займусь тогда постройкой новаго (и, вы уже видите, что *такой* архитекторъ, составляя смѣты, конечно, не обидитъ своего кармана), а не развалить — надорвутся, толкая крѣпкіе еще столбы, — такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣль останусь. И пошлю новыхъ работниковъ; авось же найдется когда-нибудь такой крѣпкій лобъ, что и прошибетъ стѣну... и въ писаніи сказано: толцые и отверзетъ и греческая пословица (которую, помните, зубрили мы когда-то въ грамматикѣ Кюнера) говорить: капля долбитъ камень не силою, но часто падая...

«Я сказалъ, что разрушитель нашъ не одаренъ большой храбростью. Не знаю, отчего это я такъ сказалъ. Можетъ быть, для того, чтобы фраза вышла покрасивѣе. Надо было бы сказать: «онъ просто жалкій трусъ». Это вѣрнѣе. Но многие—вотъ что удивительно—видятъ въ немъ, напротивъ, чудо храбрости, просто какого-то черкесскаго делибаша или скандинавскаго берсеркера. Но это вотъ отчего: ces braves gens немножко перепутываютъ два понятія: наглость, нахальство, охаверничество съ храбростью, самоотверженіемъ, геройствомъ. Въ „Полемическихъ красотахъ“ ¹⁾ они видятъ, напримѣръ, цѣлую Илліаду храбрости. Отщелкать какого-нибудь Альбертини ²⁾ они считаютъ подвигомъ, равнымъ убіенію гидры Лернейской. Написать подъ всеохраняющей эгидой материчензуры статейку объ юльской монархіи (т. е. перефразировать Луи Блана) и въ ней, съ разрѣшенія какого-нибудь Загибенина ³⁾, поглумиться надъ людьми, *восторжествующимися настоящими*, надъ отчаяніемъ людей *нетвердыхъ душой* или *нетерпеливыхъ* (ты-то

¹⁾ Извѣстная статья Чернышевскаго.

²⁾ Н. В. Альбертини, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“.

³⁾ Фамилія цензора.

твердъ)—въ этомъ они видятъ цѣлый крестовый походъ противъ настоящаго порядка вещей, цѣлую революцію,—тогда какъ это, съ одной стороны, шишъ въ карманѣ, а съ другой—просто поддразниваніе. Но, боже мой! Неужели Аполлонъ сдѣлалъ великій подвигъ, содравъ кожу съ бѣднаго Марсіаса за то, что бѣдный пастухъ *осмѣлился* лучше его играть на флейтѣ? Неужели Чнскій взаправду совершилъ великій подвигъ, отваявъ на обѣ корки Альбертини, котораго самъ же называетъ ребенкомъ... въ сравненіи съ собой? Нѣтъ, воля ваша; это пакость, а не подвигъ... Отодрать человѣка въдесятеро слабѣйшаго да еще хвастаться: „вотъ, дескать, господа, смотрите, такъ будетъ со всѣми, кто не со мной идетъ, ибо кто не со мной, тотъ противъ меня... милыя дѣти, слушайте меня, и избѣгайте полемическихъ встрѣчъ со мною, не то выпорю васъ, каналы, обругаю и сотру съ лица земли. А ужъ кого я обругаю, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ“... Вотъ вамъ и рыцарь Духа, и апостоль свободы, и проповѣдникъ равенства! Да вѣдь это просто застрашиваніе, это хуже всякаго III Отдѣленія, хуже... чортъ знаетъ чего! А потомъ это науськиванье въ его безконечныхъ видоизмѣненіяхъ... этотъ поддѣльный искусственный скептицизмъ, которымъ онъ такъ удачно бьетъ всегда по двумъ цѣлямъ разомъ: подстрекаетъ *нерышительныхъ*, которые видятъ въ этомъ скептицизмѣ глумленіе надъ собой, и отводитъ глаза кому слѣдуетъ... Вотъ, дескать, смотрите, добрые люди: я всѣмъ говорю, что *«изъ этою ничего не выйдетъ»*, меня даже не разъ въ тунеядствѣ укоряли за это... о, этотъ скептицизмъ, это науськиванье, эта дрессировка бульдоговъ!... Знаю я, хорошо знаю и этотъ скептицизмъ, и эту дрессировку, и это науськиваніе: *«сей есть ученикъ, свидѣтельствующій о сихъ, иже и написа сія»*.

„И вотъ вы, ворчливѣе, чѣмъ когда нибудь, въ сотый разъ предлагаете мнѣ свой сердитый вопросъ: «за что жъ ты, дурень, щадилъ его, этого нехорошаго человѣка? За что жъ ты взяла на себя его вину? Вѣдь въ твоихъ рукахъ были всѣ средства увязить его на свое мѣсто! Вѣдь я же самъ видѣлъ эти письма... что жъ ты теперь-то, снявши голову, плачешь по волосамъ?»—Да, другъ мой, вы правы въ томъ отношеніи, что въ рукахъ моихъ всегда была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ моей сентенціи: «за составленіе возм. воззв. къ б. кр.¹⁾ осуждается на то-то»—относился не ко мнѣ, а къ Чскому. Но вы ошибетесь, если увидите въ письмѣ моемъ глупый «плачъ по волосамъ», снявши голову». Тогда я долженъ былъ молчать... даже передъ вами, чтобы въ жалобѣ моей *даже вы* не видали малодушнаго моленія о чашѣ; теперь, когда уже *consummatum est*, «совершилось», говорить во мнѣ горькая боль оскорбленнаго сердца. Вы поймете меня. Вы знаете, что это не фраза. Вы можете быть судьей между мною и ими. Вы слышали, что они говорятъ обо мнѣ *на основаніи* какой-то *сплетни*, и видѣли, что я могъ сдѣлать *на основаніи* не-

¹⁾ Т. е. „Къ барскимъ крестьянамъ“

оспоримаго факта. Вы знаете, что было въ моихъ рукахъ и какъ я *этимъ* воспользовался ¹⁾. Меня обвиняли въ малодушіи, подозрѣвали въ предательствѣ. Многіе, подхвативъ на легу нелѣпую сплетню, молча оставили меня, другіе были почестнѣе и говорили мнѣ, въ чемъ меня обвиняетъ молва. Передъ *этимъ* мнѣ легко было оправдаться, точно такъ же, какъ *было бы* легко оправдаться передъ закономъ. У меня были письма, которыя въ *моихъ рукахъ* служили мнѣ оправданіемъ передъ тѣми, кто меня обвинялъ въ предательствѣ, а въ *рукахъ правительства* могли служить мнѣ полнымъ оправданіемъ передъ лицомъ закона. Вы знаете, что я выбралъ, *какое* оправданіе я предпочелъ и что сдѣлалъ съ этими письмами... Нечего и говорить, что, выгораживая такимъ образомъ Чскаго и Шнова ²⁾ изъ этого дѣла, я болѣе щадилъ себя, чѣмъ ихъ. Я не стану объяснять вамъ этой фразы; вы ее поймете и такъ. Знаю я, что загораживая собою Ч. и ему подобныхъ, я глубоко виноватъ—не говорю передъ правительствомъ—потому что я не связанъ съ нимъ ничѣмъ,—но передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе, такіе отравленные плоды.

„Не говоря уже о множествѣ личностей, сдѣлавшихся жертвою его науськиванія, я твердо убѣжденъ, что всѣмъ этимъ печальнымъ поворотомъ къ старому порядку, этими тяжелыми цѣпями, которыя снова наложили на наше слово и на нашу мысль, мы обязаны дѣятельности этихъ господъ. Они не избавили насъ отъ того, что они называютъ «рабствомъ египетскимъ», но своими безумными кривляніями сдѣлали то, что насъ закрѣпощаютъ въ еще большее рабство. Въ 60-мъ году, напримѣръ, пресса наша была въ положеніи, которое можно было назвать весьма близкимъ къ разумной свободѣ. Что же они сдѣлали? Они сейчасъ же воспользовались этой свободой для своего науськиванія (я стою на этомъ словѣ, потому что рѣшительно не признаю въ ихъ писаніяхъ апостольства свободы), они сдѣлали литературу орудіемъ своихъ личныхъ страстей, видѣли въ свободѣ слова только возможность скандальничать и оправдывались тѣмъ, что свобода, „дарованная“ нашей прессѣ, не шла далѣе этого позволенія (но вы хорошо знаете, что это вздоръ. Пр-во, конечно, не могло долѣе терпѣть этого безчинства, оставаясь самимъ собой, т. е. «императорско-россійскимъ» пр-омъ. Но оно поступило не совѣмъ справедливо (ради Бога, да останется это между нами), отнявъ свободу слова. (т. е. ту долю свободы, которую мы имѣли въ 60-мъ г.) у *всѣхъ*, а не у *тѣхъ* только, кто не умѣлъ ею пользоваться, хотя, съ другой стороны, нельзя и порицать его за это безусловно. (Я знаю, что его никакъ нельзя порицать, хотя бы оно засмаливало людей и зажигало ихъ вмѣсто факеловъ; но вѣдь.. да останется это между нами, другъ мой). Правительство наше постоянно смотрѣло на литературу

¹⁾ Ниже мы увидимъ, что разумѣлъ здѣсь Костомаровъ.

²⁾ Т. е. Шелгуновъ.

только издали, считая ее выраженіемъ не общественнаго мнѣнія, а носительницей идей того или другого кружка литераторовъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было,—да и не могло быть иначе,—пока цензура подводила всѣ мнѣнія подъ одинъ общій уровень, мѣра котораго указана была свѣше, дана была извнѣ, а не вышла изъ внутренней потребности самого общества. Пр-во имѣло тогда полное право не интересоваться положеніемъ нашей литературы, потому что, давая ей тонъ, оно знало напередъ, что найдетъ въ ней. Но когда оно значительно ослабило цѣпи, тяготѣвшія на нашемъ словѣ, оно должно бы было нѣсколько внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается въ литературѣ. И тогда... (тутъ я дѣлаю большой пропускъ; тутъ многое слѣдовало бы сказать, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ этого)... тогда оно увидѣло бы, что голосъ Чскаго и брати его, раздавшійся правда крикливѣе всѣхъ голосовъ въ нашей литературѣ,—не есть голосъ общественнаго мнѣнія; оно увидѣло бы, что этотъ голосъ, изъ-за котораго нашу литературу снова вернули въ тотъ душный казематъ, въ которомъ она задыхалась со дня своего рожденія, снова отдала подъ солдатскій надзоръ разныхъ Фрейганговъ и Флеровыхъ ¹⁾, прогонявшихъ „вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ, какъ—не есть голосъ, выражающій общественное мнѣніе, а напротивъ, идущій наперекоръ ему; оно поняло бы, что, говоря словами нѣмецкаго поэта:

Die öffentliche Meinung schreit und klagt:
Ihr habt von mir erborget eure Kraft;
Durch mich geschah, was Grosses ihr geschafft,
Durch mich gelang, was siegreich ihr gewagt.

Und nun ich euch ersöht, wollt ihr als Magd
Mich züchtigen mit Ruthen und mit Haft;
Ihr schämt euch flüchtigen Genossenschaft
Und habt mir, eurer Herrin, widersagt?

Und doch, ihr hörtet meine Donner rollen,
Und der Koloss der Zeit war schon zerstorben,
Von dessen loch ich kam euch zu erlösen.

Ihr Seifenblasen, die mein Heuch geschwollen,
Und flüchtigen Schimmers meine Huld gehoben,
Ihr eille Seifenblasen—seid gewesen!...

«Но обо всемъ этомъ, *en temps et lieu*, мы еще будемъ говорить съ вами. Въ сотый разъ принимаюсь за „прерванную нить моего рассказа“ (какъ говорилось когда-то) и на этотъ разъ уже съ положительнымъ обѣщаніемъ допрямъ ее какъ можно скорѣе.

«Итакъ, если вы что-нибудь поняли изъ моихъ безсвязныхъ словъ (я удивляюсь еще, какъ въ послѣднее время я окончательно не утратилъ всякую способность мыслить и говорить)—вамъ будетъ понятно и то ожесточеніе, съ которымъ я говорю объ этихъ

¹⁾ Фамиліи цензоровъ.

людяхъ, и та глубокая скорбь, которая разрываетъ теперь мое сердце... потому что

„Nessun maggior dolore“—

„Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и «положить душу свою» за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать, кромѣ словъ нашего великаго апостола: „Гробъ отверзтъ гортань ихъ—языки своими мщасу; ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихъ же уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги ихъ проліяли кровь! Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша“...

«Я выбралъ этотъ текстъ не наудачу, другъ мой. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, не измѣняя ни одной іоты въ этихъ горькихъ словахъ великаго апостола, я примѣняю ихъ къ людямъ, которыхъ называютъ моими учителями, моими сообщниками...

«Я никому не говорилъ этого,—ни даже вамъ,—пока исповѣдь моего сердца могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвергнуться отъ казни; но теперь, когда для меня уже все кончено, я имѣю полное право говорить съ вами такъ, какъ говорю; мнѣ нужно высказаться—«иль разорвется грудь отъ муки»... Я не могу молчать долѣе, потому что

„i miei pensieri civ me dormir non ponno“...

«Я долженъ *все* сказать вамъ. Я слишкомъ дорожу вами, мой вѣрный другъ, и не хочу, чтобъ *вы* смѣшивали меня съ людьми, которые не познали мирнаго пути, но съ сокрушеніемъ и озлобленіемъ дѣйствуютъ, «*ибо скоры ноши ихъ проліяли кровь!*».

«Само собою разумѣется, кровь чужую.

«Зная мой миролюбивый и отъ природы кроткій характеръ, вы хорошо поймете, какъ тяжело было и тогда мнѣ смотрѣть на этихъ проповѣдниковъ «крещенья кровью и огнемъ», на этихъ людей, говорившихъ, что «незачѣмъ тратить слова тамъ, гдѣ штыкъ скорѣе возьметъ то, что намъ надо»... но тогда, по крайней мѣрѣ, (насколько это было возможно) меня мирила съ этими людьми мысль, что каковъ бы ни былъ путь, избранный ими, но они руководятся на немъ общей намъ цѣлью—исцѣленіемъ язвъ нашей страдающей родины; а теперь... съ какимъ глубокимъ омерзеніемъ смотрю я теперь на этихъ кровавыхъ людей, когда я убѣдился, что они вооружились огнемъ и мечемъ не во имя благой идеи, а только за тѣмъ, чтобъ, обрубивъ головы всѣмъ, кто выше ихъ, стать, такимъ образомъ, выше всѣхъ и господствовать, хотя бы и надъ обезглавленными трупами... Да, я имѣю полное право говорить это, я имѣю твердое основаніе называть этихъ людей проповѣдниками крещенья кровью и огнемъ: такъ назвали бы ихъ и вы, такъ назвалъ бы ихъ всякій, кто прочиталъ бы первыя редакціи этихъ несчастныхъ воззваній, авторство которыхъ такъ обязательно приписывалъ мнѣ московскій сенатъ! Я не могъ, ко-

нечно, на память возобновить ихъ первоначальнаго текста, но живо помню то впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Это было какое-то странное опьяняющее впечатлѣніе. Словно кровавый туманъ застилалъ глаза; казалось, онъ входилъ въ самый мозгъ, страшно и мерзко становилось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось какое-то безотчетное удалство, такъ и подмывало схватить топоръ или ножъ, такъ и хотѣлось рубить и рѣзать, не разбирая, кого и за что... Какъ Фету при видѣ обоза русскихъ мужичковъ сталъ понятенъ мнѣ объ Амфіонѣ, подъ звуки флейты котораго сами собой складывались еивскія стѣны, такъ мнѣ впервые стала понятна тогда сила тиртеевыхъ пѣсенъ, сила марсельезы... такъ обаятельна была сила ихъ лукаваго слова! Потомъ, какъ и всякое опьяненіе, впечатлѣніе это, конечно, разсѣялось скоро... Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ состояніи понять, что такое въ самомъ дѣлѣ эти прокламаціи и потомъ (какой вздоръ я написалъ было) ¹⁾ уговорить Ч. совершенно передѣлать и значительно смягчить текстъ воззванія къ Б. К. (Но, говоря потомъ со мною объ этихъ измѣненіяхъ, Ч. признавался мнѣ, что онъ согласился на эти измѣненія только потому, что иначе я не соглашался печатать ихъ; что онъ остался при своемъ убѣжденіи, что *мужикамъ* не толковать слѣдуетъ, не вразумлять ихъ, а только кричать почаще—«въ топоры, ребята!», что въ такомъ дрябломъ видѣ, какой, по нашему убѣжденію, приняло воззв. къ б. к., изъ него ничего не выйдетъ»... вотъ ужъ не это ли называютъ *скептицизмомъ*?) Впрочемъ, о воззваніяхъ этихъ рѣчь впереди. Мнѣ уже рѣшительно пора кончить бесѣдовать съ вами, а я съ ужасомъ замѣчаю, что я еще и не принимался за исполненіе своего обѣщанія,—сдѣлать нѣсколько поправокъ въ юрисдикціи моихъ нелицепріятныхъ судей, которымъ, по словамъ того же апостола Павла, «даде Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати, даже до сего дня»...

«Итакъ, вотъ какъ было дѣло.

«Какъ и когда я сблизился или, лучше сказать, сошелся съ Чскимъ,—это все равно. Выступая на такъ называемое «литературное поприще», я искалъ случая пристроиться къ какому-нибудь журналу,—чего *безъ протекціи*, особенно мнѣ, съ моими, какъ вы знаете, весьма и весьма скромными способностями, сдѣлать было нельзя. Особенно хотѣлось мнѣ пристроиться какъ-нибудь къ «Совр.», направленію котораго (въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось явно) я горячо сочувствовалъ. Больше всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ Мих. ²⁾—и я былъ такъ счастливъ, что случай къ этому представился скоро... Я сердечно полюбилъ этого человѣка... и теперь горячо люблю его, несмотря на то, что мы пошли съ нимъ въ разныя стороны... ну, да объ этомъ говорить нечего.

«Первый визитъ мой къ Ч. былъ крайне неудаченъ. Меня

¹⁾Нѣсколько словъ вычеркнуто.

²⁾ М. И. Михайловъ.

привезъ Михайловъ. У Ч. было много народу въ тотъ вечеръ,— говорили все большею частью о такихъ важныхъ матеріяхъ, въ которыхъ въ то время я былъ совсѣмъ еще homo novus; говорили все люди для меня новые, незнакомые, говорили такъ горячо, такъ самоувѣренно обсуживали и рѣшали все такіе важные вопросы, что я, человѣкъ, какъ вы знаете, вообще до смѣшного застѣнчивый, только конфузился и молчалъ... Изобразивъ на лицѣ своемъ, вѣроятно, что-нибудь въ родѣ весьма глупаго умиленія, я долго сидѣлъ, забывшись въ уголъ дивана. Наконецъ, хозяинъ сжалился надо мною и подошелъ ко мнѣ. Очевидно, онъ затруднялся тоже, не зная, объ чемъ ему говорить со мной. Я не помню ужъ, о чемъ онъ заговорилъ со мной — только коротко conversation наше опять не удалось, потому что я снова уткнулся въ уголъ дивана, а Ч., оставшись, впрочемъ, рядомъ со мной, на креслѣ, заговорилъ съ кѣмъ-то о чемъ-то другомъ. Такъ шло время. Я глупо молчалъ; Чскій, какъ-то странно оставшись въ своемъ креслѣ, безпрестанно хихикалъ своимъ визгливо дребезжащимъ, неприятнымъ голосомъ... Наконецъ, вышелъ Мих. изъ другой комнаты и, моргнувъ Чскому, увелъ его въ кабинетъ. Минуть черезъ 5 онъ вернулся и вызвалъ меня. Тутъ-то и началось наше настоящее знакомство... Я не стану, конечно, передавать вамъ нашего разговора; *слова* его не помню, а *смыслъ*—понятенъ. Съ стыдомъ сознаюсь, что результатъ его на первыхъ порахъ—сталъ благоговѣть передъ Ч., какъ передъ человѣкомъ, который, казалось мнѣ, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всяя Руси. Тогда-то и происходило чтеніе «воззв. къ б. к.» въ первоначальномъ его видѣ. (Надо вамъ сказать, что Мих., знавшій уже отъ меня, что въ Москвѣ есть возможность печатать безъ цензуры, на томъ станкѣ, на которомъ отпечатана была книга о Корфѣ¹⁾, и предварительно переговоривъ съ Ч., привезъ меня къ Ч. именно съ той цѣлью, чтобы переговорить о возможности напечатанія воззванія). О впечатлѣніи, какое произвело на меня это воззваніе, я уже говорилъ... Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Чскому. Я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величіи Юпитера. Замѣтивъ это (т. е. не Семеллу и Юпитера, а мое плачевное состояніе), Мих. увезъ меня отъ Ч., захвативъ съ собою и рукопись воззванія.

«На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ М. еще разъ прочли воззваніе. Впечатлѣніе было уже совершенно иное. Мнѣ просто было тошно слушать этотъ аннибальскій призывъ къ рѣзнѣ... Мих. вѣ тоже, очевидно, было неловко и тяжело. Одинъ Шлгновъ, тоже присутствовавшій на чтеніи, скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта... Много и долго говорили мы съ Мвымъ объ этомъ воззваніи. Оба мы признавали полную необходимость помочь, какъ умѣемъ, крестьянскому горю, вразумить мужика, что

¹⁾ Сочиненіе Огарева—„14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, изд. въ Лондонѣ, въ 1858 г., было напечатано въ Москвѣ въ 1861 г.

его—какъ намъ казалось тогда—во многомъ обошли и обманули; но вразумить вовсе не съ тѣмъ, чтобъ онъ съ топоромъ въ рукахъ сталъ добывать себѣ «Землю и волю»; поэтому мы положительно осудили текстъ воззванія, составленнаго Чскимъ. Мы покончили, наконецъ, тѣмъ, что Мих. долженъ былъ отправиться къ Чскому съ положительнымъ отказомъ, съ моей стороны, способствовать напечатанію брошюры, если въ ней не будутъ сдѣланы предложенныя нами измѣненія и поправки.

«Мих. съѣздилъ къ Ч., и что они тамъ говорили, не знаю. Въ слѣдующее свиданіе наше Мих. сказалъ, что Ч. съ трудомъ согласился на измѣненія, говоря, что, напротивъ, слѣдовало бы усилить тонъ, но что ужъ если *нельзя* печатать брошюру въ томъ видѣ, какой онъ проектировалъ, онъ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣненія, только ужъ за успѣхъ не ручается и даже думаетъ, что въ *такомъ видѣ* прокламація будетъ совсѣмъ бесполезна (скептицизмъ).

«Прошло нѣсколько дней. Домашнія дѣла отозвали меня въ Москву. Я уѣхалъ, не дождавшись измѣненной брошюры.

«Въ Петерб. остался Сороко, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной для распродажи своего изданія ¹⁾ и стоявшій на одной квартирѣ со мной.

«Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ вдругъ я узнаю стороной, что Сулинъ рассказывалъ какому-то своему пріятелю, будто Ч. поручилъ ему (Сулину) отпечатать одну чрезвычайно важную брошюру. Извѣстіе это, дошедшее до меня, можетъ быть, уже черезъ двадцатая руки, очень понятно, и удивило меня и встревожило. Я сейчасъ же отыскиваю Сна, и узнаю слѣдующее: Ско, оставшись въ Пб. для окончанія своихъ дѣлъ, отыскиваетъ Муха и, явившись къ нему познаться отъ моего лица, рекомендуетъ себя однимъ изъ владѣльцевъ тайнаго станка. Михайловъ отдалъ ему рукопись воззванія, «какъ человѣку, который говорилъ ему, что имѣетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ» (такъ, à peu près Мих. говоритъ въ своемъ показаніи, которое я запомнилъ очень хорошо; но сенатъ принялъ во вниманіе не совершенно одинаковое показаніе двухъ лицъ, которыя не могли и не имѣли никакой надобности стакнуться между собою, а совершенно невѣроятное показаніе самого Срко) и отдавая рукопись «желалъ, чтобъ она была напечатана». Но это только *официальная* показанія. Въ самомъ же дѣлѣ вотъ какъ было: познакомившись съ С-кой, Мих. повезъ его къ Чскому, и уже самъ Чскій, лично, передалъ Сорокѣ и рукопись воззванія и деньги (200 р.) для ея напечатанія. Когда я пришелъ къ Сну, я увидѣлъ, что деньги эти тратились совсѣмъ не на то, на что они были даны Чскимъ. Но, вѣроятно, устыдившись моихъ нареканий, С. и С. сейчасъ же принялись за приготовленіе къ устройству станка. Шрифты и станокъ немедленно были куплены, помѣщеніе я далъ имъ у

¹⁾ Названной книги Огарева.

себя наверху—и работа началась. Тутъ я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, «слѣдствіемъ обнаруженныхъ». Сулинъ показалъ, что я «обѣщаль помочь его положенію», если онъ, Слнъ, «согласится въ свою очередь оказать содѣйствіе къ напечатанію одной бездѣлицы»... и Слнъ согласился, будто бы даже не полюбопытствовавъ у меня, что это за бездѣлица. Посмотримъ теперь, что же это было за содѣйствіе, за которое я, повидимому, обѣщаль заплатить Слну такъ щедро, ибо какимъ-нибудь пятіалтыннымъ помочь бѣдственному положенію человѣка нельзя же. А по показанію Слна (на которомъ, очевидно, основанъ и приговоръ судей) только наборомъ пяти или шести строкъ, потому что когда Слнъ набралъ эти пять-шесть строкъ, я будто бы сказалъ, что теперь я выучился набирать, и *могу обойтись безъ него*. Какъ все правдоподобно, не правда ли? Но пойдёмъ далѣе. Когда получена была предостерегательная записка, я (по тому же показанію) принялся за *уничтоженіе* станка (должно, принялся его жевать и проглатывать); но при этомъ я (будто бы) хотѣлъ сохранить набранныя строки, но Сулинъ схватилъ ихъ (схватилъ!) и разсыпалъ... а потомъ взялъ нѣкоторыя части машины (да вѣдь я же принялся за ея *уничтоженіе*) и перевезъ на квартиру Кистера. Хорошо. Стало быть, станокъ, частью мною *уничтоженный*, частью отвезенный на квартиру Кистера, работать не могъ. Зачѣмъ же мнѣ было желать сохраненія набранныхъ строкъ тѣмъ болѣе, что ихъ было набрано такъ мало? Могъ ли, наконецъ, я желать сохраненія у себя чего-либо, могущаго компрометировать, если я, по показанію Слна, такъ искренно повѣрилъ его предостерегательной запискѣ, что *немедленно принялся за уничтоженіе станка*, т. е. сталъ его жевать и проглатывать? *Se pauvre diable* — Сулинъ, конечно, въ попыхахъ не могъ сообразить всей нелѣпости своихъ показаній, его въ продолженіе всего слѣдствія была лихорадка, — но послушайте, — что же *patres conscripti*?... Но мы никогда не кончимъ, если я буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ нашего дѣла, — (у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты). Поэтому «оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ», мы переходимъ къ другой брошюрѣ, озаглавленной такъ же вычурно, какъ и первая: «русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ».

«Призывая крестьянъ къ бунту (если и не прямо, то возбуждая между ними такіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ крестьянинъ, очевидно, не могъ найти другого средства, кромѣ топора), составители манифеста естественно должны были позаботиться о томъ, что противопоставить тѣмъ мѣрамъ, которыя правительство приметъ для подавленія бунта. Съ Чскаго довольно было только заварить кашу; какъ и кому придется ее расхлебывать, объ этомъ онъ не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое вѣрное орудіе пр-ва есть солдатъ. Стало быть, надо дѣйствовать на солдата, надо его сманить на крестьянскую сторону. И вотъ проектируется «Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброж. поклонъ».

Манифестъ этотъ берется составить Шелгуновъ. Но изъ его писаній вышло чортъ знаетъ что; такая чепуха, что въ ней и мужикъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ. Недовольные этимъ опытомъ, пробовали и мы съ Мих. написать что-нибудь, но у насъ вышло едва ли даже не хуже. У Млова — какой-то философскій трактатъ, въ родѣ пресловутаго *dei doveri degli Uomini*, а у меня — не то полковой приказъ, не то марсельеза. Такъ что за неимѣніемъ лучшаго поневолѣ приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шнова. Между тѣмъ самъ авторъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, «что нужно солдату». И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобъ посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано, — сдѣлано. Шел. пошелъ въ однѣ казармы, меня послалъ въ другія. Сговорились сойтись въ какой-то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удалствомъ я вообще не отличаюсь), а побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Ш. съ своими знакомыми солдатами. Я, поздоровавшись съ Ш., подсѣлъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Ш. заносился, солдаты были такіе глупые, глупые, — пыхтели за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія, — и я скоро уговорилъ Ш. уйти изъ харчевни. Дорогой онъ сообщилъ мнѣ, что солдаты слушали его съ восторженнымъ участіемъ и сдѣлали ему много очень дѣльныхъ замѣчаній: а я — что его знакомаго солдата не нашель, а другіе, съ которыми я пробовалъ было заговаривать, чуть меня не приколотили. Я поздравилъ его съ успѣхомъ; онъ посмѣялся надъ моею трусостью и неспособностью къ политическому агитаторству. Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Ну, потомъ Ш., вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Мих. поубавилъ въ немъ метафизики, повыкинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы, — и я взялъ рукопись съ собою. Впрочемъ, мнѣ все-таки это посланіе не нравилось, особенно начало, гдѣ доказывалась несправедливость завладѣнія Польшей, — было, по моему мнѣнію, очень глупо. То есть не глупо само по себѣ, но глупо обращенное къ солдату, не имѣющему ровно никакого понятія ни о народномъ правѣ, ни объ «исторической необходимости»...

«Ну, теперь, *посланіе третье*. — Вы знаете, что у насъ на Руси есть общины, внѣшнія формы которыхъ довольно близко подходятъ къ идеалу коммуны. Это раскольники, на которыхъ съ такой любовью останавливаются наши современные реформаторы. Отреченіе отъ собственности (у духоборцевъ), общее пользованіе женами на б . . . . омъ положеніи, отвращеніе отъ наружныхъ обрядовъ церкви, неуваженіе къ предписаніямъ гражданской власти и пр. и

пр.—вотъ тѣ *attraits*, которые привлекаютъ къ русскому расколу любовные взгляды нашихъ коммунистовъ. Они, конечно, не могутъ не видѣть во всемъ этомъ одного тупого религіознаго фанатизма, они очень хорошо понимаютъ, что ненависть къ наружной церкви явилась у раскольниковъ не потому, чтобъ имъ были тѣсны формы, данныя Никономъ, но потому, что эти формы не во всемъ соответствовали заскоруждому преданію; люди, провозгласившіе расколъ свободою отъ оковъ, наложенныхъ формами, не могли забыть фантастической привязанности раскольниковъ къ своимъ старымъ книгамъ, къ своимъ копченнымъ образамъ, къ своему двуперстному знаменію, въ этихъ тупыхъ изувѣрахъ, которые считаютъ для себя оскверненіемъ даже пить воду изъ одного колодца съ «погаными» никонцами,—они никакъ не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣть людей, руководящихся правиломъ: что, «въ сущности, всѣ люди равны, ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію». Нѣтъ, не «живая сила духа» дорога мнѣ въ расколѣ, а дорога его непримиримая фанатическая ненависть къ обществу, дорого то, что они называютъ «позываніемъ ума и совѣсти всего человѣка къ свободѣ», но что для «имѣющихъ уши слышати» значитъ то, что въ расколѣ никогда не умиралъ зародышъ пугачевщины. Поэтому для нашихъ агитаторовъ расколъ есть желанный и ожидаемый Мессія бунта.

«Само собою разумѣется, что мы не забыли *подобржежелательствовать* и расколу. «Поклонъ старообрядцамъ» былъ составленъ тѣмъ же «доброжелателемъ», который составлялъ и манифестъ къ крестьянамъ. Жаль, что онъ не сохранился у меня. Онъ былъ писанъ мною подъ диктовку Чскаго (жаль, что нѣтъ ни охоты, ни мѣста, ни времени, а то я разсказалъ бы вамъ, съ какими смѣшными предосторожностями совершалось это таинство... но, увы! ничто же тайно есть, еже не откроется),—и я сжегъ его вмѣстѣ съ многими другими бумагами во время торговъ съ Николкой ¹⁾ о доносѣ. Впрочемъ, это была страшная дребедень — скучная, сухая, длинная рація; во время ея писанья я съ трудомъ преодолевалъ сонъ. Помнится, это было безконечное разглагольствованіе во вкусѣ Ламеннэ; нелѣпая болтовня объ антихристѣ и его печатѣхъ, пересыпанная самой наглою лестью и самыми лживыми обѣщаніями...

«Такимъ образомъ, мы, казалось, ничего не упустили изъ вида... кромѣ одной мудрой пословицы: не шути огнемъ — обожжешься...

«А вы, Чскій, забыли еще одну пословицу, тоже очень глупую. Когда-нибудь я вамъ ее припомню.

«Это было во время второй моей поѣздки въ Птб., кажется, во время *последней добровольной* поѣздки... съ тѣхъ поръ — но эта исторія еще впереди.

¹⁾ Братъ Всеволода Костомарова, Николай, который, по его словамъ, довелъ на него въ 1861 г., не получивъ просямой за недоносительство сумми.

«Во время самага печатанія манифеста къ крестьянамъ Чскій посѣтилъ меня въ Москвѣ, сдѣлалъ кое-какія поправки въ текстѣ воззванія и, оставшись доволенъ работою, благословилъ меня на новыя и новыя подвиги...

«Потомъ, какъ вы уже знаете, я бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ее. Мих. уѣхалъ за границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась... навсегда.

«Весна и лѣто прошли тихо. Я предпринялъ изданіе исторіи всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ, — какъ на меня былъ сдѣланъ доносъ Николкой... Меня взяли. Судили. Приговорили и вотъ.—

«Вотъ и все.

«Т. е. все, о чемъ я хотѣлъ и обѣщалъ писать вамъ. А тамъ— что пережилось, что передумалось въ это время, это... что говорить объ этомъ! Это ужъ *мое* дѣло. Были у меня и другія столкновенія и съ этими и со многими другими людьми... «Суть же ина многа, яже сотвори, яже аще бы поединому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстите пишемыхъ книгъ»...

«Я обѣщалъ написать вамъ комментарий на производство моего дѣла въ сенатѣ. Ну, вотъ онъ вамъ. Теперь выводите, меня ли слѣдовало бы подвергнуть наказанію за *составленіе* «возмут. воззв. къ б. к.», меня ли должно было признать «*зачинщикомъ* содѣянаго преступленія, управлявшаго дѣйствіями онаго»... Не говорю ужъ о другихъ обвиненіяхъ: логичность ихъ говоритъ сама за себя. Вотъ, напримѣръ, образчикъ: «К-въ по собственному его сознанию (любопытно было бы мнѣ прочесть это *собственное* сознание) и обстоятельствамъ дѣла (о!!!) *оказывается* (!!!) виновенъ въ участіи въ (въ чемъ бы вы думали?) въ *составленіи* и распространеніи разбора книги бар. Корфа» и т. д. Какъ это вамъ нравится? *Я оказываюсь* (разумѣется, какъ положительно это говорится) виновенъ въ *составленіи* книги, напечатанной давнымъ давно за границей, *съ именемъ автора* (Огаревъ) и только *перепечатанной* въ Москвѣ, да и то въ то время, когда я жилъ въ Петербургѣ. (Когда я приѣхалъ въ Москву и познакомился съ Сулинымъ, допечатывался уже *последній* листъ разбора). Или вотъ еще: *По 6-й категоріи* (насъ раздѣлили на 7 категорій по числу гимназическихъ классовъ или, можетъ быть, по числу чиновъ небесныхъ) К-въ состоитъ подсудимымъ за... *распространеніе* воззваній «къ барскимъ крестьянамъ» и «къ солдатамъ!» За *распространеніе* воззваній, которыхъ (это ужъ точно, по обстоятельствамъ дѣла *оказалось*) не было отпечатано ни одного экземпляра и которыхъ даже въ рукописи ни у кого не было найдено ¹⁾.

«Ну, да будетъ, всего не пересчитаешь. Да и незачѣмъ.

«Итакъ, вотъ вамъ истина во всей наготѣ ея,—истина, которой

¹⁾ Неверно: къ солдатамъ напечатана, а къ крестьянамъ вшита въ рукописи въ официальное дѣло Костомарова.

я не позволилъ прикрыть никакимъ фиговымъ листкомъ даже самыхъ зазорныхъ частей тѣла...

«Но, спросите вы меня (т. е. я это предполагаю, въ самомъ же дѣлѣ вы, вѣрно, не спрашиваете, потому что болтовня моя надоѣла вамъ давно), какую роль я игралъ во всей этой комедіи *св. переодѣваніемъ*, которая, однако, для меня окончилась такъ трагически? Что же руководило мною? Желанье ли втереться въ кружокъ, въ который не пускали безъ извѣстнаго лозунга; желанье ли пощеголять въ роли политическаго агитатора; наконецъ, можетъ быть, искреннее сознаніе въ полезности всѣхъ этихъ прокламацій? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — „Ну, такъ что же? — Mais si voulez savoir ce que c'est... demandez — le au pourceau qui voit le vent!... (quoique cette figure est banale et stupide, mais elle est empruntée on psaumes).

„Sur ce, mon ami, en vous souhaitant tous les biens possibles et impossibles.

Je suis
celui, qui Suis.

„PS. Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, „воровскимъ манеромъ“, завтра или послѣ завтра буду писать къ вамъ ужъ *открыто* и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valete... et plaudite“¹⁾.

III.

Зная, что, кромѣ самого Костомарова, долженъ еще вскорѣ появиться и документъ, вполне подтверждавшій приведенное письмо, III Отдѣленіе озаботилось, съ одной стороны, обѣлить Костомарова передъ общественнымъ мнѣніемъ, а съ другой—внушить комиссиі сознаніе, что тотъ документъ, который скоро предстанетъ предъ нею, еще пустякъ въ сравненіи съ другими, которые есть у Костомарова, но запрятаны имъ очень далеко...

Съ этою цѣлью братъ Костомарова, Алексѣй, прислалъ Потапову письмо, въ которомъ сообщалъ о полученіи на его имя, во время его отсутствія изъ Москвы, какого-то пакета, по вскрытіи котораго оказался листъ, исписанный какими-то цифрами... Потаповъ отложилъ этотъ листъ до прибытія Всеволода Костомарова въ Петербургъ... Когда послѣдній прибылъ въ столицу и былъ помѣщенъ уже не въ крѣпость, а въ апартаменты III Отдѣленія, ему предложили дешифровать присланное братомъ.

Вотъ что писалъ какой-то И. С. Алексѣю Костомарову:

„26 января. Г. Костомаровъ,—совершенно нечаянно до меня дошли слухи, что вы уже давно ищите меня съ письмомъ отъ брата

¹⁾ Г. Рейнгардтъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ совершенно невѣрныя свѣдѣнія (см. «Рус. Стар.» 1905 г. II, 463). А ужъ совсѣмъ что-то непонятное и спутанное сообщалъ, со словъ какого-то товарища Чернышевскаго по ссылкѣ, г. Пезарскій въ № 77 «Нашей Жизни» за 1905 г.

вашего, въ которомъ онъ поручаетъ взять у меня вѣренный имъ мнѣ конвертъ съ бумагами извѣстнаго вамъ содержанія. Очень жалѣю, что я не могъ ни его посѣтить въ Суш. ч.¹⁾, ни встрѣтиться съ вами послѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ едва ли даже и предстояла какая-нибудь надобность послѣ того, какъ съ заключеніемъ въ крѣпость братъ вашъ совершенно пересталъ нуждаться въ довѣренныхъ имъ мнѣ бумагахъ, ибо не можетъ уже (извлечь?) изъ нихъ той нравственной пользы, какую онѣ приносили ему, когда онъ былъ на свободѣ. Но, если вы найдете возможность, увѣрьте брата вашего, что бумаги его будутъ у меня цѣлы, какъ нигдѣ, и что я строго и свято держу данное мнѣ слово возвратитъ ему эти бумаги тотчасъ же, какъ онъ самъ будетъ возвращенъ обществу и, стало быть, получить возможность дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое до сихъ поръ дѣлалъ, а не то, какое по слабости природы человѣческой могъ бы сдѣлать теперь въ минуту отчаянія и скорби.

„Я повторяю его же слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, отдавая эти письма; онъ благородно созналъ, что, обезсиленный страданіями, самый честный человѣкъ можетъ быть иногда очень неразборчивъ въ средствахъ къ своему спасенію,—чего потомъ уже никогда не проститъ себѣ и, презираемый самимъ собой, отвергнутый (всѣми?) честными людьми, всю жизнь свою будетъ мучительно раскаиваться въ своей малодушной слабости. Вотъ это-то благородное сознаніе и заставило многоуважаемаго братца вашего отдать бумаги свои человѣку, образъ мыслей котораго былъ ему, конечно, извѣстенъ, но настоящей фамиліи и адреса котораго онъ не зналъ, — чтобы отнять у себя, такимъ образомъ, всякую возможность сдѣлать подлое дѣло на „пристрастномъ опросѣ“, который, къ стыду нашему, уничтоженный де jure, продолжаетъ существовать de facto. Все это я къ тому говорю, чтобы показать вамъ (что?) мой образъ дѣйствій вполнѣ согласуется съ желаніемъ братца вашего и, я увѣренъ, не можетъ быть ему непріятенъ. Да и оставя все это, онъ самъ же связалъ меня клятвой, нарушить которую меня не заставитъ ничто; въ силу этой клятвы, я обязанъ возвратитъ письма брату вашему немедленно по его водвореніи (тамъ?), когда онъ будетъ посланъ въ солдаты. И я сдержу свое слово, ибо, благодаря Бога, до сихъ поръ никогда не нарушалъ его. Тогда я умываю руки. Мое дѣло будетъ сдѣлано, а тамъ братецъ вашъ можетъ дѣлать съ своими письмами, что ему угодно. Мы внимательно слѣдимъ за судьбою его (потому что принимаемъ въ немъ большое участіе) и, повѣрьте, что куда бы судьба ни забросила его, письма, довѣренныя мнѣ имъ, немедленно найдутъ его. Я сегодня же долженъ уѣхать изъ Москвы, по дѣламъ своимъ, мѣсяца на три; а то повѣрьте, никакъ бы не отказалъ себѣ въ удовольствіи познакомиться

¹⁾ До отправки въ крѣпость Костомаровъ сидѣлъ, въ концѣ 1862 года, въ Суше-вской части Москвы.

съ Вами. Но это, конечно, не помѣшаетъ мнѣ знать все о братѣ вашемъ; я буду къ нему даже нѣсколько ближе. И. С.“

Итакъ, ясно, — думало III Отдѣленіе: все, что расторопнымъ Чулковымъ найдено у Костомарова при обратномъ слѣдованіи въ Петербургъ, все это вовсе не было съ нимъ въ дорогѣ изъ Петербурга и тѣмъ болѣе въ крѣпости, а получено вернувшимся раньше, по какому-то случайнымъ обстоятельствомъ въ Москву „И. С.“ и „честный Костомаровъ“ даже при всемъ желаніи свалить свою вину на другихъ во время хода его процесса, не могъ этого сдѣлать, потому что еще раньше отдалъ всѣ компрометирующіе другіхъ документы въ постороннія, но вѣрныя руки...

Какъ я уже сказалъ, Чулковъ и Костомаровъ прибыли въ Петербургъ 10 марта. Тотчасъ способный капитанъ явился къ Потапову и, рассказавъ ему, какъ было дѣло, вручилъ уже извѣстный читателю доносъ Яковлева и все „найденное“ при Костомаровѣ. Почему Потаповъ обманулъ комиссію, посылать ей доносъ Яковлева, какъ полученный имъ якобы отъ него самого — неизвѣстно; вѣдь по позднѣйшимъ бумагамъ эта ложь, какъ на ладони. На слѣдующій день, 11-го, онъ сообщилъ комиссіи о рапортѣ Чулкова и послалъ всѣ отобранные у Костомарова документы.

Особенно драгоцененъ былъ одинъ уже пожелтѣвшій листочекъ, на одной сторонѣ котораго видны были написанныя рукой Костомарова какіе-то стихи и подборъ рифмъ, а на другой—рукой, *похожей* на почеркъ Чернышевскаго, карандашомъ значилось буквально слѣдующее: „В. Д. Вмѣсто „срочнообяз.“ (какъ это по непростительной оплошности поставлен у меня) набирайтъ вездѣ „временнообяз.“, какъ это называется въ положеніи. Вашъ Ч“. Последняя буква сдѣлана весьма неискусно и очень походитъ больше на „С“. Я долго сравнивалъ почеркъ записки съ почеркомъ Чернышевскаго и *категорически утверждаю, что поддѣлка не удалась* ¹⁾.

Затѣмъ два письма Чернышевскаго къ Костомарову.

1. Отъ 20 апрѣля 1861 г. „Вчера моя жена видѣла, Всеволодъ Дмитріевичъ, одного юношу, который, отправляясь за границу, нуждается въ спутникѣ-руководителѣ его неопытнаго ума. Этотъ юноша показался женѣ порядочнымъ человѣкомъ, и она выразила ему предположеніе, что спутникомъ его, быть можетъ, согласится быть Вы. Онъ очень обрадовался и далъ намъ адресъ своего брата, живущаго въ Москвѣ, съ которымъ Вы можете переговорить относительно условій и т. д. Онъ напишетъ къ брату, а меня просилъ написать Вамъ. Вотъ адресъ юноши на брата: въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, Григорій Григорьевичъ Устиновъ. Пожалуйста, поведите съ этимъ Г. Г. Устиновымъ, — быть можетъ, Вы и сойдетесь. Вашъ Н. Чернышевскій“.

2. Отъ 2 іюля 1861 г. „Добрый другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, Ваша пьеса „Мостъ вздоховъ“ (или какъ это иначе называется?

¹⁾ Въ будущей книжкѣ „Былого“ будетъ дана фотографія этой записки и почерка Чернышевскаго.

объ утопленницѣ-то) печатается въ VII книжкѣ „Современника“ (за июль). О Вашей благотворительности въ пользу дворовыхъ пишу къ Алексѣю Николаевичу ¹⁾.—Но что-то подѣлываете Вы въ свою пользу? Я все возвращаюсь къ мысли объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ. У меня теперь тамъ, кромѣ Котляревскаго, есть еще добрый знакомый, Свириденко, человекъ вполнѣ порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексѣй Николаевичъ его и не долюбиваетъ, говоря по просту, но вѣдь это только несходство темпераментовъ и пріемовъ, а люди они очень хорошіе). Мнѣ хотѣлось бы познакомить Васъ съ ними, конечно, въ томъ случаѣ, если бы Вы думали похлопотать при ихъ содѣйствіи объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ.

„Спѣшу, по обыкновенію, и опять выходить отъ этого лапидарный слогъ. Жму Вашу руку, Вашъ преданный *Н. Чернышевскій*“.

Три письма М. И. Михайлова къ Всеволоду Костомарову я пропущаю, потому что они не даютъ ничего намъ необходимаго. Приведу еще письмо къ Костомарову А. Н. Плещеева отъ 3 іюня 1861 г.:

„Дражайшій полиглотъ. Во-первыхъ,, напишите мнѣ тотчасъ же по городской, что цензурный комитетъ и прошеніе наше? ²⁾. Вы объ этомъ меня не увѣдомили. Крыжовъ вашъ дачу смотрѣлъ, но у меня не былъ. Записку отдала мнѣ бабуся. Дѣло въ томъ, что вы, кажется, напутали. Соколовъ вѣдь самъ будетъ жить и хочетъ сдать только комнату, а Крыжовъ рассчитываетъ, вѣроятно, на всю избу. Вы ему скажите, чтобъ онъ побывалъ у Соколова, если онъ не церемонный господинъ. (Въ Гагаринскомъ переулкѣ, бливъ Успенья на Могильцахъ, домъ Копановскаго).

Въ субботу жду васъ непременно. У меня созрѣлъ еще проектъ изданія. Стихъ одинъ написался. А вы ужъ, чай, въ эту недѣлю цѣлюю библиотеку навалаете. Зачѣмъ вы Шеллея ³⁾ нѣмецкаго увезли? Это гнусно съ вашей стороны. Реализмъ прочелъ. Хорошо составлено, но о Мейснерѣ мало. Больше о Грековѣ. Привезите Шеллея; я жду Агастора. Я писалъ къ Чернышевскому—если онъ отвѣтитъ черезъ васъ,—то дайте знать. Изъ Гартмана я перевелъ двѣ странички (*frei bearbeitet*), но къ нашему пріѣзду, авось, еще переведу. Скучно ужасно и потому именно скучно, что это *служба*, что хочется другое дѣлать. А очень, кажется, его путешествія замѣчательны, только не все идетъ въ географическую книгу. Будьте здоровы. Что переведете—привезите, прочтемъ. Если я буду раньше, то заѣду къ вамъ и васъ увезу. Это можетъ случиться. Весь вашъ *А. Плещеевъ*».

Мих. Лемне.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Плещееву, жившему въ Москвѣ.

²⁾ Они просили о разрѣшеніи имъ какого-то періодическаго изданія.

³⁾ Въмѣсто Шелли (Schelley).

Толпа¹⁾.

(Посвящено В. Г. Бѣлинскому).

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Считаюсь я—безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ...
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ—
Толпа—нашъ царь—и ѣсть и пѣть исправно;
И что въ душѣ «задумчивой» живетъ,
Болѣзнью считаетъ своенравной.
И права ты, толпа! ты велика,
Ты широка—ты глубока, какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣпая—и истинное горе.
И ты сильна... И знаетъ тебя Богъ—
И надъ тобой Онъ носится тревожно.
Передъ тобой я преклониться могъ—
Но полюбить тебя—мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы...
Не отъ тебя я ожидаю счастья—
Но ты растешь, какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! Ликуй—толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...

---

¹⁾ Стихотвореніе „Толпа“ написано И. С. Тургеневымъ въ 1843 году и печатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1844 г. (т. 32) за подписью Т. Л. (Тургеневъ—Лутовиновъ). Потомъ оно было перепечатано С. Н. Кривенко въ изданныхъ имъ „Стихотвореніяхъ И. С. Тургенева“. Въ обоихъ, однако, случаяхъ стихотвореніе „Толпа“ появлялось съ цензурными искаженіями и безъ посвященія его Бѣлинскому. Мы печатаемъ его съ рукописи, написанной рукою самого Тургенева.

Какъ извѣстно, Тургеневъ познакомился и близко сошелся съ Бѣлинскимъ въ 1843 году. Часто встрѣчаясь, они много тогда спорили о философскихъ и политическихъ вопросахъ. Стихотвореніе „Толпа“ и носить на себѣ несомнѣнно отблескъ споровъ, происходившихъ между обоими знаменитыми писателями. *Ред.*

Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба...
И я молчу о томъ, что я люблю...
Молчу о томъ, что страстно ненавижу—
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А тосковать—мечтать съ самимъ собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями...
Съ такой смѣшной-ребяческой мечтой
Разстался я—какъ съ дѣтскими слезами...
А потому... мнѣ *жить* не суждено...
И я тяну съ усмѣшкой торопливой
Холодной злости—злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино.

Т. Л.

Инструкція¹⁾.

(Для заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости).

§ 1.

Заключенные подчиняются установленнымъ въ тюрьмѣ порядкамъ, безпрекословно исполняютъ требованія начальника управления, помощниковъ его и дежурнаго унтеръ-офицера, должны быть всегда опрятными, беречь и держать въ чистотѣ одежду, обувь, и убирать свои постели. Заключеннымъ воспрещается:—шумъ, крикъ, пѣніе, свистъ, разговоры и вообще дѣйствія, нарушающія спокойствіе и благочиніе въ тюрьмѣ.

§ 2.

Для заключенныхъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, допускаются съ разрѣшенія начальника управления слѣдующія снисхожденія:—бесѣда со священникомъ, занятія работами, пользованіе книгами изъ тюремной бібліотеки.

§ 3.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, по распоряженію начальника управленія, раздѣляются на два рода: на дисциплинарныя нарушенія и на проступки, которые указаны въ 803 ст Уст. о ссыльныхъ.

§ 4.

За проступки перваго рода назначаются наказанія: 1) лишеніе чая, 2) лишеніе матраца на койкѣ до пяти дней, 3) заключеніе въ карцеръ до пяти дней, 4) заключеніе въ темномъ карцерѣ на такое же время на хлѣбъ и водѣ.

---

¹⁾ Печатаемъ дословно ту „Инструкцію“, которая висѣла на стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости во время нахождения тамъ въ послѣднія два царствованія политическихъ узниковъ.
Ред.

§ 5.

За повтореніе проступковъ назначаются наказанія: 1) заключеніе въ карцеръ до 8-ми дней, 2) заключеніе въ темномъ карцеръ на такое же время съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ съ наложеніемъ оковъ.

Примѣчаніе: Подвергаемые заключенію въ карцеръ спятъ на голыхъ доскахъ. Заключеніе въ карцеръ обязательно сопровождается лишеніемъ чая.

§ 6.

Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могутъ быть наказаны розгами до 50-ти ударовъ (ст. 225, XVII кн. Воен. пост.).

§ 7.

Взысканія, означенныя въ § 4, влекутъ за собой лишеніе заключенныхъ облегченій, поименованныхъ въ § 2, на срокъ до одного мѣсяца.—Послѣдствіемъ наказанія, опредѣленнаго въ § 5, должно быть лишеніе этихъ облегченій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

§ 8.

За преступленія заключенные судятся военнымъ судомъ, примѣняющимъ къ нимъ постановленія устава о ссыльныхъ; за тяжкія же преступленія, указанныя въ 279 ст. XXII кн. Св. Воен. Пост., а также за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующихъ лицъ, судъ примѣняетъ къ нимъ мѣру наказанія, этой статьёй опредѣленную—смертную казнь.

Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Окончаніе.

VIII.

Самымъ выдающимся изъ всѣхъ декабристовъ былъ Пав. Ив. Пестель, стоявшій во главѣ Южнаго общества. Не считая нужнымъ останавливаться на внѣшнихъ фактахъ его біографіи ¹⁾, мы приведемъ отзывы о немъ лицъ, близко его знавшихъ. Его товарищъ по Южному обществу, князь С. Г. Волконскій, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 408), что Пестель былъ «человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Другой товарищъ его по тому же обществу, Лореръ, считалъ его человѣкомъ гениальнымъ и такъ называлъ его даже въ глаза. Начитанность Пестеля была очень велика. Это видно изъ его неизданной записной книжки съ выписками изъ сочиненій Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Дидро, Вольтера, г-жи Сталь, Беккари, Бентама и др. Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнату «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія, излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ» ²⁾. Извѣстный декабристъ И. Д. Якушкинъ такъ характеризуетъ его: «Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть, въ этомъ-то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ, въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ

¹⁾ См. статья Н. П. Павлова-Сильванскаго въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, изд. Имп. Русск. Ист. Общества, и во 2 № „Былого“.

²⁾ „Русское Богатство“, 1904 г. №. 3. стр. 73.

нимъ слилъ все свое существованіе» ¹⁾. По словамъ кн. Е. П. Оболенскаго, Пестель «отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли» ²⁾. Пятый декабристъ, Басаргинъ, членъ Южнаго общества, оставившій также интересныя записки, говоритъ: «П. И. Пестель былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностью и такъ-камъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія». Вполнѣ понятно поэтому, что Пестель «получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ Южномъ обществѣ», что онъ импонировалъ своимъ товарищамъ ³⁾.

Лица, имѣвшія съ Пестелемъ дѣла по службѣ, были отъ него также въ восторгѣ. Его главный начальникъ, гр. Витгенштейнъ, далъ о немъ такой отзывъ: «Онъ на все годится: дай ему командовать арміею или сдѣлай его какимъ хочешь министромъ, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ». Начальникъ штаба второй арміи, П. Д. Киселевъ, впоследствии извѣстный министръ имп. Николая, отзывался о Пестелѣ, что онъ «всякое мѣсто займетъ съ пользою», что у него «особенныя способности». Петербургскіе пріятели упрекали даже Киселева, что онъ большую часть свободнаго времени проводитъ съ Пестелемъ ⁴⁾. Басаргинъ также свидѣтельствуетъ, что Киселевъ «съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля».

Въ показаніяхъ на слѣдствіи Пестель сдѣлалъ замѣчательный очеркъ развитія своихъ политическихъ и общественныхъ идей. Онъ рассказываетъ, какъ, пристрастившись къ политическимъ наукамъ, увидѣлъ, что «благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ». Продолжая занятія этими науками, онъ началъ «разсуждать о томъ, соблюдены ли въ устройствѣ россійскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однако же еще верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ». Весьма замѣчательно, что, не поддаваясь аристократическимъ теченіямъ, довольно сильнымъ тогда въ русскомъ обществѣ, Пестель очень скоро сталъ приверженцемъ демократическихъ идей. Продолжая разсказъ о ходѣ своего развитія, онъ говоритъ: «Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, при чемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною между монархомъ

¹⁾ „Записки И. Д. Якушкина“, М., 1905 г., стр. 23—24.

²⁾ „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.“, т. I, 237.

³⁾ „Деятельный вѣкъ“, изданіе Бартенева, т. I, стр. 68, 73.

⁴⁾ *Заблуждѣній-Деятельскій*. Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, I, 89, 91, 139—140, 148.

и народомъ стоящую и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, скрывающую истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ... присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей» (т. е. непредоставленіе Россіи политическихъ правъ, какія даны были Финляндіи и Польшѣ), «слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія, по моимъ понятіямъ, составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ всѣхъ совокупленіе воедино предствлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства. Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей, ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при ресторачіи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ, и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средства къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о временномъ правленіи и о его необходимости и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія».

Въ другомъ показаніи Пестель говоритъ, что «нѣкоторыя мысли» о верховной власти были написаны имъ на французскомъ языкѣ, при чемъ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ въ пользу республики. Онъ показывалъ Н. М. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный имъ въ 1820 г. (если только Муравьевъ точно отмѣтилъ время ¹⁾ его написанія). Глав-

¹⁾ Не былъ ли составленъ этотъ проектъ нѣсколько ранѣе, такъ какъ, по показанію Пестеля, въ 1820 г. на собраніи коренной думы Союза Благочестива, происходившемъ у Ѳ. Н. Глинки, послѣ доклада Пестеля о выгодахъ и невыгодахъ республики, присутствующіе единогласно высказались за республиканское правленіе.

ныя черты его, по свидѣтельству Муравьева, состояли въ слѣдующемъ. Исполнительная власть принадлежитъ императору, который участвуетъ и въ законодательной власти ¹⁾. Законодательная власть «въ особенности» принадлежитъ народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избранныхъ на два года. Вѣче обновляется ежегодно на половину по жребію. «Умѣрительная» власть принадлежитъ сенату, члены котораго избирались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему вѣчемъ. Сенаторы назначались на всю жизнь и не могли принять никакой должности, не теряя своего званія. Они могли быть только генераль-губернаторами въ областяхъ или генераль-прокурорами министерствъ, но въ обоихъ случаяхъ только тогда подписывали протоколы судебныхъ мѣстъ или министерскихъ коллегій, когда находили, что они не нарушаютъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, они пользовались только «надзирательною властью», сообщая сенату, почему они остановили то или другое дѣло. Въ мирное время не должно существовать армій, а только корпуса, главнокомандующіе которыхъ дѣлались сенаторами безъ выборовъ ²⁾.

Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского пола безъ исключенія должны были участвовать въ избраніи мѣстныхъ чиновниковъ и представителей въ народное вѣче, выбирая ихъ «избирателей». Слѣдовательно, въ это время, какъ и позднѣе, Пестель стоялъ за двухстепенные выборы. Но если для того, чтобы участвовать въ первой степени выборовъ, не нужно было по этому первоначальному наброску Пестеля имѣть никакого ценза, то, чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, необходимо было «имѣть извѣстное состояніе» (отъ этого послѣдняго предположенія Пестель впослѣдствіи отказался). Жители каждой деревни выбираютъ избирателей; списки получившихъ наибольшее число голосовъ отправляются въ уѣздный городъ, гдѣ на основаніи ихъ составляются списки уѣздныхъ избирателей. Въ губернскомъ городѣ изъ этихъ списковъ составляютъ губернской списокъ ста лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Эти избиратели «назначаютъ уже представителей въ вѣче, не обращая вниманія ни на какое денежное условіе», т. е. для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ вѣче, не требовалось никакого имущественнаго ценза.

¹⁾ Сохранились часть набросковъ Пестеля на французскомъ языкѣ; тамъ, между прочимъ, сказано: „Государь управляетъ всею имперію... Каждое отдѣльное лицо въ своихъ отношеніяхъ къ государю будетъ называться подданнымъ, а въ отношеніяхъ съ соотечественниками — гражданиномъ... Нѣтъ нужды говорить, что государь и его августѣйшее семейство не могутъ принадлежать ни къ какой общинѣ (commune). Они находятся на вершинѣ соціального знанія, и вся имперія составляетъ ихъ общину“.

²⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній мы встрѣтимъ въ „Государственномъ Заветѣ“ Пестеля (см. ниже), но императоръ замѣняетъ тамъ „державною думою“ изъ 5 членовъ.

Представители получают ежегодное вознаграждение. Кроме того губернские избиратели «назначали депутатовъ въ областныя вѣча». Слѣдовательно, Пестель, ранѣе Н. Муравьева, высказалъ мысль о необходимости, кроме центрального представительнаго учрежденія, и областныхъ представительныхъ собраний. Однако, познѣе онъ отказался отъ этой послѣдней мысли. Возвращаемся къ показанію самого Пестеля.

«Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ ¹⁾ очень сильно подѣйствовало на меня; онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возростаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія. Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда за пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться. Я воспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семь отношеній я предпочитаю самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность (?), хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но и зато не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массаю народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ-то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. «Происшествія» (т. е. революціи) «въ

¹⁾ Дѣло идетъ о сочиненіи „Commentaire sur l'Esprit des Loix de Montesquieu, par M. le C-te Destutt de Tracy“, Paris, Juillet, 1819. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

Неаполѣ» (1820—21 г.), «Гишпаніи» (1820 г.) «и Португаліи» (1820 г.) «имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя, достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію» (т. е. къ искренности согласія) «монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мысли, который раздѣляли весьма многіе члены тайнаго общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканцемъ и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей».

На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постоянно возрастали и укоренились въ умахъ, и кто гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ государствѣ», Пестель отвѣчалъ: «Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествія 1812, 13, 14 и 15 гг., равно какъ, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый въкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и, тоже, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англии и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразования заставляеть, такъ сказать, вездѣ умы клекотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа преобразования по государству, то нельзя приписать сіе нашему Обществу, ибо оно слишкомъ еще было мало-численно, дабы какое-нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распростра-

нились, общимъ причинамъ, выше изложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы, точно такъ же какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества».

Остановимся еще на томъ, какъ Пестель вель устную пропаганду въ то время, когда его политическія идеи окончательно сложились. Живое изображеніе этого мы находимъ въ показаніи члена Южнаго общества А. В. Поджіо. Осенью 1824 г. Пестель, «по обыкновенію своему испытывать, оспаривать человѣка даже въ томъ, въ чемъ онъ былъ самъ убѣжденъ, дабы чрезъ то усмотрѣть способность всякаго и твердость въ мнѣніи, счелъ за нужное начать со мной съ азбуки и въ политикѣ..., и дѣйствіи... Началъ отъ Немрода, подробно, медленно переходилъ черезъ всѣ измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря, сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; пріостановился на революціи французской, не улупская изъ виду нерѣшимость одной цѣли, непрочности въ достиженіи ея и основаніи, и, наконецъ, палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всѣ свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи, сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь они въ существѣ своемъ разнородны и несомвѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія невозможно установленіе прочной системы равновѣсій властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе престола по первородству противнѣ цѣли всякаго благоустроеннаго государства; какъ предполагать тѣхъ нужныхъ свойствъ въ первородцѣ для управления государствомъ; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не улупствивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенную и основанную на народномъ представительствѣ. На все спрашивалъ мое мнѣніе. Я ему отвѣчалъ убѣжденіемъ моимъ и примолвилъ, что сіе все почерпнули» у Де-то-де-Траси «и его разборъ о духѣ законовъ Монтескье весьма искусно превратили въ систему математически изложенную, добавивъ, что я во всемъ согласенъ, что нахожу, что предшественники наши въ преобразованіи государствъ были ни что, какъ ученики еще, что наука сія была въ дѣтствѣ и, наконецъ, приметъ свои положительныя и неизмѣнныя правила. На семъ кончилось испытаніе мое въ свѣдѣніяхъ моихъ политическихъ и согласія моего на введеніе сего рода правленія въ Россіи ¹⁾.

---

¹⁾ Отмѣтимъ еще, что Пестель давалъ порученіе членамъ Южнаго общества Ивашеву, Крюкову и Барятинскому дѣлать выписки изъ книгъ аббата Баррюэля о тайныхъ обществахъ („Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme“, 5 vol., Hamb. 1803), но они не исполнили порученія.

IX.

Главный трудъ Пестеля, Русская Правда, носить слѣдующее заглавіе: «Русская Правда ¹⁾, или заповѣдная государственная грамота великаго народа російскаго, служащая заѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства Россіи и содержащая вѣрный наказъ, какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія» ²⁾).

Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель указываетъ на то, что народъ имѣетъ *право* требовать отъ правительства, чтобы оно непременно стремилось къ общественному и частному благоденствію и только бы то повелѣвало, что истинно къ сей цѣли ведетъ и безъ чего не могла бы она быть достигнута». Далѣе, очевидно, руководствуясь ученіемъ Бентама, онъ утверждаетъ, что «истинная цѣль государственнаго устройства должна непременно быть: возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ». По мнѣнію Пестеля, «правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное». Повторяя приводимую и Н. Муравьевымъ въ его проектѣ мысль испанской конституціи 1812 г., Пестель говоритъ, что «народъ російскій не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства»; по его мнѣнію, «напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства».

Всякое благоустроенное государство должно находиться «подъ властью и управленіемъ законовъ общественныхъ, а не прихотей личныхъ властителей» и доставлять «возможное благоденствіе всѣмъ и каждому», а не злоупластвовать ³⁾ «надъ всѣми для выгоды единаго или нѣсколькихъ. Все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противурѣчить, есть злоупластіе, испроверженіе правъ и уничтоженіе, нареканіе наносящее и гибель совершающее. Примѣняя сіи неизмѣнныя и непреложныя, коренныя правила въ Россіи, ясно видѣть можно», что они «непременно требуютъ измѣненія существующаго нынѣ государственнаго порядка въ Россіи и введенія на мѣсто его такого устройства, которое было бы основано на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ, не предоставляло бы ничего личному самовластью

1) Название это было дано имъ въ 1824 г., но уже въ 1823 г. въ собраніи Южнаго общества Пестель читалъ отрывки изъ этого своего произведенія.

2) Другое заглавіе: „Русская Правда, содержащая наставленіе верховному правленію и служащая залогомъ всеросійскому народу въ усовершенствованіи его положенія“ Тутъ же краткое заглавіе: „Проектъ Русской Правды“.

3) Пестель старался употреблять какъ можно менѣе иностранныхъ выраженій. Въ началѣ „Русской Правды“ приложенъ особый списокъ тѣхъ русскихъ словъ, которыми авторъ замѣняетъ соотвѣтствующія иностранныя; „зупластіе“ онъ употребляетъ вмѣсто слова „тираннія“.

и въ совершенной точности удостовѣряло бы народъ російскій въ томъ, что онъ составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью. Изъ сего явствуютъ двѣ главныя для Россіи необходимости: первая состоитъ въ совершенномъ переобразованіи государственнаго порядка и устройства, а вторая — въ изданіи полнаго новаго Уложенія или Свода Законовъ, сохраняя при томъ все полезное и уничтожая вредное.

Съ этою цѣлью необходимо учредить Временное Верховное Правленіе и обнародовать «Русскую Правду» во всеобщее свѣдѣніе. Новый порядокъ не можетъ быть введенъ сразу: для этого нужно множество подготовительныхъ или переходныхъ мѣръ. Исполнение этого важнаго дѣла всего лучше можетъ быть поручено Временному Верховному Правленію, такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созданъ немедленно, потому что «начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но «Россія должна имѣть залогъ въ томъ, что Временное Верховное Правленіе точно будетъ дѣйствовать» только для блага Россіи и потому необходимо «изданіе Русской Правды въ видѣ Наказа Верховному Правленію», тѣмъ болѣе, что составленіе уложенія или Свода Законовъ требуетъ много времени. Русская Правда должна опредѣлить всѣ перемѣны, которыя слѣдуетъ произвести въ государствѣ, и намѣтить «коренныя правила и начальныя основы», которыя должны послужить руководствомъ «при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія». Она содержитъ въ себѣ также «поясненіе коренныхъ соображеній начальныхъ причинъ и основныхъ доводовъ, утверждающихъ предполагаемое для Россіи государственное устройство. Итакъ, Русская Правда есть наказъ или наставленіе Временному Верховному Правленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ. Она... служитъ для Россіи ручательствомъ, что Временное Верховное Правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ таковой грамотѣ», продолжаетъ Пестель, «ввергнувъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междуусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя передъ собою яснаго и полнаго наставленія, коимъ бы обязано было руководствоваться, и что народъ между тѣмъ никогда не зналъ, что для него предпринимаютъ, никогда не видѣлъ яснымъ образомъ, къ какой цѣли стремятся дѣйствія правительства, и, волнуемый разными страхами, а потомъ и разными страстями, часто предпринималъ безпокойныя дѣйствія и, наконецъ, междуусобія производилъ. Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло и приводитъ государственное переобразование въ положительныя ходъ и дѣйствіе тѣмъ, что все опредѣляетъ и на всѣ предметы коренныя правила

издаетъ. Посему обязаны съ нею въ полной мѣрѣ сообразоваться, какъ Временное Верховное Правленіе со всѣми частями, отраслями и степенями правительства, такъ равно и весь народъ со всѣми онаго членами или гражданами. Временное Верховное Правленіе обязано новымъ государственный порядокъ, Русскою Правдою опредѣленный, постепенными мѣропріятіями ввести и устроить, а народъ обязанъ сему введенію не только не противиться, но, напротивъ того, Временному Верховному Правленію усердно всѣми силами содѣйствовать и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить преслѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразованія“.

Въ разговорѣ съ А. В. Поджіо, о которомъ мы уже упоминали, Пестель сказалъ, что дѣятельность Временнаго Верховнаго Правленія должна продолжаться не менѣ десяти лѣтъ: одно «раздѣленіе земель» (см. ниже) «возьметъ много времени». По поводу этого показанія Поджіо Пестель подтвердилъ, что дѣйствительно онъ указывалъ на необходимость существованія Временнаго Правленія до окончанія преобразованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что оно не должно «продолжаться сверхъ надобности». По его мнѣнію, если Временное Правленіе прекратитъ свое существованіе до окончанія государственнаго преобразованія, то «не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи». Онъ считалъ для этого необходимымъ 8 или 10 лѣтъ. Нужно замѣтить, что Пестель высказывалъ нежеланіе быть членомъ Временнаго Верховнаго Правленія, ссылаясь на то, что не хочетъ быть уличеннымъ въ личныхъ видахъ, а также указывая и на свою не русскую фамилію. Но Поджіо сказалъ ему: «Вамъ предстоитъ слава Вашингтона; вы можете, какъ онъ, сейчасъ же удалиться къ числу частныхъ гражданъ послѣ водворенія законнаго правленія».

Пестель не успѣлъ окончить «Русскую Правду», и изъ 10 предполагаемыхъ главъ написалъ только 5; три первыя онъ считалъ обработанными, а двѣ—написанными вчернѣ; впрочемъ, и относительно третьей главы онъ говорилъ, что была отдѣлана «большая часть» ея.

Въ первой главѣ („О земельномъ пространствѣ государства“) онъ прежде всего утверждаетъ что нужно думать не о расширеніи границъ Россіи, а только о «водвореніи благоденствія» въ ея обширныхъ владѣніяхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что безопасность и спокойствіе государства зависятъ отъ его хорошихъ границъ, опредѣленіе которыхъ затрудняется разноплеменностью населенія Россіи. При этомъ проявляются два противоположныя теченія: народы, подвластные большому государству и не принадлежащіе къ господствующему племени, всегда желаютъ независимости и отдѣльнаго политическаго существованія; Пестель называетъ это «правомъ народности». Съ другой стороны, всякое большое государство или, лучше сказать, всякій господствующій въ государствѣ народъ стремится къ тому, чтобы силы окружающихъ его

маленькихъ народовъ увеличивали могущество его самого, а не какого-либо сосѣдняго государства; Пестель называетъ это «правомъ благоудобства». Признавая вполнѣ естественными оба эти противоположныя стремленія, онъ полагаетъ, что рѣшать, какому изъ нихъ должно быть отдано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпочтеніе, слѣдуетъ на основаніи третьяго правила, состоящаго въ томъ, что право народности дѣйствительно существуетъ только для тѣхъ народовъ, которые, пользуясь имъ, могутъ его сохранить, „и что право благоудобства принимается въ соображеніе для утвержденія безопасности, а не для какого-либо тщеславнаго распространенія предѣловъ государства. Такимъ образомъ, племена, подвластныя большому государству, не могущія по слабости евоей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и должствующія, слѣдовательно, непремѣнно состоять подъ властью или покровительствомъ котораго-либо изъ большихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее“. По мнѣнію Пестеля, для нихъ самихъ выгоднѣе слиться съ господствующимъ населеніемъ и составить съ нимъ одинъ народъ. Съ другой стороны, сильное государство „не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полною политическою независимостью“.

Руководясь этою точкою зрѣнія, Пестель утверждаетъ, что Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земля киргизовъ, всѣ народы сибирскіе иразныя другія племена, обитающія внутри государства, никогда не пользовались «самостоятельною независимостью» и принадлежали или Россіи, или «по временамъ» Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи, вообще какому-нибудь сильному государству, и дѣлаетъ отсюда выводъ, что «и на будущія времена, по слабости своей», они «никогда не будутъ составлять особыхъ государствъ, а посему и подлежатъ всѣ они праву благоудобства, долженствуя притомъ навѣки отречься отъ права отдѣльной народности» и должны «на вѣчныя времена» оставаться въ составѣ русскаго государства. Пестель не принялъ во вниманіе того, что нѣкоторыя изъ названныхъ имъ областей и племенъ, даже и находясь подъ верховнымъ главенствомъ другого государства, пользовались значительною долею самостоятельности. Такъ, Малороссія подъ русскимъ владычествомъ имѣла своихъ гетмановъ и свои войсковыя рады; Грузія знала времена и полной независимости, и значительной самостоятельности подъ покровительствомъ Россіи, Персіи или Турціи; Крымъ, подъ главенствомъ Турціи, имѣлъ своихъ хановъ и собственное управленіе; Курляндія, несмотря на ленную зависимость отъ Польши, имѣла своихъ герцоговъ; киргизы и подъ русскимъ верховнымъ владычествомъ управлялись своими ханами. Такимъ образомъ, примѣры, приведенные самимъ Пестелемъ, доказываютъ, что между полною самостоятельностью и совершеннымъ объединеніемъ съ господствующимъ народомъ можетъ быть нѣчто

Николай Иванович
РЫСАКОВЪ.

среднее, и что, даже входя въ составъ какого-либо Государства, извѣстный народъ, извѣстная область, могутъ пользоваться мѣстной автономіею, самостоятельно рѣшать мѣстныя дѣла. Изъ перечисленныхъ Пестелемъ областей Финляндія даже въ то время составляла великое княжество, которое Сперанскій называлъ «государствомъ» и населеніе котораго официальные акты именовали націею. Если Пестель не захотѣлъ признать за Финляндіею никакой самостоятельности, то это, вѣроятно, объясняется, какъ тѣмъ, что тамошній сеймъ съ 1809 г. ни разу не созывался, такъ и тѣмъ, что онъ былъ основанъ на антипатичномъ для Пестеля сословномъ началѣ. Исходя изъ указанной выше точки зрѣнія, онъ предостовлялъ Временному Верховному Правленію присоединить къ Россіи «на вѣчныя времена» Молдавію и незавоеванныя еще части кавказскихъ, киргизскихъ и монгольскихъ земель.

Совершенно иначе относился Пестель къ Польшѣ. Онъ находилъ, что, такъ какъ Польша въ теченіе многихъ вѣковъ была большимъ, самостоятельнымъ государствомъ, то русскій народъ долженъ даровать побѣжденному народу самостоятельность въ то время, когда сама Россія приобретаетъ «новую жизнь». Временному правительству слѣдуетъ разрѣшить дать Польшѣ «независимое, самостоятельное политическое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства». При этомъ слѣдуетъ отдѣлить къ Польшѣ часть западной Россіи ¹⁾ и заключить съ нею тѣсный союзъ на время мира и войны, вслѣдствіе котораго Польша обязалась бы присоединить все свое войско, въ случаѣ войны, къ русской арміи. Но дарованіе Польшѣ независимости возможно лишь при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условій: 1) верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ такъ же, какъ и въ Россіи; 2) назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственные мѣста должны происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи и 3) «всякая аристократія», основанная какъ на богатствѣ и имуществѣ, такъ и на «привилегіяхъ и правахъ родовыхъ», должна быть «совершенно, навсегда отвергнута», и весь польскій народъ долженъ составлять такъ же, какъ и русскій одно сословіе. Пестель, въ отличіе отъ Никиты Муравьева, рѣшительно высказывается противъ федеративнаго устройства Россіи ²⁾.

¹⁾ Пестель предлагалъ всю Гродненскую губернію и Бѣлостокскую область дѣлкомъ включить въ составъ Польши, а Виленскую, Минскую и Волынскую губерніи раздѣлять между Польшею и Россіею. Граница между ними, по его мнѣнію, должна была идти отъ Полагенга прямо на Динабургъ, затѣмъ Двиною до Полоцка, далѣе, рѣкою Ушатою (лѣвый притокъ Западной Двины) до Березины, отсюда Березинскою линіею до Припяти, затѣмъ къ г. Острогу Волынской губ. и наконецъ къ Карпатскимъ горамъ.

²⁾ «Федеративными», по его опредѣленію, «называются тѣ государства, въ которыхъ области, ихъ составляющія, хотя и признають общую надъ собою верховную власть и обязываются совокупно дѣйствовать во всѣхъ сношеніяхъ внѣшнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняють законы дѣлать и постановленія издавать для собственнаго своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устраивать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію».

По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство государства представляет слѣдующія неудобства:

1) Верховная власть въ такомъ государствѣ „не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе. какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочетъ повиноваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междоусобную войну завести, изъ чего явствуетъ, что въ самомъ коренномъ устройствѣ находится уже сѣмя къ разрушенію“. Но онъ упускалъ изъ виду, что въ федераціяхъ проводится точная граница между тѣмъ, что устанавливается союзнымъ законодательствомъ, и тѣмъ, что подлежитъ рѣшенію мѣстныхъ штатовъ. Граница эта проводится союзною конституціею, принятою съ согласія всѣхъ составныхъ частей федераціи. 2) Особые законы, особый образъ правленія и особыя отъ того происходящія понятія и образъ мыслей еще болѣе ослабятъ связь между разными областями. На верховную же власть будутъ области смотрѣть, какъ на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будетъ разсуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственныя дѣла, въ отношеніи къ своей области, безъ участія верховной власти. Вотъ новое сѣмя къ разрушенію. 3) Каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ-нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществвахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же все таки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государство, при такомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области...

«Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями исправляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различные языки (sic) говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими и главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенные древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства. И потому, если какое-нибудь другое государство можетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сомнѣнія раздѣлять не можетъ: она горькими опытами и долготѣнными дѣйствіями жестоко заплатила за свою ошибку въ прежнемъ ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло.

«Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство въ предѣлахъ выше обозначенныхъ единымъ и нераздѣлимымъ, отвергаю-

щимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Пестель счелъ нужнымъ подробно обосновать въ «Русской Правдѣ» свое отрицательное отношеніе къ федеративному строю, въ виду того, что онъ былъ положенъ въ основу конституціи Н. Муравьева. Въ проектѣ, который, по мнѣнію Н. Муравьева, былъ составленъ въ 1820 г., самъ Пестель высказывался, какъ мы видѣли, за учрежденіе областныхъ представительныхъ собраній. Дѣло въ томъ, что у авторовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ былъ знакомъ, онъ могъ встрѣтить сочувственное отношеніе къ федераціи (союзному государству) или къ конфедераціи (союзу государствъ ¹⁾). Кроме того, главнымъ аргументомъ въ пользу федеративнаго строя могла быть для него конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, пользовавшаяся большою популярностью среди членовъ тайнаго общества. Пестель измѣнилъ свой взглядъ на федерацію безъ сомнѣнія подъ влияніемъ сочиненія Детю-де-Траси «Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu», которое, по его собственному признанію, сыграло такую огромную роль въ окончательномъ опредѣленіи его политическаго міросозерцанія. Детю-де-Траси говоритъ: «Задавшись мыслью, что республика, какъ демократическая, такъ и аристократическая, можетъ быть только маленькимъ государствомъ, Монтескье видитъ для нея только одно средство защиты—соединиться съ другими государствами узами федераціи; и онъ очень хвалитъ выгоды федеративнаго строя, который кажется ему возможно лучшимъ изобрѣтеніемъ для сохраненія свободы внѣ и внутри». Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Детю-де-Траси, «для очень слабаго государства лучше соединиться со многими другими посредствомъ союзовъ или федераціи, которая является наиболѣе тѣснымъ изъ союзовъ, чѣмъ остаются одинокимъ; но если всѣ эти соединившіяся государства составятъ одно, они, конечно, станутъ сильнѣе. Это можетъ совершиться посредствомъ представительнаго правленія. Мы благоденствуемъ въ Америкѣ при федеративномъ строѣ ²⁾, потому что у насъ нѣтъ грозныхъ сосѣдей; но если бы французская республика приняла это государственное устройство, какъ ей предлагали, сомнительно, чтобы она имѣла возможность противостоять всей Европѣ, между тѣмъ она могла это сдѣлать, оставшись *единою и нераздѣльною*. Общее правило: государство выигрываетъ въ силѣ, примыкая ко многимъ другимъ; но оно стало бы еще сильнѣе, составивъ съ ними одно государство, и слабѣетъ, раздѣляясь на многія части,

¹⁾ Montesquieu, „L'esprit des lois“, книга IX, глава 1—3; M. Helvétius „De l'homme“ section IX, ch. 4; D'Holbach „La politique naturelle“, discours VII, § 10; Rousseau „Consideration sur le gouvernement de Pologne“, ch 6.

²⁾ Сочиненіе Детю-де-Траси вышло первоначально въ свѣтъ въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ безъ имени автора, который, впрочемъ, никогда не эмигрировалъ въ Америку и не былъ ея гражданиномъ, вопреки мнѣнію Чичерина („Ист. политич. ученій“, т. V, 1902, стр. 328). См. Mignet „La vie et les travaux de Des-tutt-de-Tracy“, „Revue des deux Mondes“, Juin, 1842 г.

какъ бы тѣсно онѣ не были соединены». Детю-де-Траси самъ указываетъ на ту выгодную сторону федеративнаго строя, что онъ благоприятствуетъ болѣе равномерному распространенію просвѣщенія и совершенствованію администраціи, такъ какъ, помимо общаго патріотизма, возбуждаетъ патріотизмъ мѣстный, и кромѣ того мѣстные законодатели лучше знаютъ особые интересы ихъ маленькаго штата. Но «несмотря на эти счастливыя свойства», онъ думаетъ, «что на федераціи, особенно у народовъ древности, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на опыты и попытки людей, не изобрѣвшихъ еще истиннаго представительнаго строя, и которые сразу пытались достигнуть свободы, спокойствія и могущества, возможныхъ лишь при указанномъ строѣ»¹⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и согласно съ французскою конституціею 1793 г. (п. I), хотя онъ и не упоминаетъ о ней, Пестель призналъ, что Россія должна быть государствомъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ «единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Онъ предлагаетъ раздѣлить Россію на 53 губерніи, изъ которыхъ 50 должны были называться округами, а три удѣлами; 50 округовъ должны были составить 10 областей, по 5 округовъ въ каждой, а удѣлы, не входившіе въ составъ областей, носятъ названія Столичнаго, Донскаго и Аральскаго. Округа и удѣлы раздѣляются на уѣзды, а уѣзды на волости. Столицею Пестель предлагалъ сдѣлать Нижній Новгородъ, переименовавъ его во Владиміръ. Вся Финляндія входила въ составъ Чудской области вмѣстѣ съ частью Петербургской губерніи и Олонецкимъ округомъ; весь Остзейскій край былъ включенъ въ составъ Холмской области (областной городъ—Новгородъ); Сибирь образовала особую область; Кавказъ вмѣстѣ съ Астраханскимъ округомъ составлялъ Кавказскую область.

Во второй главѣ «Русской Правды» Пестель разсматриваетъ вопросъ «о племенахъ, Россію населяющихъ». Исходя изъ своей мысли о томъ, что Россія должна быть государствомъ единымъ и нераздѣльнымъ, онъ говоритъ, что «во всѣхъ частяхъ государства» должны существовать «одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія». Онъ, правда, соглашался съ тѣмъ, что новѣрныя «законы духовныя» могутъ быть допущены, но «всѣ дѣйствія» ихъ, противорѣчащія духу законовъ христіанскихъ, считалъ необходимымъ запрещать. При единообразіи общихъ «политическихъ законовъ» Пестель допускалъ также разнообразіе «хозяйственныхъ» постановленій для отдѣльныхъ мѣстностей. Но «гражданскіе законы», по его мнѣнію, должны быть одинаковы на всемъ пространствѣ государства, такъ какъ они «болѣе всего со-

¹⁾ „Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu“, Paris, 1819 p. 120—122. Возраженія противъ федеративнаго строя Пестель могъ встрѣтить и у Бенжамена Ковстана „Cours de politique constitutionnelle“, I, 289.

дѣйствовать будутъ къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности» и этимъ создадутъ «крѣпкую и истинно-тѣсную политическую связь въ государствѣ».

Признавая въ Россіи 5 «оттѣнковъ» славянскаго племени, Пестель утверждалъ, что у нихъ: одинъ языкъ, несмотря на различіе нарѣчій, и одна православная вѣра, такъ какъ полагалъ, что число униатовъ все уменьшается, а католическая вѣра въ частяхъ западной Россіи, которыя не отойдутъ къ Польшѣ, будто бы исповѣдуется не народомъ, а лишь «потомками нѣкоторыхъ пришлецовъ прежнихъ временъ».

Исходя изъ своей идеи политическаго единообразія, Пестель требуетъ, чтобы временное верховное правленіе ввело во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые приготовляются въ «Русской Правдѣ» для русскихъ губерній. По его мнѣнію, «сей новый порядокъ будетъ для Финляндіи благодѣтельнѣе и пріятнѣе не только нынѣшняго російскаго, но и нынѣшняго финляндскаго. Что же касается до языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію російскій языкъ, устраивая нужныя для сего училища и принимая другія, къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію верховнаго правленія». Въ подтвержденіе своей мысли Пестель ссылался на то, что, когда въ части Финляндіи, присоединенной къ Россіи въ XVIII вѣкѣ, были введены русскіе законы, правленіе и языкъ, то народъ скоро будто бы почти совсѣмъ обрусѣлъ. Но если Пестель ошибался въ своихъ обрусительныхъ стремленіяхъ и слишкомъ мало цѣнилъ значеніе мѣстнаго языка, то онъ былъ совершенно правъ, утверждая, что введеніе того республиканскаго строя, основаннаго на широкомъ выборномъ правѣ, который онъ считалъ необходимымъ даровать Россіи, будетъ для большинства жителей Финляндіи «благодѣтельнѣе и пріятнѣе» финляндскаго государственнаго устройства, основаннаго на сословномъ представительствѣ.

Что касается финскаго населенія сѣвера и сѣверо-востока Россіи, то Пестель относился къ нему съ большою гуманностью. „Мало обращено было вниманія“, говоритъ онъ, „на дѣйствительное положеніе сихъ маленькихъ народовъ, и отъ того они подъ тягостнымъ угнетеніемъ мѣстныхъ начальствъ находятся и продолжаютъ коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ“. Онъ вмѣнялъ «въ особенную обязанность» временному верховному правленію принять всѣ мѣры «для избавленія сихъ племенъ отъ частнаго ига ихъ правителей и для доставленія имъ средствъ къ улучшенію ихъ состоянія и къ водворенію между ими просвѣщенія, особенно же приложить стараніе насчетъ правильнаго дѣйствія духовнаго чина».

Такъ какъ Пестель служилъ одно время въ Митавѣ, то онъ имѣлъ хорошее понятіе о положеніи латышей. По его словамъ, „находятся они въ состояніи гораздо менѣе благоденственномъ, нежели... крестьяне русскіе, несмотря на мнимую вольность, имъ дарованную». Поэтому онъ ставилъ въ обязанность временному верховному правленію: „1) Большое обратитъ вниманіе, какъ на

ихъ положеніе, такъ и на то обстоятельство, что феодальная система, свирѣпствовавшая столь долгое время на западѣ Европы, даже и сюда гнилые свои корни пустила и 2) Всѣ мѣры принять для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма и для приведенія положенія латышей въ согласіе съ коренными правилами, долженствующими служить основаніемъ всякому благому устройству въ государствѣ. А посему нынѣшнее политическое образованіе сихъ губерній имѣетъ быть замѣнено тѣмъ новымъ порядкомъ, который введенъ будетъ въ цѣломъ государствѣ“.

Относительно иностранныхъ колонистовъ, поселенныхъ въ Россіи (нѣмцевъ, болгаровъ и волоховъ), Пестель предлагалъ сохранить за ними обѣщанныя имъ льготы, но въ то же время „дѣлечь земель въ каждой волости совершить тѣмъ же образомъ, какъ и въ казенныхъ волостяхъ“. Онъ, очевидно, не зналъ, что въ этихъ двухъ требованіяхъ есть противорѣчіе, такъ какъ надѣленіе землею иностранныхъ колонистовъ при Екатеринѣ II было произведено не на тѣхъ началахъ, какія предлагалъ Пестель (см. ниже), а на основѣ подворнаго землевладѣнія, по 30 десятинъ на семью (въ Новороссіи давалось и болѣе)¹⁾. Но жизнь разрѣшила это противорѣчіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, и часть нѣмецкихъ колонистовъ усвоила русскіе общинные порядки и передѣлы земель, которые были извѣстны Пестелю и которымъ онъ сочувствовалъ.

Онъ считалъ необходимымъ заботиться и объ улучшеніи положенія кочующихъ народовъ и выражалъ желаніе, чтобы они сдѣлались «нашими братьями» и перестали «коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи». Онъ предлагалъ посылать къ нимъ миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы они просвѣщали ихъ «кротостью и убѣжденіемъ», что, какъ извѣстно, плохо осуществлялось на дѣлѣ. Важнѣе другое предложеніе Пестеля—устроить склады всего необходимаго для удовлетворенія потребностей кочующихъ народовъ и тутъ же хлѣбные магазины съ дозволеніемъ пользоваться хранящимися въ нихъ запасами въ случаѣ нужды въ хлѣбѣ. Когда кочующіе народы перейдутъ къ земледѣлію, должно на общихъ основаніяхъ учредить среди нихъ волости, и тогда эти народы поступятъ «въ общій составъ государственнаго устройства», т. е. вѣроятно, получать права политической.

Татарамъ Пестель предлагаетъ запретить многоженство, какъ противное православной вѣрѣ; «содержаніе женъ взаперти», добавляетъ онъ, «есть большая несправедливость противу сей половины рода человѣческаго, а посему и надлежитъ употребить средства кроткія, дабы магометане обычай сей оставили». Онъ говоритъ о предоставленіи татарамъ „всѣхъ частныхъ²⁾ гражданскихъ правъ“; это, повидимому, нужно понимать такимъ образомъ, что правъ

¹⁾ *К. лаусъ* „Наши колонія“. Слб. 1869 г. т. I, 12, 14—15.

²⁾ Курсивъ подлинника.

политическихъ пока имъ не предоставлялось. Относительно немирныхъ, «буйныхъ» кавказскихъ племень Пестель требуетъ не только рѣшительнаго ихъ покоренія, но даже насильственнаго переселенія внутрь Россіи. Напротивъ, мирные кавказскіе народы слѣдуетъ оставить на ихъ мѣстахъ и дать имъ російское правленіе и устройство». Въ параграфѣ, посвященномъ сибирскимъ народамъ, Пестель дѣлаетъ такое замѣчаніе: «самые несчастные народы суть тѣ, которые управляются Американскою Компаніею. Она ихъ угнетаетъ, грабитъ и нисколько о существованіи ихъ не заботится, почему и должны непременно сіи народы отъ нея быть совершенно освобождены».

Что касается евреевъ, то большимъ зломъ Пестель считаетъ ихъ обособленность и враждебность христіанамъ, не обращая вниманія на то, что это являлось естественнымъ результатомъ ограниченія ихъ во многихъ правахъ. Для устраненія, главнымъ образомъ, обособленности евреевъ и вообще измѣненія отрицательныхъ сторонъ ихъ быта онъ предлагалъ созвать «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленія» и принять надлежащія мѣры. На эту мысль, его, вѣроятно, навело собраніе, созванное въ 1806 г. Наполеономъ въ Парижѣ, въ которое префекты избирали наиболѣе выдающихся еврейскихъ раввиновъ и мірянъ, а также собранный въ 1807 г. великій синадріонъ, на $\frac{2}{3}$ состоявшій изъ раввиновъ ¹⁾. Пестель не прочь былъ и совсѣмъ освободить Россію отъ еврейскаго населенія и потому дѣлаетъ предложеніе о содѣйствіи евреямъ въ основаніи ихъ собственнаго государства въ Малой Азіи. По его словамъ, «нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войска имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолѣвать всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцію, перейти въ азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство. Но такъ какъ сіе исполненное предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно гениальной предпримчивости, то и не можетъ быть оно поставлено въ непремѣнную обязанность временному верховному правленію».

Извѣстно, что Наполеонъ обратился въ 1799 г. къ азіатскимъ и африканскимъ евреямъ съ воззваніемъ, въ которомъ приглашалъ ихъ стать подъ его знамена и обѣщалъ имъ святую землю и возобновленіе іерусалимскаго храма во всемъ его блескѣ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, нѣмецкій философъ Фихте, враждебно относившійся къ евреямъ, предлагалъ покорить для нихъ обѣтованную землю и отправить туда ихъ всѣхъ ²⁾. Пестель, подобно Фихте,

¹⁾ Гретцъ. „Исторія евреевъ отъ начала Мендельсоновской эпохи“. 1884 г., стр. 230, 247.

²⁾ Гретцъ, 197, 208.

былъ враждебно настроенъ относительно евреевъ ¹⁾ и выражался о нихъ довольно рѣзко (такой же несимпатичный антисемитизмъ сказывался и у нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ). Онъ, впрочемъ, справедливо отмѣчаетъ, какъ одну изъ причинъ низкаго умственнаго уровня евреевъ, ихъ полную зависимость отъ раввиновъ, которые «именемъ вѣры» запрещаютъ имъ чтеніе какихъ бы то ни было книгъ, кромѣ талмуда и нѣкоторыхъ другихъ ²⁾. Онъ указываетъ на громадную власть раввиновъ надъ ихъ духовною паствою и въ другихъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе странно, что тѣмъ же раввинамъ онъ отводитъ столь видную роль въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ.

Ни польская конституція 1815 г., ни проектъ Новосильцова не предоставляли евреямъ равенства въ политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Н. Муравьевъ во второй редакціи своего проекта отказался отъ первоначальной мысли предоставить евреямъ политическія права только въ чертѣ осѣдлости и предлагалъ уравнивать ихъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Пестель высказывается за то, чтобы временное верховное правленіе, выслушавъ мнѣніе «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ», приняло мѣры, чтобы существующая обособленность евреевъ была замѣнена «такимъ порядкомъ, который бы соотвѣтствовалъ *въ полной мѣрѣ* общимъ кореннымъ правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію російскаго государства». Такимъ образомъ, онъ, повидимому, желалъ распространенія на евреевъ политическихъ правъ, но подъ условіемъ преобразованія ихъ быта, которое онъ поручалъ временному верховному правленію. Нужно помнить, что совершеннымъ государственнымъ строемъ Пестель считалъ лишь тотъ, гдѣ на всемъ пространствѣ государства дѣйствуютъ одни и тѣ же «политическіе законы». Но это стремленіе къ уравниванію правъ всего населенія Россіи соединялось у Пестеля съ стремленіемъ къ общему обрусенію. Онъ полагалъ, что при всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ временное верховное правленіе должно руководствоваться одною цѣлью: чтобы всѣ народы и племена, населяющіе Россію, составили одинъ народъ, чтобы на всемъ пространствѣ государства «господствовалъ одинъ только языкъ російскій» и чтобы были уничтожены даже имена всѣхъ населяющихъ его племенъ и вездѣ были бы слиты «въ общее названіе русскихъ». Это были, конечно, мечты, совершенно неосуществимыя, но такая прямолинейность, не останавливающаяся ни передъ какимъ препятствіемъ, хорошо рисуетъ рѣшительный характеръ нашего яковинца.

Третья глава «Русской Правды» посвящена «сословіямъ, въ Россіи обрѣтающимся», при чемъ, принимая нѣкоторые отдѣльные разряды крестьянъ за особыя сословія, онъ насчитывалъ всѣхъ ихъ

¹⁾ Онъ былъ недоволенъ нѣкоторыми исключительными правами, предоставленными евреямъ, первое мѣсто среди которыхъ занимало освобожденіе отъ рекрутской повинности. Эта льгота была уничтожена при имп. Николаѣ I. *Ортакіи* „Русск. законод. о евреяхъ“, СПб. 1877. стр. 284.

²⁾ Ср. *Гретицъ*, 98. 340.

до 12, а именно: духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, казенные крестьяне, вольные землевладѣльцы, военные поселяне, солдатскія дѣти, дворянскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе крестьяне и монастырскіе крестьяне.

«Распредѣленіе народа на сословія, занимающіяся исключительно земледѣліемъ, издѣліемъ» (т. е. промышленностью) «и торговлею», говоритъ Пестель, «совершенно отвергнуто политической экономіею¹⁾, доказавшею неоспоримымъ образомъ, что каждый человѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидаетъ для себя выгоды и прибыли». Далѣе онъ высказываетъ мысль, съ которою мы уже знакомы изъ его показанія о развитіи его политическаго міросозерцанія. «Отличительная черта нынѣшняго столѣтія ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристокраціею, во время коей начинаетъ возникать аристокрація богатствъ, гораздо вреднѣйшая аристокраціи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ, и слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристокрація богатствъ» находитъ въ нихъ «орудіе для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно и посредствомъ коихъ она приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость».

Мы видѣли, что во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель «истинною цѣлью государственнаго устройства» считаетъ (слѣдуя Бентаму) «возможно большее благоденствіе *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ». Въ третьей главѣ онъ идетъ даже далѣе и говоритъ, что «гражданскія общества, а слѣдовательно, и государства составлены для возможно большаго благоденствія *всѣхъ и каждая*, а не блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей». Онъ утверждаетъ, что «всѣ люди въ государствѣ должны непременно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее» это равенство, «есть нестерпимое зловлістіе» (тираннія), «долженствующее непременно быть уничтоженнымъ... Сословія тѣмъ еще пагубнѣе, что они только однимъ пристрастіемъ дышать, что нѣкоторымъ членамъ народа выгоды даютъ, въ коихъ другимъ отказываютъ безъ всякой причины и безъ всякой для государства пользы, что, для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей, жестокою оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа, и что противны цѣли государственнаго существованія, состоящей не въ пристрастіи къ малому числу, но въ елико возможно большемъ благоденствіи *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ. А изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что

¹⁾ Въ одной французской рукописи Пестеля упоминается имя Сисмонди. Вѣроятно, ему было знакомо его сочиненіе „Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population“ par Simonde de Sismondi. P. 1819, 2 vols. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Пестель былъ знакомъ съ сочиненіемъ Адама Смита, которое было переведено на русск. яз. и издано въ 1802—6 гг.

учрежденіе сословій непременно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ, и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ всѣ равны».

Духовенство, по мнѣнію Пестеля, должно быть не особымъ сословіемъ, а «частью правительства», чиновниками; дѣти ихъ пользуются одинаковыми правами со всѣми гражданами. Черное духовенство, отказавшись отъ свѣта, не должно занимать должностей по церковному управленію, кромѣ монастырей. Въ монахи никто не долженъ поступать ранѣе 60 лѣтъ, а въ бѣлое духовенство ранѣе 40. Духовенство иноземнаго исповѣданія, которое признаетъ надъ собою начальство внѣ Россіи ¹⁾, должно или оставить ее, или отказаться отъ повиновенія своему начальству и прекратить съ нимъ сношенія; монашескимъ же чинамъ иноземныхъ исповѣданій совсѣмъ не дозволяется пребываніе въ Россіи. При университетахъ должны быть особые богословскіе лица. Всякій, выдержавшій экзаменъ въ такомъ лицѣ, можетъ поступить на духовную службу. Находя, что положеніе русскаго духовенства „горько и жалостно“, что оно „едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ всякаго должнаго призрѣнія“, Пестель ставитъ въ обязанность временному верховному правленію „всѣ средства употребить для доставленія почтенному русскаму духовенству совершенно приличнаго содержанія“. Особенно слѣдуетъ улучшить положеніе приходскихъ священниковъ, „чтобы они не были принуждены сами заниматься земледѣліемъ и беспокоиться о своемъ пропитаніи“.

Пестель рѣшительно высказывается за необходимость уничтоженія всѣхъ дворянскихъ имуществъ: 1) слѣдуетъ уничтожить „рабство и крѣпостное состояніе“ ²⁾, а также маораты и право учредить ихъ, такъ какъ наследство послѣ родителей должно дѣлиться поровну между дѣтьми ³⁾. 2) Дворяне должны быть обложены податями наравнѣ со всѣми прочими гражданами. 3) Они должны подвергаться тѣмъ же, какъ остальные преступники, наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, если они будутъ признаны необходимыми ⁴⁾. 4) Дворяне не должны быть избавлены отъ набора ратниковъ, какъ и всѣ другія сословія, по очереди и по жребію, при чемъ наравнѣ со всѣми они могутъ вступать на службу не рядовыми, а офицерами, если выдержатъ извѣстный экзаменъ. На

---

¹⁾ О вредѣ такой зависимости Пестель могъ найти упоминаніе въ книгѣ Детюде-Траси (стр. 387).

²⁾ О взглядахъ Пестеля на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права см. въ моей статьѣ въ сборн. „Крестыанскій строй“, 1905, т. I, 229—232.

³⁾ Мысль объ уничтоженіи маоратовъ и равномъ раздѣлѣ наследствъ Пестель могъ заимствовать у Детюде-Траси (стр. 58).

⁴⁾ Мысль Пестеля объ уничтоженіи дворянства и равенствѣ наказаній могла быть заимствована частью французскою конституціею 1791 г., частью сочиненіемъ Детюде-Траси (стр. 298).

мысль о введеніи всеобщей воинской повинности должны были навести Пестеля подобныя же реформы во Франціи и Пруссіи. Точно также и гражданская служба становится по «Русской Правдѣ» доступною всѣмъ сословіямъ на основаніи общихъ правилъ. 5) Всѣ титулы уничтожаются. Отмѣна всѣхъ преимуществъ, которыми пользовались дворяне, приводитъ къ уничтоженію и самаго званія дворянина. Дворяне, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, расписываются по волостямъ. „Всякое существованіе, отдѣльное отъ массы народной, сословія есть вещь пагубная“¹⁾. Пестель высказалъ увѣренность, „что добрые дворяне, истинные сыны отечества, съ удовольствіемъ и радостью примутъ сіе постановленіе... Они будутъ чувствовать, что выгоды, доставляемыя дворянству наравнѣ съ прочими россиянами новымъ государственнымъ порядкомъ, сею Русскою Правдою опредѣляемымъ, несравненно обширнѣе и значительнѣе тѣхъ преимуществъ, коихъ дворянство симъ лишается, и что они, слѣдовательно, мѣняютъ малое на большое, не говоря уже о томъ, что теряютъ постыдное, а приобрѣтаютъ похвальное и достойное. Что же касается дворянъ, законснѣвшихъ въ своихъ враждебныхъ противу массы народной предрасудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ, то крѣпкую питать можно надежду, что таковыхъ дворянъ окажется весьма мало. Однако же, ежели, паче чаянія, найдутся таковыя недостойныя сыны отечества, то противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужными были дѣйствія скорой и непреклонной строгости».

Купеческое и мѣщанское сословія также уничтожаются, и члены

---

¹⁾ Въ концѣ третьей главы говорится о дворянствѣ слѣдующее: оно „обязывается подъ руководствомъ Верховнаго Правленія пересмотрѣть свой составъ и проекты объ ономъ представить“, и лишь всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства и духовенства „сливаются въ общее сословіе російскихъ гражданъ“. Это противорѣчіе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что, приступивъ къ переработкѣ III главы, Пестель не закончилъ ея. Мы увидимъ ниже варианты въ постановленіяхъ о крестьянахъ. Въ самомъ концѣ третьей главы прибавлено еще слѣдующее: „При семъ надлежитъ замѣтить: 1) что съ уничтоженіемъ сословій и со введеніемъ гражданства всѣ уже граждане одинаковымъ законамъ подлежатъ будутъ, и что должны они право имѣть земли и вообще всякую движимую и недвижимую собственность приобрѣтать, но только не крестьянъ, и 2) что люди, оказавшія отечеству большія услуги, должны быть отличены отъ тѣхъ, которые только объ себѣ думали и только о частномъ своемъ благѣ помыслили. Таковыя лица должны особенными пользоваться правами и преимуществами. Вотъ главное правило, основаніемъ дворянству служащее“. Въ главѣ IV о дворянствѣ сказано, что оно «есть установленіе справедливое, когда основаніемъ своего существованія имѣетъ услуги, имъ отечеству оказываемыя, но когда оно не что иное есть, какъ феодализмъ, подобно какъ сіе во многихъ европейскихъ государствахъ установлено, тогда оно есть зло безразсудное, гибельное государству наносящее“. Въ той же главѣ Пестель говоритъ, что „всѣ обязанности политическія на всѣхъ гражданъ вообще одинаковымъ образомъ“ должны „быть распространены. Надлежитъ однако же замѣтить, которые большія отечеству оказываютъ услуги (дворяне) должны нѣкоторыми особыми преимуществами пользоваться въ видѣ награжденія за ихъ услуги и отъ нѣкоторыхъ тягостнѣйшихъ обязанностей быть освобождены“. Повторяемъ, что эти мѣста „Русской правды“ могли удѣлять только вслѣдствіе неокончательной обработки III и IV главъ.

ихъ, подобно духовенству и дворянству, приписываются къ волостямъ; гильдіи и цехи уничтожаются.

Однѣ изъ наиболѣе талантливо написанныхъ страницъ «Русской Правды» посвящены вопросу о военныхъ поселеніяхъ. «Одна мысль», говоритъ онъ, о «военныхъ поселеніяхъ, прежнимъ правительствомъ заводимыхъ, наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго зловластия, которое съ яростью мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя! Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ, всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства! И все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка». Какъ извѣстно, истиннымъ инициаторомъ военныхъ поселеній былъ Александръ I, а Аракчеевъ являлся только тупымъ и жестокимъ исполнителемъ его воли. Далѣе Пестель подвергаетъ серьезному разбору доказательства мнимой выгоды военныхъ поселеній и затѣмъ говоритъ: «Никакое правительство не можетъ никогда право имѣть отдѣлится отъ общей массы народа часть онаго съ тѣмъ, чтобы на сію часть возложить, за исключеніемъ остальныхъ, самую тягостнѣйшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Какъ можно до такой степени всѣ чувства совѣсти и справедливости отвергнуть, чтобы навѣки нѣкоторыя семейства назначить для войны со всѣми ихъ дѣтьми, внуками и вообще потомствомъ, на сіи семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитіе крови за народъ, коего они знаютъ только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всѣхъ своихъ дѣтей... Развѣ военные поселяне не такія же чувства имѣютъ, развѣ они не такіе же граждане нашего отечества, развѣ они не тѣ же права имѣютъ на благоденствіе, какъ и прочіе россияне, развѣ прочіе россияне не тѣ же имѣютъ обязанности къ отечеству, какъ и они, и развѣ защита отечества не есть священная обязанность для всѣхъ и cadaго. И потому яснымъ образомъ изъ сего можно вывести заключеніе, что военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло». Наконецъ, Пестель доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военное поселеніе, то это было бы не безопасно для государства¹⁾. Понятно, что онъ включаетъ въ число „первѣйшихъ обязанностей“ временнаго верховнаго правленія уничтоженіе военныхъ поселеній.

Дѣти солдатъ обязаны были въ то время поступать въ военную службу. Въ 7 лѣтъ ихъ насильно отбирали у родителей и помѣщали въ военно-сиротскія отдѣленія. Съ 18 лѣтъ они зачислялись въ войско, какъ и ихъ отцы, на 25 лѣтъ. Пестель требовалъ уничтоженія военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ), оставленія солдатскихъ дѣтей въ распоряженіи родителей съ выдачею имъ отъ казны пропитанія все время, пока отцы будутъ служить, и посту-

¹⁾ Эту мысль высказалъ и декабристъ В. И. Штейнгейль въ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости къ имп. Николаю.

плєнія солдатскими дѣтей въ военную службу на общемъ основаніи.

„Главнѣйшее основаніе предполагаемаго для Россіи гражданскаго бытія“, говоритъ Пестель, „состоитъ въ образованіи волостей и въ распредѣленіи всѣхъ россіянъ по волостямъ“. Казенные крестьяне раздѣляются на государственныхъ или экономическихъ, удѣльныхъ и арендныхъ со старостинскими. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать „одинаковое существованіе, образованіе, управленіе и предназначеніе, считая ихъ всѣхъ на одинаковыхъ правилахъ государственнымъ имуществомъ“. Всѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ слѣдовало объявить вольными «и никакого рода крѣпости болѣе не подлежащими», и признать ихъ россійскими гражданами. Распредѣлявъ ихъ по волостямъ, Пестель предлагалъ раздѣлить всѣ земли въ каждой волости на двѣ равныя части, изъ которыхъ «одну отдать, подъ названіемъ общественной земли, въ собственность волостному обществу, а другую, подъ названіемъ казенной, оставить собственностью казны, входящею въ составъ государственныхъ имуществъ. Общественную землю не должно волостное общество имѣть право ни продавать, ниже закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная. Казна же является въ отношеніи къ казенной землѣ въ видѣ частнаго чловѣка и потому казенныя земли продавать можетъ»¹⁾.

Указавъ на то, что многіе католическіе монастыри въ Россіи еще имѣютъ крестьянъ, Пестель требовалъ присоединенія ихъ къ государственнымъ имуществамъ и принятія относительно нихъ тѣхъ же мѣръ, какъ и для крестьянъ казенныхъ.

Относительно „вольныхъ земледѣльцевъ“, къ которымъ Пестель причисляетъ вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и «разныхъ другихъ», онъ говоритъ: «Земли, принадлежащія вольнымъ земледѣльцамъ, могутъ на два рода быть раздѣлены: однѣ составляютъ собственность цѣлаго общества или селенія, другія составляютъ собственность частныхъ лицъ». Пестель обяываетъ временное верховное правленіе «раздѣлить земли каждой волости на двѣ половины, изъ коихъ одной быть собственностью общественною, а другой—соб-

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ, послѣ предписанія раздѣлить земли на двѣ равныя части — общественную и казенную, сказано, что „крестьяне казенныхъ помѣстій или селеній продолжаютъ обрабатывать, какъ общественныя, такъ и казенныя земли теперешнимъ порядкомъ и платятъ казнѣ тотъ же оброкъ за оныя, который и нынѣ платятъ. Сей порядокъ будетъ продолжаться 10 или 15 лѣтъ сразу, а послѣ сего срока не будутъ крестьяне никакого оброка платитъ за общественную землю, а за казенную, которую пожелаютъ для обработыванія на откупъ взять, будутъ эти деньги платитъ по назначенію, какое тогда имѣеть быть слѣвано. Послѣ 10 или 15 лѣтъ, а если удобно будетъ, то и прежде, когда сей новый порядокъ возмнѣетъ существованіе, ходъ и дѣйствіе, будутъ казенные крестьяне пользоваться совершенною свободою и будутъ объявлены совершенно вольными“. Далѣе слѣдовали тѣ же правила о неотчуждаемости общественной земли и о привѣ казны продавать свою землю. Если крестьянинъ купитъ у казны какую-нибудь землю, то этотъ участкомъ онъ будетъ имѣть право распоряжаться, какъ своею частною собственностью.

ственностью частною. Земля общественная имѣтъ принадлежать всему волостному обществу вообще, а земля частная имѣтъ составить отдѣльную собственность частныхъ лицъ... „Во многихъ селеніяхъ и волостяхъ, населенныхъ вольными земледѣльцами, принадлежитъ нынѣ вся земля или большая часть оной всему обществу вообще, а поелику общественная земля имѣтъ по новому предположенію составлять только половинную часть всей земли волости, то въ таковыхъ волостяхъ, гдѣ общественная земля болѣе половины всей земли составлять будетъ, обязывается Временное Верховное Правленіе отдѣлить отъ общественной собственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышаетъ, и сію отдѣленную часть раздать по равнымъ участкамъ въ вѣчное потомственное владѣніе членамъ того общества вольныхъ земледѣльцевъ, коему вся земля принадлежитъ“. Протестуя противъ насильственного обращенія крестьянъ въ военныхъ поселенъ, Пестель не понималъ, что обращеніе хотя бы и части общественной земли въ частную собственность будетъ такимъ же насиліемъ и можетъ вызвать кровавую столкновенія. У дворянъ же въ то время шелъ совершенно обратный процессъ распространенія общиннаго землевладѣнія на земли, находившіяся во владѣніи подворномъ. „Ежели необходимымъ окажется“, продолжаетъ Пестель, „включить въ составъ общественной собственности частную землю какого-нибудь вольнаго земледѣльца, то сей вольный земледѣлецъ имѣтъ быть въ полной мѣрѣ за сію землю вознагражденъ или денежною платою, или выдачею ему въ собственность изъ казенныхъ земель такового участка; который бы въ цѣнности своей равнялся участку земли, у него отнятому, всѣ же земли, принадлежащія нынѣ въ частную собственность вольныхъ земледѣльцевъ, коихъ ненужнымъ окажется включить въ общественную волостную собственность, имѣютъ оставаться въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи нынѣшнихъ своихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ правилъ“.

Всѣхъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ, работающихъ на заводахъ, Пестель считалъ необходимымъ „замѣнить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разнаго рода, распредѣляя ихъ по соображенію важности преступления и тягости работы“, крестьянъ же „обратить въ первобытное земледѣльческое состояніе, устраивая для сего, въ случаѣ надобности, переселенія и составляя изъ нихъ волости на тѣхъ же основаніяхъ“, какъ у казенныхъ крестьянъ. Допуская въ интересахъ государства на устроенныхъ уже заводахъ подневольный трудъ преступниковъ, Пестель все же считалъ нужнымъ напомнить, что, какъ извѣстно изъ политической экономіи, „тѣ только издѣлія“ (т. е. промышленныя заведенія) „полезны, которыя заводимы быть могутъ безъ всякихъ насильственныхъ или принудительныхъ мѣропріятій и которыя, слѣдовательно, собственнымъ своимъ избыткомъ себя поддерживать могутъ“ съ примѣненіемъ вольнонаемнаго труда.

Въ началѣ четвертой главы, разсматривающей народъ „въ политическомъ отношеніи“, Пестель говоритъ о распредѣленіи населе-

нія по волостямъ. Въ каждой волости ведутъ два списка: одинъ гражданскій, другой „скарбовый“¹⁾: первый содержитъ въ себѣ имена всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, второй—всѣхъ, имѣющихъ въ ней какое-либо имѣніе. Одно и то же лицо можетъ значиться въ скарбовыхъ спискахъ нѣсколькихъ волостей, въ гражданскомъ же списокѣ—лишь въ одной волости. Если какой-либо гражданинъ желаетъ перейти изъ членовъ одной волости въ члены другой, то долженъ получить согласіе той, въ которую собирается перейти. Гражданинъ, имѣющій недвижимую собственность, долженъ быть членомъ той волости, гдѣ эта собственность находится и, лишь продавъ ее, онъ можетъ перейти въ другую; имѣющій же недвижимую собственность въ нѣсколькихъ волостяхъ можетъ перечисляться изъ одной въ другую безъ предварительнаго волостного разрѣшенія.

По достиженіи 15 лѣтъ дѣти гражданъ приносятъ присягу отечеству, послѣ чего „волостной предводитель“ даетъ обѣдъ, „и весь день посвящается празднеству и увеселеніямъ, такъ чтобы и для всей волости“ онъ былъ днемъ „радости и веселія“. Такимъ образомъ, «недоросли» вступаютъ въ число російскихъ гражданъ, правами же гражданства они начинаютъ пользоваться только „по достиженіи 20-го года отъ рожденія“. Дѣвушки также въ 15 лѣтъ приносятъ присягу, но Пестель нигдѣ не говоритъ о предоставленіи женщинамъ политическаго равноправія²⁾. Замѣтимъ, что Детю-де-Траси высказался противъ такого равноправія, хотя и указалъ на то, что люди уважаемые, авторитетные были противоположнаго мнѣнія (стр. 177). Вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ былъ поднятъ во время большой революціи и затѣмъ во время французской революціи 1830 года. Бентамъ лишь въ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1380 г., выразилъ мнѣніе о необходимости предоставленія женщинамъ политическихъ правъ³⁾.

Русское гражданство по „Русской Правдѣ“ теряется:

„1) приговоромъ суда, 2) вступленіемъ въ иноземное гражданство или подданство, 3) вступленіемъ въ иностранную службу безъ предварительнаго разрѣшенія верховной власти и 4) поданіемъ прошенія объ исключеніи изъ російскаго гражданства. Временно же оно теряется при вступленіи въ личное услуженіе“.

Пестель указываетъ на существованіе двухъ мнѣній относительно «раздѣленія земель». Одни полагаютъ, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ. Коль скоро существуетъ хоть одинъ

¹⁾ Польское слово „skarb“ означаетъ—казна, сокровище, богатство; тутъ слово „скарбовый“ можно перевести словомъ „имущественный“.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, взлагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, прямо говоритъ: „Выборы народные происходили слѣдующимъ образомъ: тысяча душъ мужскаго пола уже составляло волость. Въ оной избирались 2 депутата: одинъ въ уѣздъ, другой въ губернію“...

³⁾ Чичеринъ „Ист. политич. ученій“ III, 315

человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и злоупастіемъ. На семъ соображеніи былъ основанъ извѣстный поземельный законъ римскій, который устанавливалъ частое раздѣленіе земель между всѣми гражданами». По мнѣнію другихъ, трудъ есть источникъ собственности, и удобрившій землю и сдѣлавшій ее способною «къ произведенію разныхъ произрастеній» долженъ имѣть на нее «исключительное право обладанія». Для процвѣтанія хлѣбопашества нужно много издержекъ, которыя согласится сдѣлать только тотъ, кто будетъ имѣть землю «въ полной своей собственности», и частые переходы земли изъ рукъ въ руки помѣшаютъ усовершенствованію земледѣлія. Поэтому «и должна вся земля быть собственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землею исключено». Пестель находить, что въ обоихъ мнѣніяхъ есть много справедливаго и думаетъ совершенно искусственнымъ способомъ согласить ихъ «обоюдныя выгоды и преимущества» и устранить „обоюдныя несправедливости“.

Это средство состоитъ въ раздѣленіи земель каждой волости на двѣ равныя части (какъ это было объяснено въ III главѣ); одна половина получитъ названіе „земли общественной“, другая „земли частной“. Земля общественная будетъ принадлежать всему волостному обществу и составлять его неприкосновенную собственность; она не можетъ быть ни продана, ни заложена, назначается „для доставленія *необходимаго* ¹⁾ всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и cadaго“. Частныя земли будутъ принадлежать казнѣ или частнымъ лицамъ, владѣющимъ ими на правѣ полной собственности. Земли, предназначенныя для образованія этой собственности, будутъ служить къ доставленію изобилія. Постановленіе это можетъ быть введено не вдругъ, а постепенно въ продолженіи 15 лѣтъ, и сдѣлать это въ Россіи легче, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ: у насъ „понятія народныя весьма къ оному склонны“, такъ какъ „съ давнихъ временъ“ уже привыкли „къ подобному раздѣленію земель на двѣ части“.

Относительно общественныхъ земель могутъ быть приняты слѣдующія основныя начала. Общественная земля въ каждой волости должна быть раздѣлена на участки, имѣющіе такую величину, чтобы каждый изъ нихъ могъ доставлять средства для одного тягла, т. е. по опредѣленію Пестеля, мужа съ женою и тремя дѣтьми. Участки эти должны раздаваться членами волостного общества не въ собственность, а лишь въ пользованіе для обработки на одинъ годъ, послѣ чего участокъ или переходитъ въ другія руки, или утверждается за тѣмъ же хозяиномъ. Каждый членъ волостного общества имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ, но никто не можетъ быть принужденъ къ этому. Это право оди-

¹⁾ Курсивъ подлинника.

наково распространяется какъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя частныя земли, такъ и на неимѣющихъ ихъ, ибо всѣ они члены волостного общества. Если требуется менѣе участковъ, чѣмъ имѣется, тогда каждый получаетъ желаемое число ихъ, а остальные „могутъ отдаваться въ откупъ“ (т. е. въ аренду) „постороннимъ лицамъ“. Когда требуется участковъ болѣе наличнаго ихъ числа, то остаются неудовлетворенными требованія тѣхъ гражданъ, которые желаютъ получить наибольшее число участковъ, „такъ что въ семь случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равнымъ требованіямъ предпочитаютъ неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые таковыми землями обладаютъ: пропитывающіеся отъ одного земледѣлія—тѣмъ, которые занимаются еще и другою какою-нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, кто бѣднѣе“. Участки переходятъ изъ рукъ въ руки только въ трехъ случаяхъ: 1) если кто самъ не хочетъ держать участка или пожелаетъ перемѣнить его на свободный; 2) если не можетъ пользоваться прежнимъ числомъ участковъ по причинѣ увеличенія требованій и 3) когда лишенъ этого права за преступленія или приговоромъ волости за гласный и доказательный развратъ ¹⁾.

Въ каждой волости должень быть учрежденъ волостной банкъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ бы получить «вспомоществованіе»; къ нему «полезно присоединить страховое учрежденіе». Изъ этого банка граждане получаютъ средства, необходимыя на первоначальное обзаведеніе при поступленіи въ «земледѣльческое состояніе».

Когда описанный порядокъ будетъ введенъ въ полной мѣрѣ, продолжаетъ Пестель, каждый «будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ», и онъ будетъ получать его «не отъ милосердія ближнихъ и не отдаваясь въ ихъ зависимость», но отъ трудовъ по обработкѣ земли, принадлежащей ему, какъ члену волостного общества, «наравнѣ съ прочими согражданами. Гдѣ бы онъ ни странствовалъ, гдѣ бы счастья не искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ, что ежели успѣхи стараніямъ измѣнятъ, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда пристанище и хлѣбъ насущный найти можетъ». Каждый гражданинъ Россіи будетъ обладателемъ земли: или имѣя ее въ частной собственности, или имѣя право пользоваться

¹⁾ Въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля (сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“) сказано: „Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и пахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія положенное время, тоже сами откупаются, а дворовые въ волости поступаютъ“. Сказанное въ „Государственномъ Завѣтѣ“ относительно измѣненія быта крестьянъ не вполне соответствуетъ тому, что говорится въ „Русской Правдѣ“ по этому предмету. Срав. „Крестьянскій Строй“ т. I, стр. 230—232.

землею, не платя за нее «найма» (т. е. аренды). «Вся Россия будетъ, слѣдовательно, состоять изъ однихъ обладателей земли, и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли». Если кто будетъ заниматься какими либо промыслами или пойдетъ въ услуженіе, или наймется на какую либо работу, то все же будетъ неизмѣнно сохранять свое право на общественную землю. «Посредствомъ политическаго своего семейства» (т. е. своей волости) «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ цѣлому составу государства привержень.. каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что государство о благоденствіи каждаго помышляетъ, каждый будетъ чувствовать, что онъ подати платитъ и повинности несетъ для цѣли ему близкой и для собственнаго своего блага». Каждый человекъ при своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ будетъ находить въ другихъ членахъ волости защиту противъ «всякаго зловластия», вся волость будетъ вступаться за каждаго. Такимъ образомъ, «установится правильное и законное противоборство частному деспотизму». Все это Пестель выразилъ въ заключеніе словомъ «solidarité» ¹⁾. Имѣя въ виду всѣ благодѣтельныя послѣдствія установленія волостныхъ обществъ и общественныхъ земель, онъ обязывалъ верховное правленіе непремѣнно вести ихъ и не останавливаться передъ связанными съ этимъ трудностями.

Въ приведенномъ выше показаніи Пестеля подробно обрисовано происхожденіе его политическихъ идей; интересно было бы опредѣлить источники и его соціальныхъ воззрѣній, и особенно наиболѣе важной части ихъ—программы поземельной реформы. Нужно думать, что въ основу ихъ легли личныя наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ (родители Пестеля имѣли помѣстье въ Смоленской губ.), нѣкоторыя же свѣдѣнія о немъ онъ могъ почерпнуть и изъ литературныхъ источниковъ. ²⁾ Но столь же важныя, если не болѣе вліятельнымъ источникомъ его воззрѣній должны были быть произведенія западно-европейскихъ литературъ, изъ которыхъ Пестель, конечно, могъ почерпнуть лишь нѣкоторыя общія идеи, повліявшія на созданіе его плана аграрной реформы.

Пестель не могъ, конечно, не изучить основательно сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ» уже потому, что трудъ Детю-де-Траси, сыгравшій огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія Пестеля, представлялъ комментарий на это сочиненіе. Въ трудѣ Монтескье Пестель могъ найти нѣкоторыя идеи, которыя, несмотря на то, что въ XVIII вѣкѣ еще не было извѣстно самое слово «соціализмъ», нельзя не признать соціалистическими, частью даже коммунистическими, хотя въ то же время въ современномъ ему государствѣ онъ рекомендуетъ уваженіе къ соб-

¹⁾ Въ сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“, подъ названіемъ „Конституція Государственный Заветъ“, Пестель перевелъ слова „principe de la solidarité“ „правило совокупной стоятельности“.

²⁾ Напримѣръ, въ „Примѣчаніи“ Болтина на книгу Леклерка (II, 341—342) и статья Дурасова въ „Трудахъ Вольнаго Экономич. Общества“ 1821 г., стр. 72.

ственности (кн. XXVI, гл. 15). Монтескье относится совершенно сочувственно къ законодательству Ликурга и дивится «силѣ генія», которымъ должны были обладать Ликургъ, составитель законовъ Крита, послужившихъ образцомъ для Лакедемона, и философъ Платонъ, законодательные проекты котораго онъ называетъ «исправленнымъ изданіемъ» законовъ спартанскихъ. Монтескье сочувственно относится къ тому устройству, которое іезуиты ввели въ Парагваѣ, гдѣ продукты труда индѣйцевъ складывались въ магазины, изъ которыхъ они снабжались всѣмъ необходимымъ. «Желая создать подобныя учрежденія», говоритъ Монтескье, нужно установить общность имущества республики Платона, ... нужно поручить веденіе торговли государству, а не отдѣльнымъ гражданамъ; ... учрежденія подобнаго рода могутъ быть умѣстны въ республикахъ» (кн. IV, гл. 6—7). «Нѣкоторые древніе законодатели, какъ Ликургъ и Ромулъ», говоритъ далѣе Монтескье, «раздѣлили земли поровну. Это могло произойти лишь при основаніи новой республики, или когда старая была до того испорчена и состояніе умовъ въ ней было таково, что бѣдные были поставлены въ необходимость домогаться подобнаго средства, а богатые допустить его». Но Монтескье замѣчаетъ, что «если законодатель, совершившій такой раздѣлъ, не установитъ особыхъ законовъ для его охраненія, то созданіе его будетъ недолговѣчно». По его словамъ, «въ благоустроенной демократіи земельные участки должны быть не только равными, но еще и очень небольшими, какъ у римлянъ. «Не дай Богъ, говорилъ Курій своимъ воинамъ, чтобы гражданинъ почиталъ слишкомъ малымъ кусокъ земли, достаточный для прокормленія человѣка!» Однако, Монтескье оговаривается, что «равный раздѣлъ земель возможенъ не для всѣхъ демократій. Есть обстоятельства, когда такая мѣра была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. И если этотъ раздѣлъ, цѣль котораго охраненіе нравовъ, окажется неподходящимъ для какой-нибудь демократіи, то надо обратиться къ другимъ средствамъ» (кн. V, гл. 5—7). Въ другомъ мѣстѣ Монтескье говоритъ: «Законы о новомъ раздѣлѣ земель, которыхъ такъ настойчиво домогались въ нѣкоторыхъ республикахъ, были по природѣ своей очень благодѣтельны. Они были опасны лишь какъ дѣйствіе внезапное» (кн. VII, гл. 2).

Монтескье полагалъ, что «республика, по своей природѣ, требуетъ небольшой территоріи, иначе она не удержится» (кн. VIII, гл. 16), но не слѣдуетъ думать, что нѣкоторыя социалистическія идеи, по его мнѣнію, осуществимы лишь въ республикахъ. И въ большихъ государствахъ онъ признаетъ право на трудъ, право на обезпеченіе средствъ къ существованію. Въ главѣ «О богатѣльняхъ» онъ говоритъ: «Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что онъ не работаетъ... Милостыня, подаваемая отъ времени до времени нищему, никакъ не исчерпываетъ обязанностей государства: на немъ лежитъ долгъ

обеспечить всѣмъ гражданамъ надежныя средства къ существованію,—пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью» (кн. XXIII, гл. 29) ¹⁾.

Пестель былъ знакомъ съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо. Извѣстно знаменитое мѣсто противъ поземельной собственности въ началѣ второй части его «Разсужденія о происхожденіи неравенства среди людей» ²⁾. Что касается современнаго государства, то, признавая въ немъ право собственности, Руссо, однако, замѣчаетъ въ «Общественномъ договорѣ», что первый, занимающій свободную землю долженъ захватывать лишь количество, необходимое для его жизни и которое онъ можетъ обработать ³⁾. Онъ утверждаетъ также въ «Эмилѣ», что верховная власть, принадлежащая народу, не должна нарушать права собственности ни отдѣльнаго лица, ни многихъ лицъ, но она можетъ завладѣть имуществомъ всѣхъ, какъ это совершилось въ Спартѣ во времена Ликурга ⁴⁾.

Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ авторовъ ему извѣстныхъ (у Гельвеція, Гольбаха и Бентама) Пестель могъ найти мысли о невозможности равенства имуществъ ⁵⁾.

Мы видѣли, какимъ образомъ Пестель пытался примирить два противоположные взгляда на поземельную собственность. Начитанность его, конечно, не ограничивается тѣми сочиненіями, изъ которыхъ были сдѣланы выписки въ его небольшой записной книжкѣ или названія которыхъ сохранились въ другихъ его рукописяхъ и въ показаніяхъ на слѣдствіи (есть показаніе, что часть этихъ рукописей была уничтожена въ ожиданіи обыска). Было уже приведено свидѣтельство Лорера объ обширной бібліотекѣ Пестеля: его знакомству съ иностранною литературою должно было содѣйствовать и первоначальное воспитаніе въ Дрезденѣ (1805 — 1810 г.), и его участіе въ заграничномъ походѣ русской арміи въ 1813—1815 гг.

Къ числу сочиненій западно-европейской литературы, близкихъ по идеямъ къ аграрной программѣ «Русской Правды» Пестеля, принадлежитъ произведеніе аббата Курнана, профессора въ Collège

¹⁾ *Монтескье*. «О духѣ законовъ». Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Горюфелда. со вступ. статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. О. Пантелѣева. Спб. 1900 г.

²⁾ *J. J. Rousseau*. «Contrat social», P., edit. Garnier p. 67, 79—80, 88.

³⁾ *Ibid.*, 252.

⁴⁾ *Lichtenberger*. «Le Socialisme au XVIII siècle», Paris, 1895 г., p. 160. Ср. *Поль Луи* «Исторія социализма во Франціи», М. 1906 г., стр. 17—24. Въроятно. Пестелю было извѣстно сочиненіе «Code de la nature», прежде приписываемое Дидро и печатавшееся въ собраніи его сочиненій, но принадлежащее Морелли, въ которомъ было сказано, что каждый городъ (cité) долженъ имѣть извѣстное пространство земли не въ собственность, но лишь для того, чтобы обеспечить существованіе его жителей и дать занятіе тѣмъ, которымъ будетъ поручена обработка земли. Земледѣліе было обязательно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Морелли допускалъ, однако, частную собственность относительно вещей, нужныхъ для ежедневнаго употребленія. *Morelli*. «Code de la nature», P., 1841 г., p. 152, 155, 156.

⁵⁾ *D'Holbach* *Système social*, 1 Partie, ch. XII: «La politique naturelle», Disc. I, § 10, 11. *Бентамъ* «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи». Спб. 1806 г. т. II, 66—67, *Helvétius*, «De l'homme», Sect. VI. ch. X, XI.

de France, который въ 1791 г. издалъ брошюру (76 стр.) подъ заглавіемъ: «О собственности, или дѣло бѣдныхъ, защищаемое передъ трибуналомъ разума, справедливости и истины». Авторъ излагаетъ въ ней слѣдующій проектъ «аграрнаго закона»¹⁾. Онъ предполагаетъ, что во Франціи находится 25.000 кв. лье обработанныхъ земель и около 21 или 22 миллионѣвъ жителей, что составляетъ по 7 арпановъ на человѣка (арпанъ нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$ десятины). Авторъ стоитъ за равный раздѣлъ земли между всѣми гражданами. До такого раздѣла онъ предлагаетъ отдѣлить отъ каждаго кв. лье $\frac{1}{3}$ земель, которая вошла бы въ составъ государственнаго земельного фонда, «откуда нарѣзался бы каждому, при его рожденіи, участокъ, необходимый для его существованія, и куда этотъ участокъ возвращался бы немедленно послѣ его смерти». Эти земли сдавались бы въ аренду отъ государства и приносили бы около 500 миллионѣвъ арендной платы, которые и покрывали бы всѣ расходы государства. При равномъ раздѣлѣ остальныхъ $\frac{2}{3}$ земель, каждый получилъ бы въ свое распоряженіе участокъ болѣе $4\frac{1}{2}$ арпановъ, свободный отъ всѣхъ налоговъ. Каждый французъ, при достиженіи 20-лѣтняго возраста, вынималъ бы жребій на свой участокъ; мужъ вынималъ бы жребій за жену, отецъ—за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Можно было бы сдавать въ наемъ и арендовать эти участки, но только не отчуждать ихъ и не передавать по наслѣдству. Напротивъ, движимую собственность можно было бы по прежнему передавать и наслѣдовать. Авторъ замѣчаетъ, что если бы Національное Собраніе побоялось слишкомъ рѣзкаго перехода къ новому поземельному строю, то оно могло бы осуществлять эту систему постепенно, по мѣрѣ вымиранія собственниковъ»²⁾.

Англійскій писатель Чарльзъ Голль (Hall) въ своемъ сочиненіи: «Дѣйствіе цивилизаціи на народъ въ европейскихъ государствахъ», предлагаетъ слѣдующую мѣру для измѣненія существующаго несправедливаго общественнаго порядка. Государство должно взять въ свою собственность всю землю и раздѣлить ее на участки между семействами, смотря по числу ихъ членовъ. Такъ какъ величина семействъ измѣняется не одинаково, то *отъ времени до времени должны происходить новые передѣлы земли*. Земельный участокъ долженъ быть неотчуждаемымъ, а въ случаѣ вымиранія семьи возвращаться въ собственность государства³⁾.

Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что сочиненія Курнана и Голля

¹⁾ Это слово во время французской революціи соответствовало теперешнему слову социализмъ. *Оларь* „Полянич. истор. фр. револ.“, М. 1902 г., стр. 61, 543, 545—546.

²⁾ *Оларь*, стр. 112, 113.

³⁾ *A. Menger*. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1821, 47. 49. Не слѣдуетъ удивляться предложенію автора о произведеніи земельныхъ передѣловъ. Въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англійи сохранялось еще общинное землевладѣніе, при чемъ или передѣлу ежегодно подвергались одни луга, или передѣлялась и пахотная земля, но только не каждый годъ, и получавшій по жребію участокъ пашни удерживалъ его на время одного сѣвооборота. *Нассе*, „О средневѣковомъ общинномъ

были извѣстны Пестелю, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: такъ, напр., сочиненія Роберта Оуэна уже зналъ одинъ изъ декабристовъ. Во всякомъ случаѣ, характерно, что даже въ странахъ съ совершенно инымъ поземельнымъ строемъ проявлялись теченія, до нѣкоторой степени сходныя съ тѣмъ, что высказывалъ Пестель въ «Русской Правдѣ» относительно поземельной реформы.

Далѣе, въ четвертой главѣ, Пестель доказываетъ необходимость представительнаго правленія, къ «которому всѣ народы съ такимъ пламеннымъ желаніемъ стремятся», и затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ организовать это представительство въ Россіи такимъ образомъ, чтобы была удалена «даже тѣнь аристократическаго порядка», какъ «феодальнаго», такъ и основаннаго на богатствѣ.

Народныя собранія должны быть двухъ родовъ: одни называются земскими, другія намѣстными. Земскія народныя собранія (по одному въ каждой волости) состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости по гражданскому списку (а мы видѣли, что по проекту Пестеля всѣ граждане приписывались къ той или другой волости) и занимаются выборами «въ члены намѣстныхъ народныхъ собраній», руководствуясь только „довѣріемъ къ избираемымъ лицамъ“ (слѣдовательно, никакого особаго имущественнаго ценза, кромѣ предоставленнаго всѣмъ права пользованія общественною землею, ни для участія въ выборахъ, ни для права быть выбраннымъ не требуется)¹⁾. Засѣданія земскихъ народныхъ собраній должны продолжаться не болѣе 6 дней. Намѣстная народныя собранія „занимаются всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными“ и бываютъ трехъ степеней: волостныя, уѣздныя и окружныя, или губернскія. Каждое земское (волостное) собраніе „назначаетъ“ (т. е. избираетъ) всѣхъ членовъ (отъ 100 до 200 чел.) въ свое намѣстное волостное собраніе, и по нѣскольку членовъ въ уѣздное и окружное, или губернское, слѣдовательно, члены всѣхъ намѣстныхъ собраній избираются самимъ народомъ. Выборы въ намѣстныя собранія производятся ежегодно, но дозволяется переизбраніе тѣхъ же лицъ. Волостныя и уѣздныя намѣстныя собранія выслушиваютъ отчеты волостного и уѣзднаго правленія, принимаютъ и разсматриваютъ жалобы на нихъ, замѣщаютъ вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ „выборомъ новыхъ чиновниковъ и присяжныхъ или утвержденіемъ прежнихъ“, занимаются дѣлами, касающимися волости или уѣзда, „разрѣшаютъ различныя предпріятія для общественной пользы, раздають въ волостяхъ общественныя земли и проч. Окружныя намѣстныя собранія, кромѣ тѣхъ же дѣлъ, вы-

---

землевладѣнія и огораживанія полей въ Англіи въ XVI в.“. Перев. подъ редакц. Азаревича. Ярославль. 1878 г., стр. 14—16.

¹⁾ Детью-де-Траси также высказывается за участіе въ выборахъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, людей слишкомъ престарѣлыхъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ по суду и, „быть можетъ“, тѣхъ, которые добровольно привяли на себя обязанности, дѣлающія ихъ зависимыми отъ другихъ (р. 176—178).

бираютъ народныхъ представителей въ народное вѣче. Слѣдовательно, выборы въ это «верховное законодательное» учреждение двухстепенные ¹⁾.

Въ главѣ пятой „Русской Правды“ Пестель говоритъ „о народѣ въ гражданскомъ отношеніи“. Онъ разсматриваетъ здѣсь сначала правила родства, родительской власти, брака и его расторженія. Право собственности онъ признаетъ священнымъ и неприкосновеннымъ; лишать его для блага общаго онъ считаетъ въ этой главѣ возможнымъ только за полное вознагражденіе ²⁾. Конфискація имущества въ пользу казны никогда существовать не должна. Наслѣдованіе онъ допускаетъ, но не по завѣщанію, а только по закону, при чемъ оставшійся въ живыхъ супругъ наследуетъ половину движимаго и недвижимаго имущества, а другая половина раздѣляется между остальными наследниками, при чемъ сыновья и дочери получаютъ равныя части. Выморочное имѣніе продается съ публичнаго торга, и вырученныя деньги поступаютъ въ банкъ или въ казну той волости, гдѣ находится имѣніе. Далѣе, Пестель говоритъ о гражданскихъ договорахъ. Признавая личную свободу „первымъ и важнѣйшимъ правомъ каждаго гражданина“, онъ устанавливаетъ правило, что никто изъ гражданъ не долженъ быть лишенъ свободы „иначе, какъ законнымъ образомъ и законнымъ порядкомъ“, подя опасеніемъ „строжайшей отвѣтственности“. Въ домъ гражданина никто не можетъ войти безъ его согласія, а взятъ подя стражу онъ можетъ быть только на основаніи письменнаго предписанія отъ волостного правленія или высшаго мѣстнаго начальства съ указаніемъ причины. Впрочемъ, на улицѣ арестъ можетъ быть произведенъ безъ письменнаго предписанія, но о причинахъ задержанія должно быть письменно объявлено арестованному до истеченія 24 часовъ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть немедленно освобожденъ. Содержащійся подя стражею можетъ имѣть свиданіе со всѣми, съ кѣмъ пожелаетъ, и лишается этого права только «въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ... съ письменнымъ объявленіемъ о причинахъ».

«Никто не можетъ быть судимъ инымъ порядкомъ, какъ обыкновеннымъ законнымъ судебнымъ и въ томъ именно мѣстѣ, которое закономъ опредѣлено и назначено; посему никогда не должны никакія чрезвычайныя судебныя комиссіи или чрезвычайныя суды быть учреждаемы, ниже въ какомъ бы то ни было случаѣ законный судебный порядокъ быть для какихъ бы то ни было причинъ нарушаемъ». Военные подлежатъ военному суду только за воинскія преступленія.

---

¹⁾ Двухстепенные выборы были установлены во Франціи декретомъ 22 декабря 1789 г. и сохранены конституціею 3 сентября 1791 г. Конституція 24 іюня 1793 г. ввела прямыя выборы, а по конституціи 1795 г. возстановлены опять выборы двухстепенныя, которые устанавливались и хартіею 1814 г. (ст. 35). Детью-де-Траси указывается также за двухстепенные выборы (р. 179—180).

²⁾ Однако, въ своихъ предположеніяхъ относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель допускалъ отступленіе отъ этого правила.

Волостное правленіе и намѣстное собраніе имѣютъ право заступаться за членовъ своихъ волостей въ случаѣ нарушенія указанныхъ выше правилъ, и высшее начальство обязано произвести слѣдствіе и дать полное удовлетвореніе.

Повинности населенія въ пользу казны Пестель раздѣляетъ на два рода: 1) личныя и вещественныя и 2) денежныя. Пестель утверждаетъ, что «чѣмъ совершеннѣе благоденствіе государства», тѣмъ менѣе существуетъ въ немъ повинностей перваго рода, и потому ставитъ въ обязанность верховному правленію изыскивать всѣ средства для превращенія личныхъ и вещественныхъ повинностей въ денежные сборы. Самыми тягостными личными повинностями, кромѣ рекрутчины, Пестель считаетъ исправленіе дорогъ, дѣйствительно крайне обременительное для крестьянъ при Александрѣ I, и сопровожденіе колодниковъ и арестантовъ. Самыя тягостныя вещественныя повинности, которыя нужно стараться уничтожить и допускать ихъ лишь въ крайности, — квартированіе войскъ, продовольствованіе ихъ обывателями, содержаніе почтъ, принудительныя поставки и тому подобное. Другія повинности, какъ напр., составленіе и обновленіе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, общественныя склады для оптовой продажи „въ пользу общественной казны или общественныхъ заведеній“ и т. п., „иногда весьма полезны“. Третьи, какъ напр., ясакъ кочующихъ народовъ, бываютъ неизбѣжны. Прямыя повинности должны быть взимаемы съ имущества гражданъ, а не съ лицъ, почему и слѣдуетъ замѣнить подушныя подати другими налогами (извѣстно, что уничтоженіе подушной подати совершилось у насъ лишь въ первой половинѣ 1880 г., — законами 1882 и 1885 гг.; но еще Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ «Опытъ теоріи налоговъ» говорилъ, что подушныя налоги составляютъ «слѣды необразованности»). Налоги должны быть взимаемы съ имущества гражданъ уравнительно, такъ, чтобы изъ «прибытковъ» каждаго имущества уплачивалась $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ или другая опредѣленная доля. Налоги должны падать не на капиталы, а только на чистую прибыль съ нихъ. Косвенными налогами слѣдуетъ возможно менѣе обременять предметы первой необходимости, и цѣна соли должна быть весьма сильно уменьшена.

Каждый гражданинъ имѣетъ право на занятіе всѣхъ должностей на государственной службѣ.

Граждане обязаны не только не повиноваться тѣмъ «законодательнымъ изреченіямъ или опредѣленіямъ», которыя «посмѣютъ» издавать правительственныя мѣста, не имѣющія права на составленіе законовъ, но даже противиться имъ «совокупными силами» и дѣйствіе ихъ всячески останавливать «до разрѣшенія верховной власти» ¹⁾

Всѣ молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ отъ роду, подлежатъ рек-

¹⁾ О нравѣ сопротивленія Пестель могъ заимствовать у *Де-Ломма* „Конституція Англіи“. М. 1806 г. II, 57—65.

рутскому набору. (Общая воинская повинность была уже введена тогда и во Франціи, и въ Германіи). Военная служба продолжается 15 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 25). Кто разъ уже подлежалъ набору въ 20 лѣтъ и потомъ женился, тотъ навсегда освобождается отъ рекрутчины и не берется на службу даже и въ случаѣ особыхъ государственныхъ обстоятельствъ; холостыхъ же тогда брать можно съ тѣмъ, чтобы въ 35 лѣтъ они получали отставку. Навсегда освобождаются отъ рекрутчины: 1) выдержавшіе опредѣленный экзаменъ въ университетѣ или гимназіи; 2) составляющіе единственную опору своихъ родителей или малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ и 3) нанявшіе за себя другого рекрута не старше 25 лѣтъ. Вольноопредѣляющіеся допускаются не моложе 20 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы они увольнялись отъ службы не ранѣе 35 лѣтъ и не позже 40 лѣтъ отъ роду.

Пестель допускаетъ, чтобы отецъ воспитывалъ дѣтей дома, а если онъ этого не можетъ, то долженъ отдавать ихъ въ учебныя заведенія, учрежденныя правительствомъ; частнымъ же лицамъ онъ не предоставлялъ права устраивать пансіоны и другія учебныя заведенія, полагая, что правительственный надзоръ за ними будетъ всегда «слабъ и недостаточенъ». Онъ утверждалъ также, что всякія частныя общества, какъ открытыя, такъ и тайныя, должны быть совершенно запрещены, потому что, по его мнѣнію, первыя бесполезны, а послѣднія вредны. Первыя бесполезны потому, что они могутъ касаться предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія правительства, бесполезны «особенно при существованіи волостныхъ обществъ», вторыя—потому, что, касаясь предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, они должны быть признаны зловредными, такъ какъ государственный порядокъ, устанавливаемый «Русскою Правдою», «не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже, напротивъ того, всѣ средства даетъ къ ихъ введенію и обнародованію законнымъ порядкомъ».

Въ «Русской Правдѣ» установлены слѣдующія «коренныя правила» относительно свободы книгопечатанія: «1) Каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ, съ тѣмъ только, чтобы его имя было на его сочиненіи выставлено. Отъ сего исключаются одни только лютыя ругательства, которыя никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданинъ пользуется правомъ имѣть типографію съ тѣмъ только, чтобы о томъ было предварительно правительство извѣщено» (т. е. явочнымъ порядкомъ) «и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографіи. 3) За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи... правилъ объ ученіи и проповѣдываніи противныхъ законамъ и чистой нравственности, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ» (т. е. съ присяжными¹⁾). «4) Ежели въ сочиненіи излагаются какія-нибудь происшед-

¹⁾ Мысль о необходимости суда присяжныхъ въ дѣлахъ о печати Пестель могъ заимствовать у Детье-де-Трася (стр. 217), а также у Бевжамена Констана (См.

ствія, или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязанъ оныя доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается) уголовному наказанію по суду присяжныхъ, судя съ обыкновеннымъ порядкомъ. 5) Сему распорядку подлежатъ всѣ сочиненія большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки и, однимъ словомъ, все то, что какого бы то ни было рода сочиненія составляетъ... Срочныя же сочиненія» (повременныя изданія) «должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи».

Православная вѣра считается господствующею въ Россіи; «всѣ прочія христіанскія исповѣданія, равно какъ и всѣ инородныя вѣры, дозволяются въ Россіи, если только не противны онѣ российскимъ законамъ духовнымъ и политическимъ, правиламъ чистой нравственности и не нарушаютъ естественныхъ обязанностей человѣка»¹⁾.

Изъ правилъ относительно промышленности отмѣтимъ мысль, что правительство должно отказаться отъ всякихъ монополій и не предоставлять ихъ частнымъ лицамъ. Временныя товарищества дозволяются, но постоянныя компаніи, вродѣ нашей Американской (управлявшей русскими колоніями въ Сѣверной Америкѣ) или англійской Остѣ-Индской, рѣшительно запрещаются. Далѣе, въ пятой главѣ, Пестель говоритъ объ устройствѣ волостныхъ банковъ или страховыхъ учрежденій и о «богоугодныхъ» заведеніяхъ въ волостяхъ (воспитательныхъ и родильныхъ домахъ²⁾), богадѣльняхъ, больницахъ и о наймѣ врача). Частный человѣкъ, желающій учредить „богоугодное“ заведеніе, долженъ, устроивъ его, подарить или продать волостному обществу, такъ какъ все, что имѣетъ общественное назначеніе, должно имѣть и общественное начальство. Подобно Монтескье, Пестель полагаетъ, что государство обязано доставлять всѣмъ средства къ существованію, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Русской Правды“: „Пользующійся общественными вспоможеніями получаетъ оныя не въ видѣ милости, но въ видѣ права, ибо первая обязанность человѣка состоитъ въ сохраненіи своего бытія“ и потому „имѣетъ каждый на все то право, что для сего нужно и необходимо, и безъ чего бы онъ сей цѣли не могъ достигнуть“.

Послѣднія пять главъ „Русской Правды“, которыя Пестель не успѣлъ написать, должны были содержать слѣдующее: главы 6 и 7—образованіе верховной власти и государственнаго управленія, глава 8 — мѣропріятія для безопасности, глава 9 — мѣропріятія для

«Cours de politique constitutionnelle», P 1861, I, 125) или Де-Лозма, „Конституція Англіи“, т. II, 41. Еще Союзъ Спасенія, статуты котораго писалъ Пестель въ 1817 г., требовалъ, какъ видно изъ показанія М. А. Фонъ-Визина, свободы книгопечатанія.

¹⁾ Идею религіозной терпимости Пестель могъ почерпнуть у Бенжамена Констан. Ibid. I, 128.

²⁾ Пестель полагалъ, что незаконнорожденныхъ можно преимущественно брать въ рекруты.

благосостоянія ¹⁾, глава 10 — „составъ Государственнаго Уложения; временное установление“.

X.

Изъ болѣе ранняго, чѣмъ «Русская Правда», произведенія Пестеля, подъ названіемъ «Записка о государственномъ правленіи», отмѣтимъ его мысли объ устройствѣ суда. Онъ считаетъ необходимымъ: 1) разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго предоставить присяжнымъ; 2) производство дѣла должно быть не словеснымъ, а письменнымъ, и рѣчей въ судѣ произносить не должно; судопроизводство должно быть публичное. Судьи должны быть несмѣняемыми и могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору. Присяжные должны назначаться какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ изъ среды гражданъ, не по выбору ихъ или по назначенію отъ правительства, а по очереди, предоставивъ тяжущимся или подсудимымъ право отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ по уважительнымъ причинамъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ важности дѣла, но ихъ должно быть не менѣе 10. Для каждаго дѣла назначаютъ особыхъ присяжныхъ; они рѣшаютъ единогласно и не должны расходиться, пока не постановятъ приговора. Полезно было бы прибавить, по примѣру римлянъ, третій родъ рѣшенія, выражающій сомнѣніе (*non liquet*) ²⁾. Такое дѣло могло бы быть возобновлено, если бы явились новыя обстоятельства дѣла.

Земскія уѣздныя и губернскія начальства, устраивающія благочиніе въ исполнительномъ порядкѣ, состоятъ изъ чиновниковъ, выбираемыхъ самими обывателями ³⁾.

Изъ труда Пестеля «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара. 1820 г.», которое вмѣстѣ съ названною выше «Запискою о государственномъ правленіи» составляютъ, вѣроятно, части одного сочиненія, отмѣтимъ только требованіе уничтоженія смертной казни. По словамъ Пестеля, „имѣетъ каждый частный человѣкъ право убить того, который стремится лишить его жизни, если не имѣетъ другихъ

¹⁾ Статьи о финансахъ и народномъ хозяйствѣ въ этой главѣ долженъ былъ написать Сергій Муравьевъ.

²⁾ Пестель заимствовалъ это послѣднее предложеніе, вѣроятно, изъ „Духа Законовъ“ Монтескье. (Изд. Пантелѣва, стр. 81).

³⁾ Въ этомъ сочиненіи Пестель еще допускаетъ цензуру. „Исполнительное благочиніе“, говоритъ онъ, между прочимъ, имѣетъ „надзоръ за книгопродавцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листовъ. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ заграничъ“ также относится къ вѣдомству исполнительнаго благочинія.

Говоря о военной службѣ, Пестель предлагаетъ улучшить и пищу солдатъ: кромѣ муки и крупы, давать имъ по полфунту говядины въ скоромные дни, соль и попеременно капусту, горохъ и картофель. Одежда солдатъ должна быть просторная и темнаго цвѣта; лѣхотѣ онъ совѣтуетъ дать кафтаны русскаго покроя; зимою полезно давать полшубки, а также плащъ (шинель).

средствъ для своего спасенія. Но гражданское общество и правительство, располагая всегда другими средствами для спасенія государства или гражданъ отъ покушеній частныхъ людей, не имѣетъ права какого бы то ни было преступника наказывать смертию, ибо въ семь отношеніи все то есть *безсовѣстно* и *зловластно*, что преступаетъ границы необходимости. Къ тому же надобно еще и то сказать, что *всезнаніе* не принадлежитъ къ качествамъ смертныхъ и что, слѣдовательно, нѣтъ такого случая, въ которомъ человѣкъ, а посему и судья не могъ бы ошибиться, признавая человѣка преступникомъ и налагая на него наказаніе. Изъ сего явствуетъ, что всякое наказаніе должно быть налагаемо такимъ образомъ, чтобы возмездіе, вознагражденіе или удовлетвореніе были возможны. Смертная же казнь, содѣлывая всякое возмездіе совершенно невозможнымъ, по одной уже сей причинѣ никогда не должна быть употребляема. Хвала російскому правительству, постигшему великую сію истину¹⁾.

Пестель не дописалъ «Русской Правды», но, къ счастью, сообщенная обществу Соединенныхъ Славянъ «Конституція Государственный Завѣтъ» представляетъ, хотя и въ самомъ сжатомъ видѣ изложеніе того, что онъ частью уже высказалъ, частью хотѣлъ сказать въ «Русской Правдѣ». Вотъ что заключаетъ въ себѣ новаго «Государственный Завѣтъ».

«Насчетъ устройства верховной власти отвергается правило равновѣсія властей, но принимается правило опредѣлительности круга дѣйствій. Верховная власть раздѣляется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается *народному вѣчу*, вторая — *державной думѣ*. Сверхъ того нужна еще *власть блюстительная*, дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ. Власть блюстительная поручается верховному собору».

«Народное вѣче²⁾ состоитъ изъ народныхъ представителей, выбранныхъ народомъ³⁾ на пять лѣтъ». Каждый годъ выходитъ изъ состава вѣча пятая часть членовъ и замѣняется посредствомъ новыхъ выборовъ, при чемъ допускается избраніе того же лица. «Устройство внутреннего порядка вѣча принадлежитъ ему самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ членовъ», засѣдающихъ послѣдній годъ. Народное вѣче составляетъ одно цѣлое и на камеры не раздѣляется; въ немъ «обрѣтается» вся законодательная власть: оно объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Законы «завѣтные» (т. е. конституція) составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные. Первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе

¹⁾ Относительно смертной казни Пестель разошелся съ мнѣніемъ Детю-де-Траси, который стоялъ за ея сохраненіе (р. 73—74) такъ же, какъ и Бенжаменъ Констанъ (I, 328—332).

²⁾ Въ сохранившейся, довольно неисправной копіи «Государственного Завѣта» слово «вѣче» употребляется то въ среднемъ родѣ, то въ женскомъ: «народная вѣча».

³⁾ Какъ мы видѣли, «Русская Правда» устанавливаетъ двухстепенные выборы: повидимому, подъ избраніемъ народомъ и здѣсь разумѣются двухстепенные выборы (ср. ниже избраніе членовъ державной думы).

всей Россіи» ¹⁾, слѣдовательно, вводится референдумъ. Когда народное вѣче не засѣдаетъ, то «оставляется временная коммиссія». «Никто не можетъ распустить народное вѣче; оно представляетъ волю въ государствѣ, душу народа».

«Державная дума ²⁾ состоитъ изъ 5 членовъ, народомъ выбранныхъ на пять лѣтъ». Было упомянуто, что по «Государственному Завѣту» члены думы выбираются «народомъ», между тѣмъ какъ въ «Русской Правдѣ» это производится двухстепенными выборами. Оказывается, что и выборъ «народомъ» членовъ державной думы въ «Государственномъ Завѣтѣ» также означаетъ двухстепенные выборы: «Каждая губернія» (т. е. каждое «окружное» собраніе) предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ числа этихъ кандидатовъ народное вѣче дѣлаетъ окончательный выборъ членовъ державной думы ³⁾. Ежегодно одинъ изъ членовъ думы выходитъ и замѣняется другимъ лицомъ, по выбору народнаго вѣча. Предсѣдателемъ державной думы бываетъ членъ ея, засѣдающій послѣдній, пятый годъ. «Державная дума имѣетъ всю верховно-исполнительную власть, ведетъ войну и производитъ переговоры, но не объявляетъ войны и не заключаетъ мира. Всѣ министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста состоятъ подъ вѣдомствомъ и начальствомъ державной думы» ⁴⁾.

Верховный соборъ состоитъ изъ 120 членовъ, называемыхъ «боярами». «Бояре назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ законодательномъ, ни въ исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ упразднившееся число бояръ. Предсѣдатель выбирается на

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ, вставляя въ своемъ показаніи содержаніе «Русской Правды», говоритъ: Вѣроятно, открылись бы «въ конституціи, а особенно въ кодексѣ недостатки, то коль скоро бы они были замѣчены, собраніе законодательное или сенатъ» (т. е. верховный соборъ) «долженствовали созвать собраніе депутатовъ нарочно для исправленія недостатковъ. Совершивъ свое дѣло, оное собраніе разрушалось».

²⁾ Власть исполнительная.

³⁾ По французской конституціи 1795 г. 5 членовъ директоріи «назначаются» законодательнымъ собраніемъ (§ 132).

⁴⁾ Когда Пестель читалъ отрывки изъ «Русской Правды» Киселеву, послѣдній замѣтилъ ему, что онъ «своему царю», т. е. «исполнительной власти» (державной думѣ) «предоставляетъ уже слишкомъ много власти». Въ проектѣ, сообщенномъ имъ Н. Муравьеву, Пестель полагалъ предоставить сенату «умѣрительную власть». — Бестужевъ-Рюминъ, вставляя въ своемъ показаніи содержаніе «Русской Правды», называетъ исполнительную власть не «державною думою», а «директоріею» изъ 5 членовъ и замѣчаетъ при этомъ: «На сіе общество не соглашалось». Онъ говоритъ, что директорія избиралась «соврѣмѣнно законодательнымъ, яко представляющимъ народъ», и не упоминаетъ о томъ, что выборы производились изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ окружными собраніями. Въ другомъ показаніи Бестужевъ-Рюминъ сообщаетъ слѣдующее интересное свидѣніе: «Извѣстно, что Сѣверное Общество, въ особенности Тургеневъ, Никита Муравьевъ и кн. Сергій Трубецкой всегда Пестелеву конституцію отвергали, съ нѣкоторыми даже перемѣнами, Сергѣемъ Муравьевымъ и мною предложенныя, ввести не соглашались,—и при отъѣздѣ Трубецкого изъ Кіева было положено между нами тремя, что онъ предложитъ Сѣверному Обществу, по введенію временнаго правленія, составить комитетъ изъ ученыхъ членовъ для сочиненія конституціи, основанія коей пошлутся» Бенжаменъ Констану, Детье-Траси, Бенгаму и Гизу, на одобреніе».

годъ самимъ соборомъ. Соборъ имѣетъ верховно-блюстительную власть: народное вѣче препровождаетъ къ нему на утверждение свои законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы», чтобы во всемъ были соблюдены законы. Послѣ этого утверждения законъ получаетъ «свою дѣйствительную силу, самъ же соборъ не дѣйствуетъ». Онъ назначаетъ изъ своихъ членовъ по одному генераль-прокурору въ каждое министерство (приказный ¹⁾ блюститель) и по одному генераль-губернатору въ каждую область (областной посадникъ ²⁾. «Генераль-прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленія, взирая на одну законность и соблюдение предлагаемаго порядка, но не входя въ сужденіе о сущности самаго содержания; безъ ихъ утверждения не можетъ исполненіе послѣдовать. Они отвѣчаютъ (?) ³⁾ за свои дѣйствія. Державная дума рѣшаетъ, а верховный соборъ можетъ, чиновника отдать подъ судъ. Отданный подъ судъ судится судебнымъ порядкомъ. Генераль-губернаторъ имѣетъ таковыя же обязанности въ отношеніи волостныхъ правленій. Изъ сего явствуетъ, что соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности народное вѣче и державную думу, самъ же не имѣетъ никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующіе дѣйствующихъ армій назначаются верховнымъ соборомъ. Онъ принимаетъ начальство надъ арміею, когда выступаетъ за предѣлы государства и слагаетъ (его), когда въ предѣлы вступаетъ». Внутри государства командованіе арміею, вѣроятно, зависитъ отъ державной думы.

Ее организациіи верховной власти, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обнаружилось въ предположеніяхъ Пестеля вліяніе Детю-де-Траси, который также стоитъ за одну законодательную палату (стр. 185). Такъ какъ это вліяніе сыграло очень большую роль въ превращеніи прежнихъ монархическихъ взглядовъ Пестеля въ республиканскіе и такъ какъ онъ не успѣлъ развить, какъ это сдѣлалъ по многимъ другимъ вопросамъ, мотивовъ предлагаемаго имъ устройства верховной власти, то мы считаемъ необходимымъ привести разсужденія по этому предмету Детю-де-Траси, тѣмъ болѣе, что вліянію идей этого французскаго ученаго подвергся не только Пестель, но и многіе другіе члены Южнаго Общества ⁴⁾.

¹⁾ Пестель называетъ министерства „приказами“.

²⁾ Какъ мы знаемъ, Пестель предполагалъ раздѣлить Россію на 10 областей по 5 округовъ въ каждой.

³⁾ Тутъ въ копіи „Государственнаго Завета“ явная опяска, — написано „утверждаютъ“.

⁴⁾ М. Ф. Орловъ своемъ показаніи говоритъ: „книга Destutt-de-Tracy „Compendaire sur l'esprit des lois“ была для нихъ высшею степенію премудрости; конституція англійская казалась имъ чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною съ пользою одной аристокраціи; французская партія была для нихъ не что иное, какъ лоскутокъ бумаги, бесполезный для гражданъ; но зато американскій федералъ гишпанскій происшествія, неаполитанская революція играли большую роль во всѣхъ ихъ разговорахъ. Они, казалось, отвергали силу обстоятельствъ и постепенность дарованныхъ правъ, а руководствовались одною только умозрительною теоріею, не признающею никакихъ отбѣнокъ въ различіи нравовъ и обычаевъ народныхъ“.

«Совершенно необходимо», говорить Детю-де-Траси, «чтобы исполнительная власть не сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, которое приводили въ пользу противоположнаго мнѣнія, состоитъ въ томъ, что одинъ человекъ болѣе способенъ дѣйствовать, чѣмъ собраніе многихъ людей. Это несправедливо. Необходимо единство въ волѣ, а не въ исполненіи... Нѣтъ монарха, у котораго не было бы нѣсколькихъ министровъ. Въ дѣйствительности имъ принадлежитъ исполнительная власть, а монархъ только изъявляетъ желаніе и часто ничего не дѣлаетъ... Законодательное собраніе и совѣтъ министровъ — вотъ истинное правительство. Король только паразитъ, лишнее колесо въ машинѣ, лишь увеличивающее треніе и издержки. Онъ ни на что не нуженъ, кромѣ того, чтобы занимать, съ возможно меньшими неудобствами, мѣсто, пагубное для общественнаго спокойствія, которымъ каждый честолюбецъ захотѣлъ бы завладѣть, если бы оно не было уже занято, такъ какъ привыкли къ существованію короля... Несправедливо, повторяю, будто по свойству исполнительной власти лучше, чтобы она находилась въ рукахъ одного, а не въ собраніи нѣсколькихъ лицъ... Единство дѣйствія можетъ быть также создано большинствомъ немногочисленнаго совѣта, какъ и однимъ лицомъ». Что касается скорости дѣйствія, то она не всегда желательна. «Необходимо, чтобы дѣла большого государства, руководимыя въ общемъ законодательнымъ корпусомъ, велись единообразно и согласно одинаковой системѣ. Этого нельзя ожидать отъ одного человека, ибо онъ скорѣе можетъ мѣнять свои взгляды и принципы, чѣмъ совѣтъ..., который, возобновляясь по частямъ, проникнуть неизмѣннымъ направленіемъ...

Если глава исполнительной власти избирается на небольшое число лѣтъ, подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ и не можетъ дѣйствовать безъ согласія извѣстныхъ лицъ, то, конечно, онъ становится безвреднымъ. Но тогда онъ въ сущности и не будетъ единымъ правителемъ, соответствующимъ идеѣ о монархѣ, а только первымъ чиновникомъ свободнаго народа. Если же единый правитель избирается на ограниченное время, но безъ указанныхъ предосторожностей и можетъ свободно распоряжаться войсками и деньгами, хотя и подъ руководствомъ законодательнаго корпуса, то положеніе его становится слишкомъ значительнымъ и возбуждаетъ честолюбивыя стремленія; при этомъ выборы будутъ сопровождаться интригами и насиліями. Еще въ большей степени это происходитъ при пожизненномъ избраніи, которое вызываетъ безпорядки и даже приводитъ къ распаденію государства, или правитель, избранный пожизненно, становится наслѣдственнымъ, какъ это было въ Голландіи и во многихъ другихъ странахъ.

Переходя затѣмъ къ наслѣдственной монархіи, авторъ замѣчаетъ, что считали бы безумнымъ сдѣлать наслѣдственнымъ обязанности кучера или повара, адвоката или доктора, обязавшись пользоваться услугами только этихъ лицъ и ихъ наслѣдниковъ по праву первородства, будутъ ли это дѣти или дряхлые старики,

сумасшедшіе или слабоумные, маниаки или подлецы, а между тѣмъ считаютъ вполне естественнымъ повиноваться государю, получившему власть такимъ порядкомъ. Трудно найти человѣка, способнаго управлять, который со временемъ не сдѣлался бы недостойнымъ этого. Весьма возможно, что дѣти облеченнаго великою властью будутъ дурно воспитаны; мало вѣроятно, чтобы, если одинъ изъ нихъ избѣгнетъ вредныхъ вліяній, это былъ бы непременно старшій; если бы это было и такъ, то его дѣтство, годы его неопытности, его увлеченія подъ вліяніемъ страсти, его болѣзни, его старость занимаютъ весьма значительную часть его жизни и дѣлаютъ опаснымъ повиновеніе ему въ это время. Наслѣдственная власть по природѣ своей неограниченна и не поддается ограниченію. Власть, находящаяся въ рукахъ одного лица, стремится къ все большему ея усиленію. Наслѣдственная монархія, чтобы укрѣпиться, подавить власть народа. Дѣло окончится или поработаніемъ народа, или паденіемъ престола. Надѣются сохранить свободу при монархическомъ устройствѣ, значить желать двухъ вещей, взаимно одна другую исключаящихъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Детю-де-Траси дѣлаетъ выводъ, что *«исполнительная власть»* должна быть ввѣрена совѣту, составленному изъ немногихъ лицъ, избранныхъ на время, и постепенно обновляемому; а *«законодательная власть»* должна быть предоставлена болѣе многочисленному собранію, состоящему также изъ избранныхъ на опредѣленное время, и обновляемому ежегодно по частямъ» (стр. 185—202).

На основаніи этихъ началъ и устроена законодательная и исполнительная власть въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля. Детю-де-Траси полагалъ, что законодательное собраніе не должно ни назначать, ни смѣщать, ни судить членовъ совѣта, которому ввѣрена власть исполнительная. Пестель предлагаетъ поручить выборъ ихъ народному вѣчу, но только изъ числа кандидатовъ, избранныхъ окружными собраніями.

Мысль о верховномъ соборѣ, имѣющемъ «блюстительную власть», Пестель также заимствовалъ у Детю-де-Траси, который называетъ это учрежденіе «*corps conservateur*» и возлагаетъ на него слѣдующія обязанности: 1) Производить повѣрку выборовъ членовъ законодательнаго собранія. 2) Принимать участіе въ выборѣ совѣта, имѣющаго власть исполнительную (*corps exécutif*), или получая отъ избирательныхъ собраній списокъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ это охранительное собраніе производитъ выборъ, или, наоборотъ, посылая избирательнымъ собраніямъ списокъ тѣхъ лицъ, изъ числа которыхъ они могутъ сдѣлать выборъ. 3) Участвовать почти такимъ же образомъ въ назначеніи верховныхъ судей или подобныхъ существующимъ въ Америкѣ или, въ качествѣ кассационнаго судилища, какъ во Франціи. 4) Отрѣшать отъ должности членовъ исполнительнаго совѣта (*corps exécutif*) по требованію законодательнаго собранія. 5) Объявлять противорѣчащими конституціи и, слѣдовательно, недѣйствительными постановленія законодательнаго собранія

Геся Мировна
ГЕЛЬФМАНЪ.

или исполнительнаго совѣта по требованію одного изъ нихъ или по другимъ требованіямъ, допускаемымъ конституціею. б) Объявлять (на основаніи тѣхъ же требованій или по желанію гражданъ, высказанному въ установленной формѣ), когда произойдетъ пересмотръ конституціи, и созывать соборъ (convention) специально съ этою цѣлью. „Два послѣднія дѣянія охранительнаго собранія могли бы и даже должны бы прежде, чѣмъ быть исполненными, подвергнуться одобренію народа, который постановилъ бы рѣшеніе словами *да* или *нѣтъ* въ собраніяхъ первой степени, или въ избирательныхъ собраніяхъ, или въ собраніяхъ, созданныхъ специально съ этою цѣлью“.

Охранительное собраніе (corps conservateur), по мнѣнію Детю-де-Траси, должно состоять изъ пожизненныхъ членовъ, которые не могутъ занимать никакого другаго мѣста. Званіе члена этого собранія должно быть вознагражденіемъ для тѣхъ, кто исполнялъ всякія должности. Члены охранительнаго собранія должны быть въ первый разъ назначены соборомъ, составившимъ конституцію, охраненіе которой будетъ ему ввѣрено, а затѣмъ замѣщеніе вакансій должно производиться избирательными собраніями на основаніи кандидатскихъ списковъ, составленныхъ въ законодательномъ собраніи и въ исполнительномъ совѣтѣ. Детю-де-Траси считалъ чрезвычайно важнымъ это охранительное собраніе и полагалъ, что оно придастъ прочность всему государственному зданію (стр. 203—208) ¹⁾.

Какъ ни велико было вліяніе Детю-де-Траси на Пестеля, сравненіе ихъ предположеній показываетъ, что Пестель не механически заимствовалъ мысли французскаго ученаго, а перерабатывалъ усвоенныя имъ идеи.

Въ сохранившихся отрывкахъ болѣе ранняго труда Пестеля, подъ заглавіемъ «Записки о государственномъ правленіи», устанавливаются правила лишь о нѣкоторыхъ изъ высшихъ административныхъ учреждений — «государственныхъ приказовъ» (министерствъ), а именно о государственныхъ приказахъ: 1) Правосудія, 2) благочинія, 3) внѣшнихъ сношеній, 4) военныхъ силъ и 5) морскихъ силъ. Были, очевидно, и другіе приказы, или министерства, какъ это ясно и изъ того, что въ каждой области должно было быть 6 управъ: 1) правосудія, 2) благочинія, 3) духовныхъ дѣлъ, 4) просвѣщенія, 5) хозяйства и 6) казначейства.

Изъ показанія М. П. Бестужева-Рюмина о содержаніи „Русской Правды“ видно, что министерствъ предполагалось 10: 1) внѣшнихъ сношеній, 2) финансовъ, 3) промышленности, 4) правосудія, 5) полиціи, 6) просвѣщенія, 7) духовныхъ дѣлъ, 8) „переводныхъ“ (т. е. переходныхъ) дѣлъ, 9) военныхъ сухопутныхъ силъ и 10) морскихъ силъ. «Министръ внѣшнихъ сношеній долженъ былъ всѣ способы

¹⁾ О Детю-де-Траси см. *Mignet*, „La vie et les travaux de Destutt de Tracy“. „Revue des deux Mondes“, 1842, 1 juil.; *Chabot*, D. de Tracy, 1885; *Picavet*, Les Idéologues. P. 1891; *Коржуновъ*, „Исторія философіи права“; *Чичеринъ*, „Исторія политич. ученій“ т. V, М. 1902 г.

давать народамъ европейскимъ для введенія у нихъ представительнаго правленія; въ Азіи же онъ долженъ былъ распространять просвѣщеніе и поощрять народы къ переменѣ правленія. Онъ также долженъ былъ требовать отъ пословъ и прочихъ агентовъ, чтобы они сообщали ему всѣ тѣ сочиненія и открытія, однимъ словомъ, все то, „что можетъ быть полезно народу или содѣйствовать его просвѣщенію, а онъ передавалъ бы это министру просвѣщенія. «Также всѣ люди, чѣмъ либо полезнымъ себя ознаменовавшіе, должны быть приглашены въ Россію. Для сего предоставлялись имъ всевозможныя выгоды». Министръ просвѣщенія, кромѣ исполненія другихъ своихъ обязанностей, долженъ былъ учредить собраніе ученыхъ, которое изъ сообщеннаго министромъ внѣшнихъ сношеній извлекало бы все полезное для общества и наставляло бы народъ. Сочиненія всѣхъ знаменитыхъ писателей разныхъ народовъ должны быть переведены на русскій языкъ. Министръ правосудія долженъ былъ постоянно соображать, соотвѣтствуютъ ли законы нравамъ, „не опередило ли ихъ просвѣщеніе“, не измѣнился ли образъ мыслей, и если ему покажется нужнымъ какое либо улучшеніе, то онъ представляетъ проектъ о немъ законодательной власти. Министръ духовныхъ дѣлъ долженъ былъ изъ духовнаго сословія. Главная обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы кроткими мѣрами склонять живущихъ въ Россіи идолопоклонниковъ къ принятію христіанства. Онъ долженъ былъ также посылать миссіонеровъ въ Азію, но только людей самыхъ просвѣщенныхъ и способныхъ, чтобы они могли сообщать министерству свѣдѣнія о степени образованія, мысляхъ и наклонностяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ они будутъ находиться. Министръ «переводныхъ дѣлъ» долженъ былъ, главнымъ образомъ, заботиться о томъ, чтобы переворотъ произошелъ какъ можно нечувствительнѣе для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ прежнемъ правленіи и вообще для дворянъ¹⁾. Къ нему должны были обращаться съ просьбами и жалобами, а также желающіе получить мѣста. Такъ какъ всѣ чиновники, пользующіеся арендами и другими выгодами, не должны были терять награды за оказанныя ими заслуги, то, если что либо должно было отойти отъ нихъ по новому учрежденію, министръ долженъ былъ вытребовать соотвѣтственное вознагражденіе, чтобы никто не могъ укорять въ неблагодарности «правленіе, стремящееся основаться на нравственности». Относительно мѣстнаго управленія Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи сообщаетъ, что по проекту Пестеля «исполнительная власть въ областяхъ была поручена управамъ, назначеннымъ директоріею..., а въ губерніяхъ и уѣздахъ—управамъ, избаннымъ народомъ».

Таковы главнѣйшія черты политическихъ идей Пестеля, этого высокоталантливаго общественнаго дѣятеля, далеко опередившаго своихъ современниковъ въ Россіи въ области и политическихъ, и

¹⁾ Мы видѣли, что Пестель при окончательной переработкѣ „Русской Правды“ измѣнилъ въ демократическомъ смыслѣ прежнія свои предположенія относительно дворянства и проектировалъ полное его уничтоженіе.

соціальнихъ воззрѣній. Казнь этого человѣка, также какъ и его товарищей, лишила Россію нѣсколькихъ выдающихся людей, а ссылка остальныхъ декабристовъ удалила съ арены общественной дѣятельности множество способныхъ людей. Понятно, что послѣ правительствомъ было окружено такими ничтожествами, какъ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ и другіе, и единственному способному человѣку, П. Д. Киселеву, многому научившемуся у Пестеля, почти ничего не удалось сдѣлать даже для подготовки паденія крѣпостного права. Гибель на висѣлицѣ пятерыхъ декабристовъ и позднѣйшихъ революціонеровъ, служить лучшимъ доказательствомъ необходимости отмѣны смертной казни, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Пестель.—«Зачѣмъ вамъ революція?»—сказалъ имп. Николай Завалишину,—„я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею“¹⁾. Но русское общество слышало отъ его предшественника много хорошихъ словъ, притомъ сказанныхъ не наединѣ съ узникомъ, а публично, и не дождалось исполненія этихъ обѣщаній. Естественно, что интеллигентная молодежь, возмущенная всѣмъ, что творилось въ Россіи, рѣшилась революціоннымъ путемъ добиться того, что самодержавіе отказывалось дать добровольно даже послѣ печальнаго конца правленія имп. Павла.

XI.

Пестель, въ отличіе отъ Н. Муравьева проникнутаго симпатіею къ федеративному строю, былъ защитникомъ, по примѣру французской конституціи 1793 г., учрежденія республики „единой и нераздѣльной“, съ выдѣленіемъ только Польши въ самостоятельную, но соединенную съ Россіей союзомъ республику: это былъ бы союзъ двухъ братскихъ народовъ, возрожденныхъ къ новой жизни политической свободой. Напротивъ, „Общество Соединенныхъ Славянъ“ желало охватить въ одномъ союзѣ всѣ славянскіе народы.

Основателемъ этого общества былъ подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады, Петръ Ивановичъ Борисовъ 2-ой. Онъ воспитывался въ домѣ отца, въ 1816 г. вступилъ на службу юнкеромъ и много занимался математикою и военными науками, но послѣ производства въ офицеры совершенно предался изученію естественной исторіи, философіи и „морали“. Одно время онъ стоялъ со своею ротою въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая бібліотека. Здѣсь Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII вѣка и проникся свободными взглядами въ религіозномъ отношеніи. Большое значеніе въ его жизни имѣло знакомство съ классическою древностью. По его собственному свидѣтельству, изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота возбуждали въ немъ съ дѣтства „любовь къ вольности и

¹⁾ „Записка декабриста Д. И. Завалишина“. Мюнхенъ, 1904 г., т. I стр. 255.

народодержавію“; а поддерживали ее жестокости командировъ относительно ихъ подчиненныхъ, а также насилія и угнетенія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ. Борисовъ говоритъ, что онъ былъ „ослѣпленъ любовью къ демократіи и свободѣ“... „Общее благо есть верховный законъ—вотъ максима, которая была основаніемъ и моей религіи, и моей нравственности“.

Руководясь этими высокими стремленіями, Борисовъ думалъ найти ихъ осуществленіе въ масонствѣ, и въ 1818 г. былъ принять въ Одессѣ въ масонскую ложу, въ которой числился до уничтоженія этихъ ложъ. Въ томъ же году, находясь по службѣ въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила «питагоровой секты, усовершенствованія себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба». Затѣмъ, къ прежней цѣли были присоединены «усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи» отъ предразсудковъ, а также «основаніе извѣстной республики философа Платона». Такъ устроено было общество «Друзей Природы», которое просуществовало недолго. Въ 1823 г. Борисовъ, при участіи брата и поляка Люблинскаго, основываетъ общество съ цѣлью объединенія славянскихъ племенъ. Мысль П. И. Борисова состояла въ томъ, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе». Онъ предполагалъ также предложить членамъ, имѣющимъ крестьянъ, позволить имъ выкупиться на волю, а неимѣющимъ крѣпостныхъ вносить нѣкоторую сумму на выкупъ людей у тѣхъ господъ, которые худо съ ними обращаются, и отпускать ихъ на волю. Нѣкоторые изъ членовъ общества уже согласились на это предложеніе.

П. И. Борисовъ составилъ «Катехизисъ соединенныхъ славянъ» и «Клятвенное обѣщаніе», которые были переведены Люблинскимъ на польскій языкъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя правила катехизиса: «Не желай имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь... «Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія... Будешь стараться разрушать всѣ предразсудки, а наиболѣе до разности состояній касающіеся... Употребить даже свое оружіе, если того нужда будетъ требовать, на защиту невинности... Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь 4 флота: Черный, Бѣлый, Далматскій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ башню просвѣщенія, и своимъ могуществомъ на тронѣ посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ... Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будетъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станетъ. Желаетъ имѣть сіе? Соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество твоихъ предковъ отдалило тебя. Желаетъ все это имѣть? Будешь жертвовать десятою частью твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ».

Члены общества Соединенныхъ Славянъ, присягали на мечѣ

взаимно любить другъ друга. Въ «Клятвенномъ обѣщаніи», составленномъ Борисовымъ, между прочимъ, сказано: «пройду тысячи смертей, препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то... пусть сіе оружіе обратится остриемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣднею»...

Другой членъ общества Соединенныхъ Славянъ, Горбачевскій, сообщаетъ въ своихъ запискахъ черты, дополняющія свѣдѣнія приведенныя изъ дѣла о П. И. Борисовѣ. Это общество, по словамъ Горбачевского, «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластиа, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы cadaго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству занятія внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній...¹⁾ Славянскій союзъ», продолжаетъ Горбачевскій «носилъ на себѣ отпечатокъ какой то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членовъ» общества «посвящать всѣ мысли дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и пожертвовать всею жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ одного оружія славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія»²⁾.

Извѣстно, что общество Соединенныхъ Славянъ, при посредствѣ Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, во главѣ котораго стоялъ Пестель. Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, что ихъ цѣль—соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ федераціи республикъ—неудобоосуществима, и что русскіе должны стремиться только къ тому, чтобы «на твердыхъ постановленіяхъ основать свободу» въ своемъ отечествѣ, чего можно достигнуть вооруженною силою. Но дабы избѣжать кровопролитія, подобнаго французской революціи, нужно предварительно приготовить хорошую конституцію, чтобы, «разрушивъ существующій порядокъ вещей, немедленно замѣнить его лучшимъ». Онъ

¹⁾ По свидѣтельству декабриста барона Розена, на 8-угольной печати общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 колѣнъ славянскаго племени: русскіе, сербы, хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словянцы и поляки, всего до 90 милліоновъ.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1882 г. т. I, 443—445.

сообщилъ членамъ общества Соединенныхъ Славянъ, что въ Южномъ обществѣ конституція уже составлена, вручилъ имъ Государственный Завѣтъ» Пестеля, какъ основныя правила этой конституціи, и предложилъ, если они хотятъ, «промѣнять цѣль невозможную на истинно для Россіи полезную», присоединиться къ Южному обществу. Члены общества Соединенныхъ Славянъ приняли это предложеніе.

В. Селевскій.

На смерть Т. Г. Шевченко¹⁾.

Не предавайтесь особой унылости;
Случай предвидѣнный, чуть не желательный,—
Такъ погибаетъ по Божіей милости
Русской земли человѣкъ замѣчательный.
Съ давняго времени: молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлая рѣчи, борьба безразсудная,
Вслѣдъ затѣмъ долгіе дни заточенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармовъ любезности,
Все: и раздольную степь Орѣнбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ неизвѣстности
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими,
Жилъ, оскорбляемый всякимъ невѣждою!
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками;
Можетъ, и жилъ только этой надеждою...
Но, сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое,
Кончилось время его несчастливое,—
Все, что онъ съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу его улыбалось;
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалась!...

Н. А. Некрасовъ.

---

¹⁾ Это стихотвореніе Н. А. Некрасова совершенно неизвѣстно „большой публикѣ“. Оно было, правда, напечатано въ львовскомъ журналѣ „Зоря“ (1885 г. № 18), но номеръ этотъ не былъ пропущенъ въ Россію. Затѣмъ оно появилось въ № 1 издававшейся въ 1889 г. въ Женевѣ газетѣ „Свободная Россія“.

Ред.

Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи.

21 іюля 1849 года Николаю Павловичу былъ представленъ слѣдующій докладъ:

«Бывшій учитель 1-го Кадетскаго Корпуса *Бѣлецкій*, содержащійся два съ половиною мѣсяца въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу Буташевича-Петрашевскаго, по освобожденіи его съ тѣмъ, чтобы отнюдь не опредѣлять его на службу ни по военнымъ, ни по гражданскимъ учебнымъ заведеніямъ, встрѣтивъ агента по означенному дѣлу, чиновника 14-го класса *Антонелли* ¹⁾, укорялъ его за доносъ и оскорбилъ обидными выраженіями.

Г.: Военный Министръ, принимая во вниманіе, что Бѣлецкій не восчувствовалъ сдѣланнаго ему взысканія и не смягчилъ строптиваго своего характера, что нанесенное имъ оскорбленіе относится до самаго полезнаго агента, котораго правительству должно защищать, сдѣлалъ распоряженіе къ высылкѣ Бѣлецкаго въ Вологду подъ строжайшій надзоръ полиціи.

На этомъ докладѣ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Дѣльно».

---

¹⁾ Роль Антонелли въ дѣлѣ Петрашевскаго хорошо охарактеризована въ докладѣ шефа жандармовъ графа А. Ѳ. Орлова. Когда были получены извѣстія о собраніяхъ у Петрашевскаго „тогда употреблено было стараніе помѣстить въ общество Петрашевскаго благонадежнаго агента, и для этого избранъ былъ снвъ живописца Антонелли, образовавшійся въ здѣшнемъ университетѣ и впоследствии опредѣленный въ тотъ же департаментъ, въ которомъ служилъ Петрашевскій. Антонелли съ большимъ трудомъ, но сблизился и, наконецъ, успѣлъ войти въ общество Петрашевскаго“. Войдя, Антонелли регулярно представлялъ донесенія о собраніяхъ.

Пестель

предъ Верховнымъ уголовнымъ Судомъ.

(Продолженіе).

IV. Русская Правда Пестеля и Конституція Никиты Муравьева.

Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны и предлагаемы, или о которыхъ было говорено, ни одна не была dokonчена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была: такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ.

Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась, потому что два главныя оной основанія совершенно пагубными казались. У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему и потому пагубнымъ казалось. Второе основаніе состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для высшихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляли многихъ, и въ томъ числѣ и меня, противу его конституціи сильно спорить. При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подаритъ отечество твердыми законами и положительно-постояннымъ порядкомъ дѣлъ, то мы тогда вѣрнѣйшіе его будемъ приверженцы и оберегатели: ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оно не исходило.

Что касается лично до меня, то я особенную имѣлъ склонность къ политическимъ наукамъ и много ими занимался. Изучился я онымъ въ Пажескомъ корпусѣ, до вступленія въ который нигдѣ онымъ не обучался. Я упражнялся много во всемъ томъ, что сихъ

предметовъ касается, какъ въ отношеніи администраціи или правленія, такъ и въ отношеніи конституцій. Мой образъ жизни, удаленной отъ большого совѣта, способствовалъ много къ тому, что я въ сіи предметы и познанія углублялся во времена и часы, свободные отъ службы. Такимъ образомъ, чрезъ протеченіе времени составила въ моихъ понятіяхъ общая полная мысль о государственномъ образованіи и устройствѣ, которая вмѣщала въ себѣ, какъ всѣ отрасли правленія въ главныхъ ихъ свойствахъ и отличительномъ значеніи, такъ равно и всѣ степени правительства, отъ низшихъ до высшихъ; при чемъ родилась во мнѣ увѣренность, что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ-нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хотъ Верховная Власть будетъ заключаться въ самодержавномъ монархѣ, хотъ въ конституціонномъ государствѣ, хотъ въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи. Посему большая часть того, что я когда либо писалъ о предметахъ политики, касалась прочихъ предметовъ болѣе, чѣмъ Верховной Власти, постигая сполна и весьма твердо, что устройство ея зависитъ отъ обстоятельствъ болѣе, нежели отъ плановъ и проектовъ, между тѣмъ какъ на остальные предметы добрые планы могутъ имѣть хорошее дѣйствіе и вліяніе даже безъ превращенія (революціи); посему большая часть моихъ записокъ такимъ образомъ составлена была, что можно ихъ было даже правительству показать. Но изъ всѣхъ моихъ записокъ не было еще составлено полнаго сочиненія, а были отрывки, кои по большей части всѣ уничтожены или сожжены. Цѣлаго я еще не сводилъ. Имѣлъ же намѣреніе, когда окончу сію работу, передать оную подъ названіемъ *Русской Правды* на судъ и мнѣніе общества, составивъ главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну для монархическаго, а другую для республиканскаго оной образованія, и написать сію главу такимъ образомъ, что любую изъ нихъ выбравъ, можно было ее въ общее сочиненіе включить.

Но сіи двѣ главы, одного предмета касающіяся, не были въ «Русской Правдѣ» даже еще и начаты. Нѣкоторыя мысли о нихъ были однако же начертаны на французскомъ языкѣ и монархическая подробнѣе республиканской. Все сіе для того здѣсь объясняю, чтобы представить полное, справедливое и откровенное понятіе о письменныхъ своихъ занятіяхъ по предметамъ политики (показанія 7 января 1826 года).

Въ чемъ именно заключались главныя черты конституцій, написанныхъ: а) Вами и Сергѣемъ Муравьевымъ, б) Новиковымъ и с) Никитою Муравьевымъ, поелику всѣ оныя, по словамъ вашимъ, не были одобрены обществомъ, и гдѣ теперь находятся, какъ означенная конституція ваша, которую многіе изъ членовъ у васъ видѣли, такъ и законы или правила, у васъ же хранившіяся? (что комитету совершенно извѣстно) равно и статутъ, написанный вами 1816 или въ 1817 годахъ для *союза спасенія*?

Статутъ первоначальнаго общества нашего въ 1816 или 1817 годахъ былъ не мною однимъ составленъ, но комиссіею, обще-

ствомъ назначенною изъ трехъ членовъ и секретаря. Члены были: князь Сергѣй Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ и я, а секретарь— князь Шаховской. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Союза Благоденствія и составленіемъ Зеленой Книги былъ первый статутъ уничтоженъ и я не сохранилъ экземпляра онаго.

Законы или правила Союза Благоденствія послѣ преобразования онаго въ 1821 году не были написаны, а оставались только словесными. Тогда было положено ничего не имѣть въ обществѣ писаннаго и твердо было внушено отнюдь ничего не писать. Сіе было исполнено въ отношеніи къ правиламъ объ образованіи союза; а посему и не сохранилъ я ничего, о семъ писаннаго.

Изъ бумагъ моихъ о предметахъ политики я большую часть самъ сжегъ. Оставалось малое число оныхъ, между коими и начатое мною предположеніе о государственномъ образованіи. Сіи послѣднія бумаги отдалъ я въ концѣ ноября Крюкову 2-му, запечатанныя съ тѣмъ, чтобы спрятать оныя гдѣ-нибудь въ Тульчинѣ, а въ случаѣ опасности оныя предать огню. Что же онъ съ оными сдѣлалъ, я не знаю, но полагаю, что ихъ истребилъ.

Отличительная черта конституціи Новикова заключалась въ томъ, что она была республиканская и Верховная Власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному. Прочіе предметы опредѣлялись, какъ и во всѣхъ почти республиканскихъ конституціяхъ. Много было сходства съ Американскою.

Конституція Никиты Муравьева не была еще докончена, но четыре замѣчательнѣйшія черты оной были слѣдующія: 1) У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Это подходило на древнюю удѣльную систему. На сей конецъ раздѣлялась у него Россія на 13 или 14 большихъ округовъ, которые назывались *державами*. Въ главномъ городѣ каждой державы были учреждены главныя мѣстныя правительства надъ державою. Сіи правительства такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной Власти посему почти ничего не оставалось. 2) Второе основаніе состояло въ томъ, что права на занятіе должностей по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка основаны были оба на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство и для высшихъ должностей болѣе и болѣе. 3) Всѣ различныя сословія сливались въ одно общее сословіе гражданское. 4) Министерствъ у него было только четыре: иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, морскихъ силъ и финансовъ. Прочія отрасли правленія не доходили до Верховной Власти и Верховнаго Правительства, но имѣли свои окончательныя инстанціи въ державахъ.

Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ не потому, чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго,

ибо онъ былъ въ 1820 году одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ. Сія конституція Никиты Муравьева многимъ членамъ общества весьма не нравилась по причинѣ федеративной его системы и ужасной аристократіи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ.

Мое предположеніе о государственномъ образованіи состояло большею частью въ однихъ еще только отрывкахъ. Цѣлаго я еще не сводилъ. Намѣревался же я мое сочиненіе представить по окончаніи онаго на судъ общества. Оно долженствовало состоять изъ десяти главъ:

Первая глава разсуждала о границахъ государства и о раздѣленіи земельного пространства онаго на области, областей на округи или губерніи, округовъ на уѣзды, уѣзды на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

Вторая глава разсуждала о жителяхъ Россіи, раздѣляя оныя на коренной народъ русскій и на племена подвластныя и присоединенныя, и указывая на средства, коими можно слить всѣ сіи различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи чрезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

Третья глава разсуждала о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ обрѣтающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которыя бы надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе гражданское.

Глава четвертая разсуждала о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

Глава пятая разсуждала о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т. е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ, такъ называемаго, гражданского частнаго права въ отношеніи лицъ, имущества и взаимныхъ между гражданъ сношеній.

Глава шестая долженствовала разсуждать о Верховной Власти и быть написана вдвойнѣ: одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было бы избрать и въ общее сочиненіе включить.

Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министерствъ, доказывая, что оныхъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

Глава осьмая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, устраивающихъ государственную безопасность, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, т. е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ; говоря при томъ особенно о

каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава девятая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о финансахъ, народномъ хозяйствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или такъ сказать оглавление (*sommaire*) сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были на черно написаны; а послѣднія пять состояли въ разныхъ отрывкахъ. Статью о финансахъ и народномъ хозяйствѣ долженствовали написать Сергѣй Муравьевъ (показанія 13-го января, п. 29).

Съ общаго ли согласія южныхъ и сѣверныхъ членовъ, когда и гдѣ былъ написанъ и выпущенъ *Катихизисъ* тайнаго общества, ложно и преступно доказывающій, что существованіе царей въ государствахъ противно Богу и естественному закону. Кто составлялъ сей Катихизисъ, и имѣте ли вы списокъ съ онаго?

Политическій катихизисъ былъ составляемъ Никитою Муравьевымъ по собственному его преднамѣренію и, сколько мнѣ извѣстно, безъ предварительнаго сношенія о томъ съ другими членами. Сей катихизисъ, когда я его видѣлъ, не былъ еще конченъ. Прѣзжая Тульчинъ съ Лунинымъ въ 1820-мъ году, Муравьевъ читалъ намъ отрывки онаго. Списка съ онаго не имѣлъ и не имѣю (тоже, п. 30).

Намѣревалось ли Южное общество при начатіи открытыхъ дѣйствій его выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ, и какого содержанія?

Составленіе сихъ двухъ прокламацій входило во второе предположеніе, въ 3 пунктѣ объявленное (см. ниже стр. 215—216). Онѣ написаны не были и члены, то предположеніе сдѣлавшіе, говорили о нихъ только то, что надо двѣ прокламаціи выпустить въ духѣ намѣреній общества. О содержаніи оныхъ сказано и толковано не было (тоже, п. 31).

У. Замыслы общества. Республика.

Общимъ замѣчаніемъ насчетъ духа и разума Союза Благоденствія слѣдующее представляю.

Всѣ члены Союза Благоденствія единодушно согласны были въ намѣреніи содѣйствовать ко введенію въ Россію новаго порядка вещей и въ томъ, что сіе иначе произведено быть бы не могло, какъ чрезъ количественное усиленіе членовъ общества и распространене-

ніе тѣмъ самымъ Союзу Благоденствія по елико возможно большимъ мѣстамъ; но по всѣмъ прочимъ предметамъ и статьямъ не было общей мысли и единства въ намѣреніяхъ и видахъ. Сіе разногласіе относится преимущественно до средствъ, коими произвести перемѣну въ Россіи, и до порядка вещей и образа Правленія, коими бы замѣнить существовавшее правительство.

Въ сихъ двухъ отношеніяхъ ничего не было обществомъ окончательнаго и рѣшительнаго положено. Происходили одни только разговоры и пренія безъ заключенія; такъ что сказать можно, что сіи два предмета въ обществѣ *еще не созрѣли* совершенно, хотя и много о томъ толковано было и много сдѣлано плановъ и проектовъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что надо напередъ усилить общество, а потомъ уже соображаться для дѣйствія съ обстоятельствами и будущимъ положеніемъ дѣлъ союза. Изъ сего должно произойти большое разнообразіе въ показаніяхъ о семъ предметѣ членовъ союза, смотря на то, о какихъ мнѣніяхъ они слыхали или какихъ мнѣній они держались сами.

Еще замѣтитъ долгомъ считаю, что многимъ членамъ изъ тѣхъ, которые въ послѣднія времена были принимаемы, объявлено было, что планы дѣйствія и будущаго предполагаемаго образованія государства естъ дѣло вышнихъ инстанцій союза, въ семъ отношеніи все уже сдѣлавшихъ. Сіе было имъ сказано для того, чтобы вселить въ нихъ болѣе довѣренности къ обществу и устранить умноженіе случаевъ къ преніямъ, вводящимъ разногласіе и холодность между членами. Часто одни и тѣ же члены мнѣнія свои перемѣняли или пополняли. Да и вообще едва ли найдется кто-либо изъ насъ, который съ самаго начала все одно мнѣніе бы имѣлъ.

— Насчетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества, много было различныхъ мнѣній и толковъ. Долгомъ считаю откровенно объяснить, какое мнѣніе было мое или коего я держался.

Во-первыхъ, надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ ввести. Я всегда объяснялъ, что ежели сіе не будетъ твердымъ образомъ постановлено и соглашено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни. Сего, однако-же, до сихъ поръ постановлено въ обществѣ не было.

Во-вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до таковаго количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей союза въ общее мнѣніе и намѣренія союза передать, какъ можно болѣе въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе предшествовало революціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ дабы членовъ союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе. Общество еще далеко было отъ такового положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо.

Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самому превращенію надлежало произвести оное въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ правленій и властей, а наше дѣло въ арміи и въ губерніяхъ было бы

признание, поддержание и содействие Петербургу. Въ Петербургѣ же произойти бы оное могло такъ, какъ 4-го сего января объяснялъ, чрезъ Сенатъ.

Вотъ ходъ революціи, такъ какъ я ее понималъ, говоря всегда, что лучше не торопиться, но дѣло сдѣлать дѣломъ, не оставаясь въ бездѣйствіи и не сѣтуя, ежели удобные случаи пройдутъ безъ употребленія: главное дѣло, чтобъ не было партій и козней, которыя бы все могли испортить, и которыя при слабости союза были бы неизбѣжны. Сей планъ требовалъ еще много времени и потому соединялся съ онымъ предположеніемъ, что удобно будетъ начать революцію послѣ кончины покойнаго государя, коего смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ, время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества. Я съ симъ мнѣніемъ всегда былъ согласенъ и о немъ всегда говорилъ. Что же касается до другихъ предположеній, то они никогда не происходили отъ меня, и я даже противу нихъ спорилъ, а ежели когда и не возставалъ сильно, то единственно, дабы споровъ не увеличивать, коихъ и безъ того было много, считая, что они сами собою упадутъ и отвергнутся, какъ то не разъ и бывало (показанія 7-го января 1826 г.).

Въ чемъ именно заключались всѣ различныя и въ разныя времена предположенныя дѣла, или намѣренія, и мѣры къ исполненію ихъ со стороны сѣвернаго и южнаго общества, и когда, въ какихъ мѣстахъ полагалось начать открытія дѣйствія?

Съ самаго начала говорено было о желаніи даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ и для того пригласить большую часть дворянства къ подавію о томъ просьбы Государю Императору. О семъ было неоднократно и впослѣдствіи повторяемо, но первоначальная мысль о семъ была кратковременна: ибо скоро получили мы убѣжденіе, что нельзя будетъ къ тому дворянство склонить. Въ послѣдствіи времени были мы еще болѣе въ томъ убѣждены, когда малороссійское дворянство совершенно отвергнуло похожее на то предложеніе своего военнаго губернатора. вмѣстѣ съ учрежденіемъ Общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя, однако же болѣе склонныя къ монархическому правленію. Сужденія и разговоры о семъ продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы.

Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ проектъ конституціи Новикова. Наконецъ, въ началѣ 1820 года было назначено здѣсь въ Петербургѣ собраніе коренной думы Союза Благоденствія. Такъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ коренныхъ членовъ Союза. Сія коренная дума, по правиламъ Зеленой Книги, имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили. Предсѣдателемъ союза былъ тогда графъ Толстой, а блюстителемъ князь Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ, сверхъ предсѣдателя и блюстителя, еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка,

Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе, о коихъ не упомяну.

Князь Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; а подробности будутъ со временемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ по французски: *Le président sans phrases*; то есть: *Президентъ безъ дальнихъ толковъ*. Въ заключение приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской. Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими.

Такимъ образомъ, и послѣ объявленія въ началѣ 1821 года въ Москвѣ объ уничтоженіи Союза Благоденствія продолжало республиканское правленіе быть цѣлью тѣхъ частей Союза Благоденствія, которыя сказанное уничтоженіе не признали. Но такъ какъ вообще въ Союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ дѣйствіи и ни одна мысль не была постояннымъ образомъ въ памяти членовъ, и весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ, то и нельзя никакъ удостовѣрительно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, бы избралъ. Сіе болѣе бы всего зависѣло отъ обстоятельствъ; и вотъ причина, почему имѣлъ я намѣреніе написать главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну монархическую, а другую республиканскую, и почему я въ одномъ изъ прежнихъ моихъ показаній (см. выше стр. 211) говорилъ, что сей предметъ въ Союзѣ еще *не созрѣлъ* и что показанія по оному членовъ должны быть весьма разногласны, особенно, что касается объяснительныхъ статей и подробностей.

При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подаритъ отечество твердыми законами и постояннымъ порядкомъ дѣлѣ, то мы будемъ его вѣрнѣйшими приверженцами и оберегателями: ибо намъ дѣлать только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оно ни произошло, и въ таковомъ случаѣ готовы совершенно забыть о республиканскихъ мысляхъ.

Насчетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества много было различныхъ мнѣній и толковъ. Главнѣйшее мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: Во первыхъ, надлежало

рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ, ибо ежели не будетъ сіе твердымъ образомъ постановлено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни: сего однако же до сихъ поръ сдѣлано въ обществѣ не было. Во вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до такового количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей Союза въ общее мнѣніе и намѣренія Союза, какъ можно болѣе, передать въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе революціи предшествовало; а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы членовъ Союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе, когда бы революція началась. Общество еще далеко было отъ таковаго положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо. Въ третьихъ, наконецъ, приступая въ самой революціи, надлежало произвести оную въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ властей и правленій, а наше дѣло въ арміи и губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же могло бы оное произойти возстаніемъ гвардіи, а также и флота, отправленіемъ особъ императорской фамилии въ чужіе края, исключая покойнаго государя, созваніемъ сената, дабы чрезъ него обнародовать новый порядокъ вещей, порученіемъ временному правленію оный ввести, или созваніемъ чрезъ сенатъ же народныхъ депутатовъ утвердить конституцію. Ежели же бы монархическое правленіе было выбрано, то временное правленіе составляло бы регентство, а Александръ Николаевичъ былъ бы признанъ императоромъ.

Изъ объясненія сего плана видно, что оный требовалъ еще много времени; и потому соединялось съ онымъ предположеніе, что удобно будетъ революцію начать послѣ естественной кончины государя императора Александра Павловича, но его смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ, время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, въ каковомъ случаѣ и насильственная смерть покойнаго государя могла оказаться надобною; но сіе только въ крайнемъ случаѣ, ибо охотнѣе дождались бы собственной его смерти, развѣ опасности общества при силѣ онаго и обстоятельства не позволили бы медлить. Вотъ образъ дѣйствія, о которомъ болѣе всего говорено было и съ которымъ всѣ члены общества какъ въ южномъ, такъ и въ сѣверномъ округѣ были согласны. Ежели о чемъ еще спорили, то единственно объ образѣ введенія новаго порядка: чрезъ временное ли правленіе, чрезъ соборъ ли депутатовъ, и тому подобное; но всѣ говорили, что революція не можетъ начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или рѣшиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будутъ. Въ семъ точно поистинѣ были всѣ согласны.

Но Справедливость требуетъ также и то сказать, что ни одинъ членъ изъ всѣхъ теперешнихъ мнѣ извѣстныхъ не вызывался сіе.

исполнить; а напротивъ того, каждый въ свое время говорилъ, что хотя сіе дѣйствіе, можетъ статься, и будетъ необходимо, но что найдется другой для сего. Да и подлинно большая разница между понятіемъ о необходимости поступка и рѣшимостью оный совершить. Разсудокъ можетъ говорить, что для успѣха такого-то предпріятія, нужна смерть такая-то; но еще весьма далеко отъ сего умозаключенія до самаго покушенія на жизнь: человѣкъ не скоро доходитъ до такого состоянія или расположенія духа, чтобы на смертоубійство рѣшиться; во всемъ соблюдается въ природѣ постепенность.—Дабы способнымъ сдѣлаться на смертоубійство, тому должны предшествовать не мнѣнія, но *дѣянія*, изъ всѣхъ же членовъ теперешняго Союза Благоденствія ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какихъ отношеніяхъ не оказывалъ злыхъ качествъ и злостныхъ поступковъ или пороковъ. Посему и твердо полагаю я, что ежели бы государь императоръ Александръ Павловичъ жилъ еще долго, то при всѣхъ успѣхахъ Союза, революція не началась бы прежде естественной его смерти, которую бы никто не ускорилъ, несмотря на то, что всѣ бы находили сіе ускореніе, можетъ быть, полезнымъ для успѣха общества. Сію мысль объясняю я при полной увѣренности въ совершенной ея справедливости.

Другое предположеніе было слѣдующее: начать революцію во время ожидаемаго высочайшаго смотра войскъ 3 корпуса, въ 1826 году. Первое дѣйствіе долженствовало состоять въ насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потомъ изданіе двухъ прокламацій: одну войску, другую народу. Затѣмъ слѣдованіе 3-го корпуса на Кіевъ и Москву съ надеждою, что къ нему присоединятся прочія, на пути его расположенныя, войска безъ предварительныхъ даже съ ними сношеній, полагаясь на общій духъ неударства. Въ Москвѣ требовать отъ сената преобразованія государства. Между всѣми сими дѣйствіями 3 корпуса надлежало всѣмъ остальнымъ членамъ Союза содѣйствовать революціи. Остальной части южнаго округа занять Кіевъ и въ ономъ оставаться. Сѣверному округу поднять гвардію и флотъ, препроводить въ чужіе края всѣхъ особъ императорской фамилии и то же сдѣлать требованіе сенату, какъ и 3 корпусъ. Потомъ ожидать отъ обстоятельствъ, что окажется нужнымъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. 3-й корпусъ не требовалъ отъ остальной части южнаго округа никакого содѣйствія въ первоначальномъ дѣйствіи, но чтобы потомъ одинаковыя съ нимъ объявить чувства и намѣренія и завладѣть войскомъ.

Соображая сіе предположеніе съ силою южнаго округа, о коей подробно будетъ объяснено въ 19 пунктѣ, ясно видѣть можно, что сіе предположеніе никакъ не могло быть приведено въ исполненіе, ибо ни въ какомъ отношеніи не обѣщало ни малѣйшаго успѣха. Оно доказывало нѣкоторую нетерпимость, которая при сближеніи времени къ исполненію назначеннаго необходимо уступила бы разсудку.

Сіе предложеніе было еще сдѣлано въ 3 корпусѣ въ 1824 году.

Я, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій и князь Барятинской сильно тогда спорили противу онаго во время Кіевскихъ контрактовъ 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули. Во второй половинѣ 1825 года было оно опять возобновлено. А дабы лучше убѣдить въ невозможности оное исполнить уже и потому, что сѣверный округъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ, какъ сіе предположеніе отъ него ожидало, далъ я совѣтъ прежде всего обождать вѣрныхъ свѣдѣній о Петербургѣ. Князь Трубецкой ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и долженствовалъ привезти сіи свѣдѣнія; но прежде получения таковыхъ былъ Союзъ открытъ.

Я повторяю, что сіе предположеніе слишкомъ было неосновательно, чтобы не уступить разсудку и не быть совершенно оставленнымъ при сближеніи времени къ его исполненію назначеннаго. Чѣмъ таковое время далѣе отстоитъ, тѣмъ все кажется возможнымъ, а чѣмъ оное ближе становится, тѣмъ явственнѣе усматривается невозможность. Я тѣмъ болѣе, съ своей стороны, былъ въ томъ увѣренъ, что имѣли мы уже подобный опытъ въ 1823 году, въ которомъ та же управа 3 корпуса вдругъ вздумала такимъ же образомъ дѣйствие начать въ Бобруйскѣ, гдѣ 9 дивизія была на работѣ; и къ намъ написали, чтобы нѣсколько членовъ поспѣшно туда прибыли, не говоря для чего. Никто, однако же, не ѣздилъ и потомъ, обдумавъ положительнѣе дѣло, оставили они сами сіе намѣреніе безъ всякаго исполненія. Тоже бы случилось и въ семь разѣ. Къ тому же сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ покушенія на жизнь Государя Императора Александра Павловича отнесено быть можетъ также и къ сему предположенію.

Вообще замѣтить можно, что два главные существовали оттѣнка во всѣхъ предположеніяхъ. По первому располагалось начальное дѣйствие въ Петербургѣ, а отъ арміи и губерній ожидалось содѣйствие. По второму располагалось начальное дѣйствие въ арміи, гдѣ-нибудь, а отъ Петербурга ожидалось содѣйствие. Что же касается до подробностей, то по онымъ сіи два главныя предположенія раздѣлялись на весьма большое количество: ибо весьма часто о томъ говорили, и каждый разъ что-нибудь прибавляли, убавляли, однимъ словомъ, иное толковали. И хотя съ первымъ вышеобъясненнымъ предположеніемъ и были всѣ члены согласны, но согласіе состояло въ главныхъ только чертахъ, какъ я уже объяснилъ. А точного, подробнаго, положительнаго, полнаго и неукоснительнаго предположенія общество до самаго конца еще не составило. Сіе уже доказывается и тѣмъ, что второе предположеніе могло возникнуть (показанія 13 января. п. 3).

Съ котораго времени южное общество предприняло намѣреніе ввести въ государствѣ республиканское правленіе и достигнуть сего посредствомъ революціи? Кто первый предложилъ мысль сію и кто наиболѣе стремился къ ея исполненію? Тогда ли, или уже впоследствии общество сіе предположило истребить безъ остатка всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей царствующей фамилии?

Изъ отвѣта на третій вопросъ (предыдущій) видно, какимъ образомъ республиканскія мысли дошли до южнаго края. Революціонныя же мысли существовали въ тайномъ обществѣ прежде еще учрежденія онаго на югѣ и въ нихъ-то состояло главное средство, обществомъ предполагаемое для достиженія своей цѣли. Сіи мысли всѣ члены безъ всякаго изъятія въ равной степени раздѣляли, ибо въ нихъ-то и состояла сущность Тайнаго Общества. Что же касается до истребленія всѣхъ священныхъ особъ императорской фамилии, то общество никогда сего не предполагало: во-первыхъ, потому, что, какъ я уже объяснялъ выше, оно до самаго конца еще не утвердило рѣшительнымъ образомъ своего плана дѣйствія. Во-вторыхъ, потому, что, по плану дѣйствія, который наиболѣе ходу имѣлъ, и который мною объясненъ первымъ предположеніемъ въ отвѣтѣ на 3 пунктъ (предыдущій), надлежало всю императорскую фамилію перевезти въ чужіе края. Въ-третьихъ, потому, что южный округъ твердо намѣренъ былъ не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ округомъ, слѣдовательно, и долженъ былъ съ нимъ въ дѣйствіи совѣщаніемъ согласиться. Въ-четвертыхъ, наконецъ, потому, что южный округъ, по причинѣ мѣстъ его пребыванія, даже и не могъ бы сіе исполнить, ибо отъ императорской фамилии слишкомъ былъ удаленъ.

Въ разговорахъ о трудностяхъ предпріятія и о средствахъ сіи затрудненія уменьшить весьма легко могло быть говорено и о томъ, что ежели бы существовалъ одинъ государь и не было бы великихъ князей, то успѣхъ менѣе бы встрѣчалъ препонъ; но разговоръ въ обществѣ чрезъ девять лѣтъ такъ было много, что никакъ нельзя всего того исчислить, что когда-либо говорено быть могло, а тѣмъ менѣе можно все то принять за намѣреніе общества, что когда-либо говорено было. Вѣрно то, что смерть великихъ князей никогда не входила въ планъ общества; ибо, кромѣ естественнаго отвращенія отъ таковаго поступка, присоединиться должно было и то соображеніе, что такое кровопролитіе поставитъ общее мнѣніе противъ революціи, а тѣмъ самымъ отниметъ у нея главнѣйшую podporу, и случай породитъ ко многимъ партіямъ и кознякамъ. Увѣрялись еще притомъ, что гвардія вовсе не предана къ великимъ князьямъ, и что они посему не составляютъ своими особами сильнаго сопротивленія и препятствія исполненію и преуспѣванію революціи, и что коль скоро они оставятъ Россію, то и скоро забудутъ о нихъ при большомъ числѣ новыхъ предметовъ, коими всѣ умы заняты будутъ, и при улучшеніи положенія и состоянія какъ гражданъ, такъ и войска. Внѣшней же войны не опасались, во-первыхъ, потому что 1812 г. отняли навѣрно у всѣхъ охоту въ Россію входить, а во-вторыхъ, потому что при открытіи революціи въ Россіи, чужестранные кабинеты слишкомъ бы опасались собственныхъ своихъ земель, гдѣ умы еще болѣе къ переворотамъ склонны, дабы о чемъ-нибудь помышлять иномъ, какъ о предупредженіи революціи у себя самихъ. Что же касается въ особенности до особъ женскаго пола императорской фамилии, то на сей счетъ

ни малѣйшаго не было сомнѣнія. Предполагалось имъ отбыть въ чужіе края и тамъ пребывать подобно великимъ князьямъ Маріи Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ (показанія 13 января, п. 24).

Знали ли вы о намѣреніи тайнаго общества покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ бытность Его Величества въ Москвѣ въ 1817 году, и о избранномъ къ совершенію сего злодѣяства Якушкинѣ?

Въ 1817-мъ году въ бытность мою въ Петербургѣ получилъ князь Трубецкой изъ Москвы письмо отъ одного изъ членовъ, въ которомъ извѣщались члены въ Петербургѣ бывшіе, что члены, въ Москвѣ находящіеся, рѣшились дѣйствіе начать и потому требуютъ нашего согласія и нашего прибытія въ Москву. Князь Трубецкой въ тотъ же день испросилъ себѣ отпускъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы туда отправиться и тамошнимъ членамъ сказать, что мы не соглашаемся на ихъ предложеніе, и ихъ удержать отъ исполненія онаго. Но между тѣмъ они сами уже сіе намѣреніе бросили. Оно возникло между ими по случаю извѣстій, ими полученныхъ о тѣхъ ужасахъ, которые якобы происходили въ Новгородской губерніи при введеніи военныхъ поселеній ¹⁾. Жребій назначилъ Якушкина. Скорое оставленіе сего намѣренія доказываетъ, что оно произведено было минутнымъ остервененіемъ о слыханныхъ якобы ужасахъ и подтверждаетъ мое замѣчаніе, въ 3 пунктѣ сдѣланное, что отъ намѣренія до исполненія весьма далеко. Слово и дѣло не одно и тоже (показанія 13 января, п. 25).

Дополнительныя показанія 6 апрѣля 1826 г.

Въ 3-мъ пунктѣ отвѣтъ (см. выше, стр. 213) вы объясняете, что южное общество насчетъ введенія въ государствѣ преобразованія имѣло два предположенія: одно въ духѣ республиканскомъ, а другое монархическомъ, но оба не были еще рѣшительно приняты и оставались болѣе рзсужденіями членовъ, нежели опредѣленною цѣлюю.

Сергѣй же и Матвѣй Муравьевы, князь Волконскій и Давыдовъ, утверждаютъ: а) что въ 1882 г. на контрактахъ въ Кіевѣ вы, согласивъ ихъ на продолженіе Тайнаго Общества и бывъ избраны (съ Юшневскимъ) директорами, тутъ же изъ изъясняли главныя черты составляемой вами Русской Правды, и б) что тамъ же въ 1823 году оная была одобрена, и вы первые предложили вести въ Россіи республиканское правленіе посредствомъ ре-

¹⁾ На счетъ заговора въ Москвѣ въ 1817 году противъ блаженной памяти Государя Императора, вы говорите, что поводомъ къ оному были извѣстія, полученныя тамъ о происходившемъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, но князь Трубецкой, письмо коего служило предлогомъ къ помянутому заговору, и другіе показываютъ, что Московскимъ членамъ сообщено было ложное извѣстіе объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи и о свободѣ крестьянъ отъ крѣпости. Поинтите: что дѣйствительно было поводомъ съ сему заговору?

Объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи не слыхалъ я никогда ни отъ кого.—Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости входило въ цѣль общества и слѣдовательно не могло, полагаю я, возбудить оное къ заговору. Мнѣ же говорили члены бывшіе въ то время въ Москвѣ, и между прочимъ Никита Муравьевъ, что приступили къ составленію сказаннаго заговора по извѣстіямъ, полученнымъ о происходившемъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ. Не бывъ самъ въ Москвѣ, говорю то, что слышавъ (показанія 6 апрѣля, п. 4).

волюціи, или вооруженною силою, о они на сіе согласились, и съ того времени таковой образъ правленія былъ уже господствующею и всѣмъ членамъ извѣстною цѣлю. Сіе послѣднее подтверждаютъ также: Бестужевъ-Рюминъ, князь Барятинскій, подполковникъ Поджіо и Янтальцовъ и штабсъ-капитанъ Поджіо, поясняя изъ нихъ трое послѣдніе и подпоручикъ Лихаревъ, что по собственнымъ словамъ вашимъ предположеніемъ о республикѣ въ Россіи вы постоянно занимались болѣе семи лѣтъ. Полковникъ же Тизенгаузенъ говорить, что онъ видѣлъ васъ въ лагерѣ 1824 г., гдѣ вы съ жаромъ объяснялись съ нимъ о новомъ образованіи въ государствѣ, которое надѣялись ввести въ слѣдующемъ году (1825 г.). Поясните: такъ ли сіе происходило?

Въ 3 пунктѣ отвѣтовъ моихъ (стр. 213) объяснялся я не насчетъ южнаго общества, но насчетъ всего общества вообще, какъ южнаго, такъ и сѣвернаго, а потому говорилъ, что существовали два предположенія. Я же сіи два округа не раздѣлялъ на два различныя общества, тѣмъ болѣе, что оба округа согласились не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ, и во всякомъ случаѣ одинъ другому содѣйствовать, и что я самъ всегда утверждалъ, что безъ сѣвернаго округа и полнаго взаимнаго согласія къ дѣйствию приступить нельзя. Южное общество продолжало существовать съ республиканскою цѣлю, которая въ 1820 году коренною думою была объявлена, а въ сѣверномъ явились опять монархическія предположенія; почему и объяснялъ я, что два предположенія въ обществѣ существовали. А такъ какъ я твердо намѣренъ былъ, съ своей стороны, не дѣйствовать безъ сѣвернаго общества, то и имѣлъ я полную причину говорить, что сіи два предположенія не были еще рѣшительно приняты, особенно имѣя въ виду, какъ часто члены перемѣняли свой образъ мыслей и свои мнѣнія, и какъ ничего не было положительнаго. О томъ же, что южное общество держалось всегда республиканскою цѣлю, имѣлъ я честь комитету доносить въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ (см. февральскую книгу, стр. 142), говоря, что оно продолжалось съ прежнею цѣлю и въ прежнемъ значеніи.

Когда въ 1821 году тульчинская дума объявила продолженіе союза съ республиканскою цѣлю, тогда видѣлся я съ княземъ Волконскимъ *прежде* контрактовъ 1822 года и, сказавъ ему о продолженіи союза, получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ также остается членомъ; а въ скорости потомъ увѣдомилъ онъ, *прежде* контрактомъ 1822 года, что и Давыдовъ остается въ обществѣ. При семъ было сказано, что цѣль остается та же самая—республиканская. Совершенно то же самое было объявлено и Сергѣю Муравьеву, когда онъ къ южному округу присоединился въ 1822, а не въ 1823 году.

Посему и остается непостижимымъ для меня, какъ они могли все это забыть и говорить, что въ 1823 году я *первый* предложилъ республику; особенно, какъ можетъ сіе говорить Сергѣй Муравьевъ, который самъ присутствовалъ въ коренной думѣ въ Петербургѣ въ 1820 году, когда республика была принята за цѣль общества и сія цѣль продолжалась послѣ продолженія общества, а не вновь составлялось нѣчто новое, передъ тѣмъ не бывавшее. Какъ въ 1822, такъ и въ 1823 году было разсуждаемо о республиканскомъ правленіи, и я при томъ объяснялъ свои мысли и свой планъ консти-

туціи; но все сіе не было тогда новое предположеніе, но разговоры о старомъ, давно уже въ Петербургѣ еще принятомъ и при возобновленіи общества продолженномъ. Название же Русской Правды далъ я моему плану конституціи въ 1824 году.

Бестужевъ могъ еще говорить, что отъ меня перваго слышалъ о республикѣ, хотя гораздо вѣроятнѣе, что первый ему говорилъ о томъ тотъ, который его въ общество принялъ, т. е. Сергѣй Муравьевъ; но что касается до Бярятинскаго, Ентальцова, Лихарева и обоихъ Поджію, то они ничего не могутъ показывать, что происходило между нами въ контрактахъ 1823 года: ибо ни одинъ изъ нихъ съ нами тогда не былъ, а были только: я, Юшневскій, Волконскій, Давыдовъ, Муравьевъ и Бестужевъ. О политическихъ же моихъ занятіяхъ сознался я самъ передъ комитетомъ во всѣхъ прежнихъ моихъ показаніяхъ.

Что касается до свиданія моего съ полковниковъ Тизенгаузенемъ, то оно происходило слѣдующимъ образомъ. По прїѣздѣ моемъ въ Бѣлоцерковъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга видѣлся я въ Бѣлоцеркви съ Сергѣемъ Муравьевымъ, Бестужевымъ, Швейковскимъ и Тизенгаузенемъ. Въ первый вечеръ не было разговора съ Тизенгаузенемъ объ обществѣ. На другой день, отъѣзжая, обѣдали мы всѣ четверо у Швейковскаго. Прежде, нежели, къ Швейковскому поѣхали; просили меня Бестужевъ и Муравьевъ въ разговоръ съ Тизенгаузенемъ прилагать много жару и говорить о началѣ дѣйствія въ 1825 году; ибо они мнѣ сказывали, что Тизенгаузенъ непременно ожидаетъ начала дѣйствія въ 1825 году. А имъ для управленія Васильковскими членами необходимо, чтобы и я въ семъ духѣ горорилъ съ Тизенгаузенемъ: ибо по его характеру сіе имъ нужно. Посему и исполнилъ я сіе, согласно ихъ желанію (показанія 6 апрѣля, п. 12).

Въ 24 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 217—218), вы отрицаете, что покушенія на жизнь всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамилии никогда предполагаемо не было, что предметъ сей заключался въ однихъ разговорахъ о трудности введенія новаго порядка вещей и что даже въ случаѣ принятія обществомъ республиканскаго правленія предполагалось императорскую фамилию перевести въ чужіе края.

Но князь Волконскій, Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ положительно говорятъ, что истребленіе всей императорской фамилии въ первые предложили на контрактахъ 1823 г. въ Кіевѣ, гдѣ Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій согласились съ вами. Бестужевъ одобрялъ истребленіе одного государя, а Сергѣй Муравьевъ не допускалъ онаго ни противъ кого; но послѣ смотра войскъ въ томъ же году въ бытность вашу въ деревнѣ Каменкѣ, у Давыдова предложеніе сіе было возобновлено, всѣми присутствовавшими единодушно принято и осталось господствующею цѣлью, какъ и республиканское правленіе.

Дѣйствительность сего предположенія въ особенности подтверждаютъ Бестужевъ-Рюминъ, Янтальцовъ и подполковникъ Поджію, дополняя изъ нихъ: первый, что при самомъ вступленіи Сергѣя Муравьева и его, Бестужева, въ общество вы предложили имъ присягнуть на истребленіе всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамилии, но они не согласились; потомъ же, согласивъ прочихъ членовъ на введеніе республики посредствомъ революціи, вы успѣли уговорить ихъ и на истребленіе всей императорской фамилии, убѣждая въ особенностяхъ тѣмъ, что если останутся

великіе князья, то неминуемо произойдетъ междоусобная война, что не только въ войскахъ, но и въ народѣ найдется много лицъ, которыя сдѣлаютъ частныя бунты или волненіе, и что воспрепятствовало бы ввести новыя порядки вещей. особенно въ провинціяхъ. и *второй*, что вы, уговаривая его къ содѣйствію въ намѣреніяхъ общества, отзывались съ сильнымъ негодованіемъ противъ всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи и явно показывали себя рѣшившимся покуситься на самую жизнь ихъ, утверждая, что средство сіе для революціи необходимо.

Въ 24 пунктѣ моихъ отвѣтовъ (стр. 217) говорилъ я не объ одномъ южномъ округѣ, но о цѣломъ обществѣ и объяснялъ, что истребленіе всей императорской фамиліи не входило въ планъ общества, главнѣйше, потому, что южное общество не могло бы даже сіе исполнить, ибо въ отдаленности находилось отъ мѣстопробыванія царствующей фамиліи, что такъ какъ мы должныствовали дѣйствовать въ согласіи и совокупности съ сѣвернымъ обществомъ и *оно* дѣйствія бы производило въ Петербургѣ, то при успѣхѣ зависѣло бы отъ него принятіе мѣръ въ отношеніи къ императорской фамиліи, и наконецъ, что сѣверное общество не рѣшилось еще единодушно въ избраніи образа правленія, ибо мнѣнія раздѣлялись между монархическимъ и республиканскимъ предположеніями. Я же считалъ дѣйствительнымъ планомъ общества только то, насчетъ чего была хоть вѣроятность, что уже перемѣнъ болѣе не послѣдуетъ.

Что же касается до упоминаемыхъ сужденій, то признательно сознаюсь, что между сказанными членами и мною они происходили и пригомъ являлся я въ сихъ разговорахъ не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними. Они же возлагаютъ на меня одного, яко дѣятельнѣйшаго директора, то, что со мною въ равной степени раздѣляли, и весьма многіе съ гораздо большею противъ моего рѣшимостью, какъ о томъ комитетъ вѣрно изволилъ самъ уже замѣтить. Но, впрочемъ, не въ оправданіе сихъ сужденій сіе говорю, въ коихъ мое полное участіе совершенно сознаю. Одна изъ главныхъ причинъ, почему столь много предметовъ мнѣ одному членами общества приписывается, состоитъ въ томъ, что бывши предсѣдателемъ долженъ я былъ всякій предметъ на сужденіе предлагать и, слѣдовательно, первый его называть.

Ентальцовъ съ жестокою несправедливостью говоритъ, будто бы я себя показывалъ рѣшившимся покуситься на самую жизнь особъ императорской фамиліи. Я никогда сей рѣшимости не показывалъ и никогда бы не былъ въ состояніи таковое дѣйствіе предпринять, и кто меня хоть нѣсколько только зналъ и справедливимъ быть захочетъ, тотъ вѣрно подтвердитъ сіи слова мои. Отъ сужденій до совершеній весьма далеко (показанія 6 апрѣля, п. 13).

Дополнительныя показанія 8 апрѣля 1826 года по вопросамъ комитета въ разъясненіе пункта 3-го отвѣтовъ 13 января (см. выше, стр. 207—211).

Когда я возвратился изъ Петербурга въ 1820 году, въ концѣ мая или началѣ іюня, тогда тульчинская Дума не имѣла еще сво-

ихъ засѣданій устроенными и не имѣла ни предсѣдателя, ни блюстителя. Бурцовъ и я, какъ коренные члены, завѣдывали прочими членами. Устроеніе засѣданія думы завелось въ концѣ 1820 года, мѣсяца за два или полтора до назначенія Московскаго съѣзда.

Во время моего возвращенія изъ Петербурга не принадлежали еще къ обществу Бассаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюкова. Касательно Аврамова не припомню въ точности, былъ ли онъ тогда уже принятъ или нѣтъ. Всѣ сіи лица поступили въ общество въ теченіе лѣта 1820 года, до сентября мѣсяца.

Приѣхавъ изъ Петербурга, сообщилъ я о заключеніи Коренной Думы насчетъ республиканскаго правленія Юшневскому, Вольфу, Ивашеву, Комарову и Бурцову, а потомъ узнали о семъ заключеніи также и Аврамовъ, Бассаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюковы, когда были въ общество приняты. Объявить же именно, въ какое время кому было сіе извѣстіе сообщено, я никакъ не могу, ибо о таковыхъ подробностяхъ не въ силахъ вспомнить. Также, было ли сіе каждому изъ нихъ первоначально сообщено лично мною, или къмъ изъ другихъ членовъ, никакъ припомнить не могу, но очень помню, что каждый изъ нихъ зналъ о семъ до устройства засѣданій Думы, а слѣдовательно, и до отъѣзда еще Бурцова и Комарова въ Москву. Никто не противорѣчилъ сему заключенію Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывалъ сомнѣніе въ возможности ввести въ Россію республиканское правленіе.

Постановленіями общества послѣ его возобновленія опредѣлены были три степени: бояре, мужья и братья; друзьями назывались члены приготавливаемые, но еще не приняты: братьямъ объявляться долженствовало просто намѣреніе ввести новый конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; мужамъ—открывать цѣль республиканскаго правленія. Притомъ могъ вновь принимаемый членъ поступать прямо въ мужи, минуя степень братьевъ, если по образу своихъ мыслей былъ склоненъ къ принятію республиканскаго правленія за цѣль. Всѣ члены тульчинской, каменской и всѣ, мнѣ извѣстные, васильковской управъ знали о цѣли республиканскаго правленія. Изъ сего числа исключую подполковника Фаленберга и маіора Мартынова, о коихъ не могу я сего утверждать, ибо навѣрное не знаю.

Въ отвѣтахъ на вопросы 13 января (стр. 214—216) показывалъ я, что два главныя предположенія существовали; изъ коихъ одно заключалось въ томъ, что первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ столицѣ чрезъ сѣверное общество, коему южное всѣми силами содѣйствовало бы; а второе заключалось въ томъ, что главное и первоначальное дѣйствіе революціи должно было начаться въ арміи, а содѣйствіе и дѣйствіе по столицѣ производилось бы сѣвернымъ обществомъ. Я здѣсь называю главнымъ и первоначальнымъ дѣйствіемъ: открытіе революціи съ упраздненіемъ престола. Тульчинская Дума при возобновленіи союза предполагала первый образъ дѣйствія, а не второй, и такъ была увѣ-

рена, что и въ Петербургѣ общество будетъ продолжаться, что третьимъ предсѣдателемъ выбрала Никиту Муравьева, который, проѣзжая Тульчинъ въ 1820-мъ году, познакомился тогда почти со всѣми тульчинскими членами. Его назначеніе въ предсѣдателя пришло потомъ само собою въ забвеніе.

Аврамовъ, Юшневскій, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, Бассаргинъ, к. Барятинскій и Вольфъ раздѣляли всё со мною и цѣль, и способы достиженія ея, и единогласно всё безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали всё въ засѣданіи Думы и участвовали всё въ возобновленіи общества и въ совѣщаніи о цѣли и способѣ достиженія оной. Засѣданія сіи происходили у меня на квартирѣ, и одно ли или два ли оныхъ было, сего по истинѣ не припомню: но ежели и было два, то въ два дни одинъ за другимъ непосредственно послѣдующихъ, въ которые и было все рѣшено (показанія, 8 апрѣля, п. 1).

Въ 13 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше стр., 216) вы *признательно сознаетесь*, что упоминаемая въ вопросѣ сужденія между сказанными членами и вами происходили и при томъ въ разговорахъ ихъ вы являлись не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними, но не объясняете положительно ни времени, ни мѣстъ, гдѣ сужденія сіи происходили, ни того, кто первый начиналъ таковыя; или дѣлалъ предложеніе, кто дѣйствительно въ тѣхъ сужденіяхъ участвовалъ, и предъявляли ли вы причины, требованія предлагаемаго истребленія, о коихъ показываетъ Бестужевъ. Ибо наименованныя въ вопросѣ лица *первое соотчаніе* о семъ предметѣ относятся къ контрактамъ 1823 года въ Кіевѣ, гдѣ присутствовали вы, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ послѣдніе двое были противнаго мнѣнія, а *второе (соотчаніе)* утверждаютъ бывшимъ въ Каменкѣ у Давыдова, гдѣ находились вы, Давыдовъ, князь Волконскій, С. Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ по словамъ Волконскаго, предложеніе, въ первомъ совѣщаніи вами сдѣланное, было возобновлено тѣмъ самымъ Муравьевымъ, который прежде оному противился. Слѣдственно точное опредѣленіе времени, мѣстъ и наименованіе предлагавшихъ и согласившихъ лицъ здѣсь совершенно необходимо.

Князь Волконскій объявилъ мнѣ въ теченіе 1821 года, какъ о томъ, что онъ самъ остается членомъ общества, такъ чрезъ нѣкоторое время и о томъ, что Давыдовъ остается членомъ общества. На контрактахъ 1822 года присоединился къ намъ и Сергѣй Муравьевъ. Въ сіе время контрактовъ 1822 года начались уже упоминаемая въ 13 пунктѣ (стр. 215) сужденія, и такъ такъ мы въ то время болѣе разсуждали о республикѣ, а гораздо менѣе о революціи, то и забывали о томъ, можетъ быть, сказанные члены. Не менѣе того было о томъ уже и въ 1822 году разсуждаемо; при чемъ к. Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій и я, мы въ мнѣніяхъ нашихъ были согласны, а Сергѣй Муравьевъ яснаго образа мыслей не показывалъ, болѣе обращая разговоръ на планъ правленія и общество. Въ 1823 году присутствовалъ при сихъ же сужденіяхъ и Бестужевъ-Рюминъ. Въ сіе время сказанныя сужденія производились съ большею силою и долѣе. С. Муравьевъ объявлялъ тутъ противное мнѣніе, а Бестужевъ разсуждалъ противъ одного Госу-

даря Императора. Въ сихъ двухъ свиданіяхъ (какъ мною, кажется, сказано въ 13 пунктѣ отвѣтовъ), предлагалъ я, какъ предсѣдатель, предметы на сужденіе, ибо членами тутъ присутствовавшими былъ избранъ въ предсѣдатели на время сужденій объ обществѣ, о цѣли его и о способахъ дѣйствія.

Третье сужденіе между мною, Давыдовымъ, кн. Волконскимъ, С. Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ у Давыдова въ ноябрѣ 1823 года. Въ сіе время объявилъ Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ Рюминъ, что они мнѣнія свои переѣмнили и нынѣ совершенно также судятъ, какъ и мы, прочіе, судили на контрактахъ 1823 года. О семъ начали говорить они, и кажется, что именно С. Муравьевъ, а потомъ участвовали и мы всѣ осталь- въ семъ разговорѣ, продолжая держаться прежнихъ нашихъ сужденій контрактовъ 1823 года.

Предъявлялъ ли я, во время сихъ сужденій, тѣ именно причины, о коихъ упоминаетъ Бестужевъ, или нѣтъ, сіе въ точности припомнить не могу; но впрочемъ, можетъ быть, что и упоминалъ и предъявлялъ оныя. Каждый изъ членовъ, присутствовавшихъ на сихъ сужденіяхъ, предъявлялъ свои причины, коихъ я ни исчислить, ни припомнить не могу, потому что говорилось многое, и что я всегда держался заключенія въ мнѣніи и сужденіи, не сохраняя въ памяти различныхъ толковъ до оныхъ доводящихъ; но повторяю, что очень могъ сказанныя причины предъявлять, о коихъ я не упомянулъ въ особенности въ отвѣтѣ на 13 пунктъ, (стр. 221) потому что въ семъ отвѣтѣ сознавался въ томъ, что вообще сужденія, въ вопросѣ названнаго, происходили между мною и названными членами (показанія 8 апрѣля, п. 2).

Изъ данныхъ вами здѣсь отвѣтовъ (см. выше стр. 209) видно, что тайное общество предполагавшее Императорскую фамилію перевести въ чужіе края, имѣло въ семъ случаѣ надежду на здѣшній флотъ, съ чиновниками коего былъ въ сношеніяхъ Рылѣевъ; а нѣкоторые изъ членовъ показываютъ, что участіе флота должно было имѣть цѣлію воспрепятствовать отъѣзду священныхъ особъ Царствующей фамиліи изъ Россіи; и потому поясните сіи два обстоятельства сколь можно опредѣлительнѣе, также, на чемъ именно основывалась сія надежда, т. е. кто изъ чиновниковъ флота былъ готовъ содѣйствовать намѣреніямъ общества? имѣло ли оно на сіе какія удостовѣренія, въ чемъ оныя состояли, и какія мѣры предназначались къ совершенію такого предпріятія?

Членъ общества Рылѣевъ имѣлъ сношенія съ чиновниками здѣшняго флота, изъ коихъ онъ нѣкоторыхъ принялъ въ общество, но сколько и кого именно, я не знаю, ибо ни одного имени ни разу не слышалъ. Сіи сношенія Рылѣева происходили съ флотомъ еще въ 1824 году, а послѣ того сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что сіи сношенія идутъ съ хорошимъ успѣхомъ. Ему же о семъ говорилъ пріѣзжавшій не за долго передъ симъ въ Кіевъ отставной полковникъ Брыгинъ (фонъ деръ Бригенъ), служившій прежде въ л.-гв. Измайловскомъ полку, членъ тайнаго общества по Сѣверному Округу.

Мѣры для препровожденія Императорской фамиліи въ чужіе края состояли бы въ томъ, что назначенный для того корабль

подошелъ бы Невою ко Дворцу, принялъ бы всѣхъ особъ Императорской фамилии и перевезъ бы ихъ въ чужіе краи. Впрочемъ, о подробностяхъ сего дѣйствія не было еще говорено.

Если бы флотъ не былъ на нашей сторонѣ, то могъ бы содѣйствовать къ тому, чтобы при отбытіи по собственной волѣ особъ Императорской фамилии въ чужіе краи, вся казна, въ Петербургской крѣпости сохраняемая, также увезена была. О сей казнѣ слухи носились, что она чрезвычайно значительна и потому желали оную непремѣнно сохранить. Имѣя уже флотъ на своей сторонѣ, общество надѣялось, что сіе не могло бы произойти. Вотъ единственная причина, какъ я полагаю, почему нѣкоторые члены могли сказать, что флотъ долженствовалъ препятствовать отбытію особъ Императорской фамилии въ чужіе краи. Сіе обстоятельство служитъ доказательствомъ, какъ я справедливо говорилъ, что въ умахъ членовъ общества понятія о цѣли и дѣйствіяхъ, особенно касательно подробностей, весьма еще сбивчивы и неопредѣлительны, и что каждый еще толкуетъ по своему, принимая иногда, какъ въ семь напимѣръ случаѣ, гадательное предположеніе за намѣреніе и цѣль. (Показанія 13 января п. 48).

VI. Сношеніе Южнаго Общества съ Сѣвернымъ.

Какого рода были тѣ предложенія, кои были сдѣланы Сѣверному обществу отъ Южнаго посредствомъ васъ, князя Сергѣя Волконскаго, Василія Давыдова и полковника Швейковскаго? Когда и какіе получены были отзывы, и почему вы утверждаете, что общества сіи тотчасъ соединились между собою?

Я утверждалъ, что Сѣверное и Южное общество составляютъ одно потому, что они оба суть продолженіе Союза Благоденствія, что въ самой начальной перепискѣ съ Никитою Муравьевымъ мы себя признавали за одно общество, что оба округа имѣли твердое намѣреніе не иначе дѣйствовать, какъ вмѣстѣ, что когда я былъ въ 1824 году въ Петербургѣ, то отъ всѣхъ членовъ слышалъ, что никогда не считали иначе наши два округа, какъ отдѣленія одного и того же общества, и что всѣ сѣверные члены прибывавшіе въ Южный Округъ, были всегда изъ Петербурга къ намъ адресованы, какъ наши члены и точно также нами были принимаемы.

Полковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученія не было дано. Князь Сергѣй Волконскій и Василій Давыдовъ ѣздили по своимъ дѣламъ и при семъ случаѣ имѣли порученіе сообщить о происходящемъ у насъ и освѣдомиться о происходящемъ у нихъ. Отзывы, чрезъ нихъ полученные, состояли въ томъ, что у нихъ дѣла идутъ своимъ чередомъ, что число членовъ по возможности умножается и что особеннаго происшествія никакого не случилось. Я ѣздилъ въ Петербургъ по своимъ же дѣламъ, видѣлся съ членами и имѣлъ съ ними разговоры объ обществѣ, о членахъ и преимущественно о необходимости рѣшить окончательнымъ образомъ всѣ подробности цѣли, дабы перестать ходить въ туманѣ. Разговаривали и опять разъѣхались (показанія 13 января, п. 32).

На вопросъ о сношеніяхъ, какія Южное общество имѣло съ Сѣвернымъ, вы отозвались, что князь Волконскій, Давыдовъ и вы сами, ѣздивши въ Петербургъ по дѣламъ своимъ, видѣлись съ тамошними членами, поговорили — и разѣхались, но умалчиваете, какъ о томъ, въ чемъ состояли взаимныя переговоры ваши, такъ и о князѣ Барятинскомъ, имѣвшемъ отъ васъ порученіе, подобно Волконскому и Давыдову

Между тѣмъ, показаній князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя и Матвѣя Муравьева, князя Барятинскаго, подполковника Поджіо и Бестужева-Рюмина извѣстно:

1) Что князь Барятинскій, бывшій въ Петербургѣ въ 1823 году, имѣлъ отъ Васъ къ Никитѣ Муравьеву письмо, которымъ, извѣщая о послѣднихъ предположеніяхъ Южнаго Общества (республика и истребленіе Императорской фамилии), вы требовали отъ него рѣшительнаго увѣдомленія: какія прибрѣтены успѣхи въ приемѣ членовъ, на какія силы Сѣверное общество надѣется, отвѣчаетъ ли Муравьевъ за оныя и будутъ ли готовы къ началу дѣйствій по первому вашему требованію? Муравьевъ, медлившій отвѣтомъ на сіе, говорилъ младшему Поджіо: „на Югѣ Богъ знаетъ, что затѣваютъ — хотятъ всѣхъ“, однако же по настоянію Барятинскаго писалъ къ вамъ тогда же съ нимъ. 2) Что князь Волконскій и Давыдовъ также имѣли отъ васъ письма къ Никитѣ Муравьеву, и доставили къ вамъ на оныя отвѣты его. По словамъ ихъ, цѣль сношеній съ Муравьевымъ была соединеніе Сѣвернаго и Южнаго общества. 3) Что Волконскій, узнавъ отъ князя Оболенскаго о успѣхѣ Сѣвернаго общества въ приготовленіи нижнихъ чиновъ многихъ гвардейскихъ полковъ къ цѣли его, передалъ сіе Тульчинской Директоріи. 4) Что по увѣренію князя Волконскаго предсѣдателя Сѣверной управы (въ бытность Вашу въ Петербургѣ), хотя не явно для всѣхъ членовъ, но рѣшительно положили дѣйствовать единодушно съ обществомъ Южнымъ. 5) Что по словамъ его же, князя Волконскаго, и подполковника Поджіо, Сѣверная управа (во время бытности вашей въ Петербургѣ въ 1824 году) приняла преступное предположеніе Южнаго общества, въ Кіевѣ начатое, а въ Каменкѣ у Давыдова утвержденное въ 1823 году, о введеніи республиканскаго правленія силою и о истребленіи всей Императорской фамилии. 6) Что по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга въ 1824 году вы удостовѣрительно рассказывали младшему Поджіо, Лореру и Майбородѣ: а) Что хотя въ сношеніяхъ вашихъ съ сѣверными членами и много встрѣтили сопротивленія, но, наконецъ, вы успѣли согласить ихъ на всѣ свои предположенія, ударивъ по столу рукою и сказавъ имъ рѣшительно: „такъ будетъ же республика“ и б) Что хотя также много спорили въ Петербургѣ противъ написанной вами Русской Правды, а нѣкоторые не соглашались на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, но силою доводовъ своихъ вы убѣдили сѣверныхъ членовъ принять вашу Конституцію и согласиться на все безъ изъятія, и что Никита Муравьевъ долженъ былъ сжечь Конституцію, имъ написанную.

Здѣсь объясните съ полнымъ чистосердечіемъ:

а) Въ чемъ именно заключались письма ваши къ Никитѣ Муравьеву, посланная съ Волконскимъ, Давыдовымъ и Барятинскимъ, и какого содержанія были привезенные ими отвѣты Муравьева, а Волконскимъ отъ кн. Оболенскаго? б) Когда, гдѣ и кто именно изъ членовъ Сѣвернаго общества приняли предположенія Южнаго Общества о введеніи въ государствѣ республики и о истребленіи всей Императорской Фамилии и были ли со стороны ихъ извѣщены о томъ всѣ прочіе? в) Подобно сему, кто именно изъ предсѣдателей Сѣверной Управы рѣшительно условился съ вами дѣйствовать единодушно, какія между вами предназначены мѣры къ началу дѣйствій и гдѣ должны были оныя открыться. г) Кто изъ сѣверныхъ членовъ оспаривалъ введеніе русской правды, и кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны? д) Гдѣ именно происходило то совѣщаніе, въ которомъ вы, ударивъ по столу, сказали рѣшительно „такъ будетъ же республика“? кто изъ сѣверныхъ членовъ тутъ присутствовалъ? е) Кромѣ письма, посланнаго съ Давыдовымъ къ Муравьеву, какія именно еще поручены были ему отъ Васъ бумаги?

Первое мое письмо къ Никитѣ Муравьеву, посланное съ княземъ Волконскимъ, ничего не заключало особеннаго. Я его просилъ быть откровеннымъ съ княземъ Волконскимъ и сообщить намъ о своихъ дѣйствіяхъ. Съ отвѣтомъ отъ Муравьева привезъ князь Волконскій начатую Муравьевымъ конституцію, о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ея въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь вступающихъ членовъ: *comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes*, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей. Наконецъ, когда князь Барятинскій ѣхалъ въ Петербургъ въ 1823 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, находился я въ Липовцѣ съ ротою для встрѣчи г. Главнокомандующаго, передъ которымъ ѣхалъ Барятинскій. А по сему и успѣлъ я въ скорости только нѣсколько словъ къ Муравьеву написать. Я его просилъ откровенно говорить съ Барятинскимъ и упрекалъ въ недѣятельности, говоря, что лучше совсѣмъ разойтись, нежели бездѣйствовать и все таки опасностямъ подвергаться. Съ Барятинскимъ онъ на лоскуткѣ мнѣ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все, что только можно. Къ князю Оболенскому я ни разу не писалъ, но отъ него въ 1823 году получилъ отъ князя Волконскаго письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что дѣла идутъ хорошо, что дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ, особенно унтеръ-офицеровъ, и просилъ ускорить присылкою Русской Правды.

Въ бытность мою въ Петербургѣ видѣлся я преимущественно съ тремя директорами. Никита Муравьевъ мнѣ тутъ говорилъ, какъ и прежде писалъ, доставляя начало своей конституціи, что монархическія формы имъ ей даны, ради вновь вступающихъ членовъ; при чемъ отзывался съ сильнымъ негодованіемъ о лицахъ Императорской фамиліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ разныя статьи моего конституціоннаго предположенія. Оболенскаго, имѣвшаго прежде еще сношенія съ Матвѣемъ Муравьевымъ, нашелъ я болѣе всѣхъ на республику согласнымъ. Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ея. Нарышкина видѣлъ я только одинъ разъ у кн. Оболенскаго, и онъ такъ мало говорилъ, что настоящей его образъ мыслей остался мнѣ неизвѣстнымъ. Съ Рылѣвымъ видѣлся я только одинъ разъ и говорили про одно только раздѣленіе земель. Съ Тургеневымъ имѣлъ я также только одно свиданіе и предметъ разговора былъ раздѣленіе земель, противъ котораго онъ спорилъ, но впрочемъ, былъ въ республиканскомъ образѣ мыслей. Съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Свистуновъ, Анненковъ (всѣ четверо кавалергардскіе офицеры) и артиллерійскій Кривцовъ были со мною ознакомлены чрезъ Матвѣя Муравьева и находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ.

За всѣми сими разногласіями и по опыту частой перемѣнчивости членовъ долженъ былъ я заключить, что ни цѣль, ни средства въ ихъ мнѣніяхъ не имѣютъ единства, а слѣдовательно, что сіи два предмета, какъ я прежде говорилъ, не дошли еще до созрѣлости. Условіе о единственномъ дѣйствіи было заключено со всѣми тремя директорами, при чемъ замѣчались нѣкоторые оттѣнки: единодушнѣ всѣхъ съ к. Оболенскимъ, а менѣе всѣхъ съ Никитою Муравьевымъ. Съ Трубецкимъ говорили, между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ. Со всѣми же тремя положено было, что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и, обратно, они насъ. Если же необходимости не встрѣтится, то передъ приступомъ къ дѣйствію должно было предшествовать взаимное соглашеніе, по которому и рѣшится тогда, *идти, какъ и что* дѣлать. При семъ было говорено и объ объявленіи чрезъ сенатъ новаго порядка вещей. О сообщеніи ими сего заключенія прочимъ членамъ остался я въ безвѣстности, но сказывали они, что оно будетъ сдѣлано.

Прежде еще приѣзда моего былъ Никита Муравьевъ принужденъ сжечь свою конституцію, и онъ же спорилъ наиболѣе противъ моей, особенно противъ избирательной системы и раздѣленія земель. Трубецкой спорилъ преимущественно противъ Временнаго Правленія. Русская Правда не была тогда еще начата, и я тутъ вознамѣрился ее написать; къ чему особенно меня приглашалъ кн. Оболенскій и Матвѣй Муравьевъ. Тогда же и началъ я краткія ея начертанія.

Что же касается до того, кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то сколько себѣ не припоминаю, и сколько бы ни желалъ припомнить, но никакъ не могу придумать, не только кто этотъ былъ, но даже и чтобы о томъ была рѣчь. И потому не смѣшивааетъ ли членъ, сіе показывающій, это обстоятельство съ тѣмъ случаемъ, что Глинка въ 1820 году предлагалъ Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, а не республику.

У Оболенскаго на квартирѣ съѣхались къ нему Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Нарышкинъ и я. Главнымъ предметомъ разговора было Временное Правленіе, противъ котораго говорили наиболѣе Трубецкой, а также и Никита Муравьевъ. Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ до самаго конца, какъ ударилъ рукою по столу и всталъ, но не произнося сказанныхъ словъ, ибо въ то именно время происходило разногласіе о Временномъ Правленіи. Говорили и о прочихъ предметахъ, но ничего не положили на мѣру; и потому доносилъ я комитету, что разговаривали и разѣхались.

Содержаніе письма моего, къ Никитѣ Муравьеву чрезъ Давыдова посланнаго, имѣлъ я честь комитету въ началѣ сего пункта объяснить. Другая же бумага, которую имѣлъ Давыдовъ, была краткое начертаніе Русской Правды, написанное на французскомъ языкѣ рукою Сергѣя Муравьева. Онъ ее взялъ, дабы показать графу По-

линяку съ тѣмъ, чтобы сей, имѣвъ о ней свѣдѣніе, могъ извѣстить насъ, находится ли сходство у нея съ французскими предначертаніями, и даже о ней говорить во Франціи, если сойдется съ французскимъ тайнымъ обществомъ (показанія 6 апрѣля, п. 18).

Комитету извѣстно, что подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль по порученію же Южнаго Общества весьма продолжительно жилъ въ Петербургѣ (1823 и 1824) и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ какъ съ членами Сѣвернаго общества, такъ и съ прїѣзжавшими туда южными. Поясните: какіе имѣлъ онъ порученія отъ Южной Директоріи, съ кѣмъ изъ Сѣверныхъ членовъ, какіе производилъ переговоры и какіе пріобрѣлъ онъ тамъ успѣхи въ дѣлѣ, на него возложенномъ?

Порученіе, Матвѣю Муравьеву данное, состояло въ содержаніи связи между Южнымъ и Сѣвернымъ округами, въ совмѣстномъ дѣйствіи и въ пріобрѣтеніи членовъ. Наболѣе имѣлъ онъ сношенія съ тремя директорами и съ членами, въ предъущемъ пунктѣ мною названными, а подъ конецъ особенно съ Оболенскимъ. Успѣховъ пріобрѣлъ онъ очень мало. Все сіе относится до времени прежде моего прїѣзда въ Петербургъ и во время пребыванія. Но что онъ дѣлалъ послѣ отъѣзда моего, о томъ онъ ничего мнѣ не сообщалъ ни самъ, ни чрезъ другихъ. А писалъ нѣсколько разъ ко мнѣ съ одними увѣреніями въ своей преданности къ обществу и его цѣли (тоже п. 19).

Князь Трубецкой показываетъ, что въ послѣднюю бытность въ Петербургѣ вы уговаривали его войти третьимъ членомъ въ главное управление съ тѣмъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то онъ, Трубецкой, и вы будете дѣйствующими, но въ этомъ случаѣ Трубецкой долженъ былъ дать клятву дѣлать все, что товарищъ захочетъ, и повиноваться одинъ другому не связывая. Рылѣевъ же и младшій Поджіо поясняютъ, что сѣверные члены, отвергая Русскую Правду, опасались честолюбивыхъ вашихъ видовъ, или стремленія къ диктаторству, ибо вы требовали отъ нихъ слѣпого повиновенія одному Директору. Объясните: что побуждало васъ къ приведенному выше соглашенію князя Трубецкаго? и дѣйствительно ли вы требовали отъ сѣверныхъ членовъ того слѣпого повиновенія, о которомъ говорятъ Рылѣевъ и Поджіо?

Я говорилъ князю Трубецкому, что Южная Директорія состоитъ изъ двухъ членовъ, которые не клятву дали, но взаимно другъ друга разрѣшили (поелику въ разныхъ мѣстахъ находятся) дѣйствовать въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, именемъ директоріи безъ предварительнаго между собою сношенія, въ полной увѣренности, что другой членъ подтвердитъ его дѣйствіе и что при составленіи одной общей директоріи таковыя же отношенія и взаимныя разрѣшенія (а не клятвы) могли бы съ пользою установиться и между южнымъ и сѣвернымъ отдѣленіями директоріи. Одна общая директорія придавала бы болѣе связности и единодушія обществу, а упоминаемое взаимное разрѣшеніе необходимо бы было для хода общества, ибо за отдаленностью не было бы возможности ожидать случая для сношенія.

Я никогда не требовалъ отъ сѣверныхъ членовъ *слѣпого* повиновенія *одному* директору, а предлагалъ имъ составить одну общую

Юрій Николаевич
БОГДАНОВИЧЪ (КОБОЗЕВЪ).

директорію. Они отозвались, что южные директоры назначены непремѣнные, а сѣверные на три года, и потому по окончаніи сихъ трехъ лѣтъ можно будетъ приступить къ составленію одной общей директоріи. Южный округъ имѣлъ уже двухъ непремѣнныхъ директоровъ, слѣдовательно, по одной сей уже причинѣ не могъ я предлагать для всего общества только одного. Слѣпого повиновенія я также никогда не требовалъ, но говорилъ, что надобно единство въ дѣйствіи и порядокъ въ устройствѣ общества. Ихъ же директоры жаловались, что нѣтъ достаточнаго порядка за неимѣніемъ должнаго вліянія у директоріи надъ членами. Честолюбія моего напрасно они опасались, если справедливо, что имѣли сіе опасеніе, по словамъ Рылѣва и Поджію, ибо отклоненіе себя отъ главныхъ должностей и намѣреніе по окончаніи революціи удалиться отъ свѣта не суть черты честолюбца. О семъ же самъ Поджію показываетъ (тоже п. 17).

Н. П. Сильванскій.

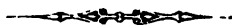
(Продолженіе слѣдуетъ).

Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ.

(13 іюля 1826 года).

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, наблюдавшій 13 іюля 1826 года за исполненіемъ казни надъ декабристами, въ тотъ же день подалъ императору Николаю Павловичу слѣдующее донесеніе:

„Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было немного. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнью устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ трое, а именно: Рылѣвъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу“.

Изъ бумагъ, взятыхъ при арестѣ Н. Г. Чернышевскаго.

2-го марта 1862 г., въ присутствіи многочисленной публики, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ Фондомъ, извѣстный профессоръ П. В. Павловъ, одинъ изъ основателей русскихъ воскресныхъ школъ, произнесъ рѣчь по поводу исполнившагося тысячелѣтія Россіи, а 5 марта его уже выслали за это въ Ветлугу. — Тогда рѣшено было прекратить чтеніе систематическихъ лекцій въ залахъ Думы и этимъ выразить посильный протестъ по адресу правительства. — Нѣкоторые профессора, и въ томъ числѣ извѣстный Н. И. Костомаровъ, не согласились на это. Молодежь собралась 8-го марта на его лекцію и на заявленіе Н. И. о своемъ рѣшеніи продолжать курсъ отвѣтила скандаломъ... Большинство его коллегъ рѣшило тоже читать. Такъ или иначе, а надо было уладить возможность уже нѣсколькихъ и большихъ скандаловъ. За это взялся Чернышевскій.

Нѣсколько бумагъ, захваченныхъ при его арестѣ, позволяютъ ознакомиться, какъ съ его ролью въ этой „думской исторіи“, такъ и съ деталями послѣдствій самой „исторіи“.

Прежде всего письмо профессора И. Е. Андреевскаго къ Чернышевскому отъ 17 марта (1862 г.). Андреевскій отказался отъ предложенія Н. Г. „быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами“, потому что самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и находилъ недостаточно удобнымъ „формальный юридическій способъ“, предлагаемый Чернышевскимъ для разъясненія разногласій о причинѣ прекращенія лекцій.

На другой день Чернышевскій отвѣтилъ Андреевскому:

„М. Г. Иванъ Ефимовичъ, Изъ Вашего отвѣта на мое письмо отъ 17 марта я долженъ вывести слѣдующее заключеніе:

„Разъясненіе формальной стороны дѣла о прекращеніи лекцій было бы невыгодно для профессоровъ, читавшихъ лекціи;

„еслибы Вы не находили этого, Вы, вѣроятно, не затруднились бы сообщить имъ желаніе, выраженное въ моемъ письмѣ.

„Этотъ выводъ такъ натурален, что я буду считать его вѣрнымъ, пока не будетъ доказано противное, и присваиваю себѣ формальное право публично выражать это мнѣніе.

„Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Н. Чернышевскій.

18 марта
1862.

Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснитъ существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовилъ для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое: Вотъ они: „1) Было ли во вторникѣ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д.

Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?*

Наконецъ, четвертый документъ, заинтересовавшій потомъ слѣдственную комиссію — очень любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому.

Вотъ оно:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко запали въ душу Ваши слова... да, мы были когда-то друзьями ¹⁾. Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшился и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мин. и. просвѣщенія.

„Проходите, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы говорили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, все таки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо; мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Проходите, Николай Гавриловичъ, мы, дѣйствительно, были когда-то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ нашемъ Свисткѣ ²⁾ какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно іезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два-три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалѣю. И, однако, мнѣ ужасно грустно, такъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно, первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постигъ ихъ могли за свистки, ругательства и бросаніе яблоками, какъ они обѣщали? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ *общественныхъ дѣятелей*? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошlostью потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ; мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребячій фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадется подъ руки? Неужели не было бы лучше, если бы лекціи продолжались и публика пріучалась къ серьезному, живому, свободному слову. Утвердились бы онѣ въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычай, послѣ вошло бы въ обычай говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотри съ такой точки зрѣнія я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднятъ его; я возобновлялъ свои лекціи, за мною уже готовились дѣлать три человѣка; можетъ быть, снова все связалось бы, все пошло бы по прежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ

¹⁾ Въ Саратовѣ, до пріѣзда Чернышевскаго въ Петербургъ.

²⁾ Издавался при „Современникѣ“.

свое убѣжденіе: можетъ быть, ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ, говорю, что думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы право не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлать Третье Отдѣленіе“.

Объ этомъ письмѣ, воспроизводимомъ нами съ подлинника, рассказываетъ кое-что въ своей книжкѣ Л. Ф. Пантелѣевъ (стр. 217—218 „Изъ воспоминаній прошлаго“). Въ біографіи Костомарова оно, несомнѣнно, должно имѣть очень большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи... Прочитавшіе въ книгѣ г. Пантелѣева главу „Думская исторія“ и соответствующее мѣсто изъ „Автобіографіи Костомарова“ поймутъ, какъ цѣнно это письмо.

Мих. Лемне.

Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—84 гг. ¹⁾

Конецъ 80-го года былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для петербургскихъ рабочихъ. Наступила безработица, въ особенности на механическихъ заводахъ. Каждую недѣлю сотнями увольняли народъ, выбрасывали на улицу. Съ утра до вечера громадныя толпы народа стояли у воротъ заводовъ, гдѣ еще не рассчитывали. Но такихъ заводовъ было мало. Едва показывался въ воротахъ мастеръ, механикъ или управляющій, какъ его осаждали со всѣхъ сторонъ: нѣтъ ли мѣста для токаря, не нуженъ ли слесарь, столяръ, кузнецъ, литейщикъ? На всѣ вопросы раздавался одинъ отвѣтъ: своихъ увольнять будемъ. На слѣдующій день появляется новая толпа. Тѣ же вопросы и тотъ же отвѣтъ. А петербургская зима на-двигается, грязь, слякоть, дожди уступаютъ мѣсто морозу. Рѣзки пронзительный вѣтеръ свиститъ во всѣхъ закоулкахъ, пробираетъ до костей обносившійся полуголодный людъ. Теплая, лучшая одежда или въ закладъ, или продана. У рабочаго человѣка денежныхъ сбереженій не было и тогда, хотя въ тѣ времена заработная плата выше нынѣшней. Трудно жилось безработнымъ, плохо чувствовали себя и тѣ, которые сидѣли на мѣстахъ. Одни трепетали, что завтра или черезъ недѣлю ихъ постигнетъ та же участь—очутиться на улицѣ, другіе сознавали ни на чемъ не основанное свое привилегированное положеніе и какъ бы стыдились его, при видѣ выброшенной на улицу толпы, но утѣшали себя надеждой, что вот-вотъ прекратится безработица. Не вѣчно же будетъ она длиться. Но проходили недѣли, мѣсяцы, заводы пустѣли. Надо что-либо предпринимать! «Не собратся ли всѣмъ, да не двинуться ли къ Зимнему дворцу съ требованіемъ работы?»—предлагали одни. «Не работы требовать, а всего»... возражали другіе. Эта мысль нравилась многимъ и стала проникать въ среду безработныхъ, между которыми постоянно сновали уличные шпіоны, прислушиваясь къ разговорамъ. Трудно сказать, чѣмъ кончились бы эти разговоры.

¹⁾ Брошюра подъ такимъ названіемъ уже была издана (безъ имени автора) — границы въ 1905 году. Мы перепечатаемъ ее въ очень дополненномъ фактически данными и переработанномъ авторомъ видѣ. *Ред.*

но въ противовѣсъ имъ всплыло новое средство на одномъ изъ заводовъ—на Балтійскомъ. Сами рабочіе обратились къ управляющему съ предложениемъ принять уволенныхъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы сократить для всѣхъ рабочихъ день до 3 четвертей рабочаго дня. Сначала къ этому предложенію отнеслись равнодушно, но черезъ нѣсколько дней рассчитанные были снова приняты. Затѣмъ и на другихъ заводахъ рабочіе были приняты; казалось, что безработица идетъ къ концу.

Нѣкоторые революціонные кружки рабочихъ сожалѣли о пропущенномъ моментѣ, но уже было поздно.

Такіе кружки существовали почти на всѣхъ крупныхъ заводахъ въ Петербургѣ, вели пропаганду, заводили связи на фабрикахъ, которые въ то время мало были затронуты революціоннымъ духомъ. Этотъ пробѣлъ замѣчался всѣми. Интеллигентные люди, занимавшіеся съ рабочими, указывали на это обстоятельство и настаивали на необходимости привлечь фабричныхъ рабочихъ. Не знаю какъ теперь, а въ то время въ отношеніяхъ заводскихъ рабочихъ къ фабричнымъ замѣчалось какое-то высокомеріе. Заводскіе рабочіе: слесаря, токаря, модельщики и др. свысока смотрѣли на синія поддевки ткачей, прядильщиковъ, отбѣльщиковъ, называя ихъ сѣрыми мужиками, хотя большинство заводскихъ рабочихъ были тоже крестьяне. Но болѣе высокая заработная плата, короткій рабочій день, — словомъ, нѣкоторыя матеріальныя преимущества отрывали ихъ отъ той среды, изъ которой они вышли, и ставили къ фабричнымъ въ ложное отношеніе. Его не было только у рабочихъ сознательныхъ, у людей, уже понявшихъ, что ихъ нѣсколько привилегированное положеніе—дѣло случайное, что они такіе же наемные труженники, какъ и тѣ. Но въ массѣ такое сознание приходило развиваться съ большими усиліями. Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявили революціонныя группы Семяниковского, Чугуннаго и Обуховскаго заводовъ: онѣ организовали нѣсколько кружковъ среди рабочихъ на фабрикѣ Паля, на химическомъ заводѣ, а черезъ нихъ уже заводили связи съ другими фабриками, какъ на примѣръ, съ Калинковской, на фабрикѣ резиновой мануфактуры, за Невской заставой. Пропаганда шла довольно успѣшно, но чувствовался недостатокъ въ революціонной литературѣ. Пользовались только той, которая сохранилась на рукахъ отъ стараго времени, да легальными отчетами о процессахъ по политическимъ дѣламъ. Прокламація о казни Квятковскаго и Прѣснякова достигла къ рабочимъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и часто одинъ и тотъ же экземпляръ передавался съ заводовъ Васильевскаго острова за Невскую заставу. Исполнительный Комитетъ какъ будто затихъ. Но всѣ чувствовали, что готовится какая-то гроза. На этотъ счетъ строили всевозможныя догадки, ждали чего-то необыкновеннаго. Въ центрѣ Россіи, на югѣ тоже какъ будто наступила тишина. Ростовъ на Дону присмирѣлъ послѣ 79 г., послѣ страшнаго погрома. Кіевъ, Харьковъ, Одесса ни въ чемъ себя не проявляли. Тамъ шла такая же подготовительная работа, какъ въ Петербургѣ.

Наступилъ 81 г., появилась переизданная брошюра «Хитрая механика». Нѣкоторые помощники Народной Воли—интеллигенты—чаще стали посѣщать рабочіе кружки, но все какъ будто что не договаривали, что-то ожидалось и первыми, и послѣдними. Наконецъ, грянуло 1-ое марта. Весь Петербургъ объятъ паникой. Полиція растерялась, мирный обыватель напуганъ, по улицамъ молчаливое движеніе. Петербуржцы уже не бѣгутъ такъ стремительно по улицѣ, а какъ-то несмѣло, осторожно идутъ, ожидая чего-то новаго, бѣлѣе грознаго. Рабочія революціонныя группы тоже волнуются, ждуть призыва къ открытой массовой борьбѣ, призыва къ возстанію. Проходитъ день, другой. Полиція оживаетъ. Удобный моментъ упущенъ. Начались аресты, а призыва все нѣтъ. Появляется прокламація «Къ Александру III-му». Только послѣ нея стало яснымъ, что Исполнительный Комитетъ вовсе не имѣлъ въ виду народнаго возстанія. Многіе рабочіе это считали промахомъ. Надо было бы во что бы то ни стало поднять рабочихъ хотя въ одномъ Питерѣ,—говорили они,—пусть бы кончилось неудачей, но для будущаго оно послужило бы опытомъ, положило бы ясную границу между народомъ и правительствомъ. Да еще неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось. Другіе же, наоборотъ, одобряли дѣйствія Исполнительной Комиссіи послѣ 1-го марта, указывая на неподготовленность массъ, на недостаточность силъ и слишкомъ большія жертвы, которыхъ потребовало бы возстаніе. Съ этими доводами нельзя было не согласиться. Дѣйствительно, тогдашніе заводы не представляли такихъ грандіозныхъ казармъ, какими мы видимъ ихъ теперь. Но противъ боязни жертвъ возражали. Вѣдь рано или поздно онѣ потребуются. Да развѣ не несутъ ихъ каждый годъ, каждый мѣсяць? Развѣ не арестуютъ, не ссылаютъ, не казнятъ людей? Но какъ бы то ни было, время прошло, надо думать о томъ, что дѣлать дальше. Начались аресты и на нѣкоторыхъ заводахъ. Поводомъ прежде всего послужилъ арестъ Тимофея Михайлова. Тимоха, какъ звали рабочіе послѣдняго, работалъ на многихъ заводахъ и, какъ водится, жилъ среди нихъ. Департаментъ полиціи пустилъ въ ходъ всѣ свои темныя силы. Десятки рабочихъ были привлечены къ допросу только за то, что работали на одномъ заводѣ съ Тимофеемъ, а нѣкоторыхъ даже арестовали и продержали въ домѣ предват. заключ. мѣсяцевъ 8. Все это дѣлалось съ цѣлью запугать, нагнать страхъ на знавшихъ Михайлова. Арестованныхъ по его дѣлу содержали строго, постоянно повторяли имъ на допросахъ, что Михайлова ожидаетъ казнь „позорная“, какъ самаго ужаснаго преступника, но всѣ эти застрашиванія ни къ чему не привели: Т. Михайловъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ среди рабочихъ, особенно среди котельщиковъ, не столько, конечно, своими знаніями, сколько своею честностью, преданностью рабочему дѣлу и чувствомъ товарищества. Много разъ онъ являлся защитникомъ обиженныхъ рабочихъ, заступаясь за нихъ, борясь съ грубой и несправедливой заводской администраціей. Послѣдняя прекрасно знала смѣлаго и рѣшительнаго Михайлова. Теперь она охотно пошла навстрѣчу жан-

дармскому сыску. Появились и добровольные шпионы-мастера. Въ старомъ арсеналѣ одинъ изъ такихъ добровольцевъ, подсмотрѣвъ, какъ рабочій читаетъ другимъ прокламацію въ мастерской, донесъ куда слѣдуетъ. Рабочаго арестовали, но другой отомстил доносчику, избивъ его на другой же день до такой степени, что мастеръ слегъ въ постель. Полиція не дремала. Послѣдовали новые аресты. Лучшихъ рабочихъ выхватили, двоимъ же другимъ пришлось скрыться. Шпионы рыскали по заводамъ и кое-гдѣ напали на новые слѣды: въ Коломенскомъ районѣ была арестована небольшая сходка: здѣсь взяли рабочихъ съ завода Берда, Путиловскаго, и Балтійскаго. За исключениемъ одного все это были еще малозначительные люди. Обыски, аресты пролонжались въ продолженіе всей весны 81 года. Шпионство росло съ невѣроятной быстротой, затрудняя пропаганду и агитацію. Ожидался судъ надъ первомартовцами. Знавшіе Т. Михайлова, Желябова и Перовскую поговаривали объ ихъ освобожденіи. Нѣкоторыя надежды возлагались на военную организацію, на офицеровъ. Но эта была мечта. Подсудимыхъ во время процесса держали подъ сильнымъ конвоемъ. Послѣ суда появилась прокламація, которая произвела сильное впечатлѣніе. Былъ казненъ Т. Михайловъ, котораго знали на многихъ заводахъ, А. Желябовъ, извѣстный среди рабочихъ подъ именемъ Тарасова. Чувство негодованія крѣпло, требовало мести. Ожидали расплаты за все это, и чтобы не быть застигнутыми въ расплохъ, рабочіе энергичнѣ повели пропаганду. Въ началѣ мая уже были организованы довольно многочисленныя группы—на Обуховскомъ, Чугунномъ, Семяниковскомъ, Балтійскомъ заводахъ, у Нобеля, Фридланда, Голубева, Леснера, за Невской заставой, на Варшавской желѣзной дорогѣ, у Берда и на другихъ. Во многихъ мѣстахъ завели своихъ дворниковъ, которые предупреждали рабочихъ о шпионахъ, о слѣжкѣ и даже арестахъ, передавали паспорта. Явилась потребность перенести пропаганду въ другіе города. Нелегальные интеллегенты, поощравшіе рабочихъ подъ разными кличками, поддерживали приподнятое настроеніе. Особенной популярностью пользовались «Сидорычъ», Андрей Петровичъ, «Сеня», Ивановскій, Василій Максимычъ и друг., теперь уже сошедшіе въ могилу. Нѣкоторые были чернопереде́льцы, потомъ примкнувшіе къ организаціи Нар. Воли. Рабочіе наиболѣе развитые не обращали вниманія на ихъ теоритическія разногласія, одинаково принимали какъ тѣхъ, такъ и другихъ, лишь бы они занимались съ рабочими, доставляли революціонную литературу. Но по мѣрѣ того, какъ пропаганда стала расширяться, она захватывала и слабый элементъ, который сказывался при арестахъ. Арестовали нѣсколько кружковъ, и для Судейкина, Янковскаго и др. сдѣлалось яснымъ, что петербургскіе рабочіе «заражены крамолой». Они пустили въ ходъ все: деньги, угрозы, провокацію. Вотъ что рассказывалъ рабочій Н., выпущенный на свободу послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія. При арестѣ у него ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе Судейкинъ обратилъ на него особенное вниманіе. Онъ постоянно присутствовалъ на допросахъ и,

замѣтивъ, что такіе допросы не даютъ никакихъ результатовъ, сталъ вызывать Н. на личныя собесѣдованія.

— Послушайте,—обращается Судейкинъ къ Н.,—вы напрасно скрываете, притворяетесь. Намъ все извѣстно. Вы въ нашихъ рукахъ.

— Если извѣстно все, что же вы хотите отъ меня? Зачѣмъ грозите? Дѣлайте, что хотите. Я самъ знаю, что въ вашихъ рукахъ.—отвѣчалъ ему рабочій.

— И сдѣлаемъ, если будете такъ упорствовать. Вамъ же будетъ хуже. А мы этого не желаемъ. Вы смотрите на насъ, какъ на вашихъ враговъ. Знаемъ, кто научилъ васъ этому. Эти динамитчики, эти, что съ кинжалами и револьверами гоняются за людьми. Не вѣрьте имъ. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ они плохіе люди. Нѣтъ. И между народовольцами есть фанатики, есть и фантазеры и чистюльцы. Но всѣ они влекутъ васъ къ гибели. Они говорятъ вамъ, что борются за васъ—за рабочій народъ. А развѣ рабочимъ нужны бомбы, кинжалы, револьверы? Рабочимъ нуженъ хорошій заработокъ, удобная квартира, здоровыя мастерскія. Дѣлаютъ ли что-нибудь для этого ваши террористы? Видите, мы хорошо знаемъ нужды рабочихъ, знаемъ не хуже вашихъ социалистовъ. Мы сами социалисты; но социалисты мирные. Мы преслѣдуемъ только за бомбы, револьверы и кинжалы и будемъ преслѣдовать безъ всякой пощады. У насъ есть тюрьмы, и Сибирь, и висѣлица.

— Нечего не понимаю, о чемъ вы говорите,—отвѣчалъ ему рабочій:—никакихъ бомбъ и револьверовъ не было у меня. За что же держите уже 7 мѣсяцевъ? Тамъ у меня мать и сестра остались, можетъ быть, голодаютъ.

— Вамъ нужны деньги?—предупредительно, ласково спросилъ Судейкинъ:—мы можемъ вамъ помочь. Сколько вамъ?

И ехидный обольститель вынулъ изъ большого портмонэ новыя бумажки.

— Мнѣ не нужно денегъ... я не работаль.

— Потомъ заработаете, заслужите и получите еще. Сколько вамъ? Не стѣсняйтесь—уже навязывалъ Судейкинъ.

— Я не писарь, не могу у васъ служить.

— О, да вы умѣете хорошо притворяться! Да!—перемѣнивъ тонъ, перебилъ Судейкинъ.

— Какая злость разбирала меня въ это время. Если бы мы сидѣли рядомъ, если бы у дверей не было жандармовъ, я бы бросился и загрызъ его зубами,—признавался Н.

Судейкинъ, зная, до чего онъ могъ своимъ поведеніемъ довести человѣка, имѣлъ обыкновеніе садиться на противоположной сторонѣ длиннаго стола, чтобы не получить пощечину, а у дверей ставилъ жандармовъ, готовыхъ ворваться въ таинственную пріемную въ одинъ мигъ и спасти своего начальника.

— Никогда я еще не ненавидѣлъ такъ полицію, никогда не имѣлъ желанія убивать, а тогда, о какъ бы я его убилъ, не моргнувъ бы. Шаромыжникъ! раскудахтался, расхвастался, что забо-

тится о рабочихъ. Распинался, вралъ, что преслѣдуетъ только за бомбы. А за что меня морилъ въ тюрьмѣ почти годъ? Чему училъ, деньгами прельщалъ? Чтобы я на заводѣ подслушивалъ разговоры мастеровыхъ и доносилъ ему; чтобы торговалъ, продавая своихъ товарищей. Продажная, проклятая его душа, хотѣлъ изъ меня луду сдѣлать. Нѣтъ, будь онъ проклятъ со своими деньгами и дѣлами. Какъ сладко распинался за насъ рабочихъ. А какъ мучилъ мою мать и сестру, когда просили у него свиданія со мною? Сколько разъ говорилъ онъ имъ, что меня повѣсятъ или сошлютъ на каторгу, обрѣютъ, закуютъ въ цѣпи. Все-то вралъ, чтобы мать довести до слезъ, чтобы она меня склонила на его приманку. Нашелъ дуру, какъ разъ такъ вотъ и поддалась. Грозилъ, грозилъ, сманивалъ, сманивалъ да носъ и подучилъ. Выпустилъ, ничего не добился. Теперь я ихъ жандармскіе подвохи знаю. Зарубите, ребята, себѣ на носу про случай.

Выпуская на свободу такихъ несговорчивыхъ рабочихъ, Судейкинъ и Янковскій прибѣгали къ жестокимъ средствамъ, чтобы сломить упорство: они назначали строгій негласный надзоръ за такими упорными; шпіоны преслѣдовали ихъ по пятамъ, а по заводамъ дѣлали распоряженіе — «не принимать». Можно представить себѣ положеніе такихъ рабочихъ. Являются они на прежніе заводы—имъ отказываютъ. Ищутъ мѣсто на другихъ, пристраиваются, сдаютъ пробную работу—и снова получаютъ отказъ, не подозревая, что все это продѣлки этихъ благодѣтелей, Судейкина и Янковскаго. Выѣхать изъ Петербурга денегъ нѣтъ, оставаться — нигдѣ не даютъ работать. Такими приемами они доводили нѣкоторыхъ рабочихъ до отчаянія, а слабыхъ и малосознательныхъ до предательства.

Янковскій былъ помощникъ Судейкина. Во время разъѣздовъ послѣдняго занималъ его мѣсто, нисколько не уступая своему начальнику ни въ жестокости, ни въ хитрости, ни въ безстыдствѣ. Онъ, какъ и самъ Судейкинъ, то запугивалъ рабочихъ, то соблазнялъ рабочихъ деньгами и распинался въ томъ, что всѣ усилія дѣлаетъ, чтобы улучшить положеніе рабочихъ; то клеветалъ одному на другого, что тотъ-то откровенно ему признался и все рассказалъ,—словомъ, какъ и Судейкинъ, всѣми способами развращалъ и мучилъ рабочихъ, называя себя въ то же время мирнымъ социалистомъ. Самая фізіономія Янковскаго съ перваго же взгляда отталкивала и корбила. Бѣлобрысый, юркій какъ змѣя. Глаза какіе-то стеклянные, злые и холодные, такъ и прыгаютъ, точно онъ чтонибудь укралъ или сдѣлалъ такое, за что бьютъ по фізіономіи. Янковскій страшно не любилъ евреевъ и поляковъ. Сдѣлавшись потомъ житомирскимъ губернаторомъ, проявилъ эту злобу къ нимъ въ жестокихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ на евреевъ и поляковъ. Обитатели Житомира должны хорошо помнить этого господина.

Такими средствами они надѣялись сломить упорство непокорныхъ. Но достигли обратнаго: рабочіе озлоблялись, передавали свое раздраженіе товарищамъ. Нравственный развратъ, посябанный

Судейкинымъ, не помогъ ему, хотя сильно связывалъ руки рабочимъ; зарождалось какое-то недовѣріе. «Прямо не знаешь, что дѣлать. Идешь къ своему, а смотришь—онъ продался», говорили нѣкоторые рабочіе, которымъ чаще приходилось бѣгать по заводамъ, разносить литературу, созывать на сходки: „тотъ сидитъ безъ работы и пьянствуетъ, мотаетъ деньги. Откуда онъ? Разумѣется, изъ секретнаго отдѣленія; другой обзавелся новымъ дорогимъ костюмомъ, а недѣлю назадъ сидѣлъ безъ сапогъ и въ рваныхъ брюкахъ. Надо слѣдить за ребятами—стоитъ двухъ-трехъ проучить, другіе сами перестанутъ“. На Балтійскомъ и Семянниковскомъ заводахъ образовались группы рабочихъ, задавшихъ цѣлью выслѣживать, откуда берутся эти средства. Эти выслѣживания доходили до курьезовъ. Тотъ же рабочій Н., слѣдя какъ-то за однимъ изъ своихъ старыхъ друзей, довелъ его до Гороховой и тутъ увидаль другаго, съ которымъ подозрѣваемый встрѣтился. Оба отправились въ секретное отдѣленіе, т. е. къ Судейкину. Зная квартиру перваго, онъ цѣлый день простерегъ его на углу и такъ угостилъ, что тотъ на другой же день покинулъ столицу. Куда онъ дѣвался—такъ никто и не зналъ. Другого же завелъ въ портерную, подпоилъ и вынудилъ признаться.

— Грѣшенъ, отвѣтилъ тотъ: взялъ 25 руб. тамъ, но, клянусь, никого не указалъ.

— Иуда! Если ты еще разъ пойдешь туда, то и не вернешься. Самъ пропаду, но тебя достану. А не я, такъ другой. Вѣдь за всѣми вами, подлыми душами, мы смотримъ, каждый шагъ вашъ знаемъ,—пригрозилъ ему Н.

И этотъ рабочій покинулъ Петербургъ, давъ обѣщанія оставить всякія дѣла и революціонныя, и шпіонскія.

Н. былъ вообще удалой, энергичный и предприимчивый парень, человѣкъ смѣлый до безумія. На такихъ малодушныхъ онъ прямо наводилъ ужасъ и мѣсяца черезъ два совершенно очистилъ Балтійскій заводъ отъ предателей. Но не вездѣ такъ легко удавалось открыть и освободиться отъ продажныхъ товарищей. Пропаганда опять приняла болѣе скрытный характеръ. Тогда жандармы пустили въ ходъ провокацію. Съ юга явился рабочій Преймъ, которому въ Ростовѣ грозила уголовная кара; онъ украдъ мѣдные подшипники съ цѣлаго поѣзда и продалъ ихъ, а самъ скрылся. Не знаю, былъ ли онъ когда въ ростовскомъ кружкѣ чернопередѣльцевъ, но, пріѣхавъ въ Петербургъ, сошелся съ рабочимъ Суловымъ, жившимъ на содержаніи у Судейкина. Тотъ познакомилъ его съ послѣднимъ, и договоръ былъ заключенъ. Суловъ же ввелъ его въ одинъ изъ рабочихъ кружковъ, отрекомендовавъ какъ стараго пріятеля, ловкаго, энергичнаго. Преймъ дѣйствительно былъ ловокъ, что подтверждается продажей подшипниковъ и пронырливостью, съ которой онъ проникалъ всюду, но у него не хватало выдержки. Деньги, получаемыя отъ Судейкина, онъ транжирилъ и пропивалъ, что не могло не вызвать подозрѣній. Замыселъ его былъ — по возможности познакомиться со всѣми передовыми рабочими и сразу всѣхъ

выдать. Поэтому онъ сначала никого не выдавалъ, но старательно вель развѣдки, пользуясь неопытностью малосознательныхъ. Черезъ нихъ онъ узналъ о рабочихъ сходкахъ, которыя происходили за городомъ. Ему хотѣлось попасть на эти сходки, но не удавалось. Многие прямо говорили, что онъ предатель, и требовали его устранения. Другіе же, наоборотъ, защищали его, указывая на то, что явныхъ уликъ нѣтъ никакихъ, а есть только подозрѣнія. Если бы онъ былъ предателемъ, съ нимъ бы не поддерживали сношеній ни Егорычъ, ни Петровичъ, говорили, они (последніе два — нелегальные интеллигенты). Но какъ бы то ни было, отношеніе къ Прейму измѣнилось.

Онъ и самъ сталъ замѣчать недовѣріе. Иногда куда-то пропадалъ, но выдавать еще не рѣшался: ему хотѣлось завести какъ можно болѣе широкое знакомство на всѣхъ заводахъ и однимъ ударомъ уничтожить все. Но вышло иное. Въ одномъ изъ трактировъ онъ провалилъ двухъ интеллигентовъ и тѣмъ выдалъ себя. Среди рабочихъ носился слухъ, что Судейкинъ представлялъ его Александру III, которому онъ будто бы далъ слово вывести всю крамолу среди рабочихъ. Негодованіе противъ такого провокатора было ужасное. Онъ чувствовалъ это и нѣкоторое время никуда не показывался. Эту предательскую особу всегда охраняли два или три шпіона. Наконецъ, онъ вновь явился: ему захотѣлось новыхъ знакомствъ, которыя уже были приготовлены во многихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ онъ никогда не возвратился. 29 іюня, во время гулянья на Смоленскомъ кладбищѣ, уже валялся его трупъ, обнаруженный только на другой день. При немъ была найдена записка съ перечисленіемъ фамилій тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ собирался продать. По этому списку произвели аресты и совершенно разгромили нѣкоторые кружки. Суловъ исчезъ, боясь участи Прейма. Судейкинъ снова возвратился къ прежнему средству—развращать рабочихъ деньгами. Онъ арестовывалъ «зеленыхъ», награждалъ ихъ деньгами, увѣрялъ, что онъ все же социалистъ, но что онъ жестоко будетъ преслѣдовать терроръ, что терроръ только вредитъ рабочему дѣлу, и быстро выпускалъ ихъ на волю. Эта тактика была ужъ не нова, — какъ она напоминаетъ зубатовщину! — передовые кружки не боялись ея, но она тормозила дѣло; миролюбивый элементъ сводилъ свою работу на культуртрегерство, побывавшіе въ рукахъ Судейкина внушали недовѣріе. Стали поговаривать о томъ, какъ бы самого Судейкина отправить къ Прейму. Наконецъ, въ іюлѣ 81 г. было выпущено изъ предварилки нѣсколько дѣятельныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Р., взялъ на себя эту роль. Планъ былъ такой, что онъ обѣщаніями будетъ поддерживать сношенія съ Судейкинымъ и Янковскимъ и добьется у нихъ свиданія не въ секретномъ отдѣленіи, а на улицѣ. Игра была слишкомъ рискованная для такого молодого юноши, какъ Р. Ему было всего 19 л., но умный, энергичный и рѣшительный, пользовавшійся въ то время извѣстностью, онъ настаивалъ на своемъ планѣ, о которомъ знало всего нѣсколько лицъ. Насколько тактика Судей-

кина всѣхъ волновала, видно изъ того, что такую же цѣлью, какъ и Р., задался еще другой кружокъ. Пропаганда могла идти гораздо успѣшнѣе, если бы не мѣшали Судейкинъ и Янковскій, вносившіе развратъ въ рабочую среду. Нелегальной литературы для рабочихъ прибавилось.

Чернопередѣльцы въ нѣсколько мѣсяцевъ выпустили нѣсколько номеровъ «Зерна». Появились новые интеллигенты; посѣщеніе ихъ сдѣлались чаще. Чаще устраивались рабочія сходки, на которыхъ они выясняли рабочимъ ихъ положеніе, призывали къ дружной, непрестанной борьбѣ. Рѣчи Теллалова особенно нравились рабочимъ; онъ говорилъ всегда горячо, просто и коротко. Каждое слово его жгло рабочихъ, будило энергію. Въ это время были и другіе, но общимъ любимцемъ оставался Теллаловъ. Не даромъ чернопередѣльцы обвиняли его въ томъ, что онъ привлекалъ въ ряды Народной Воли самыхъ видныхъ членовъ ихъ партіи.

Многіе рабочіе понимали, что уже въ то время объ организаціи работали совмѣстно. Народовольцы часто передавали рабочіе кружки чернопередѣльцамъ, приносили чернопередѣльческую нелегальную литературу. Съ ней уже не обращались такъ бережливо и скупно, какъ прежде, но щедро раздавали повсюду. На нѣкоторыхъ заводахъ ее расклеивали или разбрасывали по инструментальнымъ ящикамъ въ мастерскихъ. Неутомимый Судейкинъ и это обстоятельство не оставилъ безъ вниманія. Онъ насобирывалъ своихъ шпіоновъ почти во всѣхъ заводахъ. Одинъ изъ нихъ, обнаружившій особенную энергію и ловкость, исчезъ навсегда и для своего начальника, и для рабочихъ, надъ головой другого пролетѣлъ громадный камень и заставилъ прятаться отъ рабочихъ. Хитрый жандармъ, повидимому, и самъ не особенно надѣялся на своихъ уличныхъ слугъ, его главные сподвижники были предатели и провокаторы. Р. игралъ съ ними въ темную и раздражалъ. Изъ трусости, или по какимъ другимъ причинамъ, Судейкинъ передалъ дѣло съ Р. Янковскому. Тотъ повелъ дѣло круто, прямо даль понять Р., что тотъ строить ловушку. Нервы Р. не вынесли. Онъ собрался уѣхать, но вмѣсто того отправился къ Янковскому и бросился на него съ ножомъ. Янковскій отскочилъ за столъ. Ворвались его слуги. Р. выбросился изъ окна второго этажа и сломалъ себѣ позвоночный столбъ.

Жандармы воспользовались безсознательнымъ состояніемъ Р., который будто бы указалъ на скрытый трупъ шпіона въ ретирадѣ дома, гдѣ квартировалъ его товарищъ. Бросились туда, перерыли весь ретирадъ, дворъ, но ничего преступнаго не нашли и всетаки привлекли было этого товарища, но онъ благополучно ускользнулъ изъ ихъ рукъ. Другая группа тоже жестоко поплатилась. Трое рабочихъ были арестованы и обвинялись въ замыслѣ на жизнь Судейкина и Янковскаго. Доказательствъ формальныхъ не было, но ихъ содержали такъ строго, что одинъ изъ нихъ, И. Самострѣловъ, сошелъ съ ума черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ рабочимъ пришлось выѣхать изъ Петербурга, частью для заведенія связей съ

другими городами, частью—чтобы не попасть въ руки жандармовъ. Въ Москву перебрался нѣкто Степанъ Бѣловъ, рабочій изъ Стараго арсенала, оказавшійся потомъ предателемъ и провокаторомъ.

Въ Москвѣ онъ очень ловко выдалъ чернопередѣльца Яковенко и др., затѣмъ провалилъ Буланова съ товарищами.

Въ то время, когда Петербургъ кипѣлъ революціонной жизнью, Москва какъ-то дремала. Нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь работалъ С. Халтуринъ. Онъ завелъ знакомство съ рабочими на Комиссаровскомъ заводѣ и въ мастерскихъ Курской ж. д. По пріѣздѣ Желвакова въ Москву, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на югъ, предложивъ революціонерамъ обратить вниманіе на Москву. Нѣсколько лѣтъ московскіе рабочіе были предоставлены самимъ себѣ. Главнымъ образомъ, работа здѣсь велась среди студенчества. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но теперь было рѣшено поставить здѣсь рабочее дѣло такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ Халтурина сюда были вызваны рабочіе съ юга и съ сѣвера. Двое изъ послѣднихъ скоро пристроились на заводахъ. Надо уговориться, что московскіе рабочіе того времени во многомъ уступали петербургскимъ: они были менѣ развиты, съ меньшимъ чувствомъ собственного достоинства держали себя съ администраціей и хозяевами, меньше зарабатывали. Петербургскіе рабочіе, если не каждый день, то хоть въ праздники читали газеты, у московскихъ же любимымъ препровожденіемъ времени было чаепитіе въ трактирахъ, да и безграмотныхъ здѣсь было гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, московскіе рабочіе отличались крайней неподвижностью, громадное большинство изъ нихъ нигдѣ кромѣ Москвы не бывало. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство облегчало работу. Всякіе разказы о томъ, какъ живутъ рабочіе въ другихъ городахъ, привлекали ихъ вниманіе, и пріѣзжіи новичекъ дѣлался чуть ли не героемъ.

Въ 81 году, зимою, рабочему П. удалось поступить на маленькій заводъ Беккера, гдѣ работали почти одни подмосковные крестьяне. Сѣверный новичекъ рассказалъ имъ о жизни петербургскихъ рабочихъ.

— А вотъ у насъ совсѣмъ не такъ. Нашихъ иногда хозяинъ колотить, и всѣ молчатъ—боятся.

— А въ Питерѣ за это свои сживуть съ завода. Тамъ рабочіе бьютъ хозяевъ. Мало имъ того, что на нихъ работаешь, да еще бить. Это позоръ. Сами виноваты. Что, стыдно?

— Мы ничего не знаемъ, нигдѣ не бывали.

— Не въ этомъ дѣло. Надо помнить, что ты человекъ, и никто не смѣетъ тобой помыкать. Насъ много, мы—сила! Только надо поменьше пьянствовать, да дружнѣ стоять другъ за друга. Соединиться со всѣми рабочими другихъ фабрикъ и заводовъ... Вы вотъ познакомьте-ка меня въ праздникъ со своими пріятелями, тогда дѣло пойдетъ.

— Что жъ, можно...

Въ ближайшее же воскресенье его повели на Бромлеевскій за-

воду, къ Гоперу, Доброву и другимъ. По московской привычкѣ знакомились въ трактирѣ за чаемъ. Удалось намѣтити наиболѣе подходящихъ лицъ, съ которыми въ слѣдующій праздникъ поговорить откровеннѣе, и вотъ связи завязаны, пошла работа, намѣченные лица уже сами повели агитацію. Явилось желаніе читать, бесѣдовать о положеніи рабочаго люда, явилось желаніе улучшить это положеніе. А отъ экономическихъ вопросовъ до политическихъ это одинъ шагъ, который сдѣлать не трудно. Работа пошла противъ ожиданія чрезвычайно быстро, чувствовался только недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Въ это время былъ выпущенъ № 2 *Рабочей Газеты*, но и то въ небольшомъ количествѣ. Приходилось пользоваться исключительно легальной литературой. Къ концу февраля здѣсь уже были организованы рабочіе кружки: на заводѣ Беккера, на прохоровской мануфактурѣ, въ мастерскихъ московско-смоленской ж. д., на заводѣ Доброва, Бромлея, заведены связи во многихъ другихъ мастерскихъ, на заводѣ Лигарта и на фабрикѣ роялей. Рабочіе завода Бромлея не ограничивались одной пропагандой, они наказывали своихъ мастеровъ, колотили ихъ за грубое обращеніе.

Интересно отмѣтити, насколько московскіе рабочіе стояли въ сторонѣ почти съ 78 г. Одинъ изъ пріѣзжихъ рабочихъ революціонеровъ наткнулся на цѣлую группу рабочихъ на смоленской ж. д., сохранившуюся еще со времени процесса 50-ти. Они говорили, что съ того времени не имѣли никакихъ революціонныхъ связей, не читали ни одного революціоннаго изданія и знали о существованіи организаціи только по легальнымъ газетамъ и тѣмъ фактамъ, которыми заявлялъ о себѣ Исп. Ком. Когда ихъ спрашивали, дѣлали ли они что-либо за это время, отвѣчали—ничего, потому что чувствовали себя оторванными. На другихъ заводахъ встрѣчались тоже такія отдѣльныя лица, которыя охотно присоединялись къ рабочимъ кружкамъ. Въ Москвѣ существовала сапожная мастерская, переведенная съ юга чернопредѣльцами. Организована она была по старому шаблону; въ ней было только трое: двое уже сознательныхъ, а третій новичекъ. Изъ него они должны были воспитать революціонера. Днемъ всѣ работали вмѣстѣ сапоги, а по вечерамъ читали, бесѣдовали. Такой способъ пропаганды оказался никуда негоднымъ, не стоилъ труда. Сидѣть двоимъ надъ однимъ было уже слишкомъ бесплодно. Кромѣ того вести пропаганду среди ремесленниковъ того времени было дѣло чрезвычайно трудное, дававшее къ тому же ничтожные результаты. Не говоря уже объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ ремесленниковъ, но главное у нихъ не замѣчалось и настроенія, котораго и быть не могло благодаря тому, что они живутъ и работаютъ въ маленькихъ мастерскихъ съ пятью-шестью рабочими, всегда на глазахъ у хозяина. Ихъ рабочей день отъ 14 до 15 часовъ. Какой же можетъ быть интересъ къ революціи. Правда, встрѣчались отдѣльныя личности, но черезчуръ рѣдко. Сапожная мастерская быстро разстроилась, просуществовавъ мѣсяца 2 и завербовавъ только одного человѣка.

Въ началѣ февраля 82 г. въ Москвѣ начались провалы среди нелегальныхъ интеллигентовъ. Новое предательство рабочаго Степана Бѣлова. Были арестованы: Юрій Богдановичъ, Златопольскій, А. Булановъ и др. Оставшіеся разбѣхались, за исключеніемъ многихъ, но и тѣ нѣкоторое время не показывались. За рабочими Мартыновымъ и П. стали слѣдить. Необходимо было скрыться, передавъ рабочихъ кому-либо изъ интеллигентовъ. Между нѣкоторыми рабочими и уцѣлѣвшими интеллигентами возникло недоразумѣніе. Первые упрекали послѣднихъ въ томъ, что тѣ мало удѣляли времени на занятія съ рабочими. Рѣшили обратиться къ петербургской организаціи, но дѣло скоро уладилось: рабочіе узнали причину невниманія—это аресты. Какъ разъ выхватили тѣхъ, которые брали на себя роль руководителей рабочихъ. Успѣвшіе скрыться переселились въ другіе города въ виду того, что рабочій Степанъ Бѣловъ былъ заподозрѣнъ въ предательствѣ. Переселившись въ Москву, онъ жилъ здѣсь нелегально, на заводъ работать никуда не поступилъ, ссылаясь на то, что сейчасъ же провалится, такъ какъ Романовъ его знаетъ и навѣрно укажетъ. Чтобы прикрыть свое предательство, онъ все сваливалъ на Р., который въ то время содержался въ Спб. Литовскомъ замкѣ, въ больницѣ, куда къ нему ходилъ непричастный ни къ какому дѣлу землякъ. Еслибы Р. выдалъ, то въ Москвѣ были бы арестованы другія лица, но арестовывали не ихъ. Кромѣ того, Бѣловъ вель безобразную жизнь: пьянствовалъ, особенно въ концѣ января, завелъ «темныя» знакомства и тратилъ массу денегъ. Разъ на столѣ его комнаты была найдена записка со счетомъ на 450 рублей. Для рабочихъ, близко знающихъ Бѣлова, было ясно, что, сидя въ предварилкѣ, онъ сошелся съ Судейкинымъ и Янковскимъ и поступилъ къ нимъ на содержаніе. Эти рабочіе обратились къ нелегальнымъ. Но тѣ сочли приведенныя доказательства недостаточными и предложили удалить Бѣлова отъ кружковъ. Тотъ догадался. Немедленно рѣшилъ переѣхать въ Питеръ; за нимъ отправились двое рабочихъ, но тамъ къ нимъ отнесли такъ же, какъ и въ Москвѣ: Бѣлова не признали предателемъ, хотя нашли нужнымъ совершенно изолировать. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ предположеніе подтвердилось: одинъ изъ подвыпившихъ жандармскихъ офицеровъ похвастался на вечерѣ, сказавъ, что хотя и убили С. Прейма, но у нихъ есть другой—Степанъ Бѣловъ. Послѣдній, потерявъ всѣ связи въ Питерѣ, куда-то исчезъ; говорятъ, его встрѣчали на югѣ, но уже не у дѣлъ.

Жизнь юга въ 82—83 гг. нѣсколько отличалась отъ жизни сѣвера. Въ Харьковѣ существовало два теченія: чернопредѣльческое и народовольческое. Это разграниченіе сказывалось и на рабочихъ. Народовольцы имѣли свой кружокъ на желѣзной дорогѣ и въ Полтавѣ. Чернопредѣльцы—на мелкихъ заводахъ. Крупныхъ заводовъ въ Харьковѣ не было. Здѣсь отношенія чернопредѣльцевъ къ народовольцамъ не были такъ миролюбивы, какъ въ Спб. Одному изъ членовъ рабочей организаціи пришлось натолкнуться на такой случай. Однажды въ обѣденное время онъ вель разговоръ съ новыми

рабочими на тему о программах. Подходить пожилой строгальщикъ, прислушивается и вдругъ прерываетъ. «А развѣ вы не знаете, что народовольцы силою заставляютъ своихъ членовъ идти на террористическія предпріятія!..» «Какой жандармъ или глупецъ сказалъ вамъ это—прерываетъ его другой—развѣ, напримѣръ, тебя можно силою послать на такое дѣло?» «Мнѣ такъ говорили люди знающіе»—возражаетъ строгальщикъ. «Да, дѣйствительно свѣдушіе, но мало знающіе,—нападаютъ на него многіе,—жандармы то же говорить всѣмъ». «Отъ нихъ—я самъ слышалъ», прибавляетъ одинъ.— Но строгальщикъ слышалъ не отъ жандармовъ, а отъ одного изъ интеллигентныхъ руководителей. Послѣдніе тщательно изолировали свои рабочіе кружки отъ народовольческихъ. Часто случалось такъ, что на одномъ заводѣ, напримѣръ, у Пильстрема, существовали и тѣ, и другіе, не входя ни въ какія сношенія. И когда приходилось поднимать общее дѣло, возникала рознь и даже вражда. Борьба переносилась на борьбу между собой, а не съ заводскими порядками. Не то же ли самое происходитъ и теперь. Очень жаль, что опытъ не научилъ товарищей! Въ доброе старое время, когда работа имѣла видъ подготовительной работы, подобнаго рода рознь не вредила такъ, какъ теперь, когда борьба идетъ въ открытую и массами. *

Въ 81 и 82 гг. харьковскіе рабочіе вели только пропаганду, организовали рабочіе кружки. Наибольшею энергіею отличался у Н. В. Яковъ Сабко, арестованный въ 83 г. и умершій въ харьковской тюрьмѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и еще нѣсколько лицъ. У чернопередеѣльцевъ—Федоръ Шкряба, потомъ поступившій на службу Судейкина и убитый Антоновымъ въ 84 году за предательство. На харьковской рабочей группѣ лежала обязанность перевозки нелегальной литературы въ южные районы. Доставка была организована очень искусно, кажется, Ан-мъ, и просуществовала весьма долго, съ начала 82 по 84 г.

Къ Харьковскому району примыкали Ростовъ на-Дону, Таганрогъ и Полтава. Послѣ арестовъ въ 79 году, когда ростовцы разгромили нѣсколько участковъ и разогнали городскую полицію, совершенно овладѣвъ городомъ, они теперь какъ будто отдыхали. Буйный городъ затихъ, но не потому, что аресты выхватали передовой элементъ, а просто вслѣдствіе того, что другіе города не откликнулись. Въ 80, 81 и 82 гг. настроеніе здѣсь было таково, что достаточно было гдѣ-нибудь произвести бурю, ростовцы немедленно бы поднялись. Замѣчательно, что здѣсь и босякъ настроенъ былъ революціонно и былъ проникнутъ такой ненавистью къ полиціи, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ снова поднять его. Ростовскіе революціонеры не оставляли его безъ вниманія: у нихъ имѣлось нѣсколько человекъ матросовъ и кочегаровъ, которые вели пропаганду только среди береговыхъ рабочихъ, но никакой организаціи создать не удалось. Вся дѣятельность сводилась только къ пропагандѣ. Босякъ неусидчивъ, не привязывается къ одному и тому же мѣсту, онъ переселяется очень быстро. Но

благодаря своей подвижности, онъ занесъ революціонный духъ и въ Грушевскія каменноугольныя копи. Наибольше постоянная часть босяковъ, живущая въ Ростовѣ, не была затронута отчасти потому, что невыносимыя условія жизни свели ее на самую низкую ступень челоуѣчества. Она только знала работать и пить; отчасти это были мѣщане, небогатые домовладѣльцы, извозчики и крестьяне,—тоже довольно консервативный элементъ, мечтающій о торговлѣ.

Совсѣмъ другое представляли заводскіе рабочіе. Это была однородная рабочая масса, образовавшаяся по большей части изъ пришлыхъ мастеровыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними издавна велась пропаганда и пропаганда смѣшанная. Среди нея работали и чернопередѣльцы, и народовольцы, и мѣстная учащаяся молодежь, и члены организаціи изъ другихъ городовъ. Въ 82 г. весной здѣсь царили патріархальные порядки, несмотря на провалъ 81 г., когда было арестовано нѣсколько челоуѣкъ. Каждый зналъ всѣхъ и всѣ знали каждаго. По праздникамъ сходились цѣлыми толпами въ одну квартиру какъ интеллигенція, такъ и рабочіе. Несостоятельность такого порядка тотчасъ же сказалась, какъ только провалились двое студентовъ, когда-то жившіе здѣсь. Одинъ—Литвиновъ—разсказалъ все о Ростовѣ. Произвели обыски, но только благодаря тому, что ни у кого ничего не нашли, дѣло кончилось благополучно, отдѣлались надзоромъ до поры до времени. Послѣ этого произошла группировка. Организовался центральный кружокъ, завелъ постоянную связь съ X. центральной группой Народной Воли. Многимъ это не понравилось, но потомъ всѣ примирились, видя, что при такихъ условіяхъ рабочіе проявляютъ больше инициативы и энергіи. Возникла мысль устроить типографію, кассу. Главнымъ очагомъ были мастерскія владикавказской ж. д., отсюда уже заводились кружки на заводѣ Пастухова, Граммана и др. Центральный кружокъ поставилъ себя такъ, что рабочіе по всѣмъ вопросамъ обращались то къ тому, то къ другому изъ его членовъ, не подозревая существованія связи между ними. Когда осенью одному изъ учениковъ на ж. д. сбавили плату, рабочіе предоставили рѣшеніе вопроса членамъ этой группы, которая увлекла за собою всѣхъ, и ученикъ былъ удовлетворенъ. Позже рабочіе разгромили мастерскія и наказали почти всѣхъ мастеровъ. Въ концѣ 83 г. этотъ кружокъ издавалъ гектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно рабочими. Ростовская группа выдѣлила изъ себя рядъ дѣятельныхъ личностей и разослала ихъ въ другіе города. Ник. Мартыновъ (арестованъ въ Кіевѣ, оказалъ вооруженное сопротивление, просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости 12 лѣтъ и застрѣлился въ гор. Якутскѣ въ 1903 г. въ маѣ); наиболѣе видную роль игралъ здѣсь Андрей Карпенко. Молодой, скромный и умный юноша пользовался громадной популярностью среди ростовскихъ рабочихъ, особенно въ токарномъ цехѣ владикавказскихъ мастерскихъ. Родился и выросъ онъ въ Ростовѣ, много читалъ. Книги носилъ онъ даже въ мастерскую. Прекрасно говорилъ. Часто въ обѣденное время собиралъ онъ группы рабочихъ, читалъ имъ что-

либо изъ европейскихъ революцій, ловко выбирая отдѣльныя страницы и связывая ихъ по своему въ одно цѣлое. Когда торопливые упрекали его въ томъ, что онъ пичкаетъ рабочихъ только легальной литературой, Карпенко отвѣчалъ: «надо фундаментъ заложить крѣпкій, тогда вамъ все что угодно. Наша нелегалщина бѣдна. Я самъ до сихъ поръ прочелъ всего 3 или 4 №№ Народной Воли. Научись изъ легальныхъ книгъ выхватить нужное. Мы все хотимъ взвалить на интеллигентовъ: они придутъ, разжуютъ и въ ротъ положить. У нихъ и безъ того много работы. Мы сами должны работать надъ собой и надъ своими товарищами, съ которыми бываемъ каждый день. Интеллигентъ къ намъ можетъ явиться разъ-два въ недѣлю. Многому не научимся. А вѣдь скоро придется разбѣжаться: во многихъ городахъ у насъ совсѣмъ нѣтъ связей. Мы не знаемъ, что случится, можетъ быть, повторится новый мартъ, а мы не сможемъ поддержать его ничѣмъ. Такъ никогда ничего и не добьемся. Рабочіе должны привыкать самостоятельно работать, не дожидаясь подталкиваній».

Съ такими призывами Карпенко часто обращался къ своимъ товарищамъ. Въ его молодой головѣ зарождались самыя широкіе планы. Поставивъ дѣло на широкую ногу въ Ростовѣ, организовавъ нѣсколько центральныхъ кружковъ, типографію, установивъ прочныя связи съ Новочеркасскомъ, Воронежемъ, Грушевскими копиями, онъ думалъ уговорить товарищей разбѣжаться по другимъ рабочимъ пунктамъ. Въ это время двое изъ его друзей-рабочихъ заявили представителю центральной харьковской группы желаніе принять участіе въ террористическихъ актахъ. Одному было отвѣчено откровенно, что онъ молодъ. Другого успокоили на время тѣмъ, что указали на необходимость немедленно поѣхать въ Елисаветградъ и заняться тамъ рабочей организаціей. Къ такимъ мѣрамъ народовольцы часто прибѣгали, когда стремительныя натуры одолѣвали ихъ своими предложеніями на боевую работу. Карпенкъ въ то время очень нравились такіе приемы. Вскорѣ онъ и самъ уѣхалъ въ Екатеринославъ, быстро организовалъ здѣсь нѣсколько кружковъ, а затѣмъ не устоялъ и заболѣлъ тою же болѣзью, какую страдали почти всѣ передовые рабочіе того времени — мечтою о боевой дѣятельности. Да и трудно было сохранить буддійское спокойствіе, когда кругомъ полицейскія преслѣдованія, аресты, ссылки и казни. Мирная подготовительная работа казалась чѣмъ-то маленькимъ, обѣщающимъ дать результаты только въ далекомъ, далекомъ будущемъ. Затѣмъ Карпенко былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ его и арестовали въ 85 г. Почему его не присоединили ни къ одному процессу—трудно сказать. Подъ слѣдствіемъ онъ просидѣлъ болѣе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими былъ высланъ на Сахалинъ на 10 лѣтъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки. Затѣмъ рядъ другихъ, фамиліи которыхъ упоминать неудобно. Въ 85 г. въ Ростовѣ были произведены большіе аресты, многихъ выслали въ Сибирь и на сѣверъ Россіи. Изъ интеллигентныхъ людей въ 80 и 81 гг. здѣсь работали Сергѣй Пешекеровъ, К., Рафаэли и

другіе. Въ 82 г. при основаніи революціонной группы Народной Воли—Л., нынѣ здравствующій; Немоловскій, умершій въ шлиссельбургской крѣпости въ 86 г.; Кашинцевъ, Желваковъ и др. Дѣятельность ростовской группы распространялась на Новочеркасскъ, Таганрогъ, Елисаветградъ и Екатеринославль. Въ 82 и 83 г. во всѣхъ этихъ пунктахъ уже имѣлись кружки. Въ Елисаветградѣ одному изъ членовъ кружка П. пришлось работать совершенно на неподготовленной, нетронутой почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь уже имѣлось два рабочихъ кружка, учащаяся молодежь принялась за гектографированіе нелегальной литературы. Отгектографирована была программа рабочей партіи Народной Воли. Тотъ же членъ ростовской группы былъ вызванъ въ Севастополь, который было необходимо связать съ харьковскимъ райономъ. Здѣсь велась работа и прежде Поликарповымъ, Телепневымъ и др. Были связи среди рабочихъ и матросовъ. Но аресты въ 82 г. разрушили организацію. Въ такихъ мѣстахъ нетрудно было восстановить порванные связи: всегда находились или остатки организаціи, или же люди близко стоявшіе къ ней. По этимъ связямъ восстанавливались организаціи, или же заводилась новая. Но въ то время Севастополь не представлялъ особеннаго интереса для рабочаго движенія, кромѣ переправочнаго пункта нелегальной литературы изъ-за границы въ Россію. Поэтому сознательные рабочіе недолго оставались здѣсь и переселялись въ центры: въ Харьковъ, Одессу и Кіевъ. Сношенія съ Севастополемъ были довольно оживленныя. Сюда часто наѣзжали не только изъ центровъ, но и рабочіе изъ организацій.

Сравнивая условія жизни западной части юга: Одессу, Николаевъ, Полтаву и Кіевъ того времени, нельзя было не замѣтить громадной разницы. Полиція этого района была поставлена лучше, а на помощь ей часто являлось предательство. Въ 81 и 82 г. рабочей Меркуловъ провалился въ Одессѣ все, что зналъ. Затѣмъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ дѣлалъ безпрестанные набѣги, производились массовые аресты, запугивалъ молодыхъ рабочихъ и вель себя на допросахъ грубо и дерзко. Благодаря такой системѣ, онъ часто разрушалъ мѣстныя организаціи. Его дерзость дошла въ Кіевѣ до того, что раздраженный на допросѣ однимъ рабочимъ, отказавшимся давать какія либо показанія, схватилъ его за горло со словами: «задушу, заставлю говорить!» Когда узнали объ этомъ рабочіе на волѣ—негодованію не было конца. Но Исполнительный Комитетъ уже рѣшилъ покончить со Стрѣльниковымъ. Въ 1882 г. онъ былъ убитъ въ Одессѣ Желваковымъ, который навѣрно скрылся бы, такъ какъ въ качествѣ извозчика его ждалъ Халтуринъ. Поднялась тревога. Переодѣтые жандармы, охранявшіе Стрѣльникова, подняли крикъ: «Ловите, ловите жулика!» Хотя Желваковъ и прокричалъ, что онъ не жуликъ, а социалистъ, крющники бросились на него. Соскочивъ съ козелъ, Халтуринъ поспѣшилъ на помощь товарищу, но тоже былъ сбитъ съ ногъ. Правительство было такъ озлоблено, что казнило обоихъ, не открывъ даже ихъ фамилій. По

этому поводу была издана прокламація. Одесса ожила. Среди рабочихъ организовались новые кружки, распространившіе свою дѣятельность на солдатъ и матросовъ. Въ Николаевѣ и Полтавѣ вель рабочее дѣло Петръ Антоновъ (содержавшійся потомъ въ шлиссельбургской крѣпости), уцѣлѣвшій отъ всѣхъ погромовъ только благодаря тому, что жилъ нелегально. Свой боевой темпераментъ онъ передалъ и группамъ, организованнымъ имъ. Когда въ Полтавѣ оказался предатель, одна изъ группъ проучила его, отстрѣливъ ему ухо. Вскорѣ удалось завести связи съ воронежскими рабочими. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ и Полтавѣ, несмотря на постоянные разгромы рабочихъ организацій, пропаганда и агитація не прекращались. На смѣну арестованнымъ появлялись новые дѣятели. Въ 80 годахъ здѣсь работали: В. Ивановъ, В. Гориновичъ, Немоловскій, Бычковъ, Марейнисъ, Сухомлиновъ и многіе другіе.

Таково было положеніе рабочаго дѣла на сѣверѣ и югѣ Россіи. Сѣтъ революціонной пропаганды и агитаціи была раскинута довольно широко, но трудно было удовлетворить всѣ запросы жизни. Прежде всего, всегда и повсюду ощущался недостатокъ въ литературѣ, которая могла бы замѣнить и дополнить устную пропаганду. Наша легальная литература служила почти единственнымъ средствомъ теоретическаго воспитанія рабочихъ. Наибольшимъ распространеніемъ пользовались: В. Гюго—93 годъ, Э. Шатрианъ—Исторія одного крестьянина, Швейцаръ—Эмма, Шпильгагенъ—Одинъ въ полѣ не воинъ, І. Шерръ—Комедія всемірной исторіи. Изъ русскихъ: Наумовъ. Гл. Успенскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Щедринъ, Достоевскій, Михайловскій, Писаревъ, Шелгуновъ, Гаршинъ, П. Лавровъ, Костомаровъ, Флеровскій, Исаевъ, Иванюковъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Бѣлинскій и др. Несмотря на все преимущество и солидность послѣдней, которая давала основу мировоззрѣнію и развитію рабочихъ, эта литература была лишь немногимъ подъ силу, она требовала нѣкоторой подготовки и много свободнаго времени, котораго у рабочихъ, за немногими исключеніями, оказывалось, наоборотъ, весьма мало. Для широкихъ массъ нужна была другая, болѣе доступная литература въ видѣ брошюръ, листовъ, но ея было весьма мало.

Въ то время часто говорили о пропагандѣ среди крестьянъ, но работа среди нихъ носила почти случайный характеръ. Извѣстно, что наши заводскіе и фабричныя рабочіе, попавъ въ города, долгое время сохраняютъ связь съ деревней, возвращаясь въ послѣднюю на Рождество, на Пасху или на лѣто. Такіе-то рабочіе и служили проводниками революціонныхъ идей въ деревни. Если бы въ изобиліи имѣлась народная литература, то съ нею въ рукахъ рабочіе могли бы занести въ деревни очень много: устное слово легко забывается, печатное же никогда. Но что было дѣлать, когда и для городовъ ея не хватало. Легальныхъ же брошюръ, которыми теперь изобилуютъ наши города, тогда и въ поминѣ не было. Теперь болѣе или менѣе подготовленный рабочій, имѣя въ карманѣ нѣсколько свободныхъ рублей, можетъ пріобрѣсти довольно порядоч-

ную бібліотеку, хоть для себя. Въ то время все это было въ зародышѣ, какъ и вся наша промышленность, которая переживала тяжелый застой послѣ русско-турецкой войны. Кстати надо сказать, что такое представляли наши заводы и фабрики 80-хъ годовъ по сравненію съ теперешними. Приведу приблизительныя цифры нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Петербургскіе заводы:

Балтійскій заводъ, на немъ работало въ то время около $2\frac{1}{2}$ тыс., тогда какъ теперь тамъ болѣе 6 тыс.

Обуховскій имѣлъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ т., теперь насчитываетъ около 10 тыс.

Путиловскій тогда еле влачилъ свое существованіе и держалъ около 500—600 чел., въ настоящее время имѣетъ болѣе 12 тысячъ рабочихъ.

Московскіе заводы и фабрики:

Заводъ Бромлея въ то время съ 250 рабочими, теперь даетъ работу 1,000 человекамъ.

Прохоровская мануфактура съ 3,000 раб. въ настоящее время имѣетъ 10 тыс.

Другіе же фабрики и заводы, представлявшіе изъ себя маленькія жалкія мастерскія съ десятками рабочихъ, теперь выросли въ громадныя казармы съ тысячами рабочихъ.

То же самое и въ Харьковѣ.

Заводъ Сади, который въ то время давалъ работу только $1\frac{1}{2}$ сотнямъ рабочихъ, въ настоящее время разросся въ громадный заводъ съ 5 тыс. раб.

А сколько новыхъ заводовъ и фабрикъ открылось въ 90-хъ годахъ!

Всѣ эти рабочіе муравейники представляютъ широкое поле не только для пропаганды и агитаціи, но и для массоваго движенія. Теперь городскіе рабочіе представляютъ дѣйствительно внушительную, многочисленную армію. Не то было въ 80-хъ годахъ. Тогда такого широкаго движенія и быть не могло, потому что самихъ широкихъ рабочихъ массъ въ городахъ не было, были только ихъ зародыши, и въ нихъ-то Народная Воля старалась внести сознаніе, разрыхлить почву для будущихъ революціонныхъ работниковъ. Несправедливы упреки и въ томъ, что въ 80-хъ годахъ не было забастовокъ и стачекъ. Онѣ были и въ Петербургѣ на Балтійскомъ заводѣ, у Гофмана, въ Кронштадтѣ, въ Ивановѣ-Вознесенскомъ, въ Москвѣ и въ Ростовѣ-на-Дону. Но тогда имъ не придавали того значенія, потому что всѣ онѣ были почти стихійны, за исключеніемъ ростовской и на балтійскомъ заводѣ. Кромѣ того тогда положеніе рабочихъ въ матеріальномъ отношеніи нѣсколько отличалось отъ настоящаго. Заработная плата была несравненно выше теперешней. Такъ, напримѣръ, средней руки токарь на заводѣ Семянникова зарабатывалъ не менѣе 60—70 р. въ мѣсяць, тогда какъ

теперь тамъ заработки самыхъ лучшихъ работниковъ не превышаютъ 50—40 рублей. То же самое и съ другими профессіями. Содержаніе рабочимъ обходилось тоже дешевле, такъ какъ многие продукты были дешевле. Если къ этому прибавить развитие потребности рабочихъ, а оно несомнѣнно было, то станеть понятнымъ, почему, начиная съ 96 года, стачки и забастовки участились и стали повторяться все чаще и чаще.

Приемы пропаганды были въ то время почти тѣ же, что и теперь. Прежде всего съ рабочими говорили объ ихъ экономическихъ бѣдствіяхъ, о томъ, что все создается трудомъ, труду должно и принадлежать, что всѣ бѣдствія, невзгоды, нищета и невѣжество происходятъ отъ неправильнаго распредѣленія продуктовъ труда. Если бы этого не было, то всѣмъ бы жилось хорошо; что фабриканты, помѣщики, заводчики обираютъ рабочихъ, и противъ нихъ надо бороться. Но за эту борьбу сами рабочіе знали, чѣмъ приходилось расплачиваться—тюрьмой и ссылкой. Правительство всегда на сторонѣ богатыхъ, а не рабочихъ.

Тогда пропаганда принимала политическій характеръ: приходилось объяснять, что все правительство за одно съ заводчиками, фабрикантами, попами и помѣщиками. Стоитъ только забунтовать рабочимъ противъ хозяевъ или помѣщиковъ, какъ сейчасъ же имъ на помощь полиція, жандармы, казаки и солдаты. Тогда какъ, если рабочихъ притѣсняютъ, за нихъ не вступается никто: наоборотъ, за всякую жалобу сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ Сибирь. Рабочіе должны завести другой порядокъ, при которомъ правители выбирались бы и устранялись народомъ. Но были и другіе приемы, менѣе удачные. Начинались они отрицаніемъ Бога, критикой духовенства или нападками на царя. Бывали примѣры, что такая пропаганда кончалась дракой: пропагандиста колотили благочестивые и вѣрные царю рабочіе. Такой способъ порицался почти всѣми. Иногда пропаганда велась въ портерныхъ или трактирахъ. Петербургскіе рабочіе любятъ посѣщать эти заведенія не потому, что тамъ можно выпить, нѣтъ: тамъ можно почитать газеты, журналы и поговорить. Заплати за кружку пива 5 коп. и сиди хоть цѣлый день, читай газеты. Въ портерныхъ же часто происходили свиданія съ интеллигентами. При пропагандѣ среди отдѣльныхъ лицъ особенное вниманіе обращалось на нравственность рабочаго: требовалось, чтобы онъ былъ честный, некорыстолюбивый и трезвый хорошей работникъ, только такой можетъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ среди рабочихъ. Только такого будутъ слушать. О пьяницахъ иногда говорили: «экъ, болтаетъ спьяну, за стаканъ водки все продастъ». Бывали, впрочемъ, примѣры, когда, познакомившись съ революціоннымъ дѣломъ, пьяницы бросали совершенно пить. Рабочихъ кассъ въ то время въ Петербургѣ не существовало. вмѣсто нихъ производились сборы временные, для арестованныхъ и для ихъ семействъ; вмѣсто того, чтобы покупать книги, записывались въ публичныя бібліотеки, что дѣлалось частью потому, что при обыскахъ жандармерія отбирала самую невинныя книги. Не-

красова, Иванюкова, Писарева, Наумова и т. п. Имѣвшуюся нелегальную литературу берегли. Если кому давали, то непременно съ условіемъ возвратить. Часто упрекають Н. В. въ томъ, что она вырывала наиболѣе энергичныхъ рабочихъ и привлекала ихъ къ террору. Это совсѣмъ невѣрно. Дѣло обстояло очень просто. Рабочіе-террористы вырабатывались самими условіями. Начиналось обыкновенно съ того, что рабочій побьетъ мастера часто по собственной инициативѣ или подниметь какую-либо исторію. Начинаются преслѣдованія. Менѣе твердая, менѣе постоянная натура, способная только въ отдѣльные моменты активно проявляться, останавливается. Наиболѣе же устойчивая идетъ далѣе. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе у нея потребность сломить эти препятствія. А въ нихъ недостатка не было: на заводахъ притѣсненія, въ тюрьмѣ произволь. И вотъ отъ фабричнаго, заводскаго террора, переходятъ къ политическому. Какъ это ни странно, но бывали примѣры, когда на словахъ и въ спорахъ человекъ громить всякій террористическій поступокъ, а на дѣлѣ оказывается террористомъ не только самъ, но увлекаетъ къ тому же и толпу. Такъ было съ Халтуринымъ въ С.-П.Б., когда онъ работалъ на Патронномъ заводѣ. Во время работы взорвало одну гранатку, осколки отъ нея попали въ груды другихъ гранатъ. Нѣсколько токарей было убито и ранено. Рабочіе понесли ихъ въ Тучковскую-Маріинскую больницу. Настроеніе было возбужденное. Халтуринъ поддался ему, онъ произнесъ горячую рѣчь, и когда раненыхъ внесли въ больницу, тутъ чуть не произошла свалка, которую поднялъ С. Халтуринъ. Дежурный докторъ приказалъ прислугѣ снять простыни съ коекъ, чтобы рабочія засаленныя блузы не запачкали этихъ тряпокъ. Надо было видѣть С. Халтурину, съ какимъ ожесточеніемъ бросился онъ на разсудительнаго доктора. Тотъ успѣшилъ скрыться, предоставивъ С. Халтурину съ товарищами распоряжаться палатой. Мало ли подобныхъ случаевъ пережилъ С. Халтуринъ въ своей жизни! И одинъ ли онъ? Въ 82 г. въ Москвѣ рабочіе завода Бромлея, позднѣе у Девисона въ мастерской, устроили забастовки съ жестокими избиеніями начальства безъ всякаго призыва къ тому. Часто слышались жалобы на отсутствіе массоваго движенія. Нѣкоторые изъ членовъ боевой организаціи предложили приурочить террористическіе акты къ массовому движенію. Планъ былъ таковъ: организовать рядъ террористическихъ предпріятій и привести ихъ въ исполненіе по возможности одновременно, въ то же время подготовить возстаніе въ нѣсколькихъ городахъ и овладѣть ими. Въ этомъ направленіи и сосредоточить всѣ силы. Грандіозный планъ нравился всѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ организовалась партія «Пролетаріата». Явилась возможность войти съ нею въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно. Южная боевая дружина предложила съѣздъ, на которомъ должны были участвовать представители сѣверныхъ организацій и представители «Пролетаріата». На этомъ съѣздѣ предполагалось обсудить именно этотъ планъ. Но созвать съѣздъ въ то время было не такъ легко. Судейкинъ и Дегаевъ,

знавшій лично многихъ, раскинули широко свои сѣти. То тамъ, то тутъ они выхватывали людей. Необходимо было устранить ихъ. Кромѣ того заняться подготовительными работами въ городахъ, намѣченныхъ для возстанія. Необходимо было немедленно устроить нѣсколько типографій. Въ концѣ 83 г. Судейкина уже не стало. Многіе остались недовольны, что Дегаевъ остался ненаказаннымъ. Говорили, что онъ могъ снова попасться въ руки правительства и оказывать ему услуги. Въ Харьковѣ былъ убитъ предатель и провокаторъ Ѳедоръ Шкряба, сподвижникъ Судейкина, долго подвизавшійся на этомъ поприщѣ. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, можно судить по тому, что послѣ убійства, харьковскіе чернопередѣльцы обвиняли народовольцевъ въ ошибкѣ. Убѣдились они только тогда, когда получили доказательства отъ самого Судейкина. Въ началѣ 84 г. начались аресты на югѣ Россіи. Была арестована типографія въ Кіевѣ. Произошло два ареста съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Погромъ распространился на сѣверъ. Арестовали Салова, Лопатина и другихъ, а затѣмъ разгромы пошли по всей Россіи: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ и другихъ городахъ. На помощь революціонной неосторожности явился предатель Элько, который предалъ то, что еще уцѣлѣло. Онъ выдалъ Лисянскаго и Антонова. Лисянскаго взяли въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы. Его арестъ сопровождался вооруженнымъ сопротивленіемъ, при чемъ одинъ околоточный поплатился жизнью. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, Элько выдавалъ многихъ другихъ въ Воронежѣ и Екатеринославѣ, не говоря о томъ, что онъ разказалъ все, что зналъ объ арестованныхъ. Партія «Пролетаріатъ», не успѣвъ окрѣпнуть, тоже была разгромлена. Лучшіе члены ея были арестованы. Хотя одинъ предатель и былъ убитъ, но его мѣсто заступилъ другой и предалъ остальныхъ. Наступило затишье. Начались процессы въ Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ и С.-Петербургѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Движеніе начало замирать, лучшія силы томились по тюрьмамъ, на каторгѣ и въ ссылкѣ, а кто уцѣлѣлъ—покинули Россію. Движеніе не проникло широко въ массу. Русская интеллигенція, поставившая много лѣтъ революціонныхъ борцовъ, какъ бы истощилась. Новымъ силамъ взятыя были неоткуда. И вотъ наступаетъ мрачное время затишья и царство реакціи. Лишь по временамъ дѣлаются попытки воскресить движеніе. Такими попытками была дѣятельность Сигиды съ товарищами и дѣло Ульянова, Осипанова и др. въ С.-П.Б. Но это были слабыя огоньки на обширномъ потухающемъ пожарищѣ. Кое гдѣ уцѣлѣли рабочіе кружки, но они были одиноки и вели мирную пропаганду до 90-хъ г. Нѣкоторые изъ нихъ погибли по дѣлу Гинзбургъ. Часто приписываютъ гибель партіи Н. В. тому, что она отводила слишкомъ много мѣста террору, слишкомъ увлеклась политическими задачами и мало обращала вниманія на рабочую массу. Такіе упреки могутъ дѣлать только люди, стоявшіе далеко отъ дѣла. Они знали только внѣшность, а о той работѣ, которая шла безъ всякаго шума, въ нѣдрахъ рабочей массы, они не знали и не могли

знать. Не надо забывать притомъ, что Н. В. пришлось работать въ то время, когда рабскій духъ крѣпостничества не успѣлъ заглотнуть, когда промышленность только зарождалась, когда реформа 19-го февраля висѣла пріятнымъ кошмаромъ надъ русской землей, когда на 100 человѣкъ приходилось только 10—12 чел. грамотныхъ, когда легальная литература была достояніемъ немногихъ; тогда могло быть одно изъ двухъ: или стихійное движеніе—массовое или партійное, какъ народовольческое. Первое было предупреждено 19-мъ февралемъ. Оставалось второе. Его и избрала Н. В. Но ей недоставало массоваго движенія, создать которое въ нѣсколько лѣтъ не могла бы никакая организація.

В. Панкратовъ.

Н. А. Морозову ¹⁾.

Доброй, отзывчивой, чуткой душою
Миръ озаряй,
Страстью могучею, твердой рукою
Зло покоряй.

* *
* *
* *

Если тебя за святою работою
Люди убьютъ,
Братья придутъ и окончатъ съ заботою
Начатый трудъ.

А. Ольхинъ.

---

¹⁾ Стихотвореніе это, никогда не бывшее въ печати, написано присяжнымъ по-вѣреннымъ А. А. Ольхинымъ въ 1879 году и намъ передано одною писательницею, получившей его лѣтъ около десяти тому назадъ отъ самого Ольхина. Посвящено оно извѣстному дѣятелю освободительнаго движенія, протомившемуся почти четверть вѣка въ казематахъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, Николаю Александровичу Морозову. Изъ стихотвореній Ольхина напечатано только одно, но это одно—знаменитое въ свое время стихотвореніе на смерть Мезенцева—„У гроба“. Оно напечатано въ № 1 „Земля и Воля“ и перепечатано въ сбор. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. Самъ Ольхинъ былъ преданъ суду въ 1879 году по дѣлу Л. Ф. Мирскаго (недавно *вторично* приговореннаго къ смертной казни въ Читѣ), но судъ его оправдалъ. Тѣмъ не менѣе, Ольхинъ, какъ водится, былъ высланъ административно и возвратился въ Петербургъ лишь въ 90-хъ годахъ, гдѣ и скончался.

Ред.

Шлиссельбургская узница

Людмила Александровна Волкенштейнъ.

* * *

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались...
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнью мы
Предъ суровою карой прощались ..
    Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
    Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
    Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей...
    Братство славное ихъ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы...
Ему силы свои отдавала...
Неудачи, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
    Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ...
    Неудачи его сокрушили:
    Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
    Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать,
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ...
Среди новыхъ людей одинокою стать,
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
    Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
    Равнодушно я руку пожала?!.
    Жизнь кончалась, и темная ночь надо мной
    Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что съ тобою войду
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя...
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, мрачное время...
Шлиссельбургъ, 1893 г.

Это стихотвореніе посвящено мною Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнъ, съ которой въ первый разъ я встрѣтилась 24-го

сентября 1884 г., въ Петербургѣ, въ залѣ Суда, а разсталась въ Шлиссельбургѣ, 23-го ноября 1896 г., послѣ 12 лѣтъ жизни въ этой крѣпости. Наша встрѣча на судѣ была слишкомъ мимолетна, чтобъ я могла вынести опредѣленное впечатлѣніе отъ личности Л. А. На скамьѣ подсудимыхъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга и не могли перекинуться ни единымъ словомъ. Только разъ, послѣ даннаго подсудимымъ «послѣдняго слова», намъ, тремъ женщинамъ, судившимся по этому процессу (Волкенштейнъ, Чемодановой и мнѣ), удалось въ корридорѣ привѣтствовать другъ друга. Эпизодъ убійства князя Крапоткина въ Харьковѣ, по поводу котораго Л. А. была привлечена къ процессу 14-ти, по времени и дѣйствующимъ лицамъ, не имѣлъ никакой прямой связи съ остальными судившимися. Въ самомъ дѣлѣ, участники этого убійства (Кобылянской, Зубковскій) были осуждены уже давно, а главное дѣйствующее лицо, Гольденбергъ, еще ранѣе покончилъ съ собою въ Петропавловской крѣпости, какъ о томъ въ свое время донесъ Исполнительному Комитету Клѣточниковъ, служившій помощникомъ дѣлопроизводителя въ III-мъ Отдѣленіи, а съ преобразованиемъ его, въ той же должности въ департаментѣ полиціи. Участіе въ дѣлѣ убійства Крапоткина было единственнымъ обвиненіемъ противъ Л. А. и основывалось на показаніи Гольденберга, рассказавшаго во время своего предательства, что Волкенштейнъ была посвящена въ его намѣренія относительно харьковскаго губернатора и вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Кобылянскимъ и Зубковскимъ отправилась изъ Кіева въ Харьковъ, гдѣ наняла конспиративную квартиру, въ которой совѣщались и укрывались заговорщики. На судѣ, кромѣ показаній умершаго Гольденберга, были прочтены старыя показанія горничной, якобы признавшей въ предъявленной ей карточкѣ Волкенштейнъ— ту самую особу, которая нанимала вышеупомянутую квартиру. Самой свидѣтельницы на судѣ не было. Улики были не велики, но Л. А. не желала скрывать свои убѣжденія: она открыто признала свое полное сочувствіе террористической дѣятельности партіи Народной Воли, свое полное участіе въ дѣлѣ Крапоткина и заявила, что вернулась изъ-за границы съ цѣлью отдать свои силы на дальнѣйшую дѣятельность партіи въ томъ же направленіи. Надо замѣтить, что раньше, чѣмъ Гольденбергъ былъ арестованъ осенью того же 79 г., въ которомъ былъ убитъ Крапоткинъ, Л. А. эмигрировала и возвратилась въ Россію лишь осенью 1883 г. и чрезъ самое короткое время—въ сентябрѣ того же года была арестована въ Петербургѣ, выслѣженная сыщиками, повидимому, еще въ Румыніи, гдѣ она передъ тѣмъ жила.

На судѣ Л. А. не имѣла защитника, отказавшись отъ такового по принципу. Военный судъ, щедро назначавшій смертную казнь, приговорилъ къ ней и Л. А. По прочтеніи приговора, судьи, по рассказамъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ разговорахъ между собой цинично говорили: «Однако.. мы ей закатали!» Присяжный повѣренный Леонтьевъ 2-й тщетно предлагалъ Л. А. подать кассационную жалобу въ Сенатъ: она отказалась отъ этого наот-

рѣзь. Однако, вѣроятно, въ виду полной несоразмѣрности этой кары, смертная казнь была замѣнена Л. А. 15-ю годами каторжныхъ работъ. 12-го октября 1884 г. изъ Петропавловской крѣпости ее увезли въ Шлиссельбургъ. Мать и мужъ Л. А., случайно опоздавшіе пріѣхать въ Петербургъ ко времени суда, тщетно хлопотали, чтобъ имъ дали проститься съ нею. Этого утѣшенія они не добились. Л. А. не видала и своего единственнаго сына, Сергѣя, оставленнаго ею въ 79 году 2-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи отца и бабушки. Эти обстоятельства все время составляли предметъ горькихъ воспоминаній Л. А.

По привозѣ въ Шлиссельбургъ Л. А. и меня помѣстили вдали другъ отъ друга, на противоположныя стороны тюрьмы, не задолго предъ тѣмъ открытой (въ августъ 1884 г.)¹⁾. Сношеній между нами не было, хотя по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ мы знали, что обѣ привезены въ эту крѣпость.

Уже съ начала 85 года заключеннымъ было разрѣшено гулять вдвоемъ, и мы замѣтили, что нѣсколько человекъ, дѣйствительно, пользуются этой льготой. До января 86 года я, молча, ожидала, когда же и мнѣ дадутъ возможность видѣться съ Л. А., и недоумѣвала, почему же собственно я лишена радости имѣть товарища и друга? Наконецъ, 3-го или 4-го числа я рѣшилась и спросила смотрителя Соколова: «Почему мнѣ не даютъ гулять съ подругой?» Смотритель, съ которымъ всѣ мы избѣгали о чемъ бы то ни было говорить, немного помолчалъ, а затѣмъ сказалъ: «Можно дать, только... не слѣдуетъ... Онъ согнулъ указательный палецъ и сталъ постукивать имъ въ косякъ, какъ въ тюрьмѣ разговариваютъ стучкомъ въ стѣну.

Я отвѣтила, что и такъ стучу очень мало.

Разговоръ на этомъ кончился, и я продолжала прежній образъ жизни, разговаривая понемножку съ моими сосѣдями: Панкратовымъ (рядомъ) и Морозовымъ, камера котораго была внизу.

14-го января, когда меня повели гулять и я, ничего не подозревая, вошла въ калитку той «клѣтки», гдѣ должна была совершаться прогулка, я неожиданно увидѣла фигуру въ нагольномъ полушубкѣ и холщевомъ платкѣ, которая быстро заключила меня въ свои объятія и въ которой я съ трудомъ признала Волкенштейнъ, видѣнную мной на судѣ въ цивилизованномъ платьѣ. Вѣроятно, и она столь же была поражена метаморфозой, совершившейся со мной...

И такъ мы стояли, держа другъ друга въ объятяхъ, не зная: радоваться намъ или плакать?..

А потомъ стали знакомиться.

Л. А. хорошо было извѣстно, что о ней я ровно ничего не знала, кромѣ того, что выяснилось на судѣ. До того я слышала ея имя только изъ устъ Гольденберга, когда послѣ Воронежскаго съѣзда я видѣла его въ Петербургѣ. Онъ отзывался о Л. А. съ величайшей похвалой и рекомендовалъ ее въ члены организаціи «Народ-

¹⁾ Везли насъ на пароходѣ тоже врозь.

ной Воли», какъ человѣка вполнѣ преданнаго революціонному дѣлу и раздѣляющаго программу партіи. Но изъ первоначальныхъ членовъ организаци «Народной Воли» никто не зналъ Л. А. лично, а потому вопросъ о приглашеніи ея въ организацию былъ отложенъ. Однако, было рѣшено имѣть ея въ виду и, конечно, ея приняли бы, если бы въ ту же осень она не выѣхала за-границу. Обо мнѣ же Л. А., кажется, слыхала болѣе и, по ея словамъ, заочно любила меня. Съ трогательной откровенностью она сказала, что, получивъ обвинительный актъ и найдя въ немъ мое имя, она приложилась къ нему губами.. Теперь же, когда мы, наконецъ, встрѣтились при такихъ условіяхъ, что могли свободно говорить, ей хотѣлось поскорѣй излить свою душу, рассказать о своей прошлой жизни, о воспитаніи, семьѣ и дѣтяхъ, обо всемъ, что необходимо было рассказать, чтобъ сблизиться другъ съ другомъ.

Люди́ла Александровна Волкенштейнъ (урожденная Александрова) родилась въ Кіевѣ 18-го сентября 1857 года. Ея родители принадлежали къ дворянскому сословію, и отецъ былъ военнымъ, въ отставкѣ. Они были довольно богаты, но, по смерти отца, мать увлеклась строительной горячкой, одно время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ, и въ спекуляціяхъ домами потеряла всѣ средства, такъ что впослѣдствіи пользовалась матерьяльной поддержкой двухъ сыновей (одинъ служилъ на желѣзной дорогѣ, другой—былъ ветеринаромъ на Дальнемъ Востокѣ) и жила съ младшей дочерью, занимавшейся на бактериологической станціи въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ же Л. А. провела свое дѣтство и раннюю молодость. Отца своего Л. А. не любила и не уважала. По ея отзывамъ это былъ грубый и во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичный человѣкъ, и отношенія въ семьѣ были дурныя. Когда Л. А. была уже взрослой гимназисткой, отецъ дошелъ до того, что однажды поднялъ, было, на нее руку... Послѣ этого мать, страстно любившая дочь, устроила ее отдѣльно отъ семьи, нанявъ у знакомыхъ комнату и давъ средства для самостоятельной жизни. Свою мать Л. А. любила безпредѣльно и уважала глубоко, какъ человѣка добраго, гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго. Все, что въ ней самой было хорошаго, Л. А. приписывала воспитательному вліянію и наслѣдственности со стороны матери, объ отцѣ же сохраняла лишь тяжелое воспоминаніе.

Къ грусти, что, уходя изъ жизни, ей не удалось проститься съ матерью, въ Шлиссельбургѣ присоединилось огорченіе отъ отсутствія какихъ бы то ни было свѣдѣній о родныхъ.

Случилось такъ, что изъ всѣхъ товарищей я первая получила краткое и сухое словесное извѣщеніе изъ департамента полиціи, что моя мать жива, здорова и шлетъ мнѣ *поклоны*. Это было черезъ *три* года по заключеніи въ Шлиссельбургъ, а Л. А. еще долго послѣ того не имѣла ни одной вѣсточки. Тщетно успокаивала я ее тѣмъ, что мои родные живутъ въ Петербургѣ, или имѣютъ частыя сношенія съ нимъ; что по процессамъ сестеръ они приобрѣли извѣстную опытность, которой не имѣетъ ея мать; что, живя въ Кіевѣ, она даже не знаетъ, куда обратиться съ просьбой извѣстить

Николай Алексѣвичъ
САБЛИНЪ.

дочь о своемъ существованіи. Л. А. была неутѣшна и каждый разъ, когда я снова получала холодную реляцію на подобіе первой, она начинала тосковать и горько плакать, такъ что мнѣ тяжело было сообщать ей о своей радости, тяжело, что я имѣю ее одна и не могу помочь горю друга. Наконецъ, вѣсть отъ матери, эта долгожданная вѣсть, пришла, но при такихъ обстоятельствахъ, что Л. А. даже не захотѣла выслушать ее...

Въ первые годы заключенія, каждые шесть мѣсяцевъ насъ посѣщало какое-нибудь высшее начальство изъ Петербурга. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній (если не ошибаюсь, въ 1889 г.) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генеральъ Шебеко обошелся nepозволительно грубо съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ. Войдя въ камеру Шебалина, онъ остался недоволенъ выраженіемъ его лица. «Это что за дерзкая фізіономія? Кто это?» спросилъ онъ смотрителя и присутствовавшего при этомъ коменданта. У Тригопи, когда тотъ хотѣлъ сдѣлать какое-то заявленіе, генеральъ, перебивая его, закричалъ: «Надо помнить, что эта тюрьма замѣняетъ смертную казнь!»... а выходя въ корридоръ, говорилъ: «они разсуждаютъ, бунтуютъ!.. Полковникъ, — плети, плети!»... Поднявшись наверхъ, Шебеко зашелъ къ Конашевичу и къ Волкенштейнъ. И тутъ произошли сцены въ родѣ предыдущихъ. Обращаясь къ Л. А., Шебеко сказалъ: «Вы отвратительно себя ведете! Вы только и дѣлаете, что сидите въ карцерѣ! Въ инструкціи есть розги!»...

Когда, послѣ отъѣзда Шебеко, въ тюрьмѣ узнали о всѣхъ этихъ возмутительныхъ грубостяхъ, то единодушно рѣшили не принимать болѣе генерала Шебеко къ себѣ; въ случаѣ дальнѣйшихъ визитацій бойкотировать его: заявленій не дѣлать, на вопросы не отвѣчать, никакихъ сообщеній не выслушивать и въ той или иной формѣ просить его выйти вонъ...

Послѣ этого прошелъ, должно быть, годъ, и Шебеко въ тюрьмѣ не появлялся. Быть можетъ, онъ и самъ потомъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, а можетъ быть, ему и донесли, что къ его встрѣчѣ приготовились, и онъ не желалъ дать поводъ къ какой-нибудь тяжелой тюремной исторіи... Затѣмъ, онъ прибылъ въ свитѣ м-ра внутр. дѣлъ И. Н. Дурново, но при обходѣ всѣхъ камеръ министромъ оставался въ корридорѣ и зашелъ вмѣстѣ съ Дурново лишь къ Волкенштейнъ. Раскланявшись, онъ началъ: «Ваша матушка»... Но Л. А., въ присутствіи Дурново, прервала его словами: «Отъ васъ я не хочу слышать даже о матери»...

Шебеко повернулся и тотчасъ вышелъ. Ни къ кому другому онъ въ этотъ разъ ужъ не зашелъ и, вообще это былъ его послѣдній визитъ въ Шлиссельбургскую тюрьму, хотя на своей должности онъ оставался еще долго.

Съ 92 года намъ стали вмѣсто устныхъ сообщеній о родныхъ давать крошечныя памятки, бумажку, гдѣ канцелярскимъ слогомъ, сообщалось, что родные (имя рекъ) живы и здоровы, чего и намъ желаютъ. Сначала эти бумажки только давали прочитать и отби-

рали; потомъ стали оставлять въ нашихъ рукахъ. Подобныя паятки стала получать и Волкенштейнъ.

Училась Л. А. въ Кіевской женской гимназіи, но, имѣя хорошія способности, относилась къ сухимъ школьнымъ занятіямъ довольно небрежно. Въ силу этого, срѣзавшись на экзаменѣ, не захотѣла подвергнуться переэкзаменовкѣ и оставила гимназію, не получивъ диплома объ окончаніи ея. Изъ гимназической жизни Л. А. рассказала мнѣ одинъ эпизодъ, характерный для ея личности. Въ одномъ классѣ съ ней училась горбатая дѣвочка, которая всегда оставалась одинокой и, видимо, чувствовала себя для всѣхъ чужой. Однажды, вызвавшій ее учитель позволилъ себѣ какую-то насмѣшку надъ ея уродствомъ. «Вы не смѣете поступать такъ! Вы не смѣете унижать и насмѣхаться!»... закричала на весь классъ Л. А. со своего мѣста.

Учитель сконфузился, а въ маленькой горбунѣ Л. А. нашла самую горячую, почтительную преданность. Судьба, должно быть, не баловала дѣвочку сочувствіемъ людей и съ той поры, какъ она увидѣла въ Л. А. свою покровительницу, во всякую погоду Л. А. встрѣчала ее на своемъ пути въ гимназію: дѣвочка поджидала ее гдѣ-нибудь на улицѣ, чтобъ проводить до гимназическаго зданія, а по окончаніи уроковъ—до дому.

Между одноклассницами Л. А. имѣла большихъ пріятельницъ, носившихъ среди знакомыхъ шутовское прозвище «галки», кажется, по чернымъ платьямъ. Хотя этотъ кружокъ не преслѣдовалъ никакихъ общественныхъ цѣлей, но съ социалистическими идеями Л. А. познакомилась, еще будучи въ гимназіи. Въ числѣ ея знакомыхъ былъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, студентъ-медикъ Кіевского университета, за котораго, по выходѣ изъ гимназіи, она вышла замужъ. Александръ Александровичъ стоялъ довольно близко къ кіевской группѣ Чайковцевъ. Члены петербургскаго кружка Чайковцевъ считали его членомъ организациі, но затѣмъ, безъ рѣзкаго разрыва, онъ постепенно отдалился отъ всѣхъ революціонныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ полиціи онъ былъ скомпрометтированъ, и его судили по процессу 193-хъ (18 октября 77-го—23 января 78 г.). Во время заключенія Александра Александровича въ тюрьмѣ, родился его сынъ—Сергій. Л. А. тогда было 19 или 20 лѣтъ. Во время самаго процесса она была въ Петербургѣ и посѣщала мужа, а послѣ суда вмѣстѣ съ Ал. Ал., который былъ оправданъ, возвратилась въ Кіевъ, гдѣ встрѣчалась съ различными революціонерами (Самарская, Григорій Гольденбергъ, Зубковскій, Кобылянскій и др.). Мысль объ убійствѣ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, возникла въ Кіевѣ въ декабрѣ 1878 г. и принадлежала Гольденбергу. Мотивомъ, какъ извѣстно, было дурное обращеніе съ политическими заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ (Зміевской и Бѣлгородской) и избіеніе харьковскихъ студентовъ во время уличныхъ беспорядковъ. Нахо-

дившійся въ то время въ Кіевѣ Валеріанъ Осинскій, бывшій душой всѣхъ террористическихъ фактовъ на югѣ, доставилъ Гольденбергу деньги, оружіе и адреса въ Харьковѣ. Волкенштейнъ и Зубковскому было предложено ѣхать туда же для основанія конспиративной квартиры. Выслѣдивши съ помощью Кобылянскаго время выѣздовъ губернатора, Гольденбергъ смертельно ранилъ его 9 февраля 79 года выстрѣломъ изъ револьвера ¹⁾. Онъ вскочилъ на подножку кареты въ то время, когда князь, возвращаясь съ бала, ѣхалъ черезъ Вознесенскій скверъ, расположенный передъ губернаторскимъ домомъ. Фактъ былъ совершенъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, ядро котораго уже существовало внутри организациі общества «Земля и Воля». Самъ Гольденбергъ считался однимъ изъ агентовъ низшей степени Исполнительнаго Комитета. Заговорщики благополучно скрылись. Черезъ 4 дня послѣ убійства Л. А. возвратилась въ Кіевъ, а осенью того же года, какъ было уже сказано, покинула Россію.

За границей Л. А. проживала короткое время во Франціи и въ Швейцаріи.

Въ послѣдней она мелькомъ встрѣтилась въ 80 г. съ Н. А. Морозовымъ, своимъ будущимъ товарищемъ по Шлиссельбургу. Но большую часть времени, проведеннаго за границей, Л. А. прожила въ Болгаріи и Румыніи, въ кругу русскихъ эмигрантовъ. Въ числѣ послѣднихъ она называла Каца съ женой, Василю Ивановскаго, Дическула (судившагося по процессу 193-хъ) и др. Нѣкоторое время Л. А. служила въ Болгаріи въ качествѣ смотрительницы больницы, которою завѣдывалъ знакомый ей русскій врачъ Ю., жена котораго была близкимъ другомъ Л. А. Надо сказать, что Л. А. была нѣсколько причастна и медицинѣ, такъ какъ во время Русско-Турецкой войны послушала въ Кіевѣ 3-хъ мѣсячный курсъ перевязокъ, приготовлявшій сестеръ милосердія для русской арміи. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Шлиссельбургѣ Л. А. начала усердно заниматься медициной, чтобъ приобрести занятія въ размѣрѣ фельдшерскаго курса, что должно было пригодиться ей въ ссылкѣ. Но объ этомъ я скажу послѣ.

Заграничная жизнь съ ея оторванностью, отсутствіемъ живой дѣятельности и платоническими мечтами о родинѣ не удовлетворяли Л. А. и, оставивъ друзей, она возвратилась въ Россію съ паспортомъ болгарской подданной. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ она была приглашена въ участокъ, гдѣ подверглась подробному допросу насчетъ знанія болгарскаго языка и почему хорошо говоритъ по-русски. Отвѣты были, болѣе или менѣе, правдоподобны, и ее отпустили. Но по прошествіи недѣли или двухъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поводовъ, она была арестована.

Съ большой горечью, пробѣгая въ воспоминаніяхъ свое прошлое, Л. А. говорила, что всю жизнь стремилась къ настоящимъ людямъ и къ настоящей дѣятельности, и что ей такъ и не пришлось

¹⁾ Крапоткинъ умеръ черезъ 5 дней (16 февр.).

найти себѣ удовлетворенія... Въ связи съ этимъ она признавалась, что судъ былъ для нея праздникомъ, такъ какъ на немъ она могла, по крайней мѣрѣ, открыто исповѣдать свои убѣжденія. Поэтому-то она не взяла себѣ защитника, отказалась отъ кассаци и была чрезвычайно довольна вынесеннымъ ей суровымъ приговоромъ. Характерна и слѣдующая подробность ея настроенія и поведенія послѣ суда.

Когда, передъ увозомъ въ Шлиссельбургъ, ей надѣли ручные кандалы, это не произвело на нее тяжелаго впечатлѣнія. Напротивъ, она почувствовала приливъ гордости и «на пароходѣ я все время демонстративно побрякивала ими», рассказывала она мнѣ въ Шлиссельбургѣ.

Искренность и простота Л. А., ея готовность понести, какую угодно, кару за свои убѣжденія и необыкновенная сердечность въ обращеніи скоро вполнѣ обворожили меня. Мы подружались дружбой самой нѣжной и идеальной, какая возможна только въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы тогда были. Мы походили на людей, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. У насъ не было *никою* и *ничего*, кромѣ другъ друга. Мы были оторваны отъ жизни и дѣятельности, отрѣзаны отъ человѣчества и родины, лишены друзей, товарищей и родныхъ. Не только люди, но и природа, краски, звуки—все исчезло... Въмѣсто этого былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замурованныхъ ячеекъ, въ которыхъ томились невидимые люди, зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти.

Понятно, что общеніе двухъ душъ въ такой обстановкѣ должно было доставлять невыразимое наслажденіе и навсегда оставило въ душѣ самое трогательное воспоминаніе.

Не знаю, что давала я Л. А., но она была моимъ утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ. Мои нервы и организмъ были потрясены въ глубочайшихъ своихъ основахъ. Я была слаба физически и измучена душевно... общее самочувствіе мое было прямо ненормально... и вотъ я получила друга, на котораго тюремныя впечатлѣнія не дѣйствовали такъ губительно, какъ на меня; и этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности. Всѣ сокровища своей любящей души она щедрой рукой отдавала мнѣ. Въ какомъ бы мрачномъ настроеніи я ни приходила, она всегда умѣла чѣмъ-нибудь развлечь и утѣшить меня. Одна ея улыбка и видъ милаго лица разгонялъ тоску и давалъ радость. Послѣ свиданья я уходила успокоенной, преображенной... камера ужъ не казалась мнѣ такой сумрачной, а жизнь—тяжелой. Тотчасъ я начинала мечтать о новой встрѣчѣ послѣзавтра... Свиданія были черезъ день: тюремная дисциплина, очевидно, находила нужнымъ разбавлять радость нашихъ встрѣчъ днемъ полного одиночества. Но это, быть можетъ, только обостряло наше стремленіе другъ къ другу и поддерживало то «праздничное» настроеніе, о которомъ впоследствии было такъ пріятно вспоминать.

Когда въ тюрьмѣ происходило какое-нибудь несчастье, когда

умирали наши товарищи, стоны и предсмертную агонию которых мы слышали отчетливо въ стѣнахъ тюрьмы, замѣчательно отзывчатой въ акустическомъ отношеніи, мы встрѣчались блѣдныя, взволнованныя и безмолвныя. Стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо, мы цѣловались и, обнявшись, молча прохаживались по дорожкѣ, или сидѣли на землѣ ¹⁾, прислонившись къ забору, подальше отъ жандарма, слѣдившаго съ высоты своей вышки за каждымъ нашимъ движеніемъ. Въ такіе дни простая физическая близость, возможность прижаться къ плечу друга—была уже отрадой... и облегчала тяжесть жизни... Былъ въ 86 году мѣсяць, когда одинъ за другимъ умерли: Кобылянской, Исаевъ и Игнатій Ивановъ. Первый отъ цыги, второй отъ чахотки, а Игнатій Ивановъ, кажется, отъ того и другого... къ тому же—онъ былъ безуменъ!..

Пока Исаевъ былъ на ногахъ и ходилъ гулять, его громкій, хриплый и словно изъ пустой бочки кашель надрывалъ душу, если приходилось быть рядомъ... Иногда же насъ приводили въ ту самую клѣтку, гдѣ передъ тѣмъ былъ онъ. На снѣгу, справа и слѣва, виднѣлась алая, только что выброшенная имъ кровь... Эта не убранная, не прикрытая, хотя бы снѣгомъ, кровь товарища вызывала щемящую тоску... Это былъ символъ изсякающей жизни,—жизни товарища, которому не поможетъ наука, никакая сила человеческого... И отвести отъ этой крови глазъ было некуда. Небольшое пространство «клѣтки» было сплошь завалено снѣгомъ: оставалась лишь узкая тропинка, по которой, поневолѣ, только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично оставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей... Намъ же тогда не давали даже лопаты.

Предсмертныя страданія Исаева были ужасны. Это была, кажется, самая тяжелая агонія изъ всѣхъ, которыя пришлось пережить. Немного морфія или опія, вѣроятно, облегчили бы ему борьбу со смертью и избавили отъ потрясенія всѣхъ насъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Мертвая тишина стояла въ тюрьмѣ... всѣ мы притаились, какъ будто, сжались и съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ полному затишью... не было ни звука... и среди напряженнаго состоянія внезапно раздавался протяжный стонъ, скорѣе похожій на крикъ... Тяжело быть *свидѣтелемъ* разставанья человека съ жизнью, но еще тяжелѣй и страшнѣй быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ, *слушателемъ* такого разставанья. Только въ тюрьмѣ да въ домѣ умалишенныхъ, который вообще имѣетъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тюрьмою, возможны потрясающія, зловѣщія сцены въ родѣ этихъ...

Весной намъ съ Л. А. дали по 2 грядки ²⁾ въ огородѣ. Еще долго до того мы были сильно заинтересованы какими-то таинственными приготовленіями, скрытыми отъ нашихъ взоровъ досчатой

¹⁾ Скамей не было.

²⁾ Арш. 4 длины, 1 ар. ширины—кажда.

перегородкой: оказывается тамъ ставили заборы для 6 огородовъ; они примыкали къ высокой крѣпостной стѣнѣ и оканчивались саженьяхъ въ трехъ отъ тюремнаго зданія. На баржахъ была привезена гдѣ-то по дорогой цѣнѣ купленная земля и въ видѣ уже готовыхъ грядъ насыпана по огородамъ.

Нашъ огородъ представлялъ собою небольшое, продолговатое, очень невзрачное мѣстечко, почти совсѣмъ лишенное лучей солнца. Съ одной стороны каменная стѣна, съ трехъ остальныхъ—3 ¹/₂ аршинный досчатый заборъ: откуда-нибудь да всегда падаетъ тѣнь! Однако, и этотъ колодезь показался намъ раемъ. Тутъ была земля—настоящая земля... земля полей и деревень... черная, рыхлая и прохладная. До этого мы видѣли въ своей тѣсной оградѣ только бесплодный пустырь: плотно убитую каменистую почву, на которой не пробивалась ни одна травка. Это было устроено, конечно, для облегченія надзора, чтобъ мы не заведи другъ съ другомъ письменныхъ сношеній, скрывая письма среди какой-нибудь зелени. Въ 86 г., въ эти дворики, лѣтомъ, съ береговъ рѣки, привезли песку и положили по деревянной лопатѣ: «для моціона», сказалъ смотритель. Предполагалось этой лопатой перебрасывать песокъ съ одного мѣста на другое и этимъ цѣлесообразнымъ способомъ укрѣплять силы заключенныхъ. Дѣйствительно, кто не имѣлъ огорода (а его дали весьма немногимъ), чтобъ какъ-нибудь убитъ время, бросалъ этотъ песокъ; но потомъ это страшно надоѣло, и мы называли это занятіе работами національныхъ мастерскихъ во Франціи 48-го года.

Когда давали огородъ, смотритель и вахмистръ молча вводили заключеннаго и пальцемъ указывали одну или двѣ гряды. Затѣмъ, также молча, вахмистръ вручалъ пакетъ съ огородными сѣменами (редисъ, рѣдька, морковь, рѣпа, горохъ, брюква, макъ) и, взявъ щепотку, мимикой показывалъ, что надо дѣлать: наклонялся къ землѣ, дѣлалъ въ ней пальцемъ ямки и клалъ сѣмячко, послѣ чего въ молчаньи удалялся вмѣстѣ съ присутствовавшимъ при всей процедурѣ смотрителемъ. Не только разговаривать, но вообще говорить что-нибудь заключенному—жандармамъ было строго запрещено. Въ случаѣ необходимости—вахмистръ прибѣгалъ къ мимикѣ и, благодаря этому, впослѣдствіи мы обозначали его шутивнымъ прозвищемъ «Мимика».

Появленіе молодыхъ всходовъ, пробивавшаяся повсюду зелень, доставляли намъ несказанное удовольствіе, а когда лѣтомъ зацвѣли посаженные самими жандармами вдоль забора цвѣты, мы пришли въ чисто дѣтское восхищеніе. Мы страшно соскучились по травѣ, по полямъ и лугамъ, и клокъ зелени вызывалъ совершенно неожиданно пріятную волну чувствъ въ нашей изголодавшейся душѣ. Такое же чувство возбуждали во время заключенія и тѣ немногія животныя, которыя были намъ доступны. Л. А. впослѣдствіи такъ приучила воробьевъ, что они цѣлыми стаями сидѣли у нея на колѣняхъ и ѣли крошки хлѣба съ ея халата... Часто, когда мы ходили подъ руку, я вдругъ замѣчала, что она дѣлаетъ обходъ и

тянетъ меня въ сторону. Нѣкоторое время я недоумѣвала, что это значитъ, а когда услышала отвѣтъ, то не могла не разсмѣяться... а потомъ—умилилась. Эта террористка, замѣчая ползущую гусеницу или жука, боялась раздавить насѣкомое!.. А мнѣ и въ голову не приходило смотрѣть, бѣжитъ ли какая-нибудь маленькая тварь поперекъ дороги... Когда, позднѣе, у насъ появились кусты малины, и маленькая гусеница стала объѣдать зелень, то никакъ нельзя было уговорить моего друга заняться собираніемъ вреднаго существа и потопленіемъ его въ лейкъ. Пусть лучше пропадаетъ малина и весь кустъ—истреблять живое созданіе она не можетъ! Однажды много смѣха возбудилъ ея поступокъ съ клопомъ, найденнымъ въ камерѣ и, вѣроятно, занесеннымъ какимъ-нибудь жандармомъ. Л. А. тщательно завернула его въ бумажку и вынесла на гулянье: здѣсь клопъ былъ освобожденъ изъ бумажной обертки и осторожно выпущенъ на волю.

Меня очень интересовало такое отношеніе къ животнымъ и я спросила: всегда ли она такъ относилась къ нимъ? Она сказала, что всегда уважала жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И у нея это, дѣйствительно, была не временная тюремная «сентиментальность», а искреннее чувство, вполне гармонизировавшее со всей ея любящей натурой. Человѣка, болѣе гуманнаго по отношенію къ людямъ, трудно было встрѣтить, и въ первые годы, когда мелкая борьба съ тюремщиками не омрачала ея душу, эта гуманность и добросердечіе сіяли чуднымъ блескомъ. Л. А. знала жизнь и знала людей и не идеализировала ни то, ни другое. Она брала ихъ такъ, какъ они есть—смѣсь свѣта и тѣни. За свѣтъ—она любила, а тѣнь—прощала. Она имѣла счастливую способность находить и никогда не терять изъ виду хорошія стороны человѣка и непоколебимо вѣрила въ доброе начало, таящееся въ каждомъ. Она была убѣждена, что добро и любовь могутъ побѣдить всякое зло; что не суровый приговоръ, не репрессія, а доброе слово, участливое, дружеское поощреніе—самыя дѣйствительныя средства исправленія. Безконечная снисходительность во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ была характернымъ свойствомъ Л. А. «Всѣ мы нуждаемся въ снисхожденіи»—было ея любимой поговоркой.

Мое собственное міросозерцаніе далеко не отличалось такимъ мягкимъ колоритомъ, но въ первые годы заключенія, вдали отъ общественной борьбы и той разгоряченной атмосферы, въ которой я жила на свободѣ, душа моя смягчилась, и общеніе съ такимъ прекраснымъ типомъ любви не только къ *человѣчеству*, но и къ *человѣку* производило на меня чарующее впечатлѣніе. Я чувствовала удовольствіе нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ эстетическое: это была любовь, это была красота... красота совѣмъ другого рода, чѣмъ жесткая энергія и непреклонная суровая воля, которая ломаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути, и удивительные образцы которой я видѣла ранѣе вокругъ себя... Слушая и наблюдая Л. А., оцѣнивая ее, какъ человѣка, невольно можно было спросить, какъ мирится ея гуманность и добросердечіе съ насиліемъ и кровью ре-

волюционной дѣятельности? Распространять вокругъ себя свѣтъ и теплоту, дѣлать людей счастливыми—вотъ, казалось,—поприще для такой любящей натуры. И однакожъ, безобразіе и несправедливость политическаго и экономическаго строя бросили ее на другой путь. Вопиющая эксплуатація трудящихся массъ сдѣлала ее социалисткой. Невозможность свободной общественной дѣятельности въ Россіи и варварское угнетеніе личности—превратили ее въ террористку. Любящая, самоотверженная душа нашла въ революціонномъ протестѣ единственную форму, въ которую, съ спокойной совѣстью, могла вложить свои альтруистическія чувства, чтобъ цѣною собственной жизни расчистить пути жизни для слѣдующихъ поколѣній...

Осенью того же 86 года, когда мы свидѣлись съ Л. А., мы были вынуждены отказаться отъ прогулокъ вдвоемъ, хотя онѣ однѣ только и скрашивали нашу жизнь. Это случилось такъ: по тюремной инструкторіи прогулка вдвоемъ и пользование огородомъ были льготой, даваемой за «хорошее поведеніе». Понятно, быть взысканнымъ, не въ примѣръ прочимъ, «за поведеніе», никому не могло быть приятнымъ, а оцѣнка поведенія производилась зрителемъ, или вѣрнѣе, онъ просто давалъ льготы, кому хотѣлъ, проявляя обыкновенно вопиющую несправедливость. Были товарищи, повседневно поведеніе которыхъ не выходило изъ рамокъ, въ которыхъ держались всѣ, и, однако, никакими льготами они не пользовались. Они немножко стучали съ сосѣдями—но это былъ общій грѣхъ.

Въ тюрьмѣ люди не могутъ обойтись безъ сношеній между собой: совѣтъ не стучать только одни душевно-больные. Но, если однимъ нарушителемъ тюремныхъ правилъ можно было дать прогулку вдвоемъ и огородъ, казалось бы, слѣдовало дать ихъ всѣмъ. Но этого не было... и нѣкоторые товарищи, какъ Кобылянской, Златопольскій умерли, не выдавъ дружескаго лица. Другимъ, какъ Панкратову, Мартынову, Лаговскому—пришлось ждать этой льготы цѣлые годы...

Какими средствами, не имѣющими ничего общаго съ «хорошимъ поведеніемъ», иногда можно было добиться свиданья съ товарищемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, случившагося съ М. Р. Поповымъ.

Однажды наша тюрьма огласилась крикомъ: «Караулъ!!!» Всѣ насторожились, недоумѣвая, въ чемъ дѣло?

Мгновенно форточка въ двери Попова открылась, и въ ней появилось лицо зрителя Соколова.

— «Что нужно?» грубо спросилъ онъ.

— Не могу дольше такъ жить!... отвѣчаетъ Поповъ.—Дайте свиданье!...

Смотритель, помолчавъ и, смотря въ упоръ ему въ лицо, сказалъ: «Доложу Начальнику Управленія».

Черезъ нѣсколько минутъ является Покрошинскій (комендантъ).

— «Что нужно заключенному?» спрашиваетъ онъ.

— Не могу дольше жить такъ... повторяетъ Поповъ.—Дайте прогулку вдвоемъ!...

Покрошинскій: «Заключенный кричалъ: караулы! и требуетъ льготы... Пусть заключенный подумаетъ: если мы теперь же исполнимъ его желаніе,—какой примѣръ это подастъ другимъ?!... Но, если заключенный немного подождетъ,—мы удовлетворимъ его. Если же онъ вздумаетъ кричать опять, мы уведемъ его въ другое помѣщеніе»... (т. е. въ старую тюрьму или карцеръ).

Михаиль Родіоновичъ нашель болѣе выгоднымъ подождать, и чрезъ нѣсколько дней его свели на гулянья съ Шебалинымъ.

Но не всякій былъ такъ изобрѣтателенъ, какъ Михаилъ Родіоновичъ, и большинство молчало. Иногда раздача льготъ была прямо таки орудіемъ непонятной злобы и мести въ рукахъ смотрителя. Если на его «ты» ему отвѣчали той же монетой, то заключенный терялъ всѣ шансы на то, чтобъ увидѣться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ, хотя бы дни его жизни были сочтены. Савелій Златопольскій никакихъ столкновеній со смотрителемъ не имѣлъ, но стучалъ съ сосѣдями, хотя весьма мало. У него открылось сильное кровотеченіе горломъ... Силы его падали день ото дня, но смотритель съ холодной жестокостью оставлялъ его въ одиночествѣ. То же было и съ Кобылянскимъ, который говорилъ смотрителю «ты»... Отсутствіе льготъ у Панкратова тоже было актомъ мести.

Тяжело было, возвращаясь съ гулянья, думать о сосѣдѣ, лишенномъ послѣдней радости—видѣться съ товарищемъ. Тяжело—гулять вдвоемъ, когда тутъ же вблизи уныло бродитъ товарищъ, тоже жаждущій встрѣчи и столь же нуждающійся въ обществѣ, въ сочувствіи, въ другѣ.

Но мнѣ никогда не приходила въ голову мысль о какомъ-нибудь выходѣ изъ этого положенія. Я считала тюремныя правила такой же несокрушимой твердыней, какъ каменная стѣна, желѣзная дверь и рѣшетки. Мнѣ казалось невозможнымъ сломить гнетущій насъ тюремный режимъ, какъ невозможно разрушить стѣны и замки.

Но Л. А. была другого мнѣнія: она думала, что противъ тюремныхъ порядковъ надо въ той или иной формѣ протестовать. Распредѣленіе льготъ смотрителемъ—произвольно и несправедливо, а *потому* не можетъ быть терпимо. Л. А. предлагала въ этомъ случаѣ протестъ пассивный, а именно добровольный отказъ отъ льготъ со стороны тѣхъ, кто ими пользуется въ данное время. Отказъ, конечно, долженъ быть мотивированнымъ: въ немъ слѣдовало указать на болѣе или менѣе одинаковое поведеніе всѣхъ заключенныхъ и на чувство товарищества и симпатіи, не дозволяющее намъ спокойно пользоваться тѣмъ, чего лишены другіе.

Я долго не могла рѣшиться на такую жертву. Конечно, мнѣ было тяжело при мысли, что я пользуюсь благомъ, отъ отсутствія котораго рядомъ задыхается товарищъ... Но я чувствовала себя «на днѣ» жизни, и свиданія съ Л. А. были моей единственной радостью!... Если бы я еще могла вѣрить, что жертва будетъ плодотворна и что добровольнымъ отказомъ намъ удастся вырвать изъ

рукъ зрителя орудіе угнетенія товарищей! Но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ намъ уступили въ такомъ серьезномъ пунктѣ, а если такъ, то не будетъ ли это простымъ самоистязаніемъ и притомъ навсегда, потому что, отказавшись однажды, отступить было уже невозможно. Къ тому же нѣкоторые изъ пользовавшихся «льготой» гуляли съ товарищами настолько уже больными, что имъ безусловно была необходима дружеская помощь.

Видя, какъ меня пугаетъ разлука, Л. А. на время замолкала... Но вопросъ, безпокоившій насъ, снова и снова вырывалъ въ нашихъ бесѣдахъ. Л. А. постоянно указывала мнѣ на новыя стороны вопроса: она говорила, что нужно имѣть въ виду не одни только непосредственные результаты протеста; что помимо прямой цѣли—добиться того, чтобы прогулки вдвоемъ и пользование огородами стали общимъ достояніемъ тюрьмы, нормой, а не льготой,—протестъ, самъ по себѣ, имѣетъ значеніе. Среди всеобщаго молчанья и подчиненья, администрація увидитъ, что мы не относимся пассивно къ тому, что совершается вокругъ насъ, что мы думаемъ не только о себѣ, какъ того постоянно требуетъ начальство, но также сочувствуемъ товарищамъ и поднимаемъ голосъ въ защиту ихъ. «Говорите только о себѣ»—было всегдашнимъ замѣчаніемъ при употребленіи кѣмъ-либо слова «мы». А тутъ, во имя товарищества, люди отказываются отъ того, что въ глазахъ начальства составляетъ награду. Ничто не дорого такъ начальству, какъ безпрекословное, пассивное воспріятіе всего, что отъ него исходитъ.

И вотъ люди, лишеныя не только всѣхъ юридическихъ, но и просто элементарныхъ человѣческихъ правъ, и относительно которыхъ приняты всѣ мѣры къ полному подавленію ихъ личности,—эти люди ставятъ себя, хотя бы на минуту, выше своихъ тюремщиковъ и палачей: они критикуютъ и осуждаютъ распоряженія тюремной администраціи и указываютъ на необходимость перемѣнъ въ режимѣ, установленномъ для того, чтобъ держать въ желѣзныхъ тискахъ этихъ самыхъ критиковъ.

Мало-по-малу Л. А. убѣдила меня въ справедливости своихъ доводовъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами мы отказались отъ пользованія льготами до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ распространены на всю тюрьму. Первоначально довольно многіе соглашались дѣйствовать съ нами за одно, но потомъ, какъ это часто случается въ тюрьмѣ, все спуталось и замѣшалось, и вмѣсто болѣе или менѣе общаго протеста, только Л. А., я, Ю. Богдановичъ, Поповъ и Шебалинъ довели дѣло до конца. Въ теченіе полутора года мы не пользовались льготами... За этотъ періодъ не мало утекло воды. Погибъ жестокой смертью Грачевскій, сжегшій самъ себя. Зритель Соколовъ былъ послѣ этого уволенъ, и новый зритель Федоровъ весной 1888 г., далъ льготы всѣмъ, кромѣ Лаговскаго. Когда же Л. А. и я заявили, что все же не воспользуемся прогулкой вдвоемъ, пока и Лаговскій не будетъ пользоваться ею, то Федоровъ далъ товарища и Лаговскому. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ вывелись какія бы то ни было раздѣленія на ка-

тегоріи, и я думаю, что желаніе администраціи не возбуждать не-удовольствія заключенныхъ было причиной, что льготы, какъ награда за поведеніе, остались только на бумагахъ (въ инструкціи), но исчезли въ нашей тюремной жизни.

Послѣ того, какъ осенью 86 года Л. А. разсталась со мной, въ ея жизни начался новый періодъ. Въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургѣ ея отношеніе къ крайне тягостнымъ правиламъ тюремной дисциплины ничѣмъ не отличалось отъ отношенія къ нимъ всѣхъ товарищей: всѣ мы были въ подавленномъ состояніи, и въ атмосферѣ застѣнка, въ который мы были брошены, казалось, надо или прямо идти на смерть, какъ пошли Минаковъ и Мышкинъ, или молчать, покоряясь участи связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Но Минаковъ и Мышкинъ, равелинцы и карійцы, были людьми, уже нѣсколь-ко лѣтъ терпѣвшими безправіе и угнетеніе; у нихъ могло уже не хватать силъ на дальнѣйшую жизнь при такихъ условіяхъ. Изъ остальныхъ многіе, въ томъ числѣ Л. А., — были новички. Тотъ, кто былъ когда-либо подъ обаяніемъ образа Іисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерти, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его идеаломъ, а его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ; спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.

Мало того: идеи христіанства, которыя съ колыбели, безсознательно и сознательно, прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоро-преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

Понятно, что при такомъ настроеніи никакой словесный или физической бой съ шайкой сбирровъ и заплочныхъ дѣлъ мастеровъ немислимъ. Вѣдь Іисусъ не сопротивлялся, когда Его поносили и заушали. Всякая мысль объ этомъ является уже профанаціей Его чистой личности и кроткаго величія...

Несомнѣнно и у Л. А. было подобное же настроеніе. Но потому оно исчезло. Пока мы видѣлись съ нею, она сдерживалась, чтобъ не оставить меня въ одиночествѣ, которое для меня было такъ губительно. Но даже и тогда порой у нея прорывался гнѣвъ при обстоятельствахъ, которыя мнѣ казались ничтожными. Такъ, однажды, жандармъ, стоявшій на посту и бдительно присматривавшійся ко всему, что мы дѣлали, почему-то улыбнулся. Быть можетъ, онъ слышалъ что-нибудь изъ нашего разговора, и это показалось ему забавнымъ. Внезапно я услышала гнѣвный голосъ

Л. А. «Вы приставлены тутъ, чтобъ наблюдать, а не для того, чтобы смѣяться!» говорила она... и вся дрожала отъ волненія. Я удивилась ея горячности и была огорчена: мнѣ казалось, лучше бы сдѣлать видъ, что не замѣчаешь этой улыбки. Но Л. А. была другого мнѣнія...

Послѣ нашей разлуки подобныя столкновенія съ жандармами участились, а осенью 87 г. Л. А. съ нѣсколькими товарищами была уведена въ старую тюрьму. Это было—наказаніе, такъ какъ гигиеническія условія въ послѣдней были несравненно хуже, чѣмъ въ новой тюрьмѣ, гдѣ мы находились съ 84 г. Отлученіе отъ остальныхъ товарищей тоже должно было имѣть тягостное психическое вліяніе, а обращеніе тюремщиковъ съ наказанными было самое безцеремонное. Пребываніе въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ въ старой тюрьмѣ и было тѣмъ поводомъ, по которому ген. Шебеко дѣлалъ Л. А. выговоръ. Уводъ же ея туда случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лаговскій постоянно лазилъ на окно, чтобъ въ форточку смотрѣть на товарищей, гулявшихъ въ огородѣ, расположенномъ противъ его камеры. Самъ же онъ въ то время не имѣлъ ни прогулки вдвоемъ, ни огорода. Однажды, когда, не смотря на многократныя замѣчанія, онъ все-таки не повиновался,—его увели въ старую тюрьму. Узнавъ объ этомъ Л. А. стала требовать, чтобъ увели и ее. Смотритель Соколовъ исполнилъ это желаніе. Тогда Поповъ потребовалъ того же. Увели и его. Въ той же тюрьмѣ, но по другимъ поводамъ, оказались еще Грачевскій и Манучаровъ. Послѣдній былъ уведень за пѣніе, на нѣсколько минутъ нарушившее обычную тишину тюрьмы. По пути изъ одного зданія въ другое онъ былъ избить въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, въ послѣдствіи отрицавшаго этотъ фактъ.

Въ старой тюрьмѣ шли почти непрерывныя столкновенія съ жандармами изъ-за «стука». Товарищи переговаривались между собой и, чтобъ помѣшать имъ, жандармы поднимали неистовый шумъ: они брали полѣно и колотили имъ изо всей силы въ дверь, страшно раздражая этимъ нервы всѣхъ, или скоблили кочергой по желѣзу въ корридорной печи. Начиналась адская музыка: въ корридоры человѣкъ 6 здоровенныхъ унтеръ-офицеровъ бомбардировали полѣнями двери камеръ, а запертыя въ нихъ, измученные люди бѣшено отвѣчали, стуча кулаками и ногами, единственными орудіями, которыхъ у нихъ нельзя было отнять. По обѣ стороны дверей, снаружи и внутри, люди были въ бѣшенствѣ. Сцена выходила дикая и жестокая...

Когда-то, въ качествѣ студентки, я посѣщала психіатрическую больницу въ Бернѣ. Тамъ, между прочимъ, насъ водили въ отдѣленіе буйныхъ. Одну женщину, высокую худую брюнетку, съ горящими черными глазами и зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ, я помню до сихъ поръ.

Когда профессоръ вошелъ къ ней, она, пробормотавъ нѣсколько словъ, внезапно принялась на него кричать, яростно жестикулируя

и наступая. Скоро онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и быстро запереть дверь ея чисто тюремной кельи. Неистовые крики, угрозы и проклятья понеслись изъ-за двери. Съ силой, совершенно не гармонировавшей съ истощеннымъ видомъ пациентки, она наносила кулаками такіе удары въ дверь, что, казалось, еще минута, и дверь разлетится въ щепки. Толпа учащейся, мужской и женской, молодежи стояла въ тягостномъ смущении... Одинъ профессоръ, холодный и невозмутимый, со строгими, пронизывающими глазами, стоялъ, словно тюремщикъ, держа въ рукѣ ключъ... Онъ привыкъ, онъ не волновался...

Теперь такія же сцены происходили здѣсь, въ тюрьмѣ, съ людьми, которые не были маниаками, но находились въ условіяхъ и обстановкѣ, дѣлавшихъ ихъ похожими на маниаковъ. Немного раньше, чѣмъ Л. А., я сама въ теченіе нѣсколькихъ дней была участницей въ подобнаго же рода сценахъ, и ярость, которую я испытала, была такъ ужасна, что, разъ навсегда, я дала себѣ слово никогда болѣе не ставить себя въ подобное положеніе...

И такую жизнь, такую обстановку, когда каждую минуту дверь могла отвориться, и 6 жандармовъ могли ворваться въ камеру, избить, связать и надругаться,—Л. А. съ небольшими передышками вела цѣлые мѣсяцы...

Это одинъ типичный случай, происходившій въ первый, самый тяжелый періодъ заключенія. Въ послѣдующіе годы условія тюремной жизни стали измѣняться къ лучшему, дикія сцены выходили изъ обихода. Побои, вязанье и надѣваніе сумасшедшей рубашки, которымъ въ первый періодъ подвергались нѣкоторые товарищамужчины, — прекратились. Столкновенія съ тюремной администраціей стали ограничиваться шумными пререканіями и рѣзкими словами...

Тюрьма, конечно, даетъ множество поводовъ къ неудовольствіямъ и конфликтамъ, и Л. А., въ той или иной степени, принимала участіе въ послѣднихъ. Иногда она воевала по поводу фактовъ, относившихся къ ней, но несравненно чаще—мотивомъ было чувство товарищества, желаніе поддержать или защитить кого-нибудь другого. Въ своей брошюрѣ о жизни въ Шлиссельбургѣ она говоритъ: «сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь лишь въ постоянной борьбѣ за чувство человеческого достоинства». Она, дѣйствительно, искала такого удовлетворенія и находила его... По своимъ взглядамъ на обязательность борьбы по всякаго рода поводамъ она сходилась съ той группой женщинъ на Карѣ, къ которой принадлежали Ковалевская, Россикова и Ковальская. Но она не была истерзана и надломлена, какъ Ковалевская, и не отличалась деспотизмомъ и такой страстной нетерпимостью, которые причиняли Ковалевской такія жгучія нравственные страданія. Л. А. уважала чужое убѣжденіе и чужую личность. Конечно, холодокъ пробѣгалъ и у нея, когда по поводу какого-нибудь тюремнаго вопроса дѣло доходило до рѣзкаго разногласія съ друзьями. Но это было мимолетное явленіе; безконечно добрая, она скоро забывала

не только разногласіе, но даже и жесткое слово, которое могло сорваться по ея адресу. Ея незлобіе въ послѣднемъ отношеніи было удивительно—она ни на минуту не забывала тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили въ Шлиссельбургѣ, и эти условія, въ ея глазахъ, полноѣ объясняли и извиняли всякую раздражительность. Сама она, по отношенію къ товарищамъ, никогда не страдала этимъ качествомъ: ея характеръ былъ всегда ровенъ и отличался несравненной мягкостью и веселостью, что составляло рѣзкую противоположность съ ея всегдашними отношеніями къ жандармеріи низшаго и высшаго порядка.

Долго гуляли мы съ Л. А., бесѣдая только вдвоемъ и не имѣя никакой возможности увидѣться съ остальными товарищами. Но, какъ искусно описалъ М. Ю. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ 1-ой книжкѣ «Былого», въ одинъ прекрасный день преграды, раздѣлявшія насъ, рушились: въ заборахъ самовольно были прорублены окошечки, и явилась возможность, въ каждахъ 2-хъ смежныхъ огородахъ, видѣться и говорить съ сосѣдями. Видя, что изоляція уже не существуетъ и что возстановить старую систему значило бы поднять въ тюрьмѣ волненіе и беспорядокъ, комендантъ Гангардъ, всегда отличавшійся большимъ тактомъ и лояльной добротой, сдѣлалъ департаменту государственной полиціи докладъ, въ которомъ предлагалъ передѣлать огородные заборы такимъ образомъ, чтобы верхняя часть ихъ была замѣнена деревянной рѣшеткой. Онъ мотивировалъ эту реформу скудостью свѣта въ огородахъ, со всѣхъ сторонъ затѣненныхъ сплошными заборами въ 3½ аршина высоты, отчего растенія тянулись и плохо развивались. Реформа прошла, и это было великое событіе въ нашей жизни. Не говоря уже о томъ, что количество солнечнаго свѣта, который мы научились цѣнить только въ тюрьмѣ, сильно увеличилось и уже отъ одного этого намъ стало веселѣе жить,—мы получили неоцѣненное благо, стоя на маленькихъ эстрадахъ, построенныхъ нами у заборовъ, говорить уже не въ окошечко, а черезъ рѣшетку съ сосѣдями. Этотъ переломъ въ общей жизни тюрьмы произошелъ въ 92 году.—Наша жизнь расширилась неизмѣримо, особенно для Л. А. и меня. Товарищи-мужчины могли смѣняться другъ съ другомъ парами (это тоже далось не сразу!) и, такимъ образомъ, каждый могъ познакомиться со всѣми и изъ 21—28 чел. выбирать себѣ любого собесѣдника, мы же были совершенно лишены всякаго другого общества, кромѣ насъ двухъ, такъ какъ другихъ женщинъ въ тюрьмѣ не было. На меня одиночное заключеніе подѣйствовало такимъ образомъ, что я потеряла потребность въ общеніи съ людьми. Одинъ или два друга были бы для меня вполне достаточны. Но Л. А. была человѣкъ крайне общительный, она любила общество, любила, какъ она выражалась, быть «на улицѣ». Въ этомъ мы составляли въ тотъ періодъ полную противоположность: я прямо тяготилась встрѣчами съ товарищами и чувствовала непреодолимое стремленіе бѣжать отъ нихъ. Такъ какъ я была

вполнѣ откровенна съ Л. А., то часто жаловалась ей на тягостныя чувства, которыя я испытывала; но она всѣми силами старалась убѣдить меня, чтобъ я боролась съ нездоровымъ стремленіемъ къ одиночеству. Она находила его ненормальнымъ и утѣшала, что понемножку это пройдетъ. Много разъ она ободряла меня, уговаривала и всячески старалась облегчить мнѣ возвратъ къ естественнымъ отношеніямъ къ людямъ. Ея здравомыслію и гуманной поддержкѣ я очень много обязана въ томъ, что въ концѣ концовъ стала находить пріятнымъ общеніе съ товарищами и вышла изъ состоянія, которое я теперь не могу назвать иначе, какъ состояніемъ одичанія. Ту же милую доброту и широкое альтруистическое чувство, которыми Л. А. обогрѣвала меня, она дарила и другимъ товарищамъ. И если для нея самой было нужно и пріятно ихъ общество, то для нихъ, лишенныхъ теплой ласки, ея обаятельная личность имѣла неотразимую привлекательность. Всѣ хотѣли ее видѣть, и какъ можно чаще видѣть!—и ей приходилось, какъ выразился однажды Морозовъ, рѣзать себя на кусочки. И, въ самомъ дѣлѣ, она рѣзала, потому что отказать въ просьбѣ—была не въ силахъ. Время ея прогулокъ было распределено на нѣсколько смѣнъ, состоявшихъ въ томъ, что въ то время, когда она находилась въ одномъ огородѣ, въ сосѣднемъ находились двое товарищей; затѣмъ они уходили, и на ихъ мѣсто являлись другіе.

Послѣ обѣда въ 1 часъ насъ водили въ мастерскія, помѣщавшіяся въ 90-хъ годахъ въ старой тюрьмѣ. Когда тамъ добились того, чтобъ форточки въ дверяхъ были во время работъ отперты, и затѣмъ товарищи завоевали право находиться по 2 и даже по 4 человѣка въ общемъ корридорѣ, то у двери столярной, гдѣ работала Л. А., постоянно стояла кучка собесѣдниковъ, и не смолкали разговоры, шутки или пренія. Всѣхъ она встрѣчала съ радушіемъ и улыбкой, всегда находя темы для разговора и обсуждения и служа для своихъ друзей постояннымъ источникомъ радости и утѣшенія. Невозможно перечислить все, что она дѣлала для товарищей, эти сотни мелкихъ услугъ, заботъ и маленькихъ подарковъ, которые скрашивали и разнообразили монотонную жизнь въ тюрьмахъ. Понятно, что ее любили горячо. Прочувствованные стихи Н. А. Морозова, написанные по случаю ея увоза отъ насъ въ 1896 г., прекрасно выражаютъ чувства, которыя она вызывала въ друзьяхъ:

* * *

Полна участія и привѣта
Среди безмолвія и тьмы,
Она сошла, какъ ангелъ свѣта,
Подъ своды мрачныя тюрьмы...
Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой,
И жизнь она намъ обновила
Своей сердечной чистотой.
Въ глухой тюрьмѣ она страдала
Среди насилія и зла
Потомъ ушла... и не узнала,
Какъ много свѣта унесла...

Есть въ мірѣ люди: ихъ встрѣчаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!...

* * *

Въ началѣ ноября 1896 г., когда мы находились въ старой тюрьмѣ на работѣ въ мастерскихъ, внезапно пришелъ вахмистръ и увелъ одного за другимъ нѣсколькихъ лицъ ¹⁾ и между ними и Л. А., сказавъ, что ихъ ждетъ комендантъ. Всѣ были въ недоумѣніи и трегогѣ, не зная, что бы это значило. Однако, уведенные скоро возвратились. Они были взволнованы и рассказали, что комендантъ имъ объявилъ, что по коронаціонному манифесту срокъ каторжныхъ работъ имъ сокращенъ: каторга безсрочная замѣнена 20 годами (Василію Иванову, Ашенбреннеру и Поливанову), а остальнымъ (Панкратову, Суровцеву, Яновичу и Л. А.) срокъ сокращенъ на одну треть, въ силу чего Л. А., Суровцевъ и Яновичъ должны теперь же выйти изъ крѣпости. Частичная амністія, остававшая другихъ товарищей въ прежнемъ положеніи, не приносила амнистированнымъ радости, а Л. А. встрѣтила ее прямо съ гнѣвомъ: когда мы, обрадованные, что хоть нѣсколько человекъ выйдутъ изъ нашей могилы, бросились поздравлять ее,—она не хотѣла слышать никакихъ поздравленій и ликованій и лишь мало-по-малу примирилась съ фактомъ. Тогда начались спѣшныя приготовленія къ отправкѣ и планы насчетъ будущаго.

Еще въ 95 году, предполагая, что черезъ четыре года, по окончаніи срока каторги, она будетъ сослана въ Сибирь или на Сахалинъ, Л. А. рѣшила пополнить свои медицинскія знанія, чтобъ въ ссылкѣ быть полезной населенію въ качествѣ фельдшерицы. Докторъ Безродный, который, оставаясь вполне лойальнымъ, облегчалъ намъ жизнь своей гуманной отзывчивостью на каждую нашу нужду, оказалъ и тутъ всевозможную помощь, доставивъ нѣкоторые учебники, полный человѣческой скелетъ и отдѣльные кости, по которымъ Л. А. могла изучать анатомію. Морозовъ прочелъ ей краткій курсъ химіи, а Лукашевичъ, этотъ образецъ альтруизма, когда дѣло шло о помощи въ научныхъ занятіяхъ, взялся прочесть Л. А. на гуляньи курсъ гистологіи, что и выполнилъ блестящимъ образомъ. Микроскопъ у насъ былъ съ 91 г., когда на заработанныя товарищами ²⁾ деньги комендантъ Гангардъ купилъ намъ подержанный Гартнагъ. Этотъ микроскопъ выносился на гулянье, ставился между рейками рѣшетчатой части забора, и такимъ образомъ Лукашевичъ могъ демонстрировать Л. А. гистологическіе препараты, которые готовлялъ съ большимъ искусствомъ. Л. А. быстро усваивала необходимыя знанія и съ большимъ усердіемъ изучала предметы намѣченнаго курса, который предполагала пройти въ че-

¹⁾ Василія Иванова, Суровцева, Яновича, Поливанова, Панкратова.

²⁾ Они выточили ограду на братскую могилу воиновъ, павшихъ въ битвѣ со шведами при Петрѣ I.

тыре года. Амнистія неожиданно прервала эти занятія, чрезвычайно полезныя въ видахъ будущей ссылки.

Тяжело было Л. А. покинуть насъ послѣ столькихъ лѣтъ общей жизни, полной всевозможныхъ невзгодъ. Она любила насъ... и знала, что для нѣкоторыхъ нужна, какъ свѣтъ, какъ воздухъ. Нѣжная заботливость объ этихъ лицахъ сказывалась много разъ въ послѣднихъ ея бесѣдахъ со мной, когда она просила меня не забывать, что для нихъ—ея отъѣздъ особенно тяжелъ... 23-го ноября ее и 4-хъ другихъ товарищей: Мартынова и Шебалина, 12-лѣтній срокъ которыхъ какъ разъ тогда кончился помимо амнистіи, и амнистированныхъ: Яновича и Суровцева—должны были увезти.

Послѣдній часъ передъ отъѣздомъ Л. А. провела въ моей камерѣ. Все время—она плакала, я—утѣшала. Трогательныя слова, сказанныя ею на прощанье, были—что въ Шлиссельбургѣ она покидаетъ лучшихъ людей, которыхъ когда-либо знала...

Въ 1 часъ дня, уѣзжавшихъ, одного за другимъ, стали выводить изъ камеръ, а потомъ изъ тюрьмы. По выходѣ изъ тюремной ограды на обширный дворъ крѣпости, гдѣ съ одной стороны находятся братская могила по убитымъ воинамъ и рядъ домовъ, въ которыхъ обитаетъ высшая тюремная администрація, а съ другой—церковь, садъ и казармы низшихъ чиновъ,—каждый освобожденный останавливался, чтобъ безмолвнымъ жестомъ выразить намъ свое «послѣднее прости». Изъ оконъ камеръ мы смотрѣли на ихъ удаляющіяся фигуры... Каждый, обернувшись въ нашу сторону, дѣлалъ низкій поклонъ; мужчины снимали шапку и махали ею, въ знакъ пріѣтствія... а Л. А., остановясь два или три раза, махала платкомъ. Мы тоже держали въ рукахъ бѣлые платки, которыя издали легче было видѣть чрезъ двойныя рамы и рѣшетки нашихъ окнъ... Мы провожали взглядомъ друзей, возвращающихся къ жизни, и въ эту минуту, казалось, вокругъ насъ образуется всякая темная пустота... Вотъ они дошли до воротъ и скрылись... для насъ они переставали существовать: словно морская бездна разверзлась и поглотила ихъ, и ни одна вѣсточка не должна была сказать намъ, что будетъ съ ними дальше?.. Темная неизвѣстность, какъ «слѣпцовъ» Мэтерлинка, всегда и во всемъ окружала насъ...

По выходѣ изъ Шлиссельбурга Л. А. увидалась, наконецъ, со своимъ сыномъ, тогда уже студентомъ естественнаго факультета Петербургскаго университета, и духовная связь между ними оказалась сильна и глубока. Мужъ Л. А.—Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, еще до суда говорившій ей, что въ случаѣ ссылки въ Сибирь послѣдуетъ за ней, исполнилъ это обѣщаніе теперь, и отправился на Сахалинъ, назначенный Л. А., какъ мѣсто поселенія. Тамъ въ портѣ Корсаковскомъ, представляющемъ лучший пунктъ всего острова, онъ занялъ мѣсто врача въ больницѣ, а прибывшая туда моремъ Л. А. получила мѣсто фельдшерицы. Въ газетѣ «Наша Жизнь» отъ 26-го января нынѣшняго года помѣщена теплая замѣтка г-жи Александровой о дѣятельности Л. А. на Сахалинѣ.

Эта жизнь была полна самоотверженія и активной любви къ

ближнему. Обстановка Сахалина, съ его безправнымъ населеніемъ, жестокими нравами, презрѣніемъ администраціи къ человѣческой личности, давала полный просторъ для протеста противъ угнетателей и защиты угнетенныхъ, къ чему было такъ склонно сердце Л. А. Какъ должно было вліять на больныхъ ея участливое, мягкое отношеніе, можетъ составить себѣ понятіе всякій, кто только имѣлъ случай знать лично Л. А. Въ Шлиссельбургѣ были товарищи, которые считали, что обязаны ей своею жизнью. Такъ, С. А. Ивановъ, одно время почти обреченный на гибель вслѣдствіе кровотеченій горломъ, приписываетъ свое воскресеніе ничему иному, какъ сочувствію и нравственной поддержкѣ, которую во время болѣзни ему оказывала Л. А., нарочно переселившаяся къ нему въ сосѣдство, чтобъ черезъ стѣну оказывать ему дружескую помощь. Кто читалъ мемуары объ Алексѣевскомъ равелинѣ нашего дорогого товарища П. С. Поливанова, конечно, помнитъ трогательный образъ Н. Колодкевича, на костыляхъ подходившаго къ стѣнѣ, чтобъ нѣсколькими ласковыми словами утѣшить и развлечь Петра Сергѣевича. Короткій разговоръ черезъ бездушный камень раздѣлявшій двухъ узниковъ, погибавшихъ отъ цынги и одиночества,—былъ ихъ единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой. По признанію автора мемуаровъ, не разъ доброе слово Колодкевича спасало его отъ острыхъ припадковъ меланхоли, толкавшихъ его къ самоубійству... И въ самомъ дѣлѣ ласковое участіе въ тюрьмѣ творить истинныя чудеса, и если бы легкій стукъ въ стѣну не разрушалъ каменную преграду, раздѣляющую человѣка отъ человѣка, осужденный не имѣлъ бы возможности сохранить жизнь и душу... Не даромъ борьба за стукъ есть первая борьба, которую ведетъ узникъ: это прямо борьба за существованіе, и за нее, какъ за соломенку, бессознательно хватается всякій замураванный въ келью... Когда же наступаетъ моментъ, что осужденные на одиночное заключеніе могутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и замѣнить символическій стукъ живой рѣчью, то доброта души, воплощенная въ звуки голоса, ласковый взглядъ и дружеское рукопожатіе даютъ отраду, невѣдомую для того, кто не терялъ свободы. Въ этомъ отношеніи миссія и роль Л. А. въ тюрьмѣ была велика, и многія сердца навсегда запечатлѣли ея образъ и сохранятъ о ней горячее воспоминаніе, полное признательности... Въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ—она была одна и та же—великая силой своей любви къ людямъ, полная благороднаго мужества и неуклонной стойкости.

Прекрасная душой, Л. А. обладала и красивой внѣшностью: она была довольно высокая, очень стройная... Темные, слегка выощіеся волосы тяжеловѣсной косой падали на ея спину. Прекрасный цвѣтъ лица и мягкія славянскія черты съ бровями, проведенными широкимъ мазкомъ, хорошо очерченный ротъ и чудные сѣрые глаза, неотразимые въ минуты серьезности и грусти—вотъ ея портретъ въ лучшіе годы жизни въ Шлиссельбургѣ.

Л. А. убита 10-го января текущаго года во Владивостокѣ, гдѣ она жила послѣдніе годы по отъѣздѣ съ Сахалина. Одна изъ пуль,

направленныхъ въ безоружную толпу манифестантовъ, среди которыхъ была и она, порвала ея жизнь. Она покоится въ землѣ на разстояніи 9 т. верстъ отъ того мѣста, гдѣ она мучилась и страдала, и гдѣ погребены тѣ, кто не перенесъ физическихъ и нравственныхъ тягостей нашей Бастиліи. Но одна и та же идея, идея свободы соединяетъ эти два отдаленные пункта, лежащіе на противоположныхъ концахъ нашей родины. Борьба, начатая одиночками, поднятая среди общаго молчанія организацией, которая была сильна не числомъ, а лишь энергіей и готовностью погибнуть за общее благо, волнуетъ теперь все наше отечество отъ моря до моря и, быть можетъ, лучшей эмблемой единокровія русскихъ людей, стремящихся къ свободѣ, будутъ служить эти могилы: въ Шлиссельбургѣ, съ одной стороны, и во Владивостокѣ—съ другой. И если когда-нибудь здѣсь и тамъ захотятъ почтить память погибшихъ, то памятникъ въ честь ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же, и на немъ можно начертать одни и тѣ же слова:

„Погибшимъ—слава,
Живущимъ свобода!“

25-го февраля 1906 г.

В. Фигнеръ.

Къ біографіи А. В. Ухтомскаго ¹⁾.

Навсегда останутся памятными обстоятельства геройской смерти машиниста А. В. Ухтомскаго, разстрѣяннаго безъ суда на ст. Люберцахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ «карательнымъ» отрядомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Ухтомскій обнаружилъ необыкновенное величіе духа, поразившее даже тѣхъ, кто разстрѣливалъ его. Корреспондентъ газеты «Русь», г. Владимировъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, даетъ слѣдующее замѣчательное описаніе его смерти ²⁾.

«Собирая свѣдѣнія о дѣятельности отряда Семеновскаго полка на станціяхъ Московско-Казанской жел. дор., мнѣ пришлось слышать отъ многихъ свидѣтелей рассказы о машинистѣ Ухтомскомъ, который геройски держалъ себя въ послѣднюю минуту своей жизни. Многія свѣдѣнія о немъ почерпнуты изъ рассказа капитана Семеновскаго полка, который самъ разстрѣливалъ его въ Люберцахъ вмѣстѣ съ тремя рабочими, и наблюдалъ его послѣднія минуты.

«Капитанъ былъ очарованъ этой личностью; солдаты съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли, какъ умѣютъ умирать мужественные люди. Они любовались имъ и свои чувства къ нему проявили въ томъ, что послѣ перваго залпа онъ остался цѣлъ и невредимъ. Ни одна пуля не коснулась его.

«Это обстоятельство можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ моментъ казни однородныя чувства переживались всѣми.

«По внѣшности онъ (Ухтомскій) ничѣмъ не обращалъ на себя вниманіе. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго человѣка.

«Совершенно случайно, проѣзжая на лошадахъ черезъ Люберцы, Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о прибытіи солдатъ на станцію. Когда его обыскали тамъ, нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили къ офицеру на станцію.

---

¹⁾ Въ февральской книжкѣ „Былого“ мы просили доставить намъ портретъ машиниста Ухтомскаго и біографическія о немъ свѣдѣнія, дабы, помѣстивши въ нашъ журналъ то и другое, прочіе сохранили память объ этомъ замѣчательномъ чело-
вѣкѣ. Просьба наша исполнена, и мы убѣждены, что исполнишему ее будутъ благодарны вмѣстѣ съ нами и всѣ читатели-друзья „Былого“.

²⁾ „Русь“ № 14. 30-го января 1906 г.

Ред.

«На допросъ онъ не говорилъ своей фамилии.

«Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и фотографическія карточки. сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ: «вы машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны!»—«Я такъ и думалъ!»—хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

«Это происходило днемъ, около 3 часовъ. Ему предложили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

«Послѣ исповѣди его, вмѣстѣ съ тремя рабочими люберецкаго тормознаго завода, повели къ разстрѣлу.

«Онъ обратился къ офицеру и сказалъ: «Я зналъ, что, если попадусь въ ваши руки, вы разстрѣляете меня, поэтому я такъ спокойно чувствую себя, такъ какъ былъ ежеминутно готовъ къ смерти. Теперь, предъ смертью, я скажу вамъ, кому вы обязаны, что поѣздъ съ дружинниками благополучно ушелъ изъ Москвы, спасая главныхъ участниковъ и главарей боевой дружины и членовъ стачечнаго комитета.

«Когда всѣ дороги въ Москвѣ были захвачены войсками и выѣздъ ихъ изъ Москвы не представлялся возможнымъ, я взялся вывезти дружину, несмотря на то, что около сортировочной станціи, на огородахъ, вы угрожали мнѣ пулеметами.

«Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, на большой кривой и совершенно открытой мѣстности, удобной для обстрѣла пулеметами, я развилъ скорость поѣзда до 90 верстъ въ часъ. Я самъ управлялъ паровозомъ.

«Давленіе пара въ котлѣ я довелъ до 15 атмосферъ, до предѣла взрыва котла. Намъ грозила опасность не отъ пулеметовъ, а отъ возможности взлетѣть на воздухъ.

«Чтобы развить такую скорость, пришлось идти не только при открытомъ поддувалѣ, но еще при усиленной работѣ сифона.

«И вотъ, когда на этой кривой нашъ поѣздъ стремглавъ летѣлъ впередъ, застрекотали ваши пулеметы. Они не были для насъ опасны, потому что сильнѣе намъ грозили взрывъ котла и возможность слетѣть внизъ головой съ насыпи.

«Но тутъ помогла опытная рука машиниста, управлявшая паромъ и вмѣстѣ судьбою преслѣдуемыхъ вами людей. Вы ранили тогда 6 человекъ, но ни одного не убили. Всѣ спаслись и находятся далеко... Вамъ не достать ихъ!..»

«На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

«Его случайныя товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна!

«Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовления, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же,

какъ я исполнялъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разныя... Капитанъ, командуйте!..»

«Раздался залпъ... Рабочіе упали.

«Ухтомскій остался недвижимъ съ скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

«Раздался второй залпъ—и онъ упалъ на снѣгъ!.. Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

«Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову».

Къ даннымъ о смерти мы можемъ присоединить нѣсколько біографическихъ подробностей объ А. В. Ухтомскомъ, сообщенныхъ намъ г. Какушкинымъ.

Алексѣй Владимировичъ Ухтомскій, мѣщанинъ, родомъ изъ Новгородской губерніи, 29 лѣтъ отъ роду. Учился въ Петербургѣ, въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Года за два до окончанія курса А. В. вышелъ изъ училища и поступилъ на чугунолитейный заводъ (въ Петербургѣ). Затѣмъ служилъ помощникомъ машиниста и машинистомъ на Самаро-Златоустовской жел. дорогѣ. Здѣсь онъ нѣсколько лѣтъ назадъ получилъ поврежденіе лица при исполненіи своихъ обязанностей на паровозѣ и выигралъ затѣмъ дѣло, взыскавъ съ дороги, какъ пострадавшій по винѣ послѣдней, 4.000 рублей. Эта сумма дала ему возможность приобрести домъ въ гор. Пензѣ, гдѣ до настоящаго времени проживаетъ его семья ¹⁾. Передъ смертью Ухтомскій служилъ машинистомъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ. 11-го октября прошлаго года былъ арестованъ въ Москвѣ за участіе въ забастовкѣ; 22 октября былъ амнистированъ. Ни къ какой политической партіи Ухтомскій не принадлежалъ. О смерти Ухтомскаго его родные узнали только изъ газетъ...

---

¹⁾ Семья Ухтомскаго состоитъ изъ жены и четырехъ дѣтей. Кромѣ дома, приносящаго ежегодно не болѣе 100 руб. дохода, никакихъ средствъ у семьи не осталось.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину ¹⁾.

3 августа 1836 г. Баргузинъ.

Признаюсь, любезный другъ, что я было уже отчаявался получить отъ тебя отвѣтъ на письмо мое; но тѣмъ болѣе ему обрадовался; жаль только, что при немъ не было первой книжки твоего журнала: я ее не получилъ.

Ты хочешь, чтобъ я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. *Нынѣ* это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей произошла такая огромная перемѣна, что и понынѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипу замковъ, ни шопота часовыхъ при смѣнѣ,—все это прекрасно, а между тѣмъ, повѣришь ли? порою жалѣю о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзій, къ идеалу; здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно же, кажись, разочарованный насчетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать.—Впрочемъ, *le gût me viendra en mangeant*: вотъ, напр., какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь, *вонькихъ*; отъ нихъ чуть было не сорвало съ души; но протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и—вообрази—съѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то, наконецъ, и нравы здѣшніе придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобъ онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ; проговариваюсь, и довольно даже часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ *„всякъ человекъ ложь“*; но есть и такіе, гдѣ всякъ человекъ—истина. Писать *къ тебѣ* и о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродитъ? А это еще рано.

Ты, другъ Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей. Ошибаешься. Французскихъ и нѣмецкихъ книгъ мнѣ давали очень немного; изъ русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совѣмъ еще старья.

¹⁾ Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ статьѣ Н. Ф. Дубровина „В. А. Жуковский и его отношенія къ декабристамъ“. (Русс. Стар. 1902, т. СХ, апр., стр. 95., 96, 108). Письмо напечатано вскорѣ послѣ освобожденія Кюхельбекера изъ крѣпости и водворенія его на поселеніе. Въ полномъ видѣ оно печатается въ первый разъ.

Здѣсь у брата нашель я кое-что, но и то не новое. Надо, Бальзака, Альфреда де-Виньи знаю только по отрывкамъ изъ русскихъ журналовъ. Послѣдняго: une Histoire de la Terroir, по моему мнѣнію, разсказъ превосходный. Надо, кажется, талантъ мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишкомъ занимають. Что сказать объ исторической вѣрности, о мѣстности, на которой помѣшались особенно наши молодцы? Не пустое ли и глупое ребячество все это? У Шекспира анахронизмовъ, анатотезмовъ тьма. А между тѣмъ! Съ анахронизмовъ перейдемъ къ бездѣлкѣ, которую тебѣ посылаю. „Моя Ксенія всего менѣе поэма историческая. Женитьба князя Ярослава Ярославича Тверскаго только матерьялъ. Мой Ярославъ совсѣмъ другое лице, лице до-татарское, потому и небывалое; и.—полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарахъ, такъ воспоминанія о ихъ чудовищномъ величїи чисто бы задушили ничтожную басню о любви Ксенїи и Ермила, Юрїя и Ольги“. Эти строки, отдѣленные вводными знаками, пусть будутъ предисловіемъ къ моей поэмѣ, если только позволять ее напечатать. А это бы было очень не худо, потому что деньги мнѣ нужны и пренужны. Земледѣлецъ я плохой; быть же въ тягость брату не хочется. Кстати! Нѣсколько разъ писалъ я къ роднымъ, чтобъ отправилъ ко мнѣ всѣ мои деньги сполна; у меня по всѣмъ расчетамъ еще около 1,000 рублей, которые мнѣ теперь *необходими здѣсь*; у брата-де около 700 долгу, а это въ нашемъ положенїи не вздоръ, особенно же потому, что порабощаетъ насъ людямъ, отъ которыхъ я не желалъ бы зависѣть. Сдѣлай же дружбу, Александръ Сергѣевичъ, скажи сестрѣ и племяннику, чтобъ непременно выслали мнѣ всѣ мои деньги *разомъ*; увѣрь ихъ, что по 100 или по 200 рублей намъ нисколько не поможетъ. Твои слова, быть можетъ, будутъ дѣйствительнѣе писемъ. Ты же, съ своей стороны, выхлопчи мнѣ позволенїе сызнова прїобрѣсть что-нибудь. На тебя надѣюсь болѣе, чѣмъ на дюжину такъ называемыхъ дѣльныхъ людей. Запасу у меня довольно: и въ стихахъ и въ прозѣ. Участвовать въ твоемъ журналѣ я радъ. Мои условїя: по 24 листа печатныхъ или по 12 статей въ стихахъ и въ прозѣ въ годъ за 2,000 или 1,500,—разумѣется, что мелкія стихотворенїя не въ счетъ. Не дорого-ли? Сверхъ того прими на себя трудъ издать или продать то, что позволять мнѣ напечатать отдѣльно. Учиться мнѣ, другъ, ровно некогда: надобно выработывать хлѣбъ насущный. Книгъ пришли мнѣ: Эсхилла съ комментарїями, хорошій словарь латинскїй, Тацита, Куранъ на англїйскомъ, Саконталу на англїйскомъ же, Ша-Намэ на нѣмецкомъ (Герреса). Только все это, когда заведутся у меня свои пѣнязи. Въ подарокъ приму отъ тебя съ благодарностью все русское, что разсудишь переслать мнѣ. *Нашею* критикою и я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобъ она въ наше время была лучше. Честности-то точно было болѣе; но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ ли ты строгъ и къ Кукольникову. *Къ тебѣ* я, конечно, писалъ бы о немъ нѣсколько иначе, чѣмъ къ племянникамъ; но все же онъ не то, что Тимофеевъ, который (par parenthèse) безбожно

обкрадываетъ и тебя и меня. Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ изнѣженъ, главный порокъ его—болтовня; но все же онъ стоитъ, чтобъ, напр., ты принялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь; дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ) если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій.—Гоголь? Изъ выписокъ Сенковского, который его, впрочемъ, ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію. Трагедію Хомякова (только не Ермака) Ник. Глинка мнѣ расхвалилъ; точно ли она хороша? Гдѣ Левъ Сергѣевичъ? Пишетъ-ли? Прошу ему кланяться.

Обнимаю тебя твой *Вильгельмъ*.

P. S. Je ne vous ai pas remercié pour votre lettre, mais c'est que tout procédé généreux et noble est une chose qui vous est tout naturelle, et sur laquelle on ne fait pas de phrases, quand on parle à Pouchkine.

Разумѣется, что статьи, которыя стану присылать къ тебѣ, будутъ подлиннѣе нынѣшней.

Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

Въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ Красный Крестъ сыгралъ огромную роль. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи этого Общества, но даже не собраны документы, относящіеся къ его дѣятельности. Въ бумагахъ П. Л. Лаврова, полученныхъ редакціей «Былого», мы нашли нѣсколько документовъ по исторіи «Краснаго Креста», часть которыхъ мы и печатаемъ ниже.

Начало организациі Краснаго Креста относится къ 1881 году. Партія Народной Воли придавала Красному Кресту чрезвычайно важное значеніе и энергично занялась его устройствомъ въ то самое время, когда ей приходилось одновременно вести рядъ другихъ очень серьезныхъ предпріятій. Лѣтомъ того же года по порученію Исполнительнаго Комитета Ю. Н. Богодновичъ взялъ на себя задачу организовать особый отдѣлъ Краснаго Креста для устройства побѣговъ изъ ссылки. Для этой цѣли онъ ѣздилъ въ Томскъ, а его ближайшій помощникъ И. В. Колюжный—въ Красноярскъ. Имъ помогли въ этой задачѣ Теллаловъ, Грачевскій и др. Благодаря перехваченнымъ адресамъ въ Москвѣ, въ концѣ 1881 г., произведены были многочисленныя аресты среди лицъ, привлеченныхъ въ Красный Крестъ. Тогда были арестованы Шварцъ, Юрасовъ и др.,—всего до 150 чел.

Осенью 1881 г. Центральное Управление Краснаго Креста Народной Воли обратилось къ П. Л. Лаврову съ письмомъ, гдѣ оно просило его совмѣстно съ В. И. Засуличъ быть представителями Краснаго Креста за границей. Вотъ это письмо цѣликомъ, не бывшее еще въ печати:

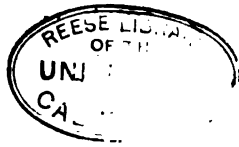
Многоуважаемый

Петръ Лавровичъ!

Центральное Управление Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли, имѣющаго своюю цѣлью защиту и нравственную поддержку лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти, въ виду наиболѣе широкаго осуществленія задачи Общества, намѣрено распространить свою организацию не только въ Россіи, но и за границей. Зная Васъ за человѣка, посвятившаго всѣ свои силы

Алексѣй Владиміровичъ
УХТОМСКІЙ.

тому же великому дѣлу, которому служимъ и мы, Управление убѣждено, что Вы не откажетесь принять участіе въ осуществленіи задачъ Общества и при томъ всеобщемъ уваженіи и довѣриі, которымъ вы пользуетесь, окажете ему тѣмъ существенную пользу. Управление проситъ Васъ быть его представителемъ въ качествѣ Уполномоченнаго Агента и, при Вашемъ согласіи, поручаетъ Вамъ вмѣстѣ съ Вѣрою Ивановною Засуличъ организовать Заграничный Отдѣлъ Общества.

Для полнаго уясненія задачъ Общества и руководства при организаціи отдѣла, прилагается уставъ. При этомъ Управление находитъ нужнымъ присовокупить, что при составленіи устава имѣлась ввиду, главнымъ образомъ, организація Общества въ Россіи, но такъ какъ условія дѣятельности его за границею могутъ имѣть значительныя особенности, то и самый уставъ по отношенію къ Заграничному Отдѣлу подлежитъ измѣненію, поэтому Управление покорнѣйше проситъ Васъ внести въ него дополненія, какія вы найдете нужнымъ.

Центральное Управление Общ. Кр. Кр. Народной Воли.

Р. С. Письмо это, если Вы сочтете нужнымъ, можетъ быть опубликовано въ заграничныхъ газетахъ».

П. Л. Лавровъ и В. И. Засуличъ приняли предложеніе, и 27 декабря за ихъ именами было опубликовано на русскомъ и французскомъ языкѣ заявленіе «Отъ заграничнаго отдѣла Общества Краснаго Креста Народной Воли»,—потомъ оно было перепечатано во многихъ иностранныхъ газетахъ, въ «Вольномъ Словѣ» и т. д. Подъ давленіемъ русскаго правительства, французскія власти выслали Лаврова въ началѣ 1882 г. изъ Франціи за эту попытку открыто организовать за границей отдѣлъ «тайнаго» русскаго общества Народной Воли, и онъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ возможность вернуться изъ Лондона снова въ Парижъ; приказъ объ его высылкѣ, однако, никогда отмѣненъ не былъ.

Отчеты Заграничнаго отдѣла печатались въ 1—3 №№ «Вѣстника Народной Воли». Осенью 1884 г. въ 10 № «Народной Воли» Центральное Управление Краснаго Креста заявило объ упраздненіи «Заграничнаго отдѣла» и передачѣ его дѣлъ отдѣльнымъ своимъ заграничнымъ агентамъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 4-й, стр. 236). Съ тѣхъ поръ за границей, хотя не переставали существовать различныя организаціи для помощи ссыльнымъ, но въ составъ Краснаго Креста онѣ не входили.

Въ Россіи Общество Краснаго Креста Народной Воли вскорѣ приняло внѣпартийный характеръ и стало дѣйствовать подъ именемъ «Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ» или, просто, «Краснаго Креста»: дѣятельность Краснаго Креста, начавшаяся въ 1881 году, продолжается непрерывно до нашихъ дней. Можно безъ преувеличенія сказать, что Краснымъ Крестомъ за время его дѣятельности оказана разнаго рода помощь

многимъ-многимъ тысячамъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ и ихъ семьямъ. Освобожденная Россія съ благодарностью будетъ вспоминать эту дѣятельность Краснаго Креста, и было бы крайне желательно, чтобы нашлись свѣдующіе люди, которые занялись бы составленіемъ его исторіи.

Ред.

Уставъ Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

I.

§ 1. Общество Краснаго Креста есть спеціальныи отдѣлъ общей организаціи партіи Народной Воли.

§ 2. *Цель ея:* а) Матеріальная помощь (деньгами, платьемъ, доставленіемъ мѣстъ и т. п.) всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, и религіозныхъ ученій.

б) Нравственная помощь тѣмъ же лицамъ, посредствомъ защиты и возстановленія ихъ правъ путемъ словесной агитаціи въ обществѣ, легальной и нелегальной прессы и воздѣйствія на мѣстную и центральную администрацію.

в) Установленіе правильныхъ и постоянныхъ сношеній между ссыльными и заключенными.

и г) Организація побѣга и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

II.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 3. Общество Краснаго Креста составляется изъ постоянныхъ членовъ, испытуемыхъ и случайныхъ агентовъ.

§ 4. Постоянными членами могутъ быть только лица вполне согласныя съ настоящимъ уставомъ и готовыя безусловно подчиняться ему.

§ 5. Приемъ постоянныхъ членовъ производится Мѣстными отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ Общества, при чемъ вступающій членъ долженъ имѣть за себя поручительство двухъ постоянныхъ членовъ.

§ 6. Для вступленія членомъ нужно пробыть испытуемымъ агентомъ не менѣе полугода.

§ 7. Всѣ члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всемъ, что касается общаго дѣла, членъ поступаетъ съ согласія Административнаго Отдѣла или Центрального Управленія, къ которымъ принадлежитъ, и по требованію ихъ обязанъ дать отчетъ о своей дѣятельности.

§ 9. Каждый членъ правообязанъ привлекать случайныхъ агентовъ, о чемъ немедленно сообщаетъ Отдѣлу, для привлеченія же испытываемыхъ агентовъ должно быть и согласіе Отдѣла.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организаци.

§ 11. За всѣ проступки противъ организаци членъ подлежитъ суду товарищей.

§ 12. Если по суду членъ будетъ исключенъ изъ Общества, то постановленіе объ этомъ съ подробною мотивировкою передается въ Исполнительный Комитетъ.

§ 13. О выходѣ своемъ изъ Общества или о переходѣ въ другой Отдѣлъ членъ долженъ своевременно заявить *Администраціи*, при чемъ ему ставятся опредѣленныя обязательства, охраняющія цѣлость организаци и дальнѣйшее успѣшное веденіе дѣла.

§ 14. Все имущество, переданное членомъ общества, по выходѣ его считается собственностью общества.

§ 15. *Испытуемыми агентами* могутъ быть лица, способныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ стать постоянными членами, но еще недостаточно извѣстныя Мѣстному Отдѣлу.

§ 16. Они могутъ быть посвящены во всѣ дѣла *Мѣстнаго Отдѣла*, но ни въ какомъ случаѣ не въ общія дѣла организаци.

§ 17. Они, не имѣя права голоса въ общихъ дѣлахъ, не имѣютъ и строгихъ обязательствъ къ Обществу, но *Мѣстные Отдѣлы* должны стремиться поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость.

§ 18. По прѣшествіи полугода Испытуемые Агенты могутъ быть приняты въ члены ¹⁾.

§ 19. *Случайными Агентами* называются лица, привлеченныя для отдѣльныхъ дѣлъ и предпріятій членами на свой рискъ.

§ 20. Они не стоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ организаци, и за всѣ ихъ поступки отвѣтственъ членъ, привлечшій ихъ къ дѣлу.

§ 21. Кромѣ спеціальнаго дѣла, къ которому они привлечены, имъ не должно быть ничего извѣстно объ организаци, какъ и вообще всѣмъ постороннимъ лицамъ.

III.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

§ 22. Всѣ дѣла и учрежденія Общества ведутся *Мѣстными Отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ*.

А. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

§ 23. Мѣстный Отдѣлъ составляется изъ всего наличнаго числа членовъ данной мѣстности.

§ 24. Всѣми дѣлами Мѣстнаго Отдѣла завѣдуетъ администрація,

¹⁾ Срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ или увеличенъ по желанію Отдѣла.

состоящая из трех членовъ и двухъ кандидатовъ, выбираемыхъ отдѣломъ безъ срока, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 25. Администраціи отдѣла подлежатъ всѣ дѣла мѣстной организаціи, а именно:

а) веденіе и завѣдываніе всѣми денежными средствами и всѣмъ имуществомъ (кассою, складами имущества, оружія и т. п.).

б) Устройствo конспиративныхъ квартиръ, складовъ, притоновъ.

в) Заведеніе связей, полезныхъ для обезпеченія побѣговъ и сношеній и для защиты гонимыхъ отъ произвола мѣстной администраціи.

г) Храненіе всѣхъ имѣющихся въ Отдѣлѣ свѣдѣній о проѣзжихъ и таежныхъ дорогахъ, населенныхъ мѣстахъ и лицахъ въ нихъ, могущихъ быть полезными дѣлу, о количествѣ и расположеніи мѣстныхъ войскъ, планы мѣстъ заключенія, этаповъ и проч.

д) Составленіе подробныхъ списковъ всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ съ обозначеніемъ ихъ біографій, средствъ къ жизни и отношеніе ихъ къ революціонному дѣлу.

е) Распредѣленіе помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организація побѣговъ въ томъ случаѣ, если на это требуется затрата, превышающая смѣтную сумму не болѣе, какъ на 500 руб. одновременно и 1000 р. въ годъ. Въ случаяхъ болѣе сложныхъ должно быть спрошено согласіе Центральнаго управленія ¹⁾.

з) Созывать отдѣлъ для приѣма новыхъ членовъ и другихъ экстренныхъ надобностей.

§ 26. Всѣ вопросы въ администраціи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 27. Совѣщанія администраціи происходятъ еженедѣльно.

§ 28. Два раза въ годъ администрація отдаетъ подробный отчетъ наличному числу членовъ Отдѣла, при чемъ адреса, притоны и фамиліи могутъ не сообщаться.

§ 29. Для сношеній администраціи между собой, ими устанавливается особый шифръ, сношенія же съ центромъ см. ниже.

§ 30. Всѣ имѣющіяся въ отдѣлѣ свѣдѣнія администрація передаетъ въ Центръ по мѣрѣ ихъ накопленія.

§ 31. Два раза въ годъ: къ 1 января и къ 1 августа администрація представляетъ подробный отчетъ въ своей дѣятельности Центру и подробную смѣту необходимыхъ для нея затратъ на текущее полугодіе.

---

¹⁾ Прежде чѣмъ оказать помощь въ побѣгѣ Отдѣлу и Уполномоченный агентъ извѣщаетъ Центръ о бѣгущихъ возможно подробнѣе, именно: имена и фамиліи, краткія біографіи и характеристики ихъ и ихъ намѣренія.

Въ видахъ цѣлости организаціи и пользы революціонному дѣлу имъ не должна оказываться помощь до полученія отвѣта изъ Центра.

При самомъ побѣгѣ Отдѣлу и Уполном. агентъ предупреждаютъ бѣгущихъ, что по прибытіи ихъ въ Россію имъ будетъ оказана помощь въ теченіе одного мѣсяца; въ это время они должны или примкнуть къ революціонной организаціи, или избрать себѣ родъ жизни.

§ 32. Касса отдѣла составляется изъ суммъ, отпускаемыхъ Центромъ.

Б. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА.

§ 33. Центральное Управление составляется не менѣе, какъ изъ пяти членовъ и не болѣе числа всѣхъ существующихъ Отдѣловъ Общества.

§ 34. Члены Центрального Управления есть представители Отдѣловъ, отъ каждаго по одному, и одинъ изъ членовъ сверхъ числа представителей назначается отъ Исполнительнаго Комитета.

§ 35. Каждому отдѣлу извѣстенъ только его представитель, полный же составъ Центрального Управления есть тайна, извѣстная только ему самому.

§ 36. Членъ Центрального Управления можетъ уволиться не иначе, какъ съ согласія Центрального Управления.

§ 37. Представитель отдѣла долженъ быть утвержденъ Центромъ.

§ 38. Членъ Центрального Управления, назначенный Исполнительнымъ Комитетомъ, можетъ быть всегда отозванъ имъ, но на его мѣсто долженъ быть немедленно назначенъ новый.

§ 39. Всѣ дѣла и вопросы въ Центръ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ и только исключеніе члена требуетъ двухъ третей.

§ 40. Для веденія своихъ дѣлъ Центръ, кромѣ своихъ членовъ, можетъ имѣть неопредѣленное число запасныхъ агентовъ, избираемыхъ имъ самостоятельно.

§ 41. Запасный агентъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для вступленія постояннымъ членомъ.

§ 42. Вѣднію Центрального Управления подлежатъ:

а) Центральная касса.

б) Центральный архивъ.

в) Сношенія съ Мѣстными Отдѣлами и Исполнительнымъ Комитетомъ.

г) Судъ надъ своими членами и запасными агентами.

д) Веденіе всѣхъ предпріятій, учреждений и связей, обезпечивающихъ цѣлость всей организациі и успѣшность въ достиженіи общихъ задачъ ея.

§ 43. Центральная Касса составляется: изъ имущества, внесеннаго всѣми членами общества, добровольныхъ сборовъ среди лицъ, сочувствующихъ его задачамъ, и временныхъ, случайныхъ взносовъ членовъ и постороннихъ лицъ.

§ 44. Два раза въ годъ, по полученіи отчетовъ изъ отдѣловъ, Центральное Управление составляетъ смѣту на всѣ необходимыя затраты Общества, распределяетъ денежные расходы по Отдѣламъ и, составивши такимъ образомъ денежный отчетъ и смѣту на текущее полугодіе, представляетъ въ Исполнительный Комитетъ.

§ 45. Разъ въ годъ Центральное Управление составляетъ подробный отчетъ въ дѣятельности всего Общества, одинъ экзем-

пляръ котораго передается въ Исполнительный Комитетъ, другіе съ нарочно посланнымъ агентомъ передаются всѣмъ Мѣстнымъ Отдѣламъ и Уполномоченнымъ агентамъ.

§ 46. Въ Центральномъ Архивѣ хранятся всѣ свѣдѣнія, полученные изъ Отдѣловъ.

§ 47. Для сношенія съ отдѣлами и уполномоченными агентами Центральное управленіе устанавливаетъ общій всему обществу шифръ.

§ 48. Центральное управленіе заботится объ увеличеніи денежныхъ средствъ Общества, о цѣлости всей организаціи, о привлеченіи лицъ, могущихъ такъ или иначе быть полезными Обществу (литературнымъ содѣйствіемъ, вліяніемъ на Центральную администрацію и т. п.).

§ 49. Всѣ дѣла Общества Центральное Управленіе ведетъ вполнѣ самостоятельно.

Уполномоченные агенты.

§ 50. Въ мѣстахъ, гдѣ за малочисленностью не можетъ быть организованъ Мѣстный Отдѣлъ, Центральное Управленіе ведетъ дѣло чрезъ Уполномоченныхъ Агентовъ, которыхъ избираетъ и назначаетъ самостоятельно.

§ 51. Правообязанности Уполномоченныхъ Агентовъ тѣ же, что и Мѣстныхъ Отдѣловъ (см. §§ 23—32) съ ограниченіемъ въ слѣдующемъ:

они не имѣютъ права:

- а) принимать новыхъ членовъ;
- б) начинать самостоятельно дѣла освобожденія.
- и в) расходовать выше смѣтной суммы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть спрошено согласіе Центра.

§ 52. Уполномоченный Агентъ не можетъ выйти изъ Общества прежде, чѣмъ сдать всѣ свои дѣла назначенному на его мѣсто.

§ 53. Члены Общества, притоны, шифры, имѣющіяся связи и самая организація Общества составляютъ тайну его и обнаруженіе ея передъ посторонними есть преступленіе противъ организаціи.

Уставъ Заграничнаго Отдѣла Краснаго Креста Народной Воли.

I.

Задачи его.

§ 1. Главная задача Заграничнаго отдѣла Общества состоитъ въ сборѣ денегъ и всякихъ пожертвованій для помощи лицамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ и пострадавшимъ въ Россіи за свободу мысли и совѣсти безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали. Оно также заботится о возбужденіи общественнаго мнѣнія Европы противъ русскаго деспотизма въ пользу русской революціонной партіи.

II.

Составъ Общества:

§ 2. Заграничный Отдѣлъ Общества Краснаго Креста состоитъ изъ Уполномоченныхъ Агентовъ Центральнаго Управленія, изъ Постоянныхъ членовъ и Случайныхъ агентовъ.

§ 3. Уполномоченные Агенты избираются Центральнымъ Управленіемъ изъ лицъ ему извѣстныхъ и отдавшихъ въ его полное распоряженіе.

§ 4. *Постоянными членами* могутъ быть лица, признающія этотъ уставъ и готовыя посвящать свои силы и время на достиженіе задачъ Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста.

§ 5. Первые два члена въ каждой мѣстности приглашаются Уполномоченнымъ агентомъ этой мѣстности съ согласія остальныхъ Уполномоченныхъ агентовъ, по соглашенію съ Центральнымъ Комитетомъ. Дальнѣйшій же приемъ Постоянныхъ членовъ совершается по единогласному рѣшенію Уполномоч. Агент. и всѣхъ принятыхъ уже постоянныхъ членовъ Общества.

§ 6. *Случайными агентами* называются лица, оказывающія тѣ или другія услуги Обществу и временно занимающіяся его дѣлами. Они привлекаются Уполномоч. Агент. или Постоянными членами на свой рискъ, не стоятъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Обществу и не имѣютъ голоса въ его дѣлахъ, за исключеніемъ того именно предпріятія, для котораго они привлечены; всѣ же дѣла Общества, какъ и настоящій уставъ, не должны быть извѣстны ни имъ, никому другому изъ постороннихъ лицъ.

III.

Способы веденія дѣлъ Общества. (Организаціи).

Обязанности лицъ входящихъ въ составъ Общества:

вылов № 3.

19

а) Уполномоченныхъ Агентовъ:

§ 7. Уполномоченные Агенты ведутъ сношенія Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста съ Центральнымъ его Управленіемъ, находящимся въ Россіи.

§ 8. У нихъ хранятся адреса и шифры для сношенія съ Центральнымъ Управленіемъ, безъ согласія котораго они не могутъ передавать ихъ другимъ членамъ.

§ 9. Они выдаютъ постояннымъ членамъ сборные листы за № и печатью Заграничнаго Отдѣла, также брошюры, фотографическія карточки и другія изданія Общества для распродажи ихъ.

§ 10. Къ Уполномоченнымъ Агентамъ поступаютъ всѣ собранныя въ пользу Русскаго Краснаго Креста суммы, которыя ими пересылаются въ Россію.

§ 11. Никакія публикаціи, заявленія и изданія отъ имени Общества Краснаго Креста не должны совершаться безъ вѣдома Уполномоченныхъ Агентовъ, которые о такихъ въ важныхъ случаяхъ сносятся съ Центральнымъ Управленіемъ.

§ 12. Они сообщаютъ Центральному Управленію о приѣмѣ постоянныхъ членовъ, о выходѣ и исключеніи ихъ, а также должны наблюдать за точнымъ исполненіемъ настоящаго устава и отвѣтственны предъ Центральнымъ Управленіемъ за его нарушеніе.

§ 13. Удалиться отъ веденія дѣлъ Уполномоченный Агентъ можетъ только по согласію съ Центральнымъ Управленіемъ и по замѣщенію его новымъ.

б) Постоянныхъ членовъ:

§ 14. Постоянные члены содѣйствуютъ веденію всѣхъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла Общества и во всемъ, касающемся Общества, поступаютъ съ согласія собранія постоянныхъ членовъ и Уполномоч. Агент.

§ 15. Постоянные члены занимаются сборами пожертвованій по бланкамъ Заграничнаго Отдѣла, передавать которыя могутъ лишь тѣмъ случайнымъ агентамъ, за которыхъ вполнѣ увѣрены, что они по нимъ будутъ производить сборы и не станутъ злоупотреблять ими, т. е. не передадутъ ихъ въ ненадежныя руки.

§ 16. Постоянные члены заботятся о продажѣ изданій Общества (брошюры, фотографическихъ карточекъ и проч.) и всячески способствуютъ примѣненію тѣхъ способовъ и путей, которые Общество найдетъ полезнымъ практиковать для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, или для возбужденія Евр. сочувствія.

§ 17. Они должны стараться не допускать никакихъ сборовъ по бланкамъ не отъ Общества и вообще никакихъ сборовъ отъ его имени, но въ сущности не для него, а также никакихъ публикацій и заявленій отъ имени, но безъ вѣдома и согласія Общества.

§ 18. О своемъ выходѣ пост. члены даютъ знать собранію членовъ, и по выходѣ обязаны продолжать хранить тайну Общества.

§ 19. За проступки противъ Организациі члены подлежатъ суду товарищей и могутъ быть исключены изъ состава Общества по приговору двухъ третей его мѣстныхъ членовъ, о чемъ (§ 12) сообщается Центральному Управленію.

Собранія постоянныхъ членовъ.

§ 20. Собранія постоянныхъ членовъ происходятъ по мѣрѣ надобности и состоятъ изъ Уполномоч. Агентовъ и постоянныхъ членовъ.

§ 21. На нихъ обсуждаются и рѣшаются способы веденія дѣлъ, подлежащихъ постояннымъ членамъ.

§ 22. На этихъ собраніяхъ постоянные члены даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и дѣятельности случайныхъ агентовъ, ими привлеченныхъ.

§ 23. Рѣшенія собранія постановляются простымъ большинствомъ.

ОБЩІЯ СОБРАНІЯ.

§ 24. Разъ въ три мѣсяца происходятъ Общія Собранія, на которыхъ, кромѣ Уполномоченныхъ Агентовъ и постоянныхъ членовъ, могутъ присутствовать и случайные агенты, а также *постоянные жертвователи*, т. е. лица, вносящія извѣстную сумму въ опредѣленные сроки.

§ 25. На Общихъ Собраніяхъ Уполномоч. Агенты знакомятъ присутствующихъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла. Какъ случайные агенты, такъ и постоянные жертвователи имѣютъ на нихъ право вносить предложенія на пользу Общества и пользуются правомъ голоса.

Настоящій уставъ имѣетъ силу во всѣхъ своихъ пунктахъ лишь въ странахъ, гдѣ не можетъ существовать вполнѣ открыто и на законныхъ основаніяхъ общество афилированное Народной Волѣ, въ Англии же и Америкѣ онъ допускаетъ значительныя видоизмѣненія.

Историческая библіографія.

Джорджъ Кеннанъ. *Сибирь и ссылка*. Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ. СПБ., 1906, 160 стр., ц. 40 к.

Американецъ Кеннанъ посѣтилъ въ 1885 г. Сибирь, и въ результатъ этого посѣщенія явилось добросовѣстное описаніе русской тюрьмы и ссылки и рядъ яркихъ портретовъ русскихъ борцовъ за свободу; его книга не мало способствовала правильному пониманію въ Европѣ русскаго государственнаго строя и оказала громадную услугу освободительному движенію въ Россіи; эта заслуга Кеннана никогда не забудется. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ въ высшей степени желательно. Правда, 15 лѣтъ тому назадъ она появилась въ Лондонѣ; но переводъ былъ неполонъ и къ тому же сдѣланъ не съ книги Кеннана, а съ его статей въ журналѣ, которыя въ отдѣльномъ изданіи были значительно пополнены. Только теперь стало возможнымъ появленіе ея въ Россіи. Къ сожалѣнію, переводъ, который лежитъ передъ нами, страдаетъ крупными недостатками. «Въ изданіи, говоритъ переводчикъ въ предисловіи, сдѣланы незначительные пропуски, именно опущены описанія нѣсколькихъ приволжскихъ городовъ, не представляющихъ интереса для русскаго читателя». Право переводчика на подобныя сокращенія не подлежитъ сомнѣнію. Въ книгѣ Кеннана есть, дѣйствительно, не мало страницъ, для русскаго читателя ненужныхъ. Но заявленіе переводчика совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Первый томъ подлинника имѣетъ 409 довольно убористыхъ страницъ; русскій переводъ имѣетъ 160 весьма разгонистыхъ страницъ. Изъ этого видно, что сокращенія далеко не незначительны; дѣйствительно, выкинуты цѣлыя главы и притомъ весьма интересныя. Глава о Тюменской тюрьмѣ сокращена болѣе, чѣмъ вдвое, и сокращена совершенно произвольно; это уже не описаніе приволжскаго города. Изъ очень интереснаго описанія арестантской баржи въ Сибири остались только жалкія лохмотья. То же самое можно сказать о главѣ 11 подлинника («Ссылка въ административномъ порядкѣ»), которая уничтожена, какъ самостоятельная глава, и включена въ главу 5 перевода («Административно-ссылные»), въ которую вклю-

цена также 10 глава подлинника («Двѣ колоніи политическихъ ссыльныхъ»).

Сверхъ того, переводчикъ позволяетъ себѣ иногда довольно странно обращаться съ подлинникомъ. Виторта, технолога изъ Риги (стр. 223 подлинника), онъ обращаетъ въ Фитерта, врача изъ Варшавы (стр. 152 перевода); насколько намъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ Кеннанъ ошибки не сдѣлалъ, а если онъ ее сдѣлалъ, то исправлять ее слѣдовало въ примѣчаніи переводчика, а не въ текстѣ; еще хуже такія искаженія: Кеннанъ говоритъ о полякѣ Бѣловѣжскомъ, который, несмотря на испытанныя имъ страданія, «смотрѣлъ на жизнь бодро и мужественно»; переводчикъ же говоритъ: «несмотря на свое глубоко-пессимистическое міросозерцаніе, (онъ) покорно подчинялся своей судьбѣ» (стр. 56). Ничего подобного въ подлинникѣ нѣтъ, а если переводчикъ знаетъ дѣйствительно міросозерцаніе упоминаемаго лица, то все-таки не слѣдовало приписывать автору того, чего тотъ не говорилъ.

Переводчикъ не знаетъ того, что слово «officer» по-англійски значить не только офицеръ, но и чиновникъ, и потому писателя Орфанова, никогда на военной службѣ не состоявшаго, онъ обращаетъ въ офицера (стр. 135). Подобныхъ искаженій и ошибокъ масса.

Что касается до русскаго языка перевода, то въ общемъ онъ хорошъ, хотя иногда встрѣчаются крайне тяжеловѣсныя фразы, напр., въ самомъ началѣ перевода, на стр. 1.

Процессъ 193-хъ. Съ предисловіемъ В. Каллаша. *Изданіе В. М. Саблина. Москва 1906 г. Цѣна 1 руб.*

Мы горячо привѣтствуемъ появленіе на книжномъ рынкѣ отчетовъ о политическихъ процессахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, ибо безъ изученія этихъ процессовъ немислимо познаніе судебъ нашего освободительнаго движенія. Среди процессовъ 70-хъ годовъ первенствующее мѣсто занимаетъ безспорно процессъ «Большой» или «193-хъ». Чрезвычайно интересный во многихъ отношеніяхъ самъ по себѣ, процессъ этотъ долженъ останавливать на себѣ вниманіе всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей освободительнаго движенія въ Россіи, и со стороны его значенія въ послѣдующихъ судьбахъ движенія.

Къ сожалѣнію, заглавіе лежащей передъ нами книги не соотвѣтствуетъ совсѣмъ ея содержанію. Зачѣмъ понадобилось назвать ее «Процессомъ 193-хъ», когда въ книгѣ, кромѣ обвинительнаго акта по этому дѣлу, нѣтъ не только рѣшительно никакихъ свѣдѣній о *процессѣ*, но нѣтъ даже опубликованнаго въ свое время *приговора* по этому процессу.

Книга снабжена предисловіемъ г. Каллаша, но и въ этомъ предисловіи читатель напрасно будетъ искать хоть какихъ-нибудь объясненій, касающихся причинъ непомѣщенія въ книгѣ,—не гово-

римъ уже такого историческаго документа, какъ много разъ переиздававшаяся и за границей, и въ Россіи (нелегально) рѣчь на судѣ И. Н. Мышкина, но, повторяемъ, даже офиціально опубликованнаго приговора.

Между тѣмъ, на дѣятельности правительства касательно процесса 193-хъ г. Каллашу болѣе чѣмъ стоило бы остановить свое вниманіе. Дѣло вотъ въ чемъ: обвинительный актъ по процессу 193-хъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, рѣчь Мышкина и приговоръ вошли въ томъ 3-й изданной за границей серіи сборниковъ Базилевскаго «Государственныя преступленія въ Россіи» и тамъ, въ предисловіи къ этому тому, находятся слѣдующія, касающіяся затронутаго нами вопроса, строки:

«18 октября 1877 года въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей началось разбирательство дѣла о «революціонной пропагандѣ въ Имперіи», болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Большаго процесса» и «процесса 193-хъ». Это знаменитое дѣло окончилось лишь 23 января 1878 года, т. е. тянулось свыше четырехъ мѣсяцевъ. Подробнаго отчета о процессѣ не существуетъ, хотя въ № 231 *Правительственнаго Вѣстника за 1877 годъ* черными буквами на бѣлой бумагѣ напечатаны слѣдующія строки:

«Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи будутъ съ настоящаго времени постоянно печататься въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи Особаго Присутствія. *Подробный же стенографическій отчетъ объ этомъ обширномъ дѣлѣ, вслѣдствіе невозможности своевременнаго ея опубликованія на газетныхъ, столбцахъ будетъ отпечатанъ особо.*»

Это торжественно данное на страницахъ «Правительственнаго Вѣстника» обѣщаніе (относительно напечатанія стенографическаго отчета) не только никогда не было приведено въ исполненіе, но когда въ 1878 году нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ и пригласившихъ на собственный счетъ стенографовъ-адвокатовъ отпечатали также на собственный счетъ первую половину стенографическаго отчета о процессѣ 193-хъ, то книга эта, *по постановленію Комитета министровъ, была сожжена*. (О послѣднемъ обстоятельствѣ см. въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза ст. Богучарскаго «Цензурныя взысканія»).

Ничего подобнаго во вступительной статьѣ г. Каллаша къ «Процессу 193-хъ» не имѣется, а самый «Процессъ», повторяемъ, содержитъ въ себѣ только обвинительные акты, хотя нѣкоторыя свѣдѣнія о процессѣ въ «Правит. Вѣстникѣ» все же печатались. (Въ книгѣ Базилевскаго они приведены по болѣе подробному изложенію этихъ свѣдѣній, напечатанному въ заграничномъ журналѣ 70-хъ годовъ «Община»).

При такихъ обстоятельствахъ цѣна книги въ рубль—непомѣрно высока.

Тѣмъ же не менѣе мы рекомендуемъ читателямъ ознакомиться съ этимъ процессомъ хотя бы только по одному его обвинительному акту.

В. Я.

Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого. *СПБ. Изд. ред. журн. „Всемирный Вѣстникъ“ СПБ. 1906.*

Извѣстно, что записки кн. С. П. Трубецкого впервые были изданы Герценомъ въ 1863 году въ Лондонѣ во второмъ и третьемъ выпускѣ «Записокъ декабристовъ». Записки были напечатаны Герценомъ по черновому списку, и далѣко не въ полномъ видѣ. Кн. С. П. Трубецкой не успѣлъ дать окончательной отдѣлки своимъ запискамъ: приблизительно половина сохранившихся послѣ него мемуаровъ посвящена цѣльному разсказу, главнымъ образомъ, о придворныхъ событіяхъ междуцарствія и о крѣпостномъ сидѣніи; другую половину занимаютъ короткіе и болѣе длинные отдѣльные наброски и отрывки. Нѣкоторые изъ послѣднихъ представляютъ рядъ замѣчаній на записки Штейнгеля. Они являются цѣннымъ дополненіемъ къ запискамъ. Герценъ напечаталъ и основной, связанный разсказъ и, въ видѣ дополненій къ нему, отдѣльные наброски. Но въ изданіи Герцена не появилась сравнительно большая часть записокъ, кратко излагающая исторію тайнаго общества, и довольно много набросковъ, представляющихъ, главнымъ образомъ, поправки и варианты поправокъ къ запискамъ Штейнгеля. Не знаемъ, почему Герценъ не помѣстилъ этихъ матеріаловъ: быть можетъ, потому что въ рукописи, имъ полученной, какъ разъ ихъ не хватало. Эти матеріалы остаются ненапечатанными до сихъ поръ и извѣстны лишь специалистамъ. Надо думать, что они войдутъ въ полное изданіе записокъ, предпринятое дочерью С. П. Трубецкого съ подлинной рукописи, подъ наблюденіемъ В. Е. Якушкина.

Въ 1874 году Каспровичъ перепечаталъ въ Лейпцигѣ «Записки» Трубецкого, цѣликомъ воспроизведя текстъ, данный Герценомъ, и подпортивъ его корректурными ошибками и недосмотрами. Конечно, изданіе Каспровича было предпринято безъ всякаго разрѣшенія наследниковъ. Теперь «Записки» Трубецкого появляются третьимъ изданіемъ (первымъ въ Россіи). Они были напечатаны г. Сухонинымъ въ журналѣ «Всемирный Вѣстникъ» и вышли теперь отдѣльнымъ оттискомъ. Этотъ оттискъ представляетъ перепечатку изданія Каспровича, но г. Сухонинимъ текстъ еще больше испорченъ корректурными ошибками, а, главное, сокращеніями: всѣ отдѣльные наброски показались г. Сухонину лишнимъ балластомъ и онъ, безъ всякихъ колебаній, выбросилъ ихъ, сохранивъ все же заглавіе «Записки кн. Трубецкого».

Записки Трубецкого изданы г. Сухонинимъ тоже, конечно, безъ разрѣшенія лицъ, властвующихъ правомъ изданія и подлинной ру-

кописью. Когда Герцену сообщили о неудовольствіи наслѣдниковъ кн. Трубецкого, вызванномъ изданіемъ безъ ихъ разрѣшенія записокъ, Герценъ гнѣвно писалъ: «мы забыли, что у нихъ есть наслѣдники, мы имѣли дерзость считать себя наслѣдниками ихъ дѣла, хранителями ихъ дѣла, хранителями ихъ памяти,—каждаго слѣда ихъ, ихъ страдальческой жизни». Герценъ и его друзья имѣли право считать себя наслѣдниками дѣла декабристовъ, но на какомъ основаніи г. Сухонинъ печатаеть записки кн. Трубецкого, на какомъ основаніи онъ раньше, безъ всякаго разрѣшенія, перепечаталъ записки И. Д. Якушкина, записки Л. А. Волкенштейнъ,—отвѣтитъ трудно. Если бы еще онъ не искажалъ перепечатаваемыхъ имъ матеріаловъ, а прилагалъ старанія къ возможно точному и полному воспроизведенію, можно было бы думать, что онъ считаетъ себя хранителемъ памяти, а то и этого сказать нельзя. Нѣкоторая доля уваженія къ памяти тѣхъ, чьи сочиненія г. Сухонинъ непрестанно перепечатываетъ, должна была бы обязать его просить разрѣшенія на изданіе у тѣхъ, кому авторы передали свои сочиненія, относиться съ вниманіемъ къ своимъ перепечаткамъ и не слѣзывать выбрасывать на рынокъ изданія,—плохія—и съ внѣшней, и съ внутренней стороны.

П. Щ.

Процессъ Вѣры Засуличъ *(судъ и послѣ суда)*. Изд. „Современника“ 1906 г. ц. 30 коп.

Брошюра возсоздаетъ картину крайне интереснаго, по своей исключительности въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, процесса В. И. Засуличъ, обвинявшейся въ покушеніи на жизнь ген.-м. Трепова, бывшаго Петербургскаго градоначальника.

Не касаясь подробностей фактической стороны дѣла, изложенныхъ въ брошюрѣ, мы только отмѣтимъ, что выстрѣлъ В. Засуличъ и послужилъ какъ бы сигналомъ къ дальнѣйшей террористической дѣятельности революціонной партіи.

Характеренъ процессъ Засуличъ еще и тѣмъ, что это былъ первый и послѣдній гласный политическій процессъ, переданный на разсмотрѣніе суда присяжныхъ.

Оправданіе было неожиданно и повело за собой изъятіе разъ на всегда политическихъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ.

Брошюра почти исчерпываетъ фактическіе матеріалы, печатавшіеся въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ; многіе изъ нихъ являются впервые въ легальномъ изданіи. Особого вниманія заслуживаетъ блестящая рѣчь защитника прис. пов. Александра, дающая не только біографическія свѣдѣнія о Засуличъ, но и рисующая яркую картину положенія политическихъ заключенныхъ и весь ужасъ творимаго надъ ними административнаго произвола вплоть до «порки» Боголюбова ¹⁾.

¹⁾ Настоящая фамилія Боголюбова, такъ и осужденнаго подъ чужимъ именемъ, о чемъ судъ и не подозрѣвалъ, Емельяновъ,—объ этомъ было влослѣдствіи опубликовано въ нелегальной литературѣ. *Ред.*

Въ главѣ «Послѣ суда» особенно интересны «Воспоминанія начальника Дома Предварительнаго Заключенія» Федорова, который вскрываетъ закулисную сторону административной практики, попирающей и тотъ *minimum* правъ, которыя предоставлены закономъ политическому заключенному. Много злобы и неистовства проявила администрація, когда Засуличъ, благодаря отчасти Федорову, удалось уйти живой и неискалѣченной изъ ея рукъ.

Къ брошюрѣ приложены еще выдержки изъ «Исторіи рев. движенія въ Россіи» Туна—«О значеніи процесса В. Засуличъ», характеристика Засуличъ изъ «Подпольной Россіи» Степняка и отрывокъ изъ воспоминаній Льва Гартмана о личности Боголюбова, изъ № 3 «Былое» 1903 г. (загр. изд.).

Брошюра производитъ законченное впечатлѣніе объ этомъ крайне интересномъ процессѣ.

Вл. Бѣлгородскій.

Н. П. Карабчевскій. *Второе прибавленіе къ книгѣ «Рѣчи» (Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и рѣчь въ защиту Сазонова). Ц. 25 к. 1906 г.*

Въ этой брошюрѣ проводится полностью обвинительный актъ, довольно подробно излагающій обстоятельства дѣла, разбиравшагося на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи. Данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, пытаются кратко охарактеризовать дѣятельность П. С. Р. и передаютъ нѣкоторыя подробности, какъ подготовлялся самый актъ убійства Плеве. Наряду съ этимъ приводятся краткія данныя для біографіи Сазонова и Сикорскаго. Защитительная рѣчь Н. П. Карабчевскаго дополняетъ эти данныя не безынтересными подробностями.

Вл. Бѣлгородскій.

Alexander Ular. *Die russische Revolution. Berlin. 1905.*

Иностранная публика, интересующаяся переживаемою Россіей революціею, познакомится изъ книги Улара по большей мѣрѣ лишь съ одною стороною ея. Дѣло въ томъ, что авторъ почти совершенно не касается собственно исторіи русскаго освободительнаго движенія и формъ, въ которыя оно вылилось; это, впрочемъ, и къ лучшему, такъ какъ онъ, очевидно, совершенно не освѣдомленъ въ подобнаго рода вопросахъ, черпаетъ свои свѣдѣнія о нихъ изъ ходячихъ сплетенъ и случайныхъ разговоровъ, а его рассказы о дѣятельности террористовъ за послѣдніе годы подчасъ носятъ уже прямо самый фантастическій характеръ.

Книга посвящена не положительной, творческой сторонѣ нашей резолюціи, а тому процессу разложенія самодержавнаго режима

Россіи, который довель его теперь до паденія. При этомъ, точка зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, въ высшей степени неглубока; онъ скользитъ по поверхности явленій жизни и останавливается лишь на наиболѣ сенсационныхъ изъ нихъ, т. е. по преимуществу не на явленіяхъ соціальныхъ, а на такихъ, гдѣ проявляютъ себя особенно выдающіяся по своему положенію или дѣятельности личности. Причины революціи Уларъ объясняетъ слѣдующимъ простымъ образомъ. До середины прошлаго вѣка самодержавіе имѣло твердую опору въ дворянахъ-рабовладѣльцахъ. Послѣ того появились бюрократы-разночинцы. «Народилась новая каста. Она одинаково презирала и царя и народъ. Она забрала неограниченную, безконтрольную силу и фактическое господство въ странѣ, гдѣ политическія убѣжденія являются преступленіемъ, а отвѣтственность—личная прерогатива монарха (стр. 140). Бюрократія образовала настояшіе союзы заговорщиковъ, связанныхъ общими интересами (стр. 146)». Безсовѣстное хозяйничанье этой бюрократической олигархіи, находящей поддержку и въ самой высшей сферѣ общества, но не имѣющей подъ собою никакой твердой почвы, вызвало въ концѣ концовъ нашу теперешнюю смуту. «Несчастіе Россіи заключается не въ возмутительной системѣ управленія, а въ управленіи возмутительными людьми. И тайныя пружины революціи кроются не въ сопротивленіи противъ системы, а въ ненависти противъ индивидуумовъ, которые принаравливаютъ ее къ своимъ собственнымъ матеріальнымъ выгодамъ (стр. 167)». Другими словами, революція идетъ не противъ самодержавія, а только противъ бюрократіи.

Эти элементарныя разсужденія плохо, конечно, рекомендуютъ книгу Улара, носящую во всѣхъ частяхъ своихъ несерьезный, фельетонный характеръ. Такъ же мало рекомендуютъ основательность автора его легковѣріе ко всякимъ непровѣреннымъ слухамъ и фактическія ошибки въ изложеніи событій. И все же изображаемая имъ галлерей историческихъ личностей не лишена интереса. «Душевно-больной нѣмецкій Гольштейнъ-Готорпъ, Ольденбургскій Петръ III, Павелъ I, Александръ I, Николай I, Александръ II, и т. д. Императрицы, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, отецъ Филиппъ Ліонскій, великіе князья, Побѣдоносцевъ, Плеве, Муравьевъ, Витте, діи minore Алексѣевъ, Безобразовъ, Вонлярлярскій, и пр.—одинъ за другимъ проходятъ предъ читателемъ въ галлерей виновниковъ русской революціи. Краски наложены рѣзко, грубо, подчасъ сгущенно, частью, какъ сказано уже, невѣрно, книга вообще совершенно не выдерживаетъ, въ особенности въ своихъ деталяхъ, научной критики, но... мы не рѣшились бы утверждать, что изображаемая ею общая картина продажности, разврата, тупости и жестокости тѣхъ круговъ, противъ которыхъ «интеллигентнымъ слоямъ русскаго общества приходится теперь напрягать всѣ свои усилія», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ книга можетъ до нѣкоторой степени оказаться полезной. Прибавимъ еще, что написана она очено бойко и живо.

Въ подробности ея входитъ, какъ явствуетъ изъ всего выше-

сказаннаго, не стоитъ. Укажемъ лишь, какъ на примѣръ невѣрностей въ изложеніи фактовъ, что авторъ категорически приписываетъ Плевѣ сознательное непринятіе мѣръ къ предотвращенію перваго марта и участіе въ Судейкинско-Дегаевскомъ заговорѣ противъ жизни Великаго князя Владиміра—обвиненія безусловно невѣрныя. Бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева Уларъ считаетъ братомъ бывшаго министра юстиціи Муравьева и т. д.

Журналъ «Наука и Жизнь» началъ печатать переводъ Улара.

Б. В.

Книги, поступившія въ редакцію:

Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Книгоизд. „Литературное Дѣло“ ц. 1 р. 50 к.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи ц. 1 р. 50 к.

Діежъ Шигоя. Уставшій царь. Изд. Балашева ц. 1 р.

Г. Сенневичъ. На полѣ славы ц. 1 р. 20 к.

Эмиль Дель. Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соц-демократической, и Дюрингова эмансипація личности, перев. Дм. Ройтманъ ц. 15 к.

Къ исторіи декабристовъ. Библ. „Свободная Россія“ ц. 10 к.

Кн. В. А. Щетининъ. Въ Московскомъ университетѣ ц. 15 к.

К. Каутскій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соц. реформы. Изд. „Донская Рѣчь“ Н. Парамонова ц. 25 к.

Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи, подъ ред. В. В. Водовозова, вып. II изд. Книж. маг. „Наша Жизнь“ ц. 10 к.

Сборникъ Книгоиздательство „Набатъ“ М. ц. 1 р.

Отто Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи. Библ. „Обществен. Пользы“ ц. 10 к.

Н. Бунаковъ. Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть „учителемъ учителей“ изд. „Общ. Польза“ ц. 50 к.

Н. Бунаковъ. Сельская школа и народная жизнь изд. „Общ. Польза“ ц. 1 р.

Д-ръ Эд. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р. 50 к.

К. Каутскій. К. Гуго, П. Лафаргъ и Э. Бернштейнъ. Изъ исторіи общественныхъ теченій т. II изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р.

Алексій Веселовскій.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-е перераб. изд. М. 1906. ц. 1 р. 75 к.

Л. А. Чарова. —Газавать. 30 лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Истор. повѣсть. Изд. Т-ва Вольфъ.

Полное собраніе соч. Н. Г. Чернышевскаго. т. VIII. (Современники 1861 г.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1906 г.

Мы просимъ доставить намъ:

I. Изданія, выходившія въ Россіи въ свободныхъ типографіяхъ.

Изъ изданій русскихъ тайныхъ типографій, появившихся до 90-хъ гг., намъ въ настоящее время удалось разыскать почти все;—неразысканнымъ осталось не многое, между прочимъ: «Листокъ Нар. Воли» 1886 г. (съ рѣчью В. Н. Фигнеръ), 3-й и 5-й №№ «Чернаго Передѣла» (1881 г.), «Заря рабочаго» Халтурина (1880 г.). Приложение къ 4 № «Нар. Воли» (1880 г.), Приложение къ 5 № «Нар. Воли» (1881 г.), прокламація по поводу казни 3 апр. 1881 г. «Рабочая Газета» (народовольцевъ) № 3... (если только выходила эта газета послѣ 2 №), Отчетъ по д. 193-хъ (1878 г.), прокламаціи Южно-русскаго Рабочаго Союза (1880—81 гг.), Богораза «Борьба общественныхъ силъ въ Россіи» (1886 г.), «Изъ Сибири» (1886 г.), «Зерно» № 2, нѣсколько прокламацій 60-хъ гг. («Мысль и Дѣло», по поводу казни Аригольда и немногія др. прокламаціи).

Недостатокъ въ изданіяхъ, выходившихъ въ тайныхъ типографіяхъ послѣ 90 года, у насъ болѣе значителенъ, но большинство изъ нихъ мы надѣемся разыскать съ помощью нашихъ читателей, которыхъ и просимъ подѣлиться съ нами этими изданіями, или только хотя бы пока прислать намъ ихъ списки и описанія.—Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Былого“ мы напечатаемъ перечень того, что намъ къ тому времени не удастся разыскать.

Еще болѣшій недостатокъ мы ощущаемъ въ литографированныхъ и гектографированныхъ изданіяхъ свободной прессы, которая иногда представляли большой интересъ. Такъ у насъ нѣтъ: брошюры о террористической борьбѣ, изд. въ 1884 г., газеты „Рабочій“ (1884 г.), „Студенчество“ (1882—3 гг.), „Свободное Слово“ (1883 г.), „Союзъ“ (1883 г.), „Гомонъ“ (1884 г.), „Письмо къ товарищамъ“ (Распопина) (1884 г.), „Самозванные марксисты“ (1885 г.), прокламаціи 86 и 87 гг. (кружка А. Ульянова) и т. д.

Болѣе подробный списокъ этихъ найденныхъ нами брошюръ мы дадимъ впоследствии, когда получимъ списки брошюръ, имѣющихся у разныхъ лицъ.

II. Заграничныя изданія.

Заграничныя изданія намъ удалось разыскать почти всѣ,—пока не найдены нами: „Отечество въ опасности“, изд. набатовцевъ (1877—78 г.), „Современность“ (Николядзе и Мечникова) (1868 г.), нѣкоторые №№ нечаевскихъ „Колокола“ (1870 г.) и „Общины“ (1871 г.).

III. Тайныя или неопубликованныя изданія и документы правительства.

Для нашихъ историческихъ работъ были бы очень нужны подобныя изданія. У насъ, напр., нѣтъ: биографическаго словаря русскихъ революционеровъ Н. Н.

Голицына, „Списковъ разыскиваемыхъ по дѣламъ департамента полиціи“ (издается каждое полугодіе), „Ежегодныхъ обзоровъ важнѣйшихъ дознаній“ и т. д.

IV. Изданія, задержанныя цензурой.

Мы будемъ пополнять уже имѣющіеся въ литературѣ (см. „Энцикл. Словарь“ Брокгауза подъ словомъ „цензурныя взысканія“) списки задержанныхъ въ свое время цензурой книгъ и журнальныхъ статей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы будемъ на страницахъ „Былого“ восстанавливать цензурные пропуски. Для этого намъ необходимо получить точныя свѣдѣнія о цензурныхъ вырѣзкахъ въ сочиненіяхъ такихъ писателей, какъ Щедринъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Михайловскій, въ воспоминаніяхъ и дневникахъ Пирогова, Горбачевского и пр.

NB. Въ томъ случаѣ, когда будетъ почему-либо невозможно выслать намъ недостающія у насъ изданія, о которыхъ мы только что говорили въ первыхъ 4 параграфахъ, то мы просимъ дѣлать для насъ обстоятельную опись этихъ сочиненій по той программѣ, по какой въ настоящее время нами составляется „Опытъ описанія русскихъ изданій, появившихся за границей и въ тайныхъ русскихъ типографіяхъ, и изданій, задержанныхъ цензурой“.

При описи этихъ изданій мы стараемся давать слѣдующія свѣдѣнія:

а) полный титулъ сочиненія, годъ и мѣсто изданія, число страницъ, форматъ, указаніе, въ какой типографіи печаталось (вносить поправки въ ошибочныя обозначенія).

б) имя автора (по возможности, раскрывать псевдонимы).

в) краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.

г) указанія на рецензіи и критическія статьи.

д) всякаго рода поправки и комментаріи къ тексту.

V. Неопубликованныя письма, дневники и статьи замѣчательныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ дѣятелей и партійные документы.

Желательно получить: письма Желябова, А. Михайлова, Перовской, Халтурина, Гриневицкаго, Кравчискаго и др.; документы: „Уставъ боевой дружины рабочихъ“ (1880 г.), „Задачи боевой рабочей организаци“, „Объяснительную записку къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Н. В.“, уставъ мѣстныхъ организацій Н. В. и пр.

VI. Автобіографическія и біографическія свѣдѣнія.

Желательно собирать автобіографическія и біографическія данныя по программѣ, изложенной въ слѣдующемъ особо изданномъ нами „Вопросномъ листкѣ“:

1) Фамилія, имя, отчество (псевдонимы въ литературѣ и жизни), національность, сословіе, вѣроисповѣданіе, образованіе, занятіе;

2) годъ, число и мѣсто рожденія и др. біографическія свѣдѣнія (свѣдѣнія о родныхъ, гдѣ преимущественно жилъ и т. д.);

3) когда, гдѣ, по какому дѣлу былъ арестованъ, гдѣ судился, каковъ былъ приговоръ, въ какихъ тюрьмахъ содержался, когда освобожденъ?

4) участвовалъ ли въ литературѣ? въ какихъ изданіяхъ?

5) не было ли въ литературѣ біографическихъ матеріаловъ и свѣдѣній о дѣлѣ? не помѣщались ли гдѣ портреты?

6) въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ принималъ участіе?

NB. Желательно получать о каждомъ лицѣ возможно болѣе подробныя вся-

каго рода автобіографическіе и біографическіе матеріалы (его характеристику оцѣнку его дѣятельности, описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ его жизни, свѣдѣнія о настоящемъ мѣстонахожденіи).

Адресъ для присылки обратно вопросныхъ листковъ и отвѣтовъ изъ нихъ: *С.-Петербургъ. Стаская ул., 25, Редакція журнала „Былое“.*

Адреса лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ дополнительныхъ свѣдѣній по „Вопроснымъ листкамъ“.

VII. Матеріалы для изученія политическихъ процессовъ.

Желательно, чтобы участники политическихъ процессовъ (подсудимые, свидѣтели, адвокаты и т. д.) просмотрѣли бы имѣющіеся уже въ печати матеріалы, внесли въ него поправки, дополненія и всякаго рода комментаріи, собрали бы біографическіе матеріалы о лицахъ, причастныхъ къ процессамъ, и ихъ судьбѣ.

Для нѣкоторыхъ процессовъ у насъ не имѣется ни обвинительныхъ актовъ, ни отчетовъ о судѣ,—такъ, напр., о дѣлѣ рабочаго Малиновскаго (74 г.), Обнорскаго (80 г.), Ковальской (81 г.), Халтурина (82 г.), Геккера (82 г.), Дзвонкевича (83 г.), Гориневича (83 г.), Манучарова (85 г.), Оржиха (88 г.), Зотова (89 г.), Кочурихина (92 г.), Лекерта, Качура и т. д.

Для другихъ процессовъ имѣются обвинительные акты, но очень мало иныхъ матеріаловъ, напр.: для дѣла Нечаевскихъ солдатъ (82 г.), Юр. Богдановича (83 г.), Вѣры Фигнеръ (84 г.), Шебалина (84 г.), Ульянова (87 г.), Лопатина (87 г.), Гинсбургъ (90 г.), процессы послѣдняго времени и т. д.

VIII. Данныя для хронологической канвы по исторіи освободительныхъ движеній.

Желательно возможно точно:

а) установить года и числа событій.

б) составить списки членовъ революціонныхъ и общественныхъ организацій, съ указаніемъ времени вступленія ихъ въ организаціи.

в) дать списокъ лицъ, участвовавшихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ (съѣздахъ, конспиративныхъ квартирахъ, типографіяхъ, террористическихъ покушеніяхъ, побѣгахъ, динамитныхъ мастерскихъ и т. д.)

г) собрать свѣдѣнія о наиболѣ крупныхъ стачкахъ и аграрныхъ движеніяхъ.

д) указывать литературу, относящуюся къ перечисляемымъ событіямъ.

NB. Свѣдѣнія о событіяхъ слѣдуетъ давать по годамъ, а затѣмъ уже располагать по мѣстностямъ и по отдѣламъ („аресты“, „борьба“, „побѣги“, „некрологи“, „правительственныя распоряженія“, „литература“ и т. д.),—какъ это было сдѣлано въ сборникѣ „За сто лѣтъ“ В. Л. Бурцева.

IX. Карточки, рисунки, реликвіи.

У насъ уже имѣется значительное количество фотографическихъ карточекъ дѣятелей освободительнаго движенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ карточекъ также намъ до сихъ поръ разыскать не удалось,—напр., нѣтъ карточекъ декабриста Бестужева-Рюмина, Ковальскаго, Дубровина (офиц.), Желябова, Колодкевича, Тетерки, Теллалова, Тихонова, Чубарова, Виттенберга, Логовенко, Бранднера, Малинки, Дробязгина, Степурина, Прѣснякова и др. Нѣтъ у насъ, конечно, и карточекъ многихъ, очень многихъ дѣятелей освободительнаго движенія, погибшихъ въ самое послѣднее время.

Тѣхъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи фотографическія карточки рево-

люціонныхъ и общественныхъ дѣателей, мы просимъ въ томъ случаѣ, если они почему-либо не могутъ прислать намъ своихъ коллекцій, дать намъ полный списокъ карточекъ, съ обозначеніемъ времени, къ какому онѣ относятся. Для многихъ дѣателей мы будемъ издавать ихъ карточки за разныя эпохи ихъ жизни, или будемъ выбирать наиболѣе почему-либо важныя.

Затѣмъ мы повторяемъ свою просьбу къ читателямъ-друзьямъ, напечатанную въ февральской кн. „Былого“ о высылкѣ намъ выходящихъ произведеній текущей литературы всѣхъ партій (нѣкоторыя партійныя учрежденія эту просьбу нашу уже исполняютъ, за что мы приносимъ имъ нашу искреннюю признательность). конфискованныхъ администраціей произведеній періодической и неперіодической печати и пр.; изъ совокупности всѣхъ такихъ произведеній станеть возможнымъ составить архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Въ заграничномъ изданіи „Былого“ и въ изданіяхъ Базилевскаго-Богучарскаго, когда мы начали собирать революціонныя изданія, рукописи, карточки и т. д., мы говорили, что все, что мы получимъ отъ товарищей,—все это нами будетъ передано въ музей, посвященный изученію освободительнаго движенія.

То же самое мы можемъ повторить и въ настоящее время и просимъ товарищей имѣть въ виду, что, собирая рукописи, карточки, реликви и пр., мы все это передадимъ въ такой музей, когда онъ будетъ основанъ и когда условія политической жизни въ Россіи обезпечатъ ему прочное существованіе.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзомъ“ Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семейскій (Вас. Остр., 2 л. д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная, Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Боучарскій (ред. жур. „Былое“. Спасская ул. 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменць, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Мялюковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, А. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стаховичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 16 февраля по 8 марта въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ Ново-Оскольского общества взаимной помощи служащихъ—60 р. 70 к.; отъ неизвѣстнаго въ память друга—200 руб.; И. А. Корсакова—10 руб.; Е. А. Родичевой—3 р.;—говорарь за двѣ замѣтки въ „Быломъ“ (Л. П.)—12 руб.; двухъ русскихъ женщинъ изъ Вѣны—30 р.; О. Н. Поповой—10 р.; Э. Пекарскаго, Е. А. Декарской и А. А. Р-л-а-н-й—3 р.; М. И. Щеголевой—2 р.; А. В. Погожевой—5 р.; А. А. Тихонова (Лугового)—15 р.; черезъ „Нашу Жизнь“—94 р.; Ю. И. Лаврентьевой—15 р.; неизвѣстной—10 р.; М. Л. В.—5 р.; Н. Oelsnitz—50 р.; Н. И. Степанова—15 р.; С. Щепотьева—25 р.; В. Л. Ратта—5 р.; неизвѣстнаго—25 р.; г-жи Э. I.—3 р.; М. А. Прессе—5 р.; Гонораръ за ст. и стих. въ „Быломъ“ П. С. Поливанова, по желанію его сестры Е. С. Волковой,—40 руб.

Итого—642 р. 70 к.

А съ прежде поступившими всего:

деньгами	1372 р. 70 к.
процентаи. бумагами. . .	4000 р. — к.
Всего	5372 р. 70 к.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Пріемъ пожертвованій продолжается.

Казначей Комитета Н. Амелскій.

III.

Для составленія альбома шлиссельбуржцевъ въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ, поступили послѣ 15 февраля портреты Малавскаго, Шевырева, Андреюшкина и Вас. Иванова ¹⁾. Общаны портреты Игната Иванова, Савелія Златопольскаго и Логовскаго. Совсѣмъ не имѣется портретовъ (Комитетъ убѣдительно проситъ ихъ разыскать) Арончика, Исаева, Минакова, Клименко, Тихоновича. Немоловскаго, Николая Рогачева, Генералова, Чепегина, Васильева и Гершковича. Комитетъ проситъ также лицъ, живущихъ за границей, разыскать и выслать ему портреты шлиссельбуржцевъ-поляковъ Лукасинскаго и Шварца.

Получены біографическія свѣдѣнія о Фроленко, Кобылянскомъ, Варыскомъ, Яновичѣ и Сергѣѣ Ивановѣ.

О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.

---

¹⁾ Получена также фотографическая карточка Игната Иванова, но снята еще, когда онъ былъ гимназистомъ и очень видѣвшаяся.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе мѣсяца обратили на себя общественное вниманіе слѣдующіе акты центральныхъ и мѣстныхъ властей:

Главнымъ командиромъ, адмираломъ Чухнинымъ, опубликованъ приказъ, въ которомъ онъ объявляетъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 100 статьей уголовного уложенія, онъ находитъ нужнымъ примѣнять правило, установленное 1401-й статьей военныхъ постановленій, а именно, *не давать дѣламъ сего рода направленія въ кассационномъ порядкѣ*, по кассационнымъ жалобамъ и протестамъ, поданнымъ на приговоры военно-морского суда.

Правило это сейчасъ же было примѣнено Чухнинымъ къ дѣлу о нижнихъ чинахъ команды крейсера „Очаковъ“ и совмѣстно съ ними переданныхъ суду гражданскихъ лицъ.

Командующимъ войсками Одесскаго военного округа генер. Каульбарсомъ было опубликовано слѣдующее объявленіе:

Въ видахъ охраненія, согласно статьи 8-й правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи, государственнаго порядка и общественной безопасности въ районѣ ввѣреннаго мнѣ Одесскаго военного округа, я вынужденъ объявить, что на основаніи статьи 12 вышеуказанныхъ правилъ, всѣ дѣла о лицахъ, виновныхъ какъ въ покушеніи или въ приведеніи въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ помощью взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, оружія или иными способами, такъ и изобличенныхъ въ приобрѣтеніи или храненіи, или изготовленіи, или переносѣ взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, съ преступною цѣлью, будутъ подвергаемы мною и уполномочиваемыми мною на то временными генералъ-губернаторами и комендантомъ Севастопольской крѣпости *разрѣшенію въ административномъ порядкѣ, съ примѣненіемъ смертной казни.*

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ имъ предлагается: „безотлагательно принять всѣ заисящія мѣры къ восстановленію правильной дѣятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ и къ предупрежденію составленія общественныхъ приговоровъ по предметамъ, вѣдѣнію сихъ сходовъ не подлежащимъ“.

Другимъ циркуляромъ губернаторамъ м-ръ вн. дѣлъ Дурново признаетъ необходимымъ: сосредоточить въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго

хозяйства свѣдѣнія о ходѣ занятій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, какъ очередныхъ, такъ и чрезвычайныхъ сессій, а также и городскихъ думъ, *характеризующія общее настроеніе земскихъ и городскихъ массъ и отмѣчающія уклоненія* отъ законовъ установленнаго пути дѣятельности общественныхъ учреждений и просить независимо представляемыхъ министерству по департаменту полиціи донесеній *о проявленіяхъ въ средѣ земскихъ и городскихъ учреждений противоправительственныхъ теченій* своевременно сообщать въ названное главное управленіе по дѣламъ земскаго и городского хозяйства по принадлежности всѣ вышеуказанныя свѣдѣнія, съ приложеніемъ въ необходимыхъ случаяхъ выписокъ изъ постановленій журналовъ земскихъ собраній и городскихъ думъ и докладовъ управъ“.

Въ циркулярѣ губернаторамъ отъ 30 ноября 1905 г. министръ внутр. дѣлъ писалъ: „прошу васъ: 1) всѣхъ подстрекателей, зачинщиковъ и революціонныхъ агитаторовъ, которые не арестованы судебною властью—арестовать и войти безотлагательно представлениемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи; 2) никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно допросовъ не производить, а ограничиваться протоколомъ, въ которомъ должно указать причины арестованія и краткія свѣдѣнія, удостоверяющія виновность; 3) если завѣдомые агитаторы освобождены судебными властями, то оставлять ихъ подъ стражей и поступать по пункту второму; 4) въ случаѣ арестованія учителей, фельдшеровъ и другихъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а равно постороннихъ лицъ или пріѣзжихъ, не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегацій; 5) не обращать вниманія на угрозы собраній и митинговъ, и въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою, съ употребленіемъ, согласно закону, если нужно, оружія; 6) представленія должны быть сдѣланы безотлагательно; 7) вообще всякія колебанія при исполненіи предыдущаго не должны быть допускаемы“.

Высочайшимъ указомъ отъ 12 февраля созывъ Государственной Думы назначенъ на 27 апрѣля 1906 г. Производство выборовъ членовъ Думы на избирательныхъ собраніяхъ въ губерніяхъ и городахъ допущено въ разные сроки, назначаемые Высочайшими указами, которые министръ внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ черезъ совѣтъ министровъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 7 февр. утверждено мнѣніе госуд. совѣта объ измѣненіи правилъ и призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Новыя правила устанавливаютъ, что для предупрежденія неповиновенія толпы *„ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба голостыми патронами не должны быть допускаемы“*. Неуклонное исполненіе этого закона, по мнѣнію госуд. совѣта, *„скоро причтитъ населеніе видѣть въ войскахъ грозную силу, а не только средство устрашенія“*.

Высочайшимъ манифестомъ 20 февраля дополнены законоположенія о Государ. Думѣ и утверждено положеніе о переустройствѣ Государственнаго Совѣта, которому наравнѣ съ Государственной Думой отнынѣ предоставлены законодательныя права. Въ Государственный Совѣтъ вводятся въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими тамъ по назначенію, выборные отъ духовенства (избираемые святѣйшимъ синодомъ), отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности. Ком-

петенціи Государственной Думы манифестомъ 20 февраля значительно ограничена.

Опубликована инструкція мин. вн. дѣлъ о порядкѣ производства выборовъ посредствомъ записокъ.

Мин. внут. дѣлъ разосланы земскимъ начальникамъ инструкціи, которыми имъ вмѣняется въ обязанность „наблюдать за тѣмъ, чтобъ во время выборовъ не было насилія со стороны противоправительственныхъ партій: соц.-демократовъ, соц.-революціонеровъ и конституц.-демократовъ“, „выяснить населенію всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основнаго государственнаго строя“, удалять черезъ довѣренныхъ людей изъ помѣщенія выборщиковъ ораторовъ, обольщающихъ крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими землями и крикуновъ“, „вывѣсить имена лицъ, кои по неблагонадежности кандидатами быть не могутъ“, „обращаться къ содѣйствию военной силы, если бы агитаторы выказали намѣреніе выборныя собранія обратить въ крестьянскіе комитеты для раздѣла частно-владѣльческихъ земель, чтобъ арестовать лицъ, принявшихъ участіе въ таковыхъ комитетахъ“.

Кіевскій генер.-губернат. Сухомлиновъ предлагаетъ къ исполненію слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ: „Сегодня въ мѣстности Кагарлыкь, Кіевской губернии, въ имѣніи Черткова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настойчиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ приказать немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаціями“.

* * *

Главнѣйшія проявленія революціоннаго движенія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи:

1) Въ Варшавѣ убиты револьверными выстрѣлами двое постовыхъ городовыхъ. Злоумышленники, забравъ у нихъ оружіе, скрылись.

2) Въ Прибалтійскомъ краѣ, воелѣ Прекульна произведено вооруженное нападеніе на развѣздъ изъ шести драгунъ; трое драгунъ ранены, одинъ изъ нападавшихъ убитъ.

3) Въ Ригѣ 6 февр. толпа неизвѣстныхъ стрѣляла въ воинскій патруль. Убитъ 1 рабочій, ранены 2 солдата и 1 рабочій.

4) На ст. Алатырь Моск.-Каз. ж. д. убиты выстрѣломъ изъ револьвера начальникъ станціи г. Вабенко и старшій жандарм. унтеръ-офицеръ; тяжело раненъ желѣзно-дорожн. сторожъ.

5) Въ Ялтѣ типографія Вахтина была захвачена группой лицъ съ цѣлью напечатанія прокламаціи. Когда прокламаціи были набраны, явилась полиція. Захватившимъ типографію удалось скрыться, за исключеніемъ одного, бѣжавшаго, но настигнутаго полиціей.

6) Въ Ригѣ въ центрѣ города полиція обнаружила въ погребѣ дома по Манежной ул., 14 бомбъ, изъ которыхъ 8 были заряжены, 6 пустыя.

7) Въ Вильнѣ, 10 февраля, въ Квасномъ переулкѣ еврей нашелъ бомбу

и толкнулъ ее ногой, вслѣдствіе чего произошелъ взрывъ, оторвавшій ему ногу.

8) Въ Казани вновь конфисковано нѣсколько ящиковъ огнестрѣльнаго оружія.

9) Въ Варшавѣ начальникъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ, инженеръ Ивановъ, убитъ наповаль выстрѣломъ изъ револьвера; убійца скрылся.

10) Въ Одессѣ 12 февр. къ Ратнеру, снявшему комнату въ Треугольномъ пер., въ 1 ч. ночи явилась полиція съ обыскомъ. Ратнеръ, еще двое мужчинъ и дѣвушка встрѣтили ее выстрѣлами изъ браунинговъ, потомъ всѣ трое забѣжали по лѣстницѣ на крышу, оттуда перебрались на крышу сосѣдняго дома и засѣли на чердакѣ. Полиція, казаки, солдаты до 300 человѣкъ осадили ихъ. Перестрѣлка длилась до семи часовъ утра. Осажденные защищались храбро, на виду у многочисленной публики. Дѣвушка оказалась переодѣтымъ мужчиной. Ранены надзиратель, дворникъ, дворничиха, убиты анархисты. Найдены бомбы.

11) Въ Варшавѣ 7-го февр. задержанъ пріѣхавшій изъ провинціи еврей съ 43,000 капсюлей для винтовочныхъ патроновъ.

12) Въ Варшавѣ 12 февр. на предвыборномъ собраніи произошло кровавое столкновение между участниками союза изъ партіи національ-демократовъ и воровавшимися социалистами. Убитъ 1 раб. социалистъ и ранено около 15 чел. Были вызваны войска, которыя окружили собравшихся. Всѣ были обысканы, оказавшіеся безъ документовъ арестованы. Зачинщики схватки бѣжали.

13) Въ Петербургѣ 13 февраля въ одиннадцатомъ часу утра убитъ пятью выстрѣлами изъ револьвера помощникъ начальника мастерскихъ Путиловскаго завода Назаровъ.

14) Въ Иркутскѣ 13 февраля вечеромъ на Большой улицѣ ломомъ убитъ помощникъ коменданта станціи Иркутскъ и Мысовая баронъ Корфъ.

15) Въ окрестностяхъ Ремерстофа произведено нападеніе на лейтенанта князя Путятина, получившаго двѣ огнестрѣльныя раны. Одинъ изъ нападавшихъ убитъ матросами. Князь Путятинъ въ опасности.

16) Въ Костромѣ 15 февр. ночью въ губернскую земскую больницу явились шесть вооруженныхъ лицъ и освободили политическаго заключеннаго Вульпе. Городовой, охранявшій арестантское отдѣленіе больницы и оказавшій сопротивление, раненъ. Виновники освобожденія Вульпе скрылись и разыскиваются полиціей.

17) Въ Варшавѣ 15 февр. 30 вооруженныхъ революціонеровъ разгромили типографію Немира за отказъ печатать революціонныя изданія.

18) Въ Херсонѣ на Греческой улицѣ открыта фабрикація бомбъ. Арестованъ пріѣзжій еврей. Найдена одна готовая бомба и 9 приготовлявшихся. Обнаружены запасы взрывчатыхъ веществъ.

19) Въ Лодзи 17 февр. нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

20) Въ Кіевѣ на Андреевскомъ спускѣ обнаружена тайная типографія украинской револ. партіи. Задержано нѣсколько пудовъ шрифта и типограф. принадлежностей. Арестовано двое неизвѣстныхъ.

21) Въ Симферополѣ, на Фонтанной ул., выслѣжена тайная типографія. Арестованы работавшіе тамъ мужчины и женщины. Въ сосѣднемъ домѣ

захвачено много готовыхъ прокламацій и типографскихъ принадлежностей.

22) Въ Лодзи 19 февраля, въ 5 ч. вечера, на Константиновской улицѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ убитъ околоточный надзиратель второго участка Даниль Ярчакъ. Убийцы успѣли скрыться.

23) Въ Вердичевѣ 20 февр. захвачена полиціей въ полномъ ходу тайная типографія вмѣстѣ съ участниками. Конфискована масса только-что отпечатанныхъ прокламацій, обращенныхъ къ войскамъ.

24) Въ Радомѣ 20 февраля обнаружена тайная типографія, дѣйствовавшая на главной улицѣ. Найдено 4 пуда набора.

25) Въ Екатеринославѣ 23 февр. на Заводской улицѣ открыта полиціей тайная типографія съ множествомъ шрифта и частями типографскихъ машинъ.

26) Изъ Самары сообщаютъ, что 19 февраля, въ 10 часовъ утра, капитаномъ 12 роты 2 заамурскаго желѣзнодорожнаго батальона Захарченко обнаружилъ похищеніе 152-хъ 3-хъ-линейныхъ винтовокъ и 7,500 патроновъ изъ вагона-цейхауза.

27) Въ Петербургѣ 20 февраля чинами охранной полиціи, въ домѣ № 19 по Троицкой улицѣ, обнаружена мастерская взрывчатыхъ веществъ. Въ квартирѣ задержано пять чловѣкъ, при обыскѣ найдены готовые снаряды, а также формы для нихъ.

28) Въ Лодзи 21 февраля револьвернымъ выстрѣломъ убитъ наповаль околоточный надзиратель четвертаго участка Делта.

29) Въ Варшавѣ 24 февр. 20 чловѣкъ, вооруженныхъ револьверами, увезли изъ пражской больницы въ заранѣе приготовленной каретѣ переодѣтаго въ женское платье Владислава Редке, который 17 февр. ранилъ околоточнаго надзирателя и, отстрѣливаясь затѣмъ отъ окружавшихъ домъ солдатъ, былъ самъ тяжело раненъ.

30) „Страна“ сообщаетъ, будто въ д.-гв. измайловскомъ полку похищено 1,000 винтовокъ.

31) Въ Варшавѣ 3 выстрѣлами изъ револьвера тяжело раненъ инспекторъ народныхъ училищъ Орловъ.

32) Въ Одессѣ 24 февраля проходившій по Городской улицѣ городской Дергачъ тяжело раненъ выстрѣломъ изъ револьвера.

33) Въ Лодзи 24 февраля въ Пабианицахъ убитъ двумя выстрѣлами изъ револьвера ночной сторожъ Гаувальдъ.

34) Въ Бѣлостокѣ 25 февраля изъ цейхауза 120-го запаснаго баталіона похищено 200 винтовокъ трехлинейнаго образца, 20 ящиковъ съ патронами и 16 ящиковъ съ гильзами.

35) Въ Варшавѣ 25 февр. въ 8 ч. вечера двое неизвѣстныхъ на Каміонковской улицѣ въ Прагѣ выстрѣлами изъ револьверовъ убили околоточнаго надзирателя Шантала и городского Волкова.

36) Въ Лодзи 25 февраля около 5 ч. вечера, въ Пабианицахъ, по дорогѣ на вокзалъ на извозчикѣ выстрѣлами изъ револьвера убитъ начальникъ Ласскаго уѣзда Ивановъ. Убийцы скрылись.

37) Въ Одессѣ 26 февр. на вокзалѣ жандармской полиціей вскрыты въ багажѣ двѣ подозрительныя коряны. Оказалось 19 ружей, 25 штыковъ, 20 шомполовъ.

38) Въ Томскѣ 26 февраля въ помощника полиціймейстера Кириллова въ два часа ночи, на площади у собора, были произведены два выстрѣла. Стрѣлявшій задержанъ и будетъ преданъ военному суду. Онъ оказался студентомъ.

39) Въ Варшавѣ 26 февр. на Варшавско-Вѣйскомъ вокзалѣ задержана женщина, привезшая контрабандой ящикъ съ револьверами Браунинга и 3000 патроновъ.

Въ предмѣстьѣ Прага толпа окружила патруль и убила околоточнаго и городового; арестованъ одинъ изъ нападавшихъ, остальные скрылись.

40) Въ Ковнѣ 19 февраля въ два часа дня, въ шавельскую тюрьму, когда надзиратель отворилъ калитку для приема принесенной пицци, ворвались два революціонера, вооруженные револьверами, съ цѣлью освобожденія политическихъ арестованныхъ, открыли стрѣльбу по тюремной стражѣ и ранили надзирателя. Прибывшій во главѣ конной стражи исправникъ разогналъ на улицѣ толпу. Запертые въ тюрьмѣ революціонеры Гламжо и Фоскрупникъ сдались безъ сопротивленія.

41) Въ станицѣ Панинской бросившіе самовольно службу казаки Урускаго полка укрѣпились окопомъ и увеличили число взбунтовавшихся недовольными изъ сосѣднихъ станицъ. На усмиреніе высланы войска.

* * *

За февраль мѣсяцъ имѣли мѣсто слѣдующіе судебные приговоры по политическимъ дѣламъ:

1) Кассационная жалоба по дѣлу Короткаго, убившаго осенью 1905 г. въ Вильнѣ полицейскаго и ранившаго полиціймейстера, отвергнута. Приговоръ военно-окружнаго суда утвержденъ командующимъ войсками съ замѣной смертной казни черезъ повѣшеніе *смертной казнью* черезъ *разстрѣляніе*. 1 февраля приговоръ приведенъ въ исполненіе въ Виленской губ. тюрьмѣ.

2) Въ Черниговѣ 31 января на разсвѣтъ *попытка* покушавшійся на бывшаго черниговскаго губернатора Хвостова.

3) 5 февраля военно-морской судъ по Потемкинскому процессу вынесъ слѣдующую резолюцію: Зауложновъ, Луцаевъ и Мартяновъ приговорены къ *смертной казни* черезъ *попыткѣ*, съ замѣной, согласно манифеста 21 октября, каторжными работами на 15 лѣтъ каждому; Гусь на 20 лѣтъ, Залорожный на 7 лѣтъ. Кашугинъ на 12 лѣтъ въ каторжныя работы, 32 подсудимыхъ приговорены въ арестантскія отдѣленія отъ 1 г.—2 л. 4 м., одинъ—въ воен. мор. плавуч. тюрьму на 3 мѣс. Судъ ходатайствовалъ о сокращ. сроковъ лишенія свободы на половину. 1 кондукторъ и 24 матроса оправданы.

4) Въ Новочеркасскѣ, 4 февраля, судившійся судебной палатой Мазуренко, за агитацію отъ имени крестьянскаго союза, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

5) Въ Вяткѣ 8 февраля военно-окружнымъ судомъ рассмотрѣно дѣло рядового Фабричнаго, смертельно ранившаго 18 декабря командира котельничскаго батальона Нестеренко. *Фабричный приговоренъ къ разстрѣлу*. Судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія.

6) Въ Митавѣ, 9 февраля, вышедшій въ сѣверную часть гизенпотскаго

уѣзда отрядъ арестовалъ 34 крестьянъ, изъ которыхъ 5 за сопротивленіе *разстрѣляны*.

7) Въ Лифляндіи отрядомъ Мейнгарда 4 февраля *казнено семь революціонеровъ*.

8) Военно-полевой судъ въ Верхнеудинскѣ судилъ 10 февраля тридцать желѣзнодорожныхъ служащихъ. Четверо приговорены къ каторжнымъ работамъ, *девять къ смертной казни*. Генераль Ренненкампфъ замѣнилъ четверымъ казнь каторгою. Остальные *пять казнены*.

9) 13 февраля въ главномъ военномъ судѣ слушалось въ кассационномъ порядкѣ дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ 1-й и 2-й батареяхъ 26-й артиллерійской бригады въ гор. Гродно 4 и 5 ноября минувшаго года. Засѣданіе ознаменовалось постановленіемъ рѣшенія, единственнаго въ практикѣ кассационныхъ судовъ. Въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, канонира Цвѣткова, главный судъ замѣнилъ каторжныя работы, назначенныя приговоромъ вилейскаго военно-окружнаго суда, *смертной казью*, основываясь на ст. 1041 воен. суд. устава.

10) Въ Варшавѣ, 14 февраля военный судъ *приговорилъ* двухъ братьевъ Чекальскихъ и Зерницкаго *къ смертной казни*: первыхъ за покушеніе 21 декабря на убійство земскаго стражника въ Бендинѣ, а третьяго за убійство 23 декабря земскаго стражника въ Заверцѣ. Зерницкій *казненъ* 24 февр.

11) Въ Сувалкахъ, 15 февраля, разсматривалось въ особомъ присутствіи выѣздной сессіи варшавской судебной палаты дѣло о Шмидтѣ, Ковальскихъ и Милевскомъ, обвиняемыхъ въ пропагандѣ между войсками. Подсудимые приговорены къ заключенію въ крѣпости: первые два—на одинъ годъ, третій—на восемь мѣсяцевъ.

12) Въ Одессѣ военный судъ приговорилъ аккерманскаго мѣщанина Тихона Александровскаго къ отдачѣ въ исправительный домъ на одинъ годъ и 5 мѣсяцевъ за распространеніе прокламацій и сочиненій въ войскахъ съ цѣлью возбужденія нижнихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей военной службы и къ неповиновенію.

13) Въ Вильнѣ, обвинявшійся въ покушеніи на жизнь околоточнаго надзирателя, Якуновичъ, *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

Начальникомъ края смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами.

14) Изъ Ташкента сообщаютъ: „Кочегаръ ст. Мервъ Петруниъ, покушавшійся на жизнь коменданта кушквинской крѣпости ген. Прасолова, приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ виду наличности смягчающихъ его вину обстоятельствъ, командующій войсками ген. Субботичъ не только удовлетворилъ ходатайство суда о *смягченіи его участи замѣною смертной казни 8-ми-лѣтнею каторгою, но и понизилъ еще наказаніе на пять степеней: Петруниъ отданъ на три года въ арестантскія роты*“.

15) Въ Минскѣ, 16 февраля, военный судъ приговорилъ покушавшихся на жизнь губернатора и полицеймейстера Анну Измайловичъ и Ивана Пулихова *къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

16) Тамъ же, по дѣлу о покушеніи на жизнь полицеймейстера Норова военный судъ приговорилъ Оксенкруга къ смертной казни черезъ повѣ-

шеніе. Командующій войсками замѣнилъ для Измайловичъ смертную казнь безсрочной каторгой, по отношенію къ *Пумигову* приговоръ утвержденъ и 25 февраля въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе* въ минской тюрьмѣ. Смертная казнь Оксенкругу замѣнена 15-лѣт. каторгой.

17) Изъ Тулы сообщаютъ: рабочій Баташевъ, ранившій жандармскаго офицера, *приговоренъ* военно-окружнымъ судомъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о замѣнѣ Баташеву смертной казни ссылкой въ каторжные работы на 4 года.

18) Въ Очаковѣ, 18 февраля, лейтенантъ Шмидтъ *присужденъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе; кондукторъ Частникъ, комендоръ Антоенко и машинистъ Гладковъ — *черезъ разстрѣляніе*. Оправданы десять матросовъ. Остальные подсудимые присуждены къ разнымъ наказаніямъ: каторжнымъ работамъ и арестантскимъ отдѣленіямъ. Защитники подаютъ кассационную жалобу. Они просили занести въ протоколъ 4 обстоятельства, изъ которыхъ два касаются фактической стороны процесса, а два формальной.

19) Въ Одессѣ закончилось дѣло о покушеніи на жизнь генерала Коханова, Карангозова и Нейдгардта. Владиміръ Кирилловъ и его невѣста Нетта Давидовичъ, привлеченные къ суду за участіе въ сообщничествѣ съ именуемой себя „боевою“ дружиной одесскаго комитета „соціалъ-революціонеровъ“, имѣвшей въ своемъ распоряженіи средства для взрывовъ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на два года. Елена Найдтъ оправдана.

20) Изъ Харькова сообщаютъ: утромъ въ окружномъ судѣ собралась масса публики слушать дѣло профессора Гредескула. Когда въ залѣ суда появился профессоръ подъ конвоемъ солдатъ, вся публика встала съ мѣстъ, устройвъ молчаливую сочувственную овацію. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. До приговора суда высылка профессора въ Архангельскую губернію задержана. Профессоръ Гредескулъ приговоренъ къ 10-ти дневному аресту.

21) Въ Ригѣ, 18 февраля, временнымъ военнымъ судомъ крестьянинъ вендевскаго уѣзда Янъ Берзинъ, обвиняемый въ убійствѣ 11 января на Николаевской улицѣ казака и въ пораненіи другого казака *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

22) Въ Одессѣ жандармъ одесской конно-жандармской команды Черекенко приговоренъ военнымъ судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь за распространеніе среди войскъ сужденій, возбуждающихъ воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанности военной службы.

23) Въ Тифлисѣ, 21 февраля, убійца генерала Грязнова приговоренъ къ *смертной казни* черезъ *посѣщеніе*.

24) Въ Одессѣ, 21 февраля, военный судъ, закончивъ разсмотрѣніемъ дѣло о 30 нижнихъ чинахъ 15 артиллерійской бригады, обвинявшихся въ явномъ возстаніи и неповиновеніи 12 декабря прошлаго года, приговорилъ: шестерыхъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ и одного на 15 лѣтъ; шесть человекъ въ дисциплинарные батальоны, двухъ на два года, четырехъ на годъ; двѣнадцать человекъ подвергнуть одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на 1 мѣсяць; четверо оправданы. Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ наказанія Степанову, приговоренному къ катор-

жнымъ работамъ на 15 лѣтъ, отдачей въ дисциплинарный батальонъ на три года.

25) Въ Воронежѣ, 21 февраля, военнымъ судомъ объявленъ приговоръ по дѣлу дисциплинарнаго батальона. Приговорены къ каторжнымъ работамъ на двѣнадцать лѣтъ—восемь человекъ, на десять лѣтъ—трое, на восемь лѣтъ—семеро, на шесть лѣтъ—шестеро, на четыре года—двое; въ исправительныя арестантскія отдѣленія, на четыре года—десять, на два года—шестеро, на одинъ годъ—одинъ; увеличены сроки пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ—одиннадцати лицамъ. Оправданы четверо.

26) Въ Вильнѣ, приговореннымъ къ казни за нападеніе на магазинъ Альшванга и покушеніе на городского четырьмя евреямъ командующій войсками замѣнилъ смертный приговоръ десятилѣтней и двадцатилѣтней каторгой.

27) Въ особомъ присутствіи варшавской судебной палаты рассматривалось дѣло Зильберблата, обвиняемаго въ пропагандѣ между войсками, и дѣло Красавца, обвиняемаго по статьѣ 129. Первый приговоренъ къ заключенію въ вѣрности на 8 мѣсяцевъ, второй—оправданъ.

28) Въ Казани, 24 февраля, судебная палата приговорила фельдшера Чувашина и крестьянина Кононова, обвинявшихся по 129 статьѣ угол. улож. въ произнесеніи преступной рѣчи, къ заключенію въ крѣпости перваго—на годъ, втораго—на 9 мѣсяцевъ. Воспитаникъ промышленнаго училища Васильевъ, обвинявшійся по 132 ст. угол. улож. въ храненіи съ цѣлью распространенія прокламацій, присужденъ къ заключенію на 9 дней въ крѣпости; крестьянинъ, Фроловъ, обвинявшійся по 129 статьѣ, оправданъ.

29) Въ Бобруйскѣ, военно-окружный судъ 21 февраля приговорилъ 13 человекъ къ *разстрѣлянію*, 12 человекъ къ 15 годамъ каторги, 3-хъ—къ 3 годамъ каторги, по дѣлу дисциплинарнаго батальона о попыткѣ возстанія въ прошломъ ноябрѣ. Осужденными послана телеграмма Государю съ ходатайствомъ о помилованіи.

30) Въ Кіевѣ приговоренному за покушеніе на убійство городского къ смертной казни Заславскому командующимъ войсками Сухомлиновымъ *смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой*.

31) Въ Варшавѣ, 25 февр., военный судъ рассмотрѣлъ вчера дѣло лица назвавшагося Витковскимъ (своей настоящей фамиліи обвиняемый суду не указалъ), и Янкевича, обвиненныхъ по 279 статьѣ военно-уголовныхъ уложеній. Судъ приговорилъ обоихъ къ лишенію всѣхъ правъ, кромѣ того Витковского къ каторжнымъ работамъ на 7½ лѣтъ, Янкевича на 15 лѣтъ и затѣмъ къ пожизненному поселенію въ Сибирь.

32) Въ Уфѣ, 24 февр., Бушуеву, присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни, за покушеніе на жизнь уфимскаго генераль-губернатора Келеповскаго, *смертная казнь замѣнена каторгой*.

33) Въ Ригѣ, 25 февр., утромъ въ Устьдвинской крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ* Яномъ Берзиннымъ, присужденнымъ военнымъ судомъ къ *смертной казни* за убійство казака Страхова и пораненіе казака Лосева.

34) Въ Черниговѣ, 25 февр., палатой вынесенъ приговоръ по дѣлу о покушеніи на жизнь черниговскаго и нѣжинскаго полицеймейстеровъ. По

первому дѣлу подсудимый приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ, по второму—къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

35) Во Владивостокѣ, 25 февр., въ военно-окружномъ судѣ закончился разборъ дѣла о беспорядкахъ, происходившихъ въ Апшеронскомъ полку въ концѣ октября прошлаго года. Подсудимымъ нижнимъ чинамъ предъявлено обвиненіе по 110 статьѣ военно-уголовныхъ законовъ.

Четверо приговорены къ двѣнадцатипятной каторгѣ, десять человекъ въ дисциплинарный баталіонъ.

36) Въ Читѣ 26 февр., въ три часа ночи судъ приговорилъ директора верхнеудинскаго раельнаго училища Окунцова, доктора Шинкмана и Мирскаго къ смертной казни. Военный прокуроръ Сергѣевъ отказался отъ обвиненія Шинкмана и Мирскаго по статьямъ, указаннымъ въ обвинительномъ актѣ, предлагая низшую мѣру наказанія.

37) Въ Кутанскѣ произведена смертная казнь черезъ разстрѣляніе надъ Кабеліани, обвиняемымъ въ убійствѣ пристава.

38) Получены слѣдующія извѣстія о дѣйствіяхъ экзекуционныхъ отрядовъ въ Прибалт. краѣ:

Въ городѣ Газенпотъ воинскимъ отрядомъ *четыре мятежниковъ разстрѣляно, двое повѣшено*; въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства барона Мантейфеля при вторичномъ столкновеніи раненъ драгунъ и *убитъ мятежникъ*.

39) Въ Искюль риж. уѣз. по приговору полевого суда *казнено 3 вооруженныхъ революціонера*. Въ Юргенбургѣ риж. уѣз. *разстрѣляны два латыши, сознавшіеся въ убійствѣ волостного писаря Кальнина*.

40) Въ Эдоленѣ 6 февраля военно-полевымъ судомъ *разстрѣляны хозяинъ усадьбы Случче и кузнецъ той же усадьбы*.

41) Въ Кацдангенѣ *учитель Пумтуръ и волостной писарь Кронбергъ, согласно рѣшенію военнаго суда, 30 января были повѣшены, а сыроваръ Блонъ и хозяинъ усадьбы Трулле и Чиче, равно какъ и съдельникъ Давбергъ разстрѣляны*.

42) Вторичной экспедиціей ген. Орлова въ имѣніи Сесвегенъ Венденскаго уѣзда приговорены полевымъ судомъ къ *разстрѣлу 12 человекъ*. Смертный приговоръ *десяти осужденныхъ приведенъ въ исполненіе 7 февраля*. Наказано плетью около 70 человекъ, между ними 5 женщинъ.

43) Въ Шванебургѣ наказаны всѣ члены волостного правленія плетью. Тамъ же *5 человекъ разстрѣляно*. Завѣдывающій двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ „помилованъ“ сѣченіемъ плетью до потери сознанія.

44) Въ Гапсальскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Леаль экзекуционнымъ отрядомъ *разстрѣляно 9 человекъ*.

45) Въ Сиссегалѣ *разстрѣляны* какъ агитаторъ, *неизвѣстный, назвавшій себя Шмидтомъ*.

46) Въ Митавѣ 4 февр. военный отрядъ, прибывшій въ Дондангенъ, *разстрѣлялъ 4 человека, повѣсилъ 2 и сжегъ нѣсколько крестьянскихъ домовъ*.

47) Вблизи Газенпота въ пятницу 3 февраля *разстрѣляно 32 человекъ*. въ субботу 4 февраля *повѣшенъ учитель и разстрѣляны два крестьянина*. Вблизи Гробина *разстрѣляно 8 человекъ*. Сожжены 2 усадьбы.

48) Въ окрестностяхъ Ерлава отрядъ Орлова *казнил 4 революціонеровъ* и сжегъ нѣсколько домовъ.

49) Въ Ригѣ военно-полевымъ судомъ *присужденъ къ смертной казни* германскій подданный, несовершеннолѣтній Іогансонъ, за покушеніе на отнятіе шашки у городского 1-го декабря, когда военное положеніе въ Ригѣ еще не было объявлено.

Въ теченіе февраля мѣсяца печать въ той или иной формѣ подверглась слѣдующимъ преслѣдованіямъ.

1) Въ Лодзи, по распоряженію вновь назначеннаго отдѣльнаго цензора вечерній номеръ „Нейе Лодзеръ Цейтунгъ“ отъ 30 января *конфискованъ* за перепечатку статей изъ „Новаго Времени“. Редакторъ привлекается къ судебной отвѣтственности.

2) По распоряженію мѣстной администраціи, на всѣхъ московскихъ вокзалахъ 31 января чины полиціи *отбирали изъ книжныхъ шкафовъ* номера „Русскаго Дѣла, (?) издаваемаго Шараповымъ. № 4 этой газеты отбирался также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, газетныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

3) Въ Москвѣ *конфискованъ* цѣлый рядъ изданій, какъ-то: драма „На баррикадахъ“, Прудона „Собственность—кража“, „О налогахъ“, „За что они борются подъ краснымъ знаменемъ“, „Гдѣ аграрныя программы?“ и нѣкоторыя петербургскія газеты и журналы.

4) Въ Москвѣ, 5 февраля, *конфискована* брошюра, содержащая программу прогрессивно-демократической партіи.

5) Въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ *закрытъ* на время военнаго положенія „Кіевскій Вѣстникъ“, замѣнявшій закрытую „Кіевскую Газету“. Причина—вредное направленіе, однако, совершенно безъ указанія, въ чемъ оно проявлялось. Такимъ образомъ, въ Кіевѣ уничтожены всѣ прогрессивныя газеты за исключеніемъ конституціонно-демократической „Свобода и Право“, номера которой часто конфискуются.

6) Въ Вильнѣ, 3 февр., ночью *конфискованы* номера социалдемократической газеты „Деръ Векеръ“.

7) Въ Екатеринбургѣ *приостановлена* на время чрезвычайной охраны газета „Уральскій Край“.

8) Въ Самарѣ *конфискованъ* „Самарскій Курьеръ“.

9) Въ Саратовѣ, 5 февраля, *конфискованъ* приготовленный къ выпуску первый номеръ новой народной газеты „Голось Деревни“. Редакторъ издатель Огановскій привлекается къ суду.

10) Въ Верхнедѣпровскѣ *конфискованы* полиціей послѣдніе выпуски газетъ „Радикаль“ и „Полтавское Дѣло“.

11) Въ Петербургѣ за напечатаніе въ номерѣ 1 газеты „Рабочая Жизнь“ статьи „Бѣлостокъ“ редакторъ этой газеты г. Андреевъ *привлеченъ къ отвѣтственности* по 1 п. 129 ст. уг. улож., а изданіе самой газеты приостановлено.

12) Редакторъ сатирическаго журнала „Водоворотъ“ *привлекается къ отвѣтственности* по ст. 6 отд. VIII времен. прав. о печати за напечатаніе въ номерѣ 1 журнала статей „О чертѣ“, „Усмирители“, „Вой въ технологическомъ институтѣ“, и „Казакѣ“.

13) По опредѣленію с.-петербургскаго окружнаго суда *отыскиваются* редакторъ газеты „Сынъ Отечества“ Григорій Ильинъ Шрейдеръ, обвиняемый по 1 и 3 п. 129 ст. уг. улож., и редакторъ-издатель газеты „Молодая Россія“ студентъ с.-петербургскаго университета Вячеславъ Эрикъ Лесневскій, обвиняемый по тѣмъ же статьямъ. Въ случаѣ обнаруженія имущества названныхъ лицъ, оно должно быть немедленно передано въ опекунское управленіе.

14) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета, подвергнуты *конфискаціи* послѣдніе №№ журналовъ „Наша Мысль“ и „Голосъ Среднеучебныхъ Заведеній“. Участкамъ, гдѣ находятся типографіи, печатающія названныя изданія, предписано произвести въ нихъ обыскъ и арестовать матеріалъ для этихъ журналовъ.

15) 9 февраля ночью послѣ обыска была *запечатана* полиціей типографія Виленчика (Литейный пр., д. 58). Закрытіе ея вызвано напечатаніемъ перваго номера сатирическаго журнала „Водоворотъ“, оставшіеся номера котораго были *конфискованы*.

16) Въ Керчи *конфискованъ* номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 2 февраля

17) Въ Таганрогѣ, 8 февраля, въ редакціи „Таганрогскаго Вѣстника“ *конфискованы* номера газеты отъ 2 февраля. Редактору Чумаченко предъявлено обвиненіе по 2 пункту 1 части 129 статьи угол. улож. Послѣ предъавленнаго залога въ 5000 р. онъ освобожденъ отъ ареста.

18) Въ Казани, 8 февраля, въ редакціи „Волжскаго Вѣстника“ произведенъ обыскъ. *Конфискованы* рукописи.

19) Въ Москвѣ *возбуждено нѣсколько уголовныхъ дѣлъ* противъ типографовъ за печатаніе послѣ 17 октября брошюръ, взывающихъ къ бунту и разрушенію существующаго строя. Совершенно изъята изъ продажи газета „Русь“.

20) Въ Ярославлѣ торговля печатными произведеніями *всюду стѣснена*. Въ кіоскахъ, на фабрикахъ и улицахъ брошюры и газеты за небольшими исключеніями отбираются.

21) Въ Гомелѣ, 11 февраля, мѣстная газета „Трудъ“ закрыта. Послѣдній номеръ *конфискованъ*.

22) Въ Варшавѣ редакторъ „Працы польской“, Пешке, *привлеченъ* прокуроромъ надзоромъ къ уголовной отвѣтственности за помѣщеніе статьи „Отголоски Литовскихъ безпорядковъ“.

23) Въ Петербургѣ, въ типографію Четверикова, гдѣ хранились оставшіеся экземпляры, и гдѣ готовился уже къ печати слѣдующій номеръ сатирическаго журнала „Волшебный Фонарь“, неожиданно явилась полиція и, не вступая ни въ какія объясненія, *запечатала* типографію, заколотивъ послѣднюю досками.

24) Въ Херсонѣ редактору приостановленной генералъ-губернаторомъ газеты „Югъ“ Гошкевичу губернаторомъ *отказано* въ разрѣшеніи издавать другую газету.

25) Въ Петербургѣ, по инициативѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, редакторъ „Молвы“ г. Зенгеръ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 5 п. 129 ст. уг. уд. за напечатаніе въ № 11 „Молвы“ „Воззванія 2 Урупскаго казачьяго полка“.

27) Въ Кіевѣ вышедшій первый номеръ журнала „Русская Жизнь“ *конфискованъ*.

28) 8 февраля въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты слушалось дѣло редактора-издателя „Сына Отечества“ С. П. Юрицина, обвинявшагося по 1 и 2 пп. 129 и 128 ст. угол. улож. за статьи въ номерахъ его газеты. Палата приговорила Юрицина къ *заключенію въ крѣпость на 1 годъ*, навсегда прекратила изданіе газеты „Сынъ Отеч.“ и запретила Юрицину быть редакторомъ или издателемъ періодическихъ изд. въ теченіе 5 лѣтъ.

29) По дѣлу о приостановкѣ газеты „Свобод. Народъ“ Сенатъ оставилъ частную жалобу на опредѣленіе судеб. палаты *безъ разсмотрѣнія*.

30) Въ Петербургѣ редакторъ журнала „Молодость“ С. А. Бронштейнъ за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала статей: „Еще циркуляръ“ и „Петербургъ 2 февраля“, и редакторъ журнала „Буря“ П. І. Эрастовъ за напечатаніе въ № 5 этого журнала статьи „89 годъ“ и стихотвореній: „Я васъ не зналъ, былого тѣни“ и „Никто не ждетъ“ *привлечены* къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож., а изданіе этихъ журналовъ приостановлено.

31) Въ Керчи опредѣленіемъ судебной палаты газета „Южный Курьеръ“ *приостановлена* до судебного приговора.

32) Въ Лоданъ выѣздная сессія петроковского окружного суда приговорила редактора газеты „Розвои“ за оскорбленіе арміи въ газетной статьѣ къ *заключенію въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ*.

33) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ сиб. судебной палаты, основаннымъ на ст. 14 отд. VII вр. пр. о печати, *приостановлены* изданіемъ „Современныя Записки“, выходящія взамѣнъ „Русскаго Богатства“. Поводомъ къ приостановленію журнала послужило напечатаніе въ январьской книжкѣ статей: „Примѣнительно къ аграрнымъ погромамъ“ А. Петрашова, „Прошлое и настоящее“ С. Елпатьевскаго и „Слѣдуетъ ли идти въ Государственную Думу“ И. Бикермана. Помимо редактора Н. Ф. Анненскаго привлекаются также къ отвѣтственности и авторы статей.

34) Въ Варшавѣ редакторы Варшавскихъ газетъ „Слова“ Донимирскій и „Всеобщаго Дневника“ Елєвскій *привлечены* къ уголовной отвѣтственности по 129 статьѣ.

35) Въ Петербургѣ редакторъ сатирическаго жур. „Сигналь“ К. Чуковский, которому палата на дняхъ вынесла оправдательный приговоръ, не находя въ обвиненіи состава преступленія, *снова привлеченъ* по 128 ст. угол. улож. Мѣра пресѣченія—внесеніе залога въ 10,000 руб.

36) Въ Петербургѣ *арестованъ* помощникъ присяжнаго повѣреннаго Власовъ, редакторъ сатирическаго журнала „Жало“, единственный номеръ котораго былъ выпущенъ еще въ ноябрѣ прошлаго года. Къ г. Власову предъявлено обвиненіе по 129 ст. угол. улож.

37) Въ Витебскѣ распоряженіемъ вице-губернатора *конфискованъ* № 12 газеты „Витебская Жизнь“. Редактору, доктору Бруку, предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о наказ.

38) Прокуроръ саратовской судебной палаты сверхъ залога въ 2,500 р. потребовалъ съ *привлеченнаго* по 128 и 129 статьямъ редактора „Самарской Газеты“ Кастерина еще 10,000.

39) Изъ Харькова получено извѣстіе *объ арестъ* Ефимовича, редактора-издателя газеты „Иридитировскій Край“.

40) Въ Москвѣ, — въ городѣ и на вокзалахъ полиціей *конфисковалась* брошюра „Новая нагорная проповѣдь“.

41) Въ Ярославль редакторъ „Сѣверной Газеты“ Тронцкій *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.

42) Въ Варшавѣ въ типографіи Ляскауера полиціей *конфисковано* 2,000 экземпляровъ перваго тома изданія „Ксножницы“, содержащаго драму Словацкаго, подъ заглавіемъ „Кордыанъ“.

43) Въ Петербургѣ главное управленіе по дѣламъ печати возбудило *уголовное преслѣдованіе* по 2 п. 129 ст. уг. ул. противъ редактора журнала „Наша Мысль“ г. Цеммермана за напечатаніе въ № 3 — 4 журнала статьи: „Литературныя бесѣды“. Изданіе журнала приостановлено.

44) Противъ редактора газеты „Современная Жизнь“ П. Сойкина возбуждено *уголовное преслѣдованіе* по 6 ст. VII отд. вр. пр. о печати за напечатаніе въ № 25 газеты стихотворенія „Народное горе“ и статьи „Бомбардировка булками“.

45) Редакторъ журнала „Фискаль“ г. Нарускевичъ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 6 ст. VII разд. врем. пр. о печати за помѣщенный на послѣдней страницѣ № 3 журнала рисунокъ, изображающій на человѣческомъ скелетѣ казака, и за напечатаніе стихотворенія, относящагося къ рисунку.

46) Въ Петербургѣ, въ квартиру занимаемую редакціей журнала „Паяцы“, явилась полиція и передала издателю студенту В. М. Вышомирскому приглашеніе пристава мѣстнаго участка—явиться къ нему къ 11 часамъ утра по дѣлу. Въ участкѣ предложили немедленно дать подписку въ томъ, что впредь издаваться сатирической *журналъ не будетъ*.

47) По дѣлу газеты „Буревѣстникъ“ судеб. палата 16 февр. приговорила редактора ея пом. пр. пов. Барона за напечатанныя въ ней статьи къ заключенію *въ крѣпость на 1 годъ*, приостановила это изданіе навсегда и запретила Барону быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

48) Во Владивостокѣ распоряженіемъ администраціи закрыта газета „Владивостокскій Листокъ“ за статьи, помѣщенные еще въ декабрѣ. Редакторъ-издатель Подпахъ *привлеченъ* къ суду разомъ по нѣсколькимъ дѣламъ. Такимъ образомъ, на русскомъ Дальнемъ Востокѣ не существуетъ болѣе прогрессивныхъ органовъ печати: въ Иркутскѣ, Читѣ, Верхнеудинскѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, а теперь и Владивостокѣ устроена полная монополія консервативныхъ газетъ.

49) По иниціативѣ цензурнаго комитета, признавшаго вышедшія на дняхъ въ свѣтъ книжки „Популярная исторія Россіи“ преступными по ихъ содержанію, судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ г. Зайцевымъ *начато судебное преслѣдованіе* для обнаруженія автора и издателя книги съ цѣлью привлеченія этихъ лицъ къ отвѣтственности по 128 и 5 п. 129 ст. уг. ул.

50) Въ Кяхтѣ *арестованы* редакторъ газеты „Байкаль“ Игумновъ, владѣлецъ типографіи Саплинъ и сотрудникъ газеты Поповъ. Типографія „Байкала“ опечатана.

51) Въ Петербургѣ, 13 февраля, въ 11 ч. 30 м. вечера въ редакціи жу-

нала „Водоворотъ“ былъ произведенъ обыскъ, при чемъ была арестована переписка. Обыскъ былъ произведенъ по предписанію охраннаго отдѣленія.

52) Въ Москвѣ редакторъ газ. „Борьба“ г. Скимунтъ, привлеченный уже къ отвѣтственности по 129 ст., получилъ извѣщеніе, что къ нему предъявляется обвиненіе по 103 ст. угол. улож. Дѣло будетъ слушаться въ Москвѣ 13 марта.

53) Въ Москвѣ судебная палата *приостановила* газету «Вѣкъ» до судебного разбирательства. Редакторъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ уг. улож.

54) Въ Нижнемѣ при произведенныхъ въ книжныхъ магазинахъ обыскахъ, между прочимъ, *отобранъ манифестъ 17 октября*, какъ изданный безъ цензуры.

55) Въ Варшавѣ *разбиралось* дѣло редактора «Gazety Polskiej» Гадомскаго за статью «Провокація». Гадомскій присужденъ къ штрафу въ 50 рублей, или къ 10 днямъ ареста.

56) Въ Елизаветградѣ „Новая Россія“ *приостановлена* на время военнаго положенія.

57) Въ Симферополѣ судебная палата утвердила послѣднее распоряженіе о *конфискаціи* номера газеты «Крымъ». Редакторъ Эйдлинъ привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 129 угол. улож.

58) На всѣхъ московскихъ вокзалахъ *конфисковывалась* полиціей брошюра графа Л. Н. Толстого „Солдатская памятка“.

59) Въ пятницу, 10 февраля, около 1 ч. дня, въ Н.-Новгородѣ, въ книжный магазинъ г-жи Л. З. Гець явился чиновникъ особыхъ порученій г. Мельниковъ, который съ помощью полицейскихъ чиновъ *конфисковалъ* 4,694 брошюры.

60) Въ Петербургѣ редакторъ газеты «Русь» М. М. Крамалей *привлекается* къ уголовной отвѣтственности за напечатаніе въ № 17 редактируемой имъ газеты статьи „Отъ забастовочнаго учительскаго комитета“.

61) Отвѣтственный редакторъ журнала „Оводъ“ Ф. К. Зиминъ *привлеченъ* по 129 ст. ул. за стихотвореніе, помѣщенное въ первомъ № журнала. По постановленію судебного слѣдователя Ф. К. Зиминъ до суда отданъ подъ надзоръ полиціи.

62) 4 февраля *конфискованъ* № 1 журнала «Паяцы», вышедшій взаимѣнъ приостановленнаго журнала «Паяцъ». Редактору-издателю студенту В. М. Вышомирскому *предъявляется обвиненіе* по 129 ст.

63) Въ Петербургѣ 17 февраля въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалась кассационная жалоба редактора «Новостей» О. К. Нотовича на приговоръ судебной палаты, приговорившей его къ заключенію въ тюрьму на 2 недѣли за помѣщеніе въ редактируемой имъ газетѣ воззванія союза телеграфистовъ. Сенатъ оставилъ жалобу *безъ послѣдствій*.

64) За выпускъ послѣдняго номера сатирическаго журнала „Сигналы“ *арестованъ* его редакторъ В. Е. Турохъ.

65) Редакторъ „Петербургской Газеты“ Н. С. Худековъ *привлекается* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе воззванія союза союзовъ. Н. С. Худековъ оставленъ на свободѣ въ виду того, что онъ внесъ залогъ въ размѣрѣ 1,000 рублей.

66) Въ Екатеринославѣ, по распоряженію генералъ-губернатора, „Привѣпровскій Край“ *закрѣтъ* на время военнаго положенія. Екатеринославъ остается теперъ безъ органа печати.

67) Въ Костромѣ *арестованъ* номеръ „Костромскаго Голоса“ отъ 14 февраля; предъявлено обвиненіе по ст. 9, п. 15, 8 отд. времени. правилъ о печати и по ст. 129, ч. 1 п. 2 и ч. 2 п. 1.

68) Въ Петербургѣ 17 февраля въ особомъ присутствіи спб. судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Митингъ“ г. Волькенау, который напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Очнитесь, придите въ себя, звѣри“, завѣдомо для него возбуждающую къ учиненію бунтовщическаго дѣянія и къ нарушенію воинскими чинами обязанностей военной службы; преступленіе это предусмотрено 1 и 5 ш. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила г. Волькенау къ *тюремному заключенію* на три мѣсяца, при чемъ закрыла журналъ навсегда и запретила г-ну Волькенау быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

69) Въ Петербургѣ въ ночь на 20 февраля полиціей *опечатана* типографія Н. Лундорфъ, въ которой печатался 2-й номеръ журнала „Скоріонъ“.

70) Постановленіемъ судебной палаты, состоявшимся 17 февраля, приостановлено изданіе эстонской газеты «Undized» за напечатаніе въ № 93 этой газеты статьи: „Постановленія собранія народныхъ депутатов“. Редакторъ П. Спекъ *привлеченъ* къ отвѣтственности.

71) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 18 февраля, *наложена арестъ* на брошюру подъ названіемъ: „Хватить ли на всѣхъ земли“. изданія Парамовова. Издатель привлеченъ къ отвѣтственности.

72) Въ Петербургѣ редакторъ еженедѣльнаго журнала „Полярная Звѣзда“ П. Б. Струве *обвиняется* по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 8 редактируемаго имъ журнала статьи В. Стенцицкаго.— „Открытое обращеніе вѣрующаго къ православной церкви“.

73) Въ Харбинѣ газета „Харбинскій Листокъ“ *закрѣтъ*; возникшая вмѣсто нея „Манчжурія“ также приостановлена.

74) Въ Кіевѣ редактору „Свободы“ и „Права“ Лучицкому предложено *снять подписи съ газеты* въ виду возбужденнаго противъ него преслѣдованія по 129 статьѣ.

75) Въ Москвѣ долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый номеръ новой прогрессивной еженедѣльной газеты „Другъ Народа“. Въ типографію Мамонтова, гдѣ печаталась эта газета, уже раннимъ утромъ явилась полиція съ цѣлью *арестовать газету*. Конфисковано всего нѣсколько номеровъ, такъ какъ всѣ напечатанные номера были распространены еще наканунѣ.

76) Въ Петербургѣ редакторъ газеты „Право“ проф. В. М. Гессенъ *привлекается* къ отвѣтственности за передовую статью, помѣщенную въ № 7 „Права“ и за напечатаніе резолюціи, принятой офицерами въ г. Читѣ.

77) Въ Твери, пробный номеръ „Тверской жизни“, вышедшій въ количествѣ 3000 экз., по распоряженію губернатора Слѣпцова конфискованъ.

78) Въ Кременчугѣ харьковская палата постановила *привлечь къ суду* заключеннаго въ тюрьму редактора кременчугской газеты „Южное Слово“ по 128 и 129 статьямъ, выпустивъ его при этомъ на свободу по внесеніи залога въ 300 руб.

79) Въ Москвѣ издательская фирма „Посредникъ“ послала для напечатанія въ типографію Печковской двѣ брошюры Толстого: „Исповѣдь“ и „Христіанское ученіе“, ранѣе уже издававшіяся и свободно продававшіяся въ Петербургѣ. Однако, когда типографія отослала эти брошюры въ цензурный комитетъ, послѣдовалъ вызовъ содержателя типографіи въ участокъ, гдѣ ему было объявлено, что по распоряженію инспектора типографій брошюры *конфискуются* и по требованію цензурнаго комитета возбуждается вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности.

80) Въ Петербургѣ противъ редактора журнала «Фискаль» г. Нарусбека, привлеченнаго уже къ отвѣтственности за № 3 журнала вновь *возбуждено уголовное преслѣдованіе* по 128 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 журнала замѣтокъ: «Юмористическіе осколки» и «Вѣяценосныя головы».

81) Въ Полтавѣ, вышедшій первый номеръ новой газеты «Полтавскія Думки» *конфискованъ* полиціей. Произведены новые аресты между работчиками.

82) Въ Твери редакторъ-издатель «Тверской Жизни» *привлекается* къ судебной отвѣтственности. Газета приостановлена до рѣшенія суда.

83) Въ Лодзи противъ редактора «Гонецъ Лодзскій» *возбуждено четырнадцать процессовъ*. Кромѣ него привлекаются къ отвѣтственности сотрудники этой газеты Монсиорскій и Френкель.

84) Въ Тифлисъ, 25 фев., по распоряженію временнаго генераль-губернатора, газета «Возрожденіе» *приостановлена* на все время дѣйствія въ городѣ Тифлисъ и его уѣздѣ военнаго положенія, въ виду проложжающагося вреднаго направленія названной газеты, несмотря на объявленное редактору ея предостереженіе.

85) Въ Одессѣ ежедневно, по распоряженію генерала Карангозова, *конфисковываютъ* прибывающія изъ Петербурга и другихъ городовъ изданія. Въ послѣдній разъ на вокзалѣ жандармами и инспекціей книжной торговли конфискована „Полярная Звѣзда“ Струве (около 6 пудовъ), кievскій еженед. «Южный Голосъ» (около 1 пуда), возвращены въ Одессу изъ Петербурга «Южныя Записки» (около 3 пудовъ), ежен. журн. „Безъ заглавія“ Кусковой (около 3 пуд.), 500 №№ «Пулемета» и др. Конфисковываются на одесскомъ вокзалѣ и всякаго рода книги, изданія по постановленію союза издателей безъ цензуры.

86) Въ Сызрани, 22 фев., редакторъ газеты «Сызрань» *привлеченъ* къ суду по 1028 статьѣ уложенія о наказаніяхъ.

87) Во Владикавказѣ, 21 фев., генераль-губернаторъ *закрылъ* за вредное направленіе газету „Казбекъ“.

88) Въ Петербургѣ авторъ брошюры «Въ странѣ вольнаго крестьянства», С. Русова и издатель ея Н. Парамоновъ *привлечены* къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. ул. Брошюру постановлено конфисковать.

89) Изданная Е. Алексѣевой брошюра «Новый Законъ» по постановленію судебной палаты *конфискуется*. Издательница брошюры и авторъ ея Л. Мартовъ привлечены къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. улож.

90) Въ Петербургѣ №№ 2 и 3 еженедѣльнаго журнала «Голосъ Среднеучебныхъ заведеній» были *конфискованы* полиціей. Съ № 3 журналъ приостановленъ, и редакторъ, г-жа Волгина привлекается къ отвѣтственности.

91) Въ Могилевѣ губ. *арестованъ* номеръ 41 „Могилевскаго Голоса“.

92) Въ Оренбургѣ судебною палатою изданіе газеты «Оренбургскій

„Листокъ» *приостановлено*. Къ редактору Столпянскому предъявленъ рядъ обвиненій по статьѣ 129 уголовного уложенія. Столпянскій заключенъ въ тюрьму.

93) Въ Томскѣ редакторъ-издатель газеты „Вѣстникъ Сибири“ *арестованъ* по обвиненію его по 129 статьѣ. Предложеніе замѣнить заключеніе подъ стражу залогомъ отклонено. Изданіе «Вѣстника Сибири», послѣ выпуска перваго номера, на все время военнаго положенія редакціей прекращено.

94) Въ Керчи редакторъ-издатель „Южнаго Вѣстника“, Гарнестъ, *заключенъ въ тюрьму* жандармской властью.

95) Въ Екатеринбургѣ, 22 фев., губернаторъ *не разрѣшилъ* изданія въ Кунгурѣ газеты „Кунгурскій Листокъ“.

96) Въ Петербургѣ, по постановленію петербургской судебной палаты журналъ „Голосъ Фармацевта“ *приостановленъ*. Редакторъ его, Л. М. Клячко, привлекается къ судебной отвѣтственности.

97) Въ Одессѣ, генераль-губернаторъ *встрѣтилъ* на время военнаго положенія газету «Вѣсти Понедѣльника».

98) Въ Петербургѣ редактору «Новостей» Н. К. Нотовичу *предъявлено два новыхъ обвиненія* за статью „Терроръ успокоенія“, содержащую рѣзкое описаніе и рѣзкую критику дѣйствій карательныхъ отрядовъ, отчетъ о съѣздѣ литовцевъ въ Вильнѣ, перепечатки изъ „Одесскихъ Новостей“, письма нижнихъ чиновъ изъ „Асхабада“. „Письма унтеръ-офицера Галушкина“ и другихъ перепечатокъ. Одно дѣло объ оскорбленіи воинскихъ частей, возбужденное на основаніи 6 ст. отд. VIII врем. пр. о печати,—подлежитъ окружному суду, другое, формулированное по 1, 3 и 5 пп. 129 ст. уг. ул., судебной палатѣ.

99) Въ Петербургѣ охранной полиціей производится *конфискація* появившейся на этихъ дняхъ брошюры „Свобода и гражданскія права“. Отбираніе брошюры сопровождается немедленнымъ арестомъ продавцовъ. Задержано нѣсколько лицъ.

100) 24 февраля въ правительствующемъ сенатѣ слушалось дѣло по кассационнымъ жалобамъ редакторовъ сатирическаго журнала „Свобода“ гг. Усаса и Гутьяра на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ они по 129 и 128 ст. уг. ул. были присуждены къ годичному заключенію въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобы *безъ послѣдствій*.

101) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета, произведенъ внезапный *обыскъ* въ типографіи, напечатавшей 4-й номеръ сатирическаго журнала „Фискалъ“. Всѣ найденные номера журнала *конфискованы*.

102) Въ Петербургѣ редакторъ журнала «Альманахъ», С. В. Чехонинъ *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности за напечатанное въ № 1 журнала стихотвореніе „Балбесъ“.

103) Въ Ярославлѣ, по приказанію губернатора, *арестованы* воззванія конституціонно-демократической партіи.

104) Въ Петербургѣ по дѣлу редактора социаль-демократической газеты „Начало“ и „Нашъ Голосъ“ судебная палата 25 февраля *приговорила* редактора Д. М. Герденштейна къ заключенію въ крѣпость на 1 г.; издатель Салтыковъ оправданъ.

105) Въ Казани къ редактору татарской газеты „Азаръ“ („Свобода“)

Апонаеву предъявлено *обвиненіе* по пункту пятому, отдѣла 8 правилъ 14 ноября.

106) По книжнымъ магазинамъ Петербурга ходять инспектора главнаго управленія по дѣламъ печати и отбирають отъ владѣльцевъ магазиновъ подписки въ томъ, что они отнынѣ обязываются *не продавать никакихъ программъ политическихъ партій*, запрещенныхъ за послѣднее время брошюръ и изданій, за исключеніемъ дозволенныхъ цензурой. Всѣ эти изданія тутъ же инспекторами конфискуются.

107) Въ Петербургѣ полиція „предложила“ книжному магазину „Трудъ“ изъять изъ продажи нѣкоторыя изданія, вполне легальныя, но, по ея мнѣнію, революціоннаго содержанія.

108) Въ Петербургѣ кассационная жалоба ред. газ. „Русь“ А. А. Суворина на приговоръ судеб. пал., „кормъ онъ былъ присужденъ къ годичному заключенію въ крѣпости 24 февраля Сенатомъ оставлена *безъ послѣдствій*.

109) 8 февраля судебная палата *приговорила* редактора сатирическаго журнала „Жупель“ Гржебина, обвиняемаго по 103 и 129 ст. уг. ул. за помѣщеніе въ № 1 журнала стихотворенія „Сказка о царѣ Берендеѣ“ и рисунка „Орель-оборотень“ къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣс., запретила выходи въ свѣтъ журнала навсегда, а З. И. Гржебину въ теченіе 10 лѣтъ редактировать или издавать какое бы то ни было періодическое изданіе.

110) За всѣ корреспонденціи, помѣщенныя въ „Полтавщинѣ“ и въ „Полтавскомъ Дѣлѣ“, которыя критикуютъ дѣйствія казаковъ, противъ редактора *возбужденъ* рядъ уголовныхъ дѣлъ.

111) Въ Курскѣ *конфискованъ* первый номеръ газеты „Курскій Голосъ“.

112) Въ Петербургѣ, по распоряженію ценз. комит., отбираются №№ 1-й и 2 изданія „Рабочій Народъ“, 15 февр. произведенъ *объскъ* въ типографіи, гдѣ печатается названное изданіе. Противъ редакторовъ Кирьякова и Сафонова *возбуждено* угол. преслѣд. по п. 1. 129 ст.

113) Въ Москвѣ *конфискованъ* первый номеръ еженедѣльной газеты „Другъ Народа“.

114) Въ Петербургѣ опредѣленіемъ судебной палаты *приостановлено* до судебнаго приговора изданіе журналовъ „Паяцы“ и „Гвоздь“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на историческій журналъ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Биографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая библиографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуриискій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Василевскій (Плохоцкій); С. А. Венгеровъ; В. В. Водозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ. В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейша; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Д. А. Клеменць; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкій; И. И. Майновъ; М. Маньковскій; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милуковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсяннико-Куликовскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковскій; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 руб.

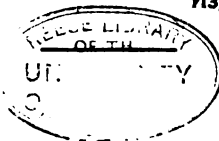
Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1, Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ редакціи.

Кромѣ продолженія статей **М. К. Лемке** (Дѣло Чернышевскаго) и **Н. П. Павлова-Сильванскаго** (Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ), въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **А. П. Прибылева-Корба**. — **С. П. Дегаевъ** (изъ воспоминаній); **Ред.** — **Дегаевщина** (матеріалы и документы); **М. Новорусскій** — Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. **П. Е. Щеголевъ** — Семень Олейничукъ и агитационная литература декабристовъ. **М. Корольковъ** — поручиѣ Кречетовъ (Шлис. узникъ XVIII вѣка). **П. Надинъ**. — Стрѣльниковскій процессъ 1883 г. въ Одессѣ; **П. Семенюта** — Изъ воспоминаній о другѣ (А. И. Желябовъ); **Д. В. Стасовъ** — Процессъ каразовцевъ 1866 года; (къ сорокалѣтію со времени процесса). **Л. Плохоцкій** — Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ». **В. Е. Якушкинъ** — Изъ бумагъ декабриста **И. Д. Якушкина**. **И. С. Джабадари** — «Въ неволѣ». **А. А. Спандани** — Изъ воспоминаній (о процессѣ **В. Н. Фигнеръ**, **Дегаевщинѣ** и пр.); **Н. А. Морозовъ** — Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ 1879 г.); **М. Р. Поповъ** — Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ** — Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **А. В. Тырковъ**. — Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта 1881 г.); **М. Ф. Фроленко** — Изъ воспоминаній («Побѣгъ Алеши Поповича»); **С. А. Ивановъ** — Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригопи** — Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ** — Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ** — Драма 1889 года въ Якутскѣ; **А. Л.** — Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке** — Процессы **Н. А. Серно-Соловьевича**, **П. А. Мартыанова** и **В. А. Обручева** (по подлиннымъ дѣламъ). Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты **Н. А. Серно-Соловьевича**, **Д. В. Каразова**, **П. И. Войноральскаго**, **П. А. Алексѣева**, **Н. В. Чайковскаго**, **В. А. Осинскаго**, **Д. А. Лизогуба**, **П. В. Бардовскаго**, **С. Куницкаго**, **М. Р. Ланганса**, **С. М. Кравчинскаго**, **Н. Л. Зотова**, **А. Л. Гаусмана**, **Л. М. Коганъ-Беренштейна**, **А. П. Прибылевой-Корбы**, **Н. А. Желвакова**, **Л. Варыскаго**, **В. Н. Фигнеръ**, **Г. А. Лопатина**, **Н. А. Морозова** и др., изображеніе въ 6 видахъ **Дегаева**, распространявшееся, въ цѣляхъ его розыска, правительствомъ, рисункъ **Виллюйскаго** тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды старой и новой тюрьмы, въ Шлиссельбургской крѣпости и проч.

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.

Books may be Renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW

MAR 05 1992

#

AUTO DISC CHRG FEB -5 '92

FORM NO. DD6

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 BERKELEY, CA 94720

LD 2
(D3)

LD21-A-40m-5,74
(R8101L)

General Library
 University of California
 Berkeley